(Годъ сорокъ третій).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1905

9.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1905.

ГЛАВНЫЯ СТАТЬИ ВЪ «РУССКОМЪ АРХИВѢ».

1902 года.

Записки астронома *Ивана Бернулли* о поѣздкѣ его въ Россію въ 1777 г. (Академикъ Эйлеръ — Праздникъ въ Петергофѣ. — Екатерина у обѣдни. Праздникъ Преображенскаго полка. Домà И. И. Шувалова и графа И. Г. Чернышова).

Русскіе люди въ 1812 году. Отзывъ современника *Г. Ѳ. Фабера.*

Письма А. Я. Булгакова къ его брату. 1831 годъ (Кончина И. Н. Корсакова и князя Н. Б. Юсупова. Свадьба А. С. Пушкина и балъ у него. Пребываніе Государя въ Москвѣ. Балы. Бесѣды съ Государемъ и Государыней. Крестины внучки).

Изъ воспоминаній *Е. И. Елагиной*, съ предисловіемъ С. А. Смирнова.

Изъ писемъ К. Я. Булгакова къ брату его. (1808—1810).

Письмо императора *Александра Павловича* къ великой княгинѣ Аннѣ Ѳеодоровнѣ о разводѣ ея.

М. Ѳ. Шугуровъ, біографическій очеркъ.

Записки П. П. фонъ-Гёце.

Тургеневъ и Достоевскій. 1867. (Встрѣча ихъ въ Баденъ-Баденѣ, по разсказу Достоевскаго, и письмо о томъ Тургенева къ издателю „Русскаго Архива".

Изъ записокъ *А. А. Чумикова.* (П. Г. Рѣдкинъ и его письма).

Изъ записной книжки О. А. Новиковой. (Разговоръ съ канцлеромъ княземъ Горчаковымъ 29 Іюля 1878 г.).

Къ прославленію святой памяти Серафима Саровскаго (1860). Разсказъ Д. Ѳ. Тютчевой.

1903 года.

Царевичъ Алексѣй Петровичъ въ Германіи.

Императоръ Іосифъ II въ Россіи. Статья *М. Ѳ. Шугурова.*

Письма К. Я. Булгакова къ брату его. Годы 1821—1827.

Воспоминанія В. Ивановича Сафоновича.

Изъ записокъ *Н. П. Колюбакина.*

Путевыя записки Енисейскаго епископа *Никодима.*

Сотрудники Петра Великаго. П. И. Ягужинскій и Меньшиковъ. Статья *А. А. Голомбіевскаго.*

Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ. Статья *С. И. Кедрова.*

Изъ записокъ *Анны Ѳеодоровны Аксаковой.*

А. С. Хомяковъ о преподобномъ Серафимѣ Саровскомъ.

О современномъ человѣкѣ. Посмертное сочиненіе *К. С. Аксакова.*

Санъ-Донато. Хроника.

Русь Петра Великаго за границей. Посольство князя Б. И. Куракина въ Римѣ. Статья *С. И. Кедрова.*

Парижскія донесенія *Ѳ. Д. Бехтеева* императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

Исторія Евреевъ въ Россіи. Статья *М. Ѳ. Шугурова.*

Изъ записокъ князя-Москвича *A. Nero.*

Ѳ. И. Тютчевъ. Лѣтопись его жизни. Статья *В. Я. Брюсова.*

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СОРОКЪ ТРЕТІЙ.

1905.

III.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

Вамъ, чуждымъ лѣтописи древней,
Вамъ въ умъ забрать немудрено,
Что съ той поры и свѣтъ въ деревнѣ,
Какъ стали вы смотрѣть въ окно.
Нѣтъ, и до васъ шли годы къ цѣли,
Въ деревнѣ Божій свѣтъ не гасъ;
А въ окна многіе смотрѣли,
Которые позорче васъ.

Князь Вяземскій

1905.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.
1905.

РУССКАЯ ГВАРДІЯ[1]).

1816—1834 г.г..

„Какъ въ исторіи цѣлыхъ государствъ, такъ и въ исторіи отдѣльныхъ учрежденій и частей, поучительный интересъ представляется не въ изложеніи однихъ офиціальныхъ фактовъ, но въ описаніи внутренняго быта, какъ бы домашней жизни, описываемой части. Тогда только для настоящаго времени жизнь дѣдовъ и отцовъ можетъ быть назидательна и послужитъ указаніемъ, чего слѣдуетъ избѣгать". (В. Д. Кренке. Бытъ саперовъ 50 лѣтъ назадъ. „Ист. Вѣстн." 1885, VIII, 265).

Принимая непосредственное участіе въ трудѣ В. В. Квадри по Исторіи Государевой Свиты (Императорской Главной Квартиры), я прилагалъ свои архивныя розысканія особенно къ собиранію свѣдѣній по бытовой исторіи Свиты: мною напечатанъ рядъ выборокъ изъ приказовъ Барклая-де-Толли („Русскій Архивъ" и „Варшавскій Военный Журналъ"), Багратіона („Военный Сборникъ"), Эссена I („Варшавскій Военный Журналъ") и составленъ очеркъ по приказамъ Императора Павла I („Историческій Вѣстникъ").

Въ настоящее время я привожу выдержки, имѣющія военно-историческое и военно-бытовое значеніе, изъ приказовъ и приказаній по гвардейскому корпусу за время 1816—1834 г.г., снабжая ихъ примѣчаніями. Тутъ встрѣчаются иногда показанія, весьма любопытныя для обрисовки личности великаго князя Михаила Павловича.

Михаилъ Соколовскій.

I.

Выписки изъ приказовъ 1816 г.

16 Марта, № 48.

19-го Марта сего мѣсяца г.г. офицеровъ, находившихся въ походѣ 1813-й и 1814-го годовъ, отнюдь не посылать ни въ караулы, ни въ какую другую должность по полку, а нарядить такихъ, кои въ вышеозначенныхъ годахъ въ походѣ не были. Ежели же число таковыхъ офицеровъ будетъ такъ мало, что оныхъ для карауловъ не достанетъ, то прикомандировать изъ другихъ полковъ по дивизіи[2]).

*

---

[1]) Этотъ приказъ былъ отданъ графомъ Милорадовичемъ (29 Сент. 1817 г. его заступилъ И. В. Васильчиковъ) конечно въ память взятія Парижа и къ остальнымъ днямъ года не относится. П. Б.

[2]) Гвардія—цвѣтъ Русскаго народа. Постоянное общеніе съ гвардейскими солдатами воспитало не въ одномъ императорѣ Николаѣ Павловичѣ беззавѣтную любовь къ Русскому народу. П. Б.

9 Апрѣля, № 89.

Его Императорское Величество объявляетъ свое совершенное удовольствіе войскамъ бывшимъ сего числа въ парадѣ за совершенный порядокъ и исправность, кромѣ л.-гв. Семеновскаго полка, за что высочайше повелѣно сдѣлать выговоръ полковому командиру г. генералъ-адъютанту Потемкину, а баталіонныхъ командировъ: полковника Паткуля, Гурко и барона Фридерикса арестовать на двадцать четыре часа, равно и 2-й гвардейской артиллерійской бригады легкой № 2 роты капитана Беклимишева высочайше повелѣно арестовать на двадцать четыре часа [1]).

*

8 Декабря, № 277.

Его Императорское Величество замѣтить изволили, что у разводовъ и въ парадахъ музыканты полковъ лейбъ-гвардій, играя марши, не держатъ настоящій тактъ, какъ о томъ предписываемо было въ приказѣ по корпусу. По чему высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы г.г. полковые адъютанты, имѣя у себя часы съ секундами, непремѣнно замѣчали, дабы музыканты играли при тихомъ маршѣ не болѣе 75-ти и не менѣе 72 шаговъ въ минуту, а при скоромъ не болѣе 110 и не менѣе 107 шаговъ; наблюденіе сего будетъ оставаться на отвѣтственности г.г. полковыхъ адъютантовъ [2]).

*

---

[1]) Императоръ Александръ I арестовывалъ за дурной парадъ даже полковыхъ командировъ. 28 Іюля 1815 г. А. А. Закревскій въ свой дневникъ занесъ: „Вступили въ Парижъ 2-я кирасирская и 3-я гренадерская дивизіи съ 4-мя артилерійскими ротами. Государь арестовалъ командировъ полковъ Сибирскаго полковника Потулова, 26-го егер. под. Медвѣдева и 29-го под. Татаринова и посадилъ на Аглицкую гобтвахту за то, что полки дурно прошли" (изъ Сборник. стар. бум. музея П. И. Щукина). А. П. Ермоловъ вступился было за командировъ, прося не арестовывать ихъ при гауптвахтѣ, занятой карауломъ иностранныхъ войскъ, но лишь вызвалъ неудовольствіе Государя (Записки. Н. Н. Муравьева. „Рус. Арх.", 1886, кн. 3, 299). Скорѣйшимъ приведеніемъ въ исполненіе высочайшаго повелѣнія былъ крайне озабоченъ кн. П. М. Болконскій, который въ тотъ же день 28 Іюля, въ 9 часовъ вечера, писалъ А. А. Закревскому: „Арсеній Андреевичъ, увѣдомьте, пожалуйста, отчего по сіе время не присланы полковые командиры на гауптвахту; кончится, я думаю, уже тѣмъ, что меня самого пошлютъ, ибо безпрестанно спрашиваетъ о нихъ, и прикажите послать къ генералу Ермолову, чтобы онъ завтра поутру пріѣхалъ во дворецъ самъ для объясненія, почему не исполнено по сіе время Его повелѣніе" (Сборн. Им. Рус. Ист. Общ., т. LXXIII, стр. 1).

[2]) Противникомъ экзерцирмейстерства являлся графъ И. Ѳ. Паскевичъ. Въ своихъ Запискахъ, осуждая увлеченіе, подъ конецъ дѣятельности, фельдмаршала Барклая-де-Толли фронтовыми тонкостями, онъ писалъ: „Я требовалъ строгую дисциплину и службу; я не потакалъ безпорядкамъ и распутству, но я не дозволялъ акробатства съ носками и колѣнками солдатъ. Я сильно преслѣдовалъ жестокость и самоуправство, и хорошихъ храб-

1817 г.

14 Января, № 11.

Государь Императоръ съ большимъ удовольствіемъ замѣчать изволитъ, что г.г. офицеры гвардейскаго корпуса, ведя себя отличнымъ образомъ во всѣхъ случаяхъ по службѣ, отличаютъ себя и примѣрнымъ обхожденіемъ въ обществахъ. О семъ милостивомъ и лестномъ для каждаго офицера отзывѣ Государя Императора пріятнѣйшимъ долгомъ поставляю дать знать симъ приказомъ.

*

15 Января, № 13.

Государь Императоръ замѣтить изволилъ, что 13-го числа сего мѣсяца въ придворной церкви во время обѣдни нѣкоторые чины, забывъ должную пристойность, ходили взадъ и впередъ по церкви и разговаривали; почему Его Императорское Величество, находя таковое поведеніе не только неприличнымъ, но и противнымъ высочайшей волѣ Его Величества, изображенной въ указѣ Правительствующаго Сената въ 17-й день Февраля прошедшаго 1816 года, высочайше повелѣть соизволилъ: строжайше подтвердить о томъ, дабы всѣ военные чиновники и господа офицеры, находясь въ церкви, наблюдали непремѣнно должную тишину и отнюдь не разговаривали между собою.

*

30 Января, № 27.

1-ый Карабинерный полкъ, на случай бывшаго парада, вступилъ сюда въ Санктпетербургъ не съ полнымъ числомъ офицеровъ, отзываясь тѣмъ, что вновь выпущенные въ оный полкъ офицеры еще не явились; послѣ же парада, хотя офицеры сіи и всѣ явились, но полкъ выступилъ попрежнему не въ полномъ числѣ офицеровъ, имѣя тоже 6 офицеровъ. Его Императорское Величество въ первый разъ замѣтилъ сіе съ неудовольстіемъ, и нельзя было ожидать, чтобы вторично упущеніе такого рода противу службы сдѣлано быть могло.

Прискорбно видѣть, что Государь Императоръ, оказывая къ намъ всѣмъ милости во всякомъ случаѣ, получаетъ свѣдѣнія о поступкахъ противныхъ благоустройству корпуса; оные подвержены строгому и примѣрному наказанію.

Я, относя сіе упущеніе по службѣ на счетъ командира полка г. полковника Раля 3, единственно изъ уваженія къ чину и мѣсту его,

---

рыхъ офицеровъ я оберегалъ. Но къ горю моему, экзерцирмейстерство все захватывало" („Р. Арх.", 1889, № 3, 417).

оставляю на сей разъ строгое наказаніе, предоставляя себѣ только на сей случай потребовать его ко мнѣ для словеснаго замѣчанія; впредъ же наималѣйшее упущеніе по службѣ терпимо не будетъ. При семъ случаѣ вынужденъ также сказать, что и бригадный начальникъ г. генералъ-маіоръ Набоковъ долженъ бы былъ, узнавъ уже о первомъ происшествіи, предупредить второе *).

*

30 Января, № 26.

Дошло до высочайшаго свѣдѣнія, что 28-го числа сего мѣсяца, во время большого парада, полицейскій офицеръ поручикъ Зиминъ отогналъ остановившагося близко къ войскамъ кучера съ санями, принадлежащаго лейбъ-гвардіи гусарскаго полка штабсъ-ротмистру Масюкову. Г. Масюковъ, сойдя съ лошади, подошелъ къ поручику Зимину, требуя отчета, какъ можетъ онъ отгонять его сани, при чемъ ударилъ Зимина по лицу. О каковомъ непозволительно дерзкомъ поступкѣ штабсъ-ротмистра Масюкова объявляя по командуемому мною корпусу и согласно высочайшей волѣ, предписываю арестовать его на двѣ недѣли и для содержанія на гауптвахтѣ прислать сюда въ С.-Петербургъ, въ главное дежурство командуемаго мною корпуса, коему дано уже приказаніе объ отправленіи его, куда слѣдуетъ.

*

27 Февраля, № 54.

Сего числа видѣлъ я въ сухопутномъ военномъ госпиталѣ Перновскаго Гренадерскаго полка рядоваго 2-й фузелерной роты, который въ ротѣ четыре недѣли, будучи больнымъ, содержался и не былъ отправленъ въ лазаретъ, что болѣзнь такъ усилилась, что сдѣлало лѣченіе оной затруднительнѣе. Сіе непростительное небреженіе ротнаго командира выставляю я на видъ, какъ поступокъ, тѣмъ болѣе заслуживающій наказанія, что не только по сему предмету были частыя предписанія.

---

*) По поводу этого приказа цесаревичъ Константинъ Павловичъ писалъ Н. Н. Сипягину, тогдашнему начальнику штаба гвардейскаго корпуса: „На приказъ, отданный у васъ въ корпусѣ 30 Января, что Государь Императоръ изволилъ замѣтить, что гвардейскіе полки наряжаютъ для караула 1-го отдѣленія изъ другихъ баталіоновъ офицеровъ, подтверждается, что всѣ офицеры должны равно знать службу, скажу вамъ, что нечего дивиться тому, что полковые командиры выбираютъ и однихъ и тѣхъ же посылаютъ офицеровъ въ 1-е отдѣленіе на раздѣлку; ибо нынѣ завелась такая во фронтѣ танцовальная наука, что и толку не дать; такъ поневолѣ пошлешь тѣхъ же самыхъ офицеровъ, точно какъ на балахъ обыкновенно увидишь, прыгаютъ Французскій кадриль всегда одни и тѣже лица пары 4 или 8, а другіе не пускаются. Я болѣе 20-ти лѣтъ служу и могу правду сказать, даже во время покойнаго Государя былъ изъ первыхъ офицеровъ во фронтѣ, а нынѣ такъ перемудрено, что и не найдешься“. („Рус. Стар..“ 1900, Апрѣль, 115—116).

но и обязанность начальника требуетъ обращать на сіе особое свое вниманіе.

*

27 Февраля, № 55.

Фурштатскіе батальоны, по важности ихъ назначенія, составляются изъ людей хорошаго поведенія, и г.г. офицеры и начальники поступаютъ въ оные заслужившіе службой своею вниманіе и довѣренность начальства. Поступки, происходящіе отъ дурной нравственности, терпимы въ сихъ батальонахъ быть не могутъ. Справедливая строгость, разсматривая оные, подвергнетъ виновнаго наказанію и исключитъ изъ сего баталіона. Рядовой, оказавшійся въ кражѣ, предается военному суду, будетъ, наказанъ и выключенъ съ батальона, какъ недостойный находиться въ фурштатскихъ батальонахъ, гдѣ поведеніе должно быть отличное, на которое тѣмъ болѣе должно обратить свое вниманіе, что составъ сихъ батальоновъ имѣетъ то предназначеніе, чтобы довести сію часть до такого совершенства, въ какомъ и прочія части арміи находятся.

*

2 Апрѣля, № 109.

Его Императорское Величество съ особымъ удовольствіемъ замѣтить изволилъ, что нижніе чины гвардейскаго корпуса во все время прошедшаго праздника вели себя прилично званію гвардейскаго солдата, не встрѣчено ни одного не по формѣ одѣтаго и въ непристойномъ видѣ, что приписывая къ особенному старанію г.г. начальниковъ, Его Императорское Величество объявляетъ за то высочайшее благоволеніе.

*

4 Мая, № 146.

Упражненіе въ службѣ и опытъ дѣлаютъ офицера знающимъ и полезнымъ оной, то чтобъ открыть путь и дать способъ офицерамъ происходящимъ въ чинахъ отъ прапорщика до капитана и не имѣющимъ случая пріобрѣсть до самаго званія ротнаго командира то искусство, тотъ навыкъ, которые ему къ образованію ввѣренныхъ солдатъ необходимы, для чего Его Императорское Величество высочайше повелѣть соизволилъ, какъ въ гвардіи, такъ и въ арміи, чтобъ каждый изъ трехъ офицеровъ въ ротѣ находящихся имѣлъ въ полномъ своемъ вѣдѣніи отдѣленія подъ точнымъ наблюденіемъ ротнаго командира, и имянно: 1-е и 2-е поручикъ, 3-е подпоручикъ, а 4-е прапорщикъ, отвѣтствуя ему за оныя непосредственно. Въ обязанность же ротнаго командира вмѣняется научать молодыхъ своихъ офицеровъ точному, вразумительному, единообразному и хладнокровному образованію солдатъ и вообще должностямъ на нихъ возлагаемымъ. Въ заключеніе ожидается немину-

емый успѣхъ, слѣдствіемъ котораго будетъ изобиліе въ офицерахъ свое дѣло знающихъ, а службѣ и имъ самимъ польза. Къ непремѣнному исполненію сей высочайшей воли даю знать по Гвардейскому корпусу.

*

30 Мая, № 188.

Считая своею обязанностію содѣйствовать въ общемъ стараніи уничтожать всѣ привычки вредныя въ настоящемъ дѣйствіи, особливо относительно пальбы, на которую нельзя довольно обратить своего вниманія, дабы усовершенствовать оную на ученіи, приличнымъ нахожу сообщить сдѣланныя мною замѣчанія.

Весьма замѣтно, что многіе во фронтѣ дурно прикладываются, особливо же въ пальбѣ рядами, въ которой чрезмѣрно и торопятся; излишняя торопливость отводитъ отъ настоящихъ правилъ и рождаетъ дурныя привычки. Солдатъ же, наблюдая настоящія правила и утвердивъ себя въ оныхъ, нечувствительно достигнетъ до скораго заряжанія ружья, но вмѣстѣ и правильнаго, сохраняя прикладываніе въ цѣль. Для достиженія сего Государь Императоръ и изволилъ приказать во время ученій бывшихъ зимою, чтобы при командѣ въ пальбѣ держать нѣсколько на прикладѣ.

Замѣчено мною, что у нѣкоторыхъ ружей кремни такъ велики, что полка не хорошо закрывается и что многіе при заряжаніи ружья оставляютъ курокъ на второмъ взводѣ. Вредныя послѣдствія отъ сего ощутительны.

Въ пальбѣ рядами люди не вдругъ оканчиваютъ стрѣлять по дроби на сіе тѣмъ болѣе должно обратить вниманіе, что сіе въ числѣ дурныхъ привычекъ, существовавшихъ издавна въ настоящихъ дѣйствіяхъ.

Въ движеніяхъ съ мѣста у многихъ есть привычка: не подавая лѣвую ногу тотчасъ впередъ, означать оный шагъ на мѣстѣ, отчего не вдругъ по командѣ движеніе исполняется. Сію привычку должно отмѣнить.

Государь Императоръ сіе замѣтить изволилъ и отдалъ на сіе повелѣніе.

Замѣчено мною, что г.г. офицеры громко и часто поправляютъ людей, особливо на маршѣ, отчего происходитъ несоотвѣтствующій важности фронта шумъ. Поправлять должно, но такимъ образомъ, чтобъ только тотъ слышалъ, кто дѣлаетъ ошибки, и какъ можно стараться дѣлать сіе поправленіе такъ, чтобы не сбивать тѣхъ, которые идутъ хорошо и не развлекать ихъ вниманіе.

Когда унтеръ-офицеры выходятъ на линію, то не берутъ настоящихъ дистанцій между собой и, замѣтивъ свою ошибку, сходятъ съ мѣста уже тогда, когда фронтъ идетъ на линію. Они непремѣнно должны стоять неподвижно.

При движеніи баталіона, стараясь сохранить линію, упущается изъ виду сохраненіе интерваловъ между оными.

*

8 Августа, № 286.

5-го числа сего Августа предписывалъ я въ приказѣ по корпусу, дабы г.г. адъютанты для принятія пароля непремѣнно каждый день были у развода; но и затѣмъ С.-Петербургскій комендантъ г.-л. Башуцкій увѣдомилъ меня, что сего числа адъютанта отъ л.-гв. Измайловскаго полка у развода не было, почему и предписываю арестовать его на три дня и отправить для содержанія къ здѣшнему коменданту г.-л. Башуцкому.

*

31 Августа, № 321.

Нѣкоторые г.г. офицеры не наблюдаютъ формы, растегиваютъ свои мундиры даже въ большихъ публичныхъ собраніяхъ и тѣмъ подвергаютъ добровольно себя взысканію и той непріятности застегиваться, когда замѣтятъ, что они обращаютъ на себя вниманіе начальниковъ. Я бы желалъ избавиться отъ необходимости наказывать, а для сего рѣшился ограничить себя на сей случай симъ приказомъ. Вчерашняго числа въ театрѣ видѣлъ я двухъ г.г. офицеровъ съ растегнутыми мундирами, хотя одного изъ нихъ и полковой командиръ тутъ же находился. Сіе отнюдь терпимо не будетъ, и г.г. полковые начальники должны за сіе отвѣтствовать.

*

9 Сентября, № 331.

Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества г. дежурный генералъ препроводилъ къ г. начальнику штаба гвардейскаго корпуса, по высочайшему повелѣнію, четыре записки, представленныя отъ г. С.-Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора о рядовыхъ полковъ гвардейскаго корпуса, взятыхъ въ полицію по разнымъ случаямъ, сообщивъ притомъ къ надлежащему исполненію, что Государь Императоръ усматривать изволитъ, что въ присутствіи Его Величества въ здѣшней столицѣ уменьшилось было взятіе въ полицію гвардейскихъ нижнихъ чиновъ, а теперь опять началось. А потому Государю Императору угодно, чтобы наблюдаемо было, дабы сіе менѣе случалось.

Я читалъ сообщеніе сіе съ большимъ прискорбіемъ. Неограниченная милость Государя Императора къ гвардейскому корпусу и стараніе сего корпуса сдѣлаться оной достойнымъ должны бы были сохранить въ ономъ тотъ же порядокъ и тоже наблюденіе онаго, какъ и въ присутствіи Его Величества, и для сего и должно обратить особое вниманіе и попеченіе, дабы донесенія, получаемыя Его Императорскимъ Величествомъ о Гвардейскомъ Корпусѣ, заслуживали бы всевысочайшее благоволеніе, а не неудовольствіе.

Сей есть единственный способъ показать свою приверженность и благодарность Всемилостивѣйшему Государю. При семъ случаѣ я не могу умолчать моего удивленія, что я вынужденъ былъ отдать въ приказѣ насчетъ несоблюденія формъ, дабы отвратить всѣ подобные случаи, и для поддержанія устроеннаго порядка нужно общее всѣхъ о томъ стараніе и строгое г.г. начальниковъ наблюденіе. Гдѣ строгость дѣлается нужною, тамъ всякое снисхожденіе и такъ называемая деликатность есть вредная слабость *). Въ отличномъ семъ корпусѣ, долженствующемъ служить примѣромъ, наималѣйшее упущеніе противу службы и безпечность въ поведеніи дѣлается уже преступленіемъ.

Я надѣюсь, что я не буду въ необходимости употреблять ни въ какомъ случаѣ данной мнѣ власти и, пользуясь особливымъ счастіемъ командовать гвардейскимъ корпусомъ, не буду въ прискорбной для меня необходимости утруждать Всемилосерднаго Монарха непріятными донесеніями.

*

9 Октября, № 362.

Войскъ гвардейскаго отряда въ Москвѣ находящихся Его Императорское Величество объявляетъ свое совершенное благоволеніе г.-л. барону Розену, какъ за парадъ, бывшій 2-го сего Октября, такъ и за порядокъ и сохраненіе дисциплины во время слѣдованія изъ С.-Петербурга; г.-ад. Храповицкому и полковнику Говену за сей же парадъ, а

---

*) Значеніе дисциплины въ арміи и желательный характеръ обращенія начальствующихъ лицъ съ нижними чинами ясно выражаются въ письмѣ А. А. Закревскаго къ П. Д. Киселеву 27 Февраля 1822 г.: „Нѣжность и привѣтствіе пустое—есть вредъ настоящій для службы, и давать солдату чувствовать, что не можетъ его наказывать унтеръ-офицеръ и фельдфебель, это значитъ внушать солдату нашему ихъ не слушать. Нашъ солдатъ не есть иностранный, его надо держать въ рукахъ и чтобы боялся поставленныхъ надъ нимъ начальниковъ, которые имѣютъ право всегда его наказывать, но всегда отпускать ему все принадлежащее и ничего не удерживать, пещись о немъ, быть строгу, но справедливу" (Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ., LXXVIII, 259).

нижнимъ чинамъ всего отряда жалуетъ по рублю на человѣка. Кавалеріи же дѣлаетъ замѣчаніе, что во время похода забытъ совсѣмъ ходъ церемоніальнаго марша.

*

14 Октября, № 367.

Дошло до свѣдѣнія моего, что подпрапорщики и юнкера гвардейскаго корпуса ходятъ въ партикулярныхъ платьяхъ и ѣздятъ на дрожкахъ, а другіе, хотя и одѣтые въ мундирахъ, но не по формѣ, въ каковомъ видѣ встрѣчаются въ городѣ. Вслѣдствіе чего предписывается г.г. начальникамъ строго наблюдать за симъ; въ противномъ же случаѣ тотъ подпрапорщикъ или юнкеръ, который встрѣтится одѣтымъ не по формѣ, будетъ выписанъ изъ гвардіи, а начальникъ его подвергаетъ себя взысканію.

*

9 Декабря, № 416.

Дошло до свѣдѣнія моего, что г.г. офицеры, стоящіе на въѣздахъ въ караулахъ, не записываютъ всѣхъ проѣзжающихъ, отчего представляемые Государю Императору рапорты бываютъ почти бѣлые; по другимъ же свѣдѣніямъ оказывается, что проѣзжающихъ бываетъ много, почему и подтверждаю стоящимъ въ караулахъ на въѣздахъ г.г. офицерамъ непремѣнно соблюдать безъ упущенія отдаваемыя на предметъ сей приказанія, чтобъ всѣхъ проѣзжающихъ записывать; въ противномъ же случаѣ за упущеніе строго будетъ взыскано.

*

11 Декабря, № 418.

С.-Петербургскій комендантъ г. г.-л. Башуцкій увѣдомилъ, что стоявшій въ караулѣ у Московскихъ воротъ сего мѣсяца 8-го числа л.-гв. Преображенскаго полка поручикъ Титовъ 4-й не опрошалъ выѣхавшаго изъ города г.-ад. Балашова, за каковую неисправность я предписываю арестовать г. поручика Титова 4-го на сутки и нарядить потомъ въ тотъ же самый караулъ безъ очереди на три раза. О чемъ, давъ знать по корпусу, подтверждаю всѣмъ г.г. офицерамъ, стоящимъ въ караулѣ на съѣздахъ, исполнять въ точности свою обязанность.

*

1818 г.

6 Января, № 7.

Доходитъ до свѣдѣнія моего, что въ нѣкоторыхъ полкахъ нижніе чины въ казармахъ разыгрываютъ лотереи, но какъ оное дѣлается безъ позволенія правительства и въ противность Устава Благочинія 68-й статьи. А посему и предписывается полкамъ отнюдь не позволять въ

казармахъ розыгрывать лотереи, что̀ и остается совершенно на отвѣтственности г.г. полковыхъ командировъ.

*

16 Января, № 18.

Начальникъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества замѣтилъ, что нижніе чины кавалерійскихъ полковъ перетягиваютъ слишкомъ много портупеи, а какъ сіе сопряжено съ великимъ вредомъ для ихъ здоровья, посему и предписывается г.г. начальникамъ обратить на сіе особенное вниманіе *).

*

21 Января, № 21.

Командиру 2-го фурштатскаго баталіона маіору Иванову дѣлается выговоръ за то, что командированный отъ ввѣреннаго ему баталіона прапорщикъ Аверкіевъ съ командою для перевозки продовольствія былъ встрѣченъ Его Императорскимъ Величествомъ въ безпорядкѣ; люди шли при повозкахъ пѣшіе, у многихъ повозокъ не было людей, самъ офицеръ не былъ при своемъ мѣстѣ, но шелъ сзади пѣшкомъ, а прапорщикъ Аверкіевъ арестованъ за сіе на недѣлю.

*

20 Апрѣля, № 88.

Дошло до высочайшаго свѣдѣнія, что нижніе чины, въ худомъ поведеніи замѣченные, будучи за сіе наказаны, остаются попрежнему служить въ полкахъ гвардейскаго корпуса и артиллеріи; а какъ въ корпусѣ гвардіи, долженствующемъ быть во всѣхъ отношеніяхъ отличнымъ и примѣрнымъ для другихъ войскъ, таковые люди терпимы быть не должны, то по сему предписывается строго наблюдать, чтобы отнынѣ впредъ означенные нижніе чины немедленно представляемы были къ выпискѣ.

*

23 Апрѣля, № 94.

При осмотрахъ казармъ директоромъ инженернаго департамента неоднократно замѣчено что мѣры, предписанныя къ освѣженію оныхъ, мало или совсѣмъ не соблюдаются, то есть, не открываютъ воздушныхъ трубъ, отчего въ комнатахъ дѣлается весьма тяжелый сырой воздухъ, столь же вредный здоровью солдатъ, какъ и зданіямъ, коихъ стѣны отъ

---

*) На представленный императору Николаю I ген.-ад. Красовскимъ проектъ новой формы обмундированія, гдѣ онъ рекомендовалъ ввести поясную портупею, Государь положилъ резолюцію: „мы носили эти портупеи и знаемъ, что даже въ кавалеріи съ трудомъ удержаться можно отъ перетяжки; въ пѣхотѣ отъ того были грыжи" (Арх. Канц. Воен. Мин., оп. секр. дѣлъ, св. 62, д. 38).

сего упущенія прѣютъ; вслѣдствіе чего и предписывается всѣмъ полкамъ и артиллерійскимъ ротамъ Гвардейскаго корпуса завести по сему предмету строжайшій выговоръ.

*

28 Апрѣля, № 98.

Полковой командиръ л.-гв. Семеновскаго полка г. г.-ад. Потемкинъ представилъ мнѣ, что ввѣреннаго ему полка подпоручикъ Ржевской, рапортуясь больнымъ, встрѣченъ имъ былъ ходящимъ въ партикулярномъ платьѣ. А какъ таковой поступокъ, вовсе противный правиламъ службы, никоимъ образомъ терпимъ быть не можетъ и не долженъ, то по сему, арестовывая означеннаго г. Ржевскаго на мѣсяцъ, даю знать о семъ отступленіи его отъ обязанностей службы по всему Гвардейскому корпусу.

*

17 Мая, № 118.

Дошло до свѣдѣнія моего, что полки, идя весьма рано поутру на назначенныя имъ для ученья мѣста, проходятъ по улицамъ городскимъ съ барабаннымъ боемъ и музыкою и наводятъ тѣмъ безпокойствіе обывателямъ. А какъ по сей причинѣ таковое прохожденіе съ музыкою и барабаннымъ боемъ по городскимъ улицамъ состоявшимися еще въ 1816 году приказами было воспрещено, то и нынѣ долгомъ ставлю оное подтвердить.

*

13 Іюня, № 141.

Дабы къ пріѣзду Его Императорскаго Величества пріучить нижнихъ чиновъ къ прохожденію церемоніальнымъ маршемъ, соблюдая вѣрность и равенство шага по каменной мостовой, предписывается г.г. полковымъ командирамъ проходить означеннымъ церемоніальнымъ маршемъ по мѣстамъ, камнемъ вымощеннымъ.

*

31 Іюля, № 191.

Его Императорское Величество, обращая особенное вниманіе на войска Гвардейскаго корпуса, къ неудовольствію замѣтить изволилъ, что нижніе чины для питья напитковъ ходятъ въ кабаки и питейные дома и въ непристойномъ видѣ встрѣчаются на улицахъ и забираются полиціей. Такіе поступки, противные вообще порядку службы и подающіе поводъ къ непріятнымъ происшествіямъ, унижаютъ солдатъ въ собственномъ ихъ и товарищей мнѣніи и тѣмъ болѣе не извинительны, что они, имѣя счастіе находиться предъ лицемъ Государя Императора и будучи отборнымъ войскомъ, должны службою и поведеніемъ своимъ быть примѣромъ для прочихъ войскъ. Для удаленія впредь всякаго по-

вода къ подобнымъ происшествіямъ и чтобы солдаты не ходили въ питейные дома, а могли бъ въ случаѣ надобности получать вино въ ротахъ и употреблять оное тамъ же, предписывается избрать заслуживающихъ довѣріе солдатъ, коимъ выданы будутъ билеты на покупку вина и раздачу онаго находящимся въ однѣхъ съ ними ротахъ нижнимъ чинамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ строжайше запрещается имъ ходить въ кабаки и питейные дома, куда они безъ билета впускаемы не будутъ; замѣченные же въ семъ или встрѣтившіеся на улицѣ въ непристойномъ видѣ подпадутъ наказанію. Г.г. полковые командиры сдѣлаютъ нужныя распоряженія для приведенія сей высочайшей воли въ должное исполненіе и будутъ имѣть особенный надзоръ за точнымъ онаго соблюденіемъ *).

*

14 Сентября, № 232.

По произведенному слѣдствію о побѣгѣ съ гауптвахты 1-го Кадетскаго Корпуса 7 числа сего мѣсяца содержащагося подъ арестомъ подсудимаго дворянскаго кавалерійскаго эскадрона дворянина Лапсадзова, открылось, что стоявшій того числа въ караулѣ на гауптвахтѣ 1-го Кадетскаго Корпуса л.-гв. Павловскаго полка подпоручикъ Польманъ позволилъ ему Лапсадзову прогуливаться подлѣ караульнаго дома, который, воспользовавшись тѣмъ случаемъ, скрылся. За таковую оплошность подпоручика Польмана слѣдовало бы предать строгому по законамъ сужденію; но г. генералъ-адъютантъ Васильчиковъ 1-й, во уваженіе отличной прежней его, Польмана, службы назначилъ арестовать на одинъ мѣсяцъ съ содержаніемъ на гауптвахтѣ и съ подтвержденіемъ, чтобы впредь имѣлъ онъ въ подобныхъ случаяхъ лучшую осторожность.

*

13 Ноября, № 259.

Наряжаемымъ отъ полковъ Гвардейскаго корпуса съ караулами въ театры г.г. офицерамъ къ исполненію предписываю: приводить ка-

---

*) Декабристъ А. С. Гангебловъ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ: „Государь Александръ Павловичъ каждый день дѣлалъ прогулки то пѣшкомъ, то въ дрожкахъ или санкахъ, всегда одинъ одинёшенекъ, если не считать его кучера Ильи. На этихъ прогулкахъ Государю случалось встрѣчать солдатъ въ нетрезвомъ видѣ. Такой безпорядокъ не оставался, конечно, безъ замѣчаній начальству. Начальство, изыскивая средства, которыя поставили бы солдатъ въ невозможность шататься по городу пьяными, возымѣло несчастную мысль завести кабаки по полкамъ, по одному въ каждой ротной артели. На первый взглядъ ничего придумать лучше было нельзя: солдатъ не пойдетъ пить въ городской кабакъ уже и по тому, что въ артели вино продавалось дешевле, да и напиваться ему у себя дома было свободнѣе, а охмѣлѣетъ, изъ казармы его не выпустятъ. Цѣль начальства, стало быть, достигнута. Но каковы же оказались послѣдствія этой мѣры? Солдаты, ничѣмъ не стѣсняемые, сходились на выпивки цѣлыми сборищами, а гдѣ сборище — тамъ толки, особливо подъ чаркой“ („Р. Арх.“, 1886, 6, 187—188).

раулъ на мѣсто въ часъ, назначенный наканунѣ при паролѣ, по прибытіи приказать развести часовыхъ на показанныя мѣста отъ плацъ-адъютанта, смѣнять ихъ по заведенному порядку, прочимъ людямъ находиться въ назначенной комнатѣ, офицеру въ продолженіе театра и до окончанія быть внизу императорской ложи во всей формѣ, часовыхъ снимать не прежде, какъ публика разъѣдется; потомъ, собравъ весь караулъ, въ надлежащемъ порядкѣ слѣдовать въ полкъ.

*

19 Ноября, № 265.

Приказомъ по корпусу за № 259 предписано было, какъ стоять офицеру въ караулѣ при театрѣ; но вчерашняго числа стоящій въ ономъ Л.-Гв. Преображенскаго полка подпоручикъ Поджіо, вопреки приказу, вошедъ въ театръ, скинулъ киверъ и сидѣлъ на скамейкѣ, за что арестуется на двое сутокъ съ содержаніемъ на гауптвахтѣ

*

1819 г.

12 Января, № 8.

Во время бывшаго парада 6 сего мѣсяца Его Императорское Величество сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія.

По пѣхотѣ:

1. Когда баталіоны становились на назначенныя имъ мѣста, 2-й Семеновскій батальонъ невѣрно велъ шагъ и сбился съ ноги.

2. Баталіоны ставъ на мѣсто, ряды въ нихъ отмѣнно вѣрно были выровнены; но когда духовная церемонія проходила мимо, отъ непозволительнаго любопытства во фронтѣ и которому подали примѣръ нѣкоторые изъ господъ офицеровъ, ряды уже были смѣшаны, и не было въ баталіонахъ надлежащаго равненія. Въ 1-й гренадерской дивизіи сей погрѣшности не было замѣчено.

3. Въ церемоніальномъ маршѣ вторые баталіоны Преображенскаго, Семеновскаго и Измайловскаго полковъ сбились съ ноги, и вообще сіи три полка не хорошо прошли; музыка сначала частила тактъ, потомъ оный тянула, попала же въ надлежащій только при приближеніи гвардейскаго егерскаго полка. Сей полкъ и всѣ слѣдующіе уже за нимъ шли надлежащимъ шагомъ и хорошо.

4. Но господа офицеры во всѣхъ почти полкахъ шли вяло, не вытягивая ноги, не державъ надлежащаго такта по музыкѣ, не сохраняя

приличной фронту осанки и даже не соблюдая равенства въ держаніи шпагъ. Отъ сего замѣчанія изъемлются полки Финляндскій, Павловскій и Императора Австрійскаго, коихъ, особливо двухъ первыхъ, офицеры шли отлично хорошо.

По кавалеріи:

1. Когда полки становились на назначенныя мѣста, Кавалергардскій полкъ мало принялъ направо, и оттого послѣдніе полуэскадроны не могли удобно заѣхать. Въ туже ошибку впали и полки конный и драгунскій.

2. При обратномъ отъѣздѣ кавалеріи съ занимаемыхъ ею мѣстъ, драгунскій полкъ весьма дурно исполнилъ свой заѣздъ; многіе эскадроны оттянули и даже разорвались.

3. Церемоніальнымъ маршемъ всѣ кавалерійскіе полки прошли очень хорошо.

4. Но въ полкахъ драгунскомъ и уланскомъ посадка господъ офицеровъ не уравнена. У многихъ лѣвые локти совсѣмъ отдѣлены отъ тѣла, кисть лѣвой руки не на мѣстѣ, сабли дурно и неравно держатъ. Въ лейбъ-гусарскомъ полку корнетъ Балашовъ одинъ отлично дурно сидѣлъ.

По артиллеріи:

Многіе артиллеристы замѣчены дурно выученными поодиночкѣ маршировать; и заключить должно, что оные—вновь поступившіе на укомплектованіе бригадъ. Сихъ не слѣдовало выводить въ парадъ прежде, какъ по совершенной ихъ выучкѣ.

Изъ всего вышеписаннаго явствуетъ, что г.г. начальники дивизіонные, бригадные, полковые и баталіонные должны обратить свое вниманіе на совершенное обученіе господъ офицеровъ, внушая имъ, что во всякомъ случаѣ имъ слѣдуетъ быть примѣромъ подчиненнымъ и что ловкость и точность офицеровъ во фронтѣ, украшая ихъ самихъ, служить важнымъ способомъ къ превосходному устройству войска.

*

24 Января, № 19.

Дошло до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, что нижніе чины лейбъ-гвардіи драгунскаго полка, расположенные въ Петергофѣ, рубили на дрова лѣсъ, находящійся въ звѣринцѣ и истребили часть

аллеи, ведущей отъ развалинъ дома, принадлежащаго князю Меншикову. По сдѣланіи слѣдствія оказалось, что дѣйствительно порублена нѣкоторая часть того лѣса и что г.г. эскадронные командиры платили нижнимъ чинамъ за тотъ же лѣсъ деньги, которыя положены въ артели.

Государь Императоръ, для прекращенія столь непозволительныхъ и съ порядкомъ службы несообразныхъ поступковъ, высочайше повелѣть соизволилъ объявить по гвардейскому корпусу, что, если случится впредъ подобное происшествіе, то всѣ офицеры и нижніе чины того эскадрона выпишутся изъ гвардіи, а полковой командиръ будетъ отставленъ отъ службы.

*

1 Февраля, № 28.

Замѣчено, что г.г. офицеры неисправно стоятъ въ караулѣ и не соблюдаютъ тѣхъ правилъ, какія имъ предписаны инструкціею г. здѣшняго коменданта, имѣющеюся на всѣхъ постахъ. 29-го Генваря я нашелъ неисправность караула у Аничковскаго дворца; караулъ сей вышелъ въ безпорядкѣ, не былъ разсчитанъ, за что караульный офицеръ лейбъ-гвардіи Московскаго полка поручикъ Брандорфъ и арестованъ мною на трое сутокъ. Его Императорское Величество замѣтить изволилъ въ разводахъ, что люди, разсчитанные по карауламъ, берутъ слишкомъ великія дистанціи и широко стоятъ; а посему и предписывается полкамъ при разсчетѣ по карауламъ наблюдать вѣрно дистанціи и чтобы люди не широко стояли.

*

8 Февраля, № 36.

Дошло до свѣдѣнія моего, что нѣкоторыхъ полковъ гвардейскаго корпуса здѣсь квартирующихъ нижними чинами вывозимый со двора снѣгъ вываливается на улицахъ, отчего дѣлается препятствіе проѣзжающимъ; къ прекращенію чего предписываю полкамъ снѣгъ со двора вывозить приказать на показанныя отъ полиціи мѣста, вываливать же на улицы строго запрещать.

*

13 Февраля, № 41.

Государь Императоръ изъ представляемыхъ фл.-ад. полковникомъ Клейнмихелемъ записокъ объ ошибкахъ во время разводныхъ ученій замѣтить изволилъ, что нѣкоторыя ошибки дѣлаются въ пятый, шестой и даже въ осьмой разъ. А именно: 1) заряжая ружья, при вкладываніи шомполовъ въ трубки, ударяли крѣпко прикладами о земь, чего совсѣмъ не слѣдовало дѣлать, а должно ставить прикладъ тихо на землю, для

сбереженія ружей. Сія ошибка замѣчена въ шестой разъ, въ послѣднемъ ученьѣ 2-го баталіона лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка 13 Февраля. 2) Когда баталіонъ послѣ марша фронтомъ впередъ былъ останавливаемъ, и приказано было подпрапорщику со знаменемъ и знаменнымъ унтеръ-офицеромъ вступить въ свои мѣста, то взводный командиръ пятаго взвода командовалъ налѣво: кругомъ, маршъ. По правиламъ устава должно было, скомандовавъ налѣво кругомъ, командовать на свои мѣста маршъ. Сія ошибка замѣчена въ шестой разъ въ послѣднемъ ученьѣ того жъ баталіона. 3) Вообще при построеніи изъ колонъ фронта, когда дивизіоны шли по рядамъ, то взводные командиры находились подлѣ унтеръ-офицеровъ, въ первой шеренгѣ ихъ мѣста заступившихъ; а по правиламъ устава взводнымъ командирамъ надлежало оставаться въ своемъ мѣстѣ, въ первой шеренгѣ. Сія ошибка замѣчена осьмой разъ въ ученьѣ того же баталіона. 4) когда баталіонъ шелъ по отдѣленіямъ правымъ флангомъ и приказано было построить взводы, то на лѣвые фланги перваго, второго, третьяго и четвертаго взводовъ стали унтеръ-офицеры только тогда, какъ взводы были совершенно выстроены. При семъ случаѣ имъ слѣдовало вступить въ свои мѣста, коль скоро отдѣленія начинаютъ пристраиваться одно къ другому. Сія ошибка замѣчена въ пятый разъ въ томъ же ученьѣ. 5) Когда баталіонъ шелъ по рядамъ правымъ флангомъ и знамéнные унтеръ-офицеры вышли по командѣ влѣво, то взводный командиръ пятаго взвода шелъ по правую сторону перваго знамённаго унтеръ-офицера, чего совсѣмъ не слѣдовало по уставу, а должно взводному унтеръ-офицеру идти впереди перваго знамённаго унтеръ-офицера. Сія ошибка замѣчена въ четвертый разъ въ томъ же ученьѣ. При строеніи фронта изъ дивизіонныхъ колоннъ слѣва по первому дивизіону движеніемъ ихъ впередъ на линію дивизіонные командиры командовали имъ дирекцію тогда, какъ впереди стоящій дивизіонъ отошелъ почти на всю дистанцію, и при семъ послѣднемъ построеніи, когда первый дивизіонъ шелъ по рядамъ направо, то замыкающій офицеръ онаго находился на лѣвомъ флангѣ дивизіона. По правиламъ устава дивизіоннымъ командирамъ надлежитъ командовать дирекцію немедля по назначеніи ихъ дивизіоновъ дирекціональными, а замыкающему офицеру быть въ замкѣ за своимъ взводомъ. Сія ошибка замѣчена въ шестой разъ въ послѣднемъ ученьѣ втораго баталіона лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, Февраля 12-го числа. Почему Его Императорское Величество подтверждаетъ г.г. полковымъ командирамъ стараться соблюдать всѣ правила устава и избѣгать отъ повтореній однихъ и тѣхъ же ошибокъ, о коихъ г.г. полковые командиры получаютъ записки въ тоже время, когда оные бываютъ замѣчены. Я надѣюсь, что г.г. полковые командиры обратятъ на сіе особенное вниманіе.

18 Марта № 74.

Дошло до свѣдѣнія моего, что нижніе чины 4-го эскадрона лейбъ-гвардіи Уланскаго полка, въ ознаменованіе благодарности ихъ къ начальнику своему полковнику Мейеру, поднесли ему перстень, который не только принятъ имъ безъ позволенія начальства, но даже прежде, чѣмъ доведено до свѣдѣнія онаго, припечатано уже было о семъ въ вѣдомостяхъ. Какъ поступокъ сей противенъ высочайше постановленнымъ правиламъ, коими запрещено отъ подчиненныхъ принимать подобныя приношенія, не спрося позволенія высшаго начальства, то за сіе дѣлается полковнику Мейеру строгій выговоръ.

*

6 Апрѣля, № 92.

Высочайше повелѣно Александровскій каналъ въ С.-Петербургѣ запретить именовать таковымъ названіемъ; провіантскіе же каменные магазины, предположенные строить при томъ каналѣ, именовать Измайловскими, а не Александровскими.

*

11 Іюня, № 142.

Исправляющій должность здѣшняго оберъ-полицеймейстера ген.-м Горголлій увѣдомилъ, что Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы по Царицынскому лугу въ экипажахъ никто не ѣздилъ.

*

1 Сентября, № 183.

Сего числа замѣтилъ я, что по Красносельской дорогѣ Наслѣднаго Принца Прусскаго полка музыканты и нестроевые чины, выступившіе изъ лагеря, шли въ совершенномъ безпорядкѣ. За сіе командиру того полка полковнику Шипову дѣлаю строгій выговоръ.

*

25 Сентября, № 202.

Вчерашняго числа наряженный на погребеніе умершаго г. генерала отъ инфантеріи графа Спренгспортена гренадерскій графа Аракчеева полкъ, возвращаясь въ казармы, шелъ въ совершенномъ безпорядкѣ: при баталіонахъ не было штабъ-офицеровъ, и даже оберъ-офицеровъ находилось не болѣе трехъ, и тѣ не на своихъ мѣстахъ, шли вмѣстѣ впереди въ непростительной безпечности. Музыканты, барабанщики и вообще всѣ нижніе чины, смѣшавшись, слѣдовали не въ должной тишинѣ. Таковой безпорядокъ непозволителенъ даже на походѣ

по дурнымъ дорогамъ, и ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, не только въ столицѣ. Почему командиру сего полка полковнику Петрову дѣлаю строгій выговоръ.

*

26 Октября, № 221.

Мнѣ пріятно выставить въ примѣръ л.-гв. Павловскій полкъ, гдѣ въ теченіе девяти мѣсяцевъ не было ни одного бѣжавшаго и больныхъ всегда менѣе прочихъ. Сибирскому же уланскому полку не могу не замѣтить, что въономъ число бѣжавшихъ превосходитъ далеко соразмѣрность *).

*

27 Ноября, № 250.

Дошло до свѣдѣнія моего, что больные нижніе чины отправляются въ госпитали въ теперешнюю холодную погоду въ открытыхъ саняхъ, недовольно снабженные теплою одеждою и обувью, отчего припадки болѣзней до того ожесточаются, что подвергаютъ больного крайней опасности. Почему, въ отвращеніе впредъ сопряженнаго съ таковымъ отправленіемъ вреда здоровью людей предписываю больныхъ отъ полковъ отправлять въ госпитали не иначе какъ въ лазаретныхъ каретахъ и теплой одеждѣ; отъ командъ же, кои не имѣютъ сихъ каретъ, отправлять таковыхъ людей въ крытыхъ саняхъ и въ самой теплой одеждѣ и обуви.

1821 г.

20 Ноября, № 1.

Его Императорскому Величеству благоугодно было ввѣрить мнѣ командованіе гвардейскимъ корпусомъ. Довѣренность Государя и честь командовать столь отмѣннымъ войскомъ цѣнить умѣю въ полной мѣрѣ. Исполненіе сей высочайшей воли по долгу обязанности моей поставляю

---

*) Желаніе избѣжать значительнаго числа умершихъ по отчетностямъ породило существованіе своего рода мертвыхъ душъ. Г. Д. Щербачевъ, офицеръ гвардейской конной артиллеріи, пишетъ: „Принимая бригадную канцелярію, я былъ крайне удивленъ, когда писарь, писавшій мѣсячные рапорты, обратился ко мнѣ съ вопросомъ — сколько прикажете, ваше благородіе, изъ запасныхъ покойниковъ показать умершими въ этомъ мѣсяцѣ?“ Оказалось, что „въ виду того, что смертность въ войскахъ была одно время такъ велика, что высшія военныя власти обратили на нее серьезное вниманіе, вслѣдствіе чего состоялся приказъ, что если, въ теченіе одного мѣсяца, умершихъ въ отдѣленныхъ частяхъ войскъ будетъ болѣе указаннаго въ приказѣ числа, то командирамъ частей долженъ быть сдѣланъ выговоръ“; для избѣжанія выговоровъ, „показывалось въ каждомъ мѣсяцѣ не болѣе максимальнаго по приказу числа умершихъ; мертвыя же души оставались, такъ сказать, про запасъ“ („Русскій Архивъ“, 1890, № 1, 109).

для себя священнѣйшимъ обѣтомъ. Во всякое время желаніе Его Императорскаго Величества было видѣть корпусъ сей въ существующемъ уже благоустройствѣ и какимъ оный по назначенію своему быть долженъ. Но дабы успѣть сохранить его таковымъ, полагаю всю мою надежду: во-первыхъ, на содѣйствіе Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Николая Павловича и Михаила Павловича, а потомъ и на содѣйствіе всѣхъ господъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и примѣрное повиновеніе и усердіе къ службѣ вообще всѣхъ чиновъ безъ исключенія, составляющихъ сей знаменитый корпусъ. Таковымъ только единодушнымъ соревнованіемъ достигнуть можно до ожидаемаго успѣха къ сохраненію должнаго благоустройства.

Гвардейскій корпусъ, ознаменовавшій себя, какъ въ прежнія времена, такъ и въ послѣднюю войну, славнѣйшими подвигами, заставившій враговъ отечества и общаго спокойствія страшиться и вмѣстѣ уважать себя, снискавшій также примѣрнымъ поведеніемъ своимъ признательность и довѣренность жителей всѣхъ тѣхъ странъ, въ которыхъ оный находился, пріобрѣлъ и въ нѣдрахъ Россіи благодарность и любовь соотечественниковъ своихъ. Избранное войско сіе потщится безъ сомнѣнія и въ нынѣшнемъ квартирномъ онаго расположеніи — приличнымъ ему поведеніемъ и строгою дисциплиною сохранить и утвердить о себѣ то лестное мнѣніе, которое ему по всей справедливости уже принадлежитъ. Признательный отзывъ жителей настоящаго квартированія будетъ вѣрнѣйшимъ сего доказательствомъ. А какъ обязанность моя есть-быть при всякомъ случаѣ наистрожайшимъ блюстителемъ порядка службы, а съ симъ вмѣстѣ и бдительнымъ попечителемъ къ соблюденію всѣмъ выгодъ въ доставленіи всего слѣдующаго каждому по принадлежности, то первѣйшимъ долгомъ моимъ будетъ все по справедливости доводить до вышняго начальства.

Довѣренность же и любовь отъ всѣхъ, составляющихъ сей корпусъ, будутъ навсегда для меня—изъ важнѣйшихъ наградъ *).

---

*) Это—послѣдній приводимый мною приказъ И. В. Васильчикова, которому И. Ѳ. Паскевичъ, командовавшій 1-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею, писалъ 3 Декабря 1821 г. изъ Вильны, послѣ полученія извѣстія объ оставленіи имъ гвардейскаго корпуса: „Когда начальникъ выбылъ, тогда о немъ сужденія вѣрны и тогда онъ долженъ слушать голосъ истины; узнавши о вашемъ увольненіи, всѣ, отъ начальника до солдата, объявили сожалѣніе; такого намъ начальника не нажить—былъ общій отзывъ; каждый началъ разсказывать, сколько вамъ обязаны, и выходитъ, что почти ни одинъ изъ чиновниковъ не остался, который бы по вашему ходатайству не награжденъ былъ“ („Русскій Архивъ“, 1875, III, 420).

1822 г.

17 Января, № 4.

Воля всегдашняя Государя Императора и долгъ каждаго начальника во всякомъ случаѣ сберегать солдатъ обязываютъ меня пещись о сохраненіи здоровья ввѣренныхъ мнѣ войскъ; въ особенности же обратить вниманіе на чрезвычайную перетяжку въ поясу вообще всѣхъ нижнихъ чиновъ, имѣющую столь вредное вліяніе на ихъ здоровье и пагубныя отъ того послѣдствія. Почему предлагаю всѣмъ господамъ дивизіоннымъ, бригаднымъ и полковымъ командирамъ наистрожайше смотрѣть, чтобы ни подъ какимъ видомъ и даже по собственной охотѣ къ щегольству отнюдь люди чрезъ мѣру не затягивались, внушивъ имъ, какія оное влечетъ за собою болѣзни, а притомъ ихъ нѣкоторымъ образомъ оное и безобразитъ; а за симъ и то, что всякій, на кого платье сшито и пригнато со тщаніемъ, точно такъ же красиво будетъ одѣтъ и безъ излишняго перетягиванія. Въ семъ желая удостовѣриться на опытѣ, приказалъ я представить себѣ на смотръ людей, одѣтыхъ сообразно вышеписанному, и желаніе мое совершенно было удовлетворено, найдя, покойную и вмѣстѣ щеголеватую обмундировку, въ каковой имѣлъ я счастіе представить Государю Императору нѣсколько нижнихъ чиновъ, и оное удостоено было высочайшаго утвержденія *).

Неусыпнымъ о семъ попеченіемъ всѣхъ начальствующихъ несомнѣнно достигнемъ до желаемаго и сбережемъ здоровье своихъ подчиненныхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ выполнимъ священнѣйшій долгъ нашъ къ отечеству, сохранивъ солдатъ не только на службѣ, но дабы и по увольненіи ихъ отъ оной могли они, наслаждаясь безболѣзненнымъ состояніемъ въ нѣдрахъ семействъ своихъ, съ удовольствіемъ воспоминать о службѣ и прославлять попечительность начальства, доставившаго имъ таковое благосостояніе. Стараясь въ точности исполнить симъ волю Его Императорскаго Величества, усугубимъ въ нижнихъ чинахъ усердіе ихъ къ службѣ.

Необходимымъ также нахожу обратить вниманіе каждаго начальника и на поступающихъ въ самой молодости изъ унтеръ-офицерскаго званія въ офицеры, кои по неопытности своей и бывъ наполнены усердіемъ показаться по службѣ исправными, между прочимъ въ одѣяніи иногда превосходятъ мѣру и затягиваются необычайнымъ образомъ и безъ сомнѣнія разстраиваютъ навсегда свое здоровье. А какъ долгъ

---

*) Приказъ подписанъ Ѳ. П. Уваровымъ, заступившимъ мѣсто И. В. Васильчикова, впавшаго въ высочайшую немилость послѣ извѣстной „Семеновской" исторіи.

службы требуетъ отъ всякаго начальника, дабы подчиненнаго своего, и тѣмъ болѣе еще молодого и неопытнаго, сберегать во всякомъ случаѣ и готовить его быть полезнымъ на службу; слѣдовательно, и на здоровье онаго должно быть обращено вниманіе. Таковымъ попеченіемъ сбережемъ многихъ на службѣ офицеровъ, а впослѣдствіи, безъ сомнѣнія, пріобрѣтемъ къ намъ ихъ за сіе признательность.

*

18 Марта, № 19.

По довольно уже долговременной моей службѣ также и имѣвъ честь нѣкоторое время служить и въ гвардіи, случилось много разъ слышать и даже замѣчать, что по отбытіи на нѣкоторое время какого либо начальника (т. е., по пѣхотѣ: полкового, баталіоннаго и ротнаго командира; по кавалеріи: полкового, дивизіоннаго или и эскадроннаго командира, отъ части ему ввѣренной), въ отсутствіе его примѣтно оная опускается, единственно отъ того, что онаго начальника налицо не находится. Въ отвращеніе чего на будущее время предписываю гг. дивизіоннымъ и бригаднымъ начальникамъ имѣть строгое наблюденіе, чтобы по пѣхотѣ какъ полковые, такъ баталіонные и даже ротные командиры, а по кавалеріи полковые, дивизіонные и эскадронные командиры заранѣе всегда исподволь уже приготовляли, елико возможно, старшаго по себѣ заступить на случай отбытія въ какую либо временную отлучку; и тогда только можно быть увѣреннымъ, что и безъ настоящаго своего начальника часть ему ввѣренная не ослабнетъ, и будетъ можно назвать оную исправною, какъ по внутренности, такъ и по строевой службѣ, когда будетъ приготовленъ заблаговременно таковой достойный ему преемникъ, какъ по выбору гг. полковыхъ командировъ, такъ не менѣе и по надзору гг. дивизіонныхъ и бригадныхъ начальниковъ. При строгомъ соблюденіи сего правила безъ сомнѣнія всѣ части будутъ находиться во всегдашней исправности.

*

1 Іюня, № 56.

Вошло въ обычай у гвардейскихъ козаковъ подвязывать отъ уздечки до подпруги промежду переднихъ ногъ лошади ремень, коему и дано какое-то иноземное названіе мартенгаль. А молодцу-козаку слѣдуетъ въ случаѣ ровъ и заборъ перескочить, иногда и рѣку переплыть. Оной мартенгаль черезъ заборъ перепрыгнуть не допуститъ, а въ рѣкѣ козака и утопить можетъ; таковая помѣха не бездѣлица, почему мартенгали непремѣнно уничтожить, да оные и на Дону не въ обычаѣ. Но при выѣздѣ молодыхъ лошадей, ежели козакъ найдетъ, что таковой ре-

менѣ его коню по натурѣ и выѣзжать ему способствуетъ, то въ такомъ только случаѣ не воспрещается.

*

25 Августа, № 74.

Стоявшій вчерашняго числа въ караулѣ у Московской заставы гвардейскаго экипажа мичманъ Миллеръ при проѣздѣ г. главнокомандующаго не вышелъ въ ружье. Таковая оплошность ни въ какомъ случаѣ не простительна, кольми паче тогда, какъ ему объ ожидаемомъ пріѣздѣ его сіятельства извѣстно было чрезъ посланныхъ нарочно къ означенной заставѣ жандарма и лейбъ-казачьяго унтеръ-офицера.

Приказавъ мичмана Миллера арестовать на 24-ре часа, предписываю г.г. полковымъ командирамъ для предосторожности имѣть бдительный надзоръ за неопытными офицерами и, при назначеніи ихъ въ караулы или другія какія либо особенныя должности, строго подтверждать имъ о точномъ исполненіи своихъ обязанностей.

*

16 Сентября № 85.

Неоднократно случалось мнѣ замѣтить, что въ пѣхотныхъ полкахъ высочайше ввѣреннаго мнѣ корпуса нижніе чины, когда отдѣляются отъ фронта по одиночкѣ въ виду начальниковъ или когда являются на ординарца, отступаютъ отъ той осанки и маршировки, которая въ настоящемъ смыслѣ устава требуется.

Желая во всей силѣ держаться высочайшихъ постановленій и съ тѣмъ вмѣстѣ не затруднять солдата, я поставляю себѣ обязанностью предварить г.г. дивизіонныхъ, бригадныхъ и полковыхъ начальниковъ о принятіи всевозможныхъ мѣръ ко внушенію какъ тѣмъ, кои преподаютъ уроки, такъ и самимъ учащимся нижнимъ чинамъ, что люди во всякомъ случаѣ, какъ въ стойкѣ, такъ и въ маршированіи должны держать себя безъ всякаго принужденія, наблюдая притомъ, чтобы руки находились близъ корпуса и ляшекъ, имѣя локоть назадъ, но не слишковъ согнутымъ; пальцы отнюдь не вытягивать, но и не сгибать, а держать натурально; мизинецъ имѣть по шву панталонъ. Когда солдатъ имѣетъ ружье на плечѣ, въ лѣвой рукѣ, то держать оное установленнымъ порядкомъ, а правая должна быть въ положеніи непринужденномъ, какъ выше сказано. При маршированіи же, опустивъ носокъ, подаваться впередъ всѣмъ тѣломъ съ ногою вмѣстѣ; ибо, когда вся тяжесть тѣла остается на задней ногѣ, то чрезъ оное шагъ самъ по себѣ укорачивается, все движеніе оттого неминуемо задерживается и солдатъ скорѣе устаетъ безполезно; но когда шагъ не будетъ укороченъ, а на-

стоящій аршинный, сходно положенію, дѣлая тихимъ шагомъ въ минуту отъ 74 до 75, а на скоромъ отъ 102 до 104, тогда вообще весь фронтъ будетъ нечувствительно подаваться впередъ, солдатъ менѣе ощутитъ усталости и войско въ движеніяхъ будетъ успѣшнѣе.

*

27 Сентября, № 89.

Нѣтъ сомнѣнія, что приказаніе начальства исполняется безпрекословно; но исполненіе, отъ доброй воли и охоты къ своему ремеслу происходящее, совсѣмъ отъ того различно и даже болѣе полезно. Почему не приказываю, а приглашаю изъ г.г. генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, какъ кавалерійскихъ, такъ и пѣхотныхъ полковъ, стараться находиться при маневрахъ всякаго рода, хотя бы ихъ части на тотъ разъ и не находились дѣйствующими. Сіе однакоже приглашеніе отношу къ тѣмъ токмо лицамъ, которымъ безъ малѣйшаго во времени стѣсненія будетъ досугъ отъ занятій по службѣ или отъ собственныхъ нужныхъ дѣлъ. Впрочемъ, что отъ таковыхъ присутствій каждый пріобрѣтетъ значительную для себя пользу, то несомнѣнно; ибо сіи практическія военнаго ремесла упражненія непосредственно споспѣшествуютъ всякому посвятившему себя военной карьерѣ оказать со временемъ на поприщѣ оной важныя отечеству услуги въ настоящей пользѣ и славѣ ея. Мужеству и предусмотрительности не довольно одного знанія строевой службы, но неминуемо потребны навыкъ и примѣненіе полученныхъ теоріею правилъ къ самой практикѣ. Маневры же хотя и подвержены завсегда разному сужденію, но не менѣе открываютъ надежные и ближайшіе способы къ достиженію сей столь необходимой въ военномъ искусствѣ цѣли. На оныхъ глазъ пріучается къ вѣрному размѣру, къ скорому объятію всѣхъ представляющихся предметовъ и къ самому искусству быстро и съ пользою располагать каждымъ благопріятствующимъ случаемъ. И такъ присутствующій, съ усердіемъ къ своему ремеслу, съ пріятностію и пользою можетъ примѣчать предусмотрительность, ловкость, сноровку и быстроту дѣйствующихъ, а по ошибкамъ иныхъ не токмо избѣгать оныхъ, когда пріидется самому быть на сценѣ дѣйствій, но и направлять къ лучшему успѣху собственныя предпріятія. Частое упражненіе въ маневрахъ, такъ и охотное же присутствіе на оныхъ образуетъ молодого воина, даетъ ему способъ быть безошибочно предпріимчиву и готовить его къ тѣмъ важнымъ успѣхамъ, коими пріобрѣтаютъ истинную воинскую славу. Вотъ краткое изложеніе пользы отъ сего произойти могущей. Послѣ чего я хочу надѣяться, что г.г. мои сотрудники, внявъ сему искреннему приглашенію, гдѣ явное для нихъ же добро предполагаю, доставятъ мнѣ пріятное удовольствіе, каждый по

мѣрѣ своей возможности, видать ихъ зрителями и разсуждать съ ними на мѣстѣ о практическихъ нашихъ упражненіяхъ.

*

29 Сентября, № 91.

Замѣтивъ изъ прилагаемыхъ записокъ объ ученіяхъ, что въ нѣкоторыхъ полкахъ высочайше ввѣреннаго командованію моему корпуса назначаются по два раза въ день ученія, предписываю чтобы впредъ на оныя одни и тѣже люди не были въ одинъ день по два раза выводимы. Сіе относится вообще и до всѣхъ чиновъ.

*

4 Октября, № 93.

По дошедшимъ ко мнѣ свѣдѣніямъ, что нижніе чины собираются за Семеновскимъ валомъ, у Обводнаго канала, для игры въ карты и такъ называемую орлянку на деньги, я приказывалъ удостовѣриться, точно ли оное справедливо, что̀ и найдено дѣйствительнымъ, и изъ числа играющихъ взяты рядовые разныхъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ, въ которые и отправлены они съ тѣмъ, чтобы наказаны были по усмотрѣнію полковыхъ командировъ.

Въ отвращеніе на будущее время подобныхъ непозволительныхъ и законопротивныхъ, гдѣ бы то ни было, сборищъ и чтобы оныя отнынѣ ни въ какихъ мѣстахъ быть не могли, предписываю г.г. начальникамъ обратить на то особенное свое вниманіе, также чтобы подъ предлогомъ отыскиванія вольныхъ работъ не ходили люди безъ надобности по городу, какъ сіе видно изъ показаній нѣкоторыхъ забранныхъ на игрѣ, что они зашли на оную мимоходомъ, отыскивая якобы вольныя работы, а потому и должно непремѣнно отправлять нижнихъ чиновъ на таковыя, по отысканіи уже оныхъ наканунѣ, чрезъ нарочно посланныхъ.

Для прекращенія же упомянутыхъ сборищъ на вышеозначенномъ мѣстѣ предписываю отъ квартирующихъ по близости онаго полковъ Московскаго, Семеновскаго и Егерскаго дежурнымъ по полку объѣзжать днемъ и имѣть бдительный надзоръ, чтобы тамъ праздношатающіеся не сбирались, а съ наступленіемъ ночи посылать отъ сихъ полковъ патрули, которымъ приказывать забирать шатающихся, ежели бы сверхъ чаянія моего еще нашлись.

За симъ я увѣреннымъ остаюсь, что г.г. начальствующіе употребятъ всевозможныя мѣры къ предупрежденію таковыхъ безпорядковъ и сборищъ, а паче внушать нижнимъ чинамъ, какой строгой по закону отвѣтственности подвергаютъ они себя за запрещенныя игры въ деньгахъ.

*

10 Октября, № 95.

Небезъизвѣстно каждому, что иногда одинъ какой либо и неумышленный случай производитъ разные въ публикѣ толки и нерѣдко, къ несчастью, сопровождаемъ бываетъ несправедливыми и непріятными нареканіями для цѣлаго сословія.

Къ предупрежденію сего, по долгу и обязанности моей пещись всемѣрно о всемъ тотъ, чтò токмо можетъ составлять благо начальствованію моему ввѣренныхъ, имѣю изъяснить, что военный человѣкъ, между прочими достоинствами, въ особенности долженъ дорожить хорошимъ о себѣ мнѣніемъ и стараться пріобрѣтать оное во всякомъ случаѣ; главнѣйшее же къ достиженію сего средства есть строгое соблюденіе вѣжливости къ старшимъ и почтеннымъ лѣтами, наипаче уваженія къ дамамъ, а затѣмъ и ко всѣмъ заслуживающимъ вниманіе. Я совершенно увѣренъ, что г.г. офицеры, составляющіе столь отличный корпусъ, каковъ есть гвардейскій, успѣли уже благонравіемъ и должнымъ обхожденіемъ пріобрѣсти самое выгоднѣйшее о себѣ мнѣніе. Но какъ часто поступаютъ на службу молодые и неопытные люди, которые только что появляются въ свѣтъ и вообще не случалось имъ еще часто бывать въ публичныхъ мѣстахъ: то для нѣкоторыхъ изъ сихъ послѣднихъ весьма полезно будетъ, если и изъ среды же себя г.г. офицеры, старѣе въ лѣтахъ и опытности, будутъ въ таковыхъ случаяхъ предостерегать товарищей своихъ, поощряя ихъ собственнымъ примѣромъ слѣдовать благоразумному и осторожному своему поведенію. А за симъ и полковые командиры обязаны употребить все должное и строгое съ своей стороны стараніе ко внушенію таковымъ всего того, чтò требуетъ истинная польза; мѣра сія необходима какъ для собственнаго блага молодого человѣка, такъ и для достиженія того утѣшительнаго для всѣхъ вообще успѣха, которымъ отвратятся и самомалѣйшіе случаи къ упреку кого либо въ неосторожности.

Изъяснивъ такимъ образомъ все, чтò токмо можетъ предостерегать неопытность, я ласкаю себя надеждою, что каждый, внявъ сему искренно, озаботитъ себя по мѣрѣ возможности споспѣшествованіемъ сей столь благонамѣренной и общеполезной цѣли.

*

1823 г.

30 Іюня, № 47.

При самомъ началѣ движенія на нынѣшнемъ маневрѣ лично замѣтилъ я, что въ кавалеріи, шедшей по три направо, нѣкоторые замыкающіе унтеръ-офицеры и потомъ одинъ изъ нестроевыхъ проѣхали по

хлѣбу. Столь непозволительное нарушеніе приказа по корпусу, отъ 20 Іюня за № 44 отданнаго и въ диспозиціи къ маневру подтвержденнаго, ясно доказываетъ, что оный нижнимъ чинамъ не толкованъ; почему я и нахожусь вынужденнымъ всѣмъ г.г. начальникамъ наистрожайше подтвердить, дабы помянутый приказъ завтрашній день во всѣхъ войскахъ, для маневровъ собранныхъ, былъ непремѣнно по ротно и по эскадронно прочтенъ и нижнимъ чинамъ растолкованъ. Ежели же послѣ сего кто либо замѣченъ будетъ въ таковомъ ослушаніи, то онъ наистрожайше будетъ наказанъ, и командиръ той части, съ которой онъ находится, подвергнется взысканію.

Г.г. начальникамъ во всякомъ случаѣ внушать нижнимъ чинамъ, что войска устроены для защиты отъ враговъ отечества, а внутри для охраненія и спокойствія жителей, почему всякое прикосновеніе къ ихъ собственности не должно быть терпимо.

*

1824 г.

17 Марта, № 18.

Уволенный изъ подпоручиковъ гренадерскаго графа Аракчеева полка поручикомъ Ржавинъ, имѣющій особенныя способности въ барабанномъ искусствѣ, по высочайшему повелѣнію, опредѣленъ на службу для обученія всѣхъ барабанщиковъ гвардейской пѣхоты, по уваженію прежней усердной службы его, 12-мъ классомъ, съ причисленіемъ л.-гв. къ Семеновскому полку и съ производствомъ прежняго жалованья по подпоручичьему окладу.

*

4 Апрѣля, № 22.

Л.-гв. Московскаго полка рядовой Калина Проходенко, 20 числа минувшаго Февраля, стоявши на часахъ при казематахъ въ С.-Петербургской крѣпости и повѣривъ сторожу каземата рядовому подвижной инвалидной № 4 роты Юзефовичу, что оттуда въ скоромъ времени должны выдти печники, не остановилъ арестантовъ, выпущенныхъ подъ симъ предлогомъ самимъ сторожемъ.

По силѣ 207 артикула 24 й главы Воинскаго Устава, рядовой Проходенко подлежитъ тому самому наказанію, каковому подвергались пропущенные имъ преступники; но поелику по слѣдствію, произведенному о семъ происшествіи, открыто, что онъ впалъ въ сіе преступленіе единственно отъ оплошности, не имѣвъ совершенно никакого въ побѣгѣ ихъ участія, ни съ ними, ни съ сторожемъ; то по сей причинѣ и во

уваженіе засвидѣтельствованія начальства о прежней его 12-ти лѣтней совершенно безпорочной службѣ, я, не предавая его еще суду; представлялъ о семъ на высочайшее благоусмотрѣніе Государя Императора. Его Имераторскому Величеству благоугодно было предоставить мѣру наказанія за то рядовому Проходенко моему усмотрѣнію.

Хотя неисполненіе столь важныхъ обязанностей, каковыя суть обязанности каждаго часоваго, подвергаетъ рядового Проходенко, по вышеизъясненому артикулу, непощадному, такъ сказать наказанію, но я, имѣя въ виду 12-ти лѣтнюю безпорочную его службу въ гвардіи, засвидѣтельствованную ближайшимъ его начальствомъ, и желая сохранить солдата, въ первый еще разъ и то по оплошности въ преступленіе впавшаго, ограничиваю наказаніе его содержаніемъ его на мѣсяцъ въ томъ казематѣ, откуда по оплошности его бѣжали арестанты, и вмѣстѣ съ приведенімъ сего въ исполненіе, предписываю приказъ сей прочитать во всѣхъ ротахъ и эскадронахъ при собраніи нижнихъ чиновъ, внушивъ имъ притомъ важность обязанности часового и ту строгость наказанія, каковой они, по силѣ законовъ, подвергаются за упущенія сего рода.

*

26 Августа, № 69.

Отдавая полкамъ въ полной мѣрѣ справедливость въ заведеніи отличныхъ хоровъ музыки, нахожу однако нужнымъ предписать къ непремѣнному исполненію: по крайней мѣрѣ черезъ мѣсяцъ свидѣтельствовать полковымъ лѣкарямъ музыкантовъ, трубачей и горнистовъ и разспрашивать, не чувствуетъ ли кто изъ нихъ болѣзненныхъ припадковъ, внушая имъ притомъ, дабы каждый, при малѣйшемъ чувствованіи въ груди боли, тотчасъ объявлялъ о томъ начальству, для принятія надлежащихъ мѣръ къ возстановленію его здоровья.

Г.г. полковые начальники, по полученіи отъ медицинскихъ чиновъ донесеній о найденныхъ при свидѣтельствѣ ихъ больныхъ музыкантахъ, трубачахъ и горнистахъ, тотчасъ должны освобождать ихъ отъ настоящихъ занятій до того времени, пока они не укрѣпятся въ силахъ.

Ежели уволенный отъ занятій сихъ человѣкъ, послѣ поданія ему медицинскихъ пособій, начавъ заниматься попрежнему музыкою, подверженъ будетъ прежнимъ же болѣзненымъ припадкамъ, таковаго, какъ безнадежнаго въ настоящемъ званіи къ совершенному выздоровленію, немедленно обращать во фронтъ, замѣщая его ваканцію другимъ, здоровымъ и способнымъ.

При строгомъ наблюденіи сихъ предохранительныхъ мѣръ безъ

сомнѣнія люди совершенно будутъ сбережены и всеконечно менѣе подвергнутся тѣмъ болѣзнямъ, кои въ противномъ случаѣ столь часто неизбѣжны въ состояніи музыкантовъ *).

*

27 Ноября, № 102.

Отдавъ нынѣ послѣдній долгъ командовавшему гвардейскимъ корпусомъ покойному генералъ отъ кавалеріи Уварову, подъ начальствомъ коего, въ продолженіе почти трехъ лѣтъ, сей корпусъ неоднократно имѣлъ счастіе получать изъявленіе высочайшаго Его Императорскаго Величества благоволенія, какъ относительно строевой части, такъ и внутренняго устройства, соблюденія истиннаго порядка службы и чинопочитанія, я поставляю себѣ непремѣннымъ правиломъ слѣдовать во всемъ неотступно смыслу порядка и исполненія службы, существовавшихъ въ командованіе генерала отъ кавалеріи Уварова; остаюсь въ несомнѣнной при томъ надеждѣ, что всѣ частные начальники съ испытаннымъ и неутомимымъ ихъ усердіемъ мнѣ въ томъ споспѣшествовать будутъ.

Преисполнены будучи чувствіями признательности къ начальнику, пріобрѣтшему нелицемѣрную любовь и полную довѣренность подчиненныхъ своихъ, видѣвшему въ утратѣ жизни только лишеніе возможности служить долѣе Царю и Отечеству, мы сію признательность къ покойному не можемъ изъявить достойнѣйшимъ образомъ, какъ слѣдуя по его стезѣ въ исполненіи святыхъ обязанностей службы всемилостивѣйшаго нашего Монарха.

*

12 Декабря, № 106.

Всеавгустѣйшаго высочайшею волею удостоенъ командовать отличнѣйшимъ изъ войскъ корпусомъ гвардейскимъ, я чувствую въ душѣ моей всю огромность высокомонаршаго довѣрія: служенію его вся жизнь посвящена моя. Оправдать сіе столь великое мнѣ отличіе я воззываю ваше, г.г. генералы начальствующіе, г.г. штабъ и оберъ-офицеры, и ва-

*) Это—послѣдній приводимый мною приказъ Ѳ. П. Уварова. Императоръ Александръ I, въ письмѣ 19—20 Ноября 1824 г. къ супругѣ Николая Павловича великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, посвящаетъ нѣсколько строкъ смерти Ѳ. П. Уварова: „Меня постигло горе потерять въ немъ человѣка, съ которымъ меня тѣсно связывали около 30 лѣтъ испытаній и привязанности. Я подавленъ скорбью, дорогой другъ“ („Русская Старина“ 1902, Іюль, 39). Про его же кончину К. Я. Булгаковъ писалъ А. А. Закревскому 22 Ноября: „Не стало Ѳедора Петровича Уварова. Онъ скончался третьяго дня въ часъ пополудни, къ общему сожалѣнію. Нельзя не сожалѣть искренно о человѣкѣ, который никогда никому вреда не дѣлалъ“. (Сб. Им. Рус. Ист. Общ., LXXVIII, 380).

ше, храбрые и достойные гвардейскаго корпуса содѣйствіе. Безпредѣльная приверженность наша къ премилосердому изъ монархов и всей августѣйшей его фамиліи, достодолжное чинопочитаніе, слѣпое повиновеніе къ начальству и неусыпное рвеніе въ исполненіе обязанностей каждаго да не измѣнятся впредъ; и я достигъ желаемой цѣли, и душевная вамъ признательность моя [1]).

1825 г.

14 Января, № 5.

Государь Императоръ, во время прогулки вчерашняго числа пополудни во 2-мъ и до 4-го часа, изволилъ видѣть неисправности на нижеслѣдующихъ караулахъ, а именно: въ Пажескомъ корпусѣ караулъ совсѣмъ не вышелъ, чему единственно виноватъ часовой, стоявшій у главныхъ воротъ, ибо махальный много разъ давалъ ему знать; караулъ Ассигнаціоннаго Банка опоздалъ; караулъ Сѣнной площади не билъ похода; караулъ Петровской площади безпорядочно и поздно сталъ въ ружье. Столь непростительныя неисправности дѣлая извѣстными по корпусу, я предписываю гг. полковымъ командирамъ, войдя въ подробное разсмотрѣніе оныхъ, наказать виновныхъ по мѣрѣ вины каждаго и о послѣдующемъ донести мнѣ по командѣ.

*

23 Іюня, № 73.

Честь тебѣ и слава, гвардейскій корпусъ, осчастливленный отъ Всеавгустѣйшаго, столь лестнымъ высочайшимъ благоволеніемъ. Труды ваши и рвеніе каждаго вознаграждены превыше всего. Отъ васъ, отличныхъ, я многаго и съ совершеннымъ увѣреніемъ ожидалъ; сіе ожиданіе мое вы оправдали въ полной мѣрѣ.

Соучаствуя съ вами, я вамъ симъ одолженъ, и истинна и велика вамъ признательность моя [2]).

*

21 Ноября, № 122.

Л.-гв. Егерскаго полка поручикъ Пельскій, 6 числа текущаго Ноября, стоя въ караулѣ въ Новомъ Адмиралтействѣ, дозволилъ содержа-

---

[1]) Приказъ подписанъ Депрерадовичемъ, вступившимъ въ командованіе гвардейскимъ корпусомъ за смертью Уварова. По поводу этого обстоятельства К. Я. Булгаковъ писалъ А. А. Закревскому 26 Ноября: „Депрерадовичъ принялъ по старшинству командованіе надъ гвардейскимъ корпусомъ, а на мѣсто Депрерадовича военнымъ губернаторомъ на Петербургскую Сторону сдѣланъ Паскевичъ" (Сбор. Им. Рус. Ист. Общ. LXXVIII, 381).

[2]) Приказъ подписанъ генераломъ отъ кавалеріи Воиновымъ.

щемуся тамъ подъ арестомъ корнету Александрійскаго гусарскаго полка графу Сентъ-При отлучиться на нѣкоторое время для прогулки.

Таковой противозаконный поступокъ подвергаетъ поручика Пельскаго, какъ караульнаго офицера, строжайшему по законамъ взысканію; но, принимая въ уваженіе засвидѣтельствованіе ближайшаго его начальства, что онъ по усердію къ службѣ доселѣ извѣстенъ былъ съ хорошей стороны, въ особенности же отзывъ о томъ начальника 2 гвардейской пѣхотной дивизіи, Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Николая Павловича, я освобождаю его, на сей единственно разъ, отъ наказанія, винѣ его соразмѣрнаго, подвергая только трехнедѣльному аресту, съ содержаніемъ на гауптвахтѣ.

1826 г.

16 Февраля, № 21.

Его Императорское Величество вчерашняго числа встрѣтить изволилъ 1-й батальонъ л.-гв. Егерскаго полка, возвращающійся изъ дворцоваго экзерциргауза въ казармы, и нашелъ къ величайшему своему неудовольствію, что батальонъ сей слѣдовалъ въ совершенномъ безпорядкѣ, не сохранялъ отдѣленій, но растянулся, а гг. оберъ-офицеры и унтеръ-офицеры не находились при своихъ мѣстахъ.

За каковой безпорядокъ Его Императорское Величество приказать изволилъ арестовать на одну недѣлю, съ содержаніемъ на гауптвахтѣ, штабсъ-капитана Крузе.

Объявляя о семъ по корпусу, я за таковое упущеніе по службѣ дѣлаю замѣчаніе полковому командиру флигель-адъютанту полковнику Гартонгу и баталіонному командиру флигель-адъютанту полковнику Капгеру и вмѣстѣ съ тѣмъ предписываю ко всегдашнему исполненію, дабы ни въ какомъ случаѣ не отлучался начальникъ отъ своей части иначе, какъ съ разрѣшенія старшаго, который тогда уже и поручаетъ оную другому.

*

8 Марта, № 34.

Къ чрезмѣрному удивленію моему дошло до свѣдѣнія моего, что л.-гв. Финляндскаго полка штабъ-лѣкарь Смирновъ, не иначе, полагать я долженъ, какъ корыстолюбіемъ влекомый, часть занимаемой имъ квартиры за деньги отдавалъ въ наемъ. Поступокъ — ни званію, ни чести не только неприличный, но во всѣхъ отношеніяхъ предосудительный; за каковой предписываю его, штабъ-лѣкаря Смирнова, арестовать на три недѣли, съ исправленіемъ его должности, часть же квартиры его, имъ въ наемъ отдаваемую, какъ посему ему излишнюю и ненужную, отъ него отобрать для помѣщенія другихъ чиновъ сего полка.

31 Марта, № 47.

Его Императорское Величество, на вчерашнемъ смотру Московскаго отряда, замѣтить изволилъ при церемоніальномъ маршѣ кавалеріи слѣдующее:

1) Рысь была не ровна и вообще слишкомъ усилена.

2) Задніе взводы одного и того же эскадрона шли шибче переднихъ, отъ чего дистанціи не были вѣрны какъ между взводами, такъ и между эскадронами и дивизіонами.

3) Фланговые унтеръ-офицеры, не смотря на прежнія по сему замѣчанія, не равнялись вѣрно въ косу и не шли, какъ слѣдуетъ, по линіи адъютантовъ.

4) Люди вообще ѣхали такъ рѣдко въ рядахъ, что оные казались какъ бы разомкнуты.

5) Въ легкой кавалеріи держатъ сабли не только не по установленной формѣ, но и не ровно и не одинаково.

6) Въ конной артиллеріи, въ особенности же въ легкой батареѣ, не было надлежащей тишины.

Его Императорское Величество, бывши весьма доволенъ прохожденіемъ оба раза л.-гв. конно-піонернаго эскадрона и замѣтивъ съ удовольствіемъ, что г.г. офицеры какъ онаго эскадрона, такъ и конной артиллеріи имѣютъ весьма правильную посадку, ѣздятъ ровно и по однимъ и тѣмъ же правиламъ, желаетъ, дабы и во всей кавалеріи, по примѣру сему, какъ посадка г.г. офицеровъ, такъ и ѣзда оныхъ уровнены были по симъ же правиламъ, не сомнѣваясь притомъ нисколько, что, по всегдашнему и Его Императорскимъ Величествомъ во всякомъ случаѣ лично замѣченному усердію и рвенію всѣхъ г.г. начальниковъ и офицеровъ, сіе желаніе Его Величества въ непродолжительномъ времени уже вполнѣ исполнено будетъ.

*

2 Іюня, № 83.

Начальникъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества сообщилъ мнѣ, что Государь Императоръ изъ поднесенныхъ свѣдѣній съ особеннымъ удовольствіемъ усмотрѣть изволилъ, что почти во всѣхъ еженедѣльныхъ запискахъ о бѣжавшихъ въ гвардейскомъ корпусѣ и 1-й кирасирской дивизіи таковыхъ вовсе не находится и что вообще число бѣжавшихъ въ первой трети сего года простирается только до 8 человѣкъ.

Его Величество, относя сіе столько же бдительному попеченію г.г. начальниковъ, такъ и тому примѣрному духу, коимъ одушевлены всѣ чины гвардейскаго корпуса и который Его Величествомъ съ душевною признательностію замѣченъ во всѣхъ случаяхъ, какъ въ отлич-

номъ исполненіи службы, такъ и въ примѣрномъ порядкѣ во всѣхъ отношеніяхъ, всемилостивѣйше изволилъ изъявить мнѣ особенное монаршее благоволеніе, препоручая мнѣ объявить таковое же по командуемому мною корпусу всѣмъ г.г. генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и всѣмъ нижнимъ чинамъ, заслужившимъ примѣрнымъ своимъ стараніемъ лестное для нихъ монаршее одобреніе.

Его Величество увѣренъ, что сіе новое доказательство всемилостивѣйшаго вниманія къ ихъ службѣ, послужитъ всѣмъ чинамъ къ вящщему поощренію продолжать ревностно и усердно исполненіе своихъ обязанностей, дабы тѣмъ оказаться достойными монаршей милости и чести служить въ корпусѣ, который всегда былъ и долженъ быть примѣромъ побѣдоноснымъ Россійскимъ войскамъ какъ на войнѣ, такъ и во время мира. О таковомъ всемилостивѣйшемъ монаршемъ вниманіи къ войскамъ лейбъ-гвардіи объявляя по ввѣренному мнѣ корпусу, предписываю приказъ сей прочесть въ ротахъ и эскадронахъ при собраніи всѣхъ нижнихъ чиновъ.

*

7 Іюля, № 102.

Его Императорское Величество дѣлаетъ строжайшій выговоръ командующему 3-ею гвардейскою пѣхотною бригадою г.-ад. Сазонову за то, что при маневрѣ сего числа не исполнилъ даннаго ему приказанія, взялъ самъ собою совершенно неправильное направленіе и, не сохраняя должной связи въ движеніи, позволилъ противодѣйствующимъ войскамъ отрѣзать баталіонъ ввѣренной ему бригады, не донеся о томъ тогда же высшему начальству.

Равномѣрно объявляетъ строжайшій выговоръ командующему л.-гв. Измайловскимъ полкомъ г.-м. Анненкову, который не только позволилъ себя отрѣзать, съ однимъ баталіономъ ввѣреннаго ему полка, но и не принялъ должной мѣры открыть себѣ дорогу для соединенія съ остальными баталіонами 3 бригады.

*

17 Іюля, № 106.

По высочайшему повелѣнію предписываю: всѣхъ тѣхъ нижнихъ чиновъ, кои находиться будутъ въ бѣгахъ болѣе 3-хъ дней, предавать суду; ибо, при соблюдаемомъ порядкѣ службы въ гвардіи всякій солдатъ, о коемъ получено будетъ отъ ближайшаго начальства представленіе, что онъ бѣжалъ, дѣлается уже недостойнымъ служить въ гвардіи *).

---

*) 13 Сентября 1825 г. А. А. Воиновъ писалъ И. И. Дибичу объ осмотрѣ имъ гвардейскихъ полковъ: „Дай Богъ, чтобы у васъ въ Таганрогѣ была лучшая погода, какъ

8 Ноября, № 140.

На основаніи высочайшаго приказа сего числа отданнаго, вступая въ командованіе гвардейскимъ корпусомъ, предписываю по всѣмъ дѣламъ службы ко мнѣ относиться.

Цѣня въ полной мѣрѣ столь лестную для меня довѣренность Государя Императора, надѣюсь, что г.г. генералы и прочіе начальники войскъ будутъ ревностными мнѣ сотрудниками и что всѣ чины гвардейскаго корпуса, командованію моему ввѣреннаго, потщатся усерднымъ исполненіемъ обязанностей званія своего содѣлаются достойными милостиваго вниманія Его Величества *).

*

29 Ноября, № 149.

Замѣтивъ, что ординарцы и вѣстовые представляются иногда ко мнѣ на смотръ не въ той самой аммуниціи, которая, дѣйствительно, на людяхъ состоитъ и въ которой оные выводятся въ строй, я симъ наистрожайше воспрещаю каждую перемѣну и каждое улучшеніе мундирныхъ и аммуничныхъ вещей на ординарцахъ и вѣстовыхъ; ибо представленіе оныхъ начальству не есть иное что, какъ повѣрка выправки нижнихъ чиновъ, обученія и обмундированія оныхъ.

*

здѣсь; близко двухъ недѣль, какъ безпрерывные дожди. Вчерашняго числа я кончилъ осмотромъ моимъ полки обѣихъ пѣхотныхъ гвардейскихъ дивизій; люди совершенно всѣмъ довольны; замѣтно стараніе начальниковъ; одѣты хорошо, по сроку 825 года вездѣ идетъ постройка; фронтовая часть не слѣдуетъ и не должна опуститься; оружіе, за исключеніемъ весьма малой части, требующей починки, изъ полковъ болѣе въ лейбъ-егерскомъ, прочее исправно; начальствующіе ротами и частями, начинаютъ сбираться къ своимъ подкомандующимъ, что̀ должно служить къ сущей пользѣ; всѣ полки къ смотру выводили людей безъ изъятія всѣхъ и въ Семеновскомъ по 34 ряда во взводѣ, исключая одного ряда въ 33; хозяйственная часть въ порядкѣ, въ отличнѣйшемъ—въ Преображенскомъ, Семеновскомъ, Измайловскомъ и лейбъ-Егерскомъ. Словомъ, всѣмъ, что̀ видѣлъ, нужно быть довольнымъ и надѣяться тому, что и нѣкоторыя малости и замѣчанія придутъ скоро въ должную исправность. О всемъ семъ мнѣ пріятно увѣдомить в. прев. Надѣюсь и въ кавалеріи найти должное устройство“. Въ отвѣтъ на это письмо, 27 Сентября Дибичъ отвѣчалъ: „Принося в. в. искреннѣйшую благодарность мою за письмо отъ 13 сего мѣсяца, честь имѣю увѣдомить, что я поставилъ себѣ долгомъ содержаніе онаго довести до высочайшаго свѣдѣнія и что Его Величество изволилъ быть весьма доволенъ тою исправностію войскъ гвардіи, въ каковой найдены они по осмотру вашему, желая, чтобы и впредь всегда сохраненъ въ нихъ былъ таковой же порядокъ и устройство“. (Моск. Отд. Арх. Гл. Шт, дѣла Канц. Нач. Гл. Шт. Е. И. В., № 1699).

*) Это — послѣдній приказъ Воинова. 7 Ноября 1826 г. г.-а. Воиновъ обратился съ всеподданнѣйшимъ письмомъ къ Государю, въ которомъ писалъ: „Изнемогая совершенно въ болѣзненномъ моемъ положеніи, осмѣливаюсь припасть къ священнымъ сто-

13 Декабря, № 157.

Изъ доходящихъ ко мнѣ по начальству свѣдѣній усматриваю я, что иногда посылаются для покупки ремонтныхъ лошадей совершенно молодые офицеры, немогущіе знать еще ни строевой службы, ни внутренняго порядка оной и неимѣющіе никакой опытности въ покупкѣ лошадей. Таковые молодые ремонтиры неминуемо или бываютъ въ большомъ убыткѣ отъ покупки ремонта, или же, препоручивъ покупку онаго какому-либо постороннему лицу, цѣлый годъ проводятъ праздно отъ службы и при самомъ началѣ ихъ вступленія въ оную, не успѣвъ еще ни въ чемъ обратить на себя вниманіе начальства, пользуются какъ бы годовымъ отпускомъ, всемилостивѣйше даваемымъ, по уважительнымъ причинамъ, однимъ только раненымъ или заслуженнымъ офицерамъ.

памъ Вашего Императорскаго Величества и всеподданнѣйше просить къ обрѣтенію излѣченія, всемилостивѣйше уволивъ меня отъ командованія корпусомъ, дозволить, считаясь при Августѣйшей Особѣ Вашей, отбыть и искать на водахъ возстановленіе здоровья моего. Коль Провидѣніе даруетъ мнѣ облегченіе и благоугодно будетъ Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, впредъ служба моя, я сверхъ мѣры счастливъ буду посвятить служенію Вашему и остатки дней моихъ. Премилосердый Государь! Воззрите на болѣзненнаго служиваго, 47 лѣтъ Вамъ и Августѣйшимъ предкамъ Вашимъ вѣрою служащаго, не имѣющаго, опричь всемилостивѣйше пожалованныхъ въ Москвѣ, еще неполученныхъ, 100 т. р. другого никакого состоянія и все время служенія единымъ жалованьемъ и опредѣленнымъ содержащагося; явите милосердіе Ваше ко мнѣ, яко изъявляете на многіе и къ возможному содержанію моему съ семействомъ моимъ и лѣченію моему отъ щедротъ Вашихъ доселѣ назначенныя Вами, Государь, по 20 т. р. мнѣ ежегодно или жалованье со столовыми всемилостивѣйше опредѣлите. Участь мою предая въ руцѣ монарха моего премилосердаго благоговѣетъ Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный Александръ Воиновъ, генералъ отъ кавалеріи“. (Моск. отд. Арх. Гл. Шт.; дѣло Нач. Гл. Шт. Е. И. В., св. 175, д. 1821). Высочайшимъ приказомъ 8 Ноября 1826 г. командующимъ гвардейскимъ корпусомъ назначенъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ, а г.-а. Воиновъ былъ почтенъ того же числа высочайшимъ рескриптомъ: „Удовлетворяя желанію вашему, я уволилъ васъ отъ командованія гвардейскимъ корпусомъ и далъ вамъ отпускъ для пользованія разстроеннаго здоровья вашего съ сохраненіемъ получаемаго вами содержанія. Но, не желая лишить себя долговременной и отличной опытности вашей, назначилъ васъ командиромъ 7 пѣхотнаго корпуса, бывъ увѣренъ, что вамъ пріятно будетъ сблизиться съ мѣстами, служившими неоднократно поприщемъ отличныхъ подвиговъ вашихъ“. „Назначеніе Великаго Князя Михаила Павловича командиромъ гвардейскаго корпуса—писалъ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ А. А. Бенкендорфу 25 Ноября 1826 г.—доставило мнѣ большое удовольствіе. Его Величество не могъ сдѣлать лучшаго выбора; устраняя чувства, внушаемыя узами родства, я долженъ отдать Великому Князю Михаилу Павловичу должную справедливость; его усердіе, его дѣятельность, его заботливость, твердость его характера — однимъ словомъ, все дѣлаетъ его достойнымъ довѣрія, которое угодно было Государю Императору оказать ему, назначая его на столь важный постъ“ („Рус. Архивъ“, 1884, VI, 258). Приказъ 8 Ноября № 140 былъ первымъ приказомъ Великаго Князя Михаила Павловича по гвардейскому корпусу.

Въ отвращеніе столь противнаго дѣйствія истинному порядку и смыслу военной службы, я предписываю по ввѣренному мнѣ корпусу не посылать болѣе за ремонтомъ молодыхъ неопытныхъ офицеровъ, а только таковыхъ, которые уже познаніемъ настоящаго порядка службы и строевой оной части обратили на себя вниманіе начальства и пріобрѣли право на довѣренность онаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ предписываю, дабы ремонтиры сами приводили ремонты въ полкъ, не оставаясь, какъ сіе иногда бываетъ, на другой годъ за ремонтомъ, не сдавъ еще лично искупленныхъ ими лошадей.

*

23 Декабря, № 161.

Изъ военно-судныхъ дѣлъ и слѣдствій и изъ доходящихъ ко мнѣ представленій о выписаніи въ армію за пороки нижнихъ чиновъ усматриваю я, что изъ числа сихъ людей часто оказываются такіе, кои имѣютъ высочайше установленныя нашивки на лѣвомъ рукавѣ. Входя въ разсмотрѣніе сего обстоятельства, я заключаю, что г.г. начальники не довольно строгое обращаютъ вниманіе на службу и поведеніе нижнихъ чиновъ при удостоеніи нашивками: ибо невѣроятно, чтобы люди, прослужившіе болѣе 10 или 15 лѣтъ безпорочно, могли перемѣнить образъ своего поведенія и впадать не только въ пороки, но даже и въ преступленія. А потому предписываю г.г. полковымъ командирамъ впредъ съ большею разсмотрительностію и строгимъ вниманіемъ, подъ личною ихъ отвѣтственностію представлять къ удостоенію нашивками, которыя установлены не для красы фронта, но для означенія и доказательства безпорочной службы.

1827 г.

20 Февраля, № 20.

Пріѣхавъ сего числа въ казармы Кавалергардскаго полка, я къ крайнему моему удивленію нашелъ слѣдующее: дежурные по 1 дивизіону поручикъ графъ Ферзенъ и по 3 эскадрону и по госпиталю корнетъ князь Шаховской не тотчасъ, но послѣ нѣкотораго только времени прибыли; потомъ явился уже ко мнѣ и дежурный по полку ротмистръ Львовъ, поручикъ же Полетика, дежурный по 3 дивизіону, вовсе въ казармахъ не находился. Между тѣмъ донесъ мнѣ полковой адъютантъ поручикъ Бутурлинъ первоначально, что г. Полетика ѣздилъ верхомъ въ манежъ, гдѣ впрочемъ его не было, а потомъ вторично, что оный во всей формѣ поѣхалъ верхомъ прогуливаться вокругъ казармъ, что̀ совершенно противно порядку службы, ибо дежурный отъ своего мѣста отлучаться не долженъ. При семъ случаѣ также найдена мною дежур-

ная комната, для всегдашняго пребыванія г.г. дежурныхъ офицеровъ, учрежденная, въ видѣ нисколько не соотвѣтствующемъ настоящему ея предназначенію.

Дѣлая строжайшій выговоръ командиру полка г.-м. графу Апраксину за столь явное упущеніе по службѣ по ввѣренному ему полку, равно и за то, что вопреки отданнаго приказанія не устроено надлежащей дежурной комнаты, я приказалъ ротмистра Львова, отвѣтствующаго, какъ дежурный по полку, за всякій безпорядокъ, арестовать на 8 дней за ненахожденіе поручика Полетики при своемъ мѣстѣ, а сего послѣдняго на три недѣли, обоихъ съ содержаніемъ на гауптвахтѣ и съ исправленіемъ должности, которую не вмѣнять въ число дней, для ареста назначенныхъ.

Объявляя о семъ по высочайше ввѣренному мнѣ корпусу и поставляя сей найденный мною безпорядокъ на видъ г.г. бригадному командиру, начальнику дивизіи и корпусному командиру, я надѣюсь, что оные впредъ бдительнѣйшимъ надзоромъ не поставятъ уже меня болѣе въ столь непріятную необходимость взыскивать лично за подобные безпорядки, доказывающіе явное послабленіе по службѣ *).

*

1 Іюля, № 69.

Замѣчено мною, что въ нѣкоторыхъ полкахъ шинели вообще, а въ особенности воротники сдѣланы такимъ образомъ, что оные не надѣваются и не застегиваются на мундиры способно, покойно и хорошо; а какъ шинель солдату дается не просто для щегольства, но для предохраненія онаго отъ погоды, то и предписываю по ввѣренному мнѣ корпусу, чтобы всѣ частные начальники, съ полученіемъ сего, пересмотрѣли всѣ шинели нижнихъ чиновъ, и тѣ изъ нихъ, которыя не сшиты для употребленія сверхъ мундира, приказали немедленно передѣлать.

*

2 Іюля, № 70.

Несмотря на неоднократныя подтвержденія, чтобы солдатъ, въ походной формѣ въ строй выводимый, всегда имѣлъ въ чехлѣ шинель, я на бывшемъ сего числа ученьи всего корпуса, къ крайнему моему удивленію нашелъ, что въ полкахъ лейбъ-гвардіи Егерскомъ и Финляндскомъ, въ баталіонѣ учебнаго карабинернаго полка и лейбъ-гвардіи пѣшей артиллеріи въ легкой № 2 ротѣ таковыхъ вовсе въ чехлахъ

*) Составленіе приказовъ одно время поручалось Н. П. Синельникову. По этому поводу онъ писалъ въ своихъ Запискахъ: „При счастливой памяти, которая давала мнѣ возможность приводить въ бумагахъ подлинныя выраженія Великаго Князя, всякій трудъ казался мнѣ легкимъ“ („Истор. Вѣстн.“, 1895, № 1, 59).

не было, лейбъ-гвардіи же въ Семеновскомъ полку нѣкоторыя роты имѣли шинели, а другія были безъ оныхъ.

За таковое неисполненіе отдаваемыхъ приказаній я нахожусь вынужденнымъ сдѣлать строжайшій выговоръ командиру 4 пѣхотной бригады г.-а. Головину, командирамъ полковъ: лейбъ-гвардіи Егерскаго — г.-м. Гартонгу, Финляндскаго — г.-а. Воропанову, учебнаго карабинернаго полка полковнику Веймарну и лейбъ-гвардіи 2-й артиллеріи бригады командиру легкой № 2 роты полковнику Козлянинову; въ особенности же командиру лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка г.-а. Шипову, у коего, какъ бы произвольно, часть полка имѣла шинели, а другая была безъ оныхъ; поставляю все сіе и на видъ командующему всею пѣхотою г.-а. Бистрому.

При семъ случаѣ я замѣтить долженъ, что всѣ вещи, солдату даваемыя, суть необходимы, что шинели въ числѣ самыхъ нужнѣйшихъ и чехолъ, ее отъ погоды охраняющій, не есть прикраса, и что слѣдовательно выводить въ строй съ шинельными чехлами, соломою или картузною бумагою набитыми, оставляя шинели дома, значитъ терять изъ виду пользу ея употребленія, превращая полезнѣйшую вещь въ обманчивую только наружность.

*

14 Сентября, № 99.

Государь Императоръ, усмотрѣвъ изъ записки, представленной при дневномъ рапортѣ С.-Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, что лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка подпоручикъ Вязьминъ поступилъ подъ арестъ на трое сутокъ за то, что, бывъ прежде арестованъ полковымъ командиромъ г.-м. Фрейтагомъ въ дежурной комнатѣ при полку, отлучился изъ оной безъ позволенія, и находя таковое наказаніе несоразмѣрнымъ винѣ сего офицера, высочайше повелѣть соизволилъ поставить сіе на видъ г.-м. Фрейтагу, а подпоручика Вязьмина, который не возчувствовалъ содѣланнаго имъ поступка и отлучкою своею изъ дежурной комнаты показалъ малое вниманіе къ власти начальника, подвергнувшаго его аресту, и который прежде сего замѣченъ имъ мало радивымъ къ службѣ, перевесть въ армію тѣмъ же чиномъ, съ оставленіемъ на гауптвахтѣ впредъ до воспослѣдованія о переводѣ его высочайшаго приказа.

*

1828 г.

18 Мая, № 43.

Осмотрѣвъ на маршѣ войска правой колонны и именно полки лейбъ-гвардіи драгунскій, уланскій, гусарскій, конно-егерскій и казачій,

я, къ удовольствію моему, нашелъ въ сихъ полкахъ, кромѣ лейбъ-гвардіи казачьяго, желаемый во всемъ порядокъ, а число больныхъ, по совершеніи помянутою колонною столь значительнаго пути*), въ распутицу, при продолжавшейся ненастной погодѣ—умѣреннымъ; лошадей же больныхъ и нѣсколько потертыхъ, которыя могутъ служить, въ первыхъ трехъ полкахъ не болѣе пяти или шести въ каждомъ.

Почему я пріятнымъ долгомъ поставляю отдать справедливость усердію и попеченію командующаго оною колоною г.-а. Чичерина, равно г.г. бригадныхъ и полковыхъ командировъ, а въ особенности изъявляю благодарность мою командиру л.-г. Конно-егерскаго полка г.-м. Слатвинскому, за соблюденіе во ввѣренномъ ему полку, во всѣхъ частяхъ отношеніямъ отличнаго порядка и за совершенное сбереженіе людей и лошадей, у коихъ ни у одной пятна на спинѣ нѣтъ.

За неисправность же л.-г. въ козачьемъ полку, котораго команды съ больными лошадьми встрѣчены мною на маршѣ не только въ безпорядкѣ, но командующіе оными унтеръ-офицеры не знали даже числа оныхъ, и сверхъ того осадненныхъ лошадей оказалось около 40, тогда когда во всѣхъ первыхъ четырехъ полкахъ, совершившихъ тотъ же самый маршъ, нѣтъ ни одной таковой лошади, дѣлая строгій выговоръ командиру онаго полка г.-м. Ефремову, предоставляю командующему колонною по его усмотрѣнію оштрафовать тѣхъ частныхъ начальниковъ, по небреженію коихъ произошли таковыя упущенія.

*

1830 г.

14 Февраля, № 19.

Государь Императоръ, при осмотрѣ партіи рекрутъ Витебской губерніи, по послѣднему набору выбранныхъ въ гвардію полковникомъ л.-г. Павловскаго полка Мельгуновымъ, изволилъ замѣтить, что люди сіи, вообще не соотвѣтствуютъ настоящему ихъ предназначенію, не имѣя вовсе тѣхъ качествъ, каковыхъ должны быть рекруты, выбираемые для гвардіи.

Вслѣдствіе чего, по высочайшему повелѣнію, я дѣлаю строгій выговоръ полковнику Мельгунову за ненадлежащее выполненіе даннаго ему порученія, объявляя о семъ по отдѣльному гвардейскому корпусу; ибо, если онъ, дѣйствительно, не могъ найти въ помянутой губерніи рекрутъ, достойныхъ назначенія въ гвардію, въ такомъ случаѣ обязанъ

*) Приказъ былъ данъ изъ Витебска.

былъ, не приступая къ выбору, представить о томъ на разрѣшеніе начальства.

*

30 Іюля, № 74.

Побѣги нижнихъ чиновъ въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, къ сожалѣнію, доселѣ не прекращаются, а особенно въ гвардейской пѣхотѣ, между тѣмъ, какъ въ полкахъ Кавалергардскомъ, л.-г. Уланскомъ и Гусарскомъ, также л.-г. въ 1-й и 2-й артиллерійскихъ бригадахъ нѣтъ ни одного бѣжавшаго въ теченіе сего года.

Отдавая полную справедливость гг. командирамъ помянутыхъ полковъ и бригадъ за примѣрное во ввѣренныхъ имъ частяхъ сохраненіе добраго порядка, я нахожусь въ необходимости вновь подтвердить прочимъ г.г. начальникамъ, чтобы они обратили на сей важный предметъ особенное вниманіе и употребили бы всѣ мѣры къ отвращенію побѣговъ.

Судя по тому, что въ упомянутыхъ полкахъ гвардейской кавалеріи и въ обѣихъ артиллерійскихъ бригадахъ нѣтъ ни одного бѣжавшаго, нельзя считать невозможнымъ совершеннаго прекращенія побѣговъ и въ прочихъ частяхъ войскъ гвардейскаго корпуса, и наипаче въ гвардейской пѣхотѣ, при строгомъ надзорѣ за поведеніемъ нижнихъ чиновъ и употребленіи рѣшительныхъ мѣръ къ предотвращенію ихъ отъ проступковъ, ибо служба въ пѣхотѣ несравненно легче противу кавалерійской службы, а особенно противу артиллерійской *).

*

*) Значительное число бѣжавшихъ нижнихъ чиновъ влекло высочайшій выговоръ въ высочайшихъ приказахъ. Такъ, 17 Марта 1843 г. въ высочайшемъ приказѣ было отдано: „Его Императорское Величество дѣлаетъ выговоръ командирамъ полковъ, полковникамъ: Галицкаго егерскаго, Ушакову 6-му — за непомѣрную смертность и значительные побѣги нижнихъ чиновъ въ этомъ полку; Вологодскаго пѣхотнаго, Красовскому 2-му,—за непомѣрное число бѣжавшихъ, а Костромскаго егерскаго, Броссе 1-му, Муромскаго пѣхотнаго, Быковскому 3-му и Симбирскаго егерскаго, Патковскому — за большое число умершихъ нижнихъ чиновъ, поставляя это на видъ 5-й и 6-й пѣхотныхъ дивизій и бригаднымъ командирамъ сихъ дивизій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Государь Императоръ изволитъ надѣяться, что командиръ 2-го пѣхотнаго корпуса употребитъ всѣ мѣры, отъ него зависящія, къ уменьшенію столь значительнаго числа умершихъ и бѣжавшихъ нижнихъ чиновъ въ означенныхъ полкахъ, и тѣмъ болѣе, что изъ представленныхъ отчетностей Его Величество изволилъ усмотрѣть столь разительное несходство въ числѣ умершихъ и бѣжавшихъ изъ полковъ одного и того же корпуса“. А въ приказѣ 30 Марта того же года читаемъ: „Государь Императоръ объявляетъ монаршее благоволеніе командирамъ егерскихъ полковъ, полковникамъ: Томскаго, Жеребцову 2-му и Одесскаго, Вараввѣ, за малое число умершихъ нижнихъ чиновъ въ сихъ полкахъ, а командиру Украинскаго егерскаго полка, полковнику Жабокритскому, дѣлаетъ строгій выговоръ, за непомѣрную смертность нижнихъ чиновъ въ полку, ему ввѣренномъ.

11 Марта, № 41.

Вчерашняго числа Государь Императоръ въ проѣздъ свой къ Обухову мосту изволилъ видѣть л.-гв. Измайловскій полкъ, возвращавшійся послѣ бывшаго высочайшаго смотра въ казармы свои, къ крайнему и искреннему моему прискорбію, въ величайшемъ безпорядкѣ. Въ двухъ первыхъ баталіонахъ не было командировъ, вели оные полковники: первый—баронъ Штакельбергъ, второй—Свиньинъ, а при третьемъ баталіонѣ Его Величество не изволилъ замѣтить ни одного штабъ-офицера. Офицеры совершенно не находились на своихъ мѣстахъ, нижніе чины шли по обѣимъ сторонамъ улицъ, какъ кому хотѣлось, нѣкоторые изъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, отдавъ нести ружья свои рядовымъ, шли безъ оныхъ; словомъ, полкъ сей представлялъ какую-то толпу людей, не похожую на войско благоустроенное и въ особенности гвардіи Его Императорскаго Величества и, что̀ вяще еще непростительнѣе, въ то время, когда знамя 2-го баталіона, по случаю выступленія онаго въ загородное расположеніе, было при немъ.

По изслѣдованіи случая сего оказалось, что командиръ полка генералъ-маіоръ Анненковъ 1, по званію бригаднаго командира долженствуя въ сіе самое время быть при ранжировкѣ л.-гв. Егерскаго полка, находился въ манежѣ Инженернаго замка и поручилъ отвести полкъ въ казармы старшему по себѣ полковнику Анненкову, которому, какъ и другимъ баталіоннымъ командирамъ, о порядкѣ слѣдованія подтверждено было даже самимъ начальникомъ дивизіи; но полковникъ Анненковъ, не взирая на сіе, забылъ долгъ службы, званіе и обязанность, полковымъ командиромъ ему ввѣренную, первый осмѣлился отлучиться отъ полка, сему примѣру послѣдовалъ и командиръ 2-го баталіона полковникъ Норовъ, командиръ же 3-го баталіона полковникъ Корниловъ, хотя и слѣдовалъ съ баталіономъ, но, въ минуту проѣзда Государя Императора, при ономъ не находился.

Ѳ. Я. Мирковичъ, конногвардейскій офицеръ, а затѣмъ директоръ 2-го кадетскаго корпуса, относится отрицательно къ тому характеру дѣятельности Великаго Князя Михаила Павловича, который былъ приданъ имъ распоряженіями о поддержаніи дисциплины въ войскахъ: „Охраненіе дисциплины въ его глазахъ являлось не средствомъ для воспитанія, а главною цѣлію всего военнаго строя; подъ вліяніемъ грустныхъ событій, происходившихъ при восшествіи на престолъ Императора Николая, Великій князь видѣлъ въ усиленныхъ требованіяхъ службы лучшее средство отвратить молодое поколѣніе отъ увлеченія либеральными мечтами; напускная суровость вошла у него въ привычку, и въ офиціальныхъ сношеніяхъ съ подчиненными подчасъ онъ бывалъ весьма непріятенъ; нерѣдко позволялъ онъ себѣ насмѣшки, колкости и глумленія надъ окружавшими и подчиненными, что̀ ставило ихъ въ положеніе въ высшей степени непріятное“ („Русск. Архивъ“, 1890, № 3, 411—412).

Послѣ сего я нисколько не удивлюсь, что полкъ сей найденъ былъ въ такомъ состояніи, когда примѣръ оному безпорядку былъ данъ старшими; но мнѣ истинно прискорбно, что штабъ-офицеры полка сего, не дорожа добрымъ мнѣніемъ, которое пріобрѣлъ полкъ въ теченіе всей послѣдней кампаніи благоустройствомъ своимъ и недавно еще по возвращеніи послѣ труднаго похода, заслужившаго самые лестные отзывы Государя Императора, вмѣсто того, чтобы поддержать всегда и во всѣхъ случаяхъ оные, позволили себѣ, забывъ званіе, въ коемъ должны были служить примѣромъ всѣмъ прочимъ офицерамъ (въ особенности полковникъ Анненковъ, какъ старшій, коему ввѣренъ былъ весь полкъ), оставить ввѣренныя имъ части и тѣмъ самымъ дали поводъ ко всѣмъ случившимся безпорядкамъ и даже къ справедливому заключенію, что подобныя упущенія допускались и прежде и что всѣ сіи штабъ-офицеры только въ виду высшихъ начальниковъ исполняли съ точностію свои обязанности.

Дѣлая сіе извѣстнымъ войскамъ ввѣреннаго мнѣ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, предписываю всѣхъ вышепоименованныхъ штабъ-офицерамъ арестовать съ содержаніемъ на гаутвахтахъ, полковниковъ Анненкова на 7, Норова на 6, Корнилова, барона Штакельберга и Свиньина, каждаго на 3 дня; равномѣрно не могу безпорядки сіи не поставить на видъ начальнику 1 гвардейской пѣхотной дивизіи генералъ-адъютанту Ушакову и въ особенности командиру полка генералъ-маіору Анненкову 1-му, по званію ихъ начальника дивизіи, бригаднаго и полкового.

Увѣренъ будучи, что послѣ сего всѣ чины л.-гв. Измайловскаго полка, движимые ревностнымъ исполненіемъ лежащихъ на нихъ обязанностей, заслужатъ вновь лестное вниманіе къ полку Его Величества и по тому самому я на сей разъ только ограничиваюсь мѣрою сдѣланнаго за сіе взысканія, на будущее же время виновные за подобоне безпорядки подвергаемы будутъ всей строгости законовъ и послѣ онаго не останутся на службѣ въ гвардіи. Въ отвращеніе подобныхъ случаевъ строго запрещаю, чтобы г.г. полковые командиры, штабъ и оберъ-офицеры, безъ особо-уважительныхъ причинъ и крайней надобности отнюдь не были и ни подъ какимъ предлогомъ увольняемы отъ фронта и до прибытія въ казармы при оныхъ находились, что̀ и возлагаю на личную отвѣтственность: въ пѣхотѣ — командующаго оною, въ кавалеріи—командира 1 резервнаго кавалерійскаго корпуса и въ артиллеріи—командующаго оною, ра̀вно начальниковъ дивизій и бригадныхъ командировъ.

*

29 Марта, № 55.

Изъ свѣдѣній, въ штабъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса получаемыхъ отъ полковъ и командъ сего корпуса, о произведеніи шприцрутеннаго наказанія нижнимъ чинамъ по конфирмаціи надъ ними военносудныхъ дѣлъ, усматриваю я, что начальствующими надъ командами при сихъ экзекуціяхъ назначаются не однообразно: иногда штабъ, а иногда оберъ-офицеры.

По важности, съ какою должны быть производимы означенныя экзекуціи, ибо оныя производятся по военному суду, во исполненіе законовъ, сколько для наказанія виновныхъ, столько же для примѣра и воздержанія другихъ нижнихъ чиновъ отъ дурныхъ поступковъ и внушенія имъ, что порочное ихъ поведеніе ни въ какомъ случаѣ не оставляется безнаказанно, я нужнымъ нахожу, къ соблюденію во всѣхъ полкахъ и командахъ ввѣреннаго мнѣ корпуса порядка по сему предмету, предписать къ непремѣнному исполненію слѣдующія правила. При наказаніи шприцрутенами чрезъ 500 чел.—находиться въ пѣхотѣ баталіонному, а въ кавалеріи дивизіонному командирамъ; при бо̀льшемъ же наказаніи, и именно: чрезъ 1000 чел. одинъ разъ—быть полковому командиру, а чрезъ 1000 чел. три раза—полковому и бригадному командирамъ; и во всѣхъ сихъ случаяхъ—всѣмъ вообще г.г. офицерамъ тѣхъ частей войскъ, которыя назначаются для экзекуціи; симъ послѣднимъ—для наблюденія надъ нижними чинами, за точнымъ исполненіемъ опредѣленнаго по конфирмаціи наказанія виновному, а старшимъ начальникамъ—для внушенія при семъ случаѣ людямъ надлежащаго понятія о нравственности, присягѣ ихъ, о долгѣ содержать оную свято и ненарушимо и о нетерпимости въ службѣ Его Императорскаго Величества пороковъ и преступленій; относительно же артиллеріи, то въ оной исполнять вышеизложенныя правила, сравнивая артиллерійскихъ ротныхъ съ баталіонными, а бригадныхъ съ полковыми командирами и всякій разъ при донесеніи въ штабъ наканунѣ имѣющей быть экзекуціи, объяснять, кто именно изъ г.г. начальниковъ будетъ находиться при оной.

*

27 Октября, № 180.

По прошествіи нѣкотораго времени, въ продолженіе коего ординарцы и вѣстовые хотя и были мною принимаемы, но не подходили, я вчерашняго числа приказалъ имъ являться и нашелъ всѣхъ ихъ, исключая кавалеріи и артиллеріи, къ особенному моему удивленію и неудовольствію весьма неисправными. Они подходили совершенно неправильно и не единообразно, шагъ у нихъ былъ принужденъ и до того

натянутъ, что доходилъ до безобразія, а ружейные пріемы дѣлали не согласно съ установленными правилами. Одни только л.-гв. Преображенскаго полка ординарецъ и л.-гв. Измайловскаго полка вѣстовой совершенно знали свое дѣло; вѣстовой же л.-гв. Преображенскаго полка, ординарецъ л.-гв. Измайловскаго полка, ординарцы и вѣстовые полковъ л.-гв. Семеновскаго, Егерскаго, Московскаго, Гренадерскаго, Павловскаго и Финляндскаго были во всѣхъ отношеніяхъ весьма слабы, а л.-гв. Егерскаго полка вѣстовой, при входѣ въ дверь, поднималъ ноги, какъ бы переходя черезъ порогъ. Наряженные отъ артиллеріи ординарцы и вѣстовые представились въ совершенномъ порядкѣ.

Надѣваніе и сниманіе ранцевъ произведено было совершенно правильно и ловко ординарцами и вѣстовыми только отъ л.гв. полковъ Семеновскаго, Павловскаго, а въ особенности отъ артиллеріи; прочихъ же полковъ таковые нижніе чины исполняли сіе медленно и не по предписаннымъ правиламъ, а въ особенности л.-гв. Преображенскаго полка, коимъ вовсе неизвѣстно было, съ какой стороны и какимъ образомъ должно надѣть ранецъ. Неисправность въ семъ отношеніи тѣмъ болѣе не извинительна, что по сдѣланному мною на сихъ дняхъ замѣчанію командующему гвардейскою пѣхотою генералъ-адъютанту Ушакову относительно неправильнаго надѣванія и сниманія ранцевъ отданъ отъ него въ 20 день сего Октября за № 40 приказъ, въ подтвержденіе прежде объявленныхъ о томъ къ руководству правилъ.

Соображая все сіе, я заключить долженъ, что на приготовленіе ординарцевъ и вѣстовыхъ, равно на внушеніе правилъ надѣванія и сниманія ранцевъ не обращено было никакого вниманія какъ со стороны командующаго гвардейскою пѣхотою и дивизіонныхъ начальниковъ, такъ равно и со стороны бригадныхъ и полковыхъ командировъ; ибо повидимому люди не были вовсе повѣрены, а л.-гв. въ Преображенскомъ полку помянутый приказъ за № 40 оставленъ не только безъ всякаго исполненія, но даже безъ малѣйшаго вниманія.

За всѣ сіи упущенія я объявляю крайнее мое неудовольствіе дивизіоннымъ начальникамъ, равно бригаднымъ и полковымъ командирамъ, а командующему гвардейскою пѣхотою г.-а. Ушакову, за невниманіе къ прямой своей обязанности въ отношеніи къ повѣркѣ и соглашенія предписываемыхъ правилъ службы, равно за ненаблюденіе точнаго исполненія отдаваемыхъ приказовъ, дѣлаю строгое замѣчаніе; командующему же л.-гв. Преображенскимъ полкомъ г.-м. принцу Ольденбургскому за совершенное незнаніе ординарцемъ и вѣстовымъ 3-й фузелерной роты ввѣреннаго ему полка, какъ надѣвать ранецъ, послѣ недавно отданнаго семъ вновь по пѣхотѣ приказа, дѣлаю строжайшій выговоръ, равно и баталіонному командиру фл.-а. полковнику Дебанъ-Скоротец-

кому, а ротнаго командира штабсъ-капитана Потулова 1 и завѣдывающаго отдѣленіемъ поручика Де-Симона предписываю арестовать перваго на одну, а послѣдняго—на двѣ недѣли съ содержаніемъ на гауптвахтѣ. Между тѣмъ нужнымъ нахожу подтвердить командующему пѣхотою г.-а. Ушакову, что, я надѣюсь, впредъ не поставитъ онъ въ непріятную необходимость дѣлать ему напоминанія и повторенія о настоящихъ его обязанностяхъ.

*

27 Ноября, № 197.

Проѣзжая 25-го числа сего мѣсяца по Литейной улицѣ, замѣтилъ я офицера, ѣдущаго въ фуражной шапкѣ, который, по мѣрѣ приближенія моего къ нему, повернулъ въ другую улицу и, стараясь укрыться въ одномъ изъ ближайшихъ домовъ, обратилъ тѣмъ на себя еще большее вниманіе мое. Посланный отъ меня въ тотъ домъ для узнанія упомянутаго офицера дежурный при мнѣ адъютантъ представилъ мнѣ, къ крайнему моему удивленію, прапорщика л.-гв. Преображенскаго полка Арсеньева, того самаго, который, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, вслѣдствіе приказа моего, въ 9-й день Марта сего года за № 38 по отдѣльному гвардейскому корпусу отданнаго, былъ примѣрно оштрафованъ за ненахожденіе при своемъ мѣстѣ во время дежурства его по 3 баталіону л.-гв. Преображенскаго полка.

Послѣ сего каждый другой офицеръ, движимый чувствомъ чести, ревностнымъ исполненіемъ всѣхъ обязанностей службы, старался бы обратить на себя прежнее вниманіе начальства и тѣмъ самымъ показать себя достойнымъ служить въ гвардіи Его Императорскаго Величества; но прапорщикъ Арсеньевъ, не взирая на сдѣланное ему напредъ сего оштрафованіе арестомъ, новымъ во всей силѣ непростительнымъ своимъ поступкомъ доказалъ, что не умѣетъ цѣнить сдѣланнаго ему снисхожденія начальства, а небрежнымъ отступленіемъ отъ порядка службы подалъ вредный примѣръ своимъ подчиненнымъ; малодушнымъ же намѣреніемъ укрыться предъ глазами начальника отъ заслуженной имъ отвѣтственности, ни въ какомъ случаѣ офицеру неприличнымъ, далъ справедливый поводъ къ заключенію, что не дорожитъ ни честію носить мундиръ того полка, въ которомъ числится, ни службою въ гвардейскомъ корпусѣ.

Дѣлая поступокъ прапорщика Арсеньева извѣстнымъ войскамъ ввѣреннаго мнѣ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса и войдя съ представленіемъ моимъ о переводѣ офицера сего тѣмъ же чиномъ въ одинъ изъ армейскихъ полковъ, какъ незаслуживающаго болѣе никакого снисхожденія и содѣлавшагося недостойнымъ оставаться въ гвардіи, я остаюсь совер-

шенно увѣреннымъ, что всѣ гг. офицеры л.-гв. Преображенскаго полка поступокъ прапорщика Арсеньева примутъ съ должнымъ негодованіемъ.

1833 г.

28 Марта, № 40.

Проѣзжая вчерашній день по Невскому проспекту, я видѣлъ на ономъ шедшаго подпоручика л.-гв. Преображенскаго полка князя Голицына 1-го, который, какъ извѣстно мнѣ изъ дневныхъ свѣдѣній, былъ наряженъ съ командою, посланною для работъ въ здѣшній арсеналъ; послѣ сего, возвращаясь изъ Артиллерійскаго Училища, я встрѣтилъ двѣ команды 2-го баталіона этого полка, слѣдующія изъ арсенала въ свои казармы по Фурштадтской, а третью идущую по Кирочной улицамъ, хотя въ совершенномъ порядкѣ, но безъ офицера, и на вопросъ мой одному изъ унтеръ-офицеровъ, слѣдовавшихъ съ сими командами, гдѣ находится офицеръ, я получилъ въ отвѣтъ, что хотя при начатіи работъ онъ и былъ въ арсеналѣ, но потомъ, неизвѣстно куда отправился. Чтобы узнать настоящую причину таковаго случая, я посылалъ справиться о семъ къ командиру л.-гв. Преображенскаго полка, почему и оказалось, что наряженный съ командою 2 баталіона подпоручикъ князь Голицынъ 1, отлучился изъ арсенала съ позволенія старшаго офицера, бывшаго съ командами отъ полка, поручика Потулова 2, подъ предлогомъ говѣнья.

А какъ поручикъ Потуловъ 2 не имѣлъ никакого права увольнять подпоручика князя Голицына 1 для говѣнья, а сей послѣдній просить его о семъ, тогда какъ онъ былъ наряженъ отъ полка съ командою для работъ въ арсеналѣ, слѣдовательно, на службу, и распоряженіе въ семъ случаѣ должно быть сдѣлано съ особеннаго дозволенія полкового командира, ибо гг. офицеры должны говѣть не иначе, какъ съ своими ротами: то я предписываю поручика Потулова 2 и подпоручика князя Голицына 1 арестовать съ исправленіемъ должности на одинъ мѣсяцъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ, относя сей безпорядокъ по службѣ къ недостаточному наблюденію начальства, я вынужденнымъ нахожусь командующему пѣхотою г.-а. Ушакову и командующему 1-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею г.-м. Берникову поставить сіе на видъ, а полковому командиру г.-а. Исленьеву объявляю строгое замѣчаніе.

*

1 Іюня, № 72.

Получивъ донесеніе командира л.-гв. Измайловскаго полка ген.-м. Тимрота, что полкъ сей принятъ имъ отъ бывшаго полкового командира г.-м. Анненкова на законномъ основаніи во всѣхъ частяхъ въ

исправномъ состояніи и что пріемъ начался 23, а кончился 25 чиселъ минувшаго Мая мѣсяца, я объявляю г.-м. Анненкову и Тимроту совершенную мою благодарность, первому за сдачу, а послѣднему—за пріемъ означеннаго полка, продолжавшіеся менѣе трехъ дней.

А какъ столь скорая сдача служитъ новымъ доказательствомъ того отличнаго внутренняго состоянія л.-гв. Измайловскаго полка, въ которомъ оный постоянно содержалъ г.-м. Анненковъ, то я поставляю себѣ пріятнѣйшимъ долгомъ, за всегдашнюю его полезную и ревностную службу, объявить ему искреннюю и особенную мою признательность.

*

4 Іюля, № 91.

По высочайшему соизволенію отъѣзжая въ Москву, для пользованія искусственными минеральными водами, предписываю командовать въ отсутствіе мое, отдѣльнымъ гвардейскимъ корпусомъ старшему по мнѣ г.-а. Де-Прерадовичу. Разставаясь на нѣкоторое время съ высочайше ввѣреннымъ мнѣ гвардейскимъ корпусомъ, я увожу съ собою твердую надежду, что отличное усердіе и примѣрная ревность, составляющія коренную собственность гвардейскихъ войскъ, никогда не измѣнятся и что искреннее «ради стараться» будетъ отзываться не только на языкѣ, но и въ сердцѣ всѣхъ моихъ сослуживцевъ, коихъ чувства мнѣ столь же извѣстны, сколько знаютъ они справедливость пословицы Русскихъ воиновъ, что за Богомъ молитва и за Царемъ служба не пропадаетъ. Однимъ словомъ, я остаюсь увѣреннымъ, что всѣ и каждый точнымъ и усерднымъ исполненіемъ своихъ обязанностей и строгою подчиненностью всегда будутъ имѣть счастіе обращать на себя всемилостивѣйшее вниманіе Государя Императора.

*

6 Сентября, № 124.

При проѣздѣ моемъ сего числа въ 12 часу мимо караула Кавалергардскаго Ея Величества полка, находящагося на Елагиномъ островѣ, который вышелъ въ ружьѣ въ совершенной исправности, я замѣтилъ близъ онаго, на берегу рѣки, дежурнаго по карауламъ ротмистра Кожина 2, разговаривавшаго съ офицерами стараго и новаго карауловъ катера Ея Императорскаго Величества гвардейскаго экипажа; при чемъ онъ, ротмистръ Кожинъ, былъ въ полной формѣ, имѣлъ на себѣ шинель, фартукъ на панталонахъ и фуражку; когда же онъ меня увидѣлъ ѣхавшимъ по мосту, то первое его движеніе было—побѣжать въ караульню за каской. Мнѣ послѣ такого поступка ничего не остается сказать, но удивиться, какъ могъ офицеръ сей до того забыть долгъ службы,

имѣвъ счастіе быть на дежурствѣ при караулѣ, стоящемъ при особѣ Ея Императорскаго Величества.

Объявляя о семъ непохвальномъ поступкѣ ротмистра Кожина по гвардейскому корпусу, тѣмъ еще мнѣ непріятнѣе сей случай, что въ недавнемъ времени, а именно въ приказѣ моемъ отъ 23 Августа, подтверждено было, чтобы офицеры, на службѣ находящіеся, отнюдь не отступали отъ той формы, которую предписано имѣть на оной. Все вышесказанное я поставляю на видъ командиру гвардейскаго резервнаго кавалерійскаго корпуса ген-ад. Де-Прерадовичу и на замѣчаніе командующему гвардейскою кирасирскою дивизіею ген.-а. графу Апраксину.

*

20 Сентября, № 135.

При проѣздѣ моемъ вчера въ Царскомъ Селѣ въ казармы образцоваго пѣхотнаго полка мимо казармъ л.-гв. Кирасирскаго Его Величества полка, полковой караулъ вышелъ мнѣ въ ружье исправно. Въ то самое время, когда часовой сего караула звонилъ въ колоколъ, для вызова онаго, замѣтилъ я, что прикомандированный къ сему полку, Уланскаго имени моего полка ротмистръ князь Долгорукій выглянулъ изъ двери караульни, будучи въ растегнутомъ мундирѣ, лядункѣ, безъ сабли и безъ шарфа, но увидѣвъ меня, поспѣшно возвратился въ караульню; сіе побудило меня сойти съ лошади и войти въ караульню, въ дежурную офицерскую комнату, гдѣ я увидѣлъ слѣдующее.

1) дежурнаго по полку ротмистра князя Долгорукаго, какъ выше сказано, въ растегнутомъ мундирѣ, лядункѣ, безъ сабли и безъ шарфа;

2) дежурнаго по третьему дивизіону штабсъ-ротмистра Зенгбуша, равномѣрно въ растегнутомъ мундирѣ, лядункѣ безъ палаша и шарфа.

и 3) дежурнаго по второму дивизіону корнета фонъ-Юргенсона, такъ же какъ и двухъ предыдущихъ, въ растегнутомъ мундирѣ, лядункѣ, безъ шарфа и палаша.

Въ дежурной же комнатѣ, вокругъ дивана, были подушки и шинели г.г. офицеровъ, на которыхъ, какъ я долженъ полагать, они лежали, и, увидавъ меня, всѣ они были заняты застегиваніемъ мундировъ, надѣваніемъ палашей, шарфовъ и пр., вмѣсто того, какъ бы слѣдовало исправнымъ офицерамъ быть всегда готовымъ рапортовать начальнику. На спросъ мой князю Долгорукову, какъ могъ подобный безпорядокъ случиться, онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ хотѣлъ въ это самое время идти за нуждой, а на вопросъ, гдѣ дежурный по первому дивизіону штабсъ-ротмистръ Зіолковскій, отвѣчалъ, что онъ находился на конюшнѣ 1-го дивизіона, какъ сіе, дѣйствительно, оказалось справедливымъ.

Изъ всего вышеизложеннаго я вижу, что хотя бы и дѣйствительно князь Долгорукій въ это время, какъ онъ увѣряетъ, хотѣлъ выдти за нуждой (въ чемъ однакожъ я крѣпко могу сомнѣваться, ибо и прочіе офицеры могли принести туже самую отговорку, бывъ замѣчены въ томъ же безпорядкѣ), но при всемъ томъ, ежели бы даже показаніе князя Долгорукова и было справедливо, то я нахожу его виновнымъ: а) какъ дежурнаго по полку и старшаго въ чинѣ означенныхъ двухъ офицеровъ, въ допущеніи въ присутствіи своемъ находиться въ подобной неисправности, чѣмъ они показали совершенное незнаніе порядка службы и неуваженіе къ старшему себя по чину; б) штабсъ-ротмистра Зенгбуша въ отношеніи къ корнету Юргенсону равномѣрно въ допущеніи младшему въ чинѣ дозволить себѣ быть въ такомъ безпорядкѣ въ присутствіи его и также неуваженіи къ старшему; с) корнета же Юргенсона въ безпорядкѣ на службѣ и въ неуваженіи къ двумъ старшимъ въ чинѣ его офицерамъ.

Случай сей служитъ новымъ доказательствомъ, до какой степени служба между офицерами л.-гв. Кирасирскаго Его Величества полка распущена, и я къ крайнему моему сожалѣнію долженъ по сему заключить, сколь мало имѣютъ уваженія младшіе офицеры къ старшимъ, а того еще хуже, что старшіе офицеры не умѣютъ себя поставить на такую ногу, чтобы младшіе имѣли должное къ нимъ уваженіе и что чинопочитаніе, главная пружина военной службы, въ семъ полку между офицерами весьма ослаблено, а напротивъ того, существуетъ между ими непростительное и пагубное даже панибратство. А какъ изъ многихъ примѣровъ неисправности и незнанія службы г.г. офицерами въ семъ полку неоднократно мною замѣченныхъ, о чемъ объявлено было и въ приказѣ, съ тѣмъ, чтобы командиръ гвардейскаго резервнаго кавалерійскаго корпуса обратилъ вниманіе свое на столь важную часть, я къ крайнему моему удивленію вижу и нынѣ неисполненіе, то объявляю: совершенное мое неудовольствіе г.-ад. Де-Прерадовичу, выговоръ командующему гвардейскою кирасирскою дивизіею г.-ад. графу Апраксину и строжайшій выговоръ командиру полка г.-м. Кошкулю, повторяя въ послѣдній разъ всѣмъ симъ г.г. генераламъ обратить бдительный свой надзоръ на точное исполненіе службы г.г. офицерами ввѣренныхъ имъ частей, подъ строжайшею и личною ихъ отвѣтственностію.

Въ заключеніе сего, наистрожайше подтверждая г.г. офицерамъ, чтобы они во время нахожденія на службѣ никогда и ни въ какомъ случаѣ не позволяли себѣ ни малѣйшаго отступленія отъ той формы, въ которой предписано быть на оной, подъ строгою за всякое отступленіе по законамъ отвѣтственностью, предваряя, что никакая отговорка по сему принята не будетъ и что офицеръ, находящійся на службѣ,

долженъ быть всегда и непремѣнно въ томъ видѣ, въ которомъ онъ можетъ принять старшаго; всѣмъ же г.г. начальникамъ имѣть за симъ неослабный и строжайшій надзоръ подъ личною ихъ отвѣтственностью.

*

6 Октября, № 139.

Сего числа вступилъ въ караулъ ко мнѣ во дворецъ л.-гв. Финляндскаго полка подпоручикъ Леонтьевъ съ карабинерами роты Его Императорскаго Высочества. Подойдя къ окну, я увидѣлъ подпоручика Леонтьева на платформѣ фронта, сидящаго на правомъ барьерѣ отъ будки, въ шинели и курившаго трубку. Въ это самое время командиръ учебнаго сапернаго баталіона полковникъ Квашнинъ-Самаринъ проходилъ черезъ дворъ мимо гаутвахты въ мундирѣ и безъ шинели; подпоручикъ Леонтьевъ, вмѣсто того, чтобы оставить трубку, встать, снять шинель и приложить руку къ киверу (какъ бы ему слѣдовало сдѣлать предъ каждымъ старшимъ его офицеромъ), не только что сего не исполнилъ, но продолжалъ въ присутствіи солдатъ, сидя на барьерѣ, курить. Подпоручикъ Леонтьевъ поступилъ въ сей полкъ изъ Пансіона Имераторскаго Царскосельскаго лицея въ Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ; во время Польской кампаніи заслужилъ знакъ отличія военнаго ордена и произведенъ въ офицеры. Увидѣвъ сей поступокъ, подпор. Леонтьева, я потребовалъ его къ себѣ; въ это самое время, какъ у меня были собраны всѣ директоры военно-учебныхъ заведеній, я призвалъ также г.-м. Годеина и бар. Шлиппенбаха, какъ бывшаго и настоящаго командира Школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, равномѣрно и полковника Самарина, при чемъ находились также адъютантъ мой полковникъ Ростовцовъ и ф.-ад. Его Императорскаго Величества капитанъ графъ Ламздорфъ, бывшіе въ то время у меня съ докладомъ.

Первый вопросъ мой былъ подпоручику Леонтьеву, видѣлъ ли онъ полковника Самарина, когда сей проходилъ черезъ дворъ, на что онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ его видѣлъ. На спросъ же мой, какъ онъ могъ быть до такой степени невѣжливъ, что не отдалъ старшему себя должнаго почтенія, онъ сознался въ своей винѣ. На вопросъ же мой полковнику Квашнину-Самарину, видѣлъ ли онъ таковую невѣжливость сего офицера, онъ мнѣ отвѣчалъ, что не видалъ, что̀ и весьма вѣроятно, ибо онъ шелъ къ караулу спиной; при чемъ я присовокупилъ полковнику Самарину, что, если бы онъ замѣтилъ подобную вещь, первый его долгъ былъ бы офицера сего заставить отдать ему должную честь. При семъ я сказалъ полковнику Самарину, какъ начальнику сего офицера, сколь сіе происшествіе лично мнѣ больно, а подпоручика Леонтьева тутъ же на мѣстѣ, въ присутствіи вышеозначенныхъ лицъ, заставилъ предъ полковникомъ Квашнинымъ-Самаринымъ извиниться.

Глядя на сей поступокъ подпоручика Леонтьева со стороны службы, я заключаю, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о чинопочитаніи. со стороны же общежитія ни малѣйшаго понятія о самой простой вѣжливости. Послѣ сего я нахожу сего офицера не заслуживающимъ и не могущимъ оставаться въ гвардіи, которая, какъ войско отборное, отъ коего во всякомъ случаѣ можно требовать примѣрнаго состоянія по фронтовой части, а кольми паче въ чинопочитаніи, какъ главной и коренной силѣ всякаго войска; а потому съ симъ вмѣстѣ и представилъ его къ выписанію тѣмъ же чиномъ въ армію.

Обращаясь къ г.г. начальникамъ сего офицера, а именно: г. командующему гвардейскою пѣхотою г.-ад. Ушакову, г. дивизіонному начальнику 2 гвардейской пѣхотной дивизіи г.-ад. Мартынову, г. бригадному командиру 4 гвардейской пѣхотной бригады г.-л. Берникову, г. командующему 4-ю бригадою г.-м. Арбузову, г. командующему полкомъ г.-м. Офросимову и г. баталіонному командиру 1-го баталіона л.-гв. Финляндскаго полка Романову, я не могу довольно удивиться, какъ такъ мало обращено вниманія на столь важную часть, какъ чинопочитаніе, и не объявить имъ за сіе все мое неудовольствіе, а командующему полкомъ и баталіонному командиру строжайшій выговоръ, надѣясь напередъ, что г.г. начальники обратятъ должное и ежечасное ихъ вниманіе на столь важную часть военной службы, безъ которой сія послѣдняя существовать не можетъ.

Въ заключеніе сего не лишнимъ считаю также замѣтить, что какъ запрещено курить на улицахъ, тѣмъ болѣе сіе должно быть запрещено на платформѣ караульни, что̀ и подтвердить г.г. офицерамъ.

Сей приказъ г.г. полковымъ командирамъ всѣхъ полковъ гвардейской пѣхоты, кавалеріи, баталіонному командиру л.-гв. сапернаго баталіона, гвардейскаго экипажа, гвардейскихъ артиллерійскихъ бригадъ и бригадному командиру гвардейской инвалидной бригады, собравъ всѣхъ г.г. офицеровъ, прочесть имъ лично и повторить, что за всякое отступленіе отъ чинопочитанія будетъ взыскано по всей строгости законовъ, при чемъ я остаюсь въ полной надеждѣ, что г.г. офицеры, долженствующіе всегда и на каждомъ шагу служить примѣромъ нижнимъ чинамъ, никогда меня не поставятъ въ столь для меня прискорбную необходимость.

*

1 Ноября, № 153.

Государь Императоръ, при проѣздѣ 29 Октября чрезъ Нарвскій въѣздъ, изволилъ замѣтить, что часовой у шлагбаума не во всю руку поднялъ цѣпь онаго. Къ крайнему неудовольствію замѣчая изъ сего случая

снова несоблюденіе отданнаго приказа по корпусу отъ 12 Октября № 141, я дѣлаю за сіе командиру л.-гв. Павловскаго полка г.-м. Арбузову строгое замѣчаніе, дежурному по карауламъ полковнику л.-гв. Московскаго полка Анненкову, баталіонному командиру 3-го баталіона л.-гв. Павловскаго полка полковн. Мельгунову и командиру 3-й гренадерской роты онаго же полка капит. Гурбанту, за неисправность возложеннаго на нихъ наблюденія по сему предмету — строгій выговоръ, а стоявшаго въ караульнѣ съ 28-го на 29-е Октября прикомандированааго къ л.гв. Павловскому полку егерскаго фельдмарш. князя Кутузова-Смоленскаго полка подпор. Колычева предписываю арестовать на три дня, съ содержаніемъ на гауптвахтѣ.

*

29 Ноября, № 171.

Послѣ замѣченныхъ мною съ нѣкотораго времени и нѣсколько разъ разныхъ упущеній по внутренней службѣ въ полкахъ, отданы были мною приказы за №№ 115, 124 и 135, о настоящей должности дежурныхъ офицеровъ и чему подвергаются они за упущеніе и неисправность на дежурствѣ. Г.г. начальникамъ было предписано неоднократно обратить на сію важную часть службы бдительный и неослабный надзоръ и лично повѣрять во всякое время исправность дежурныхъ. Давъ на сіе имъ достаточное время, я съ своей стороны самъ хотѣлъ удостовѣриться, исполняется ли служба съ требуемою рачительностію, а потому прошедшую ночь отправился въ нѣкоторые полки и нашелъ слѣдующее.

1) Ровно въ часъ ночи пріѣхалъ я въ Кавалергардскій Ея Величества полкъ и, вошедши въ тоже время въ дежурную комнату, спросилъ находившагося тутъ солдата, гдѣ дежурные офицеры; онъ отвѣтствовалъ, что они пошли повѣрить исправность по конюшнямъ. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ по пріѣздѣ моемъ въ казармы, явились ко мнѣ дежурные по дивизіонамъ 3-му и 2-му г.г. офицеры, поручики Врасскій и Яковлевъ 1, немедленно послѣ чего дежурный по полку ф.-а. Его Императорскаго Величества штабсъ-ротмистръ графъ Шереметевъ и, наконецъ, дежурный по 1-му дивизіону корнетъ Яковлевъ 2, такъ что менѣе, чѣмъ въ четверть часа, всѣ они рапортовали мнѣ въ совершенной исправности, какъ только можно желать отъ офицеровъ, исправляющихъ службу съ бдительностію; за сіе мнѣ въ особенности пріятно отдать полную благодарность командующему Кавалергардскимъ Ея Величества полкомъ г.-м. Гринвальду и должную справедлисть какъ ф.-а. штабсъ-ротмистру графу Шереметеву, такъ и всѣмъ поименованнымъ г.г. офицерамъ.

2) Послѣ сего поѣхалъ я л.-гв. въ Преображенскій полкъ и, вошедъ

въ гошпиталь, въ дежурную комнату, нашелъ тамъ дежурнаго по полку капитана Карпова, дежурнаго по 3-му баталіону прапорщика Мезенцова 2-го и по гошпиталю л.-гв. Сапернаго баталіона прапорщика Дубенскаго 2. Всѣ сіи офицеры, увидѣвъ меня, немедленно надѣли кивера, явились съ рапортомъ, при чемъ я долженъ однакоже замѣтить, что у капитана Карпова воротникъ былъ совсѣмъ разстегнутъ, а прапорщикъ Мезенцовъ 2, хотя былъ въ шарфѣ, но безъ сабли. Все сіе поставляю на видъ командующему полкомъ г.-м. Микулину. Прапорщикъ же л.-гв. Сапернаго баталіона Дубенскій явился въ совершенной исправности, за что мнѣ пріятно и ему отдать должную справедливость и въ особенности благодарить командира л.-гв. сапернаго баталіона г.-а. Шильдера.

3) Изъ гошпиталя л.-гв. Преображенскаго полка отправился я л.-гв. въ Семеновскій полкъ и, вошедъ въ гошпиталь, въ дежурную комнату, нашелъ всѣхъ дежурныхъ при своихъ мѣстахъ, а именно: по полку—поручика Бачманова, по баталіонамъ, 2-му — прапорщика Бистрома 2, 3-му — подпоручика Рейсиха и по гошпиталю — прапорщика Чернявскаго. Офицеры сіи, увидѣвъ меня, сейчасъ надѣли кивера и явились съ рапортомъ, при чемъ въ полной мѣрѣ исправнымъ замѣтилъ я прапорщика Бистрома 2, что̀ мнѣ въ особенности пріятно было видѣть въ молодомъ офицерѣ только что выпущенномъ нынѣ изъ Школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ;. напротивъ того, выпущенный въ одно же съ нимъ время изъ той же школы прапорщикъ Чернявскій, при входѣ моемъ въ дежурную комнату, былъ занятъ надѣваніемъ шарфа и рапортовалъ мнѣ, имѣя оный надѣтымъ черезъ саблю, и хотя офицеръ сей объявилъ мнѣ, что онъ отлучался въ то самое время за нуждой, но, поставляя сіе на видъ командиру полка г.-м. Ребиндеру, предписываю изслѣдовать сей случай.

4) Оттуда отправился я л.-гв. Конный полкъ и, вошедъ въ дежурную комнату, нашелъ, что она находится въ передѣлкѣ; на спросъ же у встрѣченнаго мною солдата, гдѣ нынѣ находится дежурная комната, оный мнѣ объявилъ, что, по случаю ея передѣлки, дежурные офицеры находятся нынѣ на квартирѣ поручика Нарышкина, куда я и велѣлъ себя проводить. 28 Ноября дежурные были: по полку—ф.-а. Его Императорскаго Величества ротмистръ Александровъ старшій; по дивизіонамъ: по 1-му—поручикъ Нарышкинъ, по 2-му поручикъ Свистуновъ, по 3-му — поручикъ Чичеринъ 2. Пришедъ около половины третьяго часа ночи на квартиру поручика Нарышкина, обращенную временно въ дежурную комнату, нашелъ я: а) ротмистра Александрова, сидящаго на канапе, въ совершенной формѣ; b) передъ дверью—накрытый столъ, на которомъ были видны остатки ужина, разныя бутылки и проч. и

c) г.г. офицеровъ: поручика Нарышкина, сидящаго за столомъ въ растегнутомъ мундирѣ, въ растегнутой лядункѣ, безъ палаша, безъ шарфа, поручиковъ Свистунова и Чичерина—также сидящихъ за столомъ, всѣхъ растегнутыхъ, безъ шарфовъ и безъ палашей; когда же они меня увидѣли, всѣ вскочили и побѣжали въ другую комнату за шарфами и за палашами. Первое мое движеніе было потребовать отчета отъ ротмистра Александрова въ усмотрѣнномъ мною безпорядкѣ; но какое было мое удивленіе, когда я увидѣлъ между поручикомъ Нарышкинымъ и поручикомъ Чичеринымъ пирующаго вмѣстѣ съ ними полковника онаго полка Ознобишина, который, какъ полковникъ и старшій въ комнатѣ между всѣми офицерами, вмѣсто того, чтобы наблюдать за сохраненіемъ порядка, самъ былъ соучастникомъ ихъ неприличнаго поведенія! Какого я послѣ того долженъ быть мнѣнія о семъ штабъ-офицерѣ, — въ томъ отвѣтъ себѣ дастъ каждый благомыслящій офицеръ, знающій всю важность службы и чинопочитанія. Послѣ сего мнѣ ничего болѣе не остается, какъ искренно соболѣзновать, что подобный безпорядокъ могъ случиться между офицерами гвардіи.

Теперь обращаюсь къ тому положенію, въ которое поставилъ полковникъ Ознобишинъ своимъ примѣромъ ротмистра Александрова; ибо, хотя бы сей послѣдній и хотѣлъ обратить г.г. офицеровъ къ должному порядку, какъ старшій и притомъ дежурный по полку, но что̀ ему оставалось дѣлать передъ старшимъ, который самъ былъ не только соучастникомъ, но и служилъ примѣромъ безпорядка молодымъ офицерамъ? Далѣе, когда г.г. офицеры, увидавъ меня, побѣжали, какъ выше сказано, за палашами и шарфами въ другую комнату, я за ними слѣдовалъ въ оную и приказалъ имъ остаться въ томъ видѣ, въ которомъ я ихъ нашелъ, до прибытія по востребованію моему командующаго полкомъ, за которымъ я немедленно и послалъ; къ усугубленію моего удивленія, въ то время, какъ я вошелъ въ другую комнату, увидѣлъ я въ ней карточный столъ, на которомъ замѣтны были остатки игры, а подъ столомъ разорванныя и разбросанныя карты; однимъ словомъ, все, что̀ я видѣлъ въ сей дежурной комнатѣ, болѣе походило на трактиръ, чѣмъ на мѣсто, гдѣ должны быть собраны офицеры, которымъ препоручено блюсти за порядкомъ въ полку.

Происшествіе сіе, весьма прискорбное для меня, равно и для всякаго благомыслящаго офицера, поставляетъ меня въ необходимость сдѣлать строжайшій выговоръ командующему полкомъ г.-м. барону Мейендорфу, равно и командующему гвардейской кирасирскою дивизіею г.-а. графу Апраксину, которому въ продолженіе 4-хъ мѣсяцевъ я долженъ былъ четыре раза дѣлать выговоръ за безпорядки, замѣченные мною во ввѣренной ему дивизіи; съ г.г. же виновныхъ офицеровъ будетъ

учинено примѣрное взысканіе. Г.-а. Де-Прерадовичу, хотя онъ нынѣ и въ отсутствіи по случаю осмотра 2-й легкой гвардейской кавалерійской дивизіи, дѣлаю строгое замѣчаніе за вышесказанные безпорядки въ полку, находящемся во ввѣренномъ ему корпусѣ. О чемъ и объявляю по отдѣльному гвардейскому корпусу.

1834 г.

28 Марта, № 43.

Въ приказѣ, отданномъ по корпусу 1-го Ноября 1833 года съ № 133-мъ, было объявлено о сдѣланномъ Государемъ Императоромъ, при проѣздѣ черезъ Нарвской въѣздъ, замѣчаніи, что часовой л.-гв. Павловскаго полка, у шлагбаума стоявшій, не во всю руку поднялъ цѣпь онаго, за что и сдѣлано было въ то время мною надлежащее взысканіе.

Нынѣ, при проѣздѣ Его Императорскаго Величества чрезъ Московской въѣздъ 26-го числа сего Марта, вновь замѣчено Его Величествомъ, что часовой, стоявшій у шлагбаума отъ караула л.-гв. Московскаго полка 2-го баталіона 5-й фузилерной роты былъ столь оплошенъ, что упустилъ изъ руки цѣпь, отчего шлагбаумъ, вдругъ поднявшись, ударился отвѣснымъ концомъ столь тяжело, что снова опустился и тѣмъ не только могъ задѣть экипажъ, но даже причинить значительный ушибъ.

А какъ подобный случай не могъ бы произойти, если бы, во-первыхъ, обращено было должное вниманіе на исправность карауловъ и часовыхъ, при частой повѣркѣ сихъ послѣднихъ и внушеніи имъ лежащей на нихъ обязанности, а во-вторыхъ, если бы соблюдались въ точности предписанныя въ приказѣ моемъ отъ 12-го Октября 1833 года за № 141-мъ, правила: то я вынужденнымъ нахожусь командующему всею пѣхотою г.-ад. Ушакову, начальнику 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи г.-л. Берникову и командиру 3-й гвардейской пѣхотной бригады г.-л. Крафстрёму, сдѣлать замѣчаніе, а командиру л.-гв. Московскаго полка г.-м. Штегельману строгій выговоръ; командиру же 2-го баталіона сего полка полковнику Бутовскому и бывшему дежурнымъ по карауламъ полковнику Анненкову, объявляю строжайшій выговоръ и предписываю: командира 5-й фузилерной роты капитана Елагина за то, что рядовой ввѣренной ему роты былъ столь невнимателенъ на своемъ посту, арестовать на недѣлю, а стоявшаго въ караулѣ у Московскаго въѣзда прапорщика Нейдгарта 2-го, который, не повѣряя часовыхъ (какъ бы слѣдовало) въ знаніи своей обязанности, допустилъ тѣмъ подобный случай и сверхъ того неосновательно донесъ о замѣчаніи Его Величества, упомянувъ только о томъ, что часовой упустилъ изъ руки цѣпь, тогда какъ выше объяснено, что шлагбаумъ, совершенно вырвавшись

изъ рукъ, отъ сильнаго удара отвѣснымъ концомъ, опустился снова съ чрезвычайною быстротою и сдѣлалъ опаснымъ самый проѣздъ, арестовать на двѣ недѣли, обоихъ—съ содержаніемъ на гауптвахтѣ.

Приказъ сей предписываю прочесть при собраніи нижнихъ чиновъ л.-гв. Московскаго полка, а стоявшаго на часахъ у шлагбаума Московскаго въѣзда рядоваго 5-й фузилерной роты Никона Юрова наказать въ примѣръ другимъ предъ полкомъ, по усмотрѣнію полкового командира.

*

8 Іюля, № 94.

При проѣздѣ моемъ 4 числа вечеромъ по Красному Селу и слободѣ Павловской, въ расположеніи полковъ гвардейской кирасирской дивизіи, найдено мною слѣдующее: Л.-гв. въ Конномъ полку, когда проѣзжалъ я въ первый разъ, не было никого изъ дежурныхъ на линейкѣ, кромѣ наряженнаго дежурнымъ по 1-му дивизіону поручика барона Крейца 1, находившагося на улицѣ въ сюртукѣ и фуражкѣ безъ палаша и шарфа; при возвращеніи же моемъ встрѣтилъ меня въ полной формѣ одинъ дежурный по 3-му дивизіону штабсъ-ротмистръ графъ Стенбокъ-Ферморъ 1; дежурныхъ же по полку ф.-ад. ротмистра Лужина и по 2-му дивизіону корнета Вуича вовсе не было.

Въ Кавалергардскомъ Ея Величества полку нѣкоторые офицеры играли на улицѣ предъ одною изъ квартиръ, въ однѣхъ рубашкахъ, будучи окружены толпою крестьянскихъ дѣтей, что̀ нахожу я совершенно неприличнымъ на улицѣ, которая служитъ большою проѣзжею дорогою изъ С.-Петербурга въ Красное Село и въ лагерь. Увидавши меня, они поспѣшили скрыться въ своихъ квартирахъ; тутъ же находился ф.-ад. л.-гв. Коннаго полка полковникъ Крузенштернъ, коего обязанность была бы напомнить помянутымъ офицерамъ о неприличности ихъ одежды.

Дежурный по полку штабсъ-ротмистръ Жерве 1 встрѣтилъ меня въ полной формѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ присутствіи его и полковника Крузенштерна допущено было дежурному по 3-му дивизіону корнету Савельеву быть съ растегнутымъ воротникомъ, въ фуражкѣ, имѣя каску въ рукахъ, которую онъ надѣлъ тогда уже, какъ увидѣлъ меня. Дежурныхъ по 1-му дивизіону корнета Творогова и по 2-му дивизіону поручика Охотникова вовсе не было.

Все сіе приказалъ я въ то же время изслѣдовать начальнику штаба гвардейскаго корпуса генералъ-маіору Веймарну, вослѣдствіе чего оказалось, что дежурнаго по л.-гв. Конному полку ф.-ад. ротмистра Лужина не было на своемъ мѣстѣ по тому, что онъ уѣзжалъ съ рапортомъ къ дежурному по дивизіи; дежурный по 2-му дивизіону сего полка корнетъ Вуичъ отлучался за надобностію; поручикъ же баронъ

Крейцъ 1, хотя и находился на своемъ мѣстѣ, но позволилъ себѣ надѣть сюртукъ и фуражку, за что и приказалъ я немедля арестовать его съ содержаніемъ на гауптвахтѣ.

Дежурныхъ по дивизіонамъ Кавалергардскаго полка корнета Творогова и поручика Охотникова не было на линейкахъ, потому что первый изъ нихъ, какъ увѣряетъ онъ, находился въ то время на конюшнѣ позади дворовъ, занимаемыхъ симъ дивизіономъ; поручикъ же Охотниковъ находился въ квартирѣ и не вышелъ на линейку, потому, что не слышалъ, чтобы вызывали дежурнымъ. Равномѣрно и прочіе дежурные, не бывшіе при проѣздѣ моемъ на линейкахъ, сослались на то, что дневальные при эскадронахъ не кричали дежурнымъ на линію, что̀ и было причиною большей части найденныхъ мною безпорядковъ.

При дальнѣйшемъ изслѣдованіи открылось, что полки гвардейской кирасирской бригады слѣдовали безъ полковыхъ командировъ, которые, по случаю распредѣленія 3 числа лошадей, приведенныхъ изъ военно-конскихъ заводовъ, оставались въ Петергофѣ, почему Кавалергардскимъ Ея Величества полкомъ командовалъ полковникъ Кожинъ, который сверхъ того былъ 4 Іюля дежурнымъ по дивизіи и не только не исполнилъ прямой своей обязанности неослабно повѣрять дежурныхъ во всѣхъ полкахъ дивизіи, но и въ порученномъ ему полку допустилъ вышеизложенные безпорядки. Л.-гв. въ Конномъ же полку г.-м. баронъ Мейендорфъ, уволивъ старшаго по немъ полковника Бреверна, поручилъ полкъ полковнику Ознобишину, который при настоящемъ случаѣ вторично не умѣлъ сохранить должнаго порядка между своими подчиненными и тѣмъ самымъ подтвердилъ то мнѣніе, которое я имѣлъ поводъ заключить о семъ штабъ-офицерѣ при посѣщеніи моемъ полковыхъ казармъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года. Вмѣстѣ съ тѣмъ я не могу не замѣтить, что г.-м. принцъ Эрнстъ Виртембергскій, которому не могло быть безызвѣстнымъ отсутствіе полковыхъ командировъ ввѣренной ему бригады, долженъ быть поставить себѣ въ прямую обязанность находиться при оной.

Столь неизвинительныя упущенія по службѣ со стороны дежурныхъ въ полкахъ Кавалергардскомъ Ея Величества и л.-гв. Конномъ, за всѣми неоднократными подтвержденіями моими по корпусу о строжайшей за сіе отвѣтственности, доказываютъ, что ближайшее начальство не обращаетъ надлежащаго на сей предметъ вниманія и вынуждаетъ меня въ продолженіи времени менѣе года поставить сіе въ 5-й разъ на видъ командиру гвардейскаго резервнаго кавалерійскаго корпуса г.-ад. Де-Прерадовичу и въ 5-й же разъ сдѣлать строгій выговоръ начальнику дивизіи г.-ад. графу Апраксину, равно сдѣлать строгій выговоръ командиру 1-й бригады г.-м. принцу Эрнсту Виртембергскому, полковымъ командирамъ: Кава-

лергардскаго Ея Величества полка г.-м. Гринвальду и преимущественно, л.-гв. Коннаго—г.-м. бар. Мейендорфу, который, не слѣдуя самъ при полку, не долженъ былъ увольнять старшаго по немъ, тѣмъ болѣе, что уже разъ замѣчено мною во ввѣренномъ ему полку подобная неисправность; въ особенности же объявляю я строжайшій выговоръ остававшимся старшими въ отсутствіи ихъ въ полкахъ полковн.: Кавалергардскаго полка—Кожину и л.-гв. Коннаго полка Ознобишину; также дѣлаю я строжайшій выговоръ ф.-ад. полковн. л.-гв. Коннаго полка Крузенштерну.

Напротивъ того, во 2-й бригадѣ сей дивизіи, найдя во всемъ порядокъ и всѣхъ дежурныхъ по полкамъ и дивизіонамъ на своихъ мѣстахъ, я изъявляю совершенную мою благодарность командиру сей бригады г.-м. Захаржевскому, командиру л.-гв. Кирасирскаго Его Величества полка г.-м. Клюпфелю и командующему лейбъ-Кирасирскимъ Наслѣдника Цесаревича полкомъ (за болѣзнію г.-м. Жадовскаго) полковнику Милевскому.

Въ заключеніе предписываю командиру гвардейскаго резервнаго кавалерійскаго корпуса г.-а. Де-Прерадовичу во всей подробности войти въ изслѣдованіе замѣченныхъ мною безпорядковъ и со всѣхъ виновныхъ предоставляю ему сдѣлать строгое взысканіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обращаясь къ начальнику дивизіи г.-а. графу Апраксину, я долженъ ему вновь замѣтить, что внутренняя служба, во ввѣренной ему дивизіи и въ особенности въ 1-й бригадѣ оной, до крайности ослаблена, не смотря на личныя мои неоднократныя замѣчанія и объявленные за подобныя упущенія выговоры въ приказахъ по корпусу прошлаго 1833 года съ № 115, 124, 135 и 171; вслѣдствіе чего я вижу себя принужденнымъ объявить г.-а. графу Апраксину, что, если онъ не приметъ мѣръ къ отвращенію на будущее время подобныхъ безпорядковъ и къ строгому соблюденію службы во ввѣренной ему части, то о первой замѣченной мною неисправности будетъ доведено до свѣдѣнія Государя Императора.

*

21 Декабря, № 183.

Со времени прекращенія сообщенія съ С.-Петербургскою Стороною и содержанія л.-гв. Гренадерскимъ полкомъ карауловъ въ сей только части города представлялась въ полной мѣрѣ возможность заняться въ семъ полку въ особенности одиночною выправкою нижнихъ чиновъ, и съ достовѣрностію должно было ожидать успѣховъ по фронтовой части. Нынѣ же при вступленіи сего полка въ общую очередь для содержанія городовыхъ карауловъ, я къ крайнему неудовольствію моему усмотрѣлъ, что 1-й баталіонъ означеннаго полка, вмѣсто предполагаемыхъ успѣховъ въ образованіи по фронту, далеко отсталъ въ

семъ отношеніи отъ всѣхъ полковъ лейбъ-гвардіи, что обнаруживаетъ совершенное невниманіе частныхъ начальниковъ къ правильной передачѣ данныхъ по сему предмету правилъ и къ постоянному за оными наблюденію. При семъ случаѣ, я неизлишнимъ считаю объявить, что въ стараніи гг. частныхъ начальниковъ къ точному исполненію обязанностей службы, я убѣждаюсь не словами, но дѣйствіями ихъ въ успѣшномъ образованіи высочайше ввѣренныхъ имъ частей; почему и нахожусь вынужденнымъ сдѣлать за упущеніе по сему предмету: начальнику 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи г.-л. Берникову—строгое замѣчаніе; командиру 3-й гвардейской пѣхотной бригады г.-л. Крафстрёму—выговоръ; командиру полка г.-м. Николаеву и командиру 1-го баталіона полковнику Польману—строжайшій выговоръ. Въ заключеніе же предписываю г.-л. Берникову обратить особенное и бдительнѣйшее вниманіе на образованіе л.-гв. Гренадерскаго полка и доведеніе онаго до удовлетворительнаго по фронту состоянія, наравнѣ съ прочими полками высочайше ввѣреннаго мнѣ корпуса.

Сверхъ того, Государь Императоръ, при проѣздѣ 19 Декабря въ 1¾ часа пополудни мимо новаго Адмиралтейства, изволилъ замѣтить, что часовой 3-го баталіона 7-й фузилерной роты л.-гв. Гренадерскаго полка, стоявшій за канавой на углу Невы, сдѣлалъ накраулъ; равнымъ образомъ и находившійся въ караулѣ прапорщикъ Муратовъ отдалъ честь за рѣшеткой, что служитъ новымъ доказательствомъ недостаточной повѣрки частными начальниками исправности карауловъ и невнимательнаго наблюденія за точнымъ исполненіемъ правилъ гарнизонной службы и твердымъ знаніемъ оной; за что и объявляю вторично выговоръ командиру полка г.-м. Николаеву и 3 баталіона полковнику Плаутину; прапорщика же Муратова предписываю арестовать на двѣ недѣли, съ содержаніемъ на гауптвахтѣ. При чемъ я считаю нужнымъ присовокупить, что хотя повѣрка карауловъ есть прямая обязанность дежурнаго по онымъ, но полковникъ Польманъ, наряженный на 21 Декабря дежурнымъ по карауламъ 1-го отдѣленія, не могъ еще объѣхать въ то время оныхъ, ибо находился при смѣнѣ главной гауптвахты.

II.

Выписки изъ приказаній.

1831 г.

9 Января, № 7.

Дошло до свѣдѣнія Его Императорскаго Высочества, командующаго корпусомъ, равно Его Высочество изволилъ замѣтить лично, что нѣкоторые гг. офицеры войскъ гвардейскаго корпуса носятъ шляпы не по формѣ въ маскарадахъ. Сверхъ того Его Высочество изволилъ за-

мѣтить: 1) что у офицерскихъ мундировъ въ груди весьма много кладется ваты, 2) что ординарцы и вѣстовые присылаются во дворецъ Его Высочества весьма рано и 3) что дневныя и семидневныя свѣдѣнія, доставляемыя отъ войскъ въ штабъ гвардейскаго корпуса, пишутся весьма неясно и даже ошибочно, а въ особенности въ чинахъ и фамиліяхъ.

Посему Его Высочество изволилъ приказать подтвердить:

1) дабы гг. офицеры въ ношеніи шляпъ отнюдь и ни въ какомъ случаѣ не отступали отъ установленной формы въ публичныхъ собраніяхъ и прочихъ мѣстахъ, подъ опасеніемъ строгаго взысканія;

2) ваты въ груди офицерскихъ мундировъ вовсе не класть, зачѣмъ и имѣть наблюденіе гг. полковымъ и прочимъ командирамъ;

3) ординарцевъ и вѣстовыхъ присылать во дворецъ Его Высочества отнюдь не ранѣе опредѣленнаго времени и

4) доставляемыя въ корпусный штабъ свѣдѣнія писать непремѣнно чёткимъ и яснымъ почеркомъ и безошибочно, въ особенности чины и фамиліи гг. офицеровъ; въ противномъ случаѣ полковые адъютанты будутъ подвергнуты строгой отвѣтственности за всякое упущеніе по сему предмету.

*

1832 г.

3 Апрѣля, № 57.

Его Императорское Высочество, командиръ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, на бывшемъ въ Зимнемъ дворцѣ 29-го минувшаго Марта обѣдѣ для гг. генераловъ, штабъ-и оберъ-офицеровъ полковъ л.-гв. Коннаго и Егерскаго, изволилъ замѣтить произведеннаго изъ капитановъ л.-гв. Семеновскаго полка въ полковники л.-гв. въ Егерскій полкъ барона Соловьева, который съ производства своего не являлся еще Его Высочеству. По сдѣланной о семъ справкѣ оказалось, что полковникъ баронъ Соловьевъ намѣренъ былъ представиться 18-го числа минувшаго Марта, но Его Высочество въ тотъ день принимать не изволилъ; за симъ онъ, г. полковникъ, представлялся Его Высочеству по прошествіи уже двухъ недѣль, но тогда только, когда о семъ предметѣ ему былъ сдѣлалъ вопросъ; а потому Его Высочество изволилъ дѣлать командиру л.-гв. Егерскаго полка г.-м. Штегельману строгій выговоръ за ненаблюденіе за своевременнымъ представленіемъ полковника барона Соловьева, а означеннаго г. полковника приказать изволилъ арестовать при полку на 24 часа. Равно Его Высочество поставляетъ сіе опущеніе на видъ гг. командиру 2 бригады 1 гвардейской пѣхотной дивизіи и начальнику означенной дивизіи. Вообще Его Высочество приказать изволилъ подтвердить, дабы всѣ гг. штабъ и оберъ-офицеры при произ-

водствѣ или при переводѣ изъ одного полка въ другой, по обмундированіи, тотчасъ бы являлись ко всѣмъ ближайшимъ своимъ начальникамъ, а вслѣдъ за симъ представлялись уже Его Высочеству.

*

11 Апрѣля, № 68.

Его Императорское Высочество, командиръ корпуса, прибывъ сего числа къ разводу, когда оный, въ установленное время, за полчаса до начатія, выведенъ былъ на парадное мѣсто, изволилъ замѣтить, что, вопреки введенному порядку, не было тогда при караулахъ Кавалергардскаго Ея Величества и л.-гв. Коннаго полковъ и гвардейскихъ юнкеровъ ни дивизіоннаго начальника, равно бригаднаго и полковыхъ и даже дивизіонныхъ командировъ; также не находился и командиръ Школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ; и караулы сіи, и взводъ гвардейскихъ юнкеровъ, слѣдуя на разводное мѣсто съ баталіономъ, назначеннымъ въ караулъ, шли рядами, тогда какъ упомянутый баталіонъ вступалъ отдѣленіями.

Почему Его Императорское Высочество дѣлаетъ за сіе строгое замѣчаніе гг. дивизіонному начальнику г.-м. князю Голицыну, равно бригадному командиру г.-м. принцу Александру Виртембергскому и полковымъ командирамъ: г.-а. графу Апраксину, г.-м. барону Офенбергу, также командиру школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ г.-м. Шлиппенбаху. За симъ Его Высочество надѣется, что подобныхъ упущеній болѣе уже не случится и что на будущее время гг. частные начальники не допустятъ, чтобы Его Высочество находился при войскахъ прежде ихъ.

Его Высочество изволилъ встрѣтить также нѣкоторыхъ гг. офицеровъ одѣтыми совершенно противно установленной для нынѣшнихъ торжественныхъ дней формѣ; напримѣръ, адъютанта л.-гв. Коннаго полка штабсъ-ротмистра Анненкова въ вицъ-мундирѣ, а нѣкоторыхъ офицеровъ—въ сюртукахъ, тогда какъ, по заведенному порядку, первые два дня и третій день до развода гг. офицеры должны быть въ полной парадной формѣ; послѣ же развода въ третій день дозволяется быть одѣтыми кирасирамъ въ красныхъ мундирахъ (2-й бригады—въ бѣлыхъ) и шляпахъ; гусарамъ—въ ментіяхъ, надѣтыхъ въ рукава, безъ лядунокъ; конной артиллеріи и л.-гв. конно-піонерскаго эскадрона, конно-гренадерамъ, уланамъ и конно-егерямъ — въ колетахъ, безъ шарфовъ и лядунокъ; офицерамъ же пѣхоты — съ открытыми лацканами, въ шляпахъ, безъ шарфовъ; гг. генераламъ, не имѣющимъ полковыхъ мундировъ, въ генералъ-адъютантскихъ и генеральскихъ мундирахъ и въ бѣлыхъ панталонахъ, но безъ шарфовъ.

Равномѣрно Его Императорское Высочество изволилъ встрѣтить сего числа нижнихъ чиновъ нѣкоторыхъ полковъ одѣтыми не по установленной формѣ, какъ-то, л.-гв. Коннаго полка, въ шинеляхъ, 1-й артилерійской бригады, одного фейерверкера въ шелковомъ галстухѣ и перчаткахъ, л.-гв. сапёрнаго баталіона рядового, державшаго въ рукѣ платокъ и л.-гв. Московскаго и Гренадерскаго полковъ даже въ нетрезвомъ видѣ; гвардейскаго экипажа—съ растегнутыми чешуями. Его Высочество, поставляя сіе на видъ гг. частнымъ начальникамъ означенныхъ частей, остается увѣреннымъ, что столь частыя подтвержденія о неотступленіи отъ надлежащей въ одеждѣ формы не потребуютъ новыхъ повтореній, ибо въ торжественные и праздничные дни нижніе чины не должны быть увольняемы иначе изъ казармъ, какъ въ мундирахъ съ открытыми лацканами, портупеяхъ и киверахъ. При семъ случаѣ Его Высочество съ удовольствіемъ изволилъ замѣтить всѣхъ встрѣтившихся Его Высочеству нижнихъ чиновъ л.-гв. Преображенскаго полка и л.-гв. конной артиллеріи отлично опрятно одѣтыми, отмѣнно внимательными, ловкими, однимъ словомъ, таковыми, какъ Его Высочество желаетъ всегда видѣть нижнихъ чиновъ войскъ л.-гв., что̀ и поставляетъ въ примѣръ всѣмъ прочимъ полкамъ и частямъ, изъявляя свою совершенную благодарность командиру означеннаго полка г.-а. Исленьеву и командиру л.-гв. конной артиллеріи г.-м. Гербелю и всѣмъ частнымъ начальникамъ.

*

3 Октября, № 164.

Г. командующій корпусомъ, обогнавъ сего числа наряженной отъ кавалергардскаго Ея Величества полка внутренній караулъ, изволилъ замѣтить, что, вопреки неоднократно отданнымъ приказаніямъ, нѣкоторые нижніе чины имѣли въ воротникахъ вложенныя бумаги. Его высокопревосходительство дѣлаетъ за сіе замѣчаніе командиру означеннаго полка г.-а. графу Апраксину, приказавъ вмѣстѣ съ тѣмъ подвергнуть взысканію эскадроннаго командира и офицера, ведшаго тотъ караулъ.

*

15 Октября, № 172.

Лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка 5-й роты рядовой Петръ Зарубинъ, 8 числа сего Октября, отлучившись самовольно отъ роты, какъ онъ показываетъ, для того, чтобы проводить земляковъ своихъ до Рожка, напился пьянъ до того, что не могъ уже возвратиться въ казармы и, шатаясь по городу послѣ пробитія зори, взятъ въ полицію.

Его Императорское Высочество, командиръ корпуса, находя означеннаго рядового Зарубина заслуживающимъ за сіе строжайшаго по законамъ наказанія, но, принимая во вниманіе во уваженіе единственно

долговременную его службу, а именно съ 1815 года, приказать изволилъ: если сей рядовой имѣетъ на рукавѣ нашивки, то, лишивъ оныхъ, строго наказать его розгами предъ полкомъ, собравъ для сего по нѣскольку человѣкъ и отъ другихъ полковъ, здѣсь расположенныхъ, и оставить попрежнему на службѣ въ томъ же полку, внеся штрафъ сей въ формулярный его списокъ. Но какъ случай сей даетъ поводъ къ заключенію, что за нижними чинами л.-гв. Финляндскаго полка не имѣется надлежащаго присмотра и что они допущены шататься по ночамъ, то Его Императорское Высочество дѣлаетъ на сіе замѣчаніе полковому командиру, а баталіонному и ротному командирамъ—строгій выговоръ, съ подтвержденіемъ впредъ имѣть болѣе наблюденія за порядкомъ во ввѣренныхъ имъ частяхъ и попеченія о нравственности нижнихъ чиновъ.

21 Октября, № 177.

Вчерашняго числа прапорщикъ л.-гв. Московскаго полка князь Хованскій, встрѣтивъ Его Императорское Высочество, командира корпуса, отдалъ честь, имѣя шляпу съ поля. Хотя Его Высочество и изволитъ полагать, что офицеръ сей не узналъ Его Высочество, но во всякомъ случаѣ, при встрѣчѣ съ каждымъ генералоаъ, онъ обязанъ былъ, по установленному порядку, отдать честь, имѣя шляпу по формѣ. Изъ сего заключить должно, что или не внушены были ему существующія на сей предметъ правила, или онъ уклонился въ семъ случаѣ отъ надлежащаго оныхъ исполненія. Почему Его Императорское Высочество приказать изволилъ: за такое невниманіе прапорщика князя Хованскаго арестовать его на одну недѣлю съ содержаніемъ на гауптвахтѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Высочество замѣтить изволилъ, что хотя допускается фронтовымъ офицерамъ, внѣ службы, носить шляпу съ поля, но въ приказаніи по корпусу, отъ 4 Апрѣля сего года съ № 58 отданномъ, предписано имѣть оную непремѣнно по формѣ, при отданіи чести, при встрѣчѣ со старшимъ себя, а потому Его Высочество строжайше подтвердить изволилъ, дабы означенное приказаніе было исполняемо во всей точности, и сіе приказаніе объявить всѣмъ гг. офицерамъ.

1833 годъ.

11 Апрѣля, № 36.

Его Высочество, на Дворцовой набережной, изволилъ видѣть, что л.-гв. Измайловскаго полка прапорщикъ фонъ-Барановъ 2-й шелъ рядомъ съ вахмистромъ школы гвардейскихъ юнкеровъ Перовскимъ. А какъ прапорщику Баранову 2-му извѣстно изъ неоднократно отдаваемыхъ Его Императорскимъ Высочествомъ приказаній, а еще болѣе внушено ему было во время нахожденія его въ Школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, чтобы юнкера отнюдь не ходили рядомъ съ

гг. офицерами на гуляньяхъ, то Его Высочество, повелѣвъ сдѣлать съ вахмистра Перовскаго надлежащее взысканіе, приказать изволилъ прапорщика фонъ-Баранова 2-го арестовать на три дня, съ содержаніемъ на гауптвахтѣ и притомъ строжайше подтвердить, чтобы гг. офицеры отнюдь не ходили по улицамъ рядомъ съ нижними чинами, хотя бы то были ближайшіе ихъ родственники, подъ опасеніемъ строгаго за сіе взысканія; исключая однакожъ воспитывающихся въ кадетскихъ корпусахъ, ибо сіи не считаются на службѣ, тогда какъ юнкера, будучи зачислены въ полки, состоятъ на дѣйствительной службѣ *)

26 Іюля, № 85.

По прибытіи Его Императорскаго Высочества командира корпуса въ г. Москву, находящійся тамъ въ отпуску, для пользованія минеральными водами штабсъ-ротмистръ и гв. Коннаго полка графъ Девіеръ не представлялся Его Высочеству въ числѣ прочихъ гвардейскихъ офицеровъ, бывъ, между тѣмъ, встрѣченъ Его Высочествомъ на водахъ. На вопросъ, сдѣланный ему по сему случаю г. Московскимъ комендантомъ, онъ отозвался незнаніемъ того, что долженъ былъ явиться Его Высочеству. За таковое невниманіе къ своей обязанности и несовмѣстный отзывъ, штабсъ-ротмистръ графъ Дивіеръ подвергнутъ уже. по волѣ Его Императорскаго Высочества, взысканію; но какъ вмѣстѣ съ тѣмъ дошло до свѣдѣнія Его Высочества, что означенный офицеръ не могъ представиться, потому что не имѣлъ съ собою колета и бѣлыхъ лосиныхъ панталонъ, а равно и представлявшійся Его Высочеству полковникъ лейбъ-Кирасирскаго Наслѣдника Цесаревича полка Тиньковъ не имѣлъ при себѣ означенной формы, то Его Императорское Высочество, приказавъ сообщить г. командующему корпусомъ вышеозначенное упущеніе штабсъ-ротмистра графа Дивіера, повелѣть изволилъ объявить о томъ по корпусу, съ строжайшимъ подтвержденіемъ, дабы г.г. кирасирскіе и гусарскіе офицеры, увольняемые въ отпускъ, имѣли всегда при себѣ, первые колеты и бѣлые лосиные панталоны, вторые же присвоенную имъ полную парадную форму и чтобы всѣ вообще г.г. офицеры, при проѣздѣ чрезъ города непремѣнно являлись г.г. комендантамъ или старшимъ военнымъ начальникамъ, не иначе какъ въ полной установленной формѣ.

---

*) Извѣстенъ въ исторической литературѣ анекдотъ о томъ, что прапорщикъ Поцейко, встрѣтивъ на одной изъ Петербургскихъ улицъ знакомаго кадета, разрѣшилъ ему одѣть шапку. Случайно увидѣлъ это Михаилъ Павловичъ, гнѣвно спросившій офицера: „развѣ онъ тебѣ отдаетъ честь?“ „Вотъ передъ чѣмъ онъ отдаетъ честь!“, продолжалъ Великій Князь, указывая на эполеты прапорщика. „На гауптвахту!“ И прапорщикъ отсидѣлъ подъ арестомъ сутки („Р. Арх., 1885, № 3, 442—443).

26 Декабря, № 138.

Въ приказаніи по корпусу 24-го числа Декабря съ № 136 объявлено было, чтобы при взводахъ бывшихъ вчерашняго числа въ парадѣ г.г. полковымъ командирамъ находиться въ видѣ штабъ-офицеровъ; между тѣмъ Его Императорское Высочество изволилъ замѣтить, что командующій л.-гв. Коннымъ полкомъ г.-м. баронъ Мейендорфъ и командиръ л.-гв. Кирасирскаго Его Величества полка г.-м. Кошкуль находились въ парадѣ въ шитыхъ мундирахъ, тогда какъ подлежало имъ, по примѣру всѣхъ прочихъ г.г. полковыхъ командировъ, быть въ полковыхъ мундирахъ; сверхъ того, г.-м. баронъ Мейендорфъ прибылъ ко взводу только тогда, когда войска были уже выстроены въ Зимнемъ Дворцѣ, а не въ дворцовый манежъ, какъ бы слѣдовало, а г.-м. Кошкуль въ то время, когда Государь Императоръ изволилъ обходить парадъ, не вынулъ изъ ноженъ палаша. За сіи неисправности Его Императорское Высочество снова изволитъ дѣлать замѣчаніе начальнику гвардейской Кирасирской дивизіи г.-а. графу Апраксину и строгое замѣчаніе г.-м.: барону Мейендорфу и Кошкулю.

1834 г.

11 Апрѣля, № 47.

Дошло до свѣдѣнія Его Императорскаго Высочества, командира отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, что г.г. офицеры сего корпуса, во время публичныхъ съѣздовъ въ театры, концерты и на гулянья, распоряжаются нижними чинами, жандармской и полицейской командъ, посылая ихъ для отысканія экипажей и по другимъ подобнымъ надобностямъ. А какъ означенные нижніе чины, по обязанности службы своей, должны исполнять приказанія лишь своихъ ближайшихъ начальниковъ и, будучи не въ состояніи отлучаться отъ мѣстъ своихъ, остаются при оныхъ; офицеры же, принимая сіе за ослушаніе дѣлаютъ съ тѣхъ нижнихъ чиновъ самопроизвольныя взысканія и тѣмъ подаютъ поводъ къ нарушенію порядка, коего должны быть всегда примѣромъ, по сему Его Императорское Высочество изволилъ приказать подтвердить г.г. офицерамъ войскъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, дабы никто изъ нихъ не распоряжался полицейскими и жандармскими нижними чинами и не отвлекалъ ихъ отъ обязанностей по службѣ. Приказаніе сіе, объявивъ всѣмъ офицерамъ, взять въ извѣстности онаго съ нихъ расписки.

(Сообщилъ Михаилъ Соколовскій).

ПИСЬМО МИХАЙЛОВСКАГО-ДАНИЛЕВСКАГО КЪ РОСТОВЦОВУ.

(20 Октября 1839 г.).

Я. И. Ростовцевъ, какъ начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній, стоялъ во главѣ народившагося съ 1836 г. „Журнала для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній". Въ журналѣ, этомъ помѣщались отрывки изъ различныхъ печатныхъ трудовъ извѣстныхъ авторовъ. М. С.

Болѣзнь помѣшала мнѣ отвѣчать тотчасъ на почтеннѣйшее письмо ваше и благодарить за честь, какую угодно вамъ оказать мнѣ помѣщеніемъ въ Журналѣ военно-учебныхъ заведеній извлеченій изъ исторіи Отечественной войны. Что касается до выбора статей или главъ, назначаемыхъ вами къ напечатанію, то позвольте представить оное опытному суду вашему. Вамъ, просвѣщенному руководителю воинственнаго юношества, извѣстно болѣе, нежели мнѣ, простому ратнику двѣнадцатаго года, что̀ именно сообразно съ цѣлію превосходнаго журнала вашего и можетъ ознакомить молодыхъ читателей съ Отечественною войною. Передъ вами все сочиненіе, повѣсть безъ прикрасъ и литературныхъ вычуръ, изліяніе Русской души при памяти о двѣнадцатомъ годѣ. Лестною наградою сочту всякую выписку изъ него въ вашемъ журналѣ, хотя не скрою, что утѣшительнѣе бы было мнѣ видѣть, въ отмѣну или дополненіе указанныхъ вами главъ, напечатанными такія извлеченія, гдѣ описаны дѣйствія императора Александра; ибо не сраженіями, не силою оружія побѣдили мы исполина, но восторжествовали только благодаря твердости Александра. Вотъ истина, доказанная фактами, царственными подвигами Государя въ двѣнадцатомъ году, истина, которой нельзя довольно часто повторять юному поколѣнію, поселяя въ немъ чрезъ то вящее благоговѣніе къ монархамъ нашимъ. Позвольте выразиться яснѣе. Мнѣ кажется, согласно было бы съ сею мыслію велѣть кому либо изъ офицеровъ вашего штаба выбрать изъ Описанія отечественной войны всѣ дѣянія, слова и распоряженія императора Александра и составить изъ нихъ одно цѣлое, и это цѣлое будетъ прекраснымъ назиданіемъ офицерамъ, выпускаемымъ изъ военныхъ заведеній. Прочтя его, они не ограничатся салютованіемъ монументу Александра одною шпагою или командою солдатамъ «подъ прикладъ!», но вознесутся душою къ источнику спасенія Россіи и Европы, къ тому Александру, чьей твердости, христіанскому смиренію и орлиной прозорливости не только Россія, но современное ему человѣчество одолжены искупленіемъ отъ тяжкаго и поноснаго военнаго деспотизма. Если предложеніе мое удостоится вашего одобренія, то назначенному вами офицеру готовъ я содѣйствовать всѣми силами, почитая счастливѣйшими минутами жизни тѣ, когда могу положить хоть нѣсколько песчинокъ къ мавзолею Александра. Располагайте мною, какъ мальчикомъ, просившимъ милостыни для Велисарія.

(*Сообщилъ М. К. Соколовскій*).

ИЗНАНКА ВОЙНЫ.

(Изъ дневника участника Русскотурецкой войны 1877—78 года).

Картинки съ натуры.

„Je n'enseingne pas, je raconte".
Montaigne.

„Я правду о тебѣ поразскажу такую,
Что хуже всякой лжи".
Грибоѣдовъ.

О нашей послѣдней войнѣ съ Турками, помимо сочиненій серьезнаго характера и чисто-спеціальнаго свойства, написано немало всевозможныхъ замѣтокъ, беллетристическихъ очерковъ и всякаго рода воспоминаній. Одинъ В. И. Немировичъ-Данченко написалъ на эту тему чуть не десять романовъ, однимъ словомъ—образовалась довольно обширная и въ высшей степени интересная литература войны. Но былобы величайшей наивностью и заблужденіемъ думать, что всѣ эти многочисленныя сочиненія даютъ вполнѣ вѣрную, безпристрастно и всесторонне разработанную картину войны. Ничего подобнаго! Всякій, сколько-нибудь сообразительный читатель, догадается безъ особеннаго труда, что такая *правдивая* исторія минувшей войны, во всѣхъ ея деталяхъ и подробностяхъ, въ настоящее время безусловно немыслима. Во всѣхъ появившихся до сихъ поръ сочиненіяхъ, если не исключительно, то главнымъ образомъ, трактуется о походахъ, сраженіяхъ, трудной борьбѣ съ природой, героическихъ подвигахъ Русскаго войска, т. е. о такихъ вещахъ, которыя и безъ всякаго описанія извѣстны давнымъ-давно каждому школьнику. Въ самомъ дѣлѣ: кто же изъ насъ, Русскихъ людей, не знаетъ, что для Русскаго солдата нѣтъ ничего невозможнаго и неприступнаго, что беззавѣтной храбрости и выносливости этого могучаго богатыря удивляется и завидуетъ весь міръ? Не даромъ же наше христолюбивое воинство называется „*побѣдоноснымъ*". Итакъ, распространяться о доблестяхъ Русскаго войска, т. е. главнымъ образомъ Русскаго солдата, это все равно, что повторять азбучныя истины объ

умѣ Сократа, благородствѣ Марка Аврелія, честности Аристида и т. п. Совсѣмъ дѣло другого рода говорить *вообще* о томъ, что̀ творилось на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Каждый знаетъ, что офиціальныя бюллетени о побѣдахъ или пораженіи—это только одна и притомъ далеко не самая важная сторона войны. За ней скрывается другая, глубокопоучительная исторія закулисной войны. Посторонней публикѣ желательно знать не только число убитыхъ, раненыхъ, отобранныхъ у непріятеля трофеевъ и проч., но также и то, какъ вели себя и держали начальники отдѣльныхъ частей, главные распорядители, отъ находчивости, умѣнья и хладнокровія которыхъ зависятъ исходъ сраженія, участь и жизнь многихъ тысячъ. Еще важнѣе знать, были ли солдаты одѣты, обуты и накормлены какъ слѣдуетъ, имѣли ли больные и раненые надлежащій уходъ и не было ли съ этой стороны какихъ-либо вопіющихъ злоупотребленій. Всѣ эти и много другихъ серьезныхъ вопросовъ имѣютъ едва ли не болѣе важное значеніе, чѣмъ одержанная надъ непріятелемъ громкая побѣда; между тѣмъ, господа пишущіе о войнѣ и весьма подробно разсуждающіе о томъ *что̀ думалъ* такой-то начальникъ, о всѣхъ вышеупомянутыхъ вопросахъ краснорѣчиво умалчиваютъ, или говорятъ такими туманными намеками, что читатель, незнакомый съ дѣломъ, въ недоумѣніи пожимаетъ плечами, а мы - хорошо знакомые съ *изнанкой* войны — только улыбаемся недоброй улыбкой и безсильно негодуемъ....

Я знаю, что мнѣ не удастся подѣлиться съ читателемъ и сотой долей того, что̀ записано въ моемъ дневникѣ, но отчего же не сдѣлать попытки? Отчего не приподнять хоть кончика таинственной завѣсы и не поставить точку надъ і тамъ гдѣ можно? Если нельзя сказать *всей* правды, отчего не сказать хоть частицы ея?

*

Сербскотурецкая война, какъ извѣстно, была прелюдіей нашей войны съ Турками. Я, въ то время еще молодой офицеръ, служилъ въ К—ой сапёрной бригадѣ, и никогда не забуду того лихорадочнаго настроенія, въ какомъ находилось все К—ое общество, начиная отъ аристократіи и кончая послѣдней уличной торговкой. Повсемѣстные сборы въ пользу Славянъ, благотворительные спектакли, вечера̀, концерты, публичныя лекціи, наконецъ отряды Сербскихъ добровольцевъ, сопровождаемые музыкой, цвѣтами и стихотвореніями „литераторовъ-обывателей“—все это громко и краснорѣчиво свидѣтельствовало о горячемъ сочувствіи общества своимъ угнетеннымъ братьямъ. Само со-

бой разумѣется, что такое явное и открытое увлеченіе Болгарскимъ вопросомъ не могло остаться незамѣченнымъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, не могло не дѣйствовать на мягкую натуру покойнаго Государя Александра II.

Слѣдя за перипетіями Сербской войны съ величайшимъ вниманіемъ, постоянно слыша, читая и толкуя о невообразимыхъ жестокостяхъ Турокъ, наше довѣрчивое и наэлектризованное разными ужасами, политически-неразвитое общество даже не допускало мысли о томъ, чтобы Россія—эта всегдашняя защитница и естественная покровительница Славянъ—могла остаться равнодушной къ совершаемымъ Турками звѣрствамъ и не обнажила свой мечъ въ защиту угнетенныхъ единовѣрцевъ *). Такимъ образомъ, еще задолго до формальнаго объявленія войны нашимъ правительствомъ, она уже была рѣшена всѣмъ Русскимъ обществомъ; оно громко выражало свое неудовольствіе за медлительность Россіи. Всеобщее волненіе росло неудержимо, всѣ чувствовали приближеніе грозы, ходили какъ на иголкахъ и съ минуты на минуту ожидали приказа о мобилизаціи южной арміи.

Помню какъ теперь, въ Купеческомъ Клубѣ былъ назначенъ танцовальный вечеръ „въ пользу добровольцевъ".

Публики собралось множество, и вечеръ удался какъ нельзя лучше: музыканты играли съ какимъ-то особеннымъ увлеченіемъ, ловкіе кавалеры и очаровательныя барышни, пренебрегая усталостью и не рѣшаясь обидѣть отказомъ, танцовали, какъ говорится, до упаду, до изнеможенія, и, не жалѣя каблуковъ, усердно работали *ногами*.... въ пользу добровольцевъ; а господа нетанцующіе не отходили отъ буфета и еще съ бо́льшимъ усердіемъ пили „за ихъ доброе здоровье"; однимъ словомъ, каждый выражалъ добровольцамъ сочувствіе посвоему. Какъ вдругъ, въ самую патетическую минуту, когда провинція расплясалась во всю, въ танцовальную залу, точно бомба, влетѣлъ запыхавшійся плацъ-адъютантъ, повелительнымъ жестомъ остановилъ музыку и, вставъ на стулъ, заявилъ громогласно, что сію минуту получена телеграмма о мобилизаціи К—аго округа и выступленіи въ походъ. Дружное *ура* было отвѣтомъ на эту вѣсть. Всѣ стали обниматься, пожимать руки и заранѣе поздравлять другъ друга съ пораженіемъ ненавистныхъ Турокъ. Кто-то крикнулъ *гимнъ!* музыка заиграла *Боже царя храни*, и все

*) Путешествіемъ императора Іосифа по западному берегу Адріатическаго моря началось, а Бисмаркомъ повелось тоже самое, что̀ при Екатеринѣ Великой производилось Фридрихомъ Великимъ и Кауницомъ, т. е. политическое кровопусканіе Россіи. П. Б.

слилось въ общемъ восторгѣ и ликованіи.... Въ заключеніи, раздался модный и всюду играемый въ то время „маршъ добровольцевъ“, подъ заунывно-торжественные звуки котораго публика стала медленно расходиться....

*

Хотя всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали приказа о мобилизаціи, но если бы читатель могъ заглянуть въ тѣ военныя семьи, которыя были заинтересованы предстоящей войной, то онъ увидѣлъ бы повсюду почти однѣ и тѣже картины истерическаго плача, горькихъ сѣтованій и весьма нелестныхъ эпитетовъ по адресу этой *будто бы желаемой* войны; а если бы какой-нибудь сердцевѣдецъ имѣлъ возможность заглянуть въ душу готовящихся къ походу, подслушать ихъ затаенныя мысли и желанія, то онъ убѣдился бы, что всѣ эти горячо и краснорѣчиво проповѣдующіе необходимость защиты угнетенныхъ Славянъ въ дѣйствительности вовсе объ этихъ Славянахъ не думали и даже имѣли о нихъ весьма смутное понятіе, а всецѣло были заняты своей собственной персоной, своими чисто-личными счетами и домашними дѣлишками....

Въ то время, когда блѣдныя, убитыя горемъ сестры, жены и въ особенности матери, трясущимися руками укладывая бѣлье своихъ дорогихъ воиновъ, заранѣе оплакивали ихъ погибель, потому что каждой матери непремѣнно чудилось, будто первая непріятельская пуля предназначена никому другому, а именно ея ненаглядным сыночкамъ, эти послѣдніе, съ худо скрываемою радостью, утѣшали своихъ плачущихъ матерей, женъ и сестеръ, а сами думали въ это время о предстоящемъ знакомствѣ съ новыми странами, о наградахъ, повышеніяхъ по службѣ, военныхъ подвигахъ и всякаго рода отличіяхъ, при чемъ, само собою разумѣется, заранѣе мечтали и видѣли во снѣ тотъ маленькій бѣленькій крестикъ, который для всякаго имѣетъ такое же значеніе, какъ для правовѣрнаго мусульманина обѣщанный Магометомъ рай съ гуріями.

Совсѣмъ другого рода мечты и планы роились въ головахъ тѣхъ пожилыхъ офицеровъ, которые командовали какой-нибудь отдѣльной частью, или завѣдывали хозяйствомъ. На лицахъ этихъ господъ можно было явственно прочесть заботы чисто-матеріальнаго свойства. Обложенные приказами, смѣтами и всевозможными справками, эти хозяева и распорядители казеннаго имущества, съ карандашемъ въ рукѣ, дѣлали приблизительныя вычисленія: сколько можно будетъ *съэкономить* при закупкѣ всего необходимаго для своей части, и какъ устроить такимъ образомъ, чтобы, съ одной стороны, угодить начальству и представиться на смотръ въ приличномъ видѣ, а съ другой и себя не обсчитать и не

обидѣть. Задача, какъ видите, трудная и головоломная: но мнѣ извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, что многіе рѣшили ее блистательно. Благодаря щедрости казны, которая отпускаетъ столько, что, кормя казеннаго воробья, можно прокормить большую семью, господа командиры отдѣльныхъ частей умудрились достигнуть того, что и *невинность* соблюли (похвалу начальства за *бережливость*) и *капиталъ* пріобрѣли.

Такимъ образомъ, съ первымъ выданнымъ на расходы казеннымъ рублемъ началось беззастѣнчивое расхищеніе государственнаго пирога, и тѣ, черезъ руки которыхъ проходилъ этотъ рубль, еще не трогаясь съ мѣста, успѣли прикарманить столько, что хватило не только дѣтишкамъ на молочишко, но и женѣ на шелковое платье, племянницамъ на шляпки и даже тещѣ на башмаки... Между тѣмъ это были только жалкія, ничтожныя крохи, въ сравненіи съ тѣми, ожидаемыми впереди жирными кусками, при одной мысли о которыхъ у командировъ спирало въ зобу дыханье и слюнки текли...

*

Но вотъ всѣ приготовленія окончены: войска снаряжены наскоро, обозы отремонтированы, насколько возможно и дозволяло время; остается только представиться высшему начальству, помолиться Богу, и затѣмъ въ походъ!

Все это было продѣлано на громадномъ плацу передъ крѣпостью, въ присутствіи высшаго духовенства, сановниковъ и многочисленной толпы собравшагося народа. Чудное, безоблачное утро, торжественный молебенъ съ архіерейскими пѣвчими, горячая молитва сотень тысячъ людей, окропленіе войскъ святой водой и благословеніе архіерея, трогательная, умная, глубокопрочувствованная рѣчь командующаго войсками, прощаніе съ родными, раздирающіе сердце вопли остающихся дома, вся эта неподдающаяся никакому описанію картина, о которой я, даже въ настоящую минуту занесенія ея на бумагу, не могу вспомнить равнодушно, неизгладимыми чертами врѣзалась въ душу и навсегда запечатлѣлась въ памяти присутствовавшихъ...

*

Послѣдній поцѣлуй дорогихъ сердцу лицъ, послѣдній прощальный взглядъ на окружающія насъ родныя мѣста—и мы трогаемся въ путь!

Но не успѣли мы сдѣлать и ½ версты, какъ вся громоздкость и непрактичность нашего телеграфнаго обоза обнаружилась во всей своей непривлекательной очевидности. Начать съ того, что шестерка недавно

купленныхъ и совершенно необъѣзженныхъ лошадей, при томъ подъ управленіемъ неискусныхъ кучеровъ и еще болѣе неопытныхъ форейторовъ, никоимъ образомъ не могла везти громадную, неуклюжую фуру въ 180 пудовъ вѣса. Немудрено, что молодыя пугливыя лошади бросались въ сторону, становились на дыбы, брыкались и бились, путались въ постромкахъ, ломали вальки и дышла, сбрасывали форейторовъ. Приходилось безпрестанно останавливаться, исправлять поломанное, перепрягать лошадей, вести ихъ въ поводу, подъ узцы, словомъ—путешествіе невообразимо печальное и комичное. Ползя такимъ образомъ, мы невольно вспомнили генералъ-адъютанта Дрентельна, который, осматривая нашъ обозъ и любуясь его щеголеватой наружностью, замѣтилъ со свойственнымъ ему мѣткимъ остроуміемъ: «Да, красивая и дорогая игрушка; но она имѣетъ тотъ единственный недостатокъ, что хороша до тѣхъ поръ, пока стоитъ въ сараѣ, подъ чехломъ, пока ея не трогаютъ съ мѣста; но какъ только вы попробуете примѣнить ее на практикѣ—вы тотчасъ же убѣдитесь, что она ни къ чорту не годится». Золотыя, пророческія слова, которыя сбылись съ буквальной точностью на первомъ же шагу!..

Наконецъ, мы кое-какъ дотащились до вокзала, но тутъ насъ ожидалъ другой сюрпризъ: оказалось, что на желѣзной дорогѣ нѣтъ и не существуетъ никакихъ приспособленій, для втаскиванія огромныхъ фуръ на открытыя вагонныя платформы, а, крѣпкіе заднимъ умомъ, мы сами объ этомъ не подумали и заранѣе не позаботились. Дѣлать нечего! Пришлось самимъ заняться устройствомъ приспособленій для втаскиванія фуръ, что̀ потребовало такъ много времени, что нашъ паркъ, вмѣсто того, чтобы выѣхать въ 10 часовъ утра, какъ предполагалось по расписанію, едва успѣлъ сдѣлать все необходимое къ полдню слѣдующаго дня и тронулся въ путь позднимъ вечеромъ. Разумѣется, что подобная непредвидѣнная задержка перепутала всѣ предположенія и расписанія поѣздовъ, послѣдствіемъ чего было то, что мы, отъѣхавъ отъ города какихъ-нибудь 3—4 станціи, т. е. не болѣе 100 верстъ, были переведены на запасный путь и простояли въ открытомъ полѣ, безъ всякой цѣли и смысла, ровно трое сутокъ. Порядки, какъ видишь читатель, въ чисто-Русскомъ вкусѣ. Не думайте, пожалуйста, что это только мы, злополучные телеграфисты, двигались такимъ черепашьимъ шагомъ. Ничуть не бывало! Мобилизація всей южной арміи и движеніе ея по желѣзной дорогѣ были произведены съ такой удивительной поспѣшностью и мудрой распорядительностью, что присутствовавшій при этомъ знаменитый генералъ К. просто выходилъ изъ себя и не стѣсняясь говорилъ открыто: «Хорошо, что мы собираемся воевать съ Турками,

а не съ нашими сосѣдями, а то бы они десять разъ успѣли забрать насъ живьемъ, со всѣми бебёхами и потрохами». Полагаю, что мнѣніе такого авторитетнаго и компетентнаго человѣка, какъ генералъ К., не нуждается въ коментаріяхъ. Но движеніе обозовъ по Россіи было только *цвѣточки*, въ сравненіи съ тѣми *ягодками*, которыя ожидали насъ въ Бессарабіи, черноземная почва которой необыкновенно вязка и совершенно неудобна для перевозки тяжестей. Вы не можете себѣ представить, что было съ нашими Ноевыми ковчегами, когда имъ пришлось двигаться по грунтовымъ дорогамъ Бессарабіи. Пока было сухо и тепло, мы еше ползли кое-какъ, но какъ только полилъ дождь, начинались наши мученія: лошади и люди выбивались изъ силъ, потъ градомъ катилъ по лицамъ солдатъ. Ничего не помогало! Пробовали выпрячь лошадей и тащить поодиночкѣ каждую фуру одними людьми, на лямкахъ, но это ни къ чему не привело; тогда прибѣгли къ помощи такихъ сильныхъ животныхъ какъ буйволы, но и двѣ, три, четыре пары запряженныхъ цугомъ буйволовъ только рвали канаты какъ нитки и все-таки не могли двинуть съ мѣста и вытащить изъ грязи застрявшія по ступицы колесъ громоздскія фуры. Прибавьте къ этому пронизывающую насквозь сырость, жалкій видъ полуголаго, дрожащаго отъ холода плачущаго пустуха (хозяина буйволовъ), и вы поймете наше отчаянье, поймете и повѣрите, если я скажу вамъ, что, при видѣ всей этой удручающей душу картины полнаго безсилія, напряженные нервы нашего и безъ того сильно экзальтированнаго командира не выдержали: онъ сѣлъ на бревно, и, закрывъ лицо руками, зарыдалъ какъ ребенокъ...

Да, мы натерпѣлись и намучились съ нашими телеграфными обозами! Былъ случай, когда мы не могли сдѣлать болѣе *трехъ верстъ въ сутки*. Это отмѣчено въ моемъ дневникѣ. Къ довершенію нашихъ бѣдъ и несчастій, намъ были розданы карты «путей сообщенія въ Бессарабіи». Эти карты имѣли такое же свойство, какъ и наши обозы, т. е. на нихъ хорошо было *смотрѣть*, но нельзя было ими руководствоваться, по той причинѣ, что на нихъ обозначены такіе мосты, гати, рѣчки, овраги, деревни и разстоянія, которые никогда не существовали, или существовали при царѣ Горохѣ, и—наоборотъ, не были обозначены такія дороги, мосты и деревушки, которые существовали и были намъ нужны. Замѣтьте, что карты составлялись офицерами Генеральнаго Штаба. Но составители картъ, должно быть, принадлежали къ числу такихъ же спеціалистовъ и знатоковъ своего дѣла, какъ тотъ знаменитый капитанъ генеральнаго штаба N, который, будучи посланъ въ качествѣ *проводника*, умудрился завести отрядъ генерала В. въ такія дебри и трущобы, что отрядъ едва не погибъ и, послѣ долгихъ

мытарствъ, пришелъ тогда, когда сраженіе окончилось. За такое удивительное исполненіе своей обязанности генералъ В. назвалъ капитана *Сусаниномъ*, и эта мѣткая кличка до такой степени всѣмъ понравилась, что со времени послѣдней войны названіе «Сусанинъ» стало нарицательнымъ именемъ. Не правда ли, читатель, что все это похоже на анекдотъ и можетъ быть принято за вымыселъ, между тѣмъ я анекдотами не занимаюсь, а разсказываю голую правду.

Но если такъ, спроситъ незнакомый съ дѣломъ штатскій читатель, или читательница, то какимъ же образомъ телеграфный паркъ могъ исполнять свое назначеніе?» Въ томъ-то и дѣло, что паркъ исполнялъ его очень плохо, приносилъ пользу весьма незначительную и, въ большинствѣ случаевъ, дѣйствовалъ неисправно. Опытъ показалъ, что наши громоздкія фуры могутъ двигаться съ надлежащей скоростью только по шоссе и притомъ въ сухую погоду. Кромѣ того, тоненькіе и хрупкіе телеграфные столбики не только ломались отъ прикосновенія буйволовъ, задѣванія колесами и проч., но просто валились отъ вѣтра, вслѣдствіе чего движеніе тока прекращалось, и апаратъ не дѣйствовалъ. Отсюда происходили задержки, непріятности, тяжелыя сцены и всякаго рода недоразумѣнія. Генералъ N. N. (нынѣ занимающій высокій административный постъ), узнавъ, что его приказаніе не исполнено и телеграфная линія до помѣщенія его штаба до сихъ поръ не наведена, потребовалъ къ себѣ пишущаго эти строки, и разнесъ его, что̀ называется, въ пухъ. Когда же я, маленькій человѣкъ, осмѣлился доложить, что лошади не могутъ везти тяжелыхъ фуръ, его превосходительство, очевидно, не имѣвшій ни малѣйшаго понятія объ организаціи нашихъ обозовъ, закричалъ въ недоумѣніи.—Какъ не могутъ везти? Это еще что значитъ? Попробуйте хорошенько накормить лошадей овсомъ и сѣномъ, тогда онѣ навѣрно повезутъ. Кровь бросилась мнѣ въ голову отъ такого незаслуженнаго оскорбленія, но, твердо помня *съ кѣмъ* я говорю, и *въ какое* время, я отвѣчалъ съ полнымъ самообладаніемъ:—Не только хорошо накормленныя лошади, но даже пять паръ сильныхъ буйволовъ не въ состояніи тащить наши громоздкія фуры, въ чемъ ваше превосходительство можете легко убѣдиться, взглянувъ въ это окно. Какъ разъ въ это самое время обозъ вступалъ въ деревушку, и генералъ, взглянувъ по указанному мною направленію, увидѣлъ собственными глазами, съ какими невѣроятными усиліями люди и буйволы втаскивали фуры на сравнительно небольшую горку. Да, теперь я вижу, что вы правы, замѣтилъ генералъ болѣе мягкимъ тономъ; но на кой же намъ чортъ такой паркъ, который не можетъ исполнять своего назначенія какъ слѣдуетъ? Его нужно сжечь, уничтожить. Пришлось вспомнить г.-а. Дрентельна.

*

Ползя черепашьимъ шагомъ, безпрестанно злясь и проклиная все и всѣхъ, мы, наконецъ, кое-какъ доползли до столицы Бессарабіи, Кишинева, гдѣ началось наше продолжительное стояніе. И вотъ, собравшись на границѣ Румыніи, точно крестоносцы подъ стѣнами Іерусалима, мы изнывали отъ бездѣйствія, скуки и томительной неизвѣстности, совершенно не постигая, кому нужно наше бездѣйствіе и для какой надобности собралось подъ Кишиневымъ такое множество войскъ, вмѣсто того, чтобы, пользуясь временемъ, безостановочно двигаться далѣе. Вѣдь не для того же, въ самомъ дѣлѣ, мы ждали и томились, чтобы наши враги и противники, Турки, успѣли приготовиться къ оборонѣ; между тѣмъ именно эта совершенно нелѣпая и неестественная причина назойливо лѣзла въ голову. По крайней мѣрѣ достовѣрно извѣстно, что Турки превосходно воспользовались нашимъ ничегонедѣланьемъ, и въ то время когда мы, собирая и стягивая войска, все чего-то ожидали, они, при усердной помощи изъ Лондона и подъ руководствомъ Англійскихъ, инженеровъ, прекрасно починили старыя укрѣпленія и возвели новыя...

Не трудно догадаться, *какъ* мы пользовались досугомъ. Чтобы убить праздное время, мы усердно ѣли, много пили и развлекались въ пріятной компаніи *этихъ* дамъ, которыя беззастѣнчиво предлагали свои услуги и даже сожительство въ одномъ съ ними номерѣ, тѣмъ болѣе, что въ Кишиневѣ нельзя было достать свободной квартиры. Всѣ эти многочисленныя дѣвы находились подъ наблюденіемъ полиціи, имѣли стройную организацію, и, подобно войскамъ, раздѣлялись на отряды и отдѣленія. По крайней мѣрѣ пишущій эти строки былъ свидѣтелемъ того, какъ приставъ отдавалъ приказаніе „начальницѣ 5-го отряда“, чтобы она приготовила 12 красивыхъ и веселыхъ дѣвицъ и непремѣнно надушила ихъ, потому что въ прошлый разъ онъ получилъ замѣчаніе за то, что дѣвицы пахли чѣмъ-то отвратительнымъ. 12 веселыхъ дѣвъ должны быть готовы къ 9-ти часамъ вечера, и, послѣ тщательнаго осмотра будутъ отправлены... куда слѣдуетъ.... Но кто больше всего надоѣдалъ намъ, это Жиды. Грязный, вонючій, биткомъ набитый пришлымъ людомъ и переполненный войсками Кишиневъ положительно кишѣлъ Жидами, которые точно саранча, или ожидающіе добычи хищные звѣри, налетѣли со всѣхъ сторонъ. Нельзя было плюнуть или шагнуть, чтобы не натолкнуться на какого-нибудь юркаго, оборваннаго Жидочка, который вертѣлся какъ вьюнъ и назойливо предлагалъ свои услуги по части гешефтмахерства и всякаго рода продѣлокъ мошенническаго свойства. Полиція зорко слѣдила за этими пьявками, такъ какъ знала навѣрное, что многіе изъ нихъ служатъ шпіонами и развѣдчиками Турокъ; но, разумѣется, что полиція въ данномъ случаѣ играла смѣшную

и жалкую роль человѣка, который гоняется съ обухомъ за комаромъ: Жидъ не былъ бы Жидомъ, если бы онъ не сумѣлъ обойти и одурачить всѣхъ за нимъ слѣдящихъ, какъ бы они не были хитры и предусмотрительны. Прикидываясь нашими друзьями и доброжелателями, они въ тоже время были еще больше друзьями нашихъ враговъ, и, ловко надувая обоихъ, занимаясь *коммерціей*, т. е. грабя за все въ три дорога, превосходно набивали свои широкіе карманы... Вотъ ужъ, именно, можно сказать безъ преувеличенія, что въ минувшую войну Жиды совсѣмъ *одолѣли* насъ....

*

Наконецъ, послѣ долгаго и томительнаго нашего стоянія подъ Кишиневымъ, пріѣхалъ покойный Государь, лично обнародовалъ знаменитый манифестъ о войнѣ съ Турціей, сдѣлалъ войскамъ прощальный смотръ, и послѣ напутственныхъ словъ, которыя глубоко запали въ нашу душу, мы, перейдя Прутъ, вступили въ союзную и содружественную намъ Румынію. Я думаю, что никто такъ этому не радовался, какъ мы, злополучные телеграфисты, потому что только вступивъ на *твердую* почву (шоссе), мы могли свободно вздохнуть и сказать: „Ну, теперь мы можемъ двигаться безостановочно, и даже не тихимъ шагомъ, а мелкой рысью“...

Чистенькіе, опрятные, довольно большіе и видимо благоустроенные города Румыніи произвели на насъ благопріятное впечатлѣніе, при чемъ невольно обращала на себя вниманіе выдающаяся красота Румынокъ, съ ихъ большими, полными огня и жгучей страсти выразительными глазами. Но и мужской типъ не менѣе красивъ, въ особенности среди молодцоватыхъ, представительныхъ офицеровъ. Рослые, статные, хорошо откормленные, одѣтые съ иголочки, разфранченные и надушоные точно передъ баломъ, эти салонные франты-моншёры, въ новенькихъ мундирахъ съ красными эполетами, смотрѣли необыкновенными щеголями, въ сравненіи съ которыми наши, въ большинствѣ, низкорослые, уставшіе, запыленные, плохо одѣтые и, надо правду сказать, дѣйствительно невзрачные на видъ армейскіе офицеры высматривали замухрышками. Немудрено, что Румыны посматривали на нашихъ офицеровъ съ какимъ-то пренебреженіемъ и относились къ нимъ свысока, что̀ было причиной частыхъ и рѣзкихъ столкновеній. Вообще Румыны относились къ намъ съ явнымъ неброжелательствомъ, дѣлали намъ много всякаго рода затрудненій и смотрѣли на Русскихъ, какъ на грубыхъ и невѣжественныхъ дикарей, которымъ они великодушно дозволили пройти черезъ свою *цивилизованную* страну. Какъ ни оскорбительно и на пер-

вый взглядъ *дико* подобное отношеніе къ намъ какой-то несчастной, крошечной Румыніи; но Румыны, съ *своей* точки зрѣнія, были правы. Будьте, въ самомъ дѣлѣ, справедливы и безпристрастны. Маленькое государство, которое существуетъ менѣе столѣтія, сумѣло добиться независимости и стать въ ряду большихъ государствъ, на одинаковыхъ съ ними правахъ. Румынія имѣетъ свою армію, флотъ, посланниковъ при Европейскихъ дворахъ, а главное, имѣетъ полную свободу печати и слова. Какое изъ маленькихъ Славянскихъ государствъ можетъ похвастаться подобными учрежденіями, и какъ тутъ не зазнаться, когда на глазахъ Румынъ процвѣтаютъ другія, обширныя, существующія болѣе тысячи лѣтъ государства, въ которыхъ даже самое слово конституція нужно произносить съ оглядкой, а то, чего добраго, услышитъ городовой и васъ, раба Божія, за подобныя вольнодумства, упрячутъ въ такія отдаленныя мѣста, куда Макаръ телятъ не гонялъ?

*

Находясь среди друзей, которые хуже враговъ, мы, разумѣется, чувствовали себя очень неловко и съ нетерпѣніемъ ожидали вступленія въ родственную намъ Болгарію, въ твердой увѣренности, что „братушки“ встрѣтятъ насъ съ распростертыми объятіями. И мы не ошиблись. Насъ дѣйствительно, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, встрѣчали необыкновенно торжественно, какъ благодѣтелей и спасителей отъ Турецкаго ига. Но за этой, вполнѣ естественной радостью униженнаго и оскорбленнаго человѣка скрывалась не менѣе естественная трусость напуганнаго и забитаго раба, который боится, чтобы Турки, вернувшись, не отомстили ему жестоко за то, что онъ принималъ Русскихъ, какъ своихъ избавителей и друзей.

Многіе изъ писавшихъ о минувшей войнѣ упрекали Болгаръ за эту, такъ сказать, двойственность ихъ обращенія съ нами; но мнѣ всегда казались эти обвиненія и несправедливыми, и необдуманными. Курьезно требовать, чтобы народъ, 500 лѣтъ находившійся подъ тяжкимъ игомъ Турокъ, проявлялъ чувства свободныхъ людей, а не обнаруживалъ собою воспитанныхъ вѣками рабовъ, которые всегда боятся, цѣлуютъ руки тѣхъ, кто ихъ колотитъ по зубамъ и въ свою очередь притѣсняетъ тѣхъ, кто отъ нихъ зависитъ. Я понимаю обвиненіе Болгаръ въ ихъ скрытности, противной жадности и недостаточномъ гостепріимствѣ; но ругать ихъ за то, что они относились къ намъ *недовѣрчиво*, по меньшей мѣрѣ странно.

Среди холопствовавшихъ и всячески заискивающихъ передъ нами братушекъ попадались такіе смѣльчаки, которые открыто и вовсеуслы-

шанье проповѣдывали, что непрошенное заступничество Россіи, эта чисто-медвѣжья услуга можетъ принести Болгарамъ вредъ и во всякомъ случаѣ не улучшитъ, а ухудшитъ ихъ положеніе, тѣмъ болѣе, что Европейскія государства никогда не дозволятъ и не допустятъ, чтобы Россія играла первенствующую роль *руководительницы* Славянъ. Послѣдующія событія доказали, что въ этихъ упрекахъ было немало горькой правды. Во всякомъ случаѣ минувшая война обнаружила наглядно и убѣдительно, что Болгаринъ, въ смыслѣ экономическаго и матеріальнаго достатка, несравненно богаче и зажиточнѣе нашего мужика. Когда Русскіе солдатики, вступивъ въ предѣлы Болгаріи, увидѣли прекрасную, плодородную землю, цвѣтущія поля, чистые какъ кристалъ ключи холодной воды, обширные сады и виноградники, они просто ахнули и пришли въ недоумѣніе. «Вотъ такъ край! невольно воскликнули они: да если бы нашему брату такая благодать, кажись и умирать не надо!» Положимъ, что все добро и имущество Болгаръ было безжалостно расхищено и разграблено Турками; но дѣло въ томъ, что было *что* грабить и расхищать. А попробуйте ограбить нашего средняго мужика, вы увидите, что это дѣло довольно мудреное; потому что нашъ крестьянинъ и безъ того ничего не имѣетъ, вѣчно живетъ впроголодь, вѣчно нуждается и бьется, бѣдняга, какъ рыба объ ледъ. Имѣя въ карманѣ блоху на арканѣ, онъ постоянно думаетъ о всякаго рода податяхъ и многочисленныхъ недоимкахъ, которыя держатъ его въ кабалѣ у деревенскихъ кулаковъ и отъ времени до времени усердно *выбиваются* сельскими властями...

*

Со вступленіемъ нашихъ войскъ въ предѣлы Болгаріи и послѣ блистательной переправы черезъ Дунай, начались тѣ непріятельскія стычки, сраженія, переходы черезъ Балканы, словомъ, тѣ военныя дѣйствія, которыя, не смотря на всѣ неудачи и неожиданныя препятствія, въ концѣ концовъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ, завершились пораженіемъ Турокъ и покрыли наши доблестныя войска неувядаемой славой храбрецовъ и героевъ...

Говорить обо всемъ этомъ я, разумѣется, не буду: все это уже сдѣлано и прекрасно сдѣлано свѣдующими спеціалистами; да я совсѣмъ и не съ этой цѣлью взялся за перо. Я хочу вамъ разсказать, какъ мы, находившіеся при штабѣ и не принимавшіе въ сраженіяхъ никакого участія, *мирные воины*, подъ шумъ побѣдъ и громъ оружія, устраивали свои дѣла и дѣлишки. Но прежде чѣмъ приступить къ этому крайне щекотливому и несовсѣмъ безопасному вопросу, я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ господа военные, да, пожалуй,

и всѣ мы Русскіе, смотримъ на пользованіе казеннымъ добромъ. Чтобы сдѣлать сравненіе наиболѣе вѣрнымъ и образнымъ, я не могу придумать ничего лучшаго, какъ напомнить читателю слѣдующее, сдѣланное дикаремъ, опредѣленіе добра и зла: «Если *я* отниму чужую жену, это *добро*; а если *у меня* отнимутъ, это *зло*». Вотъ именно точь въ точь такой же взглядъ сложился вѣками, окрѣпъ и прочно установился у многихъ военныхъ относительно пользованія казенной копѣйкой. Если отнимутъ вашу собственность, это гадко, мерзко, преступно; но если вы обворуете казну, это ничего, это совсѣмъ изъ другой оперы: *взять у казны нисколько непредосудительно.* Такой *дикій* взглядъ проистекаетъ изъ слѣдующаго софистическаго разсужденія. Казна не частное, отдѣльное лицо, какъ мы съ вами, а что-то неопредѣленное, какъ бы несуществующее, какой-то таинственный незнакомецъ, миѳъ, который даетъ вамъ деньги совсѣмъ не для того, чтобы вы возвращали ихъ обратно. Не возьмете вы остатокъ лично для себя, его все ровно, возметъ кто-нибудь другой; но разъ отпущенное казной на расходы никогда не возвращается обратно, какъ не возвращается утраченная дѣвушкой невинность... Понятно, что при такомъ возрѣніи на казенное имущество, отказаться отъ экономіи также смѣшно, глупо и нелѣпо, какъ смѣшно и глупо не поднять валяющійся на дорогѣ бумажникъ.

Исходя изъ подобнаго взгляда на казенное добро и руководствуясь тѣмъ простымъ соображеніемъ, что войны бываютъ не часто и, слѣдовательно, нужно пользоваться рѣдкимъ, счастливымъ случаемъ, господа командиры отдѣльныхъ частей и вообще всѣ, черезъ руки которыхъ проходилъ казенный рубль, принялись расхищать казну съ такимъ усердіемъ, что казенный сундукъ затрещалъ по всѣмъ швамъ. Никакое перо не въ состояніи передать и никакое воображеніе не въ состояніи представить себѣ, что̀ творилось въ дѣйствующей арміи изъ-за казеннаго пирога. Это былъ совершенно открытый, беззастѣнчивый грабежъ среди бѣлаго дня, что-то непостижимо грубое и наглое, какая-то дикая Вакханалія. Можно было подумать, что всѣхъ обуяла неопродолимая страсть къ наживѣ, воровству, къ погонѣ за рублемъ. Казалось, самый воздухъ былъ пропитанъ міазмами хищенія и какъ бы трубилъ въ уши: «Бери, хватай, лови моментъ и пользуйся всѣмъ, что̀ плохо лежитъ». И хватали, безстыдно хватали всѣ у кого были руки, кто могъ и сколько могъ... Какимъ образомъ совершалась вся эта процедура грабежа, я сейчасъ вамъ объясню. Вы увидите, что это также просто, какъ самый нехитрый фокусъ, который кажется вамъ замысловатымъ только до тѣхъ поръ, пока не обнаружился его секретъ. Казна, какъ я уже упоминалъ выше, всегда отпускаетъ очень щедро, а во

время минувшей войны эта щедрость перешла всякія границы: справочныя цѣны стояли такъ высоко, что самъ Августѣйшій главнокомандующій, утверждая ихъ своей подписью, только покачивалъ головой и говорилъ: «однако!» Достаточно сказать, что, напримѣръ, пудъ мяса доходилъ до 10 рублей, а пудъ сѣна до 1 рубля, замѣтьте — *золотомъ*, т. е., другими словами, прибавьте еще столько же, потому что полуимперіалы (5 р. 15 к.) мѣнялись тогда на красненькую. И вотъ, всѣ эти отпускаемыя на продовольствіе людей и лошадей сотни тысячъ записывались, какъ водится, въ шнуровыя книги на приходъ, и затѣмъ расходовались... *на бумагѣ*, т. е. въ представляемыхъ начальству и контролю письменныхъ отчетахъ; всѣ, такъ называемые, оправдательные документы были въ полной, исправности, итоги и цифры тщательно провѣрены до полушки; *а на самомъ дѣлѣ* львиная доля отпущеннаго застрѣвала въ карманахъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, а на долю солдатиковъ доставались жалкія крохи, ровно столько, сколько нужно для того, чтобы не умереть съ голоду. Можете себѣ представить, *чѣмъ* кормили нашихъ несчастныхъ солдатъ, если я скажу вамъ, что, не смотря на тяжелую работу и крайнюю нетребовательность нашихъ солдатъ, они не рѣдко не дотрогивались до такъ называемыхъ *щей* (правильнѣе помоевъ) и выбрасывали ихъ собакамъ, но даже собаки ѣли ихъ неохотно. Разумѣется, что такой пищей можно было потчивать только нестроевыхъ солдатъ, не участвующихъ въ сраженіяхъ, потому что дѣйствующія войска, во 1-хъ получали все натурой отъ пресловутаго товарищества Коганъ, Горвицъ и К°, а во 2-хъ, боевыя войска никто и не посмѣлъ бы кормить падалью, потому что господа командиры рисковали въ первомъ же сраженіи получить нечаянную рану пониже спины... Но неужели, спроситъ читатель, солдаты терпѣливо выносили такое возмутительное нарушеніе ихъ правъ и никому не заявляли своихъ законныхъ претензій? Въ качествѣ безпристрастнаго лѣтописца я могу отвѣчать, что слышалъ, будто нѣкоторыя команды пробовали бунтоваться и даже какой-то баталіонъ дѣлалъ попытку разбѣжаться; но въ какой степени все это справедливо и достовѣрно, я утверждать не рѣшаюсь. Во всякомъ случаѣ думаю, что даже самые жадные и безсовѣстные начальники, въ видахъ собственнаго интереса и безопасности, отъ времени до времени поступали такъ, какъ поступалъ нашъ хитрый и предусмотрительный командиръ. Какъ только онъ замѣчалъ, что солдаты ропщутъ и вообще недовольны, онъ тотчасъ же дѣлалъ внезапный смотръ, или поднималъ насъ по тревогѣ, находилъ все въ порядкѣ, благодарилъ за молодецкую службу и въ награду за отличное состояніе парка отдавалъ приказаніе приготовить хорошій обѣдъ, раздать всѣмъ нижнимъ чинамъ по чаркѣ водки и сверхъ того по дву-

гривенному на человѣка. Такимъ способомъ онъ временно пріобрѣталъ расположеніе нижнихъ чиновъ, удовлетворялъ ихъ справедливое негодованіе и зажималъ имъ рты... до слѣдующаго ропота. Не даромъ же нашъ командиръ принадлежалъ къ выдумавшей обезьяну породѣ Нѣмцевъ!

Что̀ касается прокормленія *лошадей,* то здѣсь процедура набиванія кармана упрощалась до nec plus ultra. Такъ какъ умныя и благородныя животныя, получая гомеопатическія дозы овса и сѣна, были лишены возможности жаловаться и ничѣмъ не могли выразить своей горькой участи, то имъ ничего болѣе не оставалось, какъ отчаянно ржать, объѣдать другъ у друга хвосты, гривы и, въ концѣ концовъ, околѣвать съ голоду. Все это несчастныя животныя и продѣлывали, и при томъ такъ усердно, что нѣкоторые кавалерійскіе полки очутились на пѣхотномъ положеніи, т. е. совсѣмъ *безъ лошадей.* Разумѣется, что такое околѣваніе лошадей массами не могло не обратить на себя вниманіе высшаго начальства; но господа командиры весьма устроумно объясняли повальный падежъ тѣмъ, что наши будто бы изнѣженныя и непривыкшія къ суровому климату лошади избалованы хорошей пищей и теплыми конюшнями; тогда какъ здѣсь имъ поневолѣ приходится все время стоять на открытомъ воздухѣ (на коновязи) и питаться кукурузой, за невозможностью своевременно достать сѣна и овса въ достаточномъ количествѣ и хорошаго качества. Въ этихъ оправданіяхъ была крошечная доля правды; настоящая же правда заключалась въ томъ, что лошади не привыкли жить... *совсѣмъ безъ ѣды.* Изъ указанныхъ примѣровъ читатель можетъ видѣть, какъ немысловаты пріемы и способы, при помощи которыхъ господа командиры набивали свои карманы. Надо только имѣть податливую совѣсть и твердо помнить, что каждый расходъ долженъ быть *оформленъ* указаннымъ въ законѣ порядкомъ. И такъ, умѣйте прятать концы, и вы, застрахованный отъ всякой отвѣтственности, въ правѣ считать себя вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ. «*Не пойманъ—не воръ*».

Но далеко не всѣ командиры дѣйствовали осторожно и осмотрительно. Въ то время, когда предусмотрительные люди копили тихо, молча, держали деньги при себѣ, отвозили домой сами, или отправляли въ Россію съ *вѣрной* оказіей (потому что почта имѣла секретное предписаніе *слѣдить* за болѣе или менѣе крупными кушами), другіе, въ жадной погонѣ за быстрой наживой, набивали свои карманы съ какой-то лихорадочной поспѣшностью, какъ бы боясь, что имъ помѣшаютъ, открыто сорили деньгами, хвастались количествомъ скопленнаго, вообще дѣйствовали неумѣло. Еще безразсуднѣе поступали тѣ, которые потвор-

-ствовали открытому грабежу и сами принимали участіе въ продѣлкахъ, неблаговиднаго свойства. Какъ вамъ нравится, напримѣръ, слѣдующая картинка съ натуры. Блѣдный, испуганный, со слезами на глазахъ, Болгаринъ-пастухъ влетаетъ опрометью въ свою деревню и кричитъ благимъ матомъ, что солдаты увели изъ его стада нѣсколько головъ рогатаго скота и овецъ. Растеряннаго пастуха направляютъ, разумѣется, къ командиру части, куда онъ и идетъ въ сопровожденіи большой свиты сбѣжавшихся Болгаръ и нижнихъ чиновъ. Здѣсь разыгрывается слѣдующая трагикомедія: несчастный пастухъ бросается командиру въ ноги и, сильно жестикулируя, проситъ его защиты. Командиръ, прекрасно понимая, въ чемъ дѣло, дѣлаетъ видъ, что будто бы онъ ровно ничего не понимаетъ; когда же ему переводятъ жалобу Болгарина по-русски, командиръ внезапно переходитъ въ роль защитника, напускаетъ на себя тонъ возмущеннаго и съ притворнымъ негодованіемъ приказываетъ трубить «сборъ», съ цѣлью жестоко наказать виновныхъ, *«если они будутъ обнаружены»*. Но вотъ люди собраны. Командиръ обращается къ нимъ съ краткой, но сильной рѣчью и разъясняетъ весь позоръ и гнусность нападенія на мирныхъ жителей, которыхъ они пришли не грабить, а защищать; затѣмъ, идя съ Болгариномъ вдоль фронта, предлагаетъ ему узнать виновныхъ въ лицо, но съ тѣмъ, что если Болгаринъ ихъ не укажетъ, то за такое обидное и незаслуженное опозореніе его команды жалобщикъ будетъ выпоротъ тутъ же передъ собравшимися нижними чинами.

Можете себѣ представить положеніе несчастнаго Болгарина при такомъ предупрежденіи, при всей этой торжественной, наводящей трепетъ обстановкѣ! Разамѣется, что перепуганному пастуху всѣ солдатскія рожи кажутся похожими другъ на друга, какъ бараны его стада. Едва различая физіономіи и трясясь какъ въ лихорадкѣ, Болгаринъ не находитъ тѣхъ, которые его ограбили, по той простой причинѣ, что они отсутствуютъ и въ строю не находятся, а уведенные ими быки и бараны, быть можетъ, въ это самое время уже варятся въ котлахъ съ борщемъ... Разыгрывающій комедію начальникъ набрасывается на Болгарина съ площадными ругательствами и отдаетъ приказаніе «принести розогъ», но довольный тѣмъ, что недоразумѣніе разъяснилось и въ *его* части воровъ *не оказалось*, великодушно прощаетъ блѣднаго какъ полотно Болгарина, который, не помня себя отъ радости, что его душу отпустили на покаяніе, убѣгаетъ стремглавъ, и ужъ конечно даетъ себѣ клятву никогда больше не жаловаться *Русскимъ* властямъ. Такія возмутительныя продѣлки случались нерѣдко. Я, по крайней мѣрѣ не разъ былъ свидѣтелемъ подобнаго *«Шемякина суда»*... Но и это не все. Находились

такіе господа командиры, которые не гнушались и не брезгали промышлять разными выгодными аферами. Такъ, пользуясь невыразимо бѣдственнымъ положеніемъ ограбленныхъ и доведенныхъ до нищеты злополучныхъ погонцевъ, они пріобрѣтали у нихъ лошадей съ повозкой буквально за безцѣнокъ, и затѣмъ не стыдились сами, разумѣется подъ чужимъ именемъ, перевозить клади, торговать дровами и т. п. Такой промыселъ приносилъ большіе барыши, потому что, напримѣръ, небольшой возъ дровъ, который, по приказанію командира, вырубался солдатами въ окрестныхъ лѣсахъ и слѣдовательно доставался даромъ, ловкіе аферисты продавали за 2 полуимперіала, т. е. за 10 рублей золотомъ. Не правда ли процентъ недурной, не хуже Жидовскаго!.. Не знаю, право, какъ долго продолжался бы этотъ беззастѣнчивый грабежъ, если бы начальство не обнаружило подобныхъ продѣлокъ и не положило имъ конецъ строгимъ контролемъ и преслѣдованіемъ виновныхъ.

Но неужели, спроситъ изумленный читатель, такъ поступали *всѣ* командиры отдѣльныхъ частей безъ исключенія? Надо полагать, что среди военной семьи попадаются и *уроды*, т. е. люди безукоризненно честные; да и было бы невыразимо-тяжело думать, что *все* военное сословіе заражено хищническими наклонностями и состоитъ изъ однихъ взяточниковъ. Во всякомъ случаѣ, вмѣсто прямого отвѣта на этотъ щекотливый вопросъ, позвольте разсказать слѣдующій, весьма подходящій къ данному случаю эпизодъ, который невольно напрашивается на бумагу.

Въ любимомъ ресторанѣ хорошенькой Француженки m-me Жозефинъ собралась большая компанія офицеровъ, и, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, зашелъ разговоръ о сраженіяхъ, наградахъ, послѣднихъ событіяхъ войны, словомъ, о тѣхъ жгучихъ и живо-трепещущихъ злобахъ дня, которыя занимали всѣ ума и никогда не сходили съ языка. Между прочимъ поднялся вопросъ о взяточничествѣ, и разговоръ перешелъ на эту тему. Одинъ молодой капитанъ, извѣстный своимъ либеральнымъ образомъ мыслей и острымъ язычкомъ, страшно возмущался царившимъ въ дѣйствующей арміи беззастѣнчивымъ воровствомъ и безпощадно громилъ взяточниковъ, у которыхъ нѣтъ ни стыда, ни совѣсти.—Помилуйте, ораторствовалъ капитанъ, на что это похоже? Господа командиры отдѣльныхъ частей не только отнимаютъ у солдатъ послѣднее, т. е. грабятъ нищаго, но еще имѣютъ безстыдство и наглость хвастаться этимъ, какъ будто они и въ самомъ дѣлѣ совершаютъ нивѣсть какое похвальное дѣло. Что̀ скажутъ про насъ иностранные корреспонденты, которые все это прекрасно замѣчаютъ и, разумѣется,

разнесутъ по всему свѣту? Вѣдь это позоръ цѣлой арміи—это просто не имѣетъ названія!.. Окружающая капитана молодежь, съ видимымъ сочувствіемъ и неподдѣльнымъ восторгомъ слушала громкую Филиппику оратора, который, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, рисовалъ наши порядки самыми мрачными красками, какъ вдругъ изъ толпы стариковъ отдѣлился почтенный, украшенный орденами, заслуженный полковникъ, и, обратясь къ капитану, замѣтилъ ироническимъ тономъ:—Вы что же это, капитанъ, хотите удивить молодежь своимъ краснорѣчіемъ, или въ васъ просто говоритъ зависть некомандующаго отдѣльной частью офицера, который видитъ, что всѣ берутъ, а ему не даютъ?—Какъ вы смѣете, полковникъ, дѣлать подобныя оскорбительныя предположенія?—На это даютъ мнѣ право мой чинъ, продолжительная служба, боевыя заслуги и сѣдина. А вотъ, какъ вы, капитанъ, осмѣливаетесь порицать огуломъ всю нашу армію, этого я, признаюсь, не понимаю.—Ну и оставайтесь при вашихъ заслугахъ, сѣдинѣ и непониманіи, которыя меня нисколько не занимаютъ и которыя не даютъ вамъ права дѣлать мнѣ непрошенныя наставленія. Я, по крайней мѣрѣ, не признаю за вами этого права и слушать васъ отнюдь не намѣренъ. —Да вы, капитанъ, не кипятитесь и не забывайте, что съ вами говоритъ старый полковникъ, который годится вамъ въ отцы и съ которымъ вы не имѣете права говорить такимъ тономъ. — Ну и ступайте жаловаться на мен моему начальству. — Ну, положимъ, что мнѣ нѣтъ никакой надобности жаловаться на васъ, когда я и самъ могу отправить васъ подъ арестъ; но я не имѣю къ этому ни малѣйшаго желанія и намѣренія, да вовсе не съ этой цѣлью и заговорилъ съ вами. Мнѣ хочется знать, *сами*-то вы когда-нибудь командовали отдѣльной частью? — Могу удовлетворить ваше любопытство: командовалъ ротой болѣе двухъ лѣтъ. — Ну и что же?—А то, что передалъ роту въ такомъ блестящемъ состояніи и съ такой экономіей (около 1000 рублей), какой не имѣла ни одна рота въ цѣлой дивизіи.—И вы, конечно, считаете себя необыкновенно безкорыстнымъ человѣкомъ и не шутя думаете, что это даетъ вамъ право всѣхъ ругать взяточниками и только одного себя считать честнымъ человѣкомъ? — Надѣюсь, что имѣю полное право не считать себя воромъ. — Простите меня великодушно, но ваша логика никуда не годится. — Это на какомъ же основаніи? — А на томъ простомъ основаніи, что командовать ротой и съэкономить какихъ-нибудь тысячу рублей—ровно ничего не значитъ и ничего не доказываетъ. Вотъ если бы въ продолженіе многихъ лѣтъ командовали полкомъ или дивизіей, ворочали въ своихъ рукахъ крупные куши, ощущали шелестъ и запахъ сотенъ тысячъ, и при всемъ этомъ соблазнѣ все-таки не взяли бы себѣ ни одного мѣднаго гроша—ну тогда, согласенъ, вы имѣли бы полное право считать

себя вторымъ Аристидомъ; а пока вы напоминаете собой постоянно хвастающуюся, весьма некрасивую даму, которая только потому сохранила свою добродѣтель, что на нее никто не посягалъ.—Такъ по вашему выходитъ, что все дѣло въ *кушѣ*, въ размѣрѣ той *цифры*, къ которой человѣкъ начинаетъ красть. Такъ ли я васъ понялъ? — Очень радъ вашей сообразительности. Вы поняли меня какъ нельзя болѣе правильно: именно все дѣло въ *цифрѣ*. Одного не соблазнишь и десятками тысячъ, а другой не устоитъ и сразу спасуетъ передъ какой-нибудь несчастной сотней. Это зависитъ отъ многихъ причинъ и условій; но у всякаго есть „предѣлъ, его же не прейдеши".—Значитъ вы отвергаете безусловно честныхъ людей, которыхъ не соблазнить ничѣмъ и никогда? — Отвергаю безусловно и категорически, но, разумѣется, при той необходимой оговоркѣ, что это люди здравомыслящіе, а не психопаты, маніаки, вообще поврежденные умомъ.—Однако у васъ, полковникъ, прекурьезная теорія: или мошенникъ или психопатъ, середины нѣтъ.—Ну, ужъ, курьезна она, или нѣтъ—это какъ вамъ будетъ угодно; но что мой взглядъ справедливъ, строго провѣренъ многочисленными примѣрами дѣйствительной жизни, за это я ручаюсь вамъ головой.

Оба противника долго и горячо убѣждали другъ друга, но каждый, по обыкновенію, остался при своемъ мнѣніи.

Пишущій эти строки разумѣется не намѣренъ присоединяться къ спорящимъ; но вотъ какъ сама жизнь отвѣтила на вопросъ по отношенію къ одному изъ спорящихъ. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ этой пикировки, какъ нашъ капитанъ, въ качествѣ старшаго офицера въ паркѣ, былъ временно назначенъ его командиромъ, по случаю болѣзни настоящаго начальника. Казалось, такимъ образомъ, что сама судьба даетъ капитану случай и возможность блистательно опровергнуть своего противника и на дѣлѣ доказать справедливость своей теоріи. И что же? Съ несомнѣнно-безупречнымъ и до тѣхъ поръ завѣдомо-честнымъ капитаномъ неожиданно совершилась внезапная метаморфоза. Подобно человѣку, который, попавъ въ зачумленную среду, самъ подвергается заразной, эпидемической болѣзни, капитанъ, забывъ свое прошлое, свои краснорѣчивыя проповѣди о взяточничествѣ, послалъ къ чорту всѣ теоретическія разсужденія и принялся набивать свой карманъ съ такимъ усердіемъ, что когда выздоровѣвшій командиръ возвратился изъ госпиталя и хотѣлъ вступить въ должность, онъ пришелъ въ ужасъ и отчаяніе отъ того состоянія, въ какомъ нашелъ свою часть за время своей болѣзни.

Самъ человѣкъ скупой и жадный до наживы, командиръ увидѣлъ,

что воръ у вора укралъ дубинку, и, разумѣется, не могъ этого простить своему сопернику, которому жестоко отомстилъ слѣдующимъ, сдѣланнымъ въ присутствіи офицеровъ, замѣчаніемъ:—Вотъ, господа, капитанъ, который, за короткое время моей болѣзни, привелъ паркъ въ такое состояніе, какъ будто онъ былъ подвергнутъ грабительскому нападенію непріятеля. Это, рекомендую вамъ, тотъ самый человѣкъ, который осмѣливается кричать о честности и казнокрадствѣ. Да я предпочитаю быть открытымъ взяточникомъ, чѣмъ жалкимъ фразёромъ, который, проповѣдуя о безкорыстіи, въ тоже время кормитъ солдатъ гнилой капустой и кладетъ себѣ въ карманъ ихъ порціонныя деньги. Я не хочу, капитанъ, отдавать васъ подъ судъ, но, надѣюсь, что вы избавите меня отъ удовольствія быть вашимъ начальникомъ.

Блѣдный, безъ кровинки въ лицѣ, стоялъ капитанъ, точно на горячихъ угольяхъ, и молча проглотилъ ужасную пилюлю, потому что ему *нечего* было сказать въ свое оправданіе: улики были слишкомъ явны и неопровержимы. Но публичная пощечина не могла пройти безслѣдно для такого гордаго и страшно самолюбиваго человѣка какимъ былъ капитанъ, вспыхивавшій отъ малѣйшаго замѣчанія и никогда не позволявшій наступить себѣ на ногу. Съ этого момента капитанъ сдѣлался неузнаваемъ: онъ сталъ уединяться, задумываться, въ каждомъ словѣ видѣлъ умышленный себѣ упрекъ, началъ пить, чего съ нимъ никогда прежде не бывало, и кончилъ тѣмъ, что, взявъ отпускъ, заѣхалъ къ своему другу, начальнику желѣзнодорожной станціи и, воспользовавшись временемъ отправленія поѣзда, застрѣлился въ кабинетѣ своего друга, оставивъ записку слѣдующаго содержанія: «Полковникъ N тысячу разъ правъ: всѣ мы, даже самые лучшіе изъ насъ, ужасные скоты и мерзавцы. Жить съ клеймомъ *вора* я не въ состояніи, и потому добровольно отправляюсь на тотъ свѣтъ. Прошу тебя, дорогой другъ, извинить меня за причиненное моимъ самоубійствомъ безпокойство, а прилагаемыя при семъ деньги возвратить тѣмъ у кого я ихъ *взялъ*, т. е. *солдатамъ*»...

*

Я разсказалъ въ общихъ чертахъ, какъ мы расхищали казну и набивали свои карманы; теперь я разскажу вамъ, какъ мы расходовали пріобрѣтенныя денежки и проводили свободное время. Это тоже довольно поучительная страничка минувшей войны. Извѣстно, что всякіе обозы, парки, вообще тяжести находятся при штабахъ, и потому обыкновенно располагаются въ городахъ, деревушкахъ и мѣстечкахъ. Уже по одному этому обозы и парки устраиваются гораздо удобнѣе строевыхъ войскъ, которыя, располагаясь подъ открытымъ небомъ, должны поневолѣ ютиться въ палаткахъ, очень неудобныхъ, тѣсныхъ, плохо защищающихъ отъ

вѣтра, дождя и непогоды. Какъ бы хата, простыя сѣни, даже холодный сарай не были плохи, но, при помощи разнаго рода приспособленій и находчивости деньщика, они могутъ быть приведены въ довольно сносное жилище, а если вы къ тому же и сами обладаете умѣньемъ, вкусомъ и достаточнымъ количествомъ ковровъ, то ваше жилище дѣлается не только удобнымъ, но даже комфортабельнымъ, «gemüthlich», какъ говорятъ Нѣмцы. Нѣсколько хуже стоитъ вопросъ о продовольствіи, главнымъ образомъ потому, что не всегда можно достать свѣжую провизію; но и въ дѣлѣ питанія обозы и парки поставлены въ несравненно лучшія условія, чѣмъ войска дѣйствующія. Къ вашимъ услугамъ находятся сопровождающіе войска маркитанты, у которыхъ вы всегда можете получить холодныя закуски, разные консервы и даже деликатесы. Положимъ, что все это скверно и страшно дорого, но во всякомъ случаѣ вы имѣете возможность и поѣсть и выпить. Это совсѣмъ не то, что̀ подъ Шипкой, гдѣ люди по нѣскольку дней не видѣли горячей пищи и гдѣ стаканъ чаю съ кускомъ одеревенѣлой колбасы считался какимъ-то блаженствомъ.

Все это я говорю о сравнительномъ неудобствѣ тѣхъ обозовъ и парковъ, которые стояли отдѣльно, въ глухихъ деревушкахъ; если же вы приглашались къ столу главнокомандующаго, тогда пользовались прекрасно сервированнымъ, вкуснымъ и сытнымъ обѣдомъ, съ дорогими винами, кофе, сигарами и военной музыкой; васъ окружалъ такой комфортъ, вы сразу попадали въ такую обстановку, глядя на которую невольно забывалось и какъ-то плохо вѣрилось, что находишься въ дѣйствующей арміи, среди всякаго рода лишеній и ужасовъ войны. Скорѣе можно было думать, что вы участвуете въ какомъ-нибудь блестящемъ, загородномъ пикникѣ. Вашъ покорный слуга тоже удостоивался чести быть приглашаемъ къ такому столу, но, признаюсь откровенно, эти шикарные обѣды сильно смущали меня, по крайней мѣрѣ, въ началѣ, на первыхъ порахъ. Дѣло въ томъ, что я имѣю прескверную привычку вспоминать о «беззащитномъ, больномъ и голодномъ братѣ». Это, положимъ, еще не большая бѣда; но досадно то, что подобныя воспоминанія точно на зло являются какъ разъ въ такое время, когда они совершенно неумѣстны и въ состояніи испортить апетитъ и привести человѣка въ мерзѣйшее расположеніе духа. Такъ и въ данномъ случаѣ. Уплетая жареныхъ цыплятъ и слушая игривую музыку «Корневильскихъ колоколовъ», я невольно переносился мыслію туда, гдѣ люди, изнемогая отъ голода и холода, терпѣли страшныя лишенія и переносили ужасныя страданія. Понятно, что при *такихъ* мысляхъ жареные цыплята становились поперекъ горла, и мнѣ вдругъ дѣлалось такъ больно, стыдно,

неловко и совѣстно, какъ будто я участвую въ какомъ-нибудь предосудительномъ дѣлѣ, какъ будто я лично виновенъ въ томъ, что несчастные солдаты мерзнутъ и голодаютъ...

Но къ чему человѣкъ не привыкаетъ, особенно если приходится привыкать къ омарамъ, анчоусамъ и т. п. деликатесамъ! Со временемъ я до такой степени сжился и втянулся въ окружающую меня обстановку, нервы до того притупились, что когда прислуживавшій мнѣ лакей жалобно причиталъ о варварствѣ Турокъ, я обыкновенно отвѣчалъ: «Неужто опять неистовствуютъ? Экіе подлецы! Дай-ка мнѣ еще порцію телячьихъ котлетъ и стаканъ краснаго вина!“ Да, намъ штабнымъ жилось недурно! Занятія нисколько насъ не обременяли; отъ всякаго рода опасностей и нападенія непріятеля мы были застрахованы; свободнаго досуга больше чѣмъ нужно. Къ довершенію всего, молодцы-казаки, чтобы дать намъ полакомиться, срывали свѣжій виноградъ подъ выстрѣлами Турокъ и продавали офицерамъ по 30 коп. за большое сито.

— Да неужто тебѣ 30 коп. дороже жизни? Вѣдь Турокъ можетъ подстрѣлить тебя какъ воробья.

— Что жъ, ваше благородіе, двухъ смертей не бывать, а одной не миновать. Опять же, если Господь Богъ не допуститъ, такъ Турка не убьетъ.

Вотъ и разсуждай съ Русскимъ человѣкомъ!

Такъ мы жили и благодушествовали во время войны. Всего у насъ было вдоволь; одна бѣда, мы были лишены развлеченій. Чтобы убить время и разсѣять скуку, мы усердно пили, играли въ карты до одуренія и дразнили Жидовъ сообщеніемъ о заключеніи мира, чего Жиды до такой степени боялись, что при одномъ слухѣ о прекращеніи войны они приходили въ сильное волненіе и шептали въ ажитаціи: «Хай Богъ милуе, не дай Богъ!» Но, разумѣется, ни попойки, ни карточная игра не могли насъ удовлетворить, главнымъ образомъ потому, что у насъ не было общества, не было *женщинъ*. Проклятые Турки забрали съ собой всѣхъ, сколько-нибудь молодыхъ, Болгарокъ, даже красивыхъ подростковъ, оставивъ намъ дряхлыхъ, безобразныхъ старухъ и грудныхъ младенцевъ.

Настоящее раздолье начиналось только тогда, когда намъ удавалось какъ-нибудь добраться до Бухареста, этой православной Мекки, куда стремились всѣ алкавшіе и жаждавшіе сильныхъ ощущеній. Тутъ наша Русская натура развертывалась во всю, и мы, вознаграждая себя

за долгій постъ, предавались необузданному веселью и разгулу. Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, въ одномъ изъ своихъ описаній войны, весьма картинно рисуетъ царствовавшій въ Бухарестѣ развратъ, при чемъ, между прочимъ, говоритъ, что даже листочки деревьевъ сладострастно трепетали и прижимались другъ къ другу. Въ свое время надъ этими влюбленными листочками очень много и зло подтрунивали, между тѣмъ почтенный романистъ ничего не выдумалъ, а только съ обычнымъ увлеченіемъ и свойственнымъ ему гиперболизмомъ подчеркнулъ фактъ всеобщаго разврата. И дѣйствительно! Бухарестъ—этотъ маленькій Вавилонъ, или, какъ его называли Румыны, второй Парижъ, представлялъ во время войны какой-то омутъ, который стремительно захватывалъ всѣхъ, кто случайно попадалъ въ него. Не будетъ преувеличеніемъ, если я скажу, что Бухарестъ игралъ роль громаднаго вертепа, громаднаго публичнаго дома, куда со всѣхъ концовъ, чуть не со всѣхъ частей свѣта, собирались найкрасивѣйшія кокотки всевозможныхъ племенъ и національностей.

Никогда не забуду, какъ, пріѣхавъ въ Бухарестъ по дѣламъ службы всего на два дня, я остановился въ гостиницѣ «Метрополь» и, занявъ номеръ, прежде всего, разумѣется, нажалъ кнопку электрическаго звонка, съ цѣлью позвать прислугу. Представьте же себѣ мое удивленіе, когда отворилась дверь и ко мнѣ вошла очаровательная брюнетка, съ такими чудными, огненными глазами, въ такомъ откровенномъ костюмѣ, что я залюбовался красавицей и, конечно, забылъ о томъ, что передо мной стоитъ *горничная*, которая ждетъ моихъ приказаній. Надо полагать, что моя растерянная фигура была довольно комична, потому что красавица безцеремонно расхохоталась, подошла къ зеркалу, стала кокетливо поправлять воткнутую въ волоса бѣлую розу, затѣмъ граціозно усѣлась на диванъ и спросила вызывающимъ тономъ: «Nun, was wollen Sie, mein lieber Herr?» Не оставалось никакого сомнѣнія, что это мистификація, что передо мной *не* горничная, во всякомъ случаѣ не прислуга. И дѣйствительно, оказалось, что это фрейленъ Альвина, которая пріѣхала изъ Вѣны въ Бухарестъ спеціально для того, чтобы «*amüsieren mit (O)fficieren*»...

Такими Альвинами, Бертами, Вандами—какъ ихъ тамъ зовутъ! — были наполнены всѣ рестораны, гостиницы, кофейни, кондитерскія, даже улицы и переулки. Всѣ эти Польки, Вѣнки, Болгарки, Румынки, Жидовки преслѣдовали только одну цѣль: амюзируя съ щедрыми на плату Русскими офицерами, какъ можно больше заработать и нажиться. Можно ли было устоять отъ дружнаго и стремительнаго натиска такой огромной стаи хищныхъ птицъ, тѣмъ болѣе, что эти милыя залетныя

пташки, при своей обольстительной внѣшности, ловкости и необыкновенной привлекательности, отличались хитростью, жадностью и чисто-Ноздревскимъ нахальствомъ? Немудрено и неудивительно, что все содержимое въ нашихъ карманахъ цѣликомъ переходило въ хорошенькія ручки Джюльетъ изъ Конотопа и Маргаритъ изъ Бердичева. По всей вѣроятности вы не забыли и хорошо помните исторію того маленькаго, отданнаго подъ судъ интендантскаго чиновника, который, получая незначительное жалованье и *беря не по чину*, задавалъ Лукуловскіе пиры, тратилъ огромныя деньги на содержанку и преподносилъ ей дорогіе подарки. Но вѣдь этотъ интендантскій чинуша былъ мелкій, маленькій воришка, жалкая пичужка, или, выражаясь языкомъ Расплюева, *мальчишка и щенокъ*, въ сравненіи съ тѣми настоящими Кречинскими, которые клали въ карманъ дѣйствительно громадные куши и проматывали въ одинъ вечеръ чудь не содержаніе цѣлаго баталіона за круглый годъ. А такихъ Кречинскихъ въ дѣйствующей арміи было очень много. Теперь потрудитесь сообразить, какой нужно имѣть *доходъ*, чтобы позволять себѣ подобныя, безумныя траты! Возьмите въ руки карандашъ, бумагу и сосчитайте хоть приблизительно тѣ „бѣшеныя деньги", которыя были украдены, промотаны на сушасшедшія оргіи и привезены домой въ качествѣ скопленнаго *сбереженія*. Боюсь, что вы получите такую головокружительную цифру, которая васъ поразитъ и которую вы даже не сумѣете прочесть. Но какъ бы полученная на бумагѣ цифра ни показалась вамъ неправдоподобной, вѣрьте мнѣ, что она далеко *ниже* дѣйствительной; ибо то, что̀ было украдено, не поддается никакому вычисленію, какъ звѣзды на небѣ, или песокъ на днѣ морскомъ.

*

Если бы господа штабные, на долю которыхъ выпали только однѣ выгоды и преимущества, пользовались своимъ счастьемъ скромно и умѣренно, съ этимъ еще можно было примириться; но въ томъ-то и дѣло, что многіе изъ штабныхъ держали себя относительно строевыхъ войскъ съ такой надменностью и высокомѣріемъ, какъ будто хотѣли сказать имъ: „Вы тутъ бѣдствуете и терпите всевозможныя лишенія? Ну, что жъ, сражайтесь и проливайте кровь за отечество, а мы будемъ за васъ благодушествовать и пользоваться всевозможными удобствами. Но только, пожалуйста, не воображайте, что за всѣ испытываемыя вами мученія вы *одни* получите награды и отличія. Ничуть не бывало! Мы штабные тоже получимъ *точно такія* же награды какъ и вы, хотя никакого участія въ сраженіяхъ принимать не будемъ и не намѣрены". Вотъ съ этимъ-то послѣднимъ господа строевые офицеры никакъ не могли примириться; такой вопіющей несправедливости они не могли переварить.

Подумайте въ самомъ дѣлѣ: скромному, ничѣмъ невыдающемуся, но ежеминутно подвергающему свою жизнь опасности армейскому субалтернъ-офицеру, за участіе въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, вѣшаютъ Станислава въ петлицу, какъ особенную милость; а какому-нибудь штабному адъютанту и лизоблюду, который служитъ передъ начальствомъ на заднихъ лапкахъ, за никому невѣдомыя заслуги прямо вѣшаютъ Анну на шею. Посмотрѣть на грудь другого штабного—цѣлый иконостасъ, хоть снимай шапку и молись. Можно подумать, что онъ совершилъ чудеса храбрости и невѣроятные подвиги; а на повѣрку оказывается, что онъ никогда и ни въ какихъ сраженіяхъ не участвовалъ, пороху буквально не нюхалъ, непріятеля видѣлъ или связаннымъ, въ качествѣ плѣннаго, или въ больницѣ, и вся его заслуга заключается только въ томъ, что онъ *состоитъ* при высокопоставленной особѣ въ качествѣ особенно приближеннаго человѣка и играетъ довольно неопредѣленную роль чего-то весьма страннаго и подозрительно-двусмысленнаго... „Но позвольте, останавливаетъ меня недовѣрчивый и сомнѣвающійся читатель, — вѣдь вы разсказываете небылицы. Развѣ за *такія* вещи можно награждать орденами?“—А кто же вамъ говоритъ, что за *такія*! Для этого есть много другихъ способовъ. Васъ, напримѣръ, посылаютъ *встрѣтить* важную особу, *состоять* при „знатномъ иностранцѣ“, *присутствовать* при торжественной церемоніи и пр. За все это даютъ крестики, медали и вѣшаютъ на грудь красивыя бирюльки. Или, положимъ, васъ посылаютъ къ Государю Императору съ пріятнымъ извѣстіемъ о побѣдѣ, взятіи крѣпости и пр. Въ такомъ случаѣ вы можете смѣло разсчитывать на производство въ слѣдующій чинъ, можете заранѣе заказать и везти съ собой новыя эполеты. Такъ обыкновенно и дѣлается. Отправляетесь, положимъ, молодымъ полковникомъ, а возвращаетесь новоиспеченнымъ, сіяющимъ какъ младенецъ „его превосходительствомъ“. Наконецъ, вамъ могутъ дать серьезное порученіе отправиться въ такую мѣстность, гдѣ завѣдомо есть непріятель. Тутъ ужъ вы прямо совершаете подвигъ, потому что хотя непріятель вовсе васъ и не видѣлъ, но это все равно: онъ *могъ* видѣть и напасть, а разъ онъ *могъ* напасть,—значитъ вы подвергали свою драгоцѣнную жизнь опасному риску и, слѣдовательно, имѣете полное право получить, если не золотую саблю „за храбрость“, то, по крайней мѣрѣ, Владимира 3-й степени съ бантомъ. Вамъ, разумѣется, и даютъ его, послѣ того, какъ неподражаемый слогъ реляціи (вамъ знакомъ этотъ слогъ?) изобразитъ вашу прогулку, то-бишь—подвигъ фантастическими красками во вкусѣ Майнъ-Рида или Жюля-Верна. Видите ли, какъ много способовъ существуетъ для того, чтобы отличиться и какъ легко сдѣлаться... *парадным* героемъ!.. Но, чтобы пользоваться *особыми* милостями, т. е. „лежа на печи ѣсть калачи“, нужно

находиться въ *особенныхъ*, совершенно исключительныхъ условіяхъ, на *особомъ* положеніи. Что это за условія и какого рода положеніе, я, къ сожалѣнію, не имѣю никакой возможности объяснить читателю, по той простой причинѣ, что затронутый мною щекотливый вопросъ принадлежитъ къ многочисленному разряду вопросовъ *неудобныхъ* для печати......

*

Когда радостная вѣсть о взятіи Плевны, Османа-паши и Турецкой арміи облетѣла дѣйствующую армію, всѣ вздохнули съ облегченіемъ, точно съ груди свалился тяжелый камень. „Теперь, заговорили въ одинъ голосъ, Туркамъ не сдобровать; войну можно считать оконченной и не сегодня завтра мы, въ качествѣ побѣдителей, вступимъ въ Константинополь, чтобы продиктовать условія мира". О томъ, что мы можемъ завершить войну *не* въ стѣнахъ Константинополя, никому даже и въ голову не приходило, до такой степени это казалось всѣмъ дикимъ и ни съ чѣмъ несообразнымъ. Каково же было наше удивленіе, скажу прямо—негодованіе, когда мы узнали (разумѣется, отъ Жидовъ), что Турція сдается на капитуляцію, война прекращается, но въ Константинополь мы не войдемъ, а подпишемъ прелиминарный договоръ въ Санъ-Стефано. Сначала, разумѣется, мы отнеслись къ этому слуху съ полнымъ недовѣріемъ и приняли его за мистификацію или Жидовское вранье. Подумайте въ самомъ дѣлѣ: вести упорную и продолжительную войну при совершенно исключительныхъ условіяхъ мѣстности и климата, истратить множество труда, денегъ и всевозможныхъ матеріаловъ (не говоря уже о человѣческихъ жизняхъ) и въ концѣ-концовъ *отступить* отъ Константиполя, когда находишься отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ, когда всѣ жители приготовились встрѣчать васъ; да вѣдь это такая ни съ чѣмъ несообразная безсмыслица, такой дикій абсурдъ, подобно которому даже и придумать невозможно... Увы! То, чему никто не хотѣлъ вѣрить, скоро сдѣлалось неопровержимымъ. Когда Санъ-Стефанскій договоръ былъ подписанъ, и мы (опять-таки отъ Жидовъ) узнали, *что* именно побудило и заставило Августѣйшаго главнокомандующаго отказаться отъ занятія Константинополя,—раздался такой вопль негодованія и всеобщаго ропота, что я, привыкшій жить въ странѣ, гдѣ никакого ропота не полагается, былъ до крайности изумленъ подобной смѣлостью и съ волненіемъ прислушивался къ открытому порицанію, выражаемому въ очень рѣзкой и недвусмысленной формѣ... Помню хорошо, что были попытки объяснять странную загадку тѣмъ, что будто бы покойный Государь Александръ Николаевичъ обѣщалъ не овладѣвать Константинополемъ. Но, во-первыхъ, Государь никогда не давалъ и не могъ давать обѣщаніе совсѣмъ миновать столицу Турціи; а во-вторыхъ, *за-*

владѣть Константинополемъ какъ своей собственностью и только *войти* въ городъ въ качествѣ побѣдителя—это два совершенно различныя дѣйствія, которыя не имѣютъ между собой ничего общаго. Ясно, что вышеприведенное объясненіе не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Гораздо правдоподобнѣе тѣ объясненія, которыя до сихъ поръ циркулируютъ въ обществѣ и оффиціальнаго подтвержденія которыхъ Русская публика едва ли дождется когда-нибудь.

*

Война окончилась. Несчастныя жертвы войны, великіе покойники, спятъ непробуднымъ сномъ въ чужой землѣ. *Вѣчная имъ память*!—а мы, живые и уцѣлѣвшіе, съ восторгомъ укладываемъ свои пожитки и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ рвемся домой, къ своимъ очагамъ и Пенатамъ.

Проходитъ нѣсколько дней томительнаго ожиданія, и вотъ мы снова на родинѣ, среди дорогихъ и близкихъ намъ людей! Насъ встрѣчаютъ съ необыкновеннымъ восторгомъ и оваціями. Тріумфальные арки, флаги, декораціи, стеченіе публики, торжественныя молебствія, привѣтственныя рѣчи, цѣлый дождь букетовъ и живыхъ цвѣтовъ, всѣ эти трогательные знаки неподдѣльнаго энтузіазма глубоко волнуютъ вашу переполненную радостью душу, вызываютъ на глаза неудержимыя слезы и заставляютъ переживать такія ощущенія, которыя не поддаются никакому описанію... Разумѣется, публика не дѣлаетъ никакого различія между настоящими героями и тѣми, которые ни въ какомъ геройствѣ, кромѣ трактирнаго, неповинны.

Видя всѣхъ живыми, здоровыми, *bien décorés*, она одинаково чествуетъ какъ тѣхъ, которые проливали свою кровь за братьевъ Славянъ, такъ и тѣхъ, которые проливали Шампанское за «погибшихъ, но милыхъ созданій»... Прошли недѣли, мѣсяцы, годы, все улеглось, успокоилось, вошло въ свою обычную колею, и опять потянулась таже безконечная канитель... Молодежь стала тянуть прежнюю лямку, а тѣ, которые туго набили себѣ карманы и привезли съ собой крупныя сбереженія, стали охать и жаловаться на разстроенное здоровье, поспѣшили подать въ отставку, взяли отъ казны все, что только можно было взять, «*купили деревеньку и живутъ помаленьку*». Чувствуютъ ли они порой жестокіе укоры совѣсти, идетъ ли имъ чужое добро въ прокъ, на это я, разумѣется, не берусь отвѣчать. Но не далѣе какъ въ прошломъ году я случайно заѣхалъ къ одному изъ подобныхъ помѣщиковъ, попалъ какъ разъ на семейный праздникъ, засталъ большое, оживленное общество. Изъ того, что мнѣ удалось видѣть, слышать и подмѣтить,

я пришелъ къ безотрадному заключенію, что обворовавшіе казну живутъ прекрасно, вполнѣ довольны своимъ положеніемъ и жалѣютъ только объ одномъ, что не взяли *больше*, а тѣ (помоложе), которые еще не имѣли случая украсть, въ тайнѣ завидуютъ успѣвшимъ набить свои карманы и жадно мечтаютъ о томъ, чтобы во время слѣдующей войны на ихъ долю выпало бы *такое же счастье*...

*

Надѣюсь, что читатель и безъ моей помощи сумѣетъ подвести итогъ, сумѣетъ сдѣлать надлежащій выводъ изъ моихъ краткихъ замѣтокъ. Въ настоящее время ни для кого не секретъ, что минувшая война была великой политической ошибкой, чтобы не сказать болѣе. Задавшись высокой цѣлью освободить родственныхъ намъ по вѣрѣ Славянъ отъ гнетущаго ига Турокъ, мы вскорѣ значительно сузили свою задачу, при чемъ не только не достигли желаемыхъ результатовъ, но даже не сумѣли добиться утвержденія всѣхъ пунктовъ Берлинскаго конгресса и не могли отстоять автономіи Арменіи и Македоніи.

Во всякомъ случаѣ, какъ бы кто ни смотрѣлъ на минувшую войну, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что достигнутые войной очень скромные результаты неизмѣримо ниже тѣхъ жертвъ, которыя принесла Россія.

Освобожденіе Болгаръ стòитъ намъ страшно дорого и куплено такой цѣной, которая не можетъ быть вознаграждена никогда и ничѣмъ...

Въ концѣ концовъ мы, по обыкновенію, разыграли роль благодѣтелей, которые жарятъ каштаны для того, чтобы ими воспользовались *другіе*. Грустно и тяжело высказать, но несомнѣнно, что Русско-Турецкая война 1877—1878 года принесла пользу и обогатила только Жидовъ, товарищество Горвицъ, публичныхъ женщинъ и командировъ отдѣльныхъ частей... Но можетъ быть эта война обнаружила наши успѣхи въ военномъ дѣлѣ со времени Севастопольской кампаніи и засвидѣтельствовала о нашемъ *прогрессѣ*? Увы! И на этотъ вопросъ приходится дать отвѣтъ весьма неутѣшительнаго свойства. Всѣ участвовавшіе и въ Крымской и въ послѣдней войнѣ и, слѣдовательно, имѣющіе возможность *сравнивать*, утверждаютъ единогласно, что намъ положительно нечѣмъ хвастаться: мы ни на волосъ не подвинулись впередъ; всѣ неурядицы Крымской войны въ такой же, если не большей степени, повторились и въ 1877 году. Судя по тому, чтò намъ приходилось видѣть, этому легко повѣрить. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ казнокрадство, отсутствіе перевязочныхъ средствъ и всякаго рода возмутительныя безобразія, которыя описаны лейбъ-медикомъ Боткинымъ и многими другими достовѣрными свидѣтелями, не буквальное повтореніе всего того, чтò твори-

лось въ пресловутую Крымскую кампанію? А цѣлыя горы валенковъ и полушубковъ, которые гнили въ то время, когда несчастные солдатики мерзли подъ Шипкой, развѣ это не таже *корпія*, которую везли въ Севастополь *послѣ* того, какъ миръ былъ заключенъ? *) Нѣтъ, видно тяжелые уроки прошлаго не имѣютъ для насъ никакого поучительнаго значенія! Прослѣдите внимательно какой угодно вопросъ государственной важности, и вы увидите, что онъ былъ предметомъ обсужденія чуть не со временъ Рюрика, тщательно разработанъ печатью, и тѣмъ не менѣе періодически всплываетъ наружу, какъ вновь открытая Америка, и всякій разъ застрѣваетъ на полкахъ архива. Вникните хорошенько въ наши пожары, голодухи, такъ-называемыя народныя бѣдствія. Вы убѣдитесь, что онѣ повторяются изъ года въ годъ съ чисто-математическою аккуратностью и проходятъ безслѣдно, безъ всякаго практическаго результата.

1900.

Александръ Молотовъ.

---

*) Въ нашей молодости случилось намъ слышать, по поводу расхищенія государственной казны во время Крымской войны, замѣчаніе одного умнаго человѣка горячившемуся патріоту: Ступайте въ Императорскую Публичную Библіотеку, гдѣ сохраняются тогдашніе листы газеты Times; поройтесь въ нихъ и найдете, что у Англичанъ, дѣйствовавшихъ подъ Севастополемъ, военное начальство воровало даже пушки. П. Б.

ОТГОЛОСОКЪ АУСТЕРЛИЦА.

Мнѣніе аудитора Маевскаго о выписанныхъ изъ службы капитанѣ Сухотинѣ и штабсъ-капитанѣ Хатовѣ за ихъ уклоненіе отъ Аустерлицкаго боя [1]).

1817 г.

Государю Императору благоугодно были повелѣть истребовать мое мнѣніе противъ поступковъ разжалованныхъ Сухотина и Хатова.

Считая священною для себя обязанностью говорить всегда истину, я тѣмъ болѣе преступникомъ бы себя почелъ, ежели бъ теперь, въ предоставленномъ мнѣ обстоятельствѣ, сокрылъ хотя на волосъ что-либо изъ происходившаго.

Ставъ такимъ образомъ посреди обвиняющихъ и обвиняемыхъ и не имѣя ни съ тѣми, ни съ другими ничего общаго, я буду говорить правду, не смотря на лицъ; а такъ какъ несчастіе Сухотина и Хатова произошло болѣе отъ молодости и тогдашней неопытности, отъ погрѣшности самого полковника Збіевскаго [2]) и отъ неожиданной встрѣчи Аустерлица, то я разскажу всѣ сіи обстоятельства.

Сухотинъ и Хатовъ въ 805-мъ году были весьма молодые люди [3]), украшенные талантами, воспитаніемъ и умомъ. Когда открылась кам-

---

[1]) Оба офицера были лишены чиновъ и выключены изъ службы высочайшимъ приказомъ 1 Февраля 1806 г. Аудиторіатскій Департаментъ, представляя въ 1817 г. дѣло о нихъ на высочайшее благовозрѣніе, присоединилъ мнѣніе аудитора Маевскаго. Дежурный генералъ начальникъ Главнаго Штаба, возвращая докладъ Аудиторіатскому Департаменту при отношеніи отъ 5 Апрѣля за № 1202, между прочимъ, сообщалъ: „При высочайшемъ конфирмованіи сего доклада Государю Императору благоугодно было повелѣть, отыскавъ Сухотина и Хатова, спросить, желаютъ ли въ службу и куда". Такимъ образомъ мнѣніе аудитора Маевскаго способствовало возстановленію двухъ офицеровъ, надъ которыми двѣнадцать лѣтъ тяготѣло позорное для всякаго военнаго обвиненіе въ уклоненіи отъ боя.

[2]) Збіевскій въ 1805 г. былъ полковымъ командиромъ Сухотина и Хатова (Владимирскаго пѣхотнаго полка), а въ 1816 г. бригаднымъ начальникомъ 16 пѣхотной дивизіи, въ чинѣ генералъ-маіора.

[3]) По формулярнымъ спискамъ Инспекторскаго Департамента за первую половину 1805 г. значилось, что Сухотину было тогда 33 года, а Хатову—34.

панія, они оба горѣли желаніемъ побѣдить или умереть, но неопытность ихъ въ началѣ войны положила преграду благородному ихъ намѣренію.

Не зная совсѣмъ образа войны, оба эти офицера совсѣмъ не приготовили себя на ту ногу, на которой должно было имъ вести себя въ кампаніи, и потому, когда подъ Вѣною встрѣтило насъ повелѣніе оставить форшпаны, на которыхъ мы ѣхали, и идти форсированными маршами, то неожиданные эти форсированные марши и бивуаки, вещи до того совершенно цѣлому полку неизвѣстные, натурально вдругъ разстроили неопытныхъ людей.

Сухотинъ и Хатовъ, едва ли ходившіе во всю жизнь столько, сколько имъ пришлось идти въ одинъ форсированный маршъ, и притомъ имѣя обувь, болѣе приличную для бала, нежели для форсированнаго марша, въ день намокшую отъ грязи, а въ ночь засохшую и сгорѣвшую на ногахъ, не имѣя другой обуви и не могши на ретирадѣ достать новой, они оба попортили ноги до того, что у нихъ онѣ распухли и подѣлались раны прежде, нежели съ нихъ сняли сапоги.

Я не оправдываю къ капитанѣ такого неблагоразумія и не прощаю такой дѣтской, можно сказать, небрежительности, но не меньше того не оправдываю и самого полковника Збіевскаго, у котораго едва ли больше было расчету на счетъ войны: онъ виноватъ больше обоихъ двухъ.

Когда сіи дѣти, можно сказать, отъ дѣтской же неосторожности дошли до такого состоянія, что не могли никакъ идти, то ему не должно было бросать Сухотина на мѣстѣ бивачнаго расположенія, а Хатова на пушкѣ, куда его положили совсѣмъ посторонніе и изъ одной только жалости. Но если бы Збіевскій былъ истинный начальникъ и другъ человѣчества, тогда бы лучше ему было выбросить изъ своей повозки простые его тюфяки, или и на тотъ же самомъ возу сѣна, на которомъ послѣ везли Сухотина, положить сихъ двухъ офицеровъ, отличныхъ и по службѣ, и по уму, и помогши имъ такимъ образомъ еще нѣсколько дней, возвратить ихъ опять службѣ; тогда-то бы и эти молодые люди, стыдясь своей нерасчетливости и стараясь заслужить ее въ глазахъ полковника и офицеровъ, уже не рѣшились бы отъѣхать отъ полку ни на шагъ. Но когда Збіевскій бросилъ ихъ на произволъ случая, то Сухотинъ и Хатовъ, будучи изнурены силами, не могши идти съ полкомъ и видя, что они, по малому участію въ нихъ самого начальника въ столь сильной ретирадѣ, какова была отъ Брунау до Ольмюца, могли быть всякую минуту брошены на полъ и сдѣлаться жертвою или плѣна, или даже и самой смерти, рѣшились остаться въ полковомъ обозѣ, который, къ счастью ихъ, встрѣтился съ ними, когда они тащились еще за полкомъ.

Теперь остановимся на той точкѣ, съ которой надо разсматривать донесеніе Збіевскаго и вины Сухотина и Хатова.

Збіевскій зналъ, что Сухотинъ и Хатовъ были больны весьма маловажными болѣзнями, а потому, разсчитывая время и судя по болѣзнямъ, Збіевскій долженъ былъ считать, что они должны были уже выздоровѣть и прибыть въ полкъ, въ чемъ его увѣрилъ даже и лѣкарь; но, видя, что ихъ нѣтъ, что сраженіе было несчастное и что несчастія эти произошли большею частью отъ многихъ недовольно дѣйствовавшихъ, онъ ожесточенъ былъ этимъ случаемъ и, желая показать примѣръ своимъ подчиненнымъ для будущихъ дѣлъ, сдѣлалъ на Сухотина и Хатова извѣстное представленіе. Но что это представленіе не имѣетъ даже и тѣни правдоподобія, то сему виною не намѣреніе Збіевскаго погубить ихъ, но то, что Збіевскій самъ весьма слабъ въ Россійскомъ языкѣ и въ выраженіяхъ, а сочинявшій сей рапортъ и имѣвшій тогда на Збіевскаго большое вліяніе штабсъ-капитанъ Волковъ открыто не доброжелательствовалъ Сухотину и Хатову.

Вотъ и вся причина, отъ которой произошли несчастія Хатова и Сухотина.

Что они не такъ виноваты, то я доложу еще. Лѣкарь Зимницкій, оставляя Сухотина въ обозѣ, совѣтовалъ ему пріѣхать въ полкъ чрезъ недѣлю, что̀ Сухотинъ и исполнилъ. Но какъ обозъ стоялъ отъ полка болѣе 40 миль и былъ въ безпрестанномъ движеніи, то хотя Сухотинъ выѣхалъ и заблаговременно, но на пути уже его къ полку случилось Аустерлицкое дѣло, и по Тешинской дорогѣ, по которой онъ ѣхалъ къ полку, прервалась коммуникація, почему и Сухотина насильно воротили назадъ. Хатовъ, увидавши, что къ полку никакъ нельзя проѣхать и что кампанія рѣшена, рѣшился тоже и самъ остаться при обозѣ, не ожидая совсѣмъ дурныхъ отъ того послѣдствій.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи Докторовъ зналъ общія обстоятельства не по простому ходу инквизиціи, но по голосу офицеровъ и самого Збіевскаго, виноватаго только по тому, что онъ не взвѣсилъ словъ своего рапорта и не разсчиталъ того, что̀ убѣдило его подписать намѣреніе другихъ неблагопріятствовавшихъ Сухотину и Хатову. И такъ, чтобы смягчить участь Збіевскаго, по истинѣ заслужившаго послѣ уваженіе своею храбростію, и пощадить имя и честь пострадавшихъ больше по несчастію, нежели по винамъ, онъ описалъ въ своемъ мнѣніи совершенную истину, которую всякій благомыслящій офицеръ Владимирскаго пѣхотнаго полка утвердитъ своею честью. Полковникъ Маевскій.

(Сообщилъ Михаилъ Константиновичъ Соколовскій).

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

Когда посѣщаешь въ Москвѣ знаменитую Оружейную Палату, въ одной изъ залъ ея, наполненныхъ всевозможными драгоцѣнными уборами, оружіемъ и вещами царей и государей Русскихъ, невольное вниманіе посѣтителя обращаетъ на себя ящикъ довольно неказистый, стоящій на полу, какъ говорится, ни къ селу, ни къ городу къ окружающимъ его древностямъ и особенно къ убранству стѣнъ. На вопросъ, что̀ такое, вѣжливый капельдинеръ или придворный служитель пріостанавливаетъ твердо заученый имъ описательный перечень хранящихся драгоцѣнностей и отвѣчаетъ какъ бы между прочимъ: „Польская Конституція“. Оказывается, что въ этомъ ящикѣ хранится подлинная хартія 1818 г., данная императоромъ Александромъ Первымъ Польшѣ. Въ 1831 году, по взятіи Варшавы, императоръ Николай лишилъ Польшу этой хартіи, нарушенной самими Поляками, и прислалъ подлинникъ на храненіе въ Москву въ Оружейную Палату, гдѣ она, какъ бы сданная въ архивъ, и лежитъ теперь. Странная судьба нашихъ... ну какъ бы казать, конституціонныхъ попытокъ, начиная даже съ выборной грамоты возведшей на престолъ Михаила Ѳедоровича Романова: и ту стараніями Филарета Никитича урѣзали елико-возможно и такъ передѣлали, что нѣкоторые наши архивные ученые даже сомнѣваются въ подлинности ея. Впрочемъ это частность. Петръ Первый свелъ на нѣтъ наши земскіе соборы, и попытка верховниковъ заставить Анну Іоанновну ограничить свою власть кончается плачевно для нихъ же верховниковъ*). Императоръ Александръ Первый желалъ дать конституцію Россіи, о чемъ упомянулъ въ своей рѣчи въ Варшавѣ при открытіи перваго Польскаго сейма въ 1818 г., а императоръ Николай Первый, послѣ возмущенія 14 Декабря 1825 г. уже не пожелалъ привести въ исполненіе предначертаній брата своего, и во все тридцатилѣтіе его царствованія не было и рѣчи о конституціи для России. Но до 1830 г. Николай, присягнувшій Польской конституціи при коронованіи своемъ Польскою короною въ Варшавѣ, свято хранилъ ее и отмѣнилъ лишь по нарушеніи ея самими Поляками. О Русскихъ гражданскихъ вольностяхъ заговорили лишь при императорѣ Александрѣ II-мъ и, по той же странной судьбѣ, въ

---

*) И по-дѣломъ, такъ какъ эти верховники обворовывали казну и даже не постыдились обобрать и присвоить ризы съ иконъ Благовѣщенскаго собора, что̀ явствуетъ изъ подлиннаго дѣла, хранящагося въ Государственномъ Архивѣ. П. Б.

день перваго шага къ конституціи, императоръ Александръ II, утромъ 1 Марта 1881 г., палъ отъ злодѣйскихъ рукъ нашихъ анархистовъ. Графъ Лорисъ-Меликовъ пріостановилъ уже начатое печатаніе этого акта (на 43 экземплярѣ) въ виду восшествія на престолъ Александра III. 8-го Марта 1881 г., былъ собранъ Совѣтъ изъ гг. министровъ и высшихъ сановниковъ для рѣшенія вопроса, давать ли ходъ проекту графа Лорисъ-Меликова. Александръ III желалъ призвать къ жизни проектъ графа Лорисъ-Меликова и послѣ совѣщанія 8-го Марта 1881 года сказалъ: „гора точно съ плечъ свалилась“ *).

Нижеслѣдующая Государственная Уставная Грамота найдена въ бумагахъ Н. Н. Новосильцова въ Варшавѣ, во время мятежа 1830 года, и тогдашнее временное Польское правительство ее отпечатало; я же случайно досталъ за границей одинъ печатный экземпляръ ея.

Князь Д. Д. Оболенскій.

*

Очень благодаримъ князя Д. Д. Оболенскаго за сообщеніе сего интереснаго и по днесь документа. Примѣнимъ ли этотъ проектъ гусударственнаго управленія въ настоящее время, объ этомъ послѣ 6 Августа 1905 года говорить уже не приходится; но нельзя не сказать, что произведеніе царствованія Александра Перваго отличается истиннымъ остроуміемъ составителей и гораздо глубже охватываетъ государственный организмъ, нежели нынѣ вышедшій законъ о Государственной Думѣ. Намъ нравится названіе пословъ, данное депутатамъ, ибо оно гораздо лучше противуполагается излюбленному интелигенціею термину *представитель:* посолъ никакимъ образомъ не можетъ быть почитаемъ инымъ чѣмъ, какъ только передаточной инстанціей. Что̀ касается до замѣчанія князя Д. Д. Оболенскаго о странной судьбѣ конституціонныхъ попытокъ въ Россіи, мы не можемъ съ ними согласиться. Не говоря о томъ, что мы не допускаемъ и мысли объ ограничительныхъ статьяхъ въ избирательномъ актѣ Михаила Ѳеодоровича, и что никакъ не почитаемъ земскихъ соборовъ конституціоннымъ продуктомъ, а наоборотъ вѣнцомъ самодержавнаго строя, намъ думается, что ограничительныя попытки, какъ направленныя на власть Императорскую, такъ и подъ часъ угрожавшія изъ нея самой выдти, не удавались потому, что они были мертворожденными произведеніями привитыхъ Западныхъ понятій, не находившихъ себѣ почвы въ Русской государственной и народной жизни. Если имъ суждено когда-нибудь осуществиться, то это будетъ только знакъ того, что Россія перестала быть сама собою и что изъ культурно-политическаго организма она обратилась въ терминъ лишь политико-географическій. Да не будетъ сего во вѣкъ! *Р. Арх.*

*

*) Эти показанія остаются на исторіографической отвѣтственности князя Д. Д. Оболенскаго; мы же сомнѣваемся въ вѣрности оныхъ: исторія, по выраженію Карамзина, не любитъ живыхъ. П. Б.

Государственная уставная грамота Россійской Имперіи *)

Глава I.

Предварительныя распоряженія.

Ст. I. Россійское государство, со всѣми владѣніями, присоединенными къ нему, подъ какимъ бы наименованіемъ то ни было, раздѣляется сообразно съ росписаніемъ у сего приложеннымъ, на большія области, называемыя намѣстничествами.

2. Каждое намѣстничество заключаетъ въ себѣ опредѣленное число губерній, по мѣрѣ народонаселенія, разстоянія, обширности, и смотря на нравы, обычаи и особенные или мѣстные законы, жителей между собою сближающіе.

3. Намѣстничества называются по имени одной изъ составляющихъ оныя губерній, или по мѣсту, для присутствія намѣстническаго начальства опредѣленному.

4. Губерніи сохраняютъ настоящее раздѣленіе свое на уѣзды, исключая тѣ случаи, въ которыхъ мѣстныя обстоятельства востребовали бы новыхъ разграниченій.

5. Уѣзды раздѣляются на округи; округамъ состоять изъ городовъ 3-й степени и изъ опредѣленнаго числа волостей, селъ и деревень, по мѣрѣ народонаселенія и разстоянія отъ мѣста, для присутствія окружному начальству опредѣленнаго.

6. Городами первой степени суть города губернскіе; второй степени города уѣздные; а городами третьей степени всѣ прочіе. Изъ сихъ послѣднихъ исключаются тѣ, которымъ, по выгодному положенію своему и по торговымъ сношеніямъ, слѣдовать будетъ поступить на одну изъ высшихъ степеней.

7. Каждый городъ первой и второй степени имѣетъ свой округъ. Онъ заимствуетъ отъ него свое имя и есть мѣстопребываніе начальства онаго. Прочимъ округамъ называться по мѣсту, къ коему будутъ приписаны.

8. Изъ сего разграниченія исключаются столицы С.-Петербургъ и Москва, равно какъ и ихъ губерніи.

---

*) Подлинникъ напечатанъ на двухъ языкахъ, Французскомъ и Русскомъ; содержаніе обоихъ текстовъ одинаково.

Глава II.

О правленіи Россійской Имперіи.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О Государѣ или державной власти.

9. Корона Россійско-императорскаго престола есть наслѣдственная; она переходитъ по порядку, установленному въ Бозѣ почивающимъ родителемъ нашимъ императоромъ Павломъ.

10. Основанія державной власти и образъ дѣйствія оной опредѣляются сею государственною уставною грамотою, жалуемою нами любезнымъ нашимъ вѣрноподданнымъ на вѣчныя времена.

11. Державная власть нераздѣлима: она сосредоточивается въ лицѣ монарха.

12. Государь есть единственный источникъ всѣхъ въ Имперіи властей: гражданскихъ, политическихъ, законодательныхъ и военныхъ.

Онъ управляетъ исполнительною частію во всемъ ея пространствѣ. Каждое начальство, исполнительное, управительное и судебное, имъ однимъ постановляется.

13. Но законодательной власти Государя содѣйствуетъ государственный сеймъ, о которомъ ниже упомянуто будетъ, на основаніи уставной грамоты и особенныхъ учрежденій.

14. Особа государя священна и неприкосновенна.

15. Государь есть верховная глава общаго управленія Имперіи. Онъ печется о внутренней и внѣшней безопасности государства. Онъ бдитъ о своихъ правахъ и владѣніяхъ.

16. Право объявлять войну и заключать договоры и условія всякаго рода принадлежитъ одному Государю.

17. Предводительство военною силою сухопутною и морскою, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, равно какъ и назначеніе главнокомандующихъ и производство генераловъ и офицеровъ принадлежитъ Монарху безъ исключенія.

18. Государь назначаетъ пословъ, посланниковъ и другихъ уполномоченныхъ чиновниковъ для переговоровъ политическихъ и торговыхъ.

19. Государь на всѣ мѣста гражданскія, управительныя и судебныя, назначаетъ непосредственно или чрезъ тѣхъ, коимъ ввѣритъ онъ таковую власть.

20. Какъ верховная глава православной Греко-Россійской церкви, Государь возводитъ во всѣ достоинства духовной іерархіи.

21. Право помилованія принадлежитъ исключительно Государю. Онъ можетъ преступника простить или облегчить его наказаніе.

22. Дѣла по всѣмъ судебнымъ и всякимъ другимъ присутственнымъ мѣстамъ производятся и приговоры онымъ, равно какъ и всякаго рода публичные акты, объявляются именемъ Его Императорскаго Величества.

23. Учрежденіе орденовъ, постановленія онымъ статутовъ и награжденіе военными и гражданскими орденами принадлежитъ Государю, равно какъ и право возведенія на степень дворянства и высшихъ онаго достоинствъ, принятіе въ подданство и пожалованіе въ чины и классы.

24. Государь располагаетъ доходами государства сообразно съ утвержденными имъ частными росписаніями доходовъ и расходовъ (бюджетами) намѣстничествъ и съ общимъ росписаніемъ доходовъ и расходовъ всего государства.

25. Первое же общее росписаніе доходовъ и расходовъ, имѣющее быть составлено въ силу настоящей грамоты, на основаніи ли частныхъ росписаній доходовъ и расходовъ намѣстничествъ, или по соображеніямъ министерствъ, предоставляется въ особенности единственному распоряженію Государя Императора.

26. Для опредѣленія законодательныхъ дѣйствій Государя, общія основанія права въ Имперіи дѣлятся на три разряда:

Въ первомъ заключаются законы.

Во второмъ уставъ и учрежденія.

Въ третьемъ указы, повелѣнія, рескрипты и постановленія.

27. Подъ именемъ законовъ разумѣются всѣ законодательныя распоряженія, кои основаны на началахъ по существу своему непремѣнныхъ и кои не могутъ быть иначе ни отмѣнены, ни преобразованы, какъ съ соблюденіемъ ненарушимости оныхъ началъ, и тогда только, когда впослѣдствіи времени опытъ покажетъ необходимость измѣненій, или когда будутъ вынуждены причинами важными и рѣшительными.

28. Подъ словомъ: уставы и учрежденія должно разумѣть всѣ распоряженія, требуемыя обстоятельствами или для защиты государства и охраненія цѣлости его границъ, или для устройства разныхъ предметовъ по части внутренняго управленія, или наконецъ по дѣламъ до порядка службы и до усовершенствованія общаго и частнаго благосостоянія касающимся.

29. Наконецъ, подъ именемъ указовъ, повелѣній, рескриптовъ, и постановленій должно разумѣть все, что̀ предписывается къ исполненію по частнымъ и случайнымъ обстоятельствамъ, въ различныхъ отдѣленіяхъ государственнаго управленія встрѣчающимся, или что̀ относится до какого-либо начальства, чиновника военнаго, гражданскаго или частнаго лица, и по свойству своему, смотря по надобности, можетъ подвергаться разнымъ измѣненіямъ.

30. Законы раздѣляются на общіе государственные законы и на особенные мѣстные. Общіе законы составляютъ общее право и примѣняются во всѣхъ случаяхъ, въ коихъ мѣстные законы недостаточны.

31. Общіе законы поставляются Государемъ при содѣйствіи общаго государственнаго сейма, о коемъ ниже будетъ упомянуто.

32. Особенные или мѣстные законы постановляются Государемъ при содѣйствіи сеймовъ намѣстническихъ.

33. Право издавать уставы, учрежденія, указы, рескрипты и постановленія принадлежитъ исключительно Государю. Онъ можетъ ввѣрить оное, въ совокупности или въ частяхъ, мѣсту или лицу, по своему благоусмотрѣнію.

34. Общіе и особенные или мѣстные законы скрѣпляются министромъ-начальникомъ управленія юстиціи. Уставы, учрежденія, указы, повелѣнія и постановленія должны быть за скрѣпою того изъ министровъ, до котораго они по содержанію своему будутъ принадлежать. Онъ отвѣчаетъ за все, что̀ въ сихъ уставахъ, учрежденіяхъ, указахъ, повелѣніяхъ, рескриптахъ и постановленіяхъ могло бы заключаться противнаго правиламъ Уставной Грамоты и законовъ.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О Государственномъ Совѣтѣ.

35. Государственный Совѣтъ подъ предсѣдательствомъ Государя, состоитъ изъ министровъ, членовъ Государственнаго Совѣта, государственныхъ докладчиковъ или статсъ-секретарей и изъ особъ, коихъ угодно будетъ Его Императорскому Величеству въ него призвать.

36. Государственный Совѣтъ раздѣляется на общее собраніе совѣта и на Правительный Совѣтъ или Комитетъ Министровъ.

А. *Правительный совѣтъ.*

37. Правительный Совѣтъ подъ предсѣдательствомъ Государя состоитъ изъ министровъ-начальниковъ управленій и другихъ особъ призванныхъ въ него по волѣ Государя.

38. Члены Правительнаго Совѣта имѣютъ голоса совѣщательные. Одинъ Государь рѣшаетъ. Его Величество можетъ сіе право ввѣрить въ совокупности или въ частяхъ намѣстнику въ Правительномъ Совѣтѣ или кому заблагоразсудитъ. Сей обязанъ рѣшить въ совѣтѣ согласно съ уставными правилами государства и законами.

39. Правительный Государственный Совѣтъ или Комиметъ Министровъ имѣетъ право уничтожить постановленія изданныя намѣстниками въ намѣстническомъ совѣтѣ, когда они противны законамъ, учре-

жденіямъ, указамъ, повелѣніямъ и рескриптамъ на имя ихъ писаннымъ или имъ даннымъ. Въ подобныхъ сему случаяхъ онъ уничтожаетъ также постановленія и опредѣленія нижнихъ присутственныхъ мѣстъ, когда упущеніемъ посреднихъ начальствъ того не учинено.

40. Если сіи постановленія и опредѣленія нарушаютъ общественную безопасность или общественное спокойствіе, то за исключеніемъ однихъ намѣстниковъ, Комитетъ Министровъ вправѣ удалять по управительной части всякаго рода чиновниковъ, съ обязанностію неотлагательно доносить о томъ Государю и входить съ представленіемъ въ общее собраніе Государственнаго Совѣта, буде удаленіе отъ должности относится до чиновниковъ, коихъ преданіе суду подлежитъ его вѣдомству.

41. Если по случаю упомянутому въ предыдущей статьѣ слѣдовало бы удалить намѣстника, то комитетъ министровъ доноситъ о томъ Государю и входитъ съ представленіемъ съ Сенатъ, до коего принадлежитъ преданіе суду намѣстниковъ, какъ о томъ ниже въ ст. 145 сказано будетъ.

Б. *Общее собраніе Государственнаго Совѣта.*

42. Общее собраніе Государственнаго Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Государя, намѣстника его или другого уполномоченнаго Его Величествомъ, или подъ предсѣдательствомъ старшаго изъ членовъ, составляется какъ означено въ ст. 35.

Дѣла вѣдѣнію Государственнаго Совѣта подлежащія, за исключеніемъ тѣхъ, которыя возложены на него по образованію, учрежденному 1809 года, суть слѣдующія:

1) Разсматривать и составлять проекты законовъ или уставовъ и учрежденій, относящихся до общаго управленія имперіи.

2) Разрѣшать споры, произойти могущіе отъ присвоенія какою-либо властію непринадлежащаго себѣ вѣдомства или столкновенія вѣдомствъ.

3) Опредѣлять преданіе суду по предложенію Правительнаго Совѣта или Комитета Министровъ, чиновниковъ управленія, по назначенію Его Императорскаго Величества опредѣляемыхъ, за злоупотребленіе въ отправленіи ихъ должностей и въ случаяхъ подвергающихъ ихъ отвѣтственности, за исключеніемъ тѣхъ чиновниковъ, коихъ преданіе суду предоставлено Сенату или намѣстническимъ совѣтамъ (ст. 60).

4) Ежегодно разсматривать и повѣрять отчеты поданные каждымъ главнымъ начальствомъ управленія.

5) Дѣлать замѣчанія на всѣ существующія или вкрадывающіяся злоупотребленія въ управленіи; равно какъ и на всѣ нарушенія государственной Уставной Грамоты и законовъ, и составлять изъ нихъ общій

докладъ для поднесенія Его Императорскому Величеству. Принятіе мѣръ вслѣдствіе доклада и распредѣленіе предметовъ, смотря по существу ихъ, для препровожденія въ сеймъ, въ Сенатъ или къ другимъ властямъ, будетъ зависѣть отъ благоусмотрѣнія Его Величества.

43. Общее собраніе Государственнаго Совѣта занимается также разсужденіями о предметахъ вообще, поступающихъ въ оное по волѣ Государя Императора или по предложенію одного изъ министровъ, на основаніи существующихъ общихъ и частныхъ учрежденій министровъ.

44. Опредѣленія Государственнаго Совѣта подносятся на утвержденіе Государя или особы, имъ уполномоченной. Изъ сего исключаются опредѣленія, относящіяся до преданія суду (ст. 42, пунктъ 3) чиновниковъ и столкновенія вѣдомствъ (ст. 42, пунктъ 2), по коимъ исполняется непосредственно.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

О министерствахъ или главныхъ управленіяхъ.

45. Исполненіе законовъ возложено, согласно общему учрежденію министерствъ, изданному 25 Іюня 1811 года на нижеслѣдующія министерства или главныя управленія:

1) На главное управленіе духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

2) На главное управленіе военное.

3) На главное управленіе морское.

4) На главное управленіе юстиціи.

5) На главное управленіе финансовъ и государственнаго казначейства.

6) На главное управленіе ревизіи государственныхъ счетовъ.

7) На главное управленіе внутреннихъ дѣлъ.

8) На главное управленіе полиціи.

9) На главное управленіе путей сообщенія.

10) На министерство иностранныхъ дѣлъ.

Каждое изъ сихъ главныхъ управленій, съ составляющими оное департаментами, состоитъ подъ начальствомъ и предсѣдательствомъ министра или главноуправляющаго.

46. Министры, начальники управленій, директоры департаментовъ и правители дѣлъ, подлежатъ отвѣтственности за всякое нарушеніе Уставной Грамоты, законовъ, равно какъ указовъ и повелѣній отъ Государя Императора послѣдовавшихъ, и буде бы оказались въ томъ виновными, то предаются верховному государственному суду.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

О намѣстникахъ и совѣтахъ намѣстничествъ.

47. Въ каждой области, устроенной по образу намѣстничествъ, имѣетъ быть постановленъ намѣстникъ и учрежденъ совѣтъ намѣстничества, присутствующіе въ назначенномъ мѣстопребываніи.

48. Намѣстникъ, совокупно съ совѣтомъ, на основаніи предписаннаго порядка, печется о благосостояніи ввѣренныхъ ему губерній и блюдетъ за точнымъ исполненіемъ законовъ и повелѣній высшаго начальства по всѣмъ частямъ управленія.

49. Совѣтъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ намѣстника и раздѣляется на правительный совѣтъ и общее собраніе.

А. *Правительный Совѣтъ.*

50. Правительный совѣтъ составляется изъ намѣстника, опредѣленнаго числа членовъ и всѣхъ другихъ лицъ, по высочайшей волѣ въ него призванныхъ. Сверхъ того при немъ находится еще членъ-правитель дѣлъ.

51. Члены правительнаго совѣта, въ качествѣ начальниковъ отдѣленій по совѣту намѣстничествъ и въ видѣ отряженныхъ чиновниковъ отъ каждаго министерства или главнаго государственнаго управленія, завѣдываютъ по губерніямъ, составляющимъ область намѣстничества, на основаніи особенныхъ учрежденій, всѣми дѣлами, до ввѣренной имъ части касающихся.

52. Члены совѣта имѣютъ голоса совѣщательные. Рѣшитъ дѣло намѣстникъ. Онъ обязанъ рѣшить въ совѣтѣ сообразно съ уставными правилами государства, законами и въ мѣрѣ даннаго ему полномочія.

53. Каждый членъ совѣта, завѣдывающій какою-либо частію, долженъ скрѣплять всѣ рѣшенія и постановленія намѣстника по своей части. Буде бы несогласенъ былъ съ его рѣшеніемъ, то въ такомъ случаѣ имѣетъ право записать свое мнѣніе въ протоколъ, и тогда отстраняется отъ всякой отвѣтственности.

54. Намѣстникъ въ совѣтѣ имѣетъ право, по управительной части, уничтожить всѣ рѣшенія и опредѣленія губернскихъ начальствъ, когда они окажутся противны законамъ, учрежденіямъ, указамъ и предписаніямъ высшей власти. Буде бы сіи рѣшенія угрожали общественной безопасности, общественному спокойствію или заключали въ себѣ явныя злоупотребленія, то намѣстникъ въ совѣтѣ имѣетъ право самъ отрѣшать и предавать суду виновныхъ чиновниковъ по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, за исключеніемъ губернаторовъ, вице-губернаторовъ,

членовъ губернскаго правленія и казенныхъ палатъ, и другихъ лицъ особенному вѣдомству подлежащихъ, о коихъ представляетъ Комитету Министровъ.

55. Опредѣленія и постановленія намѣстниковъ тогда только становятся обязательными, когда послѣдуютъ изъ совѣта и за скрѣпою того изъ членовъ, до коего тотъ предметъ относится, или другого, на мѣсто его призваннаго.

56. Буде бы не послѣдовало высочайшаго повелѣнія о продолженіи власти намѣстника, то въ присутствіи Государя Императора власть его пресѣкается. Въ семъ случаѣ Государь Императоръ занимается дѣлами по своему благоусмотрѣнію съ каждымъ начальникомъ отдѣленія особенно или въ правительственномъ совѣтѣ.

57. Въ случаѣ смерти намѣстника Государь Императоръ, до назначенія другого, замѣщаетъ его временнымъ предсѣдателемъ.

Б. *Общее собраніе совѣта намѣстничества.*

58. Общее собраніе совѣта намѣстничества состоитъ изъ членовъ, означенныхъ выше въ ст. 50, и изъ членовъ, выбранныхъ въ разныхъ губерніяхъ, лежащихъ въ области намѣстничества и по представленіямъ Комитета Министровъ Государемъ Императоромъ утвержденныхъ.

59. Общее собраніе совѣта намѣстничества имѣетъ свои непремѣнныя засѣданія только при выборахъ и при созваніи сеймовъ. Въ прочее время они собираются по повелѣнію Государя и востребованію намѣстника. Общее собраніе разсуждаетъ вообще о всѣхъ предметахъ, до управленія намѣстничествъ касающихся, и по высочайшей волѣ Государя Императора или по предложеніямъ Комитета Министровъ и намѣстника въ него вносимымъ; въ особенности же о раскладкѣ и взиманіи податей, установленіи земскихъ повинностей, сбереженіи государственныхъ расходовъ по области намѣстничества, умноженіи съ оной доходовъ, распространеніи земледѣлія, промышленности и торговли и тому подобномъ.

60. Сверхъ сего къ непремѣнной обязанности онаго принадлежитъ:

1) Разсматривать и обрабатывать всѣ проекты частныхъ законовъ и учрежденій, относящихся къ области каждаго намѣстника.

2) Въ особенности же опредѣлять по представленіямъ правительственнаго совѣта преданіе суду чиновниковъ управленія за злоупотребленія по ихъ должности и въ другихъ случаяхъ, подвергающихъ ихъ отвѣтственности. Изъ сего исключаются тѣ чиновники, коихъ преданіе суду зависитъ отъ Сената и Государственнаго Совѣта.

3) Разсматривать и повѣрять ежегодно отчеты представляемые въ концѣ года каждымъ управляющимъ членомъ по своей части и состав-

лять изъ частныхъ вѣдомостей одну общую по всѣмъ ввѣреннымъ совѣту намѣстничества губерніямъ, для доставленія оной чрезъ намѣстника въ Комитетъ Министровъ.

4) Дѣлать замѣчанія на подаваемые отчеты и на всѣ существующія или вкрадывающіяся въ управленіе злоупотребленія, равно какъ и на всѣ испытываемыя нарушенія государственной Уставной Грамоты и законовъ, составляя изъ всего онаго общій всеподданнѣйшій докладъ для представленія онаго Государю Императору чрезъ посредство намѣстника и Государственнаго Совѣта.

61. Всѣ рѣшенія общаго собранія совѣта намѣстничества представляются на утвержденіе намѣстника, за исключеніемъ однихъ рѣшеній о преданіи суду, которые исполняются непосредственно.

62. Отъ каждаго намѣстническаго совѣта будетъ находиться въ столицѣ при правительствѣ докладчикъ или статсъ-секретарь того намѣстничества; должность и образъ сношеній его опредѣлены будутъ особеннымъ постановленіемъ.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

О губернскомъ начальствѣ.

63. Законъ постановляетъ за неизмѣнное и непоколебимое правило: чтобы управительная и судебная части были раздѣлены, и дѣйствія оныхъ, яко несовмѣстныя, ни въ какомъ случаѣ не сливались. Вслѣдствіе чего частные уставы, въ отмѣну 97 статьи главы V Учрежденія о губерніяхъ, съ точностію опредѣлятъ, въ какія судебныя мѣста должны поступить тѣ спорныя дѣла, кои по основаніи вышесказанной статьи подлежали до сего времени вѣдѣнію Губернскаго Правленія.

64. Изъ сего общаго правила изъемлются: 1) Судебныя полиціи, возложенныя на городскія полицейскія управы и уѣздныя правительства (нижніе земскіе суды), въ обязанность коихъ входитъ изслѣдованіе преступленій, содѣянныхъ на мѣстахъ, вѣдомству ихъ подлежащихъ, и представленіе виновныхъ куда слѣдуетъ къ суду. 2) Обыкновенная градская и сельская полиція.

65. Губернское начальство подъ предсѣдательствомъ гражданскаго губернатора составляется изъ вице-губернатора и извѣстнаго числа членовъ, управляющихъ особенными экспедиціями.

66. Для скорѣйшаго движенія дѣлъ и успѣшнѣйшаго исполненія, губернское начальство раздѣляется на два главныя отдѣленія: на управительное и казенное. Первое подъ предсѣдательствомъ гражданскаго губернатора заключается въ Губернскомъ Правленіи, а второе подъ предсѣдательствомъ вице-губернатора въ Казенной Палатѣ.

67. Каждое изъ сихъ отдѣленій раздѣляется на извѣстное число экспедицій, коихъ начальники составляютъ членовъ каждаго отдѣленія.

68. Особенныя учрежденія опредѣлятъ въ подробности какимъ даламъ оканчиваться по экспедиціямъ и отдѣленіямъ и какимъ, по важности своей, поступать въ общее собраніе всего губернскаго начальства. Общее собраніе составляется чрезъ соединеніе обоихъ отдѣленій и находится подъ предсѣдательствомъ гражданскаго губернатора, а въ отсутствіи его, заступающаго его мѣсто вице-губернатора.

69. Общее собраніе имѣетъ право уничтожать всѣ рѣшенія и опредѣленія нижнихъ мѣстъ по части управительной, буде усмотритъ, что они противны законамъ, учрежденіямъ, уставамъ, указамъ и предписаніямъ на имя ихъ даннымъ. Ежели бы сими опредѣленіями нарушалось спокойствіе и общая безопасность, то въ такомъ случаѣ правитель губерніи доноситъ о томъ намѣстнику въ правительномъ совѣтѣ и предлагаетъ о удаленіи отъ должности чиновниковъ, оказавшихся въ томъ виновными.

70. Члены губернскаго начальства какъ по отдѣленіямъ, такъ и въ общемъ онаго собраніи, имѣютъ голоса совѣщательные. Одинъ предсѣдатель рѣшитъ. Рѣшенія его должны быть основаны на правилахъ Государственной Уставной Грамоты и законахъ и ничего противнаго онымъ въ себѣ не заключать.

71. Каждый членъ, управляющій экспедиціею, обязанъ скрѣплять послѣдовавшія какъ по отдѣленію, такъ и по общему собранію по части его рѣшенія. Ежели бы который изъ нихъ былъ не согласенъ съ симъ рѣшеніемъ, то долженъ записать мнѣніе свое въ протоколъ, чѣмъ и устраняется отъ всякой отвѣтственности.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

О уѣздныхъ, окружныхъ и городскихъ начальствахъ.

72. Всякій уѣздъ имѣетъ свое уѣздное начальство. Онъ состоитъ въ земскомъ уѣздномъ правленіи (нижній земскій судъ) и составляется подъ предсѣдательствомъ земскаго уѣзднаго исправника, изъ извѣстнаго числа засѣдателей, которое, смотря по обширности уѣзда, можетъ быть увеличиваемо.

73. Земское уѣздное правленіе, равно какъ и предсѣдательствующій въ ономъ земскій уѣздный исправникъ, поступаютъ по данному имъ наказу. Они подчинены правителю губерніи и губернскому начальству и исполняютъ въ точности всѣ получаемыя отъ нихъ предписанія.

74. Каждый уѣздъ, смотря по своей обширности и народонаселенію, раздѣляется на нѣсколько округовъ, которые подвѣдомы окружному

начальству. Оно состоитъ въ окружномъ исправникѣ или ключъ-войтѣ и его помощникѣ, и имѣетъ при себѣ нѣсколько сотниковъ и десятскихъ, отряжаемыхъ на опредѣленное время отъ селеній, къ составу каждаго округа принадлежащихъ.

75. Окружное начальство есть среднее мѣсто между уѣзднымъ начальствомъ и каждымъ селеніемъ своего округа. Оно доставляетъ посредствомъ сотниковъ и десятскихъ въ каждое селеніе прикащикамъ, старостамъ, сельскимъ начальникамъ выборнымъ и всякаго другого наименованія, составляющимъ послѣднее звѣно управительной власти, всѣ повелѣнія и предписанія, имѣющія послѣдовать отъ уѣзднаго начальства, и смотритъ за строгимъ оныхъ исполненіемъ. Сверхъ сего неослабно наблюдаетъ, чтобы вездѣ въ округѣ подъ вѣдѣніемъ его состоящимъ наблюдаемъ былъ установленный порядокъ, обезпечивающій общую безопасность и тишину.

76. Каждый городъ первой и второй степени, кромѣ ратушъ или магистратовъ, имѣетъ еще свою городскую полицейскую управу. Она состоитъ подъ начальствомъ городничаго или полиціймейстера, и въ ней засѣдаютъ (на основаніи городового положенія § 34, статьи о обывателяхъ) два ратмана городовые.

77. Образъ дѣйствія сихъ нижнихъ начальствъ, равно какъ предѣлы и степень власти и отвѣтственности, частію опредѣленные уже въ существующихъ узаконеніяхъ, будутъ предметомъ особаго учрежденія, соотвѣтствующимъ изложеннымъ въ Государственной Уставной Грамотѣ правиламъ.

Глава III.

Ручательства державной власти.

78. Православная Греко-россійская вѣра будетъ навсегда господствующею вѣрою имперіи, императора и всего императорскаго дома. Она непрестанно будетъ обращать на себя особую попечительность правительства, безъ утѣсненія однакожъ свободы всѣхъ прочихъ вѣроисповѣданій. Различіе христіанскихъ вѣроисповѣданій не производитъ никакихъ различій въ правахъ гражданскихъ и политическихъ.

79. Священнослужители всѣхъ исповѣданій вообще состоятъ безъ исключенія подъ покровительствомъ и надзоромъ законовъ и правительства.

80. Законъ безъ всякаго различія покровительствуетъ равно всѣмъ гражданамъ.

81. Коренной Россійскій законъ: «Безъ суда никто да не накажется» и освященное Учрежденіемъ о губерніяхъ правило (§ 401) «что-

бы никто безъ объявленія ему вины и снятія съ него допроса, въ теченіи 3 дней по задержаніи, не лишался свободы и не содержался въ тюрьмѣ», распространяется на всѣхъ жителей вообще въ слѣдующей силѣ.

82. Никто не можетъ быть взятъ подъ стражу, обвиненъ и лишенъ свободы, какъ только въ случаяхъ закономъ опредѣленныхъ и съ соблюденіемъ закономъ предписанныхъ на сей конецъ правилъ.

83. Всякое самопроизвольное зедержаніе вмѣняется въ преступленіе, подвергающее наказанію означенному въ уголовномъ правѣ.

84. Взятому подъ стражу должно немедленно объявить причину его задержанія.

85. Каждый задержанный долженъ быть представленъ въ теченіе 3 (въ рѣдкихъ же токмо случаяхъ, въ которыхъ разысканіе потребовало бы отсрочки, не позднѣе 6 сутокъ) въ то присутственное мѣсто, до котораго онъ принадлежитъ, для снятія съ него допроса или сужденія узаконеннымъ порядкомъ. Всякое отступленіе отъ сего вмѣняется въ злоупотребленіе власти. Ежели обвиняемый оправдается при первомъ слѣдствіи, то немедленно освобождается.

86. Во всѣхъ случаяхъ закономъ неизъятыхъ обвиняемый отпускается на поруки.

87. Никто не долженъ быть наказанъ какъ въ силу закона постановленнаго и обнародованнаго до содѣланнаго преступленія и по приговору того суда, которому онъ принадлежитъ.

88. Право просить о помилованіи (vis agratiandi) предоставляется лицамъ, осужденнымъ на смертную казнь, на вѣчную и свыше 15 лѣтъ продолжиться имѣющую ссылку, заточеніе и каторжную работу.

89. Свобода тисненія обезпечивается. Законъ излагаетъ правила къ обузданію злоупотребленій.

90. Каждому Россійскому подданному вольно переселиться въ другое государство и вывезти свое имѣніе, лишь бы соблюлъ закономъ предписанныя на таковыя случаи правила.

91. Да будетъ Россійскій народъ отнынѣ навсегда имѣть народное представительство. Оно должно состоять въ государственномъ сеймѣ (государственной думѣ) составленномъ изъ Государя и двухъ палатъ. Первую, подъ именемъ высшей палаты, образуетъ Сенатъ; а вторую подъ именемъ посольской палаты, земскіе послы и депутаты окружныхъ городскихъ обществъ.

92. Государственныя должности какъ гражданскія, такъ и военныя, иначе возлагаемы быть не могутъ, какъ на Россійскихъ подданныхъ.

93. Каждый иностранецъ, предъявившій законные виды, будетъ пользоваться наравнѣ съ другими жителями государства покровительствомъ законовъ и выгодами, законами обезпеченными. Ему вольно

будетъ, на основанiи учрежденныхъ правилъ, жить въ государствѣ, выѣзжать изъ онаго, возвращаться и прiобрѣтать въ немъ недвижимыя имѣнiя.

94. Каждый иностранецъ, укорененный, при безпорочномъ поведенiи и послѣ пятилѣтняго пребыванiя, научась Россiйскому языку, можетъ допущенъ быть къ отправленiю государственныхъ должностей.

95. Одинъ Государь по собственному выбору или по представленiю Государственнаго Совѣта, можетъ въ отмѣну сего правила, допустить къ отправленiю государственныхъ должностей иностранцевъ превосходными дарованiями отличающихся.

96. Всѣ государственные чиновники по части правительственной, отрѣшаются отъ должностей тою же властiю, которая ихъ опредѣляетъ, съ соблюденiемъ закономъ предписанныхъ на таковой конецъ правилъ. Всѣ безъ исключенiя подвержены отвѣтственности въ отправленiи своихъ должностей.

97. Всякая собственность на поверхности ли земли находящаяся или въ нѣдрахъ оной сокровенная, какого бы рода ни была, въ чемъ бы ни состояла и кому бы ни принадлежала, признается священною и неприкосновенною. Никакая власть и ни подъ какимъ предметомъ посягнуть на нее не можетъ. Посягающiй на чужую собственность осуждается и наказывается какъ нарушитель общественнаго спокойствiя.

98. Правительство имѣетъ однако право по справедливомъ и предварительномъ вознагражденiи требовать отъ частнаго лица пожертвованiя его собственностiю. Законъ опредѣлитъ особенные случаи употребленiя сего права и правила имѣющiя онымъ руководствовать.

Глава IV.

О народномъ представительствѣ.

ОТДѢЛЕНIЕ I.

О государственной думѣ или сеймѣ.

99. Представительство народное образуется, какъ выше сказано (ст. 91).

100. Государственный сеймъ (государственная дума) раздѣляется на частные сеймы (думы) намѣстническихъ областей, созываемые каждые три года и на общую государственную думу или сеймъ, созываемый каждыя пять лѣтъ.

101. Законодательная власть заключается въ особѣ Государя при содѣйствiи двухъ палатъ государственнаго сейма (какъ сказано въ ст. 13).

Разрядъ I.

О частныхъ думахъ или сеймахъ намѣстническихъ областей.

102. Сеймы намѣстническихъ областей составляются изъ Государя и двухъ палатъ. Первая подъ именемъ высшей палаты образуется изъ одного департамента Сената, присутствующаго въ главномъ мѣстопребываніи намѣстническаго начальства. Вторая, подъ именемъ земской посольской палаты, составляется изъ двухъ третей избраннаго въ области намѣстничества числа пословъ и депутатовъ, Государемъ утвержденныхъ.

103. Сеймы намѣстническихъ областей разсматриваютъ проектъ общихъ законовъ во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ Государь заблагоразсудитъ повелѣть имъ оные сообщить чрезъ Государственный Совѣтъ. Они разсматриваютъ въ особенности всѣ проекты частныхъ законовъ до каждой намѣстнической области касающихся, по повелѣнію Государя чрезъ правительственный совѣтъ намѣстничества къ нимъ препровождаемыхъ. Сверхъ сего они разсуждаютъ по сообщенію же отъ имени Государя, подобно вышесказанному, о увеличеніи или уменьшеніи всякаго рода сборовъ, податей и земскихъ повинностей, о средствахъ къ уравненію раскладокъ, о составленіи частныхъ росписаній доходовъ и расходовъ намѣстническихъ областей (бюджетъ), однимъ словомъ о всемъ, чтò Государю благоугодно будетъ высочайше указать внести къ нимъ на разсужденіе.

104. Сеймы намѣстничествъ разсуждаютъ еще, какъ послѣдуетъ на то высочайшая воля, по предметамъ, содержащимся въ всеподданнѣйшихъ докладахъ общаго собранія намѣстническихъ совѣтовъ, составленныхъ на основаніи ст. 60 изъ годовыхъ отчетовъ по каждой отрасли управленія. Наконецъ, каждый намѣстническій сеймъ, изложивъ свое мнѣніе по всѣмъ симъ предметамъ, приступаетъ къ разсмотрѣнію наказовъ, земскимъ посламъ и депутатамъ отъ ихъ избирателей данныхъ и заключающихъ въ себѣ ихъ замѣчанія, представленія и прошенія, касательно всего того, чтò относится до ихъ пользы. Изъ сихъ наказовъ дѣлается самое вѣрное извлеченіе, которое препровождается въ общее собраніе намѣстническаго совѣта, а изъ онаго въ Государственный Совѣтъ, для поднесенія Государю Императору на высочайшее разрѣшеніе и принятіе тѣхъ мѣръ, къ коимъ таковыя представленія могутъ подать поводъ.

105. Проекты частныхъ законовъ, относящихся до каждой области намѣстничества, составляются въ намѣстническомъ совѣтѣ и вносятся на сеймъ по повелѣнію Государя членами означеннаго совѣта.

106. Для разсмотрѣнія и уваженія сихъ проектовъ въ сеймахъ намѣстничествъ, каждая палата назначаетъ по баламъ три комиссіи. Онѣ состоятъ въ высшей палатѣ изъ пяти голосовъ и суть слѣдующія:

1) Комиссія законодательная.

2) Комиссія управленія.

3) Комиссія финансовъ.

Каждая палата увѣдомляетъ правительный совѣтъ объ учиненномъ его выборѣ. Комиссіи находятся въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ совѣтомъ намѣстничества.

107. Проекты, предложенные именемъ Государя, по всѣмъ отмѣнамъ, какія послѣдовать могли бы вслѣдствіе замѣчаній, комиссіями учиненныхъ, исправляются токмо въ совѣтѣ намѣстничества.

108. Право читать приготовленныя рѣчи въ обѣихъ палатахъ предоставляется однимъ членамъ намѣстническаго совѣта и членамъ комиссіи каждой палаты. Всѣ прочіе члены объясняются изустно.

109. Члены совѣта во время разсужденій о проектахъ имѣютъ право присутствовать и говорить въ обѣихъ палатахъ; но тѣ изъ нихъ, которые не несутъ званія сенаторовъ, земскихъ пословъ или депутатовъ, числа голосовъ не составляютъ.

110. Общій отчетъ о составленіи всякой области намѣстничества, составленный въ каждомъ намѣстническомъ совѣтѣ, за внесеніемъ онаго предварительно въ департаментъ Сената, выслушивается въ совокупныхъ палатахъ.

111. Каждая палата поручаетъ своимъ комиссіямъ разсмотрѣть сей отчетъ. По учиненномъ разсмотрѣніи, комиссіи въ общемъ донесеніи за подписаніемъ всѣхъ членовъ ихъ, представляютъ палатамъ свои на оный замѣчанія. Каждая палата, по выслушаніи и уваженіи сихъ замѣчаній, излагаетъ мнѣніе свое касательно поданнаго отчета и подноситъ оное Государю.

112. При закрытіи сейма, палата земскихъ пословъ и депутатовъ каждаго намѣстничества приступаетъ къ выбору земскихъ пословъ и депутатовъ, имѣющихъ составить вторую палату общаго государственнаго сейма. Сей выборъ производятъ они изъ своей среды. Число избранныхъ должно соотвѣтствовать четвертой части состоящихъ налицо пословъ и депутатовъ.

113. На сей конецъ заготовляется особый протоколъ, въ который вносятся поименно алфавитнымъ порядкомъ всѣ избранные члены. Сей актъ, законнымъ образомъ составленный, отсылается намѣстнику для поднесенія онаго Государю чрезъ Комитетъ Министровъ.

Разрядъ 2.

О общемъ государственномъ сеймѣ.

114. Общій государственный сеймъ составляется изъ Государя и двухъ палатъ. Первую подъ именемъ высшей палаты образуетъ сенатскій департаментъ, присутствующій въ одной изъ двухъ столицъ, съ присовокупленіемъ къ нему единственно на время сейма и по назначенію Государя изъ двухъ департаментовъ извѣстнаго числа сенаторовъ, образовательнымъ учрежденіемъ опредѣленнаго. Вторая подъ названіемъ палаты земскихъ пословъ составляется, по назначенію Государя, изъ половиннаго числа пословъ и депутатовъ, въ каждой намѣстнической области посольскою палатою изъ среды своей избранныхъ.

115. Общій государственный сеймъ, по сообщеніи отъ имени Государя чрезъ Государственный Совѣтъ, разсматриваетъ всѣ проекты законовъ гражданскихъ, уголовныхъ и по части управительной, коихъ дѣйствіе распространяется на всю имперію. Онъ разсуждаетъ по предложеніямъ, вносимымъ по высочайшему же повелѣнію, о прибавленіи и уменьшеніи налоговъ, податей, сборовъ и всякаго рода общественныхъ повинностей, о удобнѣйшихъ и справедливѣйшихъ раскладкахъ о уравненіи налоговъ и податей по всему государству по мѣрѣ силы и возможности каждой намѣстнической области, о составленіи главнаго росписанія доходовъ и расходовъ (бюджетъ), на основаніи представленныхъ ему на разсмотрѣніе частныхъ росписаній доходовъ и расходовъ, составленныхъ въ каждой области намѣстничества; равно какъ и о всѣхъ другихъ предметахъ, на разсужденіе по волѣ Государя ему отсылаемыхъ.

116. Общій сеймъ разсуждаетъ еще по наблюденіямъ, которыя Государю благоугодно было бы повелѣть сдѣлать по предметамъ, заключающимся въ общемъ государственномъ отчетѣ, коего составленіе возложено на общее собраніе Государственнаго Совѣта въ силу ст. 42. Наконецъ, общій государственный сеймъ, изложивъ свое мнѣніе по всѣмъ симъ предметамъ, приступаетъ къ разсмотрѣнію наказовъ, земскимъ посламъ и депутатамъ отъ ихъ избирателей данныхъ и заключающихъ въ себѣ ихъ замѣчанія, представленія и прошенія, касательно всего того, чтò относится до ихъ пользы. Изъ сихъ наказовъ дѣлается самое вѣрное извлеченіе, которое препровождается въ Государственный Совѣтъ, а отъ онаго представляется Государю Императору, на высочайшее разрѣшеніе и для принятія тѣхъ мѣръ, къ коимъ таковыя представленія могли подать поводъ.

117. Проекты законовъ, составленные въ Государственномъ Совѣтѣ, вносятся на общій государственный сеймъ по повелѣнію Государя, членами означеннаго совѣта.

118. Для разсмотрѣнія и уваженія сихъ проектовъ на общемъ государственномъ сеймѣ, каждая палата назначаетъ по баламъ три комиссіи. Онѣ состоятъ въ высшей палатѣ изъ трехъ и въ посольской палатѣ изъ пяти членовъ и суть слѣдующія:

1. Комиссія законодательная.

2. Комиссія управленія.

3. Комиссія финансовъ.

Каждая палата увѣдомляетъ Государственный Совѣтъ объ учиненномъ ею выборѣ. Комиссіи находятся въ безпрестанномъ сношеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ.

119. Проекты, предложенные именемъ Государя, по всѣмъ отмѣнамъ, какія послѣдовать могли бы вслѣдствіе замѣчаній комиссіями учиненныхъ, исправляются токмо въ Государственномъ Совѣтѣ.

120. Право читать приготовленныя рѣчи въ обѣихъ палатахъ предоставляется однимъ членамъ Государственнаго Совѣта: всѣ прочіе объясняются изустно.

121. Члены Государственнаго Совѣта во время разсужденій о проектахъ законовъ имѣютъ право присутствовать и говорить въ обѣихъ палатахъ; но тѣ изъ нихъ, которые не суть сенаторами, земскими послами или депутатами, числа голосовъ не составляютъ.

122. Общій отчетъ о состояніи государства, составленный въ Государственномъ Совѣтѣ, выслушивается въ совокупныхъ палатахъ.

123. Каждая палата поручаетъ своимъ комиссіямъ разсмотрѣть сей отчетъ, который дозволяется и напечатать. Донесенія комиссій относительно содержанія отчетовъ не иначе должны быть представляемы въ палаты, какъ по единогласію и за общимъ подписаніемъ всѣхъ членовъ составляющихъ комиссіи. Каждая палата по выслушаніи и уваженіи сихъ замѣчаній излагаетъ мнѣніе свое касательно поданнаго отчета и подноситъ оное Государю.

124. Въ обѣихъ столицахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, кои не входятъ въ составъ намѣстничествъ, созываются чрезъ каждые три года столичные сеймы, дѣйствующіе на томъ основаніи какъ намѣстническіе сеймы. Сіи сеймы составляются изъ двухъ палатъ подъ предсѣдательствомъ Государя Императора или особы высочайшею довѣренностію для сего назначенной.

Первую палату подъ названіемъ верхней составляетъ сенатскій департаментъ, засѣдающій въ столицѣ.

Вторая палата подъ названіемъ посольской палаты составляется изъ двухъ третей земскихъ пословъ и депутатовъ, избранныхъ Государемъ Императоромъ изъ числа выбранныхъ столицею и въ уѣздахъ съ губерніи пословъ и депутатовъ.

125. Посольскія палаты столичныхъ сеймовъ избираютъ изъ своей среды одну четвертую часть пословъ и депутатовъ для общаго государственнаго сейма. Государь Императоръ назначаетъ изъ оныхъ половину.

Разрядъ 3.

Постановленія общія, касающіяся какъ до государственныхъ общихъ, такъ и до частныхъ сеймовъ.

126. Право созвать, распустить, отсрочить и продлить сеймы какъ обыкновенные, такъ и чрезвычайные, принадлежитъ одному Государю. Засѣданіе сеймовъ продолжается тридцать дней.

127. Сеймы должны заниматься токмо тѣми предметами, кои завѣдыванію ихъ представлены или находятся означенными въ созывной грамотѣ.

128. Никто изъ членовъ сеймовъ во время продолженія оныхъ не можетъ быть ни задержанъ, ни судимъ уголовнымъ судомъ безъ вѣдома той палаты, которой онъ принадлежитъ.

129. Отъ воли Государя зависитъ вносить проекты первоначально въ Сенатъ или въ посольскую палату. Изъ сего исключаются проекты законовъ финансовыхъ, которые имѣютъ быть предварительно вносимы въ палату земскихъ пословъ.

130 Проекты, по высочайшей волѣ вносимые на сеймъ, не почитаются ни одобренными ею, ни утвержденными; почему и предоставляется сеймамъ полная свобода на счетъ оныхъ излагать свое мнѣніе.

131. Обѣ палаты сеймовъ разсуждаютъ въ засѣданіяхъ своихъ при открытыхъ дверяхъ, т. е. въ присутствіи постороннихъ, коимъ входъ не возбраняется. По предложенію однакожъ десятой части наличныхъ членовъ, они могутъ составить изъ себя особенный комитетъ.

132. Проекты во всѣхъ сеймахъ принимаются или отвергаются большинствомъ голосовъ. Голоса объявляются вслухъ. Проекты, большинствомъ голосовъ принятые въ одной палатѣ, поступаютъ въ другую, которая, послѣдуя тѣмъ же правиламъ, разсуждаетъ и рѣшитъ. Въ случаѣ равенства голосовъ проектъ почитается принятымъ.

133. Проектъ принятый одною палатою не можетъ быть преобразованъ другою. Онъ долженъ быть просто принятъ или отвергнутъ.

134. Проектъ принятый обѣими палатами подносится на утвержденіе Государю.

135. Ежели Государь утверждаетъ его, то онъ обращается въ законъ и обнародывается по учрежденному порядку. Ежели же Государь не соблаговолитъ его утвердить, то проектъ уничтожается.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О Сенатѣ.

136. Сенатъ составляется изъ великихъ князей императорскаго дома и всѣхъ особъ, кои, удовлетворивъ требуемымъ условіямъ, возведены на сенаторское достоинство Государемъ. Званіе сенатора сохраняется по смерть.

137. Число сенаторовъ опредѣляется Государемъ. Оно не должно превосходить четвертой доли числа земскихъ пословъ и депутатовъ всего государства.

138. Сенатъ раздѣляется на нѣсколько департаментовъ, изъ коихъ одинъ присутствуетъ въ С.-Петербургѣ, а другой въ Москвѣ. Сверхъ сего назначается для каждаго намѣстничества по одному департаменту, присутствующему въ главномъ мѣстопребываніи намѣстническаго начальства.

139. На достоинство сенатора можетъ быть возведенъ токмо тотъ, который имѣетъ не менѣе 35 лѣтъ отъ роду, выдержалъ въ нижнихъ чинахъ предписанныя испытанія, отправлялъ съ похвалою должности по части военной и гражданской и получаетъ ежегоднаго дохода съ недвижимаго имѣнія, собственно ему принадлежащаго, не менѣе 1000 р. серебряною монетою. Изъ сего правила по необходимости исключаются первоначальныя назначенія, имѣющія послѣдовать въ силу сей грамоты.

140. Великіе князья императорскаго дома, по совершеніи 18 лѣтъ, засѣдаютъ въ Сенатѣ и имѣютъ голосъ.

141. Сенатъ во время сейма образуетъ высшую палату и содѣйствуетъ купно съ посольскою палатою законодательной власти Государя.

142. Каждый департаментъ Сената состоитъ подъ предсѣдательствомъ того изъ своихъ членовъ, котораго Государь на то изберетъ, въ отсутствіи же онаго подъ предсѣдательствомъ старшаго члена.

143. Независимо отъ законодательныхъ дѣйствій, Сенатъ имѣетъ еще и другія обязанности, особенно опредѣленныя.

144. Къ законодательнымъ дѣйствіямъ Сенатъ не иначе приступить можетъ, какъ по созыву отъ лица Государя и во время сейма. Для совершенія же всѣхъ прочихъ обязанностей, каждый департаментъ Сената созывается своимъ президентомъ съ вѣдома государева намѣстника.

145. Сенатскій департаментъ присутствующій въ С.-Петербургѣ, къ коему смотря по нуждѣ присоединяются и другіе сенаторы, Государемъ призванные, опредѣляетъ по предложенію Государя или по жалобамъ сеймовъ, Государемъ допущенныхъ, о преданіи суду сенаторовъ, министровъ, начальниковъ управленія, намѣстниковъ, членовъ общаго

собранія Государственнаго Совѣта и членовъ правительнаго совѣта или Комитета Министровъ, директоровъ департаментовъ, государственныхъ докладчиковъ или статсъ-секретарей, за злоупотребленіе въ отправленіи ихъ должностей и всякія дѣйствія подвергающія отвѣтственности.

146. Каждый сенатскій департаментъ окончательно рѣшитъ въ каждомъ намѣстничествѣ по всѣмъ дѣламъ, касающимся до дворянскихъ собраній и собраній окружныхъ городскихъ обществъ, вслѣдствіе чего повѣряетъ свидѣтельство о дворянствѣ, право къ засѣданію въ собраніяхъ и разрѣшаетъ всѣ затрудненія относительно сихъ предметовъ.

147. Сенаторы избранные Государемъ исправляютъ сверхъ сего по очереди должность судей въ верховныхъ судахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

О палатахъ земскихъ пословъ.

Разрядъ I.

О посольскихъ палатахъ намѣстническихъ сеймовъ.

148. Палата намѣстническаго сейма составляется по назначенію Государя изъ двухъ третей пословъ и депутатовъ, избранныхъ уѣздными дворянскими собраніями и гражданскими обществами, какъ сказано выше въ ст. 102.

149. Половинное число членовъ посольской палаты намѣстническаго сейма возобновляется при каждомъ новомъ сеймѣ. Вслѣдствіе чего и единственно на первый разъ члены выходятъ по жребію. Такимъ образомъ одна половина остается въ званіи своемъ три года, а другая шесть лѣтъ. Члены вышедшіе по жребію могутъ быть вновь избраны.

150. На послѣдующихъ сеймахъ намѣстничествъ члены выходятъ уже не по жребію, но по старшинству. Члены вышедшіе могутъ быть вторично избраны.

151. Тоже самое что̀ изображено въ предыдущихъ двухъ статьяхъ наблюдается и въ палатахъ столичныхъ сеймовъ.

Разрядъ 2.

О посольской палатѣ общаго государственнаго сейма.

152. Посольская палата общаго государственнаго сейма составляется, какъ выше сказано въ ст. 114, по назначенію Государя, изъ числа избранныхъ на сеймахъ намѣстничествъ, пословъ и депутатовъ.

153. Половинное число членовъ общаго государственнаго сейма возобновляется при каждомъ новомъ сеймѣ. Вслѣдствіе чего и единственно на первый разъ, члены выходятъ по жребію. Такимъ образомъ одна поло-

вина пословъ и депутатовъ остается въ званіи своемъ пять, а другая десять лѣтъ. Вышедшіе члены могутъ быть вновь избираемы.

154. На послѣдующихъ общихъ государственныхъ сеймахъ члены палаты выходятъ уже не по жребію, а по старшинству.

Разрядъ 3.

Распоряженія общія всѣмъ посольскимъ палатамъ.

155. Въ члены посольской палаты можетъ быть избранъ токмо тотъ, которому исполнилось уже 30 лѣтъ, кто пользуется правами гражданина и платитъ поземельныя и всякія другія подати не менѣе той суммы, которая во всякой намѣстнической области будетъ для сего опредѣлена, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ и народонаселенію.

156. Никакой чиновникъ ни военный, ни гражданскій не можетъ быть избираемъ въ члены посольской палаты, не получивъ предварительнаго на то согласія отъ своего начальства.

157. Если кто изъ пословъ и депутатовъ до избранія своего не находился при должности на казенномъ жалованьѣ и приметъ оную уже по избраніи, то таковой долженъ быть замѣщенъ новымъ членомъ.

158. Государь или вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія его намѣстникъ имѣетъ право распустить посольскія палаты. Въ такомъ случаѣ палаты расходятся и по послѣдовавшимъ созывамъ приступаютъ къ новымъ выборамъ.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

О дворянскихъ собраніяхъ или сеймахъ.

159. Дворяне каждаго уѣзда, владѣющіе собственными недвижимыми имѣніями, составляютъ между собою дворянскія собранія, на которыхъ избираютъ трехъ земскихъ пословъ. Послѣ чего приступаютъ къ другимъ выборамъ, особенными учрежденіями имъ представленнымъ.

160. Дворянскія собранія не иначе съѣзжаться могутъ какъ въ силу созыва, по высочайшей волѣ послѣдовавшаго. Въ семъ созывѣ означается день съѣзда, время продолженія собранія и предметъ его занятій.

161. Никто изъ дворянъ не можетъ имѣть голоса въ дворянскомъ собраніи, буде не записанъ въ дворянскую книгу своего уѣзда, не пользуется правами гражданина, не достигъ 25 лѣтъ и не владѣетъ недвижимымъ имѣніемъ.

162. Книга уѣздныхъ дворянъ составляется по учрежденному и впредь учедиться имѣющемуся порядку и вносится на разсмотрѣніе и утвержденіе сенатскаго департамента, присутствующаго въ мѣстопребываніи намѣстническаго начальства.

163. Дворянскія собранія или сеймики составляютъ изъ среды своей особенный комитетъ для сочиненія наказа, заключающаго въ себѣ

жалобы, ежели бы встрѣтиться могли, на злоупотребленіе власти, съ присовокупленіемъ ясныхъ оному доводовъ и представленій о всемъ, что̀ къ увеличенію благосостоянія всѣхъ жителей того уѣзда служить можетъ. Сей наказъ подписывается членами собранія, вкладывается въ пакетъ за разными печатьми, написывается на имя сейма намѣстничества и вручается избраннымъ земскимъ посламъ. Они въ полномъ присутствіи отдаютъ его предводителю сейма, который въ полученіи росписывается и за цѣлость онаго отвѣчаетъ. Подлинники тѣхъ наказовъ сохраняются при дѣлахъ дворянскаго собранія.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

О собраніи окружныхъ городскихъ обществъ.

165. Градскія общества, которыя въ силу городового положенія собираются каждые три года для учиненія выборовъ и представленія губернатору о своихъ нуждахъ и пользахъ, имѣютъ составить окружное градское общество на основаніи какъ нижеслѣдующихъ статей, такъ и образовательнаго учрежденія, для выбора отъ окружнаго общества трехъ депутатовъ на сеймъ.

166. Къ выбору депутатовъ отъ окружного градскаго общества допускаются: 1) Настоящіе обыватели города, имѣющіе въ немъ дома или иныя строенія, мѣсто или земли, равно какъ и обыватели не изъ дворянъ, жительствующіе внѣ города, но въ томъ же уѣздѣ къ которому городъ принадлежитъ, и имѣющіе въ семъ уѣздѣ домъ или другую недвижимую собственность. 2) Всѣ состоянія извѣстныя подъ именемъ именитыхъ гражданъ, какъ то: ученые, имѣющіе академическія или университетскія аттестаты, художники трехъ главныхъ художествъ, архитектуры, скульптуры и живописи, банкиры, капиталисты и кораблехозяева. 3) Купцы первыхъ двухъ гильдій и 4) цеховые мастера.

167. Всѣ Евреи, не исключая и тѣхъ, кои записаны въ гильдіи или имѣютъ недвижимую собственность, участія въ собраніяхъ окружныхъ градскихъ обществъ не имѣютъ.

168. Въ городахъ, въ коихъ числится болѣе 8000 жителей, исключая столицъ, составляются для выбора депутатовъ на сеймъ собранія градскаго общества въ каждой части города, къ которымъ допускаются обыватели всѣхъ означенныхъ въ ст. 166 состояній, жительствующіе въ той части города. Въ сихъ частныхъ собраніяхъ выбираются три гласные назначаемые въ общее градское собраніе. Общее собраніе, составленное изъ всѣхъ гласныхъ, выбранныхъ въ собраніяхъ, по городскимъ частямъ производившихся, приступитъ къ выбору трехъ депутатовъ на сеймъ. За симъ совершаются отъ онаго всѣ прочія дѣлопроизводства, въ силу особенныхъ постановленій, ему предоставленныхъ.

169. Въ городахъ, въ которыхъ числится не болѣе 8000 жителей и менѣе сего, градское общество приступаетъ безъ посредства гласныхъ къ выбору трехъ депутатовъ на сеймъ, на основаніи ст. 166.

170. Въ столицахъ же въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, составляется собраніе градскаго окружного общества по частямъ, и отъ каждой городской части назначается по одному депутату на сеймъ.

171. Въ собраніи градскаго общества имѣетъ голосъ токмо тотъ, кто записанъ въ градскую обывательскую книгу, пользуется гражданскими правами и имѣетъ не менѣе 25 лѣтъ отъ роду.

172. Книга обывательская, содержащая имена лицъ, имѣющихъ право подавать голосъ въ собраніяхъ городского окружного общества, составляется учрежденнымъ порядкомъ въ городскихъ думахъ или магистратахъ и представляется въ сенатскій департаментъ на утвержденіе.

173. Въ окружныхъ городскихъ собраніяхъ предсѣдательствуетъ городской окружный голова, назначенный отъ Государя Императора или отъ того начальства, которому сіе назначеніе высочайшею волею поручено будетъ

174. Окружныя городскія общества составляютъ изъ среды своей особенные комитеты для сочиненія наказовъ, заключающихъ въ себѣ, ежели бы встрѣтиться могло, жалобы на отягощеніе и злоупотребленіе власти, основанныя на ясныхъ доказательствахъ, и представленія о пользахъ и нуждахъ всѣхъ состояній окружнаго градскаго общества. Сіи наказы вручаются депутатамъ запечатанные, а отъ нихъ представляются какъ сказано въ ст. 164 о сеймахъ или дворянскихъ собраніяхъ.

Глава V.

О судебной власти.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О судахъ вообще.

175. Суды и лица носящія званіе судей, въ отправленіи обязанности на нихъ возложенной, дѣйствуютъ по законамъ и независимо ни отъ какой власти.

176. Но поелику дѣйствіе судовъ должно быть основано на точной силѣ законовъ, то всякое отступленіе отъ словъ закона и самопроизвольное толкованіе оныхъ, равно какъ и каждое злоупотребленіе судейской власти и выступленіе изъ предѣловъ ей предписанныхъ, подвергаютъ отвѣтственности и взысканіямъ.

177. Суды составляются изъ судей, опредѣленныхъ Государемъ, согласно съ предписанными правилами о испытаніи, и изъ судей выбранныхъ, согласно съ существующими по сему предмету особенными постановленіями.

178. Судья не иначе отъ должности отрѣшается, какъ за противузаконный поступокъ и вслѣдствіе производившагося надъ нимъ законнымъ порядкомъ суда. Случаи удаленія отъ должности будутъ опредѣлены въ учрежденіи о судахъ.

179. Наблюденіе за точнымъ исполненіемъ должности, равно какъ и отвращеніе всѣхъ злоупотребленій по судебнымъ мѣстамъ, подлежитъ вѣдомству верховныхъ судовъ и министерства юстиціи.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О верховныхъ судахъ.

Разрядъ I.

О верховномъ государственномъ судѣ.

180. Учреждается верховный государственный судъ, составленный изъ предсѣдателя, сенаторовъ и другихъ особъ, засѣдающихъ въономъ по назначенію Государя Императора.

181. При семъ верховномъ государственномъ судѣ опредѣляется генералъ-прокуроръ, въ качествѣ государственнаго преслѣдователя за преступленія.

182. Вѣдомству верховнаго государственнаго суда подлежатъ изслѣдованіе и наказаніе за всѣ преступленія въ оскорбленіи величества, за преступленія противу государства и всѣ противузаконные поступки высшихъ чиновниковъ, коихъ предавіе суду зависитъ отъ Сената, въ силу ст. 145, и отъ общаго собранія Государственнаго Совѣта, въ силу ст. 42.

183. Верховный государственный судъ имѣетъ присутствовать въ столичномъ городѣ С.-Петербургѣ, буде не послѣдуетъ высочайшаго повелѣнія созвать его въ другомъ мѣстѣ.

184. Приговоры верховнаго государственнаго суда суть окончательные, но исполненіе по нимъ не чинится безъ высочайшаго утвержденія.

Разрядъ 2.

О верховномъ судѣ намѣстнической области.

185. Въ каждомъ намѣстничествѣ, въ мѣстѣ пребыванія намѣстническаго совѣта, учреждается верховный судъ намѣстнической области. Оный составляется изъ извѣстнаго числа сенаторовъ назначенныхъ Государемъ для засѣданія въ ономъ по очереди, и изъ непремѣнныхъ судей, поступающихъ въ оный изъ предсѣдателей апелляціонныхъ судовъ.

186. Вѣдомству верховнаго суда подлежатъ всѣ судебныя дѣла гражданскія, уголовныя и слѣдственныя, переносимыя въ оный изъ гражданскихъ и уголовныхъ палатъ и другихъ низшихъ судебныхъ мѣстъ намѣстнической области, за исключеніемъ тѣхъ дѣлъ, кои подлежатъ разбирательству верховнаго государственнаго суда.

187. Рѣшенія и приговоры верховнаго суда намѣстнической области окончательны, исключая въ дѣлахъ, касающихся преступленій противъ императорскаго величества и государства, которые отсылаются на разсмотрѣніе въ верховный государственный судъ.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Объ апелляціонныхъ и низшихъ судахъ.

188. Апелляціонные суды по дѣлахъ уголовнымъ и гражданскимъ (палата уголовныхъ дѣлъ и палата гражданскихъ дѣлъ и надворные суды въ столицахъ); суды первой инстанціи по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ (уѣздные суды и городовые магистраты); коммерческіе, совѣстные и мировые суды, равно какъ и другіе суды, въ коихъ окажется надобность, будутъ устроены особыми постановленіями сообразно съ Государственною Уставною Грамотою.

ГЛАВА VI.

Общія постановленія.

189. Дополнительныя объясненія къ Государственной Уставной Грамотѣ, къ законнымъ основаніяхъ въ ней содержащимся, изложены будутъ въ образовательныхъ учрежденіяхъ и въ частныхъ установленіяхъ.

190. Послѣдующіе указы назначатъ губерніи и области, которыя имѣютъ быть соединены въ намѣстничества и пользоваться политическими правами, въ народномъ прадставительствѣ заключающимися.

191. Всѣ прежніе законы, указы и уставы, противные сей грамотѣ, отмѣняются.

Убѣдившись въ совѣсти, что вышеизложенныя коренныя постановленія соотвѣтствуютъ отеческимъ нашимъ желаніямъ утвердить благосостояніе и спокойствіе любезныхъ нашихъ вѣрноподданныхъ, основать неприкосновенность ихъ лицъ и собственности и охранить ненарушимость ихъ правъ гражданскихъ и политическихъ, мы жалуемъ имъ сію Уставную Грамоту, которую признаемъ за себя и преемникомъ нашимъ кореннымъ и уставнымъ закономъ нашего государства, предоставляя себѣ оную дополнять. Повелѣваемъ всѣмъ государственнымъ властямъ содѣйствовать ея исполненію.

ПИСЬМО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА КЪ АРХІЕПИСКОПУ МОСКОВСКОМУ АВГУСТИНУ

по случаю рожденія Великаго Князя Александра Николаевича *).

1818.

Со страхомъ свойственнымъ человѣку слабому и съ надеждою непокидающею человѣка вѣрующаго, видѣлъ я приближеніе рѣшительнѣйшей минуты въ моей жизни. Не зная, что̀ опредѣлило мнѣ Провидѣніе, радость или горесть, я подкрѣпилъ душу мою обѣщаніемъ и ожидалъ съ покорностью воли Божіей. Ему угодно было благословить меня счастіемъ отца; Онъ сохранилъ и мать и младенца. Изъявленіе благодарности не нужно Тому, Кто читаетъ въ глубинѣ души; но оно необходимо душѣ благодарной. Обѣщаніе мое, которое спѣшу исполнить, состояло въ томъ, чтобы во имя Александра Невскаго воздвигнуть придѣлъ въ церкви Новаго Іерусалима: это смиренное приношеніе счастливаго отца, повѣряющаго Отцу Всемогущему свое драгоцѣнное благо —участь жены и сына. Васъ, преосвященнѣйшій владыко, прошу быть мнѣ помощникомъ и руководцемъ во исполненіи сего обѣта, священнаго моему сердцу. Пускай предъ алтаремъ, воздвигнутымъ благодарностію отца, приносятся молитвы и о матери и сынѣ, да продлитъ Всемогущій ихъ жизнь для собственнаго ихъ счастія, на службу Государю, на честь и пользу Отечеству. Прося благословенія вашего и имъ и себѣ, пребываю и пр. Николай.

(Изъ приложеній къ книгѣ И. М. Снѣгирева о жизни архіепископа Августина).

---

*) Рожденіемъ этимъ утверждалась династія, такъ какъ у императора Александра Павловича дѣтей не было, бездѣтный цесаревичъ Константинъ Павловичъ находился въ разводѣ съ супругою, а великій князь Михаилъ Павловичъ еще не былъ женатъ. П. Б.

ПИСЬМО ГРАФА М. С. ВОРОНЦОВА КЪ (ГРАФУ) Д. Н. БЛУДОВУ *)

Odessa, le 4 Déc. 1823.

J'ai reçu ces jours-ci votre lettre, cher Дмитрій Николаевичъ, dans laquelle vous me parlez de mon silence envers vous; mais deux lettres de moi du 6 et du 13 Novembre, que vous aurez reçu après, vous auront répondu d'avance. J'ai cependant plusieurs points à traiter avec vous, pour lesquels il me faut un peu de loisir. Dans ce moment les affaires de Crimée m'occupent entiérement. Cependant je vous envoie aujourd' hui sur la Bessarabie un papier important: c'est le projet pour introduire l'argent ordinaire, c. a. d. nos assignats au lieu de monnaie turque. J'espère que vous en sercz content.

Si la couronne a l'air d'y perdre, c'est en apparence seulement, mais elle gagnera en facilité de prévaloir les impots et dans le très grand avantage, qu'en retireront les habitants.

Comme il faut après une pièce serieuse avoir une farce, et que d'ailleurs je tiens à ce que vous connaissiez tous les détails de ce cher pays, je vous envoie pour vous, même aussi un rapport que j'ai eu d'une commission d'enquête sur les faits et gestes de l'ispravnik de Хотинъ, lequel, malgré tout cela, est encore peut-être le moins mauvais de la province.

Ce sont les habitudes du pays, et ce sont ces habitudes, ces moeurs, ces coutumes que le c. Capodistrias et m. de Stourdza ont si généreusement voulu leurs conserver à tout jamais comme lois fondamentales

Tout à Vous M. Woronzoff.

---

*) Присоединенная къ Россіи по Бухарестскому миру съ Турціею Бессарабская область долго оставалась въ вѣдѣніе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; въ немъ служилъ тогда (графъ) Д. Н. Блудовъ, передъ тѣмъ бывшій секретаремъ посольства въ Лондонѣ, гдѣ и познакомился съ графомъ Воронцовымъ, въ управленіе котораго въ этомъ году отошла Бессарабія. Смотри Записки Ф. Ф. Вигеля. П. Б.

Переводъ.

Дорогой Дмитрій Николаевичъ. На дняхъ получилъ я ваше письмо, въ которомъ вы говорите о моемъ молчаніи, но два моихъ письма, отъ 6-го и 13-го Ноября, которыя вы должны были получить позднѣе, служили отвѣтомъ вамъ на это заранѣе. Между тѣмъ мнѣ слѣдуетъ обсудить съ вами нѣсколько вопросовъ, для чего нуженъ нѣкоторый досугъ. Въ настоящее время меня всецѣло занимаютъ Крымскія дѣла. Тѣмъ не менѣе посылаю вамъ сегодня важную бумагу, касающуюся Бессарабіи. Это проектъ введенія въ обращеніе простыхъ денегъ, т. е. нашихъ ассигнацій вмѣсто Турецкихъ монетъ; надѣюсь, вы будете этимъ довольны.

Если и кажется, будто государство теряетъ отъ этого, то только по внѣшности; на дѣлѣ же оно выиграетъ въ облегченіи сбора податей и въ очень крупной пользѣ, которую изъ этого извлекутъ мѣстные жители.

Такъ какъ послѣ серьезной пьесы нуженъ фарсъ и такъ какъ я хочу, чтобъ вы знали всѣ подробности объ этой дорогой странѣ, посылаю еще для васъ лично докладъ, поданный мнѣ комиссіей по разслѣдованію жизни и поступковъ исправника Хотина, который, несмотря на все это, пожалуй, самый не дурной человѣкъ въ этой области.

Таковы обычаи страны, и эти-то обычаи, нравы и привычки графъ Каподистрія и Струдза такъ великодушно хотѣли имъ сохранить навсегда, какъ основной законъ. Весь вашъ М. Воронцовъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ПРОТОІЕРЕЯ П. Н. МЫСЛОВСКАГО.

Уроженецъ города Валдая, протоіерей Петръ Николаевичъ Мысловскій (род. 11 Іюня 1778, ум. 6 Марта 1846 г.), будучи придворнымъ дьякономъ, поднесъ императору Александру Павловичу свою оду на восшествіе его на престолъ и „по высочайшей волѣ“ рукоположенъ во іерея къ Казанскому собору, въ 1811 году опредѣленъ „увѣщателемъ подсудимыхъ при С.-Петербургскомъ ордонансъ-гаузѣ“, а послѣ событія 14 Декабря 1825 года употребленъ по дѣламъ комиссіи для изысканія о злоумышленныхъ обществахъ. Онъ составилъ записки объ этой своей дѣятельности, въ которыхъ изображено „каждое изъ преступниковъ лицо порознь со стороны нравственной и физической“. Къ сожалѣнію эти записки не появлялись до сихъ поръ въ свѣтъ, и сохранились ли они, мы не знаемъ; но онъ говоритъ о нихъ въ своей записной книжкѣ, которая напечатана въ 4-мъ выпускѣ „Щукинскаго Сборника“. Оттуда приводимъ здѣсь нижеслѣдующую выдержку. П. Б.

Полковникъ Пестель, сынъ Сибирскаго военнаго генералъ-губернатора, управлявшаго Сибирскимъ краемъ около 15 годовъ. Сей преступникъ есть отличнѣйшій въ сонмѣ заговорщиковъ, какъ по данному ему воспитанію, такъ и по твердости духа. Имѣлъ отъ роду не болѣе 33 лѣтъ, средняго роста, лица бѣлаго и пріятнаго съ значительными чертами или физіономіею; быстръ, рѣшителенъ, краснорѣчивъ въ высшей степени; математикъ глубокій, тактикъ военный превосходный; увертками, тѣлодвиженіемъ, ростомъ, даже лицомъ очень походилъ на Наполеона. И сіе-то самое сходство съ великимъ человѣкомъ, всѣми знавшими Пестеля единогласно утвержденное, было причиною всѣхъ его сумасбродствъ и самыхъ преступленій. Ему погрезилось, такъ сказать, наяву, что онъ легко можетъ сдѣлаться въ Россіи тѣмъ же самымъ, чѣмъ былъ во Франціи Наполеонъ. Вотъ источникъ гибельныхъ его начинаній, окончившихся столь ужасно. Никто изъ подсудимыхъ не былъ спрашиванъ въ комиссіи болѣе его; никто не выдержалъ столько очныхъ ставокъ, какъ опять онъ же, вездѣ и всегда былъ равенъ себѣ самому. Ничто не колебало твердости его. Казалось, онъ одинъ готовъ былъ на раменахъ своихъ выдержать тяжесть двухъ Альпійскихъ горъ. Въ комиссіи всегда отвѣчалъ съ видимою гордостью и какимъ-то самонадѣяніемъ. Однажды спросилъ его нѣкоторый членъ коммиссіи: зналъ ли

онъ, чему подвергалъ себя съ такими ужасными предпріятіями? Случалось ли хоть разъ взглянуть ему на послѣдствія? «У меня, отвѣчалъ хладнокровно Пестель, все было разсчитано; зналъ, что̀ дѣлалъ и видѣлъ конецъ. По меньшей мѣрѣ какъ самъ я, такъ и всѣ сочлены наши могли надѣяться, что насъ станутъ судить такъ, какъ убійцъ 1801 года. Мы кричали, шумѣли, вызывались на цареубійство, словомъ, кончили только одними словами; а тамъ!..» При сихъ словахъ члены комиссіи въ молчаніи поглядѣли другъ на друга. Во время великаго поста Государь Императоръ высочайше изволилъ приказать мнѣ исповѣдывать всѣхъ арестантовъ, разумѣется, кто только желалъ того. Такимъ образомъ я пошелъ для исповѣди къ своимъ, т. е. Русскаго вѣроисповѣданія; а къ лютеранамъ, коихъ было всего 14 человѣкъ, посланъ былъ лютеранскій, Анненской, что̀ на Литейной, церкви пасторъ Рейнботъ. Пасторъ сей, отличнаго ума человѣкъ, былъ съ Пестелемъ нѣсколько часовъ и вышелъ отъ него безъ всего: преступникъ и слышать не хотѣлъ о таинствахъ вѣры; онъ только вдавался въ словопренія съ своимъ священникомъ и не переставалъ доказывать правоту своихъ мыслей и поступковъ. Я посѣщалъ его очень рѣдко, какъ потому что мы съ нимъ раздѣлены были религіями, такъ наиболѣе, потому что никогда не могли сходиться ни въ чувствахъ, ни въ сомнѣньяхъ. Вечеромъ 12 числа Іюля Рейнботъ пришелъ къ нему въ казематъ, дабы приготовить его къ смерти. Снова начались споры, какъ о догматахъ вѣры, такъ и о дѣлахъ политическихъ. Пасторъ со слезами на глазахъ оставилъ жестокосердаго, поручивъ его единому милосердію Божію. Заутра, прежде нежели взошло солнце, Пестель съ прочими товарищами своими изведенъ былъ изъ крѣпости въ кронверкъ уже въ оковахъ; а въ половинѣ пятаго часа, идя на казнь и увидя висѣлицу, съ большимъ присутствіемъ духа произнесъ слѣдующія слова: «Ужели мы не заслужили лучшей смерти? Кажется, мы никогда не отвращали чела своего ни отъ пуль, ни отъ ядеръ. Можно бы было насъ и разстрѣлять!» Наконецъ, бывши уже на эшафотѣ и принеся молитву Богу съ прочими осужденными, Пестель, какъ казалось, слишкомъ растрогался зрѣлищемъ разставанья моего съ несчастными моими дѣтьми, просившими благословенія. Ахъ! Ужасна и незабвенна для меня минута сія! Пестель усугубилъ и заключилъ собою горестную картину сію. Онъ сталъ на колѣни и говорилъ мнѣ твердымъ голосомъ: «Отецъ святый! Я не принадлежу вашей церкви, но былъ нѣкогда христіаниномъ и наиболѣе желаю быть имъ теперь. Я впалъ въ заблужденіе, но кому оно не свойственно? Отъ чистаго сердца прошу васъ: простите меня въ моихъ грѣхахъ и благословите меня въ путь дальній и ужасный!»

КОРОЛЕВА НИДЕРЛАНДСКАЯ АННА ПАВЛОВНА У ТРОИЦЫ-СЕРГІЯ.

(20 Іюля 1853).

Изъ записокъ преосвященнаго Леонида [1]).

Въ 9 часовъ мы пошли въ церковь. Всѣмъ архимандритамъ велѣно облачиться. Насъ оказалось четверо—намѣстникъ, два ректора и инспекторъ академіи. На пути я видѣлъ уже приготовленія: лошади у станціонныхъ домовъ, сигнальщики-казаки и лаврскіе слуги. Велѣно ожидать къ 10 часамъ. Отъ передового поѣзда узнали, что выѣздъ будетъ въ 6½ ч. Въ 10 часовъ пришелъ митрополитъ и облекся въ полуоблаченіе. Въ 11½ часовъ заблаговѣстили и вскорѣ зазвонили. Владыка, въ предшествіи всего духовенства со св. иконами, вышелъ къ св. воротамъ. Что-то чудно величавое было въ этомъ зрѣлищѣ. Подъ низкою широкою аркою св. воротъ сидѣлъ митрополитъ, окруженный духовенствомъ въ яркомъ облаченіи и съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Передъ воротами толпа народа, кругомъ темная ночь; вдали и вблизи звонъ колоколовъ. Лаврскій звонъ, сколь ни силенъ, не слышенъ былъ у воротъ, и владыка спросилъ намѣстника: у насъ звонятъ ли? Это явленіе акустическое, но и отъ того еще, что у «царя» обломался языкъ, и теперь запасной въ 20 пудовъ вмѣсто 80 п. Въ 12 часу подъѣхала королевская карета.

Разослано было три ковра: королева остановилась было на крайнемъ, но потомъ подошла ближе, и митрополитъ, ставъ совершенно близко къ ней, говорилъ рѣчь, которую она слушала наклонивъ голову, и потомъ что-то говорила митрополиту. Его слова начались: «чесо изыдосте въ пустыню видѣти?» [2]) Ея слова начались: «я совершенно согласна

---

[1]) *Душепол. Чтенія* 1905 г. Сентябрь.

[2]) Эта рѣчь митрополита Филарета напечатана въ 5-мъ томѣ его сочиненій изд. 1885 года. П. Б.

«съ вашими чувствами». Медленно тянулась духовная процессія подъ вѣковыми липами къ Троицкому собору. Пѣли молебенъ Пресвятой Троицѣ и Пр. Сергію. Послѣ того королева прикладывалась къ образамъ и мощамъ.

Кончилось въ 12 часовъ. Обѣдня назначена въ 10 ч. Я ночевалъ у о. инспектора и рано поѣхалъ въ Семинарію за письмами царскими. Въ 9 часовъ я представлялъ ихъ владыкѣ, онъ прочиталъ ихъ, положилъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ намѣренъ былъ ихъ представить, и велѣлъ положить ихъ въ ризницѣ. Разумѣется обѣдня была торжественна. Королева стала за правымъ клиросомъ, а не на мѣстѣ для нея приготовленномъ. Богослуженіе не было поспѣшное. Владыка поучителенъ всегда въ подобныхъ случаяхъ. Его пріемы, его обращенія достойны изученія. При другомъ случаѣ я говорилъ о нихъ. Его видъ—когда въ соборѣ стоялъ онъ на открытомъ пространствѣ съ крестомъ въ рукѣ во время многолѣтствія царскому дому—видъ его въ эти минуту стоилъ кисти великаго художника. Мы имѣли навсегда образецъ того, какова должна быть наружность истиннаго архипастыря. Послѣ обѣдни, когда мы оставались съ о. инспекторомъ Семинаріи въ недоумѣніи, что̀ дѣлать: будетъ ли королева къ намъ въ Виѳанію, или не будетъ, я былъ позванъ къ о. намѣстнику, котораго нашелъ у дверей ризницы. Онъ объявилъ мнѣ, что я приглашенъ на обѣдъ къ королевѣ. На мнѣ было полукафтанье съ протертыми рукавами; но ѣхать въ Виѳанію переодѣваться было не время и успокоившись примѣромъ преподобныхъ, которые въ рубищахъ являлись къ царямъ, я ожидалъ срочнаго часа.

Долго была она въ ризницѣ, потомъ ходила по церквамъ и наконецъ, чрезъ Успенскій соборъ, прошла въ Академію. На этомъ переходѣ одна простая женщина подослала ей подъ ноги платокъ; королева прошла черезъ платокъ и, пріостановясь, поблагодарила женщину за усердіе, пожимая ей руку. Надо себѣ вообразить восторгъ этой женщины. Я не слѣдовалъ за нею въ библіотеку, а оставался съ о. намѣстникомъ подъ навѣсомъ тополей. Она подходила къ могилѣ Годуновыхъ, входила въ часовню Преп. Максима Грека и наконецъ ушла къ себѣ. Отъ ея крыльца, вслѣдъ за владыкой, мы вошли въ его келліи. Онъ велѣлъ намъ посидѣть, а самъ пошелъ отдохнуть. Черезъ полчаса или менѣе, онъ вышелъ къ намъ, повязывая поясъ. «Хорошо, сказалъ онъ мнѣ, что письма принесли въ ризницу,—въ Виѳанію-то отложена поѣздка». Спрашивалъ, когда мы въ Москву. О. ректоръ сказалъ, что чрезъ нѣсколько времени, а что я долго еще не поѣду, ибо кромѣ другихъ дѣлъ долженъ писать проповѣдь къ 22 Августа.—«Проповѣдь къ 22 Августа приготовь:

на меня не надѣйся: я два часа служу да пять отдыхаю». Когда пришелъ о. намѣстникъ, владыка сталъ говорить о Голландцахъ; о ихъ богословской литературѣ, между прочимъ, сказалъ, что любопытно бы знать, какое на нихъ впечатлѣніе производитъ наше богослуженіе. Жаль, что мы не можемъ съ ними объясниться. Съ ними, думаю, можно говорить по-французски: ты, обратясь ко мнѣ, говоришь?—«Говорю». «Вотъ надо бы тебя заставить говорить съ ними».—Между тѣмъ пришелъ камеръ-юнкеръ Рибопьеръ, сынъ гофмаршала, который находится при королевѣ на все время пребыванія ея въ Россіи. Онъ сказалъ, что королева ожидаетъ его высокопреосвященство. Мы пошли. Столъ былъ накрыть, придворныя толпились въ залѣ. Они окружили владыку, мы вышли было на террасу. О. ректоръ подошелъ къ камергеру королевы. Это высокій худощавый мужчина съ темными волосами, аккуратнѣйшими бакенбардами, которые окаймляли его прекрасное, довольно серьезное лицо. Онъ молодъ, хотя видно три-четыре сѣдые волоса въ его бакенбардахъ. Его стройный станъ обтянутъ былъ синимъ мундирнымъ фракомъ съ буквою W на желтыхъ пуговицахъ, Аннинская звѣзда бѣлѣлась на правой его груди, возвышая пріятность этого Голландскаго фешенебля comme il faut, какихъ я рѣдко встрѣчалъ. Онъ серьезенъ, но его улыбка очень привлекательна. Онъ извинился передъ о. ректоромъ, что не понимаетъ его, и подошелъ ко мнѣ. Онъ заключилъ о моемъ разумѣніи Французскаго языка изъ того, что я сказалъ ему нѣсколько словъ въ то время, когда королева обозрѣвала церкви. Вслѣдъ за тѣмъ Рибопьеръ отецъ вышелъ просить насъ къ закускѣ. На двухъ тарелкахъ стоялъ сыръ, на третьей икра и два графина, съ виномъ и водкой. Я взялъ кусокъ икры, и мнѣ жаль было, что я не отвѣдалъ Голландскаго сыра у Голландской королевы. Едва успѣлъ я отвернуться отъ закуски, какъ всѣ уже находились на своихъ мѣстахъ, и митрополитъ читалъ молитву. Королева уже сидѣла за столомъ прежде нежели я могъ быть представленъ, и потому я занялъ свое мѣсто. Въ размѣщеніи почти не наблюдалось чиновъ. Впрочемъ садясь я уже замѣтилъ, что владыка говоритъ королевѣ обо мнѣ. Съ обязательнымъ наклоненіемъ головы Ея Величество обратилась ко мнѣ съ привѣтствіемъ. Сказавъ, что ей очень пріятно познакомиться со мною, она спросила, долго ли и въ Балтійскомъ ли флотѣ я служилъ, потомъ опять изъявила удовольствіе, что всѣхъ насъ троихъ видитъ передъ собою. Замѣтивъ, что я разговариваю съ ея камергеромъ, она выразила ему свое удовольствіе, что у него сосѣдъ, съ которымъ онъ можетъ перекинуться словомъ. Объ Александровскихъ *), о которыхъ ей было доложено, она обра-

*) Это дѣти того священника, который служилъ въ придворной церкви королевы Анны Павловны въ Гагѣ. П. Б.

тилась къ о. ректору съ вопросомъ о нихъ. Онъ сказалъ, что одинъ изъ нихъ служитъ у меня, а другіе учатся, и я счелъ обязанностію засвидѣтельствовать о старшемъ, какъ отличномъ наставникѣ и вообще, какъ прекрасномъ человѣкѣ. О. ректоръ разсказалъ о старшей замужней сестрѣ и прибавилъ, что ихъ семейство многочисленно. Она сказала, что радуется, что хоть двое изъ нихъ хорошо устроены. Надо замѣтить, что она давно подала о нихъ записку владыкѣ, какъ объ этомъ говорилъ онъ намъ передъ обѣдомъ. Вообще королева была очень любезна, старалась говорить со всѣми. всѣхъ занять и дѣлала это успѣшно. Если бы владыка держалъ себя также свободно, какъ при великихъ князьяхъ и княгиняхъ, то бесѣда была бы еще оживленнѣе; но нынче какъ и при Императрицѣ онъ держалъ себя нѣсколько сжато изъ почтенія, сидѣлъ въ полоборота, въ самомъ строгомъ положеніи стана и старался только отвѣчать на вопросы. Къ нему болѣе всего обращались слова высокой гостьи, но такъ, чтобы всѣ могли слышать. Она говорила, что всегда и на чужой сторонѣ она помнила и любила Россію; что если не пріѣзжала сюда въ теченіе 28 лѣтъ, то виною были ея несчастія. «Вы знаете, говорила она владыкѣ, мои обстоятельства: наша страна была разорвана на-двое, и я не могла оставить въ несчастіи тѣхъ, съ кѣмъ жила прежде въ счастіи: это было бы недостойно Русской великой княгини. Потомъ я лишилась мужа, сына; при новомъ королѣ я и хотѣла бы уѣхать въ Россію, но надо было руководить дѣтей, помогать имъ, долгъ матери меня удерживалъ. Когда же я женила второго сына, то почувствовала себя какъ бы развязанною и поспѣшила въ Россію. Братъ сдѣлалъ мнѣ самый любезный, самый родственный пріемъ. Я познакомилась со всѣмъ семействомъ. Если бы не этотъ случай, то я осталась бы незнакомою всему молодому поколѣнію. Цесаревичъ былъ и жилъ съ мѣсяцъ и потомъ былъ еще разъ Константинъ Николаевичъ, когда проходилъ мимо Голландіи моремъ, заѣзжалъ ко мнѣ, но съ Александрой Іосифовной я не была знакома, дѣтей Цесаревича тоже не знала. Какія любезныя дѣти! Николай особенно отличается умомъ,—въ этомъ счастіе для Россіи, второй очень похожъ на моего покойнаго отца, имя третьяго Владимиръ—ново въ нашемъ семействѣ, но очень удачно выбрано. Вообще все семейство чрезвычайно любезно, и дѣти Цесаревича премилыя». Владыка сказалъ: «мы не смѣемъ входить въ причины удерживанія васъ отъ путешествія въ Россію; но теперь должны быть благодарны вамъ за то, что вспомнили Россію». Королева отвѣчала: «Я обязана вашему духовенству, что оно молится за меня и напоминаетъ обо мнѣ народу, которому безъ этого я была бы вовсе чужда, онъ совсѣмъ не зналъ меня». Показывая владыкѣ изъ золотыхъ медальоновъ составленный браслетъ съ портретомъ ея мужа, она спрашивала вла-

дыку: помнитъ ли онъ мужа ея и говорила, что мужъ ея очень помнитъ ласковый пріемъ владыки. Спрашивала, похожъ ли портретъ. Владыка взялъ ее за кисть руки, и разсматривая портретъ, отвѣчалъ утвердительно. «На этихъ медальонахъ, сказала королева, начертаны имена и числа всѣхъ сраженій въ Испаніи и Португаліи до сраженія при Ватерло, въ которомъ участвовалъ мой мужъ»—и съ этими словами она сняла браслетъ и подала владыкѣ. Когда опять надѣвала его на руку, то сказала: «я не ношу его въ свѣтскія собранія, не должно профанировать такія воспоминанія; но я надѣваю его въ важные дни моей жизни, каковъ для меня нынѣшній». Все это говорила Ея Величество съ глубокимъ чувствомъ, тронутая почти до слезъ. Перешла къ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя произвела на нея Лавра и пріемъ ей сдѣланный. Я не припомню ея выраженій; только она сказала, что здѣшнее пѣніе необыкновенно потрясаетъ душу, и что вчера послѣ молебна ея придворные стали выражать ей свое удивленіе и восхищеніе. О. намѣстника спрашивала она, на что употреблены нынче башни. Въ разговорѣ со владыкой она была крайне почтительна и не иначе называла его какъ ваше высокопреосвященство. Послѣ обѣда она со владыкой ушла въ гостиную, а мы на балконъ. Какъ во время стола, такъ и послѣ стола я говорилъ болѣе съ камергеромъ, разумѣется, о Лаврѣ и его путешествіи. Онъ говорилъ мнѣ, что наши обряды très imposants, что впечатлѣнія слишкомъ быстро мѣняются, что онъ видитъ Европу à vol d'oiseau, но что это путешествіе чрезвычайно пріятно; потому что западная Европа и восточная Европа или Россія—это какъ будто два міра: все здѣсь отлично. Я спросилъ его: которыя впечатлѣнія западной или восточной Европы дѣйствуютъ успокоительнѣе, и онъ отвѣчалъ: здѣшнія впечатлѣнія дѣйствуютъ весьма успокоительно; впрочемъ, прибавилъ онъ, я говорю это не въ предосужденіе западной Европѣ. Онъ говорилъ, что о митрополитѣ нашемъ часто говорятъ у королевы и уважаютъ его, какъ замѣчательнаго человѣка; что къ королевѣ присылаются всѣ замѣчательныя Русскія книги, и она много читаетъ; что пѣвчіе при Русскихъ миссіяхъ вездѣ пренегодные. Другой молодой Голландецъ выбѣжалъ на балконъ извѣстить, что уже прощаются, и когда я вошелъ въ залу, то наши уже всѣ вышли, и королева стояла въ кругу своихъ придворныхъ. Я поклонился, она сказала мнѣ съ самой обязательной улыбкой, что очень рада, что познакомилась со мною и глубоко наклонилась, прося благословенія. Такъ какъ владыка еще стоялъ въ дверяхъ, разговаривая съ графинею Тизенгаузенъ, то я, не благословляя, поцѣловалъ королевскую руку, полную и нѣжную, не смотря на лѣта, и удалился. Графинѣ владыка вручилъ пузырекъ съ масломъ отъ Пр. Сергія, которое просила Императрица. Фрейлина Б., извѣстная

при дворѣ львица, побѣжала покупать образки и крестики. Уже было 6 часовъ, и королева рѣшилась тотчасъ ѣхать. Насъ тотчасъ позвали въ соборъ облачаться. Облачились четверо архимандритовъ и двое іеромонаховъ. Едва успѣлъ владыка надѣть мантію, какъ извѣстили, что королева идетъ въ церковь. Однакожъ владыка успѣлъ встрѣтить ее у дверей съ крестомъ и св. водою, какъ и предъ обѣднею. Она приложилась къ мощамъ и раскланиваясь народу вышла въ предшествіи духовенства изъ храма. Ея экипажъ стоялъ у самой церкви. Она еще разъ приложилась ко кресту, благословилась у владыки, котораго много благодарила за пріемъ, и сѣла въ открытую карету. Съ ней сѣла дама. Отправившись и со всѣми раскланявшись, она встала, чтобы помолиться Преподобному, котораго рака ей видна была, но лошади тронулись, и она опустилась на скамью видимо тронутая. Почти всѣ особы царскаго дома оставляли Лавру со слезами. Мы служили напутственный краткій молебенъ и взяли благословеніе у владыки, который рѣшился завтра въ 4 часа утра выѣхать, чтобы быть въ соборѣ Успенскомъ за молебномъ и во дворцѣ благодарить королеву за посѣщеніе.

Изъ Москвы владыка уже присылалъ нарочнаго за письмомъ императора Павла къ митрополиту Платону о рожденіи Анны Павловны. Ея Величество *) желаетъ имѣть копію. О. намѣстникъ совѣтывалъ списать для нея и отвѣтъ митрополита Платона, который вчернѣ написанъ на оборотѣ письма.

*

Ноября 29 дня. Вчера владыка освящалъ придѣлъ у Спаса во Спасской. Въ тѣснотѣ мы вели его на архіерейскій амвонъ. Протоіерей шедшій слѣва не поддержалъ его при ступенькѣ; владыка благословляя сказалъ: «ходить не умѣешь». Св. мощи для освященія положены были на престолъ придѣльнаго алтаря. Вошедъ туда, владыка сказалъ: «почему мощи поставлены не въ главномъ алтарѣ: все самодурство!» Мы съ протоіереемъ согласились, поддерживая владыку одною рукою, другою прикрывать ему ухо воздухомъ, которымъ покрыты мощи, держимыя имъ на главѣ во время хода около храма. Владыка на полпути сказалъ: «вы не поддерживаете меня, а сами на мнѣ висите». Я громко прочиталъ слова «помяни Господи господина нашего»...,

---

*) Младшая внучка Екатерины Великой, Нидерландская королева Анна Павловна (род. 7 Января 1795, сконч. 17 Февраля 1865 г.). Ея приверженность къ Россіи выразилась и въ томъ, что она приказывала собирать донесенія Голландцевъ о Россіи съ временъ древнѣйшихъ. Это обширное рукописное собраніе доставлено уже по кончинѣ ея въ Императорское Историческое Общество въ Петербургѣ. П. Б.

не дождавшись пока владыка кончитъ; поэтому, когда, произнося слова, подошелъ къ нему за благословеніемъ онъ сказалъ: «что ты двугласишь и перебиваешь». Замѣтилъ потомъ саккеларію, что ему не слѣдовало лежать ницъ въ соборномъ служеніи: «внутренно молись, коли есть усердіе». Причину, почему сдѣлалъ замѣчаніе за помѣщеніе мощей, когда и въ другихъ мѣстахъ уже поступали также, иподіаконъ указалъ: не въ томъ, говоритъ, дѣло, что въ придѣлѣ поставили, а въ томъ, что не спросились, гдѣ поставить. Я не спросясь положилъ теплый воздухъ, который онъ налагаетъ на голову подъ дискосъ. Онъ не взялъ его потому, что я не спросился, а если бы не положилъ воздуха, сказалъ бы: ты меня уморить хочешь. Такъ бываетъ каждый день и во всемъ. Но совершенно ошибочно будетъ думать, кто это припишетъ капризу: нѣтъ, это происходитъ изъ глубокаго правила, что въ основѣ всего должно служить послушаніе, покореніе, о которомъ Самуилъ пророкъ говоритъ, что оно паче жертвъ благихъ.

*

Владыка говорилъ: «Не могу справиться съ дѣлами, особенно съ чужими.. Вотъ прислали изъ Синода дѣла о сельскихъ училищахъ, я написалъ имъ цѣлую тетрадь, составили проектъ, послали къ министру, тамъ переиначили, возвратили въ Синодъ, а изъ Синода опять прислали дѣло ко мнѣ. Что изъ этого выйдетъ, не знаю. Гизо—это я читалъ въ журналѣ уже запрещенномъ,—Гизо говорилъ о первоначальномъ воспитаніи народа, что это дѣло обоюдное. Въ Голландіи приноситъ плодъ; но потому что тамъ одна книга въ употребленіи—Библія, а во Франціи, гдѣ такое множество гнилыхъ сочиненій обращаются въ народѣ, воспитаніе можетъ болѣе принести зла. Надо выучить грамотѣ, да надо и чтеніе дать. Возбудивъ аппетитъ, надо приготовить здоровую пищу. У насъ запрещено издавать переводы житій святыхъ, и съ тѣхъ поръ стали появляться въ большемъ числѣ сказки и глупые романы».

ПИСЬМО М. П. РОЗБЕРГА КЪ А. Г. ТРОЙНИЦКОМУ [1]).

28 Мая 1865 г. Дерптъ.

Поздравляя васъ, незабвенный Александръ Григорьевичъ, съ монаршею милостію [2]), столь вами заслуженной, позвольте обратиться къ вамъ съ челобитіемъ: не оставьте и поддержите!

Сегодня отправляю я къ г. министру внутреннихъ дѣлъ прошеніе, въ видѣ письма, относительно сооруженія покойному Цесаревичу въ Гапсалѣ, гдѣ преимущественно, нѣсколько разъ, пользовался онъ разными ваннами и морскимъ купаньемъ, памятника, на счетъ суммы, которая, полагаю, легко можетъ, въ достаточномъ количествѣ, составиться изъ пожертвованій лицъ, посѣщавшихъ означенное прибрежье одновременно съ Великимъ Княземъ. Подробности задуманнаго намѣренія я изложилъ въ поименованномъ письмѣ, но, второпяхъ, сдѣлалъ ошибку, назвавъ Гапсальскую церковь храмомъ Александра Невскаго: она построена во имя Св. Царицы Александры. Впрочемъ, если Петру Александровичу [3]) угодно будетъ войти объ этомъ съ докладомъ, то общее выраженіе «православная церковь», думаю, еще приличнѣе, потому что въ Гапсалѣ другой нѣтъ (а есть, кромѣ того, одна Протестантская). Въ заключеніи же прошенія у меня сказано: «ближайшее исполненіе поручить инспектору Гапсальскаго уѣзднаго училища Русвурму»... Онъ человѣкъ высоко образованный, дѣльный, добросовѣстный, смѣтливый, практически-ловкій, имѣвшій счастіе обратить на себя особенное благосклонное вниманіе покойнаго Великаго Князя, который разъ пожаловалъ ему драгоцѣнную бриллiантовую булавку для галстука, потомъ богатые золотые часы, и, наконецъ, изъявилъ желаніе дабы онъ, при

---

[1]) На подлинникѣ рукою А. Г. Тройницкаго отмѣчено „отв. 29 Іюня"; но М. П. Розбергъ сообщалъ мнѣ, что этого отвѣта не нашлось и недоумѣніе, куда онъ дѣлся. Г. Т.

[2]) 4 Апрѣля 1865 Александру Григорьевичу Тройницкому пожалована была звѣзда Бѣлаго Орла.

[3]) Валуеву.

случаѣ, былъ представленъ своимъ начальствомъ къ наградѣ. О подобномъ желаніи Наслѣдника сообщилъ мнѣ старый Московскій товарищъ мой Владимиръ Павловичъ Титовъ, при немъ тогда находившійся и отозвавшійся о г-нѣ Русвурмѣ *) чрезвычайно выгодно. Я довелъ о томъ до свѣдѣнія попечителя, и достойный подвижникъ на скромномъ поприщѣ получилъ орденъ.

Давнее, смѣю сказать, постоянно-дружественное расположеніе ваше ко мнѣ даетъ мнѣ отрадную надежду, что вы не откажетесь содѣйствовать достиженію цѣли, близкой моему сердцу.

Преданный вамъ всей душой Михаилъ Розбергъ.

P. S. Тысячъ пять и болѣе рублей соберется, по моимъ соображеніямъ, очень скоро, особенно если дѣло будетъ поручено Русвурму, а на такія деньги уже есть возможность воздвигнуть хорошій гранитный или чугунный обелискъ съ пьедесталомъ. Но сумма, почти навѣрно, должна накопиться гораздо значительнѣйшая и, въ подобномъ случаѣ, изъ остального составить стипендію для отличнѣйшихъ и беднѣйшихъ воспитанниковъ Гапсальскаго уѣзднаго училища и тамошняго Marien-Azyl.

Въ 1859-мъ году, посѣтивъ Гапсаль, гдѣ Николай Александровичъ провелъ тогда около двухъ мѣсяцевъ, а Государь съ Императрицею недѣлю, я часто бывалъ вмѣстѣ съ Цесаревичемъ, на богослуженіяхъ, въ церкви и въ уѣздномъ училищѣ. Здѣсь Наслѣдникъ принималъ иногда самъ участіе въ испытаніяхъ, предлагалъ вопросы ученикамъ, поощряя прилежныхъ присылкою имъ лакомствъ со своего стола. Я не разъ слыхалъ его отзывы о Гапсалѣ, который нравился ему своею простотою, патріархальнымъ бытомъ жителей, непринужденностію всей обстановки, и провожая его, 31-го Іюля, на паровой фрегатъ «Штандартъ», видѣлъ, съ какимъ грустнымъ раздумьемъ онъ покидалъ мирное прибрежье Эстляндіи съ его развалинами рыцарскихъ замковъ, свидѣтелей воинственнаго блеска среднихъ вѣковъ. Это внушило мнѣ мысль, что теперь, когда уже и онъ принадлежитъ прошедшему, желательно бы воздвигнуть ему хотя скромный памятникъ въ мѣстѣ, гдѣ онъ искалъ здоровья, противъ уединенной маленькой церкви и гдѣ наканунѣ провозглашенія

*) Здѣшніе чиновники такого разряда, по учебному вѣдомству, годились бы у насъ въ академики и профессоры, относительно основательныхъ, часто глубокихъ свѣдѣній. О знаніяхъ ихъ въ педагогіи нечего и говорить: почти каждаго смѣло можно рекомендовать въ директоры гимназіи.

своего совершеннолѣтія [1]), на предѣлѣ отрочества и юности, въ безмятежной тишинѣ, вдали отъ дворскаго шума, отъ дворской суеты, насладилась нѣсколькими свѣтлыми днями чистая его душа [2])...

(Сообщено Г. А. Тройницкимъ).

Яркою, необычайно-привлекательною звѣздою сіяетъ въ преданіяхъ нашего царскаго семейства и нашего поколѣнія, скончавшійся безвременно старшій дядя Государя Императора, Цесаревичъ Николай Александровичъ. Прекрасная мысль достопочтеннаго Дерптскаго профессора Русской словесности М. П. Розберга не осуществилась, памятника въ Гапсалѣ не поставлено, и если министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ докладывалъ о томъ Александру Николаевичу, то по нѣкоторымъ соображеніямъ сомнѣваемся, чтобы могло послѣдовать соизволеніе (но конечно не отъ того, что воздвиженіе памятниковъ дѣло вовсе не Русское и нашими предками не одобряемое). Въ одну изъ бесѣдъ, которыми счастливилъ меня Государь-Императоръ Александръ Александровичъ, зашла рѣчь о покойномъ братѣ Его. Случайно доводилось мнѣ читать прекрасно написанныя письма его къ нѣкоторымъ лицамъ, и я осмѣлился заявить о томъ, что слѣдовало бы собрать ихъ и напечатать. У Государя загорѣлись глаза. „Я самъ готовъ заняться этимъ, и у меня всѣ письма его къ покойной матушкѣ; но какъ же печатать? Время слишкомъ близко". Тогда я осмѣлился сказать: „Въ немногомъ числѣ обезпечить для потомства сохранность всего, что̀ будетъ собрано; а затѣмъ извлечь и напечатать для чтенія общаго, что̀ будетъ благоугодно. Такая книга можетъ быть отличнымъ памятникомъ оплаканному Россіею Цесаревичу". П. Б.

*

СТИХОТВОРЕНІЕ ГРАФИНИ Е. П. РАСТОПЧИНОЙ.

Se rencontrer.

A la princesse Sophie Mechtersky [3]).

Se rencontrer... c'est chose bien vulgaire
Pour les esprits communs, les âmes terre-à-terre.
C'est simplement se voir, s'écouter, se parler,
L'un l'autre s'observer, soumettre à l'analyse
L'abord et le regard, le langage et la mise,
Et puis, en se quittant, promptement s'oublier.

---

[1]) Въ воспоминаніяхъ Ѳ. А. Оома („Русскій Архивъ" 1896 г.) упоминается, что совершеннолѣтіе Цесаревича праздновалось 8 Сентября 1859 г.

[2]) Не даромъ покойный Государь Александръ Александровичъ любилъ Гапсаль, а Державный Сынъ его изволилъ ускорить проведеніе туда желѣзнаго пути. П. Б.

[3]) Сообщено въ „Русскій Архивъ" Надеждою Ивановной Мердеръ, получившей эти стихи отъ В. И. Анненковой, у которой гр. Растопчина встрѣтилась съ княжн. Соѳ. Ив. Мещерской. П. Б.

Se rencontrer... pour les âmes d'élite
C'est se parler du coeur, s'entendre tôt et vite.
De s'être déjà vues reprendre souvenir,
Confondre à l'unisson leurs goûts et leurs pensées
Et vers un ciel plus haut toutes deux élancées,
Se donner rendez-vous en un même avenir.

Moscou
14 Septembre 1840.

Comptesse Dodo Restoptchine.

Переводъ.

Княжнѣ Софіи Мещерской [1]). Повстрѣчаться... дѣло очень простое для умовъ обыкновенныхъ, для душъ низкаго слоя: это просто видѣться, другъ съ другомъ говорить, наблюдать другъ друга, разбирать, какъ кто входитъ, смотритъ, говоритъ, какъ одѣтъ и, разставшись, тотчасъ же позабыть другъ о другѣ. Повстрѣчаться... для душъ избранныхъ: это сердцемъ сердцу говорить, тотчасъ же понять другъ друга, думать что когда-то видѣлись, свои наклонности и свои мысли сводить къ одному и, возносясь вмѣстѣ къ небеснымъ высотамъ, назначать себѣ свиданіе въ общей будущности. Москва, 14 Сентября 1840. Графиня Додо [2]) Растопчина.

ЧЕТВЕРОСТИШІЕ С. А. СОБОЛЕВСКАГО.

Здорово, новый камеръ-юнкеръ!
Ужъ какъ же ты теперь хорошъ:
И раззолоченъ ты какъ клюнкеръ [3]),
И веселъ ты какъ мѣдный грошъ.

---

[1]) Княжна Софья Ивановна Мещерская († 23 Н. 1881), сестра князя Петра Ивановича, женатаго на Е. Н. Карамзиной. Можетъ быть, черезъ нее гр. Растопчина сблизилась тѣсно съ семействомъ Карамзиныхъ. П. Б.

[2]) Такъ звали графиню Евдокію Петровну въ семьѣ и въ обществѣ. П. Б.

[3]) Клюнкеромъ называется Сибирскій обозъ съ золотомъ П. Б.

ПОПРАВКИ:

Просимъ извиненія у многоуважаемаго нашего сотрудника: отчество его означалось въ „Русскомъ Архивѣ“ не вѣрно. Это Михаилъ *Константиновичъ* Соколовскій.

*

Въ 7-й тетради „Русскаго Архива“, на стр. 449-й, говорится о графѣ Мюнстерѣ и предполагается въ примѣчаніи, что это Австрійскій посолъ. Это примѣчаніе не вѣрно: графъ Мюнстеръ былъ флигель-адъютантъ короля Прусскаго и состоялъ при особѣ императора Николая Павловича. Австрійскій посолъ былъ тогда, кажется, графъ Менсдорфъ де-Пульи, съ которымъ вѣроятно Николай Павловичъ вовсе не бесѣдовалъ, такъ какъ только вѣроломство Австріи и привело насъ къ Севастопольской эпопеѣ. Графъ Мюнстеръ былъ такимъ же persona gratissima при дворѣ Николаевскомъ, какимъ былъ при Александровскомъ его преемникъ, генералъ Вердеръ.

*

Въ стихахъ Н. Е. Баратынскаго (въ 6-й тетради „Русскаго Архива“, стр. 330-я) вмѣсто *постыдный* надо *постылый*.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Стр.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
443	4 снизу	Enfurter	Erfurter
445	2 сверху	Compagnies	Campagnes
—	19 „	головоногимъ	головоногамъ
—	8 снизу	неизмѣнныхъ	неизмѣненныхъ
446	15 сверху	D s	Das
449	11 снизу	side at	sweet
452	15 сверху	имѣнія	тлѣнія
—	20 „	Астарисъ	Астарта
455	11 снизу	Voornit	Voornut
462	10 „	рокомъ	ерокомъ
467	4 сверху	облагораженнаго	облагороженнаго
469	7 снизу	соціализма	соціализмъ

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1905 года.

(Годъ 43-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1905 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива", на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

☛ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автобіографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія „Русскаго Архива" прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: 1874 годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы 1877, 1879, 1884 и 1886—1889 по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р.; годы 1890 — 1892, 1894 и 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы 1898—1904 по 8 р., съ пересылкою по 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный—30 копѣекъ; Московскаго на иногородный—90 копѣекъ; иногороднаго на Московскій—40 копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*). Просимъ присылать номеръ перемѣняемаго адреса.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно съ 9 час. утра до 5 пополудни.

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива» прежнихъ годовъ можно получать по 1 рублю.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ**.

(Годъ сорокъ третій).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1905

10.

«РУССКІЙ АРХИВЪ» БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ 1906 ГОДУ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1905.

Михаилъ Соколовскій. Кадетскій Журналъ. Полъ вѣка назадъ. Журналъ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній какъ повременное изданіе. 1836—1863. Историко - библіографическій очеркъ. С.-Пб. 1905. 4-ка. 121 стр. съ эпиграфомъ изъ письма А. И. Тургенева къ князю Вяземскому: «Журналистъ не есть дрягиль *), который обязанъ только сваливать съ спины своей въ типографію чужіе толки; онъ долженъ и самъ мыслить, долженъ быть патріотомъ, наблюдателемъ, литераторомъ».

Трудолюбивѣйшій разыскатель историческихъ бумагъ, относящихся къ исторіи нашего военнаго вѣдомства, составилъ эту книгу, а нынѣшій Августѣйшій Начальникъ военно - учебныхъ заведеній изволилъ содѣйствовать изданію въ свѣтъ этого почтеннаго труда. Имъ воскрешается передъ читателемъ свѣтлая память великаго князя Михаила Павловича, къ которому примѣнимы стихи Пушкина про его державнаго брата:

Тому кого караетъ явно,
Онъ въ тайнѣ милости творитъ".

Нынѣ извѣстно, что строгій блюститель военной выправки Николаевскихъ временъ, великій князь былъ человѣкъ образованный, начитанный, любившій бесѣду съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, княземъ Вяземскимъ. Онъ позаботился объ умственномъ образованіи молодого военнаго поколѣнія и нашелъ дѣятельнаго исполнителя своей благой мысли въ лицѣ Якова Ивановича Ростовцева. Въ книгѣ о немъ не помянуто; но въ дѣлѣ этомъ онъ несомнѣнно былъ главнымъ участникомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо къ нему М. А. Данилевскаго (см. выше, стр. 69). Ростовцовъ нѣкогда самъ былъ писателемъ и на высотѣ своего служебнаго положенія оставался вѣрнымъ другомъ И. А. Крылову. Любопытно было бы знать, въ какомъ количествѣ печатался этотъ Кадетскій Журналъ: но что онъ читался, видно изъ того, что нынѣ принадлежитъ къ числу книжныхъ рѣдкостей, и М. К. Соколовскій едва могъ найти полное собраніе его книжекъ. П. Б.

*) Т. е. вьючный работникъ. П. Б.

*

К. М. Өедоровъ. Жизнь Русскихъ великихъ (!) людей. **Н. Г. Чернышевскій.** Второе исправленное и дополненное изданіе. Цѣна 50 к. С.-Пб. 1905. Мал. 8-ка; 94 и 2 нен. стр. съ двумя портретами и листкомъ съемки съ почерка.

К. М. Өедоровъ — восторженный почитатель Чернышевскаго, который долго былъ кумиромъ для большинства нашей молодежи.

Не отрицая за брошюрой К. М. Өедорова достаточной цѣнности въ качествѣ труда по собранію матеріаловъ для біографіи Чернышевскаго и подробному перечисленію его сочиненій, особенно любопытною находимъ главу о „дѣлѣ" Чернышевскаго, какъ потому, что она касается злосчастной судьбы его, такъ, главнымъ образомъ, и по характеру самаго суда надъ нимъ. Изъ всего „дѣла" о Чернышевскомъ, (если только авторъ брошюры не умолчалъ или не упустилъ изъ виду какихъ-либо обстоятельствъ, имѣвшихъ, можетъ быть, важное значеніе для Сената), является непонятнымъ, какимъ образомъ могъ быть подвергнутъ такому суровому приговору (14 л. каторги) авторъ „Что дѣлать?" Экспертиза писемъ, имѣвшая столь важное значеніе въ дѣлѣ Чернышевскаго, была произведена сенатскими секретарями, въ виду чего авторъ брошюры называетъ ее „тайною дореформенной юстиціи". Къ сожалѣнію и въ настоящее время во многихъ судахъ секретари являются въ тоже

ЗАМѢТКИ КОРОЛЯ ФРАНЦУЗСКАГО ЛЮДОВИКА XVI НА СОЧИНЕНІЕ РЮЛЬЕРА О ВОЦАРЕНІИ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ.

Переводъ съ Французскаго.

Даровитый писатель и стихотворецъ, восхваленный самимъ Вольтеромъ, Рюльеръ род. въ 1735 г. ум. въ 1791-мъ. Еще молодымъ человѣкомъ находился онъ съ 1760 года, т. е. еще въ царствованіе Елисаветы, секретаремъ при Французскомъ посланникѣ въ Петербургѣ, баронѣ Бретёйлѣ. Великое событіе, возведшее на Русскій престолъ родоначальницу нашего царскаго дома, породило всякаго рода толки во всей Европѣ, и разсказы о немъ возвратившагося во Францію Рюльера возбудили такое любопытство въ Парижскомъ обществѣ, что по настоянію друзей своихъ онъ составилъ изъ нихъ цѣлое сочиненіе, которое начало распространяться, но только въ спискахъ, такъ какъ напечатать его Французское правительство сочло неудобнымъ, и Рюльеръ (вѣроятно за Русскія деньги) обязался не издавать свою книгу въ свѣтъ, пока жива императрица Екатерина (наслѣдники его исполнили его обязательство, и книга вышла уже въ царствованіе Павла Петровича). Она почти до нашего времени оставалась единственнымъ связнымъ сочиненіемъ о воцареніи Екатерины, и невѣрныя, на лету схваченныя ея показанія вошли въ словари: печатаемый во многихъ тысячахъ Словарь Ларусса только въ нынѣшнемъ году измѣнилъ отзывъ о нашей великой Государынѣ. Покойный М. Н. Лонгиновъ перевелъ по-русски книгу Рюльера, и она съ примѣчаніями его и пишущаго эти строки была отпечатана для „Русскаго Архива", но благодаря распоряженію Е. М. Ѳеоктистова до сихъ поръ не вышла въ свѣтъ. Людовикъ XVI былъ однолѣтокъ съ нашимъ Павломъ Петровичемъ. Онъ написалъ свои примѣчанія на сочиненіе Рюльера, когда былъ уже королемъ (т. е. послѣ 1774 года). Нѣкто Сулави списалъ ихъ съ своеручной рукописи короля и послалъ къ государственному канцлеру графу А. Р. Воронцову, для поднесенія императору Александру Павловичу, въ 1803 году. Поднесеніе вѣроятно не состоялось, и рукопись осталась въ бумагахъ канцлера. Она напечатана въ XI книгѣ „Архива Князя Воронцова". П Б.

Рюльеръ (стр. 1-я рукописи). Я видѣлъ эту принцессу, спасшуюся бѣгствомъ изъ дворца, чтобъ въ тотъ же день заставить своего мужа уступить ей престолъ.

Сочиненіе г-на де Рюльера представляетъ собою собраніе анекдотовъ, на столько баснословныхъ и противорѣчивыхъ, что заслуживаетъ скорѣе на-

званіе историческаго романа, чѣмъ мемуаровъ. Истину эту легко доказать нижеслѣдующими замѣчаніями и фактами.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ текущемъ столѣтіи при Русскомъ дворѣ свершались великія преступленія. Желаютъ предать ихъ гласности. Прекрасно. Но при этомъ стремятся усилить ихъ интересъ, обвиняя въ этихъ преступленіяхъ исключительно только коронованныхъ особъ, тогда какъ въ переворотѣ, о которомъ идетъ рѣчь, несравненно справедливѣе было бы приписать роковую развязку стеченію обстоятельствъ и случайностей, чѣмъ предвзятому намѣренію монарха.

Вина Петра III заключается въ предоставленіи слишкомъ большой самостоятельности своей супругѣ [1]) и въ недостаточномъ наблюденіи за образовавшейся вокругъ нея партіею честолюбцевъ, а вина Императрицы въ недостаткѣ снисхожденія къ супругу. Выходя изъ этихъ двухъ положеній, при которыхъ каждый изъ супруговъ заслуживаетъ порицаніе, оба они были доведены фаворитами и льстецами до крайней степени опасности, изъ которой не было другого исхода, кромѣ страшнаго преступленія. И отвѣтственность за всѣ преступленія падаетъ исключительно на ихъ окружающихъ.

Какъ ни любопытенъ я былъ слѣдить за ходомъ этихъ событій, мнѣ до сихъ поръ ничего иного не удалось въ этомъ усмотрѣть, а г-нъ Рюльеръ осмѣливается утверждать, что „онъ видѣлъ“.

*

Рюльеръ. Стр. 4. Отецъ ея, владѣтельный князь маленькаго государства и генералъ на службѣ Прусскаго короля, обиталъ въ крѣпости, гдѣ она воспитывалась среди ухаживанія гарнизонныхъ офицеровъ.

Автору этой злобной грубости также мало извѣстна обстановка частной жизни и дворовъ владѣтельныхъ монарховъ маленькихъ Нѣмецкихъ государствъ, какъ [2]) и изящество Французскаго языка и правила справедливости при изложеніи историческихъ событій.

Мало найдется читателей, которые прочтутъ безъ отвращенія такого рода заявленіе, столь бездоказательное, сколь мало интересное въ историческомъ смыслѣ, выраженное притомъ такимъ грубымъ и лаконическимъ слогомъ, какъ тотъ, которымъ пишетъ г-нъ де Рюльеръ.

Казалось бы, что когда рѣчь идетъ объ обвиненіи монарха въ дѣяніяхъ, не имѣющихъ никакого историческаго значенія, писатель, по крайней мѣрѣ, обязанъ освѣщать факты опредѣленно и доказать, что они происходили въ дѣйствительности. Накопленіе ихъ въ чрезмѣрномъ количествѣ и въ общихъ выраженіяхъ безцѣльно и безосновательно оскорбляетъ невинность, сдержанность и часто самую добродѣтель.

---

[1]) Какъ извѣстно, самъ Людовикъ XVI-й погибъ отчасти потому, что далъ слишкомъ много воли своей Маріи Антуанетѣ. П. Б.

[2]) Мать Людовика XVI-го была Саксонскою принцессою. П. Б.

Екатерина поддалась искушеніямъ страсти только послѣ своего замужества, и самъ авторъ сознаётся въ томъ, что дѣвицей она была въ этомъ отношеніи чрезвычайно сдержана.

*

Рюльеръ. Стр. 22. Воспитанный въ отвращеніи къ рабству, въ любви къ равенству, въ страсти къ героизму, онъ крѣпко привязался къ этимъ благороднымъ идеямъ; но въ любви его къ великому была мелочность, и геній его расточался въ пустякахъ.

Вотъ ужъ, если я не ошибаюсь, вполнѣ непонятныя слова! Мелочность въ любви къ великому есть безсмысленная игра словъ. Это антитеза, съ несовмѣстимыми противоположностями.

Вотъ метода писателей историческихъ романовъ, жертвующихъ плану и цѣли задуманнаго ими сочиненія репутаціей монарха, какими бы достоинствами и добродѣтелями онъ ни обладалъ. Государь, по ихъ мнѣнію, нелѣпъ или глупъ, если онъ не окружаетъ себя постоянною представительностью или если онъ отъ природы любитъ простоту. Какъ бы онъ ни поступалъ, онъ всегда будетъ подвергаться издѣвательству романистовъ. Если природа одарила государей влеченіемъ къ великому, г-нъ Рюльеръ ихъ упрекнетъ въ мелочности. Перо автора обоюдоострый кинжалъ, и портретъ добродѣтельнаго Петра III есть недостойная карикатура *).

*

Рюльеръ. Стр. 31 Великая княгиня замышляла о передачѣ короны сыну своему, чтобъ быть регентшей. Проектъ мудрый и вполнѣ согласовавшійся съ законами этой имперіи; но, чтобъ привести его въ исполненіе, надо было, чтобъ сама Елисавета отстранила отъ престола своего племянника.

Ничего подобнаго не замышляла великая княгиня. Во время царствованія Елисаветы, противъ проекта регенства было сильное, дорогое Русскому народу, дѣятельное и предусмотрительное министерство. Елисавета любила Петра, какъ собственнаго сына. Она все сдѣлала, чтобъ онъ ей наслѣдовалъ. Покрайней мѣрѣ этому служатъ доказательствомъ всѣ документы тогдашняго времени, и Франція относилась къ этому доброжелательно: ей было пріятно знать, чего можно ждать отъ двора, склоннаго къ революціямъ и въ которомъ ей не хотѣлось видѣть орудіе своихъ враговъ. Въ то время за великой княгиней наблюдали съ двухъ сторонъ: со стороны Русскаго двора и со стороны друзей ея мужа. Какъ и при всѣхъ дворахъ, не обошлось и тутъ безъ ядовитыхъ подстрекательствъ отъ интригановъ, дѣйствовавшихъ изъ за личныхъ выгодъ и особенно усердно подъ конецъ царствованія Елисаветы. Но великая княгиня была тогда далека отъ мысли о переворотахъ. Г-нъ де Рюльеръ не только измышляетъ романическіе проекты, но и позволяетъ себѣ относить ихъ въ несоотвѣтствующее время.

*) Сочувствовалъ Петру III-му и другой государь, въ наши дни погибшій также, какъ Людовикъ XVI-й. П. Б.

Рюльеръ. Стр. 32. Оставался послѣдній способъ по смерти императрицы Елисаветы: подложное завѣщаніе, способъ въ исторіи монарховъ не безпримѣрный. Но въ то время, какъ готовили эту интригу, переворотъ въ общеевропейскихъ дѣлахъ, лишилъ великую княгиню одного изъ ея друзей, стоявшаго во главѣ этого предпріятія, великаго канцлера Бестужева.

Нѣтъ ни малѣйшаго слѣда такого проекта въ перепискѣ тогдашняго времени и, хотя идея эта болѣе подходитъ къ свойствамъ ума и характера Екатерины, въ предположеніяхъ и данныхъ, на которыя расчитывала и которыя обдумывала Франція, нѣтъ ничего подобнаго. Насъ увѣдомили бы объ этомъ проектѣ, если бъ онъ существовалъ. Посламъ нашимъ было приказано его предузнавать, ибо подобный проектъ былъ противенъ нашимъ видамъ на наслѣдіе Петра Великаго. Если большинству Европейскихъ державъ было выгодно поддерживать безпорядки при Русскомъ дворѣ по поводу престолонаслѣдія, нашъ интересъ заключался въ томъ, чтобъ въ Россіи утвердилась прочная династія, съ которой намъ можно было бы поддерживать дружескія отношенія. Мы не должны забывать то, что мы сдѣлали для освобожденія Россіи *) отъ чужеземнаго ига и отъ опасности, возведеніемъ на престолъ потомства Петра I, даже и тогда, когда сама Россія про это забыла.

*

Рюльеръ. Стр. 34. Прежде чѣмъ привести въ исполненіе свой великій замыселъ, она сдѣлала еще одну попытку (въ день смерти Елисаветы, 5-го Января 1762 года) захватить власть болѣе мягкимъ способомъ. По ея наущенію, министры, духовникъ, любимецъ и слуги старались внушить умиравшей императрицѣ мысль примирить великаго князя съ его супругой.

Вы тутъ видите новый фактъ и новыя истины, доказывающія, что въ то время великая княгиня еще боялась своего супруга, желала его умилостивить, мечтала жить съ нимъ въ добромъ согласіи и увѣрить въ этомъ весь дворъ. Это доказываетъ, что тотъ и другой дошли уже, во взаимныхъ своихъ отношеніяхъ, до тяжелаго и опаснаго положенія, грозившаго переворотомъ при дворѣ, гдѣ вельможи такъ искусны въ составленіи заговоровъ и такъ безнаказанно умѣютъ ихъ подготовлять и приводить въ исполненіе, постепенно доводя монарха до тяжелаго, изобилующаго западнями положенія, съ кровавыми исходами.

*

Рюльеръ. Стр. 37. Петръ III началъ свое царствованіе указомъ, въ которомъ онъ, съ самовластіемъ самодержавца, даровалъ Русскому дворянству права свободнаго народа, какъ будто права народа могутъ зависѣть отъ подобныхъ уступокъ. Указъ этотъ возбудилъ такой восторгъ, что тщеславная нація предложила воздвигнуть ему памятникъ вылитый изъ чистаго золота.

---

*) Однако этого освободителя пришлося намъ выпроводить изъ Россіи. П. Б.

Вы видите теперь каково положеніе коронованныхъ лицъ.

Когда они воздерживаются отъ поблажекъ свободѣ, они тираны; когда же они ей способствуютъ, г-нъ де-Рюльеръ и ему подобные оспариваютъ у нихъ на это право. А въ ожиданіи дальнѣйшаго, вотъ неопровержимое доказательство добрыхъ намѣреній императора, которые, если даже онъ по слабости характера и не могъ привести въ исполненіе, тѣмъ не менѣе признаются его врагами, какъ доказательство его великодушія.

Это тотъ самый монархъ, котораго впослѣдствіи всѣ покинули, дворъ, вельможи, народъ, чтобъ стремиться на помощь къ его супругѣ и украсить ея торжество, забывая чѣмъ обязаны они августѣйшей крови Петра I-го, ихъ героя, ихъ отца, ихъ благодѣтеля и безъ котораго они все еще стояли бы на одномъ уровнѣ съ Татарами.

Какой урокъ для государей, а также и для народовъ!

*

Рюльеръ. Стр. 47. Съ той минуты, какъ Минихъ одолѣлъ Бирона, занявъ его мѣсто, они встрѣтились въ первый разъ въ веселой и шумной толпѣ, окружавшей Петра III. Императоръ ихъ позвалъ, сталъ ихъ уговаривать помириться и выпить вмѣстѣ; но, когда оставивъ ихъ вдвоемъ, онъ самъ удалился, бывшіе враги, пристально посмотрѣвъ другъ на друга и не дотрогиваясь до стакановъ наполненныхъ виномъ, повернулись спиной другъ къ другу.

Анекдотъ этотъ доказываетъ, какъ невозмутимъ былъ новый императоръ среди бѣшеныхъ партій, раздиравшихъ его дворъ и не перестававшихъ его волновать. Это доказываетъ, что онъ былъ достоинъ царствовать. Анекдотъ этотъ напоминаетъ добраго Массильона, обѣдающаго за однимъ столомъ съ яростнѣйшими Жанзенистами и Молинистами, играя съ ними, въ то время, когда они стремились истребить другъ друга.

*

Рюльеръ. Стр. 59. Всѣ государства начинали опасаться, чтобъ Фридрихъ II, воспользовавшись фанатическою преданностью своего поклонника, не усилилъ бы свою армію сотнею тысячъ Русскихъ воиновъ, и въ ожиданіи такого событія, Европѣ грозила революція.

Политическія познанія г-на де-Рюльера здѣсь ошибочны. Европа, напротивъ того, съ восхищеніемъ ждала, чтобъ Петръ III ринулся на помощь Пруссіи, которую Франція съ Австріей довели до изнеможенія и которую спасли отъ лютѣйшаго несчастія чудо и дружественная опора Императора. Для Россіи было также выгодно, какъ и для насъ теперь, чтобъ Пруссія и Австрія не сливались въ одно государство. Европѣ было желательно, чтобъ

Россія спасла Пруссію отъ истребленія соединенными силами двухъ великихъ державъ. Усилившись Прусскими владѣніями, Австрія получала возможность помѣряться могуществомъ съ Россіей, когда миръ былъ водворенъ, благодаря дружественному содѣйствію Петра III, что̀ доказываетъ, что государь этотъ былъ хорошій политикъ.

*

Рюльеръ. Стр. 62. Петръ III относился съ удивительною благосклонностью къ послу Фридриха II. Онъ хотѣлъ, чтобъ этотъ посолъ воспользовался всѣми молодыми женщинами его двора передъ отъѣздомъ на войну. Онъ ихъ съ ними запиралъ и становился съ обнаженной саблей у двери. Однажды онъ сказалъ великому канцлеру, который явившись съ докладомъ, засталъ его въ этомъ положеніи: «передайте то что̀ вы видите принцу Георгу, чтобъ онъ зналъ, что я воинъ».

Уже одно это доказываетъ, что г-нъ де-Рюльеръ, рѣшившись сочинить интересный романъ, воспользовался разсказами всѣхъ злодѣевъ того времени, стремящихся оправдать содѣянныя ими злодѣянія, посредствомъ двусмысленныхъ анекдотовъ, принимаемыхъ на вѣру и на счетъ монарха, добрыя качества котораго потомство со временемъ оцѣнитъ по справедливости.

*

Рюльеръ. Стр. 66. Петръ III намѣревался освободить отъ заточенія несчастнаго Ивана и признать его наслѣдникомъ престола. Съ этою цѣлью онъ приказалъ перевезти его въ ближайшую къ Петербургу крѣпость и навѣстилъ его. Онъ вызвалъ изъ-за границы графа Салтыкова...

Съ тѣхъ поръ, какъ пишутъ исторію, я не запомню такой нелѣпости, какъ сочиненіе г-на де-Рюльера. Петръ III былъ далекъ отъ совершенства, но онъ не способенъ былъ на такую пошлую угодливость чужестранному агенту. Благоговѣніе его передъ Фридрихомъ было часто чрезмѣрно, но чувство это было основано на такихъ важныхъ государственныхъ причинахъ, что супруга его, которая была проницательнѣе Елисаветы, по воцареніи своемъ, послѣдовала въ иностранной политикѣ примѣру своего мужа.

*

Рюльеръ. Стр. 98. Императрица приказала передать иностраннымъ дворамъ, съ которыми ея супругъ разорвалъ союзъ, что она возмущается этимъ коварствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ она принимала мѣры, чтобъ испрашивать у этихъ дворовъ деньги, въ которыхъ она начинала ощущать надобность. Иностранные послы, особенно Французскій, баронъ де-Бретёйль, привыкшіе уже много лѣтъ руководить умами этой страны, ревностно слѣдили за настоящимъ кризисомъ общихъ дѣлъ, чтобъ ставить преграды къ осуществленію проектовъ враждебныхъ ихъ государямъ. Поспѣшно воспользовались они для этой цѣли заговоромъ и, не взирая

на предписаніе ихъ дворовъ воздерживаться отъ большаго участія въ этомъ движеніи, каждый изъ нихъ съ дѣятельностью и съ успѣхомъ, способствовалъ къ предоставленію Императрицѣ всѣхъ своихъ приверженцевъ. Министры же, партіи императора дѣйствовали въ противномъ смыслѣ. Капитанъ гвардіи Пассекъ бросился къ ногамъ императрицы, умоляя ее дозволить ему захватить императора среди бѣлаго дня, во главѣ его гвардіи.

Я знаю, что Францію обвиняли въ содѣйствіи къ перевороту въ Санктъ-Петербургѣ. Я знаю, что говорили, будто бы Франція и Вѣнскій дворъ подготовили роковое событіе... Принимая живѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ, я допрашивалъ по этому поводу многихъ свѣдущихъ лицъ, а въ особенности двухъ министровъ покойнаго короля, присутствовавшихъ въ Совѣтѣ, когда въ немъ обсуждались Русскія дѣла, и оба они, не подготовленные къ моимъ вопросамъ, отвѣчали мнѣ, что покойный король рѣшилъ не вмѣшиваться въ то, чтò происходило въ Россіи и предоставить это дѣло естественному своему теченію. „Прусскій король очень ловкій человѣкъ“, прибавилъ король „и я не сомнѣваюсь въ томъ, что, предвидя торжество императрицы, онъ уже успѣлъ подготовить какое-нибудь доказательство своей къ ней дружбы; но намъ простительно сомнѣваться въ благодарности Екатерины послѣ неблагодарности, оказанной намъ Елисаветою при такихъ же обстоятельствахъ, и мы будемъ разсчитывать на Англію, съ которой Русскіе связаны столькими интересами, а слѣдовательно и съ Прусскимъ королемъ. Будемъ также разсчитывать на дружбу между двумя умными головами, когда мы имѣемъ въ Петрѣ III монарха, не обладающаго характеромъ и предпріимчивостью и спасеніе котораго зависитъ отъ услугъ и добрыхъ совѣтовъ его друзей“. Вотъ въ чемъ заключалось желаніе покойнаго короля, столь плохо исполненное министромъ, находившимся тогда во главѣ иностранныхъ дѣлъ и который былъ болѣе свѣдущъ чѣмъ король о намѣреніяхъ обѣихъ императрицъ. Трудно было бы прослѣдить дѣйствія министра, не оставившія по себѣ слѣда; но ему хотѣлось усилить союзъ противъ Фридриха II и ослабить союзъ Россіи съ Пруссіей, могущій возстановить противъ насъ торжествующую и жаждущую мира Англію. Чтобъ достичь этой цѣли, онъ втайнѣ интриговалъ противъ Петра III въ пользу Екатерины, потому что первый былъ заклятымъ другомъ Фридриха; а впослѣдствіи, онъ, опять-таки втайнѣ отъ короля, дѣйствовалъ противъ Екатерины, потому что она не входила въ интересы союза 1757 года, какъ это и предвидѣлъ король. Но уваженіе мое къ памяти короля обязываетъ меня засвидѣтельствовать, что онъ не принималъ ни малѣйшаго участія въ заговорахъ 1762-го года.

*

Рюльеръ. Стр. 185. Солдаты были изумлены тѣмъ, чтò они сдѣлали. Имъ казалось, что только колдовствомъ можно было ихъ заставить свергнуть съ престола внука Петра Великаго, чтобъ посадить на его мѣсто Нѣмку.

Большая часть изъ нихъ дѣйствовала безъ размышленія, слѣпо слѣдуя примѣру другихъ, и каждый изъ нихъ, очнувшись отъ удовольствія располагать престоломъ, и вернувшись въ свое подлое состояніе, ничего кромѣ угрызеній совѣсти не ощутилъ.

Такова была судьба націи, въ которой Петръ Великій, не взирая на свою геніальность, уничтожилъ законъ преемственнаго престолонаслѣдія, чтобъ замѣнить его произволомъ царствующаго монарха. Привыкнули съ давнихъ поръ къ управленію иностранныхъ принцевъ, и кровь Петра Великаго утратила для Россіи свою цѣну и когда эта кровь, въ лицѣ Петра III, снова была на престолѣ, народъ не придалъ ей значенія. Къ тому же, такъ какъ и императоръ и супруга его поддались теченію, вмѣсто того, чтобъ имъ управлять, оба супруга, вельможи и само войско изумлялось, узнавая о готовившемся переворотѣ и до чего они дошли. Но переворотъ этотъ былъ такъ мало подготовленъ и предусмотрѣнъ обоими супругами, что при его развязкѣ мы видимъ, что императрица желаетъ только быть регентшей, а Петръ, наканунѣ своего паденія, пытается сблизиться съ нею, въ полной увѣренности, что она согласна съ нимъ примириться. Можно ли послѣ этого удивляться, что армія пришла въ изумленіе передъ тѣмъ, что̀ она свершила, когда сами вѣнценосцы заблуждались на счетъ своихъ собственныхъ намѣреній? Опасеніе страданій и позора, внушенное ей окружающими, возвело великую княгиню на тронъ. Неосторожность и недальновидность свергли съ него законнаго владѣльца, а страхъ передъ заслуженной карой ускорилъ развязку.

*

Конечно Французскій король не могъ понять, что воцареніе Екатерины было дѣломъ воли народа, выраженной лучшими его представителями, во главѣ съ духовенствомъ. Оно кромѣ того было схоже съ воцареніемъ Михаила Θеодоровича: тогда освобождались отъ Поляковъ, въ 1762 году отъ Голштинцевъ. П. Б.

МИТРОПОЛИТЪ АРСЕНІЙ МАЦІЕВИЧЪ

I.

на Тобольской каѳедрѣ.

1741—1742 г. [1]).

Въ началѣ 1741 года освободилась одна изъ видныхъ архіерейскихъ каѳедръ, митрополія Тобольская. Св. Синодъ въ засѣданіи 26 Февраля 1741 г. избралъ для представленія на высочайшее имя двухъ кандидатовъ на это мѣсто: черниговскаго архимандрита Тимоѳея Максимовича и «обрѣтавшагося въ С.-Петербургѣ, опредѣленнаго отъ Синода для обученія ставленниковъ, экзаминатора іеромонаха Арсенія Маціевича» [2]). Хотя архимандритъ Тимоѳей представленъ былъ первымъ кандидатомъ и являлся по своему іерархическому положенію выше и заслуженнѣе Арсенія, но сей послѣдній былъ предпочтенъ ему правительницею Анною Леопольдовною.

Такой крупный шагъ изъ іеромонаховъ въ митрополиты трудно объяснить инымъ чѣмъ, какъ не покровительствомъ Арсенію первенствующаго въ то время члена Синода, Амвросія Юшкевича [3]), пользовавшагося большимъ расположеніемъ правительницы Анны Леопольдовны. Конечно имѣло здѣсь свое значеніе и прежнее знакомство Маціевича съ Сибирью, на что указывалъ и синодальный отзывъ о немъ.

---

[1]) Настоящій очеркъ принадлежитъ къ обширному изслѣдованію объ Арсеніи Маціевичѣ, составленному на основаніи главнымъ образомъ новыхъ архивныхъ показаній, извлеченныхъ изъ разныхъ рукописей.

[2]) О назначеніи Арсенія на Тоб. каѳедру сохранилось дѣло въ Архивѣ Свят. Синода отъ Февр. 26 дня 1741 г. Здѣсь же находятся и отзывы про обоихъ кандидатовъ. Именно объ Тимоѳеѣ говорится, что „онъ не точно постояннаго и неззорнаго житія, но я въ школьномъ ученіи, такожъ и въ проповѣди Слова Божія достаточный". Объ Арсеніи отзывъ таковъ: „іеромонахъ Арсеній такожде въ проповѣди слова Божія достаточенъ и въ неоднократныхъ на корабляхъ кампаніяхъ былъ, отправляя должность свою по чину своему безпорочно".

[3]) Амвросій Юшкевичъ послѣ Ѳеофана Прокоповича назначенъ былъ первенствующимъ членомъ Синода и занялъ Новгородскую каѳедру. У него и проживалъ Арсеній М—чъ до своего назначенія въ Тобольскъ.

Нареченіе новаго митрополита состоялось 13, а поставленія 15 Марта «въ церкви Казанской Богородицы что на Адмиралтейской перспективѣ [1]). Теперь кончилось время странствованія и малоизвѣстности Арсенія. Началась новая жизнь, жизнь виднаго церковнаго дѣятеля, жизнь, въ которой ярко обнаружилась вся личность Арсенія: его характеръ, направленіе его мыслей и складъ убѣжденій. На другой день послѣ посвященія Арсеній подалъ въ Синодъ просьбу о томъ, что бы ему и его свитѣ дали ямскихъ лошадей до Москвы и Тобольска на 24 подводы и денегъ на довольство въ столь продолжительномъ пути. За неимѣніемъ денегъ на такіе расходы, Синодъ сначала было отказалъ Мацієвичу въ его просьбѣ, но когда Арсеній во второй разъ подалъ подобное же прошеніе, ссылаясь въ немъ на примѣры митрополитовъ Тобольскихъ Іоанна и Антонія, „получавшихъ награжденіе на всякія въ пути необходимыя нужды и на прогоны». Синодъ снесся съ Сенатомъ, и чрезъ мѣсяцъ послѣ второго прошенія велѣно было дать ему на подъемъ и на проѣздъ до Тобольска изъ штатсъ-конторы 615 рублей и лошадей 15 подводъ. Для конвоя вмѣстѣ съ Арсеніемъ ѣхали два Сибирскихъ гарнизонныхъ унтеръ-офицера и три служителя, изъ нихъ одинъ малороссъ [2]).

Слабый здоровьемъ Арсеній [3]) съ трудомъ доѣхалъ до Тобольска. Уже на половинѣ пути, въ Верхотурьѣ, онъ такъ сильно захворалъ отъ переутомленья, что, не смотря на помощь присланнаго ему изъ Тобольска лекаря, долженъ былъ пробыть здѣсь около двухъ мѣсяцевъ, пока не оправился отъ болѣзни. Толко 18 Декабря послѣ восмимѣсячнаго путешествія Арсеній прибылъ въ Тобольскъ и вступилъ въ управленіе своею епархіею.

Тобольская епархія, заключая въ себѣ всю Западную Сибирь, была тогда одною изъ обширнѣйшихъ епархій Россіи. Но насколько она была

---

[1]) Указъ Синода о назначеніи Арсенія митрополитомъ Тобольскимъ: „Честный отецъ іеромонахъ Арсеній! Всепресвѣтлѣйшій и державнѣйшій Великій Государь Іоаннъ III Императоръ и Самодержецъ Вероссійскій именнымъ своимъ Императорскаго Величества всемилостивѣйшимъ указомъ повелѣть соизволилъ, и Св. Прав. Синодъ благословляютъ святыню вашу быть митрополитомъ Богоспасаемаго града Тобольска и Сибири“. Отвѣтъ Арсенія на указъ Синода. „Понеже Всепресвѣтлѣйшій и державнѣйшій Великій Государь Іоаннъ III Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій повелѣть соизволилъ произвести и Св. Прав. Синодъ судили меня достойно быти въ таковую службу, благодарю и пріемлю и нитако вопреки глаголю“. 11 Марта 1741 года. Дѣло Св. Синода отъ 26 Февраля 1741 года.

[2]) Дѣло Св. Синода отъ 16 Марта 1741.

[3]) Извѣстно, что Арсеній во время своихъ морскихъ путешествій по Ледовитому океану захватилъ сильную цингу, которая весьма его безпокоила всю жизнь и быть можетъ имѣла не мало значеніе въ его разныхъ рѣзкихъ выходкахъ.

велика по пространству, настолько же была и неустроена. По словамъ всѣхъ путешественниковъ посѣщавшихъ Сибирь въ XVIII вѣкѣ, духовно-нравственное состояніе ея представлялось прямо какимъ-то адомъ. Страшная, и отвратительная безнравственность, жестокость, «звѣроподобное свирѣпство и скотоподобный развратъ» *) господствовали среди населенія Сибири. Научить и воспитать это населеніе въ духѣ Христіанской вѣры было почти некому. За небольшими исключеніями само Сибирское духовенство жило не лучше своей паствы. Да и духовенства было весьма мало. Встрѣчались церкви, гдѣ по десяткамъ лѣтъ не было пѣнія церковнаго и службъ Божіихъ—за недостаткомъ священниковъ. Самые приходы представляли собою нерѣдко цѣлыя области въ нѣсколько сотъ и даже тысячъ квадратныхъ верстъ. Чтобы священникъ могъ посѣтить всѣхъ своихъ прохожанъ для одного только совершенія необходимыхъ требъ, требовались иногда цѣлые годы. О какомъ-либо наученьи истинамъ Христовой вѣры, о духовномъ назиданіи посомыхъ нечего было, конечно, и думать при такихъ условіяхъ жизни. Поэтому «люди оставались въ первобытной дикости». Множество изувѣровъ-раскольниковъ, переселявшихся постоянно изъ Европейской Россіи на вольное житье въ Сибирскую глушь, толпы язычниковъ-инородцевъ должны были доставлять также немало заботъ Тобольскимъ владыкамъ. Наконецъ смуты и разнаго рода неурядицы среди крещеныхъ инородцевъ, принимавшихъ нерѣдко христіанство безъ всякого почти наученія истинамъ новой вѣрѣ, столкновенія изъ-за нихъ со свѣтскими властями, злоупотребленія и нападки на духовенство самихъ свѣтскихъ властей, грубое вмѣшательство ихъ въ чисто-церковныя дѣла, все это еще болѣе увиличивало трудность управленія Тобольскою епархіею. Недаромъ одинъ изъ предшественниковъ Арсенія, митрополитъ Игнатій, образованный и ревностный архипастырь, сошелъ съ ума, надорвавши силы въ это непосильной борьбѣ. Такое тяжелое положеніе дѣлъ въ епархіи зналъ, конечно, и Арсеній. Два года проведенные имъ въ Тобольскѣ у митрополита Антонія Стаховскаго (1733—1735.) въ званіи проповѣдника и экзаминатора ставленниковъ дали ему возможность познакомиться со всѣмъ строемъ Тобольской епархіальной жизни, а 4 морскихъ путешествія по Ледовитому океану показали ему самые глухіе и недоступные углы дикой Сибири.

Это знакомство Арсенія съ Сибирской жизнью, твердый его характеръ, значительная, особенно по тому времени, образованность, связи его съ сильными міра, надежды на поддержку самой Императрицы Елиса-

---

*) Сочиненія Н. Лѣскова: „Сибирскія картины" 12 глава.

веты Петровны, недавно восшедшей на престолъ, къ которой Арсеній тотчасъ же по пріѣздѣ въ Тобольскъ безбоязненно обратился съ письмомъ, прося ее «не оставить его своимъ благоматерьнимъ милосердіемъ [1])» все это заставляло предполагать, что новый митрополитъ могъ много сдѣлать «на пользу церкви святой и здѣшней бѣдной епархіи», какъ называлъ Арсеній Тобольскую епархію. Дѣйствительно, не смотря на менѣе чѣмъ двухъ-мѣсячное пребываніе Арсенія въ Сибири (съ 18 Декабря 1741 г. по 12 Февраля 1742 г.) отъ него остался здѣсь цѣлый рядъ всякихъ указовъ и промеморій. Разсматривая ихъ, нельзя не замѣтить одну особенную черту: почти всѣ они главнымъ своимъ предметомъ имѣютъ борьбу со свѣтскими властями, которыя вмѣшивались въ церковныя дѣла. Слѣдуетъ сопоставить съ одной стороны высокіе взгляды самого Арсенія на свою архіерейскую честь и власть и на отношенія свѣтской власти къ духовной; съ другой то печальное состояніе всего Сибирскаго духовенства, его полнѣйшую зависимость отъ произвола разнаго рода свѣтскихъ начальниковъ въ тяжкое для всей вообще Руси правленіе Бирона. На эти то непорядки по всей вѣроятности и намекаетъ Арсеній въ своемъ письмѣ къ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ изъ Тобольска, говоря, что онъ нашелъ здѣсь «нѣкоторыя отъ прежнихъ несчастливыхъ разоренія". Каковы были эти разоренія при предшественникѣ Арсенія Антоніи Стоховскомъ свидѣтельствуетъ одинъ документъ, извлеченный нами изъ архива Св. Синода, именно промеморія митрополиту Антонію, присланная изъ канцеляріи главнаго заводскаго управленія въ Екатеринбургѣ [2]).

По справкѣ въ канцеляріи оказалось, «что многіе изъ жителей заводскихъ слободъ въ разные годы бѣжали въ Тобольскъ и здѣсь по просьбѣ ихъ безъ объявленія о себѣ мірскихъ выборовъ и свидѣтельствъ» были митрополитомъ опредѣлены на разныя священно и церковнослужительскія мѣста». Такъ какъ подобныя опредѣленія являлись противными Ея Императорскаго Величества указамъ и правиламъ церковнымъ, да и въ дѣлахъ заводскихъ не безъ остановки отъ нихъ вслѣдствіе частаго бѣгства съ заводовъ служащихъ и уклоненія ихъ отъ работы, то поэтому «опредѣлили мы» (говорится въ промеморіи) «писать къ вашему преосвященству, что бы изъ здѣшняго вѣдомства (т. е. изъ заводскихъ жителей), не токмо не имѣющихъ отъ прихожанъ выборовъ, но и такихъ, которые выборы будутъ имѣть, да нашего объ нихъ представленія не будетъ, не только въ попы или во дьяконы, но ниже въ дьячки

---

[1]) Ст. Морош.

[2]) Приложеніе къ Синод. дѣлу отъ 9 Марта 1742 г.; № 363.

и пономари посвящать не благоволили; ибо по имянному Ея И. В. указу всѣ казенные и партикулярные заводы и къ нимъ приписныя слободы поручены въ главную команду намъ и за первѣйшихъ прихожанъ во всемъ здѣшнемъ вѣдомствѣ почитаемъ мы». Вмѣстѣ съ этой промеморіей посланы были изъ канцеляріи во всѣ подчиненыя ей команды указы: «буде кто изъ обученныхъ въ архіерейской или здѣшней школахъ по ихъ усмотрѣніи возмнится имъ быти достоинъ до приведенія въ церковники,таковыхъ съ приговорами на нихъ отъ прихожанъ и управителей присылать въ канцелярію главнаго заводскаго правленія, гдѣ объ нихъ разсмотря, учинено будетъ по указамъ; ктоже, не взявъ отъ прихожанъ выбора, уйдетъ и паче чаянья посвященъ будетъ въ церковный чинъ, таковыхъ велѣно присылать подъ крѣпкимъ карауломъ въ саму канцелярію» для наказанья. Не смотря на такую промеморію, Антоній почему-то вскорѣ опять назначилъ одного ученика заводской школы пономаремъ къ церкви Каменскаго завода на отцовское мѣсто. Канцелярія главнаго заводскаго управленія, узнавъ объ этомъ опредѣленіи, сдѣлала прямой уже *выговоръ* Антонію за неисполненіе первой промеморіи и послала ему опять «*требованіе*, чтобы онъ впредъ безъ свидѣтельства канцеляріи никого въ церковники не производилъ и не посвящалъ». Бѣднаго же школьника пономаря, вмѣстѣ съ его отцомъ и всѣми жителями завода, подписавшимися на выборномъ свидѣтельствѣ, было приказано изъ канцеляріи высѣчь плетьми за неисполненіе указовъ канцеляріи; о чемъ предупредительно извѣщался и митрополитъ Антоній *). Если заводская канцелярія не стѣ-

---

*) Приложеніе къ дѣлу за № 363 изъ синод. архива. Подвергшись выговору отъ Заводской Канцеляріи, получая изъ нея рѣзкія промеморіи, Антоній въ защиту себя и подвѣдомственнаго ему духовенства, могъ писать только смиренныя письма къ разнаго рода заводскимъ управителямъ. Таково, напр. его письмо къ Андрею Ѳед. Хрущову, управителю Екатеринбургскихъ заводовъ. Антоній „смиренно проситъ Хрущова, яко своего благопріятнаго благодѣтеля, дабы онъ былъ милостивъ къ тамошнему въ Екатеринбургскомъ вѣдомствѣ обрѣтающемуся бѣдному священству и не отягощалъ бы ихъ другого званія игомъ, какъ стало нынѣ извѣстно, ему митрополиту, чтобы затѣмъ они (т. е. духовные лица) отъ своего не отстали, и (заботились) объ ученіи дѣтей своихъ, каковое полезное и благопотребное есть дѣло. Порабощеніе же ихъ въ свѣтскія команды по силѣ присланнаго къ митрополиту Ея Им. Величеству указу будетъ не согласно. А наипаче о семъ бѣдномъ протопопѣ Іаковѣ (изъ Екатеринбурга) прошу, чтобы дѣти его діаконъ Кириллъ, за чинъ священства, также другой Стефанъ, хотящій произвестись нынѣ, отъ подушнаго платежа были милостиво уволены, котораго (платежа) они никогда не плачивали, и при переписи и свидѣтельствѣ душъ были не положены. Прочіе же племянники его (протопопа) для произведенія впредъ на упалыя мѣста по силѣ указа Ея Имп. Величества были бы въ нашей командѣ оставлены и отъ ига заводской работы и подушнаго платежа милостивно помилованы, понеже законную по силѣ указовъ сотворить милость весьма безъ всякаго труда можно, а немощная спасати и избавляти христіанскаго благо-

снялась дѣлать выговоръ самому митрополиту, то съ низшимъ духовенствомъ она уже распоряжалась имъ, какъ своими подчиненными, «разсылая имъ даже указы, «гдѣ коему попу быть въ священнослуженіи». Такъ напр., по одному приказанію канцеляріи безъ всякаго сношенія съ митрополитомъ, попъ при церкви Качелданскаго острога Алексѣй Тимофѣевъ былъ переведенъ въ Араминскую слободу, о чемъ и посланъ былъ изъ канцеляріи указъ Екатеринбургскому закащику попу Іакову.

Такихъ «продерзостей» со стороны свѣтскихъ властей, «совершенно уничтожавшихъ духовное правительство, унижавшихъ архіерейскую честь и санъ» не могъ, конечно, вынести Арсеній съ его строго опредѣленными взглядами на отношенія свѣтской власти къ духовной. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Тобольскъ началась ожесточенная борьба Арсенія съ разными гражданскими чиновниками, нарушавшими права и преимущества Тобольскаго епископа и обижавшими Сибирское духовенство. Со стороны Арсенія посыпались грозныя промеморіи и указы, рѣзкія жалобы и доношенія въ Синодъ и Сенатъ.

«По прибытіи нашемъ въ Тобольскъ, пишетъ Арсеній Синоду, намъ было донесено отъ домовой нашей архіерейской канцеляріи, что канцелярія главнаго правленія заводовъ денежные приходы и расходы Екатеринбургской церкви имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи безъ сообщенія съ нами. Того ради приказалъ я по всѣмъ повытьямъ возъимѣть справку, не вступаетъ ли оная канцелярія и въ другія какія-либо церковныя дѣла своими опредѣленіями». По справкѣ оказалось, что вступаетъ и немало. Такъ во 1-хъ означенная канцелярія не позволяла предшественнику Арсенія митрополиту Антонію въ священный чинъ производить и въ причетники опредѣлять безъ ихъ свидѣтельства, хотя бы и заручные выборы по указамъ отъ прихожанъ имѣли», наказывая непослушни-

---

честія есть дѣло" и т. д. На эту смиренную просьбу митрополита Хрущовъ отвѣчалъ дерзкимъ и грубымъ письмомъ. „Прибылъ ко мнѣ протопопъ Іаковъ, пишетъ Хрущовъ, и говорилъ, что вы изволили сына его Степана на мѣсто его протопопа посвятить въ попы, яко наслѣдника"; То-бы изрядно было ежели бы священство было наслѣдственное. Оной же Степанъ не явился годенъ быть у письма подъячаго въ конторѣ, какъ можетъ быть годенъ онъ душъ человѣческихъ пастыремъ, неразумный учителемъ и спасенія ихъ ходатаемъ. Отецъ его Іаковъ, хотя мнѣ отецъ духовный, безъ вѣдома главнаго здѣшняго правленія, которое всякой церкви почитается яко главный прихожанинъ, взялъ выборъ у крестьянъ, которые не знаютъ, что есть священство и вашему преосвященству дерзнулъ подать. Ради того оный Стефанъ, хотя пріѣдетъ попъ, но не будетъ попомъ въ Арамини (т. е. въ томъ приходѣ, куда опредѣленъ Антоніемъ), а будетъ почтенъ съ невходящими во дворъ овчій двери, но съ прелазащими инуде. Требуя вашего благословенія нижайшій остаюсь Андрей Хрущовъ".

жовъ и ихъ выборщиковъ плетями. Во 2-хъ изъ оной же канцеляріи сверхъ архіерейскихъ посылаемые были указы, гдѣ, какому попу быть въ священнослуженіи. Въ 3-хъ оная же канцелярія требовала къ себѣ на судъ священниковъ въ ихъ духовныхъ дѣлахъ и держала ихъ подъ карауломъ безвинно; посылала отъ себя указы объ освященіи церквей въ которыхъ написано, что «одному священнику по данной отъ архіерея грамотѣ церковь освящать, а другому за освященіе той церкви деньги взять“. Особенно же возмутило Арсенія распоряженіе канцеляріи разломать строившуюся въ Екатеринбургѣ каменную церковь, заложенную по предложеніи генерала Реннинга по Ея Императорскому Величеству указу. Эту церковь, пишетъ Арсеній, разбросали, и уничтожили, чего уже горше и быть не можетъ; такъ какъ «прежняя деревянная церковь обветшала и по многолюдству обывателей необходимо имѣть двѣ церкви, а осталась одна, да и то ветхая, а потому признается, что имъ и церкви ненужны»; Арсеній проситъ Св. Синодъ: «учинить указное предложеніе, дабы отнынѣ впредъ оная канцелярія въ церковныя и въ надлежащія до духовнаго правленія дѣла своими наглыми продерзостями не вступала, а Татищева опредѣленіямъ не слѣдовала, который мимо мѣстнаго архіерея къ архимандритамъ о приниманіи раскольниковъ въ монастыри не стыдился писать указами»... А по мнѣнію моего смиренія, пишетъ Арсеній означенной Консисторіи въ духовныя дѣла вступать и тѣми своими продерзостями духовного правительства властей уничтожать, а духовной же командѣ подчиненнымъ, а особливо священнослужителямъ обидъ наносить и озлобленія чинить и въ церковныя дѣла, которыя надлежатъ до разсужденія архіереомъ, мѣшатся и интересоваться весьма не надлежитъ, и ежели таковыя продерзости пресѣчены не будутъ и впредъ, оная канцелярія, яко свѣтская, а не духовныхъ дѣлъ правительство въ тѣ духовныя дѣла продерзостью своею будетъ еще вступать, то не только наши подчиненые претерпѣвать будутъ по ихъ самовластнымъ опредѣленіямъ озлобленія, но и сами архіереи принуждены будутъ въ правленіи своихъ духовныхъ должностей не безъ нареканія, а наипаче егда оная канцелярія, яко мірская, но преимущественная надъ нами власть, повелѣвать будетъ здѣшней Сибирской епархіи подчиненнымъ намъ духовнымъ лицамъ, и потому едино при насъ только останется званіе архіерейское, а власти и дѣла архіерейскаго ничего не будетъ». Въ заключеніи Арсеній жалуется еще на то, что канцелярія сноситься съ нимъ и съ подчиненными ему священнослужителями указами, а не промеморіями, отчего нѣтъ надлежащаго почтенія къ нему и «можетъ послѣдовать великое безмѣстіе». Жалобѣ Арсенія данъ былъ въ Синодѣ ходъ. Синодъ снесся обо всемъ съ Сенатомъ, откуда и посланъ былъ въ канцелярію заводовъ строгій указъ, чтобы она впредь въ духовныя дѣла не мѣшалась

подъ опасеніемъ за-то немалого штрафа. Сибирское духовенство, увидя въ Арсеніи такого ревностнаго защитника его правъ, не замедлило обратиться къ нему съ своими жалобами на свѣтскихъ властей. Такъ въ Январѣ 1742 г. къ Арсенію была прислана просьба одного священника-закащика объ освобожденіи его изъ подъ ареста въ Сибирской губернской канцеляріи. Этотъ священникъ опредѣленный еще митрополитомъ Филоѳеемъ Лещинскимъ въ Пелымскую волость для крещенія Вогуловъ, терпѣлъ отъ послѣднихъ постоянныя притѣсненія и даже побои. Дѣло дошло до того, что разъ, когда онъ пріѣхалъ къ Вогуламъ для переписи ихъ, они избили его самого и все его семейство и даже подали доносъ на него Пелымскому воеводѣ, обвиняя его во взяточничествѣ, въ самовольной расправѣ съ ними и т. п. Воевода, не разобравъ дѣла, въ день восшествія на престолъ Елисаветы Петровны схватилъ священника, заковалъ его въ цѣпи и отправилъ въ Сибирскую канцелярію. Канцелярія безъ всякихъ сношеній съ духовнымъ начальствомъ сдѣлала допросъ священнику и не выпускала его изъ-подъ заключенія. Изложивъ все это дѣло, Арсеній упрекаетъ далѣе свѣтское начальство Сибири въ превышеніи власти, во вмѣшательствѣ въ чуждую, неподсудную ему область. Онъ говоритъ: «что означеннаго попа въ духовномъ дѣлѣ, подлежащемъ до нашего разсмотрѣнія и до духовнаго суда, въ свѣсткую команду отъ самихъ новокрещенныхъ доношенія принимать и по тѣмъ духовнымъ дѣламъ духовное и въ служеніи Богу священное лицо въ свѣтской командѣ спрашивать *весьма не надлежало*, а надлежало онымъ новокрещеннымъ доносить въ духовныхъ дѣлахъ на онаго попа нашему архіерейству, а не въ свѣтскую команду; понеже свѣтская и неосвященная персона духовное лицо на себя брать и священника въ совѣстныхъ падежахъ мимо главныхъ духовныхъ властей, которымъ дана власть вязать и рѣшить по святымъ законамъ, допрашивать и судить никакъ не можетъ» *). Относительно того, что Пелымскій воевода допустилъ сковать обвиняемаго въ день полученія указа о восшествіи на престолъ Елисаветы Петровны, Арсеній объявилъ, что войдетъ съ особымъ представленіемъ «куда надлежитъ, понеже оное дѣло высокое». Затѣмъ, обращаясь къ самому вопросу о виновности священника, замѣчаетъ, что сомнительно еще, кто болѣе виноватъ: священники ли или свѣтскіе правители, «которые сами къ полученію мягкой рухляди имѣютъ большую склонность, а порицаютъ священниковъ». Оправдывая послѣднихъ бѣдностью ихъ и нуждою, митрополитъ въ упрекъ свѣтской администраціи указываетъ на бывшее слѣдствіе о ясачныхъ сборщикахъ въ Сургутѣ, которые притѣсняли инородцевъ.

*) Яросл. Епарх. Вѣдомости. 1864 г. № 4.

«И сіе все представляется, замѣчаетъ Арсеній, не для какого на воеводъ нареканія, которые не бѣлками, но цѣлыми мѣхами отбираютъ, и не защищенія поповъ, которые берутъ себѣ на пропитаніе бѣлочками, но токмо по истинѣ изъявляется, что вмѣсто помощи, какъ нынѣ бѣдное священство гонятъ и турбуютъ и изневожаютъ, куютъ и бьютъ, яко злодѣевъ и инстигуютъ (преслѣдуютъ) безъ мѣры, не яко о правдѣ пекущеся, но яко сами, любоимѣнія страстью одержимы суще, ищутъ себѣ всякими неправедными вымыслы пріобрѣтенія». Указавъ на общее тяжелое положеніе Сибирскаго духовенства, удаленнаго отъ центральной власти и предоставленнаго полному произволу и гнету воеводъ, Арсеній въ заключеніи своей промеморіи требуетъ освободить священника изъ подъ караула и представить его на судъ духовному начальству.

Въ томъ же Январѣ митрополиту Арсенію опять пришлось ограждать права духовенства отъ притязаній свѣтскихъ властей. Крестьянинъ архіерейской вотчины, побитый прикащикомъ ея, донесъ на сего послѣдняго Сибирской канцеляріи, обвиняя его не только въ побояхъ, но и въ принадлежности къ шайкѣ разбойниковъ, ограбившихъ когда-то Персидскихъ купцовъ на Волгѣ. Канцелярія, не снесшись съ духовнымъ начальствомъ, забрала ихъ обоихъ. Когда Арсеній узналъ о томъ, онъ немедленно послалъ промеморію съ требованіемъ представить виновныхъ на его судъ. Наконецъ, по отъѣздѣ уже изъ Тобольска, Арсеній подалъ прямо въ Синодъ два доношенія на Сибирскаго воеводу Миклашевскаго и Тобольскаго губернатора Ивана Шипова. Миклашевскаго онъ обвинялъ въ различныхъ насиліяхъ надъ новокрещенными Татарами, «въ битьѣ ихъ плетьми на смерть за воспріятіе св. крещенія» и просилъ Синодъ обратить особое вниманіе на это дѣло, такъ какъ иначе инородцы, напуганные «свѣтскими злоковарными, неправедными, лихоимственными слѣдствіями, не будутъ имѣть охоты къ св. крещенію». Синодъ исполнилъ просьбу Арсенія и послалъ въ Сенатъ вѣдѣніе «о сей важной церковной нуждѣ». Сенатъ приказалъ Сибирской губернской канцеляріи арестовать Миклашевскаго и разслѣдовать немедленно его дѣло прежде всѣхъ другихъ. Увѣдомляя Св. Синодъ о своемъ рѣшеніи, Сенатъ обратилъ вниманіе его «на разныя уразительныя рѣчи», написанныя Арсеніемъ въ его доношеніи, что будто бы «воеводы безсовѣстные», что «свѣтскія власти чинятъ лихоимственныя слѣдствія и т. д. и просилъ Синодъ сдѣлать распоряженіе, чтобы никто изъ его подчиненныхъ не употреблялъ таковыя рѣчи, запрещенныя еще указомъ Петра Великаго. Синодъ немедленно опредѣлилъ послать къ Арсенію *указъ съ выговоромъ* за употребленіе поносительныхъ и уразительныхъ рѣчей на общее «лицо». «И то ваше преосвященство учинилъ весьма

неусмотрительно», писалось въ указѣ, «чего ради отнынѣ вашему пре освященству таковыхъ и тому подобныхъ словъ отнюдь не должно употреблять въ своихъ доношеніяхъ и во всякихъ письменныхъ корреспонденціяхъ подъ опасеніемъ немалаго штрафа» [1]), опредѣленнаго въ указѣ Петра Великаго.

Это былъ первый выговоръ Арсенію за употребленіе имъ рѣзкихъ словъ и выраженій, за которымъ послѣдовалъ вскорѣ цѣлый рядъ подобныхъ же и болѣе строгихъ «прещеній со стороны синодальной власти, доходившей до жалобъ самой Императрицѣ на строптиваго и не стѣснявшагося въ подборѣ выраженій митрополита.

Тобольскій губернаторъ Ив. Шиповъ надѣлалъ Арсенію еще больше непріятностей, чѣмъ Милашевскій [2]). До прибытія еще Арсенія въ Тобольскъ Сибирская губернская канцелярія потребовала отъ архіерейской домовой канцеляріи допросить Тобольскаго священника Антона Ермакова «о слышанныхъ имъ отъ нѣкоего лица на исповѣди совѣстныхъ падежахъ (т. е. грѣхахъ) и этотъ допросъ сообщить ей канцеляріи». Архіерейская канцелярія, конечно, отказалась исполнить «такое важное дѣло», «какъ не имѣющая на то никакой власти, понеже оное дѣло касается до единого только архіерейскаго разсужденія». Въ началѣ Января 1742 г. губернская канцелярія опять повторила свое требованіе, обращаясь теперь уже къ самому Арсенію. Митрополитъ отвѣчалъ, что «разрѣшать печать святой исповѣди и слышанная на исповѣди въ гражданскія и судныя мѣста къ слѣдствіямъ представлять никакъ ему не надлежитъ». Между тѣмъ изъ показаній попа Ермакова оказалось, что все вышеизложенное дѣло «учинено губернской канцеляріей на одно только (по словамъ Арсенія) ругательство нашему архіерейству и пастырскому достоинству», такъ какъ уже «до прибытія нашего въ Тобольскъ, губернская канцелярія, въ противность церкви святой православной и христіанскому закону, духовную власть и наше архіерейское лицо и санъ сама на себя исхитила и оного попа Ермакова въ Октябрѣ 1741 г. сыскавъ къ себѣ въ канцелярію, тамошній губернаторъ генералъ-маіоръ Иванъ Шиповъ по тому духовенству спрашивалъ, который попъ по его спрашиванью и сказывалъ о исповѣди, что̀ зналъ. И что̀ можетъ быть больше и горше сего чинимаго продерзостнаго разврату и безчинія, восклицаетъ Арсеній, что печать тайны святаго покаянія свѣтское лицо разрѣшить на себя восприяло, чего никакая бого-

[1]) Синод. дѣла отъ Мая 3-го 1742 года, № 947.

[2]) Архивъ Св. Синода. Дѣло отъ 3 Мая 1742 года, за № 984. Такъ какъ это дѣло нигдѣ еще не напечатано, то мы приводимъ нѣсколько болѣе подробныя выписки изъ него.

боязливая совѣсть слышать и терпѣть отнюдь не можетъ, котораго попа Ермакова за таковое прегрѣшеніе судилъ я недостойну быти священства и, разстригши, повелѣлъ изъ Консисторіи своей послать къ нему губернатору Шипову при промеморіи *въ гражданство*». Такъ пострадалъ бѣдный священникъ, попавшій волею судьбы между двумя строгими начальствами, требовавшими отъ него каждый послушанія себѣ. Не довольствуясь самовольнымъ разрѣшеніемъ тайны исповѣди, «оный губернаторъ Шиповъ», жалуется далѣе Арсеній, «помимо нашей духовной власти и епитиміи на согрѣшившихъ полагаетъ», опредѣляя на три мѣсяца для покаянія въ монастырь лицъ заподозрѣнныхъ въ убійствахъ, каковыхъ лицъ пришлось видѣть самому при проѣздѣ въ Тобольскъ въ Тюменскомъ Троицкомъ монастырѣ». «Что же будетъ и при чемъ останемся», съ горечью восклицаетъ митрополитъ, «при какой власти наше архіерейство будетъ, егда уже и покаянія время кромѣ насъ опредѣлять и къ намъ яко къ подчиненнымъ своимъ съ таковыми опредѣленіями свѣцкіе управители присылать будутъ?»

Не мало оказалось и еще разнаго рода обидъ и поношеній архіерейской власти Арсенія и всему духовному чину отъ того же Шипова. Такъ напр., безъ вѣдома Арсенія и сношенія съ нимъ взятъ былъ Шиповымъ въ его канцелярію «по нѣкоторымъ лжеплетеннымъ проискамъ» прикащикъ архіерейской вотчины Иванъ Упадышевъ. «Но не только прикащиковъ архіерейскихъ» жалуется Арсеній, «но и самихъ священниковъ берутъ къ себѣ въ гражданскій судъ неправильно и безъ сношенія съ нимъ митрополитомъ и держать по долгу подъ карауломъ». Такъ напр., взяли и болѣе мѣсяца держали въ заключеньи Верхотурскаго попа Ефима Иванова, обвиненнаго тамошнимъ коммисаромъ въ томъ, что «оный попъ не захотѣлъ большею мѣрою пить вино за здоровье Іоанна Антоновича». Изложивъ подробно всѣ свои жалобы на Шипова и его канцелярію, Арсеній «смиренно молитъ Синодъ, чтобы была дана оборона ему и всему духовенству отъ всякихъ такихъ неправедныхъ нападеній и о небытіи впредь въ вѣдомствѣ свѣцкой команды духовнымъ чинамъ и домовымъ его служителямъ и вотчиннымъ архіерейскимъ крестьянамъ» по силѣ указа Императора Петра Великаго отъ 15 Марта 1721 г. Что же касается самого Шипова, то дабы никто изъ духовной команды впредъ не претерпѣвалъ такого озлобленія и ругательства отъ него, надлежитъ, по мнѣнію Арсенія ходатайствовать Синоду предъ Государыней о перемѣщеніи Шипова изъ Сибири. Обо всемъ происшедшемъ Синодъ снесся съ Сенатомъ и тотъ вскорѣ разослалъ во всѣ губерніи и провинціи указы о поступаніи вездѣ по силѣ указа Петра Великаго, въ которомъ говорилось, чтобы духовнаго чина людей въ свѣцкія судебныя мѣста ни по

какимъ дѣламъ кромѣ тяжкихъ государственныхъ дѣлъ безъ сношенія съ архіереями и духовными дикастеріями собою не брали». Такимъ образомъ жалоба Арсенія на неправильные поступки Шипова оказала свое дѣйствіе на отношенія вообще свѣтскихъ чиновниковъ къ духовенству. Отъ самого же Шипова Сенатъ потребовалъ «въ наискорѣйшемъ времи надлежащее отвѣствіе» за все сдѣланное имъ. Свое доношеніе на Шипова Арсеній подалъ 28 Апрѣля 1742 г., а 23 Іюня того же года былъ разосланъ вышеприведенный Сенатскій указъ, но еще ранѣе того и другого, именно въ концѣ Февраля 1742 г., Арсеній по своему личному почину издалъ циркуляръ «чтобы священно и церковнослужители отнюдь не смѣли обращаться въ свѣтскіе суды помимо своего епископа, подъ опасеніемъ низверженія изъ сана по 11 правилу Антіохійскаго Собора», а чрезъ четыре мѣсяца совсѣмъ освободилъ духовенство отъ подчиненія свѣтскимъ властямъ и узаконилъ непослушаніе онымъ. Въ Іюлѣ 1742 г. Арсеній «повелѣлъ, чтобы никто изъ духовныхъ лицъ безъ позволенія своей духовной команды никакихъ отъ свѣтской команды присылаемыхъ указовъ не слушали; а ежели кто отъ свѣтскихъ командировъ безъ сношеній съ духовною командою дерзнетъ кого изъ духовныхъ лицъ насильно къ суду своему привлекать, или въ свидѣтельствѣ какомъ спрашивать, или указы какіе безъ сношенія съ духовною командою духовнымъ лицамъ отъ себя посылать, то таковымъ присылать обстоятельные письменные протесты въ скорости» [1]. Этотъ указъ Арсенія долго послѣ него соблюдался въ Сибири, и свѣтскія власти въ своихъ сношеніяхъ съ духовенствомъ принуждены были ссылаться на него и исполнять его. По словамъ одного изслѣдователя Сибирской жизни, «духовенство Сибирское, и безъ того дерзкое и непокорное», увидало въ этомъ циркулярѣ Арсенія «законъ непокорности свѣтскимъ властямъ» и опираясь на него, упорно отказывалось отъ всякихъ сношеній съ свѣтскими судами и администраціей.

Въ архивахъ Св. Синода и Тобольской Духовной Консисторіи хранится еще нѣсколько промеморій и доношеній Арсенія. Изъ нихъ болѣе замѣчательны просьбы Арсенія въ Синодъ объ увольненіи служителей архіерейскаго дома отъ полицейскихъ должностей и постòя [2] и объ освобожденіи священниковъ отъ сочиненія вѣдомостей объ исповѣдавшихся и неисповѣдавшихся [3]. Послѣдняя просьба была особенно важна для Сибирскаго духовенства, такъ какъ обязанность составлять

---

[1]) Соч. Лѣскова „Сибирскія Картины". гл. 18-я.

[2]) Синод. дѣла за 1792 г., № 2053.

[3]) Синод. дѣла об. 1792 г., за № 2054.

исповѣдныя росписи подъ страхомъ штрафовъ и всякого рода наказаній за пропуски была весьма тяжела какъ для духовенства, такъ и для населенія Сибири, и вела къ всевозможнымъ злоупотребленіямъ и со стороны духовенства и особенно со стороны свѣтскихъ властей, наблюдавшихъ за точностью и правильностью ея исполненія *). Чѣмъ закончилось это послѣднее ходатайство Арсенія, неизвѣстно. Судя по нѣкоторымъ случаямъ изъ жизни Сибирского духовенства можно предполагать, что оно совершенно не удалось. Впрочемъ здѣсь для насъ важно самое такое ходатайство, почти единственное въ теченіе XVIII вѣка.

Приведенныя нами промеморіи и доношенія Арсенія ясно изображаютъ церковно-іерархическія и церковно-государственные идеалы его. Основываясь на своихъ собственныхъ соображеніяхъ и на высочайшихъ указахъ, Арсеній является горячимъ защитникомъ духовной власти и ея правъ. По мысли его, духовная власть такая же самостоятельная какъ и свѣтская. Ей, какъ и послѣдней, принадлежатъ права независимаго управленія и независимаго суда въ духовныхъ дѣлахъ. Въ дѣлахъ же недуховныхъ, но касающихся духовныхъ лицъ, разбирательство должно принадлежать обѣимъ властямъ, духовной и свѣтской. Такой взглядъ высказывалъ Арсеній на отношенія между епархіальными архіереями и свѣтскими губернскими и областными начальствами.

Какъ немного еще прошло времени съ возведенія Арсенія въ санъ митрополита, а между тѣмъ какая рѣзкая перемѣна произошла въ немъ. Еще недавно скромный, малоизвѣстный іеромонахъ, смиренно подающій свою „сказку" предъ мелкимъ синодальнымъ чиновникомъ и увѣряющій въ своей гражданской благонадежности, здѣсь въ своихъ указахъ и доношеніяхъ Синоду Арсеній является властнымъ митрополитомъ, гордымъ въ сознаніи своей архіерейской власти и неприкосновенности духовнаго сана, дающимъ твердый, по временамъ рѣзкій, доходящій до грубости и дерзости, отпоръ притязаніямъ важныхъ свѣтскихъ чиновниковъ, предъ которыми трепетала вся Сибирь. Въ своемъ раздраженіи противъ нихъ Арсеній не стѣснялся даже прибѣгать къ своего рода доносамъ объ оскорбленіи величества. Такъ, напр., въ одной изъ своихъ промеморій Арсеній съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на томъ, что Пелымскій воевода допустилъ сковать обвиняемаго въ день полученія указа о восшествіи на престолъ Елисаветы Петровны и объявляетъ, что „войдетъ объ этомъ дѣлѣ съ особымъ представленіемъ,

*) „Сибирскія картины" Лѣскова.

куда надлежитъ, понеже оное дѣло высокое". Въ другой своей жалобѣ на канцелярію главнаго заводскаго управленія онъ особенно подчеркиваетъ вину канцеляріи, разломавшей церковь, что эта церковь была заложена по указу Ея Императорскаго Величества.

Но какихъ-либо просвѣтительныхъ мѣръ къ поднятію ужаснаго религіозно-нравственнаго состоянія Сибирской паствы и ея пастырей, которыхъ въ особенности можно было ожидать отъ образованнаго человѣка, какимъ былъ Арсеній, мы вовсе не видимъ за время служенія его въ Тобольскѣ. Наоборотъ даже, Арсеній за скудостью средствъ архіерейскаго дома закрылъ единственную въ Сибири Латинскую Семинарію въ Тобольскѣ, ненужную, по его взглядамъ, для духовенства, все образованіе котораго онъ сводилъ къ одной лишь простой грамотности [1]). Изъ другихъ внутреннихъ, такъ сказать, мѣропріятій Арсенія извѣстно одно: именно тотчасъ же послѣ своего пріѣзда въ Тобольскъ онъ приказалъ переименовать, по примѣру Малороссійскому, Тобольскую архіерейскую канцелярію въ Консисторію, что̀, конечно, не имѣло особенного значенія. Перессорившись съ Сибирскими властями, написавъ на нихъ нѣсколько жалобъ и доносовъ, напугавши своею рѣзкостью и строгостью само духовенство, Арсеній 10-го Феврамя 1742 г. неожиданно уѣхалъ изъ Тобольска въ Москву. Онъ оставилъ надолго по себѣ память, какъ о грозномъ и суровомъ владыкѣ, умѣвшемъ постоять за свои архіерейскія честь и права и за подчиненное ему духовенство.

II.

На Ростовской каѳедрѣ.

1742—1763.

Первоначальное устройство духовнаго образованія въ Ростовской епархіи принадлежитъ святителю Димитрію. Этотъ знаменитый іерархъ, понуждаемый неотложными нуждами епархіи (величайшимъ невѣжествомъ духовенства и др.), вскорѣ послѣ своего прибытія въ Ростовъ открылъ здѣсь (въ 1702 г.) школу при своемъ архіерейскомъ домѣ [2]), которая сдѣлалась средоточіемъ просвѣщенія не для духовнаго только сословія: въ ней обучались ученики «благородные и неблагородные». Учениковъ было до 200 человѣкъ, учителей было трое и едва ли не всѣ трое Малороссы. Обученіе начиналось съ Русской азбуки. Вмѣстѣ съ тѣмъ учениковъ учили письму и пѣнію. Первоначально заучивались, конечно,

[1]) Подробно о закрытіи Тобольской Семинаріи будетъ изложено въ главѣ о учебно-административной дѣятельности Арсенія.

[2]) Подробное описаніе Ростовской школы, открытой Св. Димитріемъ, находится въ сочиненіи г. Шляпкина „Св. Димитрій Ростовскій".

разныя молитвы. Давались первыя свѣдѣнія и изъ Катихизиса; обучали, кажется, и ариѳметикѣ. Но главными предметами преподаванія были языки Латинскій, Греческій и отчасти Польскій. Отличалась школа семейственностью, простотою взаимныхъ отношеній между учениками и учителями, при извѣстной вполнѣ обычной въ то время строгости, полнымъ отсутствіемъ служебной формалистики и іезуитства, которыя господствовали въ школахъ того и послѣдующаго за тѣмъ времени, что̀ узаконено было самимъ составителемъ Духовнаго Регламента. Святитель Димитрій занимался съ учениками толкованіемъ Св. Писанія, наблюдалъ за ихъ успѣхами и нравственнымъ воспитаніемъ, награждалъ ихъ и учителей сверхъ жалованья подарками, несмотря на скудность средствъ своего архіейскаго дома, доходами котораго содержалась школа. Ростовская школа по смерти святителя, по всей вѣроятности, вскорѣ закрылась, [1]) тѣмъ болѣе, что съ 1709 г. по 1711 г. Ростовская каѳедра была не занята, а вступившій на нее въ 1711 г. еписк. Досиѳей, человѣкъ неученый, извѣстный по своему суевѣрію, былъ болѣе занятъ противодѣйствіемъ Петру I, чѣмъ духовнымъ просвѣщеніемъ своей паствы.

При преемникѣ Досиѳея Георгіи Дашковѣ (1718—1731 г.) и до учрежденія Синода существовали въ Ростовской епархіи однѣ свѣтскія цифирныя школы, гдѣ и обучались дѣти духовенства. Такъ, напр., въ Ярославской цифирной школѣ учениковъ было 26 человѣкъ, и всѣ изъ церковниковъ. [2]). Въ 1723 г., во исполненіе синодальнаго опредѣленія о томъ, чтобы архіереи заводили при своихъ домахъ духовныя школы, архіепископъ Георгій велѣлъ сдѣлать перепись всѣхъ поповскихъ, дьяконовскихъ и причетническихъ дѣтей и которыя изъ нихъ окажутся въ подушный окладъ не включенными, а къ школьному ученію потребны и учиться могутъ, тѣхъ приказалъ взять въ школы, хотя бы и неволею, если не пожелаютъ сами учиться. Устроены были двѣ школы въ Ярославлѣ и Угличѣ. Всѣхъ учениковъ въ нихъ въ 1724 г. было болѣе 200 человѣкъ [3]). Обучались они только пѣнію, письму и букварю, такъ какъ для дальнѣйшаго обученія грамматикѣ не имѣлось учителей. Чтобы пріобрѣсти такихъ учителей «грамматистовъ», Георгій въ 1724 г. отправилъ трехъ «остроумныхъ и книжному чтенію искусныхъ» учениковъ изъ своихъ школъ въ Новгородскую семинарію для приготовленія къ учительству. Въ концѣ 1725 г. одинъ изъ посланныхъ, Яковлевъ, возвратился въ Ростовъ, и изъ Ростовской канцеляріи подъ именемъ

---

[1]) Г. Шляпкинъ высказываетъ даже мнѣніе, что школа Св. Димитрія закрылась еще въ 1705 г. изъ-за полной скудости средствъ архіерейскаго дома.

[2]) Яр. Еп. Вѣд. 1895 г. № 33-й, стр. 513.

[3]) „Дух. школы“, стр. 141-я.

«грамматиста» былъ присланъ въ Ярославль ради школьнаго ученья священническихъ и причетническихъ дѣтей. Въ концѣ 1727 г. Георгій донесъ Синоду, что за недостаткомъ средствъ «всѣ ученики распущены въ домы свои, со взятіемъ у отцевъ ихъ сказокъ, дабы обучали ихъ (пѣнію и букварю) въ домахъ своихъ». На слѣдующій годъ школы опять были открыты и продолжали существовать при преемникѣ Георгія архіепископѣ Іоакимѣ [1]), при которомъ, въ 1732 г. возобновлена была Ростовская школа. Обучали въ школахъ теперь букварю съ заповѣдями Десятословія, грамматикѣ, писать и прочей Славянской наукѣ, какъ то Псалтырю и Часослову. Учениковъ во всѣхъ школахъ было съ 1730 г. по 1738 г. 123 человѣка, въ 1739 г. въ одной Ростовской 77 человѣкъ. Въ томъ же 1739 г. Синодъ накрѣпко приказалъ Іоакиму открыть у себя въ епархіи Латинскую школу безъ всякаго отлагательства. Въ слѣдующемъ 1740 г. 56 человѣкъ изъ Ростовской Славяно-россійско-грамматической школы и были зачислены въ новую Латинскую школу. Въ первый же годъ они прошли фару, инфиму и грамматику, научились читать и писать по-латыни. Съ открытіемъ Латинской школы Славяно-россійскія училища въ Ярославлѣ, Угличѣ и, кажется, въ Ростовѣ, остались попрежнему. Изъ нихъ въ Ярославской школѣ было учениковъ 71 человѣкъ, а въ Углицкой 38. По смерти Іоакима 9 учениковъ Ростовской Славяно-латинской школы стали было просить свое школьное начальство о выключкѣ ихъ изъ школы «за урослыми лѣты» и объ опредѣленіи на праздныя дьяческія мѣста. Донесено было Синоду; но Синодъ указомъ отъ 6 Апрѣля 1742 г. приказалъ: «онымъ школьникамъ обучаться въ школахъ попрежнему» [2]). Всѣ существовавшія при Іоакимѣ школы въ Ростовской епархіи и учащіеся въ нихъ содержались по силѣ 11-го пункта Духовнаго Регламента хлѣбными сборами съ монастырей и церквей: съ монастырей 20 часть, а съ церквей 30-я часть собраннаго въ извѣстный годъ хлѣба.

Таково было положеніе духовнаго образованія въ Ростовской епархіи ко времени вступленія на каѳедру Арсенія. Трудами предшественниковъ его, какъ мы видѣли, школьное дѣло было уже почти устроено. По крайней мѣрѣ само духовенство попривыкло къ школьному обученію и поборамъ на содержаніе школъ. Арсенію оставалось только, слѣдуя просвѣтительнымъ приказаніямъ свѣтскаго правительства и Синода, развивать далѣе это дѣло. Но не таковъ оказался новый Ростовскій архипастырь.

---

[1]) Яр. Еп. Вѣд. 95 г. № 34-й.

[2]) Яр. Еп. Вѣд. 95 г. № 34-й.

Его взглядъ на образованіе епархіальнаго духовенства былъ слѣдующій. «Нужны суть воистину и школы и академіи, писалъ онъ въ доношеніи Синоду (отъ 6-го Марта 1763 г.), но надлежащимъ порядкомъ, какъ издревле бывало въ Греціи, а теперь на Западѣ, сирѣчь, по мѣстамъ знатнымъ, въ царствующихъ градѣхъ, на коштѣ государевомъ... какъ-то и Духовный Регламентъ, ежели его внятно, въ тонкость прочесть, повелѣваетъ академіямъ и семинаріямъ быть при Синодѣ, на государственномъ коштѣ, и тамо учившихся присылать къ архіереямъ, дабы ихъ производити на власти духовныя, до какихъ они будутъ способны... А при архіереяхъ быть школамъ нужно для священническихъ дѣтей, къ произведенію въ священство, дабы могли читать исправно и разумѣть что̀ читаютъ. И таковыя школы при архіереяхъ не иныя нужны, токмо Русскія; понеже въ церквахъ у насъ не по-латыни, ниже другими иностранными языками читается и поется, и служба Божія совершается по-русски. Для разумѣнія же читаемаго, по мнѣнію Арсенія, достаточно изучить только катихизисъ Петра Могилы. Эта «книжица, по словамъ Арсенія, къ уразумѣнію священникомъ болѣе нужнѣйша, нежели философія и другія академическія книги, а наипаче по деревнямъ, идѣже непремѣнно на хлѣбъ работать надлежитъ, а не работая, безъ пропитанія быть»[1]). Понятно, что при такомъ взглядѣ на образованіе духовенства Арсеній не могъ быть ревностнымъ продолжателемъ Латинской просвѣтительной дѣятельности своего предшественника, при чемъ, будучи человѣкомъ съ характеромъ, надѣясь, быть можетъ, на поддержку самой Государыни, благоволившей къ нему, онъ имѣлъ возможность даже идти противъ предписаній и грозныхъ указовъ самого свѣтскаго правительства и Синода по вопросу о духовныхъ школахъ.

Еще въ Тобольскѣ, Арсеній старался осуществить на дѣлѣ свой взглядъ на духовное образованіе. Такъ въ 1742 г. онъ подалъ въ Синодъ представленіе, чтобы «за скудостью епаршескихъ доходовъ Латинскимъ школамъ (открытымъ предшественникомъ Арсенія Антоніемъ) въ Тобольскѣ не быть при архіерейскомъ домѣ»[2]). Но Синодъ не согласился на это, считая закрытіе Тобольской школы противнымъ высочайшимъ указамъ. Тоже повторилось и въ Ростовѣ. Только здѣсь Арсеній, наученный уже опытомъ, не обращаясь съ просьбою въ Синодъ, самовольно закрылъ Славяно-латинскую школу, основанную Іоакимомъ. Произошло это закрытіе слѣдующимъ образомъ. Вскорѣ послѣ своего

---

[1]) Чтен. Общ. Ист. 1862 г. II т. 32 стр.

[2]) „Духовн. школы“ стр. 181-я.

прибытія на Ростовскую каѳедру. Арсеній, слыша отъ окружающихъ и самъ убѣждаясь въ скудости архіерейскаго дома, приказалъ эконому своего дома, казначею и Консисторіи представить ему свѣдѣнія съ мнѣніемъ ихъ о матеріальномъ положеніи существующей при архіерейскомъ домѣ Славяно-латинской школы *).

Свѣдѣнія были представлены. Оказалось, что въ «въ Славяно-латинской школѣ изъ свящ.-церк.-служительскихъ дѣтей пятьдесяточисленное число студентовъ содержать не на чемъ и за крайними невозможностями конечно, невозможно». Таковыми «крайними невозможностями» явились совершенный недостатокъ (вслѣдствіе общагѡ по епархіи неурожая) въ хлѣбѣ и нужда въ деньгахъ, на каковыя средства содержалась школа. Такъ, въ монастыряхъ, съ которыхъ собирался хлѣбъ на школу, хлѣба не доставало даже для самихъ монаховъ. Проживавшіе въ монастыряхъ отставные солдаты и унтеръ-офицеры забрали на свое содержаніе не только всю уродившуюся рожь, но и часть ярового хлѣба. По сдѣланному Консисторіей разсчету монахамъ приходилось на годъ всего на всего немного болѣе 1½ чв. (1 чв. 5 чк. 1 гар.) ярового. Еще больше отъ недостатка въ хлѣбѣ терпѣло бѣлое духовенство: на каждаго священноцерковнослужителя, не считая ихъ семействъ, доставалось въ среднемъ по 2 чв. 7½ гар. ржи и по 1 чв. 2 чк. 5 гар. ярового на годъ. Трудно, конечно, было отдавать изъ такого скуднаго урожая узаконенную Духовнымъ Регламентомъ часть хлѣба на школы. А между тѣмъ на однихъ только учениковъ должно было выходить по щедрому расчету Консисторіи 800 рублей въ годъ безъ хлѣба, а съ хлѣбомъ 1170 р. Не имѣлось денегъ и на наемъ учителей. Опредѣленный складъ, на который содержался архіерейскій домъ и изъ котораго, по Д. Регламенту, платилось жалованье учителямъ, былъ такъ невеликъ сравнительно съ нуждами, что его совершенно не доставало. На самые необходимые расходы по архіерейскому дому требовалось сверхъ оклада еще болѣе 2000 рублей. Бывало, этотъ недостатокъ покрывался различными посторонними доходами, напр., отъ продажи лошадей съ конскихъ заводовъ, коровъ, овецъ и «садоваго снѣтья»; но, теперь время, съ одной стороны, падежъ рогатаго скота и овецъ, съ другой, четыре государственныхъ, драгунскихъ набора лошадей, лишили домъ архіерейскій и этихъ доходовъ. Нечѣмъ было заплатить даже жалованья служителямъ дома. Экономъ обращался было къ Ростовскимъ купцамъ, чтобы тѣ

*) Подлинное дѣло объ этомъ закрытіи школы находится въ архивѣ Св. Синода подъ № 335/366. Извлеченія изъ этого дѣла напечатаны въ Яр. Еп. Вѣд. 1887 г. за № 34 и 35, откуда мы и беремъ сообщаемыя нами свѣдѣнія.

дали въ заемъ денегъ, но они отказали, жалуясь на свои плохія дѣла. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ «вышеписанныхъ обстоятельствъ» въ нынѣшнемъ 1743 г., по мнѣнію Консисторіи, можно содержать, и то съ крайнимъ трудомъ только 10 человѣкъ учениковъ въ Славяно-россійской грамматической школѣ; на содержаніе же 50 учениковъ Славяно-латинской школы средствъ совершенно не имѣется. Да и въ слѣдующіе, хотя бы и урожайные годы, не хватитъ средствъ на эту школу, такъ такъ сборъ хлѣба въ общемъ очень не великъ и совершенно недостаточенъ для содержанія школы». Получивъ такое доношеніе, митрополитъ Арсеній велѣлъ освидѣтельствовать учениковъ Латинской школы въ знаніи Славяно-россійской грамоты и послѣ этого освидѣтельствованія опредѣлилъ: «которые ничего не умѣютъ или мало что умѣютъ, тѣхъ отпустить при пашпортахъ въ домы ихъ и велѣть имъ учиться чтенію исправно въ домѣ своемъ, на своемъ коштѣ, ежели хотятъ быть въ причтѣ церковномъ; а тѣхъ, которые читаютъ исправно или посредственно, удержавъ въ домовомъ его преосвященства училищѣ, приказать опредѣленному отъ его преосвященства Славяно-россійской грамматической школы учителю обучать исправному чтенію и въ твердость катихизиса для произведенія ихъ по достоинству на степени въ священническія и причетническія, кто чего явится быть достоинъ». По произведенному учителемъ школы іером. Викаріемъ изслѣдованію, оказалось, что изъ 50 человѣкъ нашлось только 11 знающихъ Латинскій языкъ и дошедшихъ до синтаксимы, да 5 исправныхъ и посредственныхъ въ книжномъ Славяно-россійскомъ чтеніи; остальные же явились или «ничего», или «мало умѣющими» Русской грамотѣ. Всѣ они и были отпущены въ дома свои.

Мы не имѣемъ достаточныхъ основаній опредѣлить, насколько вѣрны свѣдѣнія Консисторіи объ этой епархіальной скудости; но намъ кажется, что она была нѣсколько преувеличена. Прежде всего, лица и учрежденіе (экономъ и казначей архіерейскаго дома и Консисторія), избранныя Арсеніемъ для доставленія ему свѣдѣній о матеріальныхъ средствахъ Славяно-Латинской школы, по всей вѣроятности, какъ это происходило въ прочихъ епархіяхъ („Дух. школы» П. В. Знаменскаго стр. 196—199), были вовсе не расположены къ свѣтскому образованію. Однимъ приходилось изыскивать разныя средства на ея содержаніе, отнимать ихъ у себя, отъ своихъ доходовъ на содержаніе архіерейскаго дома, другимъ со школой прибавлялось работы, такъ какъ всѣ почти училищныя дѣла находились въ вѣдѣніи Консисторіи. Поэтому, зная особенно нелюбовь новаго владыки къ Латинскимъ школамъ, они постарались всѣми силами доказать невозможность существованія въ Ростовѣ

Латинскаго училища. Правда, нельзя отрицать общей въ то время епархіальной бѣдности. Церковныя вотчины при неумѣломъ хозяйничаньѣ Коллегіи Экономіи были разорены; но все-таки намъ кажется страннымъ, чтобы такая большая (по количеству церквей и монастырей) и, сравнительно съ прочими, богатая епархія, какъ Ростовская, не могла содержать у себя небольшую въ 50 человѣкъ Славяно-латинскую школу. Вѣдь въ то же тягостное для духовенства время находились ревностные къ просвѣщенію владыки, которые даже заводили новыя школы, болѣе обширныя нежели Ростовскія, что̀, конечно, было гораздо труднѣе, чѣмъ продолжать старое дѣло, устроенное уже (отчасти) предшественниками. Неужели въ одинъ годъ послѣ архіепископа Іоакима такъ обѣднѣлъ архіерейскій домъ и духовенство (особенно монастыри) Ростовской епархіи, что они, не говоря, конечно, объ неурожайномъ годѣ, и въ будущіе урожайные годы «за крайними невозможностями» не могли содержать Латинской школы? Содержали же ее впослѣдствіи, когда Синодъ категорично приказалъ устроить Славяно-латинскую семинарію въ Ростовской епархіи. Кажется, Арсенію самому не хотѣлось тратить свои средства для содержанія дорогой, но не любезной его сердцу Славяно-латинской школы; Консисторія же и прочія лица, взявшіяся изслѣдовать матеріальное положеніе школы, вполнѣ согласныя съ желаніемъ владыки, постарались представить дѣло, какъ требовалось.

Итакъ, въ началѣ 1743 года бо̀льшая часть учениковъ Славяно-Латинской школы была отправлена къ родителямъ и родственникамъ. Изъ оставшихся же 5 человѣкъ, исправно или посредственно читавшихъ по-славянски и по-русски, были переведены въ домовую митрополита Славяно-россійскую грамматическую школу для лучшаго изученія чтенія и катихизиса, чтобы имѣть возможность поступить впослѣдствіи на причетническія или священническія мѣста, «кто чего явится быть достоинъ». Объ остальныхъ 11 латинистахъ мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній. По всей вѣроятности, и они вскорѣ были или распредѣлены по мѣстамъ, или отпущены домой *). По крайней мѣрѣ, въ томъ-же 1743 г. учитель ихъ іером. Викарій Григорьевъ уѣхалъ изъ Ростова въ Кіевъ, въ Братскій монастырь, откуда онъ былъ вызванъ арх. Іоакимомъ. Въ старыхъ приходо-расходныхъ книгахъ Ярославской семинаріи находится указаніе, что въ 1744—1746 г.г. въ Ростовѣ была одна только Славяно-россійская школа.

---

*) Въ запискѣ о состояніи Яросл. Семинаріи отъ 1780 г. говорится, что (въ 1743 г.) всѣ семинаристы Славяно-латинской школы были распущены по домамъ митрополитомъ Арсеніемъ. Яр. Еп. Вѣд. 1895 г. 428 стр.

Не долго, однако, пришлось Арсенію пожить спокойно послѣ распущенія Латинской школы. За изгнанную Латинскую науку вступился какой-то отставной гвардейскій солдатъ, который, ревнуя объ упадкѣ духовнаго просвѣщенія въ Ростовской епархіи, а можетъ быть, по простой страсти къ доносамъ и ябедничеству (страсти очень развитой въ извѣстной части современнаго Арсенію общества) донесъ Синоду, что находящійся при митрополитѣ Арсеніи «архидьяконъ Аникій изъ бездѣльной своей корысти имѣющуюся Латинскую школу распустилъ», въ противность указамъ Ея Императорскаго Величества, которыми повелѣвалось не токмо не уничтожать таковыя школы, но и паче велѣно къ ученью основательно приводить». Изъ Синода послѣдовалъ запросъ къ Арсенію, «что-де за архидіаконъ Аникій (Іоанникій) явился у него, который осмѣливается дѣлать такія продерзости», закрывать цѣлую школу. Запросъ этотъ былъ посланъ 12 Сентября 1743 г., но Арсеній отвѣчалъ на него только чрезъ семь мѣсяцевъ. Въ своемъ доношеніи Синоду онъ извѣщалъ, что не Іоанникій, а онъ самъ распустилъ школу за неимѣніемъ средствъ къ ея содержанію. При доношеніи были приложены въ подлинникѣ и тѣ свѣдѣнія о матеріальномъ состояніи школы, которыя были ранѣе представлены Консисторіей самому Арсенію. Основываясь на этихъ свѣдѣніяхъ, Арсеній замѣчаетъ далѣе, что «если Св. Пр. Синодъ возблаговолитъ внятно взять ихъ (свѣдѣнія) въ разсужденіе, то безъ сумнѣнія возможетъ уразумѣть, что чрезъ крайнюю мочь, за крайнюю необходимую церковную нужду, Славяно-россійская грамматическая школа въ домѣ его преосвященства содержится». Главная причина такой скудости архіерейскаго дома и духовенства, это управленіе Коллегіей Экономіи церковными вотчинами и содержаніе монастырями отставныхъ солдатъ. Если бы многомощнымъ ходатайствомъ Св. Синода одинъ только Спасо-Ярославскій монастырь былъ освобожденъ отъ этихъ бѣдъ, то можно было бы въ немъ одномъ, на его средства, не токмо Семинарію, но со временемъ и Академію противу Антоніева Новгородскаго монастыря завести и содержать. При настоящемъ же положеніи дѣла, этотъ монастырь, несмотря на свои многочисленныя вотчины (болѣе 14 тыс. душъ), самъ терпитъ крайнюю нужду. Монашествующимъ въ немъ едва возможно довольствоваться на ту малую сумму денегъ, которая остается на ихъ долю послѣ удовлетворенія содержащихся въ монастырѣ инвалидовъ; строенія монастырскія также ветшаютъ и разваливаются. На просьбы братіи дать средства для ихъ починки Коллегія Экономіи опредѣлила продать для этой цѣли церковную утварь. И вотъ, благодаря «такому многомилостивому Коллегіи Экономіи на монастырь призрѣнію, ограда монастырская, кельи и самая церковь валятся», такъ что, если даже Синодъ и поможетъ освободить монастырь отъ Коллегіи

Экономіи и солдатъ, то, чтобы учредить въ немъ школу, прежде всего придется подождать нѣсколько годовъ, пока поисправятся монастырскія нужды, а потомъ уже можно будетъ заводить въ немъ хоть цѣлую Академію Латинскаго ученья. Впрочемъ, по мнѣнію Арсенія, врядъ ли нужна для епархіи такая Академія, потому что и теперь имѣется въ Ростовѣ школа и «учитель при ней богословъ, разсуждать высоко искусенъ».

На это доношеніе Синодъ опредѣлилъ послать Ростовскому митрополиту грозный указъ слѣдующаго содержанія. «По силѣ посланныхъ къ предшественникамъ его преосвященства синодальныхъ указовъ предписывалось его преосвященству, «учредить неотмѣнно, гдѣ (будетъ) пристойно и прилично, Семинарію Славяно-латинскаго ученія. не употребляя никакихъ въ томъ отрицательствъ; ибо и въ прочихъ епархіяхъ, которыя также во опредѣленіи, какъ и Ростовская, да еще и въ третью часть доходами оной не зависятъ, а именно въ Тверской, въ Суздальской и т. д. вездѣ семинаріи такія учреждены, между коими въ нѣкоторыхъ отъ 100 до 200 и болѣе студентовъ содержится, не изыскивая никаковыхъ отрицаній, не упоминая при томъ о устроенныхъ въ неопредѣленныхъ Псковской и Архангелогородской епархіяхъ, въ коихъ ни полтретья ста церквей не находится; обаче и такія въ толь маломъ числѣ церквей состоящія епархіи въ содержаніи семинарій никакого отрицанія отнюдь не имѣютъ и не только не отрицаютъ, но еще пастыріе оныхъ, какъ безсомнительно есть, и изъ келейнаго иждивенія своего учителей по возможности снабдѣваютъ. Аще ли ваше преосвященство и оными примѣры къ неотложному въ епархіи своей Семинаріи учрежденію паче всякаго чаянія явится недовольны, то (употребляя снисходительство) во удовольствіе вашего преосвященства да будетъ къ тому (ежели бы отнюдь не на чемъ было въ епархіи вашей студентовъ содержать) въ способъ слѣдующее установленіе, а имянно: набрать въ тоё Семинарію св.-церк.-служительскихъ дѣтей такихъ, коихъ бы отцы въ недостаткѣ собираемаго по силѣ Духовнаго Регламента съ церковныхъ земель хлѣба могли и на своемъ собственномъ коштѣ тѣхъ дѣтей своихъ содержать, т. е. и на пищѣ и на одеждѣ, а учителей, книги, бумагу, свѣчи и дрова изъ домоваго архіерейскаго кошту, какъ и въ прочихъ епархіяхъ то отъ домовъ архіерейскихъ исправляется».

Въ заключеніе указа дѣлается Арсенію строгое замѣчаніе за его «немалыя нареканія» на Синодъ, допущенныя имъ въ доношеніи, что будто бы Синодъ невнимательно слушаетъ поступающія на его разсмотрѣніе дѣла. А «такого дерзостнаго употребленія, говорится далѣе въ указѣ, вашему преосвященству чинить весьма не надлежало», памятуя

о бывшемъ уже выговорѣ по силѣ высочайшаго указа по извѣстному дѣлу (по дѣлу объ оскорбленіи Арсеніемъ Сената и Синода). «Но видно, иронизуетъ Синодъ, указъ этотъ у васъ преданъ забвенію, за что вашему преосвященству къ надлежащему отвѣтствію надлежало быть въ С.-Петербургъ въ Св. Синодъ; но для нынѣшней Всероссійской въ высокобрачномъ Ея Императорскаго Величества любезнѣйшаго племянника и Всероссійскаго престола наслѣдника Его И. В. благовѣрнаго государя в. князя Петра Ѳедоровича съ ея и. в. благовѣрною государынею в. княжною, нынѣ же в. княгинею Екатериной Алексіевной, сочетанія, полученной радости, та ваша вина нынѣ вашему преосвященству оставляется», съ условіемъ впредъ въ своихъ представленіяхъ Синоду не употреблять никакихъ „злобственныхъ и вредительныхъ словъ».

Синодальный указъ былъ полученъ Арсеніемъ 20 Октября 1745 г., но въ исполненіе имъ приведенъ былъ только въ 1747 г., о чемъ рѣчь будетъ дальше.

Теперь мы скажемъ нѣсколько словъ о Славяно-россійской школѣ, замѣнившей при Арсеніи Славяно-латинскую школу арх. Іоакима. Такъ, прежде всего учителями въ ней были сначала архидьяконъ Іоанникій, представленнный почему-то въ вышеупомянутомъ доносѣ отставного солдата главнымъ виновникомъ закрытія Латинскаго училища, и затѣмъ, нѣкто Василій Алексѣевъ, при которомъ школа закрылась, а учащіеся были переведены въ Ярославль въ новооткрытую Ярославскую Семинарію *). Ученики, кромѣ переведенныхъ изъ закрытой Латинской школы, набирались въ нее изъ дѣтей духовенства, преимущественно Ростовскаго уѣзда, такъ какъ въ Ярославлѣ и Угличѣ были свои, подобныя Ростовской, школы. Обучали въ Ростовской школѣ Славяно-россійскому чтенію, письму, пѣнію и катихизису, количество предметовъ вполнѣ достаточное, по взгляду Арсенія, для кандидатовъ на священство. Содержалась школа на хлѣбные и денежные сборы съ церквей и монастырей епархіи; при чемъ здѣсь нужно замѣтить, что хлѣбъ и деньги собирались съ монастырей и церквей *всей* епархіи, а не одного только Ростовскаго уѣзда, хотя въ Угличѣ и Ярославлѣ находились свои школы, какъ мы уже выше говорили. Неизвѣстно только, все ли положенное количество сборовъ поступало на одну Ростовскую школу, не дѣлилась-ли

*) Свѣдѣнія о Славяно-россійской школѣ Арсенія взяты нами изъ разныхъ „семинарскихъ дѣлъ", хранящихся въ архивѣ Ярославской консисторіи, особенно изъ дѣла за № 80-мъ (дѣло о приходо-расходныхъ книгахъ представленныхъ канцеляристомъ Иваномъ Курохтанскимъ и т. д.), въ которомъ находятся въ сокращенномъ видѣ *всѣ приходо-расходныя книги этой школы и затѣмъ Семинаріи* (съ 1745 по 1758 годъ).

она съ прочими. Часть собраннаго хлѣба продавалась и деньги шли на разныя школьныя нужды [1]), а иногда и на обще-епархіальныя. Такъ, напр., въ Ноябрѣ 1743 г. на школьныя деньги было куплено въ Московской типографіи 120 катихизисовъ для церквей Ростовской епархіи, а въ 1746 г. тамъ же и на тѣже деньги пріобрѣтено было 65 букварей для раздачи ихъ «производимымъ въ священническіе и церковные чины церковникамъ и св.-церк.-служительскимъ дѣтямъ [2])».

Съ открытіемъ въ Ярославлѣ Славяно-латинской Семинаріи, Ростовская школа прекратила свое существованіе, и въ исторіи образованія духовенства Ростовской епархіи начался новый періодъ.

Грозный-ли синодальный указъ отъ 11-го Сентября 1745 г., передача ли церковныхъ вотчинъ обратно въ вѣдѣніе духовенства и уничтоженіе вслѣдствіе этого ненавистной для Арсенія Коллегіи Экономіи, или, всего вѣрнѣе, то и другое вмѣстѣ сломили, наконецъ, упрямство Ростовскаго владыки и его непріязнь къ Латинской школѣ. И вотъ мы видимъ, что въ концѣ 1746 г. Арсеній посылаетъ въ Кіевъ одного изъ своихъ приближенныхъ нѣкоего Ѳедора Жабокрицкаго, «ради изысканія въ учреждаемую въ Спасо-Ярославскомъ монастырѣ Славяно-латинскую школу) искусныхъ въ Латинскомъ языкѣ учителей двухъ человѣкъ [3])». Въ началѣ слѣдующаго 1747 г. Жабокрицкій вмѣстѣ съ двумя нанятыми учителями латинистами возвратился въ Ростовъ, а 21-го Февраля того же года послѣдовало открытіе Ярославской Славяно-латинской Семинаріи. Она помѣщена была въ Спасо-Ярославскомъ монастырѣ. Первымъ ректоромъ ея Арсеніемъ назначенъ архимандритъ того монастыря Іосифъ Ратмировскій [4]). Но такъ какъ онъ оказался человѣкомъ малообразованнымъ, то уже 9 Мая 1747 г. Арсеній просилъ Св. Синодъ, чтобы на мѣсто Ратмировскаго назначили кого-либо другого «ученаго, дабы въ учрежденной имъ, митрополитомъ, Славяно-латинской школѣ ученіе исправно производилось». Синодъ исполнилъ просьбу Арсенія и въ томъ же году опредѣлилъ ректоромъ Ярославской Семинаріи архимандрита Варѳоломея Любарскаго [5]). Новый ректоръ прибылъ на мѣсто

---

[1]) Такъ, напр., учитель Василій Алексѣевъ получалъ жалованья въ годъ: деньгами 20 руб. и хлѣбомъ 20 чв. ржи и овса. Жалованье это выдавалось по третямъ, въ Январѣ, Маѣ и Сентябрѣ.

[2]) „Приходо-расх. книги".

[3]) Дѣло (семинарское) за № 80-мъ.

[4]) Біографическій очеркъ арх. Іосифа Ратмировскаго помѣщенъ въ Яр. Еп. Вѣд.

[5]) Біографія архимандрита Варѳоломея Любарскаго напечатана въ Яр. Еп. Вѣд. за 1894 г. №№.

своего служенія въ Сентябрѣ 1747 г., и съ прибытіемъ его собственно и началась жизнь новооткрытой семинаріи.

Какъ мы выше сказали, Первоначальный составъ учениковъ Ярославской Семинаріи образовался, главнымъ образомъ, изъ учившихся въ Ростовской Славяно-Россійской школѣ, переведенныхъ въ Семинарію по закрытіи этой школы [1]. Сюда-же, по всей вѣроятности, поступили и нѣкоторые ученики школъ г. Углича и Ярославля [2], о которыхъ школахъ съ появленіемъ Семинаріи мы не имѣемъ далѣе никакихъ свѣдѣній до 1775 г., когда въ Угличѣ снова открылась низшая школа [3]. Общее число учениковъ въ Семинаріи въ первый учебный годъ было всего 33 человѣка [4]. Около этой цифры оно колебалось и въ теченіе всей остальной жизни Семинаріи при Арсеніи. Болѣе всего учениковъ было въ 1752 г., когда изъ синтаксимы выключили 7 человѣкъ за малоуспѣшность, такъ что пришлось удалить учителя ея, за неимѣніемъ достаточнаго числа учащихся въ ней [5]. Убыль учениковъ пополнялась наборами [6], которые производились слѣдующимъ образомъ. Обыкновенно Консисторія или Ярославское Духовное Правленіе [7] намѣчали извѣстное количество дѣтей школьнаго возраста и приказывали родителямъ ихъ вмѣстѣ съ ними явиться для освидѣтельствованія. Годныхъ къ наукѣ дѣтей отправляли на осмотръ въ Семинарію къ ректору ея и учителямъ.

---

[1] 1887 г. Яр. Еп. Вѣд. 516—73 стр. Свѣдѣнія о состояніи Ярославской Семинаріи за время Арсенія взяты нами, кромѣ упоминаемыхъ выше „Семинарскихъ дѣлъ, изъ многихъ печатныхъ замѣтокъ и статеекъ, помѣщенныхъ въ Ярославск. Епархіальныхъ Вѣд. за 1887, 93, 94, 95 и 96 г.г.

[2] Относительно Ярославской школы можно сказать, что она съ открытіемъ Семинаріи была только, кажется, нѣсколько преобразована и затѣмъ присоединена къ Семинаріи въ качествѣ самостоятельной школы, подъ названіемъ „пѣвческой“. Эта пѣвческая школа существовала при Семинаріи во все время управленія Арсеніемъ Ростовской епархіей и даже послѣ него. Сюда поступали малолѣтнія и неприготовленныя изъ дѣтей духовенства, преимущественно Яросл. уѣзда, для того, чтобы по выучкѣ имѣть возможность занять низшія должности въ клирѣ. Учителемъ въ „пѣвческой его преосвященства школѣ былъ во все описываемое нами время заштатный дьячекъ Алексѣй Ѳедоровъ. Ему же былъ порученъ надзоръ за семинаристами низшихъ классовъ, съ которыми онъ и жилъ вмѣстѣ. „Прих-расх. книги Яр. Семинаріи“; Яр. Еп. Вѣд. 95 г. № 17-й, 24, 25 и др.

[3] Ист. Рос. іерарх. I ч. стр. 444 и древн. и свят. Ростова ст. 28-я.

[4] Яр. Еп. Вѣд. 1894 г. № 37-й.

[5] Яр. Еп. Вѣд. 1895 г. № 25 ст. „Учитель семинаріи Голубцовъ“.

[6] О наборахъ напечатано въ Яр. Еп. Вѣд. за слѣд. годы: въ 1895 г. №№ 28, 29; въ 96 г. №№ 2 и 5-й.

[7] О наборахъ въ другихъ правленіяхъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. По всей вѣроятности они тамъ и не производились, такъ какъ ученики Семинаріи въ большинствѣ случаевъ были изъ Ростовскаго или Ярославскаго уѣздовъ.

Впрочемъ, при вызовѣ въ Ярославское Правленіе, разборъ чаще происходилъ всего одинъ разъ въ самомъ Правленіи въ присутствіи семинарскаго начальства. Разборы эти были очень строги. Такъ, напр., изъ 39 дѣтей, представленныхъ въ Консисторію въ 1754 г., было выбрано годныхъ только 9 человѣкъ; но и изъ этихъ 9 человѣкъ Семинарія не приняла ни одного, такъ что пришлось произвести новый наборъ въ Ярославскомъ Правленіи по Ярославскому уѣзду.

Ученики поступали въ Семинарію инымъ образомъ. Нерѣдко Арсеній, отославъ какого-нибудь св.-церк.-служителя въ наказаніе въ монастырь, или вовсе лишивъ его сана или званія, дѣтей его, чтобы они «не шатались безъ дѣла» и могли впослѣдствіи занять мѣста въ клирѣ, опредѣлялъ въ Семинарію [1]). Въ первый учебный годъ всѣ поступившіе ученики составляли, кажется, одинъ только классъ. Съ теченіемъ времени число классовъ увеличилось до шести (фара, инфима, грамматика, синтаксима, піитика и риторика). Первые четыре класса или школы, какъ называли тогда, считались низшими, два послѣдніе высшими. Вѣроятно, въ ней изучалось тоже, что̀ и въ прочихъ подобныхъ Ярославской семинаріяхъ; всѣ онѣ были основаны на однихъ началахъ, на началахъ Кіевской Академіи. Главнымъ предметомъ, конечно, былъ Латинскій языкъ, Греческій же языкъ не изучался при Арсеніи. Сохранились извѣстія, что въ риторикѣ преподавалась, отчасти, философія. Такъ объ ученикѣ Семинаріи Андреѣ Малицкомъ, вышедшемъ въ 1756 г. въ свѣтскую науку, говорится въ вѣдомости о немъ, представленной митрополиту, что «онъ, Малицкій, нынѣ ретористъ, философіи же, кромѣ діалектики, не начиналъ [2])». Что̀ еще изъ философіи кромѣ діалектики изучали, неизвѣстно. Но полнаго круга философскихъ предметовъ, конечно, не было, такъ какъ въ томъ же 1756 г. «для изученія философіи» были отправлены въ Московскую Академію два Ярославскихъ семинариста [3]). Авторъ небольшой статейки въ Яр. Еп. Вѣд. за 1875 г. № 4-й говоритъ еще, впрочемъ, не приводя никакихъ основаній, что будто бы самъ Арсеній преподавалъ семинаристамъ богословіе. Это извѣстіе, если оно только достовѣрно, должно, кажется, понимать такъ, что Арсеній при своихъ посѣщеніяхъ Семинаріи велъ бесѣды съ учениками на разныя богословскія темы; правильнаго же систематическаго преподаванія богословія нельзя предполагать уже по одному тому, что митрополитъ жилъ въ Ростовѣ, а Семинарія находилась въ Ярославлѣ. Для преподаванія всѣхъ прочихъ предметовъ были приглашены учителя, родомъ

---

[1]) Конспст. дѣло за № по Архиву 164-мъ, Опись № 12, Ярл. № 25-й.

[2]) Яр. Еп. Вѣд. 1894 г. № 37-й.

[3]) „Приходо-расход. книга“.

преимущественно изъ Малороссіи. Таковы, напр., были первые учителя Семинаріи Григорій Хрещатицкій и Іосифъ Кужелевичъ [1]). Впрочемъ полнаго преобладанія Малороссовъ среди учителей Ярославской Семинаріи не было: Арсеній относился къ этому дѣлу безразлично и особенно не покровительствовалъ своимъ землякамъ. Въ 1751 г. онъ, напр., далъ учительское мѣсто нѣкоему Голубцову, кончившему курсъ въ Московской Академіи, Великоруссу, и назначилъ ему прямо высшій окладъ жалованья 150 руб. [2]), который Малороссійскіе учителя получали послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы. Съ теченіемъ времени стали появляться и доморощенные учителя. Такъ, въ 1756 г. Арсеній послалъ въ Московскую Академію двухъ лучшихъ ретористовъ, Егора Нагородскаго и Алексѣя Иваницкаго для приготовленія къ учительству въ родной Семинаріи [3]). Въ 1759 г. Нагородскій возвратился изъ науки и занялъ учительское мѣсто въ Семинаріи. Когда настоящихъ учителей недоставало за уходомъ ихъ или смертью, то въ низшихъ классахъ Семинаріи преподавали временно ученики реторики [4]). Иногда впрочемъ, назначеніе на такія мѣста имѣло своею цѣлью помочь неимѣющему средствъ продолжать свое ученье ретористу [5]). Но вообще Арсеній неодобрительно относился къ такимъ учителямъ. По его мнѣнію, сами они, «яко ученики несовершенны, по настоящему другимъ ученія преподавать исправно не могутъ, да и имъ самимъ въ своемъ реторики ученіи не безъ помѣшательства есть [6])». Поэтому только «за самою крайнею нуждою онъ опредѣлялъ ретористовъ на свободныя учительскія мѣста и при первой возможности замѣнялъ ихъ настоящими учителями. Вслѣдствіе скудости семинарскихъ средствъ и немногочисленности самихъ семинаристовъ число учителей никогда не превышало 4-хъ человѣкъ [7]). Обыкновенно же было 2 или 3; одинъ преподавалъ въ реторикѣ и піитикѣ и одинъ или двое въ низшихъ классахъ. Въ послѣдніе годы жизни Арсенія на Ростовской каѳедрѣ нѣкоторое время былъ даже всего одинъ учитель на всю Семинарію, такъ что пришлось остановить ученье въ низшихъ школахъ, пока не были назначены для преподаванія въ нихъ ретористы.

---

[1]) „Приходо-расх. книги“.

[2]) Яр. Еп. Вѣд. 95 г. № 25-й.

[3]) „Приходо-расх. книги“ и Конс. дѣло за № 52.

[4]) Яр. Еп. Вѣд. 1895 г. № 24-й и 25-й.

[5]) Тоже № 25; стр. 388.

[6]) Тоже стр. 389.

[7]) Объ учителяхъ Яр. Семинаріи находятся свѣдѣнія въ Яр. Еп. Вѣд. за 1894 и 95 г.г: въ 1894 г. №№ 42 и 44-й; въ 95 г. №№ 22, 24, 25, 26-й.

Что̀ касается отношеній Арсенія къ учителямъ Семинаріи, то они, въ общемъ, были снисходительны. Ревностныхъ къ службѣ онъ иногда приказывалъ награждать изъ семинарскихъ суммъ. Такъ, въ 1754 г. онъ велѣлъ выдать сверхъ жалованья 20 рубл. учителю Якову Новоградскому, въ награжденье за извѣстный его преосвященству его, Новоградскаго, трудъ. Въ 1759 г. іером. Никодиму выдано было 13 рубл., также не въ зачетъ жалованья за то, «что онъ іер. Никодимъ, довольный по своему усердію, имѣетъ во ученьи семинаристовъ трудъ и къ проповѣди Слова Божія тщаніе». Кромѣ того учителей-монаховъ Арсеній награждалъ иногда и другимъ образомъ, именно, назначая ихъ на почетныя должности въ богатые монастыри епархіи, напр., въ 1757 г. учитель іером. Трифилій «за трудъ его, понесенный въ учительскомъ званіи», опредѣленъ былъ келаремъ въ Ростовскій Борисоглѣбскій монастырь, при чемъ эта должность келаря была спеціально открыта для Трифилія митрополитомъ. Учителей изъ семинаристовъ и вообще свѣтскихъ Арсеній назначалъ, если конечно сами они желали, на лучшія священническія мѣста въ г. Ярославлѣ. Бывали случаи и наказаній учителей, Такъ въ 1759 г. учителя Ивана Введенскаго митрополитъ приказалъ высѣчь цѣпками за совершенно неважный проступокъ его (Яр. Еп. Вѣд. 1896 г. № 17-й).

Относительно метода преподаванія, какого держались учителя Ярославской Семинаріи, намъ почти ничего неизвѣстно. По всей вѣроятности, онъ былъ самый незамысловатый: учителя заставляли семинаристовъ зубрить «отъ-сего до-сего» почти безъ всякихъ объясненій; а кто не выучивалъ какой-либо Латинской премудрости, тѣхъ наказывали *), и на это не скупились. Воспитаніе «студентовъ» замѣнялось самою строгою и даже жестокою дисциплиною. Учителя, а тѣмъ болѣе собственно начальствующія лица въ Семинаріи относились къ ученикамъ вовсе не съ отеческою любовію къ своимъ, такъ сказать, духовнымъ дѣтямъ, а «командовали» учениками, какъ своими подчиненными. Въ свою очередь и ученики смотрѣли на своихъ воспитателей, какъ на строгую полицейскую власть, которой прежде всего надо было бояться. «Командирство» учителей и ректора съ префектомъ Семинаріи, выражавшееся, отъ простой своеручной расправы до сажанья на цѣпь и т. п., наказаній, щедро раздававшихся и за неуспѣшное ученье, отъ чего бы эта неуспѣшность ни происходила, и за проступки противъ поведенія, не могло, конечно, располагать питомцевъ Семинаріи къ духовной наукѣ; тѣмъ болѣе, что такое командирство продолжалось не годъ, не два, а много лѣтъ. По-

---

*) Яр. Еп. Вѣд. 1887 г. 516 и 573 стр.

ступая годовъ 9-ти 10-ти, ученикъ не видѣлъ и конца своей тяжелой жизни. Даже успѣшные семинаристы, и тѣ сидѣли по нѣсколько годовъ въ каждой школѣ, особенно въ реторикѣ, гдѣ ими пользовались иногда, какъ даровыми учителями для низшихъ классовъ. Малоспособные же или просто лѣнивые ученики могли ивовсе отчаяться дождаться окончанія своихъ мученій надъ ненавистной Латынью. Самымъ распространеннымъ способомъ избавиться отъ Семинаріи, хотя бы на время, было бѣгство изъ нея *). Когда «бѣдственное школьное житіе» надоѣдало въ конецъ семинаристу, а надоѣдало оно въ первый же годъ, онъ, презирая всѣ опасности неизвѣстнаго будущаго и страхъ предъ наказаніемъ, если поймаютъ, бѣжалъ изъ Семинаріи нерѣдко куда глаза глядятъ, а чаще въ домъ своихъ родителей или родственниковъ. О бѣжавшемъ ректоръ Семинаріи тотчасъ же извѣщалъ Консисторію, откуда на родину бѣглеца для его взятья отправлялся консисторскій приставъ. Иногда, впрочемъ, сами родители или родственники ученика привозили его въ Консисторію, боясь наказанія за укрывательство. Въ Консисторіи бѣглецу, 10—12 лѣтнему мальчику, производился, какъ взрослому, допросъ: «отъ чего онъ бѣжалъ, гдѣ скрывался, чтò дѣлалъ во время своего отсутствія изъ Семинаріи, не совершилъ ли какого преступленія, не знался ли съ воровскими людьми, не имѣлъ ли подложнаго паспорта? и т. п. Послѣ допроса ученика отправляли опять въ Семинарію «для учиненія ему тамъ, при собраніи всѣхъ семинаристовъ, довольнаго наказанія розгами или плетьми», на страхъ ему самому и другимъ его товарищамъ, дабы «неповадно имъ было бѣгать отъ науки». «Довольно» наказавъ, ученика сажали на время, до консисторскаго указа, въ колодки, чтобы онъ паки утечки не сдѣлалъ и заставляли снова учиться. Въ случаѣ новаго бѣгства и особенно когда семинаристъ оказывался неспособнымъ къ наукѣ, Арсеній приказывалъ его выключать изъ Семинаріи съ наказомъ прилежно обучаться дома Россійской грамотѣ, письму и крилосному пѣнію, подъ опасеніемъ, если онъ «не будетъ таковаго дѣлать и потому явится въ церковный чинъ негоденъ, отрѣшенія изъ церковнаго причта вовсе и отсылки въ «свѣтскую команду».

Бѣгали изъ Семинаріи ученики обыкновенно на первыхъ годахъ своей жизни въ ней. Великовозрастные же прибѣгали къ иному средству уйти изъ Семинаріи; именно они переставали совершенно учиться и обращались въ такъ называемыхъ «дѣтинъ непобѣдимой злобы», для которыхъ никакое наказаніе за невыучку уроковъ и за разныя другія

*) О „бѣглыхъ семинаристахъ“ напечатаны замѣтки въ Яр. Еп. Вѣд. за слѣд. годы: въ 1887 г. стр. 516—573; 82 г. 76 стр.; 94 г. 649 стр. и др.

провинности не было страшно. Надоѣвъ семинарскому начальству своими «шалостями», измучивъ учителей своею лѣнью и тупостью, они, по достиженію законныхъ лѣтъ, обращались къ митрополиту съ слезнымъ прошеніемъ освободить ихъ отъ школьнаго ученья и опредѣлить ихъ куда-нибудь на праздное дьяческое или дьяконское мѣсто [1]). Получивъ удостовѣреніе отъ ректора и учителей, что, дѣйствительно, означенные ученики «къ понятію ученія весьма тупы, и выучили, не смотря на долгое время, весьма мало и впредъ къ обученію въ Семинаріи быть неспособны и крайне безнадежны, только лишь содержаніе и коштъ семинарскій на нихъ происходитъ напрасно», митрополитъ увольнялъ просителей съ приказаніемъ явиться въ Консисторію для освидѣтельствованія «въ знаніи чтенія и символа», «годятся ли они быть въ церковномъ причтѣ». Если консисторскій экзаменъ сходилъ благополучно, исключеннымъ позволялось искать праздныхъ мѣстъ въ епархіи; въ противномъ же случаѣ, дабы они праздно не шатались безъ мѣста, Арсеній приказывалъ отсылать ихъ въ свѣтскую команду для записи въ подушный окладъ. Иногда и само семинарское начальство, не дожидаясь прошеній со стороны лѣнивыхъ и тупыхъ учениковъ, съ позволенія митрополита исключало ихъ. Выйдя изъ Семинаріи, они также должны были подвергаться консисторскому освидѣтельствованію со всѣми его послѣдствіями. Наконецъ, бывали случаи выхода при помощи страшныхъ «слова и дѣла» [2]).

Закричитъ, бывало, ученикъ эти слова, и его тотчасъ же передаютъ въ руки свѣтской власти. Хотя потомъ и окажется, что онъ ложно кричалъ, не стерпѣвъ какого-нибудь наказанія, Арсеній не принималъ уже его обратно, не только въ Семинарію, но даже и въ свое духовное епархіальное вѣдомство. Въ 1756 г., такимъ образомъ, закричалъ «слово и дѣло» одинъ ученикъ съ цѣлью, чтобы поскорѣе его отпустили изъ Семинаріи въ Медико-хирургическую Академію, хотя, кстати сказать, его никто въ Семинаріи и не задерживалъ [3]). Вообще надо замѣтить, что Арсеній, по всей вѣроятности, вслѣдствіе своей нерасположенности къ открытой имъ противъ его желанья Семинаріи, не дорожилъ особенно учащимися въ ней, не заботился о томъ, чтобы число ихъ увеличивалось. Выходъ изъ Ярославской Семинаріи при немъ былъ легокъ сравнительно съ прочими семинаріями того времени [4]).

---

[1]) О исключенныхъ по лѣности и малоуспѣшности ученикамъ Яросл. Семинаріи напечатано въ Яр. Еп. Вѣд. за 96 г. №№ 1-й, 2-й, 4-й, 5-й и др.

[2]) Яр. Еп. Вѣд. 1894 г. № 37; 1895 г. № 24.

[3]) Тоже. 1891 г. стр. 585 и др.

[4]) „Духовныя школы“ П. Б. Знаменскаго 360 стр. и далѣе.

Помѣстивъ Семинарію въ Спасо-Ярославскій монастырь, Арсеній все ближайшее управленіе надъ нею передалъ въ руки ректора ея, который въ тоже время занималъ и мѣсто настоятеля въ монастырѣ. Къ сожалѣнію такое совмѣщеніе двухъ должностей не обходилось безъ нѣкотораго рода неудобствъ: ректоръ-архимандритъ, обыкновенно, больше заботился о своемъ монастырѣ, отъ котораго онъ получалъ доходы, чѣмъ о Семинаріи, гдѣ служба его была почти совершенно безмездна. Такъ, напр., первый же (дѣйствительный) ректоръ Семинаріи *) Варѳоломей Любарскій, по пріѣздѣ своемъ на должность, прежде всего занялся увеличеніемъ числа іеромонаховъ и іеродьяконовъ и др. монастырскими дѣлами вмѣсто заботъ объ устраненіи различныхъ нуждъ, которыхъ было вдоволь во вновь открытой Семинаріи. Слѣдующій за нимъ ректоръ Иларіонъ Завалевичъ почти исключительно посвящалъ все время монастырскимъ дѣламъ. Ради нихъ онъ ѣздилъ въ Москву, гдѣ прожилъ большую часть своей жизни. Находясь въ Спасо-Ярославскомъ монастырѣ, Семинарія въ первые годы своего существованія ничего не платила монастырю за свое помѣщеніе и за различныя работы, исполняемыя монастырскими служителями и крестьянами. Такъ оно, кажется, и должно быть, потому что этотъ монастырь считался однимъ изъ самыхъ богатыхъ въ Россіи, въ которомъ на доходы его, по словамъ самого Арсенія, можно было устроить не только Семинарію, но даже Академію. Дѣйствительно, маленькая Ярославская Семинарія врядъ ли могла быть въ тягость Спасскому монастырю: помѣщенія, которыя она занимала, раньше, все равно, пустовали, работъ семинарскихъ также было не особенно много, да и тѣхъ часть исправлялась на семинарскія деньги. Но въ 1751 г., по предложенію архимандрита Варѳоломея Любарскаго (онъ же и ректоръ Семинаріи), состоялся консисторскій докладъ, на которомъ резолюціей Арсенія велѣно было «за покои въ томъ монастырѣ, занятые Семинаріей и амбары собираемымъ хлѣбамъ, и за мѣдную и оловянную посуду и крошево, которое берется изъ монастыря, а также за молотье хлѣба на мельницѣ, за работниковъ и подводы, уступить тому Спасо-Ярославскому монастырю на 751-й г. изъ подлежащаго съ него ко взятію на

---

*) При Арсеніи ректорскую должность въ Ярославской Семинаріи занимали слѣдующія лица: 1) архимандритъ Спасскаго монастыря Іосифъ Ратмировскій, при которомъ была открыта Семинарія и который, какъ человѣкъ неученый, вскорѣ былъ уволенъ; 2) Варѳоломей Любарскій (1747—58 гг.), начавшій собою рядъ дѣйствительныхъ ректоровъ Семинаріи; 3) Иларіонъ Завалевичъ; 4) Владиміръ Каллиграфъ и 5) Тихонъ Якубовскій. Краткія біографіи напечатаны въ „Яр. Еп. Вѣд.“ за 1892 г., 317—20 стр. Болѣе подробныя біографическія свѣдѣнія о Варѳоломеѣ Любарскомъ и Иларіонѣ Завалевичѣ помѣщены въ „Яр. Еп. Вѣд.“ за 1894 г., съ 36 по 52 №№.

тоё Семинарію 20-й части хлѣба ржи 20, овса 20 же, а того и другого 40 чв., и впредъ уступать по такому же числу, котораго на тоё Семинарію уже и не требовать». Не удовлетворяясь этой льготой, Вареоломей въ 1756 г. подалъ митрополиту новую просьбу о совершенномъ освобожденіи монастыря отъ хлѣбнаго сбора, или въ противномъ случаѣ о равномѣрномъ распредѣленіи различныхъ семинарскихъ работъ между всѣми монастырями и пустынями епархіи, «дабы оный Спасовъ (Преображенскій) монастырь не несъ излишней тягости». На эту просьбу Арсеній разрѣшилъ не взыскивать съ монастыря надлежащаго къ уплатѣ за 1755-й г. хлѣба, до разсмотрѣнія всего дѣла. Но монастырская братія съ своимъ архимандритомъ поняла эту резолюцію Арсенія за дозволеніе совершенно не вносить и въ послѣдующіе годы сборный на содержаніе Семинаріи хлѣбъ. Поэтому, когда въ 1757 г. Ярославское Духовное Правленіе, по указу Консисторіи, потребовало изъ монастыря надлежащее за 1756-й г. количество хлѣба на Семинарію, Вареоломей отказался отдать его и послалъ даже митрополиту жалобу на Правленіе и Консисторію, находя ихъ требованіе «несправедливымъ и обиднымъ». Изъ Правленія доложено было обо всемъ происшедшемъ Консисторіи; та тотчасъ же вступилась за интересы Семинаріи и за себя. Изложивъ все дѣло о льготахъ Спасскому монастырю, полученнымъ по просьбамъ его архимандрита и братіи, Консисторія въ своемъ доношеніи митрополиту высказала мнѣніе, что въ требованіи ея хлѣба съ монастыря за 1756-й г. «оному Спасо-Ярославскому монастырю предъ прочими монастырями преобиды и отягощенія быть не имѣется; понеже оный монастырь противу прочихъ въ епархіи имѣющихся монастырей преимущественнѣе во всякомъ обстояніи какъ покоями, служительми и вотчинными крестьяны, такъ и получаемыми денежными и хлѣбными доходами. и ни который монастырь съ нимъ во всемъ этомъ сравняться не можетъ». Къ тому же всѣ вещи для семинарскаго обихода покупаются на семинарскія-же деньги; на эти же деньги производится поправка и починка монастырскихъ покоевъ, занимаемыхъ Семинаріей, кромѣ которыхъ въ монастырѣ еще много «праздныхъ келлій». Вообще, по взгляду Консисторіи, тѣ 40 чв. хлѣба, отъ выдачи которыхъ освобожденъ монастырь въ 1751 г., идутъ исключительно въ уплату за однѣ крестьянскія до Семинаріи подлежащія работы, какъ-то: помолъ хлѣба, ращенье солода, вывозка дровъ съ Волги въ монастырь и т. п., за каковыя работы этой платы вполнѣ достаточно. Получивъ такое доношеніе, Арсеній сдѣлалъ Консисторіи выговоръ за то, что она самовольно послала свое требованіе въ Спасскій монастырь о выдачѣ хлѣба, не доложивши ему, и пока, до новаго его опредѣленія по этому дѣлу, не велѣлъ взыскивать съ монастыря хлѣбъ за 1756-й г. Что произошло

дальше, неизвѣстно; но любопытно, что ректоръ Семинаріи борется за интересы монастыря противъ своей Семинаріи, интересы которой въ свою очередь нашли себѣ защиту въ Консисторіи.

Ректоръ во всей своей дѣятельности былъ подчиненъ ближайшимъ образомъ Консисторіи, а чрезъ ея посредство власти епархіальнаго архіерея. Семинарія получала изъ Консисторіи чрезъ Ярославское Духовное Правленіе указы, въ которыхъ объявлялись и объяснялись распоряженія митрополита, а сама входила въ Консисторію съ донесеніями, представляя отчеты въ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ, на которыя предварительно испрашивала разрѣшенія отъ епархіальнаго начальства. Такимъ образомъ Семинарія была вполнѣ связана въ своей жизни съ общей епархіальной жизнью и служила удовлетворенію исключительно потребностей епархіи, приготовляя для нее священнослужителей.

Это подчиненіе Семинаріи и ея непосредственнаго начальства такому архіерею, какъ Арсеній, не обошлось безъ непріятностей и для самого митрополита, тѣмъ болѣе для подчиненныхъ ему ректоровъ семинарскихъ. Арсеній былъ человѣкъ съ гордымъ сознаніемъ своей архіерейской власти и ея неприкосновенности, и всякій посягавшій такъ или иначе на цѣлость этой власти становился ему врагомъ. Между тѣмъ ректора Семинаріи, назначаемые обыкновенно изъ Синода безъ сношенія и согласія, а иногда и противъ даже согласія митрополита, чувствовали подъ собой при своихъ сношеніяхъ съ нимъ нѣкоторую почву, на которую они при случаѣ могли опереться. Отсюда полнаго подчиненія со стороны ректоровъ, преклоненія, такъ сказать, ихъ предъ собою митрополитъ не видѣлъ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого являлись различныя пререканія, возникавшія иногда изъ-за самыхъ мелочныхъ вопросовъ, въ родѣ того, что ректоръ, проѣзжая невдалекѣ отъ митрополита, не поклонился ему, не являлся долго за благословеніемъ *) и т. п.

Съ первымъ ректоромъ Варѳоломеемъ Любарскимъ Арсеній прожилъ еще сравнительно мирно, такъ какъ Любарскій былъ человѣкъ покладистый, хотя, впрочемъ, и ему приходилось выслушивать митрополичьи выговоры. За то съ Иларіономъ Завалевичемъ все почти время прошло во взаимныхъ непріятностяхъ и ссорахъ. Прежде всего самое назначеніе Синодомъ Завалевича было весьма нежелательно Арсенію, который самъ уже опредѣлялъ на эту должность своего кандидата, архимандрита Яковлевскаго (Ростовскаго) монастыря Иларіона Лаза-

*) „Яр. Еп. Вѣд.“, 1894 г., 598—600 и далѣе.

ревича; но Синодъ приказалъ митрополиту отослать его на старое мѣсто и принять Завалевича, какъ Арсеній ни просилъ освободить его отъ этого ректора. «Отъ показаннаго игумена (Завалевича), писалъ Арсеній въ Синодъ, ежели ваше святѣйшество непремѣнно его ко мнѣ пришлете, слѣдуетъ ожидать токмо непокорства и всегдашнія противности, и тако со усугубленіемъ большихъ мнѣ печалей и лишнихъ хлопотъ, понеже въ указѣ (синодскомъ), нынѣ присланномъ, ниже словомъ упомянуто, чтобы мнѣ онъ повиновался, а хотя бы то и упомянуто было, то по его упрямству нельзя надѣяться исправленія. И при старости моей и застарѣлой болѣзни (приходится) безвременно умирать. Со всякою убо моею покорностью и со усугубленіемъ вашего святѣйшества прошу таковымъ человѣкомъ не опечаливать моея старости безъ моей вины»*). Синодъ не внялъ этой просьбѣ, и Завалевичъ пріѣхалъ опечаливать стараго, больнаго митрополита. Новый ректоръ оказался человѣкомъ весьма жестокимъ и придирчивымъ, къ тому же великимъ сутягою и кляузникомъ, такъ что въ свое недолгое житье въ Ярославлѣ успѣлъ перессориться со своею братіею монастырскою, съ семинарскими учителями, изъ которыхъ префекта Трифилія «человѣка ученаго и слова Божія проповѣдника, строптивствомъ своимъ изогналъ» изъ Семинаріи съ Консисторіей и съ самимъ Арсеніемъ, которому подавалъ различныя дерзкія доношенія, не слушалъ его замѣчаній и выговоровъ, по всей вѣроятности, надѣясь на защиту Синода. Эту синодальную защиту Завалевича чувствовалъ, кажется, и самъ Арсеній, такъ что, подъ конецъ ихъ совмѣстной жизни, митрополитъ со всею своею архіерейскою властью, отъ Бога дарованною, принужденъ былъ оставить въ покоѣ подчиненнаго ему ректора, какъ бы стушеваться передъ нимъ. Можно, право, думать, что Синодъ, зная характеръ Арсенія, нарочно прислалъ къ нему такого ректора, который смогъ бы самъ «опечалить митрополита». По всей вѣроятности, Арсеній былъ очень радъ, когда Завалевичъ уѣхалъ на долго въ Москву ради исправленія какихъ-то монастырскихъ дѣлъ и своихъ личныхъ нуждъ и оттуда не возвращался.

Эти почти постоянныя ссоры и пререканія съ ректорами, безъ сомнѣнія, еще болѣе удаляли митрополита отъ нелюбимой имъ и такъ Латинской школы. Вообще можно сказать, что Арсеній совершенно не считалъ открытую имъ Семинарію дорогимъ для себя дѣтищемъ, а потому почти не вмѣшивался въ ея внутреннюю жизнь, мало слѣдилъ за воспитаніемъ и образованіемъ семинаристовъ. Сохранилось одно только, и то мимоходомъ высказанное распоряженіе митрополита о томъ, чтобы

*) „Яр. Еп. Вѣд.“, 1894 г., 564 стр.

«семинаристы присматривались къ церковному кругу и пѣнія церковнаго не оставляли [1]), распоряженіе, ясно характеризующее взглядъ Арсенія на духовную школу, которая должна была приготовлять юношество исключительно «въ надежду священства».

Оставивъ на произволъ судьбы и въ завѣдываніи ближайшаго семинарскаго начальства учебновоспитательную часть, Арсеній обратилъ все свое вниманіе на матеріальное обезпеченіе Семинаріи. Большіе расходы [2]), связанные съ открытіемъ и дальнѣйшимъ существованіемъ Латинской школы, заставили его упорядочить тѣ средства, которыя могли идти на содержаніе Семинаріи, ея учителей и учениковъ. Въ этомъ отношеніи онъ сдѣлалъ многое и показалъ себя опытнымъ администраторомъ-хозяиномъ.

Согласно предписаніямъ Духовнаго Регламента, главнымъ средствомъ для содержанія епархіальныхъ духовныхъ школъ являлся хлѣбный сборъ съ монастырей. Къ исправности этого сбора и къ надлежащей его полнотѣ были приняты Арсеніемъ энергичныя мѣры, тотчасъ же по учрежденіи Семинаріи. Такъ 14-го Февр. 1747 г. изъ Ростовской Консисторіи разосланъ былъ по всей епархіи указъ митрополита съ требованіемъ, чтобы каждый монастырь и каждая церковь Ростовской епархіи ежегодно представляли вѣдомости, сколько «при нихъ пашенной земли во всѣхъ поляхъ и пустошахъ десятинъ имѣется и сколько на оныхъ монастырскихъ и церковныхъ земляхъ и пустошахъ ржаного и ярового всякаго хлѣба порознь въ посѣвѣ и изъ-того въ вымолотѣ и въ приплодѣ; также сколько при церквахъ св.-церк.-служителямъ денежнаго и хлѣбнаго, ружного жалованья приходится». Эти вѣдомости должны быть «правдивы и достовѣрны съ показаніемъ въ нихъ самой сущей правости, безъ всякаго пристрастія и наималѣйшей утайки, подъ опасеніемъ, какъ монастырскимъ настоятелямъ, такъ и св.-церк.-служителямъ, за ложное и неправдивое въ тѣхъ вѣдомостяхъ показаніе, лишенія чиновъ ихъ и надлежащаго штрафа и истязанія [3])».

---

[1]) Яр. Еп. Вѣд. 1894 г. 683 стр.

[2]) Можно думать, что Арсеній вооружался противъ Латинской науки столько-же изъ-за сознанія ея непригодности сельскому священнику, сколько и изъ-за того, что содержаніе Латинской школы требовало значительныхъ расходовъ, тяжело отзывавшихся и на епархіальныхъ и на личныхъ архіерейскихъ средствахъ, изъ которыхъ должно было платить по закону дорогимъ учителямъ „Латинскаго діалекта“.

[3]) Указы Арсенія относительно упорядоченія получки хлѣбныхъ сборовъ съ монастырей и церквей на содержаніе Ярославской Семинаріи напечатаны въ Яр. Еп. Вѣд. за 1872 г. №№ 13, 14 и 17-й.

Указъ отъ 14 Февраля 1747 г. былъ затѣмъ подтвержденъ «наикрѣпчайше» еще нѣсколько разъ Арсеніемъ въ его послѣдующихъ распоряженіяхъ. Но, не смотря на такую строгость указовъ о вѣдомостяхъ, нашлись монастыри и церкви, которые стали присылать требуемыя вѣдомости «весьма несправедливо съ немалою и явною утайкою». Объ этомъ Консисторія довела до свѣдѣнія митрополита. Въ самый же день консисторскаго доклада состоялся новый указъ, которымъ повелѣвалось брать съ представляющихъ неправильныя вѣдомости количество хлѣба втрое больше надлежащаго, „чтобы другимъ было впредъ неповадно». Въ этомъ же указѣ еще разъ крѣпко было подтверждено, чтобы настоятели монастырей и св.-церк.-служители по силѣ Духовнаго Регламента представляли вѣдомости «по вся годы справедливыя», чтобы у закащиковъ, которые собирали вѣдомости и представляли въ духовныя правленія, присутствующіе въ послѣднихъ управители и повытчики «означенныя вѣдомости принимали весьма осмотрительно и неоплошно и усматривали бы истинныя». Вмѣстѣ съ этимъ всѣ управители и повытчики духовныхъ правленій чрезъ указъ изъ Консисторіи были вызваны въ обязались подпискою въ томъ, что они «впредъ по вся годы будутъ принимать вѣдомости справедливыя подъ опасеніемъ лишенія чиновъ и жесточайшаго наказанія». 18 Февраля 1748 г. изъ Консисторіи снова разосланъ былъ указъ митрополита о представленіи въ нее правдивыхъ и достовѣрныхъ вѣдомостей съ обозначеніемъ количества пашенной земли и количества посѣяннаго и потомъ вымолоченнаго хлѣба.

Вслѣдствіе такихъ распоряженій доставленіе вѣдомостей о хлѣбѣ и самый сборъ хлѣба, назначеннаго на содержаніе семинаріи, были исполнены церквами и монастырями исправно. Такъ, напр., архимандритъ Углицкаго Воскресенскаго монастыря чрезъ два дня по полученіи указа (отъ 18 Февр. 1748 г.) послалъ въ Углицкое Духовное Правленіе точную и справедливую вѣдомость о количествѣ посѣяннаго и собраннаго хлѣба за 1747 г*).

Такъ какъ, при одинаковомъ количествѣ посѣяннаго хлѣба, урожай его, съ котораго назначалась извѣстная часть на содержаніе семинаріи, не могъ быть равенъ въ разныхъ мѣстахъ епархіи, вслѣдствіе чего каждый годъ требовалось составлять чуть не для каждаго монастыря и церкви новое опредѣленіе количества взимавшихся съ нихъ 20-й или 30-й части приплода: то въ 1755 г. сдѣлано было на слѣдующіе годы одно уравнительное для всѣхъ монастырей и церквей расписаніе, въ ко-

*) Яр. Еп. Вѣд. 1872 г. ст. 103-я.

торомъ при опредѣленіи установленныхъ частей хлѣба для Семинаріи былъ принятъ хлѣбъ самъ-третей. Тоже самое примѣнялось и къ тѣмъ случаямъ, когда вмѣсто хлѣба нужно было взять съ кого-либо деньгами. Требуемая часть хлѣба оцѣнивалась среднею цѣною, образовавшеюся изъ цѣнъ дорогой, средней и слабой. Какъ хлѣбъ, такъ и деньги положено было доставлять въ слѣдующіе годы въ Январѣ мѣсяцѣ неопустительно, по одному составленному для всѣхъ годовъ расписанію, по которому со всѣхъ монастырей епархіи въ совокупности приходилось собирать ежегодно ржи 200 чв., столько же овса и т. д. За оставшійся въ долгу отъ прежнихъ лѣтъ хлѣбъ (за неплатежъ натурою) велѣно было собрать деньгами по средней цѣнѣ, сложенной за три года. Закащики обязаны были собирать должныя деньги и представлять въ Консисторію въ 1755 г. въ Іюлѣ, а въ прочіе годы въ Январѣ неопустительно, не дожидаясь понудительныхъ указовъ, «дабы въ семинарскихъ расходахъ ни малѣйшей нужды и остановки отнюдь произойти не могло [1])». Въ 1756 г. (22 Янв.) послѣдовало распоряженіе Арсенія о замѣнѣ хлѣбнаго сбора денежнымъ [2]). Вмѣсто того, чтобы представлять извѣстное количество всякаго хлѣба, монастыри и церкви, «ради ихъ облегченія», обязаны были представлять извѣстную сумму денегъ, опредѣлявшую стоимость назначенной части хлѣба, по той цѣнѣ, какая бываетъ хлѣбу въ данный годъ. Это распоряженіе, замѣна хлѣбнаго сбора денежнымъ и приведеніе его въ бо̀льшую опредѣленность, было окончательной мѣрой, принятой Арсеніемъ къ обезпеченію матеріальнаго быта Семинаріи. Сохранившіеся документы послѣдующаго времени относятся только къ поддержанію прежнихъ постановленій въ надлежащей силѣ. Распоряженія епархіальной власти вызываемы были бо̀льшими или меньшими со стороны подлежащихъ лицъ и мѣстъ опущеніями этихъ постановленій [3]).

Пріемъ собираемыхъ съ монастырей и церквей денегъ и хлѣба до 1758-го года производился въ двухъ мѣстахъ, деньги принимались въ Ростовской Консисторіи, а хлѣбъ въ самой Семинаріи. Послѣднимъ дѣломъ завѣдывалъ, такъ называемый, прокураторъ [4]), въ вѣдѣніи кото-

---

[1]) Яр. Еп. Вѣд. 1872 г. № 14-й 108—109 стр.

[2]) Замѣна хлѣбнаго сбора денежнымъ произведена была не во всей епархіи. Нѣкоторые ближайшіе къ Семинаріи монастыри и пустыни напр. Толгскій монастырь, представляли въ Семинарію хлѣбъ натурою. „Прих.-расх. книги“ и „Семинар. дѣла“ за № 43, 42 и др.

[3]) Яр. Еп. Вѣд. 72 г. 134 стр.

[4]) При назначеніи своемъ на мѣсто, прокураторъ обыкновенно получалъ обширную инструкцію, опредѣлявшую кругъ его дѣятельности. Мы приведемъ вкратцѣ одну изъ такихъ инструкцій, данную въ 1757 г. прокуратору Василью Игумнову. Вся инструк-

раго находился и расходъ всѣхъ суммъ употреблявшихся на содержаніе Семинаріи. Высшій надзоръ надъ дѣйствіями самого прокуратора врученъ былъ Арсеніемъ ректору Семинаріи, безъ позволенія котораго прокураторъ не могъ почти ничего дѣлать. Въ 1758 г. въ производствѣ пріема собираемыхъ хлѣба и денегъ произошла перемѣна. «Такъ какъ у одного и того же семинарскаго дѣла разные и въ разныхъ мѣстахъ

ція состоитъ изъ 21 пункта. Въ 1-мъ п. приказывается новому прокуратору принять съ роспискою по описи отъ прежняго прокуратора все, имѣющееся въ наличности, семинарское имущество. 2-й пунктъ касается пріема хлѣба собираемаго съ церквей и монастырей епархіи, чтобы хлѣбъ былъ самый добрый и былъ принятъ сполна по окладнымъ книгамъ, съ надлежащею въ тѣ книги записью, и въ пріемѣ того хлѣба плательщикамъ давать квитанція безъ всякой задержки. Въ 3 п. содержатся правила относительно полученія изъ Консисторіи денегъ на Семинарію; сколько же когда къ содержанію тоя Семинаріи на принадлежащіе и необходимые расходы потребно будетъ денегъ, о томъ первѣе тебѣ представлять ректору, который по усмотрѣнію своему о присылкѣ тѣхъ денегъ долженъ представлять въ Консисторію же, и когда по тому представленію изъ оной Консисторіи къ нему ректору тѣ деньги присланы будутъ, то оныя деньги принимать тебѣ достовѣрно и записывать въ приходную книгу неотмѣнно; и тѣ наличныя деньги содержать тебѣ за печатью въ безопасномъ мѣстѣ подъ крѣпкимъ присмотромъ". Въ 4, 5, 6 и 16 п. говорится о выдачѣ жалованья учителямъ Семинаріи и самому прокуратору, сколько кому надлежитъ хлѣбомъ и деньгами (и различными съѣстными припасами). Въ 7, 8, 9, 13 п. говорится о заготовленіи съѣстныхъ припасовъ для семинаристовъ, чтобъ тѣ припасы, которые покупаются, покупались заблаговременно, настоящею цѣною безъ передачи; заблаговременно же приготовлялись изъ собраннаго хлѣба мука, солодъ и т. п. 10-й п. касается рабочихъ при Семинаріи (ихъ было всего пять человѣкъ, хлѣбникъ, два повара, истопникъ и надзиратель надъ ними) и ихъ жалованья. Въ 11 пунктѣ говорится о заготовкѣ дровъ для Семинаріи (они покупались на деньги, получаемыя вмѣсто хлѣба изъ Углицкой Дороѳеевской пустыни). Въ 12 п.—относительно посуды, употребляемой для пищи и питья (посуда мѣдная и оловянная была монастырская, а глиняная и деревянная покупалась на монастырскія деньги). Въ 14 п.—о покупкѣ бумаги, перьевъ, чернилъ и т. п. для Семинаріи. „Оную купленную бумагу, перья.. давать учителямъ и ученикамъ съ роспискою, смотря при томъ, чтобы напрасной траты и расхищенія не было". Въ 15 п.—о покупкѣ одёжи и обуви для убогихъ семинаристовъ, „кои родителей своихъ не имѣютъ въ живыхъ, а хотя и имѣютъ, да за убожествомъ своимъ одѣянья и обуви ни откуда получить не могутъ". Покупать одёжу и обувь должно съ доклада и позволенія ректора, по достовѣрномъ усмотрѣніи, точно ли бѣдны семинаристы, и тратить на нихъ денегъ можно не свыше 4 руб. въ годъ на каждаго. 17-й п. касается храненія въ крѣпкомъ и безопасномъ мѣстѣ семинарскаго хлѣба и всякихъ припасовъ, денегъ; о томъ, сколько будетъ израсходовано хлѣба и денегъ на Семинарію, прокуратору каждую треть д. присылать въ Консисторію правдивыя вѣдомости, а по прошествіи каждаго года—подлинныя приходо-расходныя книги „съ сочиненными изъ нихъ обстоятельными счетными описями для годичнаго освидѣтельствованія и ради посылки въ Св. Пр. Синодъ". Въ 18 п. говорится о наймѣ прачекъ для мытья учительскаго и семинарскаго платья, скатертей и салфетокъ. Въ 19 п. говорится объ отпускѣ семинаристовъ на Св. Пасху, Рождество, масляницу. Отпускались семинаристы съ разрѣшенія ректора, при чемъ прокураторъ долженъ былъ наблюдать, чтобы отпущенные давали „письменныя обязательства", съ доб-

люди имѣются напрасно», то для прекращенія этого безпорядка, митрополитъ Арсеній приказалъ, какъ хлѣбъ такъ и деньги принимать въ одномъ мѣстѣ и одному человѣку, именно прокуратору Семинаріи, въ самой Семинаріи, «коему прокуратору быть подъ вѣдѣніемъ и смотрѣніемъ ректора и префекта, да писаря семинарскихъ, и именовать оное (новое) семинарское управленіе Конторою Семинаріи, которая контора должна только къ его п—ву да въ Консисторію и экономич. канцелярію доношеніями писать, а въ Духовныя Правленія о нарядѣ съ платежемъ денегъ и хлѣба сообщать вѣдѣнія и въ монастыри, имѣющіе архимандріи, вѣдѣнія же сообщать, а ко игуменомъ и закащикамъ указы посылать». Для поощренія членовъ этой конторы къ ревностнѣйшему исполненію своихъ обязанностей, въ томъ же указѣ митрополитъ назначилъ имъ брать отъ получаемыхъ сборовъ на Семинарію по 11 коп. съ каждой церкви, «и изъ того числа ректору, префекту и писарю по 3 коп. каждому, а остальныя 2 коп.—прокуратору; съ монастырей положено было давать въ контору по 3 коп. съ каждой платежной четверти и «оныя деньги дѣлить пополамъ», т. е. одна половина ректору съ префектомъ, а другая писарю съ прокураторомъ, а болѣе того, ничего не требовать» [1]). Кромѣ хлѣбныхъ и денежныхъ сборовъ съ церквей и монастырей, другой источникъ (кстати сказать, весьма незначительный) содержанія Семинаріи составляли штрафы за представленіе ложныхъ вѣдомостей о сборѣ хлѣба [2]), продажа различныхъ остатковъ изъ семинарскаго обихода [3]): дробья отъ варенья полпива и квасу, старой одёжи послѣ семинаристовъ и т. п. Всѣхъ доходовъ на содержаніе Семинаріи собиралось въ среднемъ до 1000 руб. и хлѣба до 250 чв. въ годъ [4]).

Главными статьями расхода являлись жалованье учителей и содержаніе семинаристовъ. Опредѣляясь на службу, каждый учитель заключалъ контрактъ на полученіе имъ опредѣленнаго количества денеж-

---

рыми поруками, что они въ Семинарію явятся въ опредѣленныя срочныя числа неотмѣнно и безотговорочно". 20-мъ п. позволялось прокуратору брать для письма имѣющихся въ Спасо-Ярославскомъ монастырѣ писчиковъ сколько нужно, которымъ писчикамъ быть у прокуратора въ надлежащемъ послушаніи. Въ 21 п. содержатся общія правила о томъ, чтобы прокураторъ по всѣмъ вышеозначеннымъ пунктамъ „поступалъ подъ страхомъ жестокаго наказанія сущей правостью, приходъ и расходъ имѣлъ правдивый, чтобы ничему казенному ни малѣйшей траты и убытку не учинилось. Яр. Еп. Вѣд. 95 г. № 17.

[1]) Яр. Еп. Вѣд. 1889 г. № 37-й.

[2]) Приходо-расх. книги за 1761 г. и консист. дѣла за № 32.

[3]) Приходо-расх. книги за 1760 г.

[4]) Тамъ же.

наго и хлѣбнаго жалованья *). Учителя высшихъ классовъ обыкновенно получали при началѣ службы 100 руб. Съ теченіемъ времени къ этой суммѣ прибавлялось понемногу, пока все жалованье не достигало 150 руб. въ годъ.

Учителя низшихъ классовъ получали отъ 10 до 60 руб. въ годъ. Исправлявшіе же ихъ должность семинаристы ничего не получали.

Переходъ учителя низшихъ классовъ въ высшіе сопровождался всегда увеличеніемъ жалованья и наоборотъ. Учитель пѣвческой школы при Семинаріи получалъ всего 5 руб. въ годъ, впослѣдствіе ему прибавили еще 7 руб. Сообразно положенію учителя, смотря по занимаемому имъ мѣсту, разнообразилось и хлѣбное жалованье. Учителя, жившіе въ самой Семинаріи, пользовались, обыкновенно, здѣсь и полнымъ содержаніемъ, кстати сказать, очень щедрымъ. Иногда, впрочемъ, нѣкоторымъ изъ нихъ выдавались на столъ деньги отъ 20 до 50 руб. въ годъ на человѣка. Остальные учителя получали хлѣбное жалованье натурой:—хлѣбомъ отъ 10 до 30 чв. всякаго зерна, капустой, масломъ и т. п. Вообще на жалованье учителямъ въ среднемъ, при полномъ ихъ составѣ, выходило до 300 руб. деньгами и до 100 чв. хлѣба, не считая другихъ съѣстныхъ припасовъ.

Немногимъ болѣе, кажется, выходило средствъ и на содержаніе учениковъ. Всѣ семинаристы и учившіеся въ пѣвческой школѣ при Семинаріи получали казенный столъ, помѣщеніе и различныя школьныя принадлежности. Кромѣ того бѣднѣйшимъ изъ учениковъ выдавалась казенная одежа и обувь. Содержаніе учениковъ, какъ видно, изъ приходо-расходныхъ книгъ, хранящихся въ архивѣ Яросл. Дух. Консисторіи, было сравнительно съ нѣкоторыми прочими Семинаріями того времени, не дурно. Напр., въ 1760 г. на 30 семинаристовъ куплено было мяса,

---

*) Свѣдѣнія о жалованьи учителей Яросл. Семинаріи напечатаны въ Яр. Еп. Вѣд. за 1895 г. въ № 22-мъ. Для примѣра приведемъ оклады первыхъ учителей Семинаріи Хрещатицкаго и Кужелевича. Кромѣ 100 руб. каждому годового жалованья, имъ положено было слѣд. пища и питіе: въ постные дни рыбы провѣсной фунтъ или, по случаю довольства рыбы, колодка да хрѣну; уха сладкая, другая квасная; масла постнаго въ день по 1/2 ф; ежели случится свѣжая икра, по 1/2 ф. На праздничные и воскресные дни: уха сладкая, уха квасная; для жаренаго рыбы на одно блюдо; масла постнаго 1 ф. Въ мясные дни: свѣжаго мяса 6 ф., ветчины 3 ф., масла коровьяго 1 ф. Въ праздничные и воскресные дни: курицъ Русскихъ по двѣ, мяса свѣжаго 6 ф.; на кашу крупъ гречневыхъ или ячменныхъ; масла коровьяго 1 ф. Въ праздн. и недѣльные дни: пива по ведру, меду по 1/4 ведра, а въ прочіе дни по 1/2 пива и т. д.

рыбы, масла, молока, болѣе чѣмъ на 150 руб., хлѣба издержано 343 чв. и т. п. Въ томъ же году на покупку верхней и нижней одежды [1]), обуви для убогихъ семинаристовъ, на починку и мытье ихъ платья и учительскаго истрачено 197 руб. 29 коп. Въ 1761 г. убогіе семинаристы подали митрополиту прошеніе, чтобы онъ приказалъ увеличить выдачу имъ бѣлья (вмѣсто двухъ паръ три), и митрополитъ согласился на этотъ расходъ.

Содержаніе прислуги въ Семинаріи обходилось недорого. Пяти человѣкамъ (служителямъ) платилось всего 15 руб. въ годъ, да столько же четвертей хлѣба. Сравнительно большой расходъ былъ на книги, бумагу, чернила и т. п., напр., въ 1760 г. однихъ книгъ для Семинаріи было куплено на 57 руб., бумаги и чернилъ на 61 р. 15 к. [2]). Относительно пріобрѣтенія книгъ для Семинаріи сохранилась цѣлая переписка Арсенія съ Ярославскимъ фабрикантомъ Лакостовымъ. Митрополитъ просилъ, чтобы Лакостовъ чрезъ своего зятя, отправлявшагося за границу, купилъ въ Лондонѣ и Амстердамѣ на 200 руб. учебныхъ книгъ. Къ сожалѣнію Арсеній опоздалъ отослать деньги и списокъ нужныхъ книгъ, такъ что покупка не состоялась [3]).

Кромѣ всего перечисленнаго, много денегъ уходило на содержаніе семинарской больницы (при чемъ врачу, напр., платили по 50 руб. въ годъ), починку и устройство семинарскихъ зданій, напр., въ 1757 г. была устроена особая баня для семинаристовъ [4]).

Вообще, насколько можно судить по оставшимся документамъ, Ярославская Семинарія въ экономическомъ отношеніи была при Арсеніи благоустроенной. Впрочемъ, въ послѣдніе годы жизни его на Ростовской каѳедрѣ (1761—1763) и въ экономической части появились различнаго рода недочеты. Распоряженіе Петра III-го относительно церковныхъ имуществъ и возвращеніе ихъ Екатериной II-й въ вѣдѣніе духовенства произвели смуты среди монастырскихъ крестьянъ, печально отозвавшіяся на благосостояніи монастырей Ростовской епархіи, а отсюда и на благосостояніи Семинаріи. Въ 1761 и 1762 г.г. со стороны братій различныхъ монастырей и пустынь поступало къ митрополиту нѣсколько

[1]) Обыкновенно „убогому“ семинаристу выдавали кафтанъ изъ смурой овечьей шерсти сукна, шапку, рукавицы съ „везеницами“, коты съ чулками, рубаху съ портами, шляпу; на зиму еще прибавлялась овчинная шуба. Прих.-расх. книги за 1761 г.

[2]) „Прих.-расх. книги“ за 1760 и 61 г.г.

[3]) Яр. Еп. Вѣд. 1893 г. 257 ст.

[4]) Тамъ же, 1895 г., № 82.

прошеній объ освобожденіи ихъ отъ хлѣбнаго и денежнаго сборовъ на Семинарію [1]). Насколько возможно, Арсеній соглашался на эти просьбы, отсрочивая на годъ-на два требуемые взносы, или же совсѣмъ освобождая отъ нихъ. Конечно, эти недоборы не могли не повліять на экономическую часть семинарской жизни, что̀, въ связи съ извѣстными уже намъ отношеніями Арсенія къ учебно-воспитательной части, усилившимися еще болѣе въ эти годы подъ вліяніемъ болѣзни его и ссоръ съ ректоромъ безъ сомнѣнія, тяжело отозвались на всемъ вообще состояніи Семинаріи, и потому отзывъ преемника Арсенія преосв. Аѳанасія, «что Семинарія при бывшемъ митрополитѣ Арсеніи весьма упущена», [2]), имѣлъ свои основанія.

Священникъ Сергій Троицкій.

*

Почтенный трудъ отца Сергія Троицкаго относится исключительно къ дѣятельности Арсенія Маціевича по учебной части; онъ не касается другихъ сторонъ его управленія, и въ немъ не говорится о томъ, что жестокость Арсенія къ бѣлому духовенству и совсѣмъ немонашеская жизнь его должны были дѣйствовать развращающе и на семинаристовъ; но нельзя не отнестись сочувственно къ его мысли о вредномъ излишествѣ въ семинаріяхъ латыни, которое содѣйствовало къ отчужденію нашего духовенства отъ его паствы. П. Б.

---

[1]) Консисторскія дѣла (по Семинаріи) за №№ 42, 43, 51 и др.

[2]) „Яр. Еп. Вѣд.“, 1895 г., № 25.

ПИСЬМА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА [1])

къ князю А. М. Голицыну.

Слишкомъ полвѣка передъ тѣмъ, какъ писаны нижеслѣдующія письма, тогдашній Цесаревичъ, единственный сынъ новой Государыни, надежда Русскихъ людей, заболѣлъ такъ опасно, что дни его почитались сочтенными, и возникалъ грозный вопросъ о престолонаслѣдіи. Старый графъ А. П. Бестужевъ, еще при Петрѣ Великомъ присягавшій „Правдѣ воли монаршей", по которой царствующій государь можетъ назначить себѣ преемникомъ кого онъ изволитъ, подалъ совѣтъ Екатеринѣ, чтобъ она вышла замужъ за графа Г. Г. Орлова, а младенца (будущаго Бобринскаго) объявила своимъ наслѣдникомъ, привѣнчавъ его, какъ были привѣнчаны Анна и Елисавета Петровны [2]). Богъ спасъ Россію отъ смуты, которая могла возникнуть: восьмилѣтній Цесаревичъ выздоровѣлъ. Въ память этого учреждена Екатериною первая въ Москвѣ больница, неподалеку отъ старѣйшаго Московскаго монастыря, гдѣ почиваетъ сынъ Александра Невскаго, утвердитель Русскаго единодержавія, великій князь Даніилъ Александровичъ. Попеченіе надъ больницею ввѣрено было Наслѣднику Цесаревичу, который управлять ею поручилъ И. О. Брылкину, д. т. с., камергеру и оберъ-прокурору Сената. Князь А. М. Голицынъ, бывшій нѣкогда посланникомъ въ Лондонѣ, а потомъ вице-канцлеромъ и привезшій Екатеринѣ отреченіе Петра Третьяго, проживалъ почетнымъ опекуномъ въ Москвѣ; онъ былъ извѣстенъ по своей хозяйственности. П. Б.

1.

Гатчина, 14 Марта 1788.

Начинаю письмо свое къ вамъ, князь Александръ Михайловичъ, прося у васъ извиненія о семъ, ибо по сей часъ никогда съ вами въ перепискѣ не былъ. Вы заключите легко, что побудили меня на то какія либо особыя причины. Скажу вамъ на то, что вы и не ошибаетесь въ томъ и найдете вы ихъ въ самомъ себѣ, въ расположеніи моемъ къ вамъ и въ уваженіи моемъ къ особѣ вашей, которое съ малолѣтства моего вами пріобрѣтено было. Если обстоятельства насъ другъ отъ друга

---

[1]) Съ подлинниковъ, сообщенныхъ въ „Русскій Архивъ" правнукомъ князя Голицына, покойнымъ Василіемъ Александровичемъ Олсуфьевымъ. П. Б.

[2]) У И. М. Снѣгирева случилось намъ видѣть гравированную при Петрѣ Великомъ картинку, на которой изображено это привѣнчаніе. П. Б.

удаляли, то не меньше однакоже могъ я желать быть съ вами ближе. Теперь имѣю случай, котораго и не упускаю, желаніе свое удовольствовать отчасти, если вы отъ онаго не отречетеся.

Иванъ Ануфріевичъ Брылкинъ имѣлъ дирекцію моей больницы въ Москвѣ, я его къ сожалѣнію потерялъ; примите князь Александръ Михайловичъ сію дирекцію и одолжите меня тѣмъ. Вы оною обременены конечно не будете и доставите лишь мнѣ случай быть вамъ благодарнымъ, а установленію сему дѣйствительную доставите выгоду и пользу. При семъ случаѣ долженъ вамъ сказать, что если я письмомъ своимъ нанесъ скуку, то бъ вы меня извинили, уважая удовольствіе, съ каковымъ я къ вамъ его писалъ во увѣреніе расположенія моего къ вамъ, съ каковымъ есмь и буду вашимъ благосклоннымъ. Павелъ.

2.

С.-Петербургъ, 30 Марта 1788.

Съ несказаннымъ удовольствіемъ получилъ отвѣтъ вашъ, князь Александръ Михайловичъ. Подвигъ вашъ и расположеніе ваше тронули меня и наполнили меня благодарностью, а особенно видя, что и вы не отрекаетесь со мной сблизиться, какъ я того желалъ. Въ разсужденіи же желанія вашего быть увѣдомлену, какъ приступить вамъ къ дѣлу, я теперь же объясняюсь. Дирекція временная теперь больницы у Трегубова, къ которому я при семъ письмѣ посылаю повелѣніе явиться къ вамъ. Подъ нимъ первымъ и тотъ, на которомъ все лежитъ, Рубинъ; ибо Трегубовъ никогда и прежде въ управленіе вмѣшанъ не былъ. Il sera même bien de le laisser comme cinquième roue *). Впрочемъ же отношусь во всемъ на ваше собственное усмотрѣніе, а особенно какъ вы на мѣстѣ. Признаюсь вамъ, что весьма пріятно хотя въ семъ имѣть съ вами дѣло и чрезъ то имѣть случай доказывать вамъ всегда, что есмь и буду вашимъ благосклоннымъ. Павелъ.

3.

С.-Петербургъ, 19 Апрѣля 1788.

Прежде нежели приступлю къ дѣлу, поздравляю васъ, князь Александръ Михайловичъ, съ настоящимъ праздникомъ, желая вамъ препроводить его благополучно и весело, притомъ и поблагодарю васъ за ваше поздравленіе: всякій знакъ расположенія вашего мнѣ пріятенъ. Примѣчаніе ваше о расходахъ больницы не по мѣрѣ ея весьма справедливо; на сіе вамъ скажу, что оные возрасли разными случаями и прежде еще нежели я сталъ ею самъ управлять. На убавленіе оныхъ я

---

*) Т. е. даже будетъ хорошо считать его пятою спицею въ колесѣ.

весьма согласенъ, а особенно въ пользу или прибавленіе болящихъ; но хочу лишь примѣтить, чтобъ отнюдь не касалося пансіоновъ тѣхъ людей, которые дѣйствительно ихъ заслужили, и сіе я совершенно на ваше разсмотрѣніе отдаю. О снабдѣніи васъ нужнымъ для полученія денегъ я съ казначействомъ сношусь теперь. На сихъ дняхъ получилъ я письмо отъ вдовы Брылкиной, которая проситъ меня для очистки, чтобъ я приказалъ счесть покойнаго ея мужа съ 1763 года и далъ ей въ томъ квитанцію, то въ удовлетвореніе я прошу васъ сіе сдѣлать и квитанцію ко мнѣ для подписи прислать. Думаю притомъ, что не худо бы было ей въ пансіонъ что-нибудь оставить, но на сіе не могу рѣшиться, не зная точно обстоятельствъ ея, о чемъ и буду ждать отъ васъ отвѣта. Жена моя поручила мнѣ вамъ поклонъ свой написать, къ которому присовокупляю увѣреніе съ своей стороны о искреннемъ моемъ къ вамъ доброжелательствѣ, съ каковымъ есмь вашимъ благосклоннымъ. Павелъ

4.

Царское Село, 11 Мая 1788.

Вчера въ вечеру Богъ даровалъ мнѣ дочь, которую назвали Екатериною, и какъ мать такъ и новорожденная, слава Богу здоровы, о чемъ васъ, князь Александръ Михайловичъ, и увѣдомляю, зная особливо расположеніе ваше.

Теперь приступлю къ дѣлу. Получилъ я сейчасъ письмо ваше отъ 4-го и, хотя вы и извиняетесь въ разсужденіи пространства онаго, но я его таковымъ отнюдь не нашелъ, а особливо имѣя съ вами дѣло, и отвѣтствую. 1-е Отнюдь не прибавлять цѣны на господскихъ людей и пр. платящихъ. 2-е Господина главнаго директора образъ мыслей всѣмъ извѣстенъ, который благодарностію и чувствомъ удовлетворяетъ, а онъ мнѣ предоставитъ и то и другое знать и цѣнить. 3-е Господинъ директоръ можетъ идти въ отставку, однакоже ко мнѣ онъ ничего о семъ не писалъ. 4-е По случаю архитектора я совсѣмъ съ вами одного мнѣнія. 5-е Кульману думаю оставить пансіонъ, ибо онъ первый былъ при самомъ заведеніи. 6-е Квитанцію Брылкиной здѣсь подписанную прилагаю, которую и прошу ей доставить, въ прочемъ же отношусь во всемъ на ваше собственное разсмотрѣніе и благодарю за принятый уже вами трудъ. Je puis dire, si vous me le permettez, qu'il y a de plaisir à avoir affaire avec vous *). Жена моя поручила мнѣ вамъ кланяться, а я есмь и буду вашимъ благосклоннымъ. Павелъ.

---

*) Т. е. могу сказать, если вы мнѣ то позволите, что пріятно имѣть съ вами дѣло.

5.

Павловское, 5 Октября 1788.

Вѣрьте, князь Александръ Михайловичъ, что я чувствую всю цѣну молчанія вашего во все время отсутствія моего *) какъ и намѣренія вашего при семъ; слѣдственно и можете судить о благодарности моей. Расположеніемъ вашимъ по больницѣ я весьма доволенъ и прошу васъ точно по оному и поступить. Здѣсь возвращаю и письмо Трегубова, котораго можете уволить. Весьма мнѣ пріятно здѣсь возобновить увѣреніе о сердечномъ моемъ къ вамъ расположеніи вмѣстѣ и съ женою моею и что я есмь и буду вашимъ благосклоннымъ. Павелъ.

6.

С.-Петербургъ, 29 Генваря 1789.

Съ тѣмъ бо̀льшимъ удовольствіемъ, князь Александръ Михайловичъ, получилъ я письмо ваше и пишу вамъ сіе, что столь долго не получалъ отъ васъ и не писалъ вамъ. Рубинъ былъ у меня, и мы много о васъ говорили, причемъ и объяснялся со мною о своихъ нуждахъ, какъ о оставшихся сиротахъ послѣ Охернала, такъ и о сестрѣ своей. Я ему положительнаго ничего сказать не могъ, но отнесся и теперь отношусь къ вамъ о соглашеніи нуждъ больничныхъ съ нуждами личными, будучи удостовѣренъ, что ваше распоряженіе во всякомъ случаѣ таково, что мнѣ на оное съ довѣренностью полагаться можно. Между тѣмъ скажу вамъ, что весьма желалъ послать къ вамъ съ Рубинымъ что-нибудь приводящее меня вамъ на память; но краткость его здѣсь пребыванія помѣшала мнѣ теперь въ томъ. Весьма пріятно мнѣ будетъ, если во всякомъ поступкѣ моемъ станете отдавать справедливость дружбѣ моей, съ каковою есмь вашимъ благосклоннымъ. Павелъ.

7.

С.-Петербургъ, 20 Февраля 1789.

Письмо ваше, князь Александръ Михайловичъ, отъ 8 получилъ. Я не думаю, чтобъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ больницу можно было отягчать новыми пансіонами, и такъ въ разсужденіи просьбы Рубина остаться лишь при измѣщеніи, каковое онъ самъ проситъ отъ его жалованья. Я ему самому сказалъ, что ничего обѣщать не могу, а снесусь съ вами, а въ письмѣ моемъ къ вамъ спрашивалъ о возможности, относясь на ваше распоряженіе. Симъ случаемъ пользуюсь возобновить увѣреніе о расположеніи моемъ къ вамъ, съ каковымъ есмь по смерть вашимъ благосклоннымъ. Павелъ.

---

*) Въ Финляндію, на войну. П. Б.

8.

С.-Петербургъ, 6 Апрѣля 1789.

Позвольте, князь Александръ Михайловичъ, прежде всего мнѣ поздравить себя съ наступающимъ праздникомъ, а особливо зная ваше расположеніе, которому я, хотя молча, соучаствую сердечно. Получивъ письмо ваше отъ 26, благодарю за оное. Въ разсужденіи пенсіона вдовѣ Ахерналъ съ дѣтьми я весьма согласенъ, но по стѣсненнымъ моимъ обстоятельствамъ желаю, чтобъ оный производимъ былъ отъ больницы. О сколь бы желалъ лично увѣрить васъ, что есмь и буду вашимъ благосклоннымъ. Павелъ.

9.

Павловское, 25 Мая, 1789.

Желая имѣть способъ привести себя на память вашу, князь Александръ Михайловичъ, и изъявить вамъ свою благодарность, прошу васъ принять посылаемое съ симъ письмомъ. Уважьте намѣреніе мое и желаніе вамъ доказать расположеніе, съ каковымъ есмь вашимъ благосклоннымъ. Павелъ.

10.

Гатчина, 4 Октября 1789.

Получилъ я письмо ваше, князь Александръ Михайловичъ, отъ 24 прошедшаго; но вручитель онаго, котораго желаю персонально узнать по всему, что̀ вы особливо о немъ пишете, не могъ ко мнѣ быть по причинѣ моего теперешняго карантина. Ваше о немъ мнѣніе уже заранѣе пріуготовляетъ мое, по давнишнему моему уваженію къ вамъ. Благодарю васъ за увѣдомленіе меня о распоряженіи пенсіоновъ, и за попеченіе ваше о больницѣ. О сколь бы я желалъ быть въ состояніи вамъ показать мою признательность и что есмь вашимъ благосклоннымъ. Павелъ.

11.

Павловское, 10 Іюля 1790.

Давно не имѣлъ я писемъ отъ васъ, князь Александръ Михайловичъ, и такъ тѣмъ пріятнѣе было для меня полученіе послѣдняго отъ 4. Благодарю васъ за поздравленіе, и совершенно согласны по сему случаю мои желанія съ вашими. Но приступимъ къ тому, что̀ вы мнѣ предлагаете. Признаюсь, съ претительностью соглашаться долженъ буду на вашу пропозицію, въ разсужденіи самой публики и отступленія отъ первоначальнаго намѣренія и заведеннаго порядка; но необходимость и совершенное познаніе ваше обстоятельствъ какъ больницы, такъ и относящагося до публики возбраняютъ мнѣ рѣшительное что вамъ сказать; а увѣреніе, въ каковомъ я, что вы къ лучшему все рас-

положите, заставляетъ меня совершенно вамъ предоставить сіе распоряженіе сдѣлать, хотя опытомъ, но единственно на сверхкомплектныхъ и на первый случай извѣщая меня о дѣйствіи сей перемѣны. Прошу помыслить о способахъ даже какъ и къ опыту сему приступите. Я надѣюсь, что не связалъ вамъ симъ рукъ, а желаю доказать напротивъ довѣренность свою, слѣдствіе образа мыслей моихъ къ вамъ и расположенія сердечнаго, съ каковымъ есмь вашимъ вѣрнымъ. Павелъ.

12.

С.-Петербургъ, 6 Февраля 1791.

Письмо ваше, князь Александръ Михайловичъ, черезъ Рубина я получилъ и черезъ него же отвѣчаю, тѣмъ же самымъ къ сожалѣнію своему, чѣмъ и на послѣднее ваше письмо въ Іюлѣ мѣсяцѣ. Тоже самое, на что вы жалуетесь, и меня въ невозможность приводитъ, хотя бъ и душевно желалъ помочь; въ прочемъ отвѣчалъ на всѣ вопросы сдѣланные мнѣ Рубинымъ на словахъ, и остается мнѣ весьма благодарить васъ за труды ваши, прося васъ быть увѣрену о дружбѣ и расположеніи всегдашнемъ моимъ къ вамъ, съ каковымъ есмь вашимъ благосклоннымъ. Павелъ.

PS. Получилъ я письмо отъ г. Владыкиной, бывшей при воспитаніи моемъ, которымъ проситъ о доставленіи мужу ея мѣста при Воспитательномъ Домѣ; я прошу васъ постараться сіе ему доставить. Рубинъ можетъ вамъ объяснить сіе подробнѣе.

13.

С.-Петербургъ, 15 Генваря 1792.

Съ истинною благодарностью получилъ я письмо ваше, князь Александръ Михайловичъ, которымъ вы меня поздравляете съ праздниками, и увѣренія о расположеніи вашемъ ко мнѣ. Оно мнѣ давно извѣстно, и вѣрьте, что я цѣну его знаю и въ сердцѣ моемъ храню. Я съ своей стороны васъ поздравляю и отъ сердца желаю вамъ всякаго блага, имѣя предъ глазами всегда обращеніе ваше со мною, когда вы здѣсь еще были. Въ отвѣтъ на то, что̀ пишете о больницѣ, прошу принять мою благодарность за труды и попеченіе ваше, а что же касается до Рубина, то посылаю въ семъ письмѣ двѣсти рублей въ его удовлетвореніе, а при томъ и въ облегченіе больничной суммы. За симъ прошу еще разъ принять увѣреніе о расположеніи моемъ къ вамъ, съ каковымъ есмь на всегда вашимъ благосклоннымъ. Павелъ.

РѢЧЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА

при открытіи Польскаго сейма *).

1818.

Представители Царства Польскаго!

Надежды ваши и мои желанія совершаются. Народъ. который вы представлять призваны, наслаждается наконецъ собственнымъ бытіемъ, обезпеченнымъ созрѣвшими уже и временемъ освященными установленіями.

Одно забвеніе прошедшаго могло произвесть ваше возрожденіе. Оно непреложно постановлено было въ мысляхъ моихъ съ того времени, когда я могъ надѣяться на средства къ приведенію онаго въ исполненіе. Ревнуя ко славѣ моего Отечества, я хотѣлъ, чтобы оно пріобрѣло еще новую. И дѣйствительно, Россія послѣ бѣдственной войны, воздавъ по правиламъ христіанской нравственности добромъ за зло, простерла къ вамъ братскія объятія, и изъ всѣхъ преимуществъ, даруемыхъ ей побѣдою, предпочла единственно честь — возстановить храбрый и достойный народъ.

Содѣйствуя сему подвигу, я повиновался внутреннему убѣжденію, коему сильно вспомоществовали событія. Я исполнилъ долгъ, начертанный симъ однимъ внушеніемъ, тѣмъ драгоцѣннѣйшій моему сердцу.

Образованіе, существовавшее въ вашемъ краю, дозволяло мнѣ ввести немедленно то, которое я вамъ даровалъ, руководствуясь правилами законно-сводныхъ учрежденій, бывшихъ непрестанно предметомъ моихъ помышленій, и которыхъ спасительное вліяніе надѣюсь я, при помощи Божіей, распространить и на всѣ страны, Провидѣніемъ попеченію моему ввѣренныя.

Такимъ образомъ вы мнѣ подали средство явить моему Отечеству то, чтò я уже съ давнихъ лѣтъ ему пріуготовляю и чѣмъ оно воспол-

---

*) Произнесена 10 Февраля 1818 года въ Варшавѣ при открытіи перваго Польскаго сейма и напечатана въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ того же года, № 29-й. П. Б.

зуется, когда начала столь важнаго дѣла достигнутъ надлежащей зрѣлости.

Поляки! Освободясь отъ гибельныхъ предубѣжденій, причинившихъ вамъ толикія бѣдствія, отъ васъ нынѣ самихъ зависитъ дать прочное основаніе вашему возрожденію.

Существованіе ваше неразрывно соединено съ жребіемъ Россіи. Къ укрѣпленію сего спасительнаго и покровительствующаго васъ союза должны стремиться всѣ ваши усилія. Возстановленіе ваше опредѣлено торжественными договорами. Оно освящено законодательною хартіею; ненарушимость сихъ внѣшнихъ обязательствъ и сего коренного закона назначаютъ отнынѣ Польшѣ достойное мѣсто между народами Европы: благо драгоцѣнное, котораго она долгое время вотще искала, среди самыхъ жестокихъ испытаній.

Поприще трудовъ вашихъ открывается. Министръ внутреннихъ дѣлъ предложитъ вамъ нынѣшнее положеніе управленія Царства. Вы увидите проекты законовъ, долженствующіе быть предметомъ вашихъ разсужденій. Они имѣютъ цѣлію постепенное усовершенствованіе. Учрежденія финансовъ государства требуютъ еще свѣдѣній, которыя время и точное измѣреніе вашихъ средствъ могутъ только правительству доставить. Законоположительное управленіе постепенно примѣняется ко всѣмъ частямъ правительства. Судная часть образуется. Проекты гражданскаго и уголовнаго законодательства будутъ вамъ предложены. Я утѣшаюсь увѣреніемъ, что вы, разсмотрѣвъ ихъ со всевозможнымъ вниманіемъ, предуспѣете постановить законы, которые будутъ служить къ огражденію драгоцѣннѣйшихъ благъ: безопасности лицъ вашихъ, собственности и свободы вашихъ мнѣній.

Не имѣя возможности посреди васъ всегда находиться, я оставилъ вамъ брата, искренняго моего друга, неразлучнаго сотрудника отъ самой юности. Я поручилъ ему ваше войско. Зная мои намѣренія и раздѣляя мои о васъ попеченія, онъ возлюбилъ плоды собственныхъ трудовъ своихъ. Его стараніями сіе войско, уже столь богатое славными воспоминаніями и воинскими доблестями, обогатилось еще, съ тѣхъ поръ какъ онъ имъ предводительствуетъ, тѣмъ навыкомъ къ порядку и устройству, который только въ мирное время пріобрѣтается и пріуготовляетъ воина къ истинному его предназначенію.

Одинъ изъ достойнѣйшихъ полководцевъ вашихъ представляетъ лице мое среди васъ. Посѣдѣвшій подъ знаменами вашими, раздѣляя постоянно счастливую и злополучную участь вашу, онъ не преставалъ

доказывать преданность свою къ Отечеству. Опытъ оправдалъ въ полной мѣрѣ выборъ мой.

Не взирая на усилія мои, быть можетъ, что слѣды бѣдствій, угнетавшихъ васъ, не всѣ еще заглажены. Таковъ законъ природы. Благо творится медленно, совершенство же недоступно слабости человѣческой

Представители Царства Польскаго! Потщитесь достигнуть высоты вашего предназначенія. Вы призваны дать великій примѣръ Европѣ, устремляющей на васъ свои взоры.

Докажите своимъ современникамъ, что законно-свободныя постановленія, коихъ священныя начала смѣшиваютъ съ разрушительнымъ ученіемъ, угрожавшимъ въ наше время бѣдственнымъ паденіемъ общественному устройству, не суть мечта опасная, но что, напротивъ, таковыя постановленія, когда приводятся въ исполненіе по правотѣ сердца и направляются съ чистымъ намѣреніемъ къ достиженію полезной и спасительной для человѣчества цѣли, то совершенно согласуются съ порядкомъ, и общимъ содѣйствіемъ утверждаютъ истинное благосостояніе народовъ.

Вамъ предлежитъ нынѣ явить на опытѣ сію великую и спасительную истину Да будетъ взаимное согласіе душею вашего собранія, а достоинство, хладнокровіе и умѣренность да ознаменуютъ ваши пренія.

Руководствуясь единственно любовію къ Отечеству, очищайте мнѣнія ваши отъ всѣхъ предубѣжденій, освобождайте ихъ отъ зависимости частныхъ или исключительныхъ выгодъ и, выражая ихъ съ простотою и прямодушіемъ, отвергайте обманчивую прелесть, столь часто заражающую даръ слова.

Наконецъ да не покидаетъ васъ никогда чувство братской любви, намъ всѣмъ предписанной Божественнымъ Законодателемъ.

Такимъ образомъ ваше собраніе пріобрѣтетъ одобреніе и признательность Отечества, и то общее уваженіе, которое подобное сословіе заставляетъ къ себѣ ощущать, когда представители народа свободнаго не обезображиваютъ священнаго званія, на нихъ возложеннаго.

Первѣйшіе чиновники государства, сенаторы, послы, депутаты! Я изъяснилъ вамъ свою мысль, я показалъ вамъ ваши обязанности.

Послѣдствія вашихъ трудовъ въ семъ первомъ собраніи покажутъ

мнѣ, чего Отечество должно впредъ ожидать отъ вашей преданности къ нему и привязанности вашей ко мнѣ; покажутъ мнѣ, могу-ли, не измѣняя своимъ намѣреніямъ, распространить то, что̀ уже мною для васъ совершено.

Вознесемъ благодареніе Тому, Который Единый просвѣщаетъ царей, связуетъ народы братскими узами и ниспосылаетъ на нихъ дары любви и мира.

Призовемъ Его: да благословитъ Онъ и да усовершенствуетъ начинаніе наше!

*

Рѣчь эта была произнесена по-французски. Русскій переводъ ея принадлежитъ князю П. А. Вяземскому, служившему тогда въ Варшавѣ.

Читая нынѣ эту рѣчь, невольно вспоминаешь рѣчи, которыя любилъ произносить въ наши дни министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ, человѣкъ отмѣннаго Европейскаго просвѣщенія и безкорыстнаго желанія блага Русскому народу, но „землѣ своей несвоеземный“: онъ ставилъ себѣ цѣлью пріучить Русскаго простолюдина съ одинакимъ благоговѣніемъ входить и въ Католическій костелъ, и въ Лютеранскую кирку, и въ свой родной храмъ Божій; онъ же содѣйствовалъ раздѣлу крестьянскихъ семей и поднималъ вопросъ о равноправности нашихъ бабъ съ ихъ мужьями.

Рѣчь Александра Павловича произвела въ Россіи временный переполохъ. Пензенскій губернаторъ Сперанскій, купившій себѣ деревню, выражалъ другу своему Столыпину опасеніе ея лишиться („отваживаю Ханеневку“). Весною того же 1818 года, въ Москвѣ графиня Мамонова съ другою дамою прогуливалась по Тверскому бульвару; за обѣими нарядно шли два ливрейныхъ лакея; услышавъ, какъ они между собою шептались о наступающей якобы волѣ, графиня отослала своего лакея въ полицію для наказанія, о чемъ было доложено императору Александру Павловичу, и лакея высѣкли розгами. „Свободныхъ мыслей коноводы восточнымъ деспотамъ сродни“, писалъ позднѣе князь П. А. Вяземскій. П. Б.

ПИСЬМО А. А. БЕСТУЖЕВА (МАРЛИНСКАГО) КЪ К. А. ПОЛЕВОМУ.

Дербентъ, 23 Ноября 1833.

Дорогой мой Ксенофонтъ Алексѣевичъ!

Сегодня я имянинникъ и сижу одинъ, больной, грустный. Мечты моего дѣтства машутъ около меня крыльями, но я ихъ вижу сквозь крепъ. Боже мой, куда дѣлись и зачѣмъ не могутъ воротиться хоть немногіе часы изъ минувшаго?

Зачѣмъ хоть для обращика не оребячить вновь сердце, чтобы я могъ имѣть органы для прежней радости, органы давно огрубѣлые или вовсе утраченные? Воспоминаніе! Что такое воспоминаніе? Живая картина, но все картина, а не дѣйствительность; картина; у которой время кривитъ перспективу и уноситъ у насъ изъ подъ ногъ точку зрѣнія. Мысль простираетъ между *было* и *есть* желѣзный аршинъ свой, и говоритъ: *это мое, это твое.* Досадный раздѣлъ! Мысль принадлежитъ міру, чувство мнѣ. Мысль братъ; чувство любовница... чувство сладостнѣе, горячѣе, нѣжнѣе мысли. Но Провидѣніе спаяло обѣ половины времени, сроднило оба эти существа, слило во едино (жизнь и смерть), и эта связка, эта амальгама, это бытіе: гермофродитъ-сонъ. Тамъ только солнце юности не только свѣтитъ, но и грѣетъ; тамъ только цвѣты любви прежней, не только блистаютъ, но и благоухаютъ. Въ немъ, какъ въ котлѣ Медеи, младенѣютъ и сердце и духъ нашъ. Въ немъ, какъ въ зеркалѣ Шекспировскихъ Вѣдьмъ, видимъ мы туманные облики будущаго; имъ переживаемъ порой то чего не было и не будетъ, даже то чего не могло быть и не можетъ статься. Но, о добрый другъ мой, блѣднѣютъ и самые сны, вянетъ солнце, тускнѣетъ небо грёзъ моихъ... Кажется, огромныя буквы неизмѣримой книги этой стираются; смыслъ чаще и чаще убѣгаетъ отъ понятія; образы сливаются съ туманомъ, ощущенія поражаютъ, какъ тупыя стрѣлы, не какъ мечъ раскаленный. Скажите, отчего это? Неужели кровь моя стынетъ? Зачѣмъ же кипитъ еще мое сердце? Зачѣмъ сны на яву волнуютъ его, а оно не слышетъ моихъ сновидѣній попрежнему. Да, въ эту ночь я видѣлъ себя ребенкомъ, ви-

дѣлъ отца моего, добраго, благороднаго, умнаго отца; видѣлъ, будто мы ждемъ его къ обѣду отъ графа Александра Сергѣевича Строганова, который бывалъ имянинникъ въ одинъ день съ нимъ, и всѣ заботы хозяйства, раскладка вареньевъ на блюдечки, раскупорка боченка съ виноградомъ и столъ бѣлѣющій снѣгомъ скатерти и льдомъ хрусталя, и миндальный пирогъ съ сахарнымъ Амуромъ посрединѣ, и себя въ новой курточкѣ расхаживающаго между огромными подсвѣчниками, въ которые ввертываютъ восковыя свѣчи, и все это видѣлось мнѣ точь въ точь, какъ бывало. Но кругомъ было сумрачно, внутри меня холодно. Я былъ уже зритель, не дѣйствователь на этомъ праздникѣ. Я проснулся съ досадою... Итакъ лучъ мороза судьбы проникаетъ даже въ воображеніе, даже въ сонъ: горькое открытіе, горькое сознаніе!

Получилъ я 13-й номеръ Телеграфа и съ наслажденіемъ прочелъ главу Гюго. Ceci tuera cela. Онъ великій мыслитель, другіе перебиваютъ масло изъ его выжимковъ. Онъ звѣзда, прочіе спутники; но и онъ звѣзда-комета, звѣзда-предтеча. О, зачѣмъ не доживемъ мы до обновленнаго міра послѣ потопа, уже вздувающагося? Въ разборѣ путешествія Бѣлявскаго вы говорите о могилѣ Менщикова. Знаете-ли, что до 1824-го года не знали точно, гдѣ похороненъ онъ. Тобольскій губернаторъ Бантышъ-Каменскій былъ въ Березовѣ, рылъ по преданіямъ въ трехъ мѣстахъ и наконецъ нашелъ его, вовое нетлѣннымъ отъ замерзшей почвы. Съ нимъ былъ хорошій портретъ Менщикова, и нашлось, что всѣ черты сохранились въ точности и въ свѣжести. Онъ былъ одѣтъ въ атласъ и бархатъ, съ черной скуфьею на головѣ. Желая сохранить что-нибудь на память для потомка его г.а-та Менщикова, Б-К—ій срѣзалъ нѣсколько волосъ съ брови покойника и взялъ золотой съ груди крестикъ, потомъ отслужилъ панихиду, зарылъ могилу и означилъ ее крестомъ. Эта археологическая выходка дорого стоила археологу: на него былъ сдѣланъ безъименный доносъ въ кощунствѣ, якобы онъ смѣялся надъ трупомъ и вырѣзалъ у него глазъ. Велѣно было сдѣлать слѣдствіе, со строжайшимъ ему выговоромъ: хоть онъ оправданъ, но ему замѣчено было, что любознательность его вовсе неумѣстна. Потомки М—вы до сихъ поръ не сдѣлали никакого надгробія надъ славнымъ сподвижникомъ Петра, и прахъ человѣка, давшаго имъ милліоны, лежитъ подъ сосновымъ крестомъ, водруженнымъ чуждою рукою. Вотъ что значитъ опала!

Не знаю, писалъ ли я вамъ, что нашелъ въ Якутскѣ могилу Анны Гавриловны Бестужевой, умершей также въ ссылкѣ съ вырѣзаннымъ языкомъ. На ней не было уже и креста. Могилы Войнаровскаго не знаютъ, но указываютъ на другомъ берегу Лены противъ Якутска, въ се-

леніи называемомъ Ярмолкою, мѣсто, гдѣ стояла его юрта. Для первой хотѣлъ я своими руками высѣчь камень, съ сердцемъ въ терновомъ вѣнкѣ по срединѣ; но прежде чѣмъ привезти хорошую плиту, я долженъ былъ выѣхать, страдать за другими горами.

Если есть еще время, удержитесь печатать отказъ мой Смирдину; онъ писалъ ко мнѣ, говоритъ, что сестра моя завѣрила его въ моемъ содѣйствіи, а мнѣ не хочется впутывать этого чистаго имени въ каверзы Петербургской журналистики. Я отвѣчалъ ему, какъ онъ стòитъ, и сказалъ, что обращаю противъ него оружіе, кòторымъ думалъ побѣдить меня. Онъ предлагаетъ мнѣ 300 р. за листъ, я требую 500. Зло уже сдѣлано, надобно наказать виновника. Это впрочемъ не помѣшаетъ мнѣ писать для васъ. Если бы у меня не было брата за Кавказомъ, которому нужны деньги, ибо онъ выходитъ въ отставку и расплачивается съ долгами, никогда бы я не писалъ ни строчки для людей, которые думаютъ купить мое перо еще въ гусѣ, и щиплютъ живого.

Недѣли три не брался за перо: сборы къ смотру мѣшали. Теперь присяду; чтобъ втравить себя въ дѣльное, начну чѣмъ-нибудь шуточнымъ во всякомъ случаѣ первое дѣло будетъ для васъ.

У насъ мюриды (преданные) убитаго Кази-Муллы, отъ голоду начинаютъ шалить не на шутку. Недавно увели цѣлое село съ людьми и скотомъ въ горы. Вельяминовъ собираетъ съ Чечни прошлогоднюю подать. Партіи разбнйвиковъ уводятъ и рубятъ Русскихъ дровосѣковъ, грабятъ даже офицеровъ; на будущій годъ должно ожидать усмирительнаго похода.

Благодарю за всѣ посылки. Ложки и ноты получилъ вчерась. Не посылаю поправокъ съ этой почтой, ибо не всѣ еще номера отыскалъ. Бѣда не велика, если и не напечатаютъ. 3-й томъ будетъ слишкомъ дороденъ; не расколоть ли его надвое? Въ 1825 году въ Августѣ есть мое письмо о Петергофскомъ праздникѣ. Оно вздоръ, но можетъ пригодиться въ добавку. Поцѣлуйте ручку у супруги вашей. Вашъ душою Александръ Бестужевъ.

ПИСЬМО ГРАФА А. Х. БЕНКЕНДОРФА КЪ Н. А. ПОЛЕВОМУ [1].

Милостивый государь Николай Алексѣевичъ!

Намѣреніе ваше принесть въ даръ Россіи Исторію Великаго Петра я имѣлъ счастіе доводить до высочайшаго свѣдѣнія Государя Императора и вмѣстѣ съ тѣмъ всеподданнѣйше повергалъ на всемилостивѣйшее воззрѣніе Его Императорскаго Величества доставленный ко мнѣ отъ васъ планъ сего изданія. Его Величество съ благоволеніемъ удостоилъ принять ваше намѣреніе, но не могъ вполнѣ изъявить монаршаго соизволенія на всѣ ваши предположенія, по той причинѣ, что начертаніе Исторіи Петра поручено уже извѣстному литератору нашему А. С. Пушкину, которому вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлены и всѣ необходимыя средства къ совершенію сего многотруднаго подвига. Впрочемъ Государю Императору было бы пріятно, если бы вы употребили способности и ваши свѣдѣнія на предпріятіе драгоцѣнное для сердца каждаго Русскаго. Но при семъ случаѣ Его Величество изволитъ однакоже полагать, что путешествіе въ чужіе краи, въ мѣста, освященныя присутствіемъ Великаго Петра, не принесетъ ожидаемой вами пользы; ибо память объ исполинскихъ дѣяніяхъ незабвеннаго преобразователя Россіи, столь священная для Русскихъ, конечно въ чужихъ земляхъ не могла сохраниться ни въ письмахъ, ни въ преданіяхъ изустныхъ, которыя если и существовали тамъ нѣкогда, то временемъ и переходомъ отъ одного поколѣнія къ другому, естественно утратили первобытную живость впечатлѣній, или и совершенно изгладились изъ памяти чужеземцевъ; если же гдѣ и сохранились, то конечно уже не въ той чистотѣ, не въ томъ блескѣ и величіи, въ какомъ должны быть переданы потомству знаменитыя дѣянія величайшаго изъ монарховъ [2]).

---

[1]) Печатается съ подлинника. П. Б.

[2]) Это не вѣрно. Когда предпринято было въ Петербургѣ изданіе писемъ Петра Великаго, то изъ чужихъ краевъ прислано множество ихъ. (Къ сожалѣнію, дѣло это остановилось на трехъ томахъ, т. е. до 1705 года, и на него потрачены значительныя деньги. Вотъ чѣмъ бы заняться Академіи Наукъ!) П. Б.

По высочайшему повелѣнію всѣ государственные архивы открыты для г. Пушкина, и потому Государь Императоръ равномѣрно изволитъ находить неудобнымъ, чтобы два лица, посвятившія труды свои одному и тому же предмету, почерпали необходимыя для себя свѣдѣнія изъ одного и того же источника.

Передавая вамъ таковыя мысли Его Величества, не скрою отъ васъ, милостивый государь, что и по моему мнѣнію посѣщеніе архивовъ не можетъ заключать особенной для васъ важности; ибо ближайшее разсмотрѣніе многихъ вашихъ твореній убѣждаетъ меня въ томъ, что, обладая въ такой степени умомъ просвѣщеннымъ и познаніями глубокими, вы не можете имѣть необходимой надобности прибѣгать къ подобнымъ вспомогательнымъ средствамъ. Впрочемъ, если бы при исполненіи вашего намѣренія представилась вамъ надобность имѣть то или другое свѣдѣніе отдѣльно: то въ такомъ случаѣ я покорнѣйше васъ прошу относиться ко мнѣ и быть увѣреннымъ, что вы всегда найдете меня готовымъ вамъ содѣйствовать, и вмѣстѣ съ тѣмъ я совершенно увѣренъ, что и Государь Императоръ, всегда покровительствующій благимъ начинаніямъ, изъявитъ согласіе на доставленіе вамъ тѣхъ свѣдѣній, какія вы признаете для себя необходимыми.

Съ совершеннымъ уваженіемъ и преданностію имѣю честь быть вашъ, милостивый государь, покорнѣйшій слуга графъ Бенкендорфъ.

25 Генваря 1836 г., С.-Петербургъ.
Н. А. Полевому.

*

Зналъ ли А. С. Пушкинъ, въ это время озабоченный печатаніемъ первой книги своего „Современника“ (на который у него было всего 180 подписчиковъ!) и раздражаемый завистниками его славы и его близости къ императору Николаю Павловичу, зналъ ли онъ, что Полевой, вступивъ въ союзъ съ Булгаринымъ (находившимся въ милости у главнаго дѣятеля тайной полиціи Дубельта, тоже Поляка), задумалъ предвосхитить порученную ему работу? А графъ Бенкендорфъ долженъ былъ знать, какого рода человѣкъ Полевой и что не задолго передъ тѣмъ онъ не исполнилъ своего обязательства передъ лицами, подписавшимися на полученіе его такъ называемой „Исторіи Русскаго народа“. Одаренный художественнымъ чувствомъ императоръ Николай и въ этомъ случаѣ стоялъ за Пушкина; но тогда Поляки уже свили себѣ гнѣздо въ III-мъ отдѣленіи Государевой канцеляріи. П. Б.

ПИСЬМО С. Т. АКСАКОВА КЪ А. О. СМИРНОВОЙ ПО КОНЧИНѢ ГОГОЛЯ.

Радонежье [1]), 28-го Марта 1852.

Когда не было желѣзной дороги, я получалъ письма изъ Петербурга въ 5-й день, а теперь письма ваши, почтеннѣйшая Александра Осиповна, ходятъ по 10 дней. Послѣднее письмо ваше, отъ 15 Марта, я получилъ 26-го, и потому отвѣчаю вамъ такъ поздно. *Письмо мое къ друзьямъ Гоголя*, напечатанное въ Московскихъ газетахъ, вы должны были получить давно; но заочныя распоряженія часто исполняются плохо, и потому прилагаю его. О портретѣ Гоголя вызвался позаботиться Самаринъ, который былъ у меня: онъ исполнитъ это лучше моихъ сыновей. Мать Гоголя зовутъ Марья Ивановна. Адресъ: въ Полтаву, въ деревню Васильевку.

Вы называете свое письмо *несвязнымъ*... Вы совершенно ошибаетесь: письмо ваше имѣетъ полную связь, почерпнутую изъ глубины душевной. Я вмѣстѣ съ женой и старшей дочерью Вѣрой прочли его нѣсколько разъ; слезы сочувствія и цѣлые часы разговоровъ были слѣдствіемъ этого чтенія. Оба мои сыновья и всѣ дочери говѣютъ въ Москвѣ, и у меня нѣтъ секретарей, а самъ писать разборчиво не могу. Книга моя подъ названіемъ: «Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи» вышла въ Москвѣ; на дняхъ я получу экземпляры, сдѣлаю отмѣтки и немедленно пришлю вамъ.

Съ 21-го Февраля я погруженъ въ одно занятіе: я пишу или диктую о Гоголѣ. Я сначала писалъ безъ плана, что̀ приходило мнѣ въ голову; но потомъ началъ писать: «Исторію знакомства и переписки съ Гоголемъ» [2]). Послѣдняя очень важна и можетъ быть напечатана не скоро, даже послѣ моей смерти. Всего труднѣе сохранить хронологическій порядокъ до начала постоянной переписки, т. е. до 1840 года. Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ хочется высказать вамъ все, что̀ я перечувствовалъ и перемыслилъ въ продолженіе этого мѣсяца. Именно вамъ, для которой (какъ мнѣ кажется) художникъ не закрывалъ въ Гоголѣ человѣка... Но это невозможно на бумагѣ, почти во всѣхъ отношеніяхъ. Притомъ тутъ встрѣтятся точки, съ которыхъ мы расходимся

[1]) Это другое названіе Абрамцова, прекраснаго имѣнія С. Т. Аксакова (нынѣ Елисаветы Григорьевны Мамонтовой), близъ Хотькова и Троице-Сергіевой Лавры. П. Б.

[2]) Напечатано въ 8-й тетради „Русскаго Архива“ 1890 года. П. Б.

въ разныя стороны. Зачѣмъ касаться ихъ? Слава Богу, у насъ довольно общихъ намъ чувствъ и мнѣній. Дѣлаю для васъ простую выписку изъ моихъ прежнихъ отрывочныхъ записокъ. Въ продолженіе 1851 года, Гоголь былъ у насъ три раза. Въ первый разъ въ Іюлѣ, передъ моимъ отъѣздомъ за Волгу. Воротясь 15 Августа въ Москву, я не нашелъ въ ней Гоголя: онъ былъ на дачѣ у Шевырева. Около половины Сентября онъ пріѣзжалъ въ Радонежье и прожилъ нѣсколько дней. Вообще въ послѣдніе два года Гоголь показывалъ мнѣ болѣе прежняго привязанности и довѣренности къ моему суду; это происходило отъ того, что онъ находилъ во мнѣ менѣе *страстности* и болѣе спокойствія. Въ этотъ разъ онъ былъ необыкновенно нѣженъ со мною: нѣсколько разъ, взявъ меня за обѣ руки, смотрѣлъ на меня съ такимъ выраженіемъ, котораго не описать, ни забыть невозможно. Онъ хотѣлъ пріѣхать 17-го, къ четыремъ моимъ именинницамъ *), или непремѣнно 20-го, въ день моего рожденія. Но не могъ исполнить ни того, ни другого, ибо далъ обѣщаніе пріѣхать на свадьбу къ сестрѣ своей Лизѣ въ Полтаву, назначенную 1-го Октября, а потому принужденъ былъ выѣхать туда 21-го Сентября. Онъ очень огорчился, что не могъ провесть со мной день моего рожденія и хорошенько проститься. Вотъ двѣ его записки, одна вслѣдъ за другой писанныя: «20 Сентября. Отъ всей души и отъ всего сердца поздравляю васъ, безцѣнный другъ С. Тим., со днемъ вашего рожденія; весьма жалѣю, что не съ вами сижу за кулебякой, тѣмъ не менѣе, и душой, и мыслями съ вами. Здравствуйте, бодрствуйте, готовьте своихъ птицъ, а я приготовлю вамъ душъ; пожелайте только, чтобы они были живыя, живыя также, какъ живы ваши птицы. Всѣхъ обнимаю, всѣхъ васъ до единаго цѣлую мысленно и прошу не забывать меня въ молитвахъ. Вашъ весь Н. Г.»—«21 Сентября. Передъ выѣздомъ захотѣлось мнѣ еще разъ поздравить васъ, безцѣнный другъ Сер. Тим., со днемъ рожденія и съ наступающимъ днемъ именинъ. Вспомните обо мнѣ, а я о васъ, мысленно помолимся другъ о другѣ, чтобъ далъ Господь силъ. А Ольга Сем. и милыя ваши дѣтки, можетъ быть, помолятся и у самаго Сергія. В. в. Г. Пожалуйста не забывайте писать».

Пробывъ осень въ деревнѣ матери, Гоголь намѣревался проѣхать на зиму въ Одессу, гдѣ проводилъ онъ предыдущую зиму очень хорошо, какъ въ отношеніи къ своему здоровью, такъ и въ усиленной работѣ надъ «Мертвыми Душами». Конецъ пришлю на слѣдующей почтѣ, а теперь не успѣваю. Прощайте, да сохранитъ васъ Богъ. Жена и Вѣра васъ обнимаютъ. Сердечно преданный вамъ С. Аксаковъ.

---

*) Вѣра, Надежда, Любовь и Софія Сергѣевны. П. Б.

ПИСЬМА А. О. СМИРНОВОЙ КЪ ГРАФИНѢ Е. П. РАСТОПЧИНОЙ.

Доставлены въ „Русскій Архивъ“, въ спискахъ, дочерью А. О. Смирновой, Надеждою Николаевной Сорѣнъ. Подлинники были вѣроятно возвращены писавшей наслѣдниками графини Растопчиной (скончавшейся въ Декабрѣ 1858 года). Письма писаны по-французски; Русское въ письмахъ означено у насъ кавычками. Объ А. О. Смирновой писано и напечатано у насъ много; однако этотъ другъ Жуковскаго, Пушкина, Гоголя и многихъ выдающихся лицъ въ Россіи и въ чужихъ краяхъ до сихъ поръ не оцѣненъ по достоинству. Собраніе писемъ А. О. Смирновой было бы книгою образцовою, и конечно они не уступятъ въ значеніи знаменитымъ письмамъ госпожи Севиньи. (Съ ними могутъ быть поставлены рядомъ, по живости содержанія и изяществу изложенія, письма А. П. Елагиной). Графиня Е. П. Растопчина тоже принадлежитъ къ числу лицъ, которыя, помимо ея печатныхъ произведеній, не умрутъ въ преданіяхъ Русской общественности за время императора Николая Павловича. Эти двѣ женщины были почти ровесницами по возрасту, но характера весьма несхожаго. Въ Петербургѣ жили онѣ въ богатой обстановкѣ (Пушкинъ, за день до своего смертельнаго поединка, обѣдалъ у графини и, какъ разсказывалъ намъ ея мужъ графъ А. Ѳ. Растопчинъ, неоднократно убѣгалъ изъ гостиной мочить себѣ голову: до того она у него горѣла. П. Б.

Село Спасское, 7-е Іюля (1838).

Дорогой другъ, я увѣрена, что ты меня считаешь неблагодарной, и я сержусь на себя за то, что, такъ долго откладывая свой отвѣтъ, вызвала въ тебѣ такое дурное мнѣніе о себѣ. Хлопоты съ переѣздомъ, наше путешествіе, мое пребываніе въ Москвѣ и нѣсколько сильныхъ нервныхъ припадковъ помѣшали мнѣ написать тебѣ какъ бы хотѣлось. Теперь же, водворившись въ Спасскомъ, убѣжищѣ тишины и полнѣйшаго покоя, я могу сколько угодно мечтать объ отсутствующихъ друзьяхъ и отдать тебѣ нѣсколько часовъ. Хотя ты мнѣ обѣщала писать, но не знаю, почему твое письмо обрадовало меня своею неожиданностью. Очевидно, сердце мое, было безсознательно недовѣрчиво и когда я хотѣла похвастаться, что въ Петербургѣ ты вспомнила первую меня, я съ досадой узнала, что первымъ былъ осчастливленъ Одоевскій; впрочемъ, вѣдь онъ тоже въ числѣ твоихъ друзей и заслуживаетъ этого. Я съ торжествомъ повезла свое письмо въ Царское Село, но и тамъ

увидѣла твой почеркъ на столѣ у Карамзиныхъ; я сказала себѣ: «всѣмъ сестрамъ по серьгамъ». Тѣмъ не менѣе твое письмо такъ много читали и перечитывали, что я его такъ и не нашла больше, такъ что помню изъ него только одно: что ты въ изгнаніи, какъ ты поэтично выражаешься и что нужно давать тебѣ извѣстія объ этой коптильнѣ, называемой Петербургомъ. Знай же, что съ отъѣздомъ Двора, тамъ ничего не произошло, ничего, такъ какъ, по счастью, Дворъ составляетъ въ Петербургѣ все. Я говорю по счастью, потому что всегда нуженъ центръ, кумиръ, и я предпочитаю его позолоченнаго глиняному. Общество разсѣялось по островамъ. Marie Нарышкина на Каменномъ острову, Соня Bosch у себя, m-me Laval уѣхала за границу; Лена Хребтовичъ, вдвойнѣ вдовствующая, по мужѣ и по другѣ, въ деревнѣ у Нессельроде; прекрасная Кити въ Крестовскомъ, на своей кушеткѣ, привлекаетъ лишь половинное число Парисовъ, порхавшихъ вокругъ Елены. Внѣ этого острова имѣютъ видъ суровый; неизмѣнный вистъ перемѣнилъ лишь мѣсто, и партія играется въ тѣни ёлокъ, такъ же какъ подъ золочеными потолками. Впрочемъ, вотъ уже болѣе трехъ недѣль какъ я покинула свой прелестный уголокъ на Морской и уже десять дней водворилась въ нашей вотчинѣ Спасскомъ, которымъ я очень довольна. Все мое существо, физически и духовно отдыхаетъ, а для такой лѣнивой натуры, какъ моя, это нужно и совершенно необходимо. Москву я видѣла изъ своей комнаты въ гостиницѣ. Вся она полна пыли и какихъ-то престранныхъ животныхъ; такая призма слишкомъ неблагопріятна. Нескладность города усугубляется разрозненностью общества, которое все разбросано по одиночкѣ. Нѣтъ центра интересовъ; впрочемъ тоже самое и въ Петербургѣ, когда Дворъ отсутствуетъ. Бартеневъ былъ ко мнѣ полонъ вниманія и любезности. Я провела вечеръ у Нади Пашковой, гдѣ познакомилась съ Александрой Пашковой; она могла бы имѣть салонъ въ С. Жерменскомъ предмѣстьи и дѣлала бы намъ честь, настолько она красиво и легко говоритъ; рѣшительно въ ней нѣтъ ничего Московскаго, не прогнѣвайтесь, дорогая сударыня, отрицающая своеобразность Московскую. Всѣмъ сердцемъ хочу тебя видѣть и если мое благочестіе направитъ меня въ Воронежъ, то дружба найдетъ дорогу въ село Аннино. А до этого чуднаго момента прими мою искреннюю дружбу. А. Смирнова.

Москва, 6 Октября 1838.

Послѣ моего долгаго молчанія, дорогая Eudoxie, ты имѣешь полное право исключить меня изъ числа твоихъ Петербургскихъ друзей. Все это время я ѣздила по горамъ и по доламъ, сначала въ Воронежъ, гдѣ такъ устала духомъ и тѣломъ, что и помыслить не могла о поѣздкѣ

къ тебѣ, въ ваши коннозаводскія владѣнія [1]), которыя гремятъ на весь уѣздъ. Потомъ я ѣздила къ дядѣ моего мужа въ Можайскъ, и эта поѣздка меня также утомила, какъ Воронежская. Вернувшись въ Москву, я отправилась изъ любопытства на богомолье къ Троицѣ по гнусной дорогѣ; тамъ грязно и очень неизящно. Наконецъ, я снова въ Москвѣ на пути въ Петербургъ. Погода ужасная, и ваша столица не выигрываетъ въ такой призмѣ.

Общества для меня не существуетъ, такъ какъ я знаю почти исключительно одного Бартенева [2]) и къ тому же мало забочусь о новыхъ знакомствахъ; и такъ начинаю чувствовать, что пора возвращаться къ очагу нашей злой мачихи, Петербурга. Хоть я не имѣю никакихъ извѣстій о твоихъ родахъ, надѣюсь, что все произошло благополучно и что существуетъ на свѣтѣ маленькій Растопчинъ, у котораго будетъ умъ его дѣда, отца и матери, отчего изъ него выйдетъ маленькое диво, которому желаю твоего добраго сердца и немного больше мягкости, чѣмъ у отца. Это между нами и не умаляетъ моей дружбѣ къ твоему мужу. Въ Воронежѣ я узнала, что ты пристрастилась къ лошадямъ; признаюсь, я люблю Пегаса гораздо больше мысленно, чѣмъ въ дѣйствительности и, какъ занятіе въ деревнѣ, я предпочитаю царство Флоры или попросту садоводство.

Мое время поглощали исключительно оранжереи и садъ, и такъ какъ всѣ ботаническія книги ни къ чему не приводятъ, я читаю «Шварцовъ Календарь и «Земледѣльческую Газету», которые гораздо болѣе полезны. Я устроила «скотный дворъ», что̀ совсѣмъ иное дѣло, чѣмъ ферма. Хоть я туда не хожу le matin, мой подойникъ à la main [3]), могу похвастать, что привела это дѣло въ порядокъ. Въ этихъ столь положительныхъ занятіяхъ я находила и поэтическую сторону; я нахожу, что порядокъ всего поэтичнѣе на свѣтѣ.

Не думай однако, чтобы изъ за этого забывала я про Петербургскія удовольствія; но я вспоминаю о нихъ спокойно и съ намѣреніемъ возобновить прошлогодній образъ жизни. Ничего не вѣдаю о томъ, что̀ тамъ теперь происходитъ. Нѣсколько дней какъ Государь возвратился [4]); Государыни и великихъ княженъ ждутъ съ часу на часъ. Иностранныя

---

[1]) Свекоръ графини Ростопчиной оставилъ ея супругу знаменитый конскій заводъ. П. Б.

[2]) Извѣстнаго Юрія Никитича. П. Б.

[3]) Изъ шуточныхъ стиховъ И. П. Мятлева. П. Б.

[4]) Въ Германію и Швецію. П. Б.

газеты увѣряютъ, что въ скоромъ времени будутъ у насъ двѣ свадьбы, и что этою зимою пріѣдутъ къ намъ герцогъ Лейхтенбергскій и наслѣдный принцъ Баварскій. Наслѣдникъ проводитъ зиму въ Италіи, и я буду тосковать по Жуковскомъ и также по Вяземскомъ: онъ проводилъ этотъ годъ за границей ради своего глаза, которому грозитъ катарактъ. Михаилъ Воельгорскій также уѣхалъ къ сыну Іосифу, опасно, говорятъ, заболѣвшему. Княгиня Вяземская собиралась отвезти къ отцу Надину [1]) съ тѣмъ, чтобы на зиму возвратиться въ Петербургъ, такъ какъ Марья Валуева [2]) беременна.

Завтра уѣзжаю изъ Москвы и прошу тебя писать ко мнѣ на Мойку въ домъ Волконскаго. Очень буду я по тебѣ тосковать, моя милѣйшая, и прошу не лишать меня твоей дружбы. Мои дочери поручаютъ себя дружескому чувству графини Ольги. Епископъ (Bishoff) исчезъ въ одно прекрасное утро, такъ что не могли сыскать его благоговоннаго слѣда.

3 Апрѣля 1839 (С.-Пб.).

Ну вотъ, съ сигарой [3]) во рту, я сердцемъ и мыслями съ тобой, дорогая Eudoxie; но одно соображеніе меня останавливаетъ, не смотря на все желаніе писать къ тебѣ: ты написала мнѣ прелестное письмо, больше того, замѣчательное, какъ все, что выходитъ изъ подъ твоего пера; но не обо мнѣ одной ты думала въ то время; Одоевскій получилъ отъ тебя письмо, Плетневъ, Pauline Бартенева, однимъ словомъ *«всѣмъ сестрамъ по серьгамъ»*. Значитъ то письмо было лишь долгомъ вѣжливости, который ты исполнила подобно тому, какъ въ Петербургѣ ѣздила съ визитами, которые не обязывали тебя къ бóльшимъ тратамъ ума и сердца.

Какъ, для того чтобы тебя видѣть, я всегда приберегала себѣ ежедневно часъ наслажденія, такъ точно для письма къ тебѣ я посвящала время, принадлежавшее тебѣ всецѣло. Мнѣ такъ интересна бесѣда съ тобою, что я приберегаю ее къ тому времени, когда чувствую себя-сама собой и лицомъ къ лицу съ Додо [4]), которую отдѣляю отъ всѣхъ мелкихъ отношеній, портящихъ иногда и безпокоящихъ самое милое существо. Такъ не пиши же мнѣ больше такъ, не причисляй меня къ числу этихъ нищихъ, «которымъ надо отвѣчать»; а потомъ, такъ можно говорить въ Петербургѣ, среди шума гостей, баловъ, вечеровъ и концертовъ, столь

[1]) Княжна Надежда Петровна Вяземская † дѣвицею въ Баденъ-Баденѣ въ 1840 г. П. Б.

[2]) Старшая дочь князя П. А. Вяземскаго († 1849). П. Б.

[3]) Вѣроятно это были пахитосы воспѣтыя гр. Растопчиной: „Пахитосъ—отрада лѣни, Европейскій наргиле“.

[4]) Сокращенное имя графини Евдокіи Петровны Растопчиной. П. Б.

многочисленныхъ въ этомъ году, но въ семь Аннинъ нужно быть бережливу на друзей и заниматься только однимъ въ день; давай мнѣ одинъ день въ мѣсяцъ, и ужъ въ это время занимайся мною одною.

Сейчасъ зажигаю вторую сигару (въ скобкахъ, онѣ очень плохи и очень дороги) и буду отдавать тебѣ обычный отчетъ, этотъ единственный способъ письма въ странѣ, настолько варварской, что въ ней не имѣется Morning-post, иначе сказать, общественныхъ сплетень. Я такая же забывчивая и непокладистая въ письмахъ какъ и въ разговорѣ и забыла поблагодарить тебя за всѣ превосходныя вещи, которыя ты печатаешь. Еще вчера въ «Современникѣ» были отрывки изъ твоей поэмы и прелестная вещь подъ заглавіемъ «Сосна» (мнѣ нравится характеръ женской мечтательности, которымъ она проникнута). «*Въ Хрѣновскомъ уѣздѣ, Декабря 18-го* *) усиливаетъ Русско-меланхолическое впечатлѣніе. Наша отечественная меланхолія какъ-то особенно выражается въ деревнѣ, въ позднюю осень и въ глуши Воронежской губерніи, и представить себѣ тамъ тебя, блестящую графиню», для которой опьяненіе балами, успѣхами казалось необходимымъ условіемъ существованія, какъ воздухъ, которымъ дышешь, и если подумать, что ты теряешь въ такомъ одиночествѣ года, два лучшихъ года въ жизни женщины, то становится понятнымъ чувство меланхоліи, заставляющее тебя писать. Между тѣмъ есть въ такомъ существованіи какая-то сладость: то настроеніе тишины и душевнаго спокойствія, которое ты сбережешь о этомъ времени, будетъ для тебя воспоминаніемъ чистымъ, какъ жемчужина, и эти два года возымѣютъ счастливое вліяніе на твой талантъ. Говорю съ тобою какъ другъ, и другъ преданный; я далека отъ чувства зависти, которое заставляетъ иногда улыбаться произносящихъ слово: женщина-поэтъ. Талантъ есть частица божественности, которую щедротами Своими даровалъ вамъ Создатель; лишь избраннымъ Онъ передалъ силу творчества. Женщина горда, давая въ мученіяхъ жизнь своему ребенку; поэтъ, музыкантъ, художникъ должны испытывать тоже чувство благородной гордости и тихой радости, когда творятъ. Вотъ почему, дорогая Додо, ты должна воспользоваться этими двумя годами, потерянными для общества, но которые не должны быть потеряны для женщины-поэта, женщины замѣчательной и иначе созданной чѣмъ мы, заурядная жизнь которыхъ начинается на балу и кончается «за ломбернымъ столомъ».

Сейчасъ доложили, что меня ждетъ карета, чтобы таскать меня по сквернѣйшей мостовой; вообрази себѣ, какъ это прервало мое вдох-

---

*) Такъ называется одно стихотвореніе графини. П. Б.

новеніе; я способна была бы написать сюиту на квинтахъ (я вѣдь занимаюсь композиціей и пишу романсы на слова Уланда; теперь онъ мой любимецъ). Оставляю тебя, дорогая Додо, чтобы снова взяться за письмо, когда будетъ у меня время.

Вотъ я и вернулась къ тебѣ, дорогой другъ, подъ непріятнымъ впечатлѣніемъ Декабрьскаго утра (кто бы этому повѣрилъ?) въ Апрѣлѣ. Какъ подумаешь, что вся Германія уже украсилась зеленью, здѣшняя дурная погода отнимаетъ бодрость до такой степени, что уже не хочется ни выходить, ни видѣть кого-либо. Впрочемъ, всѣ увеселенія прекратились по случаю болѣзни нашей дорогой Государыни, здоровье которой довольно серьезно пошатнулось; не было ни Елагина, ни Аничкова; постомъ въ продолженіе двухъ недѣль Дворъ никого не видѣлъ, а потомъ ограничивался очень тѣснымъ кругомъ. Императрица впервыя вновь показалась въ Пасхальную ночь во дворцѣ, столь волшебно перестроенномъ [1]), что глазамъ не вѣришь.

Государь придавалъ почти суевѣрное значеніе окончанію этого дворца ко дню Пасхи и такъ какъ у него замѣчательная сила воли во всемъ, что̀ онъ предпринимаетъ, это ему и удалось. За всѣ работы было болѣе чѣмъ широкое вознагражденіе; узнаете объ этомъ изъ газетъ, такъ какъ надѣюсь, вы получаете «Сенатскія Вѣдомости».

Рауты затихли; впрочемъ они достаточно скучны, чтобы давать имъ полный ходъ. Въ сущности, остались одни только балы съ ихъ опьяненіемъ и возбужденіемъ (для меня довольно рѣдкимъ), которое вызывается стремительнымъ движеніемъ какого нибудь прекраснаго вальса Штрауса подъ управленіемъ Лабицкаго, составляющаго прелесть Павловскаго вокзала, куда онъ приглашенъ; лучше баловъ бесѣды въ пять-шесть человѣкъ у камина съ сигарой во рту и сердцемъ наружу. Въ Пятницу для окончанія сезона будетъ у Юсуповыхъ колоссальный балъ по множеству народа и цвѣтовъ. Пріѣдетъ дворъ, если паче чаянія Императрица не будетъ нездорова. Твоя подруга W. [2]), положительно разсорилась со всѣмъ Французскимъ посольствомъ, включительно съ моимъ другомъ d'André...

Петербургъ, 30-е Ноября 1839.

Дорогая Eudoxie, вотъ письмо отъ Кати Тизенгаузенъ; она вручила мнѣ его со слезами: до того ее растрогали стихи къ Хитровой [3]). Я

---

[1]) Послѣ пожара 1837 года. П. Б.

[2]) Графиня А. К. Воронцова-Дашкова? П. Б.

[3]) Говорится о Екатеринѣ Ѳедоровнѣ Тизенгаузенъ и о матери ея Е. М. Хитровой, которая въ Маѣ этого года скончалась. П. Б.

согласна съ ея мнѣніемъ, что въ поэзіи чувства это самое искреннее, самое простое по ощущенію и выраженію, что̀ ты написала. Много значитъ *искренность*; для меня она составляетъ наибольшее очарованіе, потому что если я человѣкъ положительный, то по крайней мѣрѣ правдива относительно поэзіи, не будучи поэтичною. Чтобы подтвердить это свойство правдивости и подкрѣпить его откровенностью, скажу тебѣ, дорогая Eudoxie, что твое *Искупленіе* (Rédemption), напечатанное въ той же «Зарѣ» *), доставило мнѣ гораздо меньше удовольствія не въ отношеніи литературнаго достоинства, такъ какъ оно прелестно, но въ отношеніи чувства, продиктовавшаго тебѣ это стихотвореніе. Прости, но я не понимаю, какъ, при твоемъ необыкновенномъ умѣ, можно сожалѣть о ничтожной и безсмысленной жизни нашей красивой столицы. Или ты намѣренно была неясна и скрытна, или же у тебя дѣйствительно въ основѣ то неисчерпаемое легкомысліе, котораго я не понимаю и не хочу предположить въ лицѣ избраннаго круга. Если это вожделѣніе къ обществу, удовольствіямъ, опьяненію, есть только неясное выраженіе другихъ, болѣе высокихъ потребностей, которыя твое воображеніе представляетъ тебѣ свѣтлыми точками въ жизни: вели безумію умолкнуть, и ты увидишь, что благородная натура твоя убѣдится въ томъ, что не все то хорошо, что̀ прельщаетъ насъ и что ничего нѣтъ прекраснаго въ томъ, чего ты ищешь въ этой блестящей толпѣ, которая все низвела до уровня своей пошлости.

Эти такъ называемыя общія мѣста, которыя я такъ охотно повторяю тебѣ, часто подтверждаются для меня въ образѣ жизни, который я веду и такъ согласуются съ моей задушевной мыслью, что говорю ихъ тебѣ отъ всего сердца. Будучи явнымъ врагомъ исключительно-салонной жизни, я, тѣмъ не менѣе, допускаю, что для живого воображенія и ума, нуждающагося въ духовномъ общеніи, однообразная жизнь Русской деревни должна быть утомительна. Внутренняя жизнь Россіи такъ бѣдна, такъ жалки ея интересы, и я по опыту знаю, что о существованіи другихъ интересовъ, кромѣ чисто-матеріальныхъ нуждъ народа, тамъ не имѣютъ понятія. Итакъ, я понимаю, дорогая Воронежская ласточка, что ты жаждешь уѣхать изъ деревни, но не понимаю того, что хочется тебѣ утолить свою жажду въ мутномъ и безвкусномъ источникѣ Петербурга. Стремись лучше за границу, въ Италію, тянись ко всему мыслящему и чувствующему, даже къ Германію, которую такъ часто бранятъ за ея мѣщанскіе нравы и которую я такъ люблю, столь поэтичную на Югѣ, по Рейну, въ Саксоніи. Античный Римъ, Римъ

*) Въ тогдашнемъ альманахѣ „Утренняя Заря“. П. Б.

христіанскій, Римъ Микель-Анжело: вотъ что̀ должно занимать твое воображеніе у изголовья двухъ дорогихъ тебѣ колыбелекъ. Оставь же бѣлые султаны, черные бархатные обшлага, пожелтѣвшія перчатки разряженныхъ чиновниковъ; все это ничтожные люди, одѣтые въ мишуру, и личности ихъ имѣютъ очень мало личнаго. Кстати о личностяхъ, вчера похоронили Дашкова. Вдова его трогательна въ своей печали; о немъ, видимо, вообще жалѣютъ. Жуковскій и Карамзины потеряли въ немъ настоящаго, вѣрнаго друга. Дворъ живетъ тихо, здоровье Императрицы не внушаетъ больше опасеній, но требуетъ большой осторожности. В. К. Ольга тоже, видимо, поправляется послѣ жестокой и долгой болѣзни, державшей ее въ большой опасности [1]. Наслѣдникъ тоже бережется, хотя, къ счастью, онъ совершенно оправился отъ своей послѣдней болѣзни. В. К. Марія ведетъ образъ жизни подобающій ея положенію, которое она понимаетъ и блюдетъ, такъ какъ ей очень хочется имѣть ребенка. Государь не боленъ, но его душевное состояніе, кажется, еще не оправилось отъ огорченій, испытанныхъ имъ этой осенью. Я думаю, что всякая мысль о шумныхъ развлеченіяхъ ему невыносима; онъ много бываетъ въ своей семьѣ и точно хочетъ наверстать то время, въ которое болѣзнь продержала ихъ такъ мучительно и долго вдали другъ отъ друга.

Ты понимаешь, конечно, что это настроеніе отзывается и на городѣ: всѣ сидятъ дома или бываютъ въ театрѣ; отъ времени до времени Понедѣльникъ у Barante или Пятница у Laval даютъ содержаніе разговорамъ и сплетнямъ въ обществѣ. Графиня Нессельроде принимаетъ у себя очень тѣсный кружокъ каждый вечеръ; тамъ ведутся бесѣды, если случайно находится кто нибудь, взявшій на себя *руководительство разговоромъ*. Зебахи тихо наслаждаются медовымъ мѣсяцемъ; я думаю, это супружество проведетъ свою жизнь въ тихомъ, постоянномъ счастьѣ. А что̀ ты скажешь о свадьбѣ Аппони съ графиней Анной [2]), которая тебѣ, кажется, не нравилась? Такого рода браки служатъ загадками. Спрашиваешь себя, что̀ они будутъ дѣлать съ жизнью и зачѣмъ хотятъ нести бремя ея вмѣстѣ: до такой степени по существу они несхожи. По крайней мѣрѣ ихъ однородность для насъ сокровенна; быть можетъ, Провидѣніе хранитъ эту тайну, которая, вѣроятно, по Его усмотрѣнію, полезна, но для насъ она непостижима. Прелестная Крюднерша попрежнему очень дружна съ семьей Бенкендорфовъ; ея красота все

---

[1]) По минованіи которой написаны Жуковскимъ чудесные стихи: „Съ полудороги прилетѣлъ ты“. Королева Ольга Николаевна присылала въ „Русскій Архивъ“ заявленіе о томъ, что эти стихи относятся къ ея выздоровленію отъ смертельной болѣзни. П. Б.

[2]) Дочь графа Бенкендорфа вышла за Австрійскаго посла графа Аппони. П. Б.

еще считается безподобной, но благоволеніе ея начинаетъ оспариваться, судя по слухамъ въ городѣ, такъ какъ сама-то я, вернувшись изъ деревни мѣсяцъ тому назадъ, не вошла еще во вкусъ мелкихъ сплетень, къ которымъ всегда теряю его послѣ пребыванія въ деревнѣ. Катя Тизенгзузенъ, Соня Бобринская*), не говоря уже о Фридрихсъ, все еще въ милости у Императрицы. В. К. Елена Павловна избрала себѣ новаго друга; угадай, кто ея первая любимица? Держу десять, сто противъ одного, что не угадаешь. Поищи на Востокѣ, и ты найдешь жемчужину — Анну Баратынскую. Я предвижу, что ты, какъ и всѣ, очень удивлена; впрочемъ, ей отдаютъ должное, хотя не понимаютъ такого пристрастія. При дворѣ часто говорятъ о тебѣ и очень хорошо отзываются. Жуковскій много разспрашиваетъ о тебѣ; однимъ словомъ, всѣ твои друзья тебѣ вѣрны.

Петербургъ, 23-е Декабря (1839).

Нужно ли распространяться о причинѣ моего молчанія, дорогая Eudoxie? Нѣтъ, такъ какъ, зная разсѣянную и пустую жизнь Петербурга, ты поймешь, какимъ образомъ я до сихъ поръ не нашла времени написать тебѣ. Сегодня вечеромъ, несмотря на головную боль, чувствую писательское настроеніе и пользуюсь имъ, чтобы поблагодарить тебя за прелестное, длинное и подробное письмо, которое посвятило меня въ тайны твоей личной жизни рядомъ съ матеріальнымъ и довольно скучнымъ бытомъ Русской деревни. Знаешь ли, меня дрожь пробираетъ, когда представляю себѣ садъ, занесенный снѣгомъ, óкна, покрытыя ледяными узорами; мнѣ больно знать, что ты живешь въ такомъ духовномъ одиночествѣ, потому что мужъ — не веселый товарищъ для жены, которую онъ видитъ 24 часа въ сутки и съ которой похоронилъ медовый мѣсяцъ четыре года тому назадъ. Мущина больше чѣмъ женщина нуждается de remonter les rouages de son individualité въ обществѣ; онъ меньше живетъ сердцемъ и воображеніемъ чѣмъ мы, грѣшныя; если только онъ не любитъ науку или не совершенно оскотѣлъ и не сдѣлался Русскимъ помѣщикомъ во всей ужасной широтѣ этого слова, онъ скучаетъ, и тогда горе женѣ. Боюсь, что, въ числѣ дѣтей, на твоемъ попеченіи и скучающій мужъ и что эта забота приводитъ твою душу въ уныніе. Ничто такъ не отнимаетъ бодрости, какъ видъ человѣка, который тяготится своей жизнью, и я боюсь, что именно это лишаетъ твое одиночество возможной поэзіи. Впрочемъ, прими то, чтò я тебѣ говорю, только какъ дружеское съ моей стороны опасеніе, которое, надѣюсь, ни на чемъ не основано. Я сама въ гадательномъ

*) Графиня *Софья Александровна*, урожд. графиня Самойлова. П. Б.

(moment de divination) состояніи относительно себя; я яснѣе разобрала себя, недовольна собой, думаю, мечтаю, соображаю, теряюсь въ лабиринтѣ мыслей, и вотъ почему ты меня видишь столь боязливою за тебя. Полное одиночество было бы для меня теперь невозможно; городская разсѣянная жизнь служитъ средствомъ для успокоенія моего ума и сердца; это, по крайней мѣрѣ, даетъ забвеніе, а я въ немъ постоянно нуждаюсь. Я тороплюсь прожить молодость; мнѣ кажется, что извѣстный возрастъ есть гавань, въ которой отдыхаешь послѣ борьбы; мнѣ кажется, легче достигается «то прекрасное, къ которому душа стремится» и которое примѣшано къ страстямъ человѣческимъ, нераздѣльнымъ съ молодостью. Тогда только, когда сердце мое будетъ преисполнено однимъ, единственнымъ божественнымъ чувствомъ, только тогда я найду покой въ здѣшней жизни и только тогда смогу любить жизнь. Дорогая Eudoxie, вотъ о чемъ думаетъ, быть можетъ, не одна женщина въ блестящемъ нарядѣ и бальномъ платьѣ, а между тѣмъ у всѣхъ у нихъ встрѣчаешь одну и туже улыбку. Въ настоящую минуту всѣ онѣ танцуютъ или собираются танцовать; впрочемъ, нельзя сказать, чтобы сезонъ начался, такъ какъ нѣтъ цѣлаго ряда баловъ, какъ въ прошломъ году. Дворъ, кажется, хочетъ принять дѣятельное участіе въ увеселеніяхъ и даже сдѣлалъ починъ въ Аничковомъ и Михайловскомъ дворцахъ; я тебѣ сдѣлаю маленькій перечень, мнѣ это не впервой дѣлать для деревни. Къ моимъ жалобамъ и сѣтованіямъ мелкія сплетни будутъ очень подъ стать и совмѣстятся въ твоей головѣ такъ же хорошо какъ въ моей.

Итакъ, знай, мы наконецъ таки выдаемъ Alexandrine Опочинину за Туманскаго, брата Василія Туманскаго, а Marie Опочинину за Горяинова, котораго вся семья превозноситъ до небесъ. А по моему у него видъ фатальный. Княгиня Кочубей давала небольшой балъ; впрочемъ, онъ былъ гораздо многочисленнѣе прошлогодняго и столь же блестящій. Модными свѣтилами будутъ всегда наша милая Mery Пашкова, за которой ухаживаетъ вѣрный ея поклонникъ Georges, m-me Крюднеръ, Бутурлина; это первый планъ. На второмъ княгиня Юсупова и Долгорукая, рожденная Апраксина. Лиза Голицына, Суворова и графиня Воронцова не выѣзжаютъ изъ-за траура; послѣдняя, впрочемъ, сможетъ принимать полу-участіе въ удовольствіяхъ, такъ какъ Кириллъ Александровичъ похороненъ вчера. Маленькая Эмма Б. вернулась еще красивѣе чѣмъ когда либо и забавляется тѣмъ, что опять позволяетъ этому мерзкому Sercey компрометировать ее; ея не щадятъ, такъ какъ она *беззащитная* и къ тому же кокетничаетъ обыкновенно слишкомъ очевидно. Успѣхомъ очень высокой пробы пользуется новая Англійская по-

сланница, лэди Clanricarde, еще молодая и красивая, если бы не слишкомъ большой Римскій носъ. Вообще я мало знаюсь съ посланницами, онѣ слишкомъ высоко стоятъ; могу тебѣ передать лишь мнѣніе другихъ, всегда для нея лестное; думается мнѣ, что она женщина политичная, но такъ мало, что легко можетъ отдаваться болѣе женскимъ склонностямъ. Milord est très ugly et rather good boy, рѣчь у него довольно нескладная. Секретарь его, Edwards, умный человѣкъ и мнѣ нравится; но, кажется, онъ привыкъ къ успѣхамъ у женщинъ, и это придаетъ ему какой-то видъ фамильярной самоувѣренности, котораго я не люблю, чтó вредитъ ему въ моихъ глазахъ. Chasiller и Gérard исчезли изъ элегантнаго общества, одинъ фактически, такъ какъ уѣхалъ въ Парижъ, а другой скрылся безъ *своего двойника*. А Лена Хребтовичъ, которая умѣетъ говорить только съ иностранцами, приберегла себѣ маленькаго Баранта для бесѣдъ наединѣ въ гостиной своей матери. Воскресенія и Среды бываютъ по прежнему. Не знаю, слышала ли ты о свадьбѣ внучатной племянницы Нессельроде съ Kalergi. Всѣ громко кричали объ этомъ, но привыкнутъ и скоро будутъ находить это прекраснымъ: храбрость хорошая вещь. Надя Свистунова родила дочь, которую крестила В. К. Елена Павловна; мужъ ея получитъ повышеніе въ камеръ-юнкеры. Чтò скажетъ объ этомъ Растопчинъ? Графиня Шереметева беременна; мужъ ея оставилъ военную службу и теперь камергеръ.

Общество Карамзиныхъ увеличилось присутствіемъ княгини Мещерской *), которая беременна и еще менѣе любима въ обществѣ чѣмъ когда-либо. Знакомые и всегдашніе посѣтители все тѣже. Благодаря пребыванію въ Царскомъ Селѣ, у нихъ стала бывать Мегу Пашкова и особенно охотно бываетъ Михаилъ Пашковъ. Александръ К. въ Pillo. Твой другъ Одоевскій все вздыхаетъ по тебѣ; такъ какъ онъ тебѣ пишетъ, предоставляю ему сообщать тебѣ о жизни и событіяхъ на Фонтанкѣ, въ 4-мъ этажѣ. Въ настоящее время здѣсь подвизается одна піанистка; будучи очень красивой, она доставляетъ особенное наслажденіе щеголямъ-диллетантамъ; это нѣкая г-жа Pleyel, дѣйствительно чудесная и имѣвшая въ Парижѣ исторію *съ тринадцатью*.

Я исполнила твое порученіе къ В. К. Маріи, которая нѣсколько томится со времени отъѣзда принца. Она благодаритъ тебя за дружбу. Государь милостиво освѣдомлялся о тебѣ и сказалъ мнѣ великолѣпную (pompeux) хвалебную рѣчь твоему уму. Онъ сожалѣетъ, что ты такъ скучно живешь въ деревнѣ. Теперь покидаю тебя, написавъ такое огромное письмо. Цѣни сей знакъ дружбы, такъ какъ я ненавижу писать. Пе-

---

*) Екатерины Николаевны, матери „Гражданина". П. Б.

редай своему мужу привѣтъ отъ меня и отъ моего мужа. Прими увѣреніе въ нѣжной и вѣрной дружбѣ моей къ тебѣ. А. Смирнова.

Плетневъ поручилъ передать тебѣ его уваженіе и проситъ у тебя что-нибудь для «Современника».

Царское Село, 26 Августа 1840.

Что̀ ты скажешь, дорогая Eudoxie, про свое письмо, которое пришло ко мнѣ только 20-го числа, ровно черезъ мѣсяцъ послѣ отправленія его изъ Москвы. Оно пришло вмѣстѣ съ образомъ Божьей Матери, въ отличномъ видѣ.

Никогда пожеланіе не было услышано лучше чѣмъ твое, дорогой мой другъ, такъ какъ я разрѣшилась неожиданно, въ Царскомъ Селѣ, утромъ того дня, въ который мы должны были переѣхать въ городъ, чтобы тамъ ждать злосчастнаго дня, который, я полагала, не долженъ былъ быть раньше 10-го. Дѣвочка моя, которую крестили В. К. Михаилъ и В. К. Александра, названа Надеждой, именемъ моей матери; она здорова, такъ же какъ и я, не устроявшая никогда столь счастливой выходки, вопреки моимъ мрачнымъ предзнаменованіямъ и очень тяжелой беременности, протекшей со всяческими перемѣнами. Конечно, твоя икона и добрыя пожеланія принесли мнѣ счастья. Я еще не въ состояніи писать тебѣ много и о разныхъ разностяхъ, которыя, впрочемъ. говорятся легче чѣмъ пишутся. Къ тому же ты скоро къ намъ пріѣдешь, и ты не повѣришь, какое для меня торжество имѣть тебя эту зиму и возобновить тѣ отношенія, которыя твое отсутствіе далеко не охладило, а только больше укрѣпило, такъ какъ твои письма еще лучше говорятъ о томъ, какая ты и насколько возвышены твой умъ и твое сердце.

И такъ перехожу къ прозѣ. Нашу квартиру въ домѣ Волконскаго нанялъ Михаилъ Пашковъ, хотя Мегу, которая все еще больна, вернется только въ будущемъ году; а Михаилъ Горсткинъ нанялъ домъ Обухова у Цѣпного моста, и самъ не увѣренъ, что вернется въ Петербургъ. Ты могла бы узнать объ этомъ въ Москвѣ у Луизы Голицыной *) на Покровкѣ или въ ихъ подмосковной. Домъ новый, очень хорошо меблированъ, цѣна ему 11 тысячъ ассигнаціями. Полтавцевы, которые здѣсь, въ Царскомъ Селѣ, говорили мнѣ еще объ одномъ домѣ, возлѣ Англійскаго клуба, но не могли точно указать его. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты, дорогая Eudoxie, жила возможно ближе отъ меня; но это желаніе очень эгоистично, такъ какъ я живу на Мойкѣ, у Синяго моста, а это такъ же далеко отъ моего центра, какъ отъ твоего и отъ

*) Княгиня Луиза Трофимовна Голицына (урожден. Баранова), подруга Смирновой по Екатерининскому Институту. Поминаемая Мегу—ея сестра Марья Трофимовна. П. Б.

всѣхъ центровъ, впрочемъ. Избавь меня на сегодня отъ сообщенія новостей; всѣ эти жалкіе и пустые интересы не существуютъ для меня; бываютъ такія минуты въ жизни, когда живешь своей внутренней жизнію, закрывающей пути всѣмъ постороннимъ безразличнымъ впечатлѣніямъ.

Чтò бы ты ни говорила, а мнѣ кажется, что моя бирюза исполнила свое назначеніе, такъ какъ знаю изъ хорошаго источника, своего собственнаго, что она принесла счастье и счастье опьяняющее. Моя маленькая семья кланяется твоей; пріѣзжай къ намъ скорѣй, и да сохранитъ тебя Господь, мой дорогой, лучшій другъ. А. Смирнова.

Римъ, 1-е Мая 1843.

Дорогой, добрый другъ, ты знаешь, что я лѣнтяйка; вотъ почему, среди развлеченій, вызванныхъ пребываніемъ впервыя въ Римѣ, я до сихъ поръ не отвѣчала на твое послѣднее доброе и милое письмо.

Я опечалена тѣмъ, что видимо ты не получила длиннѣйшаго письма, которое я написала тебѣ изъ своего Флорентинскаго одиночества. Богъ знаетъ, куда оно попало; а между тѣмъ въ немъ краткое изложеніе всего моего пребыванія, вѣрнѣе, всего моего путешествія по Европѣ. Снова писать объ этомъ было бы трудно: Римъ стёръ все *недавнее прошлое,* такъ какъ новыя, захватывающія впечатлѣнія, получаемыя въ немъ, совершенно заполонили голову, умъ, сердце и душу. Въ Римѣ начинаешь вести особенное существованіе, полное желанія слиться съ прошлымъ, которое оставило въ развалинахъ Рима вѣчное воспоминаніе о себѣ.

Античный Римъ сдѣлался предметомъ всего моего любопытства, всяческихъ моихъ изслѣдованій, и странно то, что это любопытство продолжается, и не безплодно, такъ какъ я принялась читать и копаться въ старинѣ. Ты спросишь, дорогой другъ, чтò дѣлаетъ во всемъ этомъ христіанскій Римъ? Право, не знаю; до сихъ поръ ничто не затронуло этой струны, не смотря на восхищеніе, которое всегда во мнѣ возбуждаетъ храмъ Св. Петра и множество другихъ прекрасныхъ церквей *). Не знаю чтò будетъ дальше, но до сихъ поръ я по уши погружена въ языческую и миѳологическую древность. Впрочемъ эти послѣдніе десять дней окончательно пропали для занятій изъ-за масляницы, этого зара-

*) Отецъ А. О. Смирновой, Жозеѳъ Россетъ (Французъ стариннаго дворянскаго рода) былъ католикъ, и крестила ее въ Одессѣ Неаполитанская королева Каролина; но послѣ отца она и ея братья (Клементій, Аркадій, Іосиѳъ и Карлъ) остались малолѣтками, а мать (Надежда Ивановна, ур. Лореръ) вышла за генерала Арнольди. П. Б.

зительнаго карнавала, который неудержимо влечетъ тебя, вооруженную *бомбами изъ цвѣтовъ*, на безумный Корсо.

Дѣло въ томъ, что я, заклятой врагъ всякихъ публичныхъ увеселенiй, принимала дѣятельное участiе въ этомъ прелестномъ, своеобразномъ и единственномъ увеселенiи Римскаго населенiя. Есть какое-то странное удовольствiе въ полученiи букетовъ и бросанiи ихъ обратно, нерѣдко въ группу молодыхъ художниковъ, быть можетъ мастеровыхъ, которыхъ не знаешь и которые обыкновенно направляютъ ихъ съ почтительной улыбкой. Въ окна немилосердно досаждаютъ нѣсколько молодыхъ Итальянскихъ дѣвушекъ и, конечно, красивѣйшiя имѣютъ предпочтенiе передъ самыми знатными и нарядными.

Наша великая княгиня и особенно великiй князь принимали въ этомъ очень живое участiе; то, одѣтый въ блузу, онъ катался въ шарабанѣ, то, стоя у себя на балконѣ, бросалъ букеты красавицамъ и цѣлый дождь дражэ отвратительнымъ Англичанкамъ, которыхъ множество на карнавалѣ.

Сегодня все успокоилось, Римъ снова принялъ свой обычный серьезный и сосредоточенный видъ, а я возобновила свои странствованiя. Обыкновенно Гоголь бываетъ моимъ cicerone, а онъ прекраснѣйшiй проводникъ, такъ какъ обладаетъ вкусомъ и показываетъ только то, что производитъ впечатлѣнiе. Онъ избавилъ меня отъ осмотра остатковъ колоннъ и карнизовъ, о которыхъ антиквары вамъ говорятъ съ педантичною важностью. За время своего пребыванiя здѣсь, я была разъ на балу у Потемкина [1]) и разъ на вечерѣ у Лютцова, Австрiйскаго посла. Это даетъ тебѣ понятiе о моемъ домосѣдствѣ. Живу такъ, потому что это мнѣ нравится, а кромѣ того изъ-за здоровья, которое здѣсь хуже чѣмъ было въ Россiи. Я очень страдала отъ головной боли; приписываю это безпрестанной перемѣнѣ погоды: мы постоянно между сирокко и трамонтаной; такой плохой зимы въ Италiи не запомнятъ еще. Съ тѣхъ поръ какъ великая княгиня вернулась изъ Неаполя, я иногда играла съ нею въ обычный вистъ вечеромъ, вообще же сижу дома и принимаю у себя всѣхъ Русскихъ, желающихъ доставить мнѣ удовольствiе своимъ посѣщенiемъ. Съ самаго прiѣзда моего у меня бываетъ Перовскiй [2]), въ обществѣ котораго мнѣ хорошо, и потому это мнѣ очень

[1]) Ивана Алексѣевича, нашего посланника въ Римѣ. П. Б.

[2]) Василiй Алексѣевичъ Перовскiй. А. О. Смирнова разсказывала намъ, что въ Ливурнѣ на православномъ кладбищѣ увидала она однажды высокаго, сутоловатаго господина, который стоялъ на одной изъ могилъ и плакалъ. Подойдя ближе, она узнала Перовскаго, а могила была А. А. Воейковой (Свѣтланы). П. Б.

пріятно. Я избѣгаю знакомства съ иностранцами, такъ какъ частыя мои путешествія убѣдили меня, что въ большинствѣ случаевъ оказываешься обманутою въ своей предупредительности къ нимъ и что между ними больше скучныхъ чѣмъ интересныхъ людей. Знаешь ли, дорогой другъ, я часто думаю о тебѣ и хотѣла бы, чтобы ты въ молодости еще увидѣла Римъ. Впрочемъ, я не жалѣю, что пріѣхала сюда уже въ зрѣломъ возрастѣ, съ опытностью, съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ свѣтской жизни и съ установившимися убѣжденіями, такъ какъ ничто уже не смутитъ ихъ. Мои 33 года [1]) даютъ мнѣ извѣстное спокойствіе и свободу мысли, которыхъ у меня не было, когда я была моложе. Невозможно все совмѣстить въ Римѣ; приходится сокращать свои желанія, любопытство, порывы и дѣлать выборъ въ своихъ склонностяхъ. И такъ, не колеблясь, я отказалась отъ свѣта; потому что если временами еще вѣрю въ его привлекательность, мнѣ приходитъ на мысль прошлое, и я убѣждаюсь, что всѣ эти удовольствія и успѣхи, которыми пользуешься въ свѣтѣ, все это не оставляетъ никакого воспоминанія; сердце ни въ чемъ этомъ никогда не принимаетъ участія, и даже разумъ воспринимаетъ мало радости. Съ другой стороны, когда путешествуешь одна и если не прошла еще молодость, довольно трудно принять въ обществѣ и удержать желаемое положеніе. Послѣ всѣхъ этихъ соображеній, я рѣшила оставаться у себя, ограничиваясь свиданіемъ съ нѣкоторыми соотечественниками и съ знаменитымъ monsignor Prospero, о которомъ прошу напомнить Сонѣ [2]). Онъ—тотъ же Андрей, по своей добротѣ и невинности.

Вотъ тебѣ, милый другъ, довольно большое письмо для жительницы Рима. Еще разъ благодарю тебя за твое письмо, полное дружбы и довѣрія. И въ будущемъ жду отъ тебя того же, такъ какъ ты не сомнѣваешься въ живомъ и искреннемъ участіи, которое я принимаю во всемъ, что̀ до тебя касается. Я надѣюсь, что *status quò* твоего счастья будетъ вѣчно: таково мое сильнѣйшее желаніе. Передай мой привѣтъ au salon rouge [3]). Вспоминаютъ ли тамъ когда нибудь обо мнѣ? Я увѣрена, что отсутствующіе всегда виноваты.

Александра.

---

[1]) Этимъ опредѣляется годъ рожденія А. О. Смирновой (обыкновенно считаютъ, что она родилась позже). П. Б.

[2]) Т. е. Карамзиной, а Андрей—сводной ея братъ Карамзинъ, близкій пріятель графини Растопчиной, позднѣе женившійся на вдовѣ П. Н. Демидова, Аврорѣ Карловнѣ, урожд. Шерваль. П. Б.

[3]) Т. е. въ круглой гостиной у Карамзиныхъ? П. Б.

Калуга, 4 Января 1846.

Bonae filiae, me non dimentiaste. Тысячу разъ спасибо, милая и дорогая Eudoxie, за твои два большія прелестныя письма, которыя я перечитала нѣсколько разъ и во всеуслышаніе домашнимъ и сама про себя. Кромѣ удовольствія и признательности за твою добрую память, эти письма оказали мнѣ благо, перенесши меня такъ живо въ мѣста, которыя я знаю и люблю. Воспоминаніе, начавшее уже сглаживаться, точно озарилось солнечнымъ лучемъ и воскресло вмѣстѣ съ желаніемъ снова увидѣть Италію, которую я люблю за ея природу, столь богатую и въ тоже время скудную, до такой степени лишенную высокоствольной растительности и въ тоже время столь богатую разнообразіемъ мелкихъ растеній, изумительно яркую по колориту, а иногда столь величаво-мрачную. Люблю ее, древнюю, языческую, свидѣтелями которой являются исполинскіе памятники; люблю ее въ ея темныхъ молчаливыхъ катакомбахъ, въ ея церквахъ, соединявшихъ вѣрныхъ одному и единственному христіанскому исповѣданію; люблю ее въ свободномъ, самопроизвольномъ и блестящемъ развитіи искусствъ; люблю ее даже въ ея жалкомъ настоящемъ состояніи, въ ея моральномъ оскудѣніи, которое не возмущаетъ, а интересуетъ, трогаетъ и внушаетъ какую-то нѣжную симпатію и сочувствіе, не имѣющее ничего унизительнаго.

E bella sta cara Italia e ancora nobile, sara sempre grande e come è bella la lingua...

Слушай и смотри: и уже ты наслаждаешься и благодаришь Создателя за эти два дара, къ которымъ мы такъ привыкли, что никогда и не помышляемъ о возблагодареніи за нихъ. Наслаждайся хорошенько, дорогая Eudoxie, и перестань взирать съ жалѣніемъ на городъ, дающій одни искусственныя удовольствія. Впрочемъ, въ Римѣ и Неаполѣ, окруженныхъ образцовыми твореніями, ты найдешь тоже удовольствія и общество, о которомъ, кажется, сожалѣешь. Ты найдешь ихъ съ оттѣнкомъ своебразности: отъ нея Итальянцы никогда не могутъ отдѣлаться, несмотря на постоянныя сношенія съ кишащими тамъ иностранцами и островитянами, которыхъ ты такъ сердечно ненавидишь.

Между тѣмъ, эти островитяне въ настоящее время знаменуютъ себя блестящимъ образомъ. Есть сила и достоинство въ томъ, какъ дѣйствуютъ представители обѣихъ партій. Ни Пиль, ни Руссель не унижались подобно Гизо и Тіеру во время министерскаго кризиса; они не уронили своего личнаго достоинства, не забыли его изъ-за жалкихъ интересовъ кратковременной власти и оба имѣли въ виду лишь общественное бла-

го. Опять-таки, другой вопросъ, если мнѣ возразятъ, что само существованіе пэрства тѣсно связано съ его реформами и что, борясь за бѣдные классы, Пиль тѣмъ самымъ борется изъ эгоистическихъ видовъ. Въ такомъ случаѣ виновато въ этомъ общество, которое такъ организовано; это ни въ чемъ не измѣняетъ моральную и интелектуальную способность и значеніе этихъ двухъ личностей, которыми я не переставала восхищаться, съ интересомъ послѣдовательно читая газеты. Не предавай же анаѳемѣ островитянъ и не слишкомъ поддавайся впечатлѣнію отъ тѣхъ, которые наводняютъ Ватиканъ и Св. Петра. Съ ними слѣдуетъ поступать какъ съ муравьями, распространяющимися на самой красивой муравѣ; ихъ нужно старательно избѣгать. Вообще множество путешествующихъ вреднымъ образомъ дѣйствуетъ на нервы; бываютъ минуты, когда хотѣлось бы быть одной передъ образцовымъ произведеніемъ, а вмѣсто того слышишь говоръ, мѣшающій сосредоточиться мыслямъ.

То, что̀ ты говоришь о Рафаэлевыхъ мадоннахъ во Флоренціи, нисколько меня не удивляетъ; я испытала тоже самое; и тѣже мадонны-гравированныя доставляли мнѣ большое удовольствіе. Странно это сказать, но это такъ, и имѣетъ свое объясненіе. Рисунокъ, линія, форма въ самомъ строгомъ смыслѣ достигли у Рафаэля величайшаго совершенства; но живопись не довольствуется этими условіями, она требуетъ болѣе полной иллюзіи, ей нуженъ колорктъ, который изображалъ бы природу во всей ея полнотѣ, а Рафаэлевы мадонны имѣютъ видъ какъ бы призраковъ. Если художникъ имѣлъ такое предпамѣреніе, онъ былъ правъ и достигъ своей цѣли; но для насъ бѣдныхъ онѣ, выражаясь попросту, грѣшатъ въ колоритѣ и округленности формъ. Къ тому же пріѣзжаешь подъ впечатлѣніемъ образцовъ Венеціанской школы, которая поражаетъ силою и блескомъ красокъ, такъ что въ этомъ очарованіи забываешь, что природа скромнѣе.

Только въ Римѣ ты увидишь Рафаэля во всемъ его дѣйствительно чудесномъ превосходствѣ; надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что будетъ такъ. Тамъ ты скажешь про него то, что́ г-жа d'Agout говорила такъ хорошо и такъ справедливо о дивномъ Листѣ: «есть великіе піанисты, но Листъ—единственный». Впрочемъ, я слышала это отъ тебя, моя милая; поправь эти слова, такъ какъ я плохо передаю ихъ.

Почему ничего не говоришь о дивныхъ картинахъ Леонарда-да-Винчи, волшебника, какъ называетъ его мой Hahn. Отсюда вижу, что ты начинаешь поддаваться обаянію красокъ; сдѣлай милость, не возлюби Болонскую школу. Я надѣюсь, что Гоголь будетъ ангеломъ-хранителемъ твоихъ ху-

дожественныхъ впечатлѣній; онъ поразительно чувствуетъ искусство. Прочитай книжку de la c-tesse Hahn. Это въ эстетическомъ отношеніи одно изъ лучшихъ сочиненій объ Италіи. У меня вдругъ цѣлый наплывъ воспоминаній: Галатея, Амуры, Фарнезина, Сивиллы, Св. Августинъ, Преображеніе, Музыкантъ, все это проносится передъ моими глазами, ослѣпленными восторгомъ удивленія. Когда ты будешь на форумѣ Траяна, поклонись palazetto Valentini, который находится между двумя церквами. Тамъ жила Александра Осип., ваша покорная слуга, и прожила нѣсколько мирныхъ, спокойныхъ и пріятныхъ дней, вся погруженная въ прошедшее, которое тогда ее примиряло съ настоящимъ, грустнымъ и безцвѣтнымъ. Она теперь примирилась впрочемъ со всѣми дѣлами жизни, но объ этомъ послѣ. Перейдемъ опять къ Риму, потому что въ немъ преобладаютъ, какъ благодать, всѣ красоты.

Не спѣши, любезная моя, все высматривать, поскупись на впечатлѣнія, дай время всякому созрѣть и придти въ границы разумнаго и свѣтлаго созерцанія и потомъ уже берись за перо и выливай намъ его въ звучныхъ риѳмахъ, въ поэтической фразѣ. Я бы тебѣ совѣтовала писать нѣчто въ родѣ дневника всякій вечеръ, когда полька этому не помѣшаетъ; а такъ какъ писать для тебя скучно, то пиши для меня и высылай мнѣ это раза два въ мѣсяцъ. Пиши по-русски, или какъ вздумается. Записывай не только что̀ скажетъ древность или Микель-Анжело и Рафаэль изъ своей рамки, но даже то, что̀ говоритъ monsignor Prospero, хотя онъ не мудрецъ современный, а только абатъ съ тоненькими ножками въ черненькихъ чулкахъ и притомъ изрядно глупъ. Ты этимъ дневникомъ себя и меня обяжешь, потому что у меня не утратился ни одинъ изъ твоихъ бисерно-написанныхъ листочковъ. Для меня это будетъ большое наслажденіе, отчасти потому, что живу въ Калугѣ, но болѣе потому, что я тебя все-таки люблю къ досадѣ другихъ и иногда своей собственной. Наши мнѣнія и взгляды совершенно расходятся, но это не мѣшаетъ мнѣ любить тебя и по сердечному влеченію, и по привычкѣ. Аркадій *) очень исправно описываетъ мнѣ свою жизнь и дѣла̀ въ Петербургѣ, пишетъ даже о книгѣ, которую читаетъ, и это создаетъ новый интересъ между нами. Я освѣдомлена обо всемъ, что̀ говорится и о чемъ спорятъ въ нашемъ кругу, который, впрочемъ, довольно ограниченъ.

Я думаю, Нѣмцы забыты (pour l'histore G.). Кажется, этотъ Алексѣй Г. своякъ знаменитаго Растопчина, и ты вѣроятно уже знаешь, въ чемъ дѣло. Конечно, я на сторонѣ княгини, такъ какъ труд-

---

*) Братъ Смирновой А. О. Россетъ. П. Б.

но повѣрить, чтобы женщина, вся жизнь которой была любовь и самоотверженіе, могла бы опуститься до безчестія и преступленія. Вся Москва взволнована этимъ скандаломъ, и большинство обвиняетъ этихъ господъ въ какой-то адской махинаціи. Не знаю отчего, но одно это имя уже внушаетъ мнѣ недовѣріе. Другое скверное дѣло началось между толстымъ гастрономомъ Рахмановымъ и нѣкіимъ г-номъ Z-g; тутъ вопросъ идетъ о какомъ-то подлогѣ этого господина, который сваливаетъ его на Рахманова, но почти доказано, что это всецѣло дѣло рукъ Z-g; тѣмъ не менѣе Калужское дворянство избрало его депутатомъ! Что̀ значитъ послѣ этого довѣріе дворянскаго общества?? Оказывается, что Петербургъ упорно предается своей страсти къ танцамъ, обуявшей его въ этомъ году раньше обыкновеннаго: точно мстятъ за прошлогоднія лишенія. Общество всегда такъ поступало.

Нелидовъ, бывшій у меня изъ Москвы, разсказывалъ нѣкоторыя подробности тамошней повседневной жизни, которая издали принимаетъ столь микроскопическіе размѣры, что удивляешься, какъ можно придавать ей такой жизненный интересъ. Мнѣ кажется, въ концѣ концовъ это ослабляетъ интересъ къ важнымъ вещамъ; правда, что насъ не подпускаютъ слишкомъ близко къ котлу, въ которомъ этотъ интересъ изготовляется; намъ достается лишь пріятный запахъ кухни, которую, изъ осторожности, не называю настоящимъ именемъ. Но такъ какъ для каждаго общества нужна нѣкоторая хотя немного серьезная озабоченность, то и вбили себѣ въ головы, что Пиль и Россель должны возбуждать наши политическіе аппетиты. Аркадій говоритъ мнѣ: даже «Монго Столыпинъ» держитъ пари за Пиля, и навѣрно ни онъ, ни его противникъ ничего не понимаютъ въ томъ, какое вліяніе можетъ имѣть *его законъ* на внѣшнюю и внутреннюю торговлю Россіи, и никто въ Петербургѣ не разспроситъ объ этомъ купца-бородача. Между тѣмъ, именно онъ одинъ, не вѣдая, кто стоитъ во главѣ министерства, будетъ знать, какой оборотъ это приметъ по отношенію къ биржѣ или рынку. Вотъ какъ мы сами ошибаемся относительно своего ничтожества. Я больше люблю откровенность Итальянцевъ, которые валяются на солнцѣ, не пробуя подняться въ области имъ недоступныя. Надѣюсь, что прелестный Викторъ *) совершенно избавился отъ лихорадки; если она вернется къ нему въ Римѣ, обратитесь къ Vohle, моему гомеопату: это прекрасный докторъ, онъ очень помогъ Ольгѣ, а также сыну Перовскаго. Онъ Дунайскій мужикъ и насмѣшитъ васъ. Мнѣ кажется, ты слишкомъ поспѣшно судишь о Ниццѣ, гдѣ еще ничего не видѣла; это

*) Сынъ графини Растопчиной, впослѣдствіи служившій воинскимъ начальникомъ въ Кяхтѣ. П. Б.

прелестное мѣсто, даже послѣ Неаполя; что же касается общества, увѣряю тебя, оно подвержено участи всѣхъ лечебныхъ мѣстъ: бываютъ хорошіе, бываютъ и дурные года на урожай публики. Очень рада, что ты оцѣнила лицо Marie de l'huile; это прекрасная кухарка, достойная служить нянею у какого-нибудь Вольтера на покоѣ. У Итальянской прислуги фамильярность съ господами почтительная, какая существовала въ то время въ Россіи, когда Россія была еще Русскою, и которая, къ несчастью, исчезаетъ и замѣняется большимъ недоброжелательствомъ и грубостью. Marie de l'huile могла бы выйти замужъ за Louis Карамзина.

Мнѣ очень нравятся путевыя впечатлѣнія графа*); попроси его писать для меня краткій дневникъ. «Море свинья! Море дурище!» Никто еще не примѣнялъ къ морю такихъ эпитетовъ. Есть что-то народное, варварское въ этой изящной манерѣ обнаруживать свои разочарованія. Отсюда вижу его предъ лицомъ Ибрагима-паши; какъ они должны были понимать другъ друга! Скажи, пожалуйста, графу, что все же онъ прелестенъ, не смотря на пренебреженіе, которымъ меня удручалъ. Если увидишь графиню Нессельроде, напомни ей обо мнѣ; не пишу къ ней, потому что мои письма не могли бы имѣть для нея никакого значенія, особенно въ Римѣ.

Повидай художника Иванова; я бы очень желала знать что̀ Государь думаетъ объ его картинѣ. Ивановъ одинаково интересенъ какъ человѣкъ и какъ художникъ. Ты будешь, душа моя, очень удивлена просьбой, съ которою я обращусь къ тебѣ. Если Моллеръ въ Римѣ, попроси его сдѣлать для меня твой портретъ масляными красками, медальономъ, какъ дѣлали ихъ прежде. Это легко устроить черезъ Гоголя. Если онъ откажется, закажи какому-нибудь другому художнику; я хочу устроить себѣ маленькую галлерею портретовъ моихъ друзей, такъ какъ кто знаетъ, быть можетъ я навѣки останусь въ провинціи. Моя комната сплошь украшена воспоминаніями объ Италіи, а портретовъ не достаетъ; между тѣмъ они живѣе всего говорятъ памяти.

Во всемъ, что̀ я тебѣ говорю, нѣтъ ни слова о моемъ мѣстѣ жительства. Ты спросишь что̀ такое Калуга? Калуга есть мѣсто, гдѣ работаютъ въ потѣ лица: вотъ все, что̀ могу тебѣ о ней сказать. Изучаешь Россію и людей съ новой точки зрѣнія; ежедневно узнаешь что-нибудь новое, поражающее душу, et l'intelligence la mieux . . . . Въ Калугѣ 35,000 жителей, избраннаго общества человѣкъ 175, и это

---

*) Т. е. графа Андрея Ѳедоровича Растопчина. П. Б.

пустыня, гдѣ попадаются то тамъ, то сямъ экзотическія растенія, но плохія, такъ какъ онѣ лишены солнца и воздуха. Климатъ лучше Петербургскаго, зимой солнце жарче, небо не такое сѣрое, а въ тѣни не такъ холодно. Нѣтъ почти ни одного утра, чтобы веселый и радостный лучъ солнца не привѣтствовалъ меня сквозь занавѣски, которыми такъ любезно украсили мои окна. За то время что̀ я здѣсь, мнѣ положительно не достаетъ времени окончить свои дѣла. Скука, мой самый непримиримый врагъ, еще меня не одолѣла. Хоть я постоянно грустна, но не скучаю, не имѣя на то времени. Что̀ касается грусти, она сдѣлалась присуща моему существу; когда сердце слишкомъ переполнится, я пла̀чу, пла̀чу, и это такое наслажденіе! Но пла̀чу я украдкой, и никто не подозрѣваетъ о томъ, что̀ происходитъ въ глубинѣ моей души. Меня считаютъ болѣзненной и говорятъ: «наша губернаторша не любитъ свѣтскихъ разсѣянностей». Насъ дома достаточное количество, чтобы составить веселое общество. Тётя Циціанова и Левъ Арнольди [1]) живутъ съ нами, такъ какъ у насъ настоящее палаццо въ три этажа.

Обыкновенно, утромъ, я занята скучными дѣлами, иногда даже дѣлаю визиты Калужскимъ дамамъ, а это настоящая служба, за которую не худо бы давать губернаторшамъ хоть Станислава или какую-нибудь медаль съ библейской надписью. Затѣмъ читаю газеты или еще что-нибудь. Послѣ обѣда пишу, а вечеромъ за чайнымъ столомъ собираются тётя, Левъ и молодой Аксаковъ, умный мальчикъ и въ тоже время поэтъ. Смирновъ появляется ненадолго, такъ какъ онъ очень занятъ. Къ 12-ти часамъ каждый направляетъ путь къ своей берлогѣ, а я еще читаю какой-нибудь романъ, въ родѣ Жака [2]), напримѣръ (это очень успокоиваетъ, какъ видишь; но я еще нуждаюсь въ подобныхъ конфетахъ), а потомъ я слезами утоляю жажду своей души. Такой образъ жизни не способствуетъ возстановленію моего здоровья, но я не дорожу ни здоровьемъ, ни жизнью. Долга ли, коротка ли, она будетъ одинаково печальною для меня. Жизнь состоитъ изъ ряда грустныхъ тайнъ, которыя вѣдаетъ лишь вѣра одна. Если мнѣ говорятъ, что подобная печаль есть неблагодарность къ Провидѣнію, я отвѣчаю, что меланхолія не можетъ мѣшать исполнять свои обязанности и что, исполняя ихъ, получаешь свое помилованіе.

---

[1]) Княжна Елисавета Дмитріевна Циціанова, тётка-бабка Смирновой, и сводный братъ ея, даровитый юноша Левъ Ивановичъ Арнольди, женившійся позднѣе на Варварѣ Дмитріевнѣ Свербеевой. П. Б.

[2]) Романъ, соч. Жоржъ-Зандъ. Въ немъ изображено несчастіе женщины въ неудавшейся брачной жизни. П. Б.

ВЫПИСКИ ИЗЪ ТЕТРАДЕЙ ИНЖЕНЕРА НОРДШТЕЙНА.

„Всякая всячина".

Игра словъ Великаго Князя Михаила Павловича.

1.

Въ 1842 году мѣсто покойнаго графа Толя занялъ графъ Клейнмихель, и въ томъ же году генералъ-губернаторъ Петербургскій графъ Эссенъ былъ смѣненъ. По этому случаю Михаилъ Павловичъ сказалъ: «Kleinmichel ist thol und die Stadt ist ohne Essen».

2.

На счетъ служебнаго возвышенія графа Киселева Великій Князь по какому-то случаю сказалъ: «Voilà le comte qui s'élève!»

3.

Немогши разобрать какой-то надписи на камнѣ, онъ сказалъ: «Je ne suis pas homme de lettres».

4.

Ему очень хотѣлось имѣть сына, а между тѣмъ рождались дочери. На другой день послѣ такихъ родинъ придворные его поздравляли съ рожденіемъ княжны; онъ отвѣчалъ: «Du moins on ne dira pas que je fais de mâl» (mal).

5.

Генералъ Дѣстремъ подавалъ проектъ, чтобы замѣнить воду паровой машины въ Сестрорѣцкомъ заводѣ. Бывъ у Великаго Князя и объясняя ему свои мысли, онъ часто употреблялъ слово *топить*, доказывая, что лѣсу довольно, и будетъ чѣмъ топить. Посреди самыхъ жаркихъ объясненій со стороны Дѣстрема Михаилъ Павловичъ сказалъ: «А! такъ вы хотите потопить нашъ заводъ». Это совершенно сбило съ толку Дестрема.

6.

Французская актриса Olivier, любимица посланника Французскаго, кажется, маршала Мезона, перешла отъ него къ секретарю посольства Larue. Великій Князь сказалъ: «Le maréchal de France a laissé tomber son olivier dans la rue».

7.

Покойнаго дядю своего герцога Александра Виртембергскаго, главноуправлявшаго Путями Сообщенія, онъ называлъ: «Mon oncle le Pontife» (отъ слова Pont мостъ), а такъ какъ у него была шишка на лбу, то и «дядюшка Лупандинъ» (loupe).

8.

Французскій посланникъ Мезонъ запнулся или упалъ во дворцѣ. На это Великій Князь сказалъ: «La maison de France s'écroule devant le Tzar de Russie».

9.

Гдѣ-то на балѣ Михаилъ Павловичъ вальсировалъ съ дочерью Карамзина Софьей Николаевной (которая была тучна). Кончивъ и отошедъ въ сторону, онъ дѣлаетъ видъ, будто ему оттянуло руку и потомъ говоритъ, что онъ таскалъ «Ядро Россійской Исторіи».

10.

Ѣдучи въ саняхъ по улицѣ, онъ увидѣлъ офицера не въ формѣ, подозвалъ его къ себѣ и такъ какъ тотъ на всѣ выговоры только сказалъ виноватъ, то онъ возразилъ, что свезетъ его самъ на гауптвахту, и велѣлъ сѣсть въ сани. Офицеръ садясь задѣлъ князя шпагой. Князь разсердился и сказалъ: «дуракъ, и садиться-то еще не умѣетъ». Это отъ того, Ваше Высочество, что не въ свои сани не надобно садиться. Князь разсмѣялся и отпустилъ его.

11.

Какой-то генералъ, кажется, саперный, имѣлъ дурную привычку мѣшать въ свои слова и кстати и не кстати слово—выходитъ. Разъ во время ученья онъ что-то замѣшкался и не командуетъ. Великій Князь закричалъ: «ну чтожъ вы не командуете?» Генералъ оторопѣлъ, хотѣлъ сказать какое-то извиненіе и началъ: «выходитъ»... Князь его перебилъ: «у васъ вѣчно выходитъ, выходитъ и ничего не выходитъ».

12.

Михаилъ Павловичъ удивительный человѣкъ. Характера онъ очень добраго и весьма часто помогаетъ офицерамъ деньгами. Между тѣмъ на ученьяхъ, смотрахъ и проч. очень сердитъ и распекаетъ сильно, такъ что съ одной стороны оскорбляетъ офицеровъ, съ другой благодѣтельствуетъ. Разъ, видя на ученьѣ офицеровъ Семеновскаго, кажется, полка не совсѣмъ хорошо одѣтыми, онъ поставилъ ихъ въ шеренгу передъ фронтомъ, прошелъ передъ ними, осмотрѣлъ одежду, скомандовалъ налѣво кругомъ и опять осмотрѣлъ (какъ солдатъ или кадетъ). По этому всѣ фронтовые его бранятъ, а нефронтовые хвалятъ. Въ немъ ни гордости, ни педантства: всегда веселъ, остеръ и уменъ. Въ кабинетѣ его въ Каменноостровскомъ дворцѣ ни одной книги, кромѣ Рекрутской школы, Батальоннаго ученія и проч., газеты «Инвалидъ» того числа и изображенія Наполеона во всѣхъ возможныхъ видахъ. Жену онъ не очень жалуетъ, потому что она ученая и даже немного педантка и притомъ характера гордаго, серьезнаго, а это не по немъ. При самой женитьбѣ его уже были какія-то размолвки. Разъ онъ отъ души восхищенъ былъ, когда жена его, желая угостить пріѣхавшаго Великаго Князя покойнаго Константина Павловича, сама заботилась, разливала чай и угощала. Онъ имѣетъ сходство въ характерѣ съ Константиномъ Павловичемъ, только послѣдній въ молодости былъ неистовъ и всегда слишкомъ нетерпѣливъ и своеобыченъ. Первое дѣло поутру Михаила Павловича прочитать «Инвалидъ», и часто онъ восклицаетъ: «Ахъ! негодный этотъ Воейковъ (бывшій издатель «Инвалида»): поручикъ Ивановъ ужъ четыре дня какъ пріѣхалъ, а онъ сегодня только напечаталъ объ этомъ» *).

---

*) Вспоминается намъ одно утро у А. С. Хомякова. Къ нему пріѣхалъ старый товарищъ по военной службѣ, уже генералъ. Хомяковъ очень ему обрадовался, и они дружески бесѣдовали. „А у васъ въ Петербургѣ все взяточники: даже Великій Князь Михаилъ Павловичъ заразился этимъ. — „Это что за вздоръ? — Вовсе не вздоръ. Онъ тоже беретъ взятки.— Помилуй, Хомяковъ, можно ли говорить небылицу про такого честнѣйшаго въ мірѣ человѣка? — А я все-таки говорю, что и онъ взяточникъ. — Вотъ у васъ все такъ въ Москвѣ: даже и такіе умные люди говорятъ глупости; слышать я этого не могу, говоритъ сановитый гость и беретъ шапку, чтобы уходить. — Да постой, постой! Какъ же не взятки? По утрамъ, послѣ докладовъ, ему передаютъ острыя слова, ходящія по городу и ему приписанныя. Если острота хороша, Великій Князь промолчитъ и улыбнется; если же пошлая, то онъ скажетъ: Вздоръ, я этого не говорилъ. Такимъ образомъ все остроуміе гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ присвояется ему. Ну какъ же не взятка? П. Б.

Князь А. С. Меншиковъ.

Князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ, морской министръ или начальникъ главнаго морского штаба Е. И. В.—большой любитель сострить на чей нибудь счетъ. Онъ человѣкъ честный, благородный, умный, очень начитанный и негордый, но болѣе дипломатъ; никогда не откажется сдѣлать добро, если только это ничему не мѣшаетъ, а самъ на добро, какъ и ни на что, не навязывается; зная цѣну истиннымъ достоинствамъ и уважая ихъ вполнѣ, онъ не пропуститъ случая поострить своимъ языкомъ насчетъ мелочнаго честолюбія и проч. Вотъ нѣкоторыя изъ его остротъ.

Когда Бенкендорфа, шефа корпуса жандармовъ и слѣдственно носившаго голубой мундиръ, сдѣлали графомъ, Меншиковъ сказалъ: «voilà un comte bleu». (Contes bleues по-французски означаетъ сказки, небылицы).

Въ 1842-мъ году министръ военный графъ Чернышевъ ѣздилъ на Кавказъ. Тамъ были дѣла очень дурны, а какъ во всѣхъ дѣйствіяхъ былъ принятъ планъ Чернышева, то Государь и послалъ его же поправлять. Съ нимъ поѣхалъ и Позенъ, правитель дѣлъ. Меншиковъ сказалъ, что новый Язонъ отправился въ Колхиду за золотымъ руномъ, но что онъ не привезетъ его: оно достанется Позену *).

Во время экспедиціи въ Хиву какая-то дама за обѣдомъ, на которомъ былъ и Меншиковъ, спросила: «гдѣ это Индія?» Онъ отвѣчалъ, что онъ только знаетъ, что это та самая страна, гдѣ дерутся Индѣйскіе пѣтухи.

Графъ Клейнмихель, человѣкъ очень неглупый, удивительный исполнитель: другого исполнителя приказаній царскихъ теперь нѣтъ, да и въ прошедшемъ не сыщешь. Весьма часто ему поручали самые разнородные предметы для приведенія въ порядокъ. Такъ, ему поручалась Медицинская Академія; его сдѣлали главноуправляющимъ путей сообщенія и публичныхъ зданій. Когда умеръ митрополитъ, въ началѣ 1843 года, то Государь сказалъ какъ-то Меншикову, что его заботитъ, кого назначить вмѣсто покойника. «Да развѣ, ваше величество, графъ Клейнмихель отказывается?» спросилъ Меншиковъ.

Еще сонъ Меншикова. Графъ Клейнмихель варитъ въ огромномъ котлѣ кашу изо всего корпуса путей сообщенія; но, мѣшая въ котлѣ весломъ, онъ и самъ нечаянно упалъ туда же и кричитъ: «Рокасовскій,

---

*) Соболевскій переложилъ эту остроту въ трехстишіе: „Въ Колхиду ѣдетъ вновь Язонъ; Руно же привезетъ не онъ, А Позенъ". Соболевскій и кн. Меншиковъ были пріятелями. Ихъ сближало не только острословіе, но и одинаковость происхожденія. П. Б.

Рокасовскій, помоги! (Рокасовскій, генералъ-лейтенантъ, сдѣланъ Клейнмихелемъ товарищемъ, прекрасный человѣкъ по уму и по душѣ, но робкій и безхарактерный). Рокасовскій прибѣжалъ и, видя графа въ котлѣ, сказалъ: «сейчасъ, ваше сіятельство, я соберу совѣтъ, и мы разсудимъ, какъ васъ вытащить». Графъ тогда закричалъ: „Дёстремъ, Дёстремъ, помоги!» (Дёстремъ, генералъ-лейтенантъ, человѣкъ чуть не геніальный по познаніямъ, но вѣчно дѣлающій невпопадъ и по неимѣнію такта въ дѣлахъ вѣчно самъ проигрывающій). Дёстремъ прибѣжалъ и говоритъ: «вытащить васъ очень легко; это вамъ кажется трудно, потому что вы, ваше сіятельство, совершенный невѣжда и ничего не знаете, а это основывается на первыхъ началахъ механики; вотъ я сейчасъ сдѣлаю кое-какія вычисленія.» И онъ сѣлъ вычислять. Тогда графъ опять принужденъ былъ закричать: „Девятнинъ, Девятнинъ, помоги!“ Девятнинъ пришелъ, подалъ руку и вытащилъ графа. Девятнинъ генер.-лейтенантъ бывшій товарищъ главноуправляющаго.

Въ которомъ-то изъ 30-ыхъ годовъ князь Меншиковъ былъ для пользованія водами въ Старой Русѣ. Въ тоже время лѣчился тамъ Андрей Ивановичъ Бѣлянинъ, капитанъ-лейтенантъ гвардейскаго экипажа, и онъ мнѣ разсказывалъ слѣдующее. Князь въ Старой Русѣ былъ настоящимъ вельможей, давалъ даже балъ, былъ такъ милъ, любезенъ, что всѣ были отъ него въ восторгѣ. Поселенные генералы и другіе армейскіе къ нему являлись и бывали съ визитами; между прочимъ былъ какой-то генералъ армейскій, очень неловкій, церемонившійся на каждомъ шагу, несмотря на просьбы князя снять шпагу, и проч. Онъ обѣдалъ у князя. Этотъ генералъ очень некстати заговорилъ о супружеской жизни и осуждалъ тѣхъ, кто не живетъ съ женами. На это князь сказалъ :«не знаю; я ужъ давно не живу съ своей женой, а ничего дурного еще не видѣлъ отъ этого».

Тамъ же былъ тогда полковникъ инженеровъ военныхъ поселеній Кашперовъ, страшный говорунъ, и никогда не пропускалъ случая атаковать князя своими разсказами. За то князь часто дѣлалъ съ нимъ смѣшныя штуки. Напримѣръ: князь ѣдетъ или верхомъ или на дрожкахъ; встрѣчается Кашперовъ, раскланивается, пристаетъ къ князю и пускается въ разсказы; князь пускается шагомъ, потомъ скорѣе и скорѣе, такъ что заставляетъ Кашперова подъ конецъ бѣжать подлѣ и продолжать разсказы.

Забавно, что Меншиковъ, такой сильный человѣкъ и такъ крѣпко и прочно стоящій на высокой ступени, боится, или по крайней мѣрѣ было время, что боялся, нѣкоей Варвары Семеновны. Эта вдова какого-то чиновника 4-го или 5-го класса, кажется, коммиссіонера. У нея въ домѣ воспитывался или какъ-то былъ принятъ Жандръ (теперь, кажется, 3-го

класса, правитель дѣлъ Совѣта Морского Министерства); теперь не онъ у нея, а она у него живетъ съ какой-то воспитанницей. Говорятъ, будто Жандръ всегда былъ и теперь съ ней въ связи; но кажется, это вздоръ; скорѣе, онъ изъ благодарности теперь ее держитъ. Она сочинила какой-то романъ, но не печатала его, а будучи влюблена въ умъ Меншикова, добивалась только, чтобы Меншиковъ съ нею познакомился, заговорилъ, прочиталъ ея сочиненіе, и только: все ея самолюбіе ограничивалось тѣмъ, чтобы князь призналъ въ ней необыкновенную женщину и также умную. Для этого она изыскивала всѣ средства встрѣтиться съ нимъ. Докторъ совѣтовалъ Меншикову гулять поутру. Онъ началъ по утрамъ ходить по Англійской набережной, и Варв. Сем. всегда тутъ какъ тутъ навстрѣчу, съ явнымъ желаніемъ вступить въ разговоръ. Онъ рѣшился гулять даже часовъ въ 5 утра, но и тутъ Варв. Сем. навстрѣчу; завидѣвъ ее издали, князь спустился съ набережной, по Невѣ, на Васильевскій островъ, и гулялъ тамъ (Это было весной, еще ледъ стоялъ. Въ это-то время онъ сказалъ: «право, славно жить на острову, тамъ не церемонятся, всѣ флотскіе офицеры ходятъ въ фуражкахъ»). Во время упомянутаго выше пребыванія его въ Старой Русѣ, Варв. Сем. тоже была тамъ. И Бѣлянинъ говорилъ, что она нарочно поѣхала и туда, чтобы сойтись тамъ съ княземъ. Разъ Бѣлянина обогнали дрожки съ двумя дамами, онъ не успѣлъ увидѣть ихъ въ лицо; онѣ проѣхали прямо на дворъ того дворца, гдѣ жилъ Меншикомъ, въ садъ, принадлежащій ко дворцу и служащій вмѣсто общественнаго. Когда Бѣлянинъ вошелъ тоже на дворъ, то увидѣлъ князя, высовывающаго голову изъ окна и дѣлающаго ему разные знаки. Онъ не понялъ знаковъ и пошелъ къ нему. Князь сказалъ: «Развѣ ты не знаешь, кто это?»—Нѣтъ-съ.—«Это Варвара Семеновна съ воспитанницей», и разсказалъ, какъ она его преслѣдуетъ, и какъ онъ, боясь ея, избѣгаетъ встрѣчи. Въ другой разъ князь ѣздилъ для прогулки верхомъ; но вдругъ поворотилъ и поскакалъ въ другую сторону. На вопросъ Бѣлянина объ этомъ, онъ сказалъ: «Развѣ ты не видѣлъ, что Варв. Сем. ѣхала навстрѣчу на дрожкахъ? О, я ее узнаю издалека по вуалю». Такимъ образомъ всѣ старанія Варв. Сем. оставались тщетными. Но она надѣялась ѣхать обратно вмѣстѣ съ княземъ на пароходѣ. Князь, предвидя это, велѣлъ Бѣлянину распустить слухъ, что онъ именно на пароходѣ поѣдетъ, назначилъ день и часъ и весь свой багажъ отправилъ туда же, такъ что и командиръ парохода думалъ, что князь поѣдетъ. Варв. Сем. съ воспитанницей была уже на пароходѣ и, пословамъ командира, ждала князя. Бѣлянинъ пріѣхалъ частію съ вещами князя, погрузилъ ихъ на пароходъ, и когда все уже было готово, и только одного князя лично не было, Бѣлянинъ передалъ приказаніе князя поднять якорь и отваливать, не говоря никому ни слова и не

спуская никого съ парохода. Варвара Семеновна была въ отчаяніи, но было уже поздно. А князь поѣхалъ берегомъ обратно въ Петербургъ.

Князь Меншиковъ, товарищъ, говорятъ, Орлова, Левашева и Киселева, но отсталъ отъ нихъ первоначальной службою. Онъ былъ камеръ-юнкеромъ и слѣдовательно (въ то время, а не нынѣ) былъ 5-го класса и служилъ въ Иностранной Коллегіи; потомъ перешелъ въ артиллерію, кажется, поручикомъ; наконецъ въ свиту или, по нынѣшнему, по квартирмейстерской части и былъ полковникомъ и въ родѣ секретаря или правителя дѣлъ при кн. Волконскомъ, когда тотъ былъ начальникомъ штаба при Государѣ Александрѣ. Въ этомъ званіи онъ, кажется, дѣлалъ весь Французскій походъ. Такимъ образомъ разными перемѣнами службы онъ отсталъ отъ товарищей, и чтобы догнать, а можетъ и опередить, онъ, не видя по Военному Министерству удобства (ибо тамъ много генераловъ было молодыхъ и потому могущихъ съ нимъ соперничать) избралъ мѣсто начальника морского штаба при министрѣ Моллерѣ. Тутъ всѣ генералы были старики, и никто съ нимъ не въ состояніи былъ тягаться; онъ пошелъ впередъ, но впрочемъ неимѣніе Андреевской звѣзды долго его мучило и почти каждый Николинъ день, каждый Новый Годъ и Пасху онъ страдалъ сильнѣйшимъ желаніемъ Андреевской звѣзды. Бывъ у Волконскаго, онъ первый или главный былъ вводитель званія начальниковъ штабовъ и распространилъ эту идею такъ, что теперь всякій генералъ, занимающій какую нибудь инстанцію, имѣетъ свой штабъ и начальника штаба. Эти мѣста начальниковъ штабовъ очень выгодны и удобны для выскочекъ: они не имѣли отвѣтственности за хозяйственную и тому подобныя части, занимались только одной инспекторской и наружной, а между тѣмъ были единственными докладчиками при начальникѣ, и потому въ своихъ рукахъ имѣли всевозможное вліяніе на лица, и на нихъ отражались милости при удовольствіи начальства, тогда какъ отвѣтственность за неудовольствія падала на начальниковъ хозяйственной и проч. частей. Эти начальники штабовъ остались и нынче у инстанцій, подвѣдомственныхъ министерству, въ видѣ секретарей у генераловъ; мѣста ихъ занимаютъ лица, бывшія прежде адъютантами. Но начальники штабовъ были при Государѣ и отъ министерствъ; теперь есть при Государѣ вмѣсто того начальники военно-походныхъ канцелярій, не имѣющіе силы и значенія прежнихъ начальниковъ штабовъ; въ министерствѣ же нѣтъ нач. штабовъ. Въ Военномъ Министерствѣ въ 30-хъ годахъ вовсе уничтожено это званіе: тамъ, по прежнему положенію о министерствахъ, министръ есть и докладчикъ. Въ Морскомъ Министерствѣ тоже званіе нач. главн. штаба уничтожено, и обязанности его соединены съ званіемъ министра; кн. Меншиковъ, желая оставить при себѣ свое, хотя въ сущности есть

министръ, но лично только называется не министромъ, а нач. главн. морск. штаба. Впрочемъ, кажется, онъ и тутъ умѣлъ ловко устроиться: отчеты генералъ-интенданта онъ не контролируетъ, а препровождаетъ только въ государственный контроль. Меншиковъ въ полномъ смыслѣ слова можетъ быть государственнымъ человѣкомъ, могъ бы много сдѣлать, но не дѣлаетъ; вѣрно потому, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ большой политикъ и дипломатъ, и эти качества ему мѣшаютъ дѣйствовать прямо на пользу; онъ и лавируетъ, и отдѣлывается, и угождаетъ... Онъ могъ бы занять любое министерство и вездѣ былъ бы пригоденъ, но выбралъ самое одностороннее, гдѣ онъ никому не мѣшаетъ, гдѣ можетъ по возможности жить со всѣми, хотя наружно, въ мирѣ. И конечно, никто лучше его не понимаетъ, что̀ надобно сдѣлать, чтобы привести флотъ въ хорошее состояніе. Между тѣмъ онъ только заботится о наружности флота да объ угожденіи прихотямъ Царя. Вѣрно князь лучше всякаго обдумалъ вопросы, нуженъ ли флотъ для Россіи, въ какомъ составѣ и на какой ногѣ, какъ великъ долженъ быть постоянный флотъ и какъ великъ запасный, на случай большей потребности въ военное время; какія удобства нужны для того и для другого, и проч. Можетъ быть, князь видитъ, что по направленію умовъ и политики въ Европѣ во флотѣ особенной важности нѣтъ, и потому нѣтъ надобности и въ постоянной ежегодной большой смѣтѣ на министерство, а на случайныя потребности всегда легко получить высочайшее повелѣніе. Словомъ сказать, можетъ быть, князь находитъ достаточнымъ поочистить флотъ, пообразовать его немножко, да исполнять прихоти царя, не болѣе... И это можетъ имѣть свою правду. Теперь флотъ сталъ почище гораздо, пообразованнѣе, помолодцоватѣе, пощеголеватѣе, и иногда, смотря по командиру корабля, и очень хорошимъ; но вообще пожиже, позеленѣе, и впередъ ушелъ немного. Впрочемъ, для флота недостаетъ только одного: дальнихъ походовъ по Европейскимъ морямъ; при этомъ онъ былъ бы прекрасенъ; но очень вѣроятно, что тутъ князь не можетъ совсѣмъ свободно дѣйствовать. Дурныя двѣ стороны въ князѣ насчетъ флота. Вопервыхъ, онъ вытаскиваетъ много молодыхъ людей, весьма часто не имѣющихъ никакихъ особенныхъ достоинствъ, и слишкомъ награждаетъ ихъ, въ обиду и ущербъ линейнымъ офицерамъ; этимъ онъ поселилъ соперничество, раздоръ, интриги и проч., вмѣсто прежняго дружества, всеобщаго во флотѣ. Во-вторыхъ, злой, насмѣшливый языкъ князя дѣлаетъ много ему враговъ и особенно вооружаетъ противъ него заслуженныхъ стариковъ. Впрочемъ, князь не гонитъ никого и никого не пустилъ по міру, какъ К., онъ только удаляетъ стариковъ отъ линіи, гдѣ разумѣется чаще встрѣчаются почести и награды. Князь почти домашній человѣкъ у Царя и Царицы, и было время, когда то Царь, то

Царица присылали за княземъ; если кто нибудь изъ нихъ другой былъ скученъ, огорченъ и проч., князь развеселялъ. Ни одно государственное дѣло не дѣлалось безъ совѣта князя, и особенно не писалась ни одна нота по Мин. Иностр. Дѣлъ. Въ Государств. Совѣтѣ и Комит. Министровъ князь никогда ни съ кѣмъ не споритъ и не толкуетъ. Онъ не любитъ Нѣмецкой партіи, къ которой принадлежитъ Чернышевъ. Повторяю, онъ честенъ, благороденъ, добръ сердцемъ, начитанъ (онъ гомеопатъ большой), уменъ, государственный человѣкъ, но тонкій политикъ, хитеръ, дипломатъ, уклончивъ и часто прячется за своей манерой шуточной, съ гримасами, и проч.

Скобелевъ (комендантъ Петербургской крѣпости), кажется, еще прежде комендантства попалъ въ немилость у Царя, потому что какъ-то сказалъ Царю черезчуръ правую правду съ прибауткой: «хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь». Но Государь, не смотря на это, сказалъ ему: «ѣшь пирогъ съ грибами, да держи языкъ за зубами», и былъ сердитъ нѣсколько времени на него. Кажется, это было, когда Скобелевъ просилъ извиненія, и Государю хотя не очень понравилось объясненіе пословицей, но онъ скоро забылъ свое сердце.

Князь Меншиковъ былъ въ большой дружбѣ или пріязни съ графомъ Толемъ еще во Французскій походъ; но во Франціи была сдѣлана какая-то ошибка въ дѣйствіяхъ по винѣ Толя, и князь Меншиковъ не упустилъ случая сострить надъ своимъ пріятелемъ. Государь Александръ, увидѣвъ Толя наединѣ, сказалъ ему, чтобъ онъ не безпокоился, что онъ, Государь, знаетъ его хорошо и никогда не будетъ сомнѣваться въ его преданности и усердіи, а ошибку не ставитъ въ счетъ; но прибавилъ совѣтъ, чтобы онъ, Толь, не слишкомъ водился съ Меншиковымъ, потому что этотъ очень хитеръ, семь разъ продастъ Толя, и семь разъ выкупитъ, а Толь и не догадается. Гордый, прямой, горячій Толь съ тѣхъ поръ питалъ непримиримую вражду къ Меншикову.

Въ той же кампаніи во Франціи Толь, видя безпрестанно приказанія одно другому противорѣчащія (что̀ происходило отъ вмѣшательства Нѣмецкихъ и Англійскихъ дипломатовъ) сказалъ: «ordre, contre-ordre et toujours désordre».

Аракчеевъ, когда сердился на Клейнмихеля, часто говорилъ, что сдѣлаетъ изъ него Гроссмихеля.

Генералъ-маіоръ Кишкинъ (Михаилъ Михайловичъ), служившій тогда капитаномъ 1-го ранга во флотѣ, смотрѣлъ картину «Послѣдній день Помпеи», и на вопросъ знакомаго: «каково?» сказалъ: «всѣ тамъ

будемъ», и махнулъ рукой. Онъ вообще славился недостаткомъ ума, и это добродушно-философическое изреченіе ходило въ публикѣ, какъ примѣръ, что не во всякомъ человѣкѣ красоты этой картины возбуждали къ высокимъ мыслямъ, а иногда въ иныхъ и просто къ житейской философіи.

Меншиковъ женатъ (былъ, потому что не живетъ съ женой). Не знаю, давно ли и какъ они разошлись, но вѣроятно отъ разности характеровъ, потому что она ханжа, а князь хоть некривой человѣкъ, а только увертливый, уклончивый, но идетъ прямой дорогой и терпѣть не можетъ неблагородныхъ или, лучше, мелкихъ слабостей, ибо они часто служатъ только извиненіемъ и прикрытіемъ. Онъ живетъ въ Петербургѣ, она въ Москвѣ; у него сынъ, у нея дочь. Впрочемъ, онъ, бывая въ Москвѣ, всегда бываетъ у жены съ визитомъ или почтеніемъ.

Князь Меншиковъ сказалъ насчетъ построекъ, что окончанія Исаакіевскаго собора ни мы не увидимъ, ни потомки наши не увидятъ; что Московской желѣзной дороги мы не увидимъ, за то потомки увидятъ; что мостъ черезъ Неву мы увидимъ, за то потомки не увидятъ (т. е. его снесетъ).

Когда былъ разговоръ, что надо кого-нибудь послать на Кавказъ, чтобы разорить нѣсколько десятковъ ауловъ въ неприступныхъ мѣстахъ, то кн. Меншиковъ сказалъ: «чтожъ, стоитъ только послать Киселева; онъ разорилъ всѣхъ государственныхъ крестьянъ Россіи, то ему нипочемъ будетъ разорить нѣсколько ауловъ». Общее мнѣніе, что управленіе государственныхъ имуществъ разорило крестьянъ, одностороннее: прежде государственные крестьяне владѣли всѣми государственными имуществами безданно-безпошлинно, т. е. лѣсами, угодьями и проч.; а теперь казна отобрала все это себѣ, крестьянамъ намежевываетъ земли сколько нужно, и только; съ другой стороны, управленіе собственно крестьянами теперь сложнѣе, и потому у нихъ болѣе начальниковъ, и имъ тяжелѣе.

ПОДАРОКЪ НАПОЛЕОНА ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ.

Потье, Фабръ, Базенъ и Дёстремъ. Основаніе Корпуса Путей Сообщенія.

Въ 1810-мъ году учреждено наше главное управленіе водяныхъ и сухопутныхъ путей сообщенія. Послѣ слова водяныхъ и сухопутныхъ отбросили, потому что воздушныхъ еще нѣтъ. Тогда же и учрежденъ институтъ для образованія инженеровъ. До того времени существовалъ

департаментъ водяныхъ коммуникацій, который и уничтоженъ; при этомъ департаментѣ были инженеры изъ полевыхъ инженеровъ, кажется, которые были на Маріинскомъ, Тихвинскомъ и Вышневолоцкомъ каналахъ и на Сѣверо-Екатерининскомъ (только и было каналовъ, потому что Березинскій, Огинскій и Королевскій были въ запущеніи, какъ и теперь первый изъ нихъ и также второй). Эти инженеры носили только мундиръ полевыхъ инженеровъ, но были изъ разнаго сброда, большею частію иностранцы; впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ были хорошіе инженеры. При образованіи нашего корпуса ихъ перевели въ нашъ корпусъ и принимали еще много всякихъ, кто чуть-чуть зналъ или механику, или архитектуру, или даже былъ чертежникомъ. Наполеонъ подарилъ Александру четырехъ Французскихъ инженеровъ, которыхъ фамиліи въ заглавіи. Это были изъ лучшихъ воспитанниковъ Политехнической Парижской Школы. Они были сначала профессорами у насъ. Потомъ еще былъ геніальный человѣкъ въ механикѣ Бетанкуръ (женатый, какъ говорятъ, на Сотанвиль—bête en cour и sotte en ville); онъ впослѣдствіи былъ и главноуправляющій. Онъ, кажется, принялъ къ намъ отставного инженера (чуть ли не капитана) Французскаго Сеновера, который шатался по Европѣ и у насъ въ крайности продавалъ по улицамъ табакъ въ Петербургѣ. Онъ былъ принятъ прямо генералъ-маіоромъ. Были еще Французы: Рокуръ, знающій инженеръ, и Ганрй, добрый человѣкъ, но знавшій только устройство ватерклозетовъ. Еще былъ Французъ Ферранденъ Газанъ, по разсказамъ, очень ученый, но чудакъ, неряха, жилъ свиньей и человѣкъ развратный. Наконецъ, по контракту служили два Француза: Ламѐ и Клапейронъ; первый превосходный физикъ, механикъ, интегралистъ и вообще математикъ-теористъ, а второй вѣтреная голова, впрочемъ тоже былъ профессоромъ.

Такимъ образомъ основаніе нашему корпусу положено Французами и притомъ прекрасными инженерами. Отъ этого институтъ не былъ похожъ ни на одно заведеніе. Во всѣхъ корпусахъ до Государя Николая были Содомы и Гоморры, вертепы грязи, пакостей, шалостей всѣхъ возможныхъ, и ничего благороднаго. Нашъ институтъ началъ новую эру. Зданіе построили для института просторное, свѣтлое, чистое; каждый этажъ имѣетъ свое назначеніе: нижній—столовыя, средній—классы и рекреаціонныя залы, верхній—спальни. Воспитанникамъ никогда не было нужды и не позволялось ходить изъ одного этажа въ другой, и потому воспитанники не бродили во всякое время по заднимъ дворамъ, какъ въ корпусахъ. Впрочемъ, это уже съ 1824 года, а до того всѣ жили по домамъ своимъ и приходили въ институтъ на лекціи, какъ въ университетъ. Институтъ былъ въ домѣ Юсупова, нынѣ домъ главноуправля-

ющаго. Даже курсъ весь у насъ читался по-французски, и много предметовъ было такихъ, которыхъ ни одно заведеніе еще и не знало. Начертательная геометрія, теорія тѣней и перспективы, разрѣзка камней, строительное искусство неизвѣстны были даже и аудиторіямъ университетовъ; приложеніе алгебры къ геометріи, дифференціалы, интегралы, коническія сѣченія, геометрія въ пространствѣ, раціональная механика неизвѣстны были ни одному заведенію инженерному. Все это впослѣдствіи взято отъ насъ. При умноженіи корпуса инженерами, выпущенными уже изъ нашего института, образовали военно-строительный отрядъ и туда стали переводить сбродъ прежнихъ инженеровъ. Надо сказать, что даже исторія Русская должна отдать справедливость нашимъ Французскимъ инженерамъ, бывшимъ первыми насадителями порядка и знанія во всѣхъ Петербургскихъ военныхъ заведеніяхъ. Сколько институтъ приготовилъ инженеровъ-профессоровъ, учившихъ вездѣ во всѣхъ заведеніяхъ! Прежде были или школьные учителя, или гелертеры Нѣмецкіе. Потье написалъ превосходную книжечку: начертат. геометрію, теорію тѣней и перспективы; этой ясности, чистоты до того у насъ и помину не было. Базенъ написалъ интегралы и дифференціалы, Дёстремъ механику, Ганри́ курсъ построенія (частію взятый изъ курса Ганзена), Ламѐ и Клапейронъ послѣ составили литографическіе листы физики, химіи, прикладной механики, прилож. алгебры къ геометріи, и проч. Потомъ образовались уже Русскіе: Волковъ, проф. курса построенія, Улыбышевъ анализа математич., Языковъ военныхъ наукъ, Скальскій словесныхъ наукъ и рисованія, Зуевъ черченія и рисованія, Севастьяновъ начертательной геометріи и разныхъ приложеній ея; позже Мельниковъ анализа; еще позже Ястржембскій механики; Кербедзъ, Соболевскій, и проч. Всѣхъ не пересчитывать здѣсь. Нашъ институтъ образовалъ ученыхъ не педантовъ, какъ было прежде, а образованныхъ людей.

Теперь я хочу сказать только болѣе о Дёстремѣ. Онъ Гасконецъ, приготовлялся въ провинціи въ адвокаты, слѣдовательно получилъ самое многостороннее образованіе по всѣмъ словеснымъ наукамъ. Во Франціи пріемъ въ Политехническую Школу производятъ такъ: экзаменаторы, профессоры изъ Парижа, объѣзжаютъ всѣ провинціи, экзаминуютъ всѣхъ, кто желаетъ, и стараются пріискивать съ отличными способностями и знаніями. При такомъ экзаменѣ Дёстремъ отличился, ему профессоры выдали аттестатъ, и онъ отправился пѣшкомъ въ Парижъ, въ Политехническую Школу. Поэтому теперь надо удивляться многосторонности знаній Дёстрема. Строительное искусство инженера нашего, анализъ математическій, науки горныя, морскія, технологія, философія, исторія, языки: Русскій, Англійскій, Латинскій,

частію Итальянскій и Испанскій; въ его библіотекѣ даже романы Русскихъ литераторовъ есть... Но нѣтъ, чувствую, что я завелъ рѣчь слишкомъ обширную, и потому до другого раза, а теперь только кончу...

Эти четыре инженера пріѣхали въ Россію, кажется, въ 1810 году, и Дёстремъ пролагалъ Военно-Грузинскую дорогу. Онъ опредѣлилъ новое нынѣшнее направленіе и устроилъ ее. Теперь находятъ въ ней неудобства, но другой лучше нѣтъ и не знаютъ. Въ 1812 году, при шествіи Наполеона въ Россію, ихъ всѣхъ четырехъ забрали подъ присмотръ, и по мѣрѣ приближенія Наполеона ихъ удаляли и наконецъ довезли до Иркутска и, кажется, Якутска. Это время они, и болѣе двое изъ нихъ, Базенъ и Дёстремъ, употребили на изученіе Русскаго языка и эти двое знали его прекрасно. Дёстремъ перевелъ очень хорошо нѣсколько басень Крылова и изъ Россіяды Хераскова; Базенъ тоже что-то перевелъ. Дёстремъ учился мнемонически: чтобы запомнить слово *багоръ*, онъ составилъ въ умѣ цѣлый анекдотъ, будто бы онъ уронилъ въ саду золотое кольцо, и, видя, что можно его достать, говорилъ по-французски мужику перевозчику *bague or*, а тотъ беретъ багоръ и достаетъ кольцо, и проч. Будучи въ Сибири и не зная что̀ дѣлать, они всѣ четверо подали рапортъ или записку и просили позволенія сдѣлать описаніе Сибири въ геологическомъ, ботаническомъ, зоологическомъ, этнографическомъ, и проч., словомъ, во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, и даже просили, чтобы имъ дали инструменты геодезическіе: они бы сняли главныя рѣки и хребты горъ, и проч. Прекрасная ихъ мысль подала губернатору подозрѣніе, что они хотятъ это сдѣлать для Наполеона, и ихъ просьба осталась втунѣ. Послѣ 12-го года они были профессорами, а еще далѣе Базенъ занимался постройками въ Петербургѣ подъ вѣдѣніемъ Бетанкура и самъ потомъ устраивалъ обводный каналъ, составлялъ проектъ Шлюссельбургскихъ шлюзовъ и былъ директоромъ института. А Дёстремъ былъ начальникомъ II-го округа, попалъ подъ судъ, былъ въ большой крайности, назначенъ въ 1828 году старшимъ членомъ комиссіи для разсматриванія проектовъ и смѣтъ, и тутъ опять проектами поднялся, особливо форта морскаго въ Кронштадтѣ и Благовѣщенскаго моста. Потье былъ въ Одессѣ, строилъ карантинъ, былъ лучше и умнѣе всѣхъ, но толку мало отъ него было. Фабръ отдѣлился давно въ корпусъ инженеровъ военныхъ поселеній.

Дёстремъ въ комиссіи показалъ, что у него золотая голова и богатая свѣдѣніями. Всѣ министры безпрестанно присылали къ нему съ вопросами объяснить то и другое.

Разъ пріѣхалъ въ Петербургъ полковникъ Головинскій изъ Выш-

няго Волочка. Дёстремъ ему говоритъ: «полковникъ, дѣло о фашинныхъ тюфякахъ слишкомъ неважное, чтобы вамъ надобно было самимъ пріѣзжать; вы вѣрно пріѣхали за чѣмъ нибудь другимъ?»—«Это былъ претекстъ. ваше превосх., а я пріѣхалъ по случаю выхода замужъ одной кузины.»—«Ah, ha! vous avez appliqué donc votre cousine à un matelas de fascines.»

Девятнинъ.

Девятнинъ первоначально учился въ Горномъ корпусѣ, потомъ у насъ. Онъ былъ адъютантомъ при герцогѣ Виртембергскомъ и занимался при немъ собственно его домашними дѣлами, перепиской и проч. Герцогъ умеръ за границей на его рукахъ и на рукахъ своей дочери. Девятнинъ плакалъ искренно о немъ, плакалъ на пароходѣ, возвращаясь въ Россію и разсказывая графинѣ Фридерихсъ (другу Императрицы) о кончинѣ герцога. Чрезъ графиню и Императрицу это дошло до Государя, и когда Девятнинъ былъ представленъ Государю, то, какъ человѣкъ, котораго любилъ герцогъ, и по просьбѣ, кажется, дочери герцога былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, прослуживъ только 16 лѣтъ до этого чина. Тогда Девятнинъ былъ молодъ, красавецъ собой, холостой, генералъ, танцующій Французскую кадриль, говорящій скоро и прекрасно по-французски... Вскорѣ его назначили директоромъ департамента; онъ занялся дѣлами, такъ что разстроилъ зрѣніе и ѣздилъ за границу лѣчиться. Три года онъ былъ генералъ-маіоромъ, произведенъ въ генералъ-лейтенанты и сдѣланъ товарищемъ главноуправляющаго. Тутъ Девятнинъ совершенно предался министерскимъ дѣламъ, и думаю, что изъ него могъ бы быть государственный человѣкъ лучше многихъ. Но все это недаромъ досталось; жениться уже поздно стало, стали являться болѣзни отъ множества занятій, и связь съ Ольхиной мѣшала этому. Вступилъ Клейнмихель на мѣсто Толя умершаго, Девятнина отрѣшилъ отъ должности товарища и назначилъ просто членомъ министерскаго нашего Совѣта, а товарищемъ сдѣлалъ Рокасовскаго Алексѣя Ивановича, котораго поднялъ Девятнинъ и сдѣлалъ на мѣсто себя директоромъ департамента. Девятнинъ, когда и здоровъ былъ Толь, управлялъ всѣми дѣлами; а когда Толь былъ боленъ, то уже рѣшительно занимался всѣмъ. На него упрекъ падаетъ тотъ, что онъ благоволилъ къ начальникамъ отдѣленій департамента Березкину (по шоссе) и Каневецкому (по водянымъ сообщеніямъ), которые брали взятки, также къ Чедаеву, нашему полковнику, который на Московскомъ шоссе, какъ говорится, маху не давалъ. Отъ этого многіе думали, что и самъ Девятнинъ чрезъ нихъ бралъ взятки. Правда ли это, Богъ знаетъ; но можно

и не вѣрить этому. Рокасовскій прекрасный человѣкъ, хотя и лѣнивый и трусливый. По смѣнѣ своей Девятнинъ и виду не подалъ каприза..., смирился и какъ въ Совѣтѣ, такъ и во всѣхъ комитетахъ, куда его назначалъ Клейнмихель, занимался усердно, трудолюбиво и больше всѣхъ. Жаль его. Изъ него могъ быть хорошій министръ. Онъ умеръ и оставилъ своимъ смиреніемъ пятно на Клейнмихелѣ, который не умѣлъ его оцѣнить или, лучше сказать, при вступленіи хотѣлъ показать, что у насъ въ управленіи страшное зло, что главною виною этого зла Девятнинъ, и Девятнинъ палъ и умеръ жертвой.

Графъ Толь.

Дибичъ, Паскевичъ и Толь три человѣка замѣчательные. Первый теоретикъ военный, второй храбрый воинъ, третій и то, и другое. Кромѣ того Толь истинно былъ государственный человѣкъ. Онъ достойнѣе всѣхъ былъ быть военнымъ министромъ и предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Подъ Варшавой онъ, увидя впереди огороды, запѣлъ: «ахъ, на что было огородъ городить, ахъ на что было капусту садить»... бросился впередъ, и всѣ солдаты за нимъ. Военные бранили его за то, что ругался очень рѣзко и былъ чрезвычайно гордъ. Эти недостатки и удержали его возвышеніе. У насъ онъ ругался, но рѣдко, и во всякомъ случаѣ не могъ сдѣлаться придворнымъ, а гордость его отстранила все наше управленіе отъ другихъ и вообще отъ правительства. Онъ не знакомился почти ни съ кѣмъ изъ министровъ, а изъ посланниковъ и подавно, началъ все болѣе и болѣе болѣть, и нашъ корпусъ много потерялъ отъ этого. Но онъ всетаки сохранилъ нашъ корпусъ, какъ онъ былъ; корпусъ все-таки смотрѣлъ собраніемъ людей ученыхъ и образованныхъ. Клейнмихель вступилъ и все разрушилъ. Теперь это уже не корпусъ инженеровъ, а корпусъ строителей и архитекторовъ, часто безъ всякихъ познаній, корпусъ, состоящій изъ сброда, принятаго изъ разныхъ службъ. Мѣсто главноуправляющаго было мало для Толя, и это его, кажется, огорчало; потому что, что̀ значили 4 милліона серебромъ на все главное управленіе и на всѣ работы? Съ такою суммою дѣйствія главноуправляющаго не могутъ выказаться въ хорошемъ свѣтѣ. Клейнмихель получаетъ 5 милліоновъ и тоже страждетъ, оттого что мало работъ производится. При Толѣ принялись за шоссе, и хотя нѣкоторыя шоссе дурно устраивались (отъ Смоленска до Соловьева Перевоза, Ярославское), но ему мы обязаны мыслью о распространеніи шоссе, и при немъ многіе законы по устройству ихъ внесены въ Сводъ Законовъ. Онъ же воскресилъ Королевскій каналъ, узнавши это сообщеніе во время Польской кампаніи. Осматривая Вышерскій каналъ подъ Новго-

родомъ, онъ сказалъ, чтобы и Рейхель, нашъ генералъ-маіоръ, сѣлъ съ нимъ на дрожки. Рейхель, садясь, рукояткой шпаги задѣлъ его въ бокъ, который у него болѣлъ (онъ дома, въ Петербургѣ, у себя въ кабинетѣ переломилъ ребро, упавъ на уголъ письменнаго стола). Отъ боли Толь не вытерпѣлъ и сказалъ: . . . . . . Когда же послѣ Толь благодарилъ Рейхеля за всѣ работы, этотъ послѣдній сказалъ ему, что только напрасно его сіятельство такъ ругнулъ заслуженнаго уже офицера. Толь за это просилъ простить стараго солдата.

Прежде у насъ были при всякой новой большой работѣ отдѣльные, независящіе отъ округа, управляющіе. Такимъ былъ Бугайскій. полковникъ, завѣдывавшій устройствомъ канала между Сестрой и Истрой съ Волги въ Москву-рѣку. Тутъ сдѣлали, что директоръ работъ, т. е. второе лицо послѣ управляющаго, прямо долженъ былъ относиться въ округъ, минуя управляющаго. Бугайскій взбѣсился, и когда Толь пріѣхалъ туда и спросилъ его, что̀ онъ новаго ему покажетъ, Бугайскій сказалъ: «не знаю». Толь началъ выходить изъ себя, сердиться и снова спрашивать, а Бугайскій блѣднѣлъ и сквозь зубы, исподлобья, какъ упрямый баранъ, отвѣчалъ одно и тоже: «я ничего не знаю». Толь, красный какъ ракъ, даже со сжатыми кулаками, наступалъ, а Бугайскій, блѣдный какъ смерть, тоже сталъ въ позицію со сжатыми кулаками. Наконецъ Толь опомнился, отбѣжалъ отъ него и, немного успокоившись, сказалъ: «прошу васъ, полковникъ, объяснить мнѣ, что̀ значатъ ваши отвѣты и отчего вы не знаете?»—«Оттого, что по новому положенію директоръ работъ доноситъ округу мимо меня».—«А! зачѣмъ же вы мнѣ прямо этого не сказали? Это мы поправимъ, будьте увѣрены. А теперь я прошу васъ, какъ Михаила Николаевича Бугайскаго, показать мнѣ работы».—«О, если такъ, съ большимъ удовольствіемъ, ваше сіятельство». Они поѣхали. Толь былъ очень доволенъ.

Полковникъ Николай Ивановичъ Богдановъ былъ прекрасный человѣкъ, но заносившійся. Онъ свидѣтельствовалъ работы оконченнаго Королевскаго или Герцога Александра Виртембергскаго канала, и донесъ, что всѣ работы превосходны, что бичевникъ такой, что онъ ѣхалъ все время четверкой въ рядъ въ коляскѣ, во весь духъ лошадей, но что каналъ стоитъ 4 милліона ассигн., а въ годъ проходятъ 4 барки по каналу, и что если бы 4 милліона положить въ банкъ и на одни проценты перевозить гужомъ даромъ товары, то еще осталась бы сумма ежегодно на какія-нибудь поощренія торговли. Шлюзъ или плотину, которую Толь видѣлъ самъ и назвалъ знаменитою (такъ ему понравилась постройка), Богдановъ забраковалъ въ чемъ-то, въ пустякахъ.

Толь его называлъ энтузіастомъ добра, и какъ вообще Богдановъ только могъ мѣшать управленію, то и воспользовался требованіемъ генералъ-губернатора Восточной Сибири инженера для составленія проекта Кругобайкальской дороги. Онъ написалъ Богданову, что въ Сибирь нужно золотого человѣка, и онъ посылаетъ его. Богдановъ поѣхалъ, но черезъ годъ или два, наваривши и тамъ каши, прислалъ просьбу объ отпускѣ въ Петербургъ на 28 дней. Отпускъ вышелъ, и онъ на другой или на третій день явился въ Петербургѣ. Дѣло въ томъ, что онъ по предписанію генералъ-губернатора поѣхалъ изъ Иркутска на Западъ и, верстъ за тысячу не доѣзжая Петербурга, послалъ просьбу, и проч. Въ эти 28 дней онъ хлопоталъ у Клейнмихеля (бывшаго тогда директоромъ департамента военныхъ поселеній) и устроился такъ, что сперва Толь препокорно просилъ Клейнмихеля согласиться на переводъ кого-то къ намъ въ корпусъ, и когда Толь высказалъ, что готовъ все сдѣлать, то Клейнмихель и поставилъ условіемъ, чтобы Толь отдалъ Клейнмихелю Богданова, Толь уже не могъ не согласиться. При отправленіи въ Сибирь, Богдановъ сперва не хотѣлъ ѣхать; ему снова предписали, онъ отвѣчалъ, что денегъ нѣтъ; ему дали денегъ, онъ получилъ и ужъ рѣшительно не хотѣлъ ѣхать; тогда его чуть не съ конвоемъ отправили. И послѣ, и прежде онъ столько надоѣдалъ Толю, что Толь рѣшительно хотѣлъ обо всѣхъ его поступкахъ доложить Государю и просить повелѣнія снова его отправить въ Иркутскъ и не давать отпуска. Но Клейнмихель перехитрилъ и перетянулъ Богданова къ себѣ. Разъ Толь дотого взбѣсился на Богданова и наступалъ со сжатыми кулаками, что Богдановъ напомнилъ Толю, что и онъ можетъ забыться и забыть, что онъ мужъ и отецъ; Толь убѣжалъ въ кабинетъ и захлопнулъ дверь.

Былъ еще у насъ Башуцкій, штабъ-офицеръ строительнаго отряда, глупый какъ нельзя болѣе и родня коменданту Башуцкому. Этотъ Башуцкій былъ посланъ свидѣтельствовать что-то на шоссе около Петергофа или Нарвы, не помню. Пріѣзжаетъ туда же и Толь и узнаётъ, что тутъ же Башуцкій. Онъ посылаетъ за нимъ; Башуцкій не сказался дома. Толь еще посылаетъ, Башуцкій сказалъ, что у него формы нѣтъ съ собой. Толь посылаетъ сказать, что пусть хоть въ шубѣ придетъ, что ему нужно отдать ему приказанія. Башуцкій сказалъ, что боленъ, и всетаки не пошелъ. Дѣло въ томъ, что онъ былъ съ однимъ халатомъ и шубой (зимой). Толь велѣлъ ему явиться къ нему въ Петербургѣ. Наконецъ и Толь, и Башуцкій въ Петербургѣ. Башуцкій въ парадной формѣ, т. е. въ шарфѣ, является къ Толю, и видно пришелъ рано, что довольно долго ждетъ одинъ въ залѣ. Башуцкій дотого перетрусилъ, что ходитъ взадъ и впередъ по большой залѣ медленнымъ шагомъ и крес-

тится. Наконецъ дверь кабинета на одномъ концѣ залы отворилась, и Толь видитъ, что Башуцкій на половинѣ залы приближается по направленію къ кабинету и крестится на дверь кабинета. Толь сказалъ громко: «пожалуйте сюда!» Башуцкій сталъ пятиться назадъ и продолжаетъ креститься. «Подите сюда!» Башуцкій все пятится и крестится съ поклонами на Толя и на его дверь. «Я васъ зову сюда, въ кабинетъ!» Башуцкій все молится и пятится. Толь плюнулъ, сказавъ: «ступайте вонъ!» и захлопнулъ дверь, а Башуцкій былъ въ восторгѣ, что такъ счастливо кончилось.

Толь, когда вступилъ, никакихъ преобразованій не дѣлалъ, никого не смѣнялъ, и все шло своимъ порядкомъ. Генералъ Базенъ самъ вышелъ изъ корпуса нашего, потому что надѣялся самъ быть главноуправляющимъ, и обидѣлся. Варенцовъ начальникъ штаба, и Борейша, директоръ департамента, управлявшіе всѣми и всѣмъ, остались на мѣстахъ. Варенцовъ вышелъ уже гораздо послѣ черезъ годъ, потому что занимался болѣе картежной игрой, а Борейша сдѣлалъ фальшивое показаніе въ одномъ формулярномъ спискѣ, и ихъ удаленіе произошло отъ частной ихъ собственной вины. Графъ Толь былъ строгъ, но уменъ и благороденъ. Измѣненій въ управленіи онъ не дѣлалъ при вступленіи; уже послѣ, когда Девятнинъ выступилъ на сцену, явилось новое положеніе объ округахъ, положеніе о строительныхъ комиссіяхъ, разные дорожные законы объ устройствѣ шоссе, новыя правила производства работъ, а главное, правила технической отчетности. Все это были дѣла серьезныя, и хотя имѣли свои недостатки въ практикѣ, но всетаки надо сказать спасибо за нихъ. Потомъ Толь былъ часто боленъ и сидѣлъ медвѣдемъ, не знакомясь ни съ кѣмъ изъ лицъ, принадлежавшихъ къ высшему правительству. Жаль Толя. Отпѣвали его въ Аннинской киркѣ на Литейной, войсками командовалъ великій князь Михаилъ Павловичъ, Государь былъ при отпѣваніи въ киркѣ и провожалъ до Невскаго проспекта. За Нарвской заставой гробъ сняли съ колесницы и поставили въ ящикъ при пальбѣ войска, а ящикъ на роспуски, и повезли въ имѣніе его.

*

Говорятъ, что Яковлевъ-богачъ въ духовномъ завѣщаніи сказалъ: «а сыну моему, негодяю Савкѣ, 70 милліоновъ».

*

Всѣ придворные говорятъ, что Волконскій скупъ на расходы по двору, и что разъ онъ докладывалъ Государю, что посланный за границу изъ придворныхъ пѣвчихъ теноръ Ивановъ не хочетъ возвращаться въ Россію, а заключилъ гдѣ-то контрактъ съ театромъ за нѣсколько

десятковъ тысячъ. Государь на это спросилъ: «а сколько вы ему дадите жалованья, если онъ пріѣдетъ?»—«По штату, ваше величество, 800 рублей».—«Дуракъ же онъ будетъ, если пріѣдетъ».

*

На какомъ-то вечерѣ играли въ вистъ два чрезвычайные посла и еще съ кѣмъ-то. Англійскій посланникъ уронилъ золотую монету при расплатѣ и нагнулся искать ее, а Французскій посланникъ вытащилъ нѣсколько крупныхъ ассигнацій, зажегъ ихъ и сталъ свѣтить тому подъ столомъ.

*

Когда Дибичъ и Паскевичъ пошли въ ходъ, то, говорятъ, Ермоловъ сказалъ: «на Ванькахъ недалеко уѣдешь». Ихъ обоихъ зовутъ Иванами, а Ваньки послѣдній разрядъ извощиковъ, т. е. мужичковъ, пріѣзжающихъ въ Петербургъ на зиму съ такъ называемыми Галицкими санками для городской легковой ѣзды. Такихъ санокъ нынче ужъ нѣтъ, и Ваньками называютъ тѣхъ, у которыхъ нѣтъ колодъ или биржи, а ѣздящихъ въ деревянныхъ старыхъ санкахъ.

*

Послѣ удаленія Ермолова жена Паскевича, кажется, въ Москвѣ давала обѣдъ. Кто-то сказалъ, что Ермолову на старости хорошо отдохнуть въ отставкѣ. Жена Паскевича сказала: «а служить еще лучше!» Кто-то переговорилъ: «да, ослу жить еще лучше!» понимая тутъ ея мужа *).

*

Адмиралъ Мачаковъ былъ такъ малъ ростомъ, что, говорятъ, будто, будучи мичманомъ, онъ жилъ въ Кронштадтѣ въ низенькомъ деревянномъ домикѣ и спалъ на тюфякѣ у самаго окна, когда окно лѣтомъ было открыто, и будто воръ, не примѣтя его, сложилъ тюфякъ, закинулъ на плечи и побѣжалъ. Голова и ноги Мачакова торчали съ боковъ за спиной вора изъ тюфяка, и воръ наконецъ бросилъ покражу, испугавшись крика Мачакова.

*

Поэтъ Дмитріевъ доживалъ въ Москвѣ свою старость, одинокій. Очень часто бывалъ въ одномъ семейномъ домѣ, гдѣ всѣ, и большіе, и малыя дѣти, и женскій полъ, очень любили его и по добротѣ его всегда обращались къ нему словами: «душенька Иванъ Ивановичъ!» Онъ былъ какъ домашній человѣкъ. Одинъ пріѣзжій въ Москву провинціалъ познакомился съ нимъ въ этомъ домѣ и, считая Дмитріева за бѣднаго

*) Въ бесѣдахъ съ пишущимъ эти строки, А. П. Ермоловъ называлъ князя Паскевича (Эриванскаго) не иначе какъ Эрихонскій. П. Б.

чиновничка, но видя общую любовь къ нему, принялъ въ немъ участіе и совѣтовалъ ему пріискать мѣстечко для полученія жалованья. «Гдѣ ужъ мнѣ! Въ мои лѣта какъ можно служить?» отвѣчаетъ Дмитріевъ.— «Да вы только для жалованья: я въ Москвѣ имѣю знакомства и обѣщаю навѣрное доставить вамъ мѣстечко».—«Покорно васъ благодарю: я ужъ не могу служить».—«Да вы служили гдѣ нибудь? Получаете пенсію?»—«Да, я получаю пенсію, которою и живу».—«Ну что, какая-нибудь бездѣлица! Кѣмъ вы служили?»—«Вы, право, напрасно безпокоитесь: я благодарю васъ за вниманіе, но не могу уже на старости вступить въ службу!—«Но кѣмъ вы служили?»—«Я... я былъ министромъ юстиціи, моя фамилія Дмитріевъ».—«Боже мой! простите! виноватъ!» и проч.

*

Говорятъ, будто конопатчики на вопросъ, куда они идутъ, отвѣчали: «въ адмиралтейство, «императрицу» конопатить». Впрочемъ и самъ Государь разъ въ Кронштадтѣ, когда корабль этотъ былъ въ сухомъ докѣ для перетимберовки, спросилъ съ улыбкой командира корабля: «такъ ты находишь, что «Императрица» стара?»—«Никакъ нѣтъ, ваше величество, корабль «Императрица Александра» еще новъ, но потерпѣлъ въ морѣ и только требуетъ тимберовки».—«А!»

Матросы называли корабль «Фершампенуазъ»—«Фершалъ-у-насъ», корабль «Трехъ Іерарховъ»—«Трахтарарахъ», моего отца вмѣсто Нордштейнъ — Форштевенъ, Цитадель (морское укрѣпленіе на рейдѣ Кронштадта)—«чудодѣлъ».

*

Давно уже, около 1830 года, двоюродный братъ мой, Николай Васильевичъ Нордштейнъ, былъ съ командой матросовъ въ Петербургѣ на Охтѣ. Разъ Государь ѣдетъ въ саняхъ чрезъ Храповицкій мостъ и встрѣчаетъ пьянаго матроса, останавливается и приказываетъ матросу подойти. Этотъ упалъ на колѣни. «Кто твой ротный командиръ?» спрашиваетъ Государь.—«Николай Васильевичъ».—«Какъ его фамилія?»— Оказалось, что онъ не знаетъ. Государь велѣлъ матросу сѣсть на запятки и довезъ до малаго адмиралтейства, гдѣ и сдалъ на гауптвахту, а потомъ приказалъ Николая Васильевича посадить на гауптвахту.

*

Когда Константинъ Павловичъ правилъ Польшей, то за какую-нибудь вину писалъ резолюцію: «сослать въ Сибирь, въ городъ Волковыскъ».

*

Василій Яковлевичъ Кашперовъ, нашъ умершій уже полковникъ, былъ вообще чудакъ, но честнѣйшій и превосходнѣйшій человѣкъ. Разъ ему Клейнмихель приказывалъ что-то насчетъ Динабургскаго шоссе и прибавилъ: «да смотрите же, полковникъ, чтобы было хорошо», и проч. Кашперовъ перебилъ его: «Это ужъ не ваше дѣло, ваше сіятельство, а мое. Ужъ я буду хлопотать», и проч. Подобная выходка однако не разсердила Клейнмихеля.

*

Очень давно, прежде 20-го года, какой-то военный генералъ, смотрѣвъ, какъ пропускали суда чрезъ шлюзъ какого-то канала, сказалъ: «все это прекрасно; но зачѣмъ эта медленность—то одни ворота отворятъ да запрутъ, то другіе отворятъ и опять запрутъ; отворить бы обои ворота вдругъ!»...

*

Левашевъ, бывшій предсѣдатель государственнаго совѣта, считался какъ-то товарищемъ кн. Меншикова и Киселева. Онъ былъ также всегда кандидатомъ на званіе министра; ему хотѣлось быть морскимъ министромъ, но онъ ни въ какіе министры не попалъ. Я видѣлъ его на яхтѣ *Нева*, принадлежащей Наслѣднику, когда ею командовалъ двоюродный братъ мой, гвардейскаго экипажа штабъ-офицеръ, Михаилъ Ивановичъ Шлейнъ. Когда онъ сдѣлался начальникомъ отдѣльнаго управленія государственнаго коннозаводства, и имѣніе графини Орловой, или собственно заводъ конскій, поступило въ казну, то бывшее при этомъ огромное стадо овецъ было продано съ публичнаго торга, какъ ненужное казнѣ, и купилъ его за безцѣнокъ самъ же Левашевъ. Вскорѣ онъ и умеръ. Государь по этому случаю сказалъ Наслѣднику: «Вотъ видишь, каковы они всѣ! Сколько ихъ ни жалуй, они всѣ готовы продать меня! Тебѣ это примѣръ и наука, запомни для своего царствованія».

*

Не помню въ которомъ году, нашъ полковникъ Адамъ строилъ шоссе, кажется, отъ Краснаго Села къ Стрѣльнѣ, въ окрестностяхъ Петербурга. Въ великомъ посту вздумали построить это шоссе и сказали Адаму, чтобы ѣзда была открыта къ 1-му Іюля. Надо было сдѣлать съемку и нивелировку, составить проектъ и смѣту, сдѣлать земляную насыпь и полотно и разсыпать щебень. Послѣднія приказанія ни съ чѣмъ несообразны, потому что земляная насыпь будетъ рыхла, не осядетъ, и щебеночная насыпь никогда не укрѣпится, лежа на нетвердомъ полотнѣ. Но велѣли, и шоссе готово немного прежде 1-го Іюля. Адамъ составилъ отчетъ и сдалъ шоссе, все прежде 1-го Іюля. Прежде же этого числа

его представили за такіе успѣхи къ наградѣ, и онъ получилъ Владимира на шею. А потомъ около 1-го Іюля Государь поѣхалъ по этому шоссе, и лошади изнурились до того, что одна пала на дорогѣ, экипажъ завязъ въ шоссе, и Государь долженъ былъ идти пѣшкомъ остальную часть дороги.

Въ Петербургѣ Канкринъ вздумалъ самъ строить чугунный мостъ въ Коломнѣ, отъ церкви Никольской къ рынку, что на Садовой. Назначенъ былъ Адамъ строителемъ. Смѣта и проектъ готовы; Канкринъ сказалъ: «О, нѣтъ, батушка, это дорого! Полковникъ Адамъ хочетъ много украсть!» и самъ убавилъ толщину стѣнокъ чугунныхъ ящиковъ до полъ-дюйма, кажется втрое противъ смѣты тоньше. Адамъ отказался строить. Кларкъ, бывшій директоръ чугунно-литейнаго завода, когда ему заказали отливать ящики, подалъ отъ себя мнѣніе, что онъ много уже занимался приготовленіемъ чугунныхъ издѣлій и по опытности своей долженъ замѣтить, что толщина мала, что такой толщины и примѣра еще не было для мостовъ, и что онъ не можетъ отвѣчать за крѣпость ящиковъ въ самомъ мосту. Канкринъ сказалъ, что это не его дѣло. Мостъ поручилъ Канкринъ строить Завадовскому, бывшему нашему офицеру, крайне нелѣпому человѣку головою, учившему дѣтей Канкрина и перешедшему въ горное вѣдомство. Мостъ выстроенъ. Назначено было въ такой-то день въ 9 часовъ освятить его, а онъ рухнулъ въ половинѣ 9-го часа: лопнули средніе крючевые ящики, и все упало *). Говорили, что устои береговые не крѣпки были, но это неправда; вся причина въ тонкости стѣнокъ у ящиковъ. Завадовскаго посадили на гауптвахту; но Канкринъ все принялъ на себя и заплатилъ свои деньги на перестройку моста, а Завадовскій освобожденъ отъ слѣдствія. Этотъ же Завадовскій строилъ послѣ Синій мостъ, т. е. уширялъ его во всю площадь дворца Маріи Николаевны.

*

Въ сороковыхъ годахъ Государю кто-то прислалъ въ подарокъ выписанныя его же резолюціи изъ секретныхъ дѣлъ жандармскаго управленія. Оказалось, что и дѣла, числомъ до 20-ти, украдены; кажется, болѣе

---

*) Тогда Соболевскій сочинилъ:

Кто странѣ, скажите, отчей
Придалъ исполинскій ростъ?
Кто построилъ чудный зодчій
Самопадающій мостъ.

См. его Канкриніаду, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1897, III, 297. П. Б.

по Польскимъ дѣламъ. Думали, что сильно достанется Дубельту. Однако чѣмъ кончилось, неизвѣстно.

*

Поэтъ А. С. Пушкинъ въ деревнѣ, дурачась, садился задомъ напередъ верхомъ на клячу, въ какомъ-то смѣшномъ костюмѣ, дѣлалъ дурацкую рожу, и мальчишки бѣгали за нимъ, кричали: «у-у-у!» и дергали за ноги.

Въ Петербургѣ, въ Толмачевомъ переулкѣ, отъ Гостинаго двора къ нынѣшнему Александринскому театру, бывшемъ, кажется, глухимъ, былъ кабакъ въ родѣ харчевни. Пушкинъ съ Дельвигомъ и еще съ кѣмъ-то въ компаніи, человѣкъ по пяти, иногда ходили, переодѣвшись въ дрянныя платья, въ этотъ кабакъ кутить, наблюдать нравы такихъ харчевень и кабаковъ и испытывать самимъ тамошнія удовольствія.

*

После Турецкой экспедиціи, т. е. когда были посланы войска въ помощь султану противъ Египетскаго паши, отправлялся посланникъ нашъ въ Константинополь. Онъ не былъ въ Константинополѣ во время пребыванія тамъ той экспедиціи подъ начальствомъ графа Орлова, и узнавъ, что командиръ фрегата (кажется), на которомъ теперь ѣхалъ, былъ въ то время тамъ, спросилъ этого флотягу: „вы были на балѣ, который давалъ графъ Орловъ?»—«Былъ».—«Кто же былъ на балѣ? Какое общество?»— «Да во-первыхъ я, потомъ графъ Орловъ, а тамъ посланники и всякая дрянь.» Флотскіе часто любятъ щеголять своею безъискусственностью и часто бываютъ грубы.

*

Въ 1842 году, кажется, въ журналѣ «Сынъ Отечества», была напечатана повѣсть, гдѣ на балѣ на Пескахъ упомянутъ офицеръ путей сообщенія въ высочайшемъ галстукѣ. Клейнмихелю это не понравилось, и сочинитель сидѣлъ на гауптвахтѣ; но, кажется, сидѣли и редакторъ и цензоръ. Не знаю, кому-то изъ нихъ сдѣлалъ за это словесный выговоръ Бенкендорфъ, дѣлалъ выговоръ серьезный, но самъ улыбался.

*

Башуцкій и Мартыновъ отличались своею глупостью. Много анекдотовъ разсказывали про того и другого, и даже многое приписывали второму, чтò было съ первымъ, или даже можетъ быть и прежде Башуцкаго, съ какимъ-нибудь другимъ дуракомъ. Но трудно добраться, кому какая глупость принадлежитъ, и потому я вообще говорю про «коменданта».

1. Въ одинъ торжественный царскій день молодежь придворная окружила коменданта на балконѣ дворца и стала его спрашивать: «какъ это ваше превосходительство дѣлаете, что въ самую минуту, когда здоровье пьютъ за столомъ царскимъ, пальба изъ крѣпости начинается, такая скорость въ подачѣ сигнала непонятна.»—«Это очень просто, отвѣчалъ онъ самодовольно, стоитъ только махнуть платкомъ вотъ такъ»... И онъ махнулъ платкомъ, а изъ крѣпости выпалили, и пошла пальба. Комендантъ въ испугѣ началъ больше махать, чтобъ перестали, а съ крѣпости палили чаще. Молодежь разбѣжалась. Государь смѣялся, кажется, Александръ I.

2. На одномъ разводѣ комендантъ, увидѣвъ, что одинъ музыкантъ духовой музыки не играетъ, закричалъ: «Что̀ ты не играешь, а? Вотъ я тебя!»—«Амбушуръ потерялъ, ваше превосходительство», отвѣчалъ музыкантъ.—«Что? Казенныхъ вещей не теряютъ! За это подъ судъ, разбойникъ!» Онъ думалъ, что амбушуръ принадлежитъ къ инструменту.

3. Въ другой разъ, на такой же вопросъ, музыкантъ отвѣчалъ: «пауза, ваше превосходительство.»—«Врешь, въ службѣ отговорокъ нѣтъ!» воскликнулъ комендантъ.

4. Еще разъ, идя мимо музыкантовъ, игравшихъ на мѣдныхъ трубахъ, которыя выдвигаются и укорачиваются, комендантъ сказалъ имъ: «пожалуйста передъ царемъ-то почаще, почаще.» И показалъ рукою, чтобы они почаще выдвигали и укорачивали.

Впрочемъ я самъ былъ свидѣтелемъ и слышалъ слѣдующее изреченіе Мартынова. Когда въ первый разъ показывали только что привезенную картину Брюлова «Послѣдній день Помпеи», то она стояла въ Эрмитажѣ въ комнатѣ, на концѣ Рафаэлевой ложи или галлереи. Въ числѣ публики былъ и я. Вдругъ приходитъ Мартыновъ, сталъ передъ картиной, смотрѣлъ и сказалъ: «для меня лучше всего старикъ Помпей, котораго несутъ дѣти».

*

Недавно я прочелъ въ газетахъ о смерти романиста и драматическаго писателя Михаила Николаевича Загоскина. Это мнѣ напомнило, что я хотѣлъ сдѣлать нѣсколько замѣтокъ о немъ и его братьяхъ. Вотъ онѣ. М. Н. Загоскинъ женатъ, но жена *) до такой степени затворница и набожная женщина, что несмотря на то, что мужъ былъ директоромъ

*) Она была дочь того Новосильцова, который не жилъ съ супругою своею графинею Екатериной Владимировной Орловою. П. Б.

Московскаго театра, она никогда не бывала въ театрѣ; она никогда также никуда не ѣздила въ гости, не имѣла никого знакомыхъ и занималась только, кажется, дѣтьми и молитвой въ церкви и дома, и можетъ быть чтеніемъ. Отчужденіе ея отъ свѣта было таково, что въ Москвѣ, въ тѣхъ домахъ, гдѣ самъ М. Н. Загоскинъ былъ принятъ, многіе даже и не знали, что онъ женатъ. Такимъ образомъ одна пожилая дама, Московская старуха, охотница сватать, вздумала женить М. Н. З., и когда послѣ всѣхъ ея продѣлокъ и приготовленій она подступила наконецъ къ М. Н. З. съ совѣтомъ жениться, онъ долженъ былъ съ улыбкою объявить ей, что онъ давно женатъ.

Родной братъ М. Н. Загоскина, Алексѣй Николаевичъ, теперь полковникъ нашего Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія, необыкновенно замѣчательная личность по характеру. Смолоду онъ былъ самый отъявленный развратникъ; онъ былъ безбожникъ, циникъ, не было выходки въ этомъ отношеніи, на которую бы онъ не рѣшался; впрочемъ онъ былъ всегда благороденъ, честенъ, кротокъ, имѣлъ необыкновенныя способности къ математикѣ и наконецъ былъ чрезвычайно разсѣянъ. Онъ былъ окруженъ молодыми людьми, которые всѣ щеголяли другъ передъ другомъ въ исторіяхъ и знали наизустъ сочиненія Баркова. Изъ дурачества эти молодые люди составили изъ себя общество, и Алексѣй Николаевичъ Загоскинъ имѣлъ дипломъ на званіе доктора этого общества по части безпутства. Теперь этотъ человѣкъ набожнѣйшій изъ всѣхъ набожныхъ. Не могу опредѣлить времени его перемѣны, можетъ быть это было около 27, 28, 29 годовъ; но теперь Загоскинъ профессоръ математики по прежнему и профессоръ одинъ изъ лучшихъ, т. е. знающихъ, или, вѣрнѣе сказать, не математики, а математическихъ вычисленій, потому что цѣли его вычисленій можно измѣнять и повертывать во всѣ стороны какъ флюгеръ, а вычисленія все будутъ превосходны. Теперь въ немъ нѣтъ живаго человѣка, нѣтъ живой души, живого ума: онъ во всемъ кажется какимъ-то механизмомъ холоднымъ. Теперь онъ рѣдко пропускаетъ церковную службу, заутрени, обѣдни, вечерни и проч., рѣдко пропускаетъ слушать проповѣди священниковъ, особливо извѣстныхъ; не пропускаетъ ходить на проповѣди евангелическаго пастора Нильсена (въ домѣ Сарептскаго Общества, на углу Почтамтской), и не понимая ни слова по нѣмецки, часто дремлетъ за этими проповѣдями, но все-таки считаетъ долгомъ ходить. Ни театра, никакого свѣтскаго развлеченія не знаетъ, свѣтскихъ книгъ не читаетъ; сказалъ разъ при мнѣ, что не желалъ бы получить «пряжки за безпорочную службу», потому что награда за безпорочность только на небеси. Старые товарищи его безпутства не вѣрятъ искренности его набожности. Я го-

ворилъ, что Алексѣй Николаевичъ самъ себя обманываетъ своею набожностью.—«Нѣтъ, сказалъ мнѣ Павелъ Петровичъ Мельниковъ (нынѣ генералъ-маіоръ нашей же службы, одинъ изъ строителей Петербурго-Московской желѣзной дороги); «нѣтъ-съ, онъ притворяется и хочетъ обманывать другихъ!» Это неправда. Я сказалъ уже, что А. Н. З. не живой человѣкъ, это автоматъ; какъ онъ въ молодости былъ автоматомъ распутства, такъ теперь автоматъ набожности и въ тоже время былъ и есть автоматъ математики. Странно, что при всемъ томъ, что автоматъ, онъ ни малѣйше не глупъ, онъ уменъ умомъ разсудка и вмѣстѣ съ тѣмъ умомъ дѣтскимъ, лишеннымъ всякаго опыта; онъ добръ, онъ любитъ вообще людей и въ частности многихъ, но его любовь отзывается одной добротой и холодна, или едва, едва тепленька. Самолюбія и честолюбія въ немъ нѣтъ, но есть какое-то мелочное почестелюбіе, болѣе заимственное, внѣшнее для его мыслей и характера. Такъ, по возвращеніи изъ экспедиціи, дѣлавшей опись между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, экспедиціи, считавшейся военною (въ 1824 году, кажется, или въ 1826), при вопросѣ, какой награды онъ хочетъ, онъ пожелалъ Владиміра съ бантомъ и получилъ его. Такъ и теперь онъ не прочь отъ генеральскаго чина, хотя Клейнмихель его обходитъ.

Разсѣянность его анекдотическая. Онъ много дѣлалъ изысканій, съемокъ и нивелировокъ для составленія проектовъ, каналовъ и шоссе; при этихъ изысканіяхъ по разсѣянности забывалъ въ разныхъ мѣстахъ, даже въ деревняхъ, казенные инструменты, книги, издерживалъ казенныя деньги, не помня на что, и не въ состояніи былъ отдавать отчетовъ, такъ что принужденъ былъ заплатить казнѣ до 40 тысячъ рублей ассигнаціями по милости своей разсѣянности.

Онъ былъ съ Пав. Петр. Мельниковымъ при расчисткѣ Кокенгаузенскихъ пороговъ на Западной Двинѣ, и для разрыва камней у нихъ употреблялся порохъ. Разъ, когда они сидѣли вдвоемъ у стола и разговаривали, Загоскинъ во время разговора въ разсѣянности вертѣлъ зажженную свѣчку и въ разсѣянности же сталъ поджигать конецъ веревочки, которою былъ перевязанъ въ бумагѣ порохъ, лежавшій на столѣ, въ количествѣ фунтовъ двухъ. Мельниковъ едва успѣлъ сильною рукою остановить руку Загоскина.

Смѣшно сказать: «забылъ, что женатъ», а почти похожее на то было съ Загоскинымъ. Онъ женился въ Ригѣ на дочери коменданта или чего-то подобнаго, Эмме (на другой дочери того же Эмме женатъ Гамалея, товарищъ министра государственныхъ имуществъ). Надо сказать, что А. Н. Загоскинъ по всегдашней разсѣянности не

подумалъ о томъ, что надо извѣстить родныхъ, и братья его ничего не знали о его женитьбѣ. (Одинъ братъ служилъ у насъ же полковникомъ, Николай Н., и умеръ въ Москвѣ, на службѣ при Московскомъ каналѣ; этотъ былъ женатъ на Мертваго, Николай Загоскинъ — старшій братъ, кажется. Михаилъ сочинитель—второй, потомъ одинъ или двое служили въ Преображенскомъ полку; Алексѣй, о которомъ идетъ рѣчь, у насъ; у насъ же младшій, Иліодоръ Никол., теперь подполковникъ). Пришлось Алексѣю Николаевичу ѣхать изъ Риги въ Петербургъ. Онъ пріѣхалъ туда одинъ безъ жены. Иные злые языки говорятъ, что онъ изъ Риги выѣхалъ съ женой и забылъ ее на первой же станціи, доѣхалъ до Петербурга, не вспомнивъ о женѣ, и прожилъ въ Петербургѣ у брата нѣсколько мѣсяцевъ, все-таки не вспоминая о ней и не говоря брату о своей женитьбѣ; еще болѣе злые языки прибавляютъ, что такъ какъ онъ женился на Нѣмкѣ, не свѣтской и не извѣстивъ родныхъ, то будто бы ему было совѣстно привезти ее въ Петербургъ къ брату, и онъ нарочно притворился разсѣяннымъ до такой степени, что забылъ жену, а въ самомъ-то дѣлѣ оставилъ на первой станціи отъ Риги съ умысломъ. Это нелѣпость. Такого поступка онъ не въ состояніи сдѣлать. Вѣрнѣе всего, кажется, что жена поѣхала провожать его изъ Риги до первой станціи, и онъ уѣхалъ со станціи, забывъ проститься съ женой. И этого довольно для недавно женатаго или, все равно, и для давно женатаго. Въ Петербургѣ онъ остановился у брата, въ казармахъ Преображенскаго полка, не говорилъ брату, что женился, и прожилъ мѣсяца три, если не болѣе, ни разу не писавши женѣ въ Ригу. Жена потеряла терпѣніе и поѣхала тоже въ Петербургъ. Разъ Алекс. Ник. не было дома, и Преображенскому брату докладываютъ, что его спрашиваетъ дама; онъ удивился, что дама рѣшилась идти въ казармы; одѣлся, вышелъ, и дама ему объявляетъ, что она жена брата его Алексѣя, что послѣдній не писалъ ей вовсе, и она пріѣхала отыскать его. Надо представить себѣ изумленіе брата. Тутъ нельзя сказать: «забылъ, что женился», даже нельзя сказать: «забылъ», а просто не подумалъ о томъ, что надо проститься съ женой, не подумалъ, что надо писать къ ней, не подумалъ, что надо сказать брату о своей женитьбѣ. При неживой автоматической натурѣ все это возможно.

Есть такіе говорящіе во снѣ, которыхъ можно довести до того, что они будутъ отвѣчать все-таки во снѣ на вопросы, стòитъ только попасть въ нить словъ и мыслей, которыя выбалтываетъ сонный. Загоскинъ, когда не самъ говоритъ, всегда почти какъ полусонный, по крайней мѣрѣ мозгъ его дремлетъ въ это время, поэтому можно было часто

заставлялъ его говорить нелѣпости и глупости. При мнѣ, въ бывшей комиссіи (а нынѣ департаментѣ) проектовъ и смѣтъ, гдѣ и я, и Загоскинъ были членами, была подобная шутка. Пріѣхалъ Крафтъ (Николай Осиповичъ, нашъ генер.-маіоръ, нынѣ же и строитель Петерб.-Моск. желѣзн. дороги), послѣ долгаго отсутствія, пришелъ къ намъ въ комиссію и сталъ разговаривать болѣе съ Загоскинымъ, какъ сослуживцемъ въ прежнее время. Они стали припоминать старыхъ товарищей, которые либо умерли, либо оставили службу. Говорилъ больше Крафтъ: «помнишь того-то?» и проч., а Загоскину приходилось только поддакивать: «да, да»! выговаривая эти «да, да» какъ-то по старушечьи, безъ звука. (Отъ недѣятельности мозгъ его и задремалъ). Крафтъ это замѣтилъ и говоритъ: «а помнишь Балка»?—«Да, да».—«Вѣдь онъ на верблюдѣ верхомъ моремъ изъ Японіи въ Америку поѣхалъ».—Да, да, на верблюдѣ, моремъ, въ Америку; вѣдь онъ такой шалунъ былъ и повѣса!» Загоскинъ даже улыбается и не догадывается, что надъ нимъ смѣются.

Крафтъ умѣлъ завлечь Загоскина всегда нечувствительно къ воспоминаніямъ о шалостяхъ молодости и притомъ такъ, что Загоскинъ, набожный и помышляющій только о молитвѣ и математикѣ, забывался и на нѣсколько минутъ являлся прежнимъ или полупрежнимъ развратникомъ...

Алексѣй Ник. въ разсѣянности часто уходилъ изъ дому рано утромъ къ заутрени безъ фуражки, съ открытой головой. Разъ онъ зашелъ къ цирюльнику и, велѣвъ себя выбрить, сѣлъ. Алексѣй Ник. носилъ бакенбарды, но какъ собой не занимался, то разумѣется бакенбарды были плохи и рѣдки. Цирюльникъ спросилъ: «прикажите немножко подправить, т. е. подбрить бакенбарды, онѣ вотъ немного неровны».—«Да, да, пожалуйста». Цирюльникъ ровнялъ, ровнялъ ихъ, да ужъ и слишкомъ укоротилъ; чтобы поправить свою ошибку, онъ опять сказалъ: «не прикажете ли лучше совсѣмъ сбрить ихъ? они нехороши».—«Да, да, пожалуйста». И цирюльникъ сбрилъ начисто, а Загоскинъ не зналъ, о чемъ онъ его спрашивалъ, и не понималъ, что тотъ надъ нимъ творилъ. Приходитъ Загоскинъ домой, и жена, только что взглянула на него, и ахнула: «что̀ это, Алексѣй Ник., куда дѣлись твои бакенбарды?» Загоскинъ остолбенѣлъ, схватился за щеки, ощупалъ и говоритъ: «не знаю». Онъ долго не могъ догадаться, куда дѣвались бакенбарды, и наконецъ сказалъ: «должно быть цирюльникъ сбрилъ, но я не знаю».

Я забылъ сказать, что когда Алекс. Ник. былъ на изысканіяхъ, то разъ въ приказахъ былъ ему напечатанъ выговоръ за то, что онъ потерялъ шнуровую книгу. Но на самомъ дѣлѣ онъ книги не терялъ, а

разъ слуга пришелъ просить бумаги, чтобы тетрадь сдѣлать для записки расхода на кушанье. Алекс. Ник. въ разсѣянности подалъ ему шнуровую книгу, въ которую еще ничего не писалъ и которая такъ валялась; а когда пришлось отчетъ представлять, то Алекс. Ник. откровенно показалъ начальникамъ книгу, въ которой слуга записывалъ огурцы, лукъ, капусту, хлѣбъ, говядину, соль и проч.

Разъ изъ комиссіи мы вышли въ три часа вмѣстѣ; ему нужно налѣво, мнѣ направо (комиссія была у Аларчина моста въ Коломнѣ; я жилъ на Васильевскомъ острову и переѣзжалъ каждый разъ на яликѣ или эльботѣ чрезъ рѣку). Онъ поворачиваетъ со мной направо. «Куда же вы? вѣдь вамъ надо налѣво!»—«Нѣтъ, я съ вами пойду, мнѣ нужно». —«Когда такъ, очень радъ». И я началъ съ нимъ разговаривать. Подходимъ къ Невѣ. Онъ со мной въ яликъ. «Да куда же вы?» И онъ мнѣ съ довѣрчивостью объяснилъ, что онъ немного обжорливъ (натура-то осталась старая), и что это нехорошо и нездорово, и что онъ нарочно оставляетъ себя иногда безъ обѣда, а такъ какъ если придетъ домой, то не удержится, то для избѣжанія этого и ходитъ куда нибудь, чтобы время прошло. «Но теперь куда же вы?»—«А вотъ видите, на Смоленскомъ кладбищѣ у меня похороненъ ребенокъ маленькій, то я и желудокъ поправлю, и могилку схожу посмотрѣть.»

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ у насъ въ комиссіи, въ присутствіи, послѣ двухъ часовъ подавали свѣчи зажженныя. Мы всѣ сидѣли и занимались за однимъ большимъ столомъ, т. е. генералъ Дёстремъ, четыре штабъ-офицера и два оберъ-офицера. Загоскинъ обыкновенно не садился за столъ, а занимался стоя у окна, у конторки. Передъ тѣмъ однакоже, какъ принесли свѣчи, онъ разъ сидѣлъ за столомъ; но ему мѣшали наши громкіе разговоры, и онъ, взявъ двѣ свѣчи, перешелъ къ конторкѣ и началъ заниматься. У насъ стало замѣтно темнѣе. Генералъ Дёстремъ поднялъ голову и, видя темноту, сказалъ: «что̀ это, Алекс. Ник., вѣдь намъ темно!»—«А, да, да!» И Алекс. Ник. поспѣшилъ захватить бумаги и перейти опять къ столу и сѣсть въ кресло; только обѣ свѣчи онъ забылъ въ разсѣянности принести назадъ. Генералъ опять сказалъ: «да какъ же вы свѣчи-то отъ насъ взяли!» Загоскинъ смѣшался, даже обернулся, посмотрѣлъ на свѣчи, которыя все еще стояли въ углу на конторкѣ, и отвѣчалъ: «да, да! я виноватъ!»—«Все такъ, но неужели вы думаете, что какъ вы пересѣли назадъ, то и освѣтили столъ? Свѣчей вы всетаки намъ не возвратили.» Тогда только Загоскинъ понялъ, въ чемъ дѣло.

Еще случай. У насъ въ комиссіи умеръ секретарь Михаилъ Петровичъ Мельниковъ. Жилъ онъ тоже въ Коломнѣ. Гробъ съ покойни-

комъ повезли по направленію къ Сѣнной. Гробъ провожали наши члены комиссіи, въ томъ числѣ и Загоскинъ. Дорогой Загоскинъ своротилъ въ улицу, чтобы забѣжать на секунду зачѣмъ-то домой; потомъ, вышедъ опять изъ дому на улицу, по которой повезли покойника, онъ спрашивалъ у извощиковъ, будочниковъ и проходящихъ, куда повезли покойника. Всѣ показывали по направленію къ Сѣнной площади, и онъ ускорительнымъ шагомъ пустился догонять. На Сѣнной площади кто-то опять показалъ ему по Садовой улицѣ, по направленію къ Невскому проспекту. Онъ пустился еще скорѣе догонять. Будочникъ на углу Садовой и Невскаго, у Императ. Публичной Библіотеки, показалъ ему дорогу по Невскому проспекту къ Невскому монастырю. Загоскинъ сѣлъ на извощичьи дрожки и поѣхалъ далѣе. Наконецъ близъ монастыря онъ догналъ похоронную процессію, сошелъ съ дрожекъ, снялъ шляпу и пошелъ съ другими за гробомъ. Разсказываютъ (но разумѣется, прибавляютъ много, потому что никто конечно кромѣ самого Загоскина не знаетъ подробностей), что Загоскинъ проводилъ гробъ даже въ церковь монастыря, и когда въ церкви открыли гробъ для отпѣванія, то будто бы тутъ только Загоскинъ былъ пораженъ, что покойникъ въ чепчикѣ. Какъ же это Михаилъ Петровичъ въ чепчикѣ? Онъ оглянулся кругомъ и увидѣлъ себя окруженнымъ не только ни однимъ офицеромъ, но даже и ни однимъ мужчиной: все были однѣ женщины въ глубокомъ траурѣ. Загоскинъ вышелъ изъ церкви, отыскалъ опять того же извощика и поѣхалъ отыскивать своего покойника на Волково кладбище. Покойника дѣйствительно, начиная отъ Сѣнной площади, повезли направо на Обуховъ мостъ и т. д. на Волково кладбище.

Нынѣшній вице-директоръ департамента, нашъ полковникъ Полонскій Александръ Викентьевичъ, когда еще былъ адъютантомъ и начальникомъ отдѣленія въ штабѣ нашемъ, потерялъ жену. На похоронахъ ея тоже было много нашихъ офицеровъ, все сослуживцевъ и товарищей Полонскаго, въ томъ числѣ и Загоскинъ. Провожая гробъ по улицѣ, Загоскинъ шелъ рядомъ съ кѣмъ-то изъ нашихъ и тотчасъ за самимъ Полонскимъ. Вдругъ Загоскинъ говоритъ своему сосѣду: «жаль Александра Викентьевича, славный человѣкъ былъ покойникъ!» — «Какой покойникъ? Кто?»—«Да Александръ Викентьевичъ».—«А это кто же прямо передъ вами идетъ?» Загоскинъ взглянулъ и открылъ ротъ: «А я думалъ, онъ умеръ! Кто же умеръ?»—«Жена его». «А-а!» Надо сказать, что Полонскій очень близокъ по товариществу ко всѣмъ и въ томъ числѣ къ Загоскину, и послѣдній только по разсѣянности могъ не понимать, кто умеръ.

Вскорѣ послѣ того, какъ главное управленіе нашимъ вѣдомствомъ

перешло къ графу Толю, по увольненіи начальника штаба Петра Алексѣевича Варенцова, на это мѣсто поступилъ изъ Конно-Гренадерскаго полка, Александръ Ивановичъ Мясоѣдовъ бывшій дежурнымъ шт.-офицеромъ, кажется, въ штабѣ Гвардейскаго Корпуса. Прошло послѣ того съ мѣсяцъ. Мимо оконъ комиссіи шелъ Конно-Гренадерскій полкъ съ музыкой. Мы подошли къ окнамъ и смотрѣли; у одного окна со мной и Загоскинъ. Я сказалъ: «вотъ прежній мундиръ нашего начальника штаба». Загоскинъ спросилъ: «Какъ? Да Варенцовъ развѣ служилъ въ полку?» Загоскинъ очень хорошо зналъ, что Варенцовъ былъ воспитанникъ нашего института и никакого, кромѣ нашего, мундира не носилъ. Я отвѣчаю: «Какъ Варенцовъ? Вы хотите сказать Мясоѣдовъ?»—«Какой Мясоѣдовъ?»—«Нашъ новый начальникъ штаба»—«А Варенцовъ?—«Ужъ съ мѣсяцъ какъ въ отставкѣ».—«А я не зналъ». Но надо прибавить, что при герцогѣ Виртембергскомъ Варенцовъ и Борейша (Петръ Вонифатьевичъ, директоръ департамента) были всемогущи и дѣлали все, всѣмъ управляли, и отставка ихъ обоихъ относилась къ дѣйствіямъ новаго главноуправляющаго, измѣнившаго нѣсколько характеръ управленія, надѣлала шума и не могла быть неизвѣстна. Загоскинъ, живя особой жизнью, не зналъ этого.

У насъ столовыя деньги давали прежде по третямъ съ жалованьемъ вмѣстѣ, потомъ перемѣнили и начали давать помѣсячно впередъ. Такимъ образомъ мы уже нѣсколько мѣсяцевъ получали. Разъ я, получивъ эти деньги отъ казначея департамента (департаментъ былъ въ томъ же домѣ, только не въ среднемъ, а въ верхнемъ этажѣ), принесъ ихъ въ рукѣ въ присутствіе комиссіи и, сѣвъ, сталъ вновь пересчитывать. Загоскинъ спросилъ: «какія это деньги вы получили?»—«Столовыя». —«Какъ? Столовыя вѣдь даютъ съ жалованьемъ».—«Нѣтъ, уже полгода какъ даютъ за каждый мѣсяцъ впередъ.»—«А! то-то казначей каждый мѣсяцъ меня призываетъ и даетъ какія-то деньги. Я и не зналъ, какія».

Болѣе теперь не помню ничего объ Алексѣѣ Николаевичѣ. Развѣ то, что я разъ просилъ его попросить Гамалею (товарища мин. госуд. имущ.) объ одномъ чиновникѣ того же министерства Салтыковѣ. Загоскинъ сказалъ, что онъ попроситъ, но за успѣхъ не ручается, потому что и Гамалея или Гамалей знаетъ, что на его рекомендацію нельзя положиться, что онъ радъ просить за всѣхъ, и что разъ одинъ изъ принятыхъ по его просьбѣ уже оказался ужаснымъ подлецомъ, и что поэтому Гамалей его просьбы не оставитъ только безъ вниманія, а другими путями узнаетъ о томъ человѣкѣ, о которомъ просятъ. Такъ и родственники Загоскина не могли ни въ чемъ полагаться на него.

Наружность Загоскина: хорошій ростъ вершковъ 8 или 7, очень сутуловатъ, голова длинная и какъ будто къ верху уже, лицо бѣлое съ румянцемъ, здоровое, но вялое, глаза голубые, бѣлокурые волосы, вьющіеся въ безпорядкѣ, спереди вихоръ вверхъ, бакенбарды рыжеватые; онъ очень часто ходитъ въ старомъ мундирѣ, который сшитъ на него, не принимая въ разсчетъ сутуловатости, и потому мундиръ поднимается на горбъ и виситъ отдѣляясь отъ туловища (незастегнутый).

Меньшой братъ его Иліодоръ Николаевичъ тоже нашъ и тоже разсѣянъ. Этотъ цѣлые года забываетъ писать къ роднымъ; потомъ вспомнитъ, засядетъ и пишетъ до того, что разъ или два забылъ, что обѣдать нужно, и пробылъ безъ обѣда. Этотъ Загоскинъ былъ при постройкѣ бывшаго Виндавскаго канала. Придетъ къ нему товарищъ: «а, здравствуй!» и станетъ задумавшись ходить взадъ и впередъ по комнатѣ молча; подадутъ самоваръ, онъ сдѣлаетъ чай, нальетъ себѣ одинъ стаканъ и кричитъ, чтобы слуга убиралъ; гость, видя это, говоритъ: «послушай, Загоскинъ, да что же ты не хочешь мнѣ дать чаю!» — «Ахъ, виноватъ! Я забылъ, что ты здѣсь». Иліодоръ былъ въ отпуску для принятія своей части наслѣдства. Не имѣя ни о чемъ понятія, онъ вздумалъ всѣхъ стариковъ крестьянъ на волю отпустить. Тѣ пришли, въ ноги кланяются и говорятъ, за что немилость, что они уже не знаютъ, куда идти и дѣться, да и отъ дѣтей не хотѣли бы отлучиться, а Загоскинъ, думая, что они благодарятъ, говоритъ, что не нужно благодарности, что это за ихъ службу, и проч.

Этотъ Загоскинъ больше разсѣянъ былъ отъ задумчивости, съ расхаживаньемъ взадъ и впередъ по комнатѣ, и онъ говорилъ, что онъ точно забываетъ окружающее, но что впрочемъ часто онъ очнется прежде, нежели другіе это замѣтятъ, и продолжаетъ сохранять прежній видъ, слушаетъ что̀ говорятъ и про него особенно. Онъ теперь помощникомъ Крафта, строителя южной половины или дирекціи Петербурго-Московской желѣзной дороги.

Загоскины Рязанскіе или Пензенскіе помѣщики, и вообще надо сказать, что это люди образованные, благородные, прекрасные, умные, и всѣ хорошо учились, со способностями. Когда мы жили, т. е. батюшка мой жилъ, въ 1826 году, въ Измайловскомъ полку, въ 4 ротѣ, въ домѣ Христовской, то хозяйка эта (вдова бывшаго учителя Греческаго языка Великаго Князя Константина Павловича), разсказывала, что старшихъ, кажется, четырехъ, Загоскиныхъ привезли изъ деревни по рекомендаціи къ ея мужу, и что мужъ ея заботился объ опредѣленіи ихъ въ училища;

что всѣ они были уже порядочные недоросли, грязные, немытые, нечесаные, деревенщина, ничего не обѣщали, а вышло наоборотъ.

*

Ѳедоровъ, нынѣшній, кажется, Бессарабскій военный губернаторъ и управляющій за князя Воронцова всѣмъ Новороссійскимъ краемъ, человѣкъ вовсе неизвѣстный, служилъ когда-то въ арміи оберъ-офицеромъ, потомъ былъ квартальнымъ, частнымъ приставомъ, полиціймейстеромъ, комендантомъ, губернаторомъ и т. далѣе. Воронцовъ его вытащилъ. Можетъ быть, нѣкоторыхъ этихъ званій онъ и не проходилъ, но происхожденіе его вообще такое. Онъ женатъ на Катеринѣ Ѳотіевнѣ Митьковой, дочери флотскаго адмирала Ѳотія Константиновича Митькова; а другая ея сестра, Любовь Ѳотіевна, за вице-адмираломъ Станюковичемъ; братъ—флотскій, Константинъ Митьковъ, умеръ, а Александръ въ штатской службѣ.

Когда пріѣзжалъ Гумбольдтъ (Александръ), графъ Канкринъ сказалъ ему, что намѣренъ выписать къ намъ въ Русскую службу какого нибудь хорошаго горнаго инженера изъ Германіи для главныхъ занятій по Монетному двору въ Петербургѣ, человѣка, знающаго хорошо и практически химическія производства. «Помилуйте, графъ, отвѣчалъ Гумбольдтъ, что̀ вы хотите дѣлать! Да гдѣ же искать хорошихъ горныхъ инженеровъ какъ не въ Россіи, гдѣ имъ практика такая огромная? Притомъ у васъ есть инженеръ, который теперь, можетъ быть, одинъ изъ первыхъ въ Европѣ»—«Кто же это?»—«Полковникъ Соболевскій». И Канкринъ по этой рекомендаціи обратилъ вниманіе на Соболевскаго. Соболевскій этотъ дѣйствительно ученый и практическій человѣкъ. Онъ имѣлъ состояніе, потерялъ его на проектахъ и между прочимъ на проектѣ освѣщенія Петербурга газомъ или, кажется, какимъ-то искусственнымъ солнцемъ. Это было въ 1811 году; правительство согласилось, но съ тѣмъ, чтобы онъ устроилъ на свой счетъ, и обѣщало послѣ ему возвратить; но политическія и военныя дѣла 1812, 13, 14, 15 годовъ сдѣлали то, что Соболевскій свое состояніе потерялъ на опытахъ, а правительство послѣ, не видя счастливаго результата, бросило Соболевскаго. Онъ жилъ въ бѣдности однимъ жалованьемъ, съ большимъ семействомъ. Отзывъ Гумбольдта Канкрину поднялъ его на ноги. Онъ открылъ какое-то производство платины, или что-то подобное, способъ, до него неизвѣстный, и способъ этотъ принятъ былъ на Монетномъ дворѣ съ тѣмъ, что сколько-то процентовъ отъ выгоды отдавалось Соболевскому; кромѣ того, жалованье онъ получалъ уже значительно больше, и Канкринъ никогда ему не отказывалъ въ порядочныхъ сум-

махъ, то на свадьбу дочери, то въ другихъ случаяхъ. Соболевскій зажилъ богато. Дача на Петровскомъ острову (онъ взялъ, кажется, на 50 лѣтъ мѣсто на аренду у Вольнаго Экономическаго Общества, возвысилъ мѣсто насыпью, развелъ садъ, построилъ домъ, оранжереи и пр.; все это стоило нѣсколько десятковъ тысячъ ассигнаціями). Но вдругъ среди богатства Соболевскій скоропостижно умеръ. Не задолго до смерти онъ застраховалъ себя. Говорятъ, что Соболевскій отравился, потому что по Монетному двору оказались какіе-то недостатки суммъ и проч. Все это похоже на правду, но, кажется, толки о недостаткахъ по Монетному двору преувеличены. Соболевскій не былъ шарлатанъ, онъ дѣйствительно ученый, но вмѣстѣ съ тѣмъ прожектеръ; украсть— онъ, кажется, этого не сдѣлалъ бы, но замотался въ счетахъ и своихъ расходахъ; особливо, какъ имѣлъ прежде состояніе, потерялъ его, терпѣлъ нужду, то, получивъ возможность жить богато, пустился безсознательно въ роскошь и прихоти умнаго и ученаго человѣка. Но прихоти и роскошь, ученыя и умныя, одинаково съ глупыми, видно разоряютъ человѣка. Жаль этого человѣка. Одинъ сынъ его флотскій офицеръ, утонулъ, катаясь въ яликѣ по рукавамъ Невы. Другой сынъ теперь нашъ полковникъ, инспекторъ классовъ въ нашемъ институтѣ, прекрасный человѣкъ, занимался всегда геологіей и геогнозіей. Третій сынъ оберъ-офицеръ, артиллеристъ гвардейскій, женатъ на Елисаветѣ Ивановнѣ Берниковой (дочери бывшаго, кажется, вице-губернатора Тифлисскаго и Авдотьи Захаровны, урожденной Балкъ, родной братъ которой, нынѣ вице-адмиралъ, Захаръ Захаровичъ Балкъ, женатъ на двоюродной сестрѣ моей и родной сестрѣ жены моей, Надеждѣ Васильевнѣ, урожденной Нордштейнъ). Участи дочерей Соболевскаго не знаю.

*

1827. С.-Пб.

Есть ли совѣсть нечиста,
Не любопытствуй, не читай.

Александръ Павловичъ, живши въ Таганрогѣ, имѣлъ какое-то тайное для всѣхъ желаніе непремѣнно въ такое-то время быть въ Тавридѣ у генералъ-губернатора, графа Воронцова. Онъ былъ у него, вопреки всѣмъ просьбамъ императрицы Елисаветы и, говорятъ, спросилъ у Воронцова конституцію, которая у него приготовлена была для Россійскаго правленія. Воронцовъ послѣ долгаго сопротивленія повиновался. Государь, прочитавъ ее, сказалъ: «Нѣтъ! Это еще слишкомъ рано для моего народа.»

*

Послѣ сраженія при Люценѣ, которое было потеряно Русскими по той причинѣ, что артиллерія худо дѣйствовала подъ начальствомъ Ер-

молова, Государь императоръ Александръ Павловичъ призываетъ сего послѣдняго и спрашиваетъ причину его недѣятельности. Ермоловъ отозвался недостаткомъ лошадей. «Орудія, говоритъ онъ, ваше величество, были безъ дѣйствія».—«Вы бы требовали отъ начальствующаго кавалеріею, графа Аракчеева».—«Я, ваше величество, нѣсколько разъ относился къ нему, но отвѣта никогда не было». Государь призываетъ Аракчеева, который и наговорилъ ему о Ермоловѣ, спрашиваетъ, зачѣмъ онъ не доставлялъ для артиллеріи лошадей; Аракчеевъ извиняется также недостаткомъ въ нихъ. Тогда Ермоловъ обращается къ Государю и говоритъ: «Вотъ видите ли, ваше величество, что репутація честнаго человѣка зависитъ иногда отъ скотины».

*

Одинъ чиновникъ посредственнаго состоянія далъ взаймы какому-то дѣйствительному статскому совѣтнику восемь тысячъ рублей. Срокъ приходитъ, а онъ не получаетъ ни капитала, ни процентовъ, почему и подаетъ, по прошествіи нѣкотораго времени послѣ срока, прошеніе въ судъ, но отвѣта не получаетъ, подаетъ во второй и третій разъ, все никакого отзыва нѣтъ. Такимъ образомъ прошло восемь или болѣе лѣтъ. Чиновникъ пришелъ въ такое крайнее состояніе, что ужъ чуть не по міру ходить ему оставалось. Безъ малаго черезъ годъ по восшествіи императора Николая на престолъ, онъ рѣшается упасть къ стопамъ сего монарха и просить заступленія. Въ Царскомъ Селѣ во время развода, гдѣ присутствовалъ и самъ Государь, онъ очень часто высовывался изъ толпы, но всегда вмѣстѣ съ народомъ былъ осаждаемъ полицейскими. Государь примѣтилъ это и по окончаніи развода призываетъ его къ себѣ и спрашиваетъ его, не имѣетъ ли онъ какой нужды. «Такъ, Государь, отвѣчаетъ чиновникъ, я молю тебя, прикажи возвратить мнѣ мою собственность», и разсказываетъ весь ходъ дѣла. Императоръ его спрашиваетъ, точно ли это правда. «Могу ли я, Государь, тебя обманывать, я въ твоей власти». Монархъ, подумавъ немного, велитъ ему написать довѣренность на имя Николая Павловича Романова и обѣщается ему выдать деньги, когда онъ принесетъ сію довѣренность и счетъ долга, т. е. капитала, процентовъ на капиталъ, процентовъ на проценты, взыска, камбій, рекамбій и т. п. Бѣдный человѣкъ сперва въ нерѣшимости, но опомнившись идетъ домой; дома написалъ довѣренность и счетъ по то число, на которое написана довѣренность, носилъ ко всѣмъ маклерамъ, но никто не хочетъ вписать въ книгу; является опять къ Государю и докладываетъ ему, что не прописываютъ довѣренность. Государь усмѣхнувшись говоритъ: «Я думаю!» Потомъ отдаетъ ее дежурному флигель-адъютанту и приказываетъ ему прописать

ее у какого нибудь маклера, а между прочимъ, по принесенному чиновникомъ счету, велѣлъ выдать изъ собственныхъ денегъ сему послѣднему, что̀ сей и получилъ. На другой или на третій день Государь подаетъ прошеніе въ судъ, такъ: «по данной мнѣ довѣренности отъ такого-то я нижеподписавшій, Николай Павловъ сынъ Романовъ, прошу взыскать съ такого-то такую-то сумму, должную имъ такому-то», и т. д. Въ судѣ всѣ перепугались и на другой же день взыскали и представили Государю. «Какъ, говоритъ Государь, я получилъ на другой же день, а бѣдный чиновникъ не могъ получить въ цѣлыя восемь лѣтъ!» И всѣ чиновники того суда были сами отданы подъ судъ (въ 1826 г.).

Однажды въ два часа ночи сей Государь пріѣзжаетъ на одну гауптвахту, не велитъ часовому давать знать о себѣ и не дѣлать никакого шума, входитъ въ караульную и находитъ все въ наилучшемъ порядкѣ, и здѣсь солдатамъ также не велѣлъ шевелиться; потомъ вошелъ въ офицерскую комнату и нашелъ, что офицеръ въ полной формѣ сидя вздремалъ; подходитъ къ столу и видитъ бумажку, на которой счетъ долга офицера портному, сапожнику, кондитеру, дѣвицамъ и тому подобное, и наконецъ въ заключеніе написано: «чортъ возьми,—2400 рубл. долгу!» Государь вымаралъ первыя два слова «чортъ возьми», а къ послѣднимъ прибавилъ: «заплачены», тутъ же написалъ выдать столько-то рублей изъ Кабинета и подписалъ. Когда онъ уже уѣхалъ, офицера разбудили; сей ужасно какъ перепугался, но безпокойство его прошло, когда онъ прочелъ записку. (Сей офицеръ, говорятъ, былъ Семеновскаго полка. Случилось въ 1826 году).

*

Александръ Васильевичъ Лутохинъ сосланъ въ городъ Лодейное Поле, въ 12-ти верстахъ отъ его деревни лежащій, около 1814-го года, за то что, выпивши лишнее, онъ вздумалъ выпить еще за здоровье Наполеона, и гдѣ же! Въ домикѣ бывшемъ на Адмиралтейскомъ бульварѣ; по выходѣ откуда, онъ сей же часъ и былъ взятъ.

Этотъ чудакъ поссорился съ своею матерью, которая жила близъ города въ деревнѣ, но имѣла свой домъ въ семъ городѣ, куда и приставала по случаю пріѣзда. Акулина Аѳанасьевна, такъ ее звали, всегда ѣздила съ большими собаками. Сынокъ ея имѣлъ обыкновеніе всякій день ходить по городу, большею частію безъ подтяжекъ, чтобъ было полегче, въ какую бы то ни было погоду, и обыкновенно останавливался у нашего огорода, чтобы посмотрѣть на гряды съ лукомъ. Ежели мой папенька или маменька случались въ огородѣ, то онъ снимаетъ

обѣими руками свою шляпу и привѣтствуетъ плавно: «Петру Николаевичу, или Александрѣ Егоровнѣ, мое всенижайшее почтеніе». И засимъ всегда почти слѣдовало приглашеніе въ огородъ, покушать лучку, горошку, бобовъ и т. п. Тутъ же кстати иногда спросятъ у него: «что̀, Александръ Васильевичъ, матушка ваша здѣсь?»—«Право не знаю, отвѣчалъ онъ всегда или почти всегда: собаки ея здѣсь, такъ видно и она здѣсь».

Изъ молодыхъ офицеровъ морскихъ, бывшихъ тамъ подъ вѣдомствомъ папеньки, часто кто нибудь скажетъ: «Что это, Александръ Васильевичъ, васъ ни у кого не видно? Даже и Петръ Николаевичъ говоритъ, что давно васъ не видѣлъ». А чудакъ нашъ отвѣчаетъ: «вѣдь у нихъ надобно все церемоніи, и одѣться, и то, и другое, да и подтяжки надобно надѣвать,—все тяжело!»

Какъ-то о праздникахъ Рождества Христова его встрѣтили кавалеры вечеромъ навеселѣ, и ну его упрашивать, чтобы онъ сдѣлалъ вечеринку, и хотя съ трудомъ, однако уговорили. И на этой вечеринкѣ было нѣсколько дамъ. Хозяинъ не успѣлъ—и позабылъ или оставилъ за печкой развѣшанное бѣлье, какъ-то: чулки, подштанники...

*

Павелъ I былъ установителемъ того, чтобы на гауптвахтахъ кричали: «вонъ» для проѣзжающихъ генераловъ. На другой день послѣ сего приказа онъ приказываетъ Суворову явиться во дворецъ. Суворовъ только что входитъ во дворецъ, на гауптвахтѣ кричатъ «вонъ!» Суворовъ благимъ матомъ изъ дворца вонъ бѣжитъ. Черезъ четверть часа возвращается назадъ и опять ворочается по крику вонъ! Тоже и въ третій разъ. Наконецъ ужъ разсердился и уѣхалъ совсѣмъ домой, не явившись къ Государю, за что и получилъ выговоръ, хотя и извинялся тѣмъ, что солдаты гнали его вонъ, и что онъ думалъ, что это по повелѣнію Государя.

*

Подлинно надобно удивляться рѣшеніямъ разныхъ дѣлъ, которыя дѣлалъ Государь нашъ, Николай Павловичъ. Вотъ одно изъ сихъ рѣшеній. Не помню, чрезъ Ригу или Ревель, или кажется на станціи между сими городами, одинъ генералъ, ѣхавшій по собственной надобности, съѣхался съ однимъ мичманомъ, посланнымъ правительствомъ. Сей послѣдній, пріѣхавъ прежде, взялъ послѣднихъ лошадей, и потому генералъ долженъ былъ дожидаться. Онъ проситъ мичмана уступить ему лошадей, но тотъ объявляетъ, что ѣдетъ по казенной надоб-

ности и потому не можетъ этого сдѣлать. Генералъ опять ему началъ говорить объ этомъ, по видя упорство мичмана, онъ даже началъ изъяснять свое негодованіе и презрѣніе. Тогда мичманъ разгорячился, генералъ еще болѣе; ибо мичманъ позволилъ себѣ сказать нѣсколько обидныхъ словъ. Генералъ велѣлъ лошадей перепрячь къ себѣ въ экипажъ и далъ мичману пощечину со словами: «чтò смотрѣть на этакаго молокососа мичмана!» Мичманъ вздохнулъ, вынулъ пистолетъ и, выстрѣливъ по генералу, сказавъ: «вотъ тебѣ мичманъ, если не зналъ ихъ!» Генералъ падаетъ на полъ безъ чувствъ, и возвратить его къ жизни было невозможно.

Государь, когда представили ему дѣло, только велѣлъ узнать, имѣлъ ли мичманъ пистолетъ при себѣ или нѣтъ. Ему доложили, что пистолетъ былъ при немъ, и Государь велѣлъ его посадить на два года въ монастырь на покаяніе въ виду того, что пистолетъ попался ему въ руки въ самую минуту его запальчивости, и что тогда человѣкъ не можетъ за себя отвѣчать.

*

Надпись на статуѣ Суворова передъ Троицкимъ мостомъ: Ко всѣмъ Александровскимъ парадамъ Суворовъ стоитъ задомъ *).

(Извлечено изъ Сборника П. И. Щукина).

Нордштейнъ въ разное время заносилъ въ тетради свои и личныя воспоминанія, и городскіе слухи, которые могли оказываться потомъ невѣрными, по пословицѣ: мірская молва—морская волна. П. Б.

---

*) Надпись эта была ночью приклеена къ статуѣ, когда сія послѣдняя была перенесена съ Царицына луга на Суворовскую площадь. Мостъ былъ прежде противъ Лѣтняго Сада, а противъ монумента Суворова перенесенъ уже гораздо послѣ.

ИЗЪ ПАМЯТНОЙ КНИЖКИ КОННОГВАРДЕЙЦА.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ КОННОЙ ГВАРДІИ.

7-го Марта 1721-го года императоръ Петръ Великій издалъ указъ: «Домовую роту генералъ-фельдмаршала графа Шереметева, лейбъ-шквадронъ генералъ-фельдмаршала свѣтлѣйшаго князя Меньщикова и шквадронъ С.-Петербургской губерніи свести въ одинъ полкъ и назвать его «Кроншлотскимъ драгунскимъ полкомъ».

4-го Декабря 1725-го года императрица Екатерина I высочайше повелѣла: «Кроншлотскій драгунскій полкъ переименовать въ Лейбъ-Регименть, при чемъ всѣхъ рядовыхъ набрать изъ дворянъ».

31-го Декабря 1730-го года императрица Анна Іоанновна собственноручно написала: «Бывшій Лейбъ-Регименть назвать Конная Гвардія, а въ рангѣ быть противъ гвардіи; а быть въ полку унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ тысячу человѣкъ».

Въ описи именнымъ высочайшимъ указомъ л.-гв. конному полку (составленной въ Апрѣлѣ 1752-го года) первымъ номеромъ значится эта записка. (Полковой архивъ, папка № 1014).

КЪ 150 ЛѢТНЕМУ ЮБИЛЕЮ КОННОЙ ГВАРДІИ.

Въ Конной Гвардіи съ 31-го Декабря 1730-го года по 31-е Декабря 1880-го года было:

Полковниковъ и шефовъ 12.

Подполковниковъ и полковыхъ командировъ 41.

Убитыхъ офицеровъ 11.

Кавалеровъ ордена Св. Георгія 1-й степени 4, 2-й степени 2, 4-й степени 26.

Кавалеровъ знака отличія Военнаго Ордена 378.

№№ первыхъ крестовъ 13 183 за Отечественную войну; кавалергардскій полкъ получилъ за тоже время 12 крестовъ.

О ЛИТАВРАХЪ ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ КОННАГО ПОЛКА.

Литавры, находящіяся нынѣ въ Конной Гвардіи, принадлежали первоначально Шведскому Лейбъ-Регименту. 8-го Іюля 1709-го года, въ битвѣ подъ Полтавой, они у него отбиты Русскими войсками, и Петромъ Великимъ пожалованы прадѣду л.-гв. Коннаго полка, лейбъ-шквадрону Меньшикова за особое его отличіе во время боя.

При переформированіи Кронштадскаго драгунскаго полка въ Лейбъ-Региментъ, литавры эти сданы въ арсеналъ и въ замѣнъ ихъ куплены въ Берлинѣ новыя. Въ 1827-мъ году, 4-го Іюня, императоръ Николай I повелѣлъ особымъ приказомъ возвратить л.-гв. Конному полку прежнія литавры для употребленія.

Упоминаемыя литавры серебреныя. На нихъ вырѣзана Латинская надпись, въ которую, по всей вѣроятности по невѣдѣнію рѣщика, вкралась грамматическая, довольно грубая, ошибка; въ переводѣ на Русскій языкъ надпись означаетъ слѣдующее: «За славную побѣду великаго короля Шведскаго Карла XII надъ Поляками, Саксонцами, Валахами и другими чужеземными народами, подъ Ключевымъ, въ Польшѣ, 1702-го года».

ТРЕВОГА ВО ВРЕМЯ ЛАГЕРЯ 1876-ГО ГОДА.

Государь, не помню откуда, возвращался ночью въ Красное Село, и ему случилось проѣхать невдалекѣ отъ столовой Конной Гвардіи, въ которой праздновался весьма торжественно день имянинъ командира полка, барона Владимира Борисовича Фредерикса. Столовая была расцвѣчена разноцвѣтными шкаликами; въ саду, прилегавшемъ къ ней, было свѣтло какъ днемъ, на площадкѣ гремѣлъ хоръ трубачей, а хоръ пѣсенниковъ то и дѣло валялъ пѣсню за пѣсней; среди насъ г.г. офицеровъ, шло разливанное море. Государь подъѣхалъ къ дежурному трубачу и велѣлъ играть тревогу. Конная Гвардія выѣхала первой на военное поле. Государь подъѣхалъ къ фронту и сказалъ: «и тутъ я узнаю мою старуху».

О РАСПОЛОЖЕНІИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II КЪ КОННОЙ ГВАРДІИ.

Покойный императоръ очень любилъ л.-гв. Конный полкъ. Онъ всегда называлъ его «Конная Гвардія», «мой старый полкъ», «мои преданные конно-гвардейцы», а иногда и просто «моя старуха». Въ особенности его расположеніе выказалось во время парада въ Михайловскомъ манежѣ, зимою 1879-го года. Въ этомъ году осенняго парада не было, и полки по очереди представлялись Государю въ манежѣ Михайловскаго зáмка. Дошла очередь и до Конной Гвардіи.

Парадъ этотъ былъ дѣйствительно великолѣпенъ; это было что-то необычайное, величественное. Не только нельзя было придраться къ чему нибудь, но полкъ явился просто выше всякой похвалы: аллюры, сѣдловка, посадка, офицерскія лошади, аммуниція, пригонка, обмундировка, равненіе, все это стояло на недосягаемой высотѣ. Конная Гвардія своимъ парадомъ убила всѣ предшествовавшіе и послѣдовавшіе смотры кавалерійскихъ полковъ, не исключая кавалергардовъ, выше которыхъ въ мое время она всегда стояла въ строевомъ отношеніи.

Государь былъ въ восхищеніи. Онъ неоднократно хвалилъ полкъ и во время смотра, и послѣ него. Но вотъ все кончено. Государю подаютъ зимнюю шинель и фуражку, онъ направляется къ выходу и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ дверямъ манежа. Но не выдерживаетъ его сердце: быстро оборачивается Государь назадъ, идетъ въ шинели и фуражкѣ назадъ къ полку и громко говоритъ: «еще разъ спасибо, моя старуха!» Не отвѣтъ, а цѣлый ревъ полка покрылъ его слова. И среди этого могучаго крика Государь приложилъ руку къ козырьку, медленно повернулся и съ своей величественной осанкой скрылся въ стѣнахъ манежа.

Не одинъ разъ мы, конногвардейцы, вспоминали объ этомъ случаѣ.

1-ое марта 1881-го года.

Страшное и тяжелое время описываю я, но описываю не все время, а только то, чему я самъ былъ свидѣтель и что̀ слышалъ отъ самихъ очевидцевъ.

Въ Воскресенье, 1-го Марта 1881-го года, въ первое Воскресенье Великаго поста, по обыкновенію, въ манежѣ Инженернаго замка происходитъ разводъ съ церемоніею. Разводъ былъ назначенъ отъ л.-гв. sапернаго батальона; кромѣ него участвовали въ разводѣ военныя училища и внутренній караулъ отъ тяжелой кавалеріи, и подъѣзжали конные ординарцы.

Я служилъ въ то время въ л.-гв. Конномъ полку корнетомъ. Отъ нашего полка на ординарцы подъѣзжалъ великій князь Дмитрій Константиновичъ.

Гр. Лорисъ-Меликовъ уговаривалъ Государя не ѣздить на разводъ, докладывая, что есть указанія на то, что готовится новое покушеніе; но Государь непремѣнно пожелалъ ѣхать на разво̀дъ, и одной изъ причинъ этого желанія было то, что Великій Князь Дмитрій Константиновичъ подъѣзжалъ на ординарцы *).

*) О томъ, что гр. Лор.-Меликовъ просилъ Государя не ѣздить на разводъ, сообщилъ мнѣ кн. Ал. Иракл. Багратіонъ-Мухранскій, родной племянникъ графа, слышавшій объ этомъ отъ самого гр. Лорисъ-Меликова.

Я присутствовалъ на этомъ разводѣ и въ послѣднiй разъ видѣлъ черты столь любимаго и столь великаго Государя. Онъ былъ въ мундирѣ сапернаго батальона, былъ очень веселъ и много говорилъ съ окружающей его свитой. Впослѣдствiи говорили, что лицо его имѣло будто бы земляной оттѣнокъ, предвѣщавшiй его близкую кончину, но я ничего такого не замѣтилъ.

По окончанiи развода я вышелъ изъ манежа однимъ изъ первыхъ, такъ что, садясь въ мои сани, я видѣлъ отъѣзжавшаго вдали Государя. Я очень спѣшилъ и не обратилъ вниманiя, куда онъ поѣхалъ; но мнѣ показалось, что онъ повернулъ на Малую Садовую, хотя вышло, что онъ проѣхалъ во дворецъ вел. княгини Екатерины Михайловны. Я велѣлъ кучеру ѣхать на Б. Морскую, куда мнѣ надо было заѣхать къ фотографу Баллингеру за карточками, и повернулъ на М. Садовую. Хорошъ бы я былъ, если бы Государь поѣхалъ дѣйствительно по М. Садовой!

Я пробылъ недолго у Баллингера и поспѣшилъ домой, гдѣ у насъ собралось нѣсколько человѣкъ по случаю дня имянинъ моей сестры. Во время пребыванiя моего у Баллингера и по дорогѣ я не слышалъ никакого звука взрыва, но помню, что на возвратномъ пути я видѣлъ народъ, бѣжавшiй отъ Невскаго проспекта по Екатерининскому каналу, по направленiю ко дворцу великой княгини Екатер. Михайловны. Тогда я не обратилъ на это никакого вниманiя.

Прiѣхавъ домой, я не велѣлъ откладывать лошадей, взошелъ на квартиру, переодѣлся въ сюртукъ и вышелъ въ столовую, гдѣ сидѣли моя семья и гости. Входитъ Ольга Ивановна Мосолова и разсказываетъ, что ей извощикъ говорилъ о покушенiи на жизнь Государя. Я говорю на это, что этого не можетъ быть, такъ какъ я только что видѣлъ Государя Въ то время какъ мы были въ нерѣшительности вѣрить или не вѣрить, входитъ знакомый Ник. Вас. Моисеенко-Великiй и разсказываетъ, что Государя ранили. Я не выдержалъ и рѣшилъ ѣхать тотчасъ же во дворецъ. Ольга Ивановна въ перепугѣ и въ слезахъ попросила меня довезти ее до дома, а такъ какъ мнѣ было по дорогѣ, то я сейчасъ же согласился на это, прося только поспѣшить. Какъ только я выѣхалъ изъ дома, я встрѣтилъ моего рейткнехта съ запиской изъ канцелярiи полка, въ которой приказывалось немедленно ѣхать въ полкъ. Я тутъ же понялъ, что все кончено, и ужасъ наполнилъ мою душу. Тѣмъ не менѣе я рѣшилъ довезти Ольгу Ивановну до дому и потомъ ѣхать въ полкъ. У Спаса Преображенiя мнѣ встрѣтился прапорщикъ гвардейской Конной артиллерiи Борисъ Николаевичъ Козляниновъ *), гнавшiй во

*) Рано погибшiй потомъ юноша.

весь опоръ и кричавшій мнѣ на ходу; «il est mort, il est mort *). Слезы невольно брызнули изъ глазъ моихъ; я снялъ фуражку и перекрестился.

Отвезши Ольгу Ивановну и захвативъ изъ дому револьверъ, палашъ и каску, я поскакалъ въ полкъ, гдѣ засталъ почти всѣхъ офицеровъ въ сборѣ. Лошади въ эскадронахъ были засѣдланы и замундштучены, людямъ розданы боевые патроны. Всѣ почему-то ожидали какого-то возмущенія и безпорядковъ; всѣ потеряли голову и положительно не хотѣли вѣрить смерти Государя, несмотря на то, что многіе видѣли нашего солдата Проскудина, несшаго съ другими отъ мѣста преступленія до саней смертельно раненаго Государя; и рукавъ шинели Проскудина былъ выпачканъ въ крови этого дорогого мученика. Шинель эта хранится въ полку.

Мы ожидали приказа выступать, но его не послѣдовало. Да и куда выступать? Зимній дворецъ безъ того былъ весь оцѣпленъ казаками, батальонъ Преображенцевъ стоялъ во дворѣ его.

Всѣ офицеры отправились въ клубъ, гдѣ велѣно было всѣмъ оставаться впредъ до особаго приказанія. Командиръ полка баронъ В. Б. Фредериксъ опасался, чтобы на умы солдатъ не подѣйствовало убіеніе Государя; одинъ изъ офицеровъ сидѣлъ постоянно въ эскадронѣ; мы сидѣли по очереди, по два часа. Солдаты отнеслись ко всему довольно хладнокровно: они интересовались подробностями, сулили всякую пакость виновникамъ, но неповиновенія никакого не оказывали и въ десять часовъ всѣ уже храпѣли за исключеніемъ дежурныхъ и дневальныхъ.

Не то было съ офицерами: мы не спали всю ночь, все время говорили о страшномъ событіи, объ этомъ мерзкомъ, подломъ убійствѣ, о прошлой жизни Царя и о томъ, что̀ ожидаетъ насъ впереди. Никогда я не забуду блѣднаго лица поручика Глинки-Маврина, черезъ нѣсколько часовъ не могшаго опомниться отъ страшнаго вида пронесеннаго мимо него умирающаго Государя въ то время, какъ Глинка стоялъ во внутреннемъ караулѣ. Когда Глинка разсказывалъ это, у него выступалъ потъ у корня волосъ, и всѣмъ намъ становилось жутко. Страшную и печальную ночь мы провели.

На другой день утромъ мы всѣмъ полкомъ присягали у себя въ большомъ манежѣ. Штандартъ изъ дворца привезъ со взводомъ поручикъ Тиздель. Мы всѣ были въ парадной формѣ, безъ траура. Полкъ вытянулся вдоль стѣнъ манежа, Тиздель съ коннымъ взводомъ стоялъ у стѣны, выходящей на Исаакіевскую площадь. Мы всѣ подняли пра-

---

*) Онъ умеръ, онъ умеръ.

вую руку со сложенными для креста пальцами, повторили за священникомъ слова присяги и приложились къ кресту и евангелію.

Къ 12 часамъ мы съѣхались въ Зимній дворецъ. Нашъ полкъ стоялъ на свомъ всегдашнемъ мѣстѣ, у портрета императора Николая, изображеннаго на немъ въ формѣ Конной Гвардіи. Поневолѣ мы, конногвардейцы, вспомнили о томъ, какъ Николай I и Александръ II любили нашъ полкъ, и у всѣхъ пронесся вопросъ: а что новый государь также ли полюбитъ Конную Гвардію, или другой какой нибудь полкъ займетъ наше мѣсто въ его расположеніи къ намъ?—«Да, какъ бы отозвался на общую мысль штабсъ-ротмистръ Каменевъ 1: вотъ видишь, тутъ императоръ въ формѣ Коннаго полка!» «А наша пѣснь кажется ужъ спѣта!» добавилъ онъ немного спустя.—«Какъ такъ?» спросилъ кто-то.—«А вотъ увидишь, что кавалергарды возмутъ верхъ!»

И правдивы были эти слова. Послѣ двухъ царствованій конногвардейцы уступали опять мѣсто кавалергардамъ, которыхъ сдѣлалъ Павелъ I, и которымъ тотъ же Павелъ I отдалъ мѣсто, всегда до него принадлежавшее конногвардейцамъ.

Когда вошелъ въ нашъ залъ Государь, то всѣ были поражены его горестью и убитымъ видомъ.

«Господа, сказалъ онъ, остановившись какъ разъ около насъ, благодарю васъ за службу моему покойному отцу; надѣюсь, что вы не оставите меня въ эту тяжелую для меня минуту и будете также служить мнѣ и моему сыну; а когда меня не будетъ»... Онъ не могъ продолжать и зарыдалъ.

Съ секунду было гробовое молчаніе, и вдругъ единодушное громовое ура раздалось по всему залу; другимъ звукомъ мы не могли выразить ему всю смѣсь чувствъ, волновавшихъ насъ въ ту минуту: тутъ было и полное сердечное сочувствіе его горю, и наше собственное горе о потерѣ отца и царя, и безпредѣльная преданность ему, цесаревичу и престолу; и какихъ чувствъ тутъ не было! И все выразилось, все вылилось и вырвалось въ одномъ могучемъ Россійскомъ крикѣ ура! Я видѣлъ многихъ заслуженныхъ генераловъ и боевыхъ офицеровъ, у которыхъ слезы градомъ катились по щекамъ.

Да, при великомъ событіи мы присутствовали: мы видѣли закатъ великаго и славнаго царствованія, великаго не въ однѣхъ Россійскихъ лѣтописяхъ, но стяжавшаго себѣ величіе и славу на скрижаляхъ всемірной исторіи. Миръ праху твоему, великій Царь-Освободитель и Мученикъ!

Возвратясь изъ дворца, мы надѣли полный трауръ. Съ 1879 года, когда я былъ произведенъ въ офицеры, это былъ уже второй трауръ, надѣваемый мною.

*

Во время пребыванія въ Пажескомъ корпусѣ насъ было семь человѣкъ, очень дружныхъ между собою. Это были В. П. Б—въ, Б. Н. Козляниновъ, М. К. фонъ Кауфманъ, кн. Н. Д. Оболенскій, П. Ѳ. Устряловъ, В. Г. Молоствовъ и кн. Л. А. Шаховской. Эти семь человѣкъ были своего рода гроза для начальства, и кутежи ихъ и подвиги одно время были не безъизвѣстны Петербургу. Чѣмъ же они кончили?

В. П. Б—въ спился и умеръ въ чахоткѣ 26 лѣтъ.

Б. Н. Козляниновъ застрѣлился 25 лѣтъ.

М. К. ф. Кауфманъ пожалованъ во флиг.-адъютанты им››пер. Александромъ III, выправился и служитъ хорошо.

Кн. Н. Д. Оболенскій бросилъ кутить и служитъ довольно счастливо въ Конной Гвардіи.

П. Ѳ. Устряловъ разстроилъ свое здоровье и вышелъ въ отставку.

В. Г. Молоствовъ разстроилъ свое состояніе и перешелъ въ Болгарію.

Л. А. Шаховской раньше всѣхъ остепенился и женился.

У меня цѣла бутылочка-брелокъ нашей компаніи семи.

ПИСЬМА Н. И. ГНѢДИЧА КЪ В. В. ИЗМАИЛОВУ.

1.

С-Петербургъ, 10 Октября 1822.

Милостивый государь Владимиръ Васильевичъ!

Не вмѣняю себѣ въ трудъ ни издавать, ни разсылать произведенія моихъ пріятелей по душѣ и общихъ по таланту, а и того болѣе для читателя, какъ вы. Съ сею почтою желаемыя книги вамъ будутъ отправлены. Душевно радуюсь, что любезное письмо ваше подаетъ и мнѣ случай изъявить вамъ, милостивый государь, мое искреннее уваженіе. Питать его къ литературнымъ трудамъ вашимъ и свойствамъ души, въ нихъ начертанной, привыкъ я изъ дѣтства и, сохраняя оное навсегда, имѣю честь быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Н. Гнѣдичъ.

2.

С.-Петербургъ, 5 Іюля 1826.

Милостивый государь Владимиръ Васильевичъ!

Болѣзнь отвлекла меня отъ пріятнаго долга немедленно отвѣчать на письмо, какимъ вы почтили меня. Приглашеніе ваше о сообщеніи въ Альманахъ вами приготовляемый, исполненное столь благосклонныхъ выраженій, не можетъ быть нелестно тому, кто съ молодыхъ лѣтъ привыкъ питать уваженіе къ дарованіямъ вашимъ и лично къ вамъ, какъ писателю отличному и почтенному во всѣхъ отношеніяхъ. Поэтому я не только не страшусь отъ васъ оскорбленія авторской гордости, но напротивъ, простодушная Муза моя могла бы гордиться мнѣніемъ о ней литератора, какъ вы образованнаго, если бы я не зналъ, что оно выражено болѣе по благосклонности вашей, нежели по моимъ заслугамъ. Вмѣню себѣ въ честь, если и мое слабое произведеніе будетъ въ числѣ произведеній, избранныхъ опытностью писателя извѣстнаго, котораго всѣ труды ознаменованы разборчивостью и вкусомъ. Общее уваженіе къ вамъ порука за успѣхъ Альманаха; сомнѣніе объ достоинствѣ его не можетъ имѣть мѣста при имени вашемъ. Будучи однако давно боленъ и не имѣя изъ собственныхъ стихотвореній ничего готоваго, едва ли я найду чѣмъ-либо доказать, сколько дорожу благосклоннымъ приглашеніемъ вашимъ, кромѣ развѣ, если бъ зналъ, что̀ будетъ вамъ угодно, отрывкомъ изъ Иліады, хотя чувствую самъ, что и предметъ сей поэмы, и форма стиховъ, вообще тяжеловаты для Альманаховъ. Какъ бы то ни

было, въ Сентябрѣ чѣмъ богатъ тѣмъ буду и радъ служить вамъ. Между тѣмъ пользуюсь случаемъ, чтобы поручить себя благосклонности вашей и свидѣтельствовать отличное мое къ вамъ уваженіе, съ которымъ имѣю честь быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою. Николай Гнѣдичъ.

3.

С.-Петербургъ, 15 Октября 1826.

Милостивый государь Владимиръ Васильевичъ!

Таже причина медленности моей и тѣмъ же ласкаюсь снисхожденіемъ. Болѣзнь, подаренная мнѣ горами Черкесскими, но извѣстная подъ названіемъ Греческимъ, катарръ, сурова и строптива, какъ и сыны горъ: не уступаетъ Латинскимъ оружіямъ. Такимъ образомъ, ожидая визитъ общей посѣтительницы смертныхъ, которой передовые ко мнѣ уже являются, я хлопоталъ нынѣшнее лѣто, чтобы дамѣ не дать изъѣхать меня въ неглижѣ: устраивалъ мои дѣлишки, въ томъ числѣ и Иліаду, которую, слава Богу, и кончилъ. Вотъ почему такъ поздно исполняю желаніе ваше, имѣя честь препроводить при семъ лоскутъ Иліады вымытый рукою больною. Радъ былъ бы и другимъ чѣмъ служить вамъ но хворба отняла способы. Если прилагаемому отрывку вамъ угодно будетъ дать мѣсто въ Альманахѣ, я просилъ-бы покорнѣйше, въ разсужденіи распорядки типографской, избрать отрывокъ Иліады, напечатанной въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1826 годъ, барономъ Дельвигомъ собранныхъ. За пріятныя желанія ваши, сопровождаемыя выраженіями столько мнѣ лестными, приношу покорнѣйшую благодарность. Примите взаимное желаніе всѣхъ вамъ благъ и свидѣтельство отличнаго душевнаго почитанія, съ которымъ честь имѣю быть, милостивый государь вашимъ покорнѣйшимъ слугою. Н. Гнѣдичъ.

4.

С.-Петербургъ. Апрѣля 21. 1827.

Милостивый государь Владимиръ Васильевичъ!

Съ чувствомъ живѣйшей благодарности пріемлю прекрасный вашъ подарокъ; онъ доставилъ мнѣ двоякое наслажденіе и вашею пріязнію, мнѣ лестною, и вашимъ дарованіемъ, всегда оправдывающимъ мое къ нему пристрастіе. Какъ усердствующій трудамъ вашимъ, осуждаю въ одномъ «Литературный Музеумъ»: онъ поздно явился, не для чести своей «Русскій наблюдатель» и въ Петровъ постъ не будетъ гостемъ не во время; но не для пользы вашей. Мы, младшія дѣти Европы, а Альманахи и у старшихъ имѣютъ свое время и назначеніе. Яйцо, разрисованное Рафаэлемъ, купили бы многіе о Святой недѣлѣ, но о Петровѣ днѣ купитъ одинъ любитель живописи. Еслп бъ желаніе мое было столько мо-

гущественно, сколько искренно, я не заставилъ бы васъ напоминать о доставленіи піэсъ къ будущему Альманаху; но едва ли не пріидется, если бъ нужно было, опять прибѣгнуть къ выдержкамъ изъ Иліады. Грудной катарръ и ревматизмы, которыми доселѣ страдаю, вселили въ меня столько меланхоліи, что я болѣе думаю о смертности тѣла моего, нежели о безсмертіи авторскомъ и чаще пою стихиры, чѣмъ стихи. Порывался приготовить къ изданію Иліаду, съ примѣчаніями и введеніемъ читателя въ міръ Гомерическій и ничего не успѣлъ отъ немощи. Всю зиму выходилъ изъ комнаты не чаще, какъ наше солнце изъ облаковъ: не могу выносить воздуха. Такимъ образомъ лишенъ удовольствія быть въ обществѣ и живыхъ и мертвыхъ. — Вотъ мое положеніе, въ которомъ, согласитесь, не до Одиссеи, и которое, надѣюсь, теперь не покажется вамъ завиднымъ. Опытъ печальный убѣждаетъ, что быть поэтомъ въ стихахъ—хорошо, а въ дѣлахъ житейскихъ плохо. Если бъ не кусокъ хлѣба, который мнѣ доставилъ нищій Гомеръ, не одинъ изъ моихъ сверстниковъ-сослуживцевъ могъ бы сказать мнѣ, что̀ у Крылова Муравей Стрекозѣ: Ты все пѣла?—Это дѣло. А теперь, мой другъ, пляши! Знаю, почтенный человѣкъ, что вы во всѣхъ отношеніяхъ достойны лучшей судьбы. Но, если бъ вы думали улучшить ее службою, страшитесь жертвъ, какія должно приносить тамъ, гдѣ не служатъ, а выслуживаются, гдѣ ищутъ не чести, а почестей; страшитесь потерять и то единственное благо, безъ котораго нѣтъ счастія человѣку образованному, котораго цѣну вы такъ живо чувствуете и которое такъ прекрасно пѣли—святую независимость! Въ бѣдствіяхъ, рокомъ посылаемыхъ, есть даже какое-то наслажденіе для гордости великодушнаго: онъ твердо борется съ несправедливымъ рокомъ. Но и самое великодушіе проливаетъ уединенныя слезы отъ несправедливостей человѣческихъ. Что̀ до журналистовъ нашихъ, напрасно, между нами будь сказано, ждать отъ нихъ того, чего они не имѣютъ и въ предметѣ (выключая немногихъ) пользы литературы; цѣль ихъ, какъ видно по всему, своя польза, торгъ и барышъ. Вотъ почему, подобно купцамъ гостинноднорнымъ, они кричатъ, бранятъ другъ друга и, такъ сказать, зазываютъ каждый въ свою лавку: къ намъ пожалуйте, у насъ-де самое лучшее; а у него все дурно, онъ плутъ, онъ васъ обманетъ! Какова благородная цѣль, таковъ образъ дѣйствій. Бѣдная Литература! Но пора отдохнуть и мнѣ, а еще болѣе вамъ. Письмо длинно; извиняюсь выраженіемъ Цицерона: не имѣлъ времени написать короче. Да послужитъ оно по крайней мѣрѣ свидѣтельствомъ, какъ охотно бесѣдую съ вами. Прощайте. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою. Н. Гнѣдичъ.

Письмо Н. И. Гнѣдича къ И. И. Козлову.

Одесса, 17 Генваря 1828.

Здравствуй, пѣвецъ, здравствуй милый человѣкъ, мой доброй другъ Иванъ Ивановичъ! Взаимно поздравляю тебя и всѣхъ твоихъ съ Новымъ годомъ, желаю отъ души тебѣ всего новаго, если старое не годится. Письмо твое обрадовало меня тѣмъ болѣе, что разсѣяло печальные слухи о твоемъ здоровьѣ. Жду не дождусь твоей «Долгорукой». Лобановъ, слышавъ ея окончаніе и писавъ мнѣ о немъ, умножилъ мое нетерпѣніе. Дань, всѣми читателями ей приносимую, она возьметъ съ меня двойную: слезы умиленія. Въ успѣхѣ этомъ я не сомнѣваюсь; но еслибъ всѣ слезы, «Долгорукою» извлекаемыя, обратились въ перлы и разомъ бы къ стопамъ твоимъ прикатились: это было бы хорошо и для тебя, и для твоей Алиньки [1]). Мечту замѣняю желаніемъ существенности: обильныхъ даней красныхъ, синихъ и бѣлыхъ. Ты послалъ, какъ пишешь, экземпляръ для меня по экстра-почтѣ; но посылки, любезный, отправляютъ только съ тяжелой почтой. «Долгорукая», поѣхавшая съ графомъ Виттомъ, прежде чѣмъ доѣдетъ къ Шеміотамъ, будетъ присутствовать въ Кишеневѣ при слѣдствіи, которое Виттъ произвесть тамъ долженъ. Итакъ мнѣ еще надобно подождать милой гостьи. Сѣверное сіяніе—предметъ достойный Музы твоей; но Сонетамъ Мицкевича она сдѣлаетъ честь, прочитавъ ихъ, а переводить?... Я еще не благодарилъ тебя за «Вечерній Звонъ»; онъ мнѣ по сердцу; «Къ Альпамъ» также. Обидно, что я не зналъ о гробницѣ «Долгорукой» будучи въ Кіевѣ. Жаль, что ни одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ писателей, Карамзинъ, Жуковскій и ты не видѣли Кіева; видъ его при пріѣздѣ такъ поразителенъ, такъ величественно-живописенъ, такъ единственъ, что страницы описательныя Кіева блистали-бы глубокими его впечатлѣніями, яркими красками.

Много благодаренъ тебѣ за вѣсти о Свѣтланѣ [2]); онѣ утѣшительны, слава Богу, и тѣмъ болѣе, что я оставался въ совершенномъ объ ней невѣдѣніи. Жуковскій ни словомъ не порадуетъ меня. Не живъ никогда, какъ я, одинокимъ, онъ не чувствуетъ, чего лишаетъ меня. Однакожъ обними его; если пишешь къ Свѣтланѣ, пошли ей сердечный привѣтъ мой. Что̀ вы (хвастаете) Петербургскими морозами въ 20 градусовъ? Скромная Одесса можетъ хвалиться 25 градусными, если бы дѣло пошло на хвастовство.

Да, мой другъ, звѣзда моя со мною и привела меня изъ огня да въ полымя. Осень была ужасная; теперь терпимъ зиму, которая была

[1]) Это единственная дочь И. И. Козлова, Александра Ивановна. П. Б.

[2]) Такъ называли въ дружескомъ кругу А. А. Воейкову. Она въ то время была за границей по болѣзни.

бы въ пору и Петербургу, но совсѣмъ не въ пору Одессѣ. Здѣсь всѣ домà sont bâtis de boue et de crachats *). Я часто встаю при 8 градусовъ тепла въ комнатѣ, не смотря, что калю печи Крымскимъ дубомъ, котораго сажень здѣсь теперь обходится отъ 75 до 90 р. Жизнь несносная, нѣтъ ни выхода, ни выѣзда изъ дома: осенью отъ грязи по колѣна, теперь отъ снѣга; здѣсь не только улицъ, и дворовъ не чистятъ. У меня вороты цѣлую недѣлю были завалены горою снѣга, по цѣлую недѣлю я иногда не могу пробраться въ Шеміотамъ, гдѣ всего чаще и пріятнѣе провожу время, между тѣмъ какъ живу отъ нихъ въ ста шагахъ. По этимъ причинамъ, также и по болѣзни, не былъ еще у графини Эделингъ, хотя и познакомился съ нею. Стурдзу часто у себя вижу и полюбилъ его; онъ имѣетъ много достоинствъ.

Если Одесская весна и лѣто будутъ ко мнѣ также немилосердны, придется, мой милый, возвратиться на Сѣверъ съ прежнимъ разстроеннымъ здоровьемъ; прижму тебя къ груди, больной, но полный къ тебѣ дружбы и уваженія. Будь здоровъ и почивай на лаврахъ. Софьѣ Андреевнѣ скажи мое почтеніе. Прощай, обнимаю тебя. Н. Гнѣдичъ.

P. S. Письмо это было уже запечатано, какъ явилась ко мнѣ желаемая гостья «Долгорукая». Распечатываю, чтобъ изъявить любезному пѣвцу ея душевную благодарность. Сей часъ посылаю просить поэта Туманскаго обѣдать у меня съ «Княгинею Долгорукою». По старой привычкѣ, ничего прекраснаго не могу читать одинъ. Тяжело, а поэта Козлова я знаю: иногда такъ царапнетъ за сердце, что не усидишь на мѣстѣ.

МАЗЕПА ВЪ «ПОЛТАВѢ» ПУШКИНА.

Въ статьѣ „Пушкинъ и Рылѣевъ", напечатанной въ III выпускѣ Матеріаловъ и изслѣдованій о Пушкинѣ, изданіи Академіи Наукъ, В. В. Сиповскій указываетъ вліяніе, которое имѣлъ Рылѣевъ на поэтическое творчество Пушкина и подробно останавливается на поэмѣ „Полтава", при чемъ находитъ, что Мазепа у Пушкина, именно благодаря вліянію Рылѣева, вышелъ „мелодраматическимъ злодѣемъ" въ явный ущербъ художественному изображенію. Приводя цѣлый рядъ эпитетовъ, относящихся къ Мазепѣ и отрывокъ изъ поэмы: „Онъ не вѣдаетъ святыни,... онъ не помнитъ благостыни", г. Сиповскій находитъ это достаточнымъ, чтобы назвать Пушкинскаго Мазепу „мелодраматическимъ злодѣемъ", лишеннымъ не только добродѣтелей, но и вообще какихъ-либо положительныхъ качествъ.

Мы далеки отъ мысли отрицать явныя противорѣчія, вкравшіяся въ поэму, быть можетъ вслѣдствіе поспѣшности ея созданія, но не можемъ поставить ихъ исключительно на видъ при разборѣ личности Пушкинскаго Ма-

*) Сложена изъ грязи и плевковъ.

зепы. Не вдаваясь въ обсужденіе вопроса о томъ, насколько Мазепа Пушкина соотвѣтствуетъ историческому образу гетмана, и оставаясь исключительно въ рамкахъ поэмы, сдѣлаемъ попытку доказать, что Мазепа у Пушкина живое лицо и во всякомъ случаѣ далеко не „мелодраматическій злодѣй“. Не лишнимъ будетъ сначала замѣтить, какъ Пушкинъ изображаетъ тогдашнее настроеніе Малороссіи: „Украйна глухо волновалась. Давно въ ней искра разгоралась. Друзья кровавой старины народной чаяли войны; роптали, требуя кичливо, *чтобъ гетманъ узы ихъ расторгъ* и *Карла ждалъ нетерпѣливо ихъ легкомысленный восторгъ*“. Не достаточно ли этихъ строкъ, чтобы понять, что Мазепа, если даже и достигалъ измѣною осуществленія своихъ личныхъ цѣлей, то одновременно съ этимъ являлся и исполнителемъ народнаго желанія сдѣлать Украйну независимой. Нѣсколькими строками далѣе Пушкинъ еще краснорѣчивѣе говоритъ о томъ же: „Что жъ Гетманъ? юноши твердили: Онъ „изнемогъ, онъ слишкомъ старъ“ и т. д. и потомъ: „Когда бы старый Дорошенко иль Самойловичъ молодой, иль нашъ Палѣй, иль Гордѣенко владѣли силой войсковой, тогда бъ въ снѣгахъ чужбины дальной не погибали казаки, и Малороссіи печальной освобождались ужъ полки“. Слѣдовательно Мазепа въ глазахъ народа не измѣнникъ, а достойный преемникъ Дорошенки, боровшагося за независимость Украйны. А какъ ясно выражена таже мысль самимъ Мазепой въ его бесѣдѣ съ Маріей, когда гетманъ не можетъ быть заподозрѣнъ въ неискренности: „Покой души твоей мнѣ дорогъ, Марія; такъ и быть узнай. Давно замыслили мы дѣло; теперь оно кипитъ у насъ. Благое время намъ приспѣло; *борьбы великой близокъ часъ*. Безъ милой вольности и славы склоняли долго мы главы подъ покровительствомъ Варшавы, подъ самовластіемъ Москвы. *Но независимой державой Украинѣ быть давно пора, и знамя вольности кровавой я подымаю на Петра*!“ Неужели и здѣсь, въ сердечной бесѣдѣ, посвящая любимую женщину въ свои замыслы, Мазепа скрытничалъ и говорилъ неправду, являясь не живымъ лицомъ, а „только мелодраматическимъ злодѣемъ“. И какъ хорошъ и естественъ отвѣтъ Маріи, которая чисто по женски сводитъ будущую власть Мазепы къ ея внѣшнимъ проявленіямъ: „О милый мой, ты будешь царь земли родной. Твоимъ сѣдинамъ такъ пристанетъ корона царская!“ Своимъ выдающимся умомъ Мазепа добивается того, что одновременно „ему король въ Варшавѣ внемлетъ, въ стѣнахъ Очакова паша, во станѣ Карлъ и Царь“. Даже наканунѣ рокового боя дальновидный Мазепа уже предвидитъ его печальный исходъ и говоритъ съ сожалѣніемъ: „*Стыжусь*! *воинственнымъ бродягой увлекся я на старость лѣтъ*“. Эти слова весьма замѣчательны. Во-первыхъ, потому, что изъ нихъ ясно, какъ высоко ставилъ Мазепа свой планъ освобожденія Украйны, жалѣя, что ему пришлось ради его выполненія даже „увлечься воинственнымъ бродягой“; а во-вторыхъ, Пушкинъ какъ-бы не хотѣлъ допустить мысли, чтобы умный, проницательный гетманъ могъ сдѣлать обдуманно такой рискованный шагъ, какъ союзъ съ Карломъ, и называетъ его только „увлеченіемъ“, а увлеченіе есть уже несомнѣнно черта живого лица, а не мелодраматическаго злодѣя. Мазепа не чуждъ и благороднаго чувства дружбы. „Такъ было время съ Кочубеемъ былъ другъ Мазепа. Въ оны дни, какъ хлѣбомъ, солью и елеемъ, *дѣлились чувствами они*. Предъ Кочубеемъ Гетманъ скрытный, души мятежной, ненасытной, отчасти бездну открывалъ *и о грядущихъ измѣненіяхъ, переговорахъ, возмущеніяхъ въ рѣчахъ неясныхъ намекалъ*“. Эти строки какъ нельзя лучше рисуютъ намъ то тревожное, полное опасеній время, когда даже съ друзьями приходилось говорить только намеками. Да и не правъ ли былъ Мазепа, держа въ глубокой тайнѣ свои замыслы, когда тотъ же Кочубей изъ чувства личной мести, сдѣлалъ на него доносъ, а Кочубею вѣдь болѣе, чѣмъ кому либо можно было узнать о сокровенныхъ намѣреніяхъ гетмана. И, дѣ-

лая доносъ, Кочубей былъ для Украйны такимъ же измѣнникомъ, какъ для Москвы Мазепа. Отсюда становится яснымъ, что для Мазепы, задавшагося цѣлью сдѣлать Украйну самостоятельной, не оставалось другого исхода, какъ требовать казни Кочубея: иначе рушился бы весь его замыселъ. И тѣмъ не менѣе, добившись казни Кочубея, Мазепа, какъ человѣкъ, нравственно страдалъ; страдалъ и въ ночь пытки, страдалъ и въ день казни. Когда была совершена казнь, то „одинъ предъ конною толпою Мазепа грозенъ удалялся отъ мѣста казни. *Онъ терзался какой-то страшной пустотой.* Никто къ нему не приближался, не говорилъ онъ ничего".

Пушкинъ, какъ тонкій психологъ, предоставляетъ читателю самому догадаться о томъ, что̀ творилось въ это время въ душѣ гетмана и какую борьбу противоположныхъ чувствъ онъ долженъ былъ вынести. Онъ стеръ съ лица земли своего политическаго врага, но въ то же время „терзался", потерявъ въ немъ бывшаго друга и отца любимой женщины; а между тѣмъ всякія „терзанія" и испытываніе „страшной пустоты" совсѣмъ не къ лицу мелодраматическому злодѣю. А самая любовь Маріи развѣ недостаточно говоритъ въ пользу гетмана, умѣвшаго привлечь къ себѣ сердце дѣвушки „скромной и разумной". Но не единая краса (мгновенный цвѣтъ) молвою шумной въ младой Маріи почтена: вездѣ прославилась она дѣвицей скромной и разумной". Не будетъ ли лишнимъ послѣ этого задаться вопросомъ, могъ ли человѣкъ, немолодой, обладаемый пороками привлечь къ себѣ сердце умной дѣвушки? Мы увѣрены, что Пушкинъ былъ очень далекъ отъ этой мысли; наоборотъ, чтобы объяснить любовь Маріи, Пушкинъ, хотя и не прямо, но очень ясно указываетъ на обаятельность гетмана для Маріи: „Тогда лишь только объяснилось... Зачѣмъ такъ тихо за столомъ она лишь *Гетману внимала*, когда бесѣда ликовала, и чаша пѣнилась виномъ; зачѣмъ она всегда пѣвала *тѣ пѣсни, кои онъ слагалъ*, когда онъ бѣденъ былъ и малъ, когда молва его не знала, зачѣмъ съ неженскою душой она любила конный строй и бранный звукъ литавръ и клики предъ бунчукомъ и булавой Малороссійскаго владыки". Нетрудно отсюда вывести заключеніе, что Мазепа былъ краснорѣчивъ, увлекателенъ въ бесѣдѣ и даже не лишенъ поэтическаго творчества. Заканчивая поэму, Пушкинъ говоритъ: „Прошло сто лѣтъ, и что жъ осталось отъ *сильныхъ гордыхъ сихъ мужей, столь полныхъ волею страстей*". Въ числѣ ихъ, полагаемъ, Пушкинъ считалъ и Мазепу. Намъ думается, что Пушкина можно было бы упрекнуть только въ нѣкоторой незаконченности въ изображеніи гетмана, но не въ исключительной односторонности, создавшей по мнѣнію Сиповскаго изъ Мазепы не болѣе, какъ мелодраматическаго злодѣя. Эта кажущаяся односторонность изображенія выясняется на нашъ взглядъ, во первыхъ тѣмъ, что Полтава, хотя и имѣетъ своимъ содержаніемъ историческое событіе, но прежде всего является поэтическимъ произведеніемъ и, какъ таковое, должно отличаться рельефнымъ изображеніемъ дѣйствующихъ лицъ, а во вторыхъ сама исторія не оставила намъ отрадныхъ воспоминаній о Малороссійскомъ гетманѣ.

С. Н—хъ.

ИЗЪ МАСОНСКИХЪ ПѢСЕНЬ.

Во многихъ Русскихъ масонскихъ ложахъ (напримѣръ, въ ложѣ Les Amis réunis) „работы“ происходили на Французскомъ языкѣ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется существованіе масонскихъ пѣсень на Французскомъ языкѣ. Привожу двѣ пѣсни съ варіантами ихъ на Русскомъ языкѣ. Всѣ четыре пѣсни мною разысканы въ рукописномъ отдѣленіи Румянцевскаго Музея, гдѣ хранятся богатѣйшіе матеріалы для исторіи масонства въ Россіи.

Тира Соколовская.

I.

Franc-maçon, connois-toi, mes ton espoir en Dieu,
Prie, évite l'éclat, contente-toi de peu,
Écoute sans parler, sois discret, fuis traîtres,
Supporte ton égal, sois docile à tes maîtres.
Toujours actif et doux, humble, prêt à souffrir.
Apprens l'art de bien vivre, et celui de mourir.

*

Къ Единому Творцу довѣренность имѣй,
На силы собственны ни въ чемъ не полагайся,
Молись Всесильному, себя познать старайся,
Немногаго желай, довольнымъ быть умѣй,
Съ вниманьемъ слушая, къ молчанью пріучайся
И въ сердцѣ у себя скрыть таинство старайся,
Меньшихъ учись щадить, а бо́льшимъ уступать,
Сносить отъ равнаго, въ несчастьи не роптать,
Не будь лѣнивъ, ни скоръ, надменностью гнушайся,
А жить и умереть для Бога научайся.

II.

Un bon maçon c'est l'homme sage
Qui sert et chérit son pays
Et sait opposer à l'orage
Un front serein, un coeur soumis.
Faut-il défendre sa patrie?
L'honneur va le rendre guerrier.
Faut-il combattre pour sa mie? } bis.
Un maçon est preux chevalier.

*

Il sait partager la souffrance
De l'être faible, abandonné;
Il est l'appui de l'indigence
Et l'ami de l'infortuné.
Humanité, dévoir, patrie
Sont gravés sur son bouclier;
Il est, en adorant sa mie, } bis.
Bon maçon et preux chevalier.

*

La mort n'a rien qui l'épouvante,
Il sait la braver cent fois.
Les grandeurs n'ont rien qui le tente,
Il s'est vu le frère des rois.
Mais il est un prix qu'il envie.
C'est d'unir le myrthe au laurier
Et d'être, en adorant sa mie, } bis.
Bon maçon et preux chevalier.

*

Dans le temps où nos premiers pères
Du ciel écoutaient les leçons,
Quand tous les hommes étaient frères.
Tous les hommes étaient maçons.
Mais depuis que la felonie
Rampe à l'ombre de l'olivier,
Avec raison on apprécie } bis.
Un bon maçon, preux chevalier.

*

Cependant pour bâtir un temple
Au Nord les maçons vont s'unir.
Leurs travaux serviront d'exemple
A tous les siècles à venir.
Si l'on se dit qu'à son aurore
La vertu sut s'édifier,
C'est qu'en Russie il reste encore
Plus d'un maçon, preux chevalier. } bis.

*

Когда любовь въ златые вѣки
Блистала всѣмъ въ своей красѣ
И въ братствѣ жили человѣки,
Тогда масоны были всѣ.
Когда жъ возникнулъ мракъ порока,
Поставя правдѣ тьму препонъ,
Сколь драгоцѣнно, сколь высоко
Названье—рыцарь и масонъ!

*

Прямой масонъ премудрость знаетъ.
Онъ любитъ Бога и Царя,
Спокоенъ въ бурѣ пребываетъ,
Любовью чистою горя.
Онъ истинный герой во брани,
А въ мирѣ—другъ нѣжнѣйшій онъ;
Онъ къ бѣднымъ простираетъ длани,
Онъ рыцарь, онъ прямой масонъ!

*

Онъ смерти, тлѣнья не страшится,
Чрезъ нихъ онъ ближе къ небесамъ.
Не можетъ почестьми прельститься,
Онъ братъ и мудрымъ и царямъ.
Ему едино токмо лестно—
Хранить Премудрости законъ,
Въ словахъ, въ дѣлахъ являть всеместно,
Что рыцарь онъ, прямой масонъ!

*

Симъ чувствомъ братья оживленны,
На Сѣверѣ воздвигли храмъ;
Премудрость есть ихъ цѣль священна,
Любовь и дружба—ѳиміамъ.

Коль лучъ имъ чистый показался,
Коль благо здѣсь воздвигло тронъ,
Въ Россіи видно, что остался
И рыцарь, и прямой масонъ!

Обѣ пѣсни были очень распространены среди масоновъ.

Про первую пѣснь въ „Масонскихъ секретахъ“ читаемъ: „Фреры также хвалятся многими стихами Латинскими, въ которыхъ, говорятъ, будто заключается портретъ франкмасона“. Дѣйствительно, въ этой пѣсни заключена вся масонская этика, и ею обрисованъ портретъ масона. Въ болѣе раннихъ спискахъ пѣснь приводится въ прозаическомъ изложеніи. Встрѣчается эта пѣснь и на Латинскомъ языкѣ, съ каковаго она собственно и переведена на Русскій. Надъ переводами этой пѣсни многіе братья пробовали свои силы, и мнѣ случалось видѣть въ масонскихъ бумагахъ многочисленные черновики переводовъ, часто безъ окончанія, съ помарками и поправками.

Вторая пѣснь, писанная на Французскомъ языкѣ, найдена мною среди документовъ ложи Les Amis Réunis. Братья этой ложи, принадлежавшіе въ большинствѣ къ блестящей гвардейской молодежи, не слѣдовали строго высокой этикѣ масонскаго ученія и зачастую навлекали на себя гнѣвъ масонскихъ властей. Такъ, 29 Января 1820 г. гр. Віельгорскій писалъ про эту ложу Ланскому: „Здѣсь въ ложѣ Соединенныхъ Друзей по прежнему, такъ что мочи нѣтъ; мы намѣреваемся нѣкоторыя мѣры принять, поговорить съ Бороздинымъ, чтобы мѣры принялъ укротить эту гидру или уничтожить ее“. Даже сами братья, въ своихъ воспоминаніяхъ, рисуютъ ложу далеко не строго-нравственной. Вигель (Воспоминанія, ч. V, прилож. къ Рус. Арх., 1892, № 9, стр. 55) говоритъ, что братья „были народъ веселый, гульливый; съ трудомъ выдержавъ серіозный видъ, спѣшили они понатѣшиться, поѣсть, попить и преимущественно попить“. Мирковичъ (Р. Арх., 1890, 3, 404) свидѣтельствуетъ: „Старшина напъ собиралъ свою ложу не болѣе, какъ по разу въ мѣсяцъ, и эти собранія не имѣли другой цѣли, какъ пошутить“. Степановъ въ письмѣ къ своему дядѣ о вступленіи въ масонство сообщаетъ, что въ ложѣ нашелъ онъ людей, „смѣющихся надъ всѣмъ, что ихъ окружаетъ, людей, предающихся буйству“ и что „самый этотъ входъ въ братство сдѣлался бы также минутою вѣчнаго удаленія“, если бы онъ „не былъ наведенъ на Віельгорскаго“. Подобный характеръ ложи объясняетъ упоминаніе во Французской пѣсни женскаго друга (la mie), что вообще составляетъ рѣдкій сюжетъ въ высоконравственныхъ масонскихъ стихахъ. Да и разница выходитъ разительная между характеромъ Французскаго варіанта и Русскаго, конечно, въ безусловную пользу послѣдняго; Русскій же варіантъ мною заимствованъ изъ отдѣльнаго сборника масонскихъ пѣсень.

(Сообщила Тира Оттовна Соколовская).

время и присяжными экспертами по распознаванію и сличенію почерковъ, не смотря на ихъ полную несостоятельность въ этомъ дѣлѣ. Императоръ Александръ II-й, смягчилъ для Чернышевскаго на половину срокъ каторги.

Свѣряя брошюру К. М. Өедорова съ біографическими свѣдѣніями о Чернышевскомъ, вошедшими въ „Исторію новѣйшей Русской Литературѣ„ Скабичевскаго, находимъ нѣкоторыя, правда, весьма незначительныя, противорѣчія (напр. число и мѣсяцъ рожденія) и не знаемъ, кому болѣе вѣрить.

С. Н.

Хотя по нашему мнѣнію трудно причислить Чернышевскаго къ великимъ Русскимъ людямъ и онъ имѣлъ лишь преходящее значеніе, но въ области исторіографіи останется навсегда памятнымъ его переводъ обширнаго сочиненія Шлёцера объ осмнадцатомъ столѣтіи. П. Б.

*

Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Выпускъ III. Повременное изданіе Комиссіи для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб. 1905. 138 стр. съ указателемъ.

Книга состоитъ 1) изъ статьи Ө. Е. Корша: „Опыты окончанія Русалки“, въ которой разбирается вопросъ о продолженіи „Русалки“ по записи Д. П. Зуева, при чемъ эта запись, по мнѣнію Ө. Е. Корша, во всѣхъ отношеніяхъ ближе къ несомнѣннымъ произведеніямъ Пушкина, чѣмъ два другія продолженія „Русалки“, принадлежащія г-жѣ Богдановой и Штукенбергу; 2) изъ любопытной исторической справки Е. А. Боброва о пребываніи Пушкина въ Казани осенью 1833; 3) изъ статьи г. Сиповскаго „Пушкинъ и Рылѣевъ“, въ которой цѣлымъ рядомъ сравненій поэтическихъ произведеній обоихъ поэтовъ доказывается несомнѣнное вліяніе Рылѣева на творчество Пушкина, при чемъ г. Сиповскій наиболѣе останавливается на „Полтавѣ“. По его мнѣнію вліяніе Рылѣева въ этой поэмѣ было настолько велико, что Мазепа изображенъ у Пушкина какимъ-то мелодраматическимъ злодѣемъ. Не отрицая безспорнаго вліянія Рылѣева, мы позволимъ замѣтить, что, несмотря на значительныя противорѣчія и недостатки въ изображеніи Мазепы, все же оно очень далеко отъ образа мелодраматическаго злодѣя. Остальная часть книги состоитъ изъ біографической замѣтки объ опредѣленіи Пушкина въ Лицей, В. Е. Рудакова; изъ „Пушкинскихъ замѣтокъ“ А. И. Маркевича; изъ „словарей: языка Пушкина и Пушкинскихъ риѳмъ. Въ концѣ книги помѣщены: „Планъ Словаря языка А. С. Пушкина А. И. Соболевскаго и „Планъ изслѣдованія о стихосложеніи Пушкина и словарѣ Пушкинскихъ риѳмъ“ Ө. Е. Корша. Нельзя не порадоваться тому, что Пушкинъ, его житейская обстановка, его знакомства и самое творчество его находятъ себѣ ревностныхъ разыскателей и оцѣнщиковъ.

*

Отечественная война 1812 года. Историческое изслѣдованіе *Александра Николаевича Попова.* Томъ первый. Сношенія Россіи съ иностранными державами передъ войной 1812 года. Москва 1905 г. большая 8-ка, VI, 502 и 2 нен. стр. съ портретомъ. Цѣна 4 р.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1905 года.

(Годъ 43-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1905 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Рускаго Архива", на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

☛ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автобіографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія „Русскаго Архива" прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: 1874 годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы 1877, 1879, 1884 и 1886—1889 по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р.; годы 1890 — 1892, 1894 и 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы 1898—1904 по 8 р., съ пересылкою по 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный—30 копѣекъ; Московскаго на иногородный—80 копѣекъ; иногороднаго на Московскій—40 копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*). Просимъ присылать номеръ перемѣняемаго адреса.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно съ 9 час. утра до 5 пополудни; для переговоровъ съ издателемъ—Четвергъ отъ 1 до 5.

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива» прежнихъ годовъ можно получать по 1 рублю.

Издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ**.

(Годъ сорокъ третій).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1905

11.

Стр.

«РУССКІЙ АРХИВЪ» БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ 1906 ГОДУ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1905.

Столѣтіе Военнаго Министерства. 1802—1902. Императорская главная квартира. Исторія государевой свиты. Царствованіе Императора Александра I. Главный редакторъ генералъ-лейтенантъ Д. А. Скалонъ. Составилъ полковникъ В. В. Квадри, императорской главной квартиры штабъ-офицеръ для порученій. Помощникъ составителя по сбору историческихъ матеріаловъ М. К. Соколовскій. С.-пб. 4-ка, 2 нен., 621, 147,6 нен., V, 2 и нен. стр.

Книгою этою пріумножилась лицевая хроника Русскихъ военныхъ дѣятелей: она переполнена портретами генералъ-адъютантовъ императора Александра Павловича и лицъ его окружавшихъ. Самого государя портретовъ насчитывается тутъ 73. Какъ извѣстно, государь этотъ былъ „къ противочувствіямъ привыченъ", и потому ликъ его разнообразенъ. Глядя на нѣкоторые портреты его съ плѣнительною Екатерининскою улыбкою, вспоминаемъ разсказъ Г. В. Грудева, какъ онъ со своими товарищами хаживалъ любоваться Александромъ Павловичемъ къ тому мѣсту, гдѣ обыкновенно, окончивъ пѣшую утреннюю прогулку по набережной Фонтанки и Невы, садился онъ въ коляску. Коляски были тогда съ откидною подножкою и, ступивъ на нее одною ногою, Государь, прежде чѣмъ усѣсться, обводилъ чарующимъ взоромъ собравшихся привѣтствовать его. Въ книгѣ помѣщены его портреты разныхъ возрастовъ, начиная съ восшествія на престолъ „съ младымъ всѣхъ прелестей исполненнымъ челомъ" и въ послѣдніе годы жизни, когда лицо его омрачалось думою: онъ носилъ тогда мундиръ чернаго сукна, можетъ быть, въ память мрачной ночи своего воцаренія, о которой не переставалъ вспоминать и на смертномъ одрѣ. Большинство портретовъ его относится къ тому времени, когда въ Петербургскомъ высшемъ обществѣ звали его Новымъ Давидомъ (David Moderne), который съ слабыми военными силами одолѣлъ Европейскаго Голіаѳа. Въ книгѣ не мало любопытныхъ портретовъ и великаго князя Константина Павловича, вызывающихъ на размышленіе о великокняжескихъ существованіяхъ въ Россіи. Книга цѣнна также рѣдкими портретами, какихъ не встрѣтишь, или встрѣтишь очень рѣдко инуду, какъ напримѣръ супруга знаменитой княгини Д. Х. Ливенъ, генераловъ Мишо, Армфельда, Чичагова, Ипсиланти, Балабина, Башилова, Ожаровскаго, Паулуччи, Аракчеева еще съ густыми волосами, Бенигсена, Меншикова, Кикина, Куруты, Сухтелена, Панчулидзева, Фредро, Шепинга, молодого А. И Чернышева, Н. З. Хитрово. Любопытны также снимки, каковы подлинное большое письмо Аракчеева, Балашова и Шишкова, побудившее Государя ѣхать въ Москву изъ лагеря при Дриссѣ, приказъ войскамъ 25 Декабря 1812 г. Вотъ князя Кутузова рапортъ, 26 Октября 1812 г.: „Генералъ отъ кавалеріи баронъ Бенигсенъ представляетъ за отличие въ продолженіе кампаніи настоящей и за сраженіе 24 и 26 Августа, флигель-адъютанта Вашего Императорскаго Величества полковника князя Голицына къ возвышенію въ генералъ-адъютанты. Оное представленіе подношу Вашему Императорскому Величеству, безъ присо-

ЗАПИСКИ ПЕТРА ИВАНОВИЧА РЫЧКОВА.

Любезныя мои дѣти!

Должность отцовская, въ которую я для васъ отъ Провидѣнія Божія опредѣленъ, и любовь моя родительская издавна и часто побуждали меня написать вамъ такое письмо, которое къ честному и добродѣтельному житію было бы вамъ нѣкоторымъ правиломъ и наставленіемъ, оставленнымъ отъ отца вашего. При томъ желалось мнѣ всегда и сіе вамъ сообщить, чрезъ что̀ вы бъ имѣли хотя нѣкоторое познаніе о вашихъ предкахъ, а особливо о приключеніяхъ моего и вашего отца, которые вамъ по крови ближайшіе. Я такое познаніе почитаю за особливо нужное въ фамиліяхъ, потому что оно составляетъ нѣкоторый родъ собственной и домашней исторіи, коя съ какими бы случаями соединена ни была, но по здравому разсужденію потомкамъ роду небезпотребна, но и полезна, въ безпристрастномъ разсмотрѣніи случаевъ, которымъ жизнь человѣческая подвержена бываетъ.

Пребывая по сіе время въ трудахъ и попеченіяхъ, съ должностію чина моего соединенныхъ, не возможно мнѣ было удовлетворить оному моему желанію. Нынѣшнее же Правительствующимъ Сенатомъ, для рекреаціи и излѣченія моихъ болѣзней, отъ канцелярскаго присутствія пожалованное мнѣ увольненіе и спокойная деревенская жизнь подаютъ мнѣ къ тому изрядной случай, которой я по возможности моей буду употреблять въ вашу и въ мою пользу сочиненіемъ сего письма.

Что̀ надлежитъ до перваго, то еще въ 1751-мъ году, между тѣмъ какъ я для дѣлъ Оренбургской губерніи въ С.-Петербургѣ былъ и ожидалъ себѣ отъ Правительствующаго Сената и отъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ обратнаго въ Оренбургъ отправленія, увидѣлъ въ академической книжной палатѣ одно нравоучительное письмо, съ Греческаго на Германской языкъ переведенное. Оно хотя отъ язычника

и прежде Рождества Христова лѣтъ за 300 отъ оратора Сократа къ Демонику (къ сыну друга его Гиппоника) писано; но просмотрѣвши я нашелъ въ немъ много общихъ и такихъ правилъ, которыя я въ ономъ предпринятомъ моемъ намѣреніи, не читавши еще письма того, въ мысляхъ моихъ воображалъ. И затѣмъ, купя его, въ тамошнюю мою бытность (имѣлъ довольно празднаго времени) перевелъ на Русской языкъ, такъ какъ оно въ подлинникѣ есть; потомъ, въ Оренбургѣ будучи, ненужное по Греческому и языческимъ обычаямъ писанное изъ него выключилъ. Послѣ того въ разсужденіи васъ, любезныя мои дочери, попалось мнѣ другое, въ книгѣ называемой *der Weltbürger* (Гражданинъ Свѣта). Оно писано отъ матери къ дочери и содержитъ изрядныя правила, какъ женѣ съ мужемъ поступать и о воспитаніи дочери попеченіе имѣть. Сіе также въ свободное время на нашъ языкъ я перевелъ. Оба оные перевода напечатаны при Императорской Академіи Наукъ, въ такъ называемыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ въ 1758-мъ году *). Они въ разсужденіи вышеозначеннаго перваго пункта послужатъ вамъ въ жизни вашей вмѣсто правила и наставленія.

Совѣтую и подтверждаю вамъ, какъ отецъ, оныя письма внятно и почаще читать, не для того одного, что они мною собственно ради васъ переведены, но паче сего ради, что въ нихъ по разсужденію моему и на нынѣшнее время для молодыхъ людей обоего пола находятся изрядныя правила. Первое хотя въ Греціи и отъ нынѣ, какъ выше значитъ, больше нежели за 2000 лѣтъ писано, но вы усмотрите въ немъ съ самаго начала образъ такого отца, которому дѣти должны послѣдовать, ежели хотятъ быть честны и добродѣтельны. Въ семъ видѣ и Сократъ представилъ друга своего Гиппоника и совѣтуетъ сыну его Демонику, дабы онъ во всѣхъ своихъ поступкахъ ему подражалъ.

И хотя во мнѣ, любезныя мои дѣти, такихъ совершенствъ подлинно нѣтъ, добродѣтельми и знаніемъ во многомъ оскудѣваю; однакожъ ласкаю себя надеждою, что не всѣ васъ возненавидятъ, и не всѣ васъ будутъ осуждать, когда вы въ молодыхъ своихъ лѣтахъ и всегда также себя поведете, какъ я съ молоду жилъ; да и нынѣшнее мое вами видимое и понятное уже поведеніе безчестно и безполезно вамъ не будетъ, когда вы также поступать станете. Я не тщеславясь сіе пишу, но любя васъ искренно и признавая, что моя должность и состояніе, а вашъ нынѣшній возрастъ сего крайняго напоминанія отъ меня требуютъ. Когда

---

*) Страницы 226—359.

вы жизнь вашу будете въ обхожденіи съ знатными и честными людьми препровождать, то могутъ и такіе иногда случаться, которые меня знали и отъ коихъ вы, можетъ быть, тожъ услышите, что я такъ, подражая письму Сократову, симъ самъ о себѣ пишу, но что я къ нажиткамъ и богатству страстно не былъ прилѣпленъ (хотя къ тому и разные случаи имѣлъ). На сіе вамъ мое объявленіе постороннія свидѣтельства будутъ непотребны: вы сами чрезъ себя все то узнаете. Мое желаніе въ разсужденіи васъ всегда состояло въ томъ, дабы васъ въ добромъ воспитаніи и въ ученьи содержать (къ чему крайнюю мою возможность употреблялъ и употребляю), а при томъ оставить бы вамъ хотя и небольшіе способы, однакожъ такіе, чрезъ которые бы вы въ содержаніи своемъ великихъ нуждъ и бѣдности не имѣли. По сіе время все что̀ я имѣю большаго не сочиняетъ, однакожъ долженъ признать и Бога благодарить, что по благости Его ничто нужное намъ не оскудѣваетъ. Когда съ молодыхъ вашихъ лѣтъ не будетъ въ васъ лѣности и въ должностяхъ вашихъ такъ станете трудиться, какъ я мои отправлялъ, и поступки ваши съ моими будутъ сходственны, то надѣюсь на Его всемогущество и щедроты, что вамъ въ свѣтѣ ни въ чемъ нужномъ недостатка не будетъ; излишества жъ неполезны, отводятъ отъ добродѣтели, слѣдственно и желать ихъ не надо.

Я вамъ, какъ вашъ отецъ и другъ, совѣтую и подтверждаю не нажитковъ и богатства искать, но простираться въ честности и въ добродѣтели исполненіемъ должностей по званію вашему; въ томъ-то на свѣтѣ истинное и совершенное благополучіе, такожъ и въ спокойствіи духа состоитъ. Родители мои покойные противъ нынѣшняго моего больше нежели въ трое имѣли, но по многимъ ихъ и фамиліи нашей несчастливымъ приключеніямъ, не только почти всего того, но и отечества (города Вологды) и дому, гдѣ наши предки жили, отстать были принуждены. И хотя наконецъ всѣ ихъ бѣдствіи миновались и состояніе ихъ въ лучшее претворилось, но я одинъ изъ 12-ти или изъ 13-ти бывшихъ у нихъ дѣтей оставшій при нихъ сынъ (ибо протчіе всѣ во младенчествѣ померли) оставленнаго отъ нихъ имѣнія еще итого гораздо меньше получилъ, сколько вы отъ меня надѣяться можете. Однако то выше всякаго богатства почитаю, что они о воспитаніи моемъ крайне прилежали и въ тѣ самыя времена когда недостатки и бѣдствія ихъ угнетали, ибо все то случилось имъ, какъ я еще малолѣтенъ былъ.

И понеже я при вышеписанныхъ обстоятельствахъ родителемъ моимъ, а вашимъ дѣдомъ воспитанъ и судьбами Божескими дважды женился, да и въ службу вступилъ не въ томъ городѣ, гдѣ рожденъ и гдѣ

предки наши живали, слѣдственно и основаніе жительства, стало быть, не въ той уже сторонѣ, но по большей части въ здѣшей Оренбургской губерніи, гдѣ я уже около 30 лѣтъ служу и вы всѣ рождены: потому за особливую мою должность признаю и сіе хотя кратко сообщить, почему бы вамъ о происхожденіи своемъ знать; ибо вы, живши въ такихъ мѣстахъ, гдѣ у васъ родственниковъ и свойственниковъ съ моей стороны почти нѣтъ, и не имѣя у себя таковой записки, не только своихъ предковъ, но и самыхъ ближнихъ и единоутробныхъ съ вами братьевъ и сестеръ вѣдать не будете. А мы, какъ по натуральнымъ, такъ и по Божественнымъ законамъ, не только къ живымъ, но и къ усопшимъ изъ нихъ особливыми должностями къ нимъ обязаны. Я самъ никогда безъ великаго сожалѣнія не бываю, когда вспомню что, утратя изъ книгъ родителя моего записки рукою его писанныя, не могу точно знать не только всѣхъ дальнѣйшихъ фамиліи нашей приключеній, но и о сродствѣ нашемъ подлинно, но и сего: сколько было у меня братьевъ и сестеръ со мною единоутробныхъ прежде и послѣ меня рожденныхъ. Память моя по тогдашнему малолѣтству къ сему недостаточна; а тѣ родительскія записки во многихъ нашихъ переѣздахъ не въ одномъ мѣстѣ бывшихъ разными случаями утратились. Итакъ прямо одну сестру точно помню, коя вмѣстѣ со мною росла и въ бытность нашу въ Москвѣ пятилѣтняя отъ оспы скончалась. Она для ея добраго нраву и смысла отъ родителей моихъ весьма любима была и называлась Прасковьею; погребена тамъ у церкви Богоявленія Господня, что̀ въ Ѣлоховѣ; однако припомню ихъ слова, что всѣхъ сыновей и дочерей, моихъ братьевъ и сестеръ, было у нихъ около вышеозначеннаго числа, изъ которыхъ я въ 1712-мъ году Октября 1-го дня рожденъ ими въ четвертыхъ, и только одинъ къ ихъ утѣшенію въ живыхъ остался, прочіе всѣ, какъ воше упомянуто, въ младенчествѣ померли. И хотя истинное благородство, наипаче въ честномъ воспитаніи и въ добродѣтеляхъ нежели въ породѣ состоитъ; но издревле не только у насъ, но почти и вездѣ въ обычай вышло знатность породы не меньше достоинства и добродѣтели уважать. По здравому разсужденію, та только знатность и древность породы во всѣхъ случаяхъ предпочтенія достойна, которая съ заслугами отечеству, съ достоинствомъ и съ добродѣтельми соединена. Но намъ толь застарѣлаго и повсемѣстнаго обыкновенія перемѣнять не должно и невозможно. Въ самомъ Священномъ Писаніи находятся томужъ мнѣнію подобныя слова, а имянно «похвала дѣтямъ отцы ихъ“.

Вамъ, дражайшія мои дѣти, предками своими тщеславиться нельзя и не должно, однакожъ и стыдится причины нѣтъ, хотя бы кто и подлостью, хотя бы кто, отъ незнанія и подлости васъ попрекнулъ. Меня

самаго иногда тѣмъ безразсудные люди попрекали, но отъ скромности моей всегда сами устыдяся, отходили. Подлинно въ предкахъ нашихъ (сколько я свѣдомъ) не только бояръ и генераловъ, но и полководцевъ не было, однако не всѣ генералы отъ генераловъ родятся. Мнѣ кажется, для васъ и сего довольно, дабы такимъ осуждателямъ уста затворить, что вы отъ такого отца произошли, котораго службу наивысочайшая въ свѣтѣ Монархиня имяннымъ своимъ указомъ милостиво признать и въ 1751-мъ году въ полковничій рангъ, т. е. коллежскимъ совѣтникомъ всемилостивѣйше пожаловать благоволила. По тому одному, какою бы вы породою своею низки ни были, однакожъ всегда можете пользоваться и защищать себя тѣмъ государственнымъ правомъ, которой блаженной и высокославной памяти отъ дражайшаго ея родителя Петра Великаго въ разсужденіи фамилій въ табели о рангахъ напечатано *).

Чтò до предковъ нашихъ надлежитъ, то за предписанными приключеніями обстоятельно показать вамъ объ нихъ не могу; но дабы вы совсѣмъ безызвѣстны объ нихъ не были, сообщаю вамъ то, чтò я отъ покойнаго моего родителя, а вашего дѣда, и въ 1739-мъ году, бывъ изъ Оренбургской экспедиціи по смерти родителей моихъ отпущенъ на Вологду, тамъ отъ одного въ глубокой старости бывшаго и уже давно покойнаго нашего родственника слышалъ.

По тому ихъ сказанію, ежели бы я такой концептъ въ себѣ имѣлъ, что честность и знатность предковъ, а не отъ достоинства и добродѣтели происходятъ, то бъ весьма мнѣ нетрудно предковъ нашихъ вывести изъ той древней Богемской фамиліи, которая въ Общемъ Историческомъ Лексиконѣ подъ именемъ *Рычь* и *Рычаковъ* описана, какое званіе и въ Польскихъ родословныхъ случалось мнѣ видывать; потому что по онымъ родителя моего, а особливо помянутаго родственнаго нашего сказаніямъ предки наши отъ нынѣ многимъ больше нежели за 200 лѣтъ въ тѣ смутныя времена, какъ Поляки на Россію впаденія чинили (чего и Вологодскіе предѣлы не миновали) на Вологдѣ поселились, изъ которыхъ нѣкоторые по тогдашнему обыкновенію въ разныхъ городовыхъ службахъ употреблялись, нѣкоторые жъ и купечество тутъ и къ Ар-

*) Въ пунктахъ къ учрежденію въ 1722-мъ году табели о рангахъ, а именно: въ 11-мъ пунктѣ, слѣдующее опредѣлено: Всѣ служители Россійскіе или чужестранные, которые осми первыхъ рангахъ находится или дѣйствительно были, имѣютъ оныхъ законные дѣти и потомки въ вѣчныя времена, лучшему старшему дворянству во всякихъ достоинствахъ и авантажахъ равно почтены быть, хотя бъ они и низкой породы были, и прежде отъ коронованныхъ главъ въ дворянское достоинство никогда произведены или гербомъ снабжены не были.

хангельскому порту производили. Первой и знатнѣйшій изъ оныхъ назывался *Ѳерапонтъ*, а по народному названію *Рычакъ* и *Рычко*. Отъ сего Ѳерапонта сказывали они, что нашъ родъ и прозванье происходятъ. Сіе сказаніе почитаю я достовѣрнѣйшимъ. Но что̀ до перваго принадлежитъ, то ни мнѣ, ни вамъ никакой потребности нѣтъ стараться изыскивать сіе, дабы родъ нашъ изъ такой дальности и неизвѣстности выводить, тѣмъ наипаче, что я, какъ вышеупомянулъ, честность не въ природѣ, но въ заслугахъ отечеству и въ добродѣтеляхъ почитаю, да и вамъ не только тѣмъ неизвѣстнымъ, но и мною самимъ тщеславиться не велю и весьма запрещаю. Надлежитъ вамъ себя собою и заслугами къ отечеству, а не природою честными показывать и въ разговорѣ о фамиліяхъ ни въ какіе споры не вступать, чѣмъ бы вы попрекаемы ни были. Я такіе споры почитаю за весьма неполезные, а особливо молодымъ людямъ частое безчестіе и самыя вредности отъ нихъ происходятъ.

Послѣ Ѳерапонта въ нисходящей линіи, кто были, мнѣ неизвѣстно; но дѣда моего отецъ (какъ я отъ моего родителя слыхалъ) хотя и изъ знатныхъ гражданъ былъ, но подъ старость не всегда трезвость наблюдалъ, отчего сынъ его, а мой дѣдъ всячески старался его свободить и удерживать, чрезъ что онъ наконецъ такъ на него озлобился, что нарочно ѣздилъ въ Москву и тамо бивъ челомъ его Царскому Величеству въ непослушаніи, получилъ и привезъ грамоту къ воеводѣ, дабы его за непочитаніе и непослушаніе отцу, по тогдашнему обыкновенію, публично наказать, и по знатью сына его (ибо онъ былъ и самъ изъ лучшихъ и разумныхъ людей въ городѣ) едва упрошенъ тамошнимъ архіепископомъ, воеводою и лучшими гражданами сына своего простить и ту грамоту у себя удержать. Сію особливость въ родѣ нашемъ для того сюда вношу, что я самъ оную грамоту въ письмахъ покойнаго родителя моего видывалъ и дабы вы вѣдали, какую по нашимъ государственнымъ правамъ родители надъ дѣтьми власть дѣйствительно имѣютъ.

Оной мой дѣдъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей *Ивана* да *Андрея*, кои родительское движимое и недвижимое имѣніе на двое раздѣлили и въ особыхъ уже домахъ одинъ подлѣ другаго жительствовали. Отъ послѣдняго хотя и остался сынъ *Петръ*, но оной не женясь скончался. А первой *Иванъ Ивановичъ Рычковъ* былъ вашъ прадѣдъ, а мой дѣдъ, котораго я не помню; ибо, по запискѣ родителя моего, родился я по кончинѣ жизни его. Онъ, какъ я отъ моего отца и отъ многихъ родственниковъ слыхалъ, былъ человѣкъ большаго росту, твердаго состоянія и здраваго разсужденія и употребленъ былъ многократно къ

знатнымъ государственнымъ дѣламъ. По родительской запискѣ онъ скончался скоропостижно въ городѣ Великомъ Устюгѣ, бывъ тамъ для учрежденія тамошнихъ казенныхъ сборовъ. Тѣло его оттуда на Вологду привезено, которое погребалъ преосвященный Павелъ, епископъ Вологодскій и Бѣлоозерскій со всѣмъ соборомъ при церкви Кирилла Бѣлоозерскаго, въ которомъ приходѣ всѣ предки наши жительствовали (въ набережной Пречистенской улицѣ) и погребались. Онъ послѣ себя оставилъ трехъ сыновей: *Ивана*, *Михаила* да *Ѳедора*, изъ которыхъ старшій *Иванъ Ивановичъ* былъ мой родитель, а вашъ дѣдъ. Жизнь его была соединена съ разными и по большей части трудными приключеніями. Съ молодыхъ лѣтъ онъ обще съ среднимъ своимъ братомъ вступилъ въ торговые промыслы, отправленіемъ на судахъ по рѣкамъ Вологдѣ, Сухонѣ и Двинѣ къ городу Архангельску, въ Голландію и другіе заморскіе отпуски хлѣба и разныхъ товаровъ. Я изъ записныхъ его книгъ, которыя онъ весьма тщательно и по иностраннымъ регуламъ велъ, припомню, что одинъ собственно его капиталъ, кромѣ кредиту, свыше 30 т. рублей простирался; но какъ братъ его вступилъ въ особливыя обязательства, а именно, чтобъ ему тогдашніе казенные товары своимъ коштомъ къ городу Архангельску отправлять, а за море отпускать и ефимочкое серебро ставить на денежный дворъ (о чемъ онъ по тогдашнему времени въ Приказѣ большіе контракты заключалъ), то тѣмъ и другими неосмотрительными поступками и весьма расточительнымъ житьемъ оные въ изрядномъ состояніи бывшіе ихъ промыслы отъ времени до времени въ упадокъ приходить начали. А потомъ отъ разбитія плывшихъ къ г. Архангельску съ тѣми казенными товарами судовъ великія затрудненія съ премногими убытками претерпѣвать были принуждены. Наконецъ же по счету въ Приказѣ начли на него нѣсколько тысячъ рублей доимки. И хотя оная доимка подлинно была напрасная, а сверхъ того изъ казны немалыя суммы требовать ему и получить надлежало, но онъ, при всемъ томъ, такъ себя неосторожно содержалъ и судей озлобилъ, что едва въ десять лѣтъ оной напрасной доимки освободиться возмогъ. Итакъ, оба они почти всего своего капитала лишиться были принуждены.

Между такими жалостными состояніями покойный родитель мой, видя, что братъ его страждетъ и общій капиталъ ихъ весь истощаваетъ, самъ поѣхалъ въ Москву, гдѣ будучи принужденъ былъ къ освобожденію себя и брата своего изъ предписанныхъ бѣдственныхъ случаевъ, чрезъ своихъ патроновъ, по примѣру родителя своего, а моего дѣда, опредѣленіемъ себя въ службу способовъ искать.

Итакъ въ 1722-мъ году по имянному указу опредѣленъ онъ былъ ко двору его королевскаго высочества герцога Голштинъ-Готторпскаго (Его Импер. Высоч. Благов. Государя Великаго Князя Петра Ѳедоровича къ родителю) гофъ-факторомъ, въ которомъ чинѣ при дворѣ Его Высочества былъ съ опредѣленнымъ ему жалованьемъ до отбытія Его Высочества въ Голштинію. Абшидъ, данный ему при отъѣздѣ Его Высочества изъ Россіи за собственноручнымъ его подписаніемъ, по нынѣ у насъ имѣющійся, довольно свидѣтельствуетъ, какъ Его Высочество изволилъ его жаловать *).

По отбытіи Его Высочества, родитель мой, хотя окладнаго своего жалованья уже не получалъ, однакожъ, чувствуя милости Его Высоч. оказанныя къ нему, находился всегда при министрахъ его, бывшихъ въ Россіи а именно: при б. Стамкенѣ и графѣ Бонде, изъ которыхъ послѣдній бывалъ на Вологдѣ между Шведскими плѣнными и отъ родителя моего по тогдашнему его состоянію немало одолженъ, что̀ онъ всегда со многою благодарностію помнилъ и ему разными благотвореніями заслуживать старался. Они его всегда въ дѣлахъ Его Высочества по Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и въ другихъ случаяхъ употребляли, которыя онъ за тѣ милости Его Высочества рачительно исправлялъ, хотя за то по тогдашнему времени нѣсколько укоряемъ и ненавидимъ былъ. А какъ я по имянному указу, блаженной памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны 1734-го года, въ свитѣ покойнаго статскаго совѣтника Ивана Кириловича Кирилова, отправленъ былъ въ Оренбургскую экспедицію: то онъ статской совѣтникъ, пожелаль его въ той экспедиціи безотлучно утвердить, и его въ ту экспедицію для установленія и утвержденія новой комерціи потребовалъ и на подъемъ изъ С.-Петербурга казенныя деньги къ нему отправилъ, почему онъ оттоль и отправился. Но въ Самару (гдѣ тогда оная экспедиція находилась) прибыли уже по смерти его господина статскаго совѣтника, въ быт-

*) Съ той милостивѣйшей рекомендаціи, которая въ ономъ абшидѣ родителю моему, а вашему дѣду изображена, при семъ для вѣдѣнія вашего прилагаю копію. „Мы Божіею милостію Карлъ Фридрихъ, наслѣдникъ Норвежскій, герцогъ Шлезвигъ-Голштинскій, Стормазонъ и Дитмарской, графъ Олденбургской и Дитмарской и пр. и пр. Извѣстно и вѣдомо да будетъ чрезъ сіе, что объявитель сего Иванъ Рычковъ при дворѣ нашемъ съ 1722-го году служилъ купчиною, и съ того времени даже до сего числа врученныя ему комиссіи прилежно и вѣрно исправлялъ. А понеже мы нынѣ при отъѣздѣ нашемъ отселѣ и отъ оной его службы отпущаемъ, того ради мы, показуя имѣющуюся къ нему милость, для означенныхъ его добрыхъ поступковъ и вѣрности, сей ему абшидъ дать, а притомъ наилучшимъ образомъ рекомендовать восхотѣли. Въ подтвержденіе жъ сего мы сей абшидъ своеручно подписали и нашею княжескою тако камеръ-печатью утвердить повелѣли. Въ С.-Петербургѣ, въ 20-й день Іюля 1727-го года“.

ность тутъ и при всей экспедиціи главнымъ командиромъ тайнаго совѣтника Василья Никитича Татищева, отъ котораго онъ къ тѣмъ дѣламъ и опредѣленъ. Первыя объ Оренбургской комерціи учрежденія чрезъ него учинены и ему къ исполненію были поручены. При оныхъ дѣлахъ въ 1738-мъ году былъ онъ въ Оренбургѣ (что̀ нынѣ Орская крѣпость) во время первой ярмарки и на 56-мъ году житія своего скончался. Гробъ его по тамошнемъ погребеніи, спустя нѣсколько лѣтъ, стараніемъ моимъ вынутъ и перевезенъ въ село наше Спаское и погребенъ тутъ при церкви подлѣ придѣла Святителя Николая, противъ южныхъ дверей каменной церкви.

Родительница моя, а ваша бабка, имяновалась Капиталина Ивановна. Ея отецъ, а мнѣ со стороны ея дѣдъ (котораго я довольно помню) Иванъ Павловичъ, и братъ ея родной Гаврила Ивановичъ Свѣшниковы были изъ самыхъ лучшихъ и капитальныхъ купцовъ на Вологдѣ. Житія ея было 55 или 56 лѣтъ, въ томъ числѣ въ замужствѣ съ моимъ родителемъ около 35 или 36; скончалась она на моихъ рукахъ въ г. Самарѣ въ томъ же году и мѣсяцѣ, когда родитель мой, а вашъ дѣдъ, будучи въ Оренбургѣ, скончался. Погребена она тутъ же въ Самарѣ при церкви Вознесенія Господня. Впрочемъ была она по премногу разумна и наполнена любви къ Богу и къ ближнему, во всю жизнь свою ничего хмѣльного не пила, слѣдственно пребывала во всегдашней трезвости и здравомъ разсужденіи.

Изъ вышеписаннаго, хотя и краткаго, описанія о предкахъ вашихъ можете вы нѣкоторыя понятія имѣть, а потому уже родственниковъ и свойственниковъ на Вологдѣ у меня слѣдственно и у васъ имѣвшихся познавать можете, къ которому познанію мы не только естественнымъ, но и Божественнымъ закономъ одолжены, по симъ апостольскимъ словамъ: *Аще кто не радитъ о своихъ, паче жъ о присныхъ, таковы да отвержатся отъ церкви, и пр.* И сіе Апостольское увѣщаніе въ разсужденіи родства и свойства̀ подтверждаю вамъ не только во всегдашней памяти имѣть, но и самымъ дѣломъ по возможности вашей старательно и тщательно наблюдать.

Елико до меня самого принадлежитъ, то я особливо долженъ оставить вамъ о себѣ, хотя и краткое, однакожъ такое описаніе, чтобъ вамъ знать, съ какими обстоятельствами по сіе время соединена моя жизнь, и впредъ, ежели Богъ благословитъ и допуститъ, не оставлю изъ того, что̀ со мною послѣдуетъ, потребное записать и вамъ сообщить: ибо выше означилъ уже я, что по моему и вашему состоянію, не имѣя у себя

такой записки въ надлежащемъ до родства и свойства нашего, будете вы еще въ бо̀льшемъ незнаніи противъ того, какъ я нынѣ нахожусь.

Мнѣ случилось читать, что въ Швеціи недавно такое учрежденіе учинено и публиковано въ народѣ, дабы не только изъ знатныхъ, но изъ посредственныхъ людей всякой житія своего записки содержалъ и оныя въ публичной архивъ на сохраненіе отдавалъ, въ томъ разсужденіи, что въ такихъ запискахъ со временемъ нужнаго для народной исторіи много будетъ сыскиваться. Сіе Шведское учрежденіе подлинно осуждать нельзя; не излишне бъ было, ежели бъ и у насъ такія записки въ обычай вошли. Я, какъ вашъ отецъ, каждому изъ васъ о такихъ запискахъ совѣтъ мой даю. Выше сего упомянулъ уже я, что они въ домашнихъ поведеніяхъ, а особливо для потомства весьма небезпотребны, только бы были неложныя и безпристрастныя.

Изъ предписанныхъ обстоятельствъ родителя моего можете вы разсуждать, какимъ несчастливымъ приключеніямъ подверженъ онъ былъ, хотя его надежда къ лучшему при всѣхъ тѣхъ случаяхъ никогда не оскудѣвала. Всегда онъ упованіе и прибѣжище свое къ Богу имѣлъ, ибо былъ исполненъ крѣпкой вѣры и искусенъ въ Священномъ Писаніи. Въ 1720-мъ году, когда онъ съ моею родительницею, а вашею бабкою, принужденъ былъ оставить отчизну и домъ и ѣхать въ Москву, былъ я около 8 лѣтъ, читать и писать по-русски умѣлъ уже нарочито. По прибытіи въ Москву, не смотря на всѣ свои безпокойства и затрудненія, вскорѣ отдалъ онъ меня учить иностранныхъ языковъ, и сперва Голандскаго, потому что великую склонность имѣлъ къ коммерціи и къ сей націи, да и свѣдѣнія какъ о внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ торгахъ былъ весьма достаточнаго. Нѣсколько научивши меня того языка и первой части ариѳметики, отдалъ меня для совершеннѣйшаго познанія онаго и другихъ языковъ и для обученія бухгалтерской наукѣ и внѣшней коммерціи къ тогдашнему полотняныхъ фабрикъ директору Ивану Павловичу Тамесу *), имѣвши съ нимъ издавна дружбу. Онъ уповалъ, что я познаніемъ сихъ дѣлъ буду отечеству не безпотребенъ, да и себѣ небезполезенъ.

Сей господинъ Тамесъ былъ подлинно мужъ великаго свѣдѣнія, не только въ коммерціи, но и во многихъ другихъ дѣлахъ, и за его разумъ и многіе полезные проекты къ заведенію и распространенію въ Россіи разныхъ мануфактуръ находился въ особливой милости у его

*) См. Дневникъ Берхгольца. П. Б.

Величества высокославныя памяти Государя Императора Петра Великаго. Онъ меня какъ сына любилъ и въ своей конторѣ не только языковъ и бухгалтерству училъ, но и при всѣхъ своихъ разсужденіяхъ и представленіяхъ къ размноженію мануфактуръ и къ пользѣ Россійской коммерціи чиненныхъ всегда употреблялъ, и хотя я тогда не совершеннаго еще возраста былъ, слѣдственно и понятія ко всему тому достаточнаго не имѣлъ, однако въ познаніи оныхъ дѣлъ еще тогда и суще отъ него нарочитое основаніе получилъ, чѣмъ не только я, но и вы, какъ отъ меня происшедшіе, ему много одолжены. По смерти его, жилъ я нѣсколько времени при моемъ родителѣ, котораго безпокойство и бѣдствія брата его, а моего дяди, еще тогда продолжались, да и конца имъ было не видно.

Въ такихъ нашихъ обстоятельствахъ принужденъ я былъ не только мое ученье, но и родителей моихъ оставляя, сыскивать способъ къ ихъ облегченію, и гдѣ бъ себя употребить, чтобъ какъ мнѣ такъ и имъ было не безъ печали, тѣмъ наипаче, что они покойные никакого безпутства во мнѣ не видѣли, но еще и годность нарочитую съ немалою и всегдашнею охотою къ наукамъ примѣчали; а гдѣ и какъ меня пристроить по тогдашнему своему состоянію, способовъ не находили.

Между тѣмъ, около 1730-го года, родитель мой, поѣхавъ въ С.-Петербургъ, взялъ меня съ собою, гдѣ графъ Бонде, министръ его королевскаго высочества герцога Голштинскаго, рекомендаціями своими способствовалъ къ опредѣленію моему въ службу при бывшемъ тогда кабинетѣ или при дворѣ, и хотя обѣщаніе имѣлъ онъ тогда надежное, но дѣйствительное опредѣленіе отъ времени до времени откладываемо, а наконецъ сказано было, чтобъ подождать до состоянія новаго штата, при чемъ я и остался. Въ туже С.-Петербургскую бытность родитель мой сдружился съ Англичаниномъ Вилимомъ Элмзелемъ, который хотя не такого совершенства, какъ покойной Тамесъ, однакожъ по премногу доброй человѣкъ и знатной капиталистъ былъ. Сей, видя, что я изъ Русскихъ Нѣмецкой языкъ нехудо умѣю и имѣя въ своей дирекціи казенные Ямбургскіе и Жабинскіе заводы со многимъ числомъ мастеровыхъ и Русскихъ и иностранныхъ людей (изъ которыхъ между Русскими большая половина была изъ солдатства тому мастерству обученные), просилъ родителя моего, дабы я у него правителемъ тѣхъ заводовъ побылъ, пока къ опредѣленію моему въ службу окажутся лучшіе и надежнѣйшіе способы, признавъ меня къ тому познаніемъ Нѣмецкаго языка способнымъ. Онъ обѣщалъ между тѣмъ не только честное содержаніе, но и деньгами достаточно награждать, а особливо ежели я пре-

кращу бывшія тогда между иностранными мастеровыми людьми несогласія и безпокойства: ибо они, вознегодовавъ на бывшаго предъ тѣмъ управителя Англичанина Книпоцьеса за многія его безпутства чинили сами разныя своевольства. Съ такою-то кондиціею я отъ моего родителя на тѣ заводы былъ отпущенъ. (Они отъ Санктъ-Петербурга были верстахъ въ 100). Подлинно я, тутъ живучи во всемъ на коштѣ помянутаго господина Элмзеля, честное и достаточное содержаніе возымѣлъ, да и удалось мнѣ всѣ тамошнія безпокойства прекратить и все въ надлежащее установленіе привести.

Здѣсь-то будучи, спознался я съ управителемъ тамошнихъ дворцовыхъ волостей Прокофьемъ Даниловичемъ Гуляевымъ и женился первымъ бракомъ на старшей его дочери Анисьѣ Прокофьевнѣ, съ позволенія моихъ родителей, которые для того моего сговору и сочетанія изъ Москвы въ Ямбургъ нарочно ко мнѣ пріѣзжали.

По вступленіи моемъ въ супружество всячески принужденъ уже я былъ домогаться сыскивать фундаментальное себѣ мѣсто и дѣйствительное въ службу опредѣленіе, къ чему еще и сіе побуждало, что оба оные стеклянные заводы разсуждено было перевести въ другое мѣсто и въ другую сторону, а именно: часть къ Ладожскому каналу, а другую въ С.-Петербургъ, гдѣ они и построены вновь.

По прибытіи въ С.-Петербургъ, увидалъ я, что по опредѣленію Правительствующаго Сената въ С.-Петербургскую Портовую Таможню принятъ былъ иностранный бухгалтеръ, съ такою кондиціею, чтобы тутъ содержаніе книгъ и счетовъ по Европейской бухгалтерской регулѣ установить. Ему для того окладнаго жалованья положено было по 800 въ годъ, а когда Русскихъ обучитъ оному дѣлу, то обѣщано было особливое награжденіе, чего ради дано ему было изъ Академіи нѣсколько молодыхъ людей въ ученики знающихъ ариѳметику. Ему жъ велѣно придать и переводчика, ибо онъ тѣ книги содержалъ не на Русскомъ, но на Нѣмецкомъ языкѣ. Въ разсужденіи сего дѣла явился я у г-на статскаго совѣтника Кириллова, который тогда въ Правительствующемъ Сенатѣ былъ оберъ-секретаремъ, и доносилъ, что я бухгалтерству съ издѣтства учился, просилъ опредѣленія. Онъ, поговоря со мною о томъ и усмотря, что я оное разумѣю, велѣлъ мнѣ въ Правительствующій Сенатъ объ опредѣленіи меня къ этому дѣлу подать прошеніе, кое я, подавъ вскорѣ, и опредѣленіе получилъ о бытіи мнѣ при портовыхъ и при оныхъ бухгалтерскихъ дѣлахъ переводчикомъ, къ означенному бухгалтеру помощникомъ съ жалованьемъ по 150 въ годъ. И хотя я,

съ годъ бывши у оныхъ дѣлъ, обнадеженъ былъ опредѣленіемъ на мѣсто того по контракту служившаго бухгалтера, ко всему тому, для чего онъ былъ опредѣленъ; но какъ помянутой г-нъ статскій совѣтникъ по имянному указу блаженныя памяти Г-ни Императрицы Анны Іоановны опредѣленъ былъ для многихъ государственныхъ интересовъ и важныхъ намѣреній и повелѣно ему было между прочихъ чиновъ пріискать и съ собою взять Русскаго булгалтера, то потому имянному указу въ 1734 мъ году отъ Правительствующаго Сената опредѣленъ и съ нимъ отправленъ я былъ въ ту экспедицію булгалтеромъ. Будучи въ той экспедиціи какъ отъ него Кирилова, такъ и отъ бывшихъ послѣ его генералитетовъ употребляемъ я былъ всегда (кромѣ одного перваго года) и почти безотлучно къ нужнѣйшимъ воинскимъ дѣломъ. Они, по тогдашнимъ Башкирскимъ безпокойствамъ, о томъ, какъ бы счетныя книги по регулѣ булгалтерской установить, почти и думать уже перестали; но усмотря, что я въ такихъ строгихъ случаяхъ къ управленію канцелярскихъ дѣлъ другихъ былъ способнѣе, все канцелярское правленіе на меня одного положили. При такихъ обстоятельствахъ имѣли они меня всегда и во всѣхъ походахъ безотлучно при себѣ и подлинно содержали меня въ отмѣнной милости. И хотя покойной статскій совѣтникъ Иванъ Кириловичъ весьма того не хотѣлъ, чтобъ мнѣ булгалтерское званіе въ секретарское перемѣнить и обѣщалъ за мою службу исходатайствовать мнѣ асессорской чинъ, но по смерти его тайный совѣтникъ Василій Никитичъ Татищевъ, принявъ оныя дѣла въ главную команду, представилъ, чтобъ мнѣ быть секретаремъ, изъ за чего я въ 1740-мъ году въ тотъ чинъ по имянному указу блаженной памяти Г-ни Императрицы Анны Іоановны, присланному къ покойному генералъ-лейтенанту князю Василію Алексѣевичу Урусову (той на мѣсто помянутаго г-на тайнаго совѣтника главнымъ командиромъ былъ) отъ 23-го Генваря и опредѣленъ съ милостивымъ о моей службѣ изъясненіемъ. Оный князь Василій Алексѣевичъ во всю свою бытность отечески меня жаловалъ и въ первой годъ бытности своей въ Оренбургской комиссіи за службу и труды мои прежде и при немъ понесенные въ асессорской чинъ удостоилъ, какое представленіе и отъ бывшаго на его мѣстѣ покойнаго генералъ-лейтенанта Леонтья Яковлевича Соймонова, да и напредъ упомянутаго г-на тайнаго совѣтника Василья Никитича (хотя онъ тогда отъ Оренбургской комиссіи и отлученъ былъ) учинено съ довольнымъ о моихъ службахъ изъясненіемъ. Но какъ его высокопревосходительство дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, по имянному Ея Императорскаго Величества указу вступя въ здѣшнія дѣла, мою службу и труды усмотрѣлъ, то не оставилъ онъ трижды Правительствующему Сенату представлять и всеприлежно старался, чтобъ тотъ

асессорской чинъ мнѣ исходатайствовать, въ которой я и пожалованъ 1743-го года указомъ изъ Правительствующаго Сената.

Будучи въ томъ асессорскомъ чинѣ и безотлучно при его высокопревосходительствѣ сколько гдѣ и при какихъ дѣлахъ былъ я употребляемъ, сіе описывать оставляю, избѣгая тщеславія, которое я ненавижу. Все оное по дѣламъ Оренбургской комиссіи, потомъ по губериской канцеляріи останется вѣдомо; сіе только вамъ означиваю, что его высокопревосходительство, движимъ справедливостію и признавая мою службу, въ 1744-мъ году по силѣ всемилостивѣйшаго Ея Императорскаго Величества указа, присланнаго къ нему изъ Правительствующаго Сената отъ 8-го числа Августа 1743-го года, ту землю мнѣ и наслѣдникамъ моимъ въ вѣчное владѣніе отвесть опредѣлилъ, гдѣ нынѣ благостію Божіею домъ и село наше Спасское находятся. И на тотъ отводъ со изъясненіемъ моихъ службъ мнѣ и наслѣдникамъ моимъ владѣть указъ того жъ 1744-го года Августа 31-го числа пожаловалъ. Которую его высокопревосходительства милость не только я доколѣ живъ, но и вы, и дѣти ваши со всегдашнимъ благодареніемъ чувствовать и прославлять долженствуете. А потомъ въ 1749-мъ году, онъ же въ разсужденіи моихъ службъ о повышеніи чина представленіе учинить благоволилъ, но прошенія резолюція за тѣмъ тогда остановилась, что по справкѣ въ Герольдіи нашлось старѣе меня около ста человѣкъ, а такъ Правительствующему Сенату безъ докладу Ея Императорскому Величеству и безъ особливаго Ея Императорскаго Величества указу чиномъ повысить меня стало быть не можно.

1751-го года въ Генварѣ мѣсяцѣ отправленъ я былъ отъ его высокопревосходительства въ С.-Петербургъ въ Правительствующій Сенатъ и въ Государственную Коллегію Иностранныхъ дѣлъ съ представленіямъ о Оренбургской коммерціи и о распространеніи оной въ полуденную Азію даже до Индіи (при сихъ представленіяхъ я же былъ употребленъ), при чемъ отъ него такожъ и отъ г-на бригадира Алексѣя Ивановича Тевкелева въ оба оныя мѣста между прочаго и о мнѣ учинены были рекомендаціи, но вскорѣ по моемъ отправленіи и его высокопревосходительство къ ѣздѣ туда имяннымъ Ея Императорскаго Величества указомъ позволеніе получилъ и отправился туда изъ Оренбурга въ первыхъ числахъ Февраля.

Сей 1751-й годъ, коль много благополученъ, столько и злополученъ мнѣ былъ. Благополученъ былъ, потому что я, по прибытіи моемъ въ С.-Петербургъ, какъ отъ бывшаго тогда государственнаго канцлера гра-

фа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина, такъ и отъ всѣхъ господъ сенаторовъ и отъ многихъ генералитетовъ, а особливо отъ его сіятельства генерала-кригсъ-комиссара князя Михаила Андреевича принятъ былъ весьма милостиво, изъ которыхъ послѣдній, памятуя усердіе мое въ бытность его сіятельства въ Самарѣ и въ Оренбургѣ (по нѣкоторымъ несчастнымъ случаямъ) оказываемое, во всѣхъ случаяхъ моимъ заступникомъ и предводителемъ былъ; а его высокопревосходительство, самъ прибывъ туда вскорѣ, по востребованію отъ канцлера въ помянутую Государственную Коллегію о награжденіи меня подалъ еще особливое свое доношеніе съ краткимъ изъясненіемъ моихъ службъ, по которому ихъ сіятельства государственной канцлеръ и вице-канцлеръ графъ Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ Февраля 28-го числа Ея Величеству съ милостивымъ засвидѣтельствованіемъ своимъ доложили. Итогожъ числа его сіятельство канцлеръ, призвавъ меня, изволилъ объявить, что Ея Императорское Величество всемилостивѣйше повелѣла за тѣ мои службы, которыя Ея Величеству были донесены, произвесть меня черезъ чинъ, т. е. въ коллежскіе совѣтники, обнадежа притомъ, что и указъ о семъ моемъ пожалованіи къ подписанію Ея Величества при первомъ докладѣ имѣетъ быть поднесенъ, которой и подписанъ Ея Величествомъ въ Петергофѣ Іюля 11-го 1751-го года. Ипонеже сіе чрезвычайно послѣдовавшее мнѣ пожалованіе почитаю я за особливое Божеское смотрѣніе и Ея Величества къ вѣрнымъ подданнымъ за щедрое милосердіе и за великое въ жизни моей благополучіе: то какъ съ онаго о мнѣ отъ его высокопревосходительства представленія (въ коемъ всѣ мои службы сокращенно означены), такъ изъ послѣдовавшаго на то имянного Ея Императорскаго Величества Высочайшаго и всемилостивѣйшаго указу, вамъ для знанія и памяти прилагаю при семъ копіи *). Я признаваюсь,

---

*) Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Тайнаго Совѣтника и Оренбургской губерніи губернатора Неплюева.

Доношеніе.

Обрѣтающійся при мнѣ асессоръ Петръ Рычковъ служилъ Ея Императорскому Величеству въ Оренбургской Комиссіи съначала оныя, исправляя порученыя ему дѣла ревностно и добропорядочно, что свидѣтельствуютъ разныя опредѣленія и представленія въ бывшій Кабинетъ и въ Правительствующій Сенатъ, отъ прежде бывшихъ въ той Комиссіи командировъ въ засвидѣтельствованіе его Рычкова службъ чиненныя, яко онъ при нихъ у всѣхъ тамошнихъ дѣлъ находился секретаремъ и былъ въ разныхъ походахъ сперва по причинѣ бывшихъ Башкирскихъ замѣшательствъ, а потомъ для свиданія съ Киргизъ-Кайсацкими владѣльцами и для начала Оренбургской Линіи, отъ которыхъ онъ Рычковъ и въ асессорской чинъ былъ представленъ, но резолюціи тогда не воспослѣдовало.

По вступленіи моемъ въ помянутую комиссію, усмотря его Рычкова достоинство и свѣдѣніе о тамошнихъ обстоятельствахъ Правительствующему Сенату и я представлялъ, прося, чтобъ онъ Рычковъ за его достоинство и тудъ асессорскимъ чиномъ былъ на-

что по слабости человѣческой нерѣдко случалось мнѣ въ грусть и въ сожалѣніе приходить, разсуждая о моей службѣ и часто видя, что другіе мои сверстники въ покойной службѣ находящіеся по одной ихъ линіи и по старшинству чинами меня превосходили и въ благополучіяхъ своихъ преуспѣвали; но по той воспослѣдовавшей и со мною Божеской и монаршеской милости остается вамъ собственной и домашній примѣръ, какъ Богъ на трудящихся призываетъ и склоняетъ монаршескія сердца къ милостивому награжденію оныхъ. Совѣтую и подтверждаю вамъ ввѣренныя вамъ дѣла (не смотря на то ,что другіе съ меньшимъ трудомъ и достоинствомъ васъ чинами превосходятъ) по принятой должности, не ослабѣвая, но тщательно и трудолюбно во всѣхъ случаяхъ съ несомнѣнною надеждою Божеской и монаршеской милости наблюдать и исполнять и простую пословицу: *за Богомъ молитва, а за царемъ служба никогда не пропадетъ*, за достовѣрную въ памяти имѣть и вѣрить словамъ премудраго Сираха: *Царево сердце въ руцѣ Божіей.* Я вамъ сіе за правило и наставленіе предаю, и еще подтверждаю, не смотря ни накакія затрудненія и помѣшательства, въ должностяхъ вашихъ прилѣж-

---

гражденъ. Почему онъ въ 1743-мъ году и пожалованъ съ такимъ опредѣленіемъ, чтобъ ему, будучи въ томъ чинѣ въ секретныхъ и въ заграничныхъ дѣлахъ, и секретарскую должность исправлять; а какъ оная комиссія по высочайшему Ея Императорскаго Величества указу учинена губерніей, то онъ Рычковъ и во оной тѣмъ же чиномъ и въ тѣхъ же должностяхъ остается и пребываетъ со опредѣленіемъ ему за тѣ труды жалованья по 400 р. въ годъ. Итако онъ въ томъ асессорскомъ чинѣ состоитъ уже около 8-ми лѣтъ и въ таможнихъ дѣлахъ какъ во внутреннихъ, такъ и въ заграничныхъ трудится онъ Рычковъ ревностно и порядочно.

Иponeже онъ Рычковъ при общемъ моемъ и бригадира Тевкелева представленіи о распространеніи Оренбургской коммерціи въ полуденную Азію отправилъ въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, прежде нежели я объ отъѣздѣ моемъ сюда всемилостивѣйшее повелѣніе получилъ съ засвидѣтельствованіемъ его трудовъ и съ прошеніемъ о показаніи къ нему за то милостиваго призрѣнія: того ради пріемлю я смѣлость симъ покорнѣйше Государственную Коллегію Иностранныхъ дѣлъ о награжденіи его Рычкова чиномъ нижайшею моею просьбою особливо утруждать, чтобъ онъ въ тѣхъ его же и въ нынѣшнихъ къ распространенію и къ установленію Оренбургской коммерціи представленныхъ дѣлахъ ревностнѣе трудиться наипаче ободренъ былъ". Подписано отъ его высокопревосходительства. Въ С.-Петерб. 26-го Фев. 1751-го года. Подано чрезъ меня тожъ числа.

Указъ нашему Сенату.

Всемилостивѣйше пожаловали мы обрѣтающагося въ Оренбургской губерніи ассесора Петра Рычкова, за его ревностную службу, въ коллежскіе совѣтники и быть ему у дѣлъ въ той же губерніи, а жалованья нашего довать ему прежнее по 400 р. на годъ, и повелѣваемъ нашему Сенату куда надлежитъ послать о томъ указы. Елисаветъ.

Въ Петергофѣ, въ 11-й день Іюля 1751-го года.

ность умножать и труды къ трудамъ прилагать крѣпко и надѣйтесь о событіи оной пословицы, которая надъ отцемъ вашимъ самымъ дѣломъ исполнилась.

Впрочемъ тотъ же 1751-й годъ злополученъ мнѣ былъ, потому что я, возвратясь изъ С.-Петербурга съ онымъ моимъ благополучіемъ, лишился любезной моей жены, а вашей матери Анисьи Прокофьевны, которую я, ѣдучи оттуда, въ селѣ нашемъ Спаскомъ благополучно нашелъ, но, пріѣхавъ обще съ нею въ Оренбургъ и поживъ одну только недѣлю, судьбами и благоволеніемъ Божіимъ на вѣки съ нею разстался къ неописанному моего огорченію. Скончалась она 16-го числа Сентября внезапно (т. е. чрезъ 10-ть или 12-ть часовъ бывъ предъ тѣмъ почти совершенно здорова) отъ безвременнаго и усильнаго теченія крови и разродилась въ послѣдній мѣсяцъ беременности, которою внезапною ея кончиною такую бѣду и тяжкую печаль я возчувствовалъ, какой по сіе время я во всю мою жизнь не имѣлъ. Выше означилъ уже я вамъ, кто ея родитель, а вашъ дѣдъ по ней былъ; онъ скончался на второмъ году нашего супружества и погребенъ въ дворцовомъ селѣ Путиловѣ близъ Ладоги, отъ С.-Петербурга верстъ въ 80-ти, гдѣ онъ былъ на управительствѣ. Мать была у нея (вамъ по ней бабка) Устинья Никитишна изъ фамиліи Некрасовыхъ, которая въ началѣ 1752-го года (итакъ вскорѣ послѣ кончины дочери своей) преставилась, оставя послѣ себя одного сына Василья, кой нынѣ въ Оренбургскомъ полку капитаномъ, да дочь Авдотью за Арзамаскимъ помѣщикомъ Сергѣемъ Измаиловымъ (коя нынѣ уже вдовствуетъ). Я сіе для того означилъ, чтобы вы родство матери вашей знали и по должности любили. Я по нынѣ безъ великой жалости вспомнить объ ней не могу. Вы горесть и слезы мои объ ней нерѣдко видали, и всѣ трое отъ меня и отъ нея рожденные помнить ее можете, а особливо старшій Андрей, который во время скончанія ея уже по 13-му году былъ. Она исполнена была доброй вѣры къ Богу, добросердечна и весьма человѣколюбива, безпомощнымъ и бѣднымъ въ нуждахъ ихъ по возможности своей помогать всегда старалась. О домѣ имѣла попеченіе всегда лучшее и большее, нежели я, и подлинно за все то, что̀ я по смерти ее въ домѣ у себя возымѣлъ ея старанію одолженъ, которое все мое о домѣ нерадѣніе навершала. Она хотя была погребена въ Оренбургѣ внутри каменной соборной церкви между двухъ столбовъ на правой сторонѣ, но потомъ чрезъ годъ по данному отъ его преосвященства Луки, епископа Казанскаго и Свіяжскаго позволенію, гробъ ея вынутъ и перевезенъ въ село наше Спаское и погребенъ тамъ близъ алтаря церковнаго въ одной могилѣ съ дочерью нашей, а вашей сестрою Марьею, которую какъ она, такъ и я сердечно любили и за

особливое свое увеселеніе почитали. Оное его преосвященства о перевозѣ ея гроба позволеніе съ тѣмъ резономъ отъ него учинено, что она, покойная, о построеніи и украшеніи въ селѣ нашемъ Божіей церкви при моемъ и свое особливое усердіе и стараніе прилагала. Я съ нею въ супружествѣ жилъ 18 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ; тезоименитство ея было 30-го Декабря, а скончалась 16-го Сентября, слѣдственно въ то число и поминовенію покой быть надлежитъ, о которомъ вамъ завѣщеваю. Дѣтей имѣлъ я съ ней перваго Петра въ 1736-мъ году въ Уфѣ рожденнаго, въ Самарѣ рожденныхъ: Александра, Андрея, дочь Анну, въ бытность нашу въ Сибири въ Исецкой провинціи дочь Марью, въ Оренбургѣ родившихся: Ивана, Николая, Анну, Александра, Гавріила, Петра. Итого 11 человѣкъ, изъ которыхъ по смерти ея остались въ живыхъ сынъ Андрей, въ 1738-мъ году въ Ноябрѣ мѣсяцѣ родившійся, воспріемниками его были, бывшій каморъ-цалмейстеръ, потомъ полковникъ Александръ Ивановичъ Кайсаровъ, да княгиня Наталья Григорьевна Бѣлосельская, супруга князя Михаила Андреевича Бѣлосельскаго. Дочь Марья, въ 1743-мъ году въ Мартѣ мѣсяцѣ родившаяся. Ея воспріемники г-нъ бригадиръ и бывшій Оренбургскій комендантъ Петръ Степановичъ Бахметевъ, да Анна Ивановна Неплюева, дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ивана Ивановича Неплюева, нынѣ въ замужествѣ за г-мъ вице-президентомъ Михаиломъ Купріяновичемъ Лунинымъ, да рожденные въ Оренбургѣ въ 1745-мъ году Иванъ (его воспріемники г-нъ подполковникъ Михаилъ Ѳедоровичъ Исаковъ и помянутая его высокопревосходительства дочь). Въ 1746-мъ году Октября 15-го Николай, у коего воспріемники были помянутой г-нъ подполковникъ да г-жа докторша Дарья Крестьяновна Гиндерова. Да скончалась она, какъ вышеупомянуто, на послѣднихъ недѣляхъ ея двѣнадцатой беременности, неразродившись, на 39-мъ году отъ рожденія своего.

1752-й годъ для меня весьма подобенъ предварившему былъ. Я не только за всякое мое благополучіе, но и за особливое ко мнѣ и къ вамъ Божеское милосердіе признаю, что Онъ даровалъ мнѣ вторую помощницу Елену Денисовну, первой покойной Анисьѣ Прокофьевнѣ во многомъ подобную и которая васъ, оставшихъ послѣ первой, нелестно любитъ и имѣетъ надлежащее о васъ попеченіе. Сговорилъ я на ней 22-го числа Марта чрезъ посредство г-на подполковника Даніила Дмитріевича Лузина, а сочетался 12-го Апрѣля 1752-го года. Она есть старшая дочь лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку капитана-поручика Дениса Никитича Чирикова. Мать ея Марѳа Герасимовна, по отцѣ Никитина. Сіи обѣ фамиліи изстари вотчины свои имѣли и имѣютъ въ Симбирской провинціи не подалеку отъ города Симбирска и почи-

таются въ той провинціи между знатнѣйшими. Съ обѣихъ сторонъ родственниковъ и свойственниковъ множество. Вы и дѣти ваши по нихъ всегда познавать возможете. Я женился симъ вторымъ бракомъ отъ рожденія моего 39-ти лѣтъ, а она выдана за меня дѣвицею отъ рожденія ея на 20-мъ году. Подлинно въ ней даровалъ мнѣ Богъ такую помощницу, какой я, бывъ во вдовствѣ моемъ, въ разсужденіи себя и васъ, оставшихся послѣ первой, желалъ и отъ Его всемогущества многожды со слезами просилъ.

Въ томъ-то сей 1752-й годъ благополученъ мнѣ былъ. Но напротивъ того вскорѣ, а именно по пріѣздѣ съ новою моею хозяйкою въ село наше Спаское, засталъ дочь мою Марью уже заболѣвшую крапивною горячкою, которая вскорѣ такъ въ ней усилилась, что она въ тамошнюю жъ нашу бытность, а именно 16-го числа Іюня, и скончалась, къ неописанному моему огорченію. Житія ей было 9 лѣтъ, 2 мѣсяца и 23 дни. Она, будучи въ семъ возрастѣ, не только по-русски, но и по-нѣмецки изрядко читать и писать научилась, да и говорить Нѣмецкимъ языкомъ умѣла весьма уже хорошо. Я до нынѣ безъ великой жалости вспомнить ее не могу. Погребена она въ селѣ нашемъ Спаскомъ, куда, какъ выше значится, и гробъ матери ея перевезенъ, и въ одной могилѣ обѣ погребены.

Между обстоятельствами и приключеніями, въ семъ же 1752-мъ году со мною бывшими, особливаго примѣчанія достойно и то, что Государственная Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ, разсуждая о распространеніи Оренбургской коммерціи чрезъ Хиву и Бухары въ дальнѣйшія Азіатскія области, а паче въ Индію, за потребность признала для нѣкоторыхъ договоровъ и постановленій къ Хивинскому и къ Бухарскому ханамъ отправить изъ С.-Петербурга (какъ то именно значитъ въ листахъ сочиненныхъ во оной коллегіи отъ его сіятельства государственнаго канцлера) знатную и повѣренную особу и такого человѣка, которой бы не только о состояніи Оренбургской губерніи и коммерціи совершенно знать могъ, но чтобъ и о тамошнихъ народахъ достаточное свѣдѣніе понять и о намѣреніяхъ развѣдать, и то новое дѣло съ лучшею къ здѣшней сторонѣ пользою постановить въ состояніи былъ, къ сему упомянутой коллегіей способнѣе другихъ признанъ и опредѣленъ былъ, потому что сначала Оренбургской экспедиціи у тѣхъ дѣлъ обрѣтаюсь, съ прибавленіемъ сего, что по бытности моей въ Хивѣ и въ Бухарахъ и по тамошней моей очевидности еще съ лучшею пользою въ Оренбургской губернской канцеляріи служить могу и пр. И по указу Ея Императорскаго Величества, данному изъ той коллегіи г-ну тайному совѣт-

нику кавалеру и Оренбургскому губернатору Ивану Ивановичу Нѣлову 28 Апрѣля сего 1752 года, точно велѣно было придать мнѣ нѣсколько офицеровъ, переводчика, толмача и другихъ чиновъ и въ ту экспедицію меня и отправить, а съ какимъ наставленіемъ и снабдѣніемъ, о томъ въ ономъ указѣ явствуетъ, о чемъ изъ той коллегіи и въ Правительствующій Сенатъ донесеніе было взнесено. Но по высокому Правительствующаго Сената опредѣленію велѣно въ ту посылку вмѣсто меня отправить другого, а я удержанъ отъ того съ такимъ милостивымъ разсужденіемъ, что по знанію моему въ Оренбургской губерніи происходившихъ дѣлъ и обстоятельствъ нужнѣе и полезнѣе мнѣ быть въ Оренбургѣ товарищемъ при вышеупомянутомъ г-нѣ тайномъ совѣтникѣ, о чемъ къ нему, г-ну тайному совѣтнику, отъ 27-го Мая того же 1752-года и указъ изъ Правительствующаго Сената присланъ. Во ономъ указѣ между прочаго въ 1 пунктѣ написано о мнѣ слѣдующее: Хотя отъ коллегіи даннымъ вамъ указомъ и опредѣлено для написаннаго въ томъ указѣ обстоятельства въ Хиву и въ Бухарію послать помянутаго совѣтника Рычкова, но пока же онъ совѣтникъ Рычковъ по бытности его съ начала той губерніи состояніе всѣхъ по оной происходящихъ дѣлъ свѣдущъ и по опредѣленію его высочайшимъ Ея Императорскаго Величества указомъ у дѣлъ въ той губерніи при васъ г-нѣ губернаторѣ товарищемъ одинъ состоитъ, въ случаѣ вашей болѣзни или какой отлучки, отъ такого его совѣтника отлученія и въ дѣлахъ произойти можетъ остановка и упущеніе, наипаче по довольному его тамошнихъ дѣлъ и востановленію коммерціи свѣдѣнію, въ бытность его при васъ товарищемъ, таковымъ посланнымъ наилучшее наставленіе съ пользою высочайшаго Ея Императорскаго Величества интереса могутъ производить: и того ради его совѣтника Рычкова туда не посылать, а вмѣсто его послать другого къ такимъ дѣламъ знающаго и надежнаго человѣка по разсмотрѣнію той коллегіи.

1753-мъ году Генваря 24-го числа немало обрадованъ я полученнымъ изъ Государственной Военной Коллегіи указомъ, по которому старшій мой сынъ Андрей (съ 25-го Апрѣля прошлаго 1752-го году, въ офицеры прапорщикомъ пожалованъ, на 14 году отъ рожденія его. Онъ, уповаю, не забудетъ, сколько было у меня радостныхъ слезъ, когда я о семъ пожалованіи первое извѣстіе получилъ. Въ Февралѣ получилъ я еще обрадованіе тѣмъ, что 21-го числа того мѣсяца поутру, кое число было тогда день воскресной, даровалъ мнѣ Богъ со второю моею женою, а вашею матерью, перваго сына нареченнаго Васильемъ. Я особливо долженъ милосердіе Божіе прославлять не только за рожденіе онаго, но и за матерь, которая въ рожденіи его чрезъ 14 часовъ имѣвъ

самую прежестокую и мучительную болѣзнь (чѣмъ меня, по причинѣ покойной Анисьи Прокофьевны въ отчаяніе было жизни моей привела) отъ ея беременности благополучно разрѣшилась. При семъ мучительномъ ея состояніи много способства и одолженія показали ей и мнѣ г-жи бригадирша Наталья Аѳанасьевна Бахметева и полковница Авдотья Михаиловна Куроѣдова, ибо во все то время обѣ они были при ней безотлучно.

Того жъ 1753-го года Апрѣля 27-го дня заложенъ мною въ Оренбургѣ каменный нашъ домъ, наипаче въ разсужденіи сего, что деревянное тутъ строеніе по скудости лѣсу неспособно и непрочно, въ которой я слѣдующаго 1754-го года 27-го Сентября и пожитки перенесъ. Между прочими онаго жъ 1753-го года случаями небезпотребно и сіе оставить на память, что его в-во д. т. с. Иванъ Ивановичъ Неплюевъ 12-го Декабря, отъѣзжая изъ Оренбурга на время въ Исецкую провинцію для тамошнихъ распорядковъ, правленіе губернскою канцеляріею и всѣ секретныя и заграничныя дѣла мнѣ одному поручилъ, о чемъ отъ него того жъ числа и въ Правительствующей Сенатъ рапортовано. Итакъ я въ семъ году имѣлъ честь нѣсколько времени всею Оренбургскою губерніею съ подчиненными провинціями одинъ правителемъ быть.

Выше сего упомянулъ уже я, что 21-го Февраля родился мнѣ сынъ Василій, а 27-го Декабря сего 1753-го года даровалъ мнѣ Богъ и другого сына, кой нареченъ былъ Петромъ, и такъ на одномъ году двумя сыновьями по благости Божіей былъ я обрадованъ, что̀ въ жизни человѣческой нечасто случается. Можетъ статься, что отъ сего и простая пословица произошла: два сына на году, а третій къ Покрову; но сей послѣдній, поживъ только 6 мѣсяцовъ и 23 дни, скончался Іюля 19-го слѣдующаго году.

Въ 1754-мъ году въ обстоятельствахъ моихъ знатнаго ничего не случилось, кромѣ сего, что 16-го Декабря родилась мнѣ дочь, которую на память вышеупомянутой въ 1752-мъ году девяти лѣтъ скончавшейся дочери Маріи именовали Марьею; воспріемникъ ея былъ при святомъ крещеніи г-нъ бригадиръ и Оренбургской комендантъ Петръ Степановичъ Бахметевъ со старшею своею дочерью дѣвицею Надеждою Петровною, которая потомъ была въ замужествѣ за капитаномъ Иваномъ Есиповымъ.

Въ 1755-мъ году, кромѣ обыкновеннаго никакихъ особливыхъ случаевъ со мною не было, но за то долженъ я Всемогущаго Бога благо-

дарить, что препроводилъ оной со всѣми моими домашними безбѣдно и безвредно, къ тому имѣлъ еще и сіе удовольствіе, что тесть мой вышеозначенной гвардіи капитанъ Денисъ Никитичъ Чириковъ и теща моя Марѳа Герасимовна съ меньшею ихъ дочерью Надеждою изъ Симбирскихъ своихъ вотчинъ для посѣщенія моего пріѣзжали ко мнѣ въ Оренбургъ и лѣтніе мѣсяцы тутъ у меня препроводили.

Въ 1756-мъ году апрѣля 9-го числа даровалъ мнѣ Богъ дочь, которая имянована была Александрою. Въ послѣдней половинѣ сего года осмѣлился я Правительствующему Сенату представить мои службы съ начала Оренбургской экспедиціи понынѣ чиненныя, и просить для поправленія моихъ деревень и домашней моей экономіи въ годовой отпускъ, въ которомъ я еще съ начала моей службы не бывалъ, посему и милостивую резолюцію въ нынѣшнемъ же году получилъ, но съ тѣмъ, чтобы мнѣ въ тотъ отпускъ уволену быть отъ дѣлъ Генваря съ 1-го числа будущаго 1757-года на годъ, а по прошествіи онаго велѣно явиться къ присутствію въ Оренбургскую губернскую канцелярію попрежнему, чего ради и паспортъ присланъ ко мнѣ былъ изъ Правительствующаго Сената.

1757-го года въ первыхъ числахъ Генваря поѣхалъ я изъ Оренбурга напередъ въ городъ Уфу, а потомъ въ Исецкую провинцію для осмотра и поправленія находящагося у меня въ той провинціи винокуреннаго Горовлянскаго завода, а оттуда въ Февралѣ мѣсяцѣ чрезъ Уфу въ село мое Спаское возвратился, гдѣ нѣсколько дней побывъ, поѣхалъ въ Симбирскъ, для посѣщенія тестя моего Дениса Никитича, куда дочь его, а моя жена, съ малолѣтними дѣтьми моими, еще въ Декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1756-го года изъ Оренбурга отправились; тамъ побывъ съ мѣсяцъ времени, къ празднику Святыя Пасхи возвратились всѣ благополучно въ помянутое наше село.

Мая 7-го числа (которой день былъ Среда) въ спокойномъ деревенскомъ житьѣ, къ великому моему обрадованію, даровалъ мнѣ Богъ еще сына; его имяновали мы въ память вышеупомянутаго нашего перваго родственника Ѳерапонтомъ. Тезоименитство его было сего мѣсяца 27-го числа. Въ тотъ самой день, когда вознамѣрились мы привести его въ святое крещеніе, т. е. 19 числа сего мѣсяца, мимо села нашего слѣдовалъ въ Оренбургъ армейской драгунскій Азовской полкъ, и воспріемникомъ его былъ того полку г-нъ полковникъ Яковъ Ивановичъ Макшѣевъ съ г-жею маіоршею Яковлевою.

Въ разсужденіи сего младенца, брата вашего, бывшія мои примѣчанія, съ самаго того времени, какъ онъ началъ расти и смыслъ свой показывать, подавали мнѣ великое утѣшеніе и надежду, что будетъ изъ него человѣкъ достойной. Возрастъ и сила его по лѣтамъ были въ немъ больше обыкновеннаго. Лицо имѣлъ самое нѣжное и бѣлое, глаза большіе сѣрые, волосы блѣдные. Терпѣніе въ случившихся болѣзняхъ, скромность съ завсегдашнею ко всѣмъ ласкою, послушаніе и мысли, кои онъ, будучи по третьему году, въ разговорахъ своихъ сталъ показывать, много насъ удивляли. Въ лицѣ его казалось всегда нѣчто важное; нерѣдко случалось мнѣ, что я разговаривалъ съ нимъ, и усматривая въ немъ смыслъ и догадку выше его лѣтъ, и удивительные отъ него вопросы, радостныя слезы имѣлъ. Скончался онъ къ великому моему и матери его огорченію 1760-го года Апрѣля 13-го числа послѣ полудни въ 7-мъ часу. Жилъ 2 года, 10 мѣсяцевъ и 20 дней. Онъ за его смыслъ и удивительныя свойства въ толь малыхъ и нѣжныхъ годахъ столько любимъ былъ всѣми, что для погребенія его съѣхались генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры съ ихъ фамиліями, и было при томъ немалое людство. Погребенъ онъ въ Оренбургѣ у большой соборной церкви противъ алтаря, въ одной могилѣ и подъ однимъ сводомъ съ нижеписанными дочерью моею Натальею и со внукою Евдокіею; за добронравіе и смыслъ его столько онъ любимъ былъ мною и матерью, что безъ сожалѣнія и слезъ понынѣ вспомнить и говорить про него не можемъ.

Сентября 10-го числа назначено мною мѣсто поселенія новой деревни на покупной у г-на бригадира Петра Степановича землѣ, на рѣкѣ Саврушѣ близъ текущаго съ высокой горы ключа, которой имянованъ Студенцомъ.

14-го числа сего мѣсяца, т. е. въ день Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня, по благословенію Святѣйшаго Правительствующаго Синода члена преосвященнаго Гавріила, епископа Казанскаго и Свіяжскаго, заложена въ селѣ Спаскомъ каменная церковь во имя Преображенія Господня, по рисунку обрѣтавшагося въ Оренбургѣ архитектора Мюллера.

Того жъ 1757-го года и сіе еще имѣлъ я удовольствіе, что старшій мой сынъ Андрей (которой въ нынѣшнемъ году пожалованъ поручикомъ) женился Ноября 7-го дня на дочери покойнаго Симбирскаго помѣщика поручика Алексѣя Матвѣевича Роготова. Бракъ ихъ былъ въ селѣ Роготовѣ, при чемъ съ нашей стороны были Симбирской

воевода надворной совѣтникъ Иванъ Егоровичъ Кротковъ, тесть мой Денисъ Васильевичъ Чириковъ и пр. По женитьбѣ его ѣздилъ я съ матерью вашею и съ сыномъ Васильемъ въ Москву, гдѣ будучи Правительствующаго Сената отъ конторы по прошенію моему получилъ отсрочку на одинъ мѣсяцъ; а имянно чтобъ явиться мнѣ въ Оренбургѣ въ первыхъ числахъ Февраля будущаго году, на которой терминъ я туда и возвратился.

1758-го года по прибытіи моемъ въ Оренбургъ въ Февралѣ мѣсяцѣ, вскорѣ полученъ былъ указъ изъ Правительствующаго Сената, въ коемъ означенъ Ея Императорскаго Величества имянной высочайшей указъ: велѣно вышеупомянутаго г-на д. т. с. Неплюева за слабостію его здоровья изъ Оренбурга уволить, а на его мѣсто въ Оренбургскіе губернаторы представить кандидатовъ, правленіе Оренбургскою губернскою канцеляріею, до опредѣленія новаго губернатора, имѣть присутствующимъ въ оной канцеляріи членомъ и секретныя и заграничныя дѣла, которыя до того состояли въ особомъ вѣдѣніи помянутаго г-на тайнаго совѣтника, поручены были г-ну генералъ-маіору Тевкелеву обще со мною, о нихъ и указы присыланы уже на общіе наши имена, а притомъ если бъ помянутой г-нъ генералъ-маіоръ по глубокой его старости пришелъ въ изнеможеніе и въ случаѣ его изъ Оренбурга отлучки, по долговременному моему въ Оренбургѣ пребыванію и по довольному всякихъ здѣшнихъ обстоятельствъ знанію, велѣно и одному мнѣ всѣми дѣлами управлять.

Коль важные и до того никогда еще не бывшіе въ сихъ дѣлахъ случаи съ начала нынѣшняго 1758 года оказались изъ Азіатскихъ странъ, а особливо со стороны Китайскаго государства, сколько было моего труда и попеченія въ управленіи оныхъ дѣлъ, какія представленія учинены въ предосторожность государственнаго интереса, и какіе получены были на представленія наши въ апробацію указы, о томъ упоминать здѣсь потребности нѣтъ. Явно все то въ указахъ, присланныхъ къ намъ обоимъ и имѣющихся Оренбургской губернской канцеляріи въ секретной экспедиціи; то только означаю для знанія, что, будучи тѣмъ моимъ трудомъ довольны, въ учрежденную при дворѣ Ея Величества конференцію учинили о мнѣ представленіе, съ милостивою рекомендаціею, чтобъ я къ полученному мною жалованью по 400 въ годъ за тѣ мои труды награжденъ былъ, противъ полковничьяго чина, полнымъ армейскимъ жалованьемъ и съ раціонами.

Въ семъ же 1758-мъ году Августа 6-го числа даровалъ мнѣ Богъ дочь, и наречена была Натальею; она скончалась, поживъ около трехъ мѣсяцевъ, а именно 9 числа Ноября сего года.

1759-го года, главное мое благополучіе состояло въ томъ, что Всемогущій Богъ удостоилъ мнѣ видѣть сыны сыновъ моихъ; ибо Января 11-го числа даровалъ мнѣ перваго внука, а сыну моему Андрею сына, кой нареченъ Петромъ, а 28 Августа родилась мнѣ дочь Елисавета; но сія въ Генварѣ слѣдующаго года скончалась, бывъ съ матерью своею въ селѣ Чириковѣ у бабки Марѳы Герасимовны, гдѣ она и погребена, подлѣ гроба дѣда ея Дениса Никитича; ибо онъ умеръ въ исходѣ 1757 г., вскорѣ послѣ отъѣзду нашего въ Москву, а сынъ его поручикъ Василій Денисовичъ, одинъ послѣ его оставшійся, ѣдучи изъ арміи въ отставку за ранами полученными на кровопролитной баталіи близъ города Кистрина и бывъ въ Ригѣ, занемогъ рожею съ пятнами и отъ того 1758 года въ Мартѣ мѣсяцѣ скончался. И такъ послѣ его, кромѣ двухъ сестеръ, матери вашей Елены Денисовны, да другой Надежды Денисовны, коя еще при жизни отца ея выдана за Арзамаскаго помѣщика прапорщика Егора Семеновича Полчанинова, не осталось.

Въ протчемъ еще въ исходѣ прошлаго и въ началѣ сего 1759-го года отъ многихъ канцелярскихъ трудовъ и безпокойствъ, почувствовалъ я въ здоровьи моемъ противъ прежнихъ лѣтъ великую перемѣну, и такая болѣзнь, какихъ прежде во мнѣ не было; ибо почти завсегда мучимъ былъ головною болѣзнію и флюсами во всей головѣ, а паче въ лѣвой сторонѣ, отъ чего и названные припадки оказываться стали, и за тѣмъ наблюдая высочайшій интересъ и дабы въ такомъ случаѣ не произошло какого упущенія, принужденъ былъ моихъ патроновъ утруждать прошеніемъ объ опредѣленіи въ Оренбургъ настоящаго губернатора, изъявляя имъ слабость моего здоровья къ понесенію такихъ трудовъ, какіе прежде имѣлъ, крайнюю невозможность, а паче въ заграничныхъ дѣлахъ, которыя въ Азіи, а паче съ Китайской стороны что далѣе, то важнѣе становились; почему и опредѣленъ Оренбургскимъ губернаторомъ тайный совѣтникъ Аѳанасій Романовичъ Давыдовъ, которому важная команда (ибо оныя послѣ прежняго губернатора отъ губернскаго правленія особо на двѣ бригады раздѣлена была, отъ чего въ диспозиціяхъ и въ сношеніи съ бригадирами правленіе было затруднено) въ главную дирекцію вся поручена.

По прибытіи его превосходительства въ Оренбургъ въ тѣхъ секретныхъ и заграничныхъ дѣлахъ, я и г-нъ генералъ-маіоръ Тевкелевъ

имѣли съ нимъ въ силу указовъ общее присутствіе и правленіе; но понеже болѣзни во мнѣ еще болѣе стали усиливаться, къ освобожденію отъ коихъ обрѣтавшійся въ Оренбургѣ г-нъ докторъ Андрей Андреевичъ Риндеръ паче всего совѣтовалъ мнѣ подержать себя въ покоѣ, да и тамошній климатъ признавалъ къ тому неспособнымъ, совѣтуя хотя на нѣкоторое время отъ дѣлъ упраздниться, на что и аттестатъ мнѣ за рукою своею далъ. Того ради въ Декабрѣ мѣсяцѣ послалъ я въ Правительствующей Сенатъ челобитную, въ коей, означа мои болѣзни и тотъ докторской аттестатъ приложа при семъ, о увольненіи меня въ рекреацію и для излѣченія тѣхъ моихъ болѣзней въ деревни мои, въ Москву и въ Петербургъ года на два, прося при этомъ партикулярно и патроновъ моихъ о показаніи ко мнѣ въ томъ милости и снисходительства, почему въ слѣдующемъ году Марта 13 и получилъ я милостивую резолюцію: велѣно меня для того отъ присутствія Оренбургской губернской канцеляріи уволить и для рекреаціи отпустить въ деревни мои, такъ же въ Москву и Петербургъ на одинъ годъ, а по прошествіи того времени явиться къ присутствію въ Оренбургскую губернскую канцелярію по прежнему; а буде въ то время отъ болѣзней моихъ не получу свободу, то для просрока повелѣно явиться въ Правительствующемъ Сенатѣ, гдѣ оный тогда находится будетъ, чего ради и паспортъ прислать ко мнѣ изъ Правительствующаго Сената.

Между случаями сего жъ 1759-го года не долженъ я и сего пропустить, что Петербургская Императорская Академія Наукъ, за разныя мои сочиненія, которыя понынѣ всѣ отъ нея апробованы и въ печать изданы, а особливо за описаніе Оренбургской комиссіи и губерніи учинила меня своимъ кореспондующимъ членомъ и на сей чинъ при письмѣ ея конференціи секретаря (какъ то ведется въ академіяхъ) г-на Мюллера (на Нѣмецкомъ языкѣ) за подписаніемъ его сіятельства графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго какъ шефа и президента той Академіи и за печатью съ государственнымъ гербомъ, положенною въ серебряный ковчежецъ, на коемъ сдѣлано изображеніе, принадлежащее къ равнымъ наукамъ, получилъ я дипломъ на Латинскомъ языкѣ съ чего, какъ съ достопамятной вещи для васъ при семъ переводы, а подъ оными и точныя копіи съ подлинныхъ.

Переводъ съ диплома.

Указомъ Всепресвѣтлѣйшія и Самодержавнѣйшія Императрицы Елисаветы Августѣйшія всея Россіи Самодержицы. Я графъ Кириллъ

Разумовскій ея священнѣйшаго Императорскаго Величества Малороссіи обѣхъ сторонъ Днѣпра и всѣхъ Запорожскихъ гетманъ, Ея Величества дѣйствительный камергеръ, Императорской Академіи Наукъ президентъ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, подполковникъ, орденовъ св. Андрея, Бѣлаго Орла, св. Александра и св. Анны кавалеръ. По данной мнѣ отъ Августѣйшей моей Государыни власти, высоко-достойнаго мужа совѣтника Петра Рычкова причисляю въ члены (въ число) тѣхъ, которые съ Императорскою Академіею Наукъ производятъ литературную кореспонденцію, и для всегдашняго о томъ знанія сею дипломою торжественно дикларую, имѣя твердую надежду, что Академія и свободныя науки отъ той кореспонденціи, кою они съ помянутымъ высокодостойномъ мужемъ будутъ продолжать, знатную пользу получить имѣютъ. Въ С.-Петербургѣ. Августа 16-го дня 1759 года. Г. Кириллъ Разумовскій, Германъ Фридриховичъ Мюллеръ, Академіи Наукъ секретарь и профессоръ.

Переводъ съ письма г. Мюллера.

Высокоблагородный господинъ совѣтникъ. При семъ получите вы диплому о принятіи васъ въ число Академическихъ кореспондентовъ; она служитъ въ доказательство, коимъ образомъ Академія въ одну сторону уважая заслуги вашего высокоблагородія, которыя вы къ поспѣшествованію наукъ и къ пользѣ отечества уже учинили; а въ другую сколько желаетъ она впредъ имѣть пользы отъ прилежанія и искусства вашего. Вы еще первые въ Россіи, которому отъ нея сія честь отдается; оную получаете вы не чрезъ званіе ваше, ниже по представленію вашихъ друзей, ибо вы сами персонально Академіи незнаемы, но вѣдомы единственно по вашимъ письмамъ, которыя вы для распространенія наукъ и для споспѣшествованія общей пользѣ сочинили, также и чрезъ вашу бывшую до сего со мною кореспонденцію, чрезъ которую Академія различными образами пользы свои имѣла. Сіи обстоятельства и объявляютъ нынѣ сущее достоинство той дипломы. Теперь зависитъ отъ вашего высокоблагородія ту надежду, которую Академія на васъ имѣетъ, отъ времени до времени наиболѣе возвращать. Впротчемъ, если что есть и Академія найдется въ состояніи что либо въ угодность вашу учинить, то какъ его сіятельство господинъ президентъ и все наше собраніе, и каждый членъ онаго почтутъ то за свое удовольствіе, я же имѣю честь съ особливѣйшимъ почтеніемъ пребывать вашего высокоблагородія покорнѣйшій слуга Мюллеръ.

С.-Петербургъ Августа 18-го дня
1759-го года.

1760 года въ Генварѣ мѣсяцѣ отправленъ былъ Оренбургской губернской канцеляріи по секретной экспедиціи въ лежащихъ вблизи славныхъ Уральскихъ горъ Башкирскія волости для нѣкотораго разсмотрѣнія и былъ также на мѣдномъ заводѣ его сіятельства графа Карла Ефимовича фонъ Сиверса, имѣлъ случай посмотрѣть съ немалымъ моимъ удовольствіемъ ту великую пещеру, которая отъ заводу вверхъ по рѣкѣ Бѣлой на самомъ берегу сей рѣки въ высокой горѣ находится и во всей Башкиріи за наибольшую и знатнѣшую почитается. Краткое ея описаніе, тогда мною учиненное, напечатано отъ Императорской Академіи Наукъ въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ сего года въ Мартѣ мѣсяцѣ.

Въ Февралѣ мѣсяцѣ имѣлъ еще удовольствіе, что 13-го числа родилась мнѣ первая моя внучка, сыну Андрею дочь, Евдокія; скончалась она 10-го Мая сего года, поживъ 2 мѣсяца и 26 дней. Сего и дочери моей Елисаветы, скончавшейся сего года въ Генварѣ, а особливо любезнаго моего Ѳерапонта, кончину почитаю я за особливое Божіе посѣщеніе. Онъ его же милуетъ, того и наказуетъ.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ сего года полученъ указъ изъ Государственной Комиссіи объ отправленіи сына моего Андрея въ армію по его желанію и по челобитной, которую онъ посылалъ отсюда въ ту комиссію по командѣ съ такимъ опредѣленіемъ, дабы онъ для отправленія въ заграничную армію отправленъ былъ отъ команды въ С.-Петербургъ, куда онъ и отправился 21-го числа Апрѣля. При отправленіи его дано ему отъ меня письмо съ добрымъ наставленіемъ о страхѣ Божіи, о житіи, добродѣтельномъ и цѣломудренномъ, о всеприлежномъ наблюденіи присяжной законности, о безпристрастномъ почтеніи своихъ командировъ и о нелестномъ къ нимъ послушаніи, о поступкѣ съ равными и подчиненными, о порядочномъ содержаніи своихъ рабовъ и слугъ, о бережливости, чистотѣ и пр. Несомнѣнно уповаю, что онъ наблюденіемъ и исполненіемъ того, будучи въ сей службѣ, получитъ свое счастіе. Отъ меня отправленъ онъ, какъ отъ отца, въ слезахъ моихъ съ усерднымъ объятіемъ и съ благословеніемъ. Жизнь моя тогда совершенно будетъ благополучною, когда я его увижу полезна отечеству и благополучна. Желаніе истинной чести, врожденное ему чрезъ меня, побуждало его къ вышеозначенному прошенію, чего и я ему, какъ его отецъ и сынъ отечества, воспрещать не могъ.

Мая 13 числа выѣхалъ я изъ Оренбурга съ женою моею и съ дѣтьми и, побывъ два дни на построенномъ Тумановскомъ хуторѣ 21 числа сего мѣсяца пріѣхалъ въ село наше Спаское благополучно. Въ

нынѣшнемъ же 1760 году принялъ я намѣреніе о построеніи мѣдноплавильныхъ заводовъ и въ разсужденіе сего, а паче чувствуя въ себѣ слабость моихъ силъ и что я съ такимъ прилежаніемъ и успѣхами, какъ прежде, службу мою продолжать не въ состояніи, просить отъ дѣлъ отставки и увольненія вовсе. Того ради, будучи чрезъ все лѣто въ селѣ моемъ, старался о изысканіи мѣдныхъ рудъ и способныхъ подъ заводы мѣстъ и изыскалъ въ разныхъ мѣстахъ около 170 признаковъ и два мѣста, на которыхъ заводы построить. Первое почти на межѣ Оренбургского и Казанскаго уѣздовъ по рѣчкѣ Ирнѣ или Ирлѣ, падающей близъ пригорода Заинска въ рѣку Зай, отъ села Спаскаго верстахъ въ 50, а другое въ Подыровой волости на рѣчкѣ Азакѣ, коя отъ означеннаго подъ заводъ мѣста верстахъ въ трехъ впадаетъ въ рѣку Сосъ, а сія впала въ Волгу отъ села Спаскаго прямою дорогою не далѣе 35 верстъ, которыя мѣста по запискѣ за меня присланнымъ изъ Оренбургскаго горнаго начальства, горнымъ служителемъ свидѣтельствованы и усмотрѣны способныя, и также сысканные мѣдные признаки по пробѣ въ томъ начальства явились въ добротѣ ихъ изряднаго содержанія, и для того о дозволеніи мнѣ на тѣхъ мѣстахъ строенія заводовъ и разработыванія рудниковъ изъ онаго начальства по силѣ бергъ-привиллегіи и регламента представлено въ Государственную Бергъ-Коллегію.

По тѣмъ моимъ предпринятымъ намѣреніямъ 19 числа Октября съ женою моею и съ меньшимъ сыномъ Васильемъ изъ села Спаскаго поѣхалъ сперва въ Симбирскъ, дабы тутъ видѣть тещу мою Мареу Герасимовну, во вдовствѣ пребывающую, а сверхъ того огорченную смертію сына ея, а моего шурина Василья Денисовича Чирикова. По приглашенію ея чрезъ нарочно присланнаго человѣка пріѣхали въ село Чириково 28 числа того жъ мѣсяца, гдѣ нашли и меньшую ея дочь Надежду Денисовну съ мужемъ ея подпоручикомъ Егоромъ Семіоновичемъ Волчаниновымъ и обоихъ дѣтей ихъ.

Теща моя Мареа Герасимовна, будучи тогда больна, требовала, дабы между обоими сестрами оставшее послѣ отца все недвижимое и движимое имѣніе подѣлить, и хотя я на то никогда желанія не имѣлъ, но все съ моей стороны оставилъ въ волѣ и въ правленіи помянутой моей тещи, но видя ея также свояка и своячины моихъ желаніе, принужденъ склониться. И такъ между собою по нѣкоторой части подѣливъ, раздѣльныя 4-го числа Ноября подписали, а протчее все, что̀ тещѣ моей ниспонадобилось, оставили въ содержаніи у нея, дѣлая ей тѣмъ угодность и утѣшеніе. Однакожъ формально и письменно утверждать то я несклонился, хотя со стороны ея сего и усильно было требовано; ибо про-

тивъ того, что̀ на ея указную часть по законамъ слѣдовало, оставлено вдвое, а иное жъ втрое, а много и все безъ остатку, что̀ за покойнымъ тестемъ моимъ ни было. 19 числа Ноября меньшой ея зять и дочь ея меньшая отправились въ свое село Воронцово, которое состоитъ въ Курмышскомъ уѣздѣ, не доѣзжая Арзамасу верстахъ въ тридцати, а я во ожиданіи зимней дороги еще тутъ остался въ селѣ Чириковѣ.

11 Декабря поѣхалъ я далѣе въ мой путь, взявъ съ собою жену мою до села Воронцова, дабы ей побывать въ домѣ сестры ея. 15 число ввечеру туда пріѣхали, 25 день Рождества праздновали тутъ съ общимъ нашимъ удовольствіемъ, а 26-го поѣхалъ я въ Москву и С.-Петербургъ по дѣламъ моимъ.

Генваря 1-го 1761 года пріѣхалъ я въ подмосковную мою деревню Тетерки, отъ Москвы въ 70 верстахъ, а 3 числа прибылъ въ Москву, гдѣ продолжался за разными моими нуждами по 17-е число, а того числа выѣхалъ оттуда. 27-го Января прибылъ въ С.-Петербургъ. Жена моя, а ваша мать, отъ сестры своей въ первыхъ числахъ Января выѣхала, а ко дню Богоявленія пріѣхала къ своей матери въ село Чириково, 25 числа сего жъ мѣсяца разрѣшилась отъ беременности. Родила мнѣ дочь, а вамъ сестру Анну, которая тутъ и крещена; воспріемниками ея была теща моя, а ея бабка Марѳа Герасимовна, да своякъ мой лейбъ-гвардіи отставной капитанъ-поручикъ Александръ Ѳедоровичъ Плещеевъ.

По прибытіи моемъ въ С.-Петербургъ, какъ отъ господъ сенаторовъ, такъ и отъ всѣхъ моихъ милостивцевъ и патроновъ принятъ я былъ весьма милостиво. 5-го числа Февраля съ позволенія ихъ подалъ я Правительствующаго Сената въ герольдъ-мейстерскую контору челобитную, въ которой прописалъ службу мою съ 1732 года чиненную и имѣющіяся во мнѣ болѣзни, отъ которыхъ отъ времени до времени въ большую слабость прихожу (приложа при томъ объ нихъ и докторской аттестатъ), просилъ о увольненіи меня отъ всѣхъ дѣлъ вовсе. Почему 7-го числа то жъ мѣсяца дана мнѣ промеморія въ Медицинскую Канцелярію о свидѣтельствѣ моей болѣзни, гдѣ 9 числа присутствующіе доктора, осмотрѣвъ меня, подписали аттестатъ, что я за усмотрѣнными во мнѣ многими болѣзнями къ продолженію службы являюсь уже неспособенъ.

15 числа Февраля былъ я представленъ на смотръ Правительствующему Сенату, и хотя нѣкоторые изъ господъ сенаторовъ оказались въ такомъ мнѣніи, что вмѣсто точной отставки отъ всѣхъ дѣлъ удо-

вольствовать меня увольненіемъ на нѣкоторое время для излѣченія моихъ болѣзней, разсуждая, что я по знаемости моей Оренбургскихъ дѣлъ въ тамошней сторонѣ нуженъ, а другіе и сіе разсуждали, чтобы удержать меня на которое время при Сенатѣ въ Коммисіи о Коммерціи, признавая къ симъ дѣламъ меня за способнаго, и обнадеживая за сей трудъ особымъ награжденіемъ; но я видя какъ въ томъ, такъ и въ другомъ по моимъ обстоятельствамъ крайнюю несиособность и не желая быть въ высшихъ чинахъ, всячески старался оное отвратить, предпочитая полезнѣйшимъ для себя то, что служивши сіе время безпорочно и благополучно получить отъ всѣхъ дѣлъ точное увольненіе и остальное время препроводить въ спокойной и уединенной жизни. Итакъ съ немалымъ трудомъ и прошеніемъ едва оное превозмогъ и довелъ до того, что 21 числа сегожъ Февраля опредѣлено отставить меня отъ всѣхъ дѣлъ, а за службу мою о награжденіи меня чиномъ статскаго совѣтника подать Ея Императорскому Величеству докладъ и требовать на то всемилостивѣйшаго указа.

Копія съ опредѣленія.

1761 года Февраля 15 дня въ собраніи Правительствующаго Сената докладывано по экстрикту учиненному въ герольдъ-мейстерской конторѣ о коллежскомъ совѣтникѣ и Оренбургской Губернской Канцеляріи членѣ Петрѣ Рычковѣ, о которомъ показано отъ роду ему пятьдесятъ лѣтъ, въ службѣ находился онъ съ 1732-го года, былъ при Коммерцъ-Коллегіи у портовыхъ дѣлъ переводчикомъ, въ 739 году по имянному указу опредѣленъ въ Оренбургскую Экспедицію при старшемъ совѣтникѣ Кириловѣ бухгалтеромъ и производителемъ тамъ въ 740 по имянному указу въ секретари въ 743 Правительствующимъ Сенатомъ въ ассесоры въ 751 Іюля 11 дня по имянному Ея Императорскаго Величества высочайшему указу въ коллежскіе совѣтники и, будучи тамъ, бывалъ въ разныхъ походахъ; въ 760 году Января 25 Правительствующимъ Сенатомъ по прошенію его для излѣченія болѣзни отъ присутствія Оренбургской Губернской Канцеляріи уволенъ на годъ, съ тѣмъ, что ежели отъ тѣхъ болѣзней получитъ свободу, явиться въ оной Канцеляріи, а буде не освободится, то для просрочки въ Правительствующій Сенатъ. А въ нынѣшнемъ 1760-мъ году Февраля 5 дня въ герольдъ-мейстерской конторѣ онъ явился и поданнымъ челобитьемъ объявляя, что отъ болѣзней своихъ свободы не имѣетъ и за оныхъ у дѣлъ быть не можетъ, проситъ объ отставкѣ отъ дѣлъ вовсе съ награжденіемъ ранга; а осмотромъ изъ Медицинской Канцеляріи показано, что онъ за болѣзнями ни у какихъ дѣлъ быть не способенъ. Приказали: онаго Рычкова за показанными болѣзнями отставить отъ всѣхъ дѣлъ вовсе и давъ пашпортъ отпустить въ домъ его и ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять, а за службу о награжденіи его статскимъ совѣтникомъ подать Ея Императорскому Величеству докладъ и требовать всемилостивѣйшаго указа и о томъ куда надлежитъ послать указы, а въ Сенатскую Контору сообщить вѣдѣніе.

У подлиннаго подписали по сему: Иванъ Неплюевъ, князь Алексѣй Голицынъ, Алексѣй Жеребцовъ, графъ Романъ Воронцовъ, Иванъ Костюринъ, князь Михаилъ Шаховской, герольдъ-мейстеръ Ѳедоръ Ивановичъ Самаринъ. Подписали 21 Февраля 1761 года коллежскій совѣтникъ Василій Мягковъ, протоколистъ Иванъ Рословъ. Объ отставкѣ коллежскаго совѣтника Рычкова отъ всѣхъ дѣлъ вовсе и о подачѣ доклада о награжденіи его статскимъ совѣтникомъ.

Въ Государственной Бергъ-Коллегіи по прошенію моему о строеніи мнѣ двухъ мѣдныхъ заводовъ и на первый случай въ селѣ моемъ Спаскомъ двухъ мѣдиплавильныхъ печекъ съ принадлежностями, а для дѣланія желѣза о содержаніи тутъ же двухъ ручныхъ горновъ 17 Февраля опредѣленіе учинено сходное съ моими желаніями, о чемъ изъ оной Коллегіи и указъ мнѣ данъ, а въ Канцелярію главнаго правленія Сибирскихъ и Казанскихъ заводовъ, въ Оренбургское Горное Начальство, въ Оренбургскую и Казанскую Губернскую Канцеляріи особые указы тогда же отправлены. Все вышеписанное и отъ моихъ патроновъ милостивое увольненіе получа, выѣхалъ я изъ С.-Петербурга 4-го Марта и пріѣхалъ 17 числа въ Москву, 21 выѣхалъ изъ Москвы, 28-го проѣхалъ въ село Воронцово, отколь 30 числа выѣхалъ хотя и съ не малымъ уже затрудненіемъ отъ весенней распутицы, однакожъ блугополучно 6 Апрѣля въ село Чириково возвратился, но жены моей тутъ не засталъ, отправилась она и съ дѣтьми прежде моего пріѣзда 30 числа Марта въ село Спаское.

Копія съ пашпорта.

По Указу Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссійской и пр. и пр. и пр.

Объявитель сего коллежскій совѣтникъ Петръ Ивановъ сынъ Рычковъ, по указу Ея Императорскаго Величества и по резолюціи Правительствующаго Сената за болѣзнями отъ всѣхъ дѣлъ отставленъ вовсе и отпущенъ въ домъ его о чемъ въ городахъ командующимъ вѣдать и онаго Рычкова ни къ какимъ дѣламъ неопредѣлять, а за службу о награжденіи его статскимъ совѣтникомъ опредѣлено подать Ея Императорскому Величеству докладъ и требовать всемилостивѣйшаго указа, мой пашпортъ объявить ему въ Главной Полицимейстерской и гдѣ жительство имѣть будетъ въ губернской, провинціальныхъ или въ воеводской канцеляріяхъ. Данъ въ С.-Петербургѣ изъ Герольдъ-мейстерской Конторы, Февраля 28-го дня 1761 года.

Герольдъ-мейстеръ Ѳедоръ Ивановичъ Смирновъ, протоколистъ Иванъ Рословъ, регистраторъ Василій Спиридоновъ.

Въ селѣ Чириковѣ проболтался я Страстную и Пасхи недѣли болѣе для того, чтобы при себѣ сдѣлать порядокъ и учрежденіе объ тамошнихъ крестьянахъ, полученныхъ уже на нашу часть, а сіе учиня, на Ѳоминой недѣли въ Пятницу 27-го Апрѣля выѣхалъ въ Симбирскъ, тутъ побывъ нѣсколько дней для исправленія нуждъ, отправился въ село Спаское, въ которое на 9 число Мая прибылъ благополучно, гдѣ жену и дѣтей всѣхъ по здорову нашелъ.

По прибытіи въ село Спаское прежде другихъ дѣлъ старался я, чтобъ мѣсто къ назначенному тутъ для апробаціи мѣдныхъ рудниковъ

къ заводу приготовить и по довольному о томъ разсужденiю знающими людьми признано за способное прежней мельничной плотины обвѣтшавшую часть тутъ, гдѣ старой вершнякъ былъ разобранъ, сдѣлать на ономъ по заводскому обыкновенiю всѣ требующiя укрѣпленiя, какъ для прочности, такъ и для сего, дабы мнѣ самому въ вѣдѣнiе сего дѣла придти и собственныхъ людей къ тому и къ прочимъ заводскимъ дѣламъ прiобучить; по разобранiи оныхъ ветхостей и по очисткѣ того мѣста въ день Священномученика Ѳерапонта 27-го Мая, по учиненiи тутъ водоосвященiя и молебнаго пѣнiя, съ помощiю Божiею начало плотиннаго дѣла учинено.

10-го Iюля заложены двѣ мѣдиплавильныя печи, а 1-го Октября заперто теченiе воды первыми плотинными запорами, 30-го числа положены къ одной печкѣ мѣха, которые, по пробѣ 11-го Ноября учиненной, дѣйствiе оказали изрядное, а Декабря 18-го по надлежащемъ молебномъ пѣнiи и плавкѣ рудъ проба учинена и продолжалась 9 дней, въ кое время черной мѣди выплавлено 18 пуд. 25 ф., кромѣ той, коя къ чугуну примѣшалась. Рудъ проплавлено съ разныхъ рудниковъ около 700 пудовъ, но за недостаткомъ угля принуждено было оную плавку прекратить и оставить до вешняго времени, пока уголь заготовится. Все сiе служило мнѣ лѣтомъ 1761 году къ немалому удовольствiю. Еще въ семъ же году обрадованъ я былъ и тѣмъ, что сынъ мой Андрей, будучи въ армiи, опредѣленiемъ господина генералъ-фельдмаршала гр. Александра Борисовича Бутурлина учиненнымъ, Августа 1-го, за отличность въ бытность его при атакѣ и взятiи города Берлина и за неоднократную курьерскую ѣзду изъ армiи въ С.-Петербургъ и въ армiю, пожалованъ капитаномъ.

Напротивъ того имѣлъ я сiе несчастiе, что 5 числа Декабря сельской мой домъ отъ пожара весь сгорѣлъ, и отъ того понесъ я немало убытка и безпокойства, а особливо многiя остановки и препятствiя въ намѣренiяхъ моихъ по заводскимъ дѣламъ.

1762-го года Февраля 3-го послѣ полудни даровалъ мнѣ Богъ сына Ксенофонта, крещенъ онъ 7-го числа, воспрiемниками его были поручикъ Иванъ Григорьевичъ Лукошковъ и маiорша Авдотья Никифоровна Яковлева.

Февраля 16 сынъ мой Иванъ уволенъ изъ Московскаго Университета, получа о своемъ ученьи надлежащiй аттестатъ, ко мнѣ въ село Спаское прiѣхалъ 19 Марта.

По винокуреннымъ моимъ заводамъ по бывшей хлѣбной дороговизнѣ, а паче по Боровлянскому заводу, имѣющемуся въ Исетской провинціи, подверженъ я былъ многимъ затрудненіямъ и безпокойствамъ, и особливо же неисправность и невѣрность того завода повѣреннаго и тамошняго моего бывшаго кореспондента Челябинскаго купца Дмитрія Арусова принудили меня туда ѣхать, куда выѣхавъ изъ села Спаскаго 31 числа Іюля, чрезъ весь Августъ и болѣе половины Сентября тамъ продолжался и едва однако съ превеликою нуждою учинилъ тѣмъ дѣламъ удобовозможное поправленіе, 23 Сентября возвратился въ село Спаское чрезъ Оренбургъ, гдѣ нѣсколько дней продолжался, имѣвъ разныя дѣла и нужды по Оренбургской губернской канцеляріи.

Декабря 8 числа выѣхалъ я изъ села Спаскаго въ Москву съ дѣтьми моими Иваномъ и Николаемъ, чтобъ по вышеписаннымъ заводскимъ дѣламъ, а особливо о напрасно чиненныхъ отъ Исетской провинціальной канцеляріи вычетахъ, въ Государственную Камеръ-коллегію произвесть просьбу, а о помянутыхъ моихъ дѣтяхъ для способности къ ихъ содержанію изъ Троицкаго драгунскаго переписать въ Ревельскій драгунской полкъ. 11, 12 и 13-го Декабря былъ на Меленкинскомъ моемъ винокуренномъ заводѣ для поправленія онаго, 14 15 и 16 и 17 числа былъ въ Симбирскѣ, 18, 19 и 20 былъ въ селѣ Чириковѣ, а 30 числа Декабря пріѣхалъ въ Москву. Генваря 1-го 1763 года, будучи во дворцѣ, имѣлъ счастіе быть у руки Ея Величества, 8 числа въ Государственную Камеръ-коллегію подалъ прошеніе, на что 21 числа получилъ удовольственную резолюцію, а дѣти мои изъ Троицкаго драгунскаго въ Ревельскій полкъ ротмистрами переведены.

1-го Февраля въ Москву пріѣхала ко мнѣ жена моя, съ которою того же дня ввечеру имѣлъ случай быть при дворѣ въ маскарадѣ. 6-го числа обще съ нею выѣхали изъ Москвы, 7-го числа были въ нашей деревнѣ сельцѣ Тетерахъ; 11-го числа были въ Ростовѣ для молебствія новоявленному чудотворцу Димитрію, 12 числа, поѣхавъ оттоль, ночевали въ Суздалѣ, 14 были въ Муромѣ, 16 пріѣхали въ Арзамасъ, 17, 18 и 19 числа были въ селѣ Воронцовѣ у своячины Надежды Денисовны Волчаниновой, а 24 числа пріѣхали въ село Чириково.

Марта 10 выѣхали изъ села Чирикова, 11, 12, 13 и 14-го числа были въ Симбирскѣ, а 17 числа возвратились въ село Спаское.

Въ Іюлѣ 1763 года въ селѣ Спаскомъ и деревнѣ Верхосульѣ произошли мятежъ и безпокойство отъ нѣкоторыхъ крестьянъ, которые стали отваживаться на побѣги, и бѣжало ихъ около 20-ти человѣкъ, въ

томъ числѣ и староста села Спаскаго Абрамъ Логиновъ, изъ коихъ 7 человѣкъ, явясь въ Оренбургѣ и подавъ въ губернскую канцелярію челобитную, показывали якобы они не крѣпостные, но вольные люди, но какъ сему не повѣрено было и до присылки крѣпостей отданы были въ каторжную работу, то другіе, узнавъ про то, раскаялись, изъ бѣговъ возвратились, а нѣкоторые были переловлены, и успокоенъ я былъ уже тѣмъ, что нѣкоторые были по опредѣленію Оренбургской губернской канцеляріи въ селѣ Спаскомъ при собраніи всѣхъ крестьянъ наказаны.

Въ Декабрѣ получилъ я извѣстіе, что сынъ мой Андрей 29 числа Октября пожалованъ въ Оренбургской гарнизонъ секундъ-маіоромъ и опредѣленъ въ Пензенской пѣхотной полкъ, въ которомъ онъ прежде былъ сержантомъ и прапорщикомъ; а братья его Иванъ и Николай въ тотъ же полкъ переведены сержантами. 1764 Января 1-го дѣти мои Иванъ и Николай произведены въ тотъ же полкъ прапорщиками, что̀ служило къ немалому моему порадованію.

Сентября 10 числа былъ я на позволенномъ мнѣ къ строенію мѣдиплавильномъ при Яицкомъ заводѣ мѣстѣ, плотничное къ тому заводу строеніе съ помощію Божію при себѣ началъ. Къ особливому моему порадованію и удовольствію надлежитъ признать, что Божескою милостью застроенная въ селѣ моемъ Спаскомъ каменная церковь 14 числа Сентября кладкою окончена.

Знатнѣйшимъ приключеніемъ 1764 года въ жизни моей къ великому благополучію надлежитъ почесть то, что я по высочайшему указу Декабря 16-го дня пожалованъ статскимъ совѣтникомъ, по докладу Правительствующаго Сената.

Января 19-го 1765 г. выѣзжалъ я изъ села Спаскаго съ намѣреніемъ побывать въ С.-Петербургѣ, взявъ съ собою сына моего Василья и, побывъ нѣсколько дней въ Симбирскѣ въ селѣ Чириковѣ и въ Москвѣ, прибыли туда Марта 1-го.

Марта 3 присягалъ я въ Сенатской церкви на чинъ статскаго совѣтника, а 21 числа представилъ на смотръ Правительствующаго Сената сына моего Василья, которому и испросилъ паспортъ о бытіи ему при мнѣ для обученія до 16 лѣтъ, а когда пожелаетъ быть въ службѣ, то его явить, гдѣ надлежитъ указомъ.

Августа 18 удостоился я получить патентъ на чинъ статскаго совѣтника за высочайшимъ подписаніемъ.

Сентября 1-го заложенную въ 1757 году въ селѣ моемъ Спаскомъ каменную церковь по благословенію преосвященнаго Веніамина архіепископа Казанского и Свіяжскаго освятили съ переименованіемъ вмѣсто Преображенія на имя Воскресенія Господня.

При окончаніи 1765 года получилъ я ордеръ отъ тайнаго совѣтника сенатора Адама Васильевича Алсуфьева изъ С.-Петербурга, а 10 числа Ноября онъ увѣдомилъ меня, что 2-го числа выбранъ я въ члены Вольнаго Экономическаго Общества для поощренія въ Россіи земледѣлія и домостроительства, при которомъ сообщилъ онъ и письмо Ея Величества, коимъ изволила она то общество апробовать и подтвердить.

Государь мой!

Имѣю честь симъ увѣдомить, что сего Ноября 2-го дня выбраны вы единогласно сочленомъ Вольнаго Экономическаго Общества, соединяющаго труды свои къ поощренію въ Россіи земледѣлія и домостроительства, при томъ сообщаю вамъ копію съ письма, которымъ Ея Величество сіе учрежденіе апробовать изволила, приложенный при семъ уставъ благоволите подписать и прислать ко мнѣ обратно. С. Ноября 10-го 1765 года. Адамъ Алсуфьевъ президентъ.

Письмо Ея Императорскаго Величества къ членамъ Вольнаго Экономическаго Общества.

Господа члены вольнаго общества. Намѣреніе ваше, предпринятое къ исправленію земледѣлія и домостройства, весьма намъ пріятно, а труды отъ него происходящіе будутъ прямымъ доказательствомъ вашего истиннаго усердія и любви къ своему Отечеству. Планъ и уставъ вашъ, которымъ вы другъ другу обязались, мы похваляемъ и въ согласіе того всемилостивѣйше апробуемъ, чтобы вы себя наименовали Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ. Извольте быть благонадежны, что мы оное пріемлемъ въ особливое наше покровительство. Для испрашиваемой же вами печати, нетокмо позволяя вамъ употреблять во всѣхъ случаяхъ при вашихъ трудахъ гербъ нашъ Императорской, но и въ знакъ отличнаго нашего къ вамъ благоволенія дозволяемъ внутри онаго поставить собственный вашъ девизъ, пчелъ въ улей медъ приносящихъ съ надписью *полезное.* Сверхъ сего жалуемъ обществу вашему шесть тысячъ рублей на покупку пристойнаго дома, какъ для собранія вашего, такъ и для учрежденія въ немъ экономической библіотеки. Трудъ вашъ съ Божіею помощію наградится вамъ и потомкамъ вашимъ собственною вашею пользою, а мы по мѣрѣ тщанія вашего умножать не оставимъ наше къ вамъ благоволеніе. Екатерина.

Октября 31-го дня 1765-го года.

Въ вышеозначенномъ отъ Ея Императорскаго Величества уставѣ въ 6 пунктѣ повелѣвается даваемые членамъ и кореспондентамъ дипломы подписывать президенту и секретарямъ, а 13 п нктомъ заключено, когда впредъ за нужное признано будетъ, къ он у уставу присовокупить еще нѣкоторые пункты, то оные имѣть такую же силу будто бы включены были въ самый уставъ.

Февраля 10 числа 1766 выѣхалъ я изъ села Спаскаго въ село Чириково съ женою моею, имѣя при себѣ дѣтей Ивана, Василья и Ксенофонта, куда пріѣхали 28 числа, бывъ нѣсколько дней въ Симбирскѣ и на Меленкинскомъ заводѣ.

Марта 10 сына Василья отправили въ Москву для ученія въ университетъ. Съ нимъ ѣздилъ братъ его Иванъ, гдѣ окъ отданъ въ содержаніе и смотрѣніе пастору и магистру Урбанскому 23 Апрѣля.

Августа 11 имѣлъ я удовольствіе, что на новомъ моемъ мѣдиплавильномъ заводѣ по многимъ моимъ большимъ трудамъ и убыткамъ, начали плавку мѣди; но 7 числа Декабря къ великому моему огорченію и убытку сдѣлался тутъ пожаръ, отъ котораго мѣдь и другія заводскія машины сгорѣли и заводъ сдѣлался недѣйствительнымъ.

Къ достопамятствамъ сего 1766 года въ разсужденіи меня и сіе придать надлежитъ, что въ Гетингенскихъ объявленіяхъ объ ученыхъ дѣлахъ подъ дирекціей Англійскаго королевскаго собранія наукъ, въ Мартѣ мѣсяцѣ напечатана рецензія на Оренбургскую мою Топографію съ немалымъ выхваленіемъ; я ее, переведя на Русскій языкъ, пріообщилъ къ той моей Топографіи, коя въ домашней моей библіотекѣ имѣется.

12 числа Марта имѣлъ я счастіе представиться Ея Величеству и удостоился изъ устъ ея услышать слѣдующія слова: Я извѣстна, чт вы трудитесь въ пользу Отечества, за что вамъ благодарна.

Послѣ того поднесъ я Ея Величеству сочиненія моего печатную книгу подъ именемъ: Опытъ Казанской исторіи съ пріобщенною къ ней на всевысочайшее Ея Императорскаго Величества имя дедикаціею, которую сама, принявъ изъ рукъ моихъ, изволила еще благодарить, и болѣе часа въ парадной своей опочивальнѣ разговаривала со мною, разспрашивая меня о городѣ Оренбургѣ, о ситуаціи тамошнихъ мѣстъ, о хлѣбопашествѣ, о коммерціи такъ снисходительно и милостиво, что сей день наилучшимъ и счастливѣйшимъ въ жизни моей почитать мнѣ надлежитъ.

Предводителями къ сему счастію были мнѣ въ началѣ коллежскій совѣтникъ исторіографъ Ѳедоръ Ивановичъ Мюллеръ и его сіятельство графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ.

Марта 26 по совѣту или по приказанію моихъ милостивцевъ подалъ я челобитную Правительствующаго Сената въ Герольдъ-мейстерскую контору о опредѣленіи меня къ дѣламъ, къ какимъ явлюсь способнымъ; но какъ по чину моему ни одной порожней ваканціи не было, для того, а болѣе, чтобы продолженіемъ моимъ въ Москвѣ не войти въ великіе убытки, испросивъ паспортъ до указу съ тѣмъ, чтобы явиться мнѣ туда, куда буду опредѣленъ, изъ Москвы и выѣхалъ я 24 Мая.

Во время такой бытности моей учрежденная при дворѣ Ея Императорскаго Величества комиссія о комерціи чрезъ члена своего г-на статскаго совѣтника фонъ Клингштета прислала мнѣ вопросные пункты, требуя отъ меня на тѣ пункты изъясненія о нынѣшнемъ состояніи Оренбургской коммерціи, которое учиня при сообщеніи моемъ къ помянутому статскому совѣтнику 10 числа отъ меня и подано, изъ чего оная комиссія просила меня о принятіи мнѣ званія корреспондента со обнадеживаніемъ, что о всемъ этомъ доложено отъ нея будетъ Ея Императорскому Величеству, почему я въ то званіе и вступилъ.

Сіе происшествіе значитъ, съ какими обстоятельствами сопряжена была Оренбургская моя служба и какъ отъ оной Комиссіи уважаются Оренбургская коммерція и тамошній интересъ; для того изъ писемъ помянутаго статскаго совѣтника вмѣщаю я здѣсь копіи.

Копія съ перваго сообщенія отъ 10 числа Мая.

Учрежденная при дворѣ Ея Величества комиссія о коммерціи, будучи свѣдома, что вы, чрезъ долгое пребываніе въ Оренбургской губерніи, довольное пріобрѣли знаніе о тамошней коммерціи и зная также ваше усердіе къ общественной пользѣ своего Отечества, препоручила мнѣ именемъ всей комиссіи просить ваше высокородіе, чтобы вы приняли на себя трудъ сообщить комиссіи, какія вы заблагоразсудите, или какія мнѣ разсудится потребовать отъ васъ извѣстія о коммерціи Оренбургской, въ силу сего опредѣленія покорнѣйше прошу ваше высокоблагородіе рѣшить слѣдующіе вопросы.

1) Въ чемъ состоитъ знатнѣйшій торгъ въ разсужденіи привозныхъ и отвозныхъ товаровъ, соображая сей вопросъ съ тѣми годами, когда коммерція наиболѣе тамъ процвѣтала?

2) Подлинно ли тамошняя коммерція больше процвѣтала прежде, нежели нынѣ. Которые были самые цвѣтущіе годы, въ которые торгъ началъ упадать и по какимъ причинамъ?

3) Нѣтъ ли какого существеннаго недостатка въ настоящемъ Оренбургскомъ тарифѣ, не препятствуетъ ли тамошней коммерціи запрещеніе какое-либо привозу или выпуску товаровъ?

4) Какими средствами удобнѣе можно, по вашему мнѣнію, не токмо возстановить упавшій тамъ торгъ, но еще разспространить и умножить, особливо если оное возможно поправленіемъ настоящаго тарифа?

5) Довольно ли въ Оренбургѣ находится число купцовъ столь достаточныхъ, чтобы могли привести въ силу тамошнюю коммерцію, какимъ вы думаете способомъ и поощреніемъ можно туда привлечь удобныхъ къ сему предмету людей и склонить ихъ тамъ поселиться?

Копія со втораго сообщенія 18-го Мая.

Въ силу опредѣленія учрежденной при дворѣ Ея Величества комиссіи о коммерціи, отъ имени оной комиссіи, имѣю честь засвидѣтельствовать вашему высокородію благодареніе за принятый вами трудъ въ сообщеніи комиссіи сего 16 Мая вашихъ мнѣній и изъясненій на вопросы комиссіи въ разсужденіи Оренбургскихъ коммерческихъ обстоятельствъ. Комиссія, будучи весьма довольна вашими примѣчаніями и ревностію къ общественной пользѣ, не преминетъ при случаѣ всеподданнѣйше о томъ донести Ея Величеству, между тѣмъ препоручила мнѣ васъ просить принять на себя званіе корреспондента учрежденной при дворѣ комиссіи о коммерціи, съ тѣмъ, чтобы и впредъ оная могла пользоваться вашими примѣчаніями, какъ объ Оренбургскихъ коммерческихъ обстоятельствахъ, такъ и обо всемъ, что̀ можетъ со временемъ привести тамошній торгъ въ цвѣтущее состояніе. Всѣ оныя извѣстія можете сообщать комиссіи чрезъ меня, что̀ будетъ принято, яко новый опытъ вашего къ славѣ Ея Величества и ко всенародной пользѣ усердія.

Копія съ третьяго сообщенія 6-го Августа.

Вашего высокородія представленіе, касающееся до Уфимской провинціи, адресованное ко мнѣ, получа исправно, немедленно представилъ я коммерческой нашей комиссіи, которая, признавая ревность вашего высокородія продолжаемую къ пользѣ отечества, и поручила мнѣ именемъ

своимъ обязательно васъ благодарить такъ скоро, какъ время и обстоятельства дозволяютъ ей къ поднесенію своихъ докладовъ, не оставитъ она оное поднесть въ высочайшемъ мѣстѣ и всеподданнѣйшимъ своимъ представленіемъ, почитая за свое удовольствіе вашего высокоблагородія службу, ревность и неутомленные труды свидѣтельствовать предъ стопами Ея Величества, впрочемъ, чтò до помянутой провинціи принадлежитъ, то всѣ представленія ваши комиссія находитъ совершенно основательными. Желалось при ономъ сіе, дабы вы къ тому представили и способы, по которымъ бы возможно было достигнуть до тѣхъ намѣреній, изыскать людей къ умноженію тамошняго земледѣлія и склонить капитальныхъ купцовъ на тамошнее поселеніе, для лучшаго производства тамошнихъ торговъ; ибо разсуждаемо было, что по знаемости вашей сихъ мѣстъ и обстоятельствъ никто другой лучше вашего высокородія полнѣйшіе способы изыскать на то не можетъ.

Притомъ вашего высокородія именемъ всей комиссіи просимъ учинить представленіе и мнѣніе, какимъ бы наилучшимъ образомъ поправить тарифъ на привозные и отвозные товары и ежели не трудно вамъ будетъ описать оной такъ, какъ нынѣ дѣйствительно пошлина тамъ сбирается, съ примѣчаніями вашими на каждую статью, для чего какая гдѣ перемѣна въ немъ надобна, прислать къ намъ, чтò комиссія наша приметъ съ великимъ вамъ благодареніемъ и будетъ искать случая о ревности вашего высокородія въ высочайшемъ мѣстѣ всеподданнѣйше представлять.

*

23 числа Мая сынъ мой Василій по прошенію его изъ Московскаго Университета выпущенъ въ Казанской полкъ вахмистромъ, съ даннымъ ему аттестатомъ, что онъ, будучи тутъ, обучался въ Нѣмецкомъ языкѣ въ высшемъ, а во Французскомъ въ синтаксическомъ классѣ прилежно и содержалъ себя порядочно.

24-го числа Іюня зачали готовить ровъ подъ фундаментъ къ каменному сельскому дому, который 22 числа Іюля и заложенъ.

Сентября 15 въ ночь скончалась въ селѣ Знаменскомъ теща моя Марѳа Герасимовна Чирикова, по отцѣ Касаткиныхъ, почему жена моя поѣхала туда изъ села Спаскаго 28 числа, да и я 23 Октября принужденъ былъ туда же ѣхать, для раздѣлу движимаго и недвижимаго имѣнія со своячиницею моею Надеждою Денисовною Полчаниновой, который раздѣлъ и учиненъ между нами 15, 16 и 17 Ноября 1767-го года.

Декабря 15 отправленъ отъ меня въ Москву сынъ мой Николай, который въ нынѣшнемъ же 1767 году при увольненіи его изъ службы награжденъ капитанскимъ чиномъ. Въ слѣдующемъ 1768 году опредѣленъ онъ въ экспедицію, отправленную по имянному Ея Величества указу отъ Академіи Наукъ въ Оренбургскую и другія губерніи для натуральной исторіи съ профессоромъ Палласомъ, съ жалованьемъ по 200 руб. въ годъ.

15 числа Мая у церкви въ селѣ моемъ Спаскомъ начали класть каменную колокольню, которая въ Августѣ сего же года покончена.

27 числа Іюля къ великому моему несчастію и убытку на Ирьянскомъ заводѣ сдѣлался пожаръ, отъ котораго вся фабрика и мѣхи сгорѣли; но къ Декабрю мѣсяцу оная фабрика опять возобновлена.

29-го Августа пріѣхали ко мнѣ дѣти Иванъ и Василій изъ Казанскаго полку, а на другой день пріѣхалъ изъ С.-Петербурга сынъ Николай съ докторомъ Лепехинымъ, отправленнымъ въ экспедицію. И такъ имѣлъ я удовольствіе видѣть всѣхъ моихъ дѣтей, кромѣ Андрея, на Сибирской линіи, въ Луцкомъ драгунскомъ полку премьеръ-маіоромъ служащаго.

Октября 4 пріѣхалъ ко мнѣ Палласъ для совѣщанія о дѣлахъ до его экспедиціи принадлежащихъ и 11-го поѣхалъ для осмотру по рѣкѣ Соку лежащихъ мѣстъ, а сынъ мой Николай на другой день отправился отъ него въ Оренбургъ; былъ онъ тамъ и въ Яицкомъ городкѣ, возвратился въ Симбирскъ для соединенія съ докторомъ, чтобы принять мѣры на будущее лѣто къ дальнѣйшему ихъ путешествію.

15 Сентября 1769 г. выѣхалъ я въ Оренбургъ по прошенію тамошняго губернатора генералъ-маіора Ивана Андреевича Рейнсдорпа, отколь возвратился 30-го числа.

25 Ноября въ экономическомъ собраніи за труды мои, въ пользу домостроительства чиненные, опредѣлено дать мнѣ медаль, которая при наступленіи 1770-го года 3-го Января и получена. Съ сообщенія впредъ для вѣдома прилагается при семъ копія, которая есть слѣдующаго содержанія.

Подъ высокимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества, Вольнаго Экономическаго Общества г-ну статскому совѣтнику и онаго общества члену Петру Ивановичу Рычкову.

Собраніе наше, будучи довольно о прилежаніи вашемъ въ домостроительствѣ и въ разныхъ сообщенныхъ вами въ общество сочиненій и опытахъ, кои съ удовольствіемъ приняты и нѣкоторые въ изданныхъ экономическихъ книгахъ напечатаны, въ знакъ своей къ вамъ благодарности посылаетъ вамъ серебряную медаль, съ вырѣзаннымъ на оной внизу именемъ вашимъ и надѣется при томъ, что вы и впредь не оставите упражняться въ похвальныхъ до экономіи принадлежащихъ испытаніяхъ, желая имѣть полезнаго въ оныхъ успѣха. Ноября 25-го 1769-го года. Александръ Глѣбовъ президентъ, Андрей Нартовъ членъ и секретарь.

25-го Ноября по письму вышеупомянутаго г-на губернатора чрезъ нарочнаго позванъ я въ Оренбургъ для разсужденія по разнымъ до Оренбургской губерніи касающимся дѣламъ.

1-го Декабря вступилъ я въ приготовленія соляныхъ учрежденій, касающихся до отправленія Илецкой соли внутрь Имперіи передъ прежними годами въ наибольшемъ количествѣ.

3-го числа учиненъ и обще со мною подписанъ планъ къ начальнымъ произведеніямъ той комиссіи и отправленъ нарочный курьеръ къ генералу-поручику, сенатору и кавалеру Петру Дмитріевичу Еропкину, коему всего государства соляныя дѣла въ главную дирекцію поручены.

7-го числа получилъ я ордеръ отъ г-на губернатора о порученіи мнѣ въ главную дирекцію оной комиссіи съ разными о томъ приложеніями.

11-го Декабря вышереченной г-нъ губернаторъ отправился въ С.-Петербургъ для донесенія о ввѣренныхъ ему дѣлахъ Ея Императорскому Величеству, а я 17 числа выѣхалъ изъ Оренбурга для осмотра и избранія пристани и способнѣйшихъ мѣстъ.

19, 20 и 21 числа былъ на прежней Стерлитамацкой пристани, отъѣхалъ 22-го, выѣхалъ, 23 числа пріѣхалъ въ городъ Уфу, куда 29 числа и жена моя для свиданія со мною пріѣхала.

Января 1-го числа сынъ мой Андрей пожалованъ въ Сергіевскомъ драгунскомъ полку подполковникомъ.

Января 3-го при сообщеніи изъ Экономическаго Общества получилъ я вышеозначенную медаль, на которой изображенъ съ одну сто-

рону портретъ Ея Величества, а съ другую Церера увѣнчающая земледѣльца съ его орудіями, надпись: Воздаяніе за труды.

4-го числа выѣхалъ изъ Уфы, 5, 6, 7 и 8 былъ на Кайбасѣ, въ которую бытность 7-го числа было чрезвычайное сѣверное сіяніе.

10-го числа Января былъ я на рѣкѣ Камѣ въ селѣ Челкахъ и въ Бѣжкахъ, гдѣ въ послѣднемъ мѣстѣ назначилъ быть пристани и солянымъ магазейнамъ.

12 числа отъ Вольнаго Экономическаго Общества опредѣлено женѣ моей дать въ награжденіе золотую медаль, о которой 19 Февраля въ бытность мою съ нею въ Ставрополѣ получилъ изъ онаго общества сообщеніе; изображеніе медали съ одну сторону портретъ Ея Величества, а съ другую въ лавровой коронѣ надпись: За труды воздаяніе, внизу подписано: Еленѣ Денисовнѣ Рычковой, Января 12 дня 1770 года.

Сіе сообщеніе слѣдующаго содержанія. Подъ высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества изъ Вольнаго Экономическаго Общества, его высокородію статскому совѣтнику и члену сего общества Петру Ивановичу Рычкову. Присланное отъ васъ представленіе съ приложеннымъ колпакомъ и ширинкою холста, которые сдѣланы изъ пуха травы кипреннаса, собраніе слушавъ опредѣлило съ общаго согласія изъявить вамъ письменно свое удовольствіе за труды ваши въ изобрѣтеніи способовъ въ сельскомъ домостроительствѣ, пользу приносящихъ, а супругѣ вашей посылаетъ въ знакъ своей благодарности за оказанное усердіе нашему обществу сообщеніемъ какъ прежняго, такъ и нынѣшняго новаго рода рукодѣлія, медаль золотую съ вырѣзаніемъ ея имени, желая, чтобы подражали сему похвальному ея старанію и прочія благородныя жены Россійскаго государства. Января 20-го 1770 года въ Петербургѣ. Президентъ Г. В. Орловъ, А. Нартовъ членъ и секретарь, І. Штелинъ членъ и секретарь.

Объявленіе публикѣ о семъ награжденіи учинено въ части Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества.

Февраля 2-го выѣхавъ изъ Спаскаго съ женою моею въ Симбирскъ, былъ на Ирьянскомъ заводѣ, а 4 числа, будучи на заводѣ у г. Глазова, купилъ для новой церкви колоколъ вѣсу въ 9 пуд. 14 фун. по 9 рублей.

1770 Февраля 8 подъ командою его превосходительства г-на генералъ поручика сенатора и кавалера Петра Дмитріевича Еропкина воспослѣдовала высочайшая и всемилостивѣйшая Ея Императорскаго Величества конфирмація, подписанная собственною Ея Величества рукою, о бытіи мнѣ главнымъ правителемъ Оренбургскихъ соляныхъ дѣлъ, которая при ордерѣ его превосходительства для исполненія мною получена въ бытность мою въ Оренбургѣ Марта 9-го дня. Февраля 8 пріѣхалъ въ Симбирскъ, а 14 былъ въ Чириковѣ.

18 выѣхалъ изъ Симбирска, 19 пріѣхалъ въ Ставрополь, а 21 пріѣхалъ въ Самару.

Марта 4 пріѣхалъ въ Оренбургъ, 11 поѣхала жена моя въ село Спаское для забранія дѣтей и домашнихъ.

12 числа имѣлъ первое присутствіе въ Оренбургскомъ главномъ соляномъ правленіи. 29 пріѣхалъ въ Оренбургъ изъ С.-Петербурга тамошній г. губернаторъ Иванъ Андреевичъ фонъ Рейнсдорпъ.

Іюля 5, 6, 7, 8 и 9 ѣздилъ я съ женою моею изъ Оренбурга въ Илецкую защиту, гдѣ соль добываютъ для распоряженія тамошнихъ работъ.

Ноября 5-го отъ Вольнаго Экономическаго Общества опредѣлили мнѣ золотую медаль въ 35 червонныхъ за сочиненіе управителямъ и прикащикамъ о управленіи деревень наказа.

Ноября 27 дня выѣхалъ я изъ Оренбурга для осмотра новыхъ пристаней съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы быть въ Москвѣ, для персональнаго объясненія о порученной мнѣ комиссіи главнокомандующему генералитету.

28 числа былъ я на Бугульминской пристани, 29 на Ашкидарской пристани, а 30 числа въ г. Уфѣ и осматривалъ тамошніе магазины и изготовленія.

Декабря 3-го числа былъ въ Кашебасѣ и сего-жъ числа пріѣхалъ я въ село Спаское, нашелъ жену и дѣтей здоровыхъ.

Декабря 14 выѣхалъ изъ Спасскаго для осмотру Камскихъ пристаней, 15 былъ на Ирьинскомъ моемъ заводѣ, а 16 на Бѣжковской пристани, 17 у г. маіора Тевкелева, 19 выѣхалъ изъ Бѣжковъ, 21 былъ на Чистопольской пристани, а 22 пріѣхалъ въ Казань, откуда выѣхалъ къ Москвѣ 24 числа.

Января 3, 1771 года пріѣхалъ я въ Москву, гдѣ къ удовольствію моему нашелъ сына моего Ивана, командированнаго для потребности легіона.

7-го числа Января изъяснялся о порученной мнѣ комиссіи съ Петромъ Дмитріевичемъ Еропкинымъ и съ Михаиломъ Яковлевичемъ Масловымъ на дому у послѣдняго.

10-го числа присутствовалъ и вторично изъяснялся я о тѣхъ же дѣлахъ въ комиссіи, порученной ихъ превосходительствомъ, 12 заключилъ кондицію съ г-номъ секундъ-маіоромъ Александромъ Ивановичемъ Сатинымъ о содержаніи Ирьянскаго завода.

При самомъ моемъ пріѣздѣ въ Оренбургъ, вручена мнѣ была золотая медаль, присланная отъ Экономическаго Общества; изображеніе ея на одной сторонѣ портретъ Ея Величества, а на другой сторонѣ подъ деревомъ на снопахъ сидящая Церера увѣнчающая лавровымъ вѣнкомъ земледѣльца; въ верху надпись полукружіемъ: За труды воздаяніе, а внизу, Петру Ивановичу Рычкову, Ноября 9 дня 1771 года.

Мая 15 старшій сынъ Андрей отправленъ изъ Оренбурга въ Орскую крѣпость для похода въ Киргизскую степь за бѣжавшими отъ Волги Калмыками; къ нему присовокупился и другой мой сынъ Николай, пріѣхавъ туда изъ Челябинска съ наставленіемъ отъ г. Палласа, чтобы сдѣлать осмотръ тамошнихъ мѣстъ и физически примѣчать. Оба они выступили изъ той крѣпости обще съ полковникомъ фонъ Траубенбергомъ, который между тѣмъ произведенъ въ генералы, а по возвратѣ изъ сего похода въ Яицкомъ городкѣ злодѣйски убитъ казаками.

Іюня 15 возвратились изъ вышеозначеннаго похода дѣти мои Андрей и Николай, но первой 19 числа сего отправился для принятія главной команды надъ отправляющимися изъ Оренбургской губерніи на Сибирской линіи войсками.

Іюля 6 числа имѣлъ я утѣшеніе полученіемъ отъ дѣтей моихъ Ивана и Василья писемъ, находящихся во второй арміи; оныя письма пущены были 24 и 25 Мая, не доходя Перекопа. Потомъ 28 числа Іюля-жъ получилъ я еще письмо по взятіи Перекопской крѣпости, 17 Іюня писанное отъ нихъ же, 28 Октября имѣлъ письма ихъ обратнаго уже изъ Крыму походу изъ Перекоповъ отъ 12-го Сентября.

Іюля 31, Николай сынъ мой, окончивъ порученныя ему академическія дѣла, отправился чрезъ Уфу и Казань въ С.-Петербургъ; Ноября 13 пріѣхалъ сынъ мой Андрей изъ Сибирскаго похода, доходилъ съ ко-

мандою до Замышевской крѣпости, изъ оной ѣздилъ въ Устькаменогорскъ, въ самую крайнюю крѣпость на Сибирской линіи.

Декабря 11 выѣхалъ я изъ Оренбурга для осмотра порученныхъ мнѣ соляныхъ пристаней, 12 былъ на Бугучанской, а 13 на Ашкидарской, 16 пріѣхалъ въ Спаское, гдѣ окончивъ сей годъ былъ по 12 число Генваря 1772 года. Жена моя съ дочерьми Марьей, Александрой, Анной, Катериной, Аграфеной, Прасковьей 18 числа Декабря изъ Оренбурга туда же пріѣхали, а 25 и сынъ мой Андрей прибылъ; и такъ сей годъ благополучно и совокупно окончили.

Къ успѣху порученныхъ мнѣ дѣлъ надлежитъ еще и то причесть, что 21 числа Ноября получилъ я ордеръ отъ вступившаго въ главную соляную комиссію на мѣсто генерала-поручика и кавалера Петра Дмитріевича Еропкина, тайнаго совѣтника и кавалера Михаила Яковлевича Маслова, въ которомъ по распоряженію моему чиненныя въ семъ 1771 году соляныя отправленія похвалены и почтены противъ всѣхъ годовъ отличными. 1772 Января 1-го меньшой мой сынъ Василій пожалованъ въ Московскомъ легіонѣ подпоручикомъ.

31 Января сынъ мой Андрей по желанію поѣхалъ во вторую армію, гдѣ онъ опредѣленъ подполковникомъ въ Ростовской карабинерной полкъ. Февраля 16 сынъ мой Николай по указу Ея Величества пожалованъ коллежскимъ асессоромъ и опредѣленъ директоромъ въ Ахтубинскомъ шелковомъ заводѣ.

Января 18 по присланнымъ ко мнѣ ордерамъ отъ тайнаго совѣтника Михаила Яковлевича Маслова отправился я изъ Оренбурга въ Москву для объясненія порученныхъ мнѣ дѣлъ.

1773 Февраля 28, будучи въ Москвѣ, получилъ я сообщеніе отъ Московскаго Университета, которымъ требовали отъ меня, чтобы я согласился быть членомъ учреждаемаго историческаго собранія, на что я отзывомъ моимъ въ тогдашнюю бытность Марта 1-го согласился.

Марта 2-го числа имѣлъ я честь впервыя присутствовать въ Вольномъ Россійскомъ Собраніи Московскаго Университета, къ чему проводителемъ моимъ былъ самъ тайный совѣтникъ и кураторъ Иванъ Ивановичъ Мелессинъ, и одинъ изъ профессоровъ говорилъ на Русскомъ языкѣ касающуюся до меня рѣчь.

Сентября 26 числа получилъ я изъ Московскаго Университета сообщеніе съ апробаціею сочиненія моего подъ именемъ Введенія въ Астраханскую исторію, котораго для изданія въ публику на счетъ собранія тысячу двѣсти экземпляровъ напечатать велѣно.

Хотя по причинѣ злодѣйскаго къ г. Оренбургу приступа вора и самозванца Пугачева съ его сообщниками и пресѣчены были съ начала Октября мѣсяца со всѣхъ сторонъ проѣзды, но 2 Декабря, къ немалому моему порадованію и утѣшенію, получилъ я письмо отъ меньшаго моего сына Василья, отправленное изъ Самары чрезъ Яикъ, а оттоль степью, въ коемъ онъ увѣдомилъ, что при послѣднемъ производствѣ досталось ему быть поручикомъ, и что онъ и братъ его Андрей отъ командующаго второю арміею генерала-аншефа Василья Михаиловича князя Долгорукова отпущены для свиданія со мною, но затѣмъ что въ Оренбургѣ безопаснаго проѣзду нѣтъ онъ остановился въ Самарѣ, а братъ его по причинѣ болѣзни сына оставался въ Царицынѣ.

Сей 1774 годъ въ жизни моей отъ прошедшихъ отмѣнно смѣшанъ былъ съ добромъ и зломъ. Въ разсужденіи добра можно причислить къ тому за главное произведеніе дѣтей моихъ старшаго моего сына Андрея на 36 году отъ рожденія въ полковники и Симбирскіе коменданты, а меньшаго моего сына Василья на 21 году по увольненіи за слабостію здоровья отъ армейской службы, гдѣ онъ вмѣстѣ съ братомъ служилъ въ Ростовскомъ карабинерномъ полку поручикомъ, капитаномъ въ Царицынской гарнизонный баталіонъ, гдѣ при казенныхъ шелковыхъ заводахъ, братья жъ Иванъ и Николай, отъ первой моей жены рожденные, находились командирами, да сей послѣдній къ той же ихъ командѣ пріобщенъ; внукъ же мой Петръ сынъ Андреевъ на 16 году возраста его пожалованъ въ прапорщика. Все оное служило мнѣ къ немалому удовольствію и утѣшенію.

Напротивъ того, къ великой моей печали было сіе, что во время бывшей г. Оренбургу отъ злодѣя Пугачева 6 мѣсячной осады не только въ ежедневномъ страхѣ и погибели сей городъ, слѣдовательно и я съ женой и дѣтьми и со всѣми домашними, находился, но и село мое Спаское съ двумя деревнями сообщниками злодѣя разорены и бывшіе тамъ пожитки, а притомъ святыя церкви и немалая моя бывшая тамъ библіотека расхищены и хуторъ мой подгородній, называвшійся тогда Маловскимъ, злодѣемъ самимъ ограбленъ и выжженъ, которое мнѣ разореніе, по самой меньшой цѣнѣ считая, гораздо больше 20 тысячъ. Но все оное хотя и великое разореніе не столько меня огорчило, какъ безвременная кончина старшаго моего сына. Сей мой любезной и долголѣтней жизни достойной сынъ, будучи въ г. Симбирскѣ полковникомъ и комендантомъ, зная, что отъ возмущенія Пугачева въ Симбирскомъ уѣздѣ едва не вся чернь взволновалась и устремилась на убійство и грабленіе дворянъ и да самый уже городъ угрожаемъ былъ отъ нихъ нападеніемъ и погибелью,

для охраненія по возложенной на него должности, какъ комендантъ и вѣрный сынъ Отечества, созвавъ изъ гарнизона, до прибытія его въ великомъ разстройкѣ бывшаго, около ста человѣкъ, да столько жъ изъ улановъ и копейщиковъ, недавно составленныхъ изъ помѣщичьихъ слугъ и крестьянъ, съ одною пушкою (ибо и всѣхъ при семъ городѣ было только двѣ) выступилъ противъ оныхъ скопляющихся въ уѣздѣ мятежниковъ и бунтовщиковъ. Онъ имѣлъ счастіе сбить и разсыпать двѣ злодѣйскія толпы многолюдныя, одну въ селѣ Озеркахъ, гдѣ оные злодѣи дважды на команду его нападали, а другую подъ деревней называемой Щучья, въ коей живутъ новокрещены и нѣсколько помѣщичьихъ мужиковъ. Узнавъ же, что подъ пригородомъ Корсуномъ верстъ со ста отъ Симбирска есть еще злодѣйское сборище, въ коемъ находилось ихъ болѣ 700 человѣкъ, имѣя у себя предводителемъ помѣщика Казакова слугу, который отъ Пугачева названъ былъ полковникомъ и коего прозванье было Фирсовъ, и хотя Корсунскіе жители передались всѣ на сторону злодѣевъ, однако онъ, не уважая великаго ихъ людства, пошелъ туда и вступилъ съ ними въ сраженіе; слабая его команда здѣсь поколебалась, нѣкоторые передались злодѣямъ, а другіе побѣжали назадъ, при чемъ бывшій гарнизонный капитанъ Кузьминъ убитъ былъ напередъ, а онъ самъ какъ начальникъ, имѣя при себѣ не болѣе уже 20 человѣкъ, сколько силъ его было, оборонялся, былъ тутъ раненъ двумя тяжелыми ранами въ спину и руку; видя жъ, что ничего надъ тѣми злодѣями одержать было ему невозможно, устремясь на нихъ въ послѣднее, одному изъ нихъ саблею снесъ голову, а другого еще умертвилъ своими жъ руками, изъ за чего остервенѣвшіе злодѣи, бросившись на него, окончили его жизнь копьями и саблями своими. При семъ его смертномъ случаѣ два солдата бывшіе при немъ скололи штыками двухъ злодѣевъ, коихъ они, поймавъ, отсѣкли имъ головы и положили одну подлѣ головы, а другую въ ногахъ у покойнаго, обще съ ними подвизавшагося командира. Тѣло его погребено тогда въ Корсунѣ при тамошней церкви; сынъ же его, а мой внукъ, до самой кончины при немъ находился, а потомъ двумя доброжелательными уланами (кои были изъ людей его родственниковъ) спасенъ отъ погибели. Все оное происходило сего 1774 года 26 числа Августа.

Сентября 10 получилъ я повелѣніе отъ главнокомандующаго въ трехъ губерніяхъ, въ Оренбургской, Казанской и Нижегородской и всѣми въ тѣхъ губерніяхъ находящимися войсками, генералъ-аншефа и всѣхъ Россійскихъ орденовъ кавалера графа Петра Ивановича Панина, пущенное изъ Саранска 27 числа Августа, о пріѣздѣ моемъ къ нему въ Симбирскъ для донесенія о состояніи Оренбургской губерніи, куда и

отправился я изъ Оренбурга 13 числа Сентября чрезъ разоренное мое село Спаское, гдѣ пробывъ, 16 числа пріѣхалъ въ Симбирскъ и явился у его сіятельства 21 числа того жъ Сентября.

Будучи тамъ съ 21 Сентября, имѣлъ счастіе во все то время пользоваться благосклонностію его сіятельства, чему довольнымъ доказательствомъ служитъ при отпускѣ меня къ исполненію по Оренбургской губернской канцеляріи разныхъ дѣлъ, данное мнѣ отъ его сіятельства повелѣніе, съ котораго при семъ прилагается копія.

Высокородный и высокопочтенный господинъ статскій совѣтникъ, государь мой.

Воспользуясь преподанными вашими мнѣ объясненіями о дѣлахъ и положеніяхъ Оренбургской канцеляріи по правленію ея относительно до Киргизскихъ и Башкирскихъ народовъ, по вашей весьма долговременной и искусной практикѣ, въ оныхъ дѣлахъ свѣдѣніяхъ и по бытію вашему при самомъ начинаніи учрежденія оной губерніи и сообщенію съ Киргизскими народами, какое послалъ я предложеніе къ господину Оренбургскому губернатору о сочиненіи и доставленіи ко мнѣ историческихъ экстрактовъ по дѣламъ обоихъ тѣхъ народовъ, весьма потребныхъ мнѣ по возложенному на меня отъ Ея Величества служенію, съ онаго здѣсь включаю копію.

Ваше высокородіе можете теперь отъѣхать къ своему настоящему при соляномъ дѣлѣ правленію. Не отлучаясь отъ онаго, извольте подъ вашимъ собственнымъ надзираніемъ содѣйствовать господину Оренбургскому губернатору въ сочиненіи и поспѣшномъ сколько возможно доставленіи ко мнѣ тѣхъ экстрактовъ за общими вашими руками, о чемъ вложенное здѣсь приложеніе имѣете господину губернатору отъ меня отдавъ, вступить въ оное съ нимъ содѣйствіе. Труды, примѣчанія и искуство ваше, извѣстное уже мнѣ по всѣмъ дѣламъ службы вашей Ея Импер. Величеству, конечно не останутся безъ приношенія ко всемилостивѣйшему ея воззрѣнію и удовлетворенію, такъ какъ и я постараюсь оправдать оное показаніемъ настоящимъ дѣломъ, что есмь съ особливымъ почтеніемъ и усердіемъ вашего высокородія государя моего вѣрный слуга графъ Петръ Панинъ.

Октября 31 дня 1774 года
Симбирскъ.

Его высокобл. Рычкову.

2-го числа Ноября выѣхалъ изъ Симбирска, 3 и 4-е число пробылъ я въ селѣ Чириковѣ, 5 выѣхавъ оттоль, былъ въ Казани 7 и 8 числа, 12 возвратился въ Спаское, а 15 числа въ Оренбургъ обратно пріѣхалъ.

Первые мои труды, по повелѣнію его сіятельства учиненные столь ему были пріятны, что онъ по данной ему власти именемъ Ея Величества пожаловалъ мнѣ въ награду двѣ тысячи рублей и сверхъ порученнаго мнѣ соляныхъ дѣлъ правленія опредѣлилъ меня въ учрежденную отъ него при Оренбургской губерніи иновѣрческую и пограничную экспедицію сочленомъ губернаторскимъ.

1775 Января 15-го сынъ мой Василій и внукъ Петръ, бывъ въ селѣ Спаскомъ, освящали вновь тамошнюю каменную церковь во имя Преображенія Господня, а того жъ числа погребли и тѣло сына моего Андрея Петровича, привезенное по указу отъ преосвященнаго Веніамина архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго изъ пригорода Корсуна, подъ которымъ онъ былъ убитъ на сраженіи съ злодѣями.

13 Февраля послѣдовало со мною слѣдующее несчастное приключеніе. По опредѣленію его сіятельства, по утру, до разсвѣта дня присутствовавъ у секретныхъ и заграничныхъ дѣлъ, по разсвѣтаніи уже дня, пошелъ было для присутствія жъ въ Оренбургскую губернскую канцелярію и вышедъ изъ ней на крыльцо, нечаяннымъ образомъ поскользнулся и, упавъ на порогѣ, правую мою ногу столь сильно зашибъ, что при великой болѣзни съ трудомъ отнесли меня на креслахъ въ домъ мой, гдѣ нѣсколько дней при несносной боли и ломотѣ во всей ногѣ пролежалъ недвижимъ; а коль боль начала быть посноснѣе, то перешла болѣзнь въ лядвею и крестецъ, что̀ въ медицинѣ называютъ подагрическимъ припадкомъ, въ которой болѣзни весь годъ находился, а хотя и выѣзжалъ для присутствія къ порученнымъ мнѣ дѣламъ, но всегда съ великимъ трудомъ, ибо на ту больную мою ногу еще понынѣ иначе приступить не могу, какъ точно слегка подпираясь подъ пазуху длиннымъ костылемъ, а съ другой стороны поддерживаемъ человѣкомъ.

10 Марта сынъ мой Василій отправленъ отъ меня чрезъ Симбирскъ въ Москву съ депешами къ его сіятельству; оттоль возвратился онъ въ Оренбургъ 20-го Октября, а 26 тожъ мѣсяца пріѣхалъ ко мнѣ изъ Царицына сынъ мой Николай. Оба они, побывъ при мнѣ, къ немалому моему въ болѣзни утѣшенію, поѣхали отъ меня въ Царицынъ Ноября 15 дня.

Января 2-го 1776 года получилъ я указъ изъ Правительствующаго Сената отъ 15 Декабря прошлаго 1775 года, въ коемъ объявлено. По имянному Ея Величества за собственноручнымъ подписаніемъ указу данному Сенату написано: статскому совѣтнику Рычкову всемилостивѣйше повелѣваемъ остаться при дѣлахъ пограничныхъ и иновѣрческихъ въ Оренбургской губерніи, отдѣленныхъ въ особую экспедицію генераломъ графомъ Панинымъ во время его тамъ командованія. Пра-

вительствующій Сенатъ приказали, для должнаго по тому указу исполненія послать ко мнѣ, къ Оренбургскому губернатору и въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ указы.

Мая 20 числа получилъ письмо изъ Берлина отъ издателей экономической экспедиціи г. доктора Крюница съ товарищами съ требованіемъ моего портрета для вмѣщенія въ ихъ изданія, который я и послалъ туда 26 числа сего мѣсяца.

Сентября 9-го, благословленіемъ Божіимъ, помолвилъ я старшую мою дочь Марью Петровну за подполковника Угрыкарасайскаго коменданта Ивана Богдановича Толстого, и для совершенія брака жена и дѣти 25 числа поѣхали еще въ село Спаское. Октября 1-го числа поѣхалъ туда же нареченный мой зять, обще съ капитаномъ Астафьевичемъ-Станишынымъ и протоколистомъ Яриловымъ, который бракъ и совершенъ тамъ 9 числа.

Декабря 11 получилъ я письмо изъ С.-Петербурга отъ сына моего Николая, въ коемъ къ немалому моему порадованію увѣдомилъ онъ меня, что Ея Величество на порученныя ему дѣла сама изустно изволила изъявить ему свое удовольствіе, а 12 числа пожаловала его чиномъ надворнаго совѣтника; а меньшій его братъ Василій по выключкѣ изъ Царицынскаго баталіона, въ коемъ онъ служилъ капитаномъ, опредѣленъ къ нему въ помощники съ чиномъ секундъ-маіора. Онъ былъ въ С.-Петербургѣ только 5 дней и, получа на всѣ его представленіи резолюцію, отправился обратно въ Царицынъ и въ Астрахань. 18 числа Декабря сынъ мой Василій къ новой должности поѣхалъ.

Впрочемъ домашнее мое упражненіе состояло большею частію въ сочиненіи топографическаго словаря на всю Оренбургскую губернію, къ чему побужденъ я былъ письмомъ его сіятельства дѣйствительнаго тайнаго совѣтника генерала-прокурора и разныхъ орденовъ кавалера князя Александра Алексѣевича Вяземскаго, котораго первую часть отъ литеры А по литеру М и отправилъ Декабря 8 числа съ приложеніемъ моимъ къ его сіятельству, при томъ по его совѣту и просительнаго моего письма къ Ея Императорскому Величеству о моихъ нуждахъ и недостаткахъ по содержанію моему. 1777 Февраля обрадованъ я былъ полученіемъ отъ его сіятельства на просьбу отвѣтнаго письма съ приложеніемъ при томъ копіи съ Ея Величества указа, даннаго Правительствующему Сенату, по которому Ея Величеству угодно было пожаловать мнѣ за службу и труды пятнадцать тысячъ рублей.

Легко понять, въ какой восторгъ приведенъ я былъ сею великою и не по заслугамъ моимъ оказанною ко мнѣ высочайшею милостію. И такъ оная оказана мнѣ по предстательству за меня его сіятельства.

Его сіятельство князь Александръ Алексѣевичъ, письмомъ своимъ отъ 9-го Марта, извѣстилъ меня, что благодарное мое письмо къ Ея Величеству за высочайшую милость вручилъ Ея Величеству, и она соизволила удостоить его высочайшаго своею благоволенія.

14 числа сего же Марта въ службѣ моей послѣдовала знатная перемѣна; ибо тогда угодно было Ея Величеству, по докладу Правительствующаго Сената, между прочими представленіями на высочайшее ея разсмотрѣніе, конфирмовать и пожаловать меня къ Екатеринбургскимъ заводскимъ правленіямъ главнымъ командиромъ. Указы въ Оренбургскую губернскую канцелярію и въ здѣшнее соляное управленіе получены изъ Сената, но токмо еще по герольдіи, по которымъ я сего Апрѣля и присягу на вѣрность учинилъ въ Оренбургской соборной церкви, въ присутствіи г-на дѣйствительнаго статскаго совѣтника и губернаторскаго товарища Василія Яковлевича Старова-Милькова.

20 числа писалъ къ Ея Величеству и къ его сіятельству г-ну генералъ-прокурору съ благодареніемъ за ту возложенную на меня довѣренность и просилъ къ лучшему и безпрепятственному тамошнихъ дѣлъ, въ разстройку нѣкоторую приведенныхъ, о снабдѣніи меня потребными способами и средствами.

По силѣ вышеозначенныхъ указовъ въ исполненіи сей новой возложенной на меня должности съ 16 числа началъ я на должное ко освѣдомленію моему требованія чинить.

*

Тутъ кончается современный списокъ этой автобіографіи, сообщенный въ „Русскій Архивъ“, праправнукомъ автора Николаемъ Дмитріевичемъ Рычковымъ. Подлинною рукописью воспользовался отчасти П. П. Пекарскій въ превосходномъ трудѣ своемъ о Рычковѣ (С.-Пб. 1867, съ портретомъ). Рычковъ скончался 15 Октября 1777 года и погребенъ въ селѣ Спаскомъ (которое описано жившимъ тамъ учителемъ его внуковъ Винскимъ, во 2-й кн. „Русскаго Архива“ 1877 г, стр. 193 и 194). П. Б.

ПЕРЕПИСЬ НОВО-НѢМЕЦКОЙ СЛОБОДЫ ДВОРАМЪ И ВЪ НИХЪ ЖИТЕЛЯМЪ.

Въ Ново-Нѣмецкой слободѣ, на среднемъ рынкѣ, съѣзжая изба, горница съ сѣнями ветхая. Въ ней образъ Пресвятыя Богородицы Знаменія, въ окладѣ золоченномъ. Неокладныхъ образовъ Чудотворца Николая и Великомученика Димитрія Селунскаго. Да для пожарнаго разоренія и воровскихъ людей: колоколъ на столбахъ, вѣсомъ въ 4 или 5 пудъ, а сколько подлинно не вѣдомо. Далъ умершій генералъ Боуръ. Да жители построили: 12-ть трубъ жестяныхъ, ветхія, 2-ва паруса ветхихъ. Крючьевъ: большихъ одинъ, малыхъ два. Двѣ цѣпи одношейныя; желѣза ножныя.

Тоё слободу вѣдаетъ полковникъ иноземецъ Петръ Корниловъ сынъ фонъ Буковенъ, съ 1711 года, по наказу изъ Военной Канцеляріи [1]). При немъ изъ Военной Канцеляріи, изъ молодыхъ подъячихъ Яковъ Петровъ со 198 году. Для караула и посылокъ присылаются изъ гварнизона Лефортовскаго полку капралъ съ солдаты по 20 человѣкъ на недѣлю, съ перемѣною.

И въ нынѣшнемъ 1718 году, Іюля въ 25-мъ числѣ, въ указѣ великаго государя изъ Военной Канцеляріи, за приписью дьяка Артемья Навроцкаго, въ Ново-Нѣмецкую слободу, въ съѣзжую избу, ко оному полковнику фонъ Буковену писано: велѣно по посланнымъ изъ Военной Канцеляріи пунктамъ, ко исчисленію и для государственныхъ приходовъ и расходовъ опредѣленія въ Камеръ-Коллегію, прислать въ Военную Канцелярію, что̀ вѣдомо въ съѣзжей избѣ вѣдомости немедленно ко отсылкѣ въ С.-Петербургъ, въ самой скорости. А сего Августа въ день [2]), въ вѣденіи въ Военную Канцелярію изъ Ново-Нѣмецкой слободы съ съѣзжей избы написано:

По справкѣ-де въ съѣзжей избѣ, противъ присланныхъ пунктовъ, что̀ надлежитъ ко отправленію, никакихъ дѣлъ нѣтъ а о дворовомъ счисленіи о всякихъ чиновъ людяхъ, въ прошломъ 1715 году, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, изъ Военной Канцеляріи присланъ былъ въ Ново-Нѣмецкую слободу маіоръ

---

[1]) Эта канцелярія въ то время, находясь подъ управленіемъ генералъ-пленипотенцара крихсъ-комиссара князя Я. Ѳ. Долгорукаго, засѣдавшаго и въ Сенатѣ по управленію всего войска, подчинялась и ближайшей канцеляріи Петра Великаго, въ которой былъ генералъ-президентомъ тайный совѣтникъ графъ Никита Моисѣевичъ Зотовъ.

[2]) Пропускъ, въ какой день. Г. А.

Дмитрій Лихаревъ по наказу, и въ той слободѣ служилыхъ всякихъ чиновъ людей иноземцовъ и вдовъ, и недорослей, и сиротъ, которые вѣдомы въ Военной Канцеляріи дворы и ихъ самихъ и женъ, и дѣтей, и братьевъ и племянниковъ, и свойственниковъ, и крѣпостныхъ людей, и работниковъ, и жильцовъ, которые живутъ изъ найму по записямъ и безъ записей, переписалъ всѣхъ мужеска и женска полу; и что кому лѣтъ и о томъ-де въ Военной Канцеляріи вѣдомо, а въ съѣзжей избѣ ничего не вѣдомо.

И сего Августа 14 дня великій государь указалъ противъ преждепосланнаго великаго государя указу и пунктовъ учинить въ Ново-Нѣмецкой слободѣ, въ съѣзжей избѣ, вѣдѣніе немедленно и прислать къ отсылкѣ въ С.-Петербургъ въ Военную Канцелярію, всеконечно въ самой скорости, подъ опасеніемъ штрафа: понеже хотя и переписка изъ Военной Канцеляріи, въ 1715 году, всему была, и та переписка укоснѣла для того, что послѣ того году Августа по 14-е число сего 1718 году многіе заводы и люди и все, чтò есть противъ вышепомянутыхъ пунктовъ, изъ оной слободы чтò убыло, а иное чтò прибыло и по прежнему, и по сему великаго государя указу и по присланнымъ пунктамъ велѣно чинить неотмѣнно.

И по вышеписаннымъ великаго государя указамъ и по присланнымъ пунктамъ о дворовомъ счисленіи въ Ново-Нѣмецкой слободѣ служилые всякихъ чиновъ люди иноземцы и вдовы, и недоросли, и сироты, которые вѣдомы въ Военной Канцеляріи дворы и они сами, и жены, и дѣти, и братья, и племянники, и свойственники, и крѣпостные люди, и работники и жильцы, которые живутъ изнайму по записямъ и безъ записей, переписаны всѣ мужеска и женска полу и чтò кому лѣтъ.

А чтò по перепискѣ господина полковника Петра Корнилова сына фонъ Буковена дворовъ и въ нихъ людей явилось, и то писано ниже сего.

Дворъ генерала и кавалера Адама Адамовича *Вейде*; жителей въ немъ нѣтъ, только стоятъ Лефортовскаго полку караульные солдаты.

Дворъ генерала лейтенанта Никола Григорьевича *фонъ Вердина*. Сказалъ онъ, генералъ, себѣ 71 годъ. У него жена Анна Яковлева, дочь 45 и дочь дѣвица Елена 14-ти, да пасынокъ его, бригадира Дениса Рыдера сынъ его, Денисъ 15-ти лѣтъ. У него жъ людей: полонныхъ Яганъ Оузборерь 54-хъ, другой Яганъ Гуморъ 20-ти, Юрья Ѳинъ 40-ка, да Польской породы Андрей Мутелевскій, который ему отданъ изъ Посольскаго Приказу 30-ти, у него жена Христина 45-ти, у него жъ пасынокъ Иванъ Петровъ сынъ Лисовскій 12-ти, да полонная дѣвка Матрена 17-ти, полонная жъ дѣвка Матрена 60-ти, да Русская дѣвка Марѳа Петрова 17-ти, живетъ въ годахъ съ записью; да Русская женка Елена Иванова 30-ти лѣтъ изъ найму погодно.

Прим. Прислуга и дворня подобнымъ же образомъ показаны и при всѣхъ нижеозначенныхъ дворахъ, но оныя здѣсь не приводятся по неимѣнію въ томъ никакого историческаго интереса.

Дворъ генерала-маіора Александра Вилимовича *Шарфа*. Сказалъ онъ генералъ себѣ 69-ть лѣтъ.

Дворъ генералъ-маіора Алексѣя Михайлова сына *Дедюта*. Сказалъ онъ генералъ себѣ 72 года.

Дворъ генералъ-маіора графа Ѳомы Матвѣева сына *Кантакузина*; онъ при арміи обрѣтается.

Дворъ генералъ-маіора Вилима Вилимовича *фонъ Делдина*. Въ томъ домѣ живетъ братъ его родной, полковникъ Юрій Вилимовъ сынъ *фонъ Делдинъ*. Сказалъ о себѣ 52 года; у него дѣтей: Ефимъ 20-ти, учится въ инженерной школѣ, Вилимъ 15-ти, въ Ревелѣ для ученія, Иванъ 12 лѣтъ, Яковъ полгода.

Дворъ полковника Юрья Юрьева сына *Шкота*. Сказалъ себѣ 53 года; у него жена Марья Иванова дочь, 46-ти; дѣтей у него: Юрья 11-ти, Петръ 10-ти, Андрей 7-ми, дочери: Елена 12-ти, Марья 8-ми и Анна 5-ти лѣтъ.

Домъ полковника Ефима Андреева сына *Гулица*. Сказалъ себѣ 51 годъ; у него жена Елена Варѳоломѣева дочь 47-ми, у него дѣтей: Вахромей 24-хъ, въ бомбардирахъ, Иванъ 9-ти, Марья 26-ти, Анна 22-хъ и Катерина 15-ти лѣтъ.

Дворъ полковника Іова Христофорова сына *Абрама*. Сказалъ себѣ 59-ть лѣтъ; у него сынъ Михаилъ 10-ти, да племянникъ маіора Яковлева сынъ *Бернера*, Павелъ 18-ти лѣтъ.

Дворъ полковника Ѳедора Петрова сына *Гордона*. Сказалъ себѣ 38 лѣтъ, у него жена Анна Христофорова дочь 38-ми, у него дѣтей: Елена 3-хъ лѣтъ, Елена жъ полугода.

Дворъ полковника Филипа Михайлова сына *Суеса*. Сказалъ себѣ 49-ть; у него въ домѣ живутъ племянники иноземцы: Егоръ Суесъ 24-хъ, Марко Болдвинъ 23-хъ лѣтъ.

Дворъ полковницы Матвѣевской жены *Бордовика*, вдовы Авдотьи Ефимовой дочери. Сказала себѣ 65 лѣтъ; у ней внука маіора Елизара Голцына, дочь его дѣвица Авдотья 12-ти лѣтъ.

Дворъ полковника Данилы Иванова сына *Купора*. Сказалъ себѣ 53 года.

Дворъ полковника Ивановской жены *Сака*, вдовы Ненилы Корниловой дочери. Сказала себѣ 78 лѣтъ; у ней внука подполковника Андрея Лампа, дочь его, дѣвица Дарья 12-ти лѣтъ.

Дворъ полковника Ивана Иванова сына *Бансора*. Сказалъ себѣ 56-ть лѣтъ; у него жена Варвара Ефимова дочь 53-хъ, у него жъ сынъ Петръ 25-ти лѣтъ, кондукторомъ при артиллеріи.

Дворъ полковницы, Павловской жены, *Грабова* вдовы Агафьи Яковлевой дочери. Сказала себѣ 50 лѣтъ.

Дворъ полковника Томосовской жены *Юнгора*, вдовы Елены Алферовой дочери. Сказала себѣ 60 лѣтъ.

Дворъ полковника Тимофѣевской жены *Бордовика*, вдовы Авдотьи Мартыновой дочери. Сказала себѣ 52 года.

Дворъ полковника Ивановской жены *Гаста* вдовы Марьи Петровой дочери. Сказала себѣ 53 года, у ней дочь дѣвица Евдокія 17-ти лѣтъ.

Дворъ подполковника Родіоновской жены *Шнилтера*, вдовы Елены Ивановой дочери. Сказала себѣ 44 года; у нея дѣтей: сынъ инженерной школы ученикъ Юрій 22-хъ, дочь Марья 19-ти и Анна 13-ти лѣтъ.

Дворъ полковника Степановской жены *Лима*, вдовы Авдотьи Матвѣевой дочери. Сказала себѣ 40 лѣтъ; у ней живутъ: маіора Якова *Трейдена* дѣти его: Иванъ 8-ми, Марья 4-хъ лѣтъ, по свойству.

Дворъ полковника Ивановской жены *Вуда* вдовы Крестины Павловой дочери. Сказала себѣ 62 года; у ней внука ротмистра Яковлева дочь *Цеся* дѣвица Марья 21 года; у ней же капитана Андрея Юхонцова дочь его Елена 12-ти лѣтъ.

Дворъ полковника Ивановской жены *фонъ Фениксберга* вдовы Авдотьи Вилимовой дочери. Сказала себѣ 67 лѣтъ.

Дворъ генералъ-поручика Ивановской жены Иванова сына *Чамберса*, вдовы Катерины Юрьевой дочери. Сказала себѣ 61 годъ.

Дворъ подполковника Вилимовской дочери *Кормихеля* дѣвицы Елены. Сказала себѣ 45 лѣтъ; у ней въ домѣ живетъ сестра ея, полковника Андрея Вилимова сына *Калдервута*, дѣвица Марья 35-ти лѣтъ.

Дворъ полковника Захаревской жены *Вестова* вдовы Елены Ивановой дочери. Сказала себѣ 39-ть лѣтъ; у ней дѣтей: Иванъ 18-ти, инженерной школы ученикъ и Марья 19-ти лѣтъ.

Дворъ инженерной школы ученика Ивана Захарьева сына *Вестова*, который писанъ выше сего.

Дворъ полковника Ильинской жены *Бильса* вдовы Анны Михайловой дочери. Сказала себѣ 45 лѣтъ; у ней сынъ Илья 16-ти; да у ней же въ домѣ живетъ генерала поручика Ивановская жена *Гулица*, сестра ее вдова Марья Михайлова дочь 59-ти, у нея жъ племянница генерала-маіора Вилимова дочь Вилимова сына *Фонъ-Делдина*, Елена 16 лѣтъ.

Дворъ подполковника Александровской жены *Трейдена*, вдовы Маріи Адамовой дочери. Сказала себѣ 55 лѣтъ; у нея дочь дѣвица Марина 20-ти лѣтъ.

Дворъ полковника умершаго Кашпара Андреева сына *Гулица*; въ томъ домѣ живетъ дочь его дѣвица Анна; сказала себѣ 17-ть лѣтъ.

Дворъ полковника Ефимовской жены фонъ *Липсторфа*, вдовы Анны Яковлевой дочери; сказала себѣ 55 лѣтъ; при ней живетъ зять ея, морскаго флота капитана *Дорниваста*, сынъ его, Корнило 6-ти лѣтъ, для науки.

Дворъ полковника Андрея Андреева сына *Грота*; онъ полковникъ въ арміи, а въ домѣ его живетъ подполковника Ивановская жена *Лоцкина*, вдова Марья Андреева дочь; сказала себѣ 51 годъ; у ней дочь дѣвица Марья 25-ти лѣтъ. Живутъ они по свойству.

Дворъ полковника Петровской жены *Девсена*, вдовы Варвары Андреевой дочери; сказала себѣ 50 лѣтъ. У ней дочь дѣвица Анна 18-лѣтъ.

Дворъ подполковника Григорьевской жены *Донорта*, вдовы Марьи Александровой дочери, сказала себѣ 43 года.

Дворъ адъютанта Андрея *Вестова*. Онъ адъютантъ въ арміи, а дворъ его стоитъ въ пустѣ.

Дворъ полковника Ивана *Бернера*. Онъ въ Казанѣ. На томъ дворѣ живетъ иноземецъ гарѳейной мастеръ Иванъ *Изентроитъ* 75 лѣтъ, у него жена Марья 43 лѣтъ.

Дворъ инженерной школы ученика Вилима *Фонъ Дельдина*. Сказалъ себѣ 18 лѣтъ. У него въ домѣ живетъ подполковница, Августовская жена, *Строуса*, вдова, Марья 40-ка; у ней сынъ инженерной ученикъ Павелъ 18 лѣтъ.

Дворъ полковника Ѳедоровской жены *Бранта*, вдовы Дарьи Андреевой дочери. Сказала себѣ 50 лѣтъ; у ней сынъ Кіевской губерніи Губеркова полку солдатъ *Василій Брантъ*, 23 лѣтъ; отпущенъ на время, для леченія; у ней же невѣстка полковница Ивановская жена *Роутенберга*, вдова Дарья Иванова дочь, 30 лѣтъ.

Дворъ умершаго полковника Ивана *Нимлера*; дѣтей его сиротъ: дочь Дарья, сказала себѣ 17-ти, сынъ Яковъ 16-ти лѣтъ.

Дворъ маіора Антоновской жены *Бука*, вдовы Анны Петровой дочери; сказала себѣ 38 лѣтъ.

Дворъ умершаго капитана Ивана *Лампа*; послѣ его дѣтей сиротъ: сынъ Иванъ 12-ти, дочь Елена 11-ти лѣтъ.

Дворъ полковника Александра *Росформа*, онъ въ Астрахани.

Дворъ полковника Ивана *Воронецкаго*; онъ полковникъ въ Сибири.

Дворъ генерала-маіора Вилима Вилимова сына *Фонъ-Дельдина*; онъ въ арміи, а въ дворѣ, для сбереженія, живетъ полонной Шведъ Яганъ Ивановъ 40 лѣтъ.

Дворъ полковника Ивана Павлова сына *Бернера*; онъ въ Казани, а на дворѣ, для береженія, живетъ полонной Шведъ, портной мастеръ Иванъ Брунеръ 45 лѣтъ.

Дворъ маіора Ивановской жены *Инглина*, вдовы Анны Ивановой дочери. Сказала себѣ 53 года. У ней племянница капитана Дениса *Шинкерта* дочь, дѣвица Елена 18 лѣтъ; живетъ въ сиротствѣ; да при ней же полковника Андреева дочь *Инглеса*, дѣвица Марья 13 лѣтъ; поставлена на время.

Дворъ маіора Ивановской жены *Плата*, вдовы Анны Ивановой дочери. Сказала себѣ 42 года; дѣтей у ней: сынъ Иванъ 15-ти, инженерной школы ученикъ; дочь Марья 20-ти, другая Марѳа 18-ти лѣтъ.

Дворъ подполковника Александра *Фрезера*. Онъ подполковникъ въ арміи; а въ томъ дворѣ живетъ подполковникъ Иванъ Михайловъ сынъ *Михалсонъ*; сказалъ себѣ 77 лѣтъ, живетъ по свойству.

Дворъ полковника Юрьевской жены *Абрама*, вдовы Марьи Андреевой дочери. Сказала себѣ 54 года; дѣтей у ней: сынъ Андрей 19-ти, Яковъ 13-ти лѣтъ.

Дворъ другой генерала-маіора Александра Вилимова сына *Шафра*. На томъ дворѣ живетъ одинъ дворникъ, для береженья, Польской породы Иванъ Андреевъ 65 лѣтъ.

Дворъ генерала-адмирала Франца Яковлевича *Лефорта*, жены его вдовы Елены Францовны. Ея, генеральши, въ Москвѣ нѣтъ: въ Епифанскомъ уѣздѣ, въ селѣ Богоявленскомъ, въ вотчинѣ племянника своего бригадира Петра

Богданова сына *Лефорта.* А въ домѣ, для береженія, оставленъ ея человѣкъ Петръ Петровъ 45 лѣтъ.

Дворъ полковника Ивановской жены *Буша*, вдовы Сусанны Григорьевой дочери. Сказала себѣ 56 лѣтъ.

Дворъ умершаго полковника Ивана Иванова сына *Мейса*, дѣтей его: Якова 13-ти, Ѳедора 12-ти и дочерей: Марьи 9-ти и Анны 8-ми лѣтъ.

Дворъ подполковника Андреевской жены *Гордона*, вдовы Акулины Вархомѣевой дочери. Сказала себѣ 38 лѣтъ.

Дворъ генерала-маіора Андрея Андреева сына *Гулица*, жены его вдовы Марьи Юрьевой дочери. Сказала себѣ 43 года.

Дворъ капитана Яковлевской жены *Рейтара*, вдовы Марьи Яковлевой дочери. Сказала себѣ 32 года.

Дворъ маіора Павловской жены *Ларцына*, вдовы Варвары Францовой дочери. Сказала себѣ 40 лѣтъ; у ней сынъ Францъ 12 лѣтъ.

Дворъ того же маіора Павловской жены *Ларцына* вдовы Варвары Францовой дочери, на Басманной землѣ.

Дворъ маіора Ивановской жены *Кольбюрха*, вдовы Елены Павловой дочери. Сказала себѣ 38 лѣтъ.

Дворъ поручика Трифоновской жены *Садыперова*, вдовы Елены Николаевой дочери. Сказала себѣ 48 лѣтъ; у ней сынъ Иванъ 19-ти лѣтъ инженерной школы въ ученьи.

Дворъ капитана Петровской жены *Дореева*, вдовы Софьи Андреевой дочери. Сказала себѣ 30 лѣтъ; у ней сынъ Петръ 9-ти лѣтъ.

Дворъ полковника Еремѣя Васильева сына *Шварта.* Сказалъ себѣ 43 года; у него жена Марья Юрьева дочь 37 лѣтъ; дѣтей дочь Марья 6-ти лѣтъ и сынъ Петръ году.

Дворъ подполковника Якова Иванова сына *Грипсберха.* Сказалъ себѣ 53 года; у него жена Марья Андреева дочь 36 лѣтъ; дочь дѣвица Арина 16-ти лѣтъ.

Дворъ капитана Алексѣя *Лисинскаго.* Онъ капитанъ въ Кіевѣ. А дворъ приказалъ надзирать полковницѣ Браншѣ.

Дворъ полковника Якова Яковлевича *Билса*, жены его вдовы Варвары Андреевой дочери. Сказала себѣ 44 года.

Капитанъ Самойло *Меллеръ*, сказалъ себѣ 49-ть. У него жена Елена Иванова дочь 32-хъ, у нихъ дѣти: сынъ Самойло 9-ти, Евстафій 2-хъ лѣтъ.

Дворъ полковника Ефимовской жены *Фонъ Вердина*, вдовы Анны Ивановой дочери. Сказала себѣ 50 лѣтъ.

Дворъ полковника Андрея Андреева сына *Гулица.* Онъ полковникъ у Архангельскаго города. А во дворѣ, для береженія, живетъ серебрянаго дѣла мастеръ Михайло Густавовъ сынъ *Экъ*, 39 лѣтъ.

Дворъ бригадира Тимоѳѣя Иванова сына *Трейдена.* Онъ въ арміи. У него въ домѣ живетъ мать его полковника Ивановская жена *Трейдена*, вдова Крестина Давыдова дочь; сказала себѣ 73 года.

Дворъ капитана Ирика *Платовка.* Онъ капитанъ въ Казани. У него въ домѣ жена его Анна Васильева; сказала себѣ 45 лѣтъ.

Дворъ госпитальнаго двора ученика Ивана *Франка.* Сказалъ себѣ 17 лѣтъ. При немъ сестра дѣвица Катерина Михайлова дочь 20-ти лѣтъ.

Дворъ полковника Петровской жены *Гасеніуса*, вдовы Анны Ивановой дочери. Сказала себѣ 70 лѣтъ.

Дворъ полковника Васильевской жены *Фонъ Зала*, вдовы Марьи Петровой дочери. Сказала себѣ 50-тъ лѣтъ. У ней дѣтей: Вилимъ 20-ти кондукторъ, при артиллеріи; Николай 19-ти, инженерной школы ученикъ, Яковъ 15-ти лѣтъ.

Дворъ полковника Вилима Юрьева сына *Фермера.* Онъ полковникъ въ арміи; а дворъ его приказалъ надзирать вышеписанной полковницѣ Петровской жены *Гасеніуса*, вдовѣ Аннѣ Ивановой дочери.

Дворъ маіора Юрьевской жены *Плата*, вдовы Марьи Ивановой дочери. Сказала себѣ 54 года; у ней дочь дѣвица Дарья 13-ти лѣтъ.

Дворъ полковника Корнилы Иванова сына *Корета.* Сказалъ себѣ 76 лѣтъ. У него жена Елена Яковлева дочь 60-ти, дочь дѣвица Дарья 20-ти, да сирота маіора Ивана *Шица* дочь его дѣвица Дарья 14 лѣтъ.

На дворѣ госпитальнаго ученика Ивана *Франка*, по свойству, живетъ мачиха его полковника Михайловская жена *Франка*, вдова Варвара Юрьева дочь; сказала себѣ 33 года; дѣтей у нея: дочь Марья 8-ми, сынъ Юрій 6 лѣтъ.

Дворъ умершаго полковника Ивана Иванова сына *Трейдена.* Въ томъ дворѣ живетъ свояченица его полковника Ивана Романова сына *Фанзбеха*, дочь его дѣвица Авдотья; сказала себѣ 20-ть лѣтъ.

Дворъ полковника Юрьевской жены *Минстармана*, вдовы Агафьи Емельяновой дочери. Сказала себѣ 32 года.

Дворъ полковника Емельяновской жены *Шлифербаха*, вдовы Анны Алферовой дочери. Она полковница въ Ревелѣ; а въ домѣ ея живетъ дочь ея, вышеписанная полковница Минстарманша.

Дворъ полковника Вилимовской жены *Римана*, вдовы Ренны Юрьевой дочери. Сказала себѣ 37 лѣтъ.

Дворъ полковника Ивановской жены *фонъ-Делдина*, вдовы Матрены Юрьевской дочери. Сказала себѣ 42 года. У ней внучата маіора Данилы *Цеева* дочь Матрена 5-ти; маіора жъ Крестьяна *Крейцмара* сынъ его Иванъ 2-хъ лѣтъ.

Дворъ капитана Захара Яковлева сына *фонъ-деръ-Булта.* Сказалъ себѣ 33 года. У него жена Елена Августова дочь 30 лѣтъ, дочери Дарья 5-ти лѣтъ и Марья году.

У него жъ капитана на дворѣ живетъ подполковникъ Мартынъ Николаевъ сынъ *Рухъ.* Сказалъ себѣ 55 лѣтъ. У него жена Анна Андреева дочь 40-ка; дѣтей у нихъ: сынъ Андрей, инженерной школы кондукторомъ 16-ти лѣтъ, Александръ, да Иванъ 4-хъ недѣль; дочь Анна 13-ти; у него жъ свояченица капитана Андреева дочь *Галкина*, дѣвица Крестина 19-ти, да племянница капитана жъ Семенова дочь *Гантера*, дѣвица Марья 18-ти лѣтъ.

Дворъ полковника Ивановской жены *Штенцеля*, вдовы Елены Ефимьевой дочери. Сказала себѣ 50-тъ; дочь ея дѣвица Катерина 14 лѣтъ.

Дворъ полковника Ѳедора *Буларта;* онъ полковникъ въ арміи; а въ домѣ живетъ сестра двоюродная, дѣвица Ирина, а сколько ей лѣтъ, того сказать не упомнитъ, для того, что послѣ отца своего и матери осталась въ малыхъ лѣтахъ. При ней живетъ брата ея Ѳедора *Буларта* дочь, а ея племянница, Елена, 12 лѣтъ.

Дворъ маіора Ивана *Брайвицкаго.* Сказалъ себѣ 55-ть; у него жена Катерина Семенова дочь 50-ти лѣтъ.

Дворъ полковника Ивана *Рыда.* Онъ въ Казани, а во дворѣ никого нѣтъ; пустъ.

Дворъ полковника Гавриловской жены *Марселиса,* вдовы Катерины. Она въ С.-Петербургѣ.

Дворъ полковника Андрея Каспирова сына *Гулица.* Онъ въ арміи. А на дворѣ, для береженія, живетъ иноземецъ музыкантъ Билхоръ.

Дворъ капитана Николая *Гумельскаго.* Онъ въ арміи. А приказанъ былъ дворъ матери его, но она умерла.

Дворъ полковника Алферья *Пиля.* Онъ на середѣ. На дворѣ живетъ госпитальной лѣкарь Яковъ *Лободонъ* на время.

Дворъ маіора Данилы *Цея.* Онъ маіоръ въ арміи. Тотъ дворъ приказалъ наблюдать полковницѣ *фонъ-Делдиной,* Матренѣ Юрьевой дочери.

Дворъ маіора Николаевской жены *фонъ-Зала,* вдовы Елены Юрьевой дочери. Сказала себѣ 36 лѣтъ; у ней дочь дѣвица Марѳа 12 лѣтъ. Людей у нея никого нѣтъ.

Дворъ бригадира Карса Иванова сына *Иваницкаго.* Онъ бригадиръ въ Казани. А тотъ дворъ приказалъ надзирать подполковницѣ *Лимшъ.*

Дворъ полковника Максимовской жены *Бурика,* вдовы Елены Юрьевой дочери. Сказала себѣ 58 лѣтъ; у ней сынъ Иванъ 22 лѣтъ, кондукторъ при артиллеріи.

Дворъ генерала-маіора Николая Ифланта. Въ томъ домѣ живетъ мать его родная Марья Григорьева дочь. Сказала себѣ 77 лѣтъ. У ней живетъ дочь ея, ротмистра Яковлевская жена *Шлехера,* вдова Елена 49-ти; у ней Елены дочь Марья 9-ти лѣтъ.

Дворъ подполковника Логина *Фонъ-Мана.* Онъ въ арміи. Въ томъ домѣ живетъ подполковника Андреева дочь *Лидкина,* дѣвица Дарья по свойству́. Сказала себѣ 54 года.

Дворъ поручика Калины *Соловецкаго.* Сказалъ себѣ 60-тъ; у него жена Анна Михайлова дочь 45-ти лѣтъ.

Дворъ капитана Адамовской жены *Фунта,* вдовы Дарьи Ѳедоровой дочери. Сказала себѣ 50 лѣтъ.

Дворъ подполковника Андрея *Рыта.* Онъ въ арміи. Живетъ во дворѣ иноземецъ серебрянаго дѣла мастеръ Лука *Меллеръ.*

Его жъ подполковника *Рыта* другой дворъ, въ которомъ живетъ суконнаго дѣла мастеръ, иноземецъ Давыдъ Валтеръ.

Дворъ маіора Григорья Иванова сына *Эверцына.* Сказалъ себѣ 51 годъ; у него жена Софья Александрова дочь 29 лѣтъ.

Капитанъ-поручикъ Томасъ Андреевъ сынъ *Юхольцовъ*. Сказалъ себѣ 57 лѣтъ, а у него двора своего нѣтъ.

Подполковника Яковлевская жена *Старка*, вдова Матрена Алферьева дочь, сказала себѣ 43 года. При ней живетъ иноземка взятая въ сиротствѣ, дѣвица Марья *Николаева* дочь 17 лѣтъ.

Дворъ маіора Христофоровской жены *Менгаузина*, вдовы Елены Тимофѣевой дочери. Сказала себѣ 72 года. У ней дочь дѣвица Дарья 38 лѣтъ.

Дворъ въ Басманной слободѣ маіора Богдана *Трульмана*. Сказалъ себѣ 70-ть; у него жена Аграфена Христофорова дочь 49 лѣтъ.

Дворъ въ Басманной слободѣ недоросля Ѳедора Григорьева сына *Эверцына*. Маіорской сынъ, сказалъ себѣ 25 лѣтъ; у него жена Устинья Иванова дочь 29-ти, у нихъ сынъ Александръ полугода.

Поручика *Франка* вдова Катерина Крестьянова 27 лѣтъ; живетъ съ своимъ свойственникомъ, а двора у нея нѣтъ.

Дворъ недоросля Дмитрія Алексѣева сына *Фермона*. Сказалъ себѣ 27 лѣтъ. У него сынъ Дмитрій 2-хъ лѣтъ.

Дворъ умершаго генерала Родіона Крестьянова сына *Боура*, пустъ.

Дворъ маіора Ивановской жены *Ленка*, вдовы Марьи Андреевой дочери. Сказала себѣ 63 года.

Дворъ генералъ-маіора *Балка*, пустъ, а онъ генералъ въ арміи.

Дворъ полковника Павловыхъ дѣтей *Бернера*, Павла, да Андрея, пустъ, а они въ арміи.

Дворъ полковника Петра Корнилова сына *Фонъ-Буковена*. Сказалъ себѣ 55 лѣтъ. У него дѣтей: дочь Елена 22-хъ, Анна 11-ти лѣтъ.

Итого по перепискѣ въ Новонѣмецкой Слободѣ всякаго чина служеныхъ людей и вдовскихъ, и сиротскихъ, которые содержатся подъ вѣдѣніемъ Военной Канцеляріи, дворовъ ихъ:

Генеральскихъ	11.
Бригадирскихъ	2.
Полковничьихъ	20.
Подполковничьихъ	7.
Маіорскихъ	4.
Капитанскихъ	4.
Поручиковъ	1.
Адъютантской	1.
Инженерныхъ учениковъ	2.
Гошпитальнаго ученика	1.
Недорослей	2.

Вдовъ:

Генеральскихъ женъ	3.
Полковницъ	27.
Подполковницъ	4.

Маіорскихъ	9
Капитанскихъ	3.
Поручиковъ	1.

Сиротъ:

Полковничьихъ дѣтей	4.
Подполковничьихъ	1.
Капитанскихъ	1.
Всего	108 дворовъ.

Да въ Новонѣмецкой Слободѣ, въ съѣзжей избѣ, велѣно сбирать со всякаго чина, съ приводныхъ людей, приводныя деньги, по указу, по 4-ре алтына по 2-вѣ деньги съ человѣка; съ лошади тожъ число. И тѣмъ приводнымъ людямъ и лошадямъ приходныя и расходныя книги и за расходомъ остаточныя деньги подаваны въ Военную Канцелярію погодно, по 1717 годъ. А прошлаго 1717 года не подано. И нынѣ для веденія тѣмъ приводнымъ людямъ и лошадямъ приходныя и расходныя книги прошлаго 1717 г. въ Военную Канцелярію изъ Новонѣмецкой Слободы, изъ съѣзжей избы, съ вышеписанными, переписными дворовыми книгами посланы.

*

Далѣе идетъ приходорасходная книга за 1717 годъ, въ которую изъ дня въ день записывалось, кто именно, когда и гдѣ былъ взятъ за ночное шатаніе въ неуказные часы и приводился въ съѣзжею избу. Въ избѣ сей производилось взысканіе штрафныхъ денегъ въ указанномъ выше размѣрѣ. Изъ отчета видно, что штрафы взыскивались съ приводимыхъ въ избу: бродившихъ по ночамъ въ неуказные часы, попадавшихся пьяныхъ, чинившихъ шумъ и драку, пойманныхъ въ воровствѣ, а также бѣглыхъ солдатъ и другихъ сословій людей обоего пола, обличенныхъ въ разныхъ проступкахъ и преступленіяхъ. Весь этотъ темный людъ потомъ разводился и разсылался по принадлежности въ свои вѣдомства, для дальнѣйшаго поступленія по указамъ. Всего, въ 1717 году, съ такихъ людей было собрано штрафныхъ денегъ 12 руб. 16 алтынъ. Деньги сіи расходовались въ съѣзжей избѣ Новонѣмецкой Слободы на ремонтъ, отопленіе, освѣщеніе и канцелярскіе припасы, бумагу, перья, чернила и т. п. На эти предметы, въ томъ же 1717 году, употреблено въ расходъ 3 руб. 6 алт. 2 деньги. Затѣмъ показано налицо 9 руб. 9 алтынъ 4 деньги.

(Вып. изъ дѣлъ Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Шт. Оп. 3, Св. 15, № 26).

12 Сентября 1875 г.
Г. Москва.

Григорій Александровъ.

У ФРАНЦУЗОВЪ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ПЛѢНУ 1812 ГОДА.

Замѣчанія дѣйствій французовъ, вошедшихъ въ Москву, узнанныя во время двадцати двухъ дневнаго у нихъ полону бригадирнымъ княземъ Петромъ Алексѣевымъ сыномъ Волконскимъ [1]).

Императоръ Французовъ Наполеонъ, во 2-й день Сентября 1812 года, въ 5 часу пополудни, впустя свои войска въ Москву по разнымъ дорогамъ въ четыре заставы (Калужскую, Тверскую, Смоленскую и на Прѣсненскую), остановился самъ въ Петровскомъ дворцѣ [2]), и того жъ дня распустили колодниковъ изъ ямы, острога, рабочаго дома и сумасшедшихъ. А предъ симъ поутру главнокомандующій въ Москвѣ графъ Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ повѣстилъ жителямъ о разобраніи изъ арсенала ружей и сабель; но во время несенія изъ онаго, Французы, встрѣтя ихъ нѣкоторыхъ въ Кремлѣ, другихъ на прочихъ улицахъ, все отняли. До входа ихъ, народъ, узнавъ о смущеніи Москвы отъ содержащагося подъ стражею Московскаго купеческаго сына Верещагина, выдававшаго реляціи, окруживъ его и бросивъ на него веревчатыя петли, потащилъ съ Лубянки чрезъ Кузнецкій мостъ Охотнымъ рядомъ и по Тверской улицамъ [3]). Когда въ толпѣ народа его до смерти убили каменьями, толпа народа, пошедъ ко отцу его, который называлъ ихъ злодѣями и убійцами сына своего и съ своей стороны повторялъ, что Французъ будетъ въ Москвѣ, то его также, не выпустя изъ дому, убили [4]).

---

[1]) Это родной племянникъ Московскаго при Екатеринѣ II-й главнокомандующаго князя Михаила Никитича Волконскаго. Онъ род. въ 1759 г. † въ 1827. Женатъ былъ на графинѣ Софьѣ Ив. Генриховой. Три сына ихъ не оставили потомства.

[2]) Переѣхалъ позднѣе туда изъ охваченнаго огнемъ Кремля. П. Б.

[3]) Прик893ченъ Верещагинъ (уже за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ приговоренный Сенатомъ къ смертной казни) въ Брюсовскомъ переулкѣ, близъ церкви Рождества на Овражкѣ. П. Б.

[4]) Покойный К. Т. Солдатенковъ, проѣзжая однажды со мною по Рогожской улицѣ, указалъ мнѣ на домъ Верещагина (богатаго старообрядца) противъ церкви Симеона Столпника. П. Б.

По входѣ въ Москву войска Французскія обратились тотъ же часъ разорять всѣ дома, грабить жителей и церкви, разбивать кладовыя и погреба, напившись всѣ до пьяна; на другой же день, въ ночь на 4-е число, зажгли Москву, и безпрерывный большой пожаръ продолжался болѣе трехъ сутокъ. Французы же пьянствовали до тѣхъ поръ, пока питей не стало, а во время грабительства убили какъ Русскихъ, такъ и своихъ немалое количество. Съ улицъ мертвыя тѣла и околѣвшихъ лошадей не убирали, и трупы людей предавались знойному тлѣнію; много же разными случаями со стороны Русскихъ было убито Французовъ и брошено въ колодцы, канавы, ямы и нужныя мѣста.

Потомъ Наполеонъ въѣхалъ съ гвардіею и гусарами въ Кремль, въ Грановитую палату. А по Москвѣ-рѣкѣ отъ Каменнаго мосту у Зачатейскихъ бань загорѣлись лѣса, и за Замоскворѣцкимъ мостомъ баржи съ пшеницею; тутъ же нечаянно и съ овсомъ сгорѣли.

По монастырямъ для разоренія и грабительствъ посланы были особые отряды, изъ коихъ одинъ у Донского монастыря, не отворяя воротъ, бился почти двое сутокъ и, паливъ въ оныя изъ пушекъ, разбилъ часовни. Напослѣдокъ, ворвавшись, нѣкоторыхъ монаховъ перебили; церкви, кельи, подвалы и сундуки разбивши всю церковную утварь, ризы съ иконъ, драгоцѣнные камни и сосуды забрали и, вмѣстѣ съ инымъ нагрузя фуры, вывозили изъ монастыря цѣлые трое сутокъ, солдаты же наряжались въ священическія ризы. Въ Донскомъ монастырѣ въ это время находился и князь Волконскій, какъ для поддержанія охраненія монастырскаго и сокрытія своего имѣнія, такъ и по тѣмъ причинамъ, что онъ извѣстился изъ объявленій градоначальника, его сіятельства графа Ѳедора Васильевича Растопчина, что на Поклонной горѣ, по Смоленской дорогѣ, будетъ сдѣлано, съ выносомъ Иверской Божіей Матери, защитительное сраженіе, къ чему приготовлено 150.000 молодцовъ. Имѣя въ томъ твердую надежду, онъ и самъ приготовился на подвигъ и съ оружіемъ своихъ людей согласилъ, монаховъ, а тамошняго намѣстника Донского монастыря упросилъ идти съ образомъ Донской Божіей Матери, хоругвями, при колокольномъ звонѣ, за Калужскую заставу на Воробьевы горы и защищаться противу непріятеля. По каковымъ обстоятельствамъ князь Волконскій, отправя изъ Москвы жену, сына и невѣстку, самъ, не смотря на бывшую у него болѣзнь, съ однимъ сыномъ остался, имѣя домъ свой близъ Донского монастыря. Ожидая начатія дѣла, онъ увидалъ однакожъ, что не будетъ со стороны правительства уже никакого сраженія не предваренныхъ. Сей то несчастный случай и ввергъ его во Французскій полонъ, въ истинѣ

чего онъ и ссылается на намѣстника того монастыря и вынужденъ былъ съ братіею монастыря потерпѣть равную участь, побой и грабительство. По истеченіи семи дней онъ вышелъ изъ монастыря въ свой домъ. Изъ онаго 24 Сент. съ сыномъ и однимъ его человѣкомъ чрезъ валъ, неподалеку отъ заставы, отправился на кладбище Лазаревскаго Воскресенья, потомъ пѣшкомъ прошелъ лѣсомъ по Троицкой дорогѣ до Маленькихъ Мытищъ, гдѣ стоялъ пикетъ казаковъ. Въ Донской монастырь, по изгнаніи изъ келій монаховъ, ввели постой Французскаго войска, Египетскихъ Арабовъ, Турокъ и Грековъ, и сіи послѣдніе утверждали, что они отправляютъ богомолье, какъ и Россіяне. Подобно сему поступали и съ женскими монастырями: Алексѣевскимъ, Страстнымъ дѣвичьимъ, Рождественскимъ, Егорьевскимъ и Ивановскимъ, которые не оставлены безъ гнуснаго поступка и посмѣянія позорной наглости въ церквахъ, дѣлаемаго надъ монашинами и другими женщинами. Не избѣжали же того и всѣ приходскія церкви: въ нихъ обдирали съ образовъ ризы съ жемчугомъ, брали вещи, паникадила, подсвѣчники и сосуды, и увозили на фурахъ, книги раздирали, а въ иныхъ церквахъ иконы кололи, иконостасы зажигали, такожъ и цѣлыя церкви огню предавали; словомъ, вся великолѣпность и богатство были опустошаемы; церковная утварь, ризы и прочія одежды всѣхъ церквей сожжены на выжигу золота и серебра, что̀ дѣлаемо было при Наполеонѣ въ Кремлѣ. Служба по церквамъ со дня вшествія Французовъ въ Москву прекратилась, ибо заняли церкви подъ постои Французскіе солдаты: на престолахъ обѣдаютъ, въ печкахъ варятъ пищу, внутри церквей ставятъ лошадей, а въ другихъ мѣстахъ кладутъ фуражъ.

Сверхъ того досталось въ добычу непріятелю три магазина казенныхъ съ хлѣбомъ, приготовленнымъ для провіанта воинамъ и раненымъ солдатамъ, у Серпуховской заставы съ мукой и крупой; въ коммиссаріатскомъ депо солдатскія сукна, холстина, кожи, подошвы и прочія вещи; все было найдено Французами и обращено въ свою пользу чрезъ шесть дней послѣ вступленія.

Вслѣдъ за симъ въ скоромъ времени Французы нашли порохъ въ одномъ погребѣ и тотчасъ перевезли въ Кремль, поелику до прибытія ихъ, т. е. 1-го Сентября, Россійскими солдатами только часть изъ пороховыхъ магазиновъ перевезена была и брошена въ Москву рѣку.

Во время продолженія своего грабительства добрались они до лежащихъ Россійскихъ раненыхъ солдатъ, коихъ, на равную жъ участь поставя, т. е. снявъ обувь и рубашки, обобравши у нихъ тряпки и куски хлѣба, выгнали всѣхъ немогущихъ уже идти; которые были тяжело ранены, побросали во рвы, гдѣ они и погибли, а другихъ сожгли.

Былъ въ казармахъ изъ числа раненыхъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку солдатъ, собою видный; какъ входили къ больнымъ 2, 3 или 4 человѣка, то онъ, имѣя въ лѣвой рукѣ кистень, а въ другой 2-хъ-фунт. гирю, ни одного Француза не впускалъ, а то убивалъ или съ помощью другихъ въ нужныя мѣста бросалъ, и истребилъ довольное число, о чемъ Французы узнать не могли, и самъ остался въ живыхъ.

Французы изъ-за Можайска везли было въ Москву раненыхъ до 40.000 человѣкъ, но сдѣлавши разборъ, съ тяжелыми ранами всѣхъ прикололи, а съ легкими привезли въ Москву и положили въ госпитали. Къ больнымъ для перевязыванья ранъ были опредѣлены Русскія женщины, на каждый десятокъ по одной; равнымъ образомъ Французъ въ своей арміи всегда имѣлъ и изъ своихъ національныхъ женщинъ при раненыхъ на сто человѣкъ по одной, и при каждомъ его полку состояли докторъ, лекарь и два подлекаря. Изъ больницъ Петропавловской, Екатерининской, Голицынской и Куракинской больныхъ всѣхъ непріятель выгналъ и положилъ тамъ своихъ; Шереметевскую жъ всю сжегъ, гдѣ небольшая часть и больныхъ сгорѣла.

Какъ вступилъ Французскій императоръ въ Кремль, то никто изъ Русскихъ плѣнныхъ, даже гвардейскихъ караульныхъ постовъ, и Французскіе солдаты не отпускались. Около Кремля имѣлись караулы, и въ нихъ возили разнаго сорта лѣсъ, якобы на постройку батарей; но какъ зачатія оныхъ видно не было, то сіе справедливымъ почесть нельзя, а полагать надобно, что такое скрытное приготовленіе производилось для того, чтобы въ неизбѣжномъ случаѣ Кремль поднять на воздухъ. Близъ святыхъ воротъ. на горѣ, поставлена артилерія до 40 пушекъ съ припасами. Затѣмъ разставлена еще Французская артилерія на конной площади, 33 пушки, лошади же ея на масленномъ дворѣ. На Дѣвичьемъ полѣ съ небольшимъ 40, подъ Новинскомъ не болѣе 30 пушекъ. А чрезъ 8—9 дней Французскія войска обратились изъ Москвы отдѣленіями; первоначально на Коломенскую, Калужскую и далѣе Серпуховскую заставы немалымъ числомъ; и выходили по 1000 и 2000 человѣкъ, что продолжалось дня четыре; наконецъ отправился 2-хъ тысячный корпусъ. Чрезъ полторы недѣли непріятель вышелъ на Владимирскую дорогу, по которой выжегъ селенія и городъ Богородскъ. Они грабили добычу, ѣздивши по деревнямъ большими партіями, верстъ за 40 и болѣе, какъ имъ удастся, верхами на лошадяхъ, съ фурами, заряженными ружьями, пистолетами, и увозили сѣно, сжатую рожь, овесъ, разоряли всѣ сельскія обиталища, захватывали цѣлыя стада коровъ и овецъ, которыхъ пригоняли въ Москву на бойню, заведенную въ церкви Петровскаго монастыря, и вѣшали мясо на иконостасахъ. При всемъ такомъ разореніи Москвы, остались невредимыми дома князей Куракиныхъ и Николая

Никитича Демидова, къ коимъ начальникомъ, при входѣ въ столицу Французовъ, поставлены были для сбереженія ихъ въ цѣлости караулы и къ воротамъ прибиты бумажные знаки.

По переводу сего, войска Французскія не только не имѣли фуража, даже и хлѣба въ Москвѣ; инымъ солдатамъ три дня провіанта не выдали, кромѣ картофеля, въ коемъ тоже былъ большой недостатокъ. И когда засѣянный по нивамъ картофель весь Французами и Россійскими плѣнножителями столицы выбранъ былъ, то обратились сыскивать по домамъ у жителей и гдѣ находили, обирали, и всякій Французскій солдатъ и чиновникъ впрокъ его готовилъ.

23 Сентября Французскій императоръ далъ приказаніе находившемуся въ Москвѣ войску выступить въ походъ, стоять по деревнямъ и кормиться въ оныхъ. 24 числа въ вечеру вышелъ корпусъ изъ его уже гвардіи, состоящій изъ 2 полковъ, по Дмитровской дорогѣ на городъ Дмитровъ, чтобы пробраться въ посадъ Троицко-Сергіевской Лавры, полагая на двоякія удачи: чрезъ Александровъ на Владимирскую дорогу, либо на Ярославль. Въ туже ночь, по Дмитровской дорогѣ, сожги два селенья. По сему послѣднему тракту Французы опасались казаковъ, стоявшихъ въ Малыхъ и Большихъ Мытищахъ и д. Тарасовкѣ, почитая, что ихъ находится тамъ около 5000 челов., на самомъ же дѣлѣ ихъ стояло всего только 178 казаковъ. Однако наши, занимающіе сей постъ, казацкаго полку Денисова, по командамъ маіора Побѣднаго, забрали въ плѣнъ, кромѣ убитыхъ, 300 челов. Французы, войдя въ Москву, всевозможными способами, ласкательствомъ, угрозами и даже подкупомъ добивались узнать отъ Русскихъ, гдѣ стоятъ казаки и гдѣ находится генер. Платовъ; для этого они ловили Русскихъ по дорогамъ и опрашивали ихъ. За открытіе чего-либо Французы обѣщали большія деньги, браня при этомъ Платова и его корпусъ, что они дѣлаютъ Французамъ большой вредъ. Впрочемъ, никого они и не могли такъ страшиться, какъ его. Вотъ что случилось при кн. Волконскомъ. 24 Сентября того полку пятидесятный Иваненковъ, при Большихъ Мытищахъ, въ полѣ, съ помощью 5 мужиковъ, которые были верхами, взялъ изъ Французской пѣхоты 25 челов. четырехъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ одного ранилъ.

По таковымъ обстоятельствамъ при Французскомъ императорѣ Наполеонѣ въ Москвѣ осталась уже небольшая часть войскъ и гвардейскихъ тѣлохранителей. У него было съ небольшимъ 7000 человѣкъ, а среди полевыхъ примѣтнымъ образомъ видна была убыль, такъ что крайне мало по Москвѣ можно было ихъ видѣть, и нѣкоторые дома на форштадтахъ совершенно очистились отъ постоя; да и сами Французскіе солдаты утверждали, что изъ всего войска, пришедшаго въ столицу, стало около оной съ небольшимъ 80 тысячъ.

Французскія войска находились отъ Москвы разстояніемъ въ 19, 25 и 40 верстахъ, по дорогамъ Рязанской, Серпуховской и Калужской; въ сихъ постахъ стояли войска Польскія, Австрійскія, Еврейскія, Итальянскія и Голандскія, да немалое число, по слухамъ, стояло лагерями, у коихъ вовсе не было палатокъ; по заставамъ же никакихъ карауловъ не содержалось. По дорогамъ Воскресенской, Владимирской, Ярославской, Дмитровской, Смоленской и Санктъ-Петербургской разставлены были небольшіе пикеты въ 5, 10 и 15 верстахъ. По Смоленской дорогѣ, до самаго Можайска, никакого жилища не осталось, кромѣ что въ деревнѣ Татаркѣ пять дворовъ; но жители въ нихъ не живутъ, а всѣ скрылись по лѣсамъ, собственно отъ набѣговъ Поляковъ, изъ числа коихъ нѣкоторые бѣгутъ, а другіе по дорогамъ шатаются для встрѣчи грабительствъ и сисканія дневного себѣ пропитанія.

Князь Волконскій, узнавъ, что вотчина его, состоящая за Можайскомъ въ селѣ Горетовѣ *), разстояніемъ отъ Москвы въ 120 верстахъ, вся разорена, послалъ въ свою усадьбу изъ дворовыхъ людей шесть человѣкъ; но по невозвращеніи ихъ, не получа оттуда подробнаго свѣдѣнія, отправилъ нарочнаго. Оказалось, что господскій хлѣбъ, лошади, скотъ уже взяты Французами, а крестьяне (940 душъ) ограблены и, разойдясь по лѣсамъ, живутъ въ шалашахъ. Князь приказалъ своимъ крестьянамъ уходить въ Саратовскую его вотчину на собственную его землю и селиться, въ руки же Французовъ не попадать.

По Костромской дорогѣ Французскихъ пикетовъ вовсе нѣтъ, поелику тутъ стоятъ наши казаки, не болѣе какъ верстахъ въ 2 и 3-хъ содержатъ разъѣзды на защиту деревень и около Измаилова, куда и Французы никакихъ набѣговъ не дѣлали.

Императоръ Французовъ, живя въ Кремлѣ, выѣзжалъ изъ онаго въ монастыри Донской и Дѣвичій, окруженный своею гвардіею, въ двумѣстной коляскѣ четвернею на Англійскихъ лошадяхъ; ставни въ коляскѣ закрывались, такъ что видѣть его было нельзя, и когда онъ ѣздилъ верхомъ къ Донскому монастырю, Французскій инженерный офицеръ, объѣзжая вокругъ этого монастыря, снималъ съ него планъ.

Въ домѣ его, князя Волконскаго, у Донского монастыря, былъ поставленъ постоемъ 5-го Французскаго корпуса полковникъ съ майоромъ, капитаномъ, двумя поручиками, подпоручикомъ и нѣкоторымъ отдѣленіемъ солдатъ, отъ коихъ князь слышалъ въ разговорахъ и похвальбахъ (а болѣе отъ переводчика Турка, крещенаго въ православную Греческую вѣру, Константина Антонова) что будто Смоленскъ и Москва достались имъ подкупомъ и стоили ихъ императору издержекъ: первый

*) Мѣсто ссылки великаго канцлера графа Бестужева-Рюмина. П. Б.

4, а послѣдняя 40 милліоновъ. Къ тому жъ и самъ ихъ государь для достиженія сей цѣли пользовался разными путями и трудился въ этомъ направленіи восемь лѣтъ, какъ наприм. и въ исполненіи способа, относящагося къ смерти графа Каменскаго *).

Наполеонъ, по минованіи двухъ недѣль, издалъ правила. возвѣстя ихъ жителямъ Москвы чрезъ напечатапіе афишекъ на Французскомъ и Россійскомъ діалектахъ; учредилъ порядокъ полиціи и къ соблюденію народнаго продовольствія Городскую Думу, безопасность и спокойствіе возложилъ на главнокомандующаго, по частямъ же городъ поручилъ двадцати комиссарамъ или частнымъ приставамъ и двумъ полицмейстерамъ, по силѣ воинскаго устава назначивъ коменданта. Въ составъ Городской Думы выбрали изъ Французовъ, какъ полковыхъ, такъ и въ Москвѣ оставшихся иностранцевъ, а городского голову и къ нему сочленовъ изъ Русскихъ купцовъ и мѣщанъ шесть человѣкъ, коимъ для знаковъ даны чрезъ плечо красныя ленты; частные же приставы различены бѣлыми чрезъ руку лентами.

22 Сентября Наполеонъ оповѣстилъ, что гдѣ церкви не разорены, тамъ отправлять по прежнему богослуженія, которыя въ 2—3-хъ церквахъ и начали производить, не только утренніе часы, но и вечерни, а обѣдень, за неимѣніемъ муки на просфоры и краснаго вина, не служили. Потомъ чрезъ афишки объявилъ: 1-е) что грабительство, дѣлаемое Французскимъ войскомъ надъ Русскими, запрещено подъ страхомъ ружейнаго разстрѣлянія, 2-е) что Богу угодно ниспослать его на Руссію и расторгнуть узы невольничества и дать законъ, 3-е) что Французскій императоръ намѣревается въ Москвѣ зимовать и сдѣлалъ перемиріе, 4-е) вызывалъ, какъ изъ живущихъ въ Москвѣ, такъ и изъ другихъ мѣстъ, желающихъ производить торговлю, особенно тѣхъ, которые оную имѣли, и обывателямъ всякаго званія по прежнему разрѣшалось селиться въ Москвѣ. Эти объявленія были прибиты на гранитныхъ столбахъ. Сверхъ того Наполеонъ приказалъ открыть трактиры близъ Креста у Сухаревой башни, а на продажу калачей, Французскихъ и прѣсныхъ хлѣбовъ и ржаныхъ учреждена Французская пекарня у Калужскихъ воротъ, гдѣ хлѣбъ продавался 10 коп. сер., да при участіи Евреевъ была устроена подвижная продажа простого вина, одной только бочки, которую возили по улицамъ и продавали: штофъ по 4 р. 30 к., бутылку 1 р. 72 коп. сер., безъ вычета, ассигнаціями, а мѣдныя деньги не принимались.

Жившіе въ Москвѣ иностранцы, выѣзжавшіе за границу, природные Французы, Нѣмцы изъ Русскихъ, выпущенные изъ ямы, острога и рабочихъ домовъ колодники и другіе распутные мѣщанскаго званія

*) Умеръ въ Одессѣ 4 Марта 1811 г. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ былъ отравленъ по приказанію Наполеона.

люди, употреблены были въ шпіоны, которые вездѣ по Москвѣ провожали Французовъ и указывали имъ всякія потаенныя мѣста, гдѣ хранились вещи. Послѣ этого Французскій императоръ разрѣшилъ давать Московскимъ жителямъ билеты для выхода изъ Москвы въ тѣ заставы, гдѣ есть его войска и мѣста имъ взятыя. Такихъ билетовъ роздано было множеству народа всякаго званія, въ томъ числѣ и чиновникамъ Россійской службы; по онымъ доходили только до Французскихъ войскъ, а тутъ заставляли мужчинъ добывать имъ фуражъ, возить дрова, воду, а женщинъ мыть на солдатъ бѣлье, печь хлѣбы; другихъ же, обравъ съ нихъ послѣднюю одежду, обращали босыхъ и нагихъ обратно въ Москву.

По окончаніи пожара нѣкоторые жители столицы имѣли дома и квартиры, многіе же всякаго званія съ женами и малолѣтними дѣтьми, обоего пола, болѣе 2000 человѣкъ, жительствовали, не смотря на холодъ и голодъ, въ шалашахъ по берегу Москвы-рѣки, близъ Крымскаго мосту, на лугу графини Орловой; другіе жъ остались въ простѣнкахъ развалинъ горѣвшихъ домовъ, куда во множествѣ пришелъ народъ изъ разоренныхъ деревень. Также было сдѣлано чрезъ афишки объявленіе, чтобъ тѣ хозяева, у коихъ остались въ цѣлости домà, являлись за полученіемъ билетовъ на безопасность оныхъ, и вмѣстѣ съ выдачею билетовъ къ нимъ ставили Французскій постой, на который хозяинъ дома былъ уже обязанъ все работать и продовольствовать дровами.

Наполеонъ отдалъ приказаніе повѣстить Московскому народу, что по разслѣдованіи дѣла о пожарѣ Москвы пойманы зажигатели, которые были не изъ Французовъ, а изъ самихъ Русскихъ, и что виновные повѣшены у Тверскихъ воротъ, близъ Страстного монастыря, на фонарныхъ столбахъ: семеро Русскихъ за сдѣланіе ими зажигательнаго состава и шесть Французовъ, итого 13 челов., съ Французскою надписью на плечахъ: «зажигатели Москвы». Ярлыкъ каждому изъ повѣшенныхъ прибили гвоздемъ, чтò сдѣлано было по прошествіи двухъ недѣль для того, чтобы затмить все сомнѣніе, какъ выжжена Москва. Сіе обнаруживается тѣмъ, что повѣшенныя тѣла были изъ числа уже убитыхъ, трупы которыхъ лежали на улицахъ. Хотя и послѣдовало приказаніе Наполеона удержаться войскамъ отъ грабительства подъ страхомъ смертной казни, однакожъ удержались отъ этого по однимъ лишь домамъ, и то потому, что грабить было нечего, а по улицамъ, если встрѣчался Русскій, то его обыскивали, раздѣвали, разували и все у него отнимали, отзываясь тѣмъ, что Наполеонъ ихъ не кормитъ и не одѣваетъ. Между прочимъ, Французы сказывали, что если бы подъ Можайскомъ продержали ихъ войско еще дня 4 или 5, то они легко бы всѣ пропали съ голоду, и имъ пришлось бы всѣмъ сдаться, хотя они и имѣли такія кровопролитныя, никогда почти невидимыя сраженія, какъ

подъ Смоленскомъ и Можайскомъ. Теперь же Русскіе принуждены на Французовъ возить обозы, почему всегда схватываютъ ихъ подъ свои ноши и заставляютъ носить за собою, а Французъ, обнажа саблю, погоняетъ по ногамъ, не исключая никакого званія и женщинъ, которыя терпятъ злѣйшую участь. Изъ числа вышеозначенныхъ шпіоновъ многократно приходилъ въ домъ князя Волконскаго жившій у полковника Сергія Николаевича Голицына водочный мастеръ, получавшій годового жалованья 10.000, Петръ Ивановъ, сынъ Ларме, съ Французскимъ генераломъ, правящимъ должность коменданта, для обысковъ въ домѣ подъ видомъ желанія достать для генерала людей, коляску и продажныхъ винъ; а наконецъ оказался онъ, Ларме, уже офицеромъ Французской службы, который съ вѣстовымъ разъѣзжалъ по Москвѣ.

Хотя въ Москвѣ оставалась и небольшая часть войскъ, но голодъ, за неимѣніемъ хлѣба и фуража, увеличивался; не менѣе того ощущался недостатокъ въ амуниціи. Все это сильно раздражало Польское и другія войска, такъ что они были весьма недовольны Французскимъ императоромъ; да и настоящіе чиновники и солдаты Французскіе роптали по случаю приближенія холода и недостатка во всемъ. Они даже принуждены были употреблять въ пищу воробьевъ, сорокъ, галокъ, грачей и воронъ. Въ виду того, что Наполеонъ остался въ Москвѣ съ малымъ войскомъ, между Французами пронесся слухъ, что онъ намѣревается идти и пробраться во Францію. Наполеонъ далъ приказаніе своему войску слѣдовать за нимъ, нѣкоторыхъ кавалеристовъ выслалъ стоять и кормиться по деревнямъ, гдѣ только удастся, съ тѣмъ чтобъ всякому быть въ готовности. Французы, имѣя въ своихъ рукахъ большое количество награбленныхъ ассигнацій, продавали ихъ оставшимся жителямъ Москвы на серебро за самую малость. Такихъ бумажекъ, также суконъ и прочаго, должно было знатное число остаться внутри Москвы и у живущихъ около оной.

Князь Волконскій дорогою, какъ на пикетахъ, такъ и въ городѣ ни отъ кого не могъ узнать, гдѣ находится наша главная армія, а потому рѣшился явиться въ Ярославль къ его высочеству *) съ представленіемъ сей бумаги.

На подлинномъ подписалъ: бригадиръ князь Петръ Алексѣевичъ Волконскій.

(*Сообщено А. А. Титовымъ*).

*) Т. е. къ герцогу Георгію Ольденбургскому. П. Б.

КНЯЗЬ А. Н. ГОЛИЦЫНЪ

(въ его письмахъ).

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ—лицо вполнѣ историческое, на глазахъ и при участіи котораго произошли самые крупныя событія за цѣлые полвѣка Русской политической и общественной жизни. Четырью годами старше Александра Павловича, онъ былъ ему искренне преданнымъ и попечительнымъ слугою, а въ слѣдующее царствованіе сдѣлался какъ бы своимъ царской семьѣ. О немъ довольно писано у насъ и въ чужихъ краяхъ, но полной его біографіи до сихъ поръ не имѣется, чему виною его скромность: обезпеченный въ служебномъ положеніи, довольный близостью къ Государю и будучи холостякомъ, не искалъ онъ отличій и чуждъ былъ стяжательности. Нижеслѣдующія его письма и доклады императору Александру Павловичу сообщены намъ его внучатною племянницею, Екатериною Николаевною Муромцовой изъ села Баловнева. П. Б.

1.

А. Къ Императору Александру Павловичу.

Ce 21 Mai 1812.

Pardonnez, Sire, qu'au milieu de vos occupations qui deviennent plus sérieuses tous les jours, je prends la liberté de vous demander la première fois, une grâce pour moi, c'est la permission d'avoir une chapelle durant ma vie. Je pourrais la placer à présent dans la maison donnée par Votre Majesté au ministère des cultes.

Le comte Pouschkine, mon prédécesseur au St-Synod, a eu une chapelle dans sa maison.

Si vous avez la bonté de m'accorder cette grâce, j'oserai demander à V. M. l'*иконостасъ* fait pour l'église commencée et puis démolie à Zarsko-Sélo près des appartements de feue Sa Majesté l'Impératrice. Les images sont suspendus aux murs de la pente-douce à l'Ermitage

depuis ce temps. Je vous les demande, Sire, pour épargner l'argent et le temps qu'il faut pour peindre de nouveau et comme une chose qui vous est initule. Il faut un ordre par écrit du comte Tolstoy pour qu'on me les livre.

Si ma dernière demande est indiscrète, ne me refusez pas, Sire, la première et soyez persuadé que vous ferez un grand bien à mon âme, qui cherche depuis quelque temps à devenir meilleure.

Je prie le ciel, Sire, pour que votre coeur s'unisse étroitement avec Dieu en Jésus-Christ. Que ne ferez vous alors ou plutôt que ne fera Dieu par vous, si vous devenez Son instrument passif. Le souverain-mal sera terrassé, car vous posséderez en vous la force du bien et ses lumières.

Переводъ.

Извините меня, Ваше Величество, если, среди вашихъ занятій, важность которыхъ съ каждымъ днемъ усиливается, я позволяю себѣ васъ безпокоить личной моей просьбой дозволить мнѣ устроить для себя пожизненную домовую церковь. Въ настоящее время можно было бы ее помѣстить въ домѣ, дарованнымъ Вашимъ Величествомъ для министерства вѣроисповѣданій.

У моего предшественника въ Св. Синодѣ, графа Пушкина, была церковь въ его домѣ [1]).

Если бъ вы оказали мнѣ эту милость, я бы позволилъ себѣ просить также иконостасъ, сдѣланный для начатой, а затѣмъ сломанной церкви въ Царскомъ Селѣ, возлѣ покоевъ ея величества покойной Императрицы. Эти иконы висятъ на стѣнахъ спуска къ Эрмитажу, и я прошу ихъ у Вашего Величества, какъ вещь Вашему Величеству ненужную, во избѣжаніе издержекъ и потери времени, необходимыхъ для исполненія новыхъ. Для ихъ выдачи необходимъ письменный приказъ графа Толстаго.

Въ случаѣ, если бъ сія послѣдняя моя просьба оказалась неудобной къ исполненію, прошу Ваше Величество не отказать мнѣ въ первой, и будьте убѣждены, что вы этимъ сдѣлаете большое благо моей душѣ, ищущей, съ нѣкоторыхъ поръ, пути къ совершенствованію. Молю Небо, чтобъ сердце ваше тѣсно соединилось съ Богомъ въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ. Чего только не будете вы тогда въ силахъ свершить, или, лучше сказать, чего только не свершитъ черезъ васъ Господь, если вы сдѣлаетесь Его слѣпымъ орудіемъ! Господствующее зло будетъ низвергнуто, ибо вы будете обладать въ самомъ себѣ силой добра и свѣта.

21 Мая 1812 [2]).

---

[1]) Съ боку при этихъ словахъ другою рукою написано: „Справка".

[2]) Это церковь, освященная тогдашнимъ архимандритомъ (позднѣе митрополитомъ) Филаретомъ въ 3-мъ ярусѣ дома на Фонтанкѣ, № 20-й, съ нѣкоторыми мистическими украшеніями и лампадами въ видѣ слезъ. П. Б.

2.

St.-Pétersbourg, ce 12 Décembre 1813.

J'ai eu besoin, Sire, de visiter aujourd'hui votre appartement, et c'est de votre cabinet du coin, que je vous écris ces lignes, sur le papier que j'y ai trouvé.

Avant de prendre la plume, j'y ai fait une prière pour votre conservation, pour que Dieu vous continue Ses grâces, qu'Il vous attire à Lui de plus en plus et que votre volonté Lui soit entièrement livrée.

Il m'est venu une foule de souvenirs dans cet appartement où je vous ai vu sous tant d'aspects différents et j'ai été bien heureux de réndre grâce à notre Sauveur sur Ses miséricordes en guidant vos pas pour parvenir au point où vous êtes.

Autrefois les félicitations pour la fête d'aujourd'hui vous génaient, croyant que vous ne pouviez pas être assez utile à votre empire; mais nos déstinées vous étaient cachées. Ce n'est que l'abandon total en Jésus-Christ qui produit les dévéloppements aux quels nous sommes prédestinés et que nous empêchons souvent en y melant du nôtre.

Plus vous vous humiliez, Sire, devant le Seigneur, plus Il vous élève. Voyez où la journée d'aujourd'hui est fêtée: depuis le fond de la Russie jusqu'outre Rhin. Il n'y a point d'homme tel resseré que soit son cercle d'activité qui ne puisse devenir infinement utile dans la main de Dieu. Quelle comparaison à faire quand c'est un grand souverain, qui peut donner l'impulsion aux événements du monde, livre son coeur à Jésus-Crist pour qu'Il y place Son trône et règne par l'organe du souverain sur Ces peuples. C'est alors que s'accomplie ce que nous demandons tous les jours dans le *Pater*: que le régne de Jésus advienne et que Sa volonté soit faite sur la terre comme aux cieux.

Recevez ces voeux pour vous, Sire, comme une offrande de mon coeur pour votre jour de naissance.

Переводъ.

С.-Петербургъ, 12 Декабря 1813.

Мнѣ представилась сегодня необходимость посѣтить вашъ апартаментъ, и я пишу вамъ изъ вашего углового кабинета, на бумагѣ, тамъ же найденной.

Прежде чѣмъ взять въ руки перо, я свершилъ молитву за васъ, чтобъ Господь продолжалъ къ вамъ Свою милость, чтобъ Онъ васъ къ Себѣ все сильнѣе и сильнѣе привлекалъ и чтобъ воля ваша была Ему вполнѣ предана.

Меня облекло великое множество воспоминаній въ этомъ покоѣ, гдѣ я васъ видалъ въ самыхъ различныхъ настроеніяхъ, и я былъ

очень счастливъ благодарить нашего Создателя за Его милостивое руководство вашихъ шаговъ къ той точкѣ, до которой вы достигли.

Въ былое время поздравленія по случаю сегодняшняго праздника васъ стѣсняли, такъ какъ вы сомнѣвались въ пользѣ, приносимой вами вашей Имперіи; но тогда судьбы ваши были отъ васъ скрыты. Одно только полнѣйшее преданіе себя Христу способно произвести то развитіе, на которое мы предназначены и которое такъ часто встрѣчаетъ преграду въ измышленіяхъ нашего жалкаго ума.

Чѣмъ больше вы унизитесь передъ Господомъ, тѣмъ больше Онъ васъ возвыситъ. Сегодняшній день празднуется всюду, начиная отъ дальнѣйшихъ глубинъ Россіи до Рейна.

Нѣтъ такого человѣка на землѣ, какъ бы узокъ ни былъ кругъ его дѣятельности, который, въ рукѣ Божіей, не могъ бы принести величайшей пользы. Чтоже сказать про великаго Государя, обладающаго возможностью руководить міровыми событіями и предавшаго сердце свое Іисусу Христу, дабы Онъ основалъ въ немъ Свой престолъ и царилъ бы именемъ земного владыки надъ народами? Не совершается ли тогда то, чего мы каждый день молимъ у Господа: «Да будетъ воля Твоя и да придетъ царствіе Твое на небеси и на земли?»

Соблаговолите принять эти изъявленія, ваше величество, какъ дань моего сердца въ день вашего рожденія. Голицынъ.

3.

О поступкѣ Грузинскаго митрополита Арсенія.

По новому образованію Духовнаго Управленія въ Грузіи, высочайше утвержденному въ день 30 Іюня 1811-го года, за упраздненіемъ нѣкоторыхъ епархій тамошнихъ, архіереи, оными управлявшіе, остались за реформой на пенсіонахъ.

Въ числѣ таковыхъ заштатныхъ находится нынѣ митрополитъ Арсеній, бывшій Тифлисскій, и какъ не имѣетъ уже вліянія на управленіе Сіонскимъ Соборомъ, состоявшимъ въ непосредственномъ его вѣдомствѣ, то Синодъ предписываетъ экзарху, митрополиту Варлааму, принять какъ слѣдуетъ всѣ церковныя вещи, принадлежащія Собору.

М. Арсеній оказалъ въ семъ случаѣ упорное непослушаніе. Синодъ разсудилъ предписать экзарху, чтобъ онъ внушилъ м. Арсенію правила подчиненности высшей власти, и ежели затѣмъ встрѣтитъ еще упорство, то обратился бы къ главнокомандующему и требовалъ уже его содѣйствія. Сопротивленіе м. Арсенія довело экзарха и до сей мѣры.

Теперь пишетъ ко мнѣ генералъ-лейтенантъ Ртищевъ, что Арсеній, не принимая отъ него никакихъ совѣтовъ и увѣщаній, сказалъ напослѣдокъ съ видомъ негодованія, что «неиначе можно его принудить къ сдачѣ Сіонскаго Собора, какъ ежели прикажутъ взять силою подъ караулъ». Генералъ-лейтенантъ Ртищевъ, видя толикое упорство, проситъ донесть Вашему Императорскому Величеству: не повелѣно ли будетъ отобрать у м. Арсенія церковныя вещи, не взирая на его сопротивле-

ніе; а для соблюденія общаго спокойствія и для совершеннаго окончанія дѣла, выслать его на пребываніе внутрь Россіи въ приличный монастырь, и въ такомъ уже случаѣ достаточно будетъ производить Арсенію въ пенсіонъ по 1200 рублей ассигнаціями, а не по 1000 рублей серебромъ, такъ какъ въ докладѣ Синода сказано, когда то есть [1]) предположено оставить его въ Грузіи.

По дѣламъ канцеляріи моей видно, что бывшій главнокомандующій въ Грузіи генералъ Тормасовъ отзывался очень невыгодно на счетъ характера митрополита Арсенія, описывая его «человѣкомъ строптивымъ и безпокойнымъ, который ищетъ только случая, чтобы въ чемъ нибудь сдѣлать зло на счетъ другихъ».

Что касается до назначенія ему мѣстопребыванія, то Синодъ, согласно поступившему до сего представленію экзарха, полагаетъ водворить его въ пустыни св. Іоанна Крестителя, въ предѣлахъ же Грузіи состоящей.

Я пріемлю смѣлость повергнуть обстоятельство сіе на высочайшее Вашего Императорскаго Величества разрѣшеніе.

Князь Александръ Голицынъ.

С.-Петербургъ, 16 Марта 1813-го.

На первой страницѣ этого доклада собственною рукою Императора Александра Павловича написано слѣдующее:

«Дабы не произвесть волненія въ умахъ въ Грузіи, гдѣ вѣроятно сей митрополитъ имѣетъ къ себѣ приверженцовъ, нахожу приличнѣе его вызвать сперва въ Россію; потомъ уже не трудно будетъ у него отобрать нужныя вещи и назначить ему мѣсто пребыванія. Трахенбергъ. Марта 30-го 1813 года».

4.

Его Императорскому Величеству оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода князя Голицына докладъ [2]).

Въ день Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста, 14 Сентября 1814 года, Ваше Императорское Величество заключили съ своими союзниками Священный Союзъ, доселѣ, въ обыкновенномъ ходу политическомъ небывалый.

Въ немъ никакихъ мірскихъ видовъ нѣтъ; единственная его цѣль есть признаніе великихъ государствъ владыками Іисуса Христа, единаго

[1]) Такъ въ подлинникѣ. П. Б.

[2]) Печатается съ черноваго подлинника. П. Б.

сущаго и грядущаго Царемъ царствующихъ и Господомъ господствующихъ.

А согласіе христіанскихъ государей разныхъ исповѣданій признавать царствіе Господа на землѣ и торжественный обѣтъ исполнять волю Его въ отношеніи между собою, равно какъ и въ правленіи отраслями единаго христіанскаго народа, есть столь важное событіе во времена наши, что всѣ послѣдствія онаго не могутъ быть нынѣ обняты во всемъ пространствѣ. Они еще, конечно, закрыты въ любвеобильномъ сердцѣ Господа нашего Іисуса Христа, но всякому тому ощутительны, кто хочетъ видѣть, что сей актъ нельзя не признать иначе, какъ предуготовленнымъ къ тому обѣщанному царствію Господа на землѣ, *которое будетъ яко на небеси*, о чемъ возсылаются ежедневныя моленія *).

По обнародованіи сего акта въ Россіи, Святѣйшимъ Синодомъ повелѣно, напечатавъ его, поставить на стѣнахъ храмовъ, а индѣ вырѣзать на дскахъ, также заимствовать изъ онаго мысли для проповѣдей.

Въ дополненіе къ симъ распоряженіямъ, я осмѣливаюсь представить Вашему Императорскому Величеству, не соизволите ли признать полезнымъ впредь: каждое 14 Сентября въ день Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста, въ память подписанія вами акта сего христіанскаго Союза, читать его вмѣстѣ, съ манифестомъ по оному случаю послѣдовавшимъ, въ церквахъ градскихъ и сельскихъ, дабы всѣмъ и каждому напоминать обѣтъ служенія Единому Господу Спасителю, изреченный въ лицѣ Вашемъ за весь народъ Богомъ ввѣренный Вашему Императорскому Величеству; ибо во второй статьѣ сего акта сказано, что подданные должны имѣть единымъ правиломъ: «приносить другъ другу услуги, оказывать взаимное доброжелательство и любовь, почитать всѣмъ себя, какъ бы членами единаго народа христіанскаго». Потомъ далѣе: «убѣждаются они съ нѣжнѣйшимъ попеченіемъ съ дня на день утверждаться въ правилахъ и дѣятельномъ исполненіи обязанностей, въ которыхъ наставилъ человѣковъ Божественный Спаситель, аки единственное средство наслаждаться миромъ, который истекаетъ отъ доброй совѣсти и который единый проченъ».

Отъ исполненія сихъ правилъ Священнаго Союза зависитъ ниспосланіе великихъ благословеній. Въ противномъ случаѣ страшиться должно правосудія Милосерднѣйшаго Царя и Господа Іисуса.

И потому важность сего дѣла такова, что не можно довольно объ ономъ напоминать всѣми способами, дабы мы, ежечасно помня сей

*) Послѣднія слова замѣнили собою прежде написанныя: „о пришествіи коего церковь ежедневно уже девятнадцатый вѣкъ проситъ“.

обѣтъ, предавались водительству сего спасающаго души наши Вождя, Который Единъ есть: путь, истина и животъ.

Изложивъ мысли мои, повергаю оныя на благоразсмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества. Князь Александръ Голицынъ.

5.

Le 12 Décembre 1816.

Permettez moi, Sire, que le jour de l'anniversaire de votre naissance temporelle je vous offre la Philosophie Divine, que vous avez goûté, parce qu'elle est la théorie de ce qu'en partie vous avez eu la grâce d'expérimenter.

Agréez en méme temps mes voeux les plus ardents pour que l'Esprit Saint vous épure de plus en plus et vous régénère encore dans ce monde pour la véritable vie. Cette nouvelle naissance sera une grande fête non seulement pour les coeurs, qui vous sont unis en Jésus-Christ, mais même pour les hiérarchies céléstes.

C'est dans cet éspoir que j'adresse du plus profond de mon néant mes prières au Roi des Rois et au Seigneur des Seigneurs, qu'Il vous bénisse ici bas et dans l'étérnité. Amen.

Переводъ.

Дозвольте мнѣ, ваше величество, поднести вамъ въ день вашего земнаго рожденія, Божественную Философію, которая вамъ близка, такъ какъ это есть теорія того, что Вы ужь имѣли благодать отчасти испытать на дѣлѣ.

Примите вмѣстѣ съ тѣмъ пламеннѣйшія мои пожеланія, чтобъ Духъ Святый еще въ этомъ мірѣ васъ очистилъ и преобразилъ для истинной жизни. Это новое рожденіе будетъ великимъ праздникомъ не только для сердецъ, уже соединенныхъ съ вами въ Іисусѣ Христѣ, но и для небесныхъ іерархій.

Въ упованіи этомъ я возношу изъ глубины моего ничтожества моленіе мое къ Царю Царей и Владыкѣ Владыкъ, чтобъ Онъ благословилъ васъ въ этой жизни и вѣчности. Аминь. Голицынъ.

12-го Декабря 1816.

6.

St.-Pétersbourg le 14 Septembre 1818.

Permettez, Sire, qu'en ce jour, marquant pour tout chrétien, je vous adresse quelques lignes. Je ne sais, où vous l'avez passé, mais vous nous étiéz bien présent en esprit pendant la célébratiou de la sainte messe dans ma chapelle. Notre troisième y a été aussi et m'a chargé de le mettre à vos pieds; sa santé est assez bonne.

Aujourd'hui c'est pour la première fois qu'a eu lieu la lecture du manifeste avec l'acte de la Sainte Alliance dans tous les églises de l'empire, d'après votre ordonnance de Moscou. Au couvent de St. Alexandre Nevsky le métropolitain l'a lu et prêcha très-bien là-dessus et sur l'économie divine dans la distribution des Croix.

Joignons nos prières pour que le jour du triomphe de cet acte vienne au plus tôt, c'est le voeu de mon coeur qui vous est voué pour la vie en notre Seigneur Jésus-Christ. Amen.

P. S. Madame Tatarinoff a quitté Petersbourg bientôt après votre départ, je ne l'ai vue qu'une fois à mon retour de Zarsko-Sélo. Elle n'a pas voulu nous faire connaître l'endroit qu'elle a choisi pour sa retraite, parce qu'elle a prétendu aller chez sa mère à Dorpat et delà dans une petite terre appartenante à sa mère; cependant il est probable qu'elle n'est pas éloignée de la ville par le peu de temps que les lettres qu'elle écrit ici, restent en chemin. Elle a eu un véritable besoin de rester tranquille et a eu un ordre intérieur de s'isoler. Pour le troupeau du palais St.-Michel, Fédoroff est resté, que nous voyons avec monsieur Kochéleff avec les précautions que vous avez recommandez, Sire.

Bronner, n'ayant pas eu la permission de prêcher, a jetté un papier dans l'église Évangélique de St.-Pierre, où il se déclara prophète et d'autres reveries qu'il mettait en avant. Ce dernier trait a fait que m-r Kochéleff a trouvé lui-même (quoiqu'il était d'un avis contraire avant) de le faire renvoyer hors de la frontière, ce que j'ai exécuté, et aujourd'hui il sera renvoyé chez le comte Viasmitinoff pour être expédié en Allemagne, après l'avoir habillé. J'ai employé votre nom comme vous m'avez autorisé dans la lettre que j'ai écrite à m-r Viasmitinoff.

J'ai fermé ma lettre quand on m'a annoncé le pasteur Mortimer, revenu de sa seconde course à Schlusselbourg et dont le rapport je joins ici. Il a été content de l'avoir trouvé dans de bonnes dispositions; c'est à cause du chagrin qu'il a eu pour sa femme: un coeur contrit est toujours plus propre à recevoir la Parole.

Переводъ.

С.-Петербургъ. 14 Сентября 1818.

Дозвольте мнѣ, Ваше Величество, написать вамъ нѣсколько строкъ въ этотъ знаменательный для каждаго христіанина день. Не знаю гдѣ вы провели его, но вы были намъ очень близки духомъ во время святой литургіи въ моей церкви. Нашъ Третій [1]) былъ съ нами и поручилъ мнѣ свидѣтельствовать вамъ свое всенижайшее уваженіе. Здоровье его довольно удовлетворительно.

---

*) Р. А. Кошелевъ? П. Б.

Сегодня въ первый разъ, во всѣхъ церквахъ, читался манифестъ о Священномъ Союзѣ, по вашему приказанію изъ Москвы. Въ Александроневскомъ монастырѣ читалъ манифестъ самъ митрополитъ, причемъ сказалъ прекрасное слово по этому поводу и о распредѣленіи Господомъ Богомъ крестовъ.

Будемъ молиться Богу, чтобъ скорѣе настало торжество этого акта; это желаніе моего сердца, преданнаго вамъ на всю жизнь въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ. Голицынъ.

P. S. Г-жа Татаринова покинула Петербургъ вскорѣ послѣ вашего отъѣзда, и я видѣлъ ее только одинъ разъ, по возвращеніи моемъ изъ Царскаго Села. Она не пожелала намъ сообщить о мѣстѣ своего новаго жительства, предполагая ѣхать въ Дерптъ къ своей матери, а оттуда въ маленькое имѣніе, принадлежащее ея матери и вѣроятно въ недалекомъ разстояніи отъ города, судя по тому какъ доходятъ туда ея письма. Ей по истинѣ нужно было спокойствіе, а внутренній голосъ приказалъ ей уединиться. Для стада Михайловскаго зàмка остался Өедоровъ, котораго мы съ Кошелевымъ видаемъ, соблюдая предосторожности, предписанныя Вашимъ Величествомъ.

Не получивъ разрѣшенія проповѣдывать, Броммеръ подкинулъ въ Евангелической церкви бумагу, въ которой онъ объявляетъ себя пророкомъ и тому подобныя, раньше выраженныя имъ, мечтанія. Вслѣдствіе этой послѣдней выходки, самъ Кошелевъ (придерживавшійся раньше другого мнѣнія) нашелъ нужнымъ, чтобы выслать его за границу, чтò я и исполнилъ, и сегодня онъ будетъ высланъ къ графу Вязмитинову, который, одѣвъ его, отправитъ въ Германію.

Съ Вашего разрѣшенія, я дѣйствовалъ отъ Вашего имени въ письмѣ моемъ къ г-ну Вязмитинову.

Письмо это было уже запечатано, когда мнѣ доложили о пріѣздѣ пастора Мортимера, который вернулся изъ своей вторичной поѣздки въ Шлиссельбургъ и рапортъ котораго я къ сему прилагаю. Онъ радъ былъ найти *его* въ хорошемъ расположеніи, благодаря печали испытанной имъ за жену. Опечаленное сердце всегда болѣе расположено къ принятію Слова.

7.

Съ адмираломъ Карцовымъ я видѣлся, по повелѣнію Вашего Величества, и онъ не находитъ никакого неудобства оставить нынѣ устроенную церковь въ Адмиралтействѣ навсегда. Я поспѣшаю испросить разрѣшенія: угодно ли вамъ утвердить докладъ комиссіи о строеніи Исакіевской церкви во всѣхъ отношеніяхъ съ тѣмъ, чтобы, до построенія Исакіевскаго собора, церковь адмиралтейская замѣняла оной для прихода. Митрополитъ Серафимъ никакихъ возраженій на все сіе не сдѣлалъ, и ежели Ваше Величество соизволите, то въ 12 д. Декабря освященіе послѣдуетъ. Князь Александръ Голицынъ. P.S. Планъ Адмиралтейства у меня, ежели угодно его потребовать. Мѣсто же занимаемое

церковью назначалось для лѣстницы, которая замѣнится другимъ, по увѣренію архитектора *).

8.

Le jour de la Transfiguration de Notre Seigneur.

Ah! Sire, vous ne pouvez pas voir que depuis les communications du père Théodore de Balta et le dépot sacré qu'il nous a confié, les lectures de l'Écriture Sainte aux époques marquantes sont admirables. Aujourd'hui quel jour! Et quelle lecture! Ce cantique de David dans les Rois, j'y voyais l'accomplissement prophétique dans tout ce qui vous était arrivé déjà et j'ai fait des voeux: pour que dès aujourd'hui il y ait un devéloppement en vous pour son entier accomplissement et qu'alors votre coeur chante en esprit et en vérité un pareil cantique de grâce, que les choeurs inombrables des anges et des esprits céléstes fassent chorus en chantant la gloire du Dieu Tri-Un.

Le Nouveau Testament m'a grandement édifié aussi pour l'esprit de toute la lecture prise ensemble. Vous savez, Sire, ce que m-r Kochéleff vous a dit sur le chap. du Lazare; j'y crois ajouter que dans chacun de nous l'histoire entière du Lazare doit s'effectuer, quand Lazare serait comparé au vieil-homme et l'état de Marthe, qui doit finir par le conseil de Jésus-Christ, qui arrive dans l'âme pour conseiller l'état de Marie et lui donner cette paix inaltérable que le seul Jésus peut donner.

L'Épitre aussi ne parle que de la régénération. Rendons grâce au Seigneur à cette parole divine qui nous appelle et nous parle dans tant de manières différentes. Élargissons nos coeurs, ouvrons les portes: le Roi de Gloire veut y entrer. Quel bonheur! Venez, Seigneur, régnez et que Votre volonté se fasse en nous comme au Ciel. Amen—amen—amen.

Переводъ.

Ахъ, Ваше Величество не можете не видѣть, что съ тѣхъ поръ какъ мы обладаемъ сообщеніемъ о. Ѳеодора изъ Балты и ввѣреннымъ намъ отъ него священнымъ сокровищемъ, чтенія изъ Св. Писанія, въ знаменательныя эпохи, поразительно прекрасны. Чтò за день сегодня и чтò за чтеніе! Въ пѣснѣ Давида, въ Книгѣ Царствъ, я не могъ не видѣть исполненіе пророчества во всемъ, чтò съ вами уже случилось, и я молился, чтобъ съ сегодняшняго дня развилось въ васъ полнѣйшее его осуществленіе и чтобъ тогда сердце ваше воспѣло въ духѣ и въ истинѣ тотъ же благодарственный гимнъ, который воспѣваютъ небесныя силы Тріединому Богу.

Сильное впечатлѣніе произвелъ на меня и Новый Завѣтъ въ общемъ духовномъ сліяніи. Вы помните, Ваше Величество, сказанное вамъ Кошелевымъ по поводу воскресенія Лазаря; я къ этому прибавлю,

*) На этомъ (Русскомъ письмѣ) помѣта Государя „пришлите мнѣ планы завтрѣ поутру". П. Б.

что въ каждомъ изъ насъ должно совершиться воскресеніе Лазаря, при сверженіи съ тебя ветхаго человѣка и когда, по завѣту Іисуса Христа, состояніе Мароы замѣнится въ душѣ нашей состояніемъ Маріи и наступитъ тотъ ничѣмъ ненарушимый душевный миръ, который можетъ даровать Одинъ только Спаситель.

И въ Посланіи тоже говорится о Преображеніи. Воздадимъ же хвалу Господу за божественное слово, призывающее насъ къ Себѣ такимъ разнообразнымъ образомъ. Расширимъ сердца наши, растворимъ двери на встрѣчу Царя славы. Какое великое счастье! Войди, Господи, царствуй въ насъ, и да будетъ воля Твоя въ насъ, какъ на небесахъ. Аминь, аминь, аминь.

Въ день Преображенія нашего Господа.

9.

Je m'empresse, Sire, de vous communiquer le papier ci-joint en original et en traduction, qui m'est entré hier. J'ai noté les lignes importantes et comme ces notions viennent d'un homme connu par ses principes chrétiens elles méritent toute votre attention.

Dans tous les cas, je connais, Sire, votre foi en notre Sauveur, et tous ceux qui cherchent à être Ses serviteurs doivent être tranquilles que, pourvu qu'on soit fidèle, notre Divin Maitre Jésus-Christ saura pulvériser toutes les armes que l'enfer impuissant voudrait employer contre Son oeuvre. Mais au nom de Celui dont vous vous êtes engagé à être le délégué, veillez sur vous-même; les temps, spirituellement parlant, deviennent difficiles, et ceux qui sont déstinés à combattre sous les étandarts du Sauveur, ont besoin de s'épurer le coeur constamment par la prière au pied de la Croix et le recueillement continuel pour avoir le moins à faire avec soi et être tout à la lutte avec le mal.

La séparation de ceux qui restent attachés au monde et à sa pompe, se fait sentir déja assez sensiblement et à vue d'oeil; il paraît que les derniers sont beaucoup plus nombreux; mais quand on est sûr que le petit troupeau n'agira pas par sa propre force, mais par celle de la toute puissance, l'on peut et l'on doit être tranquille, se tenant ensemble et recourant sans cesse à l'unique nécessaire, qui est la vie intérieure en Christ, à Qui je vous recommande du plus profond de mon coeur.

P. S. Je me suis arrêté de vous envoyez, Sire, le rapport ci-joint de Mortimer, attendant que peut-être que vous voudriez me donner quelques nouveaux ordres sur le personnage; mais n'ayant rien reçu, j'ai l'honneur de vous l'envoyer. Dans le courant du mois d'Octobre il n'a pu aller qu'une fois et n'a pu arriver jusqu'à la forteresse: un brouillard épais l'a arrêté, et il a été obligé de retourner; ces jours-ci j'espère qu'il y fera une course.

St.-Pétersbourg, le 4 Novembre 1818.

Переводъ.

Спѣшу Вамъ сообщить, Ваше Величество, полученную мною вчера бумагу въ оригиналѣ и въ переводѣ. Я отмѣтилъ важнѣйшія мѣста и такъ какъ свѣдѣнія эти исходятъ отъ человѣка извѣстнаго своими христіанскими правилами, то они достойны вашего полнаго вниманія.

Во всякомъ случаѣ, мнѣ извѣстна вѣра Вашего Величества въ нашего Спасителя, и всѣ стремящіеся Ему служить могутъ быть покойны; лишь бы только они пребывали Ему вѣрны, нашъ Божественный Учитель съумѣетъ разбить въ дребезги всѣ козни, направленныя адомъ противъ Его творенія. Но ради Того, Котораго вы взялись быть посланцемъ, блюдите себя; въ духовномъ смыслѣ, времена наступили тяжелыя, и тѣмъ, которымъ назначено бороться подъ знаменемъ Спасителя, необходимо постоянно очищать свое сердце молитвою у подножія Креста и, предаваясь Господу, отрѣшаясь отъ самого себя, вполнѣ посвятить себя борьбѣ со зломъ.

Раздѣленіе между тѣми, которые хотятъ оставаться вѣрными Христу и тѣми, которые остаются привязанными къ міру и его прелестямъ, уже даетъ себя чувствовать и, повидимому, послѣднихъ гораздо больше; но когда есть увѣренность, что малое стадо не будетъ дѣйствовать собственными силами, а силой Всемогущаго, можно и должно быть покойнымъ, держась другъ за друга и безпрестанно прибѣгая къ тому, чтò едино потребно, къ внутренней жизни во Христѣ, Которому я васъ и поручаю отъ всего моего сердца. Голицынъ.

P. S. Я воздержался послать вамъ рапортъ Мортимера, въ ожиданіи вашихъ приказаній относительно этой личности, но, ничего не получивъ, имѣю честь его вамъ при семъ послать. Въ продолженіи Октября мѣсяца онъ только одинъ разъ могъ поѣхать въ крѣпость, до которой достичь не могъ благодаря густому туману, заставившему его вернуться назадъ; но надо надѣяться, что на этихъ дняхъ ему можно будетъ туда съѣздить.

С.-Петербургъ, 4 Ноября 1818.

10.

St.-Pétersbourg, le 18 Novembre. 1818.

Ayant reçu hier vos ordres, Sire, j'ai expédié un feldieger au couvent Solovetskoy pour emmener ici le moine, qui a écrit au prince Wolkonsky. Cette communauté a déjà porté plainte sur la conduite de leur abbé au St. Synod, qui s'en occupe à présent.

Les deux Quakers, messieurs Allen et Grillet, que vous recommandez, Sire, sont ici depuis quelque temps; ils sont très intéressants, d'autant plus pour moi, que je puis causer avec eux sans interprête; c'est Vening, qui me les a amenés, et ils m'ont porté la lettre de recommandation du lord Tengmouth. Avec notre colonie de Quakers à Ochta, ils font une assez nombreuse église; il est remarquable que les vrais chrétiens en tout genre sont attirés de toute part en Russie; cela est un bon augure; veillons et prions, et tout nous sera donné.

J'ai rempli vos commissions, Sire, auprès de m-r Kochéleff, et je lui ai lu le papier de superintendant d'Odessa, que vous avez lu par la perlustration. Il m'a chargé de vous dire que sur cette marche il a tout dit et que vous devez vous rappeller par quelle source pure il a eu la convinction combien les maçons et toutes les associations secrètes étaient dangereuses dans ces temps-ci, tout comme la néssecité de prendre un parti quelconque avec eux. En même temps il se met à vos pieds pour vour remercier de tout ce que vous lui faites dire dans ma lettre. Il est dans ce moment attaqué, outre ses maladies chroniques, par une fièvre catharale. L'hiver paraît à son âge être tout-à-fait contraire, car le moindre air le refroidit; il vous assure que, malgré l'état de maladie, il ne cesse d'adresser ses ardentes prières conjointement avec moi à notre Seigneur Jésus-Christ pour votre conservation et sanctification par l'Esprit-Saint.

Je joins ici une adresse de société à Londres pour l'établissement de la paix universelle, qui m'a été envoyé par son président pour vous être presenté et qui m'est venue par Aix-la-Chapelle. Peut-être les souverains alliés en ont reçu; mais j'ai cru nécessaire, ainsi que m-r Kochéleff, de mettre ce papier sous vos yeux.

Переводъ.

Получивъ вчера ваши приказанія, Ваше Величество, я отправилъ фельдъегеря въ Соловецкій монастырь за монахомъ, обращавшимся съ письмомъ къ князю Волконскому. Обитель уже жаловалась на своего настоятеля Синоду, который, въ настоящее время, занимается разборомъ этого дѣла.

Рекомендованные Вашимъ Величествомъ квакеры, Алланъ и Грилье, пріѣхали сюда нѣсколько дней тому назадъ. Они очень интересны, особенно для меня, такъ какъ я могу съ ними разговаривать безъ переводчика. Привезъ ихъ ко мнѣ Венингъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ лорда Тенгмута. Въ сообществѣ нашей квакерской колоніи на Охтѣ, они составляютъ довольно многочисленную церковь. Замѣчательно, что ис-

тинные христiане ощущаютъ потребность сплотиться именно въ Россiи. Это хорошiй знакъ; будемъ бодрствовать и молиться, и все намъ будетъ дано. Я исполнилъ порученiе Вашего Величества къ Кошелеву и прочиталъ ему бумагу Одесскаго суперинтендента, съ которою вы изволили ознакомиться черезъ перлюстрацiю. Онъ проситъ меня вамъ передать, что по этому предмету имъ ужъ все сказано и что вы должны помнить, изъ какого чистаго источника онъ почерпнулъ убѣжденiе въ опасности, которую въ настоящее время представляютъ масоны и всѣ тайныя общества, а также въ томъ, что необходимо принять противъ нихъ какiя бы то ни было мѣры. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ почтительнѣйше благодаритъ васъ за все, что вы поручаете ему передать въ вашемъ письмѣ ко мнѣ; въ настоящее время онъ страдаетъ, кромѣ своей хронической болѣзни, натаральной лихорадкой. Въ его лѣта зима для него особенно пагубна; онъ безпрестанно простужается, но онъ проситъ вамъ сказать, что, ни на что не взирая, онъ не перестаетъ возносить съ нами молитвы къ Господу Iисусу Христу за сохраненiе и просвѣщенiе Вашего Величества черезъ Духа Святаго.

Прилагаю къ сему адресъ общества, основавшагося въ Лондонѣ для водворенiя общаго на землѣ мира, посланный мнѣ его предсѣдателемъ черезъ Ахенъ, для поднесенiя Вашему Величеству. Можетъ быть, монархи Священнаго Союза тоже получили этотъ адресъ; тѣмъ не менѣе мы съ Кошелевымъ сочли нужнымъ представить вамъ эту бумагу.

Голицынъ.

С.-Петербургъ, 18 Ноября 1818.

Переводъ письма Давида Остина, провинцiи Коннектикутской, города Норвиль въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ, 24 Генваря 1821 *).

Александру Императору Всероссiйскому и почтеннѣйшему члену Священнаго Союза свыше учрежденнаго.

Достоуважаемый Государь.

Если у тебя положено на сердцѣ, чтобы испровергнуть Римъ, новѣйшiй Вавилонъ, *да исполнится сiе*; но съ такимъ милосердiемъ, чтобы одна форма правительства была только перемѣнена. Возведи тамъ на престолъ мужа по сердцу твоему и въ твоемъ духѣ, такого, который боялся бы Бога небеснаго и владычествовалъ по Его правымъ и всехвальнымъ судьбамъ. Для руководства же въ нравственномъ и духовномъ отношенiи, *Слово Бога нашего*, повсюду нынѣ разсылаемое и отъ часу болѣе въ извѣстность приходящее, да будетъ *закономъ божественнымъ* той земли и всѣхъ земель.

---

*) Съ черноваго подлинника, рукою князя А. Н. Голицына. П. Б.

Евреевъ изъ среды всѣхъ народовъ помѣсти въ Палермо, въ Сициліи. Пусть они совокупятся воедино и поучаемы будутъ закону Бога своего и истиннаго ихъ Мессіи, который есть Господь Іисусъ Христосъ, распятый въ древнемъ Іерусалимѣ.

Когда здравая сія истина, будучи ими познана, размягчитъ сердца ихъ дѣйствіемъ благого Духа Бога нашего, то симъ и совершится все, что̀ сдѣлать надлежало. Но если спросятъ: зачѣмъ въ Палермо быть главному мѣстопребыванію Евреевъ? Отвѣтъ на то: по его положенію въ срединѣ, по удобности прибытія туда и владѣнію имъ.

Если кто изъ членовъ царскаго и Священнаго Союза возымѣетъ сомнѣніе относительно къ свободному надѣленію Священнымъ Писаніемъ въ областяхъ его, скажи таковому: Не бойся, въ сей самой книгѣ заключается хартія, охраняющая жизнь твою и твое правленіе; и все сіе подтвердится въ свое время.

Соедините еще разъ руки ваши въ Священномъ Союзѣ; управляйтесь правилами, въ ономъ изложенными, и не сомнѣвайтесь, чтобы Богъ нашъ не присоединилъ и Своей благой десницы на благопоспѣшеніе вамъ во всѣхъ предпріятіяхъ святой Его воли.

Естли князь Голицынъ благоугоденъ вашей царской милости, то не замедли посадить его на престолъ Италіи.

Я говорю сіе по позволенію. Естли я спрошу, какъ узнать мнѣ, свыше ли происходитъ сіе сообщеніе? Отвѣтъ на то: по дѣйствіямъ, какія оно произведетъ.

Итакъ, естли, видя, сколько нивы побѣлѣли уже къ жатвѣ, благоугодно будетъ В. В. и царскимъ содругамъ вашимъ въ Священномъ Союзѣ исполнить волю Божію въ семъ отношеніи: то не сомнѣвайтесь, что Тотъ, *Кто доселѣ охранялъ васъ*, при исполненіи воли Его, силенъ и нынѣ совершить руками вашими еще бо̀льшія того дѣла во славу и честь всесвятого имени Своего. Все сіе слагается къ стопамъ Вашего Величества въ вѣрѣ и уповаiи на Всевышняго и Всемогущаго Бога при смиренномъ моленіи моемъ, да Всевышній и Всесвятой Богъ прославитъ имя Свое высшими и славнѣйшими дѣлами чудесъ и крѣпости и благодати вашими царскими руками.

Давидъ Остинъ, въ моемъ мѣстопребываніи въ Норвилѣ, провинція Коннектикутъ. Соединенные Американскіе Штаты. Сѣверная Америка. 24 Генваря 1821.

Сіе письмо по англійски и съ переводомъ, также и съ письмомъ изъ Вашингтона, послано Государю 15-го Апрѣля.

11.

St.-Pétersbourg, le 19 Mai 1825, à 9 heures du soir.

Ayant remis, Sire, votre lettre à Sa Majesté l'Impératrice-Mère avec les variantes ci-jointes, elle m'a fait des objections sur la place du prince héréditaire de Weimar et que le grand-duc Constatin même a toujours cédé la place au prince. Elle vous écrit tout cela dans sa lettre que je joins ici. Sa Majesté a encore ajouté que l'on a promis que la reine-douairière de Wurtemberg serait maraine, j'attendrais vos ordres là-dessus pour la mettre dans le cérémonial après le roi de Wurtemberg. L'imperatrice-Mère voulait, qu'elle fût nommée maraine après Votre Majesté, mais je lui ai dit, que vous avez décidé cela sur les exemples précédents. L'impératrice-Mère a assigné aussi les places pour les princesses de Weimar. Je suis fâché que ces retards empêcheront l'exécution du cérémonial aujourd'hui, pourvu que demain, Sire, de bon matin vous me donniez vos ordres pour finir avec le comte Nesselrode qui doit aller dans le courant de la journée de demain à Zarsko-Sélo.

L'impératrice-Mère croirait convenable aussi que le comte Litta fasse les fonctions du grand-chambellan, comme cela a eut lieu au mariage du grand-duc Michel.

P. S. Sa majesté vient d'apprendre que la princesse Marie de Wurtemberg ne vient pas, ainsi il ne faudra *plus* l'imprimer.

Приписка Государя: «Ma mère m'écrit qu'Alexandrine ne vient pas; je l'ai donc omise dans l'arangement.

La reine douairière doit être nommée comme maraine et après le roi».

Переводъ.

Я передалъ письмо Вашего Величества Ея Величеству Императрицѣ-матери съ прилагаемыми при томъ примѣчаніями; она изволила возразить относительно наслѣднаго принца Веймарскаго, что даже великій князь Константинъ всегда уступалъ мѣсто принцу. Все это она вамъ пишетъ въ прилагаемомъ при семъ письмѣ. Ея Величество изволила еще сказать, что вдовствующей королевѣ Виртемберской было обѣщано, что она будетъ крестной матерью. Буду ожидать вашего приказанія на этотъ счетъ, чтобъ поставить ее въ церемоніалѣ вслѣдъ за королемъ Виртемберскимъ. Императрицѣ-матери было желательно быть поименованной, какъ воспреемницей, вслѣдъ за Вашимъ Величествомъ; но я сказалъ ей, что вы рѣшили, чтобъ все было попрежнему. Императрица-мать назначила также мѣста для Виртемберскихъ принцессъ.

Мнѣ досадно, что всѣ эти проволочки отстрачиваютъ утвержденіе церемоніала на сегодняшній день. Желательно было бы получить приказанія вашего величества завтра рано утромъ съ графомъ Нессельроде, который долженъ ѣхать сегодня въ Царское Село.

Императрицѣ-матери было бы также желательно, чтобъ должность оберъ-камергера была возложена на графа Литту, какъ это было при браносочетаніи великаго князя Михаила. Голицынъ.

С.-Петербургъ, 19 Марта 1825 г. 9 часовъ вечера.

P. S. Ея Величество сейчасъ узнала, что принцесса Марія Виртемберская не пріѣдетъ, а потому имени ея пропечатывать не надо.

Замѣтка Государя.

«Моя мать мнѣ пишетъ, что Александрина не пріѣдетъ, а потому я изъялъ ее изъ церемоніала.

Вдовствующая королева должна быть поименована какъ крестная мать и послѣ короля [1])».

Б. Къ баронессѣ Криднеръ [2]).

1.

Милостивая государыня,

Не знаю, чему приписывать ваше молчаніе съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ удовольствіе получить ваше письмо, съ обѣщаніемъ сообщить мнѣ немедленно интересныя во всѣхъ отношеніяхъ новости. Ни одной строки не получилъ я съ тѣхъ поръ отъ васъ, и я даже не зналъ куда вамъ писать, такъ какъ и г-ну Юнгу неизвѣстенъ вашъ адресъ. Въ

---

[1]) Относится до крестинъ Государевой племянницы, великой княжны Александры Николаевны. П. Б.

[2]) Эти письма, равно и дальнѣйшія (къ княгинѣ Голицыной и къ супругамъ Беркгеймъ) переведены съ Французскихъ подлинниковъ, сообщенныхъ въ „Русскій Архивъ" А. И. Гончаровымъ. Баронесса Юлія Криднеръ (род. 21 Ноября 1764 г., скonч. 25 Декабря 1824 г.), по своей матери, баронессѣ Фитингофъ, была родною правнучкою славнаго фельдмаршала графа Миниха, который устроеніемъ Ладожскаго канала обезпечилъ существованіе Петербурга, какъ столицы и средоточія правительственной силы. Отъ него баронесса Криднеръ могла унаслѣдовать даровитость, широту замышленій и упорство въ ихъ исполненіи. Будучи на 13 лѣтъ старше императора Александра Павловича, она возымѣла надъ нимъ такую нравственную власть, что создала Священный Союзъ, слишкомъ на полвѣка получившій великое значеніе въ судьбахъ политическаго міра. Что Государь вполнѣ не освободился отъ увлеченія баронессою, доказательствомъ тому служатъ нижеслѣдующія письма. Онъ посѣтилъ ея могилу въ Карасубазарѣ и провелъ надъ нею одинъ нѣсколько часовъ сряду. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ ея писемъ къ князю А. Н. Голицыну. П. Б.

послѣднемъ своемъ письмѣ онъ меня предупреждаетъ, что вы находитесь близъ Гейльбрунна; но я предпочелъ доставить вамъ это письмо черезъ него. Отъ него же узналъ я о бракѣ вашей дочери съ барономъ Беркгеймомъ. Примите мои поздравленія. Говорятъ, что онъ истинный слуга нашего Господа, безъ чего онъ и не могъ бы войти въ вашу многоуважаемую семью. Умоляю васъ, сударыня, дать мнѣ о себѣ вѣсть и не ставитъ ли громъ оружія преграду вашимъ христіанскимъ подвигамъ. Сколько чудесъ проявлено Божескою милостью со всѣхъ сторонъ! Явленіе Бонапарта и отреченіе его отъ престола послѣ шести дней кровопролитной распри! Въ ту минуту, когда я вамъ пишу, мы не имѣемъ еще никакихъ свѣдѣній о послѣдствіяхъ приближенія союзниковъ къ Парижу. Сокрушится ли этотъ Вавилонъ? Да будетъ воля Всевышняго и да придетъ Царствіе нашего Спасителя! Будемъ Ему молиться, приготовляя сердца наши къ воспріятію Его съ преданностью и любовью. Не оставьте меня вашими молитвами и вѣрьте, сударыня, въ мою душевную привязанность о нашемъ Божественномъ Владыкѣ.

Князь Александръ Голицынъ.

Прошу васъ поблагодарить за меня вашу дочь за выписки, которыя она для меня сдѣлала, а также молодого миссіонера, молитвамъ котораго я себя поручаю.

10 (22) Іюля 1815. С.-Петербургъ.

2.

Я былъ въ Москвѣ, милостивая государыня, когда узналъ о постигшей сопровождавшихъ васъ особъ невзгодѣ. Въ полномъ убѣжденіи, что Государь ни при чемъ въ этихъ мѣрахъ и что министръ полиціи уже донесъ ему о происшедшемъ въ Митавѣ, я, тѣмъ не менѣе, почелъ своимъ долгомъ написать объ этомъ Его Величеству со своей стороны. По возвращеніи въ Петербургъ, я получилъ вчера приказаніе отъ Императора, которое спѣшу исполнить: написать вамъ милостивая государыня, что онъ очень жалѣетъ о постигшихъ васъ непріятностяхъ, но что ему было невозможно ихъ предвидѣть; ибо Императоръ предполагалъ, что вамъ извѣстны формальности, которыми обставлено допущеніе иностранцевъ въ Россію; что все это произошло потому, что вы отказались подчиниться этимъ формальностямъ, но что, освѣдомившись объ этомъ изъ донесенія министра полиціи, Его Величество изволилъ приказать впустить всѣхъ сопровождавшихъ васъ особъ и сообщить объ этомъ письменно Прусскимъ властямъ. Въ письмѣ ко мнѣ отъ 15 Мая ст. стиля, Императоръ меня увѣдомляетъ, что послалъ

курьера къ Паулуччи восемь дней тому назадъ, по полученіи рапорта министра и по выѣздѣ своемъ изъ Варшавы.

Я опасаюсь, что всѣ эти люди уѣхали далеко и что трудно будетъ заставить ихъ вернуться; а между тѣмъ было бы во многихъ отношеніяхъ хорошо, чтобъ Европа видѣла, что не Императоръ нашъ ихъ изгналъ, а генералъ-губернаторъ. Къ тому же, вслѣдствіе преслѣдованія, которому вы и люди ваши подверглись, ихъ могутъ постигнуть невзгоды и въ Германіи, гдѣ они, безъ сомнѣнія, очутятся подъ надзоромъ, особенно если будутъ думать, что прогнаны они Русскимъ Императоромъ.

Впрочемъ, милостивая государыня, никто лучше васъ не знаетъ, что все, допускаемое Господомъ Богомъ, нужно, и что отъ Него зависитъ все вести къ Его Славѣ и къ спасенію человѣчества. Онъ внушитъ вамъ, чтѐ должны вы написать вашимъ друзьямъ, чтобъ побудить ихъ возвратиться.

Не зная, какъ доставить вамъ мое письмо, я поручаю его директору почты и прошу васъ не замедлить отвѣтомъ на него, для донесенія Его Величеству, а также дать мнѣ извѣстія о васъ, милостивая государыня, о г-нѣ и г-жѣ Беркгеймъ, съ адресами, какъ вашимъ, такъ и ихъ.

Въ какое время мы живемъ! Духовная жизнь всегда была борьбой, но, повидимому, въ настоящее время борьба эта дѣлается всеобщей. Одинъ Нѣмецкій богословъ пишетъ мнѣ, что добро и зло постепенно одухотворяются и что наконецъ дойдетъ до того, что оболочка, прикрывающая добро и зло, исчезнетъ и что когда добро со зломъ соприкоснутся, безъ прикрытія, тогда надо ждать Раздѣлителя, т. е. Христа, для торжества добра. Вы видѣли, чтѐ происходитъ въ Германіи и какъ тамъ много занимаются религіозными вопросами. То, чтѐ я прочелъ по этому предмету, заставляетъ меня содрогаться. Будемъ молиться, чтобъ Спаситель міра руководилъ и направлялъ нашей волей, и тогда всему аду насъ не одолѣть. Правило чистоты голубиной и мудрости змѣиной очень полезно въ настоящее время, когда въ наилучшихъ проявленіяхъ чувствуется ложь.

Петербургъ, 24 Мая 1818.

3.

Вчера вечеромъ, вернувшись домой, я былъ очень тронутъ, найдя икону нашего Спасителя, которую мнѣ такъ хотѣлось у васъ повидать, которую я не надѣялся такъ скоро получить изъ Лозанны, и которую

вы были такъ добры мнѣ уступить. Боюсь, чтобъ это не было для васъ лишеніемъ; мнѣ же вы не могли, милостивая государыня, сдѣлать бо̀льшаго удовольствія. Я нахожу большую красоту въ этой чудной головѣ и много божественнаго во взглядѣ, удовлетворяющемъ меня больше всего видѣннаго мною до сихъ поръ [1]). Благодарю васъ также за молитвы ваши обо мнѣ по этому поводу, молитвы, въ которыхъ я такъ нуждаюсь. Будьте увѣрены, что я васъ въ своихъ не забываю. Да соединитъ насъ всѣхъ Господь Іисусъ Христосъ въ славѣ Своей и въ нашемъ преображеніи.

С.-Петербургъ, 23 Апрѣля 1820.

4.

Слава Господу нашему Іисусу Христу [2])!

Нѣтъ, милостивая государыня, вамъ не за что у меня просить прощенія. При первомъ свиданіи мы переговоримъ о вашемъ письмѣ къ Государю; писать же объ этомъ, за недостаткомъ времени, трудно. Благодаря вашему рѣшенію остаться въ Каировѣ [3]), я не знаю, когда мнѣ удастся съ вами повидаться, но я постараюсь къ вамъ пріѣхать хотя бы на нѣсколько часовъ. Кошелевъ поручилъ мнѣ передать вамъ много привѣтовъ. Молитесь за насъ троихъ и вѣрьте въ мою отличную къ вамъ, во Христѣ, привязанность.

Царское Село. 20 Апрѣля 1821.

5.

Посылаю вамъ, милостивая государыня, моего камердинера, съ надлежащими приказаніями; будьте такъ добры исполнить то, что̀ онъ вамъ скажетъ. Прошу вашихъ молитвъ и увѣдомленія съ посланнымъ къ вамъ камердинеромъ о томъ, скоро ли вы покинете Каирово. Послѣднія извѣстія о здоровьѣ баронессы Беркгеймъ получены мною третьяго дня. Она должна была встать съ постели вчера и, благодаря Бога, поправляется. Весь вашъ въ Господѣ Богѣ князь А. Голицынъ.

Ц. Село, 7 Сентября 1821.

6.

Не взирая на все мое желаніе васъ видѣть, милостивая государыня, мнѣ невозможно было васъ навѣстить въ Каировѣ: я покинулъ Царское

---

[1]) Не эта ли прекрасная икона Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ донынѣ находится въ алтарѣ за святымъ престоломъ въ домовой церкви въ Гаспрѣ? П. Б.

[2]) Эти слова повторяются въ каждомъ письмѣ, и потому дальше мы ихъ опускаемъ, равно какъ и обычныя подписи. П. Б.

[3]) Дача по Петергофской дорогѣ. П. Б.

Село сегодня утромъ, и уже простуженный, боялся простудиться еще больше у васъ. Къ тому же, мнѣ надо было сегодня присутствовать въ Комитетѣ Министровъ.

Кошелевъ поручилъ мнѣ передать вамъ свой привѣтъ и предлагаетъ вамъ молиться Богу о вашемъ выѣздѣ изъ Каирова; по его мнѣнію это необходимо. Онъ покидаетъ Царское завтра вечеромъ или самое позднее, въ Четвергъ. Я же со своей стороны былъ бы очень радъ, если бъ вы вернулись въ городъ; ибо мнѣ невозможно въ настоящее время, въ виду отъѣзда Его Величества, моихъ дѣлъ и холода. ѣхать въ Каирово.

Мой камердинеръ мнѣ передалъ о вашемъ намѣреніи пріѣхать ко мнѣ къ обѣднѣ; это было бы очень хорошо. Если бъ вы получили позволеніе покинуть Каирово завтра утромъ, вы бы могли пожаловать прямо ко мнѣ, выслушать обѣдню, начинающуюся въ одиннадцать часовъ, и день великъ. Завтра день обрѣтенія Святаго Креста и подписанія Священнаго Союза. Да наставитъ васъ Господь къ соединенію съ любящими васъ о Господѣ.

Посылаю это письмо съ княгиней Голицыной, сообщивъ ей о оемъ вамъ предложеніи пріѣхать завтра въ городъ.

С.-Петербургъ, 13 Сентября 1821.

P. S. Императоръ уѣхалъ вчера въ половинѣ перваго утра въ свое путешествіе.

7.

Ничего не могу еще вамъ отвѣчать положительнаго насчетъ письма, написаннаго мнѣ отъ васъ дѣвицей Мауреръ. Порученіе ваше я передалъ Государю, но ничего еще не рѣшено; онъ сказалъ, что увидитъ и что онъ будетъ молиться.

Мнѣ крайне досадно быть лишеннымъ удовольствія видѣть васъ и вашихъ, но обстоятельства такъ сложились, что мнѣ трудно пріѣхать въ деревню княгини *) съ тѣхъ поръ, какъ Кошелевъ вернулся въ городъ. Надѣюсь, что если будетъ угодно Богу, и благодаря концу Сентября, въ деревнѣ оставаться будетъ трудно: вѣтеръ, дождь и даже снѣгъ напомнятъ княгинѣ, что пора вернуться въ городъ, гдѣ многіе будутъ въ восхищеніи возобновить въ ея обществѣ зимнее времяпрепровожденіе. Да и самое здоровье этихъ дамъ потребуетъ ихъ выѣзда изъ деревни.

Молитесь за меня и увѣдомьте меня, пожалуста, если вы или ваши

*) Княгини Анны Сергѣевны Голицыной, письма къ которой ниже слѣдуютъ. П. Б.

вернутся въ городъ, чтобъ мнѣ немедленно воспользоваться удовольствіемъ съ вами повидаться.

27 Сентября. Вторникъ.

8.

Милостивая государыня. Я узналъ о томъ, что вы сегодня изволили ко мнѣ заѣзжать, чтобъ пригласить меня къ вамъ заѣхать утромъ, по возвращеніи изъ Совѣта и передъ тѣмъ какъ ѣхать обѣдать къ Кошелеву *)., Было слишкомъ поздно, чтобъ воспользоваться вашимъ приглашеніемъ. Сдѣлаю вамъ другое предложеніе отъ имени Кошелева пожаловать къ нему и, если возможно, провести съ нами часъ времени отъ семи часовъ до половины девятаго. Будьте такъ добры дать мнѣ отвѣтъ и если вамъ невозможно исполнить сегодня нашу просьбу, я пріѣду къ вамъ завтра днемъ въ половинѣ третьяго, коли вы будете еще въ городѣ.

Когда же кончится пребываніе въ деревнѣ дорогой нашей княгини Голицыной, которая, по мнѣнію Кошелева, черезъ чуръ самовольна и недостаточно умѣетъ управлять собой?

Понедѣльникъ, 3-го Октября 1821.

9.

Сегодня утромъ, послѣ молитвы, я почувствовалъ потребность написать вамъ по поводу нашего вчерашняго разговора. Вы мнѣ сказали, что имѣете нѣчто сообщить Императору о Комбурлеѣ; я не премину сказать ему, чтобъ онъ вамъ далъ аудіенцію, какъ на этотъ предметъ, такъ и на другіе, еще большей важности. Однако возможно, что онъ отложитъ это свиданіе, а такъ какъ умирающіе не могутъ ждать, то я позволяю себѣ вамъ предложить изложить письменно то, что вы желаете довѣрить одному только Государю о Комбурлеѣ и прислать мнѣ сегодня утромъ ваше письмо къ Государю, который, вѣроятно, не найдетъ меня здѣсь, но пришлетъ за мною въ Царское Село. Да вдохновитъ васъ Христосъ на то, что вы должны сдѣлать и, пожалуста, молитесь обо мнѣ.

Петербургъ. 15 Октября 1821.

P. S. Прилагаю при семъ сто рублей для извѣстнаго вамъ употребленія.

10.

При семъ тысяча двѣсти рублей, милостивая государыня, на ми-

*) Жившему въ Зимнемъ дворцѣ. Онъ родился въ 1749 и умеръ въ 1827 году. П. Б.

лостыню для Коссе*), о которыхъ я вамъ уже говорилъ. Молитесь за меня.

31 Октября 1821.

Тысячу рублей отъ Государя для Шрёдеръ.

11.

Вступая въ новый годъ, ощущаю потребность соединиться съ вами, милостивая государыня, въ нашемъ Господѣ Царѣ Царей, и милостивомъ Спасителѣ, подъ покровомъ и при заступленіи Святой Богородицы.

Испрашиваю вашихъ молитвъ, чтобъ мнѣ, бѣдному атому, вполнѣ преобразиться для новой жизни и чтобъ сдѣлаться членомъ духовнаго Христова Тѣла на созданіе дѣтей доброй воли, превращающихся въ ничто, чтобъ Спаситель былъ всѣмъ во всѣхъ.

Молитесь, будемъ всѣ молиться, чтобъ Младенецъ Іисусъ соединилъ всѣ сердца въ дѣтской простотѣ, чтобъ вѣра усиливалась и сдѣлалась живой, чтобъ любовь все соединила и, очистившись, воспламенила и просвѣтила насъ, чтобъ нашъ дорогой Императоръ превратился въ послушное орудіе Господа и творилъ бы только Божественную волю, чтобъ онъ узрѣлъ Свѣтъ Всевышняго во Христѣ, чтобъ ему была дарована мудрость Іисуса Христа, чтобъ онъ былъ огражденъ отъ злыхъ вліяній и чтобъ у него была сила и смѣлость шествовать по истинно-царскому пути для достиженія цѣли, величіе которой извѣстно одной только мудрости; чтобъ онъ выполнилъ предначертанія Святаго Союза, вдохновеннаго Св. Духомъ, для изготовленія царствія Царя Славы и чтобъ онъ положилъ къ ногамъ Всемірнаго Пастыря свой вѣнецъ, со всѣми народами, которые онъ долженъ ему привести, чтобъ сдѣлаться имъ овцами единаго стада, исполняющаго волю Господню на землѣ и на небесахъ. Аминь.

У меня была потребность написать вамъ все, что̀ чувствовало мое сердце и, разумѣется, если бъ я могъ быть у васъ сегодня утромъ, я бы это сдѣлалъ. Ахъ! если бъ вамъ дозволили пріѣхать сегодня вечеромъ къ Кошелеву! Какое это было бы для насъ счастье! Въ то время, какъ весь городъ веселился бы въ маскарадѣ, мы бы молились и читали Священное Писаніе, чтобъ соединиться въ нашемъ Господѣ.

Посылаю вамъ для новаго года маленькій подарокъ, присланный мнѣ одною изъ рабынь Господа.

1 Января 1822.

---

*) Помѣстье близъ Митавы, остатокъ богатствъ баронессы Криднеръ. П. Б.

12.

Я очень съ вами сошелся, милостивая государыня, и мнѣ кажется, что въ свѣтѣ объ этомъ подозрѣваютъ, потому что никто не упоминаетъ мнѣ о вашемъ отъѣздѣ, тогда какъ объ этомъ много говорятъ въ городѣ. Одинъ только Тургеневъ, во время вашего пребыванія здѣсь, спрашивалъ меня на этотъ счетъ и, какъ мнѣ показалось, съ соболѣзнованіемъ; да братъ мой Кологривовъ выразилъ мнѣ свое изумленіе и участіе. При встрѣчѣ со мною графъ Милорадовичъ имѣлъ видъ побѣдившаго меня героя, желающаго вѣжливостью возвысить свое великодушіе. Признаюсь вамъ, что онъ мнѣ былъ жалокъ, и я надѣюсь, что ваши молитвы будутъ полезны его душѣ.

Мнѣ хотѣлось бы чаще давать вамъ о себѣ извѣстія, но это невозможно, и я надѣюсь, что княгиня не оставитъ меня долго безъ вѣстей о васъ. На мое письмо, съ письмомъ ко мнѣ дѣвицы Мауреръ, я ничего еще не получилъ. Со своей стороны я написалъ все что̀ нужно для очищенія моей совѣсти и надѣюсь, что онъ мнѣ что нибудь отвѣтитъ при нашемъ первомъ свиданіи и тогда, если будетъ это угодно Богу, я вамъ это сообщу. Очень бы мнѣ хотѣлось пріѣхать къ вамъ въ этотъ день пораньше.

Мой привѣтъ дѣвицѣ Мауреръ. Думаю, что мнѣ не для чего васъ просить обо мнѣ молиться и что когда Господь васъ призываетъ къ молитвѣ, сердце ваше всегда къ этому готово. Можете и на мои молитвы разсчитывать; онѣ вамъ можетъ быть и не нужны, но, способствуя нашему сближенію, мнѣ онѣ приносятъ пользу.

19-го Марта 1822.

13.

Какъ я страдаю отъ вашего молчанія, милостивая государыня! Судя по вашему обѣщанію я надѣялся, что вы время отъ времени, будете мнѣ писать, не ожидая моихъ писемъ. Вѣдь я такъ занятъ, а особенно лѣтомъ при постоянныхъ переѣздахъ между Петербургомъ и Царскимъ Селомъ. Удивляетъ меня также и то, что никто изъ вашихъ мнѣ не пишетъ, и умоляю васъ не оставлять меня дольше безъ извѣстій о себѣ. Я все еще продолжаю чувствовать мою къ вамъ близость во время молитвъ и надѣюсь, что вы не забываете меня въ своихъ. Господь Богъ, по великой ко мнѣ милости, зная, какъ жажду я общенія съ любящими Его, послалъ мнѣ двухъ духовныхъ лицъ, архіерея и архимандрита, истинныхъ Своихъ слугъ, которые по христіанскому милосердію цѣлуютъ меня въ голову, какъ вы меня цѣловали. Какъ я счастливъ, что узналъ

васъ! Не взирая на разлуку, мы, разумѣется, будемъ пребывать въ союзѣ по милости нашего Сладчайшаго Іисуса, во власти Котораго собирать всѣхъ дѣйствующихъ въ Его Духѣ, когда и гдѣ Ему угодно.

Вышеупомянутыя духовныя лица внесли миръ въ мою душу совѣтомъ вполнѣ покориться волѣ Божіей и, не взирая на затруднительное положеніе, въ которомъ я нахожусь, ничего отъ себя не предпринимать; а потому я рѣшилъ терпѣливо ждать, чтò Господу будетъ угодно для меня сдѣлать и хотя не могу не замѣчать, что нападки на меня враговъ слабѣютъ, однако развязки еще не предвижу. Терплю, молюсь и люблю. Въ печали и въ сухости, сердце мое взываетъ къ Господу, умоляя Его о божественной росѣ. И Онъ такъ добръ, что не оставляетъ меня долго безъ утѣшенія. Онъ знаетъ, какъ я слабъ и ничтоженъ.

Сообщите мнѣ. пожалуйста, побольше о себѣ. Какъ чувствуете вы себя въ Коссе? Чтò подѣлываетъ мадамъ Кельнеръ и ваши Летты? Молитесь ли вы вмѣстѣ и обрѣли ли тотъ духъ, который вы оставили уѣзжая? Вернувшись изъ путешествія, Государь спрашивалъ у меня: имѣю ли я извѣстія изъ Коссе? И я отвѣчалъ ему, что одинъ только разъ мнѣ оттуда писали. Право же, вы заставляете меня томиться. При семъ письмо Поляка, который къ вамъ очень привязанъ и постоянно меня о васъ спрашиваетъ, а я не знаю, чтò ему отвѣчать. Молитесь за меня и вѣрьте, что я на вѣки, во Господѣ, вашъ.

Каменный островъ, 6-го Іюня 1822.

Кошелевъ шлетъ вамъ свой нѣжнѣйшій привѣтъ.

14.

Мнѣ было очень пріятно получить отъ васъ еще письмо послѣ того, которое вы мнѣ прислали съ вашимъ братомъ. Вы помните наши разговоры и находите въ нихъ для себя пользу, а между тѣмъ, вѣдь я только васъ слушалъ, мысленно соединяясь съ вами въ молитвѣ и въ любви къ Господу. Какъ отрадно любить Его съ такими душами, какъ ваша! Ревностью вашего сердца воспламеняются другія сердца, и поддерживается въ нихъ твердость въ перенесеніи жизненныхъ невзгодъ.

Все, чтò вы говорите про Коссе, доставило мнѣ большое удовольствіе; повидимому маленькое стадо преуспѣваетъ, и искушеніямъ наступилъ конецъ. По вашему приказанію я сообщилъ все это Плещеевой, и она пришла отъ этого въ такое же восхищеніе, какъ и Ковальковъ. Всѣ вамъ душевно кланяются, также и Катишь, которая прелестна и очень васъ любитъ. Кошелевъ очень тронутъ вашимъ къ нему вниманіемъ и проситъ не забывать его въ вашихъ молитвахъ. Вчера я обѣдалъ у княгини Голицыной. Ея пустыня очень непривѣтлива, и надо

надѣяться, что дурная погода и сырость заставятъ ее скоро разстаться съ деревней, очаровавшей ее, не взирая на то, что въ ней нѣтъ ничего привлекательнаго. Таково свойство собственности. Часто и въ духовномъ мірѣ мы прилѣпляемся къ мечтамъ, навѣяннымъ на насъ врагомъ. Въ вашемъ описаніи Божіихъ милостей, расточаемыхъ въ Коссе Господомъ Богомъ надъ больными, я увидѣлъ, что вы даже и у постели умирающихъ не забываете обо мнѣ молиться. Я это знаю, но тѣмъ не менѣе мнѣ каждый разъ пріятно въ этомъ убѣждаться. Вообще я очень цѣню, когда за меня молятся; когда же такая душа какъ ваша, пламенѣющая постоянною любовью, снисходитъ до вниманія къ моей душѣ, сердце мое расплавляется въ этомъ горящемъ кострѣ и, служа какъ бы чистилищемъ душѣ, дѣлаетъ ее достойною служить сосудомъ для того употребленія, которое угодно будетъ Господу изъ него сдѣлать. О, какъ нуждаюсь я въ очищеніи и въ самоотверженіи, ибо я постоянно себѣ твержу, что только самоотверженіемъ можно дойти до Него: но вмѣстѣ съ тѣмъ, я безпрестанно ловлю себя на желаніи пріобрѣсти духовныя блага, обѣщанныя Господомъ для отрекшихся ото всего для Него. Каждый день все яснѣе и яснѣе сознаю я себя все болѣе и болѣе недостойнымъ милостей, ниспосланныхъ мнѣ Господомъ и какъ Онъ меня поддерживаетъ на каждомъ шагу. Ахъ, какъ хотѣлось бы имѣть болѣе чистое сердце, чтобъ вполнѣ Ему его отдать! Будемъ молиться и надѣяться: Онъ всемогущъ, Онъ можетъ изъ камней сдѣлать дѣтей Аврааму. Да будетъ Онъ восхваленъ, прославленъ и любимъ на землѣ, какъ на небеси!

Препоручите меня также молитвамъ ребенка-миссіонера, который молится у постелей умирающихъ.

Я читалъ на этихъ дняхъ замѣчательную брошюру: это письма Шарольда, совѣтника посольства, написанныя изъ Вюрцбурга по поводу великихъ событій 1821 года, гдѣ описываются изцѣленія, совершенныя принцемъ Гогенлое. Кромѣ случая съ священникомъ принцессы Шварценбергской и съ королевскимъ принцемъ Баварскимъ, тутъ описано болѣе пяти сотъ случаевъ изцѣленія слѣпыхъ, увѣчныхъ, паралитиковъ, глухихъ, нѣмыхъ, пораженныхъ неизлѣчимыми болѣзнями, изцѣленныхъ единственнымъ воззваніемъ къ Господу нашему Іисусу Христу, при полной вѣрѣ въ Его безконечное милосердіе. Исцѣленія эти произошли между Вюрцбургомъ, Бамбергомъ и Брюкнау, въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ. Принцъ молится и за отсутствующихъ больныхъ, и по его ходатайству Господь исцѣлилъ больную въ Версали и многихъ другихъ, о которыхъ упоминается въ этой брошюрѣ.

Большое утѣшеніе доставили вы мнѣ, сударыня, выпискою про обѣдню, которую вы мнѣ прислали; это глубокая вещь, и Кошелевъ съ большимъ удовольствіемъ ее прочелъ.

Долженъ отдать вамъ отчетъ о нѣкоторыхъ интересующихъ васъ здѣсь особахъ. Рекомендованный мнѣ вами добрый старикъ, навѣщавшій вашихъ больныхъ (имя его я запамятовалъ, кажется Норманъ или что-то въ этомъ родѣ), поступилъ въ провинцію управляющимъ и приходилъ ко мнѣ за пособіемъ на одежду и на дорогу. Затѣмъ, г-нъ Вейдкнейхъ находится въ странномъ положеніи; онъ нестерпимо ревнуетъ свою жену, воображаетъ, что она ему невѣрна и что всѣ за нею ухаживаютъ, потому что онъ боленъ. Мнѣ это кажется какимъ-то навожденіемъ. Онъ даже бьетъ жену палкой. Княгиня Голицына взяла къ себѣ въ пустыню несчастную эту семью, чтобъ дать ей хоть немножко отдохнуть. Какое несчастіе, что всѣ теперь выходятъ изъ колеи! Мадамъ Шраде проситъ г-на Попова выхлопотать ей 45 тысячъ рублей для старшаго ея сына, въ видѣ займа у правительства, на покупку деревень, съ обязательствомъ вернуть заемъ съ процентами. Сынъ пишетъ г-ну Попову письмо по-французски, въ которомъ онъ выражаетъ надежду, что ему выдадутъ эти деньги, за адресъ. поданный его отцомъ. Все это мнѣ представляется жалкой мистификаціей.

Мой камердинеръ былъ очень тронутъ вашимъ милостивымъ вниманіемъ, благодаритъ васъ отъ всего сердца и поручаетъ себя вашимъ молитвамъ.

Прилагаю къ сему газеты, прося васъ передать мой привѣтъ Кельнеру и м-ль Мауреръ; письма отправлены.

Тысячу благодарностей за поцѣлуй въ лобъ, цѣлую ваши руки и поручаю себя, какъ всегда, вашимъ молитвамъ.

Каменный островъ.
5-го Сентября 1822.

P.S. У насъ нѣтъ извѣстій о Царѣ изъ Вѣны; послѣднія были изъ Варшавы, въ день его выѣзда въ Вѣну; онъ былъ тогда здоровъ.

15.

Изъ письма, переданнаго мнѣ м-ль Мауреръ отъ 17-го Іюня, я заключаю, что вы спокойнѣе. Ваше первое письмо заставило меня раздѣлять ваши страданія. Я зналъ, что если Господь вамъ ихъ посылаетъ, то это для блага, какъ вашего, такъ и для блага Коссе; но, какъ ни стремится мое сердце къ любви всѣхъ моихъ братьевъ и сестеръ въ Іисусѣ Христѣ, я не въ силахъ избавиться отъ человѣческихъ чувствъ. Постоянно привязываюсь я къ созданію, вмѣсто того, чтобъ видѣть въ немъ орудіе Господа для соединенія съ Нимъ, посредствомъ чистыхъ и безкорыстныхъ сношеній на славу Божію. Именно этого-то безкорыстнаго

самоотреченія съ безпредѣльнымъ милосердіемъ въ Іисусѣ Христѣ я и испрашиваю у Господа и прошу у васъ для меня объ этомъ молитвъ. Какъ жалѣю я о прекращеніи чудныхъ минутъ, проведенныхъ въ разговорахъ о духовныхъ предметахъ и въ молитвѣ съ вами! Но съ другой стороны я себѣ говорю: на это воля Господня, могу ли я роптать? Все къ лучшему. Онъ лишаетъ насъ духовныхъ сладостей, чтобъ мы не привязывались къ Его творенію и этимъ привлекаетъ насъ къ Себѣ.

Господь послалъ мнѣ новое и интересное знакомство; это архимандритъ очень строгой жизни, еще молодой, но весьма опытный, съ пламеннымъ къ Создателю сердцемъ и одаренный большимъ краснорѣчіемъ. Рѣчь его—источникъ воды живой. Познакомился я съ нимъ довольно страннымъ образомъ и почувствовалъ къ нему влеченіе съ перваго взгляда, но человѣкъ этотъ останется здѣсь всего только одинъ мѣсяцъ; такое время, что Господь посылаетъ мнѣ миссіонеровъ и вождей, указывающихъ мнѣ путь, но на одну только минуту, желая вести меня Самъ, привлекая меня къ Себѣ, но тайно и испытывая меня съ великимъ милосердіемъ. Вамъ извѣстно, сударыня, какъ этой зимой все было противъ меня; даже подчиненные мои старались интриговать противъ меня, и нападки, не переставая, слѣдовали одна за другой. Но теперь все утихло. Даже мои товарищи по министерствамъ измѣнились и стали со мною кротки и внимательны. Не знаю, къ чему все это приведетъ. Дѣло профессоровъ еще не окончено, и время отъѣзда Государя на конгрессъ близко. Да будетъ воля Господня, а не моя; молю объ этомъ постоянно и благодарю Его. За недостаткомъ времени, не пишу сегодня всѣмъ вашимъ, но прошу молиться за меня, и да хранитъ васъ всѣхъ Господь во вѣки вѣковъ, аминь.

P. S. Извините, что не увѣдомилъ васъ раньше о доставленіи Государю большаго письма Миллера, которое я передалъ тотчасъ по полученіи. Вы о немъ спрашиваете въ вашемъ письмѣ. Прилагаю при семъ газеты для г-на Кельнера по просьбѣ м-ль Маурерь, хотя мнѣ кажется, что и сама она прочтетъ ихъ съ удовольствіемъ. Посылаю вамъ письмо отъ Плещеевой.

P. S. P. S. Распечатываю это письмо, чтобъ сказать вамъ про слѣпца и паралитика Козлова*), которому ваше посѣщеніе было очень отрадно. Нѣсколько дней тому назадъ онъ получилъ письмо отъ стараго своего друга камергера Австрійскаго, который былъ въ родѣ помѣшаннаго. Его совсѣмъ потеряли изъ виду. Запутавшись въ долгахъ и въ разныхъ непріятныхъ исторіяхъ, онъ пропалъ безъ вѣсти, какъ вдругъ, узнавъ какими-то судьбами, въ монастырѣ, гдѣ онъ постригся,

*) Это поэтъ, Иванъ Ивановичъ. П. Б.

о несчастіи, постигшемъ Козлова, онъ поспѣшилъ ему написать полное утѣшеній письмо, которое показалось мнѣ достойнымъ вашего вниманія, и я попросилъ Ковалькова списать его, чтобъ вамъ послать. Прилагаю также и письмо къ вамъ Плещеевой, которая очень васъ любитъ, равно какъ и вся ея семья. 1-го Ноября.

16.

Сегодня, въ день Рождества Христова, новаго стиля, посылаю вамъ, сударыня, платье и башмаки, съ пожеланіемъ, чтобъ вы все это получили на Рождество стараго стиля. Примите вмѣстѣ съ этимъ крестъ, вырѣзанный на Аѳонской горѣ, долго пребывавшій въ моей молельнѣ, гдѣ онъ отъ ладана съ одной стороны потемнѣлъ. На крестѣ этомъ изображены замѣчательнѣйшія эпохи земной жизни нашего Господа Іисуса Христа и Его Святой Матери. Посылаю вамъ также чотки съ изображеніемъ всѣхъ святыхъ и Святой Дѣвы. Господь, преблагій Младенецъ, Которому мы на этихъ дняхъ будемъ поклоняться, разъяснитъ вамъ, почему я съ такою живѣйшею радостью подношу вамъ эти предметы, соединяясь съ вами и со всѣмъ Коссе духомъ (самъ собою я ничего не дѣлаю). Молитесь за меня. Цѣлую ваши руки, кланяюсь мсье Кельнеръ и м-ль Мауреръ.

17.

Благословенно Святое имя Господне!

Да, сударыня, Ему слава за все, что̀ Онъ дѣлаетъ въ насъ и черезъ насъ. То, что̀ происходитъ въ Коссе и о чемъ вы мнѣ сообщаете въ послѣднемъ вашемъ письмѣ, поистинѣ дѣло Божіе. Я ужъ объ этомъ зналъ черезъ г-жу Плещееву и г-на Ковалькова, но мнѣ было необходимо получить на этотъ счетъ подтвержденіе отъ васъ. Въ дѣлѣ этомъ не было никакихъ человѣческихъ расчетовъ и предположеній; слѣдовательно ясно, что Господь избралъ васъ своимъ орудіемъ. Судьба дорогой Катиши съ замѣчательною очевидностью направляется Самимъ Провидѣніемъ. Никогда не забуду я, какъ она въ моей молельнѣ и въ вашемъ присутствіи, посвятила себя служенію Господа и какъ, когда вы ей посовѣтовали это, послѣ обѣдни, она вамъ сказала, что это уже сдѣлано: затѣмъ, ея чудесное выздоровленіе, жертвы, которыя г-жа Плещеева должна была принести по вашему внушенію и, наконецъ, поѣздка въ Коссе со всѣми своими неожиданными послѣдствіями и, какъ потомъ, въ день Введенія во Храмъ Пресвятой Дѣвы, то, что̀ произошло въ моей домовой церкви и что̀ вамъ извѣстно по описанію г-на Коваль-

кова, все это не доказываетъ ли, что намъ остается только наблюдать за этой четой, слѣдить за проявленіями воли Божіей, столь для нихъ ясной и ни въ чемъ имъ не мѣшать?

Вы правы, называя Ковалькова моимъ пріемнымъ сыномъ. Съ тѣхъ поръ какъ г-нъ Лопухинъ умеръ, Господь мнѣ его далъ, сердце мое для него открылось, и я люблю его какъ родного сына.

18.

Вамъ предвидится со мною свиданіе, но когда? Этого я не могу себѣ представить. Впрочемъ, какъ въ этомъ, такъ и во всемъ прочемъ, положимся на волю Божію, Которому все извѣстно. Видѣться съ вами было бы для меня большимъ счастьемъ, но по человѣческимъ соображеніямъ, не могу предвидѣть, когда можетъ это случиться. Будемъ надѣяться и молиться. Вы просите моихъ молитвъ. Будьте убѣждены, что я часто соединяюсь съ вами духомъ, и что Господь не оставляетъ меня Своими милостями. Онъ явно меня не покидаетъ или, лучше сказать, среди великаго множества дѣлъ, которыми я обремененъ, Онъ меня поддерживаетъ, посылаетъ мнѣ душевный миръ, расположеніе къ молитвѣ по нѣскольку разъ въ день и постоянно даруетъ мнѣ средства на поддержку и на оживленіе моего духа.

Судя по получаемымъ мною свѣдѣніямъ, наступило замѣчательное время и по тому, что̀ происходитъ вокругъ меня, я вижу, что врагъ человѣчества дѣятельно стремится разъединить христіанъ внѣшними мнѣніями и формами. Каждый считаетъ себя православнѣе своего ближняго, и союзъ отъ этого страдаетъ. Въ сужденіяхъ о братіяхъ, о церкви и объ обрядахъ, упускается изъ виду изслѣдованіе главнаго, основного. Разъ человѣкъ вѣритъ въ Христа распятаго, почему не считать его братомъ? Само Евангеліе намъ это повелѣваетъ, и сердце, наполненное любви, не можетъ отъ этого отречься. А между тѣмъ, въ настоящее время, Господь побуждаетъ много душъ къ жизни, но отовсюду воздвигаются препятствія къ соединенію, къ общимъ молитвамъ. То, что̀ Паулуччи сдѣлалъ въ Ригѣ, ни что иное, какъ духъ свойственный свѣтскимъ людямъ; говорятъ, что подъ этой маской дѣйствуютъ и карбонаріи и другіе. По всему видно, что наступаютъ времена, предсказанныя въ Писаніи: «Когда Сынъ Божій придетъ на землю, найдетъ ли Онъ вѣру?» Какую надо соблюдать вѣрность въ это время духовной осени и какъ, по слову Писанія: «надо опасаться, чтобъ второе пришествіе не произошло зимой, ибо тогда скорбь будетъ полная!» Какъ хотѣлось бы мнѣ сохранить огонь въ моей лампадѣ, чтобъ войти съ Женихомъ въ Его жилище и не остаться внѣ дома во время этой духовной зимы! Надѣюсь, что Господь, черезъ заступничество пресвятой Дѣвы и Святыхъ,

окружающихъ Его Престолъ, а также и тѣхъ, которые на землѣ, услышитъ мой голосъ о «единомъ потребномъ». Письмо это я вамъ пишу передъ картиной, изображающей мудрыхъ и глупыхъ дѣвъ, идущихъ на встрѣчу Жениха въ полунощный часъ, который именно въ эту минуту звонитъ на моихъ часахъ. Всеблагій Іисусъ, даруй мнѣ этого елея, котораго я бы такъ желалъ сдѣлать большой запасъ, и Твоего огня, дабы зажечь фитиль моей лампады; услышь меня, умоляю Тебя ради Святой Твоей крови за насъ пролитой; даруй мнѣ также ту одежду, безъ которой я не могу быть допущенъ къ Твоей царской трапезѣ! Сударыня! Надѣюсь, что мы соединены на вѣки вѣковъ; молитесь, будемъ молиться за подкрѣпленіе этого союза. Признаюсь вамъ, что въ настоящее время я всего больше молюсь о соединеніи, въ Нашемъ Господѣ Іисусѣ Христѣ, со всѣми, которые Его любятъ и ни на что не уповаютъ, кромѣ какъ на Него, какъ на Его кровь. Я возлагаю большую надежду на Его Божественную кровь, потому что время бѣжитъ, годы истекаютъ, а старый человѣкъ во мнѣ живъ. Я умоляю о смерти тѣлесной и громко взываю къ вѣчной жизни, чтобъ Она въ меня вселилась и создала изъ меня новаго человѣка. Мнѣ часто кажется, что дѣла мѣшаютъ мнѣ вполнѣ предаться Господу, но всѣ мои усилія отъ нихъ избавиться, хотя бы отчасти, остаются тщетными. И это мнѣ доказываетъ, что Господу угодно, чтобъ я служилъ Ему, служа также и земному моему господину и, что главнѣйшей помѣхой въ преуспѣваніи на истинномъ пути, это моя самость. Не могу я еще совершенно освободиться отъ самого себя и не хочу еще обратиться въ то ничто, которое едино способно творить волю Господню. Гдѣ-то я читалъ, что Господу также трудно начертать Свое слово въ человѣческой душѣ, какъ невозможно писать на непрестанно движущемся листѣ бумаги. Надо молиться и терпѣливо ждать, переносить себя такимъ, какимъ я есмь и надѣяться, что Господь даруетъ то, о чемъ Его молишь; ибо сама эта молитва есть доказательство Его милости къ намъ. На дняхъ скончался замѣчательною смертью графъ Шуваловъ *). Онъ былъ, повидимому, христіанинъ и всегда желалъ, чтобъ жена его тоже сдѣлалась христіанкой; но молодая, богатая, набалованная своею бабушкою и мужемъ, она объ этомъ не думала. И вдругъ, графъ внезапно умираетъ; пораженная такимъ неожиданнымъ ударомъ, графиня впадаетъ въ отчаяніе и въ первую минуту, говорятъ, вскричала, что нѣтъ Бога, что если-бъ Онъ былъ, такой нужный для нея и для родины человѣкъ не умеръ бы... но не успѣло это кощунство сорваться съ ея губъ, какъ

*) Графъ Павелъ Андреевичъ, отвозившій Наполеона на островъ Эльбу. Онъ скончался 48 лѣтъ отъ роду. П. Б.

она упала на колѣни и обратилась къ Богу. Подробности эти я узналъ не отъ нея; но сама она мнѣ сказала, что внезапно увѣровала въ Бога послѣ смерти своего мужа и что ей было бы очень жаль, если-бъ ему не было дано знать, что то, чего онъ такъ желалъ при своей жизни, милостію Божіей исполнилось послѣ его смерти. Ея покорность и чистота ея помысловъ меня изумили; такія чувства пріобрѣтаются обыкновенно цѣною продолжительныхъ душевныхъ усилій. Она мнѣ сказала, что раньше не могла выносить ни малѣйшей непріятности и что она была, въ земномъ смыслѣ этого слова, слишкомъ счастлива, но что теперь она понимаетъ, какимъ для нея несчастіемъ было это счастіе и какое великое спокойствіе посылаетъ ей Господь, когда она находится подъ крестомъ, за тяжесть котораго она благодаритъ Господа, въ полной увѣренности, что когда она не будетъ больше нужна своимъ дѣтямъ, Онъ также и ее призоветъ къ Себѣ. Ко всему этому она очень слаба тѣломъ и поддерживается только силами духа. Я, можетъ быть, слишкомъ распространяюсь насчетъ этой молодой особы, но я былъ такъ тронутъ милостями, ниспосланными ей Господомъ, что захотѣлъ вамъ ихъ сообщить, зная ваше любящее сердце и какое горячее участіе вы принимаете въ спасеніи душъ. У вашихъ жильцовъ тоже, повидимому, прекрасныя души, и какія претерпѣваютъ они страданія! Очень былъ бы я счастливъ, если тысяча рублей, которые я посылаю въ наше распоряженіе (выражаясь вашими словами, какъ приданое Ковалькова), облегчитъ сколько нибудь нуждающихся; но мнѣ кажется, что этого недостаточно.

Скажу вамъ странную вещь относительно этой тысячи рублей. Я приготовилъ ихъ по письму м-ль Мауреръ, намѣревался передать ихъ вашей дочери (что́ я теперь дѣлаю), и предупредилъ объ этомъ м-ль Мауреръ, какъ вдругъ, къ величайшему моему удивленію, вы у меня просите, въ послѣднемъ вашемъ письмѣ, тысячу рублей, а они ужъ были приготовлены къ отсылкѣ вамъ.

Баронесса съ княгиней вамъ лично передадутъ обо мнѣ то, о чемъ я не пишу, чтобъ не удлиннять моего письма. Онѣ знаютъ почти все, что́ до меня касается, за исключеніемъ нѣкоторыхъ подробностей насчетъ Ковалькова. Г-жа Плещеева еще разъ просила меня держать это дѣло въ тайнѣ. Цѣлую ваши руки, прошу меня извинить, если я не всегда аккуратно отвѣчаю на ваши письма, благодаря моимъ дѣламъ.

съ 16-го на 17-е Декабря въ полночь.

P. S. Соблаговолите принять платье, которое я посылаю вамъ съ этой оказіей.

19.

Пишу вамъ сегодня нѣсколько словъ, баронесса, по поводу письма г-жи Плещеевой, которое я вамъ при семъ посылаю. Ей хочется, чтобы вы получили его скорѣе. Я счастливъ воспользоваться случаемъ сообщиться съ вами въ эти дни поклоненія Божественному Младенцу Іисусу и вмѣстѣ съ вами молиться Царю Царей, Творцу твореній, въ Его милостивомъ уничиженіи, непостижимомъ печальному человѣческому разуму. Какъ великъ этотъ маленькій Божественный Младенецъ въ сравненіи со всѣмъ, что̀ считается великимъ на землѣ, и вотъ 1823 года, какъ намъ знакомо осязательнымъ образомъ это Живое Слово, а мы все не хотимъ Его слышать. Воистину, такія наступили времена, что единственное средство повелѣвать, заключается въ предоставленіи истинному Царю царить въ нашей душѣ на землѣ, какъ на небесахъ. Какое бы это было счастіе для земли! Надо быть въ большомъ, большомъ ослѣпленіи, въ полномъ мракѣ, чтобъ не желать, не видѣть, не слышать истину, проповѣдуемую событіями и природой; но кто же можетъ Ему противиться, и я надѣюсь, что нашъ Божественный Учитель въ Свое время проявится, вопреки дьяволу и его орудіямъ.

Будемъ молиться, чтобъ нашъ земной царь хранилъ въ своемъ сердцѣ царство Младенца Іисуса; послѣдствія этого будутъ велики и отразятся на всемъ мірѣ.

P. S. Оченъ былъ я тронутъ за память обо мнѣ въ день моего рожденія 8-го Декабря, съ котораго мнѣ пошелъ 50-й годъ. Не знаю, кто еще за меня молился въ этотъ день; знаю только, что въ Коссе за меня молились общей молитвой, что Петербургскій митрополитъ, прекрасная душа, молился, что въ Новгородѣ отецъ Фотій, о которомъ вы слышали, святой человѣкъ, служилъ за меня обѣдню и писалъ мнѣ, что онъ очень радовался въ этотъ день. Сестра моя, живущая въ монастырѣ въ Кіевѣ, сообщила мнѣ, что отслужила за меня обѣдню въ пещерахъ, гдѣ покоится такое великое множество святыхъ угодниковъ, и что обѣдню эту служили монахи ей извѣстные своею набожностью. Все это сдѣлалось само собою, и самъ я въ этотъ день пріобщался. Все это даетъ мнѣ надежду, что Господь пошлетъ мнѣ силъ на новую борьбу или на духовный ростъ для вѣчной жизни.

20.

Наконецъ-то, баронесса, получилъ я отъ васъ давно ожидаемое письмо, зная, что вы всегда дожидаетесь удобной минуты, чтобъ послать заранѣе приготовленныя письма. Вашъ маіоръ переслалъ мнѣ ваше

письмо, но самъ не явился. То, что̀ вы мнѣ о немъ сообщаете, очень замѣчательно. Подобную силу можно пріобрѣсти только молитвой: это драгоцѣннѣйшій даръ, представленный намъ нашимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ и которымъ мы пренебрегаемъ. Если бъ мы только хотѣли обратить вниманіе на дѣйствіе молитвы, даже на неодушевленные предметы! Я замѣтилъ, что въ такихъ мѣстахъ, какъ древнія церкви, гдѣ молились въ продолженіе многихъ лѣтъ, пребываетъ особенное Божеское благословеніе и что даже въ покояхъ молельщиковъ ощущается особенное чувство мира. Мнѣ кажется, что мы съ вами ужъ про это говорили и что человѣкъ, этотъ живой Божій храмъ (когда онъ дѣлаетъ изъ своей души святилище, посвященное Богу) носитъ на своемъ лицѣ печать Божественной благодати, распространяющейся во всей окружающей его атмосферѣ. Ахъ, будемъ молиться и будемъ искать молитвы въ глубинѣ самихъ себя! Сколько разъ испытывалъ я благодѣтельное вліяніе вашей молитвы; когда я имѣлъ счастье молиться съ вами, какъ ясно ощущалъ я въ эти минуты мою связь съ вами и съ какой отрадой увидѣлъ я изъ вашего письма, что вы ощущали мое присутствіе возлѣ васъ во время молитвы въ день вашего рожденія. Духъ молитвы овладѣлъ мною съ той минуты, какъ я принялся за это письмо, и ни о чемъ не могу я вамъ писать, кромѣ просьбы молиться за меня, когда вы получите его; едино только это намъ на потребу и, можетъ быть, къ вамъ въ этомъ присоединятся и м-ль Мауреръ съ дорогимъ Кельнеромъ. Эпитетъ этотъ мнѣ въ первый разъ приходитъ въ голову ему дать; не знаю его лично, но такъ какъ это во мнѣ явилось непроизвольнымъ сердечнымъ движеніемъ, то я не могъ отъ этого воздержаться. Я надѣюсь и увѣренъ, что свѣтскія условія не проникли еще въ Коссе. Какое это счастіе! И какой долженъ у васъ царить миръ! Все, что̀ вы мнѣ пишете касательно вашей молитвы о церкви въ Коссе и о сновидѣніи м-ль Мауреръ, очень замѣчательно. Надѣюсь, вы мнѣ сообщите, что̀ изъ этого произойдетъ и какая церковь? Какого вѣроисповѣданія? И на какихъ основаніяхъ? Безъ сомнѣнія жертвоприношеніе Святой литургіи производитъ благодатное дѣйствіе преимущественно на внутренняго человѣка, а внѣшнее безъ внутренняго мнѣ непостижимо. Я не понимаю людей, собирающихся исключительно для внѣшней обрядности, ибо въ церкви нѣтъ ни единаго обряда, который не заключалъ бы въ себѣ внутренняго, таинственнаго смысла, а между тѣмъ постоянно кричатъ противъ мистицизма въ служеніи Богу-Духу. Да просвѣтитъ васъ Господь на это стремленіе, и мы подумаемъ о средствахъ привести его въ исполненіе. Письмо ваше къ вашей дочери, котораго она ждала и которое ее нашло здѣсь, передано мною, по ея желанію, княгинѣ Голицыной. Письмо ваше ко мнѣ я, съ вашего позволенія, прочиталъ Кошелеву

и Плещеевой. Первый просилъ меня вамъ передать, что онъ васъ очень любитъ, но что при избыткѣ голубиной кротости вамъ недостаетъ змѣиной мудрости. Плещеева прослушала ваше письмо съ восхищеніемъ, она васъ любитъ всей душой, также какъ Катишь съ Ковальковымъ, которые оба ждутъ обѣщанныя имъ вами 78 страницъ. Не говорю вамъ ничего о впечатлѣніи, произведенномъ на Плещееву вашими совѣтами, она сама вамъ часто пишетъ, и я не хочу ее лишать удовольствія сдѣлать это самой. Я самъ ей часто говорю то, чтò вы ей говорите про Катишь, и она этому слѣдуетъ. Вы заставили Плещееву сдѣлать то, чтò она, сама собой, ни за что не посмѣла бы сдѣлать. Общественное мнѣніе и прочія вліянія не допустили бы ея до этого. Господь вамъ даровалъ силу оторвать эту маленькую душу отъ міра, когда онъ ужъ готовился ее поглотить.

21.

Государь вернулся сюда 21-го, въ добромъ здоровьѣ. Я видѣлъ его въ тотъ же день и поблагодарилъ Бога, возвратившаго его намъ цѣлымъ и невредимымъ. Мнѣ не для чего просить васъ за него молиться: вы всегда къ этому расположены, когда находитесь въ молитвенномъ настроеніи. Надѣюсь также не быть вами въ этомъ отношеніи забыту. Да ниспошлетъ вамъ Господь душевный миръ, да накроетъ васъ Святая Дѣва Своимъ царственнымъ покровомъ, со всѣми обитателями Коссе, и да осѣнятъ васъ святые ангелы своими крыльями. Аминь.

Голицынъ.

P.S. Извините за дурной почеркъ этого письма, которое вы вѣрно прочтете съ трудомъ; но я долженъ былъ торопиться, потому что очень занятъ.

С.-Петербургъ, 25 Января 1823.

P.S. P.S. У насъ большіе холода, но чтò удивительно, это то, что и тамъ были довольно сильные морозы: въ Венеціи около десяти гр., а въ Римѣ—пять. Въ Парижѣ ѣздили на саняхъ при 11 гр. мороза. Въ Тюйльри пришлось смести снѣгъ по сторонамъ аллей, чтобъ можно было по нимъ прогуливаться. Рейнъ замерзъ раньше Невы, а въ Тульчинѣ была гроза съ громомъ и съ молніей, при 12 гр. мороза. Да будетъ воля Господня!

22.

Я получилъ, сударыня, ваше послѣднее письмо съ извѣстіемъ о постигшей васъ утратѣ, которую я раздѣляю; хотя я не зналъ лично Кельнера, но надѣюсь, что на томъ свѣтѣ онъ останется соединеннымъ со мною въ Іисусѣ Христѣ. Я чувствовалъ къ нему сильное влеченіе, но въ этой долинѣ слезъ мнѣ уже не разъ случалось входить въ сношенія съ людьми однимъ только духомъ, никогда съ ними не встрѣчаясь; такъ напримѣръ съ Юнгомъ Штиллингомъ, который меня очень любилъ и съ которымъ мы очень близко сошлись черезъ переписку. Кельнеръ входилъ въ эту категорію друзей. Намъ представлялся случай лично познакомиться, когда вы пріѣзжали сюда, но онъ ко мнѣ не пришелъ, и мнѣ пришлось познакомиться только съ его духомъ, безъ его земной оболочки.

Ходъ его болѣзни очень замѣчателенъ. Совпаденіе его смертельной агоніи съ днями Страстной недѣли и освобожденіе его души въ самый день Святой Пасхи поразили меня столько же, сколько Беркгеймовъ и княгиню. Мы всѣ плакали, читая про его откровеніе словъ нашего Господа раскаявшемуся разбойнику и какъ покойникъ увидѣлъ себя передъ нашимъ Господомъ, а также описаніе того, что̀ произошло въ Коссе послѣ смерти такого сотрудника и служителя Божьяго. И въ такія горестныя минуты вы не забыли меня! И Божій человѣкъ молился за меня въ прекраснѣйшую минуту его жизни, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ сбрасывалъ свою земную оболочку, такъ часто тяготившую его, чтобъ облечься въ свадебную одежду и войти въ радость Господа! Да наслаждается его душа тѣмъ, что̀ она уже здѣсь предчувствовала! Какая разница между этимъ предчувствіемъ и дѣйствительностью и какъ завидую я (если дозволено употребить это выраженіе относительно такого святого дѣла) блаженству тѣхъ, которые уже созрѣли для вступленія въ торжествующую церковь Господа, которые уже испытываютъ сладость общенія съ Богомъ! Я не смѣю желать смерти, сознавая, что я къ ней еще не готовъ; но я часто молюсь, чтобъ, когда я буду готовъ и если на то будетъ воля Господня, Онъ не оставлялъ меня здѣсь. Я жажду спасенія и мирной пристани, у которой разбивается бурное море, по которому я такъ плохо управляю моей ладьей. Молите Бога, чтобъ сердце мое очистилось и чтобъ Онъ далъ мнѣ скорѣе созрѣть подъ пламенемъ Святаго Духа, чтобъ Онъ меня переродилъ и привлекъ къ Себѣ. Хорошо обитать въ домѣ Господнемъ! Сердце мое вздыхаетъ и желало бы имѣть крылья, чтобъ летѣть въ Его жилище и уничтожиться въ безконечности Его любви.

Когда я думаю о смерти Кельнера, я ощущаю сильный душевный покой, и смерть не только не кажется мнѣ отвратительной, но представляется величественной и трогательной. Мнѣ кажется, что ощущенія эти внушаются мнѣ состояніемъ его души.

Приступимъ теперь къ вашей просьбѣ получить разрѣшеніе выписать Греческаго священника для его похоронъ; такъ какъ у васъ въ деревнѣ есть Лютеранскій пасторъ, то это не дозволяется. Пасторъ долженъ это сдѣлать; Греческій священникъ могъ бы похоронить его только въ томъ случаѣ, если бъ не было пастора, какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ священниковъ Лютеранскаго вѣроисповѣданія. Что же касается до креста, я готовъ вамъ его прислать, но мнѣ хотѣлось бы знать, какой хотите вы крестъ, дубовый или каменный; во второмъ случаѣ необходимъ фундаментъ, и я не знаю найдутся ли у насъ мастера его сдѣлать; деревянный крестъ вашимъ людямъ легче поставить. Мнѣ также нужно было бы знать, какой вышины желали бы вы чтобъ былъ крестъ. Я былъ бы очень счастливъ способствовать украшенію знамени, подъ которымъ онъ такъ славно сражался. О, пусть онъ покоится въ мирѣ и пусть за васъ молится!

С.-Петербургъ, 11 Апрѣля 1823.

23.

Пишу вамъ, сударыня, въ тотъ день, когда у насъ поютъ въ послѣдній разъ пѣснь Воскресенія Христова, которою оканчиваются празднества Святой Пасхи. Благодарю васъ за ваше доброе письмо отъ 12-го Мая. Какое для меня счастіе ихъ получать; но зная, какъ вы заняты, я не смѣю васъ просить писать мнѣ чаще. Нѣсколько строкъ вашей руки доставляютъ мнѣ большое утѣшеніе. Вы бы желали меня видѣть въ Коссе, вдали отъ свѣтскаго шума и дѣлъ. Одинъ Богъ знаетъ, какъ дѣла эти меня утомляютъ и мѣшаютъ мнѣ вполнѣ предаваться любви къ Нему и сношеніямъ съ душами, въ которыхъ обитаетъ Господь. Но въ настоящую минуту Господу Богу не угодно избавить меня отъ великаго множества дѣлъ, которыми я обремененъ. По случаю отъѣзда князя Волконскаго, на меня взвалили дѣла придворнаго вѣдомства. Повинуюсь волѣ Господней и вздыхаю о минутѣ, когда Онъ меня призоветъ къ дѣламъ Его славы. Всего для меня тяжелѣе народное просвѣщеніе; это гнѣздо демона, отъ котораго можно только съ помощью Божіею отдалить зло, но которое вполнѣ очистить очень трудно. Надо, чтобъ въ департаментъ этотъ явился Святой съ неба разогнать нашихъ печальныхъ Минервиныхъ птицъ. Г-жа Плещеева съ ближними будетъ очень счастлива, когда наступитъ время ея поѣздки въ Коссе,

а пока она готовится къ поѣздкѣ въ Ревель и въ Троицынъ день, если Богъ дастъ, будетъ слушать обѣдню въ моей домовой церкви, чтобъ приготовиться къ Св. Причащенію въ Духовъ день, со мною, съ Катишею и съ Ковальковымъ. О, да сойдетъ на насъ въ эти дни Божественный Утѣшитель и Очиститель, чтобъ содѣлать насъ дѣтьми и слугами Царя Царей!

Вы говорите мнѣ про молитвенный домъ; мнѣ кажется, что представятся затрудненія для устройства Греческой церкви. Находятъ, что Русскій приходъ будетъ слишкомъ малочисленъ для Греческой церкви, но вы могли бы построить деревянную часовню вашего вѣроисповѣданія и положить въ нее тѣло покойнаго Кельнера. Если вы пожелаете это сдѣлать, напишите мнѣ офиціальное письмо, которое я представлю въ протестантскую консисторію. Молитесь Богу и обдумайте, что̀ будетъ вамъ больше по сердцу.

С.-Петербургъ, 30-го Мая 1823.

24.

Съ большимъ вниманіемъ прочиталъ я, баронесса, оба письма, одно отъ 12-го Мая, другое отъ 19-го Іюня, переданныя мнѣ баронессою Беркгеймъ. Я молился и, какъ всегда, поговорю съ вами откровенно относительно Греческой церкви, которую вамъ было бы желательно имѣть въ Коссе. Мнѣ кажется, что я вамъ уже писалъ о моей попыткѣ узнать мнѣніе Государя на этотъ счетъ еще прошлой зимой. Онъ далъ мнѣ понять, что все, что̀ касается постройки церквей, подчинено особымъ правиламъ и что дозволяется строить церковь въ такой деревнѣ, гдѣ было бы не меньше ста дворовъ или въ такомъ случаѣ, если владѣлецъ деревни, будучи Греческой вѣры, имѣетъ право на домашнюю часовню, не будучи въ состояніи быть прихожаниномъ другой церкви, по причинѣ старости или болѣзни. Вотъ форма, нарушить которую Государь не позволитъ; да и духовенство наше на это не согласится, ибо оно не можетъ знать вашихъ побужденій и насколько велика ваша любовь къ Господу. Что же касается до Протестантской церкви, со стороны Государя никакихъ затрудненій не представится; но вы на это сами не согласитесь и по многимъ причинамъ, между которыми меня особенно поразило то, что вы ни за что не дозволите, чтобъ на принадлежавшей вамъ землѣ, посвященной вами Святой Матери Божіей, проповѣдывали бы что-либо противъ божественности нашего Спасителя. И какъ бы вы потомъ ни протестовали, консисторія вамъ не повѣритъ и будетъ утверждать, что вы распространяете мистическую вѣру и пр. Наконецъ, вѣдь вы уже и сами давно не принадлежите къ Протестант-

ской церкви; вы безъ сомнѣнія принадлежите къ той внутренней церкви, которой глава—Господь; но пока мы живемъ на землѣ и облечены во внѣшнюю оболочку, мы должны принадлежать наружно къ одной изъ христіанскихъ церквей до тѣхъ поръ, пока у насъ не будетъ пастыря и мы не составимъ одно стадо. Будемъ уважать внѣшность, укрѣпляясь внутренно Святымъ Духомъ, для вящей славы Тріипостаснаго Бога, въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ.

Итакъ, сударыня, молитесь Господу, чтобъ Онъ васъ просвѣтилъ, чтобъ Его Святая Матерь укрыла васъ Своимъ покровомъ и чтобъ святые ангелы васъ вдохновили; ваше сердечное желаніе имѣть у себя Греческую церковь въ Коссе не есть ли указаніе вамъ свыше войти въ эту примитивную церковь, которая, явившись съ Востока, должна вернуть Божій народъ въ Новый Ханаанъ? Если только Господь нашъ Іисусъ Христосъ призываетъ васъ къ Себѣ этимъ путемъ, желаніе ваше исполнится. Молитесь, будемъ всѣ молиться, надѣяться и будемъ пребывать въ любви, въ ожиданіи милости Божіей, отъ Его мудрости и несказанной любви.

Посылаю вамъ письмо г-жи Плещеевой. Она непремѣнно хотѣла вамъ писать черезъ меня. Своимъ мѣстопребываніемъ она довольна, ей покойно, и ей хотѣлось бы, чтобъ я былъ съ нею. И вамъ также, сударыня, желательно было бы имѣть меня въ Коссе. Но возможно это одному только Богу, по моимъ же обстоятельствамъ это очень трудно.

Здоровье мое, слава Богу, довольно хорошо; но я нахожусь въ постоянныхъ разъѣздахъ между Царскимъ Селомъ, Каменнымъ островомъ и городомъ. Почти каждую недѣлю навѣщаю я вашихъ, въ пустынѣ у княгини, которая отъ нея въ восторгѣ, не взирая на скудость почвы. При послѣднемъ моемъ посѣщеніи этой деревни, я съ нею немного примирился, благодаря пріюту, устроенному для вашей ангельской дочери. Устройство это поистинѣ прекрасно, и вамъ навѣрное его описали; но я къ этому прибавлю, что оно располагаетъ къ молитвѣ и что невозможно тамъ быть, не ощущая влеченія къ религіозному настроенію. Въ углу виситъ Распятіе, освѣщенное лучемъ заходящаго солнца черезъ маленькое оконце. Мы провели съ часъ времени въ молитвѣ въ этомъ убѣжищѣ, которое мнѣ очень полюбилось.

Не хотѣлось бы кончать это письмо, но ужъ поздно; сейчасъ прозвонитъ полночь, и я покидаю перо для вечерней молитвы. Надѣюсь одновременно съ вами повергнуться къ стопамъ нашего Господа и молить Его о благословеніи нашихъ дѣйствій, нашихъ мыслей и всего нашего существа во вѣки вѣковъ. Прощайте, сударыня, цѣлую ваши руки.

Каменный островъ, 10 Іюня 1823.

25.

Пишу вамъ, дорогая баронесса, изъ Царскаго Села, гдѣ, по своемъ возвращеніи изъ путешествія, Государь остановился по случаю траура императрицы Елисаветы, которая потеряла свою любимую сестру Амалію, а также потому, что великая княгиня Александра Ѳедоровна должна провести здѣсь шесть недѣль, чтобъ оправиться отъ выкидыша мертваго ребенка 12-го прошлаго мѣсяца. Вотъ причины, заставившія меня покинуть Петербургъ, но всего только на три дня, и Кошелевъ ужъ громко кричитъ въ извѣстной вамъ комнатѣ съ Распятіемъ и съ другой дверью, растворенной на террасу.

Выразить вамъ не могу, какое удовольствіе доставилъ мнѣ мой милый Ковальковъ исполненіемъ моей просьбы! Если раньше я соединился съ вами духомъ, теперь я навѣщаю васъ въ вашихъ комнатахъ, и меня это приводитъ въ восхищеніе. Я знаю, что вы за меня молитесь; но мнѣ отрадно видѣть мѣста, гдѣ вы молитесь. Нашелъ я также въ вашей спальнѣ мою физіономію; не знаю, похожа ли она, но Ковальковъ объ этомъ очень старался. Милый молодой человѣкъ, какъ я его люблю! Какъ родного сына! Дѣйствительно, Самъ Господь мнѣ его даровалъ, какъ вамъ ужъ извѣстно. Онъ теперь покоенъ подъ покровомъ Святой Дѣвы, благословившей событіе, происшедшее въ Коссе. Все это свершилось истинымъ чудомъ. Кромѣ меня, никто еще про это не знаетъ, и г-жа Плещеева нашла нужнымъ не увѣдомлять еще объ этомъ г-на Плещеева. Ни дочери вашей, ни княгинѣ объ этомъ еще ничего неизвѣстно.

Намедни я вамъ послалъ много газетъ и письмо г-жи Плещеевой, но за недосугомъ не написалъ вамъ даже и двухъ словъ. Такое было время.

Я получилъ письмо отъ Беркгейма изъ Страсбурга. Онъ встрѣтилъ крестьянку изъ Палатината, по имени Анна-Марія Веллеръ, которая послѣ молитвы впадаетъ въ экстазъ, и онъ былъ очень тронутъ тѣмъ, что̀ она ему сказала. Она проповѣдуетъ во всѣхъ жизненныхъ затрудненіяхъ прибѣгать къ Кресту Господню, поклоняться кресту въ глубинѣ сердца, духомъ и истиной, но непремѣнно подъ игомъ Спасителя, и что ни одинъ изъ чтимыхъ Церковью Святыхъ не достигъ Святости инымъ путемъ. Она сказала Беркгейму, что возлѣ него два ангела, одинъ ангелъ Господенъ, влекущій его къ добру, ободряющій его и утѣшающій, а другой—ангель-искуситель, соблазняющій его на зло. Этотъ не можетъ переносить видъ креста, отъ котораго онъ бѣжитъ, и тогда доброму ангелу ничего не мѣшаетъ дѣйствовать на Беркгейма

силой благотворной любви: живое слово въ немъ зарождается, растетъ, зрѣетъ въ его сердцѣ. Посѣянныя въ немъ врагомъ плевелы засыхаютъ въ корнѣ отъ непрестаннаго дѣйствія лучей Христовой любви, что онъ самъ, не зная какъ, преобразится въ другого человѣка, что онъ полюбитъ ближнихъ до самоотверженія, не жалѣя своей жизни для ихъ спасенія. Она повторяла, что какъ бы ни была чиста молитва, если онъ не возноситъ ее къ Кресту Спасителя, врагъ можетъ проникнуть въ него подъ видомъ свѣтлаго ангела и что только крестъ Богочеловѣка въ силахъ изгнать его. Г-нъ Беркгеймъ кончаетъ свое письмо такими словами: «Маменька была бы отъ нея въ восторгѣ!» Мнѣ хотѣлось вамъ сказать только нѣсколько словъ про эту женщину, а между тѣмъ я списалъ вамъ, хотя и не по порядку, но почти все письмо Беркгейма, въ полной увѣренности, что вамъ это будетъ пріятно.

Вамъ извѣстно, сударыня, что я ни у кого не бываю въ городѣ, кромѣ людей того маленькаго кружка въ которомъ я живу; но мнѣ представилась пріятная необходимость познакомиться съ дамой, недавно пріѣхавшей изъ Швейцаріи. Это г-жа Потемкина, сестра князя Андрея Голицына. Она очень больна, почти въ чахоткѣ, но какое сердце! Вся въ нашемъ Спасителѣ! Сердце ея пламенѣетъ къ Нему самой чистой любовью. Она, повидимому, всегда была влекома къ Нему и представляетъ собою избранный сосудъ; но недавно, во время своего пребыванія въ Женевѣ, она встрѣтилась со слугами Господа, которые были ей очень полезны. Въ настоящее время Женева богата проповѣдниками чистаго Евангелія: Мулини, другъ Емпотакса, Госсинъ и Миланъ. Однако, перваго она тамъ не застала, но отъ остальныхъ двоихъ она пріяла благотворную для себя духовную пищу. Она мнѣ передала нѣсколько трактатовъ и проповѣдей этихъ двухъ послѣднихъ лицъ дѣйствительно замѣчательной силы, хотя Женевское правительство и запретило Мулини проповѣдывать. Его считаютъ неискреннимъ, потому, что онъ только недавно обратился, и его подозрѣваютъ въ лукавствѣ и притворствѣ. Теперь это въ модѣ: всѣхъ обращающихся къ Богу грѣшниковъ обвиняютъ въ притворствѣ. Не будучи въ силахъ удержать въ своихъ когтяхъ добычу, сатана пачкаетъ ихъ въ глазахъ христіанъ, чтобъ лишить обращенныхъ всякой поддержки и довести ихъ этимъ до отчаянія. Часто отвѣчаю я услужливымъ людямъ, стремящимся внушать мнѣ недовѣріе къ лицемѣрамъ, какъ они ихъ называютъ, что Одному Богу подлежитъ знать то, что таится въ глубинѣ ихъ души, а что я довольствуюсь и тѣмъ, что дѣйствія ихъ не противорѣчатъ ихъ словамъ. Впрочемъ, въ практикѣ внутренняго христіанства, невозможно долго лицемѣрить: никакой отъ этого нѣтъ выгоды человѣку, притворство котораго не можетъ не обнаружиться. О, какъ мало людей, явля-

ющихся истинными слугами Христа, и этихъ немногихъ подвергаютъ такому осужденію, что наконецъ и между ними нѣтъ связи. Я, мнѣ кажется, вамъ ужъ говорилъ, что я въ этомъ вижу тактику врага, стремящагося къ разъединенію. Это его конекъ, ибо онъ гордъ и знаетъ, что въ союзѣ сила, а такъ какъ сатана дѣлается старъ и боится конца своего царствія, то это одна изъ его послѣднихъ хитростей: бороться въ отдѣльности съ каждой душой, внушая намъ недовѣріе другъ къ другу и порождая подозрѣніе въ правильности избраннаго пути ко спасенію нашими братьями и придирками къ внѣшнимъ формамъ и пр. Ахъ, предоставимъ Богу судъ и будемъ любить, молиться и бодрствовать. Да пребываетъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ съ нами и въ насъ!

P. S. Появился новый Грауманъ, совершенно въ одномъ духѣ со Штиллингомъ, подъ именемъ Желаноръ, и онъ начинаетъ съ 31 или 33-го канта, чтобъ продолжать тамъ, гдѣ Юнгъ остановился.

26.

Вступая въ Страстную седьмицу страданій нашего Господа, я ощущаю потребность вамъ писать, сударыня, чтобъ съ вами соединиться духомъ и слѣдовать на колѣняхъ за божественнымъ Спасителемъ по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ Іерусалима, гдѣ святое Тѣло его было подвержено мукамъ, а душа Его опечалена безконечною любовью къ роду человѣческому. Мнѣ хочется остановиться съ вами въ оливковомъ саду, гдѣ нашъ божественный Спаситель творилъ таинственную молитву, заставившую Его проливать столько пота и крови. Молитесь за меня, чтобъ и мнѣ тоже молиться и чтобъ ангелъ мой хранитель помогъ мнѣ осилить сонъ, во время Его смертельнаго томленія передъ мучительной смертью, за который Онъ своихъ учениковъ упрекалъ. Сегодня, въ святую Середу, готовясь къ исповѣди, я молю Господа, чтобъ Онъ далъ мнѣ раскаяніе и дозволилъ бы мнѣ поклониться Ему въ оливковомъ саду и причаститься святою кровью, пролитою въ этомъ саду и омыться въ Его поту, пролитомъ также и для меня, бѣднаго грѣшника. Завтра, въ день святой вечери, я надѣюсь приблизиться къ Святой трапезѣ. Надѣюсь, что молитвы моихъ братьевъ и сестеръ во Христѣ, помогутъ мнѣ не быть отъ нея отвергнутымъ, не взирая на всю мою недостойность. Уповаю на предстательство Святой Дѣвы, св. Іосифа, сонма ангеловъ, херувимовъ, архангеловъ и серафимовъ и моего ангела-хранителя, что Господь меня приметъ и хотя брачной одежды у меня нѣтъ, но Онъ все можетъ, и Онъ такъ любитъ грѣшныя, раскаивающіяся и

жаждущія спасенія, души. Да, сударыня, я жажду Тѣла и Крови моего Спасителя, я молю Его, чтобъ св. Причастіе превратило меня въ младенца, чтобъ Онъ очистилъ мое сердце и воздвигъ бы въ немъ Іерусалимскій храмъ для поклоненія Ему въ духѣ и въ истинѣ.

Мы готовимся къ Причастію съ г-жей Плещеевой (у которой болитъ глазъ, почему она вамъ не пишетъ), съ Катишей, Ковальковымъ, г-мъ Кошелевымъ и съ моимъ братомъ Кологривовымъ.

Простите мнѣ мои прегрѣшенія передъ вами и присоедините ваши молитвы къ моимъ, дабы Господь помогъ мнѣ бороться съ моими врагами, чтобъ Онъ вооружилъ насъ Своимъ святымъ словомъ, какъ мечемъ. Врагъ силенъ, но тотъ, Которому мы желаемъ служить, сильнѣе его. Будемъ надѣяться и любить.

27.

Нашъ дорогой Государь былъ посѣщенъ болѣзнью и хотя ему легче, тѣмъ не менѣе онъ не выходитъ изъ своихъ покоевъ и неизвѣстно, когда выйдетъ. Наканунѣ 30-го Января онъ почувствовалъ сильный ознобъ и, не взирая на это, выѣхалъ въ сильную непогоду и, какъ всегда, въ открытыхъ саняхъ. Лихорадка усилилась; вернулся онъ въ городъ въ каретѣ и отъ открывшейся на ногѣ рожи не могъ самъ подняться по лѣстницѣ во дворцѣ. Его донесли на рукахъ до его постели, и съ этихъ поръ онъ лежитъ. Лихорадка прекратилась, а также и рожа, вмѣсто которой открылась рана на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она была ушиблена нѣсколько лѣтъ тому назадъ при паденіи. Теперь онъ ужъ можетъ сидѣть, но не въ состояніи ходить отъ раны, изъ которой идетъ матерія. Вотъ ужъ два дня, какъ онъ началъ работать, но не по прежнему; ему нужно беречь силы, ослабѣвшія отъ лекарствъ и діэты. Увѣдомляю васъ объ этомъ подробно, во-первыхъ потому, что все, что касается Государя, васъ интересуетъ, а во-вторыхъ для того, чтобъ вы молились объ его выздоровленіи и о томъ, чтобъ, какъ душа его, такъ и тѣло использовали во благо ниспосланное ему испытаніе. Передайте эти подробности баронессѣ Беркгеймъ, княгинѣ и м-ль Маурeръ, дабы онѣ присоединили свои молитвы къ моимъ. Какъ вы должны были быть счастливы, свидѣвшись съ вашею дочерью и съ княгиней; а такъ какъ въ вашемъ шествіи къ спасенію вамъ надо проходить черезъ очистительныя страданія, м-ль Мауреръ мнѣ пишетъ, что васъ мучитъ путешествіе въ Крымъ. Надо молиться, чтобъ Господь вложилъ вамъ въ сердце Свою волю. Это рѣшеніе замѣчательно. Если можно, сообщите мнѣ, пожалуйста, какія у васъ будутъ указанія касательно этого путешествія.

23 Января 1824.

28.

Я предвидѣлъ, что будетъ очень затруднительно сохранить въ тайнѣ ваше пребываніе; но съ другой стороны я надѣялся васъ увидѣть, а теперь я надѣюсь на это, когда вы пріѣдете сюда, чтобъ пуститься въ дальнѣйшій путь. Я просилъ княгиню такъ устроить, чтобъ это было не очень далеко отъ города, чтобъ мнѣ можно было съ вами свидѣться, поцѣловать у васъ руки и получить отъ васъ тотъ поцѣлуй въ лобъ, который вы называете христіанскимъ поцѣлуемъ.

Что же касается до моего будущаго назначенія, которое вы предвидите тоже въ Крыму, буду ждать исполненія воли Божіей; ибо общественныя положенія меня не прельщаютъ, а скорѣе тяготятъ, и я надѣюсь, что когда воля Его проявится, я буду свободенъ помышлять только о спасеніи моей души. Пишу вамъ сегодня мало, потому что г-жа Плещеева проситъ меня отправить вмѣстѣ съ моимъ ея письмо, и пора отсылать ихъ на почту. Молитесь за меня и вѣрьте, что я къ вамъ, какъ всегда, привязанъ во Господѣ.

В. Къ княгинѣ Аннѣ Сергѣевнѣ Голицыной *).

1.

Чувства мира и благоговѣнія, испытываемыя вами у подножія Св. Креста, передались и мнѣ, дорогая княгиня. Я прочиталъ ваше письмо г-жѣ Плещеевой, которая очень была ему рада; она поручаетъ мнѣ передать вамъ свой нѣжный привѣтъ и поручаетъ себя вашимъ молитвамъ.

Я вамъ очень благодаренъ за подробности о вашемъ выѣздѣ изъ города, объ испытанныхъ вами ощущеніяхъ и о положеніи, въ которомъ вы находитесь; увѣренъ, что Господь васъ духовно и тѣлесно поддержитъ, но, говоря по человѣчески, описаніе вашего дома заставляетъ меня опасаться за здоровье столькихъ людей, близкихъ моему сердцу, но такъ какъ они еще дороже Господу, чѣмъ мнѣ, то Онъ съумѣетъ сохранить ихъ отъ зла.

---

*) Княгиня А. С. Голицына (1774—1838), внука того Всеволожскаго, который былъ однимъ изъ пособниковъ Екатерины Великой при восшествіи ея на престолъ, получила извѣстность подъ именемъ княгини Горной (la Vielle du Rocher). Отъ супруга своего князя Ивана Александровича (1783—1852), который былъ на 9 лѣтъ ея моложе, дѣтей она не имѣла. Первое изъ писемъ къ ней, здѣсь помѣщаемыхъ, писано, когда она еще жила въ Петербургѣ и на своей дачѣ подъ Петергофомъ. П. Б.

Нѣтъ у меня никакихъ извѣстій изъ вашего городскаго дома. Не знаете ли вы, являлся ли туда какой нибудь посланецъ или нѣтъ? Я вижу мало людей, но слышалъ, будто многіе свѣтскіе люди не одобряютъ высылку баронессы, послѣ сношеній, въ которыхъ съ нею были. Впрочемъ мнѣ про это не говорятъ. При встрѣчѣ со мной, у генералъ-губернатора былъ торжествующій видъ, и я нахожу, что къ нему подходитъ какъ нельзя лучше написанный на него баронессою стихъ.

Я хотѣлъ писать вамъ на другой день вашего отъѣзда, но столько дѣлъ помѣшало мнѣ это сдѣлать, что если бъ я послалъ вамъ ихъ перечень, вамъ прискучило бы его читать. Надѣюсь получать отъ васъ извѣстія время отъ времени, не взирая на недостатокъ акуратности въ моихъ отвѣтахъ. Надѣюсь, что Господь дозволитъ мнѣ пріѣхать къ вамъ въ Пятницу пораньше и если ничто мнѣ не помѣшаетъ, я выѣду отсюда въ девять часовъ, чтобъ поспѣть къ вашей молитвѣ, но не ждите меня и не нарушайте вашихъ порядковъ для меня.

Поручаю себя вашимъ молитвамъ вообще и въ частности; вѣрьте въ мою къ вамъ преданность въ Іисусѣ Христѣ. 19 Марта.

Князь Александръ Голицынъ.

2.

Петергофъ, 22 Іюля 1829.

Посылаю вамъ, дорогая княгиня, смѣту, которую по моему приказанію, сдѣлалъ архитекторъ Монферранъ, начертавшій планъ дома *). Онъ говоритъ, что не можетъ знать цѣну матеріала и высчиталъ только количество, смѣту же всей стоимости сдѣлаетъ вамъ архитекторъ, которому вы поручите стройку. Я раздѣлилъ эту смѣту на двѣ части. Если вы найдете это слишкомъ дорого, можно будетъ приготовить матеріалъ для службъ, а во время ихъ стройки, въ будущемъ году, приготовить матеріалъ для дома:. это будетъ сноснѣе для моего кармана. Будьте же такъ добры прислать мнѣ смѣту стоимости службъ и смѣту дома и скажите мнѣ, сколько мнѣ прислать денегъ и въ какое время года. Надо также посмотрѣть, дозволитъ ли помѣщеніе выполнить нѣкоторыя легкія измѣненія въ планѣ и представить объ этомъ замѣтку Монферану, чтобъ съ нимъ посовѣтоваться. Имѣю къ этому еще прибавить, что хотя на планѣ двѣ лѣстницы, одна въ башню, а другая

---

*) Этотъ домъ на Южномъ берегу Крыма, въ Гаспрѣ или Александріи, строился много лѣтъ, и князь Голицынъ поселился въ немъ только въ 1842 году, когда уже не было въ живыхъ княгини Анны Сергѣевны, которая по сосѣдству въ Кореисѣ проявляла большую хозяйственную дѣятельность. П. Б.

потайная, въ комнаты моей сестры, но мнѣ нужна только первая, а вмѣсто второй надо сдѣлать ватерклозетъ, и такимъ образомъ матеріалъ долженъ быть расчитанъ на одну лѣстницу.

Не знаю, устраиваетъ ли васъ мой планъ сада, для котораго нужны двѣ платформы, одну повыше для цвѣтника, а другую на нѣсколько ступеней ниже, для аллей. Благодарю васъ за купчую; я нахожу, что это не дорого и я васъ уполномочиваю, если Татары уступятъ, купить все пространство, доходящее до моря, потому что было бы непріятно имѣть чужую землю между моими владѣніями и моремъ. Если вся эта земля мнѣ будетъ принадлежать, можно будетъ сдѣлать, какъ и означено на планѣ, террассу, спускающуюся къ морю. Необходимо также мѣсто для огорода, съ домомъ для садовника. Боюсь вамъ надоѣсть этими матеріальными подробностями среди вашего восхищенія и наслажденія прекрасной природой; но вы должны принести эту жертву дружбѣ. Безъ васъ мнѣ ничего нельзя было бы отсюда сдѣлать, и во всякомъ случаѣ, пока все не будетъ готово, мнѣ было бы очень трудно у васъ поселиться. Надѣюсь, что вы получили деньги за купчую, я прислалъ вамъ тысячу рублей, а теперь вы у меня просите 165, оставьте у себя на будущія траты лишнее.

Теперь разскажу вамъ, чѣмъ я занимаюсь. Вамъ извѣстно, что мнѣ поручены царскія дѣти на время отсутствія Ихъ Величествъ, а также дѣти великой княгини Елены Павловны. Теперь Ихъ Величества вернулись изъ Берлина и изъ Варшавы, и миссія моя окончена. Дѣти эти меня чрезвычайно занимали, и мы очень подружились. Мы остаемся въ Петербургѣ до 5-го Августа, а затѣмъ дворъ, вѣроятно переѣдетъ на Елагинъ островъ. Вы меня насмѣшили вашимъ желаніемъ для меня опалы. Предоставимъ Господу Богу даровать мнѣ возможность достигнуть покоя, котораго я жажду и который я считаю для себя необходимымъ между публичной жизнью и загробной. Приготовимъ все, что̀ нужно для моего гнѣзда, и Господь все устроитъ къ лучшему; ибо, по правдѣ сказать, я предвижу много затрудненій для полученія отставки. Военныя дѣла идутъ хорошо, и вамъ это, вѣроятно извѣстно раньше, чѣмъ намъ. Дибичъ перешелъ Балканы. Прощайте, будьте здоровы и молитесь за меня.

P. S. Ваше порученіе переговорить съ графомъ Бенкендорфомъ о кражѣ вашего ломбарднаго билета я исполню, когда онъ вернется изъ своего Ревельскаго имѣнія, куда онъ поѣхалъ тотчасъ по возвращеніи съ Царемъ изъ Берлина. Что же касается до почтовой конторы въ Ялтѣ, никогда Воронцовъ мнѣ не писалъ объ этомъ офиціально, и я просилъ Булгакова, который съ нимъ въ перепискѣ, сообщить ему, что если онъ

желаетъ, чтобъ я тамъ устроилъ почтовое бюро, онъ долженъ меня объ этомъ увѣдомить.

Пользуюсь случаемъ, чтобъ поблагодарить васъ, княгиня, за выписки изъ писемъ, которыя вы мнѣ сообщили. Христіанскія чувства принцессы Радзивиллъ замѣчательны, и вообще, по всему, что̀ я слышу, духъ въ Пруссіи совершенно измѣнился и тамъ почти всѣ сдѣлались религіозны. Испытанія 12-го года принесли весьма благодатные плоды для этого государства и на немъ ощущается Божеское благословеніе. Письма вашей сестры [1]) тоже меня очень заинтересовали. Надѣюсь съ нею когда нибудь поближе познакомиться. Когда пріѣдетъ она къ вамъ? Княгиня мнѣ также говорила про мадамъ Лангалери; но она, кажется еще не рѣшилась. Тысячу привѣтствій барону [2]) и м-ль Мауреръ.

3.

С.-Петербургъ, 12 Марта 1829.

Спѣшу вамъ писать съ этой почтой, дорогая княгиня, потому что, увѣдомивъ барона о проявившемся у насъ въ Петербургѣ феноменѣ, я не могъ сдѣлать это подробно и не хочу оставлять его въ недоумѣніи. Это дѣйствительно феноменъ: нѣкая дѣвица Турчанинова, дворянскаго происхожденія. Излечиваетъ она взглядомъ и начала съ горбатыхъ, а теперь лечитъ паралитиковъ, разстроенные нервы, глазныя болѣзни и даже глухонѣмыхъ. Прежде всего разскажу вамъ про горбатыхъ. Къ ней приводятъ дѣтей (старше 17-ти лѣтъ она не пробовала лечить); съ минуту времени она на нихъ пристально смотритъ и тотчасъ эти дѣти начинаютъ ощущать разнообразныя потребности, которыя надо немедленно удовлетворять: напримѣръ, иногда они просятъ, чтобъ ихъ тянули за руки и за ноги, иногда, чтобъ ихъ колотили по горбу деревянными молотками, чтобъ ихъ прищемляли между дверями, и имъ все это недостаточно. Я видѣлъ худенькихъ и тощихъ горбатыхъ дѣтей, которыхъ тянули въ разныя стороны по десяти человѣкъ съ каждой стороны и которыя при этомъ кричали, чтобъ тянули сильнѣе, весьма довольные тѣмъ, что послѣ такой операціи они чувствуютъ себя лучше, горбы ихъ уменьшаются, шея освобождается, плечи опускаются и самое лицо измѣняется; какъ вамъ извѣстно, у всѣхъ горбатыхъ нижняя часть лица немного треугольникомъ. Я видѣлъ сына генерала Толя, явившагося къ ней, съ одной ногой короче другой, и черезъ мѣсяцъ нога такъ удлиннилась, что онъ не носитъ больше высокаго каблука, служившаго для

[1]) Княгини Софьи Сергѣевны Мещерской. П. Б.

[2]) Бергейму. П. Б.

уравненія обѣихъ ногъ *). Сынъ г-жи Скарятиной страдалъ тѣмъ же недугомъ, и теперь ему гораздо лучше. Множество дѣвицъ изъ общества пріѣзжаютъ къ дѣвицѣ Турчаниновой для леченія кривобокости и т. п.

Я спрашивалъ у г-жи Турчаниновой о силѣ, дѣйствующей на этихъ дѣтей, и она отвѣчала мнѣ, что ее можно сравнить съ насосомъ, извлекающимъ жизненную силу въ природѣ, чтобъ передавать ее, посредствомъ взгляда, больнымъ и что сила эта дѣйствуетъ разрушительно на болѣзнь и возстановляетъ порядокъ въ разстроенное дурными соками или какимъ нибудь несчастнымъ случаемъ тѣло. Во время пароксизма больной повелѣваетъ, и она не можетъ не исполнять его требованій. Я разспрашивалъ дѣтей, и они иногда объявляютъ, что чувствуютъ, какъ жилы у нихъ распутываются, кости смягчаются, соки текутъ по рукамъ и по ногамъ, чтобъ выйти наружу всевозможными испареніями. Пароксизмы продолжаются иногда полчаса, иногда часъ и долѣе (одна дѣвица находилась въ этомъ положеніи цѣлыхъ семь часовъ), и когда они чувствуютъ, что природа ничего больше не требуетъ, они сами говорятъ: «кончено», и уходятъ одѣваться, потому что во время пароксизма тѣло должно быть обнажено по поясъ. Она лечитъ двухъ глухонѣмыхъ, изъ которыхъ я одного видѣлъ; онъ начинаетъ слышать и различаетъ звуки музыки. Довольно, тороплюсь въ комитетъ и сегодня ничего къ сказанному не прибавлю. Прощайте, думайте о моемъ устройствѣ; давно ужъ вы мнѣ ничего о немъ не говорите. Передайте пожалуйста мое описаніе вашимъ.

4.

С.-Петербургъ. 28 Февраля 1833.

Вы мнѣ пишете, дорогая княгиня, что думаете увеличить строенія для службъ и хотите мнѣ прислать планъ этихъ измѣненій; но я боюсь, чтобъ ожиданіе моего отвѣта не задержало стройку и прошу васъ все это сдѣлать по вашему усмотрѣнію: у васъ такъ много вкусу и все это вамъ извѣстнѣе, чѣмъ мнѣ. Прилагаю къ сему копію съ письма министра внутреннихъ дѣлъ, изъ котораго вы увидите, что правительству разрѣшено войти съ вами въ сношеніе по поводу покупки земли, а потому прошу васъ это сдѣлать и прислать мнѣ для утвержденія актъ на владѣніе этого участка, который вы получите съ прочими документами о покупкѣ его. По мнѣнію г-на Блудова, я не могу считать своею собственностью фонтанъ, который представляетъ собою правительственное учрежденіе для общаго пользованія. Говорятъ, что въ вашихъ стра-

*) Это графъ Константинъ Карловичъ. П. Б.

нахъ холодъ ощущается въ этомъ году сильнѣе обыкновеннаго и что Одесскій портъ опять замерзъ. Отражается ли это у васъ? Здѣсь, у насъ 15 градусовъ каждый день; но, слава Богу, здоровье мое довольно хорошо, а между тѣмъ вѣдь я становлюсь старъ: мнѣ минуло въ прошломъ Декабрѣ 59 лѣтъ. Ожидаю отъ васъ отвѣта на вопросъ, когда будетъ готово мое жилище? Вамъ, можетъ быть, затруднительно мнѣ на это отвѣчать, но мнѣ хотѣлось бы по крайней мѣрѣ приблизительно знать, когда можно будетъ жить въ службахъ. Кромѣ вещей, посланныхъ мною черезъ г-на Мальцова, туда отправятъ часы для башни моего замка, и г-нъ Всеволожскій, у котораго ихъ дѣлаютъ, будущимъ лѣтомъ, нарочно посылаетъ знающаго человѣка, чтобъ установить ихъ на мѣстѣ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ вы прислали мнѣ рисунокъ для доски и размѣръ ея, чтобъ вырѣзать на ней названіе моего помѣстья, Александрія. Изъ чего сдѣлать эту доску: изъ бронзы или изъ мѣди?

Я не замедлю просить г-на Дашкова относительно вашихъ двухъ духовныхъ завѣщаній, но онъ только недавно получилъ то, которое было положено въ Ломбардъ.

Вашъ племянникъ князь Мещерскій очень опечалился вашимъ неудовольствіемъ на него за его отказъ отъ мѣста, предложеннаго ему графомъ Воронцовымъ; но вамъ надо было бы войти въ его положеніе. Съ тѣхъ поръ, какъ его постигла нѣкотораго рода немилость, ему нельзя оставить военную службу, особенно теперь, когда дѣло его начинаетъ принимать болѣе благопріятный для него оборотъ. Онъ говорилъ мнѣ, что писалъ вамъ все это. Увѣряю васъ, что ему ничего такъ не хочется, какъ вамъ угодить; но положеніе его щекотливо, и онъ долженъ вернуть себѣ милость Государя. Мнѣ кажется, что онъ правъ, поступая такимъ образомъ, и онъ тогда только успокоится, когда вы докажете ему, что не сердитесь на него. Мой привѣтъ баронессѣ и барону.

5.

С.-Петербургъ, 9 Мая 1833.

Меня очень насмѣшило ваше послѣднее письмо, дорогая княгиня; но это хорошо, что вы не сердитесь на князя Волконскаго, потому что тотчасъ же послѣ того, вы получили царское дозволеніе, объявленное мною Сенату черезъ министра юстиціи и уже опубликованное по всей Имперіи. Посылаю вамъ номеръ Петербургской газеты, гдѣ вы увидите касающійся васъ приказъ. Князь Волконскій узналъ отъ меня о рѣшеніи Государя, но нашелъ, что надо обсудить это дѣло въ Комитетѣ Министровъ, я же при вторичномъ докладѣ Государю доказалъ Его Величеству, что такого рода вывѣски зависятъ отъ его личнаго усмотрѣнія

и что въ Государственномъ Совѣтѣ обсуждаются только однѣ привилегіи. Государь дозволилъ мнѣ передать его повелѣніе министру юстиціи, и дѣло кончено. Но я не сказалъ князю Волконскому о вашемъ намѣреніи подарить ему 50 бутылокъ вашего вина, предвидя, что вы перестанете на него гнѣваться, когда узнаете, какъ кончилось дѣло и не представится больше надобности вливать въ это вино слабительное, которое вы намѣревались туда влить, и не подвергнете такимъ образомъ насильственному очищенію желудка невинныхъ вмѣстѣ съ виновными, которые будутъ пить ваше вино. Жду изъ Москвы ящикъ съ вашими винами, чтобъ черезъ князя Мещерскаго доставить нѣсколько бутылокъ князю Волконскому на пробу, но до сихъ поръ ничего еще не получилъ. Вы, должно быть, наслаждаетесь чудной погодой, а у насъ еле-еле распускаются на деревьяхъ почки, но съ Мая мѣсяца довольно жарко. Готовлюсь къ разъѣздамъ по царскимъ дворцамъ въ окрестностяхъ Петербурга и провожу половину недѣли въ городѣ за работой. Прощайте, будьте здоровы.

6.

С-Петербургъ, 21 Апрѣля 1833.

Я прочиталъ, дорогая княгиня, Сергѣю Мещерскому то, что̀ до него касается въ моемъ письмѣ, и я нашелъ вашу логику прекрасной; но случай, представлявшійся для него выйти изъ немилости, былъ имъ пропущенъ и, безъ сомнѣнія, это должно для него послужить указаніемъ свыше. Теперь ему остается ожидать другого случая, чтобъ слѣдовать волѣ Божіей. Вижу изъ вашего письма, что вы опасаетесь для меня скуки уединенія въ Крыму. Но вы вполнѣ ошибаетесь; я ищу уединенія всюду, даже среди большого свѣта и дѣлъ. Я одинъ не посѣщаю дворъ по вечерамъ, чтобъ имѣть право отказываться отъ приглашеній въ городѣ. Въ Крыму для меня настанетъ желанное уединеніе, которое будетъ раздѣлять въ моемъ домѣ моя сестра; сосѣдями у меня будутъ вы и ваши, чего же мнѣ больше? Другихъ развлеченій я искать не стану. Вы говорите, что г-жа Плещеева хочетъ къ вамъ пріѣхать; но у нея постоянно увеличивающееся семейство, заботы о дѣтяхъ и объ ихъ устройствѣ. Какъ же ей оставить Петербургъ? Вслѣдствіе этого она принадлежитъ къ числу тѣхъ, которымъ хотѣлось бы удержать меня здѣсь, но все это меня не остановитъ. Самое трудное получить отставку отъ Государя; но я убѣжденъ, что если Господу Богу будетъ угодно, все устроится. Прошу васъ меня увѣдомить, когда все будетъ готово для моего жительства, чтобъ сообразно съ этимъ дѣйствовать здѣсь. Вы полагаете, что мнѣ придется провести еще будущую зиму здѣсь и пріѣхать къ вамъ

къ будущей осени; буду просить Бога о помощи и прошу васъ тоже объ этомъ для меня молиться. Я получилъ вашъ песокъ изъ Кореиса: никто не хочетъ вѣрить, чтобъ это былъ песокъ; думаютъ, что это толченыя фіалки или ирисы и что вы меня мистифицируете. Прошу васъ написать для недовѣрчивыхъ, гдѣ взяли вы этотъ песокъ.

Я отослалъ по вашей просьбѣ сегодня десять тысячъ рублей почтой и уплатилъ г-ну Мальцеву по вашему счету девять тысячъ.

7.

Я получилъ, дорогая княгиня, ваши нѣжные упреки относительно документовъ, которыхъ я вамъ не переслалъ для подписи; но я думалъ, что вы поручите тому самому лицу, кто написалъ вамъ первый документъ, написать и другіе по замѣткамъ министра юстиціи. Жалѣю, что графъ Воронцовъ заставилъ васъ обѣдать позже обыкновеннаго, благодаря двумъ посланнымъ мнѣ видамъ; но виды эти прелестны, и всѣ, кому я ихъ показывалъ, пришли отъ нихъ въ восторгъ и увѣряли, что это снято въ Италіи. Какъ счастливъ я буду любоваться ими въ натурѣ и въ вашемъ любезномъ обществѣ! Надѣюсь, что Господь окажетъ мнѣ эту милость. Когда все у васъ будетъ готово, я начну наводить мои батареи и съ будущей зимы подготовлять путь къ отъѣзду слѣдующей осенью 1834-го года.

Предоставляю на ваше усмотрѣніе крышу; выкрасите ее въ какой хотите цвѣтъ, мнѣ же рѣшать это издали невозможно. Пусть будетъ такъ, какъ вы и графъ Воронцовъ желаете. Я отправилъ часы для одной изъ башенъ и прошу васъ меня увѣдомить, когда вы ихъ получите, потому что г-нъ Всеволожскій, у котораго часы эти дѣлались, хочетъ послать человѣка, чтобъ ихъ установить, а до тѣхъ поръ оставьте часы въ ящикѣ, не распаковывая ихъ. Вы не прислали мнѣ еще размѣръ доски для названія моего зáмка, а ужъ собираетесь оштукатурить наружныя стѣны; не попортится ли штукатурка при вставленіи этой доски? Думаю сдѣлать ее изъ мѣди. Въ нынѣшнемъ году зáмокъ будетъ готовъ; не выслать ли привратника, чтобъ оберегать его? У меня здѣсь проситъ этого мѣста очень хорошій человѣкъ, крещенный Персіянинъ, котораго я давно знаю; онъ служилъ у меня курьеромъ, когда я былъ министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ исповѣданій, а теперь онъ смотрителемъ въ почтовомъ департаментѣ. Если вы находите это нужнымъ, напишите мнѣ и посовѣтуйте мнѣ, какое предложить ему содержаніе, чтобъ онъ зналъ объ этомъ заранѣе. Прощайте, да хранитъ васъ Господь и молитесь за меня.

8.

Петергофъ. 1-го Іюня 1833.

Очень радъ, дорогая княгиня, что вы довольны маленькими часами; надѣюсь, что они будутъ хорошо идти. Вы желаете, чтобъ я нашелъ здѣсь садовника, а я воображалъ, что въ Никитскомъ саду цѣлый разсадникъ садовниковъ, которыхъ можно нанять; это было бы лучше, такъ какъ они знакомы съ мѣстностью. Узнавали ли вы объ этомъ? Если такого не найдется, увѣдомьте меня, чтобъ я могъ обратиться за рекомендаціями лучшихъ здѣшнихъ садовниковъ. Для распланировки сада могъ бы пригодиться садовникъ графа Воронцова; мнѣ говорили, что онъ человѣкъ свѣдущій. Что же касается до чугунной лѣстницы, я объ этомъ еще не думалъ, потому что вы мнѣ не сказали на этотъ счетъ ничего рѣшительнаго, а только выразили мнѣніе, что это было бы красиво, но я не думалъ, что это необходимо, потому что будетъ вѣроятно каменная лѣстница въ башню и другая въ комнаты моей сестры. Чтобъ заказать эту лѣстницу, я долженъ знать, какой она должна быть длины и ширины; прошу васъ мнѣ объ этомъ написать. Очень насмѣшили меня ваши проекты насчетъ моей постели, моего халата и туфлей. Мнѣ кажется, что вы правы и что подъ старость хорошая постель представляется необходимостью. Что же касается до ватнаго халата, то я доставляю себѣ это удовольствіе и здѣсь. Можете устраивать мнѣ какую угодно постель, но отложите попеченіе о вышитыхъ туфляхъ: это слишкомъ напоминаетъ приготовленія къ вѣнцу и для меня совсѣмъ не къ стати, хотя здѣсь старики въ этомъ отношеніи совсѣмъ съ ума сошли. Представьте себѣ, что Обрѣзковъ, Михаилъ Алексѣевичъ, которому 73 года, на дняхъ женился на 22-лѣтней вдовѣ, Полькѣ; а въ Москвѣ, говорятъ, бывшій министръ юстиціи Дмитріевъ женится на вдовѣ сенатора Северина, будучи слишкомъ 70-ти лѣтъ отъ роду. Я замѣтилъ, что всегда есть повѣтрія, и теперь повѣтріе на старческіе браки.

Получилъ купчую и съ удовольствіемъ увидѣлъ множество маленькихъ участковъ земли, которые вы для меня купили и очень дешево, между прочимъ 15 десятинъ лѣса и, хотя все это только приблизительно, тѣмъ не менѣе это должны быть хорошенькія рощицы, и все это округляетъ мои владѣнія. Благодарю васъ также за дорогу, которую вы проложили къ моему зàмку (вѣроятно благодаря новымъ пріобрѣтеніямъ) и безъ которой я не зналъ бы, какъ добраться до моего имѣнія. Если-бъ сосѣди не пожелали пропустить меня черезъ свои владѣнія, мнѣ пришлось бы перелетѣть къ себѣ въ аэростатѣ.

9.

Петергофъ, 7-го Іюня 1833.

Не писалъ вамъ нѣсколько дней, чтобъ быть въ состояніи дать вамъ положительный отвѣтъ на вашъ вопросъ: имѣете ли вы право продавать ваше вино, не записываясь въ гильдію? Министръ юстиціи въ отлучкѣ, и я обратился за свѣдѣніями къ его товарищу графу Панину, отъ котораго до сихъ поръ не получилъ отвѣта. Отвѣтъ этотъ я вамъ сообщу, когда получу его; но не понимаю, что̀ удерживаетъ васъ записаться въ гильдію? Множество дворянъ записаны въ гильдіи, чтобъ имѣть право торговать, и это дозволено Дворянскою грамотою. При Екатеринѣ II графъ Алексѣй Орловъ-Чесменскій былъ записанъ въ 1-ю гильдію, также Всеволодъ Андреевичъ Всеволожскій и многіе другіе. У дворянства свои права, а у купечества свои. Преимущество дворянъ заключается въ томъ, что, пользуясь правами по рожденію, они могутъ, записываясь въ гильдію, пользоваться правами купцовъ. Я получилъ посмертный романъ мадамъ Криднеръ, который мы, по вашему желанію, прочтемъ въ маленькомъ обществѣ, у г-жи Плещеевой; но для этого надо дождаться ея возвращенія изъ Павловска. Я не видѣлъ ея съ Мая мѣсяца. Дворъ въ Петербургѣ, и я только и дѣлаю, что ѣзжу между Петергофомъ и Петербургомъ; половину недѣли я провожу въ Петергофѣ, а другую въ Петербургѣ. Я получилъ проектъ воротъ и мѣрку доски для за̀мка, и я вполнѣ съ вами согласенъ, что надо вырѣзать гербъ надъ воротами, а надпись «Александрія» на столбахъ, но такъ какъ это еще не къ спѣху, вы должны мнѣ дать еще одно необходимое объясненіе: долженъ ли я здѣсь заказать одинъ только щитъ съ гербомъ или также желѣзныя поддержки для щита и для рѣшетокъ воротъ, или вы будете имѣть возможность все это сами пріобрѣсти? Что же касается до чугунной лѣстницы, вы упоминали мнѣ про это вскользь, совѣтуя мнѣ сдѣлать красивую лѣстницу въ столовой, на что я вамъ отвѣчалъ, что это займетъ слишкомъ много мѣста и испортитъ всю комнату, и вы на это ничего не отвѣчали. Если вы считаете необходимымъ сдѣлать вторую лѣстницу, чугунную, во второй этажъ, на мѣстѣ, означенномъ на планѣ, мнѣ кажется, что было лучше, еслибъ вы дали размѣръ этой лѣстницы управляющему Мальцова, который закажетъ ее на ихъ заводѣ, что̀ будетъ во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе; не говоря уже о перевозкѣ, я и въ размѣрѣ могу ошибиться. Вы мнѣ также пишете о мебели; не помню, писалъ ли я вамъ, что я хочу заказать мебель въ Одессѣ. Я писалъ объ этомъ г-ну Марини, который согласился взять это на себя, и я вышлю ему матерію для мебели въ гостиную внизу и для моего кабинета наверху. Мебель будетъ зака-

зана извѣстному столяру въ Одессѣ, въ готическомъ стилѣ, а затѣмъ я напишу ему, чтобъ онъ снесся съ вами, чтобъ узнать, какая еще нужна мебель для дома. Мнѣ хочется, чтобъ гостиная внизу и мой кабинетъ наверху были бы хорошо меблированы; остальное же должно быть просто и опрятно, вотъ и все. Соглашаюсь на ваше предложеніе на счетъ отдѣльной спальни и хорошей постели; если вамъ угодно баловать мои старыя кости, скажите же ему, какая нужна кровать, тюфяки и проч. проч. Обивка, которую я посылаю Марини, состоитъ изъ вышитыхъ по канвѣ моего герба по небесному голубому фону. Драпировки для гостиной уже готовы и находятся у меня; я вамъ ихъ вышлю зимой. Обивка для верхняго кабинета изъ малиноваго дама, и я ее вышлю Марини. Какое длинное письмо! Извините за безпокойство и скучныя подробности, но нельзя иначе, когда приходится письменно толковать о стройкѣ и меблировкѣ и когда нужно, чтобъ все это подходило одно къ другому.

P. S. Передайте, пожалуйста, барону, что я писалъ министру финансовъ, чтобъ выяснить вопросъ о назначеніи ему жалованья; это должно быть какое нибудь недоразумѣніе, и по полученіи отвѣта отъ министра, я немедленно его о немъ извѣщу.

10.

С.-Петербургъ. 9 Марта 1834.

Письмо ваше, дорогая княгиня, о снабженіи провіантомъ Крыма доставило удовольствіе не только мнѣ, какъ всѣ ваши письма, но также и Государю, которому я его прочелъ, и Его Величество остался имъ очень доволенъ. Очень радъ, что мой глухой вамъ полезенъ, и вы хорошо сдѣлали, давъ ему работу въ огородѣ. Что касается до террасы возлѣ дома, чтобъ поддерживать цвѣтникъ, можно отложить на время этотъ проектъ, который мнѣ впрочемъ улыбается, потому что если-бъ только было возможно устроить цвѣтникъ у самаго замка, это вышло бы въ моемъ вкусѣ и подходило бы, какъ нельзя лучше, къ дому въ готическомъ стилѣ. Помните мое обѣщаніе покойной Императрицѣ-матери устроить на склонѣ, въ миніатюрѣ Павловскій садъ; я даже вамъ прислалъ планъ этого сада, но такъ какъ подвижность почвы не дозволяетъ точнаго исполненія этого плана, я былъ бы очень доволенъ, если-бъ можно было сдѣлать по немъ цвѣтникъ, обрамленный двумя крытыми аллеями возлѣ самаго дома. Разумѣется, аллеи эти должны быть не липовыя, какъ въ Павловскѣ: это было бы стыдно для Крыма. Но прежде чѣмъ приниматься дѣлать эту террасу, надо высчитать, сколько

это будетъ стоить и съ которой стороны она будетъ примыкать къ дому. Со стороны моря было бы прекраснѣе и симметричнѣе, остальной садъ былъ бы въ англійскомъ вкусѣ. Крестъ для фонтана удался, и я его уже отправилъ въ Москву къ Мальцеву. Вы получите его съ открытіемъ навигаціи, я надѣюсь. Мнѣ довольно затруднительно устроить украшенія купола молельни; не взирая на всѣ мои объясненія, пришлось заказать модель, которая еще не готова; такъ какъ это совершенно новый трудъ для стекляннаго завода, надо имѣть терпѣніе. Гербы на ворота я заказалъ г-ну Всеволожскому здѣсь; но признаюсь вамъ, что готическій сводъ этихъ воротъ кажется мнѣ слишкомъ голымъ, а потому я заказалъ къ нему украшенія, которыя къ открытію навигаціи не могутъ быть готовы. Что-же касается до чугунныхъ колоннъ, Всеволожскій надѣется, что онѣ будутъ готовы скоро. Рекомендованный вами молодой Галера наконецъ пріѣхалъ и очень мнѣ понравился, онъ мнѣ показался добрымъ малымъ. Г-жа Потемкина предложила ему поселиться у нея, но онъ предпочелъ жить у графа Воронцова, а обѣдать будетъ у Потемкиной. Мы всѣ здѣсь будемъ стараться помочь ему устроить его дѣла. Онъ мнѣ привезъ отъ князя Мещерскаго рисунки, поблагодарите его пожалуйста, они прелестны и прекрасно сдѣланы. Я увѣренъ, что въ дѣйствительности природа прелестнѣе ея изображенія, но это мнѣ даетъ о ней понятіе, которое дополняется моимъ воображеніемъ. Желаю, чтобъ дорога была скорѣе готова, чтобъ можно было пріѣхать въ каретѣ; говорятъ, что работа эта производится очень усердно; дай-то Богъ, потому что верховая ѣзда мнѣ не по лѣтамъ, да я и отвыкъ отъ нея. Вы получите также драпировки для оконъ моего кабинета и для гостиной нижняго этажа. Разумѣется, ихъ не надо вѣшать до дня моего выѣзда, чтобъ не испортить ихъ солнцемъ. Когда наступитъ этотъ день, извѣстно одному Богу! Молю постоянно Его, чтобъ Онъ расположилъ сердце Государя дозволить мнѣ удалиться и надѣюсь выяснить этотъ вопросъ до весны и тогда напишу вамъ что нибудь положительнѣе, но очень прошу васъ объ этомъ не говорить.

Вы такъ меня торопили съ дѣломъ вашихъ духовныхъ завѣщаній; а теперь, съ тѣхъ поръ, какъ я вамъ выслалъ всѣ необходимыя для этого бумаги, вы даже не пишете мнѣ, получили ли вы ихъ.

Г-жа Потемкина рѣшила ѣхать въ Крымъ въ Августѣ мѣсяцѣ и, какъ мнѣ кажется, на этотъ разъ рѣшеніе это окончательное.

Я познакомился съ мосье Ошандо, очень милый человѣкъ; скажите это баронессѣ Беркгеймъ.

*

11.

Петербургъ, 20 Марта 1834.

Простите, дорогая княгиня, что я васъ испугалъ перепиской съ г-мъ Марини. Какъ обитатель Одессы, онъ былъ такъ любезенъ взять на себя заказы всего, что нужно для обстановки зaмка и самъ хотѣлъ туда пріѣхать въ этомъ мѣсяцѣ. Такимъ образомъ я надѣялся, что вы съ нимъ познакомитесь лично. Онъ очень порядочный человѣкъ, и вамъ тогда можно бы вступить съ нимъ въ переписку, если бъ такъ вышло, что вамъ не удастся все обговорить съ нимъ при свиданіи. Я упустилъ изъ виду ваше отвращеніе къ перепискѣ, а такъ какъ здѣсь мы только это и дѣлаемъ, то превратно судимъ о блаженныхъ и мирныхъ занятіяхъ обитателей южнаго берега Крыма. Вы меня спрашиваете, гдѣ, на какой ярмаркѣ я васъ купилъ?... Нѣтъ, милая княгиня, я не довольно богатъ, чтобъ васъ купить (потому что вы безцѣнны), но Господь мнѣ даровалъ ваше сердце, и вы изъ милосердія занимаетесь изготовленіемъ убѣжища для вашего утомленнаго свѣтомъ, стараго друга во Господѣ. Очень радъ, что вы довольны садовникомъ, но вамъ не для чего кричать съ нимъ: у него есть сынъ, который могъ бы передавать ему ваши приказанія. Мнѣ кажется, что вы могли бы ему позволить нанять на будущій годъ 40 рабочихъ, которыхъ онъ требуетъ, работа пошла бы тогда успѣшнѣе. Посылаю вамъ этой почтой шишку Ливанскаго кедра, которую мнѣ подарили и которую я бы попросилъ васъ приказать садовнику посадить въ приличное мѣсто. Посылаю вамъ также два рисунка, одинъ изображаетъ Государя у руля катера, на которомъ онъ везетъ Императрицу въ Кронштадтъ, держа на колѣняхъ великаго адмирала Константина, на другомъ нарисована Императрица съ дочерьми. Я думаю, что вамъ это доставитъ удовольствіе. Присланные мнѣ вами, черезъ князя Мещерскаго, три вида моего замка будутъ вставлены въ рамки, и съ нихъ будутъ сдѣланы литографіи. Всѣ въ восторгѣ отъ этихъ рисунковъ, а въ натурѣ это должно быть много прекраснѣе.

Что касается до анаграмы и проч., я говорилъ объ этомъ кое съ кѣмъ, но здѣсь объ этомъ не имѣютъ понятія, а выписывать изъ Парижа обойдется слишкомъ дорого, и потому я воздержался.

P. S. Мы прочитали Отильду у г-жи Плещеевой; есть мѣста прелестные, но есть пропуски и повторенія; слѣдовало бы все это исправить, но такъ какъ мнѣ некому это поручить, то я отсылаю вамъ назадъ рукопись. Не возмется ли за эту работу мадамъ Беркгеймъ? Ей такъ хорошо былъ извѣстенъ слогъ ея матери, а надо было бы немало потрудиться, чтобъ возстановить послѣдовательность въ этомъ романѣ.

12.

Петербургъ, 13 Апрѣля 1834.

Я получилъ, дорогая княгиня, письмо садовника и планы мѣстности въ томъ видѣ, въ какомъ она теперь и въ томъ, въ какомъ она будетъ, когда будетъ сдѣлано то, что̀ онъ думаетъ сдѣлать. Первый мнѣ далъ правильное понятіе объ этомъ мѣстѣ, а второй мнѣ показался расположеннымъ съ большимъ вкусомъ. Такъ какъ это общій планъ, то понятно, что всего вдругъ по немъ исполнить невозможно и надо начать съ той части, которая поближе къ дому, а впослѣдствіи продолжать дальше. Начать надо съ террасы, которая несомнѣнно будетъ сто̀ить всего дороже для исполненія, которымъ я особенно дорожу, такъ какъ обѣщалъ покойной Императрицѣ непремѣнно устроить маленькій Павловскій садъ возлѣ моего замка. За невозможностью это исполнить благодаря почвѣ, надо ограничиться цвѣтникомъ, планъ котораго я вамъ ужъ послалъ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ клумбы были расположены совершенно по Павловскому плану и чтобъ цвѣтникъ этотъ былъ обрамленъ аллеями изъ какихъ угодно деревьевъ. Прошу васъ самимъ рѣшить, какъ раздѣлить работы по саду, чтобъ не все дѣлать вдругъ, что было бы для меня слишкомъ дорого; но еще разъ повторяю мою просьбу устроить раньше всего то, что̀ возлѣ самаго замка. Въ прошломъ письмѣ моемъ я вамъ писалъ о томъ, чтобъ отложить работу террасы; но вамъ на мѣстѣ виднѣе, и прошу васъ дѣлать, какъ вы найдете лучше. Мы вступаемъ въ Страстную недѣлю и въ день Пасхи надѣемся отпраздновать совершеннолѣтіе Наслѣдника, который по закону, изданному для Царской фамиліи Павломъ Первымъ, принесетъ Государю присягу, послѣ чего будетъ благодарственный молебенъ, а недѣлю спустя, дворянство дастъ великолѣпный балъ въ домѣ Дмитрія Львовича Нарышкина. При молебнѣ я буду присутствовать, но, какъ всегда, отъ бала откажусь.

P. S. При семъ письмо г-ну Кремеру, садовнику, которое прошу ему передать.

13.

Петербургъ, 1 Мая 1834.

Въ послѣднемъ вашемъ письмѣ, вы сообщаете мнѣ, дорогая княгиня, что вы отложили постройку террасъ до будущаго года, а между тѣмъ вы ужъ теперь получили то письмо, въ которомъ я предоставляю все это дѣло вашему усмотрѣнію, зная, какъ близко принимаете вы къ сердцу мои интересы. Вы также пишете, что постройки будутъ окончены осенью, службы вѣроятно? Мнѣ очень хотѣлось бы знать, когда будутъ онѣ обитаемы, думаю, что будущей зимой въ нихъ еще будетъ

сыро, но къ веснѣ слѣдующаго года, надо надѣяться, что можно будетъ въ нихъ жить. Немедленно вышлю вамъ десять тысячъ рублей, которые вы спрашиваете. Марини также сдѣлаетъ кровопусканіе моему кошельку на мебель; ожидаю его письма и благодаря этимъ и другимъ издержкамъ, я въ этомъ году не богатъ. Вслѣдствіе всего этого, отсрочка стройки террасъ, мѣра весьма разумная и вообще, я увѣренъ, что вамъ лучше меня извѣстно что дѣлать, такъ какъ вамъ на мѣстѣ виднѣе все это, чѣмъ мнѣ. Жалѣю очень, что лѣто навело къ вамъ такое множество путешественниковъ, заставляющихъ васъ измѣнять вашимъ привычкамъ. Я заказалъ для васъ очки и вышлю вамъ ихъ, какъ только что они будутъ готовы. Очень радъ, что Марини вамъ понравился, вы теперь не будете меня бранить за это знакомство. Сестра моя благодаритъ васъ за ваши заботы объ ея покояхъ, а такъ какъ княгиня Александра любитъ мою сестру и знаетъ ея вкусы, то можно быть покойнымъ насчетъ комфортабельности ея помѣщенія. Прилагаю къ сему два литографированныхъ экземпляра трехъ видовъ моей дачи, одинъ для васъ, а другой для графа Воронцова, который прошу ему передать отъ меня. Барону посылаю нѣсколько нумеровъ Нѣмецкой газеты Госнера.

P. S. Я уплатилъ подписанный вами счетъ Мальтрофа.

14.

Петергофъ, 2 Іюля 1834.

Право же, дорогая княгиня послѣдняя фраза вашего письма испортила всю любезность предыдущихъ строкъ. Вамъ опять нужно десять тысячъ рублей! Давно ли я выслалъ вамъ эту сумму, да еще Марини за мебель? Знаете ли вы, что мнѣ нечѣмъ будетъ жить нѣсколько мѣсяцевъ, если я вамъ это вышлю. Нельзя ли мнѣ дать отсрочку? Вѣдь эти деньги не нужны вамъ немедленно, а мнѣ тяжело посылать заразъ такія огромныя суммы. Доходы съ имѣній я получаю маленькими суммами, а на эти доходы я и желалъ бы окончить постройку дачи, истративъ уже на это все, что я могъ взять изъ капитала; больше брать боюсь, чтобъ не остаться безъ средствъ по выходѣ въ отставку и когда разсчитывать на жалованье уже нельзя будетъ. А съ уменьшеніемъ процентовъ, доходъ съ капитала очень сократился. Прошу же васъ взять все это въ соображеніе и написать мнѣ, сколько именно вамъ необходимо и къ какому времени. За исключеніемъ брилліантовъ, украшающихъ портретъ Государя, который я долженъ носить, у меня ничего не осталось, что можно было бы обратить въ деньги: орденъ Св. Андрея Первозваннаго и табакерки проданы для замка и мое финансовое поло-

женіе не изъ блестящихъ. Я подожду вашего письма прежде чѣмъ выслать деньги, чтобъ узнать: сколько вамъ именно теперь нужно и какую дадите вы мнѣ отсрочку.

15.

Петербургъ, 25 Января 1835.

Я исполнилъ ваше порученіе, дорогая княгиня, прочитавъ г-жѣ Потемкиной ваше къ ней письмо на счетъ Ошандо. Я говорилъ объ этомъ съ графомъ Нессельроде, и онъ такъ же, какъ и я, находитъ ваше мнѣніе вѣрнымъ и впредъ обѣщаетъ дѣйствовать въ вашемъ смыслѣ, когда придетъ на это время. Я прочиталъ Государю то мѣсто изъ вашего письма, гдѣ вы мнѣ сообщаете о томъ, что вы пишете къ вашей пріятельницѣ Полькѣ и Государь былъ этимъ доволенъ, но когда я продолжалъ дальше о новогоднихъ подаркахъ, онъ промолчалъ; тогда я сказалъ: значитъ, надо мнѣ послать новогодніе подарки моей дорогой княгинѣ? И на это онъ ничего не отвѣчалъ; слѣдовательно я вышлю вамъ маленькую табакерку; хотя новый годъ ужь прошелъ, но лучше поздно чѣмъ никогда. Я, слава Богу, здоровъ, невзирая на измѣнчивую погоду этой зимы, благодаря которой въ городѣ много больныхъ. Мнѣ очень жаль г-на Башмакова, это былъ хорошій человѣкъ и восторженный почитатель южнаго берега Крыма.

P. S. При семъ отвѣтъ графа Завадовскаго.

16.

С.-Петербургъ. 26 Марта 1835.

Мнѣ очень жаль, дорогая княгиня, что я не угодилъ вамъ табакеркой; вы нашли ее слишкомъ прекрасной, но я посылаю вамъ другую попроще, которую не жаль будетъ испортить, роняя ее. У меня слюнки текутъ отъ описанія вашей зимы, и я тотчасъ же птицей бы къ вамъ полетѣлъ, еслибъ мнѣ отворили клѣтку. Надѣюсь однако, что когда Господь даруетъ мнѣ свободу, никто не сможетъ меня удержать здѣсь. Вы меня радуете посадкой болѣе тысячи деревьевъ, но не говорите, какія это деревья, а такъ какъ малѣйшія подробности о моемъ замкѣ меня интересуютъ, то я прошу васъ мнѣ это сообщить. Очень радъ, что вы занимаетесь моимъ садомъ. Планъ мнѣ очень нравится, за исключеніемъ павильоновъ въ Китайскомъ и Турецкомъ вкусѣ, постройку которыхъ можно отложить до моего пріѣзда, тѣмъ болѣе, что они находятся на границѣ моихъ владѣній. Кстати о садѣ; я не видѣлъ въ счетѣ издержекъ жалованье садовнику, а между тѣмъ по контракту надо ему заплатить. Вы, можетъ быть, думаете, что я вышлю ему эти деньги отсюда,

я же расчитывалъ на то, что вы это сдѣлаете, такъ какъ контрактъ съ нимъ у васъ. Прошу васъ платить ему впредъ въ назначенные сроки. Вы до сихъ поръ не присылаете мнѣ бумагу, которую графъ Ярославъ долженъ подписать, а между тѣмъ онъ уѣзжаетъ за границу и проситъ меня переслать ему эту бумагу черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ туда, гдѣ онъ будетъ находиться. Я прочиталъ м-ль Турчаниновой то, что̀ ея касается въ вашемъ письмѣ, и она васъ благодаритъ за ваше доброе къ ней расположеніе. Она очень интересная личность, и я увѣренъ, что она бы вамъ понравилась. Я часто ее вижу и прочиталъ ей также и то, что̀ вы пишите про г-на Раевскаго, котораго она очень нѣжно любитъ, и ваша идея вскрыть ему черепъ очень ее насмѣшила. Я познакомился съ Раевскимъ у м-ль Турчаниновой, онъ интересный человѣкъ и хорошій военный.

17.

Царское Село. 9 Мая 1835.

Не удивляйтесь, что я вамъ пишу съ дачи, дорогая княгиня; привлекла насъ туда не хорошая погода, а отъѣздъ ихъ величествъ съ в. князьями Константиномъ, Николаемъ и Михаиломъ и съ в. княжной Александрой въ Москву. Государь мнѣ поручилъ старшихъ дѣтей и в. княжну Анну, дочь в. князя Михаила и поселилъ насъ здѣсь. Маленькой княжнѣ Аннѣ идетъ только седьмой мѣсяцъ, ея старшія сестры уѣхали съ ихъ матерью. В. княгиня Елена отправилась за границу пить воды, и мужъ ея поѣхалъ съ нею. И вотъ я опять няней. Сегодня первый солнечный день, всю прошлую недѣлю шелъ дождь и раза два было около двухъ градусовъ мороза. Когда я сравниваю нашъ климатъ съ климатомъ южнаго берега, мнѣ дѣлается грустно. Что за нездоровье у васъ было? Это непростительно въ хорошемъ климатѣ. Ради Бога берегитесь, я хочу васъ найти по пріѣздѣ рѣзвой. Это выраженіе старика Тамары, который, ухаживая за своей женой, Итальянкой, называлъ ее своей рѣзвушкой, а она угрюмо отвѣчала ему: «Э, старый дуракъ!»

Что же касается до награды садовнику, о которой упомянуто въ контрактѣ, я не могу отсюда рѣшить, что̀ вы найдете нужнымъ ему дать за его трудъ, но прошу васъ акуратно выплачивать ему жалованье, не дожидаясь, чтобъ онъ его у васъ спрашивалъ, потому что мнѣ будетъ тяжело выплатить ему слишкомъ большую сумму заразъ Благодарю васъ за посадку деревьевъ для тѣни, и мнѣ досадно, что колонны лежатъ и что на фабрикѣ не сказали, какимъ образомъ ихъ ставить. Надо вооружиться терпѣніемъ, и я вамъ очень благодаренъ за ваше правило тратить какъ можно меньше. Съ этой стороны я спокоенъ,

лишнихъ денегъ вы не заставите меня бросить. Я вышлю вамъ пять тысячъ, и вы мнѣ напишете, когда вамъ нужно будетъ еще. Но я не могу этого сдѣлать раньше будущей недѣли, потому что покидаю Царское Село только разъ въ недѣлю, чтобъ ѣздить на засѣданія Государственнаго Совѣта и на ночь возвращаюсь сюда. Здѣсь же у меня денегъ нѣтъ, стало быть надо ждать моей поѣздки въ городъ. Крестъ, изъ-подъ котораго бѣжитъ вода, долженъ производить прекрасное впечатлѣніе, и я очень радъ, что эта ваша идея привлекаетъ васъ въ мой замокъ. Я просилъ г-на Всеволожскаго сдѣлать рисунокъ для воротъ, и я вамъ его вышлю какъ только что онъ будетъ готовъ; это вѣроятно необходимо для обтесыванія камней, которые должны поддерживать чугунный сводъ. Я благодарилъ графа Воронцова за колонны, которыя онъ былъ такъ добръ мнѣ дать и онъ отвѣтилъ мнѣ такой фразой: «былъ бы счастливъ еще болѣе способствовать украшенію прекраснаго зданія, которымъ южный берегъ вамъ обязанъ». Колонны, подаренныя мнѣ графомъ, извлечены изъ его Азовской каменоломни, и вы бы могли употребить ваше краснорѣчіе, чтобъ выпросить у него также ступени для лѣстницы, которыя вы отъ меня требуете изъ чугуна и которыя по мнѣнію г-на Всеволожскаго будутъ нестерпимы лѣтомъ при солнечномъ припекѣ. Я получилъ бумагу для подписи Потоцкаго, которому пошлю ее черезъ графа Нессельроде, такъ какъ я не знаю, гдѣ онъ находится и сомнѣваюсь, чтобъ онъ ее подписалъ.

18.

С.-Петербургъ. 19-го Апрѣля 1835.

Получилъ, дорогая княгиня, ваше письмо о Тимофеѣ уже послѣ отъѣзда графа Ярослава *) за границу, а слѣдовательно ничего не могъ ему передать изъ того, что̀ вы пишете смѣшнаго на его счетъ. Судя по тому, что вы говорите о талантахъ Тимофея, надѣюсь, что скоро убѣдятся, какъ опасно поручать такому существу стройку и что если графъ дѣйствительно расположенъ дать ему отпускную, то онъ поспѣшитъ это сдѣлать. Я не премину поблагодарить графа Воронцова за его подарокъ для моей входной двери; сводъ, увѣнчанный гербомъ, уже вамъ посланъ черезъ Москву, что же касается до лѣстницы, она не будетъ готова ранѣе, какъ къ будущему году. Я говорилъ г-ну Всеволожскому, что обрамлено это должно быть чугуномъ, и я передалъ ему вашъ послѣдній рисунокъ; но онъ находитъ, что чугунная лѣстница отъ солнечнаго припека будетъ нестерпимо жечь ноги, и онъ полагаетъ, что приличнѣе было бы сдѣлать ее изъ того разноцвѣтнаго мрамора,

*) Потоцкаго. П. Б.

который находится на южномъ берегу. Прошу васъ мнѣ сказать, согласны ли вы въ этомъ съ вашимъ кузеномъ; если нѣтъ, сообщите мнѣ это, и я прикажу все дѣлать изъ чугуна. Пугаетъ меня также дороговизна мрамора, о цѣнѣ котораго я не имѣю понятія. Когда графъ Воронцовъ былъ здѣсь, я видѣлъ нѣсколько обращиковъ этого мрамора и между ними были прекрасные. Я спрашивалъ у васъ, нужны ли для двери желѣзныя створки и если да, пришлите мнѣ рисунки, чтобъ я могъ по нимъ ихъ заказать. Не забудьте также размѣръ. Очень сожалѣю, что мой часовщикъ сошелъ съ ума, можетъ быть это пройдетъ, такъ какъ судя по вашимъ словамъ онъ пьетъ. Я, слава Богу, здоровъ; но погода у насъ ужасная. Въ день Пасхи была страшная снѣжная буря, и до сихъ болѣе двухъ-пяти градусовъ тепла нѣтъ.

19.

Царское Село. 15 Августа 1835.

Спѣшу вамъ отвѣтить, дорогая княгиня, что надо оставить проектъ террасъ, во первыхъ потому, что это будетъ слишкомъ дорого стоить, а во вторыхъ, потому, что жаль изъ за нихъ жертвовать прекрасными деревьями, которыя слѣдуетъ тщательно беречь. Полагаюсь въ этомъ вполнѣ на васъ и увѣренъ, что Крамеръ сумѣетъ замѣнить мнѣ чѣмъ нибудь террасы. Вижу, что мои идеи хороши для ровной мѣстности, а не для гористой. Вамъ извѣстно, что мнѣ хотѣлось имѣть эти террасы для маленькаго Павловскаго сада, который я обѣщалъ устроить для покойной Императрицы, но она имѣла также мало понятія о мѣстности, какъ и я самъ, и вышло, что обѣщалъ я, самъ не зная что̀. Террасы эти меня бы разорили до такой степени, что мнѣ нечѣмъ было бы жить до конца моей жизни.

Что касается повара, которому вы протежируете, я напишу вамъ на будущей недѣлѣ, что я могу для него сдѣлать.

Вы прекрасно сдѣлали, предложивъ помѣщеніе г-жѣ Нечаевой, и я буду счастливъ, если здоровье ея поправится у меня; это въ полномъ смыслѣ слова. рѣдкая, во всѣхъ отношеніяхъ, женщина. Но если вы дали ей помѣщеніе садовника, то куда же помѣстили вы его, потому что я не думаю, чтобъ домъ былъ готовъ. Очень радъ, что ваше большое общество осталось довольно Александріей, я тоже отъ нея въ восхищеніи, но все только по разсказамъ, а мнѣ такъ бы хотѣлось ужъ быть тамъ! Это точно обѣтованная земля, въ которую Одному только Господу возможно меня ввести; люди же всѣми силами противятся мнѣ въ этомъ. Если вы еще не получили вашихъ маленькихъ

часовъ, то скоро ихъ получите, потому что я отправилъ вамъ ихъ почтой.

Мой дворецкій, котораго вы называете Савари, не сродни ли Бонопартовскому, и я замѣчаю, что съ тѣхъ поръ, какъ вы его наняли, рыцари, волки и прочая нечисть проникаетъ въ Александрію. Но онъ ли ее привлекаетъ? Прикажите изгнать изъ него бѣса.

Очень благодаренъ Марьѣ Антоновнѣ *) за вышивку, которую она хочетъ сдѣлать на скамеечку въ моей молельнѣ; но долженъ ли я купить коверъ въ молельню или онъ ужъ не нуженъ?

Кстати о молельнѣ, вы не пишете, получили ли вы голубку и будетъ ли она кстати; вы мнѣ также ничего не пишете о желѣзной лѣстницѣ въ столовую, которую я совѣтывалъ вамъ заказать у Мальцова, выславъ ему ея размѣръ. Мнѣ кажется, что, какъ мѣра предосторожности, это будетъ хорошо, такъ какъ обѣ лѣстницы въ моемъ этажѣ деревянныя, и это, въ случаѣ пожара, представляетъ опасность. Мнѣ кажется, что лѣстница въ башню тоже деревянная.

20.

С.-Петербургъ. 12 Ноября, 1835.

За недосугомъ пишу вамъ съ этой почтой всего только нѣсколько словъ, чтобъ отвѣтить на нѣкоторые вопросы въ вашемъ послѣднемъ письмѣ. По поводу Симферопольскаго почтмейстера я приказалъ найти письмо графа Воронцова къ Булгакову, въ кабинетѣ котораго теперь уже сняли печати, наложенные послѣ его смерти и если это будетъ возможно, наградить его въ концѣ года. Можетъ быть, и графъ мнѣ объ этомъ напишетъ, когда узнаетъ о смерти Булгакова. Я увѣренъ, что графъ будетъ его жалѣть, что же касается до меня, то это большая потеря, какъ и для всѣхъ; я мало зналъ людей, о которыхъ бы такъ жалѣли, какъ о немъ. Мѣсто его я долженъ былъ раздѣлить на двѣ части: Петербурскимъ почтдиректоромъ назначилъ помощника покойнаго Булгакова, Прянишникова. Ваше вторичное намѣреніе покинуть Крымъ меня удивило. Можно ли покидать мѣсто, въ которомъ вы устроились и гдѣ живете много лѣтъ, изъ-за какихъ нибудь непріятностей и несправедливостей? Это на васъ не похоже, это искушеніе врага, завидующаго вашему благосостоянію, и я счастливъ, что мысль о моемъ пріѣздѣ на южный берегъ васъ удержала... Нѣтъ, дорогая княгиня, оставайтесь и ждите меня, когда Господу будетъ угодно освободить меня отъ моей службы, чтобъ намъ прожить вмѣстѣ остатокъ нашихъ дней на этомъ свѣтѣ и умереть въ Крыму. Смутные слухи нѣ-

*) Нарышкиной. П. Б.

когда достигли и до меня, но я не хотѣлъ имъ вѣрить. Къ тому же, вы столько сдѣлали добра въ этой странѣ, что уже одно это должно было бы васъ въ ней удержать, презирая маленькія мѣстныя непріятности, отъ которыхъ вы и въ Кіевѣ не можете быть обезпечены. Я сообщилъ моей сестрѣ ваше порученіе насчетъ колецъ для драпировокъ, и она хотѣла сама вамъ объ этомъ написать. Что же касается до драпировокъ въ мой кабинетъ и въ гостиную внизу, я вамъ ихъ выслалъ съ полнымъ приборомъ; но не надо ихъ вѣшать до моего пріѣзда, чтобъ онѣ не выгорѣли отъ солнца. Что̀ касается до Брозина, мнѣ кажется, я вамъ ужъ писалъ, что я его вовсе не знаю, и между нами сказать, я всегда избѣгалъ его изъ-за его связи. Оба ваши письма были прочитаны Государю, и то, которое до него касается, а также и то, гдѣ говорится про Ошандо; но Государь мнѣ сказалъ, что онъ рѣшитъ участь этого послѣдняго съ графомъ Нессельроде, и теперь я не даю покоя графу, чтобъ онъ покончилъ это дѣло. Читая ваше письмо, Государь замѣтилъ, что вы преувеличиваете его достоинства и ваше мнѣ порученіе срѣзать для васъ украдкой пуговицу съ его сюртука вмѣстѣ съ кусочкомъ сукна, разсмѣшило его. Вы забываете, что шалуну-мальчишкѣ, которому вы даете это порученіе, 62 года и что ему ни за что не удалось бы благополучно свершить эту шалость, въ особенности теперь, когда Государь объ этомъ предупрежденъ. Г-жа Потемкина мнѣ пишетъ, что она въ восторгѣ отъ всего, что̀ видитъ и что дѣйствительность превыше описанія. Она пишетъ, что собиралась къ вамъ, но что жаръ ее удержалъ, тѣмъ болѣе, что она должна была ѣхать верхомъ. Вы очень любезны, хлопочете съ Крамеромъ объ устройкѣ мнѣ дешевымъ способомъ маленькаго регулярнаго сада, дѣлайте какъ найдете лучше. Вы спрашиваете у меня, что̀ это за г-жа Муравьева, которую я иногда навѣщаю? Это очень несчастная женщина, жена Артамона Муравьева, замѣшаннаго въ дѣлѣ 25-го Декабря и сосланнаго въ Сибирь. Она за нимъ не послѣдовала, такъ какъ у нея три сына, воспитаніемъ которыхъ она занимается. Въ холерный годъ она потеряла одного изъ нихъ и заболѣлъ другой, котораго доктора приказали перевезти въ Царское Село, и самой съ нимъ тамъ оставаться, поручивъ чужимъ похороны умершаго сына. Въ это самое время я и видѣлъ ее въ Царскосельской церкви, горько плачущей и полюбопытствовалъ узнать: кто эта дама, которая такъ плакала, что когда она поднималась съ колѣней, я видѣлъ не пятна, а цѣлый ручей слезъ на полу. Узнавъ ея имя, я къ ней подошелъ, и мы такимъ образомъ познакомились. Къ довершенію всего, она въ очень стѣсненномъ положеніи; мужъ растратилъ все ея состояніе и, невзирая на близкое родство съ министромъ финансовъ, она терпитъ нужду. Вотъ ея исторія; но мнѣ невозможно

увезти ее въ свой замокъ, какъ вы предлагаете; у меня здѣсь много знакомыхъ и если бы всѣхъ ихъ увозить съ собою, пришлось бы выстроить второй замокъ, на что нѣтъ у меня ни средствъ, ни охоты. Я вамъ уже писалъ о полученіи тысячи рублей, которые я передалъ Ошандо; а затѣмъ я получилъ еще тысячу, которую храню у себя до его отъѣзда, какъ вы приказали, но если Ошандо деньги эти будутъ нужны раньше, я попрошу у васъ позволеніе ихъ ему отдать, потому что если ему дадутъ мѣсто, то выдадутъ и деньги на дорогу.

21.

29 Іюня 1837.

Ваше письмо, служащее подтвержденіемъ слуху, дошедшему до графа Воронцова относительно вашего отъѣзда въ Одессу, печально меня поразило. Онъ полагаетъ, что вы найдете въ этомъ городѣ необходимыя средства для леченія баронессы Беркгеймъ и что вамъ, можетъ быть, не придется ѣхать въ чужіе края. Меня очень огорчаетъ положеніе добрѣйшей мадамъ Беркгеймъ, и я надѣюсь, что Господь ей поможетъ и если бъ только молитвы мои могли ей быть полезны, вы можете быть увѣрены, что въ нихъ недостатка не будетъ. Каждый день молюсь за васъ и за баронессу; но странное дѣло, съ нѣкоторыхъ поръ, молитвы мои за баронессу были горячѣе прежняго. Мнѣ хотѣлось бы знать подробности ея болѣзни. Какъ мнѣ досадно, что вы не увидите Царской фамиліи!

Вы пишете, что поручили мою экономію управляющему графа Воронцова, надѣюсь, что онъ вступитъ со мною въ переписку; я даже не знаю его имени и такъ какъ графъ еще здѣсь, то я попрошу его поручить мои интересы этому человѣку. Сообщите мнѣ, пожалуйста, куда долженъ я адресовать мои письма, мнѣ невозможно будетъ доставлять вамъ ихъ черезъ Крупенникова, если вы поѣдете въ чужіе края. Прощайте, поручаю васъ Господу, да сохранитъ онъ васъ обѣихъ и да вернетъ въ вашъ домъ.

22.

Царское Село. 16 Сентября 1837.

Благодарю васъ, дорогая княгиня, за то, что вы мнѣ сообщаете о жизни вашей въ Вѣнѣ. Судя по вашимъ словамъ, Самъ Господь управляетъ леченіемъ баронессы; впрочемъ вы съ вѣрой на Него возложили всѣ ваши надежды, а Онъ вѣренъ и все устроитъ къ лучшему. Я послалъ вамъ всѣ подробности леченія Присница; получивъ свѣдѣнія эти съ разныхъ сторонъ и желая избѣжать операціи, я поспѣшилъ вамъ все это сообщить, тѣмъ болѣе, что въ Вѣнѣ вы имѣете возможность

узнать всѣ подробности этого способа леченія; но повидимому, это не то, чтò нужно. Хотя вы противъ сонамбулизма, но они имѣютъ возможность видѣть то, чего доктора видѣть не могутъ и вслѣдствіе чего иногда ошибаются. Въ данномъ случаѣ сонамбула не расходится въ мнѣніи съ докторомъ, а потому будемъ надѣяться, что все пойдетъ хорошо. Особенно желаю я, чтобъ вы поторопились вернуться домой, но чтобъ и послѣдовали мнѣнію доктора. Понимаю, какъ вы должны скучать въ вашемъ маленькомъ убѣжищѣ; молитесь чаще, у васъ теперь на это достаточно времени, а это вамъ будетъ всячески въ помощь. Вы просите меня молиться за больную; но съ тѣхъ поръ, какъ я ее знаю, я за нее молюсь, какъ и за васъ. Я бы вамъ посовѣтывалъ написать князю Гогенлое, который находится въ Австрійскихъ владѣніяхъ; адресъ его вы можете узнать. Онъ большой молельщикъ, и часто молитвы его производили должное дѣйствіе; изложите ему болѣзнь баронессы, онъ никогда не отказываетъ и даже назначаетъ день и часъ на общую молитву. Ему пишутъ письма изъ всѣхъ странъ Европы.

Я, слава Богу, здоровъ и все при царскихъ дѣтяхъ до ихъ отъѣзда въ Москву 9-го Октября, куда я за ними не послѣдую, благодаря дурной погодѣ, не дозволяющей мнѣ пускаться въ путь. Съ ними ѣдетъ графъ Бенкендорфъ. Императрица также пріѣдетъ къ 15-му Октября въ Москву, Государь же вернется туда въ Ноябрѣ, и вся царская фамилія пробудетъ, говорятъ, въ Москвѣ до Декабря. Государь съ Императрицей ночевали 13-го этого мѣсяца въ Артекѣ; надѣюсь, что Татьяна пришлетъ мнѣ подробное описаніе этого посѣщенія; 14-го Ихъ Величества были въ Массандрѣ, 15-го въ Оріандѣ, а 16-го и 17-го въ Алупкѣ. 18-го Государь уѣдетъ одинъ въ Керчь, изъ Керча моремъ въ Тамань, 19-го и 20-го онъ будетъ въ Екатеринодарѣ, 22, 23-го и 25-го будетъ моремъ въ Анапѣ, и Поти, затѣмъ въ Мингреліи и въ Имеретіи, въ Грузіи, въ Ахалцыхѣ, въ Арменіи и пріѣдетъ 3-го Октября въ Эривань, оттуда въ Тифлисъ, гдѣ останется 6, 7, 8, и 9-е Октября, оттуда проѣдетъ въ Осетинскую землю, на Кавказъ, пробудетъ въ Ставрополѣ 15-е и 16-е, а оттуда прибудетъ въ Новочеркасскъ, столицу Донскихъ казаковъ, гдѣ онъ найдетъ Государя Наслѣдника, котораго въ первый разъ представитъ казакамъ, какъ ихъ атамана. Затѣмъ Государь пріѣдетъ съ Наслѣдникомъ къ Императрицѣ въ Москву. Императрица же останется на южномъ берегу до 1-го Октября. Ожидаю съ нетерпѣніемъ письма отъ Государя послѣ того, какъ онъ посѣтитъ мой замокъ и сообщу вамъ, чтò онъ мнѣ пишетъ. Манёвры въ Вознесенскѣ удались великолѣпно, Государь былъ чрезвычайно доволенъ и, говоритъ, что Виттъ надѣлалъ чудесъ: онъ настроилъ дворцовъ, насадилъ паркъ и чтобъ вы имѣли понятіе о томъ, чтò происходило въ Вознесенскѣ, посылаю вамъ газету, гдѣ все это описано.

Вамъ надо было бы прислать мнѣ вашъ адресъ, потому что я все посылаю мои письма на имя Крупенникова. Прощайте, примите мои пожеланія для выздоровленія вашей интересной больной. Христосъ съ вами съ обѣими.

Г. Къ барону Беркгейму.

1.

Тысячу благодарностей за вашу выписку, замѣчательно кстати полученную наканунѣ Крещенія. Я не премину прочесть ее Государю при первой возможности, вѣроятно въ Субботу. Попрошу васъ мнѣ также сообщить все, что вы узнаете касательно откровеній Вельша о Священномъ Союзѣ, о которыхъ вы мнѣ пишете въ вашемъ послѣднемъ письмѣ. Г. Кошелевъ былъ очень тронутъ вашими пожеланіями ему и всѣмъ призваннымъ къ дѣлу Божію. Душевно съ вами соединяясь, прошу васъ и всѣхъ вашихъ, не забывать меня завтра въ вашихъ молитвахъ. По случаю церковнаго торжества, я не надѣюсь быть завтра во дворцѣ, развѣ, что пріѣду туда попозже. Весь васъ во Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ. Алекс. Голицынъ.

Четвергъ, 5 Января 1821.

Прошу васъ передать прилагаемый при семъ пузырекъ мадамъ Криднеръ; это настоящая Іорданская вода, присланная мнѣ изъ Іерусалима много лѣтъ тому назадъ.

2.

Посылая вамъ деньги для Вейткнехта, прошу васъ увѣдомить меня о здоровьѣ вашей супруги, вашемъ и княгини. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ очень хотѣлось бы знать ваши намѣренія касательно возвращенія вашего въ городъ и если вы что-нибудь рѣшили, прошу васъ меня объ этомъ увѣдомить съ курьеромъ, который доставитъ вамъ это письмо, а также съ вами ли баронесса Криднеръ. Я уѣзжаю изъ Царскаго послѣ завтра, письмо ваше меня еще застанетъ, и мнѣ хотѣлось бы знать, все ли еще баронесса Криднеръ въ Каировѣ, чтобъ повидаться съ нею на минуту, отправляясь въ городъ. Г. Кошелевъ вернется въ городъ 14-го, и такимъ образомъ я надѣюсь, что мы скоро всѣ будемъ вмѣстѣ.

Вчера у меня не было извѣстій о Леонарѣ, но кажется, что чувствуя себя то лучше, то хуже, онъ все еще борется съ болѣзнью.

Съ нетерпѣніемъ жду съ вами свиданія и только по полученіи вашего письма мнѣ будетъ возможно подумать, какъ это устроить.

Царское Село, 11 Сентября Воскресенье.

3.

С.-Петербургъ. 12 Ноября 1825.

Долго былъ я лишенъ отъ васъ извѣстій, дорогой баронъ, когда наконецъ, получилъ одно за другимъ оба ваши письма, а также письма вашей супруги и княгини; я отвѣчалъ дамамъ и, немного повременивъ, пишу вамъ. Письма ваши удовлетворяютъ мое сердце; вы, повидимому, довольны, наслаждаясь спокойствіемъ, а ужъ и это много для земной жизни. Вы окружены дружественными и одного съ вами духа людьми и такими, которымъ вы благодѣтельствуете, привлекая ихъ къ Господу, подъ чуднымъ небомъ и вдали отъ свѣтскаго шума и суеты. Духъ мира, обитающаго среди васъ, отражается на вашихъ письмахъ; передавайте и намъ Его, время отъ времени. Я ощущаю, иной разъ, большую душевную потребность быть съ вами, но до сихъ поръ для этого не представляется ни малѣйшей возможности. Княгиня увѣряетъ, что не пройдетъ и трехъ лѣтъ, какъ я буду на южномъ берегу Крыма. Господу все возможно, и я ничего не желаю, кромѣ исполненія Его святой воли. Соблазняетъ меня не одинъ только вашъ климатъ; постоянно обитая на Сѣверѣ и даже никогда не путешествуя по южнымъ странамъ, я, признаюсь, не ощущаю непремѣнной потребности мѣнять климатъ, тѣмъ болѣе, что, благодаря Бога, пользуюсь и здѣсь довольно хорошимъ здоровьемъ; но прекрасныя души притягивали бы меня въ страны даже сѣвернѣе Петербурга. Рай на землѣ, это союзъ душъ въ Іисусѣ Христѣ, а здоровье должно быть побочною цѣлью; къ тому же, Изцѣлителю души и тѣла, Христу, ничего не стоитъ даровать мнѣ здоровье, какъ среди морозовъ, такъ и въ вашемъ прекрасномъ Крыму. Не думайте впрочемъ, чтобъ я относился враждебно къ климату, но я желаю прежде всего имѣть существенное, безъ чего ясное небо дѣлается развлеченіемъ, черезъ чуръ сильно привязывающимъ васъ къ внѣшнему, отдаляя отъ сосредоточенія во внутренней жизни.

Мнѣ хотѣлось бы, дорогой баронъ, чтобъ вы мнѣ дали нѣкоторыя подробности о бренныхъ остаткахъ нашей дорогой и милой мадамъ Криднеръ. Оставили ли вы ее въ церковномъ склепѣ или перенесли въ ваше имѣніе и когда именно? Мнѣ хотѣлось бы все это знать повѣрнѣе и гдѣ будетъ она окончательно похоронена. А что намѣревается княгиня дѣлать съ церковью? Выстроитъ ли она ее отдѣльно или въ домѣ? Вашъ южный берегъ войдетъ въ моду съ тѣхъ поръ, какъ Государь пріобрѣлъ Оріанду; говорятъ, что это прелестное мѣсто. Жаль, что у васъ нѣтъ художника: мнѣ такъ хотѣлось бы имѣть видъ вашихъ имѣній и планъ вашихъ домовъ. У насъ до сихъ поръ нѣтъ снѣга и до двухъ градусовъ тепла; благодаря этому, много болѣзней, и самъ я въ насморкѣ, но тѣмъ не менѣе, каждый день захожу къ г-ну Кошелеву,

съ которымъ веду совершенно одинаковый образъ жизни. Здоровье его хорошо, желудокъ дѣйствуетъ, но лѣтомъ силъ у него больше, такъ какъ недостатокъ движенія и свѣжаго воздуха отражается на старомъ и хронически больномъ организмѣ. При семъ отдѣльный листъ съ тѣмъ, что г-жа Кошелева мнѣ для васъ продиктовала, а также два письма, одно отъ барона Лефорта для васъ, а другое отъ г-жи Плещеевой для м-ль Мауреръ. Прошу васъ передать ей мой нѣжный привѣтъ и скажите ей, что я храню къ ней истинную любовь во Господѣ. Поручаю себя вашимъ молитвамъ и прошу не сомнѣваться въ преданности вашего А. Голицына.

4.

С.-Петербургъ, 12 Декабря 1826.

Не знаю, какъ мнѣ передъ вами извиниться за мое долгое молчаніе, дорогой баронъ, но расчитывая на вашу дружбу, я не сомнѣваюсь, что вы увѣрены въ моей къ вамъ привязанности и въ неизмѣнности моихъ къ вамъ чувствъ. Со смерти нашего дорогого Государя Александра, обстоятельства такъ сложились, что у меня еле-еле хватаетъ времени на исполненіе ввѣренныхъ мнѣ обязанностей. Мы получили извѣстіе о кончинѣ Царя 27 Ноября и до 14-го Декабря были внѣ себя. Этотъ роковой день можно назвать счастливымъ: онъ раскрылъ язву, растлѣвавшую Имперію и Господь помогъ Государю Николаю Павловичу остановить дальнѣйшее ея распространеніе и изцѣлить ее. Впродолженіи семи съ половиной мѣсяцевъ занимался я ужаснымъ слѣдствіемъ, одновременно съ другими дѣлами, всегда многочисленными въ началѣ каждаго новаго царствованія, а въ особенности въ настоящемъ, при открытіи ужаснаго заговора, развѣтвленія котораго еще не были извѣстны. Только благодаря Господу Богу хватило у меня силъ вынести тяжелое бремя на меня возложенное, при печали, наполнявшей мое сердце отъ горестной утраты. Въ заключеніе, путешествіе въ Москву на коронацію, со всѣми хлопотами, возложенными на меня, какъ на исправляющаго должность министра двора. Путешествіе это я совершилъ съ ихъ величествами и вернулся съ ними же назадъ. Князь Волконскій, назначенный еще покойнымъ Царемъ министромъ двора, вступилъ въ должность только въ Октябрѣ и тогда наступило для меня облегченіе въ дѣлахъ, но не во всѣхъ; начались засѣданія въ разныхъ комитетахъ, не считая комитетовъ министровъ и Государственнаго Совѣта. Да, недостатка въ занятіяхъ у меня нѣтъ, особенно при кипучей дѣятельности Государя, который никому не даетъ отдыха. Въ послѣдніе годы царствованія покойнаго Государя, я, какъ вы знаете, стремился къ меньшей служебной дѣятельности, въ убѣжденіи, что пора мнѣ заботиться о спа-

сеніи моей души и именно на это употребить остатокъ моей жизни, но, судя по всему, что происходитъ, Господу угодно еще оставить меня на пути Марфы. Ахъ, если бъ Ему было угодно присоединить къ этому путь Маріи и соединить эти два пути къ Его славѣ! Это моя постоянная молитва, ибо неизвѣстно, когда Ему будетъ угодно меня призвать къ Себѣ и надо быть всегда готовымъ. Надѣюсь, что молитвы друзей моихъ, между которыми вы не изъ послѣднихъ, восполнятъ недостающую мнѣ ревность на испрашиваніе у милосерднаго Бога, очищенія моего сердца и да будетъ во всемъ Его воля, а не моя. Я имѣлъ счастье сегодня причащаться. Это день рожденія дорогого нашего Царя Александра, нѣкогда великій для всей Россіи праздникъ и я потщился устроить себѣ сегодня духовное празднество; я приблизился къ святой трапезѣ съ г-жей Плещеевой, въ моей домовой церкви, душевно соединяясь съ душой нашего покойнаго Господина и друга, съ любовью, ибо Спаситель такъ милостивъ къ грѣшникамъ! Какое милосердіе и какое обиліе милосердія предать себя вполнѣ тварямъ еще во плоти и во крови! Довольно о себѣ, буду васъ теперь просить, чтобъ, извинивъ мою неакуратность въ отвѣтахъ на ваши письма, вы сообщили бы мнѣ побольше подробностей о вашемъ здоровьѣ и вообще о складѣ жизни всей вашей колоніи, и о томъ, какъ она поживаетъ. Мы такъ далеко другъ отъ друга, что малѣйшія подробности для меня интересны. Мой привѣтъ Еленѣ Мауреръ и пусть она тоже меня извинитъ за то, что я ей не пишу, объясните ей причины моего молчанія и скажите ей, что я напишу ей въ другой разъ, сегодня же мнѣ это невозможно.

Хотѣлось бы мнѣ также знать о церкви, которую княгиня намѣревалась строить, начата ли она и есть ли какія нибудь предначертанія относительно перенесенія тѣла мадамъ Криднеръ. Кончаю просьбой за меня молиться и вѣрить въ преданность, во Господѣ, вашего вѣрнаго друга.

P. S. Прилагаю къ сему три экземпляра моего портрета, который одинъ художникъ пожелалъ литографировать, онъ не очень похожъ, но все таки напоминаетъ меня. Одинъ изъ этихъ экземпляровъ для васъ, а прочіе для княгини и для вашей супруги.

Г. Кошелевъ шлетъ вамъ нѣжный привѣтъ, здоровье его довольно хорошо, только зрѣніе все слабѣетъ.

5.

Гостилицы, 5 Іюля 1827.

Пишу вамъ изъ имѣнія г-жи Татьяны Потемкиной, гдѣ я со вчерашняго дня. Это прелестное мѣсто и какъ бы вы ни были набалованы Крымомъ; вамъ понравилось бы здѣшнее мѣстоположеніе, которое прелестно, а хозяйка такой ангелъ, что мнѣ здѣсь очень хорошо.

Завтра возвращаюсь въ Царское, откуда и пойдетъ это письмо, отвѣтъ на ваше послѣднее отъ 18-го Мая. Я поспѣшилъ прочитать его Его Величеству и Государь принялъ ваше предложеніе доставить ему ваше произведеніе черезъ меня; какъ содержаніе, такъ и цѣль этого произведенія не могутъ его не интересовать и вы вполнѣ спокойно можете прислать это почтой и на мое имя, въ собственныя руки. Жду съ нетерпѣніемъ прочесть вашу работу, будучи вполнѣ увѣренъ въ ея пользѣ. Мы живемъ въ замѣчательное время и тотъ кому дано прозрѣвать свѣтъ Истины долженъ непремѣнно дѣлиться Имъ, для преуспѣванія Божьяго дѣла, но во время и съ разборомъ. Г. Кошелевъ въ Царскомъ Селѣ, и не взирая на свои 78 лѣтъ онъ прогуливается два раза въ день въ хорошую погоду и состояніе его здоровья довольно хорошо, только изрѣдка безпокоятъ его геморроиды. Онъ любитъ уединеніе и прекрасно его переноситъ, когда я принужденъ покидать его на нѣсколько дней. Молитесь за насъ обоихъ, дорогой баронъ, все располагаетъ васъ къ молитвѣ въ вашемъ прекрасномъ жилищѣ, и спокойствіе, и природа, не то что я, постоянно находящійся на сценѣ, но видно Господу угодно, чтобъ я еще игралъ мою роль. Однако, послѣ обѣда я свободенъ и пользуюсь привилегіей, дарованной мнѣ Государемъ не являться по вечерамъ ко двору. Чрезвычайно дорожу я этой привилегіей, избавляющей меня отъ всѣхъ празднествъ и даже во время коронаціи въ Москвѣ, я появлялся только на обѣдахъ. Теперь здоровье мое хорошо, лѣтомъ оно поправилось; прошлой зимой я страдалъ грудью и вообще платился за все вынесенное въ 1825 году. Невозградимая потеря, испытанная мною, и тотчасъ за тѣмъ семь съ половиной мѣсяцевъ слѣдствія надъ нашими революціонерами, изъ которыхъ приходилось иногда проводить всѣ вечера до часу ночи, въ крѣпости, совершенно растроило мнѣ нервы. Но Господь не оставляетъ меня и мнѣ остается только благодарить Его за Его милости и за спасеніе отъ всякаго зла. Нѣжный привѣтъ отъ г. Кошелева и просьба молиться за насъ усерднѣе, чѣмъ когда либо.

6.

С.-Петербургъ. 28 Мая 1828.

Не сѣтуйте на меня, дорогой баронъ, за мое молчаніе, занятія мои съ отъѣздомъ Государя усилились, тѣмъ не менѣе ваши бумаги были представлены тотчасъ послѣ ихъ полученія. Имѣю вамъ сдѣлать еще другое сообщеніе: вы просили отпускъ за границу на годъ, Государь вамъ это разрѣшилъ съ оставленіемъ жалованья и отпускъ вашъ будетъ считаться со дня вашего выѣзда, о которомъ я васъ прошу меня

предупредить, а также въ случаѣ, еслибъ вы измѣнили ваше намѣреніе, чтобъ поставить объ этомъ въ извѣстность Департаментъ полиціи.

Васъ вѣроятно удивило мое письмо съ предположеніемъ поселиться на южномъ берегу Крыма, но это не можетъ осуществиться такъ скоро, какъ думаетъ княгиня Голицына; мнѣ предстоитъ преодолѣть большія затрудненія, чтобъ покинуть службу и Господь укажетъ на это время, если это въ Его волѣ, но мнѣ хочется приготовить себѣ гнѣздо на старость и я былъ бы очень счастливъ, еслибъ Господу было угодно допустить исполненіе этого проекта. Молитесь за меня и вѣрьте, что я, какъ всегда, вамъ преданный слуга.

7.

С.-Петербургъ, 7 Марта 1829.

Вмѣстѣ съ офиціальнымъ извѣщеніемъ о полученіи вашего жалованья, я пользуюсь случаемъ, чтобъ извиниться передъ вами за неакуратность, съ которой я отвѣчаю на ваши письма, но я увѣренъ, что вы примете въ соображеніе мои занятія. Все утро у меня занято разными комитетами и Совѣтами часовъ до пяти, затѣмъ я обыкновенно ѣду къ г-жѣ Плещеевой, у которой мы читаемъ вещи, заставляющія насъ забывать свѣтскую сутолку, а по возвращеніи домой, когда я не нахожу новыхъ бумагъ, присланныхъ во время моего отсутствія и надъ которыми приходится работать всю ночь, я пишу письма. Ваши письма мнѣ особенно пріятны, потому что они служатъ пищей моей душѣ, а это теперь рѣдкость. Я такъ много потерялъ людей мнѣ близкихъ по духу, благодаря смерти и другимъ причинамъ! Весьма цѣня вашу опытность, я очень благодарю васъ за совѣты насчетъ постройки моего дома на южномъ берегу Крыма. Плана я еще не могъ сдѣлать, плохо зная мѣстность и жду свѣдѣній отъ княгини, не довольствуясь тѣми, которыя получаю здѣсь отъ пріѣзжающихъ изъ вашихъ странъ, отъ г-на Башмакова, отъ Льва Нарышкина, особенно отъ перваго, хорошо знакомаго съ Гаспаромъ. Когда можно мнѣ будетъ тамъ жить! Употреблю всѣ силы, чтобъ устроить тамъ себѣ приличное жилище и предоставлю Господу Богу остальное, въ полной увѣренности, что все это только отъ Одного отъ Него зависитъ.

Желалъ бы вамъ сообщить о новомъ феноменѣ, появившемся здѣсь, но за недостаткомъ времени пишу объ этомъ только княгинѣ, которая вамъ это разскажетъ. Надѣюсь писать ей завтра, а самое позднее съ слѣдующей почтой. Подробности о пасторѣ Флетницерѣ очень меня заинтересовали, скажите мнѣ пожалуста, получилъ ли онъ мѣсто и гдѣ? Хотѣлось бы мнѣ также знать, ѣдете ли вы за границу, и гдѣ проѣдете вы изъ Россіи. Прощайте, мой дорогой, молитесь за меня и вѣрьте моей преданности во Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ.

8.

Царское Село. 24 Мая 1829.

Спѣшу, дорогой баронъ, вамъ отвѣтить на вашу просьбу о выплатѣ вамъ 3500 рублей за казенную Таврическую экспедицію. По наведеннымъ мною справкамъ въ министерствѣ финансовъ, оказывается, что приказъ на выдачу вамъ этой суммы былъ отданъ еще 31 Декабря 1827 года; вышло какое-то недоразумѣніе и вы имѣете право письменно требовать эти деньги, а въ случаѣ отказа, жаловаться министерству финансовъ. Мой привѣтъ баронессѣ и княгинѣ, которой прошу передать, что я ей вышлю планы моего дома, которые ужъ готовы, но требуютъ маленькихъ исправленій. У насъ было всего только три дня хорошей погоды, которой я воспользовался, чтобъ перевезти маленькаго в. к. Константина и великихъ княженъ въ Царское Село. Какъ вамъ извѣстно, я назначенъ состоять при дѣтяхъ Государя и в. к. Михаила, на время путешествія ихъ величествъ въ Варшаву. Третьяго дня у насъ было только три градуса тепла при вѣтрѣ и дождѣ, но сегодня показалось солнце. Какая разница съ вашимъ климатомъ! Государь короновался въ Варшавѣ 12-го этого мѣсяца, а затѣмъ поѣхалъ на границу для свиданія съ королемъ прусскимъ, и вернется съ наслѣдникомъ въ Варшаву, а Императрица поѣдетъ со своимъ отцомъ въ Берлинъ. Потомъ Государь отправится въ Тульчинъ для развода гвардіи, оттуда въ Кіевъ и въ Козелецъ, а 27 Іюня пустится въ путь съ Императрицей въ Петербургъ. Я чувствую себя довольно хорошо, но немножко старѣю. Весь вашъ во Господѣ.

9.

Петербургъ. 2 Августа 1829.

При семъ, баронъ, отъ меня свидѣтельство на дозволеніе вамъ переѣзжать границу, по которому генералъ-губернаторъ вамъ дастъ паспортъ. Вотъ и все. Жду м-сье Кеппена, чтобъ поговорить съ нимъ о моемъ имѣніи на южномъ берегу, хотя я и увѣренъ, что выбранное вами и княгиней мѣсто должно быть прекрасно. Я выслалъ планы и очень бы желалъ, чтобъ мѣстность дозволила привести ихъ въ исполненіе. Этимъ лѣтомъ Господь благословилъ оружіе Государя: Дибичъ за Балканами взялъ важный портъ Бургасъ и находится въ Карнабатѣ у воротъ Адріанополя, въ 380 верстахъ отъ Константинополя. Паскевичъ взялъ Эрзерумъ, столицу Средней Азіи и взялъ въ плѣнъ сераскира, командовавшаго войскомъ. Какое впечатлѣніе это произведетъ на султана—Одному Богу извѣстно! Я, слава Богу, здоровъ; отъ постоянныхъ дождей въ Петергофѣ сыро и я надѣюсь послѣ завтра вернуться въ городъ.

Такъ какъ исцѣленія г-жи Турчаниновой васъ должны интересовать, я вамъ сообщу, что государственная комиссія для изслѣдованія этихъ явленій, предоставила ей мальчика съ одной ногой корочѣ другой и глухонѣмого; ноги у хромого выровнялись, а глухонѣмой начинаетъ слышать музыку. У нея много больныхъ, которые послѣдовали даже за нею въ Петергофъ, гдѣ она поселилась, чтобъ пользоваться свѣжимъ воздухомъ. Я навѣщалъ ее во время моего пребыванія здѣсь, и она мнѣ сказала, что сама не знаетъ, до чего можетъ дойти способность, которою она одарена, такъ какъ, напримѣръ, опыты съ глухонѣмыми она производитъ въ первый разъ. Она хочетъ попытаться дѣйствовать на сумасшедшихъ. Любопытно знать, что̀ изъ этого выйдетъ. Мой привѣтъ вашей супругѣ, княгинѣ и м-ль Мауреръ. Примите выраженіе чувствъ, питаемыхъ мною къ вамъ во Господѣ.

P. S. Вчера пріѣзжалъ къ намъ внукъ шаха Персидскаго, чтобъ просить прощенія за то, что при народномъ возмущеніи въ Тегеранѣ былъ убитъ нашъ посланникъ въ Персіи.

10.

Царское Село, 23 Августа 1829 года.

Изъ вашего послѣдняго письма, дорогой баронъ, я усмотрѣлъ ваше намѣреніе отсрочить ваше путешествіе изъ опасенія чумы, хотя, по послѣднимъ извѣстіямъ, скоро въѣздъ въ Одессу будетъ открытъ и, благодаря Богу, зло удалось прекратить. Но вы правы, находя, что при подобныхъ обстоятельствахъ несравненно лучше сидѣть до̀ма. Такъ какъ время вашего отъѣзда зависитъ вполнѣ отъ васъ, то я васъ прошу сообщить мнѣ день вашего отъѣзда, чтобъ увѣдомить департаментъ о началѣ вашего отпуска.

Вполнѣ согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ о магнетизмѣ и самъ всегда чувствовалъ отвращеніе заниматься имъ. Вообще, всѣ духовныя средства опасны, когда находятся въ рукахъ свѣтскихъ людей. Г-жа Турчанинова лечитъ не животнымъ магнетизмомъ; по ея словамъ, она черпаетъ въ природѣ и посредствомъ взгляда жизненную силу, которую и вливаетъ въ тѣло больного. Сомнамбулизма при этомъ нѣтъ: больной ничего не говоритъ, а только ощущаетъ желанія, способствующія всегда облегченію его страданій: натиранія, давленія, а горбатые—удары молоткомъ. Она продолжаетъ лечить, и порученный ей хромой мальчикъ выпрямился, а глухонѣмой не только сталъ слышать музыку, но даже былъ разбуженъ недавно ночью пѣніемъ пѣтуха въ деревнѣ. Докторамъ неизвѣстно происхожденіе этой жизненной силы, и имъ не слѣдовало бы о ней судить, а лучше наблюдать за ея дѣйствіемъ и не имѣетъ ли она

вредныхъ послѣдствій для организма паціентовъ. Они сознаются, что здоровье отъ этого леченія не страдаетъ и что исцѣленія очевидны; но они хотятъ, чтобъ она лечила по ихъ предписаніямъ, а она этого не хочетъ, ничего не имѣя противъ того, чтобъ они слѣдили за ходомъ леченія. Она начала лечить помѣшаннаго вслѣдствіе испуга ребенка и замѣчаетъ, что онъ успокоивается подъ ея взглядомъ и потираетъ себѣ затылокъ и спину; увидимъ, что̀ будетъ дальше. Въ настоящее время она въ Петергофѣ, и за нею послѣдовало сюда 45 человѣкъ больныхъ, нанявшихъ здѣсь себѣ квартиры на лѣто, чтобъ пользоваться ея леченіемъ. Она, кажется, пишетъ книгу о своемъ дарѣ исцѣлять; это будетъ любопытно прочесть, но врядъ ли ей можно будетъ объяснить, какимъ образомъ получила она этотъ даръ.

Вамъ вѣроятно извѣстно, что мой планъ дома не удался: у меня требуютъ слишкомъ огромную сумму для его исполненія, и я рѣшился ждать плана, заказаннаго княгинею Воронцовскому архитектору, сообразнаго съ мѣстностью и въ которомъ мнѣ можно будетъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія по моему вкусу и образу жизни.

Мой привѣтъ баронессѣ и княгинѣ, которой я сегодня не пишу, потому что только что отвѣтилъ на ея письмо.

P. S. Г. Кошелевъ очень тронутъ и благодаритъ васъ за чувство душевнаго успокоенія и душевнаго равновѣсія, которое вы заставили его испытать вашимъ успѣхомъ въ сознаніи не только иллюзіи, но и полнаго ничтожества всѣхъ системъ передъ простой и искренней вѣрою въ Добраго Пастыря и Его милосердіе. Онъ проситъ васъ вѣрить въ его преданность и поручаетъ себя вашимъ молитвамъ, не переставая быть съ вами мыслью и любовью.

11.

С.-Петербургъ. 11 Октября 1829.

Благодарю васъ, дорогой баронъ, за ваше послѣднее письмо; оно очень интересно, и я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе, во-первыхъ относительно г-жи Турчаниновой, о которой я тоже думаю, что дѣйствуетъ она не магнетизмомъ, такъ какъ при ея леченіи не проявляется ни сомнабулизма, ни судорогъ, и паціенты находятся въ бодрствующемъ состояніи, а сообщаетъ она имъ посредствомъ взгляда жизненную силу, почерпнутую ею въ природѣ. Сила эта имѣетъ способность выправлять всѣ неисправности, какъ внутри больного, такъ и снаружи. Назначенная Государемъ комиссія для изслѣдованія ея леченія, состоящая изъ докторовъ и военнаго губернатора, а также генерала Бенкендорфа, подъ

предсѣдательствомъ адмирала Мордвинова, поручила ей глухонѣмого и хромого, изъ которыхъ теперь второй совершенно исцѣленъ, а первый слышитъ музыку и недавно жаловался, что пѣтухъ мѣшалъ ему ночью спать. Невзирая на это, доктора оказываютъ ей большую недоброжелательность и всячески къ ней придираются. Она сама мнѣ говорила, что избрала своею специальностью исцѣленіе горбатыхъ, потому что въ этомъ всѣ доктора безсильны; но, убѣдившись, что они не перестаютъ ее преслѣдовать даже и тамъ, гдѣ сами не могутъ ничего сдѣлать, она рѣшила лечить всѣ болѣзни, какія ей представятся.

Что же касается до мира съ Турками, я одного съ вами мнѣнія въ томъ, что Господь видимо намъ покровительствовалъ въ этой войнѣ. Наши враги, такъ называемые друзья, хотѣли насъ ослабить, а вмѣсто того послужили къ возвеличенію нашего Государя, которому выпала великолѣпная роль въ политикѣ, а затѣмъ Европа нанесла послѣдніе удары Турецкой монархіи и выказала упадокъ Ислама. А что всего важнѣе въ дѣлѣ Божіемъ, куда дѣлся фанатизмъ, единственная опора Магомета? Когда это было видано, чтобъ знамя Магомета, несомое по улицамъ Константинополя султаномъ, не произвело никакого дѣйствія и что никто не захотѣлъ за нимъ слѣдовать? Нельзя также не считать чудомъ пріемъ Турками побѣдителей. Входъ въ Константинополь зависѣлъ отъ Государя; но послѣ заявленія въ началѣ войны, что мы не возьмемъ ни пяди Европейской Турціи, намъ уже нельзя было войти въ Константинополь, не возстановивъ противъ себя всю Европу; вступить же въ этотъ городъ съ тѣмъ, чтобъ вернуть его Туркамъ, не водрузивъ креста на Софіи и не обративъ эту мечеть въ христіанскій храмъ, было бы немыслимо. Однимъ словомъ, должно быть Господь еще отсрочилъ паденіе Отоманской имперіи; да будетъ Его святая воля, и будемъ Его молить о томъ, чтобъ быть всегда готовыми на Его призывъ сдѣлаться орудіемъ Его святой воли.

Мнѣ досадно замедленіе въ стройкѣ моего дома на южномъ берегу; виной этому княгиня, требовавшая непремѣнно, чтобъ я сдѣлалъ здѣсь планъ, когда тамошняя мѣстность мнѣ неизвѣстна. Я его сдѣлалъ сообразно моимъ вкусамъ и привычкамъ, и онъ оказался неисполнимымъ и превышающимъ, по дороговизнѣ, мои средства. Ожидаю съ нетерпѣніемъ плановъ, которые сдѣлаютъ на мѣстѣ и въ которыхъ мнѣ надо будетъ сдѣлать только кое-какія поправки. Спросите, пожалуйста, у княгини, находитъ ли она возможнымъ развести у меня садъ, есть ли у нея для этого кто нибудь въ виду, а если нѣтъ, вы могли бы привезти изъ Германіи хорошаго садовника, которому я съ удовольствіемъ готовъ платить, лишь бы только это былъ честный человѣкъ и, если можно, христіанинъ. Здоровье мое недурно, веду я все тотъ же образъ жизни, на-

столько уединенный, насколько это возможно при занимаемыхъ мною должностяхъ. Какъ и при покойномъ Государѣ, я ѣзжу только на обѣды и иногда къ Императрицѣ пить чай, но не бываю по вечерамъ, ни при дворѣ, ни въ городѣ, а провожу ихъ у г-жи Плещеевой такъ же, какъ раньше у покойнаго моего друга Кошелева. У Плещеевой бываютъ только свои, т. е. Ковальковъ съ женой, баронъ Лефортъ и Маркеловъ. Вотъ какое длинное письмо! Прощайте; мой привѣтъ всѣмъ вашимъ и съ пожеланіями всего вамъ лучшаго, остаюсь вамъ преданный кн. А. Голицынъ. Прошу васъ передать это письмо княгинѣ Мещерской отъ ея сестры Потемкиной.

12.

Посылаю вамъ, дорогой баронъ, письмо изъ Парижа отъ нѣкоего Клугена, который и мнѣ тоже пишетъ и котораго я совсѣмъ не помню. Тысячу привѣтовъ вашимъ дамамъ, а баронессѣ Криднеръ передайте, что г-жа Плещеева больна и не знаетъ, когда ей можно будетъ выйти, слѣдовательно надо найти другую крестную мать. Просимъ ея молитвъ.

4 Ноября.

13.

С.-Петербургъ, Апрѣля 1830.

Извините, дорогой баронъ, что я такъ долго вамъ не отвѣчалъ, причина тому недостатокъ времени. Вы знаете, что дѣла у меня и раньше было много, а теперь я назначенъ канцлеромъ орденовъ, что умножаетъ мои всегдашнія занятія, а кромѣ того пріѣхалъ изъ Парижа мой зять Кологривовъ и заболѣлъ. У него водянка и параличъ языка. Теперь ему гораздо лучше, тѣмъ не менѣе я посвящаю ему все мое свободное время. Что касается до вашего содержанія, я далъ знать директору департамента, что отъѣздъ вашъ за границу отложенъ и все будетъ какъ въ прошломъ году. Прилагаю къ сему копію съ отвѣта директора. Давно не имѣлъ я писемъ отъ княгини; надѣюсь ей написать если не съ этой, то съ будущей почтой, а пока тысячу дружескихъ увѣреній вашимъ дамамъ отъ преданнаго вамъ кн. А. Голицына.

14.

С.-Петербургъ, Декабря 1830.

Получилъ, дорогой баронъ, ваши три письма отъ 3, 4 и 14 Декабря и спѣшу на нихъ отвѣтить. Записку старика-Нѣмца о холерѣ-морбусъ, я, по вашему желанію, передалъ Государю, и его величество, прочитавъ ее, объявилъ мнѣ, что онъ ровно ничего изъ нея не понялъ, а потому не можетъ ею воспользоваться. Вы должны это написать этому старику; впрочемъ, болѣзнь эта, милостью Божіей, прекращается, превращаясь

постепенно въ другія менѣе эпидемическія, какъ горячка; но я показалъ эту Нѣмецкую записку другому лицу, обладающему тайнымъ средствомъ, съ успѣхомъ дѣйствовавшимъ противъ холеры, и эта личность написала нѣсколько словъ, которыя онъ мнѣ передалъ для передачи вамъ. Пошлите эту записку вашему старику и спросите у него, что онъ о ней думаетъ. Благодарю васъ за ваши письма: они полны неопровержимыхъ истинъ, и обстоятельства доказываютъ вашу проницательность и дальновидность. Исторія въ Польшѣ оказалась весьма неожиданнымъ явленіемъ; но такъ какъ Государь нашъ уже во многихъ случаяхъ доказалъ свою мудрость и энергію, мы надѣемся, что и въ этотъ разъ сила воли ему не измѣнитъ. Что же касается до вашей поѣздки въ Парижъ, то теперь это не время; вы знаете, что всѣ Русскіе оттуда выѣхали тотчасъ послѣ переворота, имѣвшаго послѣдствіемъ перемѣну правительства и что съ тѣхъ поръ не дается позволенія туда ѣхать, а потому я вамъ этого не совѣтую. Во всякомъ случаѣ, увѣдомьте меня о вашихъ проектахъ, останетесь ли дома, а если уѣдете, то куда, чтобъ мнѣ знать вашъ адресъ. Я все надѣюсь, что вы вернетесь, какъ вы обѣщали мнѣ, въ Россію черезъ Петербургъ, а пароходомъ вамъ это станетъ дешевлѣ. Всѣ наши общіе друзья такъ радуются мысли съ вами увидѣться! Г-жа Плещеева, Ковальковы, баронъ Лефортъ и Маркеловъ благодарятъ васъ за память и шлютъ вамъ свой привѣтъ. Я каждый день въ этомъ домѣ, а теперь и сестра моя Кологривова, которая живетъ у меня со смерти моего брата, присоединилась къ нашему обществу. Проводимъ мы время точно такъ же, какъ у нашего добраго старика Кошелева. Какъ счастливъ былъ бы онъ васъ увидѣть; онъ васъ такъ нѣжно любилъ! Время отъ времени я получаю извѣстія съ южнаго берега Крыма; колонія здорова, но они не пишутъ мнѣ такъ часто, какъ бы мнѣ хотѣлось. Княгиня находитъ, что красота природы навѣваетъ на нее лѣнь писать, а мнѣ бы такъ хотѣлось побольше знать о моемъ маленькомъ имѣніи. Желая вамъ здоровья и благополучнаго возвращенія, поручаю себя вашимъ молитвамъ.

15.

Царское Село, 31 Августа 1834.

Благодарю васъ, дорогой баронъ, за ваши письма. Очень мнѣ пріятно ихъ получать, но у меня не всегда есть время на нихъ отвѣчать, и я прошу васъ за это извинить. Посылаю вамъ нѣсколько брошюръ, изъ которыхъ самыя маленькія Линделя; посылаю вамъ также отчетъ о воскресеніи недавно пріѣхавшей княгини Голицыной, который васъ заинтересуетъ. Чудеса эти доказываютъ истощеніе вѣры на землѣ;

чтобъ воспламенить ее, нужны чудеса. Я приказалъ перевести на Нѣмецкій языкъ этотъ отчетъ, чтобъ послать его Линделю, и вотъ почему вы найдете въ немъ примѣчанія, объясняющія, какъ Церковь наша относится къ образамъ и проч.

16.

Царское Село, 10 Сентября 1834.

Я получилъ, дорогой баронъ, ваше письмо, въ которомъ вы мнѣ пишете о вашемъ намѣреніи ѣхать въ Берлинъ, чтобъ заняться сочиненіемъ, которое послужило бы религіозной основою для образованія и воспитанія юношества. Самое при этомъ необходимое, это убѣдиться въ томъ: послана ли вамъ эта мысль отъ Бога или родилась въ вашемъ умѣ вслѣдствіе вашего усердія въ желаніи добра человѣчеству. Въ послѣднемъ случаѣ было бы легкомысленно покидать вашу семью и положеніе, обезпечивающее вашу будущность успѣхомъ, которымъ вы до сихъ поръ пользовались. Слѣдовательно надо молиться и совѣтываться съ людьми, которые молятся, а затѣмъ тщательно наблюдать въ душѣ вашей указанія Господа. Я предложилъ бы вамъ изложить вашъ проектъ свѣдущимъ и просвѣщеннымъ Божественнымъ Свѣтомъ людямъ, чтобъ они рѣшили о важности результатовъ предпринимаемаго вами труда. Вы знакомы съ подобными личностями въ Европѣ; я же со своей стороны, предложилъ бы вамъ написать на этотъ счетъ о. Линделю, который посовѣтывался бы со своимъ другомъ де-Базль, замѣчательно просвѣщеннымъ человѣкомъ, руководимымъ благодатью, какъ младенецъ. Если мысль моя вамъ улыбается, пришлите мнѣ письмо на Нѣмецкомъ языкѣ, и я тотчасъ же перешлю его Линделю. Что до меня касается, я не осмѣлюсь разрѣшить этотъ вопросъ. Повидимому все идетъ къ распаденію передъ вторымъ пришествіемъ Господа. Чему тутъ могутъ помочь книги? Тутъ дѣйствуетъ власть ада. Отпаденіе отъ путей Господнихъ во всей Европѣ неминуемо должно повести къ мрачнымъ послѣдствіямъ, и если массы заблуждаются, Господь готовитъ Свое маленькое стадо избранныхъ, которое должно побѣдить эти массы, исчадіе Антихриста. Надо стремиться къ тому, чтобъ принадлежать къ этому стаду; и всѣ внутренніе христіане должны вполнѣ предаться Господу, чтобъ Онъ сдѣлалъ изъ нихъ героевъ, трудящихся для ускоренія наступленія Его царства. Такимъ образомъ каждый изъ вѣрныхъ долженъ помышлять о самомъ себѣ и искать царствія Божія въ себѣ; что же касается до всѣхъ людей, никакая человѣческая сила не въ состояніи ее исправить къ лучшему; это можетъ свершить только Іисусъ Христосъ. И право это онъ оставляетъ за собой, лишь бы только каждый

христіанинъ шелъ подъ Его знаменемъ. Такимъ образомъ, въ то время, которое мы переживаемъ, надо слѣдить за самимъ собою и молиться, чтобъ очиститься и возродиться въ новаго человѣка.

Духъ времени всѣмъ располагаетъ, а также и воспитаніемъ; если вы напишете книгу на религіозномъ основаніи, духъ этотъ ни за что не захочетъ допустить ее, ни въ университеты, зараженные антихристіанскою философіею, ни въ школы, управляемыя этими университетами. Превозносятъ заграничную цивилизацію; но мы видимъ, куда она ведетъ и что̀ происходитъ въ этихъ странахъ. Массы сознаютъ свою силу, и возникаетъ война на смерть съ каждымъ законнымъ могуществомъ, начиная отъ Самого Бога и кончая каждою властью. Какъ задержите вы это наводненіе книгами? Только Святымъ Духомъ можно бороться съ духомъ тьмы. Адъ подготовляетъ царство Антихриста, а Іисусъ Христосъ приближаетъ Свое торжество и Свое Царство посредствомъ дѣтскихъ душъ, перерождающихся Его святымъ духомъ. По моему книги ни къ чему не поведутъ; все уже написано, и хорошія книги будутъ читать только вѣрующіе, которымъ онѣ не нужны, такъ какъ они читаютъ Книгу Жизни, невѣрные же читаютъ только то, что̀ написано въ ихъ духѣ. Посовѣтуйтесь же, какъ сказано выше, съ людьми болѣе меня просвѣщенными, и вы не впадете въ заблужденіе. Прощайте, да хранитъ васъ Господь и да пребудетъ въ васъ во вѣки.

17.

Царское Село, 23 Октября 1834.

Я получилъ ваше письмо, на которое долженъ отвѣтить подробно. Вижу, что вы не взглянули на мое письмо съ точки зрѣнія, съ которой оно было написано. Я назвалъ вамъ Линделя, а въ особенности его друга, какъ людей, обладающихъ даромъ прилагать святое откровеніе Апокалипсиса къ нашему времени и къ событіямъ, свершающимся на нашихъ глазахъ. Въ тоже время я сказалъ вамъ, что у васъ есть другіе друзья въ Господѣ, у которыхъ вы могли бы просить молитвъ и совѣтовъ, исходящихъ отъ Божеской благодати, чтобъ вамъ убѣдиться, что желаніе ваше происходитъ не отъ одного вашего усердія къ добру, а отъ воли Божіей; что это не искушеніе врага, стремящагося отвратить васъ отъ самосовершенствованія, чтобъ ввергнуть въ пучину писанія, которое, можетъ быть, не будетъ принято ни однимъ изъ ученыхъ обществъ, зараженныхъ современнымъ философическимъ духомъ, вовлечетъ васъ въ издательскія издержки, превышающія ваши средства и въ тысячи процессовъ, обычное слѣдствіе сочинительства въ наше время. У г-на Баадера была таже идея, и еще въ царствованіе императора

Александра онъ началъ свое большое сочиненіе, въ которомъ онъ хотѣлъ доказать, что каждая наука должна быть основана на религіи. Въ письмѣ его ко мнѣ по этому поводу онъ говорилъ, что люди съ превратными понятіями злоупотребили наукою и что онъ намѣревается обратить ее во славу Божію. Я ему на это отвѣтилъ, что сомнѣваюсь въ успѣхѣ его предпріятія, что это человѣческій способъ и что люди, овладѣвшіе монополіей науки, извратятъ его доброе намѣреніе. Сочиненіе это такъ и осталось въ портфелѣ автора, за недостаткомъ средствъ его напечатать, а также, можетъ быть, по другимъ причинамъ.

Святое Писаніе предсказало намъ все, что̀ происходитъ въ настоящее время, духъ ада дѣйствуетъ съ большою силою; чѣмъ же его побѣдить, если не духомъ добра? Значитъ одинъ только духъ Іисуса Христа можетъ побѣдить грѣховнаго человѣка. Приверженцы Антихриста объединяются къ его приходу, но съ другой стороны и Господь готовитъ противъ нихъ Свои орудія для войны на смерть добра противъ зла. И вотъ къ чему должны стремиться всѣ любящіе Спасителя, предоставить Ему создать изъ нихъ обновленныхъ людей на эту борьбу. Возможно ли этого достигнуть научными способами и книгами? Святое Писаніе говоритъ, что буква мертвитъ и что живитъ только духъ.

Высказавъ вамъ мой взглядъ на ваше намѣреніе, поговоримъ о томъ, какъ вамъ дѣйствовать, чтобъ получить дозволеніе Государя.

Я знаю, что Государь не любитъ, чтобъ ѣздили въ чужіе края, и онъ правъ; вамъ надо, значитъ, мнѣ написать оффиціальное письмо съ изложеніемъ причинъ, заставляющихъ васъ просить отпуска, которое я передамъ Его Величеству. Затѣмъ, вы должны знать, что вамъ однимъ будетъ дана привилегія на безсрочный отпускъ при удержаніи жалованья. Теперешній Государь запретилъ указомъ просить отпусковъ продолжительнѣе четырехъ мѣсяцевъ, съ оставленіемъ же содержанія не болѣе какъ на 28 дней.

Указа этого еще не было, когда Государь вамъ далъ разрѣшеніе на четырехмѣсячный отпускъ съ сохраненіемъ жалованья, по моей просьбѣ; а вдругъ, если теперь Государь на это не согласится и даже, можетъ быть, не оставитъ васъ на службѣ—подчинитесь ли вы этому, чтобъ преслѣдовать вашу идею? Совѣтую вамъ хорошенько обдумать то, что̀ я вамъ пишу и усердно молиться. Если Господу Богу угодно будетъ выразить черезъ васъ Свою волю, Онъ найдетъ средство продиктовать вамъ ее и въ вашемъ кабинетѣ на южномъ берегу. Ѣхать въ Германію за матеріалами нѣтъ никакой надобности. Духъ Божій вамъ все внушитъ, если вы на то избраны. Одинъ пасторъ въ Швейцаріи написалъ, что нѣтъ такой людской власти, которая была бы способна, въ послѣднія времена, объединить людей подъ Однимъ Пастыремъ, что

сѣть накинута на весь земной шаръ и что только рука Богочеловѣка въ состояніи сблизить все человѣчество и спасти его. Противъ большихъ бѣдъ нужны сильныя средства, и только духъ Божій можетъ побороть послѣднія усилія діавола, посредствомъ возрожденныхъ людей. Въ Святомъ Писаніи средство это означено; будемъ стараться отвѣтить на этотъ призывъ съ полнымъ уничиженіемъ, но также и съ безграничнымъ самоотверженіемъ нашего я, въ тишинѣ уединенія, раскрывая Господу наши сердца и предоставимъ Ему творить Его волю въ насъ, и Онъ все свершитъ во̀ время, въ мирѣ и въ мѣру, распредѣляя Свои дары и силы каждому изъ насъ, соотвѣтственно степени нашего уничиженія въ Немъ. Извините за длинное письмо, но я увлекся предметомъ.

P. S. Мой привѣтъ баронессѣ и княгинѣ. Я отдалъ приказаніе Булгакову на счетъ вашего жалованья и просилъ его распорядиться, чтобъ этого впредъ не случалось.

18.

Царское Село. 15 Августа 1835.

Очень радъ, дорогой баронъ, что вы довольны вашимъ новымъ пріобрѣтеніемъ. Желаю, чтобъ у васъ нашелся уголь, вы сумѣете этимъ воспользоваться.

Очень радъ что г-жѣ Нечаевой лучше, и такъ какъ она будетъ жить у меня въ Александріи, то вамъ можно будетъ съ нею видѣться, когда вы будете въ Кореисѣ.

Вамъ должно быть извѣстно по газетамъ, что̀ произошло во Франціи, но событіе это по крайней мѣрѣ возбудило вѣру въ Промыселъ Божій и заставило Людовика-Филиппа отслужить благодарственный молебенъ въ храмѣ Нотръ-дамъ. Не взирая на нѣкоторыя симптомы реакціи, религіозный духъ во Франціи въ очень плохомъ состояніи. Прощайте, дорогой баронъ, будьте здоровы.

19.

Дѣло Паразинскаго было начато нѣсколько времени тому назадъ, дорогой баронъ, вслѣдствіе обвиненій противъ него, и я не могъ не приказать его разслѣдовать, а теперь приказалъ постараться скорѣе его кончить. Къ тому же Паразинскому необходимо оправдаться, безъ чего ему невозможно надѣяться на важное назначеніе. Пока человѣкъ подъ судомъ, его нельзя опредѣлять на мѣсто. Я просилъ митрополита дать ему приходъ, чтобъ ему было чѣмъ себя содержать, такъ какъ онъ безъ дозволенія своего архіерея и не имѣя на то права, уступилъ другому свой приходъ; но я не могу отвѣчать за Римскую католическую цер-

ковь въ Россіи: она сама за себя отвѣтственна передъ Богомъ. Я могу только давать ходъ представляемымъ жалобамъ, и обвиненный долженъ доказать свою невинность, чтобъ я его поддержалъ.

20.

Не знаю, застанетъ ли васъ еще мое письмо, дорогой баронъ; я хотѣлъ воспользоваться вашимъ отъѣздомъ, чтобъ переслать газеты м-ль Мауреръ, а также Нѣмецкій календарь на 1823 годъ,чтобъ повѣсить на стѣну въ Коссе. Примите вмѣстѣ съ симъ мои добрыя напутственныя пожеланія вамъ и баронессѣ, и да хранятъ васъ небесные Ангелы!

Д. Къ баронессѣ Беркгеймъ.

1.

Петербургъ. 28 Февраля 1830.

Получивъ ваше письмо, баронесса, я немедленно сообщилъ вашу просьбу графу Нессельроде; но онъ мнѣ возразилъ, что опредѣлить на службу вашего племянника, въ одну изъ означенныхъ вами миссій, онъ не можетъ, потому что ему нужно жалованье, котораго сверхштатные не получаютъ, а штатныя мѣста всѣ заняты и пополняются, большею частью, Русскими людьми. Сколько я ни просилъ его сдѣлать это въ видѣ личнаго для меня одолженія, онъ оставался непреклоненъ и предложилъ мнѣ свою протекцію вашему племяннику при Испанскомъ дворѣ, гдѣ ему, какъ Испанцу, онъ надѣется достать мѣсто. Подумайте объ этомъ предложеніи и если оно вамъ подходитъ, сообщите мнѣ. Я думаю, что если у молодого Ошандо нѣтъ особенныхъ причинъ избѣгать службы въ своемъ отечествѣ, ему можно было бы воспользоваться услугами графа, который поручилъ бы за него хлопотать нашему посланнику Убрилю, пріятелю вашего покойнаго отца, а слѣдовательно болѣе всякаго другого расположенному оказать протекцію его внуку. Мадамъ Ошандо намѣревалась къ вамъ пріѣхать; когда думаете вы, чтобъ это могло случиться?

2.

С.-Петербургъ. 26 Мая 1831.

Спѣшу отослать вамъ, баронесса, письмо барона Беркгейма, который пишетъ мнѣ изъ Карлсруэ, что выѣзжаетъ черезъ двѣ недѣли въ Петербургъ. Онъ просилъ у меня продолженія отпуска и, не дождавшись отвѣта, рѣшился уѣхать. Радуюсь мысли его видѣть и пого-

ворить о васъ, за невозможностью сдѣлать это лично. Мысль о свиданіи съ вами мнѣ очень улыбается, но такъ много нужно сдѣлать для исполненія этого желанія, то надежда на Одного только Бога. Онъ Одинъ можетъ мнѣ облегчить возможность переселиться на южный берегъ. Мой привѣтъ княгинѣ; я ей сегодня не пишу, потому что очень занятъ. Молитесь за меня.

3.

Царское Село. 15 Іюля 1831.

Я получилъ, баронесса, ваши письма для барона Криднера и для вашего брата; первое было тотчасъ же отослано, а второе будетъ передано барону, когда онъ пріѣдетъ въ Петербургъ. Судя по его послѣднему письму, онъ долженъ быть въ дорогѣ, если только свирѣпствующая у насъ холера не задержала его. Что касается до вашего брата, то хотя онъ ко мнѣ и заѣзжалъ, но не засталъ дома. Онъ все въ Петербургѣ, я же ѣздилъ въ Петергофъ, а оттуда вернулся сюда. Всѣ наши сношенія съ городомъ порваны съ 15 Іюня, когда открылась холера. Посылаю вамъ бюллетень этой болѣзни до 14-го числа, т. е. до вчерашняго дня. Она начинаетъ утрачивать свою остроту, но Богъ знаетъ когда совсѣмъ пройдетъ. Надо думать, что болѣзнь эта обойдетъ всю Европу. Пруссія приняла всевозможныя санитарныя предосторожности, но это не помогло, и холера уже объявилась въ Кенигсбергѣ и въ Берлинѣ. Въ Галиціи она очень сильна, а также въ Венгріи. Мнѣ было бы очень досадно, если-бъ баронъ Беркгеймъ пріѣхалъ теперь въ Петербургъ, потому что мнѣ невозможно было бы съ нимъ видѣться, благодаря карантину между Царскимъ Селомъ и Петербургомъ.

Много умерло людей изъ общества: графъ Ланжеронъ, Оперманъ, графъ Станиславъ Потоцкій, княгиня Куракина статсъ-дама, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской и жена его. Очень вамъ благодаренъ за то, что̀ вы мнѣ сообщаете о моей стройкѣ; мнѣ всегда пріятно мечтать объ этомъ жилищѣ, но я не смѣю просить васъ писать мнѣ чаще объ этомъ, потому что, право же, вамъ это должно наскучить. Я очень благодаренъ княгинѣ за ея хлопоты, но не хочу надоѣдать ей просьбами мнѣ писать объ этомъ; только бы дѣло шло, а слѣдить за его успѣхомъ—пустое любопытство. Скажите ей отъ меня много привѣтствій и прошу васъ всѣхъ молиться за меня, чтобъ Господь избавилъ меня отъ язвы, опустошающей нашу страну. При семъ письмо отъ вашего мужа, которое онъ прислалъ мнѣ открытымъ, съ дозволеніемъ ознакомиться съ его содержаніемъ.

4.

С.-Петербургъ, 14 Декабря 1834.

Очень былъ радъ, дорогая баронесса, получить отъ васъ письмо; хотя я часто вижу вашъ почеркъ, но все больше въ письмахъ, диктуемыхъ вамъ для меня княгинею. Я очень радъ, что вы ей служите секретаремъ; вашу руку я могу читать, тогда какъ почеркъ княгини такъ неразборчивъ.

Я посылалъ за г-мъ Ошандо, чтобъ поговорить съ нимъ о его дѣлѣ, и мы рѣшили, что я долженъ еще разъ поразвѣдать у графа Нессельроде, такъ какъ, получивъ разъ отказъ, г-нъ Ошандо не хотѣлъ больше дѣлать новыхъ попытокъ. Положеніе его очень тяжелое, и я взялъ на себя все это представить вице-канцлеру, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ найти средство вывести его изъ затрудненія. На этотъ разъ меня просили подождать немного и обѣщали подумать. Я вернусь еще къ этому предмету и будьте увѣрены, что сдѣлаю все возможное для вашего племянника; онъ прекрасный молодой человѣкъ.

Слава Богу, что вашему мужу легче; меня очень огорчило извѣстіе объ его болѣзни, а также о невыгодной продажѣ его имѣнія. Всѣ поздравляютъ Булгакова съ выгоднымъ помѣщеніемъ денегъ, и уже одно это доказываетъ проигрышъ въ этомѣ дѣлѣ барона. Вообще, въ настоящее время, предпочитаютъ землю капиталу, съ тѣхъ поръ, какъ понизились проценты.

5.

С.-Петербургъ. 2 Апрѣля 1836.

Благодарю васъ, дорогая баронесса, за то, что вы вспомнили обо мнѣ въ вашемъ горѣ. Вы не можете сомнѣваться, какъ мнѣ тяжела понесенная нами утрата. Если его жалѣютъ новые знакомые южнаго берега, можете себѣ представить, какъ жалѣютъ о немъ старые друзья! Я такъ надѣялся, что мы вмѣстѣ будемъ жить въ Крыму; но Господу это не было угодно, и прежде всего, да будетъ Его святая воля! Повидимому баронъ былъ уже готовъ для лучшаго міра; онъ у пристани, тогда какъ мы еще мотаемся по бушующему морю въ нашихъ утлыхъ ладьяхъ. Каждый день молюсь я за него, за васъ и за княгиню. Ахъ, какъ умножается число друзей, скончавшихся во Господѣ! Участь стариковъ—переживать людей, которыхъ замѣнить некѣмъ. Благодарю васъ за подробности о послѣднихъ дняхъ покойнаго; хорошо, что вы застали его въ живыхъ и что нашелся священникъ, чтобъ поддерживать его въ эти критическія для души минуты. Письмо г-жи Потемкиной

о смерти вашего мужа очень трогательно; она его цѣнила и жалѣетъ о немъ всѣмъ сердцемъ.

Жалѣю о нездоровьѣ княгини, хотя вы и говорите, что ей лучше; прошу васъ дать мнѣ о себѣ и о ней извѣстія съ первой почтой.

6.

С.-Петербургъ, 29 Января 1837.

Чѣмъ могу я васъ утѣшить, дорогая баронесса, въ потерѣ такого дорогого друга? Могу только съ вами плакать, въ упованіи, что любовь ваша къ Богу дастъ вамъ силы перенести эту разлуку и что крестъ этотъ оторветъ васъ еще больше отъ созданія, чтобъ прилѣпить къ Создателю, Который вѣченъ и долженъ представлять Собою цѣль нашего пребыванія въ этой долинѣ слезъ. Мечты мои рушились относительно южнаго берега; я надѣялся насладиться передъ смертью дружбою съ княгиней, вдали отъ свѣта, но да будетъ воля Господня, а не наша: Онъ Одинъ знаетъ, когда призвать насъ къ себѣ и всегда для нашего вѣчнаго блаженства. Напишите мнѣ, пожалуста, когда вы немного оправитесь отъ поразившаго васъ удара; мнѣ надо знать о вашемъ здоровьѣ и вполнѣ ли вы оправились отъ болѣзни, изъ за которой вы предприняли путешествіе, а также о вашихъ проектахъ на будущее. Нѣжно прижимаю васъ къ моему сердцу и молюсь за васъ, да услышитъ Господь мои недостойныя молитвы!

7.

С.-Петербургъ, 11 Февраля 1838.

До полученія вашего письма изъ Симферополя *), дорогая баронесса я поспѣшилъ вамъ писать тотчасъ послѣ того, какъ узналъ печальную вѣсть черезъ г-жу Потемкину. Благодарю васъ за подробности о болѣзни дорогой княгини и о вашемъ путешествіи; у меня было сердечное желаніе все это узнать, и я поблагодарилъ Господа за то, что Онъ ей послалъ христіанскую кончину. Меня особенно заинтересовала одна подробность въ вашемъ письмѣ, это когда она вамъ сказала: «Если бъ вы только знали, что̀ для меня сдѣлала Святая Дѣва», а затѣмъ отвѣтъ на вашъ вопросъ: «завтра я вамъ это скажу». Мнѣ хочется знать, успѣла ли она вамъ это сказать и почему сказала она докторамъ, что выслушаетъ ихъ завтра? У нея, вѣроятно, было видѣніе, предварившее ее о днѣ ея кончины. Хорошо, что вамъ пришло въ голову вернуться черезъ

*) Княгиня А. С. Голицына скончалась въ Симферополѣ. П. Б.

Артекъ; въ минуты горя радостно встрѣтиться съ такими душами, какъ Потемкина. Я вижу по ея письму, какое горячее участіе она принимаетъ въ вашей потерѣ. Я получилъ письмо отъ княгини Софіи Мещерской, которая спрашиваетъ у меня подробности о кончинѣ нашей дорогой княгини, и я списалъ для нея ваше письмо.

Вы такъ добры, что предлагаете мнѣ надзирать за моимъ имѣніемъ, но мнѣ совѣстно злоупотреблять вашей добротой. Я поручилъ это дѣло управляющему Мальцова; но такъ какъ ему приходится иногда отлучаться для своихъ дѣлъ, то я былъ бы вамъ очень обязанъ, если-бъ вы, въ его отсутствіе, заглядывали ко мнѣ, чтобъ убѣдиться, все ли тамъ въ порядкѣ.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю портрета княгини, который вы мнѣ обѣщали и который мнѣ будетъ очень дорогъ.

8.

С.-Петербургъ, 22 Марта 1838.

Не взирая на все мое желаніе тотчасъ вамъ отвѣчать, мнѣ невозможно было слѣдовать влеченію моего сердца. Благодарю васъ за литографію княгини; я нашелъ ее очень похожей, хотя и постарѣвшей, съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись. Я не считалъ ея такой старой, и мнѣ кажется, что она невѣрно писала вашей сестрѣ, что ей 75 лѣтъ. Вѣдь она моложе княгини Мещерской. Напрасно думаете вы, что я откажусь переселиться на южный берегъ послѣ испытанныхъ нами потерь; я отъ этого вовсе не отказываюсь, лишь бы только была на то воля Господня. Теперь Государь меня не отпускаетъ, но когда на то будетъ воля Божія, все устроится само собой; вотъ что я всегда писалъ княгинѣ и что повторяю теперь и вамъ. Вы хорошо дѣлаете, полагаясь во всемъ на Господа, моля Его васъ просвѣтить и управлять движеніями вашего сердца. Вы пишете мнѣ про какую-то мадамъ Манусску, которая у васъ живетъ и ни слова не упоминаете про Елену Мауреръ, которая была въ Симферополѣ во время вашего пріѣзда. Почему она не съ вами? Мнѣ кажется, что она была такъ привязана къ вашей покойной матери, что вамъ было бы отрадно имѣть ее при себѣ.

Г-жа Потемкина писала мнѣ, что Елена была у нея; мнѣ хотѣлось бы знать, гдѣ была она до сихъ поръ, и съ кѣмъ она обыкновенно живетъ? У нея была мать, жива ли она до сихъ поръ? Не знаю, сообщила ли вамъ г-жа Потемкина объ одномъ обстоятельствѣ касательно княгини; на всякій случай, я вамъ это сообщу. Когда здѣсь объ ея смерти было еще неизвѣстно, графиня Фикельмонъ, Австрійская посланница, дочь г-жи Хитровой (нѣкогда очень дружной съ нашей кня-

гинею), видѣла во снѣ княгиню Голицыну больною и что ее соборовали. Княгиня подозвала ее и сказала ей: «выбираю васъ въ посредницы между мною и вашею матерью и прошу ее меня простить, если она на меня за что нибудь сердится». Замѣтьте, что графиня была еще ребенкомъ во время дружбы своей матери съ княгиней, и сама никогда не имѣла съ нею никакихъ сношеній. Посланница разсказала этотъ сонъ своей матери, которую это очень поразило. Вскорѣ затѣмъ, узнавъ о кончинѣ княгини, она отслужила по ней панихиду. Мнѣ разсказывала все это сама г-жа Хитрова. Видно, душа княгини очутилась ближе къ дочери своей бывшей пріятельницы, чѣмъ къ этой послѣдней. Г-жа Фикельмонъ въ то время жестоко страдала отъ мучительнаго тика.

9.

С.-Петербургъ, 29 Апрѣля 1838.

Вы присылаете мнѣ списокъ вещей, мнѣ принадлежащихъ и которыя находились въ розовомъ домѣ, занятомъ г-жей Ширковичъ; будьте такъ добры все это уладить съ Смѣловымъ. Разсчитайтесь также и съ помощникомъ садовника; я сдѣлаю все, что нужно, чтобъ доставить удовольствіе Крамеру и его женѣ.

Что же касается до предложенія м-ль Мауреръ протестовать противъ духовнаго завѣщанія княгини, подписаннаго вами обѣими, это невозможно. Но вы могли бы предложить сдѣлку княгинѣ Софьѣ Мещерской: не согласится ли она вернуть вамъ вашъ капиталъ и немедленно войти во владѣніе Кореисомъ, который долженъ принадлежать ея дочери Маріи *), только послѣ вашей смерти. Если она на это согласится, вамъ можно будетъ представить эту сдѣлку въ судъ и извлечь выгоду изъ этого капитала; ибо вы не имѣете средствъ поддерживать виноградники княгини, обладая другими имѣніями. Вотъ что мнѣ кажется всего для васъ приличнѣе сдѣлать; протестовать же противъ завѣщанія, составленнаго вами вмѣстѣ съ княгиней, вы не имѣете права.

Что касается до г-на Ширковича, я поговорю о немъ съ вице-канцлеромъ, но надежды на успѣхъ у меня мало; до сихъ поръ попытки мои въ министерствѣ на этотъ счетъ не удавались: слишкомъ много желающихъ. Долженъ вамъ сознаться, что сынъ Крамера доставилъ мнѣ много заботъ. Во-первыхъ, онъ мнѣ его прислалъ, не спрашивая моего согласія; тѣмъ не менѣе мнѣ удалось помѣстить его въ Педагогическій Институтъ, гдѣ онъ учился бы на казенный счетъ и изъ котораго онъ

*) Маріи Ивановнѣ Гончаровой. П. Б.

въ шелъ бы учителемъ. Но молодой человѣкъ этого не захотѣлъ, предназначенное для него мѣсто было отдано другому, а тѣмъ временемъ я два раза на свой счетъ его одѣвалъ; затѣмъ онъ попалъ въ скверную исторію съ полиціей, изъ которой я долженъ былъ его выручать и, съ помощью вашихъ знакомыхъ Ница и Адеркаса, обращать его на путь истинный посредствомъ религіи; потомъ г-нъ Уваровъ согласился снова принять его въ Педагогическій Институтъ, а чрезъ нѣкоторое время я получилъ отъ министра народнаго просвѣщенія Уварова письмо, при семъ прилагаемое, изъ котораго вы усмотрите, что ему грозитъ изгнаніе изъ заведенія. Скажите Крамеру, что ничего больше я не могу сдѣлать для его сына. Онъ говоритъ, что желаетъ быть механикомъ; но разгадка всего этого его любовь къ дочери садовника Мейсселя.

10.

Петергофъ, 28 Іюля 1838.

На колѣняхъ прошу васъ простить меня за мое молчаніе, дорогая баронесса, о причинѣ котораго откровенно вамъ признаюсь: въ послѣднемъ вашемъ письмѣ (не смѣю сказать, какого числа; такъ мнѣ стыдно, что я краснѣю до ушей) вы просите у меня квартиру въ нижнемъ этажѣ моего замка. До сихъ поръ я всѣмъ въ этомъ отказывалъ, между прочимъ и покойной княгинѣ, которая меня объ этомъ просила для г-жи Нарышкиной и если бъ я на это хоть разъ согласился, меня каждый годъ осаждали бы этими просьбами. Буду вполнѣ откровененъ: когда мнѣ непріятно отказывать на просьбу, я на нее не отвѣчаю, и вотъ причина моего молчанія на ваше письмо. Съ одной стороны пустить жильцовъ въ мой замокъ противно моему правилу, а съ другой я сдалъ службы, гдѣ жила княгиня Голицына-Суворова, г-жѣ Муромцевой (которая просила ихъ у меня на лѣто) и опасался за столкновенія между двумя семействами. Среди этихъ затрудненій время шло, мнѣ до смерти хотѣлось имѣть о васъ извѣстія и, наконецъ, я рѣшилъ во всемъ вамъ сознаться и возобновить нашу переписку. Отвѣчайте мнѣ какъ можно скорѣе и успокойте меня вашимъ прощеніемъ.

А теперь, возвращаясь къ вашему письму, разъяснимъ недоразумѣніе по поводу написаннаго вамъ мною о завѣщаніи княгини. Вы должны знать, что я никогда не подозрѣвалъ, что у васъ есть земля въ Ялтѣ, и что у васъ есть земли, купленныя на ваше имя, и когда вы мнѣ сказали, что желали бы что нибудь оставить вашимъ, я вамъ отвѣчалъ, что завѣщаніе княгини вамъ связываетъ руки относительно Кореиса, которое вамъ оставлено въ пожизненное владѣніе и что этому можетъ помочь только княгиня Мещерская, если она согласится дать вамъ деньги

за владѣніе Кореисомъ, не дожидаясь ея смерти; но если у васъ есть земли, вы прекрасно сдѣлаете, закрѣпивъ ихъ за кѣмъ вамъ будетъ угодно, при вашей жизни. Посовѣтуйтесь только объ этомъ съ знающими людьми, чтобъ документъ былъ въ порядкѣ. Признаюсь вамъ, что хотя мнѣ и понятно ваше желаніе жить съ вашей сестрою и что самъ я еще не имѣю дозволенія поселиться въ моемъ зáмкѣ, мнѣ очень улыбалась мысль найти васъ на южномъ берегу Крыма. Это одинъ изъ любимѣйшихъ моихъ воздушныхъ зáмковъ. Даю вамъ дружескій совѣтъ не дѣлать плановъ, во всемъ положиться на волю Божію и не опережать Его рѣшеній. Вполнѣ понимаю, какъ вамъ тягостно одиночество, но все это земное, а земное проходитъ. Господь вамъ далъ друга, раздѣлявшаго нѣкоторое время вашъ путь къ вѣчности; вы должны Его благодарить за это благодѣяніе и если Ему было угодно призвать къ вѣчному покою этого друга раньше васъ, возмите на себя окончить этотъ путь съ Нимъ, съ Однимъ. Онъ отрываетъ отъ васъ земныя связи, чтобъ пріучить васъ къ спасенію и къ вѣчной жизни въ Немъ въ Одномъ. Я увлекся проповѣдью, въ которой вы не нуждаетесь, такъ какъ прошли хорошую школу у вашей матери и получили благодать Божію.

11.

Царское Село, 3 Октября 1838.

Благодарю васъ, баронесса, за письмо и за то, что ваше ангельское сердце такъ хорошо объяснило мое молчаніе. Очень радъ, что у васъ г-жа Ширковичъ съ семьей и что такимъ образомъ ваше глубокое уединеніе развлеклось обществомъ, столько же привязаннымъ къ вамъ, какъ и къ покойной княгинѣ. Дай вамъ Богъ дольше оставаться вмѣстѣ. Вы просите похлопотать о мѣстѣ консула для г-на Ширковича, и я бы это сдѣлалъ, если только графъ Нессельроде будетъ на то согласенъ. Онъ только что вернулся изъ-за границы, и я его еще не видѣлъ, но воспользуюсь первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ поговорить съ нимъ о вашей просьбѣ, и сообщу вамъ о послѣдствіхъ. Наконецъ г-жа Потемкина вернулась изъ-за границы, и вы можете себѣ представить, какъ обрадовался я найти ее послѣ трехлѣтней разлуки поздоровѣвшей, помолодѣвшей и похорошѣвшей. Къ сожалѣнію она въ городѣ, а мы еще въ Царскомъ, и я не могу видѣть ее такъ часто, какъ бы хотѣлось. Ваша сестра писала мнѣ о свиданіи м-ль Вильдерметъ *) съ Императрицею и что онѣ провели вмѣстѣ два дня. Очень я тронутъ добрымъ расположеніемъ ко мнѣ г-жи Ошандо, но она не должна меня называть архангеломъ: меня, бѣднаго грѣшника, это смущаетъ. Пусть только вымолитъ она для меня у Бога покровительство Архангела и во-

*) Наставница императрицы Александры Ѳеодоровны, другъ В. А. Жуковскаго. П. Б.

ветъ меня «нашъ старикъ»; это будетъ правильнѣе. Вслѣдствіе того, что̀ вы писали мнѣ, что завѣщаніе ничего не опредѣляетъ, я заключилъ, что вамъ оставлено имѣніе въ пожизненное владѣніе. Текста я не помню, и все зависитъ отъ документа, сдѣланнаго вами обѣими; все это будетъ разсмотрѣно судомъ, когда вы рѣшитесь совершить продажу. Мнѣ кажется, что вы имѣете полное право продать то, что̀ куплено на ваше имя. Необходимо и капиталы перевести на ваше имя, чтобъ не представилось затрудненій для уплаты процентовъ. Вы просите моихъ молитвъ; каждый день возношу я ихъ, недостойный, къ Господу за васъ и прошу и васъ за меня молиться: я въ этомъ очень нуждаюсь.

P. S. Г-жа Потемкина мнѣ разсказала о чудѣ, свершенномъ надъ вами Милосердной Богородицей. Сообщите мнѣ объ этомъ подробности во славу Божію и Пресвятой Его Матери.

12.

Петербургъ, 7 Февраля 1839.

Прошу васъ меня извинить за долгое молчаніе, дорогая баронесса. Неотложныя дѣла поглощали все мое время; но у васъ нѣтъ такихъ дѣлъ, какъ у меня, почему же вы пишете мнѣ такъ рѣдко? Мы часто говоримъ съ г-жей Потемкиной о васъ и о покойной княгинѣ, она къ вамъ къ обѣимъ очень привязана и очень васъ цѣнитъ. Она, слава Богу, здорова, и я очень счастливъ, что могу пользоваться ея обществомъ. Когда-то наступитъ желанная минута нашего переселенія на южный берегъ! Мечта эта для меня очень отрадна, но да будетъ воля Господня; а судя по возникающимъ непрестанныхъ препятствіямъ, ясно, что Ему это неугодно. Вы спрашиваете моего мнѣнія на счетъ вашего путешествія къ вашей сестрѣ. Меня это затрудняетъ, во первыхъ потому, что мнѣ, по человѣчеству, хотѣлось бы, чтобъ вы не трогались съ мѣста и чтобъ намъ дожить остатокъ нашихъ дней вмѣстѣ на южномъ берегу, а съ другой стороны я понимаю, какъ вамъ было бы пріятно соединиться съ вашей семьей; остается, значитъ, молиться Богу, чтобъ Онъ вамъ указалъ, какой избрать путь. Путешествіе въ чужіе края обойдется вамъ дорого, и кому поручите ваши дѣла въ Кореисѣ? Все это требуетъ размышленія. Господь такъ добръ, что не оставитъ васъ безъ указаній; положитесь только на Него. Скажите, пожалуста, г-жѣ Ширковичъ, что я не отвѣчалъ на ея письмо, потому что не имѣлъ ничего утѣшительнаго ей сказать, и мнѣ, признаться сказать, тяжело писать такія письма. На всѣ мои настойчивыя просьбы дать мѣсто консула г-ну Ширковичу графъ Нессельроде отвѣчалъ отказомъ, ссылаясь на то, что у него множество кандидатовъ, имѣющихъ больше правъ

на полученіе мѣста, чѣмъ г-нъ Ширковичъ, котораго, поистинѣ, можно назвать несчастнымъ въ этомъ отношеніи: всѣ мои хлопоты за него остались тщетными; я просилъ за него и министра финансовъ, и также безуспѣшно. Извинитесь за меня передъ г-жей Ширковичъ.

13.

С.-Петербургъ, 21 Февраля 1839.

Благодарю васъ, дорогая баронесса, за портретъ покойной княгини. Онъ очень похожъ, но я нашелъ ее очень постарѣвшей, съ тѣхъ поръ какъ мы не видѣлись. Что же касается до постройки часовни надъ ея могилой *), я писалъ Екатеринославскому архіерею о дозволеніи и надѣюсь, что препятствій не встрѣтится и что, по моей просьбѣ, онъ васъ объ этомъ увѣдомитъ и дастъ объ этомъ приказъ вашему священнику. Вы меня спрашиваете про Шарля, ребенка, взятаго покойной княгиней на воспитаніе, не надо ли его куда нибудь приписать? Но чтобъ вамъ на это отвѣтить, надо знать, есть ли у него какіе нибудь документы о его рожденіи и къ какому именно сословію онъ принадлежитъ; это необходимо для поступленія на службу.

14.

С.-Петербургъ, 17 Марта 1839.

Дорогая баронесса, положеніе Крамера, какъ нравственное, такъ и физическое, меня очень заботитъ, и я уже писалъ о немъ Смѣлову управляющему Мальцова, подъ наблюденіемъ котораго находится и мой Гаспаръ. До полученія вашего письма, я намѣревался продержать Крамера до окончанія предпринятыхъ имъ у меня въ саду работъ, а затѣмъ отпустить его, въ надеждѣ, что онъ найдетъ себѣ мѣсто у кого нибудь на южномъ берегу; держать же его въ имѣніи, въ которомъ неизвѣстно буду ли я когда нибудь жить, крайне для меня убыточно; но теперь, судя по тому, что̀ вы о немъ пишете, вопросъ мѣняется, и дѣло идетъ о томъ, чтобъ не покинуть на произволъ судьбы несчастнаго умирающаго, а въ случаѣ его смерти, вдову его, которая останется безъ всякихъ средствъ къ существованію.

Все это я изложилъ въ письмѣ къ Смѣлову и просилъ его узнать, сколько потребуетъ жалованья племянникъ Крамера и сколько будетъ стоить содержаніе вдовы самого Крамера послѣ смерти ея мужа; но если этотъ послѣдній будетъ жить, не могу же я отнять отъ него жалованье, чтобъ отдать его племяннику? Переговоривъ съ вами, Смѣловъ

*) Была построена часовня, нынѣ обращенная въ прекрасную церковь Преображенія Господня. П. Б.

обо всемъ этомъ меня извѣстить, и тогда только мнѣ можно будетъ принять какое нибудь рѣшеніе. Я также освѣдомлюсь о томъ, что̀ дѣлаетъ сынъ Крамера и сообщу вамъ объ этомъ. Я сдѣлалъ для этого юноши все, что̀ могъ, и совѣсть моя на этотъ счетъ покойна: два раза одѣлъ я его съ ногъ до головы, опредѣлилъ его въ Педагогическій Институтъ, изъ котораго онъ могъ бы выйти учителемъ и даже профессоромъ; но несчастная его страсть къ дѣвчонкѣ все сгубила и, сколько ни объяснялъ я ему, что жениться, не кончивши ученія, онъ не можетъ, ничто не подѣйствовало, и онъ покинулъ Институтъ, чтобъ свершить мошенничество, благодаря которому попалъ въ полицію, откуда я извлекъ его ходатайствомъ передъ оберъ-полицмейстеромъ, представивъ его преступленіе, какъ слѣдствіе опрометчивости, безъ предвзятой цѣли. Затѣмъ, для успокоенія его ума, я помѣстилъ его въ больницу Почтамта, далъ ему въ товарищи знакомаго вамъ добраго Ница и просилъ Адеркаса навѣщать его по два раза въ недѣлю, чтобъ читать ему наставленія и заниматься съ нимъ чтеніемъ душеспасительныхъ книгъ. Повидимому это подѣйствовало, и онъ какъ будто успокоился, такъ что я могъ снова помѣстить его въ Педагогическій Институтъ, гдѣ на его счастіе открылась вакансія; но вскорѣ директоръ меня извѣстилъ, что пребываніе такого негодяя опасно для его товарищей и что онъ его выгонитъ, если я его не возму изъ Института. Кончилось тѣмъ, что онъ оттуда бѣжалъ, чтобъ соединиться со своей возлюбленной, и я убѣдился, что ничего больше для него не могу сдѣлать. Надѣюсь, дорогая баронесса, что и требовать отъ меня нельзя больше для юноши, котораго ко мнѣ прислали, не спросивъ моего на то согласія.

Что же касается до часовни, надо подать прошеніе архіерею, съ приложеніемъ ея плана. Этого требуетъ форма. Совѣтую не дѣлать ее большою, а чтобъ было только мѣсто для совершенія богослуженій, со сводами и съ однимъ внутреннимъ входомъ, безъ наружнаго. Нужно также рѣшетчатое окно для свѣта, вотъ и все. Я ужъ писалъ объ этомъ архіерею, но и вы должны ему написать; этого требуетъ форма.

Съ большимъ интересомъ прочелъ я всѣ письма, въ которыхъ васъ убѣждаютъ ѣхать въ Швейцарію. Очень трудно давать совѣты по такому предмету, въ которомъ я лично заинтересованъ; молитесь и обсудите положеніе. Съ одной стороны вы будете окружены родными и близкими по духу людьми, и это очень соблазнительно, но съ другой—въ Швейцаріи непокойно, и умы находятся тамъ въ броженіи. Будете ли тамъ въ безопасности въ случаѣ безпорядковъ? Къ тому же надо подумать и о вашемъ Кореисѣ; на кого вы его оставите, а также вашихъ друзей, если, какъ надо полагать, вы уже не вернетесь никогда изъ Швейцаріи? Все это надо хорошенько взвѣсить, а также подумать о вашей пенсіи, которой васъ могутъ, по новому закону, лишить.

Что же касается до изданія сочиненій вашей матери, вы бы могли поручить это дѣло вашимъ друзьямъ; сдѣлайте въ рукописи необходимыя примѣчанія и вышлите ее въ Швейцарію. Правда, что м-ль Копеле́, не взирая на все ея уваженіе къ мадамъ Криденеръ, какъ свѣтская женщина, не судила о ней съ настоящей точки зрѣнія; я прочиталъ эту книгу и нашелъ интересными помѣщенныя въ ней письма вашей матери.

Я получилъ отъ мадамъ Ошандо печальную вѣсть о смерти м-ль Вилдерметъ. Она поручила мнѣ передать это Государю, и Императрица этимъ очень огорчилась. Для мадамъ Ошандо это большая потеря.

Я, слава Богу, здоровъ, вопреки климату; Господь меня хранитъ, а у васъ должна быть теперь прелестная погода. Южный берегъ для меня какъ обѣтованная земля. Не случилось бы со мною тоже, что̀ съ Моисеемъ, который, по волѣ Божіей, не вошелъ въ нее. Жду проявленія этой воли для себя, потому что тогда всѣ обстоятельства будутъ содѣйствовать моему выходу изъ Египта. Да будетъ Его святая воля! Г. Потемкинъ хотѣлъ купить мой за̀мокъ, но я на это не согласился. Я не забуду просить г-жу Потемкину за г-на Ширковича.

15.

С.-Петербургъ, 25 Апрѣля 1839.

Спѣшу просить у васъ свѣдѣній о вашемъ Шарлѣ. Я навелъ справки въ Смольномъ монастырѣ; тамъ помнятъ, что какой-то Циммерманъ давалъ имъ уроки, но неизвѣстно, былъ ли онъ Русскимъ подданнымъ; извѣстно только, что у него не было чина. По справкамъ этимъ ничего нельзя рѣшить, ни къ какому сословію онъ принадлежитъ, ни на какую службу онъ бы могъ поступить, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время существуютъ опредѣленные на этотъ счетъ законы. Вы говорите, что отецъ Шарля живъ, но не пишете, гдѣ онъ, въ Петербургѣ или въ другомъ какомъ городѣ; а между тѣмъ онъ бы могъ вамъ дать всѣ необходимыя свѣдѣнія. Вы также говорите, что у васъ есть метрическое свидѣтельство Шарля; пришлите мнѣ съ него копію, а также копію съ его паспорта, по которому можно будетъ видѣть, къ какому классу общества онъ принадлежитъ. Безъ этихъ документовъ я не могу знать, имѣетъ ли онъ право поступить на государственную службу. Надо бы также знать, къ какого рода поприщу онъ чувствуетъ охоту. Вашъ племянникъ еще здѣсь; онъ видѣлъ Императрицу, которая дала ему перстень; жалованье ему прибавятъ, какъ онъ этого желалъ, а ваша сестра напрасно проситъ, чтобъ мнѣ рекомендовали ея сына: она можетъ быть увѣрена, что я сдѣлаю все, что̀ въ моихъ силахъ, чтобъ улучшить положеніе г-на Ошандо.

16.

Царское Село, 14 Октября 1839.

На колѣняхъ умоляю васъ, дорогая баронесса, простить мое молчаніе на письмо, полученное отъ васъ еще лѣтомъ, и на которое за недостаткомъ времени я до сихъ поръ не могъ отвѣчать. Сначала помѣшали мнѣ празднества по случаю бракосочетанія великой княжны *), потомъ болѣзни (я до сихъ поръ кашляю), наконецъ я сегодня рѣшаюсь прибѣгнуть къ вашему великодушію и умоляю васъ меня простить. Всѣ эти дни насъ очень тревожило здоровье Императрицы; но теперь ей, слава Богу, лучше, а также и великой княжнѣ Ольгѣ, которая цѣлыхъ 25 дней была больна.

P. S. У меня до васъ просьба писать разборчивѣе. Помните, какъ трудно мнѣ было разбирать почеркъ покойной княгини и какъ вы должны были ей служить секретаремъ? А теперь вы начинаете, вѣроятно, писать слишкомъ скоро, и мнѣ трудно разбирать ваши письма. Извините за это замѣчаніе; но мнѣ кажется, что зрѣніе мое ухудшается.

17.

С.-Петербургъ, 22 Декабря 1839.

Мнѣ пріятно было получить ваши письма, первое раньше, а второе съ Шарлемъ, въ чертахъ лица котораго, мнѣ показалось нѣчто знакомое; я кажется, видѣлъ его ребенкомъ. Онъ мнѣ понравился, и видно, что онъ былъ воспитанъ вами и княгиней. Онъ уѣхалъ по вашимъ дѣламъ въ ваши имѣнія; что же касается до его поступленія на службу, то это невозможно: судя по его словамъ, отецъ его всегда считался у насъ иностранцемъ, а по новымъ законамъ, дѣти такихъ отцовъ не могутъ быть у насъ приняты на службу. Да и выгоды ему отъ этого не было бы никакой; мнѣ кажется, что самое для него лучшее было бы поступить въ какую-нибудь коммерческую контору въ Одессѣ, гдѣ ему дадутъ хорошее жалованье. Впрочемъ, я посмотрю, что̀ для него можно сдѣлать. Признаюсь вамъ, что я позавидовалъ вашей прогулкѣ въ мой за̀мокъ и въ моемъ саду; какъ бы мнѣ было пріятно прогуляться тамъ вмѣстѣ съ вами!

Императрицѣ, слава Богу, легче; болѣзнь миновала, ей только совѣтуютъ беречься. Здоровье мое хорошо, но самый возрастъ мой есть своего рода болѣзнь: вѣдь съ 8-го Декабря мнѣ пошелъ 67-й годъ.

---

*) Маріи Николаевны. П. Б.

18.

С.-Петербургъ, 19 Апрѣля 1840.

Поздравляю васъ, дорогая баронесса, съ праздникомъ св. Пасхи. Здоровье мое лучше, но церковная служба меня утомила. Послѣ моей послѣдней болѣзни, ноги мои очень слабы; а также и глаза. Меня обнадеживаютъ, что это пройдетъ, что это нервное и что легкій туманъ, прикрывающій для меня всѣ предметы, съ возвращеніемъ хорошей погоды, разсѣется. Увидимъ. Вчера были крестины княжны Александры *), дочери великой княгини Маріи Лейхтенбергской. Цѣлыхъ три часа долженъ я былъ простоять на ногахъ и такъ утомился, что не могу писать вамъ много отъ слабости глазъ; хотѣлось только поблагодарить васъ за ваше милое участіе къ моему здоровью. Никогда не сомнѣваюсь я въ вашихъ ко мнѣ чувствахъ, такъ какъ они имѣютъ основаніемъ Господа. Да благословитъ Онъ васъ и пошлетъ вамъ здоровья!

*

Князю А. Н. Голицыну довелось прожить въ прекрасной его Гаспрѣ только два съ половиною послѣднихъ года жизни, и почти все это время въ слѣпотѣ. Его душевная доброта, искреннее благочестіе и честное царедворчество не подлежатъ сомнѣнію. Что̀ до баронессы Беркгеймъ, вотъ что сообщаетъ о ней племянникъ Т. Б. Потемкиной, князь Н. Н. Голицынъ. «Неизвѣстно, какимъ образомъ, сошлась она въ глухомъ закоулкѣ Орловской губерніи съ какимъ-то г. Т., личностью до крайности вульгарною, вышла на старости за него замужъ и тому года 4 скончалась въ томъ же захолустьѣ, въ нищетѣ и одиночествѣ. Мнѣ случилось однажды видѣть ее въ 1852 году, въ Харьковѣ, гдѣ она прожила по дѣламъ нѣсколько недѣль, мыкаясь по бѣлу-свѣту. Я только что прочиталъ книгу Эйнара (о баронессѣ Криднеръ), былъ подъ впечатлѣніемъ мистическаго ея содержанія, и понятно, съ какимъ любопытствомъ я спѣшилъ въ гостиную моей матери посмотрѣть на «angélique Juliette», которая пріѣхала къ ней на полчаса вечеромъ. Мнѣ было 16 лѣтъ, и я думалъ найти хоть въ старушкѣ искру прежней восторженности, любви къ ближнему и т. п. Каково было мое удивленіе, когда вмѣсто этого я увидѣлъ черномазую, молчаливую и вульгарную старуху съ злыми глазами? Гдѣ же ты «angélique Juliette?» Гдѣ ты? Она всячески избѣгала разговора о матери и о прошломъ времени». («Русскій Архивъ» 1870, стр. 907). П. Б.

---

*) Умершей въ младенчествѣ. П. Б.

ДВА ЭПИЗОДА ИЗЪ БЫТОВОЙ ИСТОРІИ КАВАЛЕРГАРДОВЪ.

(По архивнымъ документамъ).

I.

Въ 1819—1820 гг. на высочайшую конфирмацію восходило два военно-судныхъ дѣла, касавшихся офицерскихъ чиновъ Кавалергардскаго полка.

Въ одномъ дѣлѣ въ качествѣ подсудимыхъ предстали командиръ полка генералъ-маіоръ Каблуковъ, полковникъ баронъ Арпсъ-Гофенъ и полковой адъютантъ штабсъ-ротмистръ Пестель 2-ой. Обстоятельства дѣла заключались въ томъ, что полковникъ Арпсъ-Гофенъ женился на дочери тайнаго совѣтника Демидова, по первому мужу Путятиной, при чемъ послѣдняя, хотя и жила отдѣльно отъ Путятина, однако бракъ ихъ не былъ расторгнутъ. Бракосочетаніе Арпсъ-Гофена было произведено 26 Января 1817 г., и на этотъ случай былъ протоіереемъ Лебедевымъ составленъ обыскъ, гласившій: „Сочетающіеся первымъ бракомъ баронъ Арпсъ-Гофенъ поемлетъ дочь тайнаго совѣтника Демидова Александру Петрову съ позволенія начальства и родителей; первый исповѣданія Лютеранскаго, а невѣста Греческаго; между ними ни духовнаго, ни плотскаго, разрушающаго достояніе тайны сея, ни прикосновенія, до супружества не допущающаго, ни иного какого правильнаго препятствія, къ соединенію ихъ возбраняющаго, не обрѣтается“.

Обыскъ подписали и Каблуковъ, и Пестель.

Между тѣмъ о бракѣ Демидовой узналъ ея первый мужъ, который подалъ заявленіе, и началось дѣло. На допросахъ, Каблуковъ показалъ, что онъ обыскъ подписалъ „безъ разсмотрѣнія, не думая, что онъ противозаконный“, а Пестель удостовѣрялъ, что онъ обыскъ „почиталъ обрядною и маловажною формулою“. Военный судъ, разсмотрѣвъ дѣло, вынесъ сентенцію, по коей „неосмотрительность“ всѣхъ трехъ подсудимыхъ была передана „на разсмотрѣніе вышняго начальства“. Командующій Гвардейскимъ корпусомъ полагалъ все дѣло относительно Арпсъ-Гофена „отослать въ Юстицъ-Коллегію Лифляндскихъ и Эстляндскихъ дѣлъ“, а остальныхъ подсудимыхъ арестовать, Каблукова на одну недѣлю, а Пестеля на двѣ. Наконецъ, Аудиторіатскій Департаментъ высказалъ свое, крайне суровое, мнѣніе, согласно коему всѣ три подсудимыхъ подлежали, по лишеніи дворянства, записанію въ рядовые.

Однако не такъ посмотрѣлъ на все это щекотливое и въ общемъ запутанное дѣло высокій вождь Русской арміи, и въ высочайшемъ указѣ, отъ 21 Августа 1819 г., на имя князя Волконскаго, между прочимъ, было изложено: „Заключеніе Аудиторіатскаго Департамента, какъ основанное на сущности закона и непоколебимости священныхъ правилъ вѣры, я нахожу пра-

вильнымъ, но, пріемля единственно во уваженіе прежнюю отличную службу подсудимыхъ и въ надеждѣ, что они, раскаясь чистосердечно въ проступкѣ своемъ, столь тяжкому наказанію ихъ подвергшемъ, загладятъ оный въ будущемъ поведеніемъ ихъ и службою, я всемилостивѣйше ихъ прощаю;...... а потому повелѣваю—призвавъ ихъ, Каблукова, Арпсъ-Гофена и Пестеля, объявить имъ прежде приговоръ Аудиторіата, дабы видѣли, чему подлежали они за ихъ преступленіе, а потомъ всемилостивѣйшее мое прощеніе, и за симъ дѣло объ нихъ считать оконченнымъ". Бракъ же Арпсъ-Гофена былъ расторгнутъ духовною властью.

II.

Другое дѣло касалось несостоявшейся дуэли между офицерами Кавалергардскаго полка Горяиновымъ съ одной стороны, и графомъ Чернышевымъ и Понятовскимъ, съ другой. Началось съ того, что Горяиновъ получилъ анонимное письмо, гдѣ, въ оскорбительной формѣ, ему предлагалось выйти изъ полка, при чемъ указывалось, что вообще поведеніе Горяинова „приводило въ стыдъ" его однополчанъ. Какъ о конкретномъ случаѣ, письмо упоминало о посѣщеніи Горяиновымъ дома графа Строганова, откуда, по слухамъ, его, Горяинова, попросили удалиться. Естественно, письмо сильно взволновало адресата, и послѣдній обратился къ ротмистру Панину съ просьбою личнымъ посѣщеніемъ графа Строганова убѣдиться въ клеветѣ письма. Панинъ согласился и вмѣстѣ съ Горяиновымъ поѣхалъ къ Строганову, который и удостовѣрилъ, что никогда Горяинову „не отказывалъ" своего дома, а, напротивъ, за честь себѣ поставляетъ видѣть его у себя въ домѣ. Оставалось найти авторовъ письма, и послѣ одного „бывшаго на полковомъ дворѣ" ученья, Горяиновъ подошелъ къ группѣ офицеровъ и спросилъ ихъ, кто писалъ анонимное къ нему письмо. Здѣсь вызвались Чернышевъ и Понятовскій, которымъ Горяиновъ „сказалъ грубость", получивъ вызовъ на дуэль.

Суду были преданы оба автора письма. Руководствуясь 139 ст. Воинскаго Артикула, военный судъ приговорилъ обоихъ подсудимыхъ къ повѣшенію. Генералъ-адъютантъ Депрерадовичъ полагалъ Чернышева и Понятовскаго разжаловать въ рядовые съ выслугою, а Горяинова, хотя и не преданнаго суду, перевести въ армію тѣмъ же чиномъ (поручикомъ). По мнѣнію же генералъ-адъютанта Васильчикова надлежало Чернышева и Понятовскаго выписать въ армію тѣми же чинами, а Горяинова оставить безъ наказанія. Наконецъ Аудиторіатскій Департаментъ полагалъ Чернышева и Понятовскаго разжаловать въ рядовые, а Горяинова подвергнуть недѣльному аресту. Высочайшая резолюція, положенная 16 Января 1820 г. на докладѣ этого дѣла, дышетъ гуманностью и мягкосердечіемъ. Подсудимые находились почти въ юношескомъ возрастѣ: Чернышеву было 22 года, Понятовскій былъ на годъ старше. Императоръ Александръ I собственноручно написалъ на докладѣ: „Изъ снисхожденія къ молодости, неопытности и къ слабому понятію о долгѣ службы, вмѣня судъ и арестъ въ наказаніе, продержать подъ онымъ подсудимыхъ еще мѣсяцъ и обходить производствомъ впредь до повелѣнія".

Михаилъ Соколовскій.

КЪ БІОГРАФІИ А. А. БЕСТУЖЕВА-МАРЛИНСКАГО.

Очерки изъ старокавказской жизни.

Въ Дербентскомъ архивѣ общихъ дѣлъ, состоящемъ при городской полиціи, хранится нѣсколько дѣлъ, имѣющихъ отношеніе къ печальному эпизоду въ жизни А. А. Бестужева въ г. Дербентѣ, именно къ смерти дѣвицы О. Нестерцовой. Проливая нѣкоторый свѣтъ на это событіе, дѣла эти въ тоже время очень любопытны, какъ матеріалъ для характеристики жизни и отчасти управленія въ Кавказской провинціальной глуши, какою былъ Дербентъ, болѣе семидесяти лѣтъ тому назадъ.

Дѣла эти принадлежатъ бывшему управленію военно-окружнаго въ Дагестанѣ начальника и озаглавлены: 1833 года, № 56, „по рапорту Дербентскаго коменданта о дѣвицѣ Ольгѣ Нестерцовой, поранившей себя нечаянно пистолетнымъ выстрѣломъ въ квартирѣ рядового Бестужева", 1837 г., № 17, о происшествіяхъ 1837 г., № 183, „по рапорту Дербентскаго коменданта о противузаконныхъ выраженіяхъ противу его за обѣдомъ Дербентскаго городоваго лѣкаря Попова и о прочемъ".

Но предварительно намъ кажется неизлишнимъ изложить кратко двѣ статьи, появившіяся въ Кавказской періодической печати, въ которыхъ находимъ соображенія двухъ извѣстныхъ Кавказовѣдовъ по поводу смерти О. Нестерцовой. Наши дѣла даютъ нѣкоторый матеріалъ для болѣе правильной оцѣнки взглядовъ авторовъ этихъ статей.

Первая статья принадлежитъ В. А. Потто и составляетъ часть ряда статей, напечатанныхъ подъ заглавіемъ „А. А. Марлинскій (Бестужевъ). (по поводу столѣтія со дня его рожденія, въ газетѣ „Кавказъ" за 1897 годъ). Сказавъ, что Бестужевъ въ 1830 г. долженъ былъ отправиться въ Дербентъ въ 10 линейный батальонъ, въ которомъ онъ числился (Кавказъ, 1897 г., № 315), г. Потто продолжаетъ: „Бестужевъ попалъ подъ начальство грубаго и жестокаго командира, одного изъ тѣхъ выслужившихся солдатъ, которыхъ въ арміи называютъ Бурбонами". „Но и въ Дербентѣ, говоритъ г. Потто (№ 322), находились люди, которые умѣли цѣнить великій талантъ писателя, и для Бестужева нашелся уголокъ, гдѣ онъ отдыхалъ душою. Это было семейство тамошняго коменданта Шнитникова". Переходя къ изложенію эпизода съ Нестерцовой (№ 344), г. Потто говоритъ: „Много по этому поводу

ходило басень, сплетенъ и обидныхъ предположеній для памяти Бестужева; но мы лично склонны болѣе повѣрить показаніямъ священника, принявшаго послѣднюю исповѣдь изъ устъ умирающей, чѣмъ всѣмъ этимъ толкамъ и пересудамъ, злорадно направляемымъ противъ Бестужева. Этотъ священникъ повѣдалъ людямъ такую тайну, которая была довѣрена ему передъ Богомъ, и свидѣтельствовалъ объ истинѣ, чтобы возстановить истину на несовершенномъ и всегда лицепріятномъ судѣ человѣческомъ. Вотъ что случилось въ Дербентѣ 23 Февраля 1833 года. Къ Бестужеву часто заходила одна молодая дѣвушка, дочь умершаго унтеръ-офицера Нестерцова, которую онъ скоро глубоко полюбилъ за ея прекрасную, симпатичную наружность, за ея кроткій нравъ и веселый, рѣзвый умъ, умѣвшій разгонять его мрачныя думы. Ее звали Ольгой. Въ роковой вечеръ она казалась особенно оживленной, много смѣялась, рѣзвилась и, наконецъ, кинувшись на постель Бестужева, нечаянно *сронила* [1]) подушку, подъ которой лежалъ заряженный пистолетъ. Въ этотъ мигъ грянулъ выстрѣлъ, и несчастная, обливаясь кровью, опрокинулась на кровать. Пуля попала ей въ *грудь* и прошла навылетъ. Она прожила еще *нѣсколько часовъ*, исповѣдалась и пріобщилась... Назначено было слѣдствіе. Обстоятельства, приведшія къ печальному выстрѣлу, казались многимъ неясными и возбуждали сомнѣнія: не произошла ли смерть дѣвушки отъ умышленнаго выстрѣла со стороны Бестужева, тѣмъ болѣе, что по городу стали ходить какіе-то чудовищные разсказы. Болѣе всего почему-то смущалъ пистолетъ, который имѣлъ при себѣ Бестужевъ. „Зачѣмъ вы его имѣли при себѣ заряженнымъ?“ значится въ одномъ изъ вопросныхъ пунктовъ слѣдователя.—„Я всегда держу пистолетъ заряженнымъ“, отвѣчалъ Бестужевъ: „предосторожность, мнѣ кажется, не лишняя, особенно въ Дербентѣ, гдѣ разбойничаютъ не только Татары-Шіиты, но и немирные горцы“. Умирающую также допрашивали; она давала отвѣты твердо, съ полнымъ достоинствомъ, и до послѣдняго вздоха утверждала, что причиною несчастья была она одна. Странно, что и ей, готовившейся уже предстать на судъ „предъ страшнымъ престоломъ Господа Славы“, не хотѣли въ то время повѣрить. Бестужеву грозило преданіе суду со всѣми его тяжкими послѣдствіями; но его спасителемъ является старый священникъ, напутствовавшій умирающую. Его никто не спрашивалъ; но онъ явился самъ, чтобъ дать показаніе, и ему нельзя было уже не повѣрить. Дѣло окончилось ничѣмъ“. Нѣкоторыя неточности въ разсказѣ г. Потто, не говорящаго, на чемъ онъ его основалъ, выяснятся сами собою при дальнѣйшемъ изложеніи.

По поводу статей г. Потто Е. Г. Вейденбаумъ напечаталъ въ газетѣ „Кавказъ“ (1898 г., № 29) статью „А. Бестужевъ на Кавказѣ“ [2]), въ которой указываетъ неточности въ первой. Такъ, слова г. Потто объ отношеніяхъ къ Марлинскому подполковника Васильева, командира линейнаго батальона, онъ считаетъ преувеличенными въ дурную сторону и, между прочимъ,

[1]) Курсивъ нашъ, въ виду сказаннаго ниже.

[2]) Вошла въ „Кавказскіе этюды“. Тифлисъ. 1901, I, 267—274.

указываетъ, что Марлинскій жилъ въ домѣ обывательскомъ. Главную причину служебныхъ непріятностей, постигшихъ Марлинскаго въ Дербентѣ, по мнѣнію г. Вейденбаума, надо искать скорѣе всего въ непріязненныхъ отношеніяхъ между Васильевымъ и Шнитниковымъ. Можно думать, что и самъ Бестужевъ, опираясь на свою близость къ послѣднему, не всегда исполнялъ по отношенію къ Васильеву обязанности подчиненнаго. О несчастіи съ Ольгою онъ донесъ не Васильеву, какъ слѣдовало, по командѣ, а Шнитникову, который немедленно приступилъ къ слѣдствію, не снесясь, въ свою очередь, съ батальоннымъ командиромъ. Изъ этого возникла между обоими начальниками продолжительная и колкая переписка. Слѣдственное дѣло о смерти О. Нестерцовой остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ. (*Примѣч. г. Вейденбаума*). Покойный М. И. Семевскій говорилъ, что видѣлъ это дѣло въ 1860 г. въ Петербургѣ у одного Кавказскаго чиновника (Русскій Вѣстникъ, 1870 г., Іюль, 49). Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые біографы Бестужева считаютъ возможнымъ утверждать, что во время слѣдствія Васильевъ всячески старался утопить Бестужева... Сохранившійся рапортъ 13 Апрѣля 1833 г., при которомъ Васильевъ представилъ слѣдственное дѣло въ Тифлисъ начальнику Грузинскихъ линейныхъ батальоновъ генералу Байкову, не подтверждаетъ этихъ тяжкихъ обвиненій противъ начальника Бестужева. Въ своемъ рапортѣ Васильевъ только слегка касается нѣкоторыхъ невыясненныхъ обстоятельствъ дѣла, но затѣмъ, отказывается дать свое заключеніе по существу и прибавляетъ: „рядовой Бестужевъ впродолженіе командованія моего батальономъ ни въ какихъ еще дурныхъ качествахъ замѣченъ не былъ". Вообще. въ рапортѣ не видно желанія во что бъ то ни стало погубить Бестужева. *Никакихъ другихъ официіальныхъ документовъ по дѣлу Нестерцовой до сихъ поръ не открыто*" [1]). Таковъ взглядъ Е. Г. Вейденбаума на дѣло Нестерцовой. Кто болѣе правъ, г. ли Потто или онъ, думается, освѣтитъ наше дальнѣйшее изложеніе; теперь замѣтимъ, что послѣднія слова г. Вейденбаума, подчеркнутыя нами, оказываются, благодаря нашей находкѣ, неточными, и что дополнить свѣдѣнія объ отношеніяхъ командировъ поэта къ нему и между собою значитъ способствовать выясненію обстановки его жизни въ Дербентѣ, а не только заботиться о памяти одного изъ Кавказскихъ служакъ, какъ говоритъ г. Вейденбаумъ.

Указанное выше дѣло 1833 г., № 56, начинается рапортомъ Дербентскаго коменданта майора Шнитникова военно-окружному въ Дагестанѣ начальнику генералу-майору Каханову отъ 9 Марта 1833 г., № 500: „Представляя при семъ подлинное слѣдственное дѣло [2]) съ мнѣніемъ моимъ о дѣвицѣ Ольгѣ Нестерцовой, поранившей себя нечаяннымъ случаемъ въ квартирѣ рядового Грузинскаго линейнаго № 10 батальона Бестужева 23 Февраля на благоусмотрѣніе

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) По словамъ архиваріуса Дербентскаго общаго архива, П. И. Иванова, дѣло это хранится въ архивѣ городскаго полицейскаго управленія, *но, при нынѣшнемъ состояніи сего архива, нѣтъ возможности провѣрить это показаніе.*

вашего пр—ства, донести честь имѣю, что командиръ того баталіона подполковникъ Васильевъ, на третій день, т. е. 26 Февраля, несмотря на произведенное слѣдствіе при депутатѣ съ военной стороны, поручикѣ Карабаковѣ, какъ командирѣ роты, гдѣ случилось происшествіе, и исправляющемъ должность помощника полиціймейстера, назначивъ съ своей стороны вновь слѣдователя подпоручика Рославцова, настоятельно требовалъ назначенія съ гражданской стороны депутата; почему, дабы отклонить всякое притязаніе съ его стороны, предписалъ я коллежскому секретарю Тернову дополнить оное, если признано будетъ то необходимымъ. Г. Терновъ рапортомъ отъ 4 с. м. донесъ, что слѣдователь Рославцовъ за сдѣланною проволочкою 3-го Марта при переспросѣ подъ присягою деньщика Сысоева дѣлалъ ему съ ругательствомъ преступные вопросы при г. Терновѣ, который, основываясь на указѣ 1763 года Февраля 10, п. 2-го, и собственномъ признаніи Нестерцовой, уклонился отъ дальнѣйшаго изысканія, къ дѣлу неприкосновеннаго. Послѣ чего г. подполк. Васильевъ 6 Марта въ отношеніи своемъ № 328 прописываетъ донесеніе подпоручика Рославцова, что якобы Терновъ неизвѣстно съ какого-то повода старается дѣло сіе затмѣвать, нежели открыть самую истину, проситъ назначить вмѣсто его другого депутата. Почему, усматривая изъ сего явное пристрастіе по сему дѣлу со стороны слѣдователя съ военной стороны Рославцова, касающееся до чести г. Тернова, обязанностью поставляю довести до свѣдѣнія в. пр—ства и просить разрѣшенія, слѣдуетъ ли за симъ назначить вновь переслѣдованіе".

15 Марта ген. Кахановъ, жившій въ Дербентѣ, отвѣчалъ за № 400 Шнитникову, что въ дѣлѣ онъ усматриваетъ слѣд. упущенія: 1) въ свидѣтельствѣ лѣкарскомъ о пораненіи Нестерцовой не сказано, тяжела ли рана или нѣтъ; 2) не дознано, по какому поводу деньщикъ штабсъ-капитана Жукова, Аксенъ Сысоевъ, бывалъ часто въ квартирѣ у Бестужева и, какъ онъ объясняетъ въ показаніи своемъ, часто ночевать ходилъ, какъ къ своему господину, такъ иногда и къ сосѣду унтеръ-офицеру; 3) противъ показанія рядового Бестужева не отобрано объясненій отъ лицъ, пришедшихъ въ его квартиру вслѣдъ за случившимся происшествіемъ; 4) изъ выше изъясненнаго дѣла не видно, умерла ли или по сіе время въ живыхъ поранившая себя дѣвица Ольга. Посему Кахановъ предложилъ Шнитникову „составить вновь коммисію изъ одного военнаго оберъ-офицера и гражданскаго чиновника съ тѣмъ, дабы они, дослѣдовавъ замѣченныя мною упущенія на законномъ основаніи, съ присовокупленіемъ при томъ должнаго объясненія имѣемаго отобраться отъ прапорщика Рославцова, какое онъ снялъ съ Сысоева показаніе и чѣмъ можетъ утвердить, что онъ лжетъ, и потомъ съ заключеніемъ своимъ противу обстоятельствъ возлагаемаго на нихъ слѣдствія, представилъ бы къ вамъ, а вы ко мнѣ съ своимъ мнѣніемъ". Исполняя это предписаніе, Шнитниковъ при рапортѣ отъ 13 Апрѣля 1833 г. за № 709, представилъ слѣдующее мнѣніе: „Изъ дѣла о дѣвицѣ Ольгѣ Нестерцовой, поранившей себя нечаяннымъ случаемъ въ квартирѣ рядоваго Бестужева, я усматриваю: 1) что 23 минувшаго Февраля Нестерцова зашла въ квартиру Бестужева за бѣльемъ

для шитья, котораго, не заставъ дома, послала за нимъ бывшаго въ сей квартирѣ случайно для присмотра за лошадьми штабсъ-капитана Жукова, деньщика Сысоева; по прибытiи Бестужева, она, рѣзвившись на кровати, сильно ударилась [1]) правымъ плечомъ объ подушку, подъ которою лежавшiй заряженный пистолетъ, изъ предосторожности отъ воровъ, выстрѣлилъ и ранилъ ее въ плечо, каковое ея показанiе подтвердилъ и Бестужевъ, ссылаясь на свидѣтелей. Свидѣтели подъ присягою показали гг. штабсъ-капитаны Жуковъ, Корсаковъ, священникъ Демидовичъ и деньщикъ Сысоевъ, во всемъ согласно съ объясненiемъ дѣвицы Нестерцовой и рядового Бестужева, изъ коихъ первые видѣли подушки, опаленные порохомъ отъ пистолетнаго выстрѣла, что̀ самое замѣтила и слѣдственная коммисiя при первоначальномъ производствѣ дѣла; городовой медикъ Поповъ подъ присягою, штабсъ-лѣкарь Рождественскiй безъ присяги, подтверждаютъ показанiе дѣвицы Нестерцовой; а насчетъ раны, полученной ею отъ того выстрѣла, означенные медики и штабъ-лѣкарь Тимофеевъ, что оная была опасна. Сверхъ сего мать Нестерцовой, Матрена удостовѣряетъ, что дочь ея ранила себя собственно отъ своей рѣзвости; хозяинъ квартиры Бестужева при происшествiи не находился, а слышалъ, одинъ только выстрѣлъ; унтеръ-офицеръ Егоровъ, что деньщикъ Сысоевъ ходилъ къ нему часто за огнемъ, но рѣдко ночевывалъ, который чаще всего ночевывалъ у господина своего, шт.-капитана Жукова. 2-е) подпоручикъ Рославцовъ, какъ видно изъ переписки, не довѣряя слѣдственной комиссiи, требовалъ копiю предписанiя военно-окружнаго въ Дагестанѣ начальника и, получивши оную, объяснилъ, что деньщикъ Сысоевъ былъ имъ спрошенъ подъ присягою при подпоручикѣ. Письменномъ, и при передопросѣ его при секретарѣ Терновѣ якобы показалъ: дѣвица Нестерцова не ночевала у рядоваго Бестужева, и Рославцовъ его за сiе назвалъ дуракомъ, при чемъ якобы Терновъ угрожалъ донести Государю Императору въ дѣланiи имъ пристрастныхъ вопросовъ; напротивъ чего деньщикъ Сысоевъ въ присутствiи г. Тернова на спросъ—дѣйствительно ли онъ видѣлъ, что Нестерцова ночевала у Бестужева, отозвался: онъ сего не видѣлъ, а полагаетъ, что ночевала; и при семъ случаѣ подпоручикъ Рославцовъ сдѣлалъ ему ругательства не дуракомъ, а . . . . . сыномъ и другими неприличными словами, что̀ самое подтвердилъ денщикъ Сысоевъ и при вторичномъ его опросѣ въ наряженной комиссiи. Почему я мнѣнiемъ полагаю, какъ дѣвица Ольга Нестерцова поранила себя нечаяннымъ случаемъ изъ пистолета, лежавшаго подъ подушкою единственно изъ предосторожности отъ воровъ, что̀ подтверждается опаленiемъ порохомъ подушекъ изъ пистолетнаго выстрѣла, видѣнномъ при начальномъ производствѣ комиссiею, и присяжными свидѣтелями, и матерью ея, утвердивши собственное признанiе дѣвицы Нестерцовой, которая померла послѣ сего на третiй день [2]), и какъ въ семъ случаѣ я не нахожу винов-

---

[1]) А не сбросила, какъ у г. Потто.

[2]) А не чрезъ нѣсколько часовъ, какъ у г. Потто. Роль священника въ „мнѣнiи" далеко не такъ рельефна, какъ у послѣдняго.

нымъ ни рядового Бестужева и никого другого, то и предать дѣло сіе волѣ Божьей, а поступокъ подпоручика Рославцова въ пристрастномъ отобраніи при переспросѣ за присягою показанія отъ деньщика Сысоева и недовѣрчивости къ комиссіи, составленной по волѣ начальства, равно и подлинное дѣло, съ мнѣніемъ представить на благоусмотрѣніе вышняго начальства".

Вышнее начальство, т. е. главноуправлявшій въ Грузіи баронъ Розенъ, 31 Мая того же, № 476, рѣшило: „Изъ представленныхъ ко мнѣ начальникомъ Грузинскихъ линейныхъ батальоновъ ген.-м. Байковымъ слѣдственныхъ дѣлъ, произведенныхъ въ Дербентѣ о случившемся въ квартирѣ рядоваго лин. Груз. № 10 бат. Александра Бестужева нечаянномъ выстрѣлѣ изъ пистолета, которымъ ранена бывшая у него дочь вдовы унтеръ-офицера Нестерцова, дѣвица Ольга, въ правое плечо пулею и отъ сей раны на третій день умерла, усмотрѣлъ я безпорядокъ по наряду слѣдствій, изъ коихъ одно было назначено Дербентскимъ комендантомъ, а другое командиромъ линейнаго № 10 батальона, и слѣдователи дѣйствовали каждый отдѣльно по одному предмету; притомъ же Дербентскій комендантъ майоръ Шнитниковъ, вмѣсто того, чтобъ по подвѣдомственности замѣшаннаго въ происшествіи лица назначить для производства слѣдствія плацъ-майора или плацъ-адъютанта при депутатѣ гражданскомъ, несовмѣстно порядку нарядилъ къ тому слѣдователемъ городового секретаря Тернова при депутатѣ сказаннаго баталіона поручикѣ Карабаковѣ, чрезъ что допущены несогласія и вздорная переписка, какъ между слѣдователями, такъ и самими учредителями сихъ слѣдствій. А потому предлагаю в. пр—ству (т. е. Каханову) за таковой безпорядокъ Дербентскому коменданту м. Шнитникову сдѣлать „*замѣчаніе*". а секретарю городового суда кол. секр. Тернову поставить на видъ, что ему не слѣдовало передопрашивать деньщика Сысоева, прежде уже подъ присягою спрошеннаго, и входить въ переписку съ слѣдователемъ, наряженнымъ отъ командира лин. № 10 бат., подпоруч. Рословцевымъ. Изъ помянутыхъ дѣлъ, представленныхъ ко мнѣ ген.-м. Байковымъ, произведенное по распоряженію Дербентскаго коменданта на 60 листахъ у сего возвращается для храненія, *съ таковымъ при томъ уведомленіемъ, что подполковнику Васильеву зделано строгое замечаніе, а подпоручику Рославцову—строгій выговоръ*". (Подчеркнутое нами, съ сохраненіемъ подлиннаго правописанія, написано собственноручно барономъ Розеномъ, какъ это часто дѣлалъ на бумагахъ, исходившихъ отъ него).

Ольга сошла въ могилу, Бестужевъ, произведенный въ офицеры, покинулъ Дербентъ; но кровавое происшествіе въ его квартирѣ продолжало волновать Дербентское общество и вызвало въ высшей степени характерное дѣло 1837 г. № 183, заглавіе котораго приведено выше.

Поводомъ къ нему послужило слѣд. происшествіе (дѣло 1837, № 17, о происшествіяхъ), очевидно, на романической подкладкѣ, сухо изложенное въ рапортѣ такъ: „27 Апрѣля 1837 г., по полуночи въ 12 часовъ, въ домѣ коммисара Дербентскаго карантина, отставного капитана Флягина, чиновникъ гражданской службы губ. секрет. Кольченко, находящійся въ Дербентѣ для продажи казенной нефти изъ Бакинскихъ источниковъ, неизвѣстно съ какого

повода, имѣя въ карманѣ ножъ кинжальный, женѣ Флягина сдѣлалъ онымъ въ животъ двѣ раны, изъ коихъ одна была весьма опасная; ибо чрезъ ту рану вышли кишки съ порѣзомъ сихъ послѣднихъ, и отъ чего раненая при всѣхъ медицинскихъ помощахъ на третьи сутки умерла; чиновникъ же Кольченко, поранивъ ее, порѣзалъ ножемъ себѣ горло, но къ совершенному отнятію себя жизни не былъ допущенъ Флягинымъ и казаками, состоявшими при карантинѣ; онъ взятъ подъ стражу, пользуется въ лазаретѣ Грузинскаго линейнаго батальона и, по замѣчанію медика, останется живъ".

По поводу этого трагическаго случая и разыгралась въ Дербентѣ трагикомедія, увѣковѣченная въ дѣлѣ 1837 г. за № 183, и живо рисующая картину жизни тогдашней интеллигенціи, заброшенной въ Кавказскую глушь, подъ управленіе коменданта, знакомаго уже намъ подполковника Васильева, смѣнившаго Шпитникова. 15 Іюля 1837 г., № 14, онъ рапортуетъ и. д. военно-окружнаго къ Дагестанѣ начальника ген.-м. Реутту: „Прошлаго Мая 9 числа, въ квартирѣ моей, во время обѣда, начался между бывшими у меня тогда чиновниками и другими лицами разговоръ о нечаянныхъ происшествіяхъ, который коснулся наконецъ смерти супруги Дербентскаго карантиннаго коммисара капитана Флягина, потому что Дербентскій городовой лѣкарь Поповъ, находившійся тутъ же, встрѣтивъ противорѣчіе со стороны бесѣдующихъ, желалъ непремѣнно, чтобъ мнѣніе его оставалось справедливѣйшимъ, чѣмъ самымъ заставилъ бывшаго Каракайтахскаго пристава, капитана Пражевскаго, въ шутку поставить ему въ опроверженіе его доказательствъ одинъ примѣръ происходящихъ иногда непріятныхъ послѣдствій отъ страсти двухъ молодыхъ людей, мужчины и женщины, которую лѣкарь Поповъ защищалъ, т. е. что дѣвица Нестерцова, имѣвшая привязанность къ служившему во ввѣренномъ мнѣ баталіонѣ рядовому Бестужеву, подвергнулась скоропостижной смерти въ квартирѣ его. Это, неизвѣстно почему, вывело г. Попова изъ границъ пристойности, и онъ сталъ требовать отъ г. Пражевскаго доказательствъ взводимаго будто бы имъ на Бестужева преступленія; почему я, видя такое неприличное обращеніе г. Попова, предложилъ ему оставить мой домъ, тѣмъ болѣе, что замѣтилъ его тогда не въ совершенно трезвомъ видѣ, чему онъ съ нѣкотораго времени весьма часто сталъ подвергаться". Представляя переписку, о которой рѣчь далѣе, Васильевъ, „чувствуя обидными для себя изъясненія лѣкаря Попова, наполненныя самыми грубыми и несвойственными выраженіями противу старшаго, и изъ которыхъ видно, до какой степени лѣкарь Поповъ позволилъ себѣ противу его забыться", „всепокорнѣйше проситъ въ огражденіе его отъ подобныхъ оскорбленій со стороны, такъ сказать, его подчиненнаго, не оставить за таковыя начальничьимъ взысканіемъ съ Попова по благоусмотрѣнію его превосходительства".

Эта оригинальная переписка открывается рапортомъ Попова коменданту отъ 11 Апрѣля *) за № 15: „Апрѣля 9 числа сего года у вашего высоко-

*) Поповъ, какъ видно, перепуталъ мѣсяцы, ибо вездѣ въ остальныхъ бумагахъ говорится объ обѣдѣ 9 Мая, а не Апрѣля.

благородія за обѣдомъ при васъ и другихъ бывшихъ, г. капит. Пражевскій объявилъ, что бывшій здѣсь Бестужевъ, который, какъ извѣстно изъ инвалидовъ, по высочайшей милости уже офицеромъ, убилъ Ольгу Нестерцову. При этомъ случаѣ мое умышленное противорѣчіе капит. Пражевскому вынудило его яснѣе подтвердить сказанное и сдѣлать свои слова болѣе гласными обществу, такъ что и ваше высокоблагородіе за противорѣчіе мнѣ сдѣлали извѣстное вамъ оскорбленіе; но я, нимало не обижаясь имъ и руководствуясь присягою, имѣю честь васъ покорнѣйше просить заставить капитана Пражевскаго доставить законныя доказательства для уличенія въ уголовномъ преступленіи Бестужева, дабы онъ Бестужевъ, не могъ уклониться отъ справедливаго по законамъ наказанія, или же самого капит. Пражевскаго, въ случаѣ несправедливости его словъ, подвергнуть законной отвѣтственности. Если же рапортъ, какъ и противорѣчіе мое капит. Пражевскому, не будетъ отъ васъ удостоенъ справедливаго вниманія, а возбудитъ только еще большее противу меня неудовольствіе, то я вынужденъ буду безъ отлагательства представить съ него копію высшему начальству". 12 Мая комендантъ обратился къ Пражевскому съ просьбою представить ему, если имѣются, доказательства преступленія Бестужева, „въ противномъ же случаѣ я не оставлю выставить на видъ передъ начальствомъ поступокъ г. лѣкаря Попова", и 13 Мая получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: „За обѣденнымъ у васъ столомъ, зачался общій разговоръ о нечаянныхъ смертоубивствахъ и напослѣдокъ склонился къ смерти капитанши Флягиной. На что Поповъ сказалъ: „такъ ей и надо; пусть старуха не любитъ молодого". Въ это время не помню кто изъ дамъ отвѣчалъ ему, что такая же смерть можетъ постигнуть и молодую. На сіе лѣкарь Поповъ, наговоривъ кучу нелѣпостей, сказалъ, что этого никогда не бывало и быть не можетъ. Я, сидя около него и жел прервать разговоръ его съ дамами, сказалъ: „Вы напрасно утверждаете, чтоя молодая женщина не можетъ подвергнуться той же участи; вотъ вамъ примѣръ Нестерцовой, которая также сдѣлалась жертвою нечаянности въ квартирѣ Бестужева". Поповъ же, будучи и до обѣда нетрезвъ, началъ ко мнѣ приставать за сіе, говоря: „Вы говорите, что Бестужевъ ее убилъ, и потому онъ преступникъ, а развѣ офицеръ можетъ быть преступникомъ", и требовалъ у меня на сіе доказательства. Я, не зная объ этомъ дѣлѣ рѣшительно ничего, говорилъ ему смѣясь: „я сдѣлаю доказательство". Поповъ же опять сказалъ мнѣ: „Если вы знали о томъ, то почему не донесли въ тоже время", на что я ему отвѣчалъ: „потому не донесъ, что не былъ въ то время въ Дербентѣ". Но Поповъ не примѣчалъ или не могъ примѣтить, что я шучу надъ его азартностью, вынудилъ меня ненеумышленнымъ своимъ противорѣчіемъ сказать, что Бестужевъ застрѣлилъ Нестерцову, но дабы прервать съ пьянымъ разговоръ и тѣмъ отъ него избавить всѣхъ; но слова сіи я сказалъ безъ всякой справедливости и вѣроятія... Что же касается поступка г. Попова, неприличнаго званію благороднаго человѣка, о коемъ вамъ докладывалъ при мнѣ батальонный адъютантъ, что онъ того же дня часу въ 5 пополудни, ѣхавши къ вамъ, нашелъ повыше генеральской квартиры на улицѣ

валяющагося на землѣ пьянаго Попова, коего приказалъ поднять и отвести въ квартиру его, я не долженъ умолчать, какъ о поступкѣ такомъ, который порочитъ въ глазахъ Мусульманъ всѣхъ находящихся здѣсь Россіянъ".

Получивъ такое обоюдоострое донесеніе Пражевскаго, комендантъ 10 Іюня сообщаетъ его Попову и въ заключеніе, называя его „пятномъ для цѣлаго общества, котораго членомъ онъ находится", пишетъ: „Итакъ, не желая подвергнуть васъ непріятнымъ послѣдствіямъ, которыхъ вы не избѣжите, ежели бъ я донесъ начальству о поведеніи вашемъ, ограничиваюсь на этотъ разъ только тѣмъ, что предлагаю вашему благородію вести себя лучше, а между тѣмъ искать себѣ мѣсто въ другомъ городѣ; если же и послѣ этого дойдетъ до свѣдѣнія моего о неприличномъ вашемъ поведеніи, то я при всемъ моемъ нежеланіи повредить вамъ долженъ буду объ этомъ представить начальству. Что же касается до требованія вашего, чтобы капит. Пражевскій представилъ законныя доказательства въ уголовномъ преступленіи Бестужева, то, прочитавъ выше изъясненный отзывъ его и разсудивъ о семъ предметѣ, вы, безъ сомнѣнія, сами согласитесь, что слова, сказанныя г. Пражевскимъ: „и вотъ вамъ примѣръ: Нестерцова также сдѣлалась жертвою нечаянности въ квартирѣ Бестужева", не заключаютъ въ себѣ того смысла, въ которомъ они приняты вами, и ежели прибавить еще къ тому, что это сказано было шутя, то вы можете видѣть, до какой степени начальство должно считать основательнымъ и уважительнымъ таковое ваше требованіе.

Въ отвѣтъ на это предписаніе Поповъ 15 Іюня пишетъ слѣдующій любопытнѣйшій рапортъ. „На предписаніе в. в—дія отъ 10 Іюня сего 1837 г. за № 1142 честь имѣю отвѣтствовать:

1) Въ семъ предписаніи не означено: а) когда и какъ, письменно или словесно, в. в—діе требовали отъ г. капит. Пражевскаго объясненія по рапорту, поданному вамъ мною 11 Мая за № 15; в) отъ котораго числа и за какимъ номеромъ г. кап. Пражевскій вамъ подалъ объяснительный рапортъ.

2) Объясненіе г. капит. Пражевскаго, помѣщенное въ означенномъ предписаніи в. в—дія, совершенно не имѣетъ никакого сходства съ разговоромъ, дѣйствительно бывшимъ у васъ въ домѣ за обѣдомъ 9 прошлаго Мая, въ опроверженіе коего честь имѣю пояснить:

а) Разговоръ о нечаянныхъ смертоубійствахъ вовсе не начинался, да и никто не упоминалъ о нихъ; но онъ начался о любви, предметѣ, о которомъ можно говорить во всѣхъ благородныхъ, ученыхъ обществахъ, и в. в—діе первые, на васъ пристально глядѣвшей молодой дамѣ, супругѣ подпоручика Лагунова, шуткою сказали: „Вы, вѣрно, меня старика любите, что такъ пристально смотрите на меня", на что вы и получили утвердительный отвѣтъ. Я, сидѣвши почти противъ этой дамы и отъ васъ чрезъ 3 человѣка, тоже для шутки сказалъ: „Трудно повѣрить этому. Стариковъ нельзя любить, какъ молодыхъ". Эти слова изъ шуточнаго разговора превратили въ сурьезный. Священникъ Петръ Демидовичъ сдѣлалъ на мои слова нѣсколько

ученыхъ возраженій. По ходу разговора и для поддержанія своего мнѣнія, я представилъ нѣкоторыя различія любви, сказавъ: „Любовь у людей по разнымъ причинамъ бываетъ различна, какъ то притворная, искренняя, родительская, сыновная, нѣжная, пылкая и др.; поэтому стариковъ скорѣе можно почитать и уважать, чѣмъ любить; потому что старики могутъ ли вполнѣ отвѣчать молодымъ и такъ любить, какъ молодые?“ Въ это время супруга в. в—дія сказала: „И старики могутъ такъ же любить, какъ и молодые, да еще и лучше“, и получила отъ меня въ отвѣтъ: „Неправда! Старики никогда не могутъ любить такъ, какъ молодые“. Дама, вѣроятно, обидѣвшись противорѣчіемъ и не дождавшись отъ меня объясненія, для посрамленія любви молодыхъ и не стараго ея защитника, предоставила въ примѣръ молодого человѣка, здѣсь въ Дербентѣ содержавшагося подъ карауломъ, губ. секр. Кальченку, зарѣзавшаго супругу г. капитана Флягина, въ слѣдующ. выраженіяхъ: „Вотъ вамъ недалеко примѣръ молодой любви, здѣсь въ Дербентѣ, напримѣръ, Кальченко. Вотъ какъ прекрасно молодые любятъ!“. При этомъ случаѣ мною было сказано: „Старуха не люби молодого и не связывайся съ молодымъ! Видно, ей такъ и надобно было!..“ Таже дама продолжала: „Да это и съ молодою дамою можетъ случиться!“ Я и на это возразилъ: „Этого быть никогда не можетъ. Такіе примѣры очень рѣдки, а здѣсь въ Дербентѣ такого другого и не бывало“. Въ это время г. капит. Пражевскій, обращаясь ко мнѣ, твердо и ясно сказалъ: „Да вотъ вамъ въ Дербентѣ другой примѣръ—Бестужевъ убилъ Оленьку“. При этихъ словахъ отъ любопытства и удивленія всѣ замолчали; только я одинъ, для обнаруженія уголовнаго преступленія г. Бестужева или же въономъ его криминальнаго оговора господиномъ капит. Пражевскимъ, рѣшился продолжать разговоръ, какъ слѣдуетъ далѣе: „Не правда ваша! Я самъ былъ въ то время въ Дербентѣ и знаю, что г. Бестужевъ по слѣдствію оправданъ, и оказалось, что она сама застрѣлилась, и какъ вы можете говорить такія слова въ обществѣ?“ Г. кап. Пражевскій не замедлилъ выразительно упорствовать въ оговорѣ: „Хотя меня тогда и не было здѣсь, но я знаю это хорошо и докажу вамъ“. Еще спрашиваю: „Для чего же вы объ этомъ въ свое время не объявили начальству?“ На что г. кап. Пражевскій отвѣчалъ: „Для того, что во время этого происшествія я былъ въ отрядѣ; да и къ чему вы вступаетесь за Бестужева?“ Наконецъ, мною было сказано: „Я вовсе не вступаюсь за Бестужева, а гоню порокъ, и потому потребую отъ васъ доказательства на всѣ ваши слова. Впрочемъ, мнѣ этого не нужно дѣлать: г. комендантъ, здѣсь, какъ мѣстный начальникъ, и безъ меня это долженъ сдѣлать; но если они умолчатъ объ этомъ, то я непремѣнно о вашихъ словахъ доведу до свѣдѣнія начальства“. Тогда в. в—діе г. капит. Пражевскому оказали свое начальническое и вмѣстѣ пріязненное заступленіе, рѣшась въ слухъ цѣлаго общества и съ недовольнымъ видомъ мнѣ сказать: „Борисъ Нероновичъ! Я вижу, что вы сюда приходите только для того, чтобы спорить; то прошу васъ оставить мой домъ и впредъ ко мнѣ никогда не ходить“. Утверждая далѣе, что Пражевскій сказалъ: „Бестужевъ убилъ Оленьку“, Поповъ продолжаетъ: „Слѣдующіе двад-

цать строкъ (въ предписаніи коменданта), темно-краснорѣчивыхъ и немного самимъ себѣ противорѣчащихъ изворотовъ, клонятся единственно къ тому, чтобы доказать, что будто бы я былъ въ такомъ видѣ, которое не позволило мнѣ разсудить, что г. капит. Пражевскій говоритъ шутя, и слѣдоват. убѣдиться, сколь неумѣстна и неосновательна моя къ нему въ этомъ случаѣ привязчивость; но напрасно они клонятся. Видъ мой былъ такой, который долженъ имѣть благородному человѣку, а чтобъ повѣрить г. капит. Пражевскому, что онъ разговаривалъ со мною шутя и смѣяся, нужно было бъ прежде ослѣпнуть и вмѣстѣ лишиться здраваго разсудка или оглохнуть. Потому что для шутки никого и никогда нельзя оговаривать въ столь важномъ уголовномъ преступленіи, тѣмъ болѣе въ обществѣ. Его шутка вмѣсто выраженія удовольствія въ цѣломъ обществѣ водворила безмолвное любопытство и удивленіе. Къ тому же въ обществѣ, можетъ быть, находились многіе, кои, вовсе не знавъ этого приключенія, могли соблазниться—увѣриться въ злодѣяніи г. Бестужева; потомъ обидно заключать о дѣйствіяхъ особъ, какъ производившихъ слѣдствіе, такъ и разсматривавшихъ оное. Неумѣстность и неосновательность моей привязчивости къ г. кап. Пражевскому уничтожаются цѣлью, которой всѣ Россійско-подданные обязываются достигать статьею 800 книги II разд. II гл. I и ст. 13 кн. I разд. I, ст. 11, XV тома свода уголовныхъ законовъ, чтобъ не быть въ необходимости предъ ними отвѣчать".

3) в. в—діе „считаете излишнимъ напомянуть мнѣ всю непристойность тогдашняго моего состоянія". Это очень справедливо, потому что она законнымъ порядкомъ не доказана, равно какъ и мое дурное поведеніе, для пощады котораго в. в—діе, пропущая многіе случаи, вѣроятно, какъ плоды постыднаго, несправедливаго и незаконнаго наушничества, находите достаточнымъ выставить мнѣ на видъ одинъ только мой поступокъ, т. е., что будто бы я 9 прошлаго Мая, передъ вечеромъ, найденъ на улицѣ въ нетрезвомъ видѣ до такой степени, что должно было поднять меня съ земли и отвести на квартиру. Но вашему в—дію, прежде чѣмъ выставили мнѣ на видъ сей поступокъ, нужно бы самимъ лучше увѣриться въ дѣйствительности его, т. е. такъ какъ здѣсь есть другой медицинскій чиновникъ, для повѣрки доносщика, слѣдовало въ тотъ же часъ нарядить законнымъ образомъ для освидѣтельствованія моего тогдашняго состоянія коммиссію. Извѣстно, что нетрезвость до выше означенной степени часомъ или двумя не могла бы пройти".

4) Итакъ, не находя для себя нужнымъ выносить болѣе ваше противозаконное притязаніе на мое поведеніе, прошу покорно в. в—діе уволить меня отъ сдѣланнаго вами перваго мнѣ предложенія: „вести себя лучше"; если же в. в—дію еще будетъ угодно чернить мое поведеніе письменно или словесно, то я прибѣгну къ защитѣ высшаго начальства. Другого же предложенія, чтобы я между тѣмъ „искалъ себѣ мѣста въ другомъ городѣ", честь имѣю увѣдомить васъ, что я не въ правѣ его выполнить, потому что я опредѣленъ въ Дербентскую провинцію не для того, чтобъ пріискивать для себя мѣста въ другихъ городахъ. Къ тому же запятненный въ поведеніи, я бы нигдѣ не захотѣлъ служить, не смывъ прежде пятна оправданіемъ или нака-

заніемъ законовъ. Что же касается не „до требованія моего", какъ значится въ предписаніи вашемъ, но до моего покорнѣйшаго прошенія, прочитавъ выше означенное возраженіе на объясненіе г-на Пражевскаго и ваше на мой рапортъ съ № 15 притязаніе, и вспомнивъ сказанныя г. капит. Пражевскимъ у васъ за обѣдомъ, не требующія никакого истолкованія слова: „Да вотъ вамъ и другой примѣръ былъ:—„Бестужевъ убилъ Оленьку; хотя меня тогда и не было здѣсь, но я знаю это хорошо и докажу вамъ", в. в—діе можете видѣть, до какой степени начальство должно считать основательнымъ и уважительнымъ мое покорнѣйшее прошеніе, чтобъ г. капит. Пражевскій представилъ законныя доказательства въ уголовномъ преступленіи Бестужева".

Получивъ этотъ рапортъ, очевидно, не вполнѣ нормальнаго преслѣдователя порока, комендантъ Васильевъ, конечно не могъ не усмотрѣть въ немъ „противозаконныхъ выраженій" Попова и не прійти въ гнѣвъ, который и разразился въ видѣ вышеприведеннаго его рапорта отъ 15 Іюля за № 14. Но побуждаемый ли искреннимъ чувствомъ или, скорѣе, лицемѣріемъ, онъ рапортъ отправилъ вмѣстѣ съ частнымъ письмомъ на имя генерала Реутта, въ которомъ, проливая крокодиловы слезы, пишетъ: „Извините меня великодушно, что я беру смѣлость безпокоить васъ обстоятельствомъ, которое для меня самого столько непріятно, что я не желалъ бы никогда упоминать объ немъ. Не желая повредить лѣкарю Попову, единственно отъ снисхожденія къ его молодости, замѣтивъ съ давняго времени, что онъ ведетъ себя не совсѣмъ соотвѣтственно своему званію, я хотѣлъ было умолчать о описанномъ мною случаѣ и о другихъ неприличныхъ его поступкахъ, при томъ же зная, что назначеніе сихъ медиковъ зависитъ отъ Грузинской врачебной управы, писалъ только партикулярно къ инспектору оной и просилъ его перемѣстить Попова изъ Дербента въ другое мѣсто. Но сверхъ всѣхъ ожиданій моихъ, на предписаніе мое къ Попову, получилъ отъ него отзывъ въ видѣ отношенія (сего послѣдняго онъ, по подчиненности своей, мнѣ кажется не долженъ былъ сдѣлать), наполненный грубыми и обидными для меня изъясненіями, вслѣдствіе котораго не могу не представить сего обстоятельство на благоусмотрѣніе в. пр—ства. Изъ переписки, по этому предмету произведенной, в. пр—ство усмотрѣть изволите, что лѣкарь Поповъ поступилъ въ этомъ случаѣ совершенно легкомысленно, не свойственно долгу приличія, строптиво и даже дерзко противу меня; но за всѣмъ тѣмъ я не желалъ бы подвергнуть его тѣмъ дурнымъ послѣдствіямъ, которыхъ онъ можетъ не миновать, ежели формально изслѣдовать всѣ его поступки; и одно желаніе мое есть, чтобы въ предостереженіе его впредь отъ грубостей противу старшихъ подвергнуть его какому либо взысканію по благоусмотрѣнію в. п—ства, ежели изволите найти его сего достойнымъ, такъ, чтобъ не могло это повредить будущей его службѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и перевести его изъ Дербента".

29 Сентября 1837 г. генералъ Реуттъ отвѣчалъ коменданту: „Разсмотрѣвъ рапортъ в. в. отъ 15 Іюля за № 14 и представленную приономъ переписку, я нахожу, что хотя лѣкарь Поповъ и оказывается виновнымъ въ дерзостныхъ поступкахъ противъ васъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ не могу не ска-

зать, что если бы вы не сблизили его съ собою и болѣе занимали по обязанности службы, то, вѣроятно, онъ не рѣшился бы на подобныя дѣйствія, въ которыя иногда вовлекаетъ праздность. За всѣмъ тѣмъ, я прошу Грузинскую врачебную управу о переводѣ лѣкаря Попова изъ Дербента и о назначеніи на мѣсто его другого медика, болѣе способнаго и полезнаго по службѣ".

Грузинская врачебная управа, конечно, исполнила желаніе генерала, и Поповъ 26 Октября 1837 г. былъ переведенъ въ г. Эривань. Такимъ образомъ Поповъ, этотъ любитель „ученыхъ" разговоровъ, былъ принужденъ покинуть Дербентъ, откуда онъ и уѣхалъ въ Августѣ 1838 г., уже при новомъ комендантѣ.

Всѣ эти „ученые" разговоры и преслѣдованіе „криминальныхъ" преступленій, конечно, были результатами Дербентской захолустной жизни, ярко отразившейся во всемъ дѣлѣ съ его рапортами и предписаніями.

Съ именемъ Ольги Нестеровой связано еще одно дѣло Дербентскаго архива, именно дѣло, начавшееся 4 Октября 1833 г. „по рапорту Дербентскаго коменданта о познанныхъ унтеръ-офицершею Нестерцовою поворѣванныхъ у нея вещей на 53 р. 70 к. серебромъ у Дербентской жительки Мамедовой". Дѣло это, впрочемъ, для біографіи Оленьки ничего не даетъ, а интересно лишь для исторіи управленія Дербентомъ.

Е. Козубскій.

Г. Т.-Х.-Шура, 19 Сентября 1905 года.

ЧЕРТА КЪ БІОГРАФІИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Покойный Александръ Яковлевичъ Скарятинъ (состоявшій при Россійской миссіи въ Римѣ, лѣтъ съ двадцать, во время понтификата папы Григорія XVI-й), передавалъ мнѣ слѣдующее *воспоминаніе* свое о покойномъ *Императорѣ Николаѣ Павловичѣ*.

„Не занимая никакого поста по дипломатической части“ говорилъ Скарятинъ, „но состоя при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, я имѣлъ нерѣдко порученія возить за границу депеши и сообщенія. Однажды, я дожидался въ Петербургѣ довольно важныхъ бумагъ, относившихся къ сношеніямъ нашего правительства съ Римскою куріею. Разъ, находившись у родныхъ въ Царскомъ Селѣ, получилъ я приглашеніе на вечеръ къ Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ. Собираясь на вечеръ, приготовился я разсказать много характеристическаго о Римскомъ бытѣ. Разсказы мои поинтересовали Государыню и она, съ дамами своими, разспрашивала о многомъ, а при нѣкоторыхъ анекдотахъ и смѣялась. Государь, подходя къ этому кружку, прислушивался неоднократно къ словамъ моимъ. Въ концѣ вечера, Императоръ сказалъ мнѣ: „*Скарятинъ, будь у меня завтра въ 12 часовъ*“. Добывъ изъ Петербурга во время ночи, мой мундиръ, явился я къ Государю въ назначенное время. Государь спросилъ у меня: „*Когда ты ѣдешь въ Римъ?* Я отвѣчалъ, что ожидаю депешъ отъ графа Нессельроде. Императоръ сказалъ: „*Я хочу, чтобы ты зналъ, что̀ ты повезешь*. Послѣ этихъ милостивыхъ словъ Государь указалъ мнѣ на стулъ съ краю письменнаго стола своего, и началъ излагать программу сношеній съ Ватиканомъ, тономъ авторскимъ. Я внималъ, а внутренно замѣчалъ, что программа та, при всѣхъ ея достоинствахъ, неосуществима. Когда Государь окончилъ, то сказалъ мнѣ: „*Я желаю знать твое мнѣніе*“. Услыша эти слова Государя, я вознамѣрился высказать правду и сказалъ: „Имѣвъ счастіе слышать выраженіе воли Вашего Величества, могу всеподданнѣйше доложить, что, при выполненіи высочайшихъ указаній, въ Римѣ будемъ имѣть дѣло съ мѣстными обстоятельствами такого рода: при исполненіи перваго пункта встрѣтится то и то *)..

---

*) А. Я. Скарятинъ не опредѣляль, въ разсказѣ своемъ, самаго содержанія пунктовъ той императорской программы.

(Я ограничивался фактическими указаніями, конечно, воздерживаясь отъ всякаго сужденія, но видѣлъ по выраженію на лицѣ Государя, что онъ понималъ, что намѣченное неосуществимо). Я такимъ же образомъ освѣтилъ фактически неисполнимость и другихъ частей его программы для новыхъ отношеній къ Ватикану. Государь слушалъ меня со вниманіемъ, устремивъ на меня острый взоръ, поблѣднѣвъ нѣсколько и крутя усы. Потомъ онъ всталъ, обнялъ меня и сказалъ: *„Ты правъ!. Ступай къ Нессельроду и скажи ему, что я велѣлъ остановить инструкцію и не посылать ее, до моего новаго приказанія“*. И это было исполнено“.

Скарятинъ, вспоминая объ этомъ событіи, всегда воздавалъ памяти покойнаго Государя справедливое признаніе за нимъ любви къ Россіи, какъ преобладавшаго надъ самолюбіемъ чувства.

Василій Арсеньевъ.

*

Покойный князь Семенъ Михаиловичъ Воронцовъ, командовавшій первымъ батальономъ Преображенскаго полка (въ архивѣ котораго ему посчастливилось найти подлинное дѣло о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ), говаривалъ, что Николая Павловича, почти каждое утро заходившаго во время утренней прогулки въ Преображенскія казармы, онъ никогда не боялся: стоило только быть вполнѣ искреннимъ и глядѣть ему прямо въ глаза; иной разъ онъ нашумитъ и раскричится, но всегда можно было возразить ему, и случалось, что онъ просилъ извиненія въ своей горячности. Александръ же Николаевичъ не терпѣлъ никакихъ самостоятельныхъ отвѣтовъ. Тоже самое говорилъ добродушный и пылкій министръ народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ. Однажды императоръ Николай затопалъ на него ногами. „Ваше Величество! Вы же сами меня назначили министромъ; значитъ, есть же во мнѣ что нибудь годное, а что приказать изволите, будетъ исполнено“. Не то бывало у его преемника; Александръ Николаевичъ вмѣсто всякихъ разъясненій, говорилъ просто: „На это моя воля!“ П. Б.

вокупленія моего мнѣнія. Фельдмаршалъ князь г. Кутузовъ". Рукою Аракчеева: „По сему представленъ именной указъ". Вотъ этотъ указъ: „Я предоставляю себѣ выбирать своихъ генералъ-адъютантовъ". Немногимъ извѣстно, что Кутузову Государь пожаловалъ пенсію *вѣчную*, т.-е. простирающуюся на всегда на его потомковъ". П. Б.

*

Замѣтки. 1900—1905. Графъ Павелъ Шереметевъ. Москва 1905. Малая 8-ка, 116 стр. съ эпиграфами изъ Герцена: «Какое имѣете вы право глумиться надъ народной святыней и оскорблять вѣрованія милліоновъ?»

Это уже третій трудъ молодого работника на поприщѣ Русскаго народнаго самосознанія, столь же вызывающій къ себѣ сочувствіе, какъ и два первые („Отзвуки разсказовъ И. Ѳ. Горбунова" и „Зимняя поѣздка въ Бѣлорусскій край"). Въ настоящей книжкѣ большая часть замѣтокъ относится къ Звенигородскому уѣзду Московскаго удѣла, къ его земству и самостоятельности онаго по отношенію къ захватамъ власти и управленія со стороны земства губернскаго. Много здраваго высказано о значеніи земства вообще. Для „Русскаго Архива" цѣнны страницы о Б. Н. Чичеринѣ и въ особенности о достопамятномъ Ярославскомъ дѣятелѣ, Евгеніи Ивановичѣ Якушкинѣ, сынѣ одного изъ благороднѣйшихъ Декабристовъ, имена которыхъ перейдутъ къ потомству.

Позволимъ себѣ привести выдержку изъ бесѣды Якушкина съ авторомъ „Замѣтокъ". Она относится къ человѣку дорогому для Русскаго здраваго просвѣщенія. — „Вотъ характеристическая черта вашего прадѣда, кн. П. А. Вяземскаго, говорилъ Е. И.; это я слышалъ лично отъ Пущина. На другой день послѣ (извѣстія о) 14 Декабря, рано утромъ, является къ И. И. Пущину одинъ изъ его друзей и умоляетъ его бѣжать за границу. Пущинъ наотрѣзъ отказался, сказавъ, что не можетъ этого сдѣлать и готовъ подвергнуться общей участи. Вслѣдъ за этимъ другомъ, также рано утромъ, является князь Вяземскій и спрашиваетъ Пущина, не нужно ли ему чего-нибудь. Пущинъ отвѣчалъ: „возьми портфель съ бумагами". Содержаніе ихъ было серьезно, но взять было необходимо. Князь Вяземскій тотчасъ взялъ портфель и обѣщалъ вернуть, какъ только позволятъ обстоятельства. Пущинъ вернулся изъ ссылки въ 1857 году. Въ тотъ же день, какъ пріѣхалъ Пущинъ, къ нему явился князь Вяземскій и передалъ ему портфель. Потомъ, послѣ Пущина, портфель этотъ попалъ ко мнѣ, и недавно я переслалъ эти бумаги въ Петербургъ академику Дубровину, который занимается Декабристами и просилъ прислать его. Вмѣстѣ съ этимъ я сообщилъ Дубровину объ участіи князя Вяземскаго въ судьбѣ этихъ бумагъ. О Дубровинѣ Е. И. выразился: „хоть и академикъ, а не знаетъ ни одного Европейскаго языка, кромѣ Нѣмецкаго".

Графъ П. С. Шереметевъ готовитъ къ изданію новое свое историко-этнографическое изслѣдованіе: „Русскія Усадьбы". Пожелаемъ успѣха. **П. Б.**

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1905 года.

(Годъ 43-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1905 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива", на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

☞ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автобіографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія „Русскаго Архива" прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: 1874 годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы 1877, 1879, 1884 и 1886—1889 по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р.; годы 1890—1892, 1894 и 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы 1898—1904 по 8 р., съ пересылкою по 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный—30 копѣекъ; Московскаго на иногородный—90 копѣекъ; иногородняго на Московскій—40 копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*). Просимъ присылать номеръ перемѣняемаго адреса.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно съ 9 час. утра до 5 пополудни; для переговоровъ съ издателемъ—Четвергъ отъ 1 до 5.

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива» прежнихъ годовъ можно получать по 1 рублю.

Издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**

(Годъ сорокъ третій).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1905

12.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1905.

Избранныя сочиненія Т. Н. Грановскаго. Москва. Редакція В. А. Соколова, изданіе В. В. Думнова. 1905. 8-ка 26 и 147 стр. Съ прекрасно исполненнымъ портретомъ Т. Н. Грановскаго.

Эти изданныя по поводу пятидесятилѣтія со дня кончины Т. Н. Грановскаго „Избранныя Сочиненія" заключаютъ въ себѣ немногія наиболѣе общедоступныя для общаго чтенія статьи его. Въ предисловіи мы находимъ выдержки изъ статей проф. П. Н. Кудрявцева: „Извѣстіе о литературныхъ трудахъ Грановскаго" и „Два слова о Грановскомъ" И. С. Тургенева. П. Н. Кудрявцевъ характеризуетъ Грановскаго, какъ трудолюбиваго, вдумчиваго ученаго, чуткаго въ тоже время и къ вопросамъ современности. Онъ причисляетъ Грановскаго къ числу «избранныхъ писателей", такъ какъ все, что осталось послѣ него, представляетъ живой интересъ и чуждо всякаго отпечатка случайнаго происхожденія. Въ статьѣ „Два слова о Грановскомъ", написанной по поводу смерти его, И. С. Тургеневъ со свойственной ему задушевностью воскрешаетъ передъ читателемъ „плѣнительный и добродушночистый" образъ историка. Жаль, что не приведены выдержки изъ писемъ Грановскаго, собранныхъ и изданныхъ А. В. Станкевичемъ, авторомъ превосходной его біографіи. Читая эти письма, люди несогласные съ политическими и другими мнѣніями Грановскаго невольно проникаются сердечнымъ сочувствіемъ къ этому удивительному не столько историку, сколько художнику. П. Б.

Старина и новизна. Историческій сборникъ издаваемый при Обществѣ ревнителей историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III-го. Книга десятая. Москва, 1905, б. 8-ка, 2 нен. стр. 390 и 2 нен. стр. съ 2 снимками и съ указателемъ.

Почти половина этой книги занята продолженіемъ лекцій по исторіи древней Русской словесности, которыя въ 1860 году читалъ великому князю цесаревичу Николаю Александровичу покойный Ѳ. И. Буслаевъ. О характерѣ этихъ лекцій уже былъ помѣщенъ нашъ отзывъ въ XII-й тетради „Русскаго Архива" 1904 года; но кто же имъ откажетъ въ важности содержанія и въ богатствѣ сообщенныхъ свѣдѣній. Приведенныя изъ памятниковъ исторіи и словесности книжной и устной, выдержки увлекали слушателя, и онъ самъ иногда писалъ письма языкомъ народныхъ пѣсень и сказаній. Державный братъ его черезъ много лѣтъ вспоминалъ про эти лекціи: Ѳ. И. Буслаевъ показывалъ намъ бумагу, которою испрашивалось для него позволеніе представиться и которую онъ испросилъ себѣ на память; на этой бумагѣ императоръ Александръ Александровичъ написалъ нѣсколько восторженныхъ строкъ, въ которыхъ выражена память о томъ времени, когда свободный отъ трудовъ правительственныхъ, заходилъ онъ въ учебную комнату своего брата и прислушивался къ лекціямъ Московскаго профессора.

Другая большая статья въ X-й книгѣ „Старины и Новизны" есть частная переписка князя П. И. Хованскаго съ его семьею, родными и знако-

ПЕТРУ.

Стихотвореніе К. С. Аксакова.

Напечатано въ № 8-мъ газеты „Русь“, 3 Января 1881 г. Издатель (И. С. Аксаковъ) сопроводилъ эти стихи слѣдующимъ примѣчаніемъ:

„*Тридцать пять лѣтъ* прошло съ той поры, какъ написано это стихотвореніе, въ свое время довольно извѣстное. Послѣ такого промежутка времени, кажется, напечатаніе его не можетъ уже смутить никого. Оно является любопытнымъ историческимъ и біографическимъ документомъ и вовсе не претендуетъ, да никогда и не претендовало, на какое-нибудь догматическое значеніе, въ родѣ символа вѣры такъ-называемыхъ Славянофиловъ. Въ немъ, независимо отъ нѣкоторыхъ историческихъ воззрѣній, вполнѣ удерживающихъ свою вѣрность, высказался въ лирической формѣ порывъ негодованія молодого еще тогда автора, который и по природѣ своей, и по убѣжденіямъ, чуждался всякаго внѣшняго насилія, откуда бы оно ни исходило, и только борьбу въ области свободной мысли и духа почиталъ истинно-достойной христіанина и истинно-плодотворной. Да и это стихотвореніе заканчивается словомъ мира и прощенія. Мы позволили себѣ кое-гдѣ самыя незначительныя исправленія нѣкоторыхъ небрежностей въ выраженіяхъ“.

Здѣсь эти мощные стихи воспроизводятся по списку, сообщенному намъ въ 1854 г. самимъ Константиномъ Сергѣевичемъ. Они написаны за годъ до выхода въ свѣтъ „Московскаго Сборника“, въ которомъ впервыя ярко выразилось ученіе такъ называемыхъ Славянофиловъ. Пренія о Петрѣ Великомъ были тогда горячія. Я помню, какъ въ первую мою встрѣчу съ П. В. Кирѣевскимъ онъ поразилъ меня, совершенно спокойно называя Петра Антихристомъ. Извѣстно, что такъ называли Петра многіе изъ нашихъ предковъ и что мѣстоблюститель патріаршаго престола Стефанъ Яворскій долженъ былъ сочинить и напечатать книжку объ истинномъ пришествіи Антихриста. Дѣйствительно, ужасы тогдашняго насилія, когда стѣны Кремля, Китай-города, Бѣлаго города (гдѣ нынѣ бульвары), Дѣвичьяго монастыря были утыканы головами стрѣльцовъ, и подъ страхомъ смертной казни приказано не убирать ихъ (копья сохранились еще въ 1816 году, во время устроенія нынѣшняго Кремлевскаго сада), вѣнчаніе карлицы съ великаномъ въ Архангельскомъ соборѣ и другія неистовства напоминаютъ намъ о Неронѣ, при которомъ, по изслѣдованію Ренана, возникло ученіе объ Антихристѣ. Но съ другой стороны, кто же станетъ отрицать величіе и заслуги Петра? Старообрядцы, заявляя ему, что они цѣнятъ его труды на благо родины, выражались такъ: Мы бы готовы служить тебѣ,

если бы изъ себя кесаря не творилъ. Вотъ это-то различіе между Царемъ Христіанскимъ и Католическо-Римскимъ кесаремъ проходитъ чередуясь черезъ всю Русскую исторію съ конца XVII вѣка. Замѣчательно, что въ сочиненіяхъ А. С. Хомякова не встрѣчаемъ нигдѣ осужденія Петру. Вѣроятно въ отпоръ его хулителямъ, М. П. Погодинъ написалъ свою извѣстную статью о Петрѣ Великомъ. П. Б.

Великій геній, мужъ кровавый,
Вдали на рубежѣ родномъ
Стоишь ты въ блескѣ страшной славы
Съ окровавлённымъ топоромъ.

Съ великой мыслью просвѣщенья
Въ своей отчизнѣ ты возникъ,
И страшныя подъялъ мученья
И казни страшныя воздвигъ.

Во имя пользы и науки,
Добытой изъ страны чужой,
Не разъ твоя могучи руки
Багрились кровію родной.

*

Ты думалъ,—быстротою взора
Предупреждая времена,—
Что кровью политыя скоро
Взойдутъ науки сѣмена!

И вкругъ она лилась обильно,
И воплямъ Руси не внемля,
Упорство ты сломилъ, о сильный!
И смолкла Русская земля.

И по назначенному слѣду,
Куда ты ей сказалъ: „иди!“
Она пошла. Ты могъ побѣду
Торжествовать; но погоди!

*

Ты много снесъ головъ стрѣлецкихъ,
Ты много крѣпкихъ рукъ сломилъ,
Сердецъ ты много молодецкихъ
Ударомъ смерти поразилъ.

Но, въ часъ невзгоды удалялся,
Скрывъ право вѣчное свое,
Народа духъ живетъ таяся,
Храня родное бытіе.

И ждетъ завѣтнаго онъ часа,
И вождѣленный часъ придетъ,
И снова звукъ родного гласа
Народа волны соберетъ;

*

И снова вспыхнетъ взоръ отважный,
И вновь подымется рука,
Порывъ младой и помыслъ важный
Волнуютъ духъ нѣмой пока.

Тогда къ желанному предѣлу
Борьба достигнетъ, и конецъ
Положитъ начатому дѣлу,
Достойный, истинный вѣнецъ.

Могучій мужъ! Желалъ ты блага,
Ты мысль великую питалъ,
Въ тебѣ и сила и отвага,
И духъ великій обиталъ.

*

Но, истребляя зло въ отчизнѣ,
Ты всю отчизну оскорбилъ;
Гоня пороки русской жизни,
Ты жизнь безжалостно давилъ.

На самобытный трудъ, стремленье,
Не вызывалъ народъ ты свой,
Въ его не вѣрилъ убѣжденья
И весь закрылъ его собой.

Вся Русь, вся жизнь ея доселѣ
Тобою презрѣна была,
И на твоемъ великомъ дѣлѣ
Печать проклятія легла.

*

Отринулъ ты Москву жестоко,
И отъ народа ты вдали
Построилъ городъ одинокій—
Вы вмѣстѣ жить ужъ не могли.

Ты граду далъ свое названье,
Лишь о тебѣ гласитъ оно,
И—добровольное сознанье—
На чуждомъ языкѣ дано.

Настало время зла и горя,
И съ чужестранною толпой
Твой градъ, пирующій у моря,
Сталъ Руси тяжкою грозою.

*

Онъ соки жизни истощаетъ,
Названный именемъ твоимъ,
О Русской онъ землѣ не знаетъ
И духомъ движется чужимъ.

Грѣхъ Руси далъ тебѣ побѣду,
И Русь ты смялъ. Но не всегда
По твоему ей влечься слѣду
Путемъ блестящаго стыда.

Такъ, будетъ время, Русь воспрянетъ,
Разсѣетъ долголѣтній сонъ
И на неправду дружно грянетъ—
Въ неправдѣ подвигъ твой свершенъ!

*

Народа духъ подниметъ крылья,
Отступниковъ обниметъ страхъ,
Гнѣздо и памятникъ дѣла насилья
Твой градъ разсыплется во прахъ!

И вновь оправданный судьбою
Возстанетъ къ жизни твой народъ
Съ своею древнею Москвою—
И жизнь свободный приметъ ходъ.

Все отпадетъ, что̀ было лживо,
Любовь всѣ узы сокрушитъ,
Отчизна зацвѣтетъ счастливо—
И твой народъ тебя проститъ.

(1845 г.).

А. И. ЧЕРНЫШЕВЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

1811 и 1812 *).

4 Января 1811 года Чернышевъ пріѣхалъ въ Парижъ подъ предлогомъ передачи письма императора Александра Наполеону, на самомъ же дѣлѣ съ цѣлью слѣдить за его дѣйствіями. Поселившись въ самомъ центрѣ Парижа, на улицѣ Taït-bout, въ двухъ шагахъ отъ бульваровъ и знаменитаго кафе Тортоній, мѣста сборища праздношатающихъ и сплетниковъ, онъ началъ вести свѣтскую жизнь. Отлично понимая, что черезъ дамъ можно вывѣдать гораздо легче и больше, чѣмъ отъ мущинъ, онъ сталъ ревностно искать ихъ расположенія и, пользуясь своей красотой и молодостью, скоро пріобрѣлъ многочисленныхъ пріятельницъ, среди которыхъ Парижская хроника того времени называетъ даже одну изъ принцессъ императорскаго дома, красавицу Полину Боргезе. Легкомысліе и болтливость этихъ дамъ сдѣлались главнымъ источникомъ получаемыхъ Чернышевымъ свѣдѣній. Другимъ источникомъ была довѣрчивость дипломатовъ, которые считали Чернышева своимъ коллегой и охотно принимали его у себя въ кабинетахъ, не остерегаясь, что содержаніе лежащихъ на столѣ бумагъ можетъ сдѣлаться извѣстнымъ не тѣмъ только, кому эти бумаги предназначаются. Затѣмъ шли молодые офицеры, съ которыми Чернышевъ старался взойти въ дружбу еще до выпуска ихъ изъ военной школы. Отъ нихъ можно было вывѣдывать, что̀ дѣлается во всѣхъ частяхъ Французской арміи. Особенно же сближался Чернышевъ съ тѣми лицами изъ высшаго управленія, которыя, какъ напримѣръ Талейранъ, служили Наполеону безъ искренней пре-

*) Александръ Ивановичъ Чернышевъ (впослѣдствіи графъ и затѣмъ князь, много лѣтъ сряду военный министръ) былъ родной племянникъ Екатерининскаго любимца А. Д. Ланскаго, именемъ котораго и названъ. Его дипломатическая дѣятельность въ эпоху великихъ войнъ мало у насъ извѣстна. Чуть ли не былъ онъ и на островѣ Эльбѣ при Наполеонѣ. Статья эта составлена по книгѣ Вандаля La Rupture. Покойный графъ С. Г. Строгановъ читалъ неизданныя еще донесенія Чернышева императору Александру Павловича и глухо отзывался намъ о необыкновенной важности ихъ содержанія. П. Б.

данности. Въ тоже время при личныхъ свиданіяхъ съ Наполеономъ Чернышевъ всячески старался его увѣрить въ искренней къ нему дружбѣ своего Государя и его непоколебимой преданности союзу.

Наполеонъ уже зналъ отъ своего министра полиціи генерала Савари (герцога Ровиго) о неофиціальной дѣятельности Чернышева, но не придавалъ тому большого значенія и, желая лучше сохранить свои враждебные планы, наружно выказывалъ большое расположеніе посланцу нашего Государя. Когда Чернышевъ вторично появился въ Парижѣ съ новымъ письмомъ Александра, Наполеонъ осыпалъ его знаками вниманія и тѣмъ подалъ примѣръ всему Парижскому обществу. Видя, какимъ расположеніемъ пользуется Чернышевъ у императора, который приглашаетъ его, и на интимный завтракъ, и на охоту, держитъ на аудіенціи по 4 часа, придворныя лица, а за ними и все Парижское общество стали въ свою очередь наперерывъ приглашать къ себѣ блестящаго Русскаго офицера, который не преминулъ проникнуть всюду, куда ему хотѣлось.

Такимъ образомъ Наполеонъ, болѣе чѣмъ кто-либо, помогъ Чернышеву въ его развѣдкахъ и далъ овладѣть своими тайнами именно вслѣдствіе политики, направленной къ сокрытію ихъ.

Все это сердило и безпокоило ген. Савари. Чрезмѣрное любопытство Чернышева уже и въ первый его пріѣздъ въ Парижъ возбудило подозрѣніе преданнаго Наполеону министра полиціи. Онъ потихоньку слѣдилъ за нимъ и даже докладывалъ Наполеону о своихъ подозрѣніяхъ.

Когда Чернышевъ уѣхалъ въ Петербургъ, Савари вздохнулъ свободнѣе, но вторичный его пріѣздъ и тотъ успѣхъ, которымъ онъ сталъ пользоваться въ обществѣ, поставили Савари въ крайнее затрудненіе. Онъ былъ убѣжденъ, что Чернышевъ будетъ злоупотреблять своимъ положеніемъ и рѣшилъ противодѣйствовать преступному легкомыслію общества. Онъ послалъ сказать Чернышеву отъ своего имени, что слишкомъ большая любознательность съ его стороны можетъ ему повредить; поэтому пусть онъ себѣ веселится въ Парижѣ сколько душѣ угодно, но не мѣшается ни во что другое. Намекъ былъ очень ясенъ, но Чернышевъ не смутился; онъ тотчасъ пріѣхалъ къ самому Савари и началъ упрекать его за эти ничѣмъ будто бы не вызванныя подозрѣнія. Въ заключеніе своего разговора съ министромъ, Чернышевъ сказалъ, что онъ желаетъ разсѣять его сомнѣнія вполнѣ и потому настоятельно

проситъ Савари самому назначить, гдѣ онъ можетъ бывать и какой образъ жизни вести. Савари сдѣлалъ видъ, что вполнѣ вѣритъ Чернышеву, осыпалъ его любезностями, даже нѣсколько разъ поцѣловался съ нимъ на прощаніе, но на слѣдующій же день приготовилъ ему сюрпризъ: по его заказу въ офиціальной газетѣ Journal de l'Empire, появилась статья безъ подписи, подъ заглавіемъ «Les Nouvelistes», направленная къ тому, чтобы повредить положенію Чернышева въ обществѣ. Средство было выбрано классическое—насмѣшка. Въ статьѣ этой Парижане безпощадно осмѣивались за наклонность все преувеличивать и придавать несоотвѣтствующее значеніе и событіямъ, и людямъ. Между прочимъ тамъ было сказано: «въ настоящее время въ Парижѣ находится одинъ иностранный офицеръ, значеніе котораго опредѣляютъ количествомъ почтовыхъ станцій, которыя онъ проѣхалъ за послѣдніе 6 мѣсяцевъ; тщательно высчитали, что дорòга, которую онъ проѣхалъ менѣе чѣмъ въ годъ равняется двумъ кругосвѣтнымъ путешествіямъ. Изъ этого заключаютъ, что настоящее этого офицера чревато будущимъ, и что, разумѣется, тотъ, кто такъ быстро, далеко и часто ѣздитъ, долженъ быть облеченъ рѣшеніемъ судьбы по крайней мѣрѣ двухъ имперій и 5, 6 королевствъ. Но можно успокоить этихъ господъ, напомнивъ имъ слѣдующій извѣстный анекдотъ. Князь Потемкинъ, давшій въ свое время такъ много пищи для сплетень, имѣлъ среди своихъ офицеровъ одного майора, по фамиліи Бауеръ. Этотъ Бауеръ былъ однимъ изъ тѣхъ людей прошлаго вѣка, которые очень занимали газетчиковъ Германіи и почтовыхъ ямщиковъ въ Россіи. Его постоянно видѣли на самыхъ противоположныхъ концахъ свѣта, ѣдущимъ то отъ устья Дуная къ устью Невы, то отъ Парижа въ предѣлы Татаръ. Политикамъ, засѣдающимъ въ кафэ, свидѣтелямъ всѣхъ этихъ передвиженій, уже грезилось возрожденіе древней Греціи, возстановленіе Крымскаго ханства, взятіе Константинополя, даже одно изъ тѣхъ великихъ переселеній народовъ, которыя нѣкогда покрывали развалинами Западъ и Югъ Европы. Хотите знать, какія на самомъ дѣлѣ были тайныя порученія майора Бауера? По возвращеніи изъ Парижа, гдѣ онъ выбиралъ для князя Потемкина танцовщика, его посылали въ Албанію за икрою, въ Астрахань за арбузами и въ Крымъ за виноградомъ. Этотъ офицеръ, проводившій все время въ дорогѣ, боялся сломить наконецъ себѣ шею и требòвалъ, чтобы для него сочинили на этотъ случай эпитафію; одинъ изъ его друзей написалъ слѣдующую, которая можетъ послужить и для его пріемниковъ:

«Ci-git Bawer sous ce rocher.
Fouette, cocher *)!»

*) Подъ симъ камнемъ лежитъ Бауеръ. Стегай, ямщикъ!

Статья эта надѣлала много шума. Такое низведеніе человѣка, посланнаго посла союзнымъ Государемъ до степени простого курьера, пришлось многимъ не по вкусу.

Наполеонъ же, въ расчеты котораго совсѣмъ не входило подобное оскорбленіе, могущее привести къ нежелательнымъ осложненіямъ, пришелъ въ крайнее раздраженіе. Онъ потребовалъ къ себѣ герцога Ровиго и яростно накинулся на него. «Хотите вы заставить меня начать войну, крикнулъ онъ на него; но вы знаете, что я ея не хочу, и у меня ничего для нея еще не готово». И онъ приказалъ Савари оставить Чернышева совершенно въ покоѣ, чтобы онъ дѣлалъ, что хочетъ, ходилъ куда хочетъ и слушалъ, что̀ ему угодно. «Оставалось только, пишетъ Савари въ своихъ воспоминаніяхъ, чтобы мнѣ было приказано самому давать для Чернышева нужныя ему свѣдѣнія». Но Наполеонъ не ограничился этимъ выговоромъ: онъ потребовалъ, чтобы были наказаны редакторъ газеты и составитель статьи.

Составителемъ оказался нѣкто Эменаръ, проходимецъ-газетчикъ, причисленный къ управленію полиціи, гдѣ онъ исполнялъ должность цензора. Къ характеристикѣ нравовъ не лишнее сказать, что этотъ Эменаръ, между прочимъ, былъ занятъ разыскиваніемъ шпіоновъ, но не гнушался случаемъ къ нимъ же и подслужиться. Уже впослѣдствіи обнаружилось, что у него были крайне подозрительныя сношенія съ иностранными посольствами, которымъ онъ продавалъ секретные документы. Курьезнѣе всего то, что онъ былъ также въ сношеніяхъ съ самимъ Чернышевымъ, при чемъ ухитрился и его обманывать, продавая ему фальшивыя свѣдѣнія взамѣнъ настоящихъ. Жилъ онъ припѣваючи, служа и обманывая и вашихъ и нашихъ, но сломалъ себѣ шею о того же Чернышева, котораго такъ ловко проводилъ. За свою статью по приказанію императора онъ былъ высланъ изъ Парижа, поѣхалъ въ Италію, гдѣ по дорогѣ, вслѣдствіе несчастнаго случая, сломалъ себѣ шею уже въ прямомъ смыслѣ.

Слѣдствіемъ этой исторіи было то, что Чернышеву, по милости самого Наполеона, была предоставлена полная свобода, которою онъ какъ нельзя лучше пользовался все то время, пока Наполеонъ подготовлялъ громадную армію для вторженія въ Россію, всячески заботясь, чтобы эта подготовительная работа по возможности оставалась неизвѣстной Русскому правительству. Покрывая свои намѣренія такой непроницаемой тайной, что даже послѣ 18 мѣсячныхъ приготовленій, когда уже войска были собраны на берегу Нѣмана, большинство его

маршаловъ не знали, что война предстоитъ именно съ Россіей, а солдаты прямо были увѣрены, что они идутъ въ Индію соединенно съ Русскими силами, въ дипломатическихъ сношеніяхъ Наполеонъ принялъ такой образъ дѣйствій, чтобы ни въ какомъ случаѣ не обнаружить своихъ замысловъ и во всякомъ случаѣ отдалить разрывъ до той минуты, пока не будетъ все готово для нанесенія неожиданнаго и сокрушающаго удара. Поэтому, всячески скрывая наборы и передвиженія войскъ, онъ давалъ подробныя предписанія своему новому послу въ Петербургѣ Лористону о томъ, какъ тотъ долженъ говорить въ случаѣ, если бы то или другое передвиженіе войскъ возбудило подозрѣніе императора Александра. Ему приказано было объяснить, напримѣръ, сосредоточеніе войскъ маршала Даву въ сѣверной Германіи необходимостью защитить Данцигъ, который, будто бы, намѣреваются захватить Англичане, уже двинувшіеся по Балтійскому побережію. Все время въ продолжавшейся дипломатической перепискѣ Наполеонъ неизмѣнно говорилъ о своемъ нежеланіи начинать войну, настоятельно просилъ сообщить, наконецъ, чего желаетъ Россія, заявляя, что будетъ сдѣлано все, что только возможно, чтобы придти къ соглашенію. Даже наканунѣ своего отъѣзда въ армію онъ увѣрялъ Русскаго посла, князя Куракина (чему тотъ и повѣрилъ), что все уладится и сосредоточеніе войскъ на Русской границѣ представляетъ ничто иное, какъ военную демонстрацію.

Такимъ образомъ были приняты всѣ мѣры, чтобы обрушиться на Россію неожиданно, сразу, быстрыми переходами передвинувъ войска изо всѣхъ концовъ Европы къ границамъ Россіи.

Наполеонъ все обдумалъ, все предвидѣлъ; онъ забылъ только о Чернышевѣ, который по его же распоряженію оставался на полной свободѣ въ Парижѣ. Только тогда, когда все было готово къ походу, Наполеонъ вспомнилъ, что присутствіе въ Парижѣ человѣка столь любознательнаго, какъ Чернышевъ, могло быть опасно и приказалъ за нимъ слѣдить. Боясь, однако, чтобы Савари своимъ усердіемъ не напортилъ чего-нибудь, онъ поручилъ это дѣло своему министру иностранныхъ дѣлъ Маре́. Тотъ обратился за помощью къ своему другу, префекту полиціи, барону Пакье, который нарядилъ слѣдить за Чернышевымъ самаго ловкаго сыщика, нѣкоего Фудра̀. Съ своей стороны Савари, боясь, что все сдѣлается безъ него и не желая упустить изъ рукъ столь интереснаго и важнаго дѣла, сталъ бдительно наблюдать за Чернышевымъ. Такимъ образомъ Чернышевъ попалъ подъ надзоръ агентовъ двухъ министерствъ; были пущены въ ходъ всѣ средства, чтобы

изловить его. Въ домъ, который занималъ Чернышевъ, помѣстили другого жильца, чтобы тотъ незамѣтно наблюдалъ день и ночь за всѣмъ, что̀ происходитъ въ его квартирѣ. Во время отсутствія Чернышева, открыли отмычкою и перерыли его желѣзный ящикъ, гдѣ онъ хранилъ бумаги и среди нихъ нашли доказательства, что весь планъ сформированія войскъ извѣстенъ Чернышеву съ поразительной точностью. Когда объ этомъ донесли Наполеону, тотъ былъ совершенно озадаченъ и рѣшилъ во что бы то ни было открыть и наказать виновныхъ; ибо не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что сообщить такъ вѣрно и подробно все расформированіе и расположеніе войскъ могъ лишь человѣкъ, стоящій непосредственно у дѣла, измѣнникъ, состоящій на службѣ въ военномъ министерствѣ.

Наполеонъ рѣшилъ однако, прежде чѣмъ отыскать и наказать виновныхъ, заставить Чернышева уѣхать изъ Парижа и нашелъ, что лучшее для того средство было поручить ему снова отвезти письмо къ Русскому императору. Такимъ образомъ все обошлось бы безъ огласки, которая могла привести преждевременно къ оффиціальному разрыву дипломатическихъ съ Россіей сношеній.

Платя за обманъ довѣрія лукавствомъ, Наполеонъ поручилъ Чернышеву отвезти новыя предложенія о соглашеніи съ Россіей, надѣясь, въ свою очередь, ввести въ заблужденіе Русскаго императора черезъ самого же Чернышева. 25-го Февраля 1812 года, онъ призвалъ Чернышева и два часа бесѣдовалъ съ нимъ очень милостиво, лишь слегка намекнувъ, что ему извѣстны его продѣлки.

Простившись съ Наполеономъ, Чернышевъ всего нѣсколько часовъ остался въ Парижѣ и 26 Февраля сидѣлъ уже въ почтовой каретѣ, увозившей его въ Петербургъ. Предъ отъѣздомъ, чувствуя, что за нимъ послѣднее время снова начали слѣдить, онъ постарался уничтожить всѣ слѣды своей дѣятельности. Эта предосторожность была не лишняя, ибо только что онъ выѣхалъ изъ дому, какъ въ его квартиру явились агенты полиціи и перерыли всѣ углы. Они нашли лишь клочки разорванныхъ писемъ, по которымъ нельзя было ровно ничего узнать, да груду золы въ каминѣ. Начавъ рыться въ этомъ пеплѣ, передвинули коверъ, лежавшій противъ камина и вдругъ, подъ нимъ, замѣтили маленькую записку, случайно завалившуюся подъ коверъ и ускользнувшую такимъ образомъ отъ пламени.

Записка была слѣдующаго содержанія: «Вы меня удручаете, графъ, своими просьбами. Могу ли я еще сдѣлать болѣе того, что̀ уже дѣлаю?

Сколько неудовольствія испытываю я, заслуживая лишь случайныя вознагражденія! Завтра вы удивитесь тому, что̀ я вамъ дамъ; будьте дома въ 7 часовъ утра. Теперь 10 часовъ, я оставляю свое перо, чтобы достать расположеніе Германской арміи вкратцѣ, вплоть до сегодняшняго дня. Образовывается четвертый корпусъ, о которомъ все извѣстно; но у меня нѣтъ времени, чтобы сообщить вамъ его въ подробностяхъ. Императорская гвардія войдетъ въ составъ великой арміи. До завтра, 7 часовъ утра. Подписано М.».

Эта записка могла явиться ключемъ къ отысканію виновнаго. За дѣло принялись два министерства, потому что Наполеонъ, послѣ перваго сообщенія о предательствѣ, чтобы возбудить соревнованіе, далъ позволеніе, еще до отъѣзда Чернышева изъ Парижа, дѣйствовать и министру полиціи Савари. Такимъ образомъ Пакье, префектъ полиціи, получивъ этотъ важный документъ, рѣшилъ передать его министру иностранныхъ дѣлъ, герцогу Бассано, который собственно и поручилъ ему это дѣло; для Савари была предназначена лишь копія.

Не успѣлъ еще Пакье отослать и то и другое по назначеніи, какъ къ нему на квартиру явился самъ министръ полиціи Савари, который, прослышавъ о находкѣ, захотѣлъ завладѣть ею первый. Получивъ ее, Савари вечеромъ того же дня, съ торжественнымъ видомъ входилъ на докладъ къ императору. Какова была его досада, когда Наполеонъ съ насмѣшливымъ видомъ и словами «вамъ бы не удалось найти этихъ похоронокъ Русскаго офицера, а министерство иностранныхъ дѣлъ не преминуло это сдѣлать», протянулъ ему копію записки. Очевидно, герцогъ Бассано, которому Пакье счелъ долгомъ отослать копію, опередилъ Савари, и сему послѣднему ничего не оставалось, какъ показать Наполеону и подлинникъ. Раздосадованный, онъ рѣшилъ, во чтобы то ни стало, въ свою очередь поразить Наполеона скоростью и ловкостью розыска и съ необыкновеннымъ рвеніемъ принялся за раскрытіе дѣла.

Но, какъ найти автора записки? Несомнѣнно, это былъ одинъ изъ чиновниковъ военнаго министерства. Подозрѣніе пало на нѣкоего Мишеля, писца въ экипировочномъ отдѣлѣ. Онъ былъ пьяница и жилъ не по средствамъ. Сличивъ его почеркъ съ почеркомъ записки, установили, что писала таже рука. Черезъ часъ послѣ этого открытія Мишель уже былъ въ министерствѣ полиціи, гдѣ, въ виду очевидности преступленія, сознался во всемъ. Онъ указалъ на швейцара Русскаго посольства, Вюстингера, родомъ изъ Вѣны, черезъ котораго и имѣлъ сношенія съ Чернышевымъ. Чтобы узнать все въ точности, надо было схватить

самого Вюстингера, но, такъ какъ тотъ жилъ въ Русскомъ посольствѣ, гдѣ по международному праву нельзя было произвести ареста, его выманили, заставивъ Мишеля написать ему записку съ приглашеніемъ въ кафэ, въ которомъ они всегда встрѣчались. Тотъ, ничего не подозрѣвая, явился на свиданіе, былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму. Въ тоже время, по указанію Мишеля, были арестовано еще нѣсколько другихъ чиновниковъ, которые ему помогали добывать нужные документы. Началось слѣдствіе, допросы и скоро все дѣло обнаружилось въ мельчайшихъ подробностяхъ.

Лѣтъ 8, 9 назадъ, еще во время консульства, Русскій повѣренный въ дѣлахъ, Убри, уже находился въ сношеніяхъ съ Мишелемъ, занимавшимъ тогда должность въ бюро передвиженія войскъ. Подкупивъ его, Убри выманилъ у него кое-какія свѣдѣнія. Съ тѣхъ поръ Мишеля не теряли изъ виду. Послѣ перерыва дипломатическихъ сношеній во время войны 1805 года его нашли опять черезъ швейцара резиденціи посольства, Вюстингера. Сами Русскіе послы не принимали участіе въ этихъ сношеніяхъ, нѣкоторые даже не знали о нихъ, напримѣръ князь Куракинъ; но при посольствѣ всегда были люди, которые это дѣлали; сначала Нессельроде, затѣмъ Крафъ и наконецъ Чернышевъ, который превзошелъ всѣхъ добытыми свѣдѣніями.

Когда Мишель былъ переведенъ въ экипировочное отдѣленіе министерства, то лично ему было уже невозможно получать требуемыя свѣдѣнія, и онъ, съ своей стороны, подкупилъ нужныхъ людей. Въ этомъ онъ показалъ себя виртуозомъ. Дѣло въ томъ, что каждыя двѣ недѣли въ министерствѣ составляли подробный отчетъ о составѣ и расположеніи всѣхъ частей войскъ; отчетъ предназначался исключительно для императора. Прежде чѣмъ его къ нему препроводить, обыкновенно его отсылали къ переплетчику, причемъ, въ виду крайней важности и секретности этого документа, время, въ которое посыльный министерства долженъ былъ отнести и возвратить его, было строго опредѣлено. Но Мозесъ, исполнявшій это порученіе, за нѣсколько пятифранковиковъ, скорымъ шагомъ, сначала относилъ этотъ отчетъ къ Мишелю, который прочитывалъ его и потомъ передавалъ прочитанное Чернышеву. Этого было мало: Мишель подкупилъ еще чиновника бюро передвиженія, Сажѐ, и экспедиціоннаго, Сальмони, которые давали дополнительныя свѣдѣнія. Такимъ образомъ Чернышевъ зналъ все ранѣе самого Наполеона и во всякомъ случаѣ также вѣрно.

За эту работу Чернышовъ платилъ Мишелю, но очень неправильно, кормя его больше обѣщаніями милостей Русскаго императора

и суля пожизненную пенсію. Были минуты, когда Мишель чувствовалъ раскаяніе, понимая все значеніе своей вины и хотѣлъ перестать быть предателемъ своей родины; тогда Чернышевъ грозилъ ему, говоря, что все равно ему не миновать эшафота, и тотъ волей не волей принужденъ былъ повиноваться. Въ случаѣ же, если Мишель не доставлялъ скоро требуемыхъ свѣдѣній, Чернышевъ являлся самъ къ нему на квартиру на rue de la Planche. Обыкновенно же мѣстомъ свиданія была комната швейцара Вюстингера.

Разъ попавъ на слѣды измѣны, слѣдствіе шагъ за шагомъ открыло, что Чернышовъ не ограничивался услугами мелкихъ чиновниковъ военнаго министерства. Обнаружилось, что онъ предложилъ крупную сумму (на этотъ разъ, правда, безъ успѣха) одному начальнику дивизіи и пытался помѣстить своихъ шпіоновъ въ самый генеральный штабъ великой арміи. Онъ переманилъ на Русскую службу знаменитаго Жомини, одного изъ лучшихъ знатоковъ военной техники, лишивъ такимъ образомъ Наполеона драгоцѣннаго помощника. Куда ни направляло слѣдствіе свои изысканія, въ министерство ли внутреннихъ дѣлъ, въ министерство ли торговли, всюду оно находило слѣды дѣятельности Чернышева.

Всѣ эти разоблаченія были представлены императору въ двухъ отчетахъ 1-го и 7-го Марта 1812 года. Видя, что всѣ усилія сохранить свои дѣйствія въ секретѣ (чѐ было до такой степени важно въ смыслѣ обезпеченія успѣха) оказались тщетными, что онъ проведенъ, какъ мальчишка и кѣмъ же, Русскимъ молодымъ офицеромъ, Наполеонъ пришелъ въ крайнее раздраженіе и рѣшилъ предать все дѣло скандальной огласкѣ предъ лицемъ всей Европы. Онъ рѣшилъ назначить надъ измѣнниками гласный судъ съ присяжными и пріурочить его ко времени открытаго разрыва съ Россіей, намѣченнаго имъ недѣль черезъ шесть. Пока же все должно было оставаться въ тайнѣ.

Тѣмъ временемъ князь Куракинъ, страшно обезпокоенный исчезновеніемъ своего швейцара, поднялъ тревогу. Не подозрѣвая ровно ничего о томъ, чѐ творилось столько уже времени въ его швейцарской и предполагая, что Вюстингеръ сдѣлался жертвой несчастнаго случая или, самое большее, задержанъ за какую-нибудь обыкновенную провинность, онъ обратился съ нотой къ министру иностранныхъ дѣлъ, г. де Бассано, убѣдительно прося его предупредить министра полиціи объ исчезновеніи этого необходимаго въ Русскомъ посольствѣ человѣка, умоляя не медлить ни минуты, и заранѣе благодаря за содѣйствіе.

Наполеонъ былъ крайне раздосадованъ этимъ набатомъ со стороны князя Куракина. Первымъ его движеніемъ было кинуть ему въ лицо отвѣтную ноту, гдѣ было бы изложено все дѣло. Онъ даже собственноручно составилъ ее въ самыхъ энергичныхъ выраженіяхъ, гдѣ поступокъ Чернышева клеймился какъ предательство и обманъ довѣрія государя союзной державы. Однако такое оглашеніе, при отношеніяхъ между двумя правительствами, безъ того до крайности натянутыхъ, могло вызвать немедленный и преждевременный разрывъ союза, который слѣдовало дотянуть до времени, когда всѣ приготовленія къ войнѣ будутъ закончены. По этому герцогъ де-Бассано получилъ иныя инструкціи. Между тѣмъ князь Куракинъ прямо осаждалъ послѣдняго своими визитами, жалобами, распросами. Тотъ сначала отнѣкивался полнымъ незнаніемъ и только чрезъ нѣсколько дней сообщилъ, что по наведеннымъ справкамъ Вюстингеръ арестованъ за участіе въ заговорѣ противъ цѣлости государства. Страшно смущенный этимъ заявленіемъ, князь Куракинъ началъ оправдываться невозможностью ручаться за своихъ людей, особенно при такомъ обширномъ хозяйствѣ, какъ у него.

Бассано обѣщалъ, по мѣрѣ хода слѣдствія, сообщать князю Куракину всѣ подробности дѣла, и вотъ вся эта грязь, капля за каплей мучительно стала падать на голову дипломата, виновнаго лишь въ своемъ чистосердечіи. Прошло шесть недѣль со дня ареста Вюстингера, и князь Куракинъ успокоился, такъ какъ ему было обѣщано не придавать этого дѣла огласкѣ.

Вдругъ однажды вечеромъ онъ прочелъ въ Gazette de France объявленіе о назначеніи на 13-е Апрѣля 1812 года суда присяжныхъ по дѣлу о государственной измѣнѣ.

Мишель, Сажѐ, Сальмонъ и Мозесъ привлекались въ качествѣ обвиняемыхъ, Вюстингеръ, какъ необходимый свидѣтель. Начался сенсаціонный публичный процессъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-прокурора Легу̂. Въ этомъ процессѣ, закончившемся приговоромъ къ смертной казни Мишеля, прикованіемъ къ позорному столбу Сажѐ и оправданіемъ Сальмона и Мозеса, были поименованы всѣ причастные къ дѣлу лица, въ томъ числѣ Русскій повѣренный Убри и Чернышевъ. Газеты наполнились отчетами объ этомъ процессѣ. Скандалъ былъ полнѣйшій, всесвѣтный.

Несчастный князь Куракинъ былъ совершенно ошеломленъ и не зналъ, на что рѣшиться. Считая своимъ долгомъ протестовать, онъ составилъ оправдательную ноту и потребовалъ опубликованія ея въ

газетахъ, но получилъ рѣшительный отказъ. Съ той поры начались мытарства несчастнаго князя Куракина, сдѣлавшагося козломъ отпущенія за чужіе грѣхи.

Съ 27-го Апрѣля, дня предъявленія присланнаго изъ Петербурга Русскаго ультиматума, вплоть до 10-го Мая, когда Наполеонъ уѣхалъ на театръ военныхъ дѣйствій, князя Куракина дурачили самымъ безпощаднымъ образомъ, все время питая въ немъ надежду придти къ соглашенію и уклоняясь отъ прямого отвѣта. Тщетно онъ осаждалъ г. Бассано настойчивыми просьбами приступить къ обсужденію статей Русскаго ультиматума; тотъ, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, избѣгалъ назначенныхъ совѣщаній. Выведенный изъ терпѣнія и чувствуя себя всеобщимъ посмѣшищемъ, князь Куракинъ потребовалъ назадъ свои ввѣрительныя грамоты. Послѣднее не входило въ расчетъ Наполеона, и г. Бассано уговорилъ разсерженнаго дипломата взять назадъ свое требованіе, обѣщая завтра же приступить къ серьезному обсужденію, но са́мъ въ ту же ночь уѣхалъ въ армію вслѣдъ за императоромъ.

Такимъ образомъ князь Куракинъ остался поневолѣ на своемъ дипломатическомъ посту безъ возможности уѣхать въ Россію.

Однимъ изъ послѣднихъ нравственныхъ пытокъ была для него казнь осужденныхъ по дѣлу Чернышева, Мишеля и другихъ. Вюстингеръ же былъ выпущенъ на свободу и явился какъ снѣгъ на голову въ Русское посольство для исполненія прерванныхъ обязанностей. Князь Куракинъ лично очень обрадовался ему, но рѣшилъ прогнать опозорившаго его домъ слугу. Но и это доброе намѣреніе ему не дали привести въ исполненіе. Полиція, чтобы утишить возбужденіе Парижской публики, среди бѣла дня схватила Вюстингера на rue de Bourgogne и засадила вновь въ тюрьму.

Таковъ былъ послѣдній эпизодъ всей этой исторіи, причинившей такъ много досады Наполеону и въ значительной степени повліявшей на судьбу всей кампаніи 12-го года. Главный виновникъ ея, Чернышевъ, впослѣдствіи сталъ въ иныя къ Наполеону отношенія и, можно предполагать, оказалъ ему важную услугу.

Когда освободитель Европы Александръ узналъ, что Талейранъ, Меттернихъ и Кастльре устроили союзъ противъ него, ихъ спасителя, можетъ быть приказалъ онъ Чернышеву, если онъ былъ тогда на о. Эльбѣ, дать знать о томъ Наполеону и содѣйствовать его побѣгу, чтобы напустить это страшилище на вѣроломныхъ друзей Россіи и тѣмъ разрушить ихъ козни?

Сергѣй Бартеневъ.

ПИСЬМА КЪ КНЯЗЮ А. Н. ГОЛИЦЫНУ.

I.

Черногорскаго владыки Негоша.

Милостивый государь, князь Александръ Николаевичъ.

Въ высокое ваше сіятельство ходатайство архимандрита Степана Коссовича рекомендуя, и уповая несумнѣнно, что Его Величество Государь Императоръ не оставитъ пещися о благѣ народовъ съ Россіею единовѣрныхъ и единоплеменныхъ. Хотя обстоятельства послѣдовавшаго нынѣ мира съ Россіей и Франціей и приближали Французовъ къ предѣламъ нашимъ, таковое приближеніе для насъ не безъ опасности, однакожъ мы и сопредѣльные намъ надѣемся на Господа Силъ, что избавлены будемъ немедленно, помазанникомъ Божіимъ Александромъ Всероссійскомъ, и еще Господа Саваоѳа рука высока.

Всепокорнѣйше прошу ваше сіятельство, яко высокаго ходатая нашего во всѣхъ благопріятныхъ случаяхъ, касательно до народовъ сихъ о пользѣ ихъ быть имъ съ хорошей стороны добрымъ ходатаемъ, и въ томъ посредничествѣ архимандриту Коссовичу дана отъ меня и отъ народа пастырству моему ввѣреннаго и въ сопредѣльныхъ съ нами полномочная довѣренность, чтобъ онъ, Коссовичъ, могъ чрезъ посредство министерства двора нашего о всѣхъ пользахъ народныхъ, такъ равно и высочайшаго двора нашего Его Величеству Государю Императору представлять и ходатайствовать Слѣдуетъ благословенную Имперію Всероссійскую со всѣхъ сторонъ обезпечить и славу ея на вѣки возвеличить.

А при томъ осмѣливаюсь вашему сіятельству всепочтеннѣйше доложить, что оставшійся при мнѣ тайный мой секретарь оберъ-іеромонахъ архимандритъ Дометіанъ Владевичъ за многія и отличныя его заслуги Его Величество всемилостивѣйше пожаловать ему благосоизволилъ пенсію и жалованье, то дабы оное ему было здѣсь доставляемо. Онъ мнѣ былъ во всѣхъ случаяхъ благопотребенъ и нынѣ мнѣ весьма

нуженъ; а сверхъ того преполезно бы было наградить его, Владевича, какъ по справедливости много онъ заслужилъ и впредъ служить благонадеженъ, знàкомъ отличныя монаршія милости, орденомъ Святыя Анны втораго класса, во вящее ободреніе его и уваженіе въ народѣ семъ и сопредѣльномъ намъ, гдѣ онъ есть дѣйствующее лицо. И сіе мое всенижайшее прошеніе Его Величеству Государю Императору къ свѣдѣнію не оставьте доставить.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ честь имѣю быть, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга митрополитъ Черногорскій Петръ Петровичъ Негошъ.

Въ Станѣвичѣ, 2-го Августа 1807-го.

II.

Выписка изъ письма Сперанскаго.

От Генваря 1820.

Съ возвращающимся фельдъ-егеремъ долгомъ поставляю возобновить повѣствованія мои в. сіятельству о здѣшнихъ моихъ упражненіяхъ.

Въ послѣднемъ письмѣ я остановился на открытіяхъ, кои слѣдствіями здѣсь обнаружены. Устраненіе губернатора ускорило движеніе сихъ дѣлъ. Большая изъ нихъ часть приведена къ концу; остальныя, по всей вѣроятности, окончатся къ Марту мѣсяцу. Между тѣмъ всѣ свѣдѣнія къ будущему устройству сего края нужныя собраны, и я занимаюсь приведеніемъ ихъ въ порядокъ. Надѣюсь, что обѣ работы, мнѣ предназначенныя, то есть, отчетъ въ обозрѣніи губерній и предположенія къ будущему ихъ устройству, если не прежде, то къ Маю мѣсяцу совершенно будутъ готовы. Отправленіе Пекинской духовной миссіи къ тому же времени будетъ окончено. Послѣ сего пребываніе мое въ Иркутскѣ будетъ безполезно; съ Мая мѣсяца, на обратномъ пути въ Тобольскъ, я полагаю обозрѣть еще нѣкоторыя мѣста, въ сторонѣ отъ дороги лежащія. Все сіе вѣроятно кончится къ Іюлю.

Ваше сіятельство не изволите конечно найти страннымъ, что въ Генварѣ я помышляю и пишу къ вамъ объ Іюлѣ. Въ Сибири это не слишкомъ рано. Сіе приводитъ меня и къ общему вопросу о времени моего здѣсь пребыванія, къ вопросу, коего благовременное разрѣшеніе, и для меня лично, и для дѣлъ, мнѣ кажется необходимо. Я осмѣливаюсь въ письмѣ на имя всемилостивѣйшаго Государя, при семъ прилагаемомъ, испрашивать сего разрѣшенія, и вотъ мои причины.

По окончаніи здѣсь дѣлъ, особенно мнѣ предназначенныхъ, какая можетъ быть цѣль дальнѣйшаго моего въ Сибири пребыванія? Текущія

дѣла и безъ меня идти могутъ; управлять же краемъ симъ безъ людей и безъ способовъ невозможно. То и другое отъ меня не зависитъ. Людей не въ Сибири искать должно, а способы требуютъ государственнаго соображенія; до того же времени, какъ соображеніе сіе будетъ сдѣлано, я долженъ буду въ бездѣйствіи или въ невольномъ послабленіи, съ урономъ здоровья и всѣхъ моихъ семейныхъ обязанностей, потерять и то малое довѣріе, которое здѣсь доселѣ пріобрѣлъ. Тотъ же порядокъ, тѣ же люди: тѣ же будутъ послѣдствія. Возникнетъ ропотъ, пойдутъ жалобы, и я, бывъ посланъ сюда для слѣдствія, въ концѣ сего года самъ могу быть подверженъ слѣдствіямъ. Присоедините къ сему, что ревизія поставила меня въ непримиримой враждѣ со всѣми чиновниками. Одни преданы суду; другіе находятся подъ слѣдствіемъ. Могу ли я дѣйствовать не только съ честью, но даже и безъ опасности?

Признаюсь вамъ въ моей слабости; при мрачныхъ здѣшнихъ дѣлахъ, сіи мрачныя мысли столько меня смущаютъ, что я не помню въ жизни положенія болѣе для меня затруднительнаго. Столько можетъ быть противорѣчія между внѣшнимъ видомъ и внутренними чувствами.

Съ радостію принялъ я здѣсь Англійскихъ миссіонеровъ.

III.

Аракчеева.

Милостивый государь князь Александръ Николаевичъ.

Позвольте мнѣ, ваше сіятельство, на должностное ваше письмо отвѣчать собственноручно, единственно къ вашему свѣдѣнію.

Приношенія такого рода, которыя дѣлаются гласными чрезъ объявленіе въ публичныхъ листахъ, не могутъ быть отъ меня доставлены по ограниченному моему доходу, изъ коего я самую большую часть ежегодно употребляю на устройство ввѣренныхъ мнѣ отъ Бога земледѣльцовъ; почему я въ таковыхъ случаяхъ и слѣдую всегда тому христіанскому правилу, въ коемъ повелѣвается творить тайную милостыню къ собственному душевному удовольствію.

Честь имѣю быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью вашего сіятельства покорный слуга графъ Аракчеевъ.

IV.

Архимандрита Фотія.

1.

Радуйся! Спасися! Миръ тебѣ!

Церковь твоя и вся твоя порадовали меня о Христѣ, а любовь твоя меня аки бы оживила, какъ я видѣлъ въ дому твоемъ. Милость Царя къ

моему намѣстнику такъ меня обрадовала, что я весь отъ радости внутренно восхищался. Сей знакъ любви твоея для меня на дѣлѣ, паче всѣхъ словесъ; ибо дѣла являютъ любовь твою къ намъ убогимъ и грѣшнымъ.

Я тогда, въ Пятокъ по вечеру въ 7 часовъ, не былъ тамъ, а днемъ въ 6 буду. Мнѣ нужно будетъ послѣ тебя видѣть. Митрополитъ никого паче тебя не можетъ любить. Это знаю вѣрно. Ты его душа вся. Никто тебя не любитъ и не будетъ любить другой архіерей такъ свято, какъ Серафимъ. Я въ семъ ручаюсь тебѣ предъ Богомъ. Я испыталъ всѣ струны его сердца. А ты и я, два, какъ тѣло и душа, и сердце одно мы. Ибо Христосъ посреди насъ!

Токмо уже я буду говорить всегда *не лесть*, а правду, что̀ слышу, вижу, знаю или испытаю самъ вѣрно. Люби меня въ Бозѣ, о Немъ же живу и есмь. Христосъ посреди насъ есть и будетъ.

Спасися, молися о мнѣ, пекися о себѣ и мнѣ, какъ о себѣ. Миръ тебѣ! Помнишь ли зачало *50* и 3—7—21 стихъ?

Дивно то, что во время службы на престолѣ твоей церкви съ митры моей, сущей на главѣ, спала изъ цвѣта *жемчужина* большая и каталася по престолу, кою я взялъ по концѣ обѣдни и въ карманъ положилъ и хотѣлъ дать тебѣ, но забылъ. Жемчужина сія между нерукотвореннымъ образомъ и Знаменія Б. Матери была въ срединѣ цвѣта: подъ Іоанномъ б. Евангелистовъ и орломъ, въ (устахъ) носу держащимъ чернильницу съ перомъ, а подъ правою рукою Саваоѳа благословляющаго и подъ прямымъ колѣномъ Св. Духа. Ибо мы сіе разсматривали въ домѣ графини и, нашедъ мѣсто, описываю тебѣ, о *жемчужинѣ*, коей недоставало: она есть притча о Царствіи, а что вѣрно спала, то вопроси служащихъ твоихъ и моихъ.

Спасися, миръ тебѣ, съ Богомъ радуйся! Симболъ благой служенія въ церкви. Убогій твой рабъ о Христѣ Фотій.

16 Марта 1824.

P. S. А тетрадь о книгахъ, что я читалъ, есть выписка нѣкоего господина вѣрнаго и опытнаго, а я тебѣ своего назвалъ, дабы вдругъ тебя не исполохать.

Я имѣлъ замѣчанія изъ вредныхъ книгъ и въ 1820 году предалъ огню, и точно все въ памяти осталось, а теперь даже и книгъ не имѣю. А по семъ я еще повытащу о книгахъ и тебѣ прочту. Иначе на насъ врасплохъ нападши—испугать могутъ. Вотъ какъ я этимъ и служу тебѣ. Дѣла мои тебѣ являютъ любовь. Миръ тебѣ. Жаль, что Кошелева не видалъ. Ему есть нужда слышать слова о спасеніи. Ему вреда не было бы? Нужно бы и Попова мнѣ видѣть, и пусть они съ тобою поговорятъ. Какъ лучше, такъ и разсуди.

Миръ тебѣ, спасися; теперь то тебѣ благословенная твоя Субота настаетъ. Съ нами Богъ! Господь силъ съ нами! Узрѣть желаю въ домѣ дщери моя духовныя. Слыши! Не презри раба твоего, но призри, внемля гласу Его: ибо гласъ его есть гласъ Пріявшаго зракъ рабій. Миръ тебѣ! Спасися! Христосъ посреди насъ есть и будетъ!

17 Марта 1824.

2.

Вспомни, что въ первые дни, какъ я пріѣхалъ, тебѣ видѣніе мое пересказывалъ, что узрю царя, а ты вопросилъ: Что же ты говорилъ? Я замолчалъ о событіи видѣнія. Рцы, кто тебѣ возвѣстилъ? Не искушай Бога: высшихъ себѣ не ищи и проч. Христосъ съ тобою, миръ тебѣ, спасися съ Богомъ. Буди терпѣливъ, а не скоръ на осужденіе. Незлобіе и доброта въ несчастіи познается. Аще благая пріяхъ, злыхъ ли не терплю? Съ Богомъ радуйся! А. убогій Фотій.

P. S. Непостояненъ ты въ любви и слабъ. Кто можетъ мое сердце? Что ты, я знаю. Спаси тебя Боже и укрѣпи.

22 Апрѣля 1824.

3.

Кто тебѣ возгласилъ, что я противу тебя? Ты знаешь, что я по закону, по совѣсти, по любви и по присягѣ вѣры и правилъ Богу и Царю, Церкви и Отечеству служилъ, служу и буду служить и что или кто меня разлучитъ отъ любви Божіей въ семъ разумѣ? Тма злодѣйскихъ книгъ можетъ ли и святую душу не смущать? Потопъ сдѣлался у насъ отъ невѣрія. Убойся Бога,—что̀ я противу тебя? Ужели слово и дѣло—всякое противу злодѣйствъ книжныхъ есть и можетъ быть противу тебя? Кто тебѣ возвѣстилъ, что я былъ и у Царя? Я, что̀ касается до тебя, возвѣщалъ тебѣ покаяніе, яко служитель Церкви. Отъ личности твоея я чистъ. Какъ-то мы явимся на страшный Судъ Божій? Спасися съ Богомъ, а не во злобѣ и нетерпѣливости, съ чѣмъ ты и пишешь мнѣ. Кто не знаетъ, что ты незлобивъ и добръ самъ по себѣ? Не въ прелести, а въ разумѣ вѣры святыя и правдѣ Христосъ погребъ насъ, былъ и есть и будетъ, речено было единожды и навсегда, а ты въ первый разъ пишешь: и крестъ и Христа отвергъ. Сія ли мечта твоея скорби—скорби не твоей, а чьей либо другой смущаетъ до отчаянія тебя. Я не такъ тебя люблю, какъ ты. Время докажетъ. Знай, что я, по власти мнѣ данной, твой наставникъ и отецъ, а ты мнѣ сынъ; я Божій слуга.

Подъими же ты руки на меня, и узришь, или земля васъ пожретъ вскорѣ, или гнѣвъ Божій вѣчно постигнетъ васъ всѣхъ. Не моги рукъ поднять на меня и устъ отворить на клевету, а словомъ и дѣломъ блюди, да Христосъ посредѣ насъ будетъ. Мнѣ не тяжело, а удивительно показалось видѣть нечаянное твое нетерпѣніе и негодованіе въ письмѣ; но я тебя прощаю, и Богъ проститъ тебя во всемъ, ибо мира моего ты не нарушишь, да и не можешь. Почто ты меня и въ хитростяхъ уличаешь? Какіе слухи тебѣ шепнули? Не всякому духу вѣруй, а искушай духа, отъ Бога ли?

Написавъ сіе, я улыбнулся, и желалъ бы увидѣть тебя лицемъ къ лицу, но уже ты и † и Христа и всякое святое слово и дѣло исключилъ изъ письма; не знаю, восхощешь ли ты сдѣлать то: тебѣ если не угодно, и не нужно,—то воля Божья да будетъ.

V.

Великихъ княженъ Ольги и Александры Николаевнъ.

Cottage, 30 juillet 1842.

Mon cher Prince.

Voici le souvenir que je désirais vous remettre avant notre départ; je regrettais de ne pouvoir vous le donner moi-même, mais je m'en console maintenant par le plaisir de vous écrire et je saisis cette occasion pour vous réitérer l'assurance de l'*amitié sincère* que je vous ai voué. Croyez, que j'ai sû apprécier votre coeur, qui est depuis si longtemps dévoué à notre famille, et les regrets que nous cause votre absence sont *bien, bien réels*. Puissiez vous trouver en Crimée le calme et la paix que vous allez y chercher! Nos prières vous y suiveront, et si vous éprouvez quelque fois des moments de tristesse, ne persistez pas à rester loin de nous. Tant d'*amis* et *d'amies* soupirent après vous et vous recevront à bras ouverts, quand vous reviendrez.

Je désire que dans vos promenades en vous appuyant sur cette canne, qui porte nos deux noms *Ольга и Александра*, vous pensiez quelques fois à nous, les anciennes protegées de *Тятя-Папа*. Olga.

*

Je ne puis que répeter les voeux qu'Olly forme pour vous, ainsi que les regrets de ne plus vous voir ici. Mon plus grand désir serait d'arriver moi-même un jour en Crimée, de vous visiter dans votre retraite et de vous entendre de nouveau parler du bon vieux temps, ainsi que du temps où nous vous avons été confiées. Pensez quelques fois à votre vieille amie Alexandra.

Переводъ.

Котеджъ, 30 Іюля 1842.

Дорогой князь! Вотъ подарокъ на память, который мнѣ хотѣлось передать вамъ до нашего отъѣзда; я жалѣла, что не могла передать его вамъ лично, но теперь я утѣшаюсь удовольствіемъ вамъ писать, и пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы снова повторить вамъ увѣреніе въ *искренней дружбѣ*, которую къ вамъ питаю. Вѣрьте, что я съумѣла оцѣнить ваше сердце, которое такъ давно предано нашей семьѣ, и сожалѣніе, которое причиняетъ намъ ваше отсутствіе, *очень*, *очень* искренне. Да найдете вы въ Крыму спокойствіе и миръ, которые вы тамъ ищете. Наши молитвы послѣдуютъ за вами и если вы будете иногда испытывать минуты печали, не упорствуйте оставаться вдали отъ насъ. Столько друзей и пріятельницъ вздыхаютъ по васъ и встрѣтятъ васъ съ открытыми объятіями. Ольга.

Я могу только повторить пожеланія, высказанныя Олей, также какъ и сожалѣнія, что васъ здѣсь нѣтъ. Самое мое большое желаніе пріѣхать когда нибудь въ Крымъ, посѣтить васъ въ вашемъ убѣжищѣ и снова услышать ваши разсказы о доброй старинѣ и о томъ времени, когда мы были вамъ поручены. Вспоминайте иногда о вашемъ давнемъ другѣ. Александра.

Письмо князя А. Н. Голицына къ его племяннику князю Н. С. Голицыну.

18 Окт. 1844. Мыза Александрія.

Любезный князь Николай Сергѣевичъ! Получилъ я твое описаніе біографіи отца моего, и нѣкоторыя обстоятельства жизни его, изложенныя тобою, мнѣ были неизвѣстны, и для того я бы желалъ, чтобъ ты меня увѣдомилъ, изъ какихъ источниковъ ты почерпнулъ оныя? Я съ своей стороны нѣкоторыя имѣю преданія, которыя тебѣ сообщу. Во-первыхъ я слышалъ, что батюшка мой жилъ въ Петербургѣ въ своемъ младенчествѣ у князя Дмитрія Михайловича Голицына, но я не знаю, жилъ ли онъ у князя прежде помѣщенія его въ Петропавловскую школу или можетъ онъ жилъ у князя, но въ школу ходилъ учиться; ибо я слышалъ, что въ одно время, когда Петръ Великій былъ въ гостяхъ у князя Дмитрія Михайловича и сидѣли въ бесѣдкѣ, разсуждая о государственныхъ дѣлахъ, кушали конфекты, батюшка, не знавши сего, вбѣжалъ въ бесѣдку; кн. Дмитрій Михайловичъ человѣкъ былъ строгій, закричалъ на него: «Зачѣмъ ты намъ мѣшаешь?» а Государь подозвалъ батюшку, далъ ему конфекту и велѣлъ ему идти вонъ.

Во-вторыхъ, ты пишешь мнѣ, что батюшка изъ гвардейскихъ поручиковъ выписанъ; а я слышалъ, что во все время властвованія Бирона, батюшка былъ рейтаромъ конной гвардіи; я не могу тебя увѣрить, что мои свѣдѣнія достовѣрны, но я слышалъ ихъ въ моей молодости.

Описаніе твое сдѣлано хорошимъ слогомъ, но я бы желалъ знать цѣль твою; я надѣюсь, что ты не намѣренъ печатать этой краткой біографіи батюшки, ибо она не можетъ интересовать публику; но ежели ты пишешь для насъ и родныхъ его, то она конечно будетъ насъ интересовать.

Теперь тебѣ скажу о состояніи моего глаза. Операція была удачна, я, благодаря Бога, теперь вижу, только на всѣхъ предметахъ есть еще нѣкоторый легонькій туманъ, который долженъ уничтожиться по полученіи мною отъ моего оператора очковъ, приспособленныхъ къ оперированному глазу. Окулистъ мой обѣщаетъ, что съ сими очками я могу даже читать умѣренно, но теперь я литеръ не могу еще видѣть. Вотъ настоящее мое положеніе. Поблагодари за меня твою супругу за всѣ ея ко мнѣ прекрасныя чувства. Малютокъ вашихъ поцѣлуйте за меня. Прощайте. Христосъ съ вами со всѣми. Сестрица моя все еще не совсѣмъ здорова, она васъ всѣхъ цѣлуетъ.

Отвѣтъ на письмо отъ 18 Октября 1844.

Съ живѣйшею признательностью воспользуюсь полученнымъ отъ васъ свѣдѣніемъ о пребываніи дѣдушки въ домѣ кн. Дмитрія Михайловича Голицына, который, ускореннымъ паденіемъ при воцареніи Анны, испыталъ всю жестокость Бироновой ненависти. Это послужитъ связью, объясняющей отчасти причину дѣдушкиныхъ несчастій.

Не желая, чтобы забвеніе смѣнило память изустнаго преданія, я съ строгой вѣрностью изобразилъ все то, что̀ слышалъ въ молодости отъ покойнаго батюшки; помнилъ даже, что дѣдушка дѣйствительно жилъ у родственника въ Петербургѣ, но не помнилъ только имени родственника и потому не включилъ этого обстоятельства въ мой разсказъ, чтобы онъ не имѣлъ въ моемъ собственномъ сознаніи малѣйшаго вида вымышленности.

Моя цѣль, собравъ по возможности замѣчательныя черты изъ жизни родственниковъ моихъ, сдѣлать это достояніемъ моего семейства. Не ревнуя суетной литературной славѣ, я далекъ публициста; но пусть дѣти, прочитывая мои строки, почерпнутъ изъ семейныхъ примѣровъ наставленія въ частныхъ и гражданскихъ добродѣтеляхъ своихъ предковъ, а благосклонное принятіе вами моего перваго опыта придаетъ мнѣ новыя силы продолжать съ любовью предпринятый трудъ.

13 Ноября 1844.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АРХІЕПИСКОПА ЛЕОНИДА.

1856.

Я былъ вызванъ ко владыкѣ.—«Переведите мнѣ съ Латинскаго эту рѣчь папы побуквальнѣе и поскорѣе».—Рѣчь длинная, языкъ офиціальный. На другой день вечеромъ я являюсь съ переводомъ. Владыка, принимая тетрадь, говоритъ: «не вѣсть человѣкъ, что̀ родитъ находяй день». Послѣ моего сегодняшняго разговора съ Государемъ, этотъ переводъ почти не нуженъ.

— Ты читалъ?

— Читалъ.

— Что думаешь?

— Особенно поражаюсь я тѣмъ, что графъ Блудовъ обѣщаетъ папѣ содѣйствовать введенію въ Россіи конкордата, т.-е. распространенію Римскаго католицизма.

— Да и чего хотятъ достигнуть? Хотятъ всѣмъ овладѣть.

— Да, чрезъ открытіе новыхъ каѳедръ—пропаганда, чрезъ заведеніе Іезуитскихъ семинарій—воспитаніе, чрезъ подчиненіе брачныхъ дѣлъ православныхъ съ католиками—вторженіе въ семейную жизнь народа во многихъ провинціяхъ.

Мой разговоръ, отсюда начавшійся, записанъ въ другомъ мѣстѣ *). Здѣсь скажу, что перевода владыка не бросилъ. Въ Четвергъ утромъ предъ экзаменомъ въ первомъ корпусѣ, я былъ у владыки въ спальнѣ. Онъ сказалъ мнѣ: «вотъ ты попался подъ обухъ», вмѣстѣ съ тѣмъ переводъ нашъ, значительно исчерканный, мнѣ показываетъ. «Super hac re переводите: *передъ этимъ дѣломъ*, а это значитъ: *о семъ*». Потомъ говоритъ: «это все графъ Димитрій Николаевичъ напуталъ, а мы теперь распутывай».

---

*) Мы не нашли этого продолженія. Примѣчаніе издателя „Душеполезнаго Чтенія“, откуда взятъ этотъ отрывокъ. П. Б.

Владыка въ прошедшее Воскресенье получилъ приглашеніе къ Царю на обѣдъ; а въ Чудовъ, гдѣ владыка служилъ обѣдню, присланъ былъ флигель-адъютантъ просить владыку поранѣе, такъ какъ Государь намѣренъ съ нимъ поговорить. Къ четыремъ часамъ владыка пріѣхалъ во дворецъ и бесѣдовалъ съ Царемъ до $^3/_4$ шестаго, до начала обѣда, который назначенъ былъ въ $^1/_4$ пятаго. За столомъ и послѣ стола Государь говорилъ все съ митрополитомъ, и блюда подавали митрополиту, потомъ Государю. Столъ былъ постный, но были же и скоромныя блюда, чего не было на предшествующихъ обѣдахъ. С. П. Шиповъ говоритъ: «нынче я спросилъ камеръ-фурьера: будутъ постныя блюда? – «Весь столъ постный». А нѣкогда на этотъ вопросъ кам.-фурьеръ посмотрѣлъ съ удивленіемъ и отвѣчалъ: «столъ скоромный». На освященіе знаменъ Государь пріѣхалъ въ коляскѣ съ духовникомъ; военныхъ не велѣлъ принимать въ воспитатели въ гражданскія учебныя заведенія; объявилъ о распущеніи милиціи. Вотъ его разговоръ съ Зоринымъ:

— Я буду васъ смотрѣть.

— Не смотрите, Государь, мы грязны и не знаемъ фронта: мы цѣлый годъ возимся только съ пушкой.

— Я буду снисходителенъ.

— Снисходительность есть мѣра, а незнанію нашему мѣры нѣтъ.

— Я буду безмѣрно снисходителенъ.

— Въ такомъ случаѣ смотрите, Государь: мы будемъ этимъ счастливы.

Государь смотрѣлъ, благодарилъ. Зорина сдѣлалъ флигель-адъютантомъ и сказалъ ему: «надѣюсь осенью отослать васъ въ Черное море. Пока васъ будетъ тамъ немного; но съ Божіей помощью со временемъ, можетъ быть мы будемъ тамъ сильнѣе, нежели были». Государь пріѣхалъ въ 1 корпусъ прямо съ развода и съѣлъ у кадета всю порцію его мяса. Ходя по залѣ, онъ замѣтилъ пробный столъ, подошелъ, самъ отложилъ кушанья и отослалъ кадету, у котораго съѣлъ мясо. Этотъ случай и постно-скоромный столъ приводятъ въ подозрѣніе извѣстіе, будто у Императрицы посты очень строго соблюдены.

Въ Вербное Воскресенье служилъ въ Чудовѣ со владыкой. Его вишневое, шитое бисеромъ облаченіе, при дорогой зеленой митрѣ, было великолѣпно, хотя и не бросалось въ глаза. Постомъ, трудомъ, болѣзнію, сильными впечатлѣніями, лѣтами изнуренное его лицо было такъ тонко, блѣдно, что казалось сквознымъ; но достоинства и граціи все таже

полнота. Послѣ вечерни былъ у него и спрашивалъ: не благоволитъ ли онъ служить у насъ въ Великій Пятокъ. - «Вѣдь я не моложе становлюсь съ каждымъ годомъ», былъ его отвѣтъ.

Занялся разборомъ и перепискою письма Андрея Николаевича Муравьева, присланнаго мнѣ отъ владыки. Андр. Н. привѣтствуетъ его съ подвигомъ, который онъ взялъ на себя въ пользу церкви и къ утѣшенію ея. Говоритъ, что въ Останкинѣ, кажется, будетъ дворъ.

Апрѣля 23 дня. Владыка велѣлъ мнѣ готовить келліи Заиконоспасскія для кого нибудь изъ имѣющихъ пріѣхать на коронацію архіереевъ. При этомъ сказалъ, что онъ страннымъ образомъ узналъ о числѣ предназначенныхъ архіереевъ. Дворъ намѣренъ сшить ризницы для духовенства соборовъ Успенскаго и Архангельскаго, и владыка въ конторѣ разсматривалъ парчу. Чрезъ нѣсколько времени фабрикантъ проситъ, чтобы онъ взглянулъ еще на эту, уже одобренную Императрицей, и говоритъ: «какъ благословите на омофоры, туже парчу или иную?» (у владыки омофоры бѣлые при всѣхъ облаченіяхъ, кромѣ чернаго).—«Зачѣмъ же омофоры для священниковъ и діаконовъ?».—«Да эта парча избрана Императрицей для 12 архіереевъ».—Владыка сказалъ мнѣ: «есть и еще вещи, которыя надлежало бы мнѣ знать, но никто не извѣщаетъ. Присылали ко мнѣ изъ Петербурга нарочнаго чиновника, а отвѣта нѣтъ; я принужденъ былъ писать, и не знаю, дождусь ли отвѣта. Странное дѣло, шьютъ въ Петербургѣ облаченіе на архіереевъ; навьючиваютъ его на архіереевъ, какъ на ословъ. Подъ гасы положатъ множество пеньки, подъ все облаченіе самую толстую подкладку, клеенку, омофоръ торчитъ какъ крылья, рукава длинны такъ, что нельзя высвободить рукъ. Въ прошедшую коронацію долженъ я былъ просить о разрѣшеніи надѣть свое облаченіе. Подъ ихъ саккосомъ я изнемогъ бы въ первую четверть часа. Иное они знаютъ: вотъ императрица Марія Александровна желаетъ приготовить пелену на главу пр. Сергія. Олсуфьевъ присылалъ ко мнѣ спросить, хорошъ ли избранный рисунокъ и достаточна ли мѣра. Вообще эта Императрица болѣе благочестива и церковна, нежели всѣ прочія императрицы. Ея три агента: графъ Віельгорскій, князь Долгорукій и о. Анастасій умерли въ Крыму. Она прислала въ Лавру денегъ на поминовеніе ихъ съ тѣмъ, чтобы ихъ имена записаны были въ синодикъ».

Въ Воскресенье Ѳомы былъ съ братомъ у директора Земледѣльческой Школы. Очень милая чета *): умные, любезные люди, благочестивы, но не далеко церковны. Въ Понедѣльникъ я и инспекторъ сослужили

*) Іосифъ Николаевичъ и Марья Вильгельмовна (ур. Оливъ) Шатиловы. П. Б.

владыкѣ въ Воспитательномъ Домѣ. Тамъ сдѣланы новыя малиноваго бархата ризы; владыка замѣтилъ, что у діакона на оплечьяхъ на спинѣ написано: *Богъ*, и строго выговорилъ протоіерею. Я былъ очень оскорбленъ не за себя собственно, а за духовенство. Чиновникъ велъ насъ, архимандритовъ, къ столу, велъ-велъ среди многолюдства и исчезъ; видя, что всѣ мѣста заняты, я обратился назадъ, хотѣлъ юркнуть въ дверь, но остановился и сталъ искать, гдѣ духовенство; оно все ниже всѣхъ, съ квартальными. Я сѣлъ тамъ и не радъ. Кушанье приносили издрязганное, и я рѣшился ничего не ѣсть, и не ѣлъ кромѣ хлѣба и мороженнаго: инспекторъ едва не наѣлся мясного супа. Когда дѣвушки пѣли: Боже Царя храни, офицеры вскакивали на стулья, другіе хватали прежде времени изъ вазъ фрукты, конфекты, и всѣ на этомъ концѣ повыскочили изъ-за стола до окончанія стола. Вообще порядокъ бываетъ только за столомъ у генералъ-губернатора: тамъ адъютанты указываютъ мѣсто каждому гостю. Владыка сидѣлъ съ правой стороны хозяина, подлѣ архіереи и т. д. По моему или не зови духовенство, или оно должно быть въ почетѣ. Многіе изъ архимандритовъ и за царскою трапезою бывали, и никакая трапеза имъ не въ диковинку, а только въ отягощеніе, ибо сдѣлана привычка, по крайней мѣрѣ мною, оканчивать столъ въ 5 и 10 минутъ, такъ какъ онъ состоитъ изъ двухъ или трехъ блюдъ.

Апрѣля 29 дня. На обѣдѣ у генералъ-губернатора подавали пирожное—холодное, слизкое, шаровидное, можетъ быть мороженное. Преосвященный Евгеній, почти незрячій, почелъ это за яблоки и простеръ руку, коснувшись, вдругъ ее отдернулъ, обративъ на себя вниманіе общее. Это обстоятельство приводитъ меня къ разсужденію: епископу либо престолъ, либо затворъ. Епископъ, отъ епархіи перешедшій къ управленію монастыремъ, унижаетъ санъ; епископъ безъ епархіи, всюду являющійся, невольно наталкивается на непріятности, видитъ непочтительность. Но это, говорю, не къ осужденію преосвященнаго Евгенія. Онъ былъ архипастырь достойнѣйшій, умный, дѣятельный, благородный человѣкъ; оставилъ престолъ по слѣпотѣ, между тѣмъ, какъ всѣ способности душевныя и здоровье въ немъ цвѣтутъ, и, можетъ быть, онъ находитъ и въ теперешнемъ положеніи много интереснаго. Я виню воспитаніе духовенства, виню тѣхъ, кто воспитываетъ монаховъ не въ монашествѣ; не такъ воспитывались свѣтила учености и мудрости: Аѳанасій, Григорій, Василій, Іоаннъ и проч. Если бы въ молодости полюбилъ человѣкъ монашество, уединеніе, келлію, пустыню, онъ остался бы монахомъ и на престолѣ, и оставивъ архіерейство, остался бы тѣмъ, чѣмъ былъ до архіерейства—подвижникомъ, пустынникомъ; было бы и ему легко, и для міра назидательно.

Моисей Петровичъ говорилъ сегодня, что императору Павлу показалась кратка и недостаточна молитва, читаемая царемъ при вѣнчаніи на царство. Онъ поручилъ преосвященному Гавріилу написать новую, но эту послѣднюю самъ передѣлалъ по руководству молитвы Соломона. Гавріилъ разсматривалъ ее. Гавріилъ разстроился съ Павломъ за то, что отказался отъ Мальтійскаго креста, сказавъ: «я сдѣлалъ вамъ удовольствіе, принялъ Андреевскіе знаки; но этого принять не могу: это будетъ значить, что я подъ покровомъ папы».

Апрѣля 30 дня. На актѣ въ Земледѣльческой Школѣ, довольно многолюдномъ, присутствовали оба владыки. Владыка дѣлалъ легонькія возраженія по Закону Божію, ученики иногда очень хорошо отвѣчали, священникъ отличается необыкновеннымъ спокойствіемъ, словно передъ нимъ никого нѣтъ, кромѣ учениковъ. Владыка раздавалъ награды: книги, рисунки и каждому изъ выпускныхъ по экземпляру Новаго Завѣта. Все совершено въ теченіе полутора часа. Онъ вездѣ такъ аккуратенъ и скоръ. На лицѣ его благодушіе. Онъ былъ въ синей рясѣ, въ коричневомъ съ синими цвѣтками полукафтаньѣ, съ синими шелковыми четками; панагія алмазная съ аметистами, поверхъ Владимирской ленты, безъ которой врядъ ли онъ куда выѣзжаетъ.

Мая 2 дня. Владыка преосвященному викарію сказывалъ, что всякій разъ когда нужно ѣхать на экзаменъ, онъ встаетъ въ 5 часовъ и уже не пьетъ послѣ обѣдни чаю; а нынче онъ часто ѣздитъ на экзамены и—благодареніе Богу—юнъ, легокъ, благодушенъ. Какъ заботливъ! Писалъ въ Петербургъ, чтобы имѣли его викарія въ виду при назначеніи архіереевъ на коронацію.

Мая 3 дня. Не хотѣлось, а поѣхалъ въ Брестъ-Литовскій кадетскій корпусъ. Я любовался легкостью походки владыки. Корридоры безконечны, всѣ шли довольно скоро, я за митрополитомъ и все любовался скорой и легкой граціозной поступью его маленькой стопы: это легкость юноши, грація—рѣдкая и въ женской походкѣ, сколько мнѣ еще въ міру случалось примѣчать.

П. С. Савельевъ говоритъ о Хомяковѣ, что, обривъ по предписанію полиціи средину подбородка, онъ сказалъ, указывая на обиліе оставшихся волосъ: «я сдалъ лишь Малаховъ курганъ». Когда съ него взяли подписку не носить національный костюмъ, онъ сказалъ, издѣваясь надъ неточнымъ выраженіемъ: «Вотъ теперь задача, что̀ носить? Фракъ—это національная одежда Англичанъ, венгерка—національная одежда Венгерцевъ, переберемъ употребительные у насъ костюмы и части ихъ—они для какого нибудь народа національны; если наконецъ ходить нагимъ—

то есть островитяне океана, у которыхъ и это національно». Погодинъ въ защиту бороды Хомякова приготовилъ записку и, говорятъ, очень сильную *). Савельевъ завтра ѣдетъ въ Кіевъ, въ Южную Россію, даже до Тавриды включительно, и пробудетъ до Ноября или Декабря, занимаясь своимъ, какъ я говорю, гробокопательствомъ.

Мая 6 дня. Въ Пятницу утромъ владыка, при докладѣ, самъ изволилъ заговорить объ экзаменѣ въ Брестскомъ корпусѣ, хвалилъ отвѣты учениковъ, ихъ неиспорченность, выдержанность, отпечатокъ воспитанія какъ бы семейственнаго, и замѣтно отдавалъ имъ предпочтеніе предъ кадетами прочихъ корпусовъ. Я доложилъ при этомъ владыкѣ: когда вчера за обѣдомъ послѣ тоста за здравіе Государя и тоста за здравіе вашего высокопреосвященства, предложенъ былъ тостъ за благоденствіе корпуса, и одинъ изъ гостей пожелалъ директору, чтобы корпусъ ихъ навсегда остался въ Москвѣ, то я присоединилъ къ этому желаніе свое—чтобы корпусъ не выходилъ изъ своей теперешней простоты. Владыка, улыбаясь, спросилъ: «развѣ вы тамъ обѣдали?»—«Обѣдалъ по сильному настоянію директора». Этими-то обѣдами и тягостны экзамены. Опасаясь обѣда, уклоняемся отъ экзамена, а въ такомъ случаѣ директоры очень негодуютъ. Я не пріѣхалъ въ Сиротскій корпусъ, директоръ пенялъ мнѣ прямо и чрезъ инспектора нашего и даже чрезъ самаго преосвященнаго викарія.

Въ передней владыки ожидалъ курьеръ изъ Синода присланный.

---

*) А. С. Хомякову велѣно было обрить бороду, во время пребыванія императора Александра Николаевича въ Москвѣ по заключеніи Парижскаго мира, великимъ постомъ 1856 года. П. Б.

ПОРФИРІЙ УСПЕНСКІЙ.

(Изъ „Книги бытія моего“).

Императорская Академія Наукъ закончила печатаніе дневниковъ и автобіографическихъ записокъ преосвященнаго Порфирія восьмымъ томомъ. Въ этотъ томъ, изданный подъ редакціей П. А. Сырку, вошли главнымъ образомъ дневники преосвященнаго съ 1861 по 25 Марта 1885 г., менѣе, чѣмъ за мѣсяцъ до его кончины (19 Апрѣля 1885 г.).

Порфирій Успенскій родился въ 1804 году. Учился онъ въ Костромской семинаріи и С.-Петербургской Духовной Академіи, гдѣ и принялъ монашество. Будучи настоятелемъ Русской посольской церкви въ Вѣнѣ, онъ совершилъ первую ученую поѣздку по Далматскому побережью. Въ 1843—1846 гг. былъ онъ на Востокѣ, гдѣ пріобрѣлъ цѣнное собраніе древнихъ рукописей и книгъ, за тѣмъ занималъ должность начальника Іерусалимской миссіи. Въ 1858 г. онъ былъ снова посланъ на Востокъ, въ 1865 г. состоялъ уже епископомъ Чигиринскимъ, викаріемъ Кіевской епархіи, а въ 1878 г. назначенъ членомъ Московской Синодальной конторы. Въ статьѣ Н. И. Барсова, помѣщенной въ XXIV т. Словаря Брокгауза, подробно изложены ученые труды Порфирія. Свое знаменитое собраніе иконъ преосвященный пожертвовалъ Кіевскому Церковно-Археологическому Музею, а рукописныя сочиненія и дневники завѣщалъ въ Академію Наукъ, и на изданіе ихъ (подобно митрополиту Іосифу Сѣмашкѣ, оставившему 10 т. р. для безцензурнаго изданія его Записокъ Академіею Наукъ) оставилъ капиталъ (въ 24 тысячи рублей) съ тѣмъ, чтобы на проценты постепенно печатать его сочиненія.

Не касаясь первыхъ семи томовъ «Книги бытія моего», мы воспользуемся послѣднимъ томомъ этой удивительной автобіографіи, какъ болѣе близкимъ къ нашему времени.

Этотъ томъ начинается 22 Октября 1861 г. съ заглавіемъ «*Я въ Петербургѣ*», куда преосвященный пріѣхалъ послѣ своего трехлѣтняго пребыванія на Востокѣ. Вскорѣ потомъ онъ обѣдалъ у синодальнаго прокурора графа А. П. Толстого и въ часъ обѣда говорилъ ему:

«На Аѳонѣ пять монастырей: лавра Ксиропотамъ Свято-Павелъ, Кутлумушъ и Каракаллъ отдались подъ покровительство Англіи. Нынѣшній Константинопольскій патріархъ Іоакимъ не любитъ Аѳона, потому что тамошніе монахи не очень почтительно обращались съ нимъ тогда, когда онъ еще въ санѣ епископа за что-то сосланъ былъ туда. Онъ усиливается подчинить своему контролю доходы и расходы Святогорскихъ монастырей, а они не слушаютъ его. Только одинъ Каракаллъ повинуется ему.

Аѳоно-греко-русскій монастырь св. Пантелеймона тайно имѣетъ въ Россіи 500 сборщиковъ подаяній и, какъ говорятъ, всюду разсылаетъ свое *причастіе*. Мѣстныя средства къ содержанію его скудны; однако, онъ непрестанно расширяетъ свои постройки и содержитъ 300 братій, да въ каждое воскресенье и въ большіе праздники поитъ и кормитъ многихъ Грековъ, которые пріѣзжаютъ на своихъ лодкахъ въ пристань его для того, чтобы даромъ покормиться. Ихъ зазываютъ Греческіе монахи этого монастыря, дабы противопоставить ихъ Русскимъ паломникамъ, получающимъ тамъ дорогое содержаніе.

По завѣренію капитановъ нашихъ пароходовъ, Русскіе монахи на Аѳонѣ, въ Грекоруссикѣ, въ скитахъ Андреевскомъ и Ильинскомъ и въ разныхъ келльяхъ, разсѣянныхъ на этой горѣ, получаютъ изъ Россіи до 400.000 рублей.

Такое богатство, при постоянномъ плаваніи нашихъ пароходовъ къ Грекоруссику, возбудило въ Грекахъ-святогорцахъ зависть и подозрѣніе. Они начали внушать Туркамъ и Англичанамъ, что Русская *пропаганда* распространяется отъ конца до конца Св. Горы, и въ доказательство ея представили Англійскому консулу въ Солунѣ письмо нашего консула г. Мустаксиди, въ которомъ онъ увѣщевалъ лавру св. Аѳанасія Аѳонскаго держаться стараго порядка и не поддаваться *чужимъ* обаяніямъ.

Влахо-молдаванское правительство ни копѣйки не даетъ всѣмъ священнымъ мѣстамъ, монастырскимъ и патріаршимъ престоламъ изъ доходовъ съ имѣній, принадлежащихъ имъ въ обоихъ княжествахъ. Итакъ, нищета ослабитъ Восточную церковь. Но есть средство поддержать ее. Надобно уговорить господаря Кузу и его правительство, чтобы онъ купилъ всѣ туземныя церковныя имѣнія, кои впослѣдствіи послужили бы обезпеченіемъ Румынскаго банка, и далъ бы за нихъ хорошія деньги. Когда бы состоялось это, тогда и волки были бы сыты, и овцы цѣлы; тогда продолжалось бы и поминовеніе душъ тѣхъ благодѣтелей, которые завѣщали помянутыя имѣнія. Но надобно знать, что на эту мѣру едва ли согласятся восточные іерархи и монастыри по свойствен-

пому имъ упрямству. Я имъ предлагалъ ее; но они отвѣчали мнѣ: «пусть силою возьмутъ у насъ завѣщанныя имѣнія, а мы не продадимъ ихъ». Только одинъ, бывшій вселенскій патріархъ Анѳимъ Кутуміаносъ согласился съ моимъ мнѣніемъ».

Вскорѣ преосвященный посѣтилъ А. Н. Муравьева, которому между прочимъ передалъ, что «бывшій уніатскій епископъ Болгаръ Іосифъ Соколовскій, посвященный въ Римѣ и убѣжавшій къ намъ въ Кіевъ, дважды служилъ литургію съ митрополитомъ Арсеніемъ, къ соблазну многихъ, и что послѣ такого общенія у св. престола отъ него потребовали письменнаго изложенія раскаянія его въ уніи».

«Я повѣдалъ Муравьеву», пишетъ преосвященный, «что вселенскій патріархъ Іоакимъ принималъ раскаяніе сего уніата, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ, *какъ простой монахъ*, жилъ на Аѳонѣ и тамъ оплакивалъ бы свой грѣхъ: однако, измѣнникъ вѣрѣ отцовъ и Римскому папѣ, не захотѣлъ спасаться на Аѳонѣ и уѣхалъ къ намъ».

«Говорилъ я также, что сего двойного измѣнника надобно ласкать и сторожить, дабы онъ не убѣжалъ въ Австрію, и дабы послѣднее зло не было горше перваго».

Въ Февралѣ 1862 г. преосвященный Порфирій представлялся великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ. Свои разговоры съ нею онъ записалъ очень подробно и между прочимъ передавалъ ей свои впечатлѣнія при посѣщеніи имъ въ 1859 г. Метеорскихъ монастырей въ Ѳессаліи. «Я никогда не слыхала о такихъ монастыряхъ», сказала великая княгиня съ живостью.

— Они совершенно неизвѣстны у насъ. Я первый изъ Русскихъ видѣлъ и описалъ ихъ.

— Что же тамъ замѣчательно?

— Замѣчательно ихъ мѣстоположеніе. Сказавъ это, я далъ ей понятіе о живописной мѣстности Метеоръ, о постройкѣ монастырей на вершинахъ тамошнихъ базальтовыхъ столповъ и въ бокахъ ихъ и о томъ, какъ богомольцовъ поднимаютъ туда и спускаютъ оттуда въ сѣтяхъ. Слушая живой разсказъ мой о томъ ужасѣ, какой испытываетъ человѣкъ во время такого полета, она закрывала лицо свое ручками. Подъ конецъ я попросилъ у нея позволеніе представить ей нѣсколько *видовъ* Метеорскихъ обителей. Она сказала мнѣ: привезите ихъ ко мнѣ въ слѣдующую недѣлю. Но я неосторожно возразилъ ей: не прикажете ли мнѣ прислать ихъ къ вамъ?—Пришлите, отвѣтила она сухо и на-

чала разспрашивать меня о Метеорскихъ рукописяхъ и о тамошнихъ инокахъ и стѣнной живописи. Я удовлетворилъ ея любопытство.

Въ минуты этихъ разспросовъ ей доложили, что какой-то сановникъ проситъ позволенія видѣть ея высочество. Она велѣла просить его въ залу, а мнѣ, вставъ съ дивана, сказала: я поговорила бы съ вами подольше, но гость отнимаетъ у насъ время.

Я откланялся ея высочеству, взявъ съ собою рукопись ея для переписки и поцѣловавъ ея ручку. И она поцѣловала мою руку и слегка пожала ее».

9 Марта преосвященный Порфирій обѣдалъ у Т. Б. Потемкиной «и между прочимъ слышалъ отъ нея, что въ одной Петербургской гимназіи три ученика забрались въ алтарь гимназической церкви, сѣли тутъ на св. трапезу, закурили папироски и выпили церковное вино, а запасные дары съѣли, но за то не были наказаны, хотя объ этомъ зналъ Государь.

Такой пакости еще не было на Руси.

За обѣдомъ подлѣ меня сидѣлъ Андрей Николаевичъ Муравьевъ и обмолвился, что чрезъ полгода едва ли будетъ цѣло Русское государство.—Уцѣлѣетъ! сказалъ я ему: вѣдь, простой народъ нашъ еще не зараженъ тлетворными ученіями».

«Сегодня 30 Апрѣля», заноситъ преосвященный Порфирій въ свой дневникъ, «я прогуливался въ тѣнистыхъ аллеяхъ лавры съ преосвященнымъ Леонтіемъ и слышалъ отъ него вотъ какія недобрыя вѣсти:

1. Бывшій министръ народнаго просвѣщенія Норовъ, недавно богомольствовавшій въ Іерусалимѣ, отозвался о тамошнемъ епископѣ нашемъ Кириллѣ Мелитопольскомъ: «онъ не духовный человѣкъ».

2. Митрополитъ Исидоръ знаетъ, что сей Кириллъ вмѣстѣ съ молодою попадьею, женою родного брата его, купался въ морѣ въ виду жителей Яффы, но, не смотря на то, прочитъ ему каѳедру въ Ставрополѣ.

3. Теперь у насъ три политическія партіи: первая Герценовская, умѣренная, домогается конституціи; вторая Великорусская, мечтаетъ о Славянской федеративной республикѣ, а третья красная, жаждетъ безначалія и крови, уничтоженія монастырей, общенія женщинъ и имуществъ и разгульнаго житья.

4. Недавно митрополиту Исидору по городской почтѣ прислано письмецо: Господинъ Исидоръ!

Готовься пѣть панихиду. Не бойся. Не повѣсимъ. Впрочемъ, чортъ тебя возьми!

5. Пойманы поджигатели Петербурга, студенты здѣшняго университета.

6. Открытъ заговоръ. Заговорщиковъ 800. Въ числѣ ихъ есть литераторы.

О, Господи! Спаси царя и услыши ны, въ онь же день призовемъ Тя.

А Петербургъ горитъ. Знать, ему нужно огненное очищеніе отъ множества грѣховъ его.

Этотъ пожаръ *предвидѣла* во снѣ великая княгиня Елена Павловна и предувѣдомила о немъ Государя, что̀ сама она высказала мнѣ.

Она видѣла, будто бы вся «столица горитъ, такъ что пламя взвивается до самаго неба. Этотъ сонъ, продолжала она, встревожилъ меня такъ, что я, отъѣзжая отсюда, приказала своимъ стеречь дворецъ мой, а генералъ-губернатору Суворову высказала свое предчувствіе, которое и оправдалось».

Записываю и другой разсказъ ея. «Когда я была еще очень молода, мнѣ прилучилось вмѣстѣ съ мужемъ моимъ быть въ лагерѣ. Былъ какой-то полковой праздникъ. Въ походной церкви служилась обѣдня. Къ этой церкви приставлена была весьма большая палатка. Въ ней стояли великіе князья и генералы и въ самое время обѣдни разговаривали громко и безстыдно и даже пили Шампанское вино. Такое неприличіе и такое безстыдство возмутило мою душу такъ, что я не могла молиться и едва сдерживала свое негодованіе. Тяжело мнѣ было стоять подлѣ этихъ нечестивцевъ. Такъ и думалось, что вотъ сейчасъ разразится надъ ними гнѣвъ Божій».

«26 Августа я», продолжаетъ преосвященный Порфирій, «служилъ съ митрополитомъ Исидоромъ въ Исакіевскомъ соборѣ. Тутъ протопресвитеръ Кутневичъ сказалъ мнѣ, что Св. Синоду вовсе неизвѣстны ученые труды мои, и промолвилъ: «бывшій оберъ-прокуроръ Толстой никогда не докладывалъ намъ о нихъ, любя совѣщаться съ однимъ Московскимъ Филаретомъ, а Ахматовъ также не знакомитъ насъ съ трудами вашими».

Итакъ, что̀ такое Синодъ нашъ? Это нищій, которому подаются крупицы со стола оберъ-прокурорскаго, да и тѣ не всѣ».

Въ 1864 году преосвященный пишетъ: «Февраль, 29. Въ Іерусалимъ на мѣсто Мелитопольскаго епископа Кирилла назначенъ архимандритъ

Леонидъ Кавелинъ (изъ военныхъ); а этому епископу велѣно ѣхать въ Казань и жить тамъ въ какомъ-то монастырѣ. Леонидъ подобралъ подъ свою масть іеромонаховъ, іеродіаконовъ и пѣвцовъ изъ среды самой необразованной. Итакъ, третья духовная миссія наша въ святомъ градѣ будетъ ноль.

Мартъ, 13. Министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ посылалъ своего чиновника въ Нижегородскую губернію для собранія свѣдѣній о тамошнихъ раскольникахъ. Посланный представилъ ему надобныя свѣдѣнія о нихъ. А свѣдѣнія эти въ рукописи переданы были мнѣ фрейлиною Эйлеръ. Я прочелъ рукопись и, возвращая ее фрейлинѣ, написалъ ей вотъ что:

«Возвращаю вамъ Нижегородскихъ раскольниковъ. Глупѣе ихъ нѣтъ во всемъ свѣтѣ. А жаль ихъ. Они заблуждаются. Что же дѣлать? Надобно учредить у насъ внутреннія миссіи. Безъ нихъ наши мужики всегда будутъ увлекаться всякимъ вѣтромъ ученія. А способно ли нынѣшнее правительство наше учредить такія миссіи? Это другой вопросъ».

23. Сегодня въ шесть часовъ пополудни я былъ у Кіевскаго митрополита Арсенія и слышалъ отъ бесѣдовавшаго съ нимъ какого-то профессора, который преподаетъ исторію Николаю Максимиліановичу Лейхтенбергскому, что имя Исидора (нынѣшняго митрополита Петербургскаго) до сей поры ненавистно въ нашемъ западномъ краѣ, и что наше правительство начинаетъ пріостанавливать размноженіе такъ-называемыхъ церковныхъ братствъ въ томъ же краѣ и въ Малороссіи, дабы не сдѣлалось сильнымъ наше духовенство и дабы эти братства не стали средоточіями тайныхъ стремленій политическихъ. Грѣшникъ боится тамъ, гдѣ нѣтъ никакого страха.

Апрѣля 15. Въ Домашней Бесѣдѣ, издаваемой Аскоченскимъ (выпускъ 15-й, 11 Апрѣля 1864 г.), напечатанъ этимъ грѣховодникомъ апологъ, въ которомъ осмѣяны митрополитъ Исидоръ и короткая знакомая его Матрена Александровна Егорова, бывающая у него ежедневно.

Труженица.

(Апологъ).

Ну что, Егоровна, нашла себѣ мѣстечко?
— Еще какое! Со столомъ
И съ освѣщеніемъ, и съ теплой печкой,
— Съ почетомъ, мать моя!—А служба въ чемъ?
— Да какъ тебѣ сказать?
Въ день раза по три навѣщать,

Пить вмѣстѣ чай, подушку поправлять,
Да на ночь спину растирать.—
И только?—Только.—Есть же, вѣдь,
Егоровна, счастливицы такія!
Кажись, услуги небольшія,
Попить чайку, да спину потереть.
А вотъ, поди-ка, гдѣ съ тобой сравняться?
Стараться надобно, стараться,
Такъ отъ трудовъ и будетъ плодъ...
Какъ много есть господъ,
Которые и честь и совѣсть отдаютъ
За то, что спинку имъ потрутъ.

В. Незамай.

Это—Аскочинскій.

«Въ Январѣ 1865 года въ одинъ тихій вечеръ», пишетъ преосвященный, «посѣтилъ меня присутствующій въ Св. Синодѣ архіепископъ Платонъ Городецкій и повѣдалъ мнѣ, что Св. Синодъ, по желанію Кіевскаго митрополита Арсенія, рѣшилъ возвесть меня въ санъ епископа съ тѣмъ, чтобы я былъ викаріемъ Кіевской епархіи. Я поблагодарилъ его преосвященство за это нечаянное извѣстіе. Онъ уѣхалъ во-свояси, оставивъ послѣ себя пріятное мнѣ благоуханіе».

9 Февраля было нареченіе, а 14 совершилось и таинство благодати архіерейства. 20 Марта Порфирій былъ уже въ Кіевѣ.

«На другой день», пишетъ преосвященный, «приняли мое благословеніе всѣ монахи и всѣ послушники ввѣреннаго моему управленію Михайловскаго монастыря. Съ ними я ходилъ въ церковь и тамъ приложился къ св. мощамъ великомученицы Варвары и къ образу св. архангела Михаила. Великолѣпна серебряная рака великомученицы подъ такою же сѣнію. Весьма изященъ образъ архангела, написанный въ Парижѣ и присланный оттуда Александромъ Благословеннымъ въ память побѣды надъ Французами. Онъ осыпанъ многочисленными бриліантами. Но самая церковь темна и невзрачна, а придѣлъ великомученицы тѣсенъ по причинѣ постановки раки посреди его, и убогъ, и запыленъ; стеклянная же перегородка, отдѣляющаяся отъ соборной церкви, такова, что жалко было смотрѣть на нее. Придѣлъ великомученицы Екатерины лучше, свѣтлѣе и просторнѣе».

«Замѣчательно», продолжаетъ преосвященный Порфирій, «присланное мнѣ въ Кіевъ изъ Одессы письмо кандидата богословія іеродіакона Арсенія, служившаго при нашей духовной миссіи въ Іерусалимѣ и удаленнаго оттуда по доносу на него начальника этой миссіи архиман-

дрита Леонида, а теперь живущаго въ Одесскомъ архіерейскомъ домѣ, письмо отъ 12 Іюля 1865 года. Помѣщаю здѣсь выдержки изъ него *).

«Отецъ Леонидъ, посланный преосвященнымъ Исидоромъ въ представители Русской церкви въ Іерусалимѣ, когда былъ мальчикомъ, учился богословію въ одномъ Кадетскомъ корпусѣ и выучилъ до половины Сѵмволъ Вѣры, каковую и прочиталъ разъ въ Іерусалимѣ за Греческою литургіею по просьбѣ Грековъ, наизусть, а дальше не могъ. Этотъ о. Леонидъ, дворянинъ, уже и по гнилому дворянскому гонору терпѣть не можетъ студентовъ академіи и семинаріи. На его языкѣ они превращаются въ *студентовъ Микадеміи и Замараріи*, всегда съ язвительными насмѣшками за то, что больше его имѣютъ понятій о православной вѣрѣ. Много бы можно сказать вашему преосвященству объ архимандритѣ Леонидѣ, но боюсь остановить на такой грязи ваше вниманіе. Скажу одно, что по моему добросовѣстному убѣжденію Леонидъ есть врагъ православной церкви и вовсе не стóитъ энергической защиты высокопреосвященнаго Исидора, первенствующаго члена Всероссійскаго Синода. Подобная защита компрометируетъ Русскую церковь. У Леонида въ Іерусалимѣ были дѣла почти уголовныя, имѣющія видъ намѣренныхъ убійствъ: таковы разсчитанныя оскорбленія Каменскому (учитель, поклонникъ св. мѣстъ), который отъ этого умеръ, ругательство на дорогѣ докторши, которая отъ этого выбросила ребенка, и система дѣятельности со мною, о чемъ написано мною письмо въ 18 листовъ и чрезъ консула представлено въ Азіатскій Департаментъ. Очистите, ради Бога, Іерусалимъ отъ соблазна. Личности, подобныя Леониду, можно осыпать безнаказанно почестями гдѣ нибудь въ Россіи, въ захолустьѣ, но ужъ не выставлять на видъ и на смѣхъ цѣлой Европѣ........ Лживому доносу недостойнаго начальника, наполнившаго Іерусалимъ соблазнами, давать такую силу, что гнать безъ суда подвѣдомыхъ ему добросовѣстно труждающихся на пажити Христовой, правосудно ли это? Писать бумаги, чтобы этихъ людей выгнать изъ Іерусалима съ жандармами и силою посадить на Русскій пароходъ, милосердно ли это? Больнаго сердцемъ и умирающаго отъ монашескихъ оскорбленій (что̀ хорошо извѣстно преосвященному Исидору) заключать въ монастырь, снова въ общество грубыхъ монаховъ, добивать его, справедливо ли это? Не много ли мы надѣемся на амигдалъ и кадило, приносимыя Богу?..... Если правда, что патріархъ по церковнымъ причинамъ запретилъ Леониду богослуженіе, могъ ли Св. Сѵнодъ противъ воли патріарха снять это запрещеніе и повелѣть Леониду служить, когда онъ еще и не въ мирѣ съ Греческою церковію? По соборнымъ каноническимъ правиламъ,

---

*) Читатели „Русскаго Архива“ знаютъ, что это письмо—злая клевета. П. Б.

епископъ не можетъ снять запрещеніе, наложенное другимъ епископомъ, когда этотъ епископъ живъ и запрещеніе церковно-справедливо, и когда епископъ запретившій, того же исповѣданія, хотя бы и другой національности. Каноническое значеніе Св. Сѵнода, замѣнившаго власть патріаршую, равно власти патріарха, а не выше ея......»

NB. Этому письму я не далъ никакого хода, потому что не имѣлъ на то права и полномочія и потому что оно написано желчію». Преосвященный Порфирій однако въ своемъ дневникѣ не говоритъ ничего въ защиту архимандрита Леонида, къ которому онъ очевидно относился недружелюбно. А вѣдь Леонидъ былъ и ученый, и сердечный человѣкъ.

Говоря о дальнѣйшемъ, о дняхъ своего пребыванія въ Кіевѣ, преосвященный замѣчаетъ: «Въ приходскія церкви не приглашали меня служить, не знаю почему; а отпѣвалъ я только генералъ-губернатора Безака, жену его, мать богатаго помѣщика Галагана и начальницу института Голубцову, рожденную графиню Толстую, и за эти четыре священнослуженія получилъ дорогіе бархаты на саккосъ и на три рясы. Православные жители Кіева всегда чинно стояли въ храмѣ Божіемъ и молились усердно, а такъ-называемое начальство, военное, гражданское и учебное, являлось туда только въ Новый годъ, въ Пасху и въ высокоторжественные дни, иногда въ половинѣ обѣдни, иногда къ началу молебна, а чаще въ самомъ концѣ богослуженія, не полагая на себѣ крестнаго знаменія. Бывало, смотрю на нихъ и вижу: стоятъ они, какъ деревянные болваны. Однажды я, выходя изъ алтаря съ дикиріемъ и трикиріемъ, видѣлъ, что бѣсъ въ видѣ чернаго - пречернаго и толстаго-претолстаго человѣка во фракѣ обошелъ ихъ вокругъ, ничего не говоря имъ, и исчезъ. И такъ, въ заколдованномъ кругѣ находятся они! Городской голова Ренненкампфъ, онъ же и профессоръ Университета, ни однажды не показался въ Софійскомъ соборѣ, ни въ одинъ высокоторжественный день, ни въ Пасху, ни въ Новый годъ. Я, чрезъ посредство генеральши Штаденъ, знакомой съ его женою, упрашивалъ его приходить въ церковь хотя бы въ царскіе дни; но онъ далъ мнѣ знать, что не можетъ являться туда, потому что очень плѣшивъ, какъ будто нельзя ему прикрыть свою лысину парикомъ. Нѣтъ, не лысина на головѣ удерживаетъ его внѣ церкви, а лысая душа съ плѣшивымъ умомъ. Однажды въ торжественный день я служилъ обѣдню въ соборѣ и по окончаніи ея сталъ править благодарный молебенъ; простолюдиновъ было немало, а изъ сановниковъ и чиновниковъ не пришелъ ни одинъ; читаю въ Евангеліи: *како не обрѣтошеся возвращшеся дати славу Богу, токмо иноплеменникъ сей*. Въ эту самую минуту явились два военные Нѣмца

дати славу Богу; а наши? О, они до костей и мозговъ пропитаны нигилизмомъ. Имъ ли ходить въ церковь Божію? Ни профессоры университета, ни учащіеся въ этомъ всенаучникѣ никогда не являются въ тамошнюю церковь. Настоятель ея, протоіерей Назарій Ѳаворовъ самъ не исповѣдуетъ ихъ, а нанимаетъ какого-нибудь попа, и что же? Студенты являются къ этому наемнику, суютъ ему въ руку именные билетики свои въ свидѣтельство, будто они исповѣдались у него, и, не думая и не желая быть на духу, кощунствуютъ въ церкви, какъ имъ вздумается и какъ научаютъ бѣсы. Увы! Увы! Что-то далѣе будетъ у насъ? Разрушеніе? Да, разрушеніе. Антихристово? Да, антихристово».

Какъ предсѣдатель церковно-строительнаго Комитета, преосвященный Порфирій особенно обращалъ вниманіе на постройку Кіевскаго собора св. Владимира. «Архитекторъ Беретти», говоритъ преосвященный, «строившій Владимирскій соборъ, однажды явился ко мнѣ и объявилъ, что въ столбахъ, на которыхъ будетъ покоиться куполъ (еще не поставленный), оказались трещины, но только съ лица, а стержни столбовъ нимало не повреждены, и что онъ замазалъ эти трещины штукатуркою, которая однако не излопалась. Я вмѣстѣ съ нимъ отправился въ соборъ и видѣлъ изъянъ. На вопросъ мой, отъ чего треснули столбы, Беретти отвѣчалъ, что каменщики, въ отсутствіи его, клали кирпичи, подмазывая известью одни края ихъ, а середку оставляя не подмазанною; слѣдовательно верхніе кирпичи своею тяжестію давили нижніе, а отъ давленія образовались трещины. Такой отвѣтъ не удовлетворилъ меня. Я пожелалъ видѣть въ соборномъ подземельѣ самую нижнюю кладку столбовъ. Оба мы сошли туда. Что же оказалось? Оказалось, что столбы тамъ не связаны и не укрѣплены такъ называемыми лежачими арками, и что они поставлены не на одномъ горизонтѣ: два восточные выше, а два западные ниже. Слѣдовательно, первые, такъ-сказать, наваливаются на вторые. Замѣтивши это, я тутъ же сказалъ архитектору: Помилуйте, г. Беретти, вы шиломъ свели къ низу подкупольные столбы и водрузили ихъ не на одномъ горизонтѣ; при такой ихъ постановкѣ опасно строить куполъ, онъ своею тяжестію придавитъ столбы, и они, теперь ненадежные, еще болѣе будутъ ненадежны подъ давленіемъ на нихъ купола. Я пріостановлю работы. Придется вамъ на этихъ столбахъ вверху устроить крѣпчайшій полъ и наложить на него нѣсколько сотъ пудовъ глины, дабы испытать крѣпость ихъ. Беретти согласился со мною.

Въ другой разъ я узналъ, что продольныя стѣны собора, сѣверная и южная, выведены не по прямому отвѣсу, а такъ, что вверху онѣ

отклоняются отъ своего низу почти на четверть; узналъ и то, что наружные карнизы сдѣланы очень толсты и тяжелы. Такой важный и опасный недостатокъ Беретти рѣшился исправить. Что же онъ сдѣлалъ? Протянулъ отъ одной стѣны къ другой желѣзныя связи, соединивъ ихъ кольцами и винтами; когда же эти связи лопнули, замѣнилъ ихъ новыми покрѣпче прежнихъ. Такіе изъяны въ новомъ строеніи были нетерпимы. Оставалось или разломать соборъ до основаній его и воздвигнуть новый, или подпереть наружныя стѣны его контрофорсами, а подкупольные столбы внизу связать лежачими арками и крѣпость ихъ испытать накладкою на нихъ громадной тяжести (наложены были 800 пудовъ глины). Первой мѣрѣ предпочтена была вторая пріѣзжавшими изъ Петербурга двумя архитекторами. Новорожденнаго разслабленнаго младенца обставили помочами и надѣли на него 800-пудовую шапку. Въ такой обстановкѣ я оставилъ его при выѣздѣ въ Москву въ Мартѣ мѣсяцѣ 1878 года. Вотъ какъ у насъ строятся церкви! Неудивительно же, что онѣ еще вчернѣ расщеливаются и даже валятся».

Кажется предположеніе преосвященнаго Порфирія оправдывается. Намъ передавали, что своды собора не надежны, и только вопросъ времени, когда дорогая живопись Васнецова, покрывающая стѣны этого храма, будетъ уничтожена подъ развалинами.

Духовенство въ Кіевской епархіи было очень многочисленно, такъ какъ городскихъ и сельскихъ церквей считалось болѣе 1250. «Всѣ священники Кіевской епархіи», пишетъ преосвященный, «учились въ семинаріи. Ни одинъ изъ нихъ не оказался невѣрующимъ. Что касается поведенія ихъ, то оно у большей части ихъ соотвѣтствовало ихъ священному сану. Исключенія были рѣдки, но ужъ и рѣзки. Такъ, вдовый священникъ Т. прижилъ ребенка съ дѣвицею, дочерью просвирни, и задушивъ его, схоронилъ въ своей кухнѣ; но несчастная мать обжаловала его консисторіи, которая (помнится) затянула дѣло и кончила его оправданіемъ виновнаго. У вдоваго священника Я. служанка, недовольная его скупостію, не вознаграждавшею ея услуги ему, отрѣзала бороду, когда онъ пьяный спалъ богатырскимъ сномъ, и, припечатавъ ее сургучемъ къ своему прошенію, прислала ко мнѣ въ пакетѣ. Я сдалъ эту диковину въ консисторію, а она повела дѣло такъ, что у попа отросла борода, а служанка его попала въ разрядъ *непокрытокъ*, отъ которыхъ прошенія не принимаются. Ай да консисторія! Со дна Днѣпра вытащитъ попа немокраго. Дивился я этому искусству ея, но воспрепятствовать не могъ, потому что не имѣлъ полновластія. Въ самомъ Кіевѣ второй священникъ Владимирской церкви часто бывалъ такъ мертвецки пьянъ,

что валялся на улицахъ. На вдоваго священника Троицкой церкви Б. жаловалась гувернантка дѣтей его. Сельскій священникъ Л., недовольный митрополитомъ Арсеніемъ, сперва письменно обругалъ его, потомъ пожаловался на него Синодальному оберъ-прокурору графу Димитрію Толстому, а когда этотъ передалъ митрополиту жалобу его, тогда онъ въ своемъ письмѣ къ нему обругалъ его самого, меня же обозвалъ святошею. За все это митрополитъ упряталъ его въ Суздальскій монастырь, но по прошествіи нѣкотораго времени возвратилъ оттуда и далъ ему священническое мѣсто въ какомъ-то селѣ, гдѣ онъ и смирился и болѣе не бросалъ своей рясы въ лицо его высокопреосвященства. Священникъ, помнится, М., утомленный развратностями своихъ домашнихъ, повѣсился у себя въ домѣ; но его успѣли снять съ петли и привели въ чувство. Объ этомъ происшествіи благочинный увѣдомилъ консисторію, а она меня. Я подалъ свое мнѣніе, что самоубійцѣ надобно воспретить священнослуженіе навсегда, а для содержанія какъ его, такъ и семьи его, отчислить изъ четырехсоттысячнаго жалованья попамъ 300 рублей ежегодно. Митрополитъ же, къ удивленію моему, перевелъ его въ другое село съ правомъ священнослуженія. Одинъ изъ сельскихъ священниковъ съ женою своею и съ пріятелями своими подгулялъ въ Шато-де-флёръ (гостинница въ городскомъ саду) и съ верхняго балкона изволилъ выливать изъ себя воду въ виду всѣхъ гуляющихъ. Такой мерзкій поступокъ удивилъ и огорчилъ ихъ. Полиція дала мнѣ знать о немъ, и я на другой день позвалъ къ себѣ похабнаго попа и грозно поисповѣдалъ его, а всѣмъ благочиннымъ предписалъ оповѣстить всѣхъ подвѣдомыхъ имъ священно и церковнослужителей, чтобы они, пріѣзжая въ Кіевъ, не смѣли ходить въ харчевни, трактиры и туда, гдѣ бываютъ народныя гульбища, подъ опасеніемъ весьма строгаго наказанія за нарушеніе сего предписанія. Громъ мой грянулъ: попы перекрестились и болѣе не ходили туда, куда ходить было запрещено имъ».

«Все духовенство въ Кіевской епархіи мечтало и желало, чтобы каждому причту производимо было жалованье изъ государственной казны по тысячѣ рублей въ годъ; но когда ему отказали въ этомъ жалованьѣ и предложили христіанскому обществу обезпечивать и угождать его, а это общество во всей Россіи (за исключеніемъ весьма немногихъ приходовъ) не согласилось исполнить такое предложеніе, тогда послышался ропотъ и говоръ поповъ: *мы получили двѣ пощечины, одну отъ царя, а другую отъ общества*. Безразсудные! Не разочли, что государство не въ состояніи дать сорокъ милліоновъ рублей сорока тысячамъ причтамъ церковнымъ. Себялюбивые! Не разочли, что бѣдный народъ, кормящійся трудами рукъ своихъ, не можетъ дать имъ болѣе того, что

даетъ за требы, и что неблагоразумно и даже опасно обременять его новымъ налогомъ въ пользу поповъ, когда онъ только что освободился отъ тяжкой барщины и когда извѣстно ему, что казна ежегодно даетъ въ Кіевской епархіи 300 рублей каждому причту. А что̀ дѣлали бы кутейники, когда получали бы тысячу рублей жалованья на причтъ и пользовались бы церковною землею и денежными подаяніями за требы? О, тогда они, пріѣзжая въ Кіевъ къ сынкамъ своимъ семинаристамъ, вмѣстѣ съ ними пили бы уже не горилку и не наливку, а мадеру или портвейнъ, курили бы не махорку, а наилучшій табакъ, одѣвали бы ихъ щеголеватѣе, а дочерей своихъ рядили бы въ модныя платья и въ такую обувь съ высокими каблуками, которая жметъ ихъ лапы деревенскія, а туловища нагибаетъ впередъ. О, тогда они служанкамъ своимъ приказали бы говорить крестьянамъ и крестьянкамъ, приходящимъ проситъ ихъ на требы: баринъ почиваетъ, баринъ уѣхалъ на базаръ..., подождите и, между тѣмъ, дровъ наколите, воды наносите, а вы, голубушки, нитокъ принесите, да побольше и потоньше. Баринъ и барыня поблагодарятъ васъ. (Такъ приказывалъ священникъ С., когда получилъ орденокъ св. Анны 3-й степени)».

«Кромѣ консисторскихъ дѣлъ», продолжаетъ владыко, «я долженъ былъ читать проповѣди Кіевскихъ витій до произнесенія ихъ въ церквахъ. Читалъ и узналъ, что въ числѣ этихъ витій не было Леванды и что всѣ проповѣди были не проповѣди, а сухія, безцвѣтныя, тотчасъ забываемыя слушателями диссертаціи школьныя, написанныя языкомъ школьнымъ. Каѳедральный протоіерей Г. К., отличавшійся въ своихъ неписанныхъ проповѣдяхъ надоѣвшими всѣмъ порицаніями и хулами на университетъ св. Владимира, однажды представилъ мнѣ свою написанную проповѣдь, которую надлежало ему говорить во время моего священнослуженія въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. Она наполнена была иностранными словами: культъ, игнорировать, интеллигенція и проч. и проч. Я всѣ эти слова подчеркнулъ и отослалъ проповѣдь К—ву безъ надписи: *произнесть*. Онъ послѣ проскомисанія моего подошелъ ко мнѣ и спросилъ: благословляете ли вы меня говорить проповѣдь? Я отвѣтилъ ему: ваша проповѣдь испещрена иностранными словами; васъ не поймутъ ни казакъ, ни крестьянинъ, ни мѣщанинъ, ни купецъ и ни одна христіанка; а образованные слушатели ваши васъ же осудятъ за щеголяніе иностранщиною, желая слышать съ церковной каѳедры рѣчь Русскую, всѣмъ понятную. Но я уже замѣнилъ иностранныя слова Русскими, промолвилъ проповѣдникъ. Если такъ, сказалъ я, то говорите. Онъ произнесъ свою болтовню; но были слышны нѣкоторыя слова изъ иностраннаго лексикона. Священникъ церкви св. Андрея Первозваннаго П., въ

одной проповѣди своей написалъ, что все, что̀ сдѣлалъ Господь Іисусъ Христосъ, искажалъ и уничтожалъ діаволъ и что только двухъ царственныхъ женъ не смогъ онъ преодолѣть, именно: Елену, мать св. Константина, и Ирину, возстановительницу иконопочитанія. Говорить эту болѣе чѣмъ странную проповѣдь я запретилъ ему. Онъ пожаловался на меня Андрею Николаевичу Муравьеву, но и тотъ сказалъ ему: Что̀ ты написалъ? Съ ума ты сошелъ! Профессоръ богословія во Владимирскомъ университетѣ, протоіерей Н. Ѳ., всякій разъ приносилъ мнѣ свою проповѣдь недоконченную. Онъ иногда выражался весьма неточно и неудачно; напримѣръ, мы находимся въ такомъ *положеніи*, что *устоять* намъ нельзя. То есть, въ одно и тоже время мы и лежимъ и стоимъ. Мои строгія сужденія и замѣчанія не нравились Кіевскимъ витіямъ, такъ что они говорили о мнѣ: онъ не любитъ проповѣдей. Самъ я ни однажды не проповѣдывалъ, потому что прилежно писалъ и печаталъ историческія сочиненія о христіанскомъ Востокѣ, да и не сознавалъ въ себѣ способности къ витійству многовѣщанному. Митрополитъ Арсеній также, какъ и я, не говорилъ проповѣдей».

«Многіе крестьяне нерѣдко жаловались митрополиту, мнѣ и консисторіи на своихъ приходскихъ священниковъ, прописывая въ своихъ прошеніяхъ разные проступки ихъ. По жалобамъ ихъ производимы были дознанія, слѣдствія, но всегда оканчивались обвиненіями просителей, будто бы въ неправдѣ, клеветѣ, преувеличеніи. Подозрительнымъ казалось мнѣ такое судопроизводство. Не можетъ быть, говорилъ я самъ себѣ, чтобы всегда были виноваты крестьяне, но я не могъ пособить имъ, потому что консисторія вмѣстѣ съ благочинными и мірскими депутатами сухихъ и чистыхъ поповъ вытаскивала изъ грязной воды *). Успокоительно было ужъ и то, что она никогда не преслѣдовала крестьянъ за жалобы ихъ, будто бы несправедливыя.

Поди ты къ Малороссійскому священнику и проси его окрестить младенца или вѣнчать свадьбу или отпѣвать усопшаго; онъ, торгуясь съ тобою, будетъ пускать табачный дымъ въ лицо твое, а жена его скажетъ тебѣ: дровъ наколи, и воды напоси и того и того принеси.

Жаль мнѣ крестьянъ. Богослуженіе для нихъ, особенно чтеніе и пѣніе, совершается небрежно, вѣра въ нихъ неуяснена, живая проповѣдь не слышится; обученіе дѣтей ихъ въ приходскихъ школахъ идетъ

*) Одинъ священникъ 17 лѣтъ не запечатывалъ могилы одного крестьянина, на котораго почему-то сердитъ былъ. Я уже самому благочинному предписалъ запечатать оную могилу.

кое-какъ; попы тайно содержатъ кабаки. Неудивительно же, что у нихъ появился штундизмъ, отрицающій православіе».

«Былъ-жилъ въ Кіевѣ бояринъ Андрей *Незванный* въ своемъ домѣ, супротивъ прекрасной церкви св. Андрея Первозваннаго. Это извѣстный Андрей Николаевичъ Муравьевъ, камергеръ императорскаго двора, крупный чиновникъ въ отставкѣ, писатель, у котораго говорливости много, а мудрости мало, eloquentiae satis, sapientiae parum, мужчина весьма высокаго роста, свѣтскій монахъ, несносный эгоистъ, пу́гало духовенства, мой гонитель, фараонъ и совопросникъ.

Эгоистъ. Самолюбіе у него было необузданное, вовсе незнакомое со смиреніемъ и безкорыстнымъ служеніемъ ближнимъ и порицающее всѣхъ, кто не подчинялся волѣ его безразсудной. Давно было: благочестивѣйшая императрица Марія Александровна поручила «ему» написать для нея житіе Московскаго митрополита св. Алексѣя. Онъ написалъ его и къ своей рукописи приложилъ разрисованный красками образъ сего святителя и чудотворца. Государыня приказала благодарить за сей трудъ, а онъ оскорбился на нее за то, что она отблагодарила его не рескриптомъ, а секретарскимъ изъявленіемъ ему благодарности, и недовольство свое выражалъ многимъ и мнѣ. Вотъ другой образчикъ его непомѣрнаго самолюбія. Въ большомъ царскомъ дворцѣ съ прочими придворными чинами стоялъ и Муравьевъ и ожидалъ царскаго выхода. Проходила мимо его великая княгиня Елена Павловна и не поклонилась ему. Что же? На другой день онъ явился къ фрейлинѣ ея высочества Эйлеръ и жаловался ей на невнимательность къ нему Елены Павловны, тогда какъ она не могла-де не замѣтить его, превышавшаго прочихъ царедворцевъ цѣлою головою. Еще сказаніе о самолюбіи Муравья. Въ концѣ 1849 года онъ на пути въ Іерусалимъ свидѣлся въ Бейрутѣ съ патріархомъ Кирилломъ, ѣхавшимъ въ Константинополь, и просилъ его возвратиться во святый градъ, потому что онъ, Муравьевъ, намѣренъ тамъ на Голгоѳѣ слушать обѣдню и панихиду по усопшимъ царямъ Русскимъ. Патріархъ не согласился, поставивъ ему на видъ необходимость скораго отъѣзда своего въ Царьградъ и свое увѣдомленіе Іерусалимскихъ архіереевъ, чтобы они соборно отслужили обѣдню и панихиду. Что же Муравьевъ? Разсердился на патріарха, ни въ чемъ неповиннаго, и упрекнулъ его въ холодности къ Русской державѣ (тогда какъ его блаженство преданъ былъ намъ всею душою). Самолюбіе *Незваннаго* было такъ сильно, что подстрекало его зазывать знакомыхъ, наипаче боярынь, къ отправляемымъ въ домѣ его всенощнымъ; и горе было тѣмъ, кто и кто не являлся къ нему молиться у него Богу: онъ

осыпалъ ихъ любезными упреками. А являлись къ нему очень немногіе. Въ Петербургѣ я, архимандритъ, раза два служилъ ему всенощную въ его квартирахъ, и соучастниковъ въ его самочинномъ домашнемъ богослуженіи видѣлъ не болѣе трехъ-четырехъ включительно съ одною какою-либо барынею. Подобныя самочинныя богомолья онъ затѣялъ въ Кіевѣ. Но когда я узналъ это, позвалъ къ себѣ угождавшаго ему во всемъ священника Андреевской церкви отца Подвысоцкаго и, услышавъ отъ него, что *Незванный* не испрашивалъ на то благословенія митрополита Арсенія, запретилъ ему служить у него всенощныя, показавъ ему церковное правило, которымъ воспрещено всякое *самочинное* богослуженіе въ домахъ, и погрозилъ епитиміею въ случаѣ ослушанія. Отецъ Подвысоцкій объявилъ ему мое архіерейское рѣшеніе и пересталъ священнодѣйствовать въ его домѣ. Но за то *Незванный*, ощетинившись, разгнѣвался на меня такъ, что *до зьла рыкалъ*, но благословенія у митрополита не испросилъ по своей гордости.

Кромѣ непомѣрнаго самолюбія въ Незванномъ была церковная *ревность не по разуму*, которая дѣлала изъ него *пугало духовенства*. По этой безразсудной ревности своей онъ не только сыпалъ выговоры священникамъ, діаконамъ и дьячкамъ, но и жаловался на нихъ архіереямъ. Однажды въ Петербургѣ ему вздумалось идти къ утренѣ въ церковь Св. Пантелеймона; пришелъ онъ туда ранѣе церковниковъ и, нетерпѣливый, побѣжалъ въ квартиру дьячка звать его въ храмъ Божій; но тутъ грозно встрѣтила его дьячиха и, выругавъ за нарушеніе семейнаго покоя, схватила сапогъ мужа своего и голенищемъ ударила его по лицу. Поруганный такою внезапною выходкою бабы, Незванный воротился домой, скрежеща зубами. Въ другой разъ въ той же церкви онъ, стоя въ алтарѣ, замѣтилъ, что служащій діаконъ не причащался. Это взбѣсило его, и онъ обжаловалъ діакона митрополиту. Послѣдовало приказаніе поставить не причастившагося на поклоны въ алтарѣ у святой трапезы. Эта епитимія была выполнена; но когда діаконъ въ слѣдующее Воскресенье увидѣлъ въ алтарѣ грознаго Муравьева въ часъ Литургіи, подошелъ къ нему предъ причащеніемъ своимъ и, кланяясь ему низко, говорилъ ему: «Благослови меня, владыко святый, причаститься таинъ Христовыхъ. Вы запрещаете, вы и разрѣшаете». Разумѣется, жутко было Незванному отъ такой неожиданности. Въ Петербургѣ же случилось: у митрополита былъ парадный обѣдъ; по окончаніи его протопресвитеръ и царскій духовникъ Бажановъ и Новочеркасскій архіерей Іоаннъ Доброзраковъ зашли къ преосвященному викарію Христофору. Подано имъ было Шампанское. Всѣ они выпили по одной, принялись и за другую; въ эту минуту впопыхахъ входитъ къ нимъ

келейникъ викарія и говоритъ: Муравьевъ идетъ къ вамъ, Муравьевъ! Услышавъ это, Бажановъ вскочилъ со стула и юркнулъ въ сосѣднюю горницу, а преосвященный Іоаннъ, держа бокалъ въ десницѣ своей и видя *Незваннаго*, громко и насмѣшливо говорилъ: *писака идетъ, писака идетъ*. Было давно: этотъ писака, въ бытность свою въ Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ, какъ-то попалъ въ кружокъ профессоровъ тамошней Академіи и, прислушиваясь къ разговорамъ ихъ, сказалъ имъ: *во многоглаголаніи нѣтъ спасенія, говоритъ апостолъ*, хотя эти слова и не апостола; подхватилъ же эту ошибку его профессоръ Архидіаконскій и возразилъ ему: Какой это апостолъ? Ужъ не тотъ ли Муравьевъ - Апостолъ, котораго повѣсили? Обидѣлся *Незванный* этою нечаянною выходкою, хотя и не родня былъ повѣшенному, и пожаловался на академистовъ митрополиту Филарету, прибавивъ, что они были *выпивши*. Послѣдовалъ выговоръ шутнику.

Незванный былъ большой охотникъ вездѣ совать свой носъ и жаловаться на всѣхъ. Не упоминаю о томъ, что когда въ Берлинѣ скончалась извѣстная въ Питерѣ госпожа Татьяна Борисовна Потемкина, чистая душа христіанская, тогда Муравьевъ гдѣ-то напечаталъ, что не подлежало увозить ее больную за границу, умерла бы-де и дома, за что родственникъ Потемкиной, князь Куракинъ, пропечаталъ его, какъ незваннаго-непрошеннаго, *вездѣ сующаго свой носъ*.

Говорю о приражeніяхъ этого пугала ко мнѣ и къ митрополиту Арсенію въ Кіевѣ.

Муравьеву хотѣлось жить въ Кіевѣ по-барски; а средствъ къ тому житью не доставало у него. Что-же онъ дѣлалъ? У эконома лавры архимандрита Мельхиседека выпрашивалъ даровое сѣно для двухъ выходныхъ лошадей своихъ и за то хвалилъ его. У меня письмомъ просилъ 600 рублей, *будто*, въ заемъ, и когда я не далъ ему и шести полушекъ, какъ-то умолилъ митрополита дать ему эту сумму, а на меня ощетинился и началъ писать о мнѣ его высокопреосвященству что и что ему вздумается. Митрополиту онъ не заплатилъ займа, извиняясь своею несостоятельностію, однако услышалъ гнѣвное слово. Меня же маралъ предъ нимъ такъ. Въ началѣ 1873 года написалъ ему въ Петербургъ, что я порчу *древнія* стѣны монастырскія; но митрополитъ изъ дѣлового письма моего, отъ 3 Апрѣля того же года, узналъ, что древность этихъ стѣнъ *вчерашняя*, и что я не прикасался къ нимъ, ни ломомъ, ни молоткомъ. Въ 1869 г. въ пасхальные дни *Незваннымъ* написано и послано было архипастырю такое сумасбродное и обидное письмо, въ которомъ обжалованы были и каѳедральное духовенство, и монахи лавры Печер-

ской, и монастыря Никольскаго, и я, и самъ митрополитъ. *Подобенъ этого письма своего онъ лично принесъ* ко мнѣ, но подалъ келейнику моему, хотя и зналъ, что я у себя». Письмо это довольно кляузное, и Порфирій въ тотъ же день отвѣтилъ ему по-гречески: «Въ Кіевѣ былъ день свѣтлый Пасха, и пришли ангелы Божіи предстать предъ Господомъ. Съ ними пришелъ и дьяволъ въ *вашемъ образѣ*. Аминь». Сей отвѣтъ мой перевели ему по-русски. Что же Хамъ? Ощетинился и сталъ хрюкать на меня пуще, не слушая увѣщаній приближенныхъ къ нему защитниковъ моихъ, какъ-то, живущаго при немъ капитана Семенова, Серафимы Григорьевны Домашневой, которую онъ называлъ Порфиріанкою, и Татьяны Григорьевны Аѳанасьевой, классной дамы Института благородныхъ дѣвицъ.

Когда Наслѣдникъ престола Александръ Александровичъ пріѣхалъ въ Кіевъ съ супругою своею, Муравьевъ наговорилъ на меня, что и что внушилъ ему чортъ состоявшему при его высочествѣ П., и упрашивалъ его пересказать все это Наслѣднику. Но П. не рѣшился очернить епископа, котораго не зналъ, и пересказалъ злорѣчіе Муравьева состоявшей при наслѣдницѣ княгинѣ Юліи Ѳеодоровнѣ Куракиной. А эта, какъ бывшая духовная дочь моя, расхвалила ему меня, и отсовѣтовала говорить о мнѣ Наслѣднику, примолвивъ: знайте, что Наслѣдницѣ я сообщила самыя лучшія понятія о преосвященномъ Порфиріи, и что она хочетъ говорить съ нимъ послѣ обѣда, къ которому онъ будетъ приглашенъ непремѣнно. Такъ и было. Наслѣдница обласкала меня. А мой гонитель-фараонъ, видѣвшій ея ласку, утонулъ».

«Съ митрополитомъ Арсеніемъ я мирно и благополучно прожилъ одиннадцать лѣтъ съ небольшимъ. Онъ былъ мой благодѣтель. При его содѣйствіи я былъ принятъ въ Духовную Академію въ 1825 году. Онъ у Св. Синода выпросилъ меня себѣ на мѣсто викарнаго епископа Серафима. О благодѣтелѣ же своемъ я могу, да и долженъ сказать только доброе слово. Говорю и говорю правду».

Много теплыхъ страницъ отводитъ авторъ своему благодѣтелю и заканчиваетъ свои восхваленія такъ, «что бы и еще вспомнить о немъ? Онъ, заодно со мною, не хотѣлъ устроивать епархіальнаго свѣчного завода для всѣхъ церквей, дабы не называли его фабрикантомъ, меня прикащикомъ, поповъ кочегарами, а пастырскіе жезлы ихъ мутовками для мѣшанія растопленнаго воска. Не прочь онъ былъ отъ учрежденія такъ называемой эмеритальной кассы на пенсіи духовенству, и даже пожертвовалъ, помнится, свои 2000 рублей въ основной капиталъ ея.

Но эта поповская затѣя, въ бытность мою въ Кіевѣ, не осуществилась по нежеланію многихъ и многихъ священниковъ, діаконовъ и дьячковъ наполнять эту кассу предполагаемыми вычетами изъ ихъ жалованья».

Арсеній скончался въ С.-Петербургѣ 28 Апрѣля 1876 года, оставивъ послѣ себя всего 14 тысячъ рублей, такъ какъ онъ не копилъ денегъ и крупно жертвовалъ.

По пріѣздѣ въ Кіевъ Порфирій еще засталъ тамъ генералъ-губернаторомъ Безака. «Эта персона», пишетъ онъ, «въ высокоторжественные дни являвшійся въ Кіево-Софійскій соборъ къ шапочному разбору и подходившій къ кресту въ не очень чистыхъ перчаткахъ, не былъ благочестивъ, а дома любилъ любоваться живыми безбородыми картинками, лежа на кушеткѣ. Когда онъ умеръ, тогда любопытные люди спросили, что же стало съ *помпадурами* его, и получили лаконическій отвѣтъ: «*помпа* лопнула, *дуры* остались».

До назначенія Тверского архіепископа Филоѳея Кіевскимъ митрополитомъ, Порфирій, какъ старшій викарій, исполнялъ его должность. «Пока новый митрополитъ Филоѳей», пишетъ онъ, «медлилъ въ Твери, я получалъ письма на имя его. Одно изъ нихъ вечеромъ было распечатано мною по недосмотру надписи на немъ и прочтено. Какая-то раба Божія Александра писала ему, между прочимъ, что сама Богоматерь встрѣтитъ его у воротъ Печерской лавры. Много чести, подумалъ я и, припечатавъ письмо, сдалъ его въ консисторію вмѣстѣ съ прочими бумагами.

Наконецъ долго ожидаемый Филоѳей пріѣхалъ въ Кіевъ по желѣзной дорогѣ 12-го Іюля, въ Понедѣльникъ, въ восемь часовъ по полуночи. Губернаторъ Гессе и другіе гражданскіе и военные чиновники, не смотря на то, что стакнулись со мною встрѣтить его въ императорскихъ покояхъ вокзала, опрометью бросились къ поѣзду и тамъ привѣтствовали его. А я остался въ коридорѣ, чрезъ который надлежало ему проходить до своей кареты, и тутъ поздравилъ его съ благополучнымъ пріѣздомъ; поздравляя же, примѣтилъ, что онъ взглянулъ на меня немилостиво, сурово... «Предубѣжденъ противъ меня», сказалъ я самъ себѣ и поѣхалъ вслѣдъ за нимъ въ лавру. Тамъ онъ принялъ меня въ гостиной горницѣ и, проворчавши весьма сухо: «я принимаю васъ только на пять минутъ», всталъ и раскланялся со мною. Объяснивъ себѣ эту сухость усталостію его отъ дороги, я возвратился во свояси, гдѣ однако вѣщее сердце внушило мнѣ, что не будетъ мнѣ добра отъ новаго владыки. А какой онъ худощавый, сухощавый, болѣзненый, съ пузырями подъ глазами!...

На другой день по пріѣздѣ, Филоѳей служилъ со мною литургію въ Софійскомъ соборѣ. Въ минуты осѣненія христоименитаго народа, послѣ молитвы: *Призри съ небесе, Боже, и виждь,* дикирій въ рукѣ его погасъ. Я подумалъ: *скоро угаснетъ и онъ.* (Эта дума моя была вѣщая: онъ угасъ 29 Января 1882 года). Голосъ у него весьма тихъ. Стоишь подлѣ него, и едва слышишь, что̀ онъ говоритъ. А какъ онъ благословляетъ обѣими руками? Словно граблями подгребаетъ подъ себя воздухъ, простирая свои длинные пальцы не сверху внизъ, а горизонтально. Въ молитвенномъ предстояніи его предъ св. трапезою много душевной сосредоточенности. Видно, что онъ набоженъ, даже черезчуръ. Говорилъ онъ проповѣдь о любви къ ближнимъ, основанной на любви къ Богу, а началъ ее такъ: «Державная воля помазанника Господня поставила меня на сей каѳедрѣ». Это начало не понравилось мнѣ. Лучше бы сказать ему, что воля Божія чрезъ посредство помазанника Господня поставила меня пастыремъ вашимъ. Вѣдь, архипастырь есть человѣкъ Божій и народный, а не царедворецъ. Вся же проповѣдь его была такая же сухопарая и безжизненная, какъ и самъ онъ. Академія испрашивала у него позволенія напечатать ее, но онъ не согласился на это. А печать доказала бы, что новый митрополитъ Кіевскій далеко не витія мудрый и назидательный. Вступительная проповѣдь его была первая и послѣдняя. Знать, у него нѣтъ дара говорить умомъ и сердцемъ. Зачѣмъ же ставятъ на свѣщникѣ свѣтильникъ безъ огня? Благочестивою-де жизнью будетъ назидать всѣхъ! Но не назидалъ: въ Кіевѣ при немъ только стѣны были святыя, а люди вельми грѣшны.

Послѣ обѣдни Филоѳей болѣе часу благословлялъ народъ; я же и Кіевская знать поджидали его въ митрополичьихъ покояхъ. Когда онъ явился сюда, городской голова съ своими гласными поднесъ ему малый хлѣбъ съ серебряно-позолоченною солонкою безъ соли, на маленькой деревянной тарелкѣ, вѣрьте, на деревянной. Я видѣлъ ее, щупалъ и дивился скупости городской управы. Митрополитъ, принявъ хлѣбъ-соль, цѣловалъ всѣхъ подходившихъ къ нему сановниковъ, между которыми находился адмиралъ Путятинъ съ своею дочерью дѣвицею Ольгою Евѳимьевною. Хозяинъ и гости, всѣ мы усѣлись на своихъ мѣстахъ, и ждемъ владычняго слова. Но онъ молчитъ. Сидѣвшій подлѣ него на диванѣ генералъ Дрентельнъ молчитъ. Губернаторъ и всѣ прочіе молчатъ, поглядывая на новаго пророка и ожидая отъ него глаголовъ. Отъ безмолвія всѣмъ неловко. Кому-нибудь да надлежало начать разговоръ. Противъ меня сидѣла дѣвица Путятина; и я, зная, что она говоритъ по-новогречески, началъ бесѣдовать съ нею на этомъ языкѣ. Всѣ гости обратили на насъ вниманіе свое и немало дивились тому, что молодая графиня разговариваетъ съ архіереемъ такимъ языкомъ, которымъ не

говоритъ ни одна Русская дѣвица. Такъ прекратилъ я тягостное для всѣхъ безмолвіе новаго молчальника. Не знаю, что̀ и что̀ подумали о немъ посѣтители; а я сказалъ самъ себѣ: душеспасительно молчаніе монаха въ пустынѣ, но отъ безмолвія пастыря среди паствы никому нѣтъ ни малѣйшей пользы. Такому молчальнику лучше бы идти въ Анзерскій скитъ въ Соловкахъ. Однако *Молчалины блаженствуютъ* на этомъ свѣтѣ.

Приближалось чествованіе памяти и святыхъ мощей великомученицы Варвары во ввѣренномъ управленію моему Михайловскомъ монастырѣ. За два дня до сего праздника я ѣздилъ къ Филоѳею и приглашалъ его служить литургію въ день великомученицы и откушать у меня хлѣба и соли; но онъ отказался подъ предлогомъ слабости здоровья своего. Темная душа! Сухая душа! Нѣтъ въ ней любви ни къ грѣшнымъ, ни къ святымъ.

Наканунѣ праздника, 3 Декабря, я по прошлогоднему (1875) перенесъ св. раку съ мощами великомученицы изъ Варваринскаго придѣла въ Архангельскій соборъ и поставилъ ее у царскихъ вратъ Введенскаго придѣла. Тутъ совершено было мною всенощное бдѣніе съ акаѳистомъ всеблаженной Агницѣ. А на другой день послѣ обычнаго обнесенія раки вокругъ названнаго собора святыя мощи въ ней перенесены были въ мою крестовую церковь чрезъ мои благопристойные покои, *по моей вѣрѣ въ цѣлебное воздѣйствіе ихъ на мое немощное тѣло*, и по окончаніи литургіи тотчасъ внесены обратно въ Варваринскій придѣлъ».

Это перенесеніе мощей надѣлало преосвященному Порфирію множество непріятностей. На него былъ посланъ доносъ, и онъ долженъ былъ давать объясненіе оберъ-прокурору. «Филоѳей же», пишетъ онъ объ этомъ, «возвратившись въ Кіевъ, при первомъ свиданіи со мною припомнилъ это дѣло и сказалъ мнѣ: «въ своей отвѣтной запискѣ о перенесеніи мощей св. Варвары въ вашу крестовую церковь чрезъ вашъ домъ вы сослались на распоряженіе покойнаго митрополита; на мертвыхъ же ссылаться можно сколько угодно; вѣдь, они молчать, а все-таки правда, что вы перенесли мощи чрезъ ваше помѣщеніе». Эти слова его взволновали меня, и я отвѣтилъ ему сурово: «Вы, какъ сдается, не вѣрите моей ссылкѣ на покойнаго митрополита; но если бы вы были настолько святы, что могли бы воскресить его и вопросить о мнѣ, то онъ рекъ бы вамъ: Я въ 1875 году прозябъ до костей, служа литургію въ Архангельскомъ соборѣ въ день памяти св. Варвары, и я тамъ замѣтилъ своему викарію, что лучше бы переносить раку ея въ теплую крестовую церковь, болѣе обширную, чѣмъ Варваринскій придѣлъ. Отъ такой рѣчи его зазвенѣло бы въ ушахъ вашихъ и потемнѣло бы въ глазахъ вашихъ. Вы не вѣрите мнѣ. Не вѣрьте. Отъ вашей недовѣр-

чивости не больно мнѣ, а отъ цѣлѣбоносныхъ мощей великомученицы, освятившихъ мои покои, которые я считаю притворомъ моей крестовой церкви, я по вѣрѣ моей получилъ укрѣпленіе силъ моихъ тѣлесныхъ. Вы становитесь на сторонѣ какого-то безвѣстнаго доинощика на меня какъ будто вините меня въ томъ, что св. мощи внесены были въ домъ мой; но не вамъ бы винить меня въ этомъ: вы архіерействовали въ Костромѣ, гдѣ я родился и выросъ, и знаете, что тамъ часто носятъ въ обывательскіе домà икону Θеодоровской Богоматери, и никто никого не упрекаетъ за это. Почему же упрекаютъ меня за внесеніе св. мощей въ покои мои? Не понимаю этого и перестаю говорить». Филоѳей, выслушавъ меня, замолчалъ, а чтò и чтò въ душѣ его шевелилось, про то вѣдаетъ самъ онъ.

Я же ѣду, не свищу,
И какъ наѣдутъ, не спущу.

Митрополитъ Филоѳей и въ 1877 г. отказался служить литургію въ день памяти св. Варвары. Отказъ его удивилъ меня, но не огорчилъ, однако далъ мнѣ почувствовать, что я не любъ ему. Пусть я не любъ его сухарному благочестію; но почему же онъ, живя второй годъ въ Кіевѣ, ни однажды не читалъ акаѳиста великомученицѣ и не поклонился святымъ мощамъ ея? Сухопарая душа!

Наканунѣ отъѣзда его въ Петербургъ, въ 9-й день Декабря (1877 г.) я пріѣзжалъ къ нему въ Лавру проститься. Тогда душа моя сильно взволнована была помышленіями о пьянствѣ нашего народа въ 280.000 кабакахъ...., о зараженіи цѣлыхъ уѣздовъ сифилисомъ отъ фабричныхъ людей и отъ солдатъ, о оправданіяхъ присяжными такихъ преступниковъ, которыхъ грѣхи вопіютъ на небо, и слѣдовательно объ укорененіи въ народѣ понятія, что онъ, какъ скотъ, не подлежитъ отвѣтственности за всѣ проступки свои, и можетъ бить и убивать даже отцовъ и матерей безнаказанно, о необузданности безбожной литературы, о безвѣріи гимназистовъ и университетскихъ студентовъ и ихъ учителей и о частыхъ самоубійствахъ вслѣдствіе безвѣрія и безнравственности. Всѣ эти помышленія я высказалъ митрополиту и заключилъ свою филиппику такъ: «Почему вы, сѵнодалы, зная все это, безмолствуете? Почему не внушаете Государю, что церковь, отечество и самъ онъ въ опасности? Блаженной памяти митрополитъ Серафимъ успѣлъ же лично склонить Александра I закрыть масонскія ложи *). Почему же вы не поражаете ему? Вы—пастыри народа. Вашъ долгъ, святой вашъ долгъ, охранять ваши паствы отъ волковъ, разбойниковъ и отъ всякой моровой язвы, а у васъ нѣтъ ни громкаго голоса, ни пращи, ни всеоружія,

*) Читатели знаютъ теперь (см. выше, стр. 372 и 373), что масонскія ложи закрыты по мысли Р. А. Кошелева и кн. А. Н. Голицына. П. Б.

ни врачевства. Если бы я былъ первенствующій членъ Сѵнода, то слезно умолялъ бы Государя спасать Россію отъ высказанныхъ мною золъ...» На этихъ словахъ прервалъ мою рѣчь митрополитъ и проговорилъ мнѣ: «Если бы угодно было Богу возвысить васъ для спасенія гибнущей, по вашему, Россіи, то Онъ давно возвысилъ бы васъ», и, проговоривши сіе, замолчалъ. На это я отвѣтилъ ему: «Владыка! У вѣчнаго Бога лѣтъ много; подарилъ ихъ Онъ вамъ, подарилъ ихъ и намъ. Онъ высокихъ смиряетъ и смиренныхъ возвышаетъ». Послѣ сего я помолчалъ съ минуту, всталъ съ своего мѣста и, низко поклонившись собесѣднику, сказалъ ему: желаю вамъ счастливаго пути, и отправился во-свояси. Это было мое послѣднее свиданіе съ нимъ. Онъ рѣшился выжить меня изъ Кіева и выжилъ».

24 Декабря 1877 года преосвященный Порфирій получилъ указъ, что онъ назначается членомъ Московской Сѵнодальной Конторы.

Вмѣстѣ съ Порфиріемъ переведенъ былъ въ Ригу и Филаретъ, епископъ Уманьскій, который тоже не зналъ о своемъ перемѣщеніи и «вылушавъ», пишетъ Порфирій, «мое увѣреніе въ этомъ, удивился. Не удивляйтесь, говорилъ я ему, а лучше разувѣрьтесь въ воображаемой вами расположенности къ вамъ митрополита, которому нелюбы даровитые мужи науки и общеполезнаго дѣла. Онъ выше всего цѣнитъ благочестіе *сухарное*, никому не полезное, а не то, о которомъ сказалъ св. апостолъ Павелъ, что оно *на все полезно.* Готовьтесь къ отъѣзду. Оба мы скоро получимъ указы изъ Св. Сѵнода о нашихъ перемѣщеніяхъ. Не желаю знать, что̀ и что̀ вы думаете и чувствуете теперь, когда сообщена вамъ новость неожиданная. Что̀ касается до меня, то я скажу вамъ откровенно, что я постоянно желалъ дожить свой вѣкъ въ богоспасаемомъ Кіевѣ; но не то присудилъ мнѣ Богъ. Да будетъ Его святая воля надо мною и надъ вами!»

Сравниваю двухъ митрополитовъ, Арсенія и Филоѳея. Вотъ двѣ противоположности.

Арсеній.	Филоѳей.
Даровитъ. Знатокъ языковъ Еврейскаго, Греческаго и Латинскаго. Проповѣдникъ. Сочинитель, любитель учености и ученыхъ.	Малодаровитъ и малосвѣдущъ въ этихъ языкахъ. Не говорилъ проповѣдей, ни въ Костромѣ, ни въ Твери, ни въ Кіевѣ. Не написалъ ни одной богословской строки. Не прилежалъ къ книжному умудренію себя. Холоденъ къ ученымъ.
Общителенъ, привѣтливъ, любезенъ, неистощимъ въ разговорахъ.	Нелюдимъ и молчаливъ, какъ безгласная рыба.

Благочестивъ по-христіански. Священнодѣйствовалъ, какъ всѣ, вездѣ и всегда благоговѣйно, просто, безъ продолжительныхъ долулежаній.	Благочестивъ по-буддійски. Священнодѣйствовалъ благоговѣйно, но съ продолжительнными долулежаніями, не дозволенными во время общественнаго богослуженія, во избѣжаніе осужденія за фарисейство.
Нестяжатель и щедръ на благотворенія роднымъ и чужимъ, церквамъ и монастырямъ, училищамъ и благодѣтельнымъ обществамъ.	Нажилъ 97.000 рублей и оставилъ ихъ послѣ себя въ сиротствѣ...
Былъ весьма дѣятеленъ и обозрѣвалъ свою епархію.	Не видалъ ни одной сельской церкви.
Учредилъ приходскія школы для сельскихъ дѣтей, преодолѣвши многія и многія препятствія.	Не ознаменовалъ себя ничѣмъ доблестнымъ.
Смерть постигла его внезапно, когда онъ былъ въ здравомъ умѣ, а совѣсть чиста и спокойна.	Умиралъ постепенно, подъ гнетомъ убійственной думы о томъ, что вотъ-вотъ скоро позовутъ его въ гласный судъ по дѣлу Булахъ и Мазуриной.
Сѣннолиственное древо съ питательными плодами.	Древо безплодное, полуизсохшее.
Totum.	Nihil.

20 Марта 1878 г. Порфирій въ первый разъ явился въ Московскую Сѵнодальную Контору, гдѣ и принялъ присягу. Затѣмъ онъ дѣлаетъ характеристику этой конторы, существующей съ 1739 года.

«Московская Сѵнодальная Контора, до 1883 года помѣщавшаяся въ Кремлевскихъ палатахъ, гдѣ варится св. мѵро, а потомъ въ новомъ смежномъ зданіи, вѣдаетъ только ставропигіальные монастыри: Новоспасскій, Донскій, Симоновъ и Заиконоспасскій въ Москвѣ, Ново-Іерусалимскій, Соловецкій и Яковлевскій въ Ростовѣ, большой Московскій соборъ Успенскій и Училище сѵнодальныхъ пѣвчихъ. Не нравится мнѣ названіе ея, напоминающее конторы питейныя, купеческія и имъ подобныя. Было бы пристойнѣе назвать ее отдѣленіемъ Св. Сѵнода въ Москвѣ. Въ этой конторѣ, имѣющей свою канцелярію, прокурора и секретаря, засѣдаютъ и рѣшаютъ монастырскія дѣла митрополитъ Московскій, два архимандрита или архіерея, уволенные отъ епархіальныхъ каѳедръ ихъ, и протопресвитеръ Успенскаго собора. При мнѣ съ 1878 года членами ея были митрополиты Иннокентій, благочестивый и благоразумный, но слѣпой, отлетавшій и отлетѣвшій на небо; Макарій, бого-

словъ и историкъ, торопливый въ рѣшеніи дѣлъ и потому не видѣвшій всѣхъ сторонъ ихъ, и Іоанникій, невнятный скороговорка; также торопливый, но дѣльный, преосвященный Алексѣй, часто бранившійся съ прокуроромъ Потемкинымъ; преосвященный Іоаннъ, робкій, больше молчаливый, чѣмъ говорящій невпопадъ, и протопресвитеры: Новскій-безмолвникъ, никогда не отверзавшій устъ своихъ, послѣ него Богословскій, молчащій, упрямый и разслабленный, а послѣ сего Сергіевскій, осторожный и дѣльный, но еще неопытный въ дѣлахъ конторскихъ. Прокуроръ Потемкинъ хорошо докладывалъ дѣла, но иногда превышалъ свою власть. Преемникъ его Алексѣй Александровичъ Нейгардтъ (православный) ретивъ, но еще мало знакомъ съ монастырскими дѣлами: напримѣръ, не зналъ онъ, кто такой *соборный* іеромонахъ и какая обязанность его; секретарь Органовъ развалина. Онъ отставленъ отъ своей должности въ 1884 году съ ежегодною пенсіею въ 900 рублей; на мѣсто его переведенъ секретарь Тверской консисторіи Славолюбовъ, Москвичъ, кончившій ученіе въ Московской Духовной Академіи. По недавности поступленія его въ контору ничего не могу сказать о немъ и оставляю здѣсь пустое мѣсто для замѣтокъ объ *имѣющихъ быть* синодальныхъ конторщикахъ, если я останусь въ Москвѣ».

Въ своемъ дневникѣ подъ 21 Апрѣля 1879 года Порфирій между прочимъ приводитъ письмо игуменьи одного изъ Кіевскихъ монастырей. «Въ этомъ письмѣ», говоритъ владыко, «игуменья упомянула *о злобѣ человѣческой и о гнетѣ людскомъ.* Она подразумѣвала жестокость митрополита Филоѳея, по которой онъ меня удалилъ изъ Кіева, а ее перемѣстилъ изъ новыхъ, хорошо отдѣланныхъ ею, покоевъ въ прежніе, которые она занимала, когда была казначеею монастыря, перемѣстилъ подъ тѣмъ предлогомъ, что изъ этихъ прежнихъ покоевъ она лучше-де могла наблюдать за монахинями, тогда какъ отсюда вовсе не видать ихъ. Объ этомъ напрасномъ гнетѣ она со слезами говорила мнѣ, когда я посѣтилъ ее въ Октябрѣ 1878 года».

Гнетъ и великія дани, налагаемыя на женскія монастыри епархіальными владыками не составляютъ ни для кого тайны. Не говоря уже о томъ, что женскія обители обшиваютъ большинство владыкъ и ихъ архіерейскихъ слугъ, этихъ (по словамъ Духовнаго Регламента) «обычныхъ лакомыхъ скотинъ», даютъ деньги за служеніе и т. п., онѣ еще обязываются и юбилейными приношеніями. Въ нашемъ собраніи находится любопытный документъ, это письмо одной монахини Екатеринбургскаго женскаго монастыря, въ которомъ она между прочимъ пишетъ: «Вѣсть о перемѣщеніи послѣдняго епископа Н. мы приняли за особую милость Божію, потому что управленіе епископа Н. было слишкомъ тяжело для нашей обители; каждый наступающій день встрѣчали со стра-

хомъ, ожидая какого-нибудь новаго требованія или, проще сказать, придирки. Не знаю почему, но епископъ Н. съ самаго пріѣзда относился къ обители, а главное лично ко мнѣ, съ недоброжелательствомъ. 3-го Ноября онъ праздновалъ 35-лѣтній юбилей служенія въ священномъ санѣ; черезъ благочиннаго архимандрита было мнѣ предписаніе поднести владыкѣ митру съ Баженовскими изумрудами стоимостью болѣе тысячи р. сер.; за неимѣніемъ средствъ у обители, я поднесла только икону преподобнаго Серафима. 12-го Ноября резолюціей преосвященнаго назначена была всесторонняя ревизія монастыря нашего. 18-го Ноября явились о.о. ревизоры, собрали старшихъ монахинь, прочли указъ о производствѣ ревизіи и начали осмотръ съ казнохранилища. 19-го была сдѣлана внезапная высыпка кружекъ и верховыхъ денегъ, обойдены мастерскія, вездѣ требовали приходорасходныя тетради, и все это уносилось отцами ревизорами. Главное вниманіе обращено было на сумму, подаваемую мнѣ изъ мастерскихъ. Обходили одиночныя кельи, конный дворъ, коровню, прачешную; въ коровнѣ учитывали, сколько крынокъ молока получается ежедневно, въ сестринской прачешной спрашивали, сколько доходу. 30-го Ноября была вторичная высыпка въ церквахъ: въ келарской считали ковриги. Цѣлый мѣсяцъ продолжали ревизію и не окончили; не знаю, что̀ будетъ дальше, будутъ ли продолжать или такъ останемся ни съ чѣмъ». Примѣровъ подобныхъ вымогательствъ можно привести множество, но мы пока умалчиваемъ до появленія второго дополненнаго изданія книги «О бѣломъ и черномъ духовенствѣ», сдѣлавшейся теперь библіографической рѣдкостью.

Быть настоятелемъ Новоспасскаго монастыря и членомъ Сѵнодальной Конторы очень не нравилось преосвященному. Онъ постоянно стремился на Югъ. «Въ Москвѣ», пишетъ онъ, «я не на своемъ мѣстѣ. Мелочныя дѣла въ Сѵнодальной Конторѣ не занимаютъ меня. Монастырь мнѣ въ тягость, потому что правительственное дозволеніе монахамъ имѣть деньги склоняетъ ихъ къ пьянству и любодѣянію. Типографіи отъ меня далеко, да и печатаютъ книги медленно и плохо. Рисовальщики и фотолитографы впередъ берутъ отъ меня деньги, а работаютъ, что̀ и что̀ мнѣ надобно, спустя рукава свои. Знакомыхъ у меня нѣтъ. Въ церковь ходить по высокимъ лѣстницамъ и сквознымъ коридорамъ я затрудняюсь, боясь являющейся тутъ боли въ груди моей. Все это понуждало меня не проситься на опроставшіяся епископскія каѳедры, а больше помышлять о полномъ покоѣ въ Кіево-Ѳеофановскомъ скитѣ послѣ продажи моей драгоцѣнной библіотеки. Но ни то, ни другое до сей поры не удалось. *Sic fata voluerunt*».

«Въ 1881 году, 3 Сентября», отмѣчаетъ владыка, «сильно опечалили меня вѣрныя вѣсти изъ Кіева, пересказанныя мнѣ лично тамош-

нимъ протоіереемъ Флоринскимъ, гостившимъ у меня на пути въ городъ Владиміръ. Тамъ семинаристы затѣяли пляску въ своихъ занятныхъ покояхъ и, послѣ минутнаго усмиренія ихъ инспекторомъ, стали плясать еще пуще. Тамъ же студенты Кіевской Академіи устраивали у себя увеселительные вечера, которые оканчивались большими безпорядками, и безумно веселились даже тогда, когда надлежало имъ править всенощное бдѣніе, а инспектора своего архимандрита Сильвестра обругали и у ректора же своего преосвященнаго Михаила выпросили позволеніе стоять въ церкви не на прежнемъ мѣстѣ, а гдѣ имъ угодно, и уходили изъ нея гулять съ дѣвками; кромѣ сего предъявляли и такія требованія, чтобъ ихъ не будили утромъ и было бы прекращено чтеніе имъ молитвъ утреннихъ и вечернихъ. Эти самыя вѣсти сообщены были мнѣ и одною благочестивою Кіевлянкою, именно Елисаветою Семеновою. Итакъ, Кіевская Академія превратилась въ гнѣздо нигилизма. Плачу и рыдаю, егда помышляю объ этомъ.

Въ 1882 году, 29 Января, скончался Кіевскій митрополитъ Филоѳей послѣ продолжительной болѣзни. Я пожалѣлъ не о немъ, а о томъ, что оставилъ послѣ себя 97000 рублей въ сущемъ сиротствѣ, знать, по жадности къ деньгамъ. Замѣчательно, что я ночью подъ 14-й день того же мѣсяца во снѣ видѣлъ его, *какъ тѣнь.* Моя душа за 15 дней ранѣе знала, что умретъ этотъ непріятель мой.

Въ томъ же году, въ половинѣ 12 часа ночи, подъ 10-й день Іюня, скончался Московскій митрополитъ Макарій. Неожиданна была внезапная кончина его. Мы лишились въ немъ трудолюбиваго историка Русской церкви...

На его мѣсто 27 Іюня назначенъ экзархъ Грузіи Іоанникій. Онъ пріѣхалъ въ Москву по Рязанской желѣзной дорогѣ въ десятомъ часу пополуночи. Я не могъ встрѣтить и привѣтствовать его въ Чудовомъ монастырѣ по причинѣ боли въ горлѣ. Увидимъ, какого полета эта немалая птица. А въ день 50-лѣтняго юбилея Кіевской Академіи онъ поднялся было говорить рѣчь предъ многочисленнымъ собраніемъ, но не сказалъ ни полслова, а только походилъ взадъ и впередъ предъ митрополитомъ Арсеніемъ и начальствомъ академіи и, молча, сѣлъ на прежній стулъ свой. Развязенъ! Находчивъ! Краснорѣчивъ!...

Въ 1883 году 9 Марта, въ Новоспасскомъ монастырѣ повѣсился іеромонахъ Поликарпъ, Московскій семинаристъ, нигилистъ. Прискорбно! Я не удостоилъ его христіанскаго погребенія. Монастырскіе служки молча отнесли его за ограду монастырскую и тамъ опустили въ могилу...

Кстати говорю о нигилистахъ. Еще въ 1881 году они въ деревянныхъ раскрашенныхъ яицахъ разбрасывали въ Москвѣ свои дьяволь-

скія прокламаціи и пустили молву, что будутъ бить въ набатъ на колокольнѣ Иванъ Великій и призывать народъ къ возстанію противъ царя и святой церкви. Но эта колокольня была заперта для нихъ и для всѣхъ съ 18 Мая, по распоряженію Сѵнодальной Конторы, а къ языкамъ колоколовъ прикрѣплены цѣпи съ замками. Въ 1884 г., 9 Февраля, въ названной конторѣ получено было изъ Св. Сѵнода секретное увѣдомленіе о томъ, что нигилисты заявляютъ подъ видомъ благочестія водвориться въ монастыряхъ съ тѣмъ, чтобы динамитомъ взорвать ихъ на воздухъ, такъ какъ монастыри крѣпко держатъ хоругвь православія и утверждаютъ святую вѣру въ народѣ. Противъ сего покушенія контора приняла надлежащія мѣры. А вотъ и еще печальное и вѣрнѣйшее извѣстіе о нигилистахъ-студентахъ Кіевской Духовной Академіи, пересказанное мнѣ доцентомъ ея Димитріевскимъ 1 Іюля 1884 г. Въ Мартѣ мѣсяцѣ сего года мѣстная полиція внезапно накрыла эту академію и нашла въ ней динамитъ подъ лѣстницей, мятежныя прокламаціи въ книгахъ студенческой библіотеки и коновода террористовъ студента Дашкевича изъ Волынской семинаріи. Онъ увезенъ въ Петербургъ. Оказалось и то, что въ академіи укрывался недѣли съ двѣ Дегай, убійца Судейкина. Послѣ передряги, академическое начальство лишило студентовъ права завѣдывать ихъ библіотекою; но они взбунтовались и настаивали на своемъ, однако тщетно. За бунтъ же этотъ пятеро исключены, а десятеро лишены казеннаго содержанія. Когда я разсказывалъ объ этомъ прискорбномъ событіи въ присутствіи Сѵнодальной Конторы, членъ ея протопресвитеръ Сергіевскій повѣдалъ, что Харьковскіе семинаристы сожгли свою семинарію, такъ что на возобновленіе ея требуются 50000 рублей. Увы! Аще соль обуяетъ, чѣмъ осолится то, что должно быть посолено».

Въ дневникахъ преосвященнаго попадаются разныя замѣтки:

«Въ 6 день Октября 1880 г. говорили мнѣ, что когда еще живъ былъ настоятель Донского монастыря, преосвященный Евгеній Казанцевъ, слѣпой, его посѣтили великіе князья и видѣли на немъ клоповъ, ползавшихъ по лентѣ Александра Невскаго.

Октября 17 дня 1880 г. было слышно, что какой-то Лизогубъ дворянинъ далъ нашимъ нигилистамъ 170000 рублей на расходы.

Апрѣля 26 дня 1881 г. Я ѣздилъ въ мѵроварную палату и тутъ слушалъ церковное пѣніе членовъ новаго церковно-пѣвческаго общества. Орутъ!

Мая 18 дня 1881 г. нигилисты дали знать начальству Москвы, что 21 Мая они будутъ бить въ набатъ на колокольнѣ Иванъ Великій. Приняты мѣры».

Незадолго до кончины преосвященный писалъ: «Русскій архіерей поставленъ такъ, что не можетъ сдѣлать ничего великаго, достославнаго и обще-полезнаго. Это—попъ, надъ попами попъ, и только. Но грядетъ часъ, когда не будетъ ни монархій, ни республикъ и когда одни архіереи будутъ управлять народами. Тогда наступитъ царствіе Божіе, царство правды, свободы, равенства, управленія всѣхъ благъ земныхъ, благочестія и праведной жизни.

Когда я съ Божіею помощію кончу всѣ задуманныя и начатыя сочиненія свои, тогда съ особеннымъ удовольствіемъ скажу: Exegi monumentum aere perennius, т. е. воздвигъ я себѣ памятникъ вѣковѣчнѣе мѣди».

Послѣднія строки дневника написаны 25 Марта, за 25 дней до кончины. «Праздновали сегодня Благовѣщеніе архангела Пресвятой Дѣвы Маріи. Рѣдкое совпаденіе сего праздника съ Пасхою! День былъ ясный, тепловатый и тихій. Былъ у меня живописецъ Фартусовъ и повѣдалъ, что онъ отказался возстановить стѣнную живопись XV вѣка въ Благовѣщенскомъ соборѣ, потому что наблюдающая за сею работою коммиссія напрасно заподозрила его въ томъ, что онъ будто самъ сочиняетъ изображенія на стѣнахъ собора и выдаетъ ихъ за древнія. Эта напраслина обидѣла его жестоко».

Лично знавшій преосвященнаго Порфирія профессоръ Лебедевъ въ своей статьѣ, напечатанной въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» и по поводу столѣтія рожденія преосвященнаго (1804—1904) говоритъ: «Преосвященный Порфирій былъ человѣкъ и имѣлъ недостатки, но его большія достоинства сугубо покрываютъ ихъ; и нѣтъ сомнѣнія, что этого мужа христіанской науки и православнаго дѣла нельзя не причислить къ *благимъ дѣятелямъ* на нивѣ православной церкви».

Ростовъ Великій.
1 Ноября 1905.

А. Титовъ

МАСОНСКАЯ ГРАМОТА 1818 ГОДА *).

Высокопросвѣщенному брату графу Михаилу Юрьевичу Віельгорскому.

От членовъ совершенной и справедливой Шотландской ложи Александра Златаго Льва.

Ежели бы въ согласіи вашемъ принять управленіе совершенною и справедливою ложею Сѳинкса, не видѣли мы свойственной вамъ ревности къ пользѣ союза, то горестно бы для насъ было престать быть подъ начальствомъ такого великаго мастера, который, будучи основателемъ ложи нашей и съ самаго дня учрежденія управляя оною, назидалъ насъ собственнымъ примѣромъ, просвѣщалъ чистымъ ученіемъ ордена, и съ братскою любовію и попечительностію споспѣшествовалъ къ совокупленію насъ узами дружбы, согласія и единомыслія. Мы не могли доказать большей довѣренности къ вамъ, высокопросвѣщеннѣйшій братъ, какъ безмолвнымъ повиновеніемъ къ распоряженію, потребовавшему столь чувствительной отъ насъ жертвы.

Сіе засвидѣтельствованіе благодарности, уваженія и любви, коими оживляются сердца наши къ вамъ, высокопросвѣщеннѣйшій братъ, возжелали мы ознаменовать подносимою вамъ нынѣ грамотою, будучи удостовѣрены, что вы по званію вашему въ союзѣ нашемъ, не престанете неусыпно содѣйствовать благоденствію и процвѣтанію ложи Александра Златаго Льва. Дано на Востокѣ С.-Петербурга за собственноручнымъ подписаніемъ и съ приложеніемъ печати ложи, лѣта истиннаго свѣта 5818 въ 30 день IX мѣсяца, а отъ Рождества Христа Спасителя Нашего 1818 года Ноября въ 30 день.

Великой мастеръ Сергій Ланской.

Намѣстный мастеръ *Андрей Римскій-Корсаковъ.*
Обрядоначальникъ *Александръ Кишинской.*
Казначей *Петръ Кобылинскій.*
1-й надзиратель *Василій Головинъ. Риторъ.*
1-й стуартъ *Яковъ Семеновъ.*
Иванъ Мѣльниковъ.
Александръ Дмитріевъ-Мамоновъ.
П. Кайсаровъ.
П. Кругликовъ.
Ф. Руничъ.
Г. Чернышевъ.
2-й надзиратель *Степанъ Волховской.*
2-й стуартъ *Петръ Макушинъ.*
Секретарь *П. Протопоповъ.*

(Бумажная печать съ изображеніемъ герба ложи «Александра Златаго Льва»).

---

*) Писана на пергаментѣ.

ПОДНЕСЕНІЕ МАССОНСКИХЪ ПЕРЧАТОКЪ А. Е. ЛАБЗИНОЙ.

Эпизодъ изъ исторіи Русскаго масонства.

(1819).

Пользуясь протоколами масонской ложи Умирающаго Сѳинкса, хранящимися въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки, приведу неизвѣстный въ исторической литературѣ эпизодъ поднесенія масонскихъ перчатокъ А. Е. Лабзиной по случаю двадцатипятилѣтія ея свадьбы съ извѣстнымъ А. Ѳ. Лабзинымъ, великимъ мастеромъ этой ложи. Этимъ поднесеніемъ перчатокъ, игравшихъ въ масонскомъ ритуалѣ роль символа непорочности и чистоты, братья ложи Умирающаго Сѳинкса, не имѣвшіе права выбирать въ свою среду, въ члены ложи, женщинъ, желали оказать уваженіе А. Е. Лабзиной и ея высокимъ душевнымъ качествамъ.

Протоколъ начинается такъ: „въ лѣто истиннаго свѣта 1819, мѣсяца VIII-го [1]), въ 14 день, на Востокѣ С.-Петербурга, въ 7-мь часовъ пополудни, открыта была обыкновеннымъ порядкомъ ученическая ложа поученія, въ которой происходило слѣдующее“.

Въ четвертомъ же пунктѣ читаемъ [2]):

„По вопрошеніи высокопочтеннымъ Великимъ Мастеромъ [3]), не имѣетъ ли изъ братьевъ кто чего предложить, высокопочтенный Намѣстный Мастеръ [4]) предложилъ, что онъ имѣетъ сказать слово. Высокопочтенный Великій Мастеръ вручилъ ему молотокъ. Н. М. [5]), принявъ оный, читалъ назидательное слово, что главнѣйшая должность братьевъ—свободныхъ каменьщиковъ есть имѣть искреннюю любовь ко всѣмъ людямъ. Не есть ли же знатнѣйшая обязанность наша благодарность? Мы приходимъ въ сію почтенную □ [6]), говорилъ онъ, побѣждать свои страсти, покорить волю свою законамъ ума, просвѣщеннаго величайшимъ свѣтомъ, предлетающимъ (?) передъ нами Слова Божіи, и успѣвать въ большемъ познаніи науки свободно-каменьщической для

---

[1]) Т. е. Октября.

[2]) Текстъ протокола приводится по рукописи Имп. Публ. Библ., III, № 64.

[3]) Великимъ мастеромъ ложи Умирающаго Сѳинкса былъ А. Ѳ. Лабзинъ.

[4]) Намѣстнымъ мастеромъ ложи Умирающаго Сѳинкса былъ Г. Кушелевъ.

[5]) Въ дальнѣйшемъ изложеніи приняты сокращенія: В. М.— Великій мастеръ; в. В. М.—высокопочтенный Великій Мастеръ; Н. М.—Намѣстный Мастеръ; в. Н. М.—высокопочтенный Великій Мастеръ.

[6]) Знакъ □ означаетъ масонскую ложу.

достиженія состоянія, въ которомъ могли бы открывать истину; что мы по цѣли ◯ [1]) нашего долженствуемъ исправлять не только себя, но своимъ примѣромъ и прочихъ, внѣ нашего общества находящихся людей приводить къ исполненію добродѣтелей, обязаны наблюдать всѣ правила честности, правды и благонравія, добровольно данною намъ клятвою обрекшись, всѣ должности налагаемыя на насъ духовною и свѣтскою властію исполнять во всей ихъ точности, а не по одной наружности. Все же оное честность, правда и благонравіе сосредоточивается въ признательности и благодарностію нашею оканчивается. Гдѣ же приличнѣе намъ возвѣщать другъ другу примѣрныя добродѣтели, достойныя и нашего подражанія, и изъявлять должную душевную нашу благодарность Тому, Кому мы оною по всей справедливости обязаны, какъ не въ семъ храмѣ, посвященномъ Божеству и человѣчеству?

Кто освятилъ храмъ сей? Кто собралъ насъ въ оный? Кто основатель онаго и виновникъ Братскаго союза нашего? Кто насъ, руководствуя, ведетъ ко всему вышеизложенному мужественно и неусыпно? Высокопочтенный великій мастеръ нашъ Александръ Өедоровичъ Лабзинъ, донынѣ счастливо сею почтенною ◻ нашею У. С. [2]) управляющій. Точно онъ, и не иной кто. И, слѣдовательно, ему единственно на таковыя его къ намъ любовь, попеченіе и наставленіе обязаны всѣ мы неизъяснимою душевною благодарностію, почтеніемъ и повиновеніемъ.

Н. М., коснувшись достоинства брака, обратилъ рѣчь на проведенные В. М. 25 лѣтъ въ законномъ супружествѣ, свидѣтельствуя, что, какъ самъ Господь привелъ къ Адаму жену Еву, такъ говорилъ, рука же Божія, предъуготовавъ и в. В. М. нашему священный союзъ брака, даровала ему въ жену высокопочтеннѣйшую по истинѣ сестру нашу Анну Евдокимовну, чему исполнится завтра 25 лѣтъ. По истинѣ, повторилъ Н. М., высокопочтеннѣйшая она сестра наша, ибо по исполненіи ею въ точности семи должностей нашихъ, одинъ полъ ея воспрещаетъ ей быть нашимъ братомъ. Она, внѣ нашего общества строго сохраняя всегда скромность, свято исполняя повиновеніе къ своему супругу, будучи во всемъ совершенно благонравна, дыша любовію ко всѣмъ человѣкамъ, какъ къ самымъ ближнимъ ея, мужественно и постоянно, съ вѣрою и упованіемъ на Сущаго близъ призывающихъ Его во истинѣ, преодолѣваетъ терпѣніемъ всѣ встрѣчающіяся съ нею навожденія Злаго міра сего и самыя сердечныя прискорбія при помощи Божіей побѣждаетъ, щедро благодѣтельствуетъ полезными совѣтами, подаетъ посильное даяніе нуждающимся и непросящимъ у нея, равно какъ и просящимъ, стараясь предупреждать оныхъ по возможности помощію своею и многихъ призирать подъ кровомъ своимъ помогаетъ, яко вѣрная помощница, супругу своему. Смерть почитаетъ избавительницею отъ тяжкихъ узъ плоти, томящейся въ юдоли плачевной, и благодѣтельницею своею, вводящею въ животъ блаженнѣйшій и вѣчный. Однимъ словомъ, совершенно посвятила сердце свое

---

[1]) Знакъ ⊙ означаетъ масонскій орденъ.

[2]) У. С.—Умирающаго Сфинкса, наименованіе ложи А. Ө. Лабзина.

Богу, повергла себя во святую Его волю и въ Его управленіе. Такимъ путемъ слѣдуя, сдѣлалась ему единодушною, слѣдовательно, не токмо внѣ нашего общества, кои и намъ, брр. [1]), къ подражанію служитъ; она живитъ образцомъ истинныхъ добродѣтелей. И такъ, сказалъ Н. М., имѣя у себя толико отличнаго въ познаніяхъ, дарованіяхъ и добродѣтеляхъ в. В. М. и находя отличныя черты строгихъ, изящныхъ и святыхъ добродѣтелей въ супругѣ его, почтимъ достойно нынѣ, при исполненіи 25 лѣтъ союза ихъ, принесеніемъ Создавшему насъ и Соединившему ихъ нашей духовной жертвы благодарности и моленій нашихъ! Святый Григорій Назіанзинъ повѣствуетъ, что въ его время Христіане имѣли обыкновеніе праздновать ежегодно день своего бракосочетанія. А мы бракосочетаніе, толико священное, толико рѣдкое, подающее и намъ примѣръ изящныхъ добродѣтелей, теперь достойно отпразднуемъ. Симъ воздадимъ Богу Славу, истинной добродѣтели, наше истинное почитаніе и вмѣстѣ съ симъ окажемъ в. В. М. нашему нашу къ нему любовь, довѣренность и благодарность.

Въ слѣдствіе сего в. Н. М и всѣ брр. колѣнопреклонно всевышнему Строителю міровъ, Создателю, Спасителю и Утѣшителю нашему, соединившему сихъ двухъ добродѣтельныхъ супруговъ и даровавшему намъ одного въ руководство, а другого въ назидательный примѣръ, принесли въ жертву смиренное благодареніе и моленіе: да благоволитъ Отецъ милосердія, щедротъ и всякія утѣхи благословить и возблагословить раба своего, нашего в. В. М. вкупѣ съ достопочтенною его супругою продолженіемъ щедротъ своихъ къ нимъ, ниспосылая имъ тѣлесное совершенное здоровье и духовное сладостнѣйшее утѣшеніе и да̀ будетъ милостивъ ко всѣмъ намъ, да всѣ мы купно славимъ Трисвятое имя Его нынѣ, и присно и во вѣки вѣковъ.

По совершеніи онаго в. Н. М., обратясь къ в. В. М. чрезъ органъ просить его принять отъ всѣхъ брр. сей почтенный ⎕ братское наше поздравленіе ему съ серебряною Его свадьбою съ достопочтеннѣйшею супругою его и усердное наше желаніе, да̀ блестятъ, на главахъ ихъ еще многолѣтно здѣсь на землѣ вѣнцы живота, и да̀ возсіяютъ они въ нихъ яко солнце въ полудни, во свѣтѣ не заходимомъ. И со всѣми брр. изъявивъ оное знаками употребляемыми Св. Кам. чрезъ 3╳3 [2]).

Въ заключеніе сего в. Н. М., обратясь къ брр., произнесъ: сія почтеннѣйшая, священная и примѣрная чета, любезные брр., да̀ будетъ благословенна и всѣ брр. троекратно воспѣли: многая лѣта! Потомъ в. Н. М. предложилъ брр. что при принятіи въ ⊙ нашъ вручаемъ мы вступающему въ оный женскія перчатки, дабы онъ отдалъ ихъ той женщинѣ, которую изберетъ себѣ въ законную каменщицу, въ изъявленіе отъ ⊙ нашего къ почтенному женскому полу его истиннаго уваженія, хотя оный по нѣкоторымъ основательнымъ причинамъ, женщинъ въ общество свое допускать не можетъ. А когда ⊙ нашъ таковой даръ чрезъ новопріемлемаго приноситъ предполагаемой токмо каменщицѣ по новомъ членѣ своемъ и вовсе неизвѣстной ему

[1]) Далѣе приняты сокращенія: бр.—братъ; брр.—братья.

[2]) Трижды три.

женщинѣ, довѣряя выбору достойной уваженія его нововступившему въ оный бр. Св. Кам., тѣмъ болѣе по истинѣ принадлежитъ истинное уваженіе ⊙ нашего извѣстной оному и почтенія нашего достойной сестрѣ нашей и супругѣ и вѣрной помощницѣ в. В. М. нашего и въ самомъ существѣ, истинной, дѣятельной каменьщицѣ по извѣстнымъ всѣмъ брр. нашимъ добродѣтелямъ и по истинной любви ея къ намъ можемъ мы за все оное изъявить нашу совершенно братскую, сердечную любовь и искреннюю благодарность, а въ доказательство сихъ внутреннихъ чувствуемыхъ нами къ ней обязанностей нашихъ, какой наружный даръ сей столь отличной высокопочтенной и для всѣхъ любезнѣйшей сестрѣ нашей принесемъ мы? Перчатки по наружности своей хотя ничтожны, но по іероглифу и предмету нашему весьма важны и для поднесенія ихъ сей всѣми нами давно почитаемой сестрѣ нашей отъ почтенной □ нашей при настоящемъ случаѣ 25-го лѣтняго священнаго союза ея съ супругомъ, в. В. М. нашимъ, находитъ онъ, Н. М., приличнымъ, которыя она по свойственному ей смиренію безъ сумлѣнія приметъ за даръ отъ насъ совершенный, ибо оный явитъ ей доказательство всѣхъ брр. нашихъ неизъяснимой къ ней любви, благодарности и совершенной преданности и новымъ знакомъ нелицемѣрной приверженности духа братскаго союза нашего къ ея драгоцѣннѣйшему супругу. И, ежели всѣ брр. съ симъ предложеніемъ согласны, просилъ явить знакъ согласія. Всѣ брр. единодушно, съ особливымъ удовольствіемъ и желаніемъ своимъ, охотно изъявили общее ихъ на таковое пріятное для насъ предложеніе, согласіе и в. Н. М., для изъявленія сего вообще единодушнаго положенія поручилъ 1-му и 2-му надзирателямъ завтра, въ полдень, отправиться къ оной высокопочтеннѣйшей сестрѣ нашей, между ними нести на голубой подушкѣ женскія перчатки. П. бр. Казначею и п. брр. секретарю и обрядоначальнику быть ассистентами оныхъ; и почтенному брату надзирателю Мартынову поручилъ отъ почтенной □ нашей принесть высокопочтительной сестрѣ нашей поздравленіе съ серебряною свадьбою, изъяснить ей единодушно преданныя къ ней чувствованія благодарности, любви, усердныхъ желаній и моленій ко Всевышнему и просить её да́ приметъ она сей по наружности ничтожный даръ въ удостовѣреніе всего ей произнесеннаго. По изъясненіи сего, п. бр. надзиратель имѣетъ поднесть ей даръ нашъ и о исполненіи сего имѣетъ брр. донести".

Постановленіе ложи было приведено въ исполненіе: масонскія перчатки были поднесены А. Е. Лабзиной. Въ протоколъ ложи, собранной ровно черезъ мѣсяцъ, было занесено: „такъ какъ въ послѣднемъ протоколѣ читанномъ упомянуто предложеніе отъ Н. М. о поднесеніи отъ имени всей □ У. С. перчатокъ высокопочтенной сестрѣ и супругѣ в. В. М., въ знакъ особаго къ ней почтенія, то п. бр. 2-й надзиратель во исполненіе даннаго ему порученія доносилъ, что почтенная сестра Анна Евдокимовна приняла означенный даръ □ съ живѣйшею признательностью сердца и съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, ставъ на колѣни. В. В. М. присовокупилъ къ сему, что почтенная сестра просила его положить перчатки сіи во гробъ ея, когда она окончитъ жизнь".

(Сообщила *Тира Соколовская, членъ Археологическаго Института*).

ПИСЬМО (МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО) ФИЛАРЕТА КЪ МОСКОВСКОМУ ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРУ КНЯЗЮ Д. В. ГОЛИЦЫНУ*).

Сіятельнѣйшій князь. Милостивый государь!

Почтеннѣйшимъ отношеніемъ отъ 10-го минувшаго Апрѣля № 1833 съ препровожденіемъ записки о скоропостижно умершемъ ученикѣ Коломенскаго Духовнаго Училища Божановѣ, ваше сіятельство требовали отъ меня увѣдомленія, не нахожу ли я съ моей стороны препятствій къ утвержденію рѣшенія Уголовной Палаты.

Должнымъ въ семъ случаѣ съ моей стороны полагаю особенно то, чтобы обратить вниманіе на правильность или неправильность дѣйствованія духовныхъ лицъ: прикосновеннаго къ дѣлу сему протоіерея Груздева и депутата священника Некрасова. Но какъ дѣйствія ихъ связаны съ дѣйствіями другихъ, то нужнымъ почитаю коснуться и нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ въ ходѣ сего дѣла, принявъ для сего въ соображеніе, какъ доставленную отъ вашего сіятельства записку, такъ и дѣлопроизводство о томъ же предметѣ по Консисторіи и семинарскому правленію.

По показанію ученика Соболева, сей ученикъ донесъ протоіерею о смерти ученика Божанова 11-го Апрѣля, часу въ 12-мъ утра; а протоіерей къ городничему отнесся о семъ 12-го Апрѣля. Пропускъ сутокъ въ дѣлѣ, требовавшемъ скорости, тогда какъ протоіерей, городничій и и мѣсто слѣдствія находились въ одномъ небольшомъ городѣ, есть первая неправильность, неблаговидная и вредящая чистотѣ и ясности дѣла.

Осмотръ тѣла городничимъ и уѣзднымъ стряпчимъ, сдѣланный 12-го Апрѣля, не имѣетъ полной оффиціальной силы, потому что сдѣланъ безъ врача и безъ депутата съ духовной стороны.

---

*) Печатается съ подлинника, который сохранился въ бумагахъ князя А. Н. Голицына, сообщенныхъ въ „Русскій Архивъ" Е. Н. Муромцовою. Получивъ это письмо, князь Д. В. Голицынъ переслалъ его къ князю А. Н. Голицыну, тогдашнему оберъ-прокурору Св. Синода. П. Б.

До освидѣтельствованія тѣла врачемъ пропущены еще сутки, и оно сдѣлано 13-го дня, не только не вполнѣ оффиціально (потому что сдѣлано безъ городничаго, стряпчаго и депутата съ духовной стороны), но и актъ о семъ содержитъ въ себѣ обстоятельство совсѣмъ ложное, будто свидѣтельствованіе было обще съ городничимъ и при стряпчемъ: ибо сіи лица сего акта не подписали, а напротивъ составили свой особый актъ, днемъ ранѣе. По сему, какъ сей актъ врача не можетъ имѣть законной силы, такъ нельзя имѣть оной и акту Врачебной Управы, который основанъ на сомнительномъ актѣ врача.

Изъ рапорта депутата священника Некрасова видно, что 13-го Апрѣля взяты были по сему дѣлу показанія отъ двухъ только учениковъ, а требуемаго числа ихъ спросить не можно было за роспускомъ ихъ въ домы родителей. Слѣдственно протоіерей нѣкоторыхъ учениковъ отпустилъ въ домы преждевременно, въ учебный день, къ затмѣнію слѣдствія.

Изъ сихъ учениковъ Смирновъ показалъ, что былъ ли Божановъ высѣченъ въ Понедѣльникъ и во Вторникъ, онъ, Смирновъ, занимаясь ученіемъ, не замѣтилъ. Изъ показаній сего возникаетъ подозрѣніе, не былъ ли ученикъ наказываемъ два дня сряду; а то совсѣмъ невѣроятно' чтобы ученикъ, въ той же учебной комнатѣ, не замѣтилъ необычайнаго происшествія, каково есть наказаніе другого ученика розгами.

Показанія двухъ учениковъ взяты, какъ сказано въ ихъ заглавіи и подписаны депутатомъ, какъ утверждаетъ городничій, 13-го Апрѣля; а по словамъ протоіерея, которыя, наконецъ, подтвердилъ и депутатъ, сіе было 14-го дня.

Депутатъ священникъ Некрасовъ былъ при вопрошеніи двухъ учениковъ и двухъ женщинъ 13-го и 14-го Апрѣля, но не подписалъ сего, подъ ихъ показаніями до 2-го Іюня. Уѣздный судъ полагаетъ подвергнуть за сіе отвѣтственности депутата Некрасова, но на сіе нѣтъ основанія: ибо депутатъ не властенъ былъ подписать акты, находящіеся въ рукахъ городничаго, а сей и властенъ, и обязанъ былъ потребовать для сего депутата, но потребовалъ не прежде, какъ 2-го Іюня и при томъ тогда уже, когда побужденъ былъ къ сему требованіемъ дѣла отъ духовнаго начальства. Таковымъ промедленіемъ городничій отнялъ у депутата возможность протестовать противъ неправильностей слѣдствія; ибо депутатъ естественно со дня на день ожидалъ призыва для подписки актовъ и такимъ образомъ пропустилъ важное для повѣрки слѣдствія время. Показанія городничаго въ отношеніи его въ уѣздный судъ 23-го

Іюня, что о причинѣ неподписанія депутатомъ свидѣтельскихъ показаній припомнить невозможно, а о причинѣ неподписанія тѣмъ же депутатомъ осмотра тѣла неизвѣстно,—достойны удивленія: кому же знать о семъ, какъ не главному производителю дѣла, каковъ былъ по сему дѣлу г. городничій? *)

Тѣло ученика погребено 14 дня; но по какому праву сіе сдѣлано, когда слѣдствіе не было кончено и причина смерти не была приведена въ ясность, сего дѣло не объясняетъ. Изъ дѣла видно, что 14-го Апрѣля протоіерей только спрашивалъ городничаго о причинѣ смерти и при семъ вопросѣ прописывалъ, что тѣло уже погребено, а городничій отвѣчалъ на сіе уже 4-го Мая.

Духовному начальству протоіерей съ инспекторомъ училищъ донесли о семъ дѣлѣ не прежде какъ 28-го Апрѣля, то-есть, пропустя столько времени, что, принявъ въ разсужденіе время, потребное для обратной переписки, не оставалось и послѣдняго средства повѣрить слѣдствіе разрытіемъ могилы для новаго осмотра тѣла.

Уѣздный Судъ, получивъ сіе неполное и неправильное производство дѣла, не могъ не примѣтить, что первое отвѣтственное лицо по сему дѣлу есть протоіерей Груздевъ, по чему и долженъ былъ прежде всего спрашивать его, а потомъ уже перейти къ вопрошенію свидѣтелей, которые могли открыться съ законнымъ разсмотрѣніемъ, кого изъ нихъ принять и не принять. Но изъ рапорта депутата священника Протопопова, отъ 24-го Іюня, видно, что судъ, вопреки его напоминанію сдѣлать журналъ о порядкѣ дѣла, вдругъ заключилъ приступить къ отобранію показаній по приведеніи къ присягѣ.

Судъ спрашивалъ малолѣтнихъ учениковъ подъ присягою противозаконно.

Изъ семинарскаго дѣлопроизводства видно, что предписаніе семинарскаго правленія о скорой сдачѣ протоіереемъ смотрительской должности послано 13-го Іюня; но въ сей самый день и слѣдственно прежде объявленія сего предписанія въ училищѣ, болѣе 60-ти учениковъ училища спрошены въ судѣ. Судъ требовалъ учениковъ неопредѣленно, исключая только родственниковъ умершаго ученика Божанова, тогда какъ ихъ-то особенно надлежало выслушать, ибо они нѣкоторымъ образомъ могли заступать мѣсто истца по сему дѣлу. По сему должно заключить, что учениковъ въ судъ кого хотѣлъ посылалъ, кого не хо-

*) Этимъ городничимъ былъ тогда, если не ошибаемся, Губерти, зять извѣстнаго статсъ-секретаря Грибовскаго. П. Б.

тѣлъ, не допускалъ подсудимый, но еще начальствующій надъ ними протоіерей Груздевъ, и что онъ имѣлъ все удобство научить ихъ что̀ показывать. Изъ вышеупомянутаго рапорта депутата видно, что ученики для спроса не раздѣлены были порознь, что на напоминаніе депутата, чтобы объявить ученикамъ о удаленіи протоіерея отъ начальства надъ ними судъ отозвался, будто сіе не его дѣло, и хотя депутатъ объявлялъ о семъ ученикамъ при спросѣ, но сіе позднее и неоффиціальное объявленіе не могло имѣть довольно вліянія на показанія, вѣроятно заранѣе имъ внушенныя, и они могли даже не повѣрить депутату. И сіи, столь незаконно взятыя показанія учениковъ судъ принялъ въ число основаній къ рѣшенію дѣла. О безпорядкахъ первоначальнаго производства дѣла суду нужно было спросить должностныя лица, къ симъ безпорядкамъ прикосновенныя: городничаго, депутата священника Некрасова, стряпчаго и врача. Городничаго судъ спросилъ почтительно посредствомъ отношенія къ нему самому, стряпчаго и врача не спросилъ совсѣмъ, а о депутатѣ Некрасовѣ, хотя новый депутатъ священникъ Протопоповъ представлялъ суду, чтобы о спросѣ его сообщать въ духовное правленіе, но судъ четырьмя отношеніями вынудилъ Духовное Правленіе прислать депутата Некрасова въ судъ, и судъ сіе должностное лицо, не преданное отвѣтственности своимъ начальствомъ, не смотря на протестъ новаго депутата, допрашивалъ на ряду съ подсудимыми, домогался дать ему очную ставку съ учениками (столь незаконно спрошенными, какъ выше показано) и на протестъ депутата, жаловался Консисторіи отношеніемъ отъ 18-го Августа 1834 года за № 1555. Депутатъ священникъ Протопоповъ, не найдя своимъ представленіямъ вниманія въ судѣ, представилъ Духовному Правленію, а сіе сообщало Суду, что оно находитъ нужными нѣкоторыя дополненія къ дѣлу и между прочими, чтобы спросить въ судѣ учениковъ, квартировавшихъ съ умершимъ точно такъ, какъ спрошены двѣ мѣщанки. Въ дѣлахъ часто можно видѣть, что спрошенные на мѣстѣ преслѣдованія, при поступленіи дѣла въ судъ, вторично спрашиваются въ его присутствіи; такъ и поступилъ судъ съ двумя мѣщанками, такъ же поступить требовалъ депутатъ и съ учениками. Требованіе совершенно справедливое и важное для дѣла, потому что въ сіе время ученики дѣлали бы показанія свободно, зная вѣрно, что протоіерей надъ ними не начальникъ. Но судъ не только не уважилъ сего требованія, но и за сіе также жаловался Консисторіи вышеупомянутымъ отношеніемъ.

Остается упомянуть объ оправданіи протоіерея, что онъ уполномоченъ сѣчь учениковъ розгами. Вопросъ, имѣлъ ли онъ сіе право, принадлежитъ разсмотрѣнію духовно-училищнаго начальства и мало относится къ настоящему дѣлу. Вопросъ, принадлежащій уголовному суду,

есть: не отъ сѣченія ли умеръ ученикъ? Напрасно протоіерей усиливается оправданіемъ противъ перваго вопроса получить видъ оправданія противъ второго; но оправданіе его несильно и противъ перваго вопроса. Въ Уставѣ Духовныхъ Училищъ не разрѣшено употреблять розги. Ревизоръ замѣтилъ смотрителю, что учители поступаютъ вопреки § 48 Устава и предложилъ, чтобы они тѣлесно не наказывали безъ отношенія къ смотрителю. Семинарское правленіе, какъ оно изъяснилось, утвердило мнѣніе ревизора, чтобы обуздать учителей, а не то, чтобы уполномочивать смотрителя. Не произнесено прямо запрещеніе тѣлеснаго наказанія, чтобы мысль о невозможности сего наказанія не возымѣла вреднаго вліянія на учениковъ. Въ § 48-мъ Устава, на который ссылался ревизоръ, о тѣлесномъ наказаніи не упомянуто. При томъ наказаніе ученика розгами во время испытанія есть дѣло небывалое въ духовныхъ училищахъ и въ тѣ времена, когда розги употреблялись безпрепятственно, но для наказанія за лѣность и проступки; ибо испытаніе имѣетъ свои поощрительныя для учениковъ послѣдствія, открытое одобреніе, осужденіе, повышеніе въ классахъ, исключеніе изъ училища, лишеніе казеннаго содержанія.

Представляя сіи особенныя обстоятельства дѣла о Божановѣ прозорливому вниманію вашего сіятельства, я ограничиваю мое по оному мнѣніе тѣмъ:

1) Что въ дѣйствованіи перваго по сему дѣлу депутата священника Некрасова не примѣчается ничего неблагонамѣреннаго или заслуживающаго судебное преслѣдованіе.

2) Что судъ поступилъ съ симъ священникомъ притѣснительно и небезпристрастно въ сравненіи съ городничимъ, стряпчимъ и врачемъ.

3) Что судъ и къ представленіямъ втораго депутата, священника Протопопова, не столько оказалъ уваженія, сколько заслуживали его должность и самое содержаніе его представленія.

4) Что между неправильными поступками протоіерея Груздева есть такіе, которые не должны остаться безъ вниманія начальства въ отношеніи къ тому, можетъ ли онъ по онымъ пользоваться довѣріемъ начальства для особенныхъ должностей и порученій.

Возвращая приложенную при отношеніи вашего сіятельства записку, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть вашего сіятельства, милостивый государь, покорнѣйшій слуга и богомолецъ Филаретъ митрополитъ Московскій.

№ 142, 6 Мая 1835. Его сіятельству г. Московскому военному генералъ-губернатору и кавалеру князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну.

ЗАПИСКА О ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРѢ КУТКИНѢ.

Въ книгѣ „Жизнь графа Сперанскаго“, на страницѣ 166-й, 2 тома, сказано: „Дѣло Куткина было другого рода. При первомъ своемъ проѣздѣ чрезъ Тобольскъ, Пестель встрѣтился съ начальникомъ провіантской части на званомъ обѣдѣ, за которымъ Куткинъ позволилъ себѣ не согласиться въ чемъ-то съ генералъ-губернаторомъ и поспорилъ съ чувствомъ человѣка независимаго. Къ несчастію Куткина, правда была на его сторонѣ, и онъ при всѣхъ одержалъ верхъ въ своемъ спорѣ. Озлобленный его торжествомъ Пестель поспѣшилъ исходатайствовать распространеніе своей власти и на провіантскую часть, и перваго Куткина, подъ предлогомъ злоупотребленій въ управленіи сею комиссіею, отдалъ подъ военный судъ, приказалъ содержать арестованнымъ, хотя и въ собственномъ домѣ, но подъ строжайшимъ присмотромъ. Девять лѣтъ онъ томилъ такимъ образомъ несчастнаго и даже послѣ его смерти (Куткинъ умеръ въ 1817 году) съ упорствомъ слѣдилъ за продолжавшимся о немъ дѣломъ“. Далѣе въ примѣчаніи говорится: „что Сенатъ призналъ Куткина ни въ чемъ не виноватымъ; нашелъ только передачу по комиссіи около 280 р. ассигн. на прогоны чиновнику, которые сложилъ по манифесту 1814 года. Между тѣмъ домъ и полотняная фабрика Куткина въ Тобольскѣ были раззорены въ конецъ секвестромъ, наложеннымъ Пестелемъ при самомъ началѣ дѣла, на случай могущихъ открыться взысканій; а его семейство (жена съ нѣсколькими дѣтьми) было доведено до крайней нищеты и, послѣ его смерти вывезено во внутреннія губерніи какимъ-то добрымъ человѣкомъ, женившимся на одной изъ дочерей болѣе изъ сожалѣнія. Сперанскій исходатайствовалъ семьѣ Куткина, по окончаніи дѣла въ Сенатѣ, пенсію 1800 р. асс., выдачу жалованья, слѣдовавшаго ему за все время бытности подъ судомъ, и 30 т. р. ас. въ вознагражденіе за имѣніе, разстроенное секвестромъ“.

Въ 1811 году, когда я пріѣхалъ въ Тобольскъ, исторія Куткина была въ свѣжей памяти у всѣхъ Тобольскихъ жителей, и во всѣхъ домахъ разсказывали, почти единогласно, о Куткинѣ слѣдующее.

Начальникъ Тобольской провіантской комиссіи генералъ-маіоръ Ѳедоръ Тихоновичъ Куткинъ былъ человѣкъ умный, хитрый и крайне самолюбивый. При предмѣстникѣ Пестеля, слабомъ генералъ-губернаторѣ Селифонтовѣ, онъ имѣлъ большую силу не только по своей части, но вообще по гражданскому управленію Сибирскихъ губерній. Если кто хотѣлъ снискать милость Селифонтова, тотъ долженъ былъ напередъ пріобрѣсти себѣ расположеніе Куткина, чрезъ котораго почти всѣ важнѣйшія дѣла обработывались. Избалованный такимъ образомъ Куткинъ мечталъ и при Пестелѣ играть туже роль;

но Пестель былъ остороженъ; при томъ еще въ Петербургѣ, предъ отъѣздомъ своимъ въ Сибирь, онъ уже былъ предупрежденъ противъ Куткина и имѣлъ въ своихъ рукахъ бумаги, переданныя кѣмъ-то изъ сильныхъ лицъ, съ замѣчаніемъ, что Куткинъ въ Сибири шалитъ, и его надобно унять.

Пестель, пріѣхавъ въ Тобольскъ, встрѣтился съ Куткинымъ не на званомъ обѣдѣ, а принялъ его у себя вмѣстѣ съ прочими чиновниками, обошелся съ нимъ вѣжливо и даже отплатилъ ему визитъ. Нѣсколько времени прошло благополучно. Пестель замаскировалъ себя притворною ласкою для того, чтобъ ближе и короче узнать Куткина, а чрезъ агентовъ своихъ старался развѣдать подъ рукою о его поступкахъ по службѣ. Конечно, нашлись недоброжелатели, которые, пользуясь случаемъ вредить Куткину, поносили его нарочно при такихъ лицахъ, которыя могли передавать все слышанное Пестелю. Сверхъ сего въ канцеляріяхъ губернаторской и Губернскаго Правленія отысканы были бумаги, открывавшія злоупотребленія провіантскихъ чиновниковъ и оставшіяся большею частію безъ движенія. Наконецъ, уже и самъ Пестель сталъ получать отъ военнаго въ Сибири начальства жалобы на отпускаемый изъ провіантскихъ магазиновъ затхлый хлѣбъ и прижимки чиновниковъ и вахтеровъ при сдачѣ онаго.

Собравъ всѣ эти свѣдѣнія, Пестель еще щадилъ Куткина; но, желая пресѣчь зло безъ дальнѣйшаго шума, онъ пригласилъ его къ себѣ и въ кабинетѣ при секретарѣ своемъ сказалъ ему: Ваше превосходительство, вы имѣете враговъ и здѣсь, и въ Петербургѣ; у меня есть въ рукахъ на васъ доносы; можетъ быть, все это клевета, или можетъ быть ваши чиновники употребляютъ во зло ваше довѣріе. Остерегитесь и удалите неблагонадежныхъ; со мною нельзя служить такъ какъ съ Селифонтовымъ. Это былъ громовой ударъ для самолюбія Куткина, и онъ такъ растерялся, что почти не могъ отвѣчать; но, оправясь, сталъ защищать себя и своихъ чиновниковъ. Пестель его прервалъ и сказалъ: Я охотно вамъ вѣрю, и мнѣ весьма пріятно будетъ, если вы опровергнете клевету на самомъ дѣлѣ.

Вотъ начало, или лучше сказать, искра того пожара, который послѣ вспыхнулъ со всей силою на погибель Куткина. Еще можно было поправить дѣло, еще можно было помириться съ Пестелемъ, если бъ Куткинъ послѣдовалъ его совѣту; но онъ, какъ избалованный и прежде никогда не получавшій подобныхъ наставленій, невоздержный и даже дерзкій на словахъ, сталъ вездѣ громко жаловаться на причиненную ему Пестелемъ обиду, хвастаться покровительствомъ Петербургскаго начальства и, насмѣхаясь, говорить, что этотъ вѣникъ (т. е. Пестель) теперь только шумитъ, но придетъ время, онъ обмелется и будетъ голикъ; тогда мы возмемъ его въ свои руки. Конечно это дошло до Пестеля и даже съ прибавленіями.

Вскорѣ послѣ сего дѣйствительно былъ непріятный разговоръ у Пестеля съ Куткинымъ на званомъ обѣдѣ у градскаго головы. Пестель обратился къ бывшимъ на обѣдѣ купцамъ съ вопросомъ: почему они уклоняются отъ подря-

довъ и поставокъ въ казну провіанта въ Тобольской губерніи? Купцы отвѣчали, что они привыкли вести торговлю въ Кяхтѣ, гдѣ затрачиваютъ всѣ свои капиталы, и что торговля хлѣбомъ имъ незнакома и опасна. Почему опасна? спросилъ Пестель, развѣ вы боитесь имѣть дѣло съ казною? Будьте увѣрены, что я не допущу притѣсненій, какія бывали здѣсь прежде по этой части. Куткинъ принялъ этотъ намекъ на свой счетъ и тономъ раздраженнымъ сказалъ: здѣсь никто никого не притѣснялъ при предмѣстникѣ вашемъ; когда вы лучше всмотритесь въ дѣла, то перемѣните невыгодное объ насъ мнѣніе. Этотъ колкій отвѣтъ вызвалъ судорожную улыбку у Пестеля, который, сказавъ, увидимъ, обратилъ разговоръ на другіе предметы. Обѣдъ кончился. Пестель тотчасъ уѣхалъ, а Куткинъ, оставшись съ прочими гостями и будучи разгоряченъ нѣсколькими бокалами Шампанскаго вина, пуще прежняго сталъ хвастаться передъ купцами и говорить: видите, какъ я озадачилъ этого лилипута; нѣтъ, онъ у меня немного возметъ. Сими неблагоразумными поступками Куткинъ все болѣе и болѣе злилъ Пестеля и вызывалъ его съ собою на бой.

Пестель, увидѣвъ, что Куткинъ не смиряется и что нѣтъ уже надежды прекратить злоупотребленія въ провіантной части кроткими мѣрами, пустилъ въ ходъ всѣ доносы и разослалъ чиновниковъ для слѣдствій; а провіатской комиссіи далъ предложеніе доставлять ему еженедѣльно свѣдѣнія о хлѣбныхъ операціяхъ, чего при Селифонтовѣ не было. Но Куткинъ и здѣсь вошелъ въ пререканіе: отказалъ въ доставленіи требуемыхъ свѣдѣній, ссылаясь на то, что комиссія не имѣетъ на сей предметъ отъ своего Петербургскаго начальства предписанія.

Такимъ образомъ ссора открылась явная и оффиціальная.

Въ первое время Куткинъ не унывалъ; но когда стали доходить до него слухи, что слѣдствія идутъ не въ его пользу, онъ тогда только почувствовалъ опасность своего положенія и во избѣжаніе дальнѣйшихъ непріятностей, по совѣту своихъ Петербургскихъ пріятелей, сталъ просить о переводѣ его въ другое мѣсто, или объ увольненіи въ отпускъ въ Петербургъ, въ чемъ и успѣлъ. Получивъ объ этомъ бумагу, Куткинъ немедленно сдалъ должность свою старшему по себѣ члену Комиссіи и, не сказавшись генералъ-губернатору, скрытно выѣхалъ изъ Тобольска въ Петербургъ. Симъ поступкомъ Куткинъ окончательно себя погубилъ.

Слѣдствія шли въ самомъ разгарѣ, и отъ Куткина нужны были объясненія. На семъ основаніи Пестель вслѣдъ за нимъ отправилъ донесеніе къ военному министру графу Аракчееву съ прописаніемъ всѣхъ обстоятельствъ и съ просьбою Куткина возвратить въ Тобольскъ, какъ лицо необходимо-нужное при слѣдствіи. Когда Куткинъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, представился къ графу Аракчееву, тотъ принялъ его сурово, приказалъ явиться въ департаментъ Военнаго Министерства и тутъ же далъ ему записку къ начальнику этого мѣста. Въ запискѣ объявлялось высочайшее повелѣніе, чтобъ

генералъ-маіора Куткина, арестовавъ, отправить на дворцовую гауптвахту и вмѣстѣ съ симъ забрать всѣ его бумаги на его квартирѣ. Куткина отвезли на гауптвахту; но чтò найдено въ бумагахъ его, неизвѣстно, а чрезъ три дня Куткинъ былъ отправленъ за карауломъ въ Тобольскъ, гдѣ велѣно содержать его подъ арестомъ въ своемъ домѣ.

Вотъ показанія Тобольскихъ жителей, въ справедливости которыхъ нѣтъ причинъ сомнѣваться, тѣмъ болѣе, что генералъ-губернаторъ Пестель не имѣлъ бы и права арестовать и предать военному суду военнаго генерала безъ высочайшаго соизволенія [1]).

Странно, разсуждали нѣкоторые, что Куткинъ, при своемъ хитромъ умѣ и опытности, позволилъ себѣ начать ссору съ сильнымъ лицомъ генералъ-губернатора. Но это объясняется тѣмъ: 1, Строптивымъ его характеромъ и самонадѣянностію; 2, незнаніемъ характера Пестеля и его кредита у двора [2]); 3, что дѣла свои по провіантской части онъ обдѣлывалъ ловко и искусно такъ, что если и были на немъ грѣшки, то, ограждаясь формами, онъ не могъ быть уличенъ, и потому не только ничего и никого не боялся, но даже не подозрѣвалъ, чтобъ Пестель могъ сдѣлать ему какой-либо вредъ, и наконецъ 4, что имѣлъ покровителя въ лицѣ значительномъ (кажется, генералъ-провіантмейстерѣ) и связи съ близкими къ военному министру чиновниками.

Куткинъ, привезенный въ Тобольскъ арестованнымъ, заключенъ былъ въ своемъ домѣ. Первоначально приставленъ былъ къ его комнатамъ часовой съ ружьемъ, но фонъ-Бринъ смѣнилъ часового полицейскимъ солдатомъ, жившимъ въ отдаленной избѣ съ дворовыми людьми Куткина, также и доступъ къ нему сдѣлалъ свободнѣе... Къ сожалѣнію, почти всѣ его оставили, какъ обыкновенно бываетъ съ людьми, впавшими въ несчастіе. Только почтенное семейство купцовъ Селивановыхъ, инспекторъ врачебной управы добродушный Кернъ и нѣсколько мелкихъ чиновниковъ изрѣдка его посѣщали. Изъ пріѣзжавшихъ изъ столицы чиновниковъ нѣкоторые дѣлали ему визиты болѣе изъ любопытства. Я не имѣлъ духу быть у него и видѣть страданія старика и его несчастнаго семейства, которымъ ничѣмъ не могъ быть полезенъ. Непріятели его, во время могущества пресмыкавшіеся предъ нимъ, торжествовали и злорадно подшучивали: напала-де коса на камень. Фонъ-Бринъ былъ у него одинъ разъ, но Куткинъ принялъ визитъ его съ дурной стороны и спросилъ: зачѣмъ ваше превосходительство пожаловали, не осмотрѣть ли мои оковы? и самъ горько заплакалъ. Губернаторъ былъ тронутъ и отвѣчалъ ему: вы, генералъ, ошибаетесь; я пришелъ лично узнать отъ васъ, не имѣете ли вы въ чемъ надобности; требуйте, я готовъ исполнить все, чтò только

---

[1]) Императоръ Александръ Павловичъ берегъ государственную казну, а за хищеніе во время войны 1806—1807 г.г. лишилъ чиновниковъ мундира. П. Б.

[2]) Въ царствованіе Павла, Пестель, будучи почтдиректоромъ, оказывалъ услуги Александру Павловичу. П. Б.

въ моей власти. Благодарю, сказалъ Куткинъ, мнѣ ничего не нужно, дайте только воздуху, воздуху, воздуху. И съ сей поры Куткинъ могъ выѣзжать даже загородъ съ своимъ семействомъ и знакомыми для гулянья. У Куткина были должники бездокументальные; нѣкоторые заплатили ему честно, а иные отказывались. Фонъ-Бринъ и въ этомъ случаѣ помогъ, убѣдивъ послѣднихъ раздѣлаться съ Куткинымъ даже съ процентами.

Куткинъ провелъ въ заключеніи девять лѣтъ по самую смерть свою. Въ теченіе сего времени слѣдствія шли все шире и шире, обняли всю Тобольскую и Томскую губерніи, и наконецъ все дѣло составилось изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ листовъ, отправленныхъ въ Петербургъ на возахъ. Судъ надъ нимъ кончился въ Правительствующемъ Сенатѣ. Былъ ли судимъ Куткинъ, какъ военный генералъ, военнымъ судомъ въ Генералъ-аудиторіатѣ, не извѣстно, но едва ли, потому что въ такомъ случаѣ не для чего было судить его вторично въ Сенатѣ. Куткинъ по суду не признанъ виновнымъ, но въ общественномъ мнѣніи въ Сибири слылъ небезкорыстнымъ какъ потому, что при Селифонтовѣ принималъ на себя ходатайство по постороннимъ дѣламъ, конечно, не изъ пустыхъ поклоновъ, такъ и потому, что пріѣхалъ въ Тобольскъ почти безъ состоянія нажилъ деньги (прожитыя потомъ въ девяти лѣтнее его заключеніе), устроилъ фабрику, купилъ хорошій домъ и жилъ, до паденія своего, открыто, а на все это не могло доставать ему одного жалованья.

Теперь предстоитъ вопросъ: почему же Куткинъ оправданъ?

Вопросъ этотъ можно рѣшить только двумя предположеніями: 1, Куткинъ, какъ хитрый человѣкъ, знавшій всѣ провіантскія тонкости и продѣлки, ограждая себя, какъ выше сказано, формами, не могъ быть уличенъ въ лихоимствѣ, что сплошь и рядомъ бываетъ со всѣми лихоимцами. 2, Сперанскій, принимавшій сильное участіе въ семействѣ Куткина, вѣроятно, содѣйствовалъ благополучному исходу дѣла въ Сенатѣ, подобно тому какъ поступилъ онъ съ Илмоневскимъ (см. въ 265 стр. 2 тома), въ тѣхъ видахъ, что безъ оправданія Куткина онъ не могъ испрашивать ни пенсіона женѣ его, ни задержаннаго жалованья, ни денежныхъ вознагражденій за фабрику; а смѣна Пестеля и смерть Куткина еще болѣе облегчили это ходатайство.

Куткинъ умеръ въ Тобольскѣ не въ 1817 г. а въ 1815 году лѣтомъ; семейство же его выѣхало изъ Сибири въ началѣ 1816 года. Оно было въ самомъ затруднительномъ положеніи: все движимое имѣніе было секвестровано и по описи значилось принадлежащимъ самому Куткину. Вдова Куткина, по смерти своего мужа, оспаривала и описанныя вещи называла своими, но доказательствъ не имѣла и не представила. Губернское начальство затруднялось выдать ей эти вещи; Куткина подавала просьбы къ прокурору, въ Губернское Правленіе и къ губернатору и наконецъ, одна изъ дочерей Куткина, Олимпіада Өедоровна, не знавшая меня лично, обратилась ко мнѣ и просила, по званіи совѣтника Губернскаго Правленія, моего содѣйствія. Я показалъ письмо ея губернатору. Фонъ-Бринъ, какъ всегда склонный къ помощи несчастнымъ, убѣдясь положеніемъ Куткиныхъ, мнѣ сказалъ: по настоящему

нельзя выдать вещей; но такъ и быть, я выдамъ, если вы и прочіе члены согласитесь раздѣлить со мною отвѣтственность въ случаѣ взысканія. Конечно мы всѣ охотно согласились, и вещи были выданы. По описи ихъ значилось, помнится, на 2300 руб. ас. За мое содѣйствіе я получилъ отъ Олимпіады Ѳедоровны благодарное письмо, которое и теперь у меня. Послѣ сего Куткины выѣхали изъ Тобольска благополучно безъ всякаго посторонняго содѣйствія; никто за ними не пріѣзжалъ, и ни одна изъ дочерей не вышла замужъ въ Тобольскѣ. Слышно было послѣ, что которая-то изъ дочерей вышла замужъ въ Казани за того, кто сваталъ ее прежде, еще при жизни отца, но получилъ отказъ: слѣдственно онъ женился на ней не изъ сожалѣнія, а по любви.

Принимая искреннее участіе въ невинномъ и несчастномъ семействѣ Куткина, нельзя оправдывать ихъ отца, который высокомѣріемъ и заносчивостію ввергнулъ оное въ несчастіе. Если Пестель поступилъ съ нимъ излише строго, то онъ вынужденъ былъ къ тому (кромѣ упрямства и неисправимости Куткина) слѣдующими обстоятельствами. По тѣмъ безпорядкамъ, распущенности и злоупотребленіямъ, которыя существовали при слабомъ Селифонтовѣ, Государь уполномочилъ Пестеля своею высочайшею довѣренностію все это прекратить и Сибирь отъ недостойныхъ лицъ очистить. Пестель по сему обязанъ былъ въ точности исполнить высочайшую волю, а исполнить ее, при крайней испорченности нравовъ чиновныхъ лицъ, нельзя было иначе, какъ одними энергическими мѣрами, подобно тому, какъ самъ Сперанскій поступилъ съ Иркутскими чиновниками. Пестель пріѣзжаетъ въ Тобольскъ, всматривается въ дѣла, въ людей; еще никого не караетъ, и что же видитъ? У него, такъ сказать, подъ носомъ продолжаютъ дѣлать тоже, что̀ дѣлали при Селифонтовѣ, и во главѣ этихъ лицъ стоитъ Куткинъ, который не только не внемлетъ предостереженіямъ генералъ-губернатора, но еще кичится и публично надъ нимъ насмѣхается; а за нимъ приверженцы его, какъ говорится, въ усъ себѣ не дуютъ и знать ничего не хотятъ. Нуженъ былъ рѣзкій примѣръ, чтобъ обуздать своевольство, и къ несчастію Куткина, по его опрометчивости, жребій этотъ палъ на него. Извѣстно, что Пестель не требовалъ ареста Куткина, а просилъ только высылки его въ Тобольскъ; слѣдственно эту излишнюю строгость должно отнести къ деспотизму Аракчеева; а за симъ и 9-лѣтнее содержаніе Куткина подъ стражею не зависѣло отъ Пестеля. Равно нельзя обвинять его въ продолжительности дѣла, потому что оно день отъ дня становилось обширнѣе и многосложнѣе; тысячи лицъ, болѣе или менѣе прикосновенныхъ къ дѣлу, какъ то: подрядчиковъ, смотрителей, провіантскихъ чиновниковъ, вахтеровъ, подводчиковъ и пр., разсѣянныхъ на огромномъ пространствѣ двухъ губерній (Тобольской и Томской) требовали разспросовъ, повѣрокъ, очныхъ ставокъ, и лишь оканчивался одинъ доносъ, какъ являлся другой. Часто самъ Куткинъ затруднялъ ходъ дѣла, ссылаясь на такія обстоятельства, которыя требовали новой повѣрки. По служенію моему въ Губернскомъ Правленіи мнѣ извѣстно, что Куткинъ писалъ въ разное время болѣе десяти просьбъ къ министрамъ: военному, юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и въ Сенатъ, либо жалуясь на слѣдователей, либо указывая новыя обстоя-

тельства и прося о переслѣдованіи, и всѣ эти просьбы обращались въ Губернское Правленіе съ тѣмъ, чтобъ дать имъ законный ходъ. Онъ какъ будто съ намѣреніемъ самъ затягивалъ дѣло на продолжительное время, опасаясь-ли въ началѣ того, что чрезъ скорое окончаніе онаго, при силѣ Пестеля, получится неблагопріятный для него результатъ, или, потомъ, выжидая смѣны Пестеля, о которой тогда громко говорили. Пестель самъ тяготился медленностію слѣдствій. Мнѣ это извѣстно какъ по строгимъ предписаніямъ его, чтобъ скорѣе ихъ кончить, такъ и потому еще, что въ 1815 году, въ пріѣздъ мой въ Петербургъ въ отпускъ, Пестель лично мнѣ сказалъ: когда мы избавимся этого безпокойнаго человѣка (т. е. Куткина), онъ своими кляузами надоѣлъ здѣсь мнѣ и всѣмъ; я радъ бы его выпустить, но это не въ моей власти: Аракчеевъ не хочетъ.

Описавъ все, что касалось Куткинскаго дѣла, я считаю нелишнимъ бросить бѣглый взглядъ на все управленіе Пестеля Сибирью съ тою цѣлію, что нѣкоторыя мои мысли, можетъ быть, еще болѣе пояснятъ тѣ обстоятельства, которыя авторъ книги „Жизнь графа Сперанскаго“ изложилъ фактически, съ полнымъ безпристрастіемъ и добросовѣстностію. Здѣсь встрѣтится въ иномъ разномысліе между нами; это разномысліе ни сколько не измѣнитъ вѣрности изложеній автора, но только прольетъ свѣтъ на то критическое положеніе, въ которомъ Пестель находился, и покажетъ причины, почему онъ такъ, а не иначе управлялъ и дѣйствовалъ.

Отдавая должную справедливость достоинствамъ Пестеля, нельзя скрыть, что онъ былъ властолюбивъ, воспріимчивъ и желченъ. Отсюда проистекали всѣ порывы и самовластія его. По ложному расчету онъ хотѣлъ управлять болѣе страхомъ. Будучи самъ дѣятеленъ и честенъ, онъ не любилъ въ службѣ лѣнивыхъ и взяточниковъ: первыхъ называлъ трутнями и удалялъ ихъ отъ дѣлъ, а послѣднихъ піявицами и преслѣдовалъ ихъ почти до могилы. Объѣхавъ Сибирь, Пестель узналъ всю нравственную чиновничью грязь, а потомъ, живя въ Петербургѣ, за 6 т. верстъ отъ средоточія Сибири, онъ смотрѣлъ чужими глазами и слышалъ чужими умами и потому судилъ и дѣйствовалъ иногда пристрастно. Все зависѣло отъ того, какъ представлялись ему дѣла въ Тобольскѣ. Въ семилѣтнее мое служеніе только два земскихъ чиновника преданы суду; никто не былъ арестованъ и сосланъ, потому что начальникомъ губерніи былъ кроткій и благонамѣренный фонъ-Бринъ. Въ Томскѣ, въ управленіе Василія Романовича Марченки, также не было вопіющихъ дѣлъ. Сверхъ сего надобно вспомнить тѣ времена и обстоятельства: что за народъ былъ служебный въ Сибири? Взяточество, пьянство и распутство всякаго рода были стихіею большей части чиновниковъ. Самъ Сперанскій жаловался на недостатокъ честныхъ и дѣловыхъ чиновниковъ, но онъ уже засталъ присутственныя мѣста и канцеляріи нѣсколько облагороженными и чиновниковъ лучшихъ, потому что по высочайшему указу 1809 года много пріѣхало въ Сибирь изъ столицъ и другихъ городовъ молодыхъ людей за чиномъ коллежскаго асессора, и хотя нѣкоторые изъ нихъ, по минованіи

трехлѣтней обязательной службы возвратились въ Россію, но многіе остались и продолжали служить въ Сибири. Что же нашелъ Пестель при своемъ пріѣздѣ? Онъ пріѣхалъ какъ бы въ дремучій лѣсъ, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчалъ обманъ, противодѣйствіе, невѣжество, воровство казны, взяточничество въ судахъ, и гдѣ чиновники, по своимъ поступкамъ, едва отличались отъ дикихъ хищныхъ звѣрей. А въ гражданскомъ обществѣ были двѣ личности въ высшей степени вредныя: откупщикъ Передовщиковъ и монополистъ (непомню фамиліи) Иркутскій купецъ, невѣжда и кляузникъ. Передовщиковъ до того злоупотреблялъ откупомъ, что вино продавалось съ вредною подмѣсью, отъ котораго люди скоропостижно умирали. Это доказано. и Передовщиковъ, по лишеніи добраго имени, сосланъ въ Туруханскъ. Купецъ-монополистъ захватилъ въ свои руки почти всю внутреннюю торговлю и, по огромному своему богатству, имѣя вліяніе на все Иркутское купечество, всегда старался своими кляузами возбуждать оное къ противодѣйствію правительству въ справедливыхъ его требованіяхъ. Онъ былъ удаленъ изъ Иркутска, и тогда торговля и дѣла общества приняли свой правильный ходъ. При такихъ лицахъ въ управленіи и при такихъ гражданахъ могъ ли Пестель искоренять вѣковое зло гуманными средствами? Самъ Сперанскій, великодушный начальникъ, развѣ не смѣстилъ двухъ губернаторовъ и не предалъ суду множество чиновниковъ? Пестель превышалъ власть свою; но все же, по моему мнѣнію, съ желаніемъ водворить порядокъ и справедливость.

Да не подумаютъ изъ всего вышесказаннаго, что я защищаю Пестеля во всемъ: отнюдь нѣтъ. Я соглашаюсь, что въ пылу своей раздражительности онъ дѣлалъ несправедливости; не оправдываю слѣпой его довѣренности къ Трескину и не извиняю деспотическихъ его распоряженій; но при всемъ томъ я убѣжденъ, что онъ не былъ злонамѣреннымъ начальникомъ. Другія дѣла и другіе люди, онъ управлялъ бы справедливѣе и умѣреннѣе; потому что былъ уменъ, дѣятеленъ и безкорыстенъ, въ чемъ отдаютъ ему справедливость самые враги его, даже бывшій министръ юстиціи, И. И. Дмитріевъ. Пестель оставилъ Сибирь съ разстроеннымъ состояніемъ, тогда какъ другой на его мѣстѣ, менѣе честный, нажилъ бы милліоны [1]).

Послано къ барону Корфу 7-го Апрѣля 1862 года [2])

---

[1]) Въ Тобольскѣ разсказывали слѣдующій случай. Откупщикъ Передовщиковъ, среди продолжавшагося объ немъ дѣла, уговорилъ одну значительную и коротко знакомую Пестелю даму пріѣхать изъ Москвы въ Петербургъ и хлопотать за него, съ обѣщаніемъ поднести Пестелю въ подарокъ 500 т. р. ас. Дама эта пріѣхала и когда передала порученіе Передовщикова Пестелю, то Пестель съ крайнимъ негодованіемъ выслушавъ, отвергнулъ предлагаемыя ему деньги, а дамѣ сказалъ, чтобъ она скорѣе возвратилась въ Москву, если не желаетъ получить себѣ непріятность. За справедливость этого слуха я не ручаюсь; но говорили такіе люди, которые знали это дѣло хорошо.

[2]) Кто написалъ эту записку, намъ неизвѣстно. П. Б.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА Н. М. ЛОНГИНОВА.

Іюнь—Сентябрь 1823.

Весною 1823 г., послѣ четырехлѣтняго почти отдыха, покрывшій себя славою военныхъ подвиговъ, побѣдою Наполеона подъ Краономъ, открывшей путь союзнымъ войскамъ къ Парижу, начальникъ Русскихъ войскъ, занимавшихъ нѣсколько лѣтъ Францію, графъ М. С. Воронцовъ получилъ должность Новороссійскаго генералъ-губернатора. Въ числѣ лицъ, принятыхъ имъ на службу, былъ и братъ извѣстнаго статсъ-секретаря императрицы Елисаветы Алексѣевны, Никаноръ Михаиловичъ Лонгиновъ. Онъ сопровождалъ своего начальника па пути въ Одессу и въ нижеслѣдующихъ письмахъ сохранилъ свои дорожныя впечатлѣнія. Письма эти печатаются по современному списку, доставленному въ „Русскій Архивъ“ изъ Одессы. П. Б.

Изъ Витебска, 11 Іюня 1823.

Ѣдемъ весьма пріятно, дѣлая въ сутки до 140 верстъ и употребляя на обѣдъ и ночлегъ до 10 часовъ. Первую ночь имѣли въ Гатчинѣ, во дворцѣ, гдѣ ночлегъ былъ назначенъ по распоряженію вдовствующей императрицы. Намъ были отведены всѣмъ комнаты съ мебелями и постелями; за то нечего было ужинать, и насилу кой-что достали у жителей за большія деньги *). На другой день, 7 числа, мы осматривали компаніею весь Гатчинской дворецъ, и въ саду всюду насъ возили въ линейкѣ, также въ паркѣ оленей и въ скотномъ дворѣ молочныя богатства намъ показывали. Все это столько насъ задержало, что изъ Гатчины того числа мы едва въ 12 часу выбрались. Обѣдали въ Лугѣ и ночевали уже поздно станціею дальше. 8 числа обѣдали въ Порховѣ, 9-го на 10-е ночевали въ Великихъ Лукахъ, а нынѣшнюю ночь ночевали въ Суражѣ, гдѣ Двину переѣхали на паромѣ. Третьяго дни и вчера дожди лили сильные и довольно попортили дороги. Впро-

*) Это напоминаетъ про недавнее гостепріимство, оказанное одному больному Русскому вельможѣ при одномъ изъ Германскихъ дворовъ. Предоставленъ ему былъ для жительства загородный дворецъ, въ которомъ не оказалось даже сносной мебели, такъ что гости должны были потратиться на наемъ принадлежностей. Въ этомъ же родѣ королева Викторія угощала въ Лондонѣ нашу Государыню Марію Александровну. П. Б.

чемъ онѣ большею частію очень хороши, кромѣ тяжелыхъ песчаныхъ мѣстъ въ Псковской губерніи. Въ здѣшней Витебской губерніи примѣтно и почтовыя лошади, и дороги лучше. Грунтъ земли такъ твердъ и сухъ, что дорожняя полоса не уступаетъ во многихъ мѣстахъ нарочито строенному шоссе, а аллеи около дорогъ прекрасныя, хоть бы въ Германіи либо во Франціи. Донынѣ въ Россіи еще такихъ аллей я не встрѣчалъ. Графъ и графиня ежедневно здоровы и дорòгою довольны; равно и весь нашъ караванъ слѣдуетъ какъ нельзя лучше. Въ концѣ Псковской и въ границахъ Витебской губерній невѣроятное множество нищихъ по дорогамъ, въ самомъ жалкомъ положеніи, въ рубищахъ, полунагіе и съ лицами болѣе похожими на привидѣнія. Вчера утромъ въ Великихъ Лукахъ около нашей квартиры столпилось ихъ болѣе полусотни разнаго возраста и пола. Графъ поручилъ мнѣ раздать милостыню, и всѣ сіи несчастные съ такою жадностію меня окружили съ поднятыми и протянутыми руками, что едва не былъ я ими задавленъ. Впрочемъ по дорогѣ хлѣбà всюду прекрасные, и можно надѣяться, что продовольствіе народное будетъ изобильное.

*

Изъ Кіева, отъ 16 Іюня 1823.

Послѣ моего письма изъ Витебска отъ 11-го числа, мы продолжали свой путь весьма благополучно. Мочили насъ порядочные дожди, пекло солнце и душила пыль; но это общія невзгоды всѣмъ, кто дальній путь совершаетъ.

Въ тотъ день, 11-го числа, мы ночевали въ Оршѣ, а 12-го въ полдень прибыли въ Могилевъ, гдѣ обѣдали у главнокомандующаго графа Сакена и тамъ же провели остатокъ дня. Его сіятельство графъ М. С. желалъ при всей своей поспѣшной ѣздѣ принести сію небольшую жертву почтенному старику, который всѣхъ насъ у себя помѣстилъ въ домѣ. Пустившись 13 числа далѣе, мы съ 14-го на 15-е ночевали въ Черниговѣ. Тутъ графа посѣтилъ М. М. Сперанскій, также и его зять. Сперанскій, увидѣвши меня, два раза принимался меня поздравлять, что я нынѣ нахожусь при такомъ отличномъ и рѣдкомъ начальникѣ, и что вѣрно всѣ тѣ, кои не у него, мнѣ позавидуютъ *). Графъ М. С. тутъ также ѣздилъ къ нимъ съ визитами, чтò и продержало часу до 12 полудня. За всѣмъ тѣмъ, дорòга и лошади такъ хороши были, что 15-го числа, т. е.,

*) Вспоминается позднiй отзывъ Пушкина изъ ссылки А. И. Казначееву о томъ, что въ Россіи можно служить только подъ начальствомъ такихъ людей, какъ графъ М. С. Воронцовъ. П. Б.

вчера, мы ночевали за одну станцію не доѣхавъ до Кіева. Могли бы и сюда дотянуть вечеромъ; но именно предоставили себѣ удовольствіе утромъ имѣть въѣздъ въ Кіевъ, дабы съ восходящимъ солнцемъ насладить свои взоры превосходнѣйшимъ видомъ на сей городъ, коего позолоченные куполы Печерской лавры начинаютъ сіять яркимъ огнемъ за 18 верстъ пространства.

Наконецъ, сегодня, утромъ, мы сюда прибыли и остановились въ домѣ графини Браницкой. Первый явившійся у графа, былъ—Аѳанасій Ивановичъ Красовскій, въ полной формѣ и лентѣ. Предложенъ былъ почетный караулъ, коего однакожъ графъ не принялъ. Потомъ пріѣзжали Раевскій [1]), его жена и многіе другіе военные. Всѣ мы приглашены были обѣдать къ Раевскимъ, коимъ графъ М. С. меня представилъ. Между тѣмъ я съ моимъ спутникомъ г. Лангомъ [2]), взявши наемные дрожки, поспѣшили осматривать всѣ здѣшнія достопамятности. Я хотя имѣлъ уже о нихъ понятіе, бывши проѣздомъ въ 1819 году; но желалъ еще возобновить въ памяти. До обѣда успѣли мы въ Печерской лаврѣ быть у обѣдни, исходить всѣ пещеры и посмотрѣть богатѣйшій арсеналъ. Когда же графъ М. С. узналъ за обѣдомъ, что мы многаго не видали тутъ, то онъ мнѣ и Лангу посовѣтовалъ тутъ остаться до завтраго и самъ далъ записку о томъ, что̀ достойно вниманія. Его сіятельство со всѣми прочими послѣ обѣда нынче отправился дальше съ тѣмъ, чтобы ночевать въ городѣ Васильковѣ, и завтра утромъ явиться въ Бѣлую-Церковь; а я съ г. Лангомъ завтра утромъ поѣдемъ и надѣемся поспѣть туда къ обѣду.

Затѣмъ нынѣшнее послѣобѣднее время мы употребили на многіе разъѣзды по растянутому и разбросанному городу Кіеву, который и на высотахъ и по оврагамъ отрывками лежитъ на правомъ берегу Днѣпра. Мы осматривали Софійскій соборъ; тутъ обыкновенно живетъ митрополитъ; въ церкви находится мраморная гробница Ярослава, а стѣны и сводъ въ алтарѣ выложены мозаикою, изображающею святыхъ въ обыкновенный натуральный ростъ. Въ Михайловскомъ соборѣ покоятся въ серебряной гробницѣ мощи великомученицы Варвары. Старинная Ярославова придворная церковь, извѣстная подъ именемъ Десятинной, нынѣ самая маленькая и самая бѣдная приходская. Изъ прежняго своего огромнаго зданія осталась отъ нея въ основанія токмо малая часть южной стѣны, снаружи коей и нынѣ видны старинныя крупныя Греческія бук-

---

[1]) Старшій сподвижникъ М. С. Воронцова. П. Б.

[2]) Это—медикъ, передъ тѣмъ находившійся при графѣ Кирилѣ Алексѣевичѣ Разумовскомъ? П. Б.

вы, заключающія никѣмъ неразобранную надпись. По словамъ священника, Десятинная церковь при Ярославѣ такъ была огромна, что заключала до 70 престоловъ. Осматривали также мѣсто, гдѣ при Владимирѣ были золотые ворота у въѣзда въ городъ со стороны Крыма, и были въ красивой по наружности церкви Андрея Первозваннаго, которая императрицею Елисаветою построена на томъ мѣстѣ, гдѣ апостолъ Андрей, проповѣдуя слово Божіе, водрузилъ крестъ и которая на высотахъ праваго Днѣпровскаго берега представляетъ отдѣльный высокій утесъ. Виды отсюда прелестные на противоположную заднѣпровскую часть. На Подолѣ, т. е., на нижней части Кіева, которая есть самая регулярная и самая населенная, заглядывали въ Гостиный дворъ и осматривали контрактовую залу, Духовную Академію и Братскій монастырь, построенный Мазепою. Не преминули также напиться холодной воды изъ источника, именуемаго Крещатикомъ, гдѣ Владиміръ крестился съ сыновьями, а пониже въ Днѣпрѣ тогда же и весь народъ былъ крещенъ. Въ жаркій день намъ очень хотѣлось пить; но въ Крещатикѣ вода не есть самая лучшая, ибо въ Днѣпрѣ лучше. Близъ Никольскаго монастыря въ Печерской части, видѣлъ я могилу Оскольдову, которая теперь окружена разными другими новыми надгробными монументами, поелику сіе мѣсто превращено въ почетное кладбище.

Въ семъ заключается почти все то, что̀ достойно взгляда. Если бъ я сталъ подробно вамъ описывать всѣ сіи мѣста и говорить о богатствѣ храмовъ, особливо же Печерской ризницы, то сіе потребовало бы многихъ листковъ. Но я пишу спѣшно, не имѣю довольно времени и къ тому усталъ.

Въ Черниговѣ только и есть одинъ старинный соборъ; но и сего нельзя было осмотрѣть, потому что былъ запертъ. Земляныя укрѣпленія древнія еще и нынѣ существуютъ. Рѣку Десну за Черниговомъ мы переѣхали на паромахъ. Не доѣзжая города Бѣлицы (въ Могилевской губерніи), наша дорога была чрезъ извѣстный Румянцовскій *Гомель*. Я тутъ останавливался и все осматривалъ. Дворцы, сады и оранжереи надъ рѣкою Сожею прекрасны; сверхъ того въ Гомелѣ каменныхъ строеній, коштомъ помѣщика выстроенныхъ, множество: ланкастерская школа для 300 учениковъ, аптека, трактиры, богадѣльня, наши и католическія церкви—и многое другое все каменное и, право, представляетъ видъ города.

Изъ Александріи, отъ 19 Іюня.

Изъ Кіева я выѣхалъ 17-го утромъ и прибылъ сюда предъ обѣдомъ, т. е. около 4-хъ часовъ пополудни. Александрія есть лѣтнее мѣстопре-

бываніе графини Браницкой, отстоящее отъ Бѣлой Церкви на 5 верстъ. Тутъ большой каменный въ два этажа домъ со множествомъ флигелей и павильоновъ, заключающихъ множество меблированныхъ комнатъ для гостей, такъ что персонъ 50 удобно помѣстить можно пріѣзжихъ. Но самое главнѣйшее украшеніе сего мѣста есть прекраснѣйшій садъ, разведенный самою хозяйкою. Оный и по пространству, и по мѣстоположенію, и по богатымъ украшеніямъ вмѣщаетъ въ себѣ прелести и Царскосельскаго и Павловскаго садовъ. Сверхъ того, разнообразіе деревъ, свойственныхъ здѣшнему климату, даетъ великое преимущество. Умалчиваю уже о томъ, что тутъ есть обширныя, особыя отъ большого саду отдѣленія разнаго рода фруктовыхъ насажденій и ботаническихъ рѣдкихъ плантацій. Великой цѣны вазы, статуи, каскады и фонтаны ни въ чемъ не уступаютъ царскимъ. Рѣка Рось омываетъ оконечности сада. Жилыя строенія впрочемъ расположены на ровномъ мѣстѣ и особеннаго вида не представляютъ для взора.

Здѣсь нашли мы множество гостей. Три брата князей Голицыныхъ, Сергѣй, Александръ и Василій, изъ коихъ два съ женами, и съ ними m-lle Сумарокова; двѣ сестры *) дѣвицы и братъ ихъ полковникъ Раевскіе; Кіевской губерніи маршалъ графъ Олизаръ; графъ Браницкій; двѣ дамы Польскія временно пріѣхавшія, и къ тому нашъ весь немалочисленный караванъ изъ Петербурга. Вчера прибавились гости пріѣздомъ изъ Кіева генералъ Раевскій съ женою и дочерью-дѣвицею. Такимъ образомъ общество здѣсь у насъ и большое, и избранное.

Житье наше тутъ вотъ въ чемъ заключается. Поутру, одѣвшись, въ 9 часовъ, отправляемся въ кабинетъ къ графу М. С. и тамъ въ своемъ кругу, подъ предсѣдательствомъ молодой графини, завтракаемъ чай, кофе и все то, что̀ обыкновенно въ Петербургѣ подавалось. Потомъ въ половинѣ 12-го звонитъ громкій на дворѣ колокольчикъ, и по сигналу сему приготовляется завтракъ. Ровно въ полдень вторичный колокольчикъ сзываетъ всѣхъ къ завтраку. Тогда всѣ сбираемся въ комнату графини Браницкой; она, сидя на креслѣ, принимаетъ наши поздравленія съ добрымъ утромъ, и вслѣдъ за тѣмъ выходимъ въ столовую комнату, садимся за столы и кушаемъ такой завтракъ, точно какъ обѣдъ, только что безъ дессерта. Въ половинѣ 5-го часа тотъ же колокольчикъ даетъ повѣстку о накрытіи обѣденнаго стола и о приготовленіи гостей къ обѣду, а въ 5 часовъ по вторичному сигналу опять являемся у графини Александры Васильевны и тянемся къ столу, либо въ столовую большого дома, либо въ который нибудь павильонъ въ саду. По окон-

*) Елена (предметъ восторговъ Пушкина) и Марья Николаевны? Нижепомянутая младшая сестра ихъ—Софья Николаевна. П. Б.

чаніи стола гости партіями разсыпаются по саду, а вечеромъ сбираются въ гостиную, и тутъ составляютъ висты, пасьянсы, музыку и пѣніе подъ фортепіано; въ 9 часовъ подаютъ чай. Ужина не бываетъ.

Вчера ѣздилъ я въ линейкѣ въ Бѣлую Церковь. Мѣстечко преогромное. Тутъ гостиный дворъ каменный, въ коемъ до 80 лавокъ. Всѣ безъ изъятія заняты Жидами и Жидовками, кои имѣютъ всевозможные товары заграничные, такъ что тутъ можно имѣть все, что угодно и весьма сходно. Въ мѣстечкѣ господскій домъ самой простой наружности, въ одинъ этажъ, деревянный, старый. За то въ комнатахъ сколько богатства! Едва ли богатѣйшій другой помѣщикъ въ состояніи имѣть такія вещи, каковыми обладаетъ графиня Браницкая. Но устройство домашнее въ Бѣлой Церкви совершенно ничтожное. Ни службъ, ни двора около дому непримѣтно. Даже саду вовсе нѣтъ никакого. Вблизи дома, на возвышенности надъ рѣкою Росью, стоитъ огромный каменный бѣлый Католическій костёлъ. Наши же церкви, коихъ всего три, самыя бѣдныя, деревянныя и весьма ветхія.

Изъ Новой Воронцовки, отъ 17 Іюля.

Вечеромъ 25 Іюня мы распрощались съ графинею Браницкою и очень рано 26 числа пустились въ путь къ Мошнамъ. Въ Бѣлой Церкви мы оставили Петербургскихъ нашихъ спутницъ, графинь Потоцкихъ; но къ свитѣ нашей присоединился полковникъ Александръ Николаевичъ Раевскій, который, пользуясь отпускомъ, ѣдетъ съ нами до Одессы. Графиня Елисавета Ксавер. также была съ нами. Чрезъ Богуславль и Корсунь, около коихъ мѣста вообще гористыя и каменистыя, мы прибыли къ позднему обѣду въ доставшееся графу М. С. по женитьбѣ мѣстечко Городище. Тутъ Иванъ Тимоф. Ягницкій насъ встрѣтилъ и угостилъ. Еще до вечера мы успѣли общею компаніею, кто верхами, кто на дрожкахъ, осмотрѣть разныя въ Городищѣ заведенія и постройки, какъ то: селитреной заводъ, молотильную машину, вновь построенную на рѣчкѣ плотину и мельницы; сверхъ того есть тутъ довольно большой деревянный гостиный дворъ, и вновь строются каменныя зданія управительскаго дому, Ланкастерской школы и аптеки. Мѣстечко сіе находится на почтовой дорогѣ и имѣетъ до 4 т. душъ мужеска пола и 3 деревянныя церкви. Мы тутъ ночевали. Ночь была самая бурная съ сильною грозою и проливнымъ дождемъ до разсвѣта. Отсюда до Мошны 40 верстъ песчаной дороги. Позавтракавши въ Городищѣ со всѣмъ сельскимъ изобильемъ, мы отправились къ Мошнамъ. Дорогою проѣзжали богатыя селенія графа Литты, и какъ намъ доставалось пробираться чрезъ такія деревни, гдѣ никогда не ѣздятъ кареты и коляски и простой народъ ихъ отъ роду не видалъ, то бабы, мужики и ребятишки на звукъ почтоваго

колокольчика толпами выбѣгали на улицы, крестились и клали низкіе предъ нашими экипажами поклоны, повѣривъ шутившимъ ямщикамъ, что это церкви ѣдутъ *). Необыкновенное сіе простодушіе насъ чрезвычайно насмѣшило.

Наконецъ мы прибыли 27 числа въ Мошны въ 4 часу пополудни. Я называю Мошнами новую графскую усадьбу, на скатѣ высокихъ лѣсистыхъ горъ вновь устроиваемую, гдѣ уже поставленъ весьма хорошій деревянный господскій домъ и обдѣлывается садъ.

Самое же мѣстечко Мошны съ 3 церквами и костёломъ разбросано внизу отъ подошвы горы, въ 3-хъ верстахъ, на песчаномъ мѣстѣ, такъ что между усадьбою и мѣстечкомъ находится часть луговъ, полей, а всего больше болотнаго мѣста, покрытаго густымъ тростникомъ и поросшаго разными болотными растеніями. Лишь только мы въѣхали на гору къ графскому дому (куда дорога, по причинѣ крутого подъема прямо, вновь просѣчена весьма излучистымъ направленіемъ) какъ въ туже минуту графъ и графиня и всѣ мы за ними бросились въ садъ по вновь устроеннымъ на крутизнахъ дорожкамъ, поднялись на самый высокій, высунувшійся впередъ утесъ, на коемъ для красы поставлена деревянная полуротонда и, исходивши бѣгомъ около часу времени, потомъ уже взошли въ домъ и прямо сѣли за обѣдъ, который насъ ожидалъ.

Изъ сего краткаго разсказа вы видите, что Мошны само по себѣ мѣстечко есть ничто незначущее, и жить въ немъ нѣтъ никакой пріятности. Но находящійся возлѣ Мошнъ длинный излучистый хребетъ высочайшихъ горъ, составляющихъ правый берегъ Днѣпра и покрытыхъ столѣтними дубами, липами, грабовымъ деревомъ, клёномъ, ясенемъ и проч., являетъ отличное величіе взору. Съ возвышенности же сихъ горъ еще болѣе прелестей, ибо оттуда виды въ прямую линію на открытыя противоположныя мѣста простираются верстъ на 30, на 40, и даже пока человѣческій взоръ проникнуть можетъ до отдаленнѣйшаго горизонта. Множество деревень съ садами, полями, лугами и разбросанными кустарниками рисуютъ для глазъ самые красивые ландшафты. Нельзя, поистинѣ, симъ мѣстомъ налюбоваться. Съ горъ на нѣкоторыхъ мѣстахъ виденъ Днѣпръ, который отъ подошвы сихъ возвышенностей течетъ въ 7 или 6 верстахъ и за которымъ виднѣются мѣста Полтавской губерніи. Въ теченіе восьмидневнаго пребыванія нашего въ Мош-

*) Это напоминаетъ Екатерину въ ея проѣздъ по Казанской губерніи въ 1767 г. Простолюдины становились на колѣни, зажигали свѣчи и молились. „Кутухтой легко здѣсь прослыть,“ писала Государыня графу Н. И. Панину. П. Б.

нахъ, мы во всей подробности осмотрѣли разныя мѣстоположенія сихъ горъ и лѣсовъ и удостовѣрились въ ихъ достоинствѣ. Его сіятельство ежедневно занималъ насъ всѣхъ утренними и послѣобѣдними прогулками по разнымъ возвышенностямъ и въ лѣсахъ почти непроходимыхъ, если бъ тамъ не были просѣчены новыя линіи, чуть-чуть похожія на дороги. Иногда наша кавалькада состояла человѣкъ до 15-ти верхами, за коими я пробирался на маленькихъ дрожкахъ шагомъ. Графиня (подивитесь ея необыкновеннымъ подвигамъ) нигдѣ отъ насъ не отставала, и не смотря на довольно близкую свою беременность [1]), всюду за нами слѣдовала въ парныхъ дрожкахъ. Признаюсь, что я удивлялся необыкновенной ея подвижности, которая въ ея положеніи столь необыкновенна, что ни одна Петербургская либо Московская дама, начиная съ моей безцѣнной сестрицы Марьи Александровны [2]), и подумать о подобныхъ прогулкахъ не посмѣла бъ.

Вообще примѣтно, что Мошнинскія горы и на нихъ дремучіе лѣса не видѣли человѣческаго лица, и ничья нога туда не проникала, пока графъ М. С. и это не увидѣлъ. Онъ рѣшился сіе мѣсто сдѣлать своимъ главнымъ обиталищемъ и превратить пустынный видъ онаго въ нѣчто диковинное. Въ горахъ сихъ уже около 20-ти верстъ въ окружности назначено подъ паркъ; обгороженъ огромный звѣринецъ, въ коемъ уже есть нѣсколько дикихъ козъ, лосей и даніелель; просѣчены въ лѣсахъ многія дороги; на возвышенныхъ мѣстахъ расчищена густота деревъ для открытія прекрасныхъ видовъ, и на нѣкоторыхъ главнѣйшихъ изъ нихъ предположена постройка башень, павильоновъ, ротондъ, домиковъ и пр. Мѣсто, назначенное для постройки *главнаго огромнаго каменнаго дома*, избрано почти внутри лѣса, отъ подошвы горы версты двѣ въ глубину онаго. Сіе мѣсто состоитъ изъ высокой и весьма широкой площади, на коей нынѣ все еще въ дикомъ состояніи: надобно вырубливать деревья, вытаскивать корни и расчищать кустарники, чтобы тутъ начать постройку. Когда просѣкутся отсюда сквозь густоту лѣса длинныя аллеи, то новый домъ будетъ имѣть хорошій видъ; но самый домъ едва ли будетъ откуда либо виденъ; ибо со всѣхъ сторонъ окруженъ лѣсомъ толстыхъ деревъ. Развѣ тогда будетъ хорошо положеніе главнаго дома, когда все около него устроится и самимъ горамъ дастся новое преобразованіе. Кромѣ множества разной породы мухъ, мошекъ, комаровъ и разныхъ иныхъ насѣкомыхъ, въ лѣсахъ и нынѣ еще водятся дикій скотъ и хищные звѣри, такъ что для приведенія въ безо-

[1]) 23 Октября этого 1823 г. родился въ Одессѣ князь Семенъ Михайловичъ Воронцовъ, увѣковѣчившій имя свое изданіемъ въ свѣтъ „Архива Князя Воронцова". П. Б.

[2]) М. А. Лонгинова (ур. Крюкова), супруга Николая Михайловича Лонгинова. П. Б.

пасность новаго звѣринца, надобно было нѣсколько дней сряду выгонять оттуда волковъ, чтобы не покушали лосей и проч. Что касается до нынѣшняго тамъ графскаго уже готоваго дома, то оный построенъ только предварительно. Положеніе его прелестное; ибо домъ поставленъ на скатѣ крутой горы, на половинѣ коей раскопана площадь, и на ней кромѣ дому устроены цвѣтники, настланъ зеленый дернъ, и на нижней половинѣ горы у подошвы дому отдѣланы между деревъ террасы и натуральныя лѣстницы.

Главнѣйшее неудобство въ устроеніи тутъ разныхъ зданій заключается въ томъ, что всѣ высокія горы, покрытыя дремучимъ лѣсомъ, состоятъ изъ песчанаго грунта. Нѣтъ ни глины, ни чернозема, ни единаго куска камня, ни воды. Всѣ матеріалы должно тащить на горы съ большимъ трудомъ. Воду для питья возятъ изъ колодца заштатнаго Мошнегорскаго монастыря, который въ 3-хъ верстахъ; для подѣлокъ же и для поливанья воду можно имѣть изъ имѣющихся у подошвы горы болотныхъ протоковъ. Даже черноземъ въ цвѣтники и оранжереи должно таскать съ низу. За всѣмъ тѣмъ мѣста сіи чрезвычайно нравятся графу и графинѣ. Подлинно они имѣютъ много прелестей; и если все устроится и обдѣлается, то это будетъ чудо. Изъ возвышенностей, двѣ горы, именуемыя одна *Святославъ*, а другая *Дивова* гора, обладаютъ самыми романическими видами. Съ первой виденъ Днѣпръ; тутъ предположено построить готическую башню въ 23 сажени вышиною *); а съ Дивовой горы заштатній монастырь и отдаленности прекрасную составляютъ картину; тутъ тоже будетъ построена бесѣдка въ древнемъ вкусѣ въ родѣ храмика. Но потребно много, много времени, чтобы все предположенное устроить и, такъ сказать, побѣдить тутъ дикую природу. Еще болѣе потребно человѣческихъ усилій и издержекъ! Между прочими устройствами, въ планѣ его сіятельства есть, чтобы обширное болотное мѣсто, лежащее между горами и мѣстечкомъ Мошнами, осушить посредствомъ прямого канала, который признается возможнымъ провести въ Днѣпръ и спустить туда болотныя воды. Но какъ каналъ долженъ быть длиною до 8 верстъ, то и неизвѣстно, во что сія штука обойдется. Нынѣ дѣлается нивелировка мѣста съ составленіемъ смѣты, и занимается симъ дѣломъ Англичанинъ гидравликъ и инженеръ. Я полагаю, что графъ самъ вамъ писалъ о найденной у него въ Мошнинскихъ горахъ *минеральной водѣ*. Открытіе сіе сдѣлано въ короткое тамъ наше пребываніе. Вода дѣйствительно имѣетъ сильное же-

*) Эта башня напоминаетъ плывущимъ по Днѣпру о славныхъ походахъ великаго князя Святослава Игоревича. П. Б.

лѣзное свойство, вяжетъ во рту и въ одну минуту чернѣетъ, если въ стаканъ пустить капли три настойки дубовой коры. Родникъ сей воды довольно изобильный, и отъ мѣста опредѣленнаго подъ главный большой домъ, находится въ полутора верстахъ. Графъ очень обрадовался сей находкѣ, и если вода будетъ по химическому изслѣдованію апробована, то все нужное у родника будетъ немедлено устроено въ хорошемъ видѣ.

Одну изъ прогулокъ употребили мы на поѣздку къ Днѣпру, гдѣ графская пристань. Тутъ нашли мы пароходъ и вновь выстроенную красивую яхту. Около пристани начинаютъ строиться новопереселившіеся Русскіе мужики, десять семей; есть также особый домикъ господскій у берегу. На пароходѣ мы всѣ катались версты четыре вверхъ по Днѣпру, и потомъ внизъ версты на двѣ пустились, дѣлая разные повороты.

Въ Мошны пріѣзжали гостить братъ графини Браницкій, тесть графа Бутурлина Понятовскій съ сыномъ и генералъ Дунаевъ, съ коимъ я радъ былъ познакомиться, ибо предостойнѣйшій человѣкъ. Онъ женатъ и находится въ отставкѣ въ Кіевской губерніи. Потомъ на послѣднихъ дняхъ присоединились къ нашей свитѣ signor chevalier Marini *) и адъютантъ князь Шаховской.

Пребываніе наше въ Мошнахъ кончилось тѣмъ, что 3-го числа Іюля мы отправили въ Бѣлую Церковь графиню, выпроводили пріѣзжихъ гостей и послали всѣ наши экипажи съ людьми почтою до Екатеринослава подъ начальствомъ Франка и Шаховскаго. А на другой день 4 числа, отобѣдавши, графъ, Раевскій, я, г. Лангъ и Марини отправились къ Днѣпру, сѣли на яхту, и въ 5 часу пополудни отчалили, пустившись внизъ по теченію, при помощи 8 человѣкъ гребцовъ. Водяная наша компанія весьма просторно помѣщалась на яхтѣ, въ комнатѣ, имѣющей вокругъ скамейки неподвижныя, посрединѣ столъ и 16 оконъ. Парохода графъ не разсудилъ потому употребить въ семъ плаваніи, что по Днѣпру часто попадаются песчаныя подъ водою отмели, и чугунныя колеса при маловодьѣ вязнутъ въ песокъ. На яхтѣ же несравненно легче, и она неглубокій имѣетъ ходъ. Въ первый день мы недалеко отплыли, именно не болѣе 15 верстъ. Вечеромъ, минуя вправо городъ Черкасы, не представляющій отличнаго вида, мы въ 3 верстахъ за онымъ остановились ночевать въ одной прибрежной харчевнѣ, которая въ томъ мѣстѣ и составляла все населеніе. Комари насъ тутъ чуть насмерть не заѣли, такъ что графъ изъ избы бѣжалъ спать на яхту,

*) Марини—человѣкъ близкій къ князю В. П. Кочубею. П. Б.

а мы искали спасенія подъ открытымъ небомъ. На другой день мы продолжали плыть на веслахъ, ибо вѣтеръ былъ противный, и нельзя было поставить на мачтѣ парусъ. Приставали обѣдать на пустомъ берегу, а ночевали также на пустомъ берегу, поросшемъ лозою, минуя городъ Крыловъ, который кажетъ изрядный видъ со стороны рѣки. Съ нами былъ поваръ и разнаго рода готовая и сырая провизія; слѣдовательно необитаемыхъ мѣстъ мы не страшились. Подобно плывущимъ по Днѣпру байдакамъ съ солью (т. е. большія крытыя лодки) мы на берегу разводили сильный огонь, и нашъ обѣдъ, либо ужинъ поспѣвалъ въ часъ времени. Въ слѣдующій день 6 числа мы къ обѣду поспѣли пріѣхать въ Кременчугъ; но какъ графъ не желалъ изъ своей яхты, а еще болѣе изъ своей персоны, дѣлать въ семъ городѣ родъ спектакля (поелику жители не замедлили бы усѣять весь берегъ), то мы и пристали противу самаго города у пустого песчанаго острова, гдѣ и готовили свой обѣдъ. Не прошло двухъ минутъ послѣ нашего причала, какъ вдругъ поднялась страшная буря. На водѣ сдѣлался шквалъ, дождь лилъ рѣкою; однакожъ это не болѣе 5 минутъ продолжалось. И въ сіе короткое время успѣли пострадать многіе стоявшіе у берега байдаки, ибо у иныхъ разломало мачты, другіе сорваны съ якоря, да и нашу яхту гребцы всѣ гуртомъ чуть удержали. Между тѣмъ, какъ мы уже обѣдали, пріѣхалъ изъ города на лодкѣ Кременчугскій полицмейстеръ къ графу за приказаніями, въ полной формѣ.

О пріѣздѣ нашемъ онъ узналъ отъ нашихъ людей, бывшихъ въ городѣ за льдомъ и фруктами. Графу ненужно было ничего; однакожъ полицмейстеръ намъ пригодился для прохода нашей яхты сквозь мостъ, который по его приказанію былъ разведенъ для насъ. Уже часу въ 6 пополудни мы оставили Кременчугскій берегъ. Городъ Кременчугъ съ воды виденъ верстъ за 15. Впрочемъ нельзя назвать его мѣстоположеніе возвышеннымъ. Изъ зданій одна только каменная соборная церковь бросается въ глаза; прочіе дома къ берегу всѣ деревянные, незначущіе. Внутри города, говорятъ, есть домовъ съ полдюжины каменныхъ, но ихъ съ воды не видно. Затѣмъ пространство на весьма долгое протяженіе между домами, амбарами и рѣкою загромождено безчисленнымъ множествомъ бочекъ съ дегтемъ и смолою и разнаго рода бревнами строевого лѣсу. Напротивъ города противоположный берегъ занятъ посадомъ Крюковымъ. Посадъ сей такъ великъ, что составляетъ почти половину Кременчуга. Въ немъ наиболѣе производится кладка соли привозимой изъ Крыму. Когда мы проходили мостъ, то народу на немъ было множество; пестрѣло нѣсколько разряженныхъ дамъ. Зрители сіи далеко насъ провожали взоромъ.

Сколько единообразны, дики и плоски берега Днѣпровскіе были отъ мѣста нашего отплытія, столько отъ Кременчуга оные становятся красивѣе. Особливо правый берегъ почти безпрестанно заставляетъ на себя глазѣть. Въ 13-ти верстахъ отъ Кременчуга уже становилось темно; почему мы и стали помышлять о ночлегѣ. Вдругъ мы въѣхали въ такое мѣсто, гдѣ и правый и лѣвый берегъ отмѣнно возвышенны и чрезвычайную дѣлаютъ красоту. Мы поворотили къ лѣвой сторонѣ и пристали у песочнаго берега, который увѣнчанъ высочайшими каменными скалами, висѣвшими надъ берегомъ. Выскочивши изъ яхты, тотчасъ всѣ мы покарабкались на камни вверхъ и тогда какъ мы думали, что мѣсто сіе необитаемо, къ удивленію своему нашли мужицкую хату, поставленную на горѣ близъ утесовъ. Въ ней нашли Малороссійскую помѣщичью семью людей. Хозяина хохла тотчасъ мы отправили верхомъ отыскивать намъ сливокъ къ чаю и яицъ, а сами на камнѣ разведши огонь, смотрѣли на восходящую луну и на противоположный весьма красивый берегъ, на коемъ въ рощѣ находится господская усадьба. Если я когда либо находился болѣе въ романическомъ положеніи, то конечно въ этотъ вечеръ 6 Іюля! Чистое небо, свѣтлая луна, самый теплый воздухъ, каменные высокіе утесы, на которыхъ мы группою сидѣли и глядѣли на быстрый, широкій Днѣпръ и на противоположный берегъ, гдѣ лунный свѣтъ отражался на вершинахъ деревъ, полей и домиковъ—все это составляло самый живописный ландшафтъ. Прибавьте къ сему разведенные огни для насъ на горѣ, для гребцовъ надъ водою, и веселыя пѣсни нашихъ матросовъ, то картину еще болѣе найдете воодушевленною. Между тѣмъ какъ мы симъ любовались, какъ готовили нашъ чай и таскали свѣжее сѣно для нашихъ постелей, нашъ графъ слегъ на большой камень и на ономъ заснулъ такимъ крѣпкимъ сномъ, какъ бы на самыхъ мягкихъ пуховикахъ.

Чай былъ готовъ, мы составили общій совѣтъ и разбудили графа. Его сіятельство безпрестанно удивлялся пріятности мѣстоположенія. Сію ночь мы спали на открытомъ воздухѣ, и такъ было тепло, что мы почти ничѣмъ не одѣвались.

На зарѣ слѣдующаго дня мы поплыли далѣе, стараясь къ вечеру прибыть въ Екатеринославъ. Но противный вѣтръ дулъ и постоянно и сильнѣе. Наши гребцы уставали. Обѣдали мы также на необитаемомъ берегу, хотя тутъ Днѣпръ имѣетъ около себя довольную населенность. Часто попадаются деревушки, представляющія хорошій видъ; и вообще кажется, что нынѣ населены уже всѣ тѣ мѣста, гдѣ во время плаванія

Екатерины II были поставлены декораціи *). Послѣ обѣда мы минули направо мизерный городъ Верхнеднѣпровскъ, а налѣво достопамятное село *Переволочну*, гдѣ Карлъ XII переправлялся, уплетаясь послѣ Полтавы.

Часу въ 6-мъ, когда мы разсматривали отдаленности въ зрительную трубу, примѣтили на Днѣпрѣ плывущее на веслахъ судно. Съ начала мы не могли разобрать, чтò на немъ находится; но по мѣрѣ приближенія распознали въ толпѣ людей на суднѣ, бѣлый султанъ, и заключили, что это какой-либо офицеръ переправляетъ команду. Но судно плыло прямо къ намъ, и саженяхъ въ 50 вдругъ на ономъ раздалась музыка. Графъ увидѣлъ, что это ему дѣлается встрѣча.

Такъ и вышло. Это былъ гусарскій поручикъ Соминъ, живущій надъ самымъ Днѣпромъ въ своей деревнѣ, который, свѣдавъ, что генералъ-губернаторъ ѣдетъ водою, поспѣшилъ его встрѣтить своею собственною музыкою и просить на чай, ужинъ и ночлегъ. Графъ, поблагодаривши, извинялся, что спѣшитъ ѣхать; но на убѣдительныя просьбы долженъ былъ склониться и пригласилъ г. Сомина къ себѣ на яхту. Музыка за нами слѣдовала, наигрывая военные марши. Мы пристали къ берегу; три верховыя лошади и коляска четвернею съ гайдуками тутъ насъ ожидали. Графъ отклонилъ сію услугу и пошелъ пѣшкомъ въ сопровожденіи нашемъ къ дому, который былъ саженяхъ во ста.

---

*) Въ царствованія Александра Павловича и его брата, благодаря ихъ матери и забывая умышленно заслуги основательницы династіи, а также по зложелательству Польскому и Каинскому братоненавидѣнію Европы къ Славянамъ и Россіи, въ нашемъ обществѣ твердились только анекдоты о женскихъ слабостяхъ Екатерины Второй. Даже К. С. Аксаковъ, вопреки отцу своему (занесшему въ свою Семейную Хронику память о томъ, какъ въ отдаленной Уфѣ оплакивали великую Государыню) и не вѣдая о томъ, что разумный возвратъ къ допетровской старинѣ и къ народному самосознанію начатъ при Екатеринѣ же, писалъ:

Была пора, Екатеринѣ вѣкъ,
Сей маскарадъ, чей вѣкъ мишурной славы.
Преображенъ былъ Русскій человѣкъ
Въ чужой костюмъ заемно-величавый.
Въ тотъ славный вѣкъ все лгало безъ стыда,
Звалась царицей Русской иноземка,
Холстинные стояли города,
И Русскою прикидывалась Нѣмка.

Князь М. С. Воронцовъ (отецъ и дядя котораго вовсе не были приверженцами Екатерины) говаривалъ на старости лѣтъ, что и въ Новороссійскомъ краю, и на Кавказѣ, за что ни принимался онъ, ему приходилось убѣждаться, что былъ онъ лишь слабымъ исполнителемъ мудрыхъ государственныхъ предначертаній Екатерины и Потемкина. П. Б.

Лишь мы въ двѐри, музыка въ залѣ вновь раздалась. Тутъ были еще какіе-то два сосѣдніе помѣщика. Столъ былъ накрытъ. Потчиваютъ виномъ, потомъ чаемъ; наконецъ, часу въ 8-мъ, сѣли ужинать. Блюда были съ затѣйливыми приправами, но по нарочитому вкусу деревенскаго повара. Музыка неумолчно играла то увертюры, то марши, то польскіе; музыкантовъ 24 человѣка, и мы удивлялись, что они на духовыхъ инструментахъ очень хорошо играли. Когда же дѣло дошло до Шампанскаго, при питьѣ за здоровье графа, то музыканты, ударивши во всѣ инструменты тушъ, кричали ура и пѣли *многая лѣта.* И наше здоровье также было чествовано. Угощеніе сіе довольно насъ позадержало, и графъ, видя, что ему придется пріѣхать въ Екатеринославъ около полудня (ибо еще оставалось верстъ 60) и тамъ испытать еще подобную встрѣчу, чего онъ не терпитъ, рѣшился отъ Сомина въ сію же ночь ѣхать въ Екатериновлавъ почтою, чтобы прибыть туда безъ всякаго шума. Коляска тотчасъ была запряжена, и его сіятельство, оставивши меня, Ланга и Марини ночевать у Сомина, пустился съ Раевскимъ до первой станціи. Послѣ мы узнали, что графъ въ Екатеринославъ пріѣхалъ ночью въ 3 часу.

Между тѣмъ мы, оставшись въ добычу хозяину-гусару, осуждены были испытывать и громъ его музыки, и стукъ стакановъ; онъ думалъ насъ всѣхъ замертво положить. Но гости были не провинціальные и къ попойкамъ необыкшіе. Увѣривши въ семъ хозяина, мы запросто упросили его отправить музыкантовъ спать и намъ дать покой, ибо намъ должно было на зарѣ подняться продолжать наше плаваніе яхтою. На утро, въ Воскресенье 8 числа, какъ ни рано мы поднялись, но музыка была вся въ строю. Мы сѣли на яхту въ 4 часу утра, и музыка провожала насъ по Днѣпру 12 верстъ. Насилу мы уговорили Сомина воротить несчастныхъ орфеевъ; но онъ не иначе на сіе согласился, такъ чтобы мы его самого взяли на яхту и довезли въ Екатеринославъ для засвидѣтельствованія его благодарности графу за сдѣланное посѣщеніе. Наконецъ мы приплыли въ Екатеринославъ въ 10 часовъ утра. Не доѣзжая берега, лоцманъ на лодкѣ насъ встрѣтилъ и указалъ мѣсто удобное намъ пристать. На берегу ожидала насъ коляска четвернею.

Со стороны Днѣпра городъ не представляетъ ничего для взора. Нѣтъ ни одного каменнаго строенія, даже нѣтъ каменной церкви. Всѣ дома деревянные, изъ коихъ многіе красивой архитектуры. Вообще Екатеринославъ не такъ дуренъ, какъ мнѣ его описывали. Такихъ губернскихъ городовъ въ Россіи много, и недалеко старинный Черниговъ ни въ чемъ Екатеринослава не лучше. Квартира тутъ намъ всѣмъ была отведена въ домѣ купца Кожевникова, который почитается лучшимъ

въ городѣ. У графа нашелъ я весь Екатеринославскій штатъ въ полной мундирной формѣ и цѣлый столъ заваленный бумагами, поданными его сіятельству каждымъ по своей части. Сей день мы обѣдали у губернатора, который самъ тутъ новый человѣкъ и живетъ очень бѣдно. Въ Понедѣльникъ 9 числа данъ былъ обѣдъ губернскимъ предводителемъ Алексѣевымъ; старикъ прехорошій, живетъ славно и, кажется, онъ тутъ изъ первыхъ дворянъ по состоянію и по репутаціи. Во Вторникъ обѣдали у совѣстнаго судьи, подполковника барона Франка, который есть родной братъ состоящему при графѣ. Совѣстный судья очень богатъ по женѣ и живетъ щедро и со вкусомъ, пользуясь въ губерніи хорошимъ вниманіемъ. Въ Среду пировали у вице-губернатора; а въ Четвертокъ 12 числа, послѣ завтрака у г. Алексѣева, прямо отъ него пустились въ дорогу и простились съ Екатеринославомъ.

Въ пребываніе въ Екатеринославѣ графъ осматривалъ всѣ присутственныя мѣста, полицію, думу, магистратъ, тюрьмы и лазаретъ. Всѣ сіи трибуналы помѣщаются весьма бѣдно и весьма тѣсно въ деревянныхъ домахъ уже старыхъ. Тюрьма строится новая на счетъ казны и будетъ стоить 170 тысячъ рублей. Кажется, это будетъ первое въ Екатеринославѣ каменное строеніе; но и сіе не въ городѣ, а внѣ онаго. Потемкинскій дворецъ стоитъ на весьма выгодномъ мѣстѣ. Увы, въ самомъ жалкомъ положеніи сіе огромное зданіе. Ни кровли, ни потолка, ни половъ, ни оконъ; однѣ стѣны, кои также начинаютъ сверху обрушиваться. Повыше сего дворца находится фундаментъ заложенной при Екатеринѣ II-й соборной церкви въ присутствіи императора Іосифа. Фундаментъ сей, на которой употреблено, говорятъ, 300 т. въ то время, такъ и остался заросшимъ въ землю. Но каменный столбъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ Императрицею положенъ первый камень, существуетъ и нынѣ. Архіерейскій домъ деревянный надъ Днѣпромъ; при ономъ садъ хорошъ. Владыка новый еще не пріѣхалъ: его ждутъ къ Августу. Въ Екатеринославѣ есть преобширный казенный садъ, въ коемъ позволяется гулять, и хорошая казенная суконная фабрика. Сія фабрика столь обширна, что строенія оной, занимая особый за шлахбаумомъ кварталъ, составляютъ почти половину города и придаютъ Екатеринославу огромности.

Въ числѣ дѣлъ, встрѣтившихся графу въ Екатеринославѣ, удалось одно прескверное хорошо уладить. Именно, поступила на тамошняго вице-губернатора жалоба, что онъ магистратскаго члена, купца, публично у мосту прибилъ плетью. Не хотѣлось графу для начала повернуть въ семъ случаѣ круто, и потому все употреблено было для примиренія купца съ вице-губернаторомъ, давши сему послѣднему хо-

рошую школу словесно и особою запискою. По присутственнымъ мѣстамъ я всюду слѣдовалъ за графомъ и принималъ разныя бумаги въ свой портфель. Дѣла было по уши.

Сверхъ того, въ Екатеринославѣ получено съ нарочнымъ отъ Таврическаго губернатора донесеніе, что въ Крыму всеобщій неурожай, засуха и сильная саранча истребили все, что уцѣлѣло было отъ засухи; отъ несчастія сего народъ тамъ въ уныніи; хлѣбъ становится чрезмѣрно дорогъ, скотъ продается за безцѣнокъ, да и покупщиковъ нѣтъ. Графъ писалъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ съ испрашиваніемъ пособія, придуманнаго губернаторомъ. Между тѣмъ его сіятельство не откладываетъ своей поѣздки въ Крымъ до осени: тотчасъ отправится туда, поворотясь изъ Бессарабіи, куда поѣздка гораздо сократится.

Изъ Екатеринослава графъ сдѣлалъ планъ ѣхать верхомъ по берегу Днѣпра до мѣста, гдѣ кончатся пороги. Такъ его сіятельство и сдѣлалъ. Для сего и наши экипажи ѣхали проселочною дорогою въ недалекомъ отъ Днѣпра разстояніи. Въ 12 верстахъ отъ Екатеринослава, близъ лоцманскаго села Кайдаки, находятся на Днѣпрѣ первые пороги, которые есть ничто иное, какъ высунувшіеся изъ воды во множествѣ камни разной величины, между коими вода стремясь дѣлаетъ шумъ. Всѣхъ такихъ пороговъ по Днѣпру 12 числомъ; но самые большіе изъ нихъ суть пороги *Ненасытицкими* именуемые, гдѣ страшные каменья во всю широту Днѣпра въ водѣ торчатъ, и въ семъ мѣстѣ теченіе воды, и между камнями, и чрезъ оные стремясь, производитъ вѣчно неумолкной такой сильной шумъ, какъ въ самую большую бурю на морѣ. У сихъ пороговъ байдаки и плоты встрѣчаютъ непреоборимое препятствіе; однакожъ небольшія лодки съ грузомъ кой-какъ внизъ пробираются съ помощью лоцмановъ; всѣ вообще суда проходятъ хорошо пороги только въ полую большую воду. Къ правому берегу въ водѣ торчатъ цѣлые гранитные утесы. У Ненасытицкихъ пороговъ находится большое село помѣщика Синельникова, и господскій домъ поставленъ на самомъ берегу. Тутъ намъ приготовленъ былъ богатый ужинъ, и тутъ же мы при шумѣ Днѣпровскихъ пороговъ ночевали. Хозяина не было дома; угащивалъ управитель. 13 числа графъ продолжалъ ѣхать по берегу верхомъ до такъ называемаго *Хортицкаго* на Днѣпрѣ острова, гдѣ, по преданію, кочевали жены Запорожцевъ. Я же по берегу не могъ слѣдовать и съ экипажами прямо отправился въ колонію *Менонистовъ* Хортицу, находящуюся близъ того острова, куда и графъ къ позднему обѣду прибылъ. Тутъ также угощалъ насъ инспекторъ Менонистскихъ колоній. Я удивился, нашедши многія селенія Мено-

нистовъ, построенныя съ небольшимъ во сто верстахъ отъ Екатеринослава, совершенно во вкусѣ Нѣмецкомъ. Дома хорошо и просторно построенные, красиво покрытые, ставни и огорожи около двора раскрашенныя; а въ комнатахъ чистота и опрятность тотчасъ бросаются въ глаза: все вымыто, вычищено и все мѣдное выяснено; вездѣ стѣнные часы, хорошій скотъ и щегольскіе полевые инструменты. Живутъ въ полномъ изобиліи. Нельзя имъ, правда, сего и не имѣть, ибо каждая семья имѣетъ по 65 десятинъ земли; а всѣ вообще Менонисты не платятъ иныхъ повинностей кромѣ въ казну по 15 коп. съ десятины, и не даютъ ни рекрутъ, ни проводниковъ, уволены отъ постоя и отъ всѣхъ земскихъ повинностей. Есть такіе хозяева между Менонистами, кои имѣютъ по 2.000 штукъ мериносовъ. Они уже около 35 лѣтъ тутъ поселены изъ подъ Данцига и донынѣ хранятъ свой образъ жизни, свой языкъ и свои обычаи.

Въ Хортицѣ мы и ночевали, а на утро 14 числа всѣ большимъ караваномъ потянулись оттуда чрезъ городъ Никополь и къ обѣду прибыли сюда въ Новую Воронцовку. На границѣ Херсонской губерніи мы встрѣчены были земскимъ исправникомъ и головою ближайшаго селенія. Два казака съ пиками изъ обывателей и тутъ впереди нашихъ экипажей скакали также, какъ и по Екатеринославской губерніи, отъ мѣста до мѣста. Графъ не отказывается отъ сей услуги, потому что отъ Екатеринослава нашъ путь весь почти идетъ проселочными дорогами. Исправникъ же находился безотлучно на случай какихъ-либо распоряженій по уѣзду.

Здѣсь у графа домъ незавидный, старый и почти безъ мебелей, почему мы всѣ ночуемъ какъ бы на бивакахъ. Селеніе тутъ слыло при помѣщикѣ Сталѣ подъ именемъ *Никольскаго*, а по покупкѣ графомъ названо Новою Воронцовкою. Земля славная, мѣстоположеніе красивое на возвышенности, надъ широкимъ изъ Днѣпра заливомъ, на коемъ находятся многіе острова, покрытые лѣсомъ. Переходъ сюда изъ другихъ губерній и нынѣ продолжается, такъ что въ одинъ годъ тутъ графскихъ мужиковъ поселилось до 2000 душъ. Въ одно лѣто домовъ построено болѣе 300, изъ коихъ 160 каменныхъ. Поелику крутые надъ заливомъ берега всѣ суть изъ мягкаго ноздреватаго камня, то матеріала сего множество для построекъ. Не далѣе какъ вчера еще прибыло изъ Саратовской губерніи 17 Малороссійскихъ семей съ дѣтьми, скотомъ и всѣмъ хозяйствомъ. Сіи новоприбывшіе тутъ встрѣчены были родными и сосѣдями, изъ той же Саратовской деревни поселившимися тутъ въ прошломъ году. Не можно повѣрить, какая это трогательная картина! Мужики, бабы и дѣти обнимались, плакали, разска-

зывали. Глядя на сіе, я вспомнилъ, что въ Енеидѣ Котляревскаго есть похожее описаніе свиданія Энеевыхъ парубковъ. Скоро Воронцовка по берегу залива такъ населится, что отъ границы до границы на 15 верстъ будетъ одна непрерывная цѣпь домиковъ.

Тутъ насъ графъ забавлялъ рыбною ловлею и прогулкою въ лодкѣ на острова̀, на коихъ лѣсъ вообще вербовый и осо̀коровый; сіе дерево есть что-то среднее между дикою тополью и ольхою. Рыбы великое множество: въ два раза вытащили цѣлой возъ окуней, судаковъ, щукъ, лещей, ершей, плотвы и разнаго рода иной рыбы. Арбузы мы тутъ кушаемъ десятками, воловый возъ ими нагруженный можно купить за два рубля. За то на прочую огородную овощь великой недостатокъ; знойное и бездожное лѣто все выжгло; яровыя хлѣба въ особенности въ сихъ мѣстахъ пострадали отъ жаровъ, а тра̀вы почти всѣ на возвышенныхъ мѣстахъ выгорѣли. Но всего ужаснѣе, это *саранча*, которая во множествѣ въ Крыму, въ Херсонской и частію въ Екатеринославской губерніяхъ. Мы проѣздомъ видѣли часть оной, только не настоящую саранчу, но отродіе оной, *прусаки*, кои также пожираютъ всякую зелень.

Въ заключеніе присовокуплю о рѣкѣ Днѣпрѣ, что оная въ мѣстахъ нами пройденныхъ неимовѣрно широка; даже есть ширина до двухъ верстъ. Судоходство по ней затруднительно, потому что и берега, и дно песчаныя; почему быстрота воды въ половодье на самыхъ глубокихъ мѣстахъ наноситъ множество песку и производитъ отмели, кои подъ водою непримѣтны, и потому суда часто на нихъ попадаютъ, что̀ и съ нами случалось разовъ нѣсколько. Случаются такія широкія отмели, что не знаешь, куда въ водѣ повернуться. За Кременчугомъ попадаются подводные камни, и надобно очень хорошо знать рѣку, чтобъ ихъ миновать. Лѣвый берегъ Днѣпра большею частію дикъ и поросшій лозою; на правомъ мало населенія.

Изъ Кишинева, отъ 4 Августа.

Выѣхавши изъ Воронцовки 18-го Іюля передъ вечеромъ, мы поутру 19-го очутились въ Херсонѣ. По дорогѣ проѣхали необозримыя степи; ни хижинъ, ни даже птицъ непримѣтно; попались только два ничтожные городишка, Бериславль и другой какой-то. Саранчи не видѣли, но жители около Бериславля сильно на нее жаловались, что все опустошила. Въ Херсонѣ получили мы отъ Таврическаго губернатора довольно важныя извѣстія на счетъ признаковъ чумы въ Ѳеодосіи. Сіе заставило графа тотчасъ бросить Херсонъ и поспѣшить къ Грейгу въ Николаевъ, такъ что успѣли только отобѣдать 19 числа у Херсонскаго губернатора и принять полсотни жалобъ на юстицію Херсон-

скую. На разсвѣтѣ 20 Іюля пустились далѣе и въ 9 часовъ утра прибыли къ Грейгу на его мызу *Спаскос*, въ двухъ верстахъ далѣе Николаева, проѣхавши сей городъ. Дороги и тутъ посреди необъятной степи, ровной какъ столъ, и потому намъ пріятно было найти домикъ Грейга въ тѣнистой, романической рощицѣ на берегу Буга. Мѣсто сіе много сходствуетъ съ Монплезиромъ въ Петергофѣ, ибо волны широкаго Буга бьются о берегъ каменистый, подобно морскимъ. Предъ окнами вице-адмирала стоятъ парадныя яхты, и на нихъ морской караулъ съ музыкою. Грейгъ насъ угостилъ совершенно по морскому. Накормивши насъ Аглицкимъ завтракомъ, онъ намъ показывалъ строеніе кораблей арсеналъ, адмиралтейство и проч. Потомъ обѣдъ былъ на яхтѣ той' самой, которая приготовлена для графа Кочубея. Она прещегольски и богато внутри отдѣлана, имѣетъ 16 пушекъ. Итакъ мы обѣдали на водѣ подъ навѣсомъ изъ парусовъ отъ солнечнаго зноя; много тутъ пропало пороха при питьѣ здоровья. Въ продолженіе всего стола играла попеременно музыка духовая и инстументальная и пѣли пѣвчіе. Чай пили на другой яхтѣ, гдѣ также въ честь графу много палили изъ пушекъ, кричали ура, при отплытіи. Съ Грейгомъ все нужное на счетъ Крыма было лично кончено. Распоряженія были наиболѣе относительно карантинной строгости въ военныхъ портахъ, по причинѣ, что въ Ѳеодосію пришелъ корабль, на коемъ оказались признаки чумы на одномъ больномъ матросѣ. У насъ это секретъ, и мы нигдѣ о семъ не говоримъ, хотя впрочемъ опасности никакой нѣтъ, кромѣ одного упомянутаго матроса. Донесенія, донынѣ полученныя, подтверждаютъ, что болѣе ничего нѣтъ; но между тѣмъ мѣры по карантинамъ приняты строгія. Сверхъ того графъ вытребовалъ у Грейга два военныя судна въ свое распоряженіе для возки почты водою изъ Одессы въ Крымъ и обратно, чрезъ что надѣемся въ сношеніямъ много выиграть противу хода почты сухопутью. Переночевавши у Грейга, который вамъ очень много кланяется, мы въ его сопровожденіи переправились чрезъ Бугъ подъ парусами и какъ тутъ до Одессы было не болѣе 120 верстъ, то мы могли бы поспѣть въ свой порто-франко рано; но его сіятельство нарочито пробавился за 50 верстъ отъ Одессы у отставного генерала Кобле, у коего мы обѣдали, и который въ своей хорошей деревнѣ, въ 5 верстахъ отъ Чернаго моря, живетъ съ своею дочерью красавицею и дѣвицею. Тутъ мы узнали, что въ Одессѣ всѣ сословія ожидаютъ насъ съ энтузіазмомъ. Въ самомъ дѣлѣ, прибывши въ Одессу въ 10-мъ часу вечера, среди глубокой темноты, мы нашли большой частію городъ иллюминованный, и люди группами толпились по улицамъ. На звукъ нашихъ колокольчиковъ у экипажей многіе за нами бѣжали; но во-

обще народъ съ 4-го часу по-полудни былъ на ногахъ и оставался въ ожиданіи графа.

Въ Одессѣ градоначальникъ въ полной формѣ и лентѣ встрѣтилъ графа у городской заставы. Назначенная его сіятельству квартира была ярко иллюминована. Подъ окнами гражданскими любителями приготовлена была большая *серенада*, которая чрезъ полчаса послѣ нашего пріѣзда играла разныя прекрасныя пьесы на всѣхъ инструментахъ. На другой день 22 Іюля, когда вы праздновали въ Петергофѣ, у насъ въ Одессѣ представлялись графу всѣ сословія парадно: чиновные, дипломатическіе, иностранные консулы, купечество, духовенство и проч. и проч. Потомъ всѣ мы слушали обѣдню въ соборной церкви, которая отъ квартиры въ 50 шагахъ. Послѣ обѣдни былъ пріемъ разныхъ рапортовъ отъ мѣстъ и лицъ подчиненныхъ. Обѣдъ былъ парадной у графа Гурьева. Тутъ пили здоровье одной только вдовствующей императрицы. Въ этотъ день афишкою Итальянскаго театра возвѣщена была la Cenerentola, нарочито для пріѣзда графа. Мы отправились въ театръ, который былъ освѣщенъ; явились въ ген.-губернаторской ложѣ. Публика была самая многочисленная. Всеобщее ура было знакомъ радости зрителей при появленіи нашего графа, который былъ отъ сего въ величайшемъ замѣшательствѣ, да и мы были неравнодушны къ сей сценѣ. Не стану говорить объ игрѣ актеровъ; труппа посредственная, но для Одессы она великое утѣшеніе, а зала театра и сцена вообще очень красиво и удобно устроены. Лучшая тутъ пѣвица Каталани, которая собою недурна, но голосъ и искусство не годятся и въ служанки къ той Каталани, которую мы слышали. Послѣдующіе дни пребыванія нашего въ Одессѣ, т. е. 23, 24, 25 числъ, были цѣпью пріема безчисленныхъ прошеній и жалобъ на разныя отягощенія. Во всемъ томъ я довольно имѣлъ хлопотъ, ибо въ Одессѣ мы никого изъ Ланжероновской канцеляріи не нашли. Инзовъ всѣхъ переселилъ въ Кишиневъ.

Между прочимъ замѣчателенъ данный отъ коммерческаго Одесскаго общества балъ для графа 24 числа, на коемъ и я былъ. При входѣ его сіятельства встрѣтила огромная музыка на хорахъ, и съ оныхъ полетѣли тучи печатныхъ листковъ съ стихами въ честь графу на Россійскомъ, Итальянскомъ, Латинскомъ и Французскомъ языкахъ. Я успѣлъ только достать Русскіе и Латинскіе, кои при семъ прилагаю. Прочіе всѣ расхватаны публикою, которая была такъ многочисленна и блистательна, что хоть бы въ первой какой столицѣ. Полагаютъ, что однѣхъ дамъ было болѣе 300. Вкусъ туалета и богатство убранства не уступаютъ Петербургу. Танцовали до 11 часовъ, ибо балъ начался съ 8, а въ 12 ужинъ пребогатый, равно и во время танцевъ угощали всю публику прохладительными напитками и морожеными.

Я почти не видалъ хорошенько Одессы въ подробности, но вообще судя по немногимъ улицамъ, гдѣ я пробѣжалъ, строенія очень красивы, и улицы многія имѣютъ аллѐю славныхъ Итальянскихъ тополей, кои даютъ и хорошую тѣнь, и видъ красивый. Домъ нашего графа не великъ, но видъ изъ него на море величественный. Останавливались мы на время въ казенномъ бывшемъ градоначальничьемъ домѣ у Ришельевскаго саду. Сей домъ графъ полагаетъ предоставить Казначееву съ тѣмъ, чтобъ верхній этажъ для житья, а нижній для канцеляріи. Графу же для постояннаго пребыванія нанятъ огромный двухъ-этажный домъ Фондуклея. Въ немъ и я буду имѣть квартиру, что̀ уже и объявлено мнѣ его сіятельствомъ еще въ Одессѣ. Наконецъ 26 числа Іюля чрезъ Тирасполь и Бендеры мы ввалились въ Бессарабію и прибыли въ Кишиневъ, гдѣ мы всѣ премного страдаемъ.

Переѣздъ сюда отъ Одессы мы сдѣлали въ 13 часовъ, ибо тутъ всего 160 верстъ. У Бендеръ на берегу Днѣпра встрѣтили насъ мундирно одѣтые, Бессарабскій губернаторъ Катакази, предводитель дворянства Стурдза, исправникъ и проч., кои насъ сопровождали досюда. Почты тутъ походятъ на Чухонскія; упряжъ изъ снурочковъ, хомутовъ и возжей нѣтъ, а лошадей Молдаване запрягаютъ въ коляску по 13 штукъ и гонятъ ихъ, сидя верхомъ, пресмѣшными понукиваніями, какъ стадо собакъ; глядя издали подумаешь, что бѣжитъ съ поля табунъ дрянныхъ лошаденокъ. Канавы кое-гдѣ рыты, но дороги не сравнены и не представляютъ слѣдовъ устройства. Кишиневъ городишко растянутый и преподлый; всюду убогія полуобвалившіяся Молдаванскія хатки, всюду заборы изъ хворосту криво и безобразно сплетенные; однимъ словомъ, это большое село, не имѣющее ни хорошихъ домовъ, кромѣ 8 или 10 въ разныхъ углахъ, ни правильныхъ улицъ, ни хорошихъ церквей. Русская церковь одна, и Католическая бѣдная одна же. Судебныя мѣста отъ исправничества (Земскій Судъ), до Верховнаго Совѣта помѣщаются въ наемныхъ избахъ. Окрестности состоятъ изъ гористой голой степи, городъ же расположенъ надъ рѣкою *Быкомъ* во впадинѣ. Недавно только начали по горамъ разводить около города виноградники. Намъ квартира отведена здѣсь въ лучшемъ домѣ помѣщика Варѳоломея. Домъ каменный, расписанъ живописью и хорошо меблированъ.

Не могу вамъ описать всѣхъ тѣхъ мерзостей и безпорядковъ, которые тутъ мы нашли по всѣмъ частямъ. Законы въ бездѣйствіи; финансы въ запустѣніи и безсчетности; народъ въ угнетеніи; полиція и страсти деспотствуютъ; варварство на каждомъ шагу. И никто о томъ ничего не знаетъ, а кто знаетъ, не внемлетъ. Это варварская еще сторона, гдѣ людей душатъ безвинно въ тюрьмахъ, гра-

бятъ, бьютъ и жгутъ. Вотъ уже мы здѣсь 9-й день, и не прошло ни одного, чтобы сотни просителей съ жалобами не наполняли графскую квартиру. Только и дѣла, что по симъ просьбамъ дѣлаешь расправу. На мою долю приходятся жалобы на полицію и секретныя бумаги; Бруновъ управляется по просьбамъ на судебныя мѣста по юстиціи, а Марини вѣдаетъ вышедшихъ изъ-за Прута народовъ и частныя пособія. Я привелъ въ трепетъ всю здѣшнюю полицію. Много разсказывать всѣ происходящія отъ нея злоупотребленія и мерзости. Немногіе достойны простого отрѣшенія, но очень многіе подпадутъ суду. Губернаторъ Катакази человѣкъ хорошій, но несвѣдущій въ своей должности и слабый въ дѣйствіяхъ. Вице-губернаторъ Крупенскій самая бойкая особа; за то у него домъ — палаты; живетъ поцарски и ворочаетъ всѣми дѣлами въ области; а финансы—увы! ни вѣрнаго счета людей податныхъ, ни денегъ, ни порядка свойственнаго нѣтъ; деньгами казенными сорятъ безъ назначеній законныхъ и надобности. Инзовъ самый плохой старикъ, ибо никогда не далъ себѣ труда вникнуть въ явныя происшествія, только что велъ обыкновенныя бумаги. Многіе тутъ достойны чернаго пера; подлинно, исторія. Однимъ словомъ, край сей должно вновь создать, и если бы Богъ послалъ графу благородныхъ и дѣятельныхъ людей, то земля сія, сама по себѣ благодатная, обратилась бы въ рай. Теперь мы только доходимъ до всего повѣрнѣе, а послѣ станемъ расплачиваться, кому что̀ прійдется.

Изъ Одессы, отъ 10 Августа 1823.

Пребываніе свое въ Кишиневѣ мы кончили тѣмъ, что всю старую полицію отрѣшили, поставили новаго полицеймейстера, частныхъ и квартальныхъ, и нарядили особенную комиссія для изслѣдованія строго всѣхъ тамошнихъ насилій и злоупотребленій. Сверхъ того, графъ далъ Верховному Совѣту предложеніе самое сильное, гдѣ рекомендовалъ обратить неуклонное вниманіе на предметы управленія (въ предложеніи указанные) и принять строгія мѣры на исправленіе запущеній. Предложеніе сіе очень любопытно.

Его сіятельство на разсвѣтѣ 8 числа оставилъ Кишиневъ и одинъ съ адъютантомъ поѣхалъ посмотрѣть крѣпости Измаилъ, Килію и Аккерманъ, откуда прибудетъ сюда завтра. Я же оставался въ Кишиневѣ для окончанія нужнаго по бумагамъ и чрезъ сутки послѣ графа, т. е. вчера на разсвѣтѣ, съ Бессарабіею распрощался.

Изъ Одессы, 14 Августа 1823.

Теперь я какъ будто немножко поглядываю на свѣтъ, ибо всѣ части нашей канцеляріи сюда съѣхались, и отправленіе дѣлъ раздѣляется по рукамъ. Слѣдовательно и мнѣ озабоченности убавилось.

Сверхъ того я надѣюсь отдохнуть тутъ на мѣстѣ; ибо въ предстоящей поѣздкѣ въ Крымъ Левшинъ при графѣ меня замѣнитъ. Меня же его сіятельство оставляетъ для Александра Ивановича*), чтобы вмѣстѣ съ нимъ, къ возвращенію графа, заняться новымъ образованіемъ нашей канцеляріи и составленіемъ общаго штата. Для сего нужно будетъ привести въ извѣстность: *во-первыхъ*, всѣ предметы дѣлъ и ихъ количество, чтобы опредѣлить съ точностію, сколько къ чему нужно людей, т. е. производителей и писцовъ; *во-вторыхъ*, число всѣхъ наличныхъ здѣшнихъ чиновниковъ и ихъ способности, кто чѣмъ можетъ заниматься; и *въ третьихъ*, всѣ окладныя суммы, чтобы знать, будетъ ли изъ чего и сколько назначить жалованья тѣмъ, кто онаго еще не имѣетъ. Работы около сего будетъ довольно, кромѣ теченія дѣлъ по управленію. Сверхъ того и наружное устройство необходимо; ибо теперь кромѣ ветхихъ архивныхъ шкафовъ ничего нѣтъ для канцеляріи, ни столовъ, ни стульевъ, ни чернильницъ и проч. и проч. Статья сія послѣдняя, а особливо когда канцелярскихъ суммъ вовсе никакихъ нѣтъ, и даже долгъ есть тысячи на двѣ въ разныя лавочки за заборъ канцелярскихъ матеріаловъ. Не знаю, откуда графъ возметъ на первый разъ денегъ. Необходимо прійдется просить изъ казны, какъ на единовременныя издержки, такъ и на жалованье новымъ чиновникамъ, ибо прежніе штатные оклады всѣ распредѣлены по прочимъ чиновникамъ. Здѣсь теперь пріѣзжіе изъ Петербурга вотъ кто: кол. сов. Вигель, Левшинъ, Тумапскій, Заваліевскій, я, Марини, Бруновъ, Казначеевъ, да еще человѣка два ожидаются.

Графу нанятъ славнѣйшій въ городѣ домъ Фондуклея, двухъэтажный. Уже мнѣ его сіятельство показывалъ въ первомъ этажѣ три большія комнаты, изъ коихъ одна назначается собственно для меня, а двѣ для канцеляріи по моей части. На рукахъ у меня теперь остаются секретныя дѣла и бумаги объ опредѣленіи просящихся къ должностямъ; также приватныя бумаги его сіятельства. Завтра графъ перебирается въ Фондуклеевъ домъ, донынѣ же оставался въ бывшемъ градоначальничьемъ домѣ, который отдается для Казначеевыхъ. Въ немъ, въ верхнемъ этажѣ, комнатъ 10 хорошо отдѣланныхъ и меблированныхъ; а нижній этажъ подъ канцелярію. У самаго же дому городской публичный садъ, что̀ очень пріятно. Я покамѣстъ присталъ въ собственномъ его сіятельства домѣ надъ моремъ. Отсюда величественный видъ.

Изъ Одессы, 21 Августа 1823.

Отъ 14 числа я предварилъ васъ, что моимъ разъѣздамъ готовился растахъ; точно такъ и случилось. Его сіятельство 17 числа отправился

*) Казначеева, который былъ сподвижникомъ графа Воронцова во время войнъ 1812—1814 годовъ (онъ, подъ диктовку Кутузова, писалъ на барабанѣ донесеніе Государю о Бородинскомъ сраженіи). П. Б.

въ Крымъ сухопутью, взявши съ собою г. Левшина. Мнѣ же поручилъ тутъ позаняться начертаніемъ плана для канцеляріи, какъ мы лучше придумаемъ съ Александромъ Ивановичемъ. Съ нимъ мы ежедневно работаемъ вмѣстѣ, классируя на будущее время предметы дѣлъ по системѣ частей нашего управленія. Предполагается учредить пять отдѣленій, съ раздѣленіемъ на столы и съ прибавкою особо частей казначейской, архивной, экзекуторской и журнальной. Не знаемъ, какъ графъ апробуетъ, ибо вѣроятно потребуется прибавка къ штатнымъ суммамъ, коихъ нынѣ положено по канцеляріи Новороссійскаго края около 13 т. ассигн., да по Бессарабіи 5.200 руб. сер. Всѣ сіи деньги нынѣ распредѣлены между старыми чиновниками, а намъ покамѣстъ ничего нѣтъ. Мнѣ предназначаютъ отдѣленіе и частную его сіятельства переписку. Чтò до моего жилища, то оно выгодно и пріятно тѣмъ, что въ домѣ графа близъ его кабинета отводится. Другая комната возлѣ моей хотя мнѣ же назначается, но въ ней графъ желаетъ имѣть дежурную комнату подъ моимъ вѣдѣніемъ, гдѣ два-три человѣка писцовъ могли бы быть безотлучно, какъ для похватной переписки, такъ и для печатанія пакетовъ. Графъ обѣщалъ возвратиться сюда въ началѣ Сентября. Къ тому времени и графиня съ матушкою подоспѣетъ. Сюда пріѣхалъ 16 числа графъ Ланжеронъ, а 17 нашъ графъ всѣхъ насъ возилъ къ нему въ мундирахъ. Ланжеронъ и теперь здѣсь.

Изъ Одессы, 7 Сентября 1823.

Поспѣшаю увѣдомить васъ о благополучномъ прибытіи сюда нашей графини. Вчера къ позднему обѣду ея сіятельство сюда пожаловала, и всѣ мы вмѣстѣ кушали въ собственномъ графскомъ домѣ у моря. Въ домѣ же, нанятомъ отъ города, гдѣ графъ всегда будетъ жить, многое еще неготово, и надобно недѣли двѣ времени, чтобы хорошенько учредиться. Графиня между тѣмъ будетъ жить на дачѣ г. Рено, которая нанята на мѣсяцъ и которая весьма красива. Всѣ дачи здѣсь иного названія не имѣютъ какъ хуторъ. Всѣ говорятъ: я живу на хуторѣ. Маленькая графиня весьма въ добромъ здоровьѣ. Сюда начинаютъ приходить корабли. Вчера пустая рейда вдругъ уставилась 20 кораблями. Всѣ сѣтуютъ, что малый сбытъ пшеницы за море. Графъ для себя купилъ 50 саженей дровъ, кои стоютъ 3.000 руб.; правда, хорошіе трехполѣнные, да распилка стоитъ по 10 руб. отъ сажени. Теперь же дрова продаются 75, а къ зимѣ и до 100 р. дойдетъ.

Такъ началъ М. С. Воронцовъ гражданскую свою дѣятельность, которая продолжалась слишкомъ четверть вѣка. Покойный Государь Александръ Александровичъ изволилъ отозваться о ней пишущему эти строки: „Въ Крыму и на Кавказѣ, куда ни оглянись, свѣжа память Воронцова“. П. Б.

ЗАГРОБНЫЯ ЗАПИСКИ КНЯЗЯ НИКОЛАЯ СЕРГѢЕВИЧА ГОЛИЦЫНА.

Изъ сказаній дяди его, князя Александра Николаевича *).

Дѣйствительный тайный совѣтникъ перваго класса, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ родился въ Москвѣ, 8-го Декабря 1773 года. Родитель его, князь Николай Сергѣевичъ, испытавшій гоненія въ тяжкіе годы властвованія Бирона, принужденъ былъ рано оставить службу. Обстоятельства не допустили его исполнить своего назначенія; но судьба готовила ему иной подвигъ, который ставилъ его, быть можетъ, выше того, къ чему имѣлъ онъ призваніе по своимъ правамъ. Настали времена лучшія для Россіи, и временщикъ, забытый прежними своими искателями, удаленный въ Ярославль, въ одномъ гостепріимствѣ князя Голицына находилъ себѣ отраду и утѣшеніе. «Добродѣтель безъ свидѣтелей, кромѣ Одного въ небесахъ, а другого въ нашей груди, подъ спудомъ—не есть ли добродѣтель?» сказалъ одинъ отечественный писатель. Такъ, неизвѣстный на сценѣ политической, князь Николай Сергѣевичъ остался лишь въ памяти семейнаго преданія, уцѣлѣвшаго въ сыновнемъ сердцѣ князя Александра Николаевича, въ замѣну того, кого опредѣлено ему было судьбою не знать: колыбель сына стала рядомъ съ гробомъ отца.

Старецъ, на болѣзненномъ одрѣ завѣщая сыну добродѣтель, въ торжественныя минуты перехода въ вѣчность, благословилъ его тѣмъ животворящимъ крестомъ, который такъ чудно получилъ его предокъ отъ царицы Наталіи Кириловны. Онъ былъ потомкомъ князя Бориса Алексѣевича Голицына и княгини Маріи Ѳедоровны (послѣдней изъ рода Хворостининыхъ), сановника, незабвеннаго въ признательной памяти Русскихъ за избавленіе Петра Великаго отъ убійственной руки мятежныхъ стрѣльцовъ, готовившихся похитить священный залогъ надеждъ и ожиданій соотечественниковъ въ лицѣ ввѣреннаго ему царственнаго младенца. Князь Борисъ Алексѣевичъ первый прискакалъ съ

---

*) Подлинная рукопись, съ этимъ заглавіемъ, сообщена въ „Русскій Архивъ" дочерью писавшаго, Екатериною Николаевною Муромцовою. П. Б.

роковою вѣстью о заговорѣ. Царица, испытавшая столько превратностей, уже недовѣрчивая къ самымъ дѣйствіямъ, внушеннымъ добродѣтелью, вводитъ его въ молитвенную и, снявъ крестъ съ мощами, заставляетъ присягнуть въ истинѣ показанія, прибавивъ, что если и онъ говоритъ неправду, то пусть этотъ крестъ покараетъ злонамѣреннаго; если жъ вѣсть справедлива, то пусть будетъ онъ благословеніемъ ему и всему его роду. Сказавъ это, царица вручила ему крестъ, который, какъ таинственный символъ искупленія, осѣнилъ въ святомъ дѣлѣ предка, укрѣпилъ въ злополучіяхъ отца и былъ щитомъ вѣры сыну во все долголѣтнее прохожденіе по той трудной стезѣ служебной, на которой князь Александръ Николаевичъ умѣлъ соединять добродѣтели политическія съ добродѣтелями частнаго человѣка.

До тринадцатилѣтняго возраста онъ пользовался домашнимъ воспитаніемъ. Дошедшее до насъ обыкновеніе западныхъ народовъ требовало, чтобы дѣтей высшаго круга записывали въ военную службу еще младенцами. Служебная линія до того опережала возрастъ, что едва-ли не на рукахъ нянекъ видали полковниковъ, вошедшихъ въ пословицу: «colonels à la bavette». Слѣдуя за общимъ потокомъ, князя Голицына записали въ Преображенскій полкъ сержантомъ; но уготованное поприще и собственныя склонности ставили непреоборимую преграду желанному успѣху, который опредѣлялся тогда однимъ лишь быстрымъ достиженіемъ чиновъ.

Другая несообразность являлась и на пути образованія юношества; но прежде нежели упомянемъ объ ощутительномъ недостаткѣ, какой представляли у насъ средства, вспомнимъ, что свѣтъ его нигдѣ еще не былъ столь общимъ, чтобы по возможности уравнять степень просвѣщенія между разными сословіями.

Видѣли схоластику, мертвящую способности при начальномъ ихъ развитіи. Частность въ сторону. Если между подвижниками Сорбонны или другими поборниками науки, укажутъ на имена, заслужившія извѣстность, то и мы можемъ назвать: *Безбородко*, *Завадовскихъ*, *Трощинскихъ*, *Сперанскихъ* и тѣхъ немногихъ, которые въ счастливомъ сліяніи науки съ природными дарованіями вполнѣ оправдали свое призваніе. Съ другой стороны, слишкомъ поверхностное образованіе юношества высшаго круга въ западной Европѣ ставило двѣ разительныя противоположности въ эпоху, въ которую внѣшность замѣняла все существенное. Примѣры блестящихъ формъ свѣта влекли нашу молодежь за границу и, наконецъ, время, въ видѣ неумолимаго обличителя, застало тогда новое поколѣніе неподвижнымъ на той точкѣ, на которой приго-

товительное образованіе только испытываетъ силы, безъ примѣненія къ требованіямъ жизни, при умѣ, не привыкшемъ дѣйствовать. Но вырваться изъ этой сферы и стать выше господствующаго духа—такое усиліе было назначено въ удѣлъ князю Голицыну.

При всѣхъ описанныхъ здѣсь неудобствахъ и ограниченіи средствъ, онъ оказывалъ достаточные успѣхи въ ученіи. За всѣмъ тѣмъ, болѣе или менѣе разнообразные предметы, служащіе въ начальномъ преподаваніи къ проявленію первыхъ склонностей и первому развитію вкуса при самомъ дѣтскомъ возрастѣ, оставили въ немъ любовь къ языкамъ и словеснымъ наукамъ, предпочтительную предъ математическими. Онъ зналъ хорошо Итальянскій и Французскій языки; исторія была любимѣйшимъ его предметомъ. Раскрывая познанія о человѣкѣ, она заранѣе знакомитъ съ тѣмъ опытомъ, который усиливаетъ въ насъ время. Неразлучно съ природными дарованіями князя Голицына, изученіе дѣяній человѣческихъ образовало въ немъ этотъ свѣтлый умъ и эту отчетливость въ сужденіяхъ, столь счастливо оправданные впослѣдствіи. Онъ любилъ чтеніе и разсказы про старину, разсказы, въ которыхъ эклектическій взглядъ опыта умѣлъ найти одну занимательную достопамятность, не раздѣляя внушеній односторонности и пристрастія. Между тѣмъ сближалось время разлуки съ кровомъ родительскимъ; десяти лѣтъ онъ былъ записанъ въ пажи; нечувствительно насталъ этотъ часъ, и князь тринадцати лѣтъ былъ отпущенъ къ своему назначенію въ Петербургъ, сопровожденный родственникомъ, княземъ Барятинскимъ, и рекомендательными письмами, всегда ничтожными безъ собственнаго подвига.

Блескъ двора, утонченность вкуса, любезность, умъ и посреди этого Царица Сѣвера, окруженная лаврами побѣдъ и въ непомеркающемъ вѣнцѣ законодательницы—вотъ первыя неизгладимыя впечатлѣнія, произведенныя съ отроческихъ лѣтъ на князя Голицына; но наступилъ 1787 годъ, и, оставшись одинъ, безъ сердечной, назидательной опоры, онъ готовился испытать собственныя силы въ самобытныхъ дѣйствіяхъ, осѣняемый издалека молитвою нѣжной матери, этимъ невидимымъ, но истиннымъ присутствіемъ ангела-хранителя. Предъ нимъ уже стояла таинственная урна и въ ней жребій еще неизвѣстный. Здѣсь мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи изобразить въ краткомъ очеркѣ любопытную эпоху, почерпнутую изъ разсказовъ князя, и должны прервать на время главную нить повѣствованія.

Въ началѣ Января наступившаго года, Екатерина, въ виду завистливой Европы, предприняла достопамятное путешествіе для обозрѣнія

недавно пріобрѣтеннаго и уже пересозданнаго Новороссійскаго края. Все избранное общество столицы и послы первѣйшихъ дворовъ составляли блестящую свиту высокой путешественницы. Вездѣ непринужденная радость и довольство сопровождали Екатерину. Въ Мстиславлѣ архіепископъ Георгій Конисскій привѣтствуетъ ее рѣчью, которая, по счастливымъ уподобленіямъ, дошла до нашего времени. Далѣе ожидаетъ ее король Станиславъ; тамъ спѣшитъ навстрѣчу Іосифъ II, незадолго враждовавшій и примиренный величіемъ и славою Царицы Сѣвера. Съ императоромъ продолжаетъ она путь, и вмѣстѣ осматриваютъ край, прославившій имена: Таврическаго, Крымскаго, Задунайскаго, Рымникскаго. Въ мѣстахъ, гдѣ еще давно ли раздавались громы войны, шумъ пировъ и веселій смѣнялъ то, что̀ оцѣпеняла побѣда. Плаваніе по Днѣпру, раззолоченныя галеры представляли взору что-то живописно-величавое. Но здѣсь другъ человѣчества, вспоминая о быломъ, подивится блеску и пышности двора, которые окружали Екатерину, и съ благоговѣніемъ перенесется къ одному происшествію, бывшему въ это плаваніе. Была ночь. Неосмотрительностью вахтеннаго офицера императорская яхта столкнулась съ однимъ изъ рѣчныхъ судовъ. Ударъ былъ такъ силенъ, что камеръ-юнгфера Марія Савишна Перекусихина, которая находилась за загородкой, пробужденная испугомъ, спрашиваетъ у Императрицы, не прикажетъ ли она узнать, что̀ случилось? Екатерина запрещаетъ всякое изслѣдованіе, давъ замѣтить, что офицеръ неминуемо и безъ этого перепуганъ, что каждый посланный отъ ея имени только можетъ довершить его отчаяніе. Скоро убѣдились, что слова, внушенныя столь глубокимъ знаніемъ сердца человѣческаго, горестно сбылись надъ офицеромъ. Ему грозятъ, обѣщаютъ исполненіе всей строгости закона. Наконецъ, настало утро. Императрицѣ доносятъ все, какъ было. Офицеръ, осыпанный угрозами, въ смущеніи, въ страхѣ бросился съ борта и погибъ въ волнахъ Днѣпровскихъ. Тронутая судьбою несчастнаго, Императрица повелѣваетъ командовавшему флотиліею отправиться въ тоже утро за границу, съ подтвержденіемъ не возвращаться въ Россію безъ особеннаго разрѣшенія. Сколько подобныхъ разсказовъ, переданныхъ княземъ, бывшимъ попеременно то слушателемъ, то очевидцемъ всего совершавшагося!

Въ Іюлѣ дворъ прибылъ въ Царское Село, и все попрежнему закипѣло жизнію: снова князь Голицынъ увидѣлъ тѣнистые боскеты, Царскосельскіе парки и сады съ великолѣпнымъ дворцомъ, возвышающимся надъ вѣковою зеленью, и стройную колоннаду Камеронову, живописно повторенную въ свѣтломъ зеркалѣ прудовъ, едва струимыхъ плаваніемъ величавыхъ лебедей. Вѣрный первымъ впечатлѣніямъ, онъ

сохранилъ до преклонныхъ лѣтъ любовь къ мѣстамъ, гдѣ неслись дни счастливой юности, къ мѣстамъ, столь полнымъ имени Екатерины и воспоминаній, драгоцѣнныхъ каждому Русскому. Тамъ въ Сѣверномъ Пантеонѣ, посвященномъ безсмертію, Суворовъ, прибывъ изъ Польскаго похода, предсталъ Государынѣ, сидѣвшей въ колоннадѣ. Увидя свое изображеніе въ рядахъ изваянныхъ великихъ мужей, онъ воскликнулъ: «Помилуй Богъ! Мнѣ будетъ холодно, я совсѣмъ озябну!»—«Есть мѣсто, гдѣ мы васъ согрѣемъ», отвѣчаетъ Императрица, и указываетъ на свое сердце. Дворъ Версальскій изумлялъ нѣкогда однимъ величіемъ и блескомъ этикета; но Русскимъ людямъ памятны раннія прогулки, гдѣ высокая обитательница, сбросивъ величіе, никѣмъ неузнанная, одна, въ сопровожденіи любимой собачки, съ тростью въ рукѣ, свободно выслушивала несчастнаго, который, не найдя правды, всегда находилъ ее въ душѣ Монархини. Послѣ того поразятъ ли насъ неожиданностью слова Екатерины Іосифу II-му, который, замѣтивъ здѣсь мало постовъ съ часовыми, не могъ скрыть отъ нея своего удивленія. «Меня охраняетъ цѣлая Россія», отвѣчала она, «это надежнѣе». Наконецъ, Царское Село обогатилось для князя Голицына еще воспоминаніемъ и того радостнаго для Русскихъ дня, 25-го Іюня 1796 года, отъ котораго, не съ большимъ черезъ три десятилѣтія, Москва, жертва смертоноснаго повѣтрія, увидѣла Избранника Провидѣнія, поспѣшившаго дѣлить неотразимыя опасности древней столицы.

Отъ живописныхъ садовъ Царскаго Села перенесемъ воспоминанія на эрмитажные вечера, гдѣ непринужденная любезность избраннаго общества замѣняла отсутствіе этикета, или, передъ выходомъ къ блестящему собранію двора, на собственную уборную, гдѣ, во время убиранія головы, Екатерина бывала окружена царственными внуками, сановниками и роемъ дежурныхъ пажей, среди которыхъ князь Голицынъ бывалъ очевиднымъ свидѣтелемъ разнообразныхъ и занимательныхъ разговоровъ. Но туалетъ конченъ. Императрица надѣвала перчатки, и все готовилось принять другой видъ. Веселость и привѣтъ, за минуту одушевлявшіе общество, почти мгновенно уступали мѣсто изумлявшему величію; двери внутреннихъ покоевъ растворялись, и являлась во всемъ блескѣ своемъ повелительница милліоновъ.

Незамѣтно прошли для него четыре года въ Пажескомъ корпусѣ. Пожалованный въ камеръ-пажи, онъ былъ свидѣтелемъ праздника, даннаго Потемкинымъ въ Таврическомъ дворцѣ, 28-го Апрѣля 1791 года. Все, что̀ роскошь имѣетъ изобрѣтательнаго, что̀ въ искусствахъ есть изящнаго, было истощено великолѣпнымъ княземъ Тавриды къ принятію Императрицы. Пресыщенный любимецъ счастія, будто предчувствуя

скорый конецъ, хотѣлъ насладиться послѣдними днями жизни, чтобы въ томъ же году окончить свое поприще, какъ простому воину, на плащѣ, разостланномъ среди Бессарабской степи—конецъ, поучительный для великихъ земли, заключающій связь съ тѣми разнородными началами, которыя соединялись въ нравственномъ составѣ необыкновеннаго человѣка. Исчислимъ главнѣйшія черты, собранныя княземъ Голицынымъ, еще новымъ зрителемъ жизни, въ кругу сверстниковъ, увлеченныхъ окружавшимъ ихъ блескомъ и громомъ Сартіевой музыки. Потомство привыкло воображать Потемкина лѣнивымъ сибаритомъ; но вспомнимъ о великихъ планахъ современной политики, требовавшихъ необыкновенной дѣятельности и увидимъ, что судьба послала въ немъ исполнителя высокихъ предначертаній. Не рожденный съ воинскими дарованіями, и побѣдитель на Югѣ, облеченный всею властію внутренняго управленія, и не сдѣлавшій никого несчастнымъ: истина утѣшительная, часто заглушенная слишкомъ одностороннимъ сужденіемъ. Искусное перо изобразитъ нѣкогда полную картину минувшей эпохи вмѣстѣ съ данными Потемкинымъ торжествами, которыхъ великолѣпіе, изумлявшее иностранцевъ, равнялось изобрѣтательности, гдѣ нерѣдко землянка превращалась въ чертоги и степи убирались садами, какъ по мановенію волшебнаго прута. Кстати сообщить здѣсь разсказанный княземъ случай, изъ котораго увидимъ, что эта любовь ко всему необыкновенному отражалась на малѣйшія его дѣйствія. Племянница Потемкина, графиня Браницкая, однажды изъявила желаніе лично удостовѣриться, какой долженъ произвести видъ брилліантовый цвѣтокъ (boule de neige). На другой день цвѣтокъ сдѣланъ; онъ уже въ рукахъ графини, которая, достаточно налюбовавшись, едва успѣла возвратить его Потемкину, какъ видитъ отъ цвѣтка одни обломки. Показавши, онъ тутъ же изломалъ его.

Князь Голицынъ былъ выпущенъ (1794) поручикомъ въ Преображенскій полкъ; но, не чувствуя въ себѣ призванія къ военной службѣ, просился къ статскимъ дѣламъ и вскорѣ былъ пожалованъ камеръюнкеромъ, съ назначеніемъ ко двору великаго князя Александра Павловича.

Густая туча бѣдствій народныхъ уже давно носилась надъ Западомъ. Ужасы крамолъ и междоусобій раздирали падающую монархію, и князю Голицыну представилось невиданное дотолѣ зрѣлище: настала великая эмиграція. Сѣверная столица сдѣлалась убѣжищемъ для лишенныхъ отечества изгнанниковъ, которыми наполнился высшій кругъ общества. Многіе изъ нихъ, въ полномъ сознаніи благодарности къ благодѣяніямъ нашего правительства, принесли Россіи въ жертву долго-

лѣтнюю службу подъ ея знаменами. Таковы были въ числѣ другихъ Ламбертъ, Ланжеронъ, Сенъ-При и, наконецъ, графъ Фронсакъ, извѣстный впослѣдствіи подъ именемъ герцога Ришелье, который долгое пребываніе свое въ Новороссійскомъ краѣ ознаменовалъ учрежденіемъ на собственное иждивеніе лицея въ Одессѣ. Князь Голицынъ, еще пажемъ, имѣлъ случай нѣсколько разъ дежурить при графѣ д'Артуа, прибывшемъ для свиданія съ Императрицей. Послѣднее десятилѣтіе царствованія Екатерины, которое засталъ онъ въ молодыхъ лѣтахъ, близилось къ концу своему, какъ прекрасный вечеръ, блестя предъ закатомъ и отражаясь великодушнымъ соболѣзнованіемъ къ злополучію и Русскимъ гостепріимствомъ.

Князь Александръ Николаевичъ не переставалъ находиться при особѣ Великаго Князя и пользоваться расположеніемъ Ея Величества, которое все болѣе и болѣе усиливало время. Но среди упоенія надеждъ, веселій двора и разсѣяній столицы ему суждено было извѣдать скорбь душевную. Онъ получилъ извѣстіе о внезапной кончинѣ родительницы и лично объяснилъ Государынѣ семейныя обстоятельства, вызывавшія его въ Москву. Въ сердце, подавленное незамѣнимой утратой, запало какое-то неясное, грустное предчувствіе другой скорби, и не обмануло: эта аудіенція была для него послѣднею....

Почитаемъ нелишнимъ сообщить здѣсь замѣчательный случай въ жизни родительницы князя Голицына, имѣющій тѣсную связь съ ожидавшимъ его назначеніемъ.

Въ Москвѣ жилъ нѣкто князь Чегодаевъ, современникъ Каліостра, Казановы и многихъ другихъ, наполнявшихъ Европу въ половинѣ XVIII вѣка, весьма знакомый съ домомъ Александра Васильевича Хитрово. Въ одинъ вечеръ, дѣлая разныя предсказанія, вдругъ онъ вызывается на гороскопъ дочери хозяина. Проходитъ часъ и болѣе въ таинственныхъ вычисленіяхъ; наконецъ, онъ объявляетъ дѣвицѣ, что въ непродолжительномъ времени она выйдетъ замужъ, овдовѣетъ и вступитъ въ бракъ вторично; что оба раза будетъ за вдовцами; что, наконецъ, сама окончитъ жизнь вдовою на шестьдесятъ второмъ году отъ роду, оставивъ отъ перваго брака сына, который будетъ на высокой степени государственнаго сановника. Любопытные толкались вокругъ оракула, на многихъ лицахъ изображалась иронія недовѣрчивости. Замѣтивъ это князь Чегодаевъ разсказалъ свой собственный гороскопъ и сообщилъ, между прочимъ, что его ожидаютъ въ жизни большія несчастія, что даже онъ будетъ сосланъ; но придетъ время, злополучія минуютъ, и его возвратятъ. Предузналъ онъ одно; но кто могъ открыть предъ нимъ другое? Извѣстно лишь то, что онъ скрылся; прошло потомъ много вре-

мени, и стали встрѣчать его въ гостиныхъ Московскихъ; никто не зналъ, какимъ чудомъ возвратился онъ изъ ссылки; она осталась загадкою вмѣстѣ съ его предсказаніями; всѣ дивились его новому появленію въ обществахъ. Наконецъ, увидѣлъ онъ дочь своего знакомаго, Александру Александровну, къ которой относился гороскопъ и узналъ ее; она уже была во второй разъ вдовою послѣ Михаила Алексѣевича Кологривова: окончила потомъ жизнь на шестьдесятъ второмъ году; а въ предсказаніи высокой доли старшему ея сыну увидѣли все сбывшимся надъ тѣмъ, въ память кого предприняли мы наши повѣствованія.

Къ этой эпохѣ принадлежатъ слѣдующіе анекдоты. 1) Говорили о неустрашимомъ поступкѣ Долгорукова въ виду разгнѣваннаго Петра и цѣлаго Сената, и князь Александръ Николаевичъ привелъ въ примѣръ слѣдующій случай, замѣчательный по сходству обстоятельствъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ рѣзко оттѣнявшій характеръ двухъ славныхъ эпохъ. Екатерина, присутствуя въ Сенатѣ, внесла проектъ новаго закона. Послѣ чтенія, сенаторы встали съ мѣстъ для изъявленія благодарности. Въ числѣ ихъ находился графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, и одинъ не всталъ. Государыня, замѣтивъ это, приказала поставить подъ окномъ два кресла, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ присутственнаго стола, и подозвала къ себѣ Панина. Что̀ было говорено, то сокрыто отъ потомства; извѣстно лишь то, что указъ былъ отмѣненъ. Наблюдательный взоръ увидитъ здѣсь, что Монархиня находилась въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ коихъ былъ ея великій предшественникъ: тоже стремленіе къ истинѣ, таже ревность къ добру, но смягченная успѣхами вѣка [1]).

2) Нѣкоторое время имѣла свободный входъ во дворецъ одна бѣдная вдова, по имени Матрена Даниловна [2]). Умѣвъ пользоваться обстоятельствами, она позволяла себѣ иногда пришучивать въ присутствіи Императрицы; но этотъ кругъ показался ей недостаточнымъ. Матрена Даниловна вздумала оставить на время Момусовъ скипетръ и сдѣлаться ходатайницей по одному важному процессу. Екатерина, вмѣсто отвѣта, устремляетъ на новую просительницу свой проницательный взглядъ и строгимъ голосомъ приказываетъ ей сознаться, что̀ получила она за ходатайство по дѣлу. Ноги у старухи подкосились, она падаетъ на колѣна, и признаніе исторгается невольно. Послѣ этого случая Матрена Даниловна говорила: «Отъ нея ничего не утаишь, такъ насквозь и видитъ человѣка!» Съ тѣхъ поръ, однакожъ, ей было запрещено являться во дворецъ.

*

[1]) Про графа П. И. Панина сохранилось преданіе, что въ Сенатѣ онъ не садился, а стаивалъ обыкновенно у стѣны, и по возвращеніи его домой спина его бывала въ мѣлу. П. Б.

[2]) См. Дневникъ Храповицкаго, изд. „Русскаго Архива“, стр. 147 и 202. П. Б.

Роковая вѣсть о кончинѣ Екатерины II застала князя Александра Николаевича Голицына въ Москвѣ. Если сообразить впечатлѣніе, произведенное горестнымъ событіемъ на цѣлые ряды поколѣній людей, и клонившихся къ закату дней, и возросшихъ подъ сѣнью долголѣтняго царствованія, то понятно будетъ состояніе души князя Голицына, для котораго память о минувшемъ сроднилась съ первыми впечатлѣніями юности. Онъ поспѣшилъ въ Петербургъ. Тамъ представилась еще новая для него картина непостоянства всего того, на чемъ люди нерѣдко мечтаютъ основывать незыблемое въ одномъ воображеніи счастіе. Многіе изъ нихъ, еще давно ли недоступные любимцы фортуны, тутъ мелькали передъ нимъ съ поникшимъ взоромъ и уступали дорогу новымъ совмѣстникамъ, упоеннымъ надеждою и ожиданіями улыбавшейся имъ будущности. Между тѣмъ всѣ взоры обращены были на неизбѣжныя при наставшей эпохѣ преобразованія военной тактики, дряхлѣвшей со временъ Принца Евгенія и Фридриха Великаго, на усиленіе войскъ, чтобы дѣятельнымъ посредствомъ принять участіе въ правомъ дѣлѣ потрясенной Европы. Въ это время рыцари Ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго обратились къ покровительству императора Павла. Принявъ званіе великаго магистра ордена, онъ сопричислилъ къ нему многихъ кавалеровъ. Князь Голицынъ получилъ тогда командорскій крестъ.

Мы упомянули выше объ измѣнчивомъ обольщеніи честолюбивыхъ видовъ, столь часто остановленныхъ въ самомъ началѣ тою посредственностію, которая никогда не прощаетъ превосходству, готовому возвыситься надъ толпою. Тоже самое долженъ былъ испытать князь Голицынъ. Благосклонность къ нему Наслѣдника, способности, сулившія успѣхи по службѣ бывшему двадцати только трехъ лѣтъ уже дѣйствительнымъ камергеромъ, все возбудило зависть; ея козни достигли, наконецъ, до своей цѣли. Оклеветанный во мнѣніи Государя, онъ сошелъ съ блестящаго пути благороднаго честолюбія и оставилъ мѣсто, гдѣ притомъ узналъ мученія той безнадежной любви, которой заплатилъ первую въ жизни дань неопытнаго сердца. Оно указывало ему на дѣвицу, блиставшую умомъ и красотой; но отрадная взаимность не отозвалась на призывъ сердечный. Умалчивая, «кто она», скажемъ только, что всему было предпочтено богатство.

Въ бездѣйственности князь Голицынъ жилъ въ Москвѣ и, принимая мало участія въ разсѣяніи столицы, услаждалъ уединенную жизнь постоянною перепискою съ Великимъ Княземъ, а среди равнодушныхъ къ себѣ людей, ограничилъ себя тѣснымъ кругомъ немногихъ друзей.

Въ числѣ ихъ былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ Русскихъ своего времени, графъ Бутурлинъ, котораго библіотека долго была укра-

шеніемъ Москвы, извѣстная всѣмъ любителямъ словесности и погибшая въ общемъ пожарѣ древней столицы вмѣстѣ съ драгоцѣннымъ собраніемъ картинъ. Всѣ лучшія и самыя рѣдкія изданія, начиная съ XV вѣка до 1812 года, собранныя съ величайшимъ тщаніемъ и большими трудами, составили болѣе 40,000 томовъ [1]. Князь Александръ Николаевичъ зналъ одну, замѣчательную по своей оригинальности, черту изъ жизни графа Бутурлина. Въ молодыхъ лѣтахъ имѣлъ графъ страсть къ путешествію; но тогдашнія политическія отношенія Европы не дали осуществиться любимой мечтѣ, и онъ находитъ другое средство: любовь къ чтенію обращена вся на постоянное изученіе путешествій. Одаренному счастливою памятью, въ непродолжительномъ времени ему становятся извѣстны не только всѣ историческіе памятники, но и малѣйшія подробности о первыхъ столицахъ и важнѣйшихъ городахъ Европейскихъ. Дмитрій Александровичъ Гурьевъ, бывшій впослѣдствіи графомъ и министромъ финансовъ, Дмитрій Ивановичъ Киселевъ [2], князь Егоръ Алексѣевичъ Голицынъ, соединявшій прекрасную наружность съ игривостью прекраснаго ума и любезностью, о которой передала воспоминаніе герцогиня д'Абрантесъ въ своихъ Запискахъ, только-что прибывшій тогда изъ чужихъ краевъ князь Иванъ Ивановичъ Барятинскій и нѣкоторые вельможи-старцы, которыхъ князь Александръ Николаевичъ засталъ уже сошедшими съ долголѣтняго поприща и доживавшими послѣдніе годы тихой жизни среди общаго уваженія.

Между тѣмъ общество того времени составилось изъ людей столь противоположныхъ эпохъ, что въ столкновеніи съ новымъ взглядомъ на вещи изощряло врожденный юморъ въ молодыхъ людяхъ, проникнутыхъ необходимостью новыхъ требованій вѣка. Передъ ними смѣшались въ одну толпу даже нѣкоторые сверстники, добровольно ставшіе на неподвижной точкѣ понятій вмѣстѣ съ поборниками старины, передъ которыми столь многое пронеслось мимо, какъ предъ развалиной древняго Мемнона. Одаренный умомъ сатирическимъ, князь Голицынъ иногда увлекался порывами той веселости, которую возбуждали предметы; но всѣ, знавшіе его прежде и послѣ, подтвердятъ, что, подмѣчая въ людяхъ однѣ странности, никогда онъ не касался того, что̀ каждый благомыслящій человѣкъ почитаетъ въ подобномъ себѣ за святыню. Ему случилось видѣть на Московскомъ балѣ, какъ одна дама, не сообразуясь съ скоростью музыки, не измѣняла своей плавной походки въ проме-

[1]) Полный каталогъ этой библіотеки изданъ въ Парижѣ 1806 году.

[2]) Отецъ посла нашего въ Парижѣ, первоначальнаго министра государственныхъ имуществъ, генералъ-адъютанта Павла Дмитріевича Киселева.

надѣ экосеза. Кавалеръ, танцовавшій съ нею, напомнилъ ей о тактѣ. Дама, сохраняя весь типъ неподвижной важности, отвѣчаетъ: «Къ чему спѣшить?» Но всего чаще въ дружескихъ бесѣдахъ воспоминаніе о минувшемъ, воскрешало все, чѣмъ богаты впечатлѣнія юности.

Говорили о новыхъ подвигахъ Суворова, которые были тогда современными новостями, какъ исторгалъ онъ у славы побѣду, о наградахъ, которыя на него сыпались. Князь Голицынъ разсказывалъ, что однажды Суворовъ былъ приглашенъ къ обѣду во дворецъ. Занятый однимъ разговоромъ, онъ не касался ни одного блюда. Замѣтивъ это, Екатерина спрашиваетъ его о причинѣ.—«Онъ у насъ, Матушка-Государыня, великій постникъ», отвѣчаетъ за Суворова Потемкинъ; «вѣдь сегодня Сочельникъ: онъ до звѣзды ѣсть не будетъ». Императрица, подозвавъ пажа, пошептала ему что-то на ухо; пажъ уходитъ и чрезъ минуту возвращается съ небольшимъ футляромъ, а въ немъ находилась брилліантовая орденская звѣзда, которую Императрица вручила Суворову, прибавя, что теперь уже онъ можетъ раздѣлить съ нею трапезу. Этотъ пажъ былъ князь Александръ Николаевичъ.

Къ той же эпохѣ относится и анекдотъ о Елагинѣ. Елагинъ, Иванъ Перфильевичъ (1725—1796), извѣстный особенно «*Опытомъ повѣствованія о Россіи до 1389 года*», главный придворной музыки и театра директоръ, про котораго Екатерина говорила: «Онъ хорошъ безъ пристрастія», имѣлъ при всѣхъ достоинствахъ слабую сторону: любовь къ прекрасному полу. Въ престарѣлыхъ уже лѣтахъ (разсказывалъ князь), Иванъ Перфильевичъ, посѣтивъ любимую артистку, вздумалъ дѣлать пируэты передъ зеркаломъ и вывихнулъ себѣ ногу, такъ что сталъ прихрамывать. Событіе это было доведено до свѣдѣнія Государыни. Она позволила Елагину пріѣзжать во дворецъ съ тростью и при первой встрѣчѣ съ нимъ не только не объявила, что знаетъ настоящую причину постигшаго его несчастія, но приказала даже ему сидѣть въ ея присутствіи. Елагинъ воспользовался этимъ правомъ, и въ 1795 году, когда покоритель Варшавы имѣлъ торжественный пріемъ во дворцѣ, всѣ стояли, исключая Елагина, желавшаго выказать свое значеніе. Суворовъ бросилъ на него любопытствующій взглядъ, который не ускользнулъ отъ проницательности Императрицы. «Не удивляйтесь», сказала Екатерина II побѣдителю, «что Иванъ Перфильевичъ встрѣчаетъ васъ сидя: онъ раненъ, только не на войнѣ, а у актрисы, дѣлая прыжки!»

Познакомивъ съ тѣми, съ которыми князь былъ въ дружескихъ сношеніяхъ, не можемъ умолчать о знакомствѣ его съ бывшимъ тогда Московскимъ митрополитомъ Платономъ. Ведя въ Петербургѣ жизнь

болѣе внѣшнюю, князь Голицынъ видѣлъ его сквозь то отдаленіе, какое опредѣляется отношеніями званія и различнаго круга дѣйствій. Но въ Москвѣ имѣлъ онъ случай исполнить давнишнее желаніе: узнать ближе нашего Златоуста и слушать его бесѣду. Она убѣдила князя Голицына въ истинѣ отзыва о немъ преемственнаго свѣтильника Церкви, котораго имя составило новую блестящую эпоху въ нашей духовной іерархіи. «Онъ не былъ строгимъ отшельникомъ» сказалъ пастырь, говоря о Платонѣ, «но имѣлъ такія добродѣтели, какихъ теперь нѣтъ: умѣлъ царямъ и вельможамъ говорить правду, съ равными былъ ласковъ и привѣтливъ, съ низшими снисходителенъ».

Нерѣдко въ разговорахъ съ княземъ Голицынымъ старецъ Платонъ припоминалъ время, проведенное имъ въ Петербургѣ, многихъ сановниковъ той эпохи, Потемкина, котораго онъ всегда любилъ и назидательною бесѣдою проливалъ утѣшеніе въ тоскующую душу баловня фортуны, узнавшаго среди упоенія роскоши одну пустоту и суетность всего того, къ чему стремятся люди.

Иногда случалось ему нравственныя убѣжденія истины облекать въ сатирическіе намеки. Князь Александръ Николаевичъ разсказывалъ, что одинъ современный митрополиту вельможа явно завидовалъ похваламъ, воздаваемымъ заслугамъ графа Захара Григорьевича Чернышева. Долго прислушиваясь къ малодушному ропоту, митрополитъ рѣшился, наконецъ, сказать, что «Чернышевы родятся вѣками, а подобныхъ другимъ, какъ, напримѣръ: что̀ Платонъ—то Б**, что̀ Б**—то Платонъ; такихъ видятъ всякій день». Повтореніе своего имени рядомъ съ именемъ негодующаго вельможи, поразившее неожиданностію, усилило иронію и заставило безмолвствовать пристыженнаго завистника.

Но къ лучшимъ впечатлѣніямъ, которыя произвелъ на князя Голицына Преосвященный, принадлежитъ тотъ день общаго торжества коронованія Александрова, когда вдохновенный поборникъ истины, въ духовномъ предчувствіи будущаго, указалъ ему, при видѣ доспѣховъ царскихъ, на «бремя и подвигъ», которыми искуплена была наша слава. Въ эти минуты настоящаго все минувшее, со всею противоположностью эпохъ, слилось для князя Голицына съ предстоявшимъ будущимъ.

*

Приступая къ описанію государственной дѣятельности князя Александра Николаевича, мы должны сказать, что его пребываніе въ Москвѣ, по наружности бездѣйственное, послужило, однакожъ, къ развитію въ немъ со всею дѣятельностію духа идей религіозныхъ. Онъ всегда любилъ чтеніе; но есть въ жизни періодъ, когда и самое любопытство

утомляется. На этой точкѣ не могъ остановиться князь Голицынъ. Пылкая душа жаждала тѣхъ истинъ, которыхъ не обрѣтала. Онъ перешелъ къ чтенію Святого Писанія, и книга, его вмѣщающая, сдѣлалась для него ручною книгою. Это занятіе дало ему средство углубиться въ самого себя. Польза, справедливость, благоденствіе общее, слава отечества, сдѣлались цѣлью его стремленій, и въ этихъ высшихъ началахъ почерпалъ онъ уроки въ дѣйствіяхъ своихъ во все долголѣтнее служеніе. Началомъ гражданскаго поприща князя Голицына было назначеніе его въ Первый Департаментъ Правительствующаго Сената, гдѣ вскорѣ сталъ онъ править дѣлами за оберъ-прокурора графа Строганова. Тутъ новый кругъ открылся передъ нимъ со всею заманчивостью благороднаго сознанія быть нѣкогда полезнымъ, кругъ съ трудностію сопряженный въ началѣ по неопытности въ дѣлахъ. Но чего не преодолѣваетъ трудъ? Постоянныя усиленныя занятія замѣнили опытъ, и въ непродолжительномъ времени ревностные труды и исполненіе дѣлъ, возложенныхъ по должности оберъ-прокурора, стали обращать на него вниманіе Государя. Державинъ за первый отчетъ настойчиво испросилъ ему крестъ Св. Владимира 3-й степени, тогда какъ Государь хотѣлъ дать 4-ю степень. Державинъ возразилъ, что крестъ долженъ показывать значеніе занимаемаго мѣста и убѣдилъ въ пожалованіи 3-й степени.

До тѣхъ поръ одно личное расположеніе Монарха дѣлало его близкимъ къ Его Величеству, но вскорѣ онъ былъ возведенъ въ званіе статсъ-секретаря и оберъ-прокурора Св. Сѵнода, а при этомъ и сближеніе съ Государемъ еще болѣе усилилось офиціальностію положенія.

Еслибы спросили, кто были въ то время знакомые Александра Николаевича, то вопросъ былъ бы довольно затруднителенъ. Кто не знаетъ, кто не ищетъ знать человѣка на такой стезѣ служебной и дворской? При этомъ не можемъ умолчать, что въ толпѣ искателей уже таился глухой ропотъ зависти, созидающей постоянное свое владычество рядомъ съ успѣхами. Но, оставляя завистниковъ, скажемъ, что князь Голицынъ увидѣлъ вновь давнишнихъ знакомыхъ своихъ, съ которыми обстоятельства и отдаленіе разлучали его; къ этому кругу присоединились нѣкоторые знакомые Московскіе, переселившіеся въ Петербургъ. Они были для князя все тѣже во всѣхъ переворотахъ жизни; почти ими одними онъ и ограничилъ свой кругъ; но, по важности отношеній въ званіи главнаго представителя власти державной въ сношеніяхъ съ церковною властью, онъ сталъ, мало-по-малу, оставлять свой кругъ свѣтскій съ его мелочными требованіями и приманками суетности, а въ безмятежномъ уединеніи началъ предаваться вполнѣ государственной дѣятельности.

Начало политической жизни князя Голицына столь тѣсно сливается съ первой эпохой царствованія Александра I-го, что связь разсказа заставляетъ вспомнить о тогдашнемъ состояніи внѣшней политики, которая обращала на себя всеобщее вниманіе. Новая система была готова поработить Европу; еще далекъ былъ часъ избавленія; будущее не сулило ничего отраднаго.... Въ это время судорожнаго, такъ сказать, положенія дѣлъ, всѣ видѣли, съ какимъ невозмущаемымъ спокойствіемъ князь продолжалъ труды по завѣдыванію духовною частью, которую успѣлъ за короткое время подвести къ точности гражданскаго порядка: измѣненіе, бывшее недоступнымъ для его предшественниковъ.

Однажды Государь, во время утренней прогулки, зашелъ къ князю Голицыну и, разговаривая о неизмѣнномъ его спокойствіи, увидѣлъ на письменномъ столѣ Библію. Раскрывъ ее, онъ прочелъ слѣдующій текстъ: «Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго водворится. Речетъ Господеви: заступникъ мой еси и прибѣжище мое, Богъ мой, и уповаю на̀ Него». Слова вѣнценоснаго пророка всего краснорѣчивѣе высказали Монарху причины безмятежнаго состоянія души его любимца и много разъ отзывались они въ душѣ Государя, вмѣстѣ съ нераздѣльнымъ сочувствіемъ къ дѣйствіямъ князя Голицына. Лавры побѣдъ созрѣвали для Александра, а въ новыхъ распоряженіяхъ по разнымъ частямъ, въ обезпеченіи состоянія духове̂нства постоянными доходами, въ избавленіи его отъ поношающихъ наказаній, въ перерелизованіи уголовныхъ процессовъ, въ уничтоженіи пытки уже занималась славная заря внутренняго благоустройства.

При первомъ обезпеченіи духовенства, была усмотрѣна необходимость осуществить другую спасительную мысль: что религія безъ истиннаго направленія просвѣщенія нерѣдко порождаетъ ереси. Надлежало распространить предѣлы учебныхъ заведеній и обратить вниманіе на улучшеніе заведеній уже существовавшихъ. И эта цѣль достигнута, какъ о томъ Стурдза свидѣтельствовалъ въ своемъ словѣ.

Князю Голицыну предстояло на нѣкоторое время той эпохи прервать занятія и увидѣть вблизи театръ Европейской политики, которая занимала тогда общее любопытство.

Возмущеніе Португаліи, вспыхнувшее по примѣру Испаніи (театра первыхъ неудачъ Наполеоновыхъ), близкое возстаніе Австріи, попеременно то видимыя, то невидимыя содѣйствія повсюду Сенъ - Джемскаго кабинета къ сверженію всеобщаго ига невыносимой для Англіи континентальной системы—все дѣлало положеніе завоевателя полсвѣта болѣе и болѣе затруднительнымъ. Наполеону оставалось увѣриться въ мир-

номъ расположенiи Александра I, и онъ предложилъ Государю составить конгрессъ въ Эрфуртѣ. Принявъ предложенiе, Государь Императоръ прибылъ туда 26-го Сентября 1808 года.

Въ свитѣ, сопутствовавшей Его Величеству, находился князь Александръ Николаевичъ. Путешествiя никогда не были любимою мечтою его воображенiя, но желанiе увидѣть генiальнаго человѣка взяло верхъ. Послѣ обмѣна взаимныхъ представленiй монархами свиты своей, Наполеонъ, услышавъ фамилiю князя Голицына, спросилъ: «Тотъ, что̀ въ Сѵнодѣ (celui du Synode?)?» И разговоръ зашелъ о званiи оберъ-прокурора, объ уничтоженiи въ Россiи патрiаршества. Утвердитель конкордата отдалъ полную дань справедливости генiю Россiи въ сознанiи великаго правительственнаго переворота, до котораго не могла достигнуть революцiя съ своими бурями.... «Безсильны были всѣ бури», сказалъ онъ наконецъ, «чтобъ подчинить духовенство во Францiи правительственной власти».—«Святая въ Россiи была увѣренность народа», возразилъ князь Голицынъ, «что цѣлiю всѣхъ дѣйствiй Петра было общее благо, которое одушевляло твердую волю, сосредоточенную въ одномъ лицѣ и въ лицѣ генiальномъ». Вздохъ вырвался изъ груди Наполеона. «Исторiя», заключилъ онъ, «расточала названiе великаго многимъ; но Петръ, вопреки частному искаженiю той же исторiи, принадлежитъ, по моему мнѣнiю, къ числу тѣхъ немногихъ, которые истинно достойны этого названiя».

Изъ всей многочисленной свиты императора Французовъ болѣе прочихъ сдѣлалъ впечатлѣнiе на князя Александра Николаевича маршалъ Ланнъ (дюкъ-де-Монтебелло).

Рѣшимость и отвага, оживлявшiя черты лица маршала, по наружности грубый видъ, который могъ отдалять отъ него при началѣ, но самая простота въ обращенiи и рѣчь, нерѣдко перемѣшанная выраженiями сильными и совершенно воинственными, вселяли скоро довѣренность своею непринужденностью, а эта непринужденность въ обращенiи съ своимъ императоромъ, какъ замѣтно было, не по сердцу была гордому завоевателю при столь многихъ свидѣтеляхъ и рѣзкою чертою раздѣлялась съ блескомъ и утонченностiю этикета, которые Наполеонъ старался водворить при своемъ новомъ дворѣ: но дворъ его представлялъ что-то среднее между недавно бывшею простотою и смѣнившею ее пышностью, не вошедшею еще въ настоящiя формы.

Здѣсь новый Агамемнонъ, среди сонма царей, хотѣлъ изумить высокихъ посѣтителей своихъ разнообразiемъ удовольствiй и величiемъ.

Смотры, охота, театръ, балы наполняли дни, оставлявшіе различныя впечатлѣнія. Но подробности пребыванія въ Эрфуртѣ, столь много разъ описанныя, не входятъ въ составъ нашего повѣствованія. Ограничиваемся здѣсь главнымъ предметомъ и разсказами князя Голицына.

Не бывъ никогда за границей, онъ имѣлъ случай любоваться природой Саксоніи и ея живописною мѣстностью. Однажды была предложена охота. Прекрасенъ былъ видъ, когда изъ отвореннаго звѣринца ринулась по скату горы толпа испуганныхъ звѣрей, подобно какому-то пестрѣвшему водопаду, освѣщенному послѣдними лучами вечерѣвшаго дня, который заключился спектаклемъ, гдѣ знаменитый Тальма̀, съ первѣйшими талантами своего времени, являлъ чудеса искусства. Замѣтно было, что занятія Дюрока, исправлявшаго должность гофмаршала ,(maréchal du palais) дѣлились, въ нѣкоторомъ отношеніи, между нимъ и маршаломъ Ланномъ. Это было въ театрѣ; онъ приглашалъ занять мѣста, и вдругъ предлагаетъ князю Голицыну сѣсть тамъ, гдѣ приготовлены были кресла для владѣтельныхъ принцевъ. На сдѣланное по этому случаю замѣчаніе княземъ Александромъ Николаевичемъ, герцогъ Монтебелло отвѣчалъ со свойственною ему откровенностью· «Развѣ вы не такой же князь (Bah! N'êtes-vous pas prince aussi)?

Тутъ князь Голицынъ имѣлъ неожиданный разговоръ съ однимъ, сидѣвшимъ подлѣ него, Германскимъ принцемъ. Объяснивъ, что, въ продолженіе общаго представленія, онъ услышалъ знакомое ему имя, но не имѣлъ времени удовлетворить своему любопытству, принцъ этотъ спросилъ у князя Голицына: «не родня ли ему былъ Голицынъ, князь Николай Сергѣевичъ?» Удивленный князь Александръ Николаевичъ отвѣчаетъ, что онъ его сынъ. Удивленіе его усиливается еще болѣе, когда онъ узнаётъ отъ незнакомца разныя подробности о его семействѣ и весь бытъ того времени, когда его не было и на свѣтѣ. Этотъ незнакомецъ былъ одинъ изъ двухъ сыновей извѣстнаго Бирона, дѣлившихъ съ отцомъ ссылку въ Ярославлѣ и отраду гостепріимства, въ отплату за испытанныя хозяиномъ гоненія отъ павшаго временщика. Судьба! Судьба! Биронъ—въ Ярославлѣ, Биронъ—въ Эрфуртѣ, знакомитъ Русскаго, какъ бывшій очевидецъ, съ современной ему эпохой, которая пронеслась по Русской землѣ и погрузилась въ вѣчности, чтобъ уступить мѣсто лучшимъ днямъ Россіи.

Нерѣдко декламаціи Тальмы въ гостиныхъ, въ одѣяніи придворнаго артиста, замѣняли большое представленіе и до того очаровывали зрителей, что заставляли забывать отсутствіе костюма, приличнаго роли. Однажды, среди разговоровъ о неподражаемомъ искусствѣ Тальмы, про-

извелъ невольный смѣхъ старый директоръ театровъ, Дазенкуръ, котораго Наполеонъ называлъ старой канделяброй: съ такою комико-педантическою увѣренностью силился онъ доказать, что непривычка носить Французскіе кафтаны, а пуще всего большіе обшлага, препятствуютъ въ наше время надлежащимъ успѣхамъ комедіи Мольера. Убѣжденіе противника большихъ обшлаговъ казалось еще забавнѣе и тѣмъ, что за минуту всѣ видѣли, до чего достигаетъ истинный талантъ безъ внѣшнихъ пособій.

Въ частныхъ разговорахъ маршала Ланна съ княземъ Голицынымъ онъ не скрывалъ ропота на безпрестанные походы, которые не давали ему времени пользоваться удобствами жизни, предоставленными богатствомъ. Соображая послѣдовавшія событія, невольно вспомнишь все свершившееся съ *баловнемъ побѣдъ*, когда чудесная звѣзда померкла и когда сподвижники славныхъ дней, люди всѣмъ ему обязанные, отъ гарусныхъ эполетъ возведенные въ маршалы и, наконецъ, имъ же обогащенные, одинъ за однимъ оставляли его въ несчастіи. Но возвратимся къ настоящей эпохѣ. Здѣсь другое обстоятельство поразило князя Александра Николаевича. Во время завтраковъ и обѣдовъ замѣтно было опасеніе въ Наполеонѣ того, чего страшились во всѣхъ вѣкахъ люди, достигавшіе высоты въ виду зависти и боязни.

Различныя ощущенія, произведенныя на князя Голицына пребываніемъ въ Эрфуртѣ, не могли составить полнаго мнѣнія, но при всей поверхности своей, не допускали той ничтожной односторонности, которая была готова дѣлить и современную злобу, и малодушное пристрастіе въ сужденіяхъ прежде окончанія драмы... Лучшія мѣста новѣйшей исторіи были еще бѣлыми страницами; будущее оставалось въ длани Провидѣнія!.....

Здѣсь выпало изъ рукъ перо молодого писателя, питомца Московскаго Университетскаго Пансіона, безкорыстнаго и пламеннаго почитателя своего знаменитаго дяди.

Прибавимъ здѣсь особенности.

Князь не прельщался наружными знаками отличій и получалъ ихъ гораздо позже стоявшихъ на тѣхъ же степеняхъ государственныхъ и дворскихъ. Но нельзя умолчать, что были случаи, когда онъ неожиданно былъ радованъ благоволеніемъ царскимъ, съ какимъ приходили къ нему эти знаки. Первый такой случай былъ наканунѣ тезоименитства императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ 1804 году. Государь Александръ Пав-

ловичъ, утромъ, самъ написалъ ему слѣдующій рескриптъ: «Господинъ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, князь Голицынъ. Въ воздаяніе отличнаго усердія вашего къ службѣ и ревностныхъ трудовъ въ отправленіи возложенной на васъ должности, всемилостивѣйше жалую васъ кавалеромъ ордена Св. Анны 1-го класса, коего знаки, при семъ препровождая, повелѣваю возложить на себя и носить узаконеннымъ порядкомъ. Пребывая, впрочемъ, всегда благосклоннымъ и пр.».

Рескриптъ съ лентой былъ привезенъ къ князю, когда онъ уже уѣхалъ изъ дому предъ обѣдомъ. Ничего не знавъ, пріѣзжаетъ онъ къ столу Государя на Каменный Островъ и садится противъ Его Величества, какъ всегда бывало, чтобъ среди бесѣдъ передавать взглядами впечатлѣнія по обычаю и юморизму. Вдругъ Государь говоритъ ему: «А вѣдь ко двору на обѣдъ ѣздятъ въ лентахъ!» Князь сдѣлалъ мину, что такъ, у кого она есть. Государь тогда серьезно говоритъ: «Развѣ не получилъ посланной передъ обѣдомъ?» Князь на это объяснилъ, что онъ, послѣ утреннихъ занятій, отправился на островъ и заѣхавъ къ Прасковьѣ Николаевнѣ Гурьевой, у нея и оставался до той минуты, когда надо уже было явиться къ столу. Неожиданная милость увеличила награду.

Другой случай былъ предъ 1812 годомъ. Раза три митрополитъ Новгородскій, въ торжественные дни Александра Невскаго въ Лаврѣ, напоминалъ Государю, что всѣмъ духовнымъ было бы пріятно видѣть своего синодальнаго оберъ-прокурора Александровскимъ кавалеромъ. Государь всякій разъ отвѣчалъ: «Мы съ княземъ разсчитаемся въ свое время», и въ послѣдній разъ передалъ такія напоминанія князю. Князь убѣждалъ не награждать его прежде, какъ самъ Государь разсудитъ и Александровскій орденъ пожалованъ былъ ему уже въ 1814 году.

*

Дальнѣйшія, послѣ описанныхъ княземъ Николаемъ Сергѣевичемъ, дѣйствія князя Александра Николаевича въ царствованіе императора Александра Павловича и особенно въ послѣдніе годы существованія Министерства Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, въ эпоху значенія и вскорѣ удаленія Магницкаго, отражаются въ Запискахъ статсъ-секретаря Владиміра Ивановича *Панаева*. Тогда онъ состоялъ въ министерствѣ и находился въ близкихъ отношеніяхъ съ главными дѣйствователями, былъ свидѣтелемъ многихъ событій и зналъ причины оныхъ, ускользавшія отъ извѣстности. Съ безпристрастіемъ и съ просвѣщенной любовью къ правдѣ онъ описалъ все, что̀ видѣлъ самъ и зналъ отъ современниковъ эпохи. Записками своими онъ оказалъ немаловажную услугу исторіи.

Настоящія записки князя Николая Сергѣевича не побудятъ-ли и другого остроумнаго писателя, состоявшаго при князѣ Александрѣ Николаевичѣ въ послѣдніе годы его жизни, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Юрія Никитича *Бартенева* *), къ изданію того, что̀ передавалъ ему князь въ откровенныхъ бесѣдахъ. Эти любопытныя сказанія, сами по-себѣ и безъ присоединенія къ нимъ разсужденій, были бы драгоцѣнны для друзей-почитателей князя и вообще для любителей отечественныхъ преданій. Онѣ дополнили бы Записки князя Николая Сергѣевича, котораго внезапная скоротечная болѣзнь низвела въ могилу, не давъ ему кончить начатаго труда.

Въ «*Словарѣ достопамятныхъ людей Русской земли*», составленномъ Дмитріемъ Николаевичемъ Бантышемъ-Каменскимъ (изд. 1847 г.), любопытные могутъ видѣть все остальное изъ біографіи и самый формуляръ князя Александра Николаевича.

*

Князь Николай Сергѣевичъ скончался 3-го Января 1848 года, оставивъ по себѣ доброе имя супруга, отца, друга и поборника добра въ кругу своей дѣятельности. Миръ праху скромнаго подвижника! Онъ могъ сказать о себѣ въ утѣшеніе тоже, что̀ говорилъ молодой поэтъ *Веневитиновъ*, еще ранѣе похищенный смертью:

Такъ, если въ душу вложена
Хоть искра страсти благородной,—
Повѣрь, недаромъ въ ней она;
Не теплится она безплодно!
Не съ тѣмъ судьба ее зажгла,
Чтобъ смерти хладная зола
Ее на вѣки потушила.
Нѣтъ, что̀ въ душевной глубинѣ,
Того не унесетъ могила:
Оно останется по мнѣ!

---

*) См. „Русскій Архивъ“ 1886 года. П. Б.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ИСТОРІИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА.

Въ настоящее время, когда съ высоты престола дважды (17 Апрѣля и 17 Октября) произнесено царское слово о свободѣ вѣры, кстати вспомнить о томъ „глаголемомъ старообрядствѣ“, которое, со времени собора, созваннаго Константинопольскимъ патріархомъ Паисіемъ въ 1654 г., усмотрѣвшимъ изъ дѣла епископа Коломенскаго Павла и Московскаго протопопа Неронова „знаменіе ереси и раскола“, было отлучено отъ православной церкви. Теперь съ того времени, какъ Юрьевскій протопопъ Аввакумъ, находившійся въ Москвѣ въ числѣ справщиковъ книгъ, по ссылкѣ Неронова завелъ въ сушилѣ его дома свое всенощное бдѣніе и говорилъ Казанскимъ прихожанамъ, „что и конюшня иныя церкви лучше“, прошло два съ половиной вѣка; и чего-чего только за этотъ періодъ не натерпѣлось несчастное старообрядство, послѣдовавшее по слѣдамъ своего вождя Аввакума въ его моленную-сушило! Старообрядцы съ самаго начала, изъ-за своей привязанности къ буквѣ, старинѣ и обряду, предавались анаѳемѣ, сожигались на кострахъ, слагали головы на плахахъ или совали ихъ въ петли, ссылались въ Даурію, на Печору и въ другія отдаленныя мѣста.

Разумѣется, правительство и духовная власть къ вразумленію старообрядцевъ принимала не однѣ карательныя мѣры. Это были уже крайнія, исключительныя мѣры: вообще же власти старались дѣйствовать на старообрядцевъ болѣе или менѣе цѣлесообразно и вразумительно въ духѣ своего времени, то строго, то снисходительно.

Мѣры при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ 1653 г. справщикъ книгъ, бывшій при патріархѣ Іосифѣ (1642—1652 гг.), протопопъ Казанскаго собора Іоаннъ Нероновъ лишенъ скуфьи и сосланъ въ Каменскій монастырь на Кубенскомъ озерѣ; Муромскій протопопъ Логгинъ и Костромской Даніилъ лишены сана и сосланы (Логгинъ въ свой городъ подъ надзоръ отца, а Даніилъ въ Астрахань); Юрьевскій протопопъ Аввакумъ сосланъ въ Сибирь, князь Львовъ, начальникъ печатнаго двора, заточенъ въ Соловки; уцѣлѣлъ одинъ духовникъ царя, протопопъ Благовѣщенскаго собора Стефанъ Вонифатьевъ.

Въ 1654 г. патріархъ Никонъ низвергъ съ каѳедры епископа Коломенскаго Павла за несогласіе съ постановленіемъ собора того же го́да, пре-

далъ тѣлесному наказанію и сослалъ въ Новгородскіе предѣлы, гдѣ тотъ сошелъ съ ума.

Въ 1656 г. находящимися въ Москвѣ патріархами Антіохійскимъ Макаріемъ, Сербскимъ Гавріиломъ и Никейскимъ Григоріемъ, въ недѣлю православія, произнесено проклятіе на двуперстниковъ. Дѣло объ этомъ подписалъ и прибывшій въ Москву Молдавскій митрополитъ Гедеонъ. Тоже сдѣлано тогда и на соборѣ Русскихъ архипастырей.

Въ 1664 г. протопопъ Аввакумъ, возвращенный изъ ссылки, снова былъ сосланъ въ Мезень.

Въ 1666 г. старые и новые обвинители патріарха Никона въ порчѣ церковныхъ книгъ осуждены соборомъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ епископъ Вятскій Александръ, игуменъ Θеоктистъ, пустынникъ Ефремъ Потемкинъ, Суздальскій попъ Никита и протопопъ Нероновъ чрезъ раскаяніе получили разрѣшеніе отъ клятвы; нераскаянные же Аввакумъ, Рошановскій попъ Лазарь и дьяконъ Благовѣщенскаго собора Θедоръ преданы анаѳемѣ и сосланы въ дальнія мѣста. Послѣ собора 1667 г. всѣ они и старецъ Аврамій заключены въ Пустоозерскій острогъ на рѣкѣ Печорѣ. Послѣ усмиренія Соловецкаго мятежа въ Январѣ 1676 г. упорные виновники возмущенія, сотникъ Самко, архимандритъ Никаноръ и др., были повѣшены, менѣе виновные сосланы въ Кольскій и Пустозерскій остроги.

При царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ. Въ 1681 г. Аввакумъ, Лазарь, Θеодоръ и Епифаній, инокъ Чудова монастыря были сожжены на кострахъ. Въ томъ же году Московскій соборъ опредѣлилъ усилить средства къ открытію скрывавшихся; запретилъ продажу книгъ и тетрадей ихъ произведенія, подчинилъ строгому надзору домовыя церкви, скиты и часовни.

Въ правленіе царевны Софіи. Въ Іюлѣ 1682 г. глава бунта, Суздальскій попъ Никита Добрынинъ, извѣстный болѣе подъ именемъ Пустосвята, былъ обезглавленъ; инокъ Сергѣй, составитель челобитной, сосланъ въ Ярославль; остальные мятежники разосланы по монастырямъ подъ начала. Послѣ бунта царевной Софіей изданъ весьма строгій указъ, которымъ рѣшительно воспрещалось содержаніе раскола; упорныхъ раскольниковъ послѣ увѣщанія повелѣвалось жечь на кострѣ, а раскаявшихся ссылать въ монастыри на эпитимію; тому же наказанію повелѣвалось подвергать перекрещивающихъ, перекрещенныхъ и ихъ укрывателей; менѣе виновные были наказываемы кнутомъ, посылались подъ надзоръ или въ ссылку и штрафуемы. Обязанность ловить старообрядцевъ возлагалась не только на свѣтскихъ властей, воеводъ, сотскихъ, десятскихъ, но и на духовныхъ лицъ; само правительство для поимки старообрядцевъ отправляло команды; пойманныхъ предавали духовному и свѣтскому суду, православнымъ же съ старообрядцами воспрещены были всякія сношенія. Этотъ законъ изданъ въ 1685 году.

При императорѣ Петрѣ I-мъ. Петръ I-й въ отношеніи къ старообрядцамъ сначалъ былъ благосклоненъ, но въ продолженіе царствованія круто повернулъ въ обратную сторону. Такъ, когда ему донесли, что на р. Выгѣ живетъ много раскольниковъ, онъ только сказалъ: „пускай живутъ", и не велѣлъ ихъ трогать. Въ другой разъ, услышавъ о нихъ хорошій отзывъ, онъ замѣтилъ: „Если они таковы, то по мнѣ пусть вѣруютъ, чему хотятъ". При такомъ взглядѣ на расколъ въ 1705 г. Выгорѣцкіе скиты были приписаны имъ къ Олонецкимъ желѣзнымъ заводомъ съ предоставленіемъ за службу на заводахъ полной свободы вѣры и независимости отъ мѣстныхъ начальствъ кромѣ заводскаго. Подобно сему Стародубскіе скиты за свои услуги въ Шведскую войну получили отъ царя земли, право торговли, промысловъ и прощеніе всѣмъ бѣглецамъ, которые у нихъ скрывались.

Съ 1714 г. начинаются другія мѣры. Всѣмъ старообрядцамъ, хотя предоставлены гражданскія права съ обязательствомъ нести службу, но при этимъ по всему государству ихъ велѣно переписать и обложить двойнымъ окладомъ. Противъ тайныхъ, отрицавшихся отъ государства, употреблялись самыя строгія мѣры; въ наказаніе за утайку скрывавшихся старообрядцевъ назначена политическая смерть и анаѳема Св. Синода. Къ розысканію тайныхъ изувѣровъ призваны были всѣ начальства, духовенство и обыватели; въ двойной подушный окладъ велѣно записывать „не взирая ни на что" даже тѣхъ, которые держались только одного двуперстія. Священники обязывались доносить ежегодно объ уклоняющихся отъ исповѣди и св. Причастія и таковыхъ повелѣвалось приводить къ присягѣ, при чемъ приводимые должны были проклинать всѣ старообрядческія секты; не пріемлющихъ присягу велѣно писать въ двойной окладъ; во избѣжаніе утайки старообрядцевъ священниками, послѣдніе обязывались совершать причащеніе при свидѣтеляхъ. Старообрядческіе скиты подвергались обыскамъ, тайные разыскивались и раззорялись; запрещено было ставить раскольниковъ въ должности, брать въ свидѣтели и принимать отъ нихъ челобитныя; запрещено переселяться съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они записаны.

Лично императоръ Петръ I-й преслѣдовалъ старообрядцевъ своей сатирой въ указахъ, потѣшныхъ процессіяхъ и маскарадахъ. Въ 1722 г. онъ придумалъ для изувѣровъ особый смѣшной костюмъ: для мужчинъ зипунъ съ стоячимъ краснымъ козыремъ, для женщинъ опашни и шапки съ рогами.

При императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Въ 1731 г. опредѣлено за совращеніе въ расколъ наказаніе ссылкою на галеры и конфискаціею имущества. Въ 1735 г. полковникъ Сытинъ получилъ порученіе сдѣлать съ военной командой строгій розыскъ на Вѣткѣ: скиты были сожжены, около 40 тысячъ бѣглецовъ разослано по разнымъ мѣстамъ. Въ 1736 г. были переписаны и обложены двойнымъ подушнымъ окладомъ слободы Стародубья.

При императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Между разныхъ подтвержденій указовъ Петра I съ старообрядцевъ, за право носить бороду, была положена

особая подать. Строго запрещено распространять старообрядцамъ свое ученіе и совращать въ него своихъ домашнихъ. Запрещено строить скиты, тайно вѣнчаться, не платившихъ двойную подать велѣно предавать суду и взыскивать съ нихъ двойной окладъ за все прошедшее время или отсылать на каторгу. Для переѣздовъ съ мѣста на мѣсто старообрядцы обязаны были выправлять паспорта. Отъ всѣхъ этихъ и предшествующихъ строгостей при Елисаветѣ Петровнѣ у старообрядцевъ было нѣсколько необычайныхъ случаевъ самосожженія: сожигались люди тысячами. Послѣ таковыхъ самосожженій въ 1761 г. былъ изданъ указъ, чтобы для обращенія старообрядцевъ употреблялся мечъ духовный, а не гражданскій.

При императорѣ Петрѣ III. Съ воцаренія Петра III для старообрядцевъ занялась заря. Изданъ указъ о защитѣ ихъ отъ обидъ; бѣжавшимъ за границу дозволено возвращаться въ Россію и поселяться въ Сибири. Послѣдовало запрещеніе преслѣдовать ихъ, отвращать отъ заблужденій велѣно не принужденіемъ и огорченіемъ, а человѣколюбиво: они христіане.

При императрицѣ Екатеринѣ II. Екатериной II повторенъ указъ ея супруга Петра III о вызовѣ старообрядцевъ изъ-за границы. Въ 1764 году въ Вѣтку посланъ съ командой генералъ Масловъ; онъ захватилъ тамъ 20 т. бѣглецовъ, изъ коихъ одни отданы въ рекруты, другіе посланы на поселеніе въ Сибирь, оставленные въ Вѣткѣ сами ушли въ Стародубье, а тѣ, которые выбыли изъ Вѣтки ранѣе погрома, поселились на Иргизѣ. Дозволено старообрядцамъ селится въ какихъ угодно мѣстахъ и избирать родъ жизни, какой пожелаютъ, разрѣшено носить бороду и неуказное платье безъ платы двойной подати. Повелѣно ихъ вѣдать въ общихъ присутственныхъ мѣстахъ безъ всякаго притѣсненія, дано право принимать по тяжебнымъ дѣламъ присягу и быть свидѣтелями; уничтожены особые старообрядческіе списки и даже названіе раскольникъ. Допущены къ выборамъ на общественныя должности.

Съ 1771 по 1774 г. допущены къ существованію Московскія старообрядческія общины подъ именемъ кладбищъ Преображенскаго, Рогожскаго и Покровскаго. Въ 1784 г. вышелъ указъ о дарованіи старообрядцамъ южнаго края священниковъ и дозволеніи отправлять имъ службы по старымъ обрядамъ. Въ Стародубьѣ и Новороссіи открыто 12 единовѣрческихъ церквей, а въ 1791 г. единовѣрческій Корсунскій монастырь.

При императорѣ Павлѣ I. Въ концѣ вѣка (1778—1779 гг.) обратилось къ единовѣрію до 1.000 человѣкъ въ Нижегородской губ. Св. Синодомъ утверждены правила единовѣрія, составленныя митрополитомъ Платономъ по поводу изъявленія желанія обратиться къ единовѣрію старообрядцевъ Рогожскаго кладбища; но самое обращеніе ихъ совершилось только въ 1854 г. уже послѣ присоединенія къ единовѣрію общины Преображенскаго кладбища.

При императорѣ Александрѣ I. Въ 1809 г. утверждено было законное существованіе на Преображенскомъ кладбищѣ богадѣленнаго дома. Въ 1820 году утверждены правила о выборахъ старообрядцевъ въ должности по купеческимъ и мѣщанскимъ сословіямъ съ нѣкоторыми ограниченіями. Въ 1822 году изданъ весьма льготный законъ для бѣглопоповцевъ: имъ дозволено открыто содержать бѣжавшихъ отъ православной церкви священниковъ, если нѣтъ за таковыми уголовнаго преступленія. Возникло единовѣріе среди старообрядцевъ, живущихъ на Иргизѣ.

Духовная власть съ своей стороны, примѣняясь къ духу времени и обстоятельствамъ, за весь данный періодъ немало положила своихъ трудовъ. какъ къ удержанію пасомыхъ въ православіи, такъ и къ обращенію старообрядцевъ. Мѣры духовной власти то выходили изъ предѣловъ строгости (анаѳема), то снисходили до послабленія, то держались должной середины. Главнѣйшими изъ мѣръ нужно признать труды миссіонерскіе, стремленіе вернуть раскольниковъ въ лоно православія посредствомъ единовѣрія и замѣчательныя сочиненія ученыхъ расколовѣдовъ, заключающихъ въ себѣ апологію православія, обличеніе старовѣрческихъ заблужденій и увѣщаніе заблудшихъ къ обращенію въ православную церковь. Мы ограничимся лишь указаніемъ противораскольническихъ сочиненій.

Московскій соборъ 1666 г., осудивъ завѣдомыхъ раскольниковъ, написалъ соборное повелѣніе и завѣщаніе, въ которыхъ убѣждалъ православныхъ повиноваться церкви, а на судимыхъ раскольниковъ изрекъ анаѳему, одобрилъ для всеобщаго употребленія книгу Симеона Полоцкаго: „Жезлъ правленія, утвержденія, наказанія и казненія“, написанную по порученію собора въ опроверженіе челобитныхъ поповъ Никиты и Лазаря, опредѣлилъ еретиковъ и раскольниковъ подвергать кромѣ церковнаго суда, суду гражданскому. Большой Московскій соборъ 1667 издалъ отъ себя „Изреченіе“, составляющее вторую часть соборныхъ постановленій, и отсѣкъ отъ церкви всякаго, кто не послушаетъ соборнаго опредѣленія „дондеже уразумится“.

Соборъ 1681 г. рѣшилъ открыть въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ много раскольниковъ, новыя епархіи; раскольническіе скиты раззорять, новыхъ строить не дозволять, а распространять приходскія церкви. Вотчинниковъ, помѣщиковъ и ихъ приказчиковъ обязалъ объявлять о старообрядцахъ архіереямъ; воспретилъ торговлю старовѣрческими книгами и тетрадями, повелѣвъ отбирать ихъ и взамѣнъ высылать новоисправленныя книги.

Патріархъ Іоакимъ 1682 г. издалъ замѣчательную книгу подъ заглавіемъ: „Увѣтъ Духовный“, въ которой опровергъ челобитную Никиты Пустосвята. Корнилій митрополитъ Новгородскій (1674—1696 гг.), имѣя повелѣніе отъ высшей власти повсемѣстно сыскивать, ловить и представлять старовѣровъ въ Приказѣ духовныхъ дѣлъ для увѣщанія, написалъ нѣсколько по тому поводу распорядительныхъ и учительныхъ грамотъ. Св. Димитрій съ

1702 г. митрополитъ Ростовскій, написалъ „Разсужденіе объ образѣ Божіемъ въ человѣкѣ“ по поводу отказа старовѣровъ брить бороду и „Розыскъ о раскольнической Брынской вѣрѣ“. Эту книгу онъ составилъ въ пособіе священникамъ своей епархіи и успѣлъ разослать ее незадолго до своей кончины (1709) г. На Керженцѣ епископъ Нижегородскій Питиримъ основалъ Успенскій монастырь, гдѣ самъ былъ архимандритомъ и подготовилъ въ немъ сильныхъ дѣятелей противъ раскола, каковы Аврамій, Неофитъ, Андроникъ, и другіе. Отъ себя Питиримъ предложилъ раскольникамъ Дьяконова согласія 130 вопросовъ съ цѣлію дать на нихъ отвѣты, но раскольники вмѣсто отвѣтовъ сами прислали ему 240 вопросовъ; однако, спустя три года, прислали и отвѣты, написанные имъ „за нѣсколько пенязей“ помороцемъ Андреемъ Денисовымъ, которые авторъ назвалъ „чиноотвѣтствіями“. Въ свою очередь епископъ Питиримъ на 240 вопросовъ Дьяконовцевъ въ 1721 г. отвѣчалъ цѣлою книгою подъ заглавіемъ: „Пращица“ и обратилъ чрезъ нее многихъ въ православную церковь.

Въ 1722 г. св. Синодъ издалъ „воззваніе къ старообрядцамъ“, которымъ приглашалъ ихъ являться въ Синодъ для краткихъ собесѣдованій о предметахъ несогласія и затѣмъ издалъ „объявленіе съ увѣщаніемъ“. Вскорѣ Св. Синодъ послалъ на Выгъ миссіонера іеромонаха Неофита, ученика еп. Питирима, снабдивъ его подробной инструкціей, совѣтуя поступать „умѣренно и усмотрительно“. Съ прибытіемъ въ Петрозаводскъ Неофитъ предложилъ Выговцамъ отвѣтить на 106 вопросовъ, на которые чрезъ 7 мѣсяцевъ и были получены „Поморскіе отвѣты“, составленные братьями Денисовыми. Тѣмъ не менѣе на собесѣдованіе къ миссіонеру Поморцы не являлись, и Неофитъ съ одними лишь отвѣтами принужденъ былъ вернуться въ Петербургъ съ отчетомъ Св. Синоду. Тогда Св. Синодъ поручилъ Тверскому архіепископу Ѳеофилакту на Поморскіе отвѣты написать обличеніе, что̀ тотъ вскорѣ и исполнилъ. Однако „Обличеніе неправды раскольническія, показанныя въ отвѣтахъ Выгоцкихъ пустосвятовъ“ издано было въ свѣтъ только въ 1745 г. по просмотрѣ его Ярославскимъ митрополитомъ Арсеніемъ Мацѣевичемъ.

Въ 1765 г., когда старовѣры отъ строгихъ правительственныхъ мѣръ морили себя и сожигали или бѣжали въ Пруссію, Австрію, Польшу и Турцію, Св. Синодъ поручилъ законоучителю Цесаревича Павла архимандриту Платону (впослѣдствіи Московскому митрополиту) написать Увѣщаніе, что̀ тотъ и исполнилъ въ духѣ кротости и скорби о заблудшихъ. Его „Увѣщаніе во утвержденіе истины“ было издано въ томъ же году отъ имени православно-каѳолической церкви.

Никифоръ Ѳеотоки, епископъ Екатеринославскій (1779 г.), для своей паствы написалъ окружное посланіе и чрезъ то обратилъ къ православію двѣ слободы, Знаменку и Зечынку. Онъ же старообрядцамъ Бахмутскаго уѣзда написалъ отвѣты на 20 главъ Соловецкой челобитной; наконецъ, бу-

дучи назначенъ 1780 г. на Астраханскую епархію, въ составъ которой входила тогда и нынѣшняя Саратовская губернія, Никифоръ Өеотоки написалъ отвѣты на вопросы Иргизскаго строителя Сергія и уставщика Прохора съ приложеніемъ разсужденія о мурѣ, имѣется ли оно у старообрядцевъ.

Священникъ Охтенской церкви А. И. Журавлевъ, обратившійся изъ Өеодосіевскаго толка, составилъ книгу: „Полное историческое Извѣстіе о древнихъ стригольникахъ". Протоіерей Журавлевъ главнымъ образомъ упрочилъ дѣло единовѣрія въ Стародубскихъ слободахъ, съ 1788 начатое инокомъ Никодимомъ и архимандритомъ Іоасафомъ съ другими монахами Успенской пустыни.

Иргизскій строитель Сергій, писавшій Никифору Өеотоки 15 вопросовъ о старообрядствѣ, съ другомъ своимъ Вольскимъ купцомъ Злобинымъ, положилъ начатки единовѣрія въ концѣ XVIII вѣка въ Иргизскихъ скитахъ.

Въ тоже время (1795—1798 г.г.) Нижегородскій епископъ Павелъ ходатайствовалъ о введеніи единовѣрія въ своей епархіи въ Керженскихъ скитахъ, гдѣ и присоединилось къ православной церкви до 1000 человѣкъ.

Наконецъ въ послѣдній годъ, 1800 годъ, XVIII вѣка Московскій митрополитъ Платонъ, выработавъ условія присоединенія старообрядцевъ къ православію со снятіемъ съ нихъ клятвы, представилъ эти правила на утвержденіе своего бывшаго ученика императора Павла I. Получивъ утвержденіе правилъ, митрополитъ Платонъ ввелъ единовѣріе въ первопрестольной столицѣ. И такъ Москва, въ которой весь сыръ-боръ загорѣлся и гарью своей омрачилъ всю Россію, наконецъ-то прозрѣла. И давно бы пора! Довольно костровъ, довольно пытокъ и плахъ изъ-за одной обрядности, изъ-за одной іоты, какъ напримѣръ писать имя Господне, Іисусъ или Исусъ. Не имя Божіе важно, важно дѣло Божіе. Спаситель Самъ сказалъ: Что̀ мена зовете Господи, Господи, и не творите, яже глаголю. Письмо бо убиваетъ, а духъ животворитъ.

Нынѣ, благодареніе Богу, хмара отъ церковныхъ раздоровъ съ 17 Апрѣля и особенно съ 17 Октября канула въ вѣчность. Всѣ мы братья о Христѣ и всѣ мы дѣти Отца Небеснаго. И что̀ особенно для насъ пріятно, это то, что прежде гонимые старообрядцы призываются своимъ пастыремъ къ любви и миролюбію. Вотъ первая проповѣдь епископа Рогожскаго кладбища Іоанна: „Братія, храните миролюбіе и христіанскую любовь къ ближнимъ, въ эти смутныя, полныя раздора времена!"

Изъ мѣръ противъ раскола со стороны духовныхъ властей между прочимъ было увѣщаніе, которое происходило въ духовныхъ учрежденіяхъ, въ Приказѣ духовныхъ дѣлъ, въ Синодѣ и консисторіяхъ. Какъ велики эти увѣщанія въ дѣйствительности, я не могу сказать, такъ какъ для этого нужно было познакомиться съ протоколами въ архивахъ, чего я къ сожалѣнію не дѣлалъ; но я имѣю одно увѣщаніе, описанное союзникомъ увѣщаемаго съ

явнымъ намѣреніемъ выставить лицъ, производившихъ увѣщаніе безсильными доказать и опровергнуть заблужденія раскола; вездѣ выставляется мнимая правота и торжество изувѣра. Актъ увѣщанія происходилъ въ Московской Духовной Консисторіи въ 1825 г., слѣдовательно 80 лѣтъ назадъ, одному безпоповцу Мартыну. Списано оно Славянскимъ языкомъ и уставными буквами съ киноварными украшеніями. Рукопись эта мною была пріобрѣтена въ Казани отъ букиниста. Обсужденіе ея содержанія и подлинности я предоставляю читателямъ: но ничего нѣтъ удивительнаго, что печатаемое ниже увѣщаніе представляетъ собой нѣчто въ родѣ подложнаго „Соборнаго дѣянія на еретика Армянина Мартина“, приложеннаго къ „Пращицѣ“ Питирима.

Александръ Можаровскій.

УВѢЩАНІЕ

бывшее въ Московской Духовной Консисторіи. Отвѣтъ Мартыновъ ко архимандритамъ и протопопамъ.

Во-первыхъ. Како вниде Мартынъ въ духовное собраніе, тутъ предсѣдящихъ было три архимандрита, три протопопа и секретарь. Мартынъ вшедъ, воздалъ имъ должное поклоненіе.

Архимандритъ глагола: Чтя Богу не молишися, Мартынъ? Ты видишь, что здѣсь иконы стоятъ?

Мартынъ рече: Азъ Богу всегда молюся, только симъ образамъ не кланяюсь.

Архим. Чесо ради не кланяешися?

Март. Я не знаю, чьи суть лица, а святыхъ всѣхъ истинно вѣмъ како написаны; сихъ же нигдѣ не видалъ.

Архим. указавъ перстомъ, рече: Сей Дмитрій Ростовскій, а сей Никонъ патріархъ.

Март. А мы ихъ и за святыхъ не почитаемъ.

Архим. Чесо ради?

Март. Того ради, яко не свидѣтельствованы въ Святомъ Писаніи, ни въ Часословахъ, ни въ Прологахъ, ни въ Минеяхъ; ниже когда слышалъ, что они узкій и прискорбный путь проходили, но только слышалъ, что табакъ нюхали и прочимъ позволяли.

Архим. Да развѣ его грѣхъ нюхать?

Март. Никоего спасенія нѣсть кромѣ грѣха.

Архим. Перестать, дружокъ, много глаголати! Скажи, для чего ты въ церковь не ходиши?

Март. Я благолѣпія не вижу и благоговѣнія.

Архим. Коего?

Март. Святое Писаніе повелѣваетъ единому гласу въ церкви быти, а я многіе слышалъ; Святое Писаніе повелѣваетъ вкупѣ кланятися на Святый Боже, Пріидите поклонимся и Аллилуія; а у васъ тутъ стоятъ. Того ради пересталъ ходить въ церковь.

Архим. Какъ ю не почитать?

Март. Да если бы она мнѣ мать была, то бы почиталъ ю; а то почто почитать ю, егда мачиха ми есть?

Архим. Почему мачиха?

Март. Потому мачиха, что о мнѣ не радѣетъ и на путь спасенія не наставляетъ. Пока я ходилъ въ церковь вашу, то не зналъ, какъ душу свою спасти.

Архим. Перестань о семъ глаголати! Покажи, какимъ крестомъ ты молишися?

Мартынъ сложилъ крестное знаменіе и показалъ.

Архимандритъ сложилъ щепоть и глагола: Чесо ради симъ не молишися? Не проповѣдуеши Святую Троицу?

Март. Азъ Святую Троицу проповѣдаю, а сего не знаю, что за крестъ и давно ли принятъ.

Архим. Отъ Св. Князя Владимира.

Март. Святіи коимъ крестилися?

Архим. Симъ же.

Март. Како же они написаша, яко азъ сложилъ!?

Архим. Кои святые?

Март. Θеодоритъ, Максимъ, Аθанасій, Кириллъ Іерусалимскій, Іоаннъ Златоустый и другіе святіи отцы; такія же и на иконахъ видимъ изображенія, которыя написаны Евангелистомъ Лукою и прочими святыми.

Архим. Какое вы таинство въ сложеніи перстовъ прознаменуете?

Март. А вы како толкуете о своемъ сложеніи?

Архим. У насъ сложеніе перстовъ знаменуетъ Святую Троицу.

Март. (Указывая на свой крестъ). А сіе куда опредѣляете?

Архим. А вы како именуете?

Март. Три перста вкупѣ — Святая Троица; а два перста вкупѣ Божество и человѣчество.

Архим. Чего ради одинъ пригнутъ?

Март. Того ради, яко Господь преклони небеса и сниде на землю нашего ради спасенія.

Архим. Хотя этимъ крестомъ молися, только въ церковь ходи.

Март. Для чего я пойду въ ней стоять, коль она меня будетъ проклинать?

Архим. Проклинать?!!

Март. Она этотъ крестъ проклинаетъ.

Архим. Лжешь!

Март. Если я лгу, то и книги ваши лгутъ.

Архим. Какія?

Март. Скрижаль и Пращица.

Архим. Какъ тамъ написано?

Март. Тамо написано: аще кто сими трема персты не крестится, то будетъ проклятъ; а сей нашъ животворящій крестъ именоваша, яко нѣкоего горшаго перста. Како въ церкви буду креститися имъ?!

Архим. Перестань много говорить! Ты неужели больше насъ знаешь? Познай Христа, да поди въ церковь!

Март. Воистину лучше и больше вашего я знаю Христа.

Архим. Неужели мы Христа не почитаемъ?

Март. Да! Вы сочли его за простого человѣка.

Архим. Какимъ образомъ?

Март. Вотъ какъ: въ Скрижали и въ Розыскѣ написано «Христосъ не спаситель и не исцѣлитель, но нѣкій равноухій». А по нашему, что̀ равноухій, что̀ дуракъ—все равно.

Архим. Неужели вы простые и неученые Христа знаете, а мы пресвященные, да не знаемъ?

Март. Да развѣ вы не знаете, что̀ Евангеліе глаголетъ? «Отымется отъ премудрыхъ и разумныхъ и откроется то младенцамъ».

Архим. Или ты младенецъ?.. (Обратясь къ здѣ стоящимъ). Онъ противу меня помышляетъ, а я противу его неушто науки не видалъ? И Мартыну рече: Хотя ты мало знаешь, да много говоришь!

Март. Да! Евангеліе глаголетъ: «Аще ведени будете предъ цари и владыки имене Моего ради, не пецытеся, что̀ возглаголати или отвѣщати: Духъ бо Святый въ той часъ, что̀ подобаетъ рещи, возглаголетъ въ васъ».

Другій архимандритъ рече: Что̀ ты дерзко и много глаголешь противу освященныхъ!?

Март. Пророкъ Давидъ пишетъ: «Глаголахъ о свѣдѣніихъ Твоихъ предъ цари и не стыдихся».

Архим. Перестань, дружокъ, много говорить! Послушай насъ, поди въ церковь нашу! Аще не пойдешь, въ солдаты отдадимъ.

Март. И въ законе того не бывало, чтобы два брата служили: тамъ только братъ за брата служитъ, но за меня братъ уже служитъ. А на поселеніи хошь нашихъ сродственниковъ и нѣтъ, за то я пойду.

Архим. Да пути еще не знаешь, какой есть тотъ дальній путь прискорбный!

Март. Писаніе глаголетъ: узкій и прискорбный путь ведетъ въ животъ вѣчный.

Секретарь рече: Отпустите! Его вамъ не переговорить... И тако Мартына отпустиша.

*

Наутріе паки призваша его предъ столькихъ же сидящихъ, сколько было.

Мартынъ рече: А я думаю, вы, выслушавъ меня, поняли и разсудили, что неправо ваше дѣло. О мнѣ вы помышляете, чтобы азъ склонился къ вашей церкви; но аще и годъ меня здѣсь продержите или жить оставите, то я не буду склоненъ. Лучше вы останьтесь съ покоемъ на счетъ вашего увѣщанія, а меня отпустите въ назначенный Богомъ мнѣ путь.

Протопопъ рече: Да Богъ ли тебя посылаетъ на поселеніе?!

Март. Воистинну глагола Господь во Евангеліи: «безъ воли Божіей власъ главы вашея не погибнетъ», а я больше власа, такъ полагаю, что вѣсть о мнѣ Господь.

Прот. Ты видишь, что преосвященные съ тобой говорятъ кротко и упорствуешь; но если бы, протягнувше, кожу съ тебя содрали, тогда бы ты смирился.

Март. Христосъ, апостоловъ посылая, не повелѣлъ имъ бити, но только слово Божіе проповѣдати, глаголя: «аще кто вѣру иматъ и кре-

стится, спасенъ будетъ; аще кто вѣры не имѣтъ и не крестится, осужденъ будетъ», тѣмъ же образомъ и вамъ подобаетъ учити, а не бити.

Архим. Мы тебя не били.

Март. Меня уже такъ били, что тѣло съ кровію смѣсили.

Архим. Кто тако казнилъ тебя?

Март. Не вѣмъ.

Архим. Глупъ же онъ былъ, что худо тебя наказалъ: слѣдовало бы и кожу содрать!

Март. Вотъ и правда, вы мучители, а не учители.

Простой попъ подошелъ съ табакомъ и сказалъ: На, раскольникъ понюхай табаку!

Март. Какъ не совѣстно! Кажись знатный человѣкъ и хорошій, а какую скверность принимаетъ въ нетребующее естество! Отъиди отсюда, чтобы я не видалъ тебя съ сею скверною!

Попъ же озлобился и кинулъ щепоть табаку на Мартына.

Март. Вотъ ты сталъ Жидамъ подобенъ.

Попъ. Почему?

Март. Потому, что Жиды на Христа плевали и метали, тако и ты.

Попъ. То Христосъ.

Март. А я рабъ Христовъ.

Попъ. Что̀ ты со мною много разговариваешь; не думаешь, что я свяжу тебя?!

Март. Не можешь ты меня рукою тронуть.

Попъ. Я тебя въ яму посажу!

Март. Я не боюсь ямы: яма домъ мой, только ты остерегайся, чтобы со мною не попалъ!

Попъ. За что?

Март. За то, что ты со мною грубо поступаешь. Ты учитель и пастырь и долженъ дѣтей своихъ учити, чтобы были кротки и смиренны, а ты самъ, яко козелъ.

Секретарь глагола: Отпустите его; вамъ не переговорить его!

Архим. Пусть поговоритъ съ нимъ третій архимандритъ!

*

Третій архим. Скажи, дружокъ, откуда вы сію вѣру приняли?

Март. Отъ Святаго Писанія.

Архим. Давно ли она проявилась?

Март. По вознесеніи на небеса Господа нашего Іисуса Христа.

Архим. А наша давно ли?

Март. Вы сами знаете.

Архим. Мы знаемъ, что отъ Христа.

Март. А много ли Христу лѣтъ?

Архим. 1825 лѣтъ.

Март. Истинно, но есть ли у васъ книги служебныя, которымъ бы лѣтъ двѣсти или сто было?

Архим. Мы выходовъ не смотрѣли.

Март. А мы видали, что въ Никоновыхъ книгахъ выходовъ не показано; а если книги отъ Никона, то и вѣра и щепоть отъ Никона.

Архим. У васъ развѣ нѣтъ Никоновыхъ книгъ? Да, правда, я знаю что его книги вамъ не годилися. Онъ, по вашему, древнія искоренилъ а свои изложилъ; но послѣ его намѣстники поумнѣе вышли и написали книги, какъ имъ вздумалось, а прежнихъ святыхъ патріарховъ въ небреженіи оставили.

Тутъ Мартынъ усмѣхнулся.

Архим. Чесо ради смѣешися?

Март. Мнѣ чудно: вы Никоновыхъ книгъ не принимаете, а за святого его почитаете и панихиды по немъ поете и милости отъ него просите.

Архим. Поди, дружокъ, лучше подумай! Обратись къ православной церкви!

Мартынъ пошелъ и глагола: я завсегда въ ней пребываю.

*

На третій день паки призваша Мартына.

Архим. Одумался ли другъ? Оставь свое дурачество, послушай насъ, иди въ нашу вѣру.

Март. А я больше ни о чемъ не думаю, какъ только бы скорѣе въ дорогу итти.

Архим. Что̀ очень торопишься? Наскучитъ сія дальная дорога, тогда спокаешься.

Март. Святые мученики въ огонь съ радостію шли, азъ ли въ дорогѣ спокаюсь? Я и въ огонь съ радостію готовъ, не только въ Сибирь идти.

Архим. Теперь такъ говоришь и гордишься, а въ дорогѣ смягчишься, съ плачемъ заговоришь, да не воротишься.

Март. А зачѣмъ я буду плакать, когда радость со мною будетъ.

Архим. Какая?

Март. Господь.

Архим. Ты говоришь, Господь съ тобою, а сами Его отчаялись.

Март. Почему?

Архим. Потому что не принимаете Святыхъ Таинъ.

Март. Вы не знаете, что когда я достоинъ бываю, тогда отъ пречистыхъ рукъ Тѣло и Кровь Христову принимаю.

Архим. А кто у васъ таинство совершаетъ?

Март. Господь, Котораго не мы, а вы сами отчаялись.

Архим. Какъ?!

Март. Вы тако читаете: «Спаси, Спасе, насъ люди отчаянные».

Архим. А у васъ какъ читаютъ?

Март. Спаси, Спасе нашъ, люди согрѣшшіе.

Архим. Это все равно, что отчаянные, что согрѣшшіе.

Март. Не все равно: ради грѣшныхъ Господь сниде на землю, а отчаянные бѣси; ихъ Господь не призираетъ и намъ отчаятися не повелѣваетъ.

Архим. Гдѣ о семъ написано?

Март. Напечатано въ Часословахъ на девятомъ часѣ, или въ воскресныхъ тропаряхъ осмаго гласа: иже насъ ради рождься отъ Дѣвы.

Архим., прочитавъ весь тропарь, глагола: Справедливо! Это съ Греческаго языка на Славянскій не точно перевели. Подобно сему погречески читаемъ вѣкомъ, а по славянски вѣковъ.

Март. А мы и нынѣ вѣкомъ читаемъ, смотря на Ефрема Преподобнаго. Онъ пишетъ: ковъ значитъ лукавъ и ковъ есть діаволъ, яко на всякъ часъ куетъ намъ узы грѣха и копаетъ рвы и ямы беззаконія.

Архим. Видно, тебя не переговорить; но жалѣемъ, что остаешися въ своемъ заблужденіи и душу свою во адово дно низводишь.

По сихъ престаша отъ увѣщанія и отпустили Мартына изъ Консисторіи.

*

Потомъ держали его двѣ недѣли, но токмо ни единаго слова не не глаголаша о Божествѣ. О томъ Мартынъ радовался, понеже побѣди множество освященныхъ своимъ простодушествомъ и благодарилъ Бога, даровавшаго ему смѣлость и хорошъ гласъ, яко говорилъ и думалъ предъ ними не яко предъ духовные начальники, но яко предъ простыми и не учеными людьми. Мы полагаемъ, потому Богъ дарова ему смѣлость, яко Мартынъ много претерпѣлъ. Еще ранѣе приглашаемъ онъ былъ на каждый день къ допросу, гдѣ допрашивая его ласкою, послѣ наказоваша біеніемъ и розгами. Во всю четыредесятницу пищу давали ему только полфунта хлѣба и малу чашу воды.

Тако доблественный сей страдалецъ все претерпѣ съ радостію токмо не вѣмъ, како идетъ дорогою. Здѣ въ замкѣ пока содержался, прошаша на себя оковы, а когда въ путь отправлялся, и стали въ кандалы заклепывать, тогда Мартынъ перекрестился, и въ слухъ всѣмъ молитву сотворя, рече: «Азъ грѣшный Мартынъ надѣваю оковы, якоже и Павелъ апостолъ».

*

А всего страданія подробну описать на сей бумагѣ не могъ и разумъ мой не достигъ.

*

Сіе увѣщаніе было въ 1825 году мѣсяца Августа на послѣднихъ дняхъ въ Москвѣ. Сей Мартынъ Христіанинъ, а родители его невѣрніи Московской губерніи Дмитріева Экономической волости.

(Сообщилъ Александръ Можаровскій).

ПЕРЕВОДЫ СОЧИНЕНІЙ К. П. ПОБѢДОНОСЦЕВА НА ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ.

Московскій Сборникъ.

Франц. Questions religieuses, sociales et politiques. Pensées d'un homme d'état. Paris. 1897. Текстъ просматривалъ Леонъ Буржуà.

Нѣмец. 1. Streitfragen der Gegenwart, übers. Borchardt. Berlin. 1897.

2-te Sammlung. Moskovitiche Studien übers. Wohlbrück. Dresden. 1904.

Анг. Reflections of a Russian Statesm an, transl. by hong. Preface by Olga Novikoff. Lond. 1898. Изданіе Стеда.

Груз. Грузинскій, изд. въ Тифлисѣ 1895. Типографія Шарадзе.

Япон. Японскій, изд. въ Токіо.

Серб. Мисли о цркви, држава, Ѳрери. Перев. Архим, Дучачъ. Бѣлградъ. 1899.

Славян. Nemoci rasi doby Uvahy. Pebedenotcev. Z rustiny prelozil Ian Heyret. V Tyne nad Vltavou. 1904.

Изданное въ 1881 году „Доброе слово воспитанникамъ Духовныхъ Семинарій и Академій по поводу нынѣшнихъ страшныхъ событій. СПб. 1881. Синод. типографія. Переводъ, сдѣланный баронессою Раденъ, изд. въ Бременѣ, съ предисловіемъ пастора Дальтона. Ein herzliches Wort an unsre Jugend. Bremen. 1882.

Переводъ книжки: *Ученье и учитель*, на Греческомъ языкѣ, сдѣланный Г. Сакелларіу, изд. въ Одессѣ въ 1903 г. подъ назв. Didaskalia kai Didàskaloi. Типогр. Хрисогену.

ПОПРАВКИ.

Въ статьѣ М. К. Соколовскаго „Русская Гвардія“ примѣчаніе на стр. 23-й должно быть отнесено къ приказу 27 Октября 1819 г.; примѣчаніе на стр. 24-й къ приказу 20 Ноября 1821 г. и примѣчаніе на стр. 37-й къ приказу 17 Іюля 1826 г.

На стр. 141. Слѣдовало вмѣсто напечатаннаго: „М. М. (т. е. Марья Михайловна) Розбергъ сообщила мнѣ, что этого не нашлось, „недоумѣваю, куда оно дѣлось“.

На стр. 476 вм. *Гнѣздо и памятникъ дѣла насилья* **надо: Гнѣздо и памятникъ насилья.**

НЕКРОЛОГИ.

Н. А. Найденовъ.

(† 28 Ноября 1905).

Въ недостигшемъ еще маститой старости Николаѣ Александровичѣ Найденовѣ Москва утратила одного изъ достойнѣйшихъ своихъ гражданъ. Онъ обучался въ Московскомъ Нѣмецкомъ Петропавловскомъ училищѣ; но какъ часто случается, что, побывавъ въ чужихъ краяхъ, сильнѣе и сознательнѣе любишь родину, такъ и Н. А. Найденовъ, получившій основательное Европейское образованіе, оставался вѣренъ вѣковѣчнымъ началамъ разумной Русской жизни. Намъ мало знакома его многолѣтняя дѣятельность по предсѣдательству Московскаго Биржевого Комитета; но въ предѣлахъ нашего вѣдѣнія не можемъ относиться иначе, какъ съ глубокимъ, почтительнымъ сочувствіемъ къ трудамъ, которымъ посвящалъ Н. А. Найденовъ свои досуги и плодами которыхъ останутся навсегда его изданія Московскихъ древностей. Онъ напечаталъ также Писцовую книгу родной ему Рязани 1598 года. Онъ устроилъ при Московской Биржѣ превосходную библіотеку. Пожалованный за свои заслуги высокимъ чиномъ, онъ до конца напоминалъ однако собою про ту самородную дубовую рощу, которая еще не источена короѣдомъ чинобѣсія и о которой такъ прекрасно писалъ В. А. Кокоревъ („Русскій Архивъ" 1887 года). П. Б.

Альфредъ Рамбо̀.

Въ Парижѣ 10 Ноября (н. счета) скончался 63-хъ лѣтъ отъ роду историкъ Альфредъ Рамбо̀, членъ Института, бывшій два года министромъ народнаго просвѣщенія. Имя это дорого и Русскому просвѣщенію. Будучи преподавателемъ Греческаго языка въ городѣ Канѣ (близъ Гавра), онъ занялся исторіею Византіи, и плодомъ его изученія Византійскихъ историковъ явилась книга о Константинѣ Багрянородномъ. Въ этой книгѣ заявленъ упрекъ Западной наукѣ въ равнодушіи къ Восточной Римской Имперіи, которая, при всей безнравственности своихъ правителей, на цѣлую тысячу лѣтъ пережила Западную сестру свою и сохранила Европѣ плоды классической образованности. Мысль о томъ, что Россія въ просвѣтительныхъ началахъ своихъ есть наслѣдница Византіи побудила Альфреда Рамбо̀ къ изученію нашего отечества и его исторіи. Онъ выучился по-русски, и когда я посѣтилъ его въ Нанси, у него цѣлая комната наполнена была Русскими книгами. Позднѣе я переписывался съ нимъ по-русски. Его Русская Исторія (до нынѣшнихъ временъ) написана съ точностью и безпристрастіемъ, въ изложеніи изящномъ. Она переведена на Русскій языкъ и можетъ служить отличнымъ учебникомъ. Онъ любилъ Россію, и въ ней были у него друзья. П. Б.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ „РУССКОМЪ АРХИВѢ“

1905 года *).

*) 12 выпусковъ „Русскаго Архива“ составляютъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ. Въ этомъ Указателѣ ко всему годовому изданію Римскою цифрою означена книга, Арабскою страница оной.

*

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ

«РУССКАГО АРХИВА»

1905 года.

(выпуски 9, 10, 11 и 12).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1906 года.

«Русскій Архивъ» вступаетъ въ **сорокъ четвертый** годъ существованія. Цѣлое поколѣніе перешло на вторую половину жизни со времени его основанія, и теперь осталось немного лицъ, получавшихъ его въ 1863 году. Превратностей было довольно. Одни на него негодовали за то, что это изданіе яко бы правительственное и посвящено прославленію лицъ силу и власть имущихъ; другіе почитали его нескромнымъ и вреднымъ разгласителемъ яко бы семейныхъ тайнъ. До двадцати разъ «Русскій Архивъ» былъ арестуемъ, и послѣдній разъ не далѣе какъ въ 1904 году (за письма принцессы Елисаветы Ангальтъ-Сербской). Не пощажены

были и прекрасныя записки игуменьи Евгеніи Озеровой, а Рижскія письма Самарина сожжены въ Басманной части. Утомлялся «Русскій Архивъ» также изданіемъ «Архива князя Воронцова», котораго вышло въ теченіе 25-ти лѣтъ сорокъ книгъ, полныхъ историческаго значенія.

Такимъ образомъ, «Русскому Архиву» можно не прибѣгать, при открытіи новаго годового изданія, къ заманкамъ и посуламъ; но читатели, надѣюсь, останутся довольны, узнавъ, что въ 1906 году продолжатся статьи В. А. Кожевникова о Русскомъ мыслителѣ Н. Ѳ. Ѳедоровѣ, появится переписка Ѳ. В. Чижова и будутъ печататься письма А. Я. Булгакова.

П. Бартеневъ.

мыми, превосходно изданная г. Лукьяновымъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями. Въ нашей исторической словесности трудно встрѣтить что-либо по этой части болѣе цѣнное. Старинная жизнь такъ живьемъ и выступаетъ тутъ.

Для новой Русской исторіи важна записка іеромонаха Іоны о пребываніи Французовъ въ Москвѣ въ 1812 году. Въ ней описаны грабежи и жестокости, произведенные сынами великой Французской революціи у насъ на Тверской на Саввинскомъ подворьѣ. Вѣроятно въ архивѣ Св. Синода или Государеваго кабинета сохранились подобныя записки и о другихъ Московскихъ монастыряхъ, такъ какъ императоръ Александръ въ 1817 году выразилъ князю А. Н. Голицыну желаніе покороче узнать о томъ, что̀ творилось тогда въ Московскихъ монастыряхъ и церквахъ, при чемъ не предполагалось „ни обслѣдованій, ни сужденій о лицахъ, а чистосердечное объявленіе“.

Въ X-й книгѣ находимъ два прекрасныхъ стихотворенія: одно князя А. И. Одоевскаго (тоска изгнанника по старикѣ-отцѣ) и другое князя П. А. Вяземскаго: М. Ѳ. Бирилевой.

Въ концѣ книги помѣщенъ альбомъ Н. Д. Иванчина-Писарева съ предисловіемъ Н. П. Барсукова. Про владѣльца этого альбома хорошо сказано кн. П. А. Вяземскимъ: „изъ твореній его, можетъ быть, и немногому научишься, но изъ жизни его научишься уважать занятія литературныя и облагораживать свои способности“. П. Б.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1906 года.

(Годъ 44-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1906 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Рускаго Архива", на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

☛ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Годовыя изданія „Русскаго Архива" прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: 1874 годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы 1877, 1879, 1884 и 1886—1889 по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р.; годы 1890 — 1892, 1894 и 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы 1898—1904 по 8 р., съ пересылкою по 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно съ 9 часовъ утра до 5-ти пополудни; для переговоровъ съ издателемъ—Четвергъ; отъ 1 до 5-ти часовъ.

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива» прежнихъ годовъ можно получать по 1 рублю.

Продолжается подписка на РУССКІЙ АРХИВЪ 1905 года. Подписчики 1906 года, покупая вмѣстѣ и весь 1905 годъ, платятъ вмѣсто 18 рублей—17 рублей.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**